

К. Ф. ЛЕДЕБУР
А. А. БУНГЕ
К. А. МЕЙЕР

Путешествие
по
Алтайским
горам
и
джунгарской
Киргизской
степи

«НАУКА»
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

К. Ф. ЛЕДЕБУР
А. А. БУНГЕ
К. А. МЕЙЕР

Путешествие
по
Алтайским
горам
и
джунгарской
Киргизской
степи

Ответственные редакторы
доктор исторических наук *О. Н. Вилков*
академик *А. П. Окладников*

ВО «Н А У К А»
НОВОСИБИРСК
1993

Рецензенты

доктора биологических наук П. В. Крылов, А. В. Куминова
академик РАН Н. Н. Покровский

Утверждено к печати
Институтом истории СО РАН

Ледебур К. Ф. и др.

Л33 Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи / К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге, К. А. Мейер: Пер. с нем. / В. В. Завалишин, Ю. П. Бубенков. — Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. — 415 с.

ISBN 5—02—029880—8.

В 1826 г. трое ученых-естествоиспытателей предприняли путешествие на Алтай и в Восточный Казахстан. Они дали научное описание местной флоры и фауны, став первооткрывателями многих растений, которые и поныне носят их имена. Был собран также уникальный материал о быте русских, алтайцев, казахов, киргизов, о бухтарминских раскольниках и беглых с колыванских заводов. Дневники путешественников были изданы в Берлине в 1829—1830 гг. и никогда не переводились на русский язык.

Книга адресована работникам науки, вузов, школ, библиотек, музеев, краеведам и всем интересующимся прошлым нашей страны.

Л 0502000000—032 КБ—50—95—1992
042(02)—93

ББК 26.89 + 63.2

ISBN 5—02—029880—8

© Институт истории СО РАН, 1993
© Российская Академия наук, 1993

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая вниманию читателей книга является переводом коллективного труда трех известных ученых-естествоиспытателей — Карла Фридриха Ледебура, Александра Андреевича Бунге и Карла Антоновича Мейера, посетивших Алтай и Восточный Казахстан в составе экспедиции, организованной Дерптским университетом летом 1826 г. в целях изучения местной флоры. Экспедиция К. Ф. Ледебура работала в Алтайском горном округе всего девять месяцев с небольшим (март — декабрь), но результаты ее работы поистине замечательны. Коллекции, собранные участниками экспедиции, легли в основу 4-томного труда К. Ледбура «Flora Altaica» («Флора Алтая»), вслед за которым появилась его же капитальная «Flora Rossica» («Флора России») (4 тома в 6 выпусках, 1842—1853), сделавшая целую эпоху в истории русских ботанических исследований и положившая начало трудам по систематике растений и ряду других трудов по флоре России, и в частности Сибири.

Хотя со времени этой экспедиции минуло уже 166 лет, дневники К. Ф. Ледбура, А. А. Бунге и К. А. Мейера доступны лишь узкому кругу специалистов, так как вышедшие в 1829—1830 гг. в двух томах в Берлине на немецком языке¹, они не переводились полностью на русский язык и не издавались в России². Между тем эта книга представляет немалый интерес и для широкого читателя. Она ценна обилием научных сведений не только для историков, ботаников, зоологов, этнографов, географов и краеведов. Ее с интересом прочтут и преподаватель, студент, учащийся, рабочий, колхозник — всякий интересующийся историей и природой нашей Родины. Читатель найдет в книге немало ярких, красочных страниц, которые познакомят его с первобытной красотой природы русского Алтая, с нра-

вами и обычаями людей, населявших Алтай и Казахстан в начале прошлого столетия, — русских, алтайцев и казахов, с родом их занятий, с их культурой.

Первые русские поселенцы в предгорьях Алтая появились в XVII в. Это были бежавшие от помещичьего гнета крестьяне, спасавшиеся от рекрутчины солдаты, раскольники и прочие обездоленные люди. Одновременно с ними пришли сюда и военные правительственные отряды. Возникли первые города — Томск (1604), Кузнецк (1618) и другие, защищавшие население края от набегов джунгарских феодалов.

Необходимость ограничения ввоза в страну из-за границы цветных и черных металлов и развития производительных сил настоятельно требовала организации широких работ по поиску полезных ископаемых в стране. Поисковая деятельность развернулась и на Алтае. Берг-привилегия 1719 г. разрешила «всеми и каждому... какого бы чина и достоинства ни был» добывать и обрабатывать любые руды «на собственных, государственных и частновладельческих землях»³. В конце XVII — первой четверти XVIII в. русские местные и центральные власти получают все больше сведений о разведке местными жителями серебряных, медных и иных руд на Алтае. В 1717 г. томские крестьяне Степан Костылев и Федор Комар, идущие по следам рудных выработок древних металлургов Алтая, так называемой «чудии», сообщили сибирскому губернатору об открытии богатых месторождений серебряных и медных руд в северо-западных предгорьях Алтая⁴.

Крупнейший уральский промышленник А. Н. Демидов (1678—1745)⁵, узнав об открытиях группы Костылева, заинтересовался сибирскими рудами. В 1723 г. Демидов посылает своих приказчиков в предгорья Алтая. Осматривая места древних «чудских» работ, приказчики Демидова в сильно выветренных горных породах на г. Синюхе, близ оз. Колывань (ныне Колыванское) и впадающих в него речек Нижней Колыванки и других нашли в 1724 г. первые богатые месторождения руд. 19 января 1726 г. Демидов обратился в Берг-коллегию (горное ведомство того времени) с прошением

¹ Ledebour K. F. Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen Steppe... unternommen im Jahre 1826 in Begleitung der Herren D. K. A. Meher und D. A. von Bunge. Th. I. Berlin, 1829; Th. II. A. Bunge. Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges. Meyer C. A. Tagebuch einer Reise durch die Kirgisen-Steppe zum Noor-Saisan und Altyn-Tybe im Jahre 1826. Berlin, 1830.

² В извлечениях дневники А. А. Бунге печатались в русском переводе в «Томских губернских ведомостях» за 1876 г. (часть неофициальная № 29, 30, 31, 33, 34, 36, 37, 40, 43, 51) и за 1877 г. (4, 5, 7, 17, 20, 33), а результаты путешествия К. Ф. Ледбура в переводе П. П. Семенова изложены в различных главах II тома «Землеведения Азии» (СПб., 1859) К. Риттера, а также некоторыми другими исследователями, например Л. П. Потаповым (Очерки по истории алтайцев. М.; Л., 1953), З. Я. Бояршиновой (Крестьянская семья Западной Сибири феодального периода // Вопросы истории Сибири. Томск, 1967. Вып. 3. С. 18).

³ Полное собрание законов Российской империи. 1-е изд. Т. 5. № 3464 (далее — ПСЗ).

⁴ Малеев Л. Алтайский горный округ // Русская старина. 1909. № 8. С. 307—319; Карпенко З. Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700—1860 гг. Новосибирск, 1971. С. 9—10; Горняки Кузбасса. Новосибирск, 1971. С. 9—10.

⁵ БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 8. С. 72. Но Б. Б. Кафенгауз (История хозяйства Демидовых в XVII—XIX вв. М.; Л., 1949. С. 178) считает, что А. Н. Демидов умер в 1747 г.

о разрешении ему строить медеплавильные заводы на Алтае, «в старых татарских пустых вотчинах» по рекам Алею и Чарышу. В следующем прошении Демидова от 4 февраля 1726 г. говорилось о поисках не только медных, но и золотых и серебряных руд. Одновременно он претендовал и на монополию строительства заводов и рудников: «И ежели же где приищется впредь медные, серебряные, золотые руды, чтобы нам копать их было не отводным же числом и заводы заводить не против привилегии, а другим в тех местах для копки руд и построению заводов мест не отдавать и не отводить»⁶.

16 февраля 1726 г. Берг-коллегия вынесла «приговор» о разрешении Демидову строить заводы на Алтае, в Томском и Кузнецком уездах. Указ от 12 ноября 1736 г. разрешал А. Н. Демидову строить медеплавильные заводы по Иртышу и Оби и запрещал другим заводчикам вести работы там, где находились рудники Демидова⁷.

Пробная выплавка меди в истоках реки Локтевки, притока Алея, началась в 1726 г. с постройкой плавильного горна. Затем число печей возросло до трех. Но в 1727 г. из-за маловодности Локтевки было принято решение перенести завод на р. Белую, ближе к Колыванскому озеру, и назвать Колыванским. По данным демидовских приказчиков, завод был пущен в ход 21 сентября 1729 г.⁸ К северу от Колыванского завода, при впадении Барнаулки в Обь, началось в 1740 г. строительство Барнаульского медеплавильного завода, закончившееся в 1744 г. К юго-западу от Колыванского завода, на Шульбе, притоке Иртыша, Демидов начал строить в 1744 г. третий свой алтайский завод — Шульбинский, который не был построен и после перехода демидовских заводов к Кабинету был закрыт⁹. От первого Колыванского завода и первого Воскресенского рудника получили свое название и все алтайские заводы и рудники — Колывано-Воскресенские. Выплавка меди на них колебалась в 1726—1747 гг. от нескольких сотен до нескольких тысяч пудов в год¹⁰.

Возникшие в малолюдных предгорьях Алтая и заложившие основы крупнейшего центра цветной металлургии в России, Колывано-Воскресенские заводы А. Н. Демидова представляли собой предприятия мануфактурного типа. На них было сконцентрировано значительное число рабочих, осуществлялось разделение труда, преобладало ручное производство, частично применялась механизация наиболее трудоемких процессов с помощью водяных колес, приводивших в действие воздуходувки, молоты, толчеи, пилы¹¹.

На алтайских заводах и рудниках с самого начала использовался труд вольнонаемных рабочих. Указ 31 марта 1726 г. о строительстве заводов на Алтае разрешал А. Демидову нанимать рабочих людей с паспортами «вольной ценой». Недостаток пришлых людей с паспортами вынудил А. Демидова пополнять рабочие кадры алтайских рудников и заводов беглыми крестьянами, переводом своих крепостных с Урала и припиской кузнецких и томских государственных крестьян по распоряжению пра-

вительства¹². К 1747 г. Демидов успел уже приписать к своим алтайским заводам и рудникам 4286 ревизских душ крестьян Кузнецкого уезда¹³. В 1745—1747 г. из 4879 ревизских душ крестьян, работавших на алтайских заводах, «пришлых и не знающих родства» было 3979 человек; из 736 «мастеровых и работных людей и заводских обывателей» мужского пола было 254 «пришлых и не знающих родства»¹⁴. Они поступали на завод по вольному найму, но при содействии правительства в первую же ревизию прикреплялись к предприятиям. Недостаток свободных рабочих рук приводил к тому, что предприниматель стремился закрепить работников за предприятием, используя для этого феодальное государство. Наемный труд превращался в принудительный¹⁵.

Перевод вольнонаемных мастеровых на положение «вечноотданных» и приписка к демидовским заводам государственных крестьян вызвали массовое сопротивление с их стороны¹⁶.

В начале 40-х годов Берг-коллегия стало известно, что служившие у Демидова специалисты научились выделять из алтайских полиметаллических руд, богатых медью, свинцом и цинком, серебро и золото, и это послужило причиной того, что заводы у Демидова были отобраны.

Указом 12 мая 1747 г. императрица Елизавета Петровна повелела демидовские алтайские рудники и «заводы и прочее на Иртыше и Оби реках, и между оными все строения, какие обретаются, заведенные от помянутого Демидова, со всеми отведенными для того землями... и с мастеровыми людьми, собственными его Демидова и с приписными крестьянами... взять на нас»¹⁷ с уплатой наследникам Акинфия Демидова 40 тыс. руб.¹⁸ Взятые у А. Н. Демидова императрица передала в ведение Кабинета ее величества.

Императорский Кабинет, созданный Петром I в 1704 г. и восстановленный Елизаветой Петровной в 1741 г., являлся до 1786 г. органом общегосударственного управления с компетенцией, касающейся всех вопросов законодательства и управления. С развитием аппарата абсолютной монархии функции Кабинета сужались и он превращался в «учреждение, ведающее государеву казначейство и государственное имущество». Указ 16 июля 1786 г. предписывал Кабинету ведать «хозяйственной частью всех мест, ко двору принадлежащих». Устав Кабинета, утвержденный 24 июня 1827 г. после включения его в состав образованного 22 августа 1826 г. нового Министерства императорского двора и уделов, определял Кабинет как «установление, заведывающее собственностью царствующего императора и распоряжающееся ею, на основании именных высочайших указов и повелений, равно в силу своего учреждения». Кабинет стал главным хозяйственным органом коронного ведомства, монархии как государственного института, ибо личное имущество царя, не принадлежащее ему по титулу императора, управлялось не Кабинетом,

⁶ Цит. по: Карпенко З. Г. Горная... промышленность... С. 47—48.

⁷ История Кузбасса. Кемерово, 1967. Т. 1 — 2. С. 52; История Сибири. Л., 1968. Т. 2. С. 228; ПСЗ. Т. 10. № 7548; Карпенко З. Г. Горная... промышленность... С. 48.

⁸ Карпенко З. Г. Горная... промышленность... С. 55.

⁹ Там же. С. 56—57.

¹⁰ История Сибири. Т. 2. С. 230.

¹¹ Карпенко З. Г. Горная... промышленность... С. 57; История Сибири. Т. 2. С. 230.

¹² История Кузбасса. Т. 1. С. 86.

¹³ См.: Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск, 1965. С. 209.

¹⁴ Кафенгауз Б. Б. История хозяйства Демидовых... С. 228.

¹⁵ История Сибири. Т. 2. С. 230.

¹⁶ См.: История Кузбасса. Т. 1. С. 89.

¹⁷ ПСЗ. Т. 12. № 9403; История Кузбасса. Т. 1. С. 90.

¹⁸ См.: Жидков Г. П. Кабинетское землевладение (1747—1917). Новосибирск, 1974. С. 61.

а уделами¹⁹, образованными в 1797 г. из дворового ведомства.

С передачей в ведение Кабинета алтайских владений А. Демидова «с приграниченными» из государственных земель территориями Белоярской и Малышевской слобод, Бикатунской крепости и Бердского острога было положено начало превращению Кабинета и в алтайского заводоладельца и землевладельца и образованию здесь кабинетской (коронной) собственности, отличной по всему характеру от собственности государственной и удельной²⁰. Пользуясь привилегиями ведомства, подчиненного непосредственно царю и изъятого из ведения высших установлений империи и неподотчетного государственному казначейству и государственному контролю, Кабинету удалось к началу второй четверти XIX в. за счет приписной государственной земли расширить территорию своего владения между Иртышом и Обью до 450 000 кв. км., а численность подневольных рабочих (17 000 чел.) и приписных крестьян (86 000 ревизских душ) на ней довести до 103 000 чел.²¹

Количество проживающих на этой территории в 1825 г. представителей прочих категорий населения (душ мужского пола): государственных крестьян, однодворцев, поселенцев, казаков, мещан, купцов, чиновников, «ясашных инородцев» русского происхождения, алтайцев было невелико и едва ли превышало численность подневольных рабочих²².

По своим размерам территория кабинетского хозяйства на Алтае превышала площадь таких стран Западной Европы, как Англия, Голландия и некоторые другие. На бывшей алтайской территории Кабинета в настоящее время находятся Алтайский край, Кемеровская и Новосибирская области, часть Томской, Павлодарской, Семипалатинской и Восточно-Казахстанской областей²³. Для управления данной территорией с расположенными на ней заводами, рудниками, населением был учрежден округ Колывано-Воскресенских горных заводов, переименованный в 1831 г. в Алтайский горный округ²⁴, на территории которого царскому Кабинету было предоставлено монопольное право использования рудных месторождений, лесов, заведений «отгнействующих» предприятий и привлечения десятков тысяч

крестьян, обитавших на этих землях, к несению заводских повинностей²⁵.

Для усиления внеэкономического принуждения занятого в кабинетском производственном процессе зависимого населения всех категорий к непрерывному и производительному-прибыльному труду была установлена строгая система централизованного управления, организовавшая всю работу и быт колывано-воскресенских рабочих по военному образцу. По этой системе главное управление округом Колывано-Воскресенских горных заводов возлагалось на находящийся в Петербурге Кабинет. После 32-летнего кабинетского управления округ перешел в 1779 г. в исключительное ведение колыванской окружной (губернской) власти, которой были переданы права суда, расправы и принуждения феодально-зависимого населения к выполнению и заводских повинностей. С марта 1797 г. округ снова управляется Кабинетом с изъятием из управления Тобольской губернии. Но затем Павел I Алтайские рудники и заводы передал под управление Берг-коллегии, а драгоценные металлы, поступающие с них, обратил в доход казны. Александр I 22 марта 1801 г. издал указ «о бытии Колывано-Воскресенским заводам в ведении Кабинета... а с ними вместе отдать в распоряжение кабинета и золото и серебро с тех заводов на Монетном дворе состоящее». С 14 апреля 1830 г. Колывано-Воскресенский округ находится под управлением департамента горных и соляных дел Министерства финансов, которому были переданы целиком кабинетский аппарат в Барнауле и горное отделение Кабинета в Петербурге. Закон о передаче оговаривал сохранение округа в собственности короны: «Заводы, как и ныне, остаются частною собственностью нашей, одно управление оными передается министру финансов». Министерство финансов обязывалось «ни в какие расчеты с Кабинетом не входить» и выплачивать ему ежегодно стоимость 1 000 пудов серебра, поступавших с Алтая. Указом 27 мая 1855 г. Алтайский округ снова передавался под управление Кабинета. Подобными передачами пытались гальванизировать дряхлеющее тело феодализованной алтайской мануфактуры, ибо при каждой из этих передач происходили не только аннулирование ее долгов казне, но и перекладка на казну расходов по организации и содержанию алтайских предприятий при сохранении права на доход от выплавки 1 000 пудов алтайского серебра за царским Кабинетом. Получалось, что в период кризиса феодально-крепостнической системы в России кабинетские предприятия стали паразитировать не только на экономике Сибири, но и России в целом²⁶.

Местное управление округом Колывано-Воскресенских горных заводов осуществляла расположенная в 1747—1748 гг. в Колывани, а с 1749 г. в Барнауле Канцелярия Колывано-Воскресенского горного начальства, непосредственно подчинявшаяся Кабинету. Канцелярия осуществляла не только хозяйственное, но и общее административное управление заводским округом и его населением, имела в своем распоряжении военную силу и суд. Солдаты горного батальона использовались кабинетским начальством для охраны коронной собственности, подавления волнений подневольных мастеровых и приписных крестьян. Канцелярию

¹⁹ См.: Жидков Г. П. Кабинетское земле-
владение... С. 52—53; Он же. То же: Автореф.
дис... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1974.
С. 12.

²⁰ История Сибири. Т. 2. С. 240; Агапова
Т. И. Кабинетское хозяйство: 1747—1860 гг.:
Опыт социально-экономического исследования.
Автореф. дис... д-ра ист. наук. Л., 1969.
С. 24, 27; Жидков Г. П. Кабинетское земле-
владение... С. 53, 58, 60, 64 и др.

²¹ См.: Жидков Г. П. Кабинетск. землевла-
дение: Автореф... С. 13; Агапова Т. И. Каби-
нетск. хозяйство... С. 27; История Сибири.
Т. 2. С. 389; Карпенко З. Г. Горн.... промыс-
ленность... С. 149, 155.

²² См.: Жидков Г. П. Кабинетск. землевла-
д... С. 97—98; Петров В. И. К вопросу о
социальном происхождении сибирского казаче-
ства (XVII — первая половина XIX в.) // Эко-
номика, управление и культура Сибири
XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965. С. 208, 211,
215.

²³ См.: Карпенко З. Г. Горн.... пром-
ышл. ... С. 62; Жидков Г. П. Каб. земле-
влад. ... Автореф. ... С. 16.

²⁴ История Кузбасса. Т. 1-2. С. 53; История
Сибири. Т. 2. С. 240, 385; Горняки Кузбасса.
С. 12.

²⁵ Карпенко З. Г. Горн. ... пром. ... С. 62.

²⁶ Карпенко З. Г. Горн.... пром. ... С. 60—
64, 139—141; Жидков Г. П. Кабинет. земле-
влад. ... С. 73, 76—78; Агапова Т. И. Кабинет.
хозяйство ... С. 33; История Сибири. Т. 2.
С. 243; Фальк И. П. Записки путешествия
1768—1774 гг. СПб., 1824. С. 435; Кабу-
зан В. М. Народонаселение России в XVIII —
первой половине XIX в. М., 1963. С. 221;
ПСЗ. Т. 26. № 19 800.

возглавлял главный командир заводов, или, как его называли, начальник заводов, которому подчинялось все население округа, в том числе и командир воинской команды, находившийся до 1751 г. в прямом подчинении Кабинету. С преобразованием в 1779 г. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в Колыванскую горную экспедицию право суда и расправы над приписными крестьянами, а также возможность непосредственного принуждения их к выполнению заводских повинностей были отняты у нее и переданы администрации Колыванской области, отчего приписное крестьянство только выиграло.

После восстановления в 1797 г. Канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства с непосредственным подчинением Кабинету снова все население округа оказалось у нее в подчинении. Более того, по «учреждению» 1822 г. власть томского гражданского губернатора и главного начальника Колывано-Воскресенских заводов соединялась в одном лице. До 24 августа 1863 г. томскими губернаторами стали назначаться горные офицеры, начальники Колывано-Воскресенских (Алтайских) заводов, которым теперь подчинялись гражданские ведомства губернии. Принятым 16 апреля 1828 г. особым «учреждением» об управлении Колывано-Воскресенскими горными заводами утверждался сложившийся на заводах военно-феодальный строй и закреплялся их положение «государства в государстве». Главное управление заводами по этому «учреждению» принадлежало Кабинету, местное управление — начальнику заводов и Горному правлению в Барнауле, которым подчинялись Барнаульская, Павловская, Локтевская, Сузунская, Томская, Змеиногорская, Салаирская и Колыванская горные конторы и 10 земских управителей, ведавших отделениями, в которые входило по несколько волостей с приписными крестьянами. Горное правление ведало хозяйственными и судебными делами. Горной администрации подчинялись также суд, полиция и 10-й линейный Сибирский батальон (бывший Колывано-Воскресенский горный), обязанные обеспечивать выполнение населением феодальных повинностей и подавлять выступления крестьян и мастеровых против феодального гнета²⁷.

Создание и развитие кабинетского хозяйства на Алтае, как и в других местах феодально-крепостнической России, зиждилось не на капитале и конкуренции, а на монополии и владельческом праве²⁸.

Император, как коронованный собственник кабинетского хозяйства, наделил его такими исключительными правами, о которых обычно феодальные собственники не могли и мечтать. На территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа Кабинет стал монополистом земли, лесов и недр. Только он один, как землевладелец и заводовладелец, имел право добывать и перерабатывать алтайские полезные ископаемые и заводить «огнедействующие» предприятия. Территория его владения постоянно расширялась путем приращения смежных государственных земель. Кабинетское хозяйство было защищено от дробления и сохраняло свое территориальное единство. Даже в период кризиса феодально-крепостнической системы его территория не стала предметом купли и продажи, не расчленилась в арендное пользование. Она давалась в пользование лицам, несшим государственные и заводские повинности. В этом смысле исключе-

ние составляют два факта: номинальная передача в 1830 г. алтайского владения короны в аренду министру финансов и сдача в аренду участков золотопромышленникам. Только в непосредственном преддверии реформы, со середины 50-х годов XIX в. стало разрешаться в широких размерах отчуждение кабинетской земли в пользу групп населения и учреждений²⁹.

Финансирование кабинетского хозяйства, освобожденного от всех видов государственных налогов и сборов и пользовавшегося в неограниченных размерах бесплатной почтовой и телеграфной связью, производилось не только из собственных средств короны от соляных, ясячных сборов и доходов «от горнозаводской части», но и из средств государственного казначейства. Большинство долгов Кабинета государственной казне, как правило, не оплачивалось, а когда этих долгов накапливалось слишком много, предпринимались финансовые санкции, фактически освобождавшие кабинетское хозяйство от долга. К числу таких крупных мероприятий можно отнести освобождение кабинетского хозяйства от уплаты казне подушных податей с заводских и горных служителей, а в связи с этим и списание всего долга, накопившегося по этой статье к 1761 г. (кроме того, Кабинет освобождался от уплаты казне податей, следуемых по статье 563 Устава Горного о добываемых на Алтае металлов). Кабинет получил право из сузунской меди чеканить монеты на 200 000 руб., за счет чего производил взаиморасчеты с другими ведомствами. Когда в 1830 г. выяснилось, что финансирование Колывано-Воскресенских горных заводов (1 252 286 руб.) не укладывается в так называемые «комнатные» суммы императора и в объем монеты, выпускаемой Сузунским монетным двором, несмотря на его увеличение в XIX в. до 350 000 руб., то заводы передали в управление министру финансов на условиях кабальной аренды. И вновь корона, пользуясь своим владельческим правом, вышла из финансовых затруднений за счет государственной казны³⁰.

На службу интересам кабинетского хозяйства были поставлены также и результаты вольнонаородного и правительственного заселения и хозяйственного освоения территории Томского, Кузнецкого и других уездов, а результаты этого освоения были значительны. К 1719 г. русское мужское податное (10 223 чел.) и неподатное население только этих двух уездов, в пределы которых и укладывалось первоначально и алтайское кабинетское хозяйство, достигло 20 581 чел., в том числе 9540 ревизских душ крестьян всех категорий и разночинцев³¹. В 1747 г. их русское мужское податное население составило уже 28 695 ревизских душ, в том числе 25 795 ревизских душ государствен-

²⁹ См.: Агапова Т. И. Кабинет. хоз-во... С. 24—26; Карпенко З. Г. Горн. ... пром. ... С. 62; Жидков Г. П. Кабинет. землевлад. ... С. 60—61, 68—70; Голубев П. А. Горное дело и хозяйство Кабинета // Алтай: Историко-статистический сборник. Томск, 1959. С. 369.

³⁰ См.: Агапова Т. И. Кабинет. хоз-во... С. 30—33; Жидков Г. П. Кабинет. землевлад. ... С. 59, 87, 88; Влахопулов А. Свод законоположений и распоряжений, относящихся до поземельного устройства приписных крестьян, мастеровых и урочников Алтайского и Нерчинского округов. СПб., 1827. С. 28.

³¹ Водарский Я. Е. Численность русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. // Русское население Поморья и Сибири: Период феодализма... М., 1973. С. 200, 204.

²⁷ См.: Горняки Кузбасса. С. 63; Карпенко З. Г. Горн. пром. ... С. 62, 163, 140, 141; Жидков Г. П. Кабинет. землевлад. ... С. 76—79; Агапова Т. И. Кабинет. хоз-во... С. 32; История Сибири. Т. 2. С. 249.

²⁸ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3. С. 485—486.

ных крестьян и разночинцев³². Возросшая заселенность края позволила Елизавете Петровне вместе с переходящими от Демидова 4286 мастеровыми и приписными крестьянами подарить Кабинету еще 4664 новых приписных крестьян, а в 1747—1754 гг. принудительно переселить на саму территорию Колывано-Воскресенских заводов и прилегающих к ним местностей 1670 чел. — из самовольно поселившихся в различных районах Сибири и впервые записанных во вторую ревизию³³. Последующими приписками, распространенными на новые уезды из-за истощения резерва государственных крестьян в прежних, и естественным приростом самого приписного населения общее число приписных крестьян к 1797 г. удалось довести до 55 286 р. д. Приписка 1796 г., вызвавшая массовые волнения деревни, подавленные вооруженной силой, оказалась последней. После 1796 г. число приписных крестьян Алтая увеличивается почти исключительно за счет естественного прироста³⁴ и составляет в 1811 г. — 84 064, в 1815 г. — 86 955, в 1833 г. — 112 262 р. д.³⁵

Кроме крестьян, к заводам приписывались и подчинялись канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства купцы, мещане, посадские, цеховые и разночинцы. В 1796 г. в Колыванском наместничестве жил 691 мещанин, приписанный к заводам, в том числе: в г. Бийске — 618, в Кузнецке — 21, в Колывани — 36, в Семипалатинске — 16. В Нижне-Барнаульской слободке числилось в это время 197 приписных разночинцев. В то же время несостоятельных купцов и мещан, живших вне города, стали в XVIII в. перечислять в приписные крестьяне. Таковых в 1796 г. в Колыванском округе было 101 чел.³⁶

По указу 12 января 1761 г. Кабинет получил право назначать и проводить рекрутские наборы. Рекрутов, набранных из приписанных к Колывано-Воскресенским заводам крестьян, посадских, разночинцев, Кабинет отправлял не в армию, а на свои заводы в качестве потомственных подневольных мастеровых, число которых он стал также увеличивать и за счет разорившихся приписных крестьян. Последние по существу были продуктами первоначального накопления, но в силу господства феодально-крепостнических отношений в стране отправлялись на алтайские предприятия методами внеэкономического принуждения³⁷.

Главной отраслью этого привилегированного алтайского кабинетского хозяйства, разветвлявшегося на основе феодальной соб-

ственности на землю и применения преимущественно подневольного труда, являлось производство драгоценных металлов (золото, серебро), выплавке которых и была подчинена вся деятельность обширного Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа. Особенно бурно оно развивалось во второй половине XVIII в., когда феодальная система в России была еще прочной и обеспечивала не только создание, но и успешное развитие самого крупного в стране центра по добыче золотистого серебра. В этот период здесь возникли такие крупные сереброплавильные заводы, как Павловский на р. Касмала (1763—1764); Сузунский на р. Сузун (1764—1766), при котором с 1766 г. стал работать монетный двор (чеканивший медную монету с гербом Сибирского царства — два соболя, а с 1781 г. — монеты общероссийского образца); Алейский, выплавлявший частично свинец в верховьях притока Оби — Алея (1774—1775); Локтевский, выплавлявший медь на изгибе, «локте», верхнего течения р. Алей (1783); Гавриловский на р. Большая Талмовая (1795); Змеевский (1804—1806) при богатейшем в России Змеиногорском руднике, открытом в 1725 (медь) — 1735 (серебро) гг.; Колыванский завод, не действующий в 1766—1790 и 1800—1801 гг., был перестроен и стал с 1802 г. Колыванской шифовальной фабрики, изготовлявшей различные изделия из алтайских самоцветов — порфиров, кварцев, мраморов и яшм. Вспомогательными железоделательными заводами были Томский на р. Томь-Чумыш (1771) и Гурьевский на р. Бочата (1816), до постройки в 1826 г. первой доменной печи действовавший как сереброплавильный, а с 1884 г. полностью переоборудованный на производство чугуна, железа и стали³⁸. Заводы обслуживало свыше 400 рудников, из которых в конце XVIII — начале XIX в. наиболее крупными были Змеевский, Зырянский (1791), Салаирский (1781), Ридерский (1786), Семеновский, Николаевский, Петровский, Лаурский, Гольцовский, Черепановский, Колыванский, Рудник № 8, Акимовский, Березовский, Мурзинский, Локтевский, Сургутановский, Гериховский, Титовский, Бухтарминский. При всех заводах и рудниках имелись кожевенные, салотопные, лесопильные, канатные, мукомольные производства, а в Барнауле, кроме того, еще находились стекольный завод и бумажная фабрика³⁹.

Все эти рудники и заводы, построенные с учетом отечественного и зарубежного опыта, по масштабам и организации производства, разделению труда, освоению технологического процесса и технического новаторства были самыми крупными и современными предприятиями сереброплавильного производства в мире. Возникая сразу как крупные мануфактуры с принудительным трудом и широко используя производственный опыт, технические кадры и техническое оборудование Урала и Центра России, они смогли выплавить для императорской кабинетской казны к началу XIX в. 35 712 пудов серебра и 149 пудов золота, частично переделанных во всевозможные украшения, а в большинстве своем проданных Петербургскому монетному двору для перечеканки в монету. В XVIII в. каждый рубль, вложенный Кабинетом в алтайское сереброплавильное про-

³² См.: Громыко М. М. Западная Сибирь... С. 108—109 (подсчеты мои. — О. В.).

³³ См.: Громыко М. М. Зап. Сибирь... С. 209—210; Бояршинова З. Я. Дальнейшее население Сибири в 20—80 гг. XVIII в. // История Сибири. Т. 2. С. 188—189; Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. Барнаул, 1974. С. 54, 55, 57, 58.

³⁴ См.: Громыко М. М. Зап. Сибирь... С. 107—109; Карпенко З. Г. Горн. ... пром. ... С. 74; Жидков Г. П. Кабинет. землевлад. ... С. 100.

³⁵ См.: Лукичев С. С. Состояние основных отраслей сельского хозяйства в Алтайском горном округе в первой половине XIX в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1961. Рига, 1963. С. 379.

³⁶ См.: Карпенко З. Г. Горн. ... пром. ... С. 74—76.

³⁷ См.: Карпенко З. Г. Горн. ... пром. ... С. 62; Громыко М. М. Зап. Сибирь... С. 219—221; Жеравина А. Н. Крестьянское хозяйство в период складывания приписной деревни на Алтае (1747—1797): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1969. С. 7, 11; Горняки Кузбасса. С. 21.

³⁸ Карпенко З. Г. Горн. пром. С. 55 и др.; История Сибири. Т. 2. С. 233—235, 386—387.

³⁹ См.: Карпенко З. Г. Горн. пром. С. 65; Агапова Т. И. Кабинет. хоз.-во... С. 35; Виргинский В. С. Творцы новой техники в крепостной России. М., 1962. С. 89—92, 184, 207; Карпенко З. Г. Промышленные города и поселки Западной Сибири XVIII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1975. С. 88—89.

извозство, приносил 4—5 руб. дохода. И хотя эти доходы царским Кабинетом расходовались непроизводительно — на постройку и убранство дворцов, содержание придворной челяди и устройство пышных праздников, — но в конечном счете они также, как и сузунская медная монета, переходили в руки подрядчиков, торговцев, поставщиков и становились одним из источников первоначального накопления капиталов в стране⁴⁰.

Оказавшись неспособными полностью перейти от подневольного труда к вольнонаемному, кабинетские рудники и заводы вступили в начале XIX в. в полосу своего длительного и всеуглубляющегося кризиса: сокращаются разведывательные работы; прекращается, после 1816 г., строительство новых сереброплавильных заводов; производство серебра, достигнув в 1797 г. максимальной выплавки в 1251 пуд и 19 фунтов, после 1809 г. замедляет на уровне 900—1000 пудов в год; слабеет проявление не реализованных в 80-е годы XVIII в. предпосылок промышленного переворота; начинается прогрессирующее отставание не только от передовых европейских предприятий, но и от предприятий Центра и Юга России; усиливается феодальный гнет; внеэкономическое принуждение мастеров принимает наиболее грубые и жестокие военно-феодалные формы; усиливается и расширяется антифеодалная борьба всех категорий кабинетского подневольного люда⁴¹.

* * *

Стремление преодолеть начавшийся с конца XVIII в. кризис системы принудительного труда и вызванное им падение производительности заводов заставило Кабинет по-иному взглянуть на механизацию производства и совершенствование технологического процесса. Если при избытке дарового подневольного труда приписных крестьян первый в мире универсальный теплосиловой двигатель И. И. Ползунова (1728—1766) не нашел своего применения, то в условиях резко обозначившегося недостатка «ревизских душ» грандиозные вододетствующие установки, рудообогащительные и золотопромывочные «фабрики» К. Д. Фролова (1726—1800), приводимая в движение водяным колесом четырехцилиндровая машина по откачке воды Сафронова, обогащительные «переметные печи» Ф. Т. Бакунина, четырехъяичная машина по регулированию подачи воздуха к плавильным печам П. М. Залесова, разработанный Бичетовым способ выплавки серебра непосредственно из штейна путем употребления свинца, одна из первых в мире рельсовая дорога на конной тяге П. К. Фролова (1775—1839), гидросиловые установки П. Г. Ярославцева и прочие изобретения и усовершенствования были внедрены в производство. Проводя частичную механизацию рудников и заводов, кабинетская администрация заботилась не об облегчении невыносимого тяжелого положения алтайских рабочих людей, а о повышении упавшей производительности Колывано-Воскресенских заводов. Ради стабилизации производства администрация переходила на частичное использование вольнонаемного труда на вспомогательных работах, переводила часть постоянных работников на сдель-

ную оплату, вводила металлургическое обогащение руд, строила специальные обогащительные заводы и располагала их ближе к рудникам, нормировала выплавку руды на заводах и поощряла превышение годовой нормы. Дисциплина палки стала дополняться экономическим стимулированием.

Центром этого огромного богатого заводского округа площадью почти в 450 тыс. км² был Барнаул, развернувшийся на месте существовавшей уже в 1724 г. д. Усть-Барнаульской⁴². Еще в начале XIX в. это был провинциальный городок с деревянными домиками старинной постройки, среди которых одиноко возвышались обветшалые каменные здания концелярии Колывано-Воскресенского горного начальства и аптеки, городок с небольшим бревенчатым театром — сараем с тесовой крышей и со втиснутой между собором и часовой единственной в городе площадью, расположенной на территории упраздненного в 1774 г. старого кладбища, где шли учения заводской охраны и приводились в исполнение публичные телесные наказания. Теперь стараниями назначенного в 1817 г. нового начальником Колывано-Воскресенских заводов Петра Козьмича Фролова — выдающегося русского инженера и администратора, человека гуманных и просветительских убеждений — он превращался в благоустроенный и культурный город.

По разработанному под руководством П. К. Фролова архитекторами Молчановым и Ивановым плану «горного города Барнаула» предусматривалась постройка на берегах Оби и заводского пруда фактически нового города с правильными кварталами домов по обе стороны новой центральной улицы. В центре новой обширной площади, расположенной у самого Барнаульского завода, Фроловым проектировался памятник в честь 100-летия Колывано-Воскресенских заводов. Здесь же должны были сосредоточиться просветительные и лечебные учреждения города — ботанический сад, Горное училище, госпиталь, дом престарелых, инвалидов и сирот (богадельня) и лаборатория.

Строительство всех этих сохранившихся до наших дней зданий началось в 1826 г. на заложенной в 1825 г. центральной площади и с 1829 г. продолжалось под руководством барнаульского архитектора Якова Николаевича Попова (1803—1852), вернувшегося в этом году из Петербургской Академии художеств, где он совершенствовался в архитектуре под наблюдением известного зодчего К. И. Росси (1775—1849). Превращению Барнаула в культурный центр Алтая способствовали организованный Фроловым совместно с врачом барнаульского госпиталя натуралистом Ф. В. Геблером в 1823 г. Барнаульский музей с горнозаводским естественноисторическим, этнографическим и археологическим отделами, экспонаты для которых дали местные краеведы П. К. Фролов, Ф. В. Геблер, Г. И. Спасский, А. М. Залесов, А. Карпинский и др.; приведенная в порядок и значительно пополненная казенная библиотека; созданная в 1824 г. типография; организованные Фроловым любительский театр, оркестр и хор мальчиков — учащихся Горного училища; станция для магнитометрических и метеорологических наблюдений.

* * *

Первыми исследователями Алтая были русские землепроходцы XVII в., чьи многочисленные свидетельства природоведческого, демографического, этнографического, социально-экономического и политического характера отложились в разнообразном актовом и летописном материале. Накопление определенных сведе-

⁴⁰ См.: Агапова Т. И. Кабинет. хоз-во... С. 35, 36; Она же. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства... С. 218; Голубев П. А. Горное дело... С. 382; Карпенко З. Г. Горная... промышленность... С. 197, 199.

⁴¹ См.: Агапова Т. И. Кабинет. хоз-во... С. 36—39; Карпенко З. Г. Горн. ... пром. ... С. 104 и др.; История Сибири. Т. 2. С. 385—388; Жидков Г. П. Кабинет. землевлад. ... С. 116—126.

⁴² См.: Булыгин Ю. С. Первые крестьяне на Алтае. С. 117.

ний об Алтае позволило С. У. Ремезову и И. Унковскому на своих картах показать Бию, Катунь, Телецкое озеро, несколько Кулундинских озер, Иртыш, Нор-Зайсан и его притоки, населенные пункты по верхней Оби и Иртышу, Томск, Кузнецкую крепость, Алтайские горы⁴³.

Первые более или менее точные научные сведения об Алтае находятся также и в труде известного историка и государственного деятеля В. Н. Татищева (1686—1750) — «Общее географическое описание всей Сибири» (1736)⁴⁴. Этот труд содержит сведения о границах Алтая, о реках и озерах предальтайской равнины, о быте, обычаях, хозяйстве коренного и русского населения, о местной флоре и фауне.

Ценнейшие природоведческие, минералогические, флористические, этнографические и экономические данные представляли снаряжаемые администрацией Колывано-Воскресенских заводов экспедиции для поисков полезных ископаемых. Организованная в 1745 г. по указу правительствующего Сената для обследования находящихся за Колывано-Воскресенской пограничной линией местности и народов экспедиция под руководством рудознатца Петра Ивановича Шелегина в составе 96 чел. собрала свежие сведения о жизни народов, обитавших по Бии, Телецкому озеру, Чулышману, Башкаузу, на лесах, покосах и удобных к земледелию местах. Начерченная Пименом Старцевым карта Горного Алтая запечатлела уже итоги колонизационной деятельности русского населения и гидрографию края, правда, не всегда с правильным нанесением истоков рек⁴⁵.

После ряда местных экспедиций Текучеева, Шанского, Эйдена, Шишкова и других наиболее богатые результаты для изучения этого района дали экспедиции инженер-майора Петрулина, инженер-капитана Плутова и инженер-квартирмейстера Карцева, совершенные в 1759—1761 гг. в связи со строительством оборонительной Колыванской линии. Все эти экспедиции охватили еще не изученные районы по рекам Катунь, Бия, Бухтарма, Чулышман. На основании этих исследований была составлена рукописная «Карта плоская, сочинена 1762 г. по силе высокоправительствующего Сената государственных иностранной и военной коллегиев»... На карте довольно правильно показано течение Канизны, Бии, и их притоков и часть течения Иртыша. Из правых притоков Иртыша нанесены Ульба, Бухтарма, Нарым, Курчум. Путь экспедиции, в частности, проходил по верховьям Катунь и Бухтармы (примерно до впадения в последнюю р. Черной). Много интересных сведений сообщили членам экспедиции беглые «каменщики», обитавшие по Бухтарме и Катунь. В дневниках участников экспедиции — И. Денисова, Д. Головина и П. Попова содержатся интересные сведения по географии, метеорологии, гидрографии, минералогии, растительности и демографии Алтая. Экспедициями было открыто много рудных ме-

сторождений и даны наиболее полные и точные для того времени сведения⁴⁶.

Планомерному научному изучению Алтая много содействовал и разосланный М. В. Ломоносовым в 1763 г. запрос о присылке сведений о рудниках и заводах, добываемых рудах и способах выплавки из них металлов. В ответ на него Канцелярия Колывано-Воскресенских заводов составила рукопись: «Историко-географическое описание лежащего в Алтайских горах, во-первых, Змеевского, также и около него построенным рудникам, с производимыми работами и найденными во оных минералами с принадлежащими чертежами», сочиненное «в Змеиногорской крепости в 1764 г.»⁴⁷.

Работали на Алтае и задуманные Петром I для собирания и изучения природы и истории страны академические экспедиции XVIII в. Мессершмидт (1689—1735), посетивший весной 1721 г. западный и юго-западный Алтай, провел его всестороннее комплексное изучение, собрав огромное количество естественно-научных и этнографических материалов. Мессершмидт всегда давал характеристику условий произрастания растений и указывал поименно все пункты, где оно было замечено. В этом отношении он выгодно отличается от многих флористов, в том числе и от П. С. Палласа и К. Ф. Ледебура⁴⁸.

Из работ участников второй академической экспедиции имеют значение труды Г. Ф. Миллера (1705—1783), И. Г. Гмелина (1709—1755) и С. П. Крашенинникова (1711—1755), проезжавших по территории алтайского горного округа от Семипалатинска через Колыванский завод, Змеиногорск, Барнаул и Кузнецк на Томск с 18 августа по 6 сентября 1734 г. Экспедиция эта положила начало академическому изучению Алтая. Миллер, значение труда которого для истории Сибири выявлено работами С. В. Бахрушина и А. И. Андреева, обнаружил, сохранил и опубликовал ряд новых русских письменных источников по истории Алтая. Он привел названия алтайских племен и народов, указал их местопребывание, сообщил факты о процессе включения тюркоязычных племен Алтая в состав Русского государства, о размере и характере ясака, о взаимоотношениях различных племенных групп между собой и с русскими властями, дал ценные описания хозяйства и быта местного и русского населения и пр.⁴⁹

И. Г. Гмелин и П. С. Крашенинников собрали на территории Западного и Юго-Западного Алтая богатый флористический материал, который наряду с растениями других областей Сибири лег в основу известного четырехтомно-

⁴⁶ См.: Камбалов Н. А. Исследователи Алтая. Барнаул, 1956. С. 9—23; Греков В. И. Очерки из истории русских географических исследований в 1725—1765 гг. М., 1960. С. 251; Томские губернские ведомости. 1859. 2 янв.; Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1859. Т. II. С. 295.

⁴⁷ См.: ГААК. Ф. 1, оп. 1, ед. хр. 296, л. 347.

⁴⁸ См.: Лебедев Д. М. География в России петровского времени. М.; Л., 1950. С. 76; Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири. СПб., 1909. С. 178, 181; Обручев В. А. История геологического исследования Сибири: Период первый — обнимающий XVII и XVIII века. Л., 1973. С. 42—43; Messerschmidt D. G. Forschungsreise durch Sibieren 1720—1727. Herausgegeben von Vinter und Figneviski. Berlin, 1962. Bd I.

⁴⁹ Бахрушин С. В. Г. Ф. Миллер как историк Сибири // История Сибири. Т. 1; Андреев А. И. Труды Миллера о Сибири // Там же; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. М., 1953. С. 25.

⁴³ См.: Чертежная книга Сибири 1701 г. С. Ремезова. Посольство к Зюнгарскому хунтайчи — Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 гг. Документы, изданные с предисловием и примечаниями Н. И. Веселовского // Записки русского Географ. об-ва по отд. «Этнография». СПб., 1887. Т. X, вып. 2.

⁴⁴ Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М., 1950.

⁴⁵ См.: Путевой журнал рудоискателя Шелегина об исследовании территории от дер. Иконниковой по р. Катунь до Телецкого озера // Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1, ед. хр. 4.

го труда И. Г. Гмелина «*Flora Sibirica*» (1747—1760), содержащего описание 1178 видов, многие из которых стали известны науке впервые. В дневниках И. Гмелина и Г. Миллера имеются ценные сведения по географии, природе, колонизации и экономике Алтайского края, с кратким историческим обзором Колывано-Воскресенского горного дела⁵⁰.

В 70-х годах XVIII г. возобновилось интенсивное изучение Сибири Академией наук, что не могло не отразиться положительным образом и на изучении Алтая. Новая академическая экспедиция начала свою деятельность по изучению Сибири с 1768 г. Во главе ее находился знаменитый Паллас. Среди крупнейших участников этой экспедиции, доставивших ей мировую славу, известны своими трудами академики И. Фальк (1727—1774), И. Георги (1727—1802) и П. Паллас (1741—1811)⁵¹. П. Паллас на основании личных наблюдений во время путешествия от Семипалатинска в Томск через с. Старо-Шубинское, д. Красноярскую, Змеиногорск, Тигирек, Чарышское, Чагирское, Маралихинское, Хозлово, Карпово, Мурзинский рудник, Колыванский рудник, Змеиногорск, Колыванское озеро, Локтевский рудник, Барнаул, Новопапловский завод, Шипуново и Карасево с 21 мая по 9 сентября 1771 г., а также на основании материалов и коллекций местных краеведов П. Шангина, Е. Патрена, И. Ренованца и др. дал описание растительного и животного мира, населения, горного дела и металлургии Алтая. Приводится им и несколько десятков алтайских растений. Более обстоятельное географическое, гидрографическое, геологическое, минералогическое, историко-этнографическое и экономико-статистическое и флористическое описание Барнаульского, Кузнецкого и Томского округов оставили И. Фальк и И. Георги, посетившие их в августе 1771 — марте 1772 гг. В отличие от Палласа и Фалька Георги большое внимание уделил этнографии алтайцев, и его в известной степени можно считать одним из первых исследователей ее. Материалами, собранными Палласом, Фальком и Георги, широко пользовался К. Ф. Ледебур⁵².

Первым ученым, углубившимся в пределы Горного Алтая, производившим там важные минералогические и ботанические исследования, был Петр Иванович Шангин (1747—1816). Совершив по заданию начальника Колывано-Воскресенских заводов Г. С. Качки экспедицию в 1786 г. в малоисследованные и совсем неисследованные районы Горного Алтая, он описал реки Иню, Чарыш, Коксун, Катунь, Большой Хаир-Кумын, Бухтарму со всеми их притоками и нанес их на карту. В своем дневнике он дал описание 145 месторождений полезных ископаемых, 86 растений, многие из которых описал впервые; кроме того, он представил науке некоторые

свежие данные по этнографии народов горного Алтая⁵³.

В 1805 г. маршрут путешествия П. И. Шангина повторил Г. И. Спасский (1783—1864). В 1809 г. он обследовал Нарымский хребет — водораздел между Катунью и Бухтармой. Результаты его исследований изложены в ряде работ⁵⁴, в которых дан обзор происхождения, наружного вида, нравов, обычаев, жилищ, одежды, пищи, промыслов, образованности, времяисчисления, веры телеутов. Спасский, иногда присоединяясь к Георги по отдельным вопросам этнографического описания телеутов, например их жилищ, одежды, нравов, неоднократно поправляет его и полемизирует с ним. Много внимания посвящает Спасский и алтайцам, описывая их охоту, земледелие, скотоводство и первобытную заготовку сена, их жилища, пищу, музыкальные инструменты, шаманских идолов, предвещающая в этом К. Ледебура, А. Бунге и др.

На основании всех этих материалов русский генеральный штаб составил и издал в 1816 г. подробную карту Колывано-Воскресенских заводов на 12 листах с географической сеткой, горными хребтами, реками, заводами и рудниками и т. д. Особенно подробно были освещены на ней Северный и Западный Алтай с бассейном Чарыша и Бухтармы. Верховья Катунь и Юго-Восточный Алтай остались еще в известной степени белыми пятнами.

Таким образом, ко времени экспедиции на Алтай К. Ледебура наука располагала восторонними, хотя пока еще далеко не полными сведениями о природе Алтая. Лучшее всего были изучены рудные богатства Алтая, так как экспедиции прежде всего обращали внимание на эту сторону дела; уже имелись обобщающие, хотя и неполные и не совсем точные труды по геологии и минералогии, по истории горного дела на Алтае⁵⁵. Что касается флоры и фауны, то они были изучены совершенно недостаточно. Лучшее всего была обследована, благодаря работам академиков, флора степного и южного Алтая (за исключением тайнобрачных), в горном же Алтае наука располагала только ботаническими сборами П. И. Шангина, А. М. Залесова, С. Мордовкина; лишь часть сборов изучена и опубликована. Не было еще обобщающих трудов по систематике флоры и фауны Алтая. Вот эти-то задачи — собрать и изучить флору неисследованных областей Алтая и Киргизских степей (Восточного Казахстана) и привести в систему алтайскую флору как часть российской флоры — и стояли перед экспедицией К. Ледебура. Обе задачи были ею

⁵³ См.: Новые ежемесячные сочинения. СПб., 1796. Ч. 118. С. 3—16; Ч. 119. С. 24—40; Ч. 120. С. 68—84; Ч. 121. С. 17—42.

⁵⁴ См.: Спасский Гр. Телеуты и белые калмыки // Сиб. вестник. 1821. Ч. XIII и XIV; Он же. Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Там же. 1819. Ч. III и IV; Потапов Л. П. Очерки... С. 72.

⁵⁵ См., например: Renovan I. M. Mineralogische, geographische und andere vermischte Nachrichten von den Altaischen Gebirgen Russisch Kaiserlichen Aufhefts. Reval, 1788. Есть русский перевод В. Севергина. — «Минералогические, географические и другие смешанные известия об Алтайских горах, принадлежащих к русскому владению. (СПб., 1792). По мнению П. Пилипенко (Минералогия Западного Алтая. Томск, 1905, стр. 31, 32), это — «один из наиболее солидных трудов по минералогии Западного Алтая». Содержащая различные сведения о рудных богатствах Алтая и исторический обзор деятельности рудников и заводов Алтайского округа, книга Ренованца не утратила научной ценности и в наши дни.

⁵⁰ Gmelins Reise durch Sibirien von dem Jahr. 1733 bis 1743. Göttingen. 1750. Th. I. S. 244—266. Неопубликованная рукопись Г. Ф. Миллера «Путешествие некоторых членов Российской Академии наук по Сибири» (на нем. яз.) хранится в Центральном Государственном архиве древних актов (СГАДА).

⁵¹ Записки путешествия акад. Фалька // Полн. собр. ученых путешествий по России. СПб., 1824. Т. VI, гл. XXVII—XXXII; Георги И. Описание обитающих в Российском государстве народов...; Паллас П. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб., 1788. Ч. II—III.

⁵² См.: Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. С. 17—19, 44—49; Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири. С. 45—47 и др.; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. С. 26.

блестяще выполнены. Помимо этого, экспедиция К. Ледебура дала ценные этнографические сведения и заполнила много белых пятен на карте южной Сибири.

* * *

В дневниковых записях К. Ф. Ледебура и его спутников довольно подробно освещается быт и труд подневольных алтайских крестьян. Приложенные к книге статистико-экономические таблицы (2—8, 17, 18) дают обстоятельный и разносторонний обзор экономического состояния алтайских крестьян и горнорабочих. Однако, несмотря на документальную точность этих таблиц, они дают несколько искаженное представление о действительном положении вещей, так как не показывают классового расслоения алтайской деревни, которое достигло к тому времени значительной степени (о чем можно судить, в частности, и по некоторым фактам, приводимым в книге Ледебура). С одной стороны, выросла группа подрядчиков, которая владела большим количеством лошадей и брала на подряд обработку барщинных работ, беспощадно эксплуатируя бедноту, с другой — оставалось много бедных, безлошадных крестьян, которые не могли заниматься своим хозяйством и работали по найму у богатых крестьян. Так, обследованием хозяйств крестьян Ояшинской, Тутальской и Пачинской волостей Томского округа было зарегистрировано 25—30 % хозяйств крестьян, вовсе не занимавшихся земледелием. Заводские повинности разорили их, а богатые крестьяне превратили их в своих работников⁵⁶.

Ледебур и его спутники освещают положение крестьян и мастеровых явно со своих классовых позиций. Это сказывается и в том, что при описании его они отходят от ими же приводимых фактов. Вместе с тем симпатии авторов всецело на стороне крестьян и горнорабочих. Ледебур и его спутники много говорят о честности, смелости, находчивости и сообразительности простых русских людей, они хвалят их трудолюбие, аккуратность и любознательность. Авторы подчеркивают и такие черты, присущие сибирякам, как гостеприимство, человечность. Одновременно они обращают внимание на остальные методы ведения крестьянами своего хозяйства. Читатель этой книги получит верное представление о промыслах алтайских крестьян и казаков начала XIX в., о земледелии, скотоводстве, пчеловодстве, охоте, рыболовстве и о торговле с калмыками.

В «Путешествии по Алтайским горам» К. Ледебура, как и в «Путешествии по Восточному Алтаю» А. Бунге, имеются ценные записи этнографического содержания. У обоих исследователей эти наблюдения относятся преимущественно к алтайцам (которых в то время неправильно называли «калмыками»). Первое краткое описание алтайцев, их внешности, быта, обычаев и обрядов мы встречаем в сочинениях ученых-путешественников по Сибири⁵⁷. Однако записи Ледебура и Бунге отличаются большей обстоятельностью и точностью, за исключением записей Спасского. Мы находим здесь описание зайсанов и демичей, с которыми эти путешественники встречались, их жилищ и быта. Бунге довольно много и под-

робно пишет также о бедняках-алтайцах, об их быте, скотоводческом хозяйстве, примитивном земледелии; об их верованиях, шаманах, камлание и пр. Интересно, что оба автора в своем отношении к алтайцам стоят выше многих своих современников. В записях этих путешественников нет и тени того шовинизма, печатью которого отмечены, например, сочинения В. В. Радлова (1837—1918)⁵⁸. Ледебур и Бунге при всяком удобном случае обращают внимание читателя на честность, простоту алтайца, на его услужливость, добродушие, любезность, на присущее ему чувство долга⁵⁹.

* * *

Результаты экспедиции на Алтай были весьма значительны. Ледебуру и его спутникам удалось собрать гербарий из 1600 видов растений, 400—500 из которых были новыми. Остальные растения в ряде случаев до этого были изучены учеными так несовершенно, что сведения о них были неточными, путанными, мало было известно, какие растения и в каких условиях произрастают на Алтае. Кроме того, Ледебур привез в Дерптский университет 241 вид живых растений для сада и коллекции семян с 1341 видом растений, большая часть которых была разослана по разным ботаническим садам России и Европы, а часть высажена в ботаническом саду Дерптского университета. Были собраны также зоологические коллекции из 67 экз. млекопитающих, представляющих 21 вид, 6 пар рогов архаров и др., 115 экз. (62 вида) птиц, 12—13 видов ящериц, 6—7 видов змей, 2 вида черепах, 1 вид лягушки, 7 видов рыб. Коллекция насекомых включала 526 видов, главным образом жуков. Были собраны минералогические коллекции древностей из чудских могил (43 предмета), сделаны барометрические измерения высот на 154 пунктах Алтая. Часть собранных ботанических экспонатов Ледебур передал барнаульскому музею.

Сразу же по прибытии из экспедиции К. Ледебур в сотрудничестве с К. Мейером занялся обработкой материалов. В 1829 г. в Берлине был опубликован первый том его «Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisien-Steppe» («Путешествия по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи», в состав которой вошли путевой дневник самого Ледебура («Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая»), статья профессора физики Дерптского университета, бывшего с 1825 г. членом Российской Академии наук, Георгия Фридриха Паррота (1767—1852) «О барометрической нивелировке» с приложением перечня высот, измеренных Ледебуром и Бунге, и статья профессора минералогии О. М. Энгельгардта «О структуре горных пород Малого Алтая и джунгарских Киргизских степей». К первому тому давался также ряд приложений, а именно: описание изделий Колыванской шиферной фабрики, 17 статистико-экономических таблиц, 13 гравюр и карт. В 1830 г. вышел второй том «Путешествия», включивший в себя путевые дневники А. Бунге

⁵⁸ Radloff W. Aus Sibirien. Leipzig, 1884. S. 385.

⁵⁹ Южные алтайцы делились на дзючины, во главе которых стоял зайсан. Избирались зайсаны пожизненно, обычно из «аристократических», привилегированных семей. Власть их над алтайцами была неограниченной. По указу Екатерины II звание зайсана было приравнено к чину майора, они освобождались от ясака и телесного наказания. Зайсанам подчинялись демичи, которые возглавляли род или часть рода и были обязаны собирать ясак, производить суд и расправу. Более серьезные дела демичи выносили на суд зайсана.

⁵⁶ Савельев Н. Я. Крестьянская реформа 1861 г. на Алтае. Барнаул, 1950. С. 12.

⁵⁷ См. у Иоанна Готтлиба Георги (Описание обитающих в Российском государстве народов, ч. 2), Петра Ивановича Шангина (Tagebuch der Reise in hohe Altaigebirge im Jahre 1786 // «Neue Nordliche Beyträge». S.-Petersb. Bd VI, 1793) и Г. И. Спасского (Путешествие к алтайским калмыкам в 1806 г. // Сибирский вестник, 1819. Ч. III, IV), особенно у последнего.

и К. Мейера. К этому тому был приложен труд Ф. Геблера о насекомых Алтая на латинском языке.

В 1829 г. вышел в свет первый том ценнейшего труда К. Ледебура по иконографии русской флоры «*Icones plantarum novarum vesp. imperfecta cognatarum florum*». С 1829 по 1834 г. вышло еще пять выпусков этого замечательного труда in folio, состоящего из 100 рисунков в томе; каждый такой рисунок, изображавший какое-либо растение, был прекрасно выполнен на плотной бумаге крупного размера. Многие из этих рисунков были сделаны самим К. Ледебуром на месте, во время путешествия по Алтаю. В альбом включено немало изображений специфически алтайских растений⁶⁰.

Следующим крупным трудом Ледебура, составленным на основании собранных им коллекций, была 4-томная «*Flora Altaica*» («Флора Алтая»), первый том которой был опубликован в Берлине в 1829 г. Последующие тома вышли соответственно в 1830 (II), 1831 (III), 1832 г. (IV). В первом томе дано описание 1600 собранных на Алтае растений.

И, наконец, венцом научно-исследовательской деятельности К. Ледебура был его капитальный труд «*Flora Rossica*» («Флора России»), который публиковался в Штутгарте с 1842 по 1853 г. в 4 томах и 6 выпусках и содержал описание 6522 видов растений с исчерпывающим указанием литературных источников к каждому виду. Таким образом, задача, которую К. Ледебур поставил перед собой еще с юношеских лет, — создать сводный труд по флоре России — была блестяще выполнена.

Гербарий Ледебура, включающий около 5000 видов, в 1857 г. был приобретен Петербургским ботаническим садом⁶¹ и в настоящее время находится в Ботаническом институте Российской Академии наук.

В честь Ледебура были названы (не удержавшиеся донныне) роды растений *Ledebouria Link (Pimpinalla)* и *Ledebouria Roth (Scilla)* и кроме того еще 24 вида⁶².

⁶⁰ Один экземпляр этого ценного труда, выполненный в красках с дарственной надписью К. Ледебур П. К. Фролову, хранится в библиотеке барнаульского краеведческого музея. Этот труд вместе с первым томом своего «Путешествия по Алтайским горам» (на нем. языке) и «Бюллетенем Московского общества испытателей природы» за 1829 г. (на франц. яз.), с отчетом об экспедиции К. Ледебур послал П. Фролову, приложив к нему письмо от 12 февраля 1830 г., которое ныне хранится в фондах барнаульского музея. А. П. Фролов передал эти книги заведующему барнаульской казенной библиотекой маркшейдеру Семенову, который 11 июня 1830 г. включил их в каталог барнаульской библиотеки (ГАКК. Ф. 2, оп. 10, д. 54, л. 345—347).

В своем письме К. Ледебур сообщает о ходатайстве перед ректором университета относительно Бунге с просьбой оставить его в Барнауле на должности врача. Кроме того, Ледебур просил, чтобы и в дальнейшем стипендиаты Дерптского университета по окончании курса направлялись работать на Алтай по ходатайству начальства Колывано-Воскресенских заводов. Далее он пишет о своих трудах, которые посылает Фролову и заканчивает свое письмо словами: «Я живо припоминаю Ваше любезное расположение ко мне и доброту — сохраните же Вы их в дальнейшем!».

⁶¹ Исторический очерк С-Петербургского ботанического сада. 1899. С. 46.

⁶² *Abies Ledebourii* Rupr., *Allium Ledebourianum* Schulz., *Amygdalus Ledebouriana* Trautv., *Carex Ledebourii* Boiss et Buhse, *Carex Ledebouriana* CAM., *Cerastium Ledebourianum* Ser., *Corydalis Ledebouriana* Kar. et Kir., *Euphorbia Ledebourii* Boiss., *Mentha Ledebouriana* Gel.,

Труды К. Ледебура были по достоинству оценены современниками и позднейшими исследователями Алтая. Его «Флора Алтая» была положена в основу последующих сводных трудов по алтайской флористике, к числу которых в первую очередь относятся «Флора Алтая и Томской губернии» (1901—1904) чл.-кор. Академии наук СССР проф. Порфирия Никитича Крылова и его же капитальный труд в сотрудничестве с продолжательницей его дела, профессором Томского университета д-ром биол. наук Лидией Палладиевной Сергеевской и другими авторами — «Флора Западной Сибири» (11 выпусков, 1927—1949).

Кроме специфической алтайской флоры, Ледебур включил в этот труд много растений из степей к югу и юго-западу от гор (собранных К. Мейером). Поэтому название «*Flora Altaica*» можно считать лишь условным. В книге автор использовал всю ту немногую литературу, какая имелась об алтайской флоре. Значительную часть материала, включенного в этот труд, обработали Бунге и Мейер: раздел «Злаки» был обработан Триниусом, раздел «Ивы» — Траутфеттером.

Главный труд К. Ф. Ледебура «Флора России» (*Flora Rossica sive enameratie plantarum ni tatius Imperii Rossici provincie eurapaica asiaticae et americanus hocusque observatorium*. Stuttgart, Vol. I—1832, II, pars I—1862, p. II—1845—1846, vol. III, p. I—1847—1849, p. II—1849—1851, vol. IV—1853) не утратил своего научного значения до настоящего времени.

Д. И. Литвинов (1854—1929) в «Библиографии флоры Сибири» (1909) дает такую оценку этой работе: «Знаменитый труд, сделавший эпоху в изучении флоры нашего Отечества и до сих пор никем не превзойденный. Он требует теперь уже больших дополнений вследствие значительного расширения пределов нашей страны и лучшего ее изучения с тех пор, но он никогда не потеряет своего значения как первая обработка всей нашей флоры и в особенности как точный и полный свод всех литературных указаний к ней с начала науки у нас и до середины прошлого века. Очень немного мы могли бы указать печатных источников, пропущенных Ледебуром. Осуществлением этого большого научного предприятия мы обязаны графу Е. Ф. Канкрину, бывшему в то время министром финансов, испросившему средства, потребные на работу, и главным образом энергии автора, почти единолично доведшему большое дело до конца в сравнительно короткий срок. Пропущено лишь небольшое семейство *Cuscutaceae*. Немногие семейства обработали Тениль, Е. Мейер, Тревиранус, Гризбах, все остальное написано одним Ледебуром» (с. 132—133).

«Одним из первых русских ботаников был С. П. Крашенинников (1713—1755). — пишут ботаники П. А. Комарницкий, Л. В. Кудряшов, А. А. Уранов в «Систематике растений» (М., 1962). — прославившийся своим «Описанием земли Камчатки». Начиная с первой половины XVIII в. число ботаников-флористов неуклонно возрастало, как возрастала и их научная продукция. Около середины XIX в. на основании накопленного к тому времени материала оказалось возможным издание сводной флористической работы, выполненной профессором Юрьевского университета К. Ф. Ледебуром — «*Flora Rossica*». Этот четырехтомный труд, объединяющий описание более 6500 видов растений, сделал эпоху в изучении нашей флоры как сводка, включающая не только перечень видов и их характеристику, но и свод всех литературных данных о флоре России. «*Flora*

Peucedanum Ledebourii G. Doc., *Salix Ledebouriana* Trautv., *Saussaera Ledebourii* Herd., *Thalictrum Ledebourianum* CAM., *Trollius Ledebourii* Rchb.; и др.

Rossica" чрезвычайно облегчила дальнейшее изучение растительного мира нашей страны, и она до сих пор является важнейшим справочным источником для ботаников-систематиков» (с. 21—23).

В свою «Флору России» Леденбург включил не только те растения, которые он сам изучал и коллекционировал, но и собранные другими учеными. Писалась книга за границей, без связи с Российской Академией наук и Петербургским ботаническим садом, автор не пользовался ни их гербариями, ни коллекциями Московского университета. Однако в его распоряжении были, кроме собственной коллекции, сборы всех главнейших коллекционеров Российской флоры: Гаупта, Ф. Геблера, Карелина, Кириллова, Крузе, Рошара, Полетова, Тилиеуса, Турчанинова, Фриша, А. Шренка, С. Шуккина и др. Из 6522 растений, описанных в книге, 3150 являются специфическими сибирскими растениями. Сюда же автор относит и растения, произрастающие на Аляске и Алеутских островах, которые теперь не принадлежат России. Кроме того, к «Sibirica Uralensis» автор относит часть Пермской и Екатеринбургской губерний, Златоуст, Оренбург и даже восточные берега Каспия.

Следует отметить, что труд Леденбурга, предлагаемый вниманию читателя, его «Путешествие по Алтайским горам и предгорьям Алтая», не является только ботаническим. Здесь автор предстает перед нами географом и зоологом, минералогом и этнографом, историком и путешественником. Вместе с тем книга эта служит до некоторой степени дополнением к «Flora Altaica» и «Flora Rossica»; только в «Путешествии» мы найдем указание на условия произрастания и ареал некоторых растений, в то время как в обеих «Флорах» эти данные чаще всего отсутствуют.

Но при этом важно учитывать, что, как заметил и сам Леденбург, растения здесь определялись наслах, не совсем точно, и названия их даны в том виде, как они давались при самой первой разборке растений, произведшейся во время путешествия. В книге нередко встречаются такие названия растений, которые в других трудах Леденбурга уже не упоминаются, так как заменяются другими, впоследствии вошедшими в научный обиход. Так, упомянутая «Frolovia lugata» в «Флоре России» носит уже название: *Saussurea Frolovii* (горькуша Фролова); *Ribes psilotilum* называется *Ribes acicularis* или *Grassalaria acicularis* (крыжовник); *Pinus sibirica* «Путешествия» в «Флоре» известна как *Abies sibirica* (пихта) и т. д. Иногда даже один и тот же вид носит в I томе «Путешествия» одно название, во II — другое. Например, *Pinus sibirica* I тома во II томе называется *Pinus Pichta* (пихта); *Mespilus Cotoneaster* I тома во II томе соответствует синоним *Mespilus melanocarpa* (кизилник черноплодный) и т. п. Поэтому перевод ботанических синонимов «Путешествия» сопряжен с определенными трудностями и не всегда может быть точен.

Чтобы не вынуждать читателя запоминать в большинстве случаев ее устаревшие синонимы, даваемые Леденбургом, переводчик заменяет латинские названия растений русскими (главным образом по «Флоре СССР»), причем данное автором латинское название ставится в скобках лишь при первом упоминании растения, при повторном же — опускается.

Итог геологических и минералогических наблюдений Леденбурга резюмирует проф. Энгельгардт в статье, которая дается в приложении. Энгельгардт показывает, что Леденбург во многих местах своей книги пополняет

и исправляет единственный в то время обзорный труд И. М. Ренованца по геологии и минералогии Алтая. Обзор геологических и минералогических данных Леденбурга мы находим и в труде известного советского геолога и географа В. А. Обручева (1863—1956) «История геологического исследования Сибири», период 2 (1932).

В связи с тем, что после Леденбурга во всех научных ботанических учреждениях — Академии наук в Петербургском ботаническом саду, в университетах, в частности в Томском, скопился богатый флористический материал, уже к концу XIX в. стало ясно, что Леденбурово описание нуждается в значительном пополнении вследствие открытия большого количества новых видов и присоединения к России среднеазиатской территории, растения которой не вошли в «Flora Rossica». Требовалось создание новой сводки. Но такая работа оказалась по плечу лишь коллективу советских ученых, составившими сводный труд «Флора СССР» (30 томов) первый том которого вышел в 1934 г. под редакцией академика В. Л. Комарова (1869—1945).

После Леденбурга изучение юго-западной Сибири пошло значительно быстрее. Труды ученых-географов Ф. В. Геблера (1728—1850), П. А. Чихачева (1808—1890), Г. Е. Шуровского (1803—1884), В. В. Сапожникова (1861—1924), Г. Н. Потанина (1830—1920), В. А. Обручева, ботаника П. Н. Крылова, зоолога П. П. Сушкина (1868—1928) и многих других дают нам полное представление о природе Алтая и прилежащих к нему степей, о его минеральных богатствах, флоре и фауне. В наше время на территории Алтайского края и Восточного Казахстана проводится большая исследовательская работа. Однако имена первых исследователей Алтая — П. И. Шангина, К. Ф. Леденбурга, А. А. Бунге, Ф. В. Геблера и других — никогда не будут забыты, и их труды, в ряде случаев еще не получившие должной оценки, будут в полной мере оценены исследователями.

Все эти предприятия можно назвать труднейшими путешествиями, но, вместе с тем, полезнейшими открытиями для науки и познания природы нашей планеты... Не прежде, как по истечении целых столетий, после применения теперь противоположных пока политических интересов, пустыни этих пограничных областей будут населены просвещенным, цивилизованным народом, и на живописном Телецком озере, так же, как на плодородных Катунских долинах, воздвигнутся промышленные веселые города, подобные швейцарским и тирольским, окруженные многочисленными горными деревнями и хижинами, как в оживленной европейской альпийской системе. Тогда только имена первых мирных ученых-исследователей доставят водворившимся там музам воспоминания более радостные; нежели память о завоевателях Нового Света — Бальбоа, Кортеса, Пизарро, проникавших туда разрушителями, а не возбудителями просвещения. Имена Леденбурга, Шангина, Бунге сохраняются навсегда в воспоминаниях всех образованных людей Алтая, подобно тому, как имя Ксеногора, первого измерителя высоты Фессалийского Олимпа, сохранено Плутархом (Vita Paul. Aemil.) от забвения, и подобно тому, как имя А. Гумбольдта увековечено в истории Кордильеров и всей Америки⁶³. Этими прекрасными словами известного географа нам и хочется закончить предисловие.

О. Вилков, В. Завалишин.

⁶³ Риттер К. Землеведение Азии. Т. 3/ Пер. Н. Семенова. СПб., 1860. С. 316.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛТАЙСКИМ ГОРАМ И ПРЕДГОРЬЯМ АЛТАЯ

*Иоганну Филиппу Густаву Эверсу
в знак искреннего высокого
уважения и дружбы посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Желание поближе познакомиться с Россией, поехать по некоторым местам этой обширной страны появилось у меня с ранней юности. Поэтому, когда в 1810 г. мною, наконец, было получено приглашение работать в России, я воспользовался знакомством со знаменитым Палласом¹, жившим в то время в Берлине, чтобы получить от этого многоопытного мужа различные сведения о стране. С дружеским участием отнесся он к моим стремлениям, надеждам и даже написал несколько рекомендательных писем в Россию. Однако я прожил в России уже несколько лет, прежде чем служебные обязанности позволили серьезно заняться планом моей поездки. В 1818 г. я побывал на Таврическом полуострове, но прожил там всего несколько месяцев. Кроме того, основным поводом к поездке туда была забота о восстановлении здоровья, поэтому в научном отношении поездка не оправдала надежд, которые были связаны с этой интересной местностью.

Предпринимавшиеся прежде путешествия академиков являются теперь главным источником сведений о природе азиатской части России, хотя во многих из этих районов знаменитые люди побывали мимоходом и к тому же большие пространства исследуемых местностей нередко затрудняли экскурсии в глубь страны. Многие местности посещались учеными в неблагоприятные времена года, и вдобавок путешественникам нередко приходилось следовать по почтовым трактам. Последнее вызывалось либо большими трудностями, с которыми им, даже при любезной поддержке

правительства, приходилось сталкиваться, либо из-за не урегулированных в то время взаимоотношений с соседними народами, в связи с чем многие местности становились недоступными и до сих пор остаются неизвестными. К таким неисследованным местностям относятся области и Алтайских гор и лежащих к юго-западу от них джунгарских Киргизских* степей, которые простираются вдоль северной границы китайских провинций в виде различных степных равнин и возвышенностей.

Гмелин Старший² побывал только у подножий Алтайских гор, так же как и Фальк³. Паллас бывал на Тигиреке, не посетив области высоких гор; Сиверс⁴ посетил лишь предгорья; Патрен⁵ был тоже только на Тигиреке. О возможном путешествии на Алтай Лаксмана⁶ ничего не известно. Первым ученым, побывавшем в высоких горах, был Шангин⁷, главной целью поездки которого было найти порфиновые и яшмовые месторождения для шлифовальной фабрики в Локтевске (теперь Колывани). Позже туда путешествовал Залесов⁸ — врач, который послал в Москву Стефану⁹ несколько собранных им у Чуи растений. В новейшее время по инициативе г-на статского советника и кавалера Геблера¹⁰ из Барнаула в высокие горы был послан ученик-практикант тамошнего лазарета для сбора растений и семян; в течение нескольких лет его сопровождал садовник из с. Горенки¹¹, по фамилии Мордов-

* Казахских. (Прим. перев.)

кин¹², собиравший семена для сада графа Разумовского.

Вследствие того, что Алтайские горы относятся к местностям, не изученным в ботаническом отношении, я решил сделать их областью моих исследований — главным образом южные и западные склоны. Благодаря скорости русской почты я мог, хотя и с некоторыми трудностями, совершить в течение зимы поездку в Барнаул, а следующую зиму использовать на обратный путь; посвятить этому путешествию более продолжительное время не удалось из-за моих служебных обязанностей. Но сильнее всего влекла меня на Алтай надежда на успех, так как здесь я более чем где-либо еще мог рассчитывать на сильную дружественную поддержку. Однако местность, которую я собирался обследовать, была настолько обширна, что один ученый может познакомиться с ней только поверхностно. Поэтому мне очень хотелось, чтобы в путешествии меня согласились сопровождать два моих прежних ученика — г-н д-р Мейер и г-н д-р Бунге. Господин д-р Мейер уже сопровождал меня во время первого путешествия по югу России, и мне были известны его энтузиазм и настойчивость, а также умение, так нужное путешественнику, — терпеливо переносить тяготы и лишения. Г-н д-р Бунге тоже был мне хорошо известен, так как учился у меня, и я имел возможность убедиться в его энергичности, твердости духа и талантливости. Наконец я представил набросанный план путешествия университетскому консилиуму с просьбой предоставить мне отпуск на 12—13 месяцев с сохранением жалования и деньги в сумме 10 000 руб. государственными банковскими ассигновками из сбережений университета на покрытие всех дорожных издержек, а также снабдить необходимыми рекомендациями и предписаниями местному начальству. Мне хотелось ускорить рассмотрение университетским начальством моего заявления, и я признателен его превосходительству г-ну ректору нашего университета, действительному статскому советнику и кавалеру Эверсу¹³ за проявленное внимание.

Теперь я мог уже надеяться на осуществление своих планов. Более я

уже не колебался и потому стал делать нужные приготовления, приобретать необходимые инструменты и прочие принадлежности путешественника, чтобы не заботиться обо всем этом после получения разрешения. Между тем пришло неожиданное известие о кончине императора Александра¹⁴. При сложившихся тогда обстоятельствах наряду с исключительно важными событиями, сопровождавшими вступление на престол нового монарха¹⁵ и занимавшими все умы, было несвоевременно решать вопросы, имеющие второстепенное значение. Поэтому я было отложил предпринятую мной подготовку к путешествию, но, к своему удивлению, 11 января получил извещение о том, что на мое заявление последовало высочайшее согласие. По предварительному плану я рассчитывал начать свое путешествие во второй половине декабря с тем, чтобы не запоздать с прибытием в Барнаул и сделать там все нужные приготовления к дальнейшему путешествию. Теперь же, когда меня так поджимало время, я, воспользовавшись предоставившейся возможностью, постарался поскорее закончить последние приготовления и через несколько дней выехал.

Когда сейчас, по своем возвращении, я думаю о путешествии, которому благоприятствовал целый ряд счастливых обстоятельств, мне приходят в голову разные неприятные воспоминания, о которых я предпочитаю умалчать, полагая, что они вряд ли вызовут всеобщий интерес, так как многим покажутся лишними. Здесь нет того вечно непреходящего интереса, который имеет, скажем, путешествие по Северной Африке или Юго-Западной Азии, где путешественник всюду встречается с бесчисленными памятниками давно прошедшего времени. Недостает здесь картин и той привлекательности, которой обладает описание тропических местностей с незнакомыми формами животного и растительного мира, с особыми климатическими условиями, со всем тем, что кажется новым и поэтому значительным и что не может не производить впечатления на фантазию всякого образованного читателя. Здесь природа повторяет во всем только северо-европейские формы,

с небольшими исключениями, и хотя естествоиспытатель и найдет для себя в этой местности много нового и своеобразного, все это в совокупности не привлекает новизной и не поражает необычайностью. Кроме того, Алтайские горы вследствие географической широты и восточного местоположения составляют такой неблагоприятный контраст по сравнению с горными местностями южных стран, что уже это обстоятельство в некоторой степени разочарует читателя. Здесь путешественник, спускаясь с горных вершин, не попадает в плодородные, веселые долины, где ясное небо заставляет забыть все трудности путешествия. Но со временем читателю, возможно, и понравится утомительное однообразие этого дневника, где описываются повторяющиеся ливни, ночные заморозки, даже в летние месяцы, и болота, которые постоянно встречаются на пути, — все то, что представляет явно невеселую картину.

Давая общее описание, я старался раскрыть своеобразие местности, так как непривлекательные свойства ее и климата нередко влияли на результаты путешествия. Климатические и географические особенности края доставляли нам немало хлопот. Например, частые переезды, иногда по несколько раз в день, со всем багажом через протекающие в долинах глубокие и бурные речки, частые дожди и низкая средняя температура воздуха очень затрудняли сохранение экспонатов естественно-научных коллекций. Обычно мы выбирали в наших палатках такое место, где можно было кое-как сохранить коллекции от дождя, тем не менее почва, на которую приходилось их складывать, была, как правило, настолько сырой, что нужно было проявлять большую заботу о коллекциях, чтобы уберечь их от порчи. Самым надежным средством было частое перекладывание растений в свежую бумагу, высушенную у костра, но при обилии коллекций это требовало большого запаса бумаги, что было непосильно для нашего транспорта, состоящего из переметных сум на вьючных лошадях. На пути не встречалось никаких станций, где можно было бы оставлять на время путешествия наши коллекции, поэтому их приходилось постоян-

но таскать за собой, а для этого требовалось значительное количество людей и вьючных животных, содержание которых в пустынных, безлюдных местностях создавало немалые трудности.

Причину того, что мы не привезли с собой из путешествия заспиртованных животных (особенно рыб, которыми так богата Сибирь), следует искать в вышеперечисленных затруднениях. Везти с собой большой запас спирта, тщательно закупоривать сосуды с находящимися в них животными и хранить их было (особенно из-за очень плохих дорог) очень трудно. Однако следует отметить, что другие коллекции удалось сохранить: мы не имели потерь ни во время нашего путешествия по Алтаю, ни в период транспортировки в Дерпт. В течение нашего путешествия мы послали в здешние ботанические сады 42 ящика с живыми растениями и семенами, которые, за небольшим исключением, благополучно прибыли к месту назначения. Возвращаясь из путешествия, я вез с собою коллекцию высушенных растений, а также минералогические и зоологические коллекции, которыми были нагружены несколько подвод; позже прибыло еще немало животных, доставленных из одного высокогорного села и приобретенных мною за определенную сумму. Всего было собрано около 1600 видов растений (не считая нескольких споровых). Почти четверть этого количества состоит из новых видов. Ботанический сад получил около 1300 видов живых растений и семян, из которых почти 500 видов до сих пор не культивировались в садах. Немало их было роздано в другие сады.

Зоологические коллекции отчасти из-за вышеуказанных причин, отчасти же потому, что некоторых животных можно было получить только зимой, оказались менее разнообразными, чем я ожидал. Кроме того, горы гораздо беднее животными, чем степи, поэтому большая часть зоологической добычи собрана д-ром Мейером; однако вскоре после моего отъезда были привезены заказанные у жителей горных селений кабарги, горные козлы и другие животные, которых можно было застрелить только зимой. Всего мы собрали 665 видов

животных различных семейств, а именно: млекопитающих — 21 вид, птиц — 64 вида, амфибий — 23 вида, рыб — 7 видов, насекомых — около 550 видов; некоторые виды более редкие, как, например, горные козлы, антилопы, кабарги, были представлены несколькими экземплярами. Были собраны также разные крупные черепа и рога каменного козла, архара и т. п.

Из минералов мы привезли, кроме многих горных пород, найденных д-ром Мейером в Киргизских степях, диоптаз, который был передан в минералогический кабинет. Местный музей получил от нас также несколько древностей хотя и небольшой ценности, найденных в чудских могилах.

В самом начале путешествия, по прибытии в Барнаул, мы обнаружили, что из взятых с собой трех дорожных барометров один разбился, и поэтому нам пришлось обходиться только двумя. Один из барометров взял я, другой — д-р Бунге; д-р Мейер в своем путешествии менее нуждался в барометре, чем мы, хотя ему, бесспорно, в ряде случаев было нужно производить измерения в Киргизских степях с помощью барометра. Я посчитал необходимым упомянуть об этом обстоятельстве, чтобы предупредить, что показания высот в Киргизских степях основаны не на барометрических данных, а на предположительных оценках.

Излишне добавлять, что дневники моих спутников я предлагаю в том виде, в каком они были получены. Я должен также принести благодарность моему прославленному коллеге, г-ну статскому советнику Парроту и г-ну статскому советнику и кавалеру Энгельгардту, из которых первый проверил и пересчитал сделанные д-ром Бунге и мною барометрические измерения, а второй имел любезность установить гностические признаки данной местности по предложенным д-ром Мейером и мною образцам горных пород и сделанным по ним замечкам. Кто представляет себе те трудности, с какими имеешь дело, совершая столь далекое путешествие, тот снисходительно извинит некоторые пробелы в этих заметках.

Что касается приложенных к дневникам карт, то я не хотел заносить в них ничего, кроме того, что мы сами

видели или узнали от заслуживающих доверия лиц. Я предпочитал оставлять белые пятна, нежели заполнять их наугад, пользуясь неточными данными. Для тех местностей, которые мы не посетили, использованы данные других путешественников, побывавших там раньше нас. Карта Колыванского горнозаводского округа, которую мне дали в Горной канцелярии в Барнауле дополнена по результатам нашего исследования юго-восточной, менее заселенной части, охватывающей малоизвестные горные цепи. Все без исключения экономико-статистические таблицы были благосклонно вручены мне его превосходительством г-ном Фроловым¹⁶, начальником Колыванских горных заводов и Томским гражданским губернатором, так что в правильности сведений нет оснований сомневаться.

В заключение считаю необходимым высказать свое мнение о г-не Джоне Дундасе Кокрене¹⁷, новейшем корреспонденте о Сибири*, чьи сведения, как уже сообщалось, часто не согласуются с моими, излагаемыми здесь. Уже сама манера, с которой он имеет обыкновение путешествовать (возможно, побуждаемый некоторым стремлением к оригинальничанью), была ни в коем случае не подходящей для серьезного исследования изучаемого края. Мне хорошо известно, что он не путешествовал пешком по Сибири, как это утверждается в заглавии его книги, а дошел лишь до Казани. Не зная русского языка, он не имел с собой и переводчика, что было поводом к недоразумениям и заблуждениям. Бросается в глаза, что расстояния, которые называет этот путешественник, никак не соответствуют действительности, так как он указывает произвольное количество миль. Кроме того, он якобы встретил (с. 82 веймарского немецкого перевода) на Иртыше, между Омском и Семипалатинском, калмыков, которых там нет. Вероятно, г-н Кокрен принял за них киргизов.

* См.: Cochran I. D. Fußreise durch Rußland und die Sibirische Tartarei, und von der Chinesischen Grenzen nach dem Eismeer und Kamtschatka. Weimar, 1925. Это — немецкий перевод английского подлинника: Narrative of a pedestrian journey through Russia and Sibirian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamchatka, performed during the years 1820, 1821, 1822 and 1823. Philadelphia — New York, 1824. (Прим. перев.)

На с. 89 он упоминает о снежном пике, расположенном справа (если идти с запада) от Усть-Каменогорска и видимом за сотню миль, который, следовательно, должен находиться в Киргизской степи. Однако никаких гор подобной высоты, которые можно было бы видеть из Усть-Каменогорска, там нет. Возможно, этот путешественник ошибся в направлении и под милями подразумевал русские версты; в таком случае он мог иметь в виду лежащие на северо-северо-востоке Ульбинские белки, которые, однако, должны были предстать перед ним в виде не отдельного пика, а целого ряда снежных гор. И город ни в коем случае не расположен в обширной, ровной, ограниченной лежащими неподалеку на востоке и западе высокими горами долине, но у юго-западных подножий Алтайских гор, на краю степи.

С. 96. Дорога ведет не берегом Ульбы, как там сказано, а берегом Убы, а затем путешественник попадает не в с. Михайловское, а на Николаевский рудник. И живут там не крестьяне, а горнорабочие, которые не имеют такого достатка, как местные крестьяне, и поэтому не могут быть такими же гостеприимными. А то, что г-н Кокрен хотел найти там гостиницу, кажется просто смешным, ибо в этой местности нет никаких гостиниц, и каждый путешественник может рассчитывать лишь на гостеприимство местных жителей, которые, как правило, не обманывают его ожиданий.

И в Змеиногорске («Змееве», с. 99) г-н Кокрен также жалуется на недостаток «гостеприимства и вежливости». Однако если, как тут описывается, в 10 часов вечера в дом входит иностранец, в странной одежде, с длинной бородой и запущенными волосами, и из-за незнания местного языка не в состоянии извиниться за свое внезапное появление, люди, безусловно, будут сомневаться в необходимости впустить к себе такого гостя.

С. 100. Автор добрался до реки Колывани. Возможно, подразумевается Колыванское озеро, в некотором отдалении от которого он проехал. «Романтическое пространство», которое он увидел по ту сторону этой несуществующей реки, представляет собой открытую степь. А с тем «очень

негостеприимным человеческим племенем», которое населяет это пространство, дело обстоит так, что крестьяне, живущие севернее Змеиногорска, не столь зажиточны, как живущие южнее, и, кроме того, некоторые из них живут не в таких хороших и чистых жилищах, нежели те. То, что г-н Кокрен считает «негостеприимством», имеет в своей основе нечто иное, так как не только я один нашел обратное высказанному г-ном Кокреном, но это ощутил всякий, кто побывал в Сибири. Сей путешественник имел причуду — пренебрегать всеми общепринятыми обычаями и не показывать своей внешностью принадлежность к высшему сословию. В связи с этим хочется спросить: в какой европейской стране путешественник горько не раскаялся бы в подобного рода странностях, ибо это, безусловно, влечет за собой различные неприятности?

Крытые повозки с замками, о которых он упоминает на с. 101 и которые якобы приличествуют лишь правительству и служат транспортом «для лучших экземпляров», на деле принадлежат возчикам руды, которые возят в них свою дорожную провизию, чтобы предохранить ее от сырости.

На девятой станции по дороге из Змеиногорска в Барнаул г-н Кокрен подъехал к р. Катунь (с. 101), хотя он находился от нее на расстоянии по меньшей мере восьми дней пути. На с. 103 добавляется, что в горных и металлургических заводах постоянно работают 55 000 чел. по 12 часов в день. Это опять-таки неправильное представление, так как он перепутал собственно горнорабочих с приписными крестьянами. Последние обязаны лишь производить определенную работу, о чем подробно будет рассказано ниже. То, что г-н Кокрен часто искажает русские наименования, объясняется незнанием языка; следует, конечно, вообще иметь это в виду, хотя я пропускаю соответствующие подробности. Нельзя также оставить без внимания то, что граничащая с чудом дешевизна, которую, по уверению г-на Кокрена, он наблюдал по всей Сибири, не может быть принята на веру только со слов, хотя, конечно, истинно, что низкие цены на продукты питания и гостеприимное

отношение жителей к путешествующим — вещь для Сибири обычная.

Впрочем, я далек от мысли ослабить интерес, который возбуждает этот мужественный и оригинальный путешественник описанием своей судьбы, однако обязан был отметить отдельные недостатки и неточности относительно посещенной нами страны. Я погрешил бы против истины, если бы не коснулся этого обстоятельства, хотя автора уже нет в живых.

Наконец, да будет мне позволено пояснить по поводу сообщений о моем путешествии, сделанных на страницах «Journal de St. Petersbourg» за 1827 г. (№ 116) и во многих других газетах. Дело в том, что они не исходили непосредственно от меня, но я не считаю необходимым исправлять отдельные места, тем более что каждый читатель этого описания легко сможет сделать это сам.

ДЕРПТ, ЯНВАРЬ 1829 г.

Ледебур.

Глава первая

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ДЕРПТА В БАРНАУЛ. ПРИБЫТИЕ В БАРНАУЛ И ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

21 января в сопровождении г-на д-ра Мейера я выехал в С.-Петербург, намереваясь встретиться там со своим вторым спутником, д-ром Бунге, который выехал туда ранее. В С.-Петербурге я попросил выдать мне необходимые документы, которые и получил в кратчайший срок по милости высшего начальства, одобрявшего цель моего путешествия. Столь быстрое решение всех дел было особенно приятно, так как мне предстояло еще проехать около 5000 верст и путь этот проделать на санях. Сани были выбраны потому, что они являются наиболее быстрым видом транспорта, и, кроме того, во время езды на колесном экипаже на далекое расстояние легко могли разбиться мои физические приборы и инструменты. Не задерживаясь в С.-Петербурге долее необходимого, я поспешил с отъездом и через несколько дней прибыл в Москву.

Дорога между обеими столицами в летнее время представляет отличное шоссе. Теперь же, из-за большого количества выпавшего снега, а также потому, что бесчисленные потоки обозов тяжело груженных саней, везшие из внутренних областей в С.-Петербург продовольствие, разные товары и вывозящие их оттуда, разрушили дорогу, она стала мучительной для проезжающих. Однако на скорость русской почты плохие дороги влияют значительно меньше, чем это было бы где-нибудь в других местах.

Почтовые станции на всем этом пути превосходны; это большие, красивые, изящно меблированные помещения, в которых предусмотрено все для удобства путников. Сдаются они за малую плату, каждый посетитель, как правило, получает все необходимое, так что если бы не спешка, можно было бы проделать путь от

С.-Петербурга до Москвы с большими удобствами.

Из-за плохой дороги я прибыл в Москву на пятый день; здесь мне предстояло тщательно подготовиться к поездке в горы и в негостеприимные степи, нужно было сделать всякого рода запасы, которых хватило бы на все лето, и приобрести на предмет обмена товары, которых в Сибири или нет или достать можно только с трудом. Такого рода хлопоты и некоторые другие обстоятельства на несколько дней задержали нас в Москве.

Во время наших сборов в Москву прибыла процессия с прахом почившего императора Александра, печальная торжественность которой захватила все сердца и заставила отложить всякие дела. На балконах домов улиц, по которым проходила траурная процессия, были поставлены ряды стульев для зрителей, где каждый мог купить себе место за 10 руб. ассигнациями. Я тоже вместе со всеми спутниками видел с балкона это траурное шествие, которое представляло довольно внушительное зрелище.

В Москве мне было приятно познакомиться с большим музеем общества естествоиспытателей, директором которого является статский советник Фишер¹⁸. Коллекция музея благодаря деятельности директора после французского нашествия вновь восстановлена, так как от прежней мало что сохранилось. Я охотно познакомился бы с ней обстоятельнее, но кратковременность пребывания в Москве позволила мне сделать лишь беглый осмотр коллекции. Знакомству с г-ном статским советником Фишером и его любезности я обязан воспоминаниями о приятно проведенном времени в Москве.

От Москвы до Казани уже не встречается ни одной настоящей гостиницы. Но, как и по пути в Москву, всюду имеются почтовые станции. На каждой станции есть запасные лошади, теплая комната, можно получить чай и кофе, с отправкой не задерживают. Однако стационарные смотрители охотнее отпускают все за плату; за плату можно и быстрее получить необходимое. Очень редко встречаются почтовые смотрители, обманывающие проезжающих, особенно таких, как я, едущих с казенной подорожной. Но тем, кто не привык ко всякой пище, необходимо возить с собой запасы. Следует брать с собою и постель. От одного города до другого обычно едут днем и ночью, не задерживаясь в пути. Такое путешествие, конечно, утомительно, но в какой другой стране можно за 27 дней, не считая остановок в разных местах, проделать путь протяженностью приблизительно 800 немецких миль* в тяжело груженном большом экипаже, в котором, кроме четырех персон, находятся также весь багаж, дорожные барометры и другие хрупкие приборы.

Из Москвы большой почтовый тракт ведет через Владимир и Нижний Новгород на Казань. Нижний Новгород — это приличный, хорошо построенный город, который по местоположению и архитектурному стилю напоминает Киев и Москву, хотя много меньше их по территории. Нижний Новгород раскинулся на многочисленных холмах; здесь много церквей, среди которых есть очень древние. На возвышенности расположена крепостная стена с башнями и шпилями своеобразного стиля, в котором есть нечто чужеродное.

Положение города при впадении Оки в Волгу благоприятствует развитию внутренней торговли. Летом здесь бывает знаменитая ярмарка, которая прежде проводилась в Макарьеве. К этому времени сюда съезжаются представители большинства европейских наций и многих азиатских: бухарцы, персы, индийцы, ташкентцы и другие. Огромное здание торгового двора, стоящее в стороне от собственно города, где иностранные купцы хранят свои товары, образует

каменную ограду, посреди которой стоит церковь. Зимой, когда лед на Волге становится вполне надежным, дорога в несколько сот верст прокладывается по реке, и на время зимнего пути в расположенных вдоль реки селах организуются почтовые станции на определенном расстоянии друг от друга. Иногда приходится проезжать такие места, где по обе стороны дороги встречаешь открытые поляны; это вначале пугает, но затем быстро успокаиваешься, так как постоянно чувствуешь заботу о безопасности проезжающих. Путь отмечен словыми ветками, натканными на определенном расстоянии друг от друга по обе стороны дороги; такую дорогу при некоторой осмотрительности не потеряешь даже в тумане. Правый берег Волги высок: холмы высотой от 200 до 300 футов круто обрываются к реке. По обоим берегам этой большой судоходной реки раскинулось множество селений; около города селения расположены близко одно от другого. Возле каждого селения стоят большие и малые суда; кое-где заложены судовые верфи, на которых строятся новые суда, так что все вокруг, даже зимой, имеет весьма деловой вид и вообще свидетельствует о зажиточности местного населения.

В 829 верстах от Москвы находится г. Казань, который располагается на левом берегу Волги. Это большой, красиво построенный и многолюдный город; в нем еще сохранились немногочисленные следы пожара 1815 г., превратившего в пепел большинство домов. Когда спускаешься с противоположного берега Волги в ее пойму, перед глазами открывается красивая панорама города. Волга имеет внушительный вид, а весной, во время половодья, ширина ее у Казани достигает нескольких немецких миль.

От Казани дорога ведет через Пермь в Екатеринбург. Подъезжая к Екатеринбургу, оказываешься на Уральской возвышенности. С европейской стороны подъем совершается настолько постепенно, что он почти не заметен. С возвышенности на западе открывается вид на холмистую долину, и, только посмотрев на восток, вдруг замечаешь, что находишься в горной местности, так как на северной и южной сторонах виднеются горные хребты с довольно высокими

* 1 немецкая миля равна 7,534 км. (Прим. перев.).

вершинами. Мое внимание привлёк склон горы, который в цветовом отношении представлял собой нечто среднее между лазурью и индиговой голубизной. Вьюга утихла, солнце вышло из-за туч и придало исключительный вид этому склону.

Станция Гротовская расположена на самом высоком из всех мест Урала, по которым проходит тракт. Рожь здесь, как мне говорили, родится плохо. До этого места, особенно между Пермью и Казанью, всюду растут большие дубовые леса. От Перми начинается появляться лавролистный тополь Палласа (*Populus laurifolia* n.), несколько далее к востоку — пихта (*Pinus sibirica*), а леса очень лесистой Вятской губернии состоят в основном из ели (*Pinus Abies*).

Екатеринбург, через который протекает р. Исеть, широко расстроился; в нем больше красивые дома, всюду видна зажиточность. В городе много достопримечательностей, однако из-за спешки я смог бегло осмотреть лишь монетный двор, шлифовальную фабрику и золотомойку. Узнав, что в Ирбите как раз в это время проходит ярмарка, я решил заехать туда, хотя ради этого пришлось сделать крюк в 200 верст. Я многого ожидал от этой знаменитой ярмарки, надеясь встретить здесь представителей разных азиатских народностей и различные товары. Но в последнее время более видное место в торговом отношении занял Нижний Новгород, а сюда привозят для продажи только сибирскую продукцию или такие европейские и азиатские заграничные товары, которые предназначаются только русскому населению Сибири и соседствующим с ним кочевникам. Из Сибири привозят мед, масло, сало, рыбий клей, мускус, кое-какую пушнину и т. п., из Европы — колониальные товары, грубые сукна, ситец, много пестро раскрашенных деревенских сундуков, обитых жёстью (которые охотно приобретают русские крестьяне и киргизы), краски, медикаменты и т. д. Кроме того, из Москвы сюда в большом количестве доставляются всякого рода сласти и пшеничный хлеб и выставляются в особых лавках для продажи. Может удивить, что здесь находятся любители хлебных изделий, привезенных за 2000 верст, хотя следует заметить, что москов-

ская выпечка очень доброкачественна — даже длительная перевозка не вредит ей*. Считают, что закупка чая в Ирбите — дело выгодное, но мне сказали, что этот товар, обычно поступающий сюда с востока, доставляется на здешнюю ярмарку из Москвы. Из мехов было много корсака (*Canis Corsack* Pall.), который продается от двух до трех рублей за штуку; видел я здесь также 10 шкурок черно-бурой лисицы стоимостью 300 руб. каждая.

Для иностранных купцов здесь есть обширный торговый двор со многими рядами лавок. Перед ними и между ними идет крытый ход, так что всюду удобно ходить.

Много лавок, заполненных товарами меньшей ценности, расположено и за пределами этого торгового двора. Когда я ходил там, любясь сутолокой, до меня донеслись звуки барабана; это извещали о представлении театра кукол, и незначительная входная плата — 10 коп. — привлекла множество народа. Я также протолкался туда, однако сюжет и само представление вполне соответствовали заведению и цене, чего и следовало ожидать.

На следующий день я выехал из Ирбита, не возместив себе, в общем, трату времени и крюк, который мы сделали, и поспешил в Тобольск через Тюмень. Дорога была прекрасная, и мы ехали так быстро, что 320 верст проделали за 24 часа. По дороге нам встретилось особенно много больших обозов, груженных частью чаем, часть ревенем. В одном из таких обозов мы насчитали 76 подвод.

Кругом всюду леса, большею частью хвойные. Села многолюдны и с хорошими постройками, хотя и имеют, из-за обыкновения пристраивать к избам пригоны для скота, беспорядочный вид. Вместо скотных дворов, которые в Сибири не строятся, обычно делается навес, а на него накладывается сено, остающееся на всю зиму неприкрытым. В таком открытом со всех сторон и редко огороженном забором пригоне скот содержится в течение всей зимы. Но и при столь не-

* Впоследствии в Барнауле, в 4000 верстах от Москвы, мне предложили к чаю московские сухарики, которые я нашел превосходными. (Прим. автора).

брежном отношении скот все же довольно хорошо развивается.

В Тобольск мы приехали в полночь 26 февраля. Здесь, как и по всей Сибири, нет гостиницы, и нам пришлось бы немало потратить труда, чтобы найти себе убежище в такое время, если бы не счастливая случайность. Нас заметил губернатор, г-н Каменский, который ездил по городу, наблюдая за порядком. Он был настолько любезен, что велел указать нам квартиру. На другой день мы осмотрели город. Он расположен на берегу Иртыша, частью на равнине, частью на довольно высоких и крутых холмах, растянувшихся вдоль реки, на некотором расстоянии от нее. Город делится на верхний и нижний. В верхней, меньшей части (в дальнем конце города) находится старинная крепость, которая оборудована теперь для других целей. Здесь же находится острог, кафедральный собор и квартира архиепископа, а также несколько частных домов. С г-ном Каменским я посетил кафедральный собор в то время, когда в нем тобольский архиепископ служил обедню. Из квартиры архиепископа, у которого был с визитом, я наслаждался видом окрестности, открывавшимся из окон его дома. Отсюда были видны нижний город, за ним — внушительный Иртыш и широкая равнина, частью покрытая лесом. Этот вид, как мне говорили, летом особенно красив.

Улицы города большею частью широкие, прямые и вполне чистые. Дома строятся чаще всего из дерева, они просторны и хорошо содержатся. Мне особенно приятно отметить улучшения, произведенные в последнее время, особенно в отношении тюрьмы, бывшей прежде, по сообщениям исследователей, в плохом состоянии. Новый корпус острога (так называется более или менее укрепленное место, где содержатся заключенные), который я посетил, состоит из шести больших камер, в которых живут ссыльные поселенцы, ожидающие дальнейшего назначения. Кроме того, в отдельных камерах содержатся особо опасные преступники; за ними постоянно наблюдает стража, которая в глазок следит за тем, что происходит в камерах. Камеры, предназначенные для тяжелых преступников, — темные. Имеется госпиталь, сооружен-

ный на 100 больничных коек, с большим числом комнат, благодаря чему больные с различными заболеваниями могут быть изолированы один от другого. Посредине госпиталя находится церковь, окруженная больничными палатами. Во время службы двери ее открываются, чтобы больные принимали участие в богослужении, не вставая с постели. Всюду соблюдается чистота. Организация этапирования заключенных за последнее время заметно улучшилась. В конце каждого дневного участка пути построены огороженные высоким забором новые дома, в которых ночуют арестанты, идущие по этапу.

В Тобольске я намеревался пробыть всего один день, но по случаю масленицы, на которую низшие классы допускают нередко излишества, многие почтовые ящики оказались пьяными, поэтому я принял приглашение гостеприимных жителей Тобольска и пробыл здесь лишних полтора дня, до конца праздника. Присутствуя на свадьбе в доме одного богатого купца, я забывал, что нахожусь не в центре Европы. Элегантно и богато одетые дамы, со вкусом сервированный стол и множество изысканных французских вин — это кажется поразительным, если принять во внимание, что находишься в столице Западной Сибири. Некоторые дамы явились в русских национальных костюмах из тяжеловесных шелковых тканей, а среди закусок подавались всякие китайские лакомства, варенья, фрукты и т. п.

Тамошний директор почты статский советник Мюллер, родившийся в России от родителей-немцев и почти в совершенстве владеющий немецким языком, имеет небольшую минералогическую коллекцию. Я осведомился у него о Геденштроме¹⁹ и его коллекции и узнал, что тот проживал здесь прежде, но несколько лет назад оставил Тобольск и уехал в Ялуторовск. Г-н Мюллер якобы сам видел в его коллекции огромные птичьи когти и перья.

Можно предположить, что Тобольск из-за присутствия ссыльных не очень удобное местожительство. Однако ссыльных здесь очень мало, их даже не замечаешь. Для большинства их Тобольск — это лишь пересыльный пункт. Здесь они получают

дальнейшее назначение и содержатся в упомянутом остроге. Некоторые направляются дальше на восток, в Томскую и Иркутскую губернии, вплоть до Нерчинска, некоторые расселяются в пределах Тобольской губернии, и лишь часть их остается в самом Тобольске. Местопребывание ссыльных определяется характером совершенных ими преступлений. Проживание в городе осужденных в известном смысле даже выгодно жителям Тобольска, которые приглашают их в свои дома в качестве домашних учителей и т. п., что обычно не вносит никаких осложнений в жизнь общества.

После трехдневного пребывания в Тобольске, где я пользовался благосклонностью губернатора г-на Каменского и статского советника г-на Мюллера, с такой предупредительностью и участием отнесшихся к планам моего путешествия, я выехал оттуда и окольным путем направился в г. Омск, где находился генерал-губернатор Западной Сибири генерал Капцевич²⁰, во владении которого были и Киргизские степи, и цепь сторожевых пограничных отрядов от г. Петропавловска до берегов восточного моря. В его помощи я нуждался для осуществления планировавшейся поездки по Киргизским степям, и поэтому выпросил распоряжение для него от министра внутренних дел и рекомендацию от г-на попечителя нашего университета, нынешнего министра просвещения, князя Ливена²¹.

Недалеко от Тобольска начинается Ишимская степь, которая, собственно, не заслуживает названия степи, если под этим разуместь совершенно безлесную ровную или холмистую равнину. По крайней мере она заметно отличается по своему внешнему виду от причерноморских степей, в которых я бывал прежде. Ишимская степь перерезана глубокими оврагами, по которым весной протекают ручьи и которые отнюдь не безлесны. Там попадаются крупные березовые леса, имеющие очень часто молодую березовую поросль. Порой встречаются обширные пространства, заросшие талом, а ближе к Омску — осиной; хвойных же деревьев я не видел здесь вовсе. С востока на запад эта местность пересекается многочисленными невысокими горными хребтами,

постепенно поднимающимися с севера и круто обрывающимися к югу*.

3 марта мы въехали в Омск. Город расположен у впадения р. Омь в р. Иртыш. Омск — бедный город, состоящий из немногих, широко разбросанных домишек, так как он трижды горел в течение короткого времени. Хотя царской милостью и предоставлялась жителям каждый раз значительная поддержка, тем не менее повторившееся несчастье расстроило благосостояние города. Однако в крепости стоит несколько хороших зданий, правда, большей частью деревянных. Здесь есть суконная мануфактура, где изготовляют сукно для форменной одежды казаков, главное управление которых расположено здесь же. Генерал-губернатор Капцевич принял меня очень хорошо и обещал всяческую поддержку. Но, к сожалению, летом он переменял свое мнение, считая, что могут возникнуть неприятности, если «возбудить подозрение у китайцев». Поэтому он выполнил только часть своих обещаний, из-за чего наш план претерпел значительное изменение. После полуторадневного пребывания в Омске мы выехали из города, так как с наступившим потеплением начал таять снег и заметно ухудшилась дорога, и поспешили добраться до Барнаула, где рассчитывали, по крайней мере некоторое время, отдохнуть от трудностей дальнего пути.

В Барнаул мы прибыли в полдень 9 марта ясным, солнечным днем и были немало порадованы приветливым видом города. Нам дали просторную квартиру, которая по милости начальника Колыванских металлургических заводов и томского гражданского губернатора — г-на Фролова, была заранее подготовлена: нас уже поджидали в Барнауле. Квартира оказалась на удивление чистой и опрятной, с приветливыми растениями, цветущими на окнах. Это меня поразило. Разделяя ходячие предрассудки, я не ожидал встретить в сибирской глуши такую аккуратность, хотя и был уже достаточно осведомлен о том, что в Европе бытует совершенно неправильное представление о Сибир-

* Это свойство постепенного подъема с севера и крутого обрыва к югу, как я заметил впоследствии, вообще присуще горным цепям Алтая. (Прим. автора).

ри. И благо: проехав 5000 верст, я мог теперь отдохнуть в спокойной обстановке. Здесь я скоро имел удовольствие встретиться со своим хорошим другом г-ном статским советником д-ром Геблером, которого до сего времени хотя и не знал лично, но уже в течение ряда лет состоял с ним в переписке. Он еще прежде сообщал мне интересные сведения о достопримечательных явлениях природы в этой местности и обещал, что начальник окажет мне самое любезное содействие. Насколько это предсказание исполнилось, можно было видеть в течение моего путешествия.

Добрая воля г-на Фролова устраняла все помехи, если причиной их не бывали неблагоприятные природные условия этой местности. Он всегда давал мне хорошие советы, когда только я в них нуждался, и оказывал всяческую помощь, посему я в самом деле ничего лучшего не могу пожелать будущим путешественникам, как только того, чтобы начальники всех областей, которые они намерены посетить, были бы к ним так же любезны и благосклонны, каким был по отношению ко мне начальник Колыванского горнозаводского округа. Да будет мне позволено выразить официально г-ну Фролову свою благодарность...

Первым долгом мне нужно было получить сведения о тех местах, которые я собирался исследовать, и набросать детальный план. Необходимо было, чтобы оба мои спутника, из которых первый должен был по собственному выбору обследовать Джунгарские степи, а второй — восточную часть Алтайских гор, как можно быстрее отправились в путь, чтобы вовремя добраться до тех пунктов, откуда им предстояло начать свои исследования. Г-н д-р Мейер занимался Киргизской степью, а г-н д-р Бунге — восточной частью гор. Первому надлежало спешить в Бухтарминск, второму — на берег Чарыша, в недавно построенную д. Чечулиху, чтобы успеть, пока не поздно, пересечь реку по льду, иначе переправа через быстрые горные речки могла отнять много времени. Так как нам пришлось начинать свое путешествие на санях, а продолжать его верхом и большей частью по бездорожью, нужно было не только запастись всем необходимым на все лето, но и позаботиться

о том, чтобы инструменты и прочие вещи, были хорошо упакованы и в то же время легко доступны. Следовало заранее подумать о том, чтобы взять с собой все, требующееся для сборов и сохранения экспонатов естественнонаучных коллекций, и постараться упаковать так, чтобы по возможности не увеличивать числа вьючных лошадей. Я распорядился приготовить палатки, которые являлись необходимой принадлежностью нашего путешествия, и позаботиться о покупке большого количества разных вещей, предназначенных для обмена у калмыков и киргизов на продукты. Это были главным образом раковины уховки-каури, или «змееголовки» (*Cypraea Moneta*)*, золотые и серебряные нити, пестрые пуговицы, иглы, наперстки, сера, свинец и другие мелкие предметы.

Запасаясь в Барнауле всем, что с нашей точки зрения было необходимым и что советовали взять наши опытные друзья, оба мои спутника выехали 18 марта в Змеиногорск, чтобы получить там нужные им верховые и вьючные седла, кожаные сумы, в которых они должны были транспортировать свой багаж, и т. д. Я пока остался в Барнауле, потому что дорога на Риддерский рудник, откуда я намеревался выехать в западную часть гор, была еще непроезжей. В той высоколежащей местности весна наступала много позднее, и отсрочка моего отъезда не была нежелательной, так как благодаря ей ускорялось снаряжение моих спутников.

Время своего пребывания в Барнауле я использовал для того, чтобы точнее и всестороннее ознакомиться с его жизнью, однако рассказ об этом хочу отложить до своего возвращения в Барнаул.

Весна в этом году начиналась необычайно рано: уже в середине марта было тепло. Дни становились все более ясными, и ночами лишь слегка подмораживало. Таяние снега шло быстро, и поэтому я надеялся в начале апреля отправиться на Риддерский рудник.

* Раковины головоногого моллюска уховки-каури, водящегося в Тихом океане, употреблялись некоторыми восточными народами в качестве мелкой разменной монеты и украшения; нанизанные на нитку, как бусы, они были излюбленным украшением алтайских женщин и девушек. (Прим. перев.).

Глава вторая

ПОЕЗДКА ИЗ БАРНАУЛА В ЗМЕИНОГОРСК. ЭКСКУРСИИ НА КОЛЫВАНСКУЮ ШЛИФОВАЛЬНУЮ ФАБРИКУ И РЕВЕННУЮ СОПКУ

9 апреля в 10 часов вечера я выехал из Барнаула, пробыв там ровно месяц. Сразу же за городом мне пришлось подняться на южный берег р. Барнаулки, возвышающийся почти на 200 парижских футов* над равниной, на которой расположен Барнаул. Подъем продолжался довольно долго из-за скверной дороги. Береговая терраса состоит из песка и глины и большей частью круто обрывается к северу, вымываясь дождевыми и снеговыми водами.

Вначале дорога ведет по равнине, на которой стоят березы и сосны, в одиночку или группами. Примерно на середине пути к первой станции (Шадринск, 25 верст) деревья совершенно исчезают и открывается песчаная степь, на которой густо растет стародубка весенняя (*Adonis vernalis*), начинающая цвести. К Шадринску песчаная почва сменяется тучным черноземом, что заметно по буйному росту зелени. За второй станцией — Калманской (23¹/₂ версты) степь продолжается, но становится холмистой, пересекается ручьями и речками, которые летом, видимо, пересыхают. Я проезжал степь как раз в ту пору, когда ее здесь обыкновенно палят. На мои вопросы мне ответили, что опаливание степей во многих местностях производится умышленно, чтобы уничтожить очень толстые и жесткие стебли прошлогодней травы, мешающие сенокосению, но нередко это происходит и случайно, из-за небрежности или озорства, когда сухие стебли, подожженные где-нибудь в одном месте, быстро распространяют вокруг себя пламя. Днем горя-

щая степь окутана окрашенным у земли в красный цвет дымом, но зато в ночное время такое море огня представляет своеобразное зрелище.

Пашен и нив вблизи селений совсем нет, они находятся примерно на расстоянии 20 верст от дороги. В окрестностях селений много обширных пастбищ для скота, особенно для лошадей, которые теперь почти ничего не находят на голой, опустошенной морозами и огнем земле, потому что единственные цветущие сейчас растения, украшавшие степи, — стародубка весенняя и прострел широкоцветный (*Anemone patens*) — несъедобны для животных. Поскольку поля расположены далеко от деревень, крестьяне, как мужчины, так и женщины, во время полевых работ, особенно во время страды, нередко неделями находятся в поле, а домой приезжают только по субботам. Даже мать, кормящая грудью ребенка, проводит много дней вдали от дома, предоставляя оставшимся там родственникам кормить ребенка козовым молоком как им заблагорассудится. Отсюда понятно, почему многие дети умирают здесь в раннем возрасте.

На пути к третьей станции (Чистюнька, 32 версты) я увидел первого суслика; в дальнейшем они очень часто встречались на всех равнинах и в обширных горных долинах. Часто попадались близ дороги тетерки и белые куропатки. До четвертой станции (Панюшево, 32 версты) и далее до пятой станции (Кашино, 23 версты) местность в общем остается неизменной, хотя постепенно поднимается, образуя низкие и очень отлогие террасы, которые тянутся с востока на запад. Прострел широкоцветный рос всюду исключительно изобильно, с голубыми, белыми и желтыми цве-

* Парижский фут — старинная единица меры длины, равная 0,3247 м. Парижский фут состоит из 12 парижских дюймов, а 1 парижский дюйм — из 12 парижских линий; далее в тексте, для краткости, — фут. (Прим. перев.)

тами, но полностью расцвели только голубые, остальные же были пока еще в бутонах. На пути к Шипуновой* (32 версты) в ложбинах и вокруг маленьких озер встречались березы, но с кривыми стволами, вероятно, потому, что они каждый год страдают от палов. Ближе к станции почва становится снова песчаной и местами показывается белый соляной налет.

В низинах еще лежал снег. От Шипуновой по очень длинному мосту переезжают через Алей к Калмыцким Мысам (29 верст), где снова появляется чернозем. И вновь местность, как и раньше, ровная. У Калмыцких Мысов протекает Локтевка, которую обычно переезжают по мосту; но нынешней весной река снесла мост, и я ехал по западному берегу. Берег этот низменный, как и вся местность, по которой мы до сих пор двигались; на берегах, насколько можно рассмотреть из-за излучины реки, видны заросли ивы и ольхи. На восточном берегу высится ряд холмов. Между этой станцией и следующей (Курынск, 35¹/₂ версты) есть пологий, но длинный подъем.

От Курынска до Саушки (27¹/₂ версты) дорога идет также на подъем по степной местности. Здесь цвели, кроме упомянутых растений, лютик многокоренной (*Ranunculus polyrhizos*), желтый тюльпан и новый гусятник нитевидный (*Ornithogalum angulosum* n.). Встречался также караганник карликовый (*Robinia pygmaea*) с распускающимися бутонами. Теперь горы виднелись все отчетливее, их вершины выступали одна за другой из голубой дали. Саушка — последняя станция перед Змеиногорском — расположена у самого подножия горы, близ Колыванского озера, в окрестностях которого находятся известные гранитные скалы, имеющие совершенно необычайную форму. Было уже поздно, а мне предстояло сделать еще 19¹/₂ версты до Змеиногорска, поэтому приходилось спешить, чтобы попасть туда до наступления ночи. У дороги в изобилии росли упомянутые лютик многокоренной, новый гусятник и татарская жимолость (*Lonicera tatarica*). Остатки прошлогодней травы указывали на разнообразие расте-

ний, которые, однако, не все можно было определить.

Свой путь от Барнаула до Змеиногорска я проделал не без остановок, кое-где в деревнях задерживаясь на ночлег, и на этот путь в 280 верст мне понадобилось около трех дней. 12 апреля я добрался до Змеиногорска (или Змеева) — горного города, занимающего малое пространство. Город находится в Чарышском округе Томской губернии на 51°9'27" с. ш. и 99°49'30" в. д., по Ферро, на высоте 1201 фута над уровнем моря, у подножия Алтайских гор, среди множества холмов, которые на западе теряются в равнине между Обью и Иртышом. Если ни в Барнауле при отъезде, ни по дороге в степи я не встретил снега нигде, кроме отдельных ложбин, то в этом городе я увидел большие сугробы. Меня очень поразило это явление, и мне рассказали, что здесь ежегодно выпадает много снега, а иногда в таком изобилии, что все улицы и дома, которые находятся в долинах, покрываются сугробами до верхушек крыш, и жителям приходится проделывать ходы в снегу, в то время как на некотором расстоянии от Змеиногорска, например у Локтевского завода (70 верст отсюда), снега выпадает очень мало или вовсе не бывает, так что скот почти всю зиму может добывать себе корм.

В Змеиногорске и окрестных степях нередко бывают снежные метели, известные здесь под названием буранов, сопровождающиеся сильными холодами, которые подвергают опасности путников. Начинаются бураны так быстро и неожиданно, что редко можно принять против них меры. Если такой буран застигнет в пути, то останавливаются на самой дороге, дают засыпать себя снегом и в таком состоянии переживают непогоду. От рыхлого снега можно впоследствии легко освободиться, по крайней мере, человек не сбивается с пути и, находясь на столбовой дороге, может получить помощь от проезжающих. Если же поспешить во время бурана, рассчитывая доехать до жилья, то можно легко сбиться с дороги и заплутать окончательно. Обычно снег падает сначала большими сырыми хлопьями, и если после непогоды или во время нее начинается сильный мо-

* В подлиннике: Чепанова. (Прим. перев.).

роз, как это часто случается, то положение становится еще опаснее.

Мне рассказали такой случай. Одна женщина поехала с двумя сыновьями из степного селения, расположенного неподалеку от Барнаула. Поехали они при хорошей погоде, но через четверть часа после отъезда поднялся буран, и они начали торопиться. Она свернула с дороги, возможно, намереваясь вернуться, и родственники, которые тотчас же отправились на розыски, нашли ее уже мертвой. Детей она накрыла своим тулупом, и они оба оказались живы. Рассказывали также, что тогдашний начальник Змеиногорска однажды попал в буран, отойдя прогуляться всего за четыре версты от города. Тотчас же на поиски было послано из Змеиногорска множество людей, и это спасло его от гибели.

Мне повезло, так как во время путешествия в Сибирь и обратно не пришлось пережить ни одного бурана. Кто желает прочесть описание этого явления, сделанное очевидцем, найдет его в «Сведениях об Алтайских горах» Ренованца (с. 165)²².

Население Змеиногорска, кроме нескольких купцов, состоит в основном из горных офицеров и их семей и рабочих горного завода. Число последних не всегда одинаково, так как по мере надобности их или прикомандировывают, или отзывают на другие рудники. Теперь их около 4000 чел. На большой открытой площади стоит привлекательная на вид построенная несколько лет тому назад церковь. Лазарет, рассчитанный на 250 больных и 50 пострадавших от несчастных случаев, находящийся рядом с хорошо снабжаемой аптекой, помещается в просторном здании; в этом учреждении господствуют чистота и порядок. Рядом разбит сад, принадлежащий госпиталю, где выздоравливающие могут дышать свежим воздухом. Плавильный завод расположен приблизительно в версте от города, к западу от него, у речки Корболихи. В Змеиногорске есть горная контора, в ведении которой кроме здешнего рудника находятся и все остальные, за исключением находящихся поблизости Локтевского и других, южнее его расположенных рудников.

«Змеиногорский рудник», славящийся богатой добычей серебра, «был открыт в 1745 году, еще в то время, когда Колыванские рудники находились в ведении действительного статского советника Акинфия Никитича Демидова, заложившего местные рудники в 1725 году. Пласт Змеиногорского рудника слагается в основном из тяжелого шпата, частью из кварца. Подошва состоит из роговика, местами рудоносного, кровля — из сланца. Тяжелый шпат имел в объеме 83 863 кубической сажени, кварц — 13 600 сажень; первый весил 213 012 489 пудов, последний — 21 216 032 пуда. Общий вес — 234 228 521 пуд. Пласт расположен с востока на запад, под углом 129°. Наклонение его — 139 сажень, причем он уходит вниз по вертикали на 91¹/₂ сажени. С 1747 года, когда Колыванское горное дело²³ стало собственностью царского Кабинета, и до 1825 года было получено 75 016 102¹/₂ пуда предназначенной для плавки руды, в которой содержалось 52 478 пудов 7 футов золотосодержащего серебра. В каждом пуде серебра было в среднем 2 золотника 65 долей золота. Выплавлено уже 41 092 пуда 16 футов серебра»*.

Богатство Змеиногорского рудника и его размеры превосходят, по-видимому, богатства и размеры всех известных серебряных рудников. Прежде металлургические заводы получали от него по 600 пудов серебра ежегодно, т. е. приблизительно ²/₃ всего количества серебра (равного 1000 пудам), которое ежегодно поставлялось Колыванскими металлургическими заводами. Вследствие такой интенсивной добычи рудник этот теперь уже почти истощен, и после расчета, произведенного в 1818 г., он содержал только 3141 пуд серебра. Учитывая такое истощение рудника и принимая во внимание количество серебра, которое можно добывать из других рудников Колыванского горного округа, было установлено, что к серебру, поставляемому в течение года, Змеиногорский рудник обязан добавлять только по 80 пудов в год. Хотя

* Заключенные в кавычки сведения представляют не что иное, как надпись на доске, которая находится над моделью Змеиногорских горных разработок в барнаульском музее. (Прим. автора).

добыча на руднике теперь намного уменьшилась по сравнению с добычей прежних лет, считают, что машины и главные разработки нужно оставить в том же состоянии, ибо глубже есть еще руда. Специалисты очень хвалят используемый здесь гидравлический механизм. Для того чтобы приводить его в движение, на маленькой речке Змеевке устроена плотина. Благодаря плотине высотой в 9 сажен вода речки и нескольких источников собирается в большой пруд. Затем скопившаяся вода вытекает из пруда потоком, который на протяжении 241 сажени идет под землей, выходит на поверхность и 130 сажен течет открытым каналом на большое колесо, называемое «Преображенское» и служащее для подъема руды. Отсюда другим подземным каналом длиной в 60 сажен вода течет к другому рудоподъемному колесу («Екатерининскому») и снова устремляется по подземному каналу длиной в 30 сажен на огромное колесо диаметром в $6\frac{1}{2}$ сажени. Это колесо, называемое также «Екатерининское», или «Слоновая машина», служит для подъема подземной воды. Таким образом, одна и та же масса воды приводит в движение четыре колеса*. Эта установка была изобретена Фроловым, отцом нынешнего начальника Колыванских заводов, и сделана по его указанию²⁴.

Внутри рудника образовался целый лабиринт ходов, закрепленных деревянными стойками или каменной кладкой; ходы, высеченные в твердой породе, совсем не нуждались в креплении. Глубина рудника составляла прежде 110 сажен. «Иванова штольня», которая служит для стока поднимаемой большими колесами воды, имеет в длину 500 сажен. Отделение руды от пустой породы происходит следующим образом. Поднятая на поверхность руда либо разбивается на кусочки и сортируется, для чего используется множество маленьких мальчиков — «рудобойцев», либо

промывается способом, применяемым в Венгрии²⁵.

Для транспортировки руды нынешний начальник построил еще в 1810 г. железную дорогу²⁶, по которой одна лошадь перевозит в двух вагонетках 400 пудов и более. Длина дороги — 1 верста 200 сажен*.

В Змеиногорске я осмотрел плавилиню, а затем побывал в руднике. Глубина, на которой там работали, достигала 62 сажен. Спуск был спокойный, пологий, но все — подземное движение, эта деятельность людей, работающих в помещениях, не освещаемых дневным светом, — имеет нечто своеобразное. При тусклом свете рудничных лампочек вглядываясь в темные ходы, из которых появляются темные фигуры и проходят мимо; рабочие, хорошо зная расположение рудничных ходов и коридоров, обычно не пользуются своими фонариками. Движение огромных водяных колес, особенно «Слоновой машины» 19 аршин в диаметре производит ужасный шум. Подземная вода поднимается на высоту 60—70 сажен. Шум этот слышен задолго до того, как приближаешься к колесам, не без страха проходит новый человек мимо колес по доскам, омываемым водою, положенным кое-где в качестве мостков над подземными водами, и наблюдает на близком расстоянии за быстрым вращением колес.

Здесь действуют также две кузницы, одна на глубине 17, другая — 30 сажен. В них идет оживленная работа, и мрачные скалистые своды, освещенные заревом горнов, производят необычайно эффектное впечатление. А падение молота на наковальню здесь, в этом скалистом помещении, вызывает особое звучание.

Горы вокруг Змеиногорска состоят главным образом из глинистого сланца, сильно разрушенного на поверхности. К юго-востоку они спускаются отлого, к востоку — несколько круче. Горы эти, судя по названию одной из них («Лесистая»), были некогда покрыты лесами, от которых не осталось и следа; теперь растительность, насколько я мог судить, такая же, как и всюду в этой местности. На вершине, между расщелинами скал

* А. И. Кулибин называет следующие размеры водоналивных колес Змеиногорского подземного сооружения (м): «Преображенское» — 4,3; «Екатерининское» — 4,3; «Второе Екатерининское» — 13,9; «Вознесенское» — 13,5. «Горный журнал». 1936. Ч. 1, кн. 2; Ч. 3, кн. 4 (Прим. перев.)

* Описание ее дано в «С.-Петербургском журнале», издаваемом под редакцией Августа Олдекопа, т. 10, с. 3—5. (Прим. автора.)

росли барбарис сибирский (*Berberis sibirica*), несколько ниже — колюрия гравилатовидная (*Stevensia geoides*) и в тени каменных глыб — сибирская камнеломка (*Saxifraga sibirica*), еще ниже — одуванчик лекарственный (*Leontodon arcuatus* (?) Tausch), бурачок сибирский (*Allysum tortuosum*), проломник большой (*Androsage maxima*), лапчатка степная (*Potentilla opaca*), фиалка песчаная (*Viola arenaria*), исключительно много кукушкиных слезок (*Iris rithenica*), оносма обыкновенная (*Onosma simplicissimum*), козелец (*Scorzonera*), незабудочник скальный (*Myosotis rupestris*), репка колючая (*Crassula spinosa*) и др. Обычные кустарники здешней местности — жимолость татарская (*Lonicera tatarica*), таволга зверобоелистная (*Spiraea hypericifolia*), шиповник колючий (*Rosa altaica*), кизильник черноплодный (*Mespilus cotoneaster*). Они растут гуще или реже в зависимости от того, как часто около них на склонах жгли прошлогоднюю траву. Самая высокая из находящихся неподалеку от Змеиногорска гор — Караульная сопка, поднимающаяся на 2006 футов над уровнем моря и на 805 футов выше уровня Змеиногорска. За ней следует Пригонная сопка, находящаяся к северу от города и удаленная от него приблизительно на расстояние версты. Последняя поднимается на высоту до 1462 футов над уровнем моря.

На западо-юго-западе от города, близ речки Корболихи, находится несколько известняковых каменоломен, в которых очень часто встречаются окаменелости (кораллов?), хотя и в очень неясной форме. Неподалеку от них на холмах густо цветет астрагал крупноцветный (*Asrtagalus megalanthus*) с белыми и розоватыми цветами. Встречаются также крупка лесная (*Draba lutea longipes*), кукушкины слезки и почти все те растения, которые я встречал прежде на других горах; на вершинах между расщелинами скал растет барбарис сибирский. Южнее Змеиногорска находится источник, называемый Демидовским, с исключительно хорошей водой, но в окрестностях Змеиногорска вода обыкновенно мутная и безвкусная. Этот недостаток здесь не так заметен, если принять во внима-

ние, что все вместо воды пьют квас*. Я нашел здесь медунку мягкопушистую (*Pulmonaria mollis*) с голубыми и белыми цветами.

Так как заказанные мною вещи, которые мне нужно было взять с собой в Риоддерок, не были еще готовы, я решил свободное время использовать для знакомства с окрестностями города. 15 апреля при ясной, но довольно холодной погоде я отправился на Колыванскую шлифовальную фабрику на так незываемой подставе. Это очень длинная телега, в середине которой между осями закреплен короб, покоящийся на длинных жердях, упругость которых смягчает толчки. Телега имеет еще одно очень хорошее свойство: благодаря своей длине она довольно устойчива и почти не опрокидывается на плохой дороге. На протяжении первых девяти верст до с. Черепаново, где находился серебряный рудник, местность подобна окрестностям Змеиногорска: всюду безлесные холмы из глинистого сланца, почти сплошь заросшие травой; тут и там попадаются мелкие кустарники — шиповник (*Rosa*), таволга (*Spiraea*), карагана карликовая (*Robinia pigmaea*). В низинах я часто встречал ивы, мужские цветы которых начинали как раз распускаться. Здесь же, а также и на других, еще влажных местах, в большом количестве росли кандык сибирский (*Erythronium Dens Canis*), а кроме того, красивая желтая хохлатка (*Corydalis bracteata*), фиалка пушистая (*Viola hirta*), фиалка душистая (*Viola odorata*) и медунка мягкопушистая, которые в это время уже цвели. Подъезжая к с. Черепаново, мы переехали Большую и Малую Каменки, которые впадают в Корболиху, протекающую сразу же за селом. На скалах, высящихся вдоль ее берега, я нашел цветущую леонтицу алтайскую (*Leontice altaica*), ветреницу голубую (*Anemone coerulea*) с белыми и синими цветами, лютик многокоренной, тюльпан трехцветный (*Tulipa tricolor*), гусятник нитевидный, хохлатку желтую и ветреницу алтайскую (*Anemone altaica*), которая часто встречалась по дороге, еще не цветущие репку колючую, скры-

* Квас — это напиток, изготовленный из заквашенной муки и воды, который употребляется по всей России. (Прим. автора).

пун гибридный (*Sedum hybridum*), порезник бухтарминский (*Seseli buchtormense*), марьин корень (*Paeonia anomala*), желтую акацию (*Robina Caragana*), кизильник черно-плодный и многие другие растения.

Проехав семь верст, мы оказались у подножья Глядня*. До сих пор по обе стороны дороги встречались большей частью лишь голые холмы и низменности между ними, сильно заболоченные в это время года. На юго-западном склоне Глядня на протяжении пяти верст приходится пере-езжать немало бурных речек, вероятно, безымянных, по крайней мере, моим спутникам их названия не были известны. На северо-восточном склоне пенится Суета, которая течет в северо-западном направлении к Ефтифеевке и вместе с ней вливается в Локтевку, возникающую у подно-жия Синей сопки.

Глядень до самой вершины был по-крыт густым лесом из пихты, одного вида тополя (вероятно, лавролистно-го) и берез. Поросль составляли ка-лина (*Viburnum Opulus*), разные ви-ды ив, шиповники, а на крутых сол-нечных склонах — татарская жимо-лость. Вокруг в беспорядке были на-валены стволы деревьев, они часто лежали поперек дороги, так что нам постоянно приходилось их отбрасы-вать и пробивать себе дорогу с по-мощью топора. Близ дороги встреча-лись глубокие овраги. Мне указали северо-западную вершину, как высо-чайшее место Глядня, высоту кото-рой я определил в 1856 футов. Одна-ко другая вершина, на которую я не смог взобраться из-за большого коли-чества лежавшего на ней снега, каза-лась еще более высокой. Местность за Гляднем до Колывани в точности напоминала окрестности Змеиногор-ска. Мне нужно было переехать Еф-тифеевку и в пяти верстах от Колы-вани по мосту — Локтевку. В Колы-вань я приехал вскоре после полудня, где был гостеприимно принят мест-ным начальником бергмейстером Ла-улиным, которому меня порекомен-довал г-н Фролов.

Колывань** — местечко, красиво расположенное на реке Белой в

30 верстах от Змеиногорска, на высо-те 1209 футов над уровнем моря. Здесь в 1725 г. был основан Демидо-вым первый на Алтае металлургиче-ский завод, и от этого селения все горные и металлургические заводы получали название Колыванских, или Колывано-Воскресенских. Не следует смешивать, как случается во многих статистических сочинениях, эту Колывань с другим местом такого же наименования, которое находится к северо-западу от Барнаула и к юго-западу от Томска, на правом берегу р. Оби. Когда в царствование импе-ратрицы Екатерины были учреждены наместничества, с Чаудск, переиме-нованное в Колывань, стало центром Колыванского наместничества, в ко-тором находилась администрация. С упразднением наместничеств новый главный город построен не был, поэ-тому Колывань стала окружным го-родом Колыванского округа; в этом округе рудников нет, но они есть в Кузнецком, Барнаульском и Чарыш-ском округах. В последнем находится шлифовальная фабрика, или, как ее здесь называют, Колыванский шли-фовальный завод, который был пере-несен сюда из с. Локтевска. Метал-лургического завода в округе в насто-ящее время нет.

Шлифовальная фабрика произво-дит работы исключительной ценно-сти, большей частью по порфиру и яшме разных цветов. Прекрасные формы и колоссальная величина мно-гих ваз, колонн и чаш действительно изумительны. Все эти изделия — собственность царского Кабинета и отправляются в С.-Петербург. Здания фабрики и кузницы, в которых изго-

ского государства» Гейма, где нашел слово «колебать» — приводить в движение, качать. Так как вода Колыванского озера колеблется при незначительном ветре, такое объяснение показалось мне мало подходящим. Мой знаме-нитый коллега г-н коллежский советник и ка-валер проф. Василий Перевозчиков предложил другое толкование, которое мне представляется более точным. Это название может быть про-изведено от слова «колыба», которое по-рус-ски, сербски и чешски означает хижину, бес-седку, шатер: ведь здесь, несомненно, до нача-ла работ на руднике была сооружена какая-то кровля. Кроме всего этого, наименование «Ко-лывань» можно объяснить словами из чешского языка, а именно: Koly — частокол, а Bálě или Bál — шпиль башни, что может иметь отно-шение к существовавшей здесь прежде крепо-сти; есть и другой вариант: Koly — частокол и Bálsty — горный, что можно еще определен-нее выражать понятие «горная крепость». (Прим. автора).

* Так называют безлесные низменные тер-расы или горы, с которых открывается обшир-ный вид. (Прим. автора).

** Заинтересовавшись значением этого на-звания, я заглянул в «Энциклопедию Россий-

товляются все инструменты для нужд фабрики, располагаются у Белой; ее воды приводят в движение колеса, с помощью которых производятся работы.

Рабочие здесь, как и на всех колыванских рудниках, металлургических заводах и прочих фабриках, рекрутированы из местных крестьян и их детей. На шлифовальной фабрике их число обычно составляет 300 чел. В особых случаях, например при транспортировке больших каменных глыб и т. п., число рабочих на некоторое время увеличивается. Положение рабочих всех предприятий относительно одинаково; подробно об этом пойдет речь ниже. Кроме того, царский Кабинет ежегодно представляет 20 тыс. руб. на содержание тех предприятий, которые находятся в ведении не барнаульской горной канцелярии, а непосредственно начальника Колыванских горных заводов. Я просматривал чертежи изготовленных здесь изделий, на которых были указаны точные размеры. Среди этих изделий были чаши более 6 прирейнских футов в поперечнике, а в 1819 г. в С.-Петербург отправил вазу из цельного куска яшмы размером 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма в поперечнике*. Яшму и порфир, которые здесь шлифуют, ломают главным образом близ р. Коргон. Во время моего посещения находились в обработке две колонны из зеленой и белой огнистой яшмы, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма и свыше фута в диаметре — все без сращения, из одного цельного куска. Много таких колонн было уже отправлено в С.-Петербург. Далее я видел большую вазу 8 футов 8 дюймов в поперечнике, которую уже начали обрабатывать. Был почти закончен барельеф по превосходной модели известного ваятеля графа Федора Толстого; барельеф получился чрезвычайно удачным. Это поясной портрет императора Александра в полном вооружении, в римском одеянии, и под портретом, на отдельном поле, изображена битва под Лейпцигом, со множеством фигур, находящихся в суетоке сражения. Работа над этим барельефом, производившаяся с огромным прилежанием, заняла три го-

да. Прекрасно служит этой цели используемый материал — одноцветная светло-желтая яшма, так как цвет камня очень близок к цвету того минерала, который в Италии часто идет на производство античных гемм*. Полностью законченными видел я также два пьедестала, каждый по 4 фута высотой, из серой с фиолетовым оттенком яшмы, две вазы по $1\frac{1}{2}$ фута высотой из бледно-красноватой яшмы, две небольшие вазы из зеленоватой яшмы и многие другие изделия. Здесь имеется также собрание моделей, по которым производились работы, заготовки античных гемм и т. п., коллекция всех встречающихся на Алтае разновидностей яшм, порфиров, брекчий, агатов и т. д. Все они снабжены номерами, служащими для того, чтобы можно было точно указать месторождение, а также чтобы сообщить в С.-Петербург (где находится такая же коллекция с такими же номерами), из какого материала изготовлен тот или иной заказываемый предмет.

Чтобы дать более полное представление о ценности изделий, которые здесь шлифуют, я должен добавить, что, как мне сообщил здешний начальник, одна ваза, около 8 футов в поперечнике, оценивается на месте в 35 000 руб. ассигнациями, хотя согласно существующему порядку, установленному царским Кабинетом, труд рабочих оплачивается очень низко. Из-за отдаленности столицы трудность транспортировки такой большой вещи весьма ощутима: требуется много специальных приспособлений. Для этой цели изготовляют специальные сани, в которые впрягают до 12 лошадей; перевозку производят зимой и дорогу во многих местах предварительно разравнивают. До Екатеринбурга изделия везут сухопутным транспортом. Там оно находится до лета, после чего по Каме и далее отправляется в С.-Петербург. Впрочем, нельзя не сказать о том, как хорошо умеют в Колыванском горнозаводском округе с помощью несложного механизма доставлять на фабрику огромные каменные глыбы; это обычно делается людьми, ибо ло-

* О некоторых наиболее примечательных здешних изделиях см. ниже (Приложения, № 1) (Прим. автора).

* Эта работа была предназначена в подарок императору Александру на случай, если бы во время его предполагаемого путешествия на Алтай он посетил шлифовальную фабрику. (Прим. автора).

шади тянут недостаточно равномерно. Если величина сделанной вазы достигает 15 футов в поперечнике, то можно себе представить, какую тяжесть должна иметь заготовленная необработанная глыба яшмы! Нередко при перевозке одной такой глыбы бывают заняты 300 чел.

У меня было намерение подняться на следующий день на Синюю сопку, которая находится отсюда на расстоянии шести верст. Тотчас же по моем прибытии здешний начальник послал верхового узнать, с какой стороны можно подняться на нее в такое раннее время года и осуществимо ли это вообще. Посланный вернулся к вечеру, но принес плохое известие, что на северо-западной стороне, с которой обычно поднимаются на эту гору, лежит еще слишком глубокий снег. Северо-восточная сторона настолько крутая, что подъем по ней невозможен, а на юго-западной стороне нужно преодолеть вброд множество речек, причем некоторые из них без специальной подготовки считаются непроходимыми. Подготовка же требовала так много времени, что мне пришлось отказаться от своего плана. Позже, во время путешествия, мне, конечно, приходилось переезжать без всякого подспорья, т. е. без мостов, лодок и т. п., просто бродом, бурные и крупные реки, однако вначале я еще почти не освоился с такими способами передвижения, которые требуются в условиях здешней местности.

Ожидая нарочного с известием о состоянии дороги, я получил другое, поразившее меня самым неприятным образом, письмо от д-ра Бунге, в котором он сообщил мне, что неподалеку от места его пребывания, в д. Чечулихе, появилась банда взбунтовавшихся рабочих, позволяющая себе разные насильственные действия. Хотя Бунге писал, что по отношению к нему во время нападения на Чечулиху они были настроены весьма дружелюбно, можно ли было доверять очень изменчивому настроению такой толпы. Конечно, я имел основания опасаться, что это могло стать значительным препятствием для моего путешествия, ибо опыт прежних лет показывал, как трудно бывает переловить людей, защищаемых непроходимостью диких и малознакомых гор,

где они знают каждый укромный уголок. Однако это обстоятельство, как впоследствии выяснилось, не повлияло на ход моего путешествия.

На следующий день, 16 апреля, рано утром я отправился в обратный путь в Змеиногорск и прибыл туда уже вскоре после полудня. Был очень теплый день, хотя ночью порядочно подморозило, и речки из-за сильного таяния снегов вздулись еще больше, чем накануне. Если раньше приходилось не только переезжать бурно низвергающиеся горные речки, но нередко дорогой служило и их русло, то теперь, на обратном пути, когда я к этому уже привык, мне доставляло удовольствие ехать против течения по руслу дикой бушующей, низвергающейся Суеты. Дорога была настолько крутой, что начальник в Колывани велел запрячь мне шесть лошадей, полагая, что четверки, на которой я приехал в Колывань, будет недостаточно для того, что затащить на Глядень мой экипаж. В самом деле, лошади часто с огромным трудом вывозили небольшой, без багажа, экипаж, особенно, если дорога шла по такому месту, где лежали рыхлые снежные массы в несколько футов толщиной. В других местах снег был настолько твердым, что по нему можно было ехать над пропастью, в которой протекали уже потоки, в то время как верхний пласт еще служил мостом для проезжающих. В таких случаях едут краем снежного моста, чтобы видеть толщину наста и иметь возможность судить о том, сможет ли он выдержать тяжесть. Несмотря на то, что во многих местах было еще много снега, черемуха (*Prunus Padus*) начала распускать свои почки.

23 апреля я выехал на Ревенную сопку в 35 верстах от Змеиногорска, по соседству с которой находится яшмовая камнеломня. Ехать все время нужно в юго-восточном направлении, не удаляясь от города, сначала через речку Змеевку, потом, пятью верстами далее, через Березовку, а в восьми верстах от Змеиногорска — через Большую и Малую Гольцовки. Местность до сих пор была совершенно однообразной: такие же, как и близ дороги — обычные кустарники и травы, на низменных местах — заросли тала. Обе Гольцовки текут в узких долинах, по сторонам которых подни-

маются возвышенности; на берегах речек растут березы, пихты и тополя. Дальше, на склонах холмов, встречаются такие же виды деревьев, но до Лазаревского серебряного рудника (20 верст от Змеиногорска) лес редкий. Здесь живет много рабочих в чистых хорошо построенных домах; видно, что люди живут зажиточно. Ожидая проводника и верховых лошадей, я задержался у дома смотрителя.

Сопка лежит на высоте 1650 футов над уровнем моря. Неподалеку от этого места, на северо-востоке, поднимаются горы значительной высоты; они того же строения, что и окружающие Змеиногорск. Когда едешь в юго-восточном направлении, по дороге к Ревенной сопке, то переваливаешь через довольно высокий, весьма лесистый горный хребет, на котором в то время лежало еще очень много снега, часто его было столько, что лошади проваливались по брюхо. Чем выше становилась местность, тем больше встречалось сугробов, так что мне пришлось, в конце концов, покинуть экипаж и продолжить путь пешком.

Местная растительность отстает в своем развитии от растительности в окрестностях Змеиногорска не меньше чем на неделю. Березы и ивы, встречавшиеся там лишь кое-где в садах, имели уже довольно-таки крупные листья, а здесь у них только-только начинали распускаться почки; многие травянистые растения, которые в Змеиногорске уже отцвели, например хохлатка желтая, кандык сибирский, гусятник нитевидный и другие, здесь еще были в полном цвету. Кроме упомянутых деревьев, здесь растут черемуха и рябина обыкновенная (*Sorbus Aucuparia*); из кустарников встречаются бузина красная (*Sambucus racemosa*), казырган (*Ribes petraeum*) и калина. Высота стеблей травянистых растений очень велика; еще и теперь стояли отдельные высохшие прошлогодние стебли зонтичных растений, вероятно, одного из видов дудника (*Angelica*), достигающие без верхушек почти восьми футов.

Спустившись по противоположному склону с обеих сторон полого снижающегося горного хребта, мы подъехали к маленькой речке Лаговушке,

а по ее руслу — к нескольким избам, возле которых на высоте 1915 футов над уровнем моря находится яшмовая каменоломня («Ревеннушский каменный лом»). По обе стороны этой речки ломают яшму. На южном берегу мы обратили внимание на огромную глыбу с серо-зелеными и белыми полосами, около 10 сажен высоты и такой же ширины. Глыба лежала в направлении с северо-востока на юго-запад, вертикальные полосы различной ширины шли волнообразно. От нее раньше уже откалывались отдельные куски, из которых, как рассказано выше, делались в Колывани колонны. Сначала эти куски тут же, на месте, грубо обтесываются для более удобной перевозки и уменьшения тяжести. Для этой цели построено специальное здание. Нынешней весной работы еще не начинались, и поэтому здесь проживало всего несколько человек, охранявших инструменты и разные устройства. Неподалеку от этой глыбы из обрывистого берега выступают меньшие. Яшма однообразно серого цвета есть по ту сторону речки. В русле речки встречаются отдельные маленькие гранитные валуны.

На расстоянии одной-двух верст отсюда расположены три вершины, которые все вместе называются Ревенная сопка, — северная, южная и средняя. Последняя, лежащая несколько дальше к востоку, наиболее высокая. Я поднялся на нее с южной стороны. Сначала подъем на гору был довольно пологим, но последние 400—500 футов он стал настолько крут, что приходилось с трудом взбираться на гранитные глыбы, порой цепляясь за них руками и ногами. Между ними среди всяких обломков растут кизильник черноплодный, можжевельник казачий (*Juniperus Sabina*), смородина черная (*Ribes nigrum*), рябина, береза бородавчатая (*Betula alba*), пихта, таволга зверобоелистая, барбарис сибирский и шиповник колючий, но все — в виде кустарников. Стебли, едва поднявшись на несколько дюймов над почвой, начинают ползти, прижимаясь к каменистой россыпи. На верхнем плато этой горы растения совершенно отстали в развитии. Скрыпун гибридный, репка колючая, порезник бухтарминский, тимьян (*Thymus*) и лук

(*Allium*) только начинали пускать ростки, в то время как крупка (*Draba*), — возможно беловато-пушистая (*confusa*) выпустила свои цветоножки, а прострел широкоцветный стоял уже в полном цвету. В небольших ложбинах на южной стороне цел еще пьяный корень (*Corydalis nobilis*), но следов ревения (*Rheum*), от которого гора получила свое название, я нигде не нашел. С этого плато поднимается еще отдельная вершина, образованная из больших глыб, нагроможденных одна на другую, вскарабкаться на которую мне удалось лишь с превеликим трудом. На вершине горы дул столь сильный северный ветер, что нельзя было стоять, выпрямившись во весь рост. Заметив среди скалистых глыб место, защищенное от ветра, находившееся примерно на пять футов ниже вер-

шины, я, чтобы иметь возможность в безопасности наблюдать за барометром, перебрался туда и установил, что высота места, где я находился, составляет 3088 футов над уровнем моря. Спустившись с вершины, — что оказалось делом еще более трудным, чем подняться на нее, — я опять поехал к тому месту, где оставил свой экипаж, а затем направился на Лазаревский рудник, к дому смотрителя. Здесь мне еще раз пришлось убедиться в том, насколько живущим в этой местности представителям низших классов свойственно гостеприимство: мой хозяин не разрешил мне распачковывать чайный сервиз и просил позволения угостить меня. Приветливо и сытно попотчевав меня, он богато одарил и моих людей. В тот же вечер я выехал в Змеиногорск, куда и прибыл поздним вечером.

Глава третья

ПОЕЗДКА ИЗ ЗМЕИНОГОРСКА НА РИДДЕРСКИЙ РУДНИК. ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ

25 апреля сообщили, что дорожные принадлежности, приготовление которых во время моего пребывания в Змеиногорске задержалось пасхальными праздниками, готовы, и в тот же день после полудня я отправился на Риддерский рудник. Расстояние между Змеиногорском и Риддерском составляет 184 версты. К двум первым станциям путь лежит прямо на юг по большому почтовому тракту, ведущему на Семипалатинск, и дальше по казачьей линии. До первой станции (Екатерининская, 29 верст) дорога идет по ровной степи, на которой с востока на запад простираются небольшие возвышенности. Те растения, которые в Змеиногорске встречались у подножий холмов, здесь росли при дороге. Чину бледную (*Orob. pallescens*) я находил здесь редко и всегда в единичных экземплярах. Через пять верст от ст. Екатерининской мы переехали речку Гольцовку; еще через две версты эта речка впадает в Алей, берегом которого, поросшим кустарником, дорога и идет все время. Недалеко от станции мы переехали эту реку. Было уже поздно, когда я добрался до Екатери-

нинской, и, так как меня менее всего устраивало продолжать путь ночью, решил заночевать в селении. Хотя и следует похвалить гостеприимство жителей этой местности, все же мой хозяин составил в этом отношении исключение, предложив мне обратиться в другую избу. Но это был единственный случай за все время моего путешествия, когда я не нашел дружеского приема. Абсолютную высоту этого села я определил в 1024 фута.

На следующее утро (26 апреля) я очень рано выехал на вторую станцию (Шемонаиха, 31 верста). В 14 верстах от Екатерининской мы перевалили вершину, проходящую с востока на запад и отделяющую бассейн Оби, в которую впадает Алей, от бассейна Иртыша, в который вливается Уба. Вершина эта представляет собой продолжение той горной цепи, с которой стекают большие реки северной части Алтайских гор и чья западная часть известна под именем Тигирецких белков. Высота перевала составляет свыше 1675 футов. Немного дальше встречается речка Таловка и еще на расстоянии трех верст

— Спаска, текущая в южном направлении через расположенную на южном берегу Убы д. Шемонаиху, а затем впадающая в Убу. Здесь я свернул с тракта, и мне пришлось ехать главным образом к востоку, тогда как большой почтовый тракт пошел дальше в юго-западном направлении на Семипалатинск.

Шемонаиха — большая деревня, и лежит она на высоте 1016 футов. Уба достигает здесь значительной ширины и течет очень быстро. Весной она выходит из берегов, поэтому на ней нет мостов и переезжают ее на пароме. Летом же она настолько мелеет, что ее переходят вброд, не подвергаясь ни малейшей опасности. На месте переправы правый берег был трех-четырёх сажен высотой и очень крутой, левый — песчаный, с большим количеством гальки. Здесь густо росли черемуха и жимолость татарская, цвел также пьяный корень.

До ближайшей станции (Выдриха, 17 верст) дорога идет близ Убы, ее левым берегом, по равнине шириной от одной до полутора верст, с юга ограниченной горами. С правой стороны реки горы подступают совсем близко к берегу и круто обрываются к югу. На этой равнине я нашел вышеупомянутую чину (*Orobus*), астрагал Шангина (*Astragalus Schanginianus*), валериану клубненосную (*Valeriana tuberosa*), ирисы сизолистный (*Iris glaucescens* п.), новый с темно-фиолетовыми и голубыми цветами, рябчик малый новый (*Fritillaria minor* п.), несколько экземпляров, и калужницу болотную (*Caltha palustris*) с более мелкими, чем обычно, цветами. В 15 верстах от Шемонаихи проехали маленькую речку Мостовку. Выдриха находится на высоте 1088 футов над уровнем моря.

На пути к Лосихе, очень большому селу, расположенному на высоте 1095 футов, несколько раз переезжали речушку Маралиху. Дорога все время идет то в гору, то под гору. На этой станции, впервые после моего отъезда из Барнаула, увидел я хлебные поля. Всюду, как на равнине, так и на горных склонах, выжигались стебли прошлогодних растений, и в семнадцати разных местах я видел пламя. Палы в ночной темноте представляли прекрасную картину. Там и сям пылали большие и маленькие

участки, и пламя на горных склонах казалось текущим то вверх, то вниз.

Выехав из Лосихи, на пути к следующей станции (Убинск, 30 верст, 1210 футов над уровнем моря) сразу же за селом переехали одноименную речку. Вдоль нее в мелком кустарнике поселилось большое число киргизов, живущих в войлочных юртах. Внутреннее устройство юрт, как и внешнее их убранство, имело очень бедный и неряшливый вид. В каждой юрте были отверстия для дымохода, вокруг которых все почернело от копоти. Эти киргизы земледелием не занимаются и скота у них мало; живут они главным образом тем, что нанимаются к крестьянам или, чаще всего, к казакам пасти скот; кроме того, они, несомненно, промышляют воровством, ибо особенно известны как конокрады. Краденых лошадей они быстро перегоняют через Иртыш в Киргизские степи, где лошадей трудно потом найти и нелегко возвратить обратно. Крестьяне часто жалуются на соседство киргизов, которые обычно селятся около казачьих форпостов, один из них находится приблизительно в двух верстах от Убинска. Такой казачий форпост имеет вид небольшой деревни, но местами там встречаются еще следы древней крепости, земляного вала, испанских рогаток или чего-нибудь в этом роде.

Недалеко от Убинска пересекают Секисовку, впадающую в более крупную Убинку. Русло первой — узкое и глубокое, русло же второй, напротив, — широкое; северный берег пологий, а южный — высокий (30—40 футов) и круто обрывается. Река образует много лесистых островов; в девяти верстах от Лосихи и на таком же расстоянии от Убинска она впадает в Убу*. Горы за этой станцией все более сближаются, и все они беслесные. Дорога от Убинска в д. Быструху (семь верст) ведет через Малую Убинку, которая впадает в Большую Убинку, потом через р. Раслуху, наконец, около д. Быструхи через речку того же названия. На всем этом пути едут вдоль Большой Убинки, приблизительно в версте от нее.

* Здесь много одноименных рек, носящих, в частности, название «Уба», и та из них, о которой идет речь (в нее впадают другие одноименные реки), обычно называется «Большая Уба». (Прим. автора).

Деревня Быструха расположена на высоте 1321 фута над уровнем моря. Отсюда видны отдельные горы, поросшие лесом. Расстояние до ближайшей станции, Черемшанки, 29 верст. Сразу же за Быструхой начинается густой лес. В двух верстах от этой деревни переехали р. Сапчиху в первый, а затем во второй раз. По ту сторону ее лес становится еще гуще и тянется до пятой от Черемшанки версты. Примерно в двух верстах от Сапчихи дважды переезжали р. Топкушу, затем подъехали к р. Осиновке, получившей название от осины, густо растущей на ее берегу, по которому двигались продолжительное время, пока, в конце концов, не переправились через нее. Все эти речки впадают в Убинку, а с ней — в Большую Убу.

Проехав примерно половину пути, переправились через вершину, поднимающуюся на высоту 1683 футов, за которой текут притоки Ульбы. Верстах в пяти от Черемшанки будет первый из них, Таловка. Лес тут прекращается, и долина расширяется. Проехав еще три версты, мы пересекли Васкахуху. На упомянутой вершине, разделяющей долины Убы и Ульбы, выстроена просторная изба. В этой избе зимой греются крестьяне, перевозящие руду из Риддерского рудника в плавильни; здесь же они могут и заночевать, если не имеют возможности в этот день доехать до Черемшанки, поэтому зимой в этом помещении живут люди, которые топят избу для рудовозов.

Лес между Быструхой и Черемшанкой состоял главным образом из березы и хвойных деревьев, довольно часто встречался тонкий тополь лавролистный, который имел мелкие листья и лишь кое-где женские цветы. Кроме того, здесь было много черемухи кистевой, которая цвела в таком изобилии, что наполняла весь воздух своим ароматом, желтой акации, бузины красной, таволги зверобоелистной, шиповника, калины, жимолости татарской, исключительно много шиповника на лугах. Из трав только еще начинали цвести огоньки (*Trollius asiaticus*), а пьяный корень на склонах гор был уже в полном цвету. Здесь росли все те весенние растения, которые я встречал в окрестностях Змеиногорска: красивые вет-

реницы, хохлатка желтая, кандыки (*Erythronium*), леонтица (*Leontice*) и др. Только вегетация трав отстала почти на неделю по сравнению с окрестностями Змеиногорска, хотя в отношении кустарников это незаметно. Все реки имеют здесь сильный уклон, особенно Осиновка, шум которой я услышал задолго до того, как подъехал к ее берегам.

Деревня Черемшанка, в которой я переночевал, лежит у подножия горы Ульга-Уха, вершина которой, считая от уровня деревни, достигает приблизительно 600 футов. Сама же деревня, по моему определению, находится на высоте 1436 футов над уровнем моря. В шести верстах от этой деревни на пути в Бутакову (13 верст) переехали Подорожную и двумя верстами далее — речку Бутачиху; обе они впадают в Ульбу. Вскоре дорога подходит к Ульбе и тянется по ее правому берегу, а слева, у самой дороги, высится крутая скалистая стена. Из многих украшающих эту скалу растений наиболее интересными были цветущая новая оносма Гмелина (*Onosma Gmelini* n.), липучка короткошиповая (*Exhinospermum brachycentrum*), ярутка сердцевидная (*Thlaspi pertoliatim?*), фиалка высокая (*Viola persicifolia*) и пьяный корень. Начинали цвести вайда (*Isatis*), а также волчеягодник алтайский (*Daphne altaica*) и таволга калинолистная (*Spiraea triloba*), часто встречавшиеся среди кустов желтой акации.

Ульба течет гораздо быстрее Большой Убы. По правому берегу первой реки тянется каменная дамба, которая, собственно, отвоєвана у реки, чтобы проложить дорогу к Риддерскому руднику. Дамба теперь на четыре фута выше поверхности реки, но минувшей осенью — вследствие необычайно сильных ливней река полнялась, говорят, на два аршина (более четырех с половиной футов) выше этой дамбы.

Бутакова, расположенная на высоте 1660 футов над уровнем моря, — последняя деревня, через которую проезжают по пути к Риддерскому руднику, удалена от него на расстояние 22 верст. Почти все селения, расположенные между нею и Змеиногорском, довольно большие. Крестьяне занимаются здесь земледелием, скотоводством, а многие и пчеловодст-

вом. Некоторые крестьяне имеют свыше 200 ульев. Конечно, земледелие в этих краях нуждается в улучшении и требует более тщательного ухода. Землю здесь никто не удобряет, поле возделывается несколько лет, и после того, как урожай становится низкими, оно запускается, лежит неиспользованным, а для посева запахивается новый земельный участок. При такой форме хозяйственного использования земли с одной десятины*, на которую высевается восемь пудов, собирают урожай около 100 пудов. По словам крестьян, урожай сам-сем и сам-десять считается средним, выше — очень хорошим, а сам-пят — неважным. Понятно, что бывают и исключения сообразно с местными условиями. Кроме пшеницы четырех сортов, здесь высевают рожь, ячмень и овес, сеют также небольшое количество проса, дающего урожай сам-сорок и сам-пятьдесят. Зерно часто, особенно при обильном урожае, остается в больших кучах прямо на полях до следующего года. Такие кучи зерна прошлогодней уборки я встречал тут и там в продолжение моего путешествия. Излишек зерна крестьяне продают в хлебные магазины, из которых горнорабочие получают определенное вполне достаточное для пропитания количество муки по твердой низкой цене. Это, конечно, вполне гуманное установление, благодаря чему рабочие при повышении цен на хлеб совершенно не несут ущерба.

Местные лошади — сильной породы, и у крестьян их помногу, так что благодаря подвозам руды, угля, леса и т. п. для нужд металлургических заводов крестьяне имеют только солидный доход. В окрестности Локтевского завода, куда я прибыл осенью, я спросил одного крестьянина, сколько у него лошадей. Он ответил: «Я одинокий человек; у меня их сорок». Но не везде такое обилие лошадей. Немало у крестьян также рогатого скота и овец, хотя последних меньше. Коровы, лошади, которых они не намериваются использовать в течение зимы, остаются, особенно в степных селениях, всю зиму на воле и долж-

ны сами себе из-под снега добывать корм. Но и тот скот, который находится в селениях, содержится не в постоянных благоустроенных скотных дворах, а в сараях, сколоченных из жердей; сверху на них толстым слоем наваливается сено, а по сторонам они огораживаются плетнем. Однако, несмотря на это, скот здесь чувствует себя хорошо и, даже предоставленный самому себе, благополучно выживает, за исключением слишком суровых зим, когда после оттепели наступают сильные морозы, отчего почва покрывается коркой льда. В такие годы из-за недостатка корма происходит падеж скота, хотя и не такой значительный, как это можно было бы предполагать.

Пчеловодство было введено впервые в этом округе лет 50 назад, когда после двукратных неудачных попыток были в третий раз привезены сюда пчеловоды со своими ульями; с того времени пчеловодство получило такое широкое распространение, что сейчас в Горнозаводском округе насчитывается более 80 000 ульев. Во многих местах пчелы уже одичали и гнездятся в дуплистых деревьях и расселинах скал, так что казаки отыскивают их и собирают мед. Здешний мед — отличного качества, почти совершенно белого цвета и очень ароматный, из него готовят кушанья или фруктовые конфеты, которые совсем не имеют обычного привкуса меда. Восковые соты настолько тонки и нежны, что мед по отношению к воску находится в пропорции 15:1. Охота и рыбная ловля также доставляют крестьянам многих местностей некоторый доход.

Налоги и повинности крестьян следующие.

1. Налоги в казну — подушная подать, которая в Сибири установлена в тех же размерах, что и в других провинциях Российского государства.

2. Поземельные сборы, к которым относятся, как и в других местностях России, сборы на содержание дорог. Кроме того, существуют «обывательские» подводы, которые с 1826 г. представляются *in natura*, а также рекрутский набор*.

* Десятина содержит 2400 кв. саженей (русская сажень равна семи англ. футам), 100 десятин составляет квадратную версту. (Прим. автора).

* Рекруты, поставляемые в этой местности, идут не в солдаты, а в горнозаводские рабочие. (Прим. автора).

3. Мирские подати — платежи в пользу местных властей. Каждый округ соответственно своей величине делится на большее или меньшее количество волостей. Во главе волости стоит «голова», ему подчинен писарь, ведающий делопроизводством; кроме того, в каждом селении есть надсмотрщик — старшина, который наблюдает за порядком в деревне и к кому обращаются в случае какой-нибудь нужды. Эту должность, не дающую ее обладателю каких-либо привилегий, кроме освобождения от государственных повинностей, нередко в отсутствие старшины занимает его жена; она также носит жезл как знак этого достоинства и отвечает за порядок в селении.

4. Горнозаводские работы. Эти повинности не являются собственно государственными и не идут в пользу государя как суверена, но зато сами горнометаллургические заводы принадлежат царю на правах частной собственности. Посему эта повинность подобна барщине, которую крестьяне других областей отрабатывают на частных владельцев за право пользоваться землей. Более обстоятельно этот вопрос будет рассмотрен ниже.

Крестьянские дворы объединены в селения; дворы частью образуют улицы, частью раскиданы в беспорядке. Каждый крестьянский двор огорожен тыном и кроме упомянутого пригона для скота включает также несколько построек, одни из которых служат для жилья, другие — для хранения запасов. Жилая изба имеет обычно первый этаж без окон, или, если хотите, подвал, расположенный большей частью над землей. Владельцы хранят там не только все необходимое для домашнего хозяйства, но, как мне говорили, и свои богатства — деньги, серебряную посуду и т. п. Так как собственно жилье находится над первым этажом, то в него поднимаются по высокому крыльцу, которое обычно бывает посередине дома. По обе стороны его располагаются две жилые комнаты, а иногда бывает и третья. Одна из комнат, снабженная большой печью, служит одновременно и кухней, и жильем для большинства членов семьи. В другой комнате живет глава семьи со своей женой, а в соответствующих случаях эта комна-

та предоставляется гостям (если только она не служит специально этой цели, что обычно практикуется в селах, в которых, благодаря их расположению близ тракта, останавливаются многие проезжающие). В этой комнате в большинстве случаев господствует чистота: не только пол и вся обстановка в ней вычищены добела, но и деревянные стены.

Все крестьянские избы снабжены дымоходами, поэтому комнаты не чернеют от копоти и имеют приветливый, уютный вид; вдоль стен укреплены деревянные скамьи, стол, изредка стул; в одном углу комнаты или на одной из ее стен на известной высоте висит полка с иконами. Около печи белой занавеской отгораживается большое пространство, где стоит либо кровать, либо ткацкий стан, за которым работает хозяйка дома (здесь же хранятся шубы и другая одежда). В комнате зачастую есть небольшой шкаф, в котором хранятся стаканы, чашки (из фарфора, фаянса) и т. п. Стол покрыт белой скатертью, без которой не подают на стол, и где-нибудь всегда висит чистое полотенце. В большинстве изб застеклены окна, хотя кое-где встречаются (правда, редко) вместо стекла бумага, рыба кожа или хлопчатобумажная материя.

Крестьяне при всем своем гостеприимстве не очень охотно принимают иностранцев, поэтому не в каждой избе можно остановиться на ночь, зато в любом селении стоит специальная изба, в которой комнаты сдаются внаем и где всегда принимают приезжающих. Чужеземцу, приезжающему в это селение и желающему остановиться в нем на более или менее короткое время, тотчас же предоставляется лучшая комната, в которой он становится уже полным хозяином. Нужно только терпеливо сносить любопытство, которое часто проявляют хозяин, его семейство и другие крестьяне, являющиеся посмотреть на путешественника. Особенно часто такие случаи бывали со мной, потому что я прибыл из дальних мест. Однажды в глухом местечке хозяин просил позвонить посмотреть на меня здешним обитателям, и вскоре ко мне собралась вся деревня, чтобы полюбоваться на чужеземца.

Как только расположишься в горнице, тебе обычно подают на стол пищу: прекрасный хлеб (большую частью пшеничный), совершенно восхитительный мед, молоко и яйца, нередко и мясные блюда, рыбу, пирог и, конечно, фрукты, вареные в меду. Как-то раз в конце своего путешествия я в постный день неожиданно прибыл в одно село, в котором прежде был неоднократно и всегда находил там дружеский прием; и едва я вошел в отведенную мне избу, так сразу же хозяйка подала к столу два разных пирога, варение на меду, жареную рыбу, арбузы и мед и очень извинялась за плохое угощение по причине поста, сильно настаивая на том, чтобы фрукты, которые не мог съесть, я взял с собой. За такое угощение люди, как правило, не берут платы, и только если я желал получить что-нибудь такое, чего не было в избе, в которой квартировал, например цыплят или что-то подобное, мне приносили это за плату из другой избы. При отъезде чужеземца обычно дружески приглашают в будущем еще побывать у них. Такое гостеприимство — тем большая заслуга местных крестьян, что они по своим религиозным убеждениям неохотно имеют дело с инаковерующими людьми и даже считают непригодной для еды и питья свою посуду после того, как ею с их разрешения пользовался чужестранец. Они в большинстве принадлежат к секте старообрядцев и в царствование императрицы Екатерины II были отправлены сюда на поселение. Живется им очень хорошо, как видно из сделанного выше описания их благосостояния, и число жителей здесь сильно увеличивается*. Некоторые неверно полагают, что число их растет за счет ссыльных, но ссыльных нет во всем Алтайском горнозаводском округе.

Женщины здесь очень плодовиты, но многие младенцы умирают в первые месяцы жизни; это, говорят, происходит от того, что в этой местности у матерей быстро пропадает молоко, или же, быть может, потому, что за

детьми в летние месяцы нет достаточного материнского ухода: часто матери многие дни проводят на поле, а новорожденные младенцы остаются в деревне. Среди женщин я встречал не многих, которых можно было бы назвать красивыми и цветущими, а мужчины, наоборот, большей частью крупные и статные. Темные волосы и черные глаза встречаются не часто, народ в этой местности в основном русоволосый.

От Бутаковой еще 22 версты до Риддерского рудника. Однако следует заметить, что расстояния здесь никто не мерил и нет ни почтовых дорог, ни верстовых столбов. Почти всегда расстояния казались мне преуменьшенными. В четырех верстах от Бутаковой мы пересекли Каслуху, затем через четыре версты — Боздопалху (обе они впадают в Ульбу) и еще через две версты — Тихую. На расстоянии версты от Риддерска пересекли Малую, а около Риддерска — Большую Быструху; обе впадают в Тихую. Последняя, приняв в себя Филипповку, текущую с северо-востока, примерно на 12 версте западнее Риддерска соединяется с Громотухой, текущей с юго-запада, и тогда они называются Ульбой. Между Бутаковой и Риддерском я встретил первую после Барнаула сосну (*Pinus silvestris*). Это дерево произрастает в степи на песчаной почве и на невысоких гранитных горах.

В Риддерск я приехал 28 апреля после полудня и в доме здешнего управляющего нашел себе готовую, очень удобную квартиру. Это местечко обязано своим возникновением горному чиновнику Риддеру²⁷, который в 1783 г. открыл здесь серебряный и свинцовый рудники, содержавшие, согласно вычислению, сделанному в 1818 г., 3990 пудов серебра и 2003 102 пуда свинца. Но до конца еще не установлено, до какой глубины простирается руда. Вода сильно мешает работам, которые производятся теперь на глубине, большей, нежели уровень р. Филипповки. Для откачивания воды из рудников шихтмейстер Ярославцев²⁸ соорудил в 1823 г. шатунную машину. На средства, отпущенные местными горнометаллургическими заводами, он многие годы ездил по разным европейским горным заводам, изучая машины. Теперь со-

* С 1798 г., когда крестьяне этого округа попали в ведение администрации завода, до 7-й ревизии, которая была в 1815 г., в течение 18 лет население увеличилось на 23 000 чел. (Прим. автора).

оружена вторая шатунная машина для удаления избытка воды, которая, вероятно, будет наполнять шахты, когда работы пойдут на большой глубине. Машина эта приводится в движение течением Быструхи, на которой для этой цели сооружена дамба и проведен канал длиной полторы версты.

Риддерск расположен на высоте 2346 футов над уровнем моря, в обширной долине. Я жил теперь в горах и из окон своей квартиры видел вокруг себя Ульбинские белки, которые представляли внушительное зрелище. Облака лежали иногда на горах и вокруг гор, полностью окутывая их; из этого одеяния выступали большие снежные массивы, казалось, что они находятся не далее тысячи шагов, что, конечно, только казалось. На севере и юге, приблизительно на расстоянии версты, виднеются приземистые холмы, а несколько далее, верстах в 8—15, вид на юг, восток и север ограничивают высокие горы, которые во время моего пребывания здесь большей частью были покрыты снегом; на северной стороне тех, что видны на юге и востоке, снег лежит в течение всего лета.

Несмотря на установившуюся мягкую погоду, в начале моего пребывания в Риддерске случались заморозки, а 1 мая в горах выпал снег глубиной в фут. Климат здесь, в горах, гораздо холоднее, нежели в тех местах, которые я проезжал по пути из Барнаула, но зерновые здесь вполне вызревают, хотя и несколько позже. В огородах возделываются и кое-какие овощи: капуста, картофель, огурцы, тыква, лук и некоторые другие, менее требовательные виды, но садоводство довольно-таки отсталое. Пчеловодство процветает, рост трав превосходный, и о пользе здешнего климата свидетельствует то обстоятельство, что нигде в горах нет заболеваний так называемой «сибиркой», которая в северных и западных местностях, особенно в Барабинской степи, поражает не только лошадей, но от нее умирает и множество людей.

В Риддерске, во время моего пребывания там, управляющим был шихтмейстер Белоусов, хороший старик, которому я очень многим обязан. Он подчиняется горной конторе в Змеиногорске и выполняет ее распоряжения; оттуда же снабжаются и

здешние склады, а лазарет получает медикаменты. Вместо бывшего прежде маленького лазарета выстроено просторное здание с красивыми высокими комнатами; лазарет как раз накануне моего отъезда переезжал в новое помещение. В лазарете служит младший врач с несколькими помощниками; при лазарете есть сад, в котором наряду с прочими культивируются и редкие местные растения.

В самом деле, радостно видеть, что во всем горнозаводском округе проявляется забота о здоровье рабочих*. Впрочем, Риддерск рассматривается и как ссылка для здешних рабочих, которые находятся под более строгим наблюдением, чем во многих других местах, в частности, нет кабаков и вообще водка может доставляться сюда только по специальному разрешению начальника.

Положение рабочих, по-видимому, единственных жителей этого селения, в общем очень хорошее, если у них нет недостатка в прилежании. Однако предварительно следует пояснить, что в горнозаводском деле заняты две категории работников: *собственно горнозаводские рабочие и приписные крестьяне*. Эти последние обязаны рубить лес, выжигать древесный уголь, подвозить дрова, уголь, руду и плавни к плавильным печам, а также чинить плотины после наводнения, что они делают и без понуждения, так как от этого зависит благосостояние их собственных хозяйств. Работы, производимые ими, разделяются на пешие и конные. Первые заключаются главным образом в рубке леса и выжигании угля, вторые — в перевозке упомянутой продукции. Каждый из приписанных при ревизии мужчин обязан ежегодно отработать 17 дней пешим и 12 дней с лошадью.

До 1779 г. приписные крестьяне обязаны были вместо выплаты подушной подати выполнять при металлургических заводах все работы, какие только требовались. С того же года обязанности их были точно определены, чтобы оградить от допущавшегося ранее произвола. В то время подушная подать составляла 1 р. 70 к., и работы, налагаемые на крестьян, оценивались в ту же сум-

* Ниже я сообщу еще некоторые сведения о госпиталях Колыванского горнозаводского округа. (Прим. автора).

му. Теперь же было установлено, что крестьяне выплачивают, как и в других областях России, подушную подать в сумме 1 р. 70 к., а за каждый проработанный день они получают поденную заработную плату 3 коп. Вся сумма, составляющая в среднем около 2 р. 40 к., выплачивалась ежегодно из заводской кассы. Однако не все крестьяне используются на этой работе; часть их, чаще всего треть, свободна от нее. Горный совет, состоящий из управляющих наиболее важными горнометаллургическими заводами и рудниками, находящимися в ведении начальника Колыванских заводов, собирается в Барнауле каждую весну и устанавливает, сколько и каких работ следует произвести в текущем году, затем распределяет их по волостям, которым поручает разложить их на конкретных работников. Волостные учреждения, имеющие связь с отдельными людьми, посылают зажиточных работать с лошадьми, более бедных — на пешие работы, рубку леса и т. п. Поскольку не все учтенные при ревизии мужчины трудоспособны, на каждого трудоспособного приходится вдвое больше работы, а на долю богатых нагрузка еще увеличивается. Дело осложняется и тем, что села располагаются большей частью вдали от заводов и рудников и что, например, крестьяне, проживающие в окрестностях Барнаула, вынуждены работать в Змеиногорске, а крестьяне северных волостей Колыванского горного округа — в Барнауле и Сузуне. Существуют целые районы горнозаводского округа, в которых нет ни заводов, ни рудников, но крестьяне этих районов не освобождаются от повинностей по дальности расстояния. Впрочем, многие крестьяне не сами выполняют эти работы, а нанимают других крестьян или рабочих, если это экономически выгоднее. Число приписных крестьян составляет в настоящее время около 87 000 душ.

Другая категория работников — собственно горнозаводские рабочие²⁹, которых всегда имеют в виду, говоря о рабочих, — образуется следующим образом. Часть горнорабочих берется в качестве рекрутов из приписных крестьян, а часть набирается из детей горнорабочих, которые, так сказать, называются потомственными рабочи-

ми. Их число составляет в настоящее время (1826 г.) 17 514 чел. Они считаются военными и подобно им получают содержание и провиант. Первое составляет 20—36 руб. ассигнациями в год. Если бы мы ничего не знали о положении и образе жизни этих людей, мы склонны были бы считать их очень бедными, но это абсолютно неверно. Их обязанности напоминают барщину, которую отрабатывают крестьяне, проживающие в других краях. Однако благодаря действующему положению они не только обеспечиваются всем жизненно необходимым, но их деятельность и трудолюбие открывают им также путь к благосостоянию, как мне часто приходилось наблюдать. Они полностью застрахованы от всякой нужды, потому что снабжаются из казенных складов, где провианта так много, что его количество превышает потребности рабочих; живут они со своими семьями на заводской территории и в свободные от работы часы могут заниматься своим хозяйством. У большинства их есть собственные избы, огороды, лошади и крупный рогатый скот; они возделывают поля, косят сколько надо сена и могут бесплатно рубить в лесу деревья на разные нужды.

На заводах немало работ, которые должны идти непрерывно, но есть и такие, которые останавливаются по воскресеньям и праздничным дням; часть рабочих в эти дни отдыхает, а во все остальные дни в году должна работать; другая же часть работает, наоборот, две недели подряд, не включая воскресных и праздничных дней, третью же неделю отдыхает.

Число рабочих дней в году в обоих случаях приблизительно одинаково. Но наиболее рачительные хозяева предпочитают, чтобы в их распоряжении была целая свободная неделя, так как это для них выгоднее. Каждый обязан работать по 12 часов в сутки и 12 часов отдыхает. Так как работы на рудниках и у плавильных печей должны продолжаться беспрерывно, рабочие, меняясь, работают в две смены, днем и ночью.

Трудолюбивые и аккуратные хозяева в свободные дни занимают не только своим хозяйством, но находят время и для того, чтобы за поденную плату работать у других. Таких рабочих ищут крестьяне во все времена

года. Если царский Кабинет платит рабочему лишь 6—7 коп. в день, почтенный заработок обыкновенного рабочего, учитывая низкую стоимость продуктов питания, очень высок — отдельный работник получает за неделю 5—6 руб., а в период сенокоса и жатвы — до 10 руб. Как уже было сказано, хороший хозяин имеет лошадей, коров, овец и занимается доходным пчеловодством*. Сено можно косить всюду, кому сколько заблагорассудится, потому что здесь много свободной земли; в то же время ни один участок луга не имеет определенного хозяина. Во всем горнозаводском округе земля вообще является собственностью правительства, которое дает ее в аренду частным лицам, однако в этом отношении, как меня уверяли, споров не бывает. Кроме того, рабочие занимаются рыболовством и охотой и нередко задерживаются несколько дней, а иногда и недель в горах, где много дичи и пушного зверя. Такие охотники хорошо знают горную местность и являются лучшими проводниками. Осенью рабочие обычно собирают кедровый орех и зарабатывают на нем в течение года по 100 руб**. К сожалению, кедр — это прекрасное дерево — во многих местах уже редет, ибо некоторые, не желая утруждать себя и карабкаться по стволу, предпочитают свалить его, чтобы воспользоваться шишками. С этим хищничеством бороться трудно, хотя на сей счет неоднократно издавались строгие запреты.

Дети горнорабочих посещают специальные училища, где обучаются примерно до десятилетнего возраста. По окончании школы, иногда и позже, в зависимости от физического развития ребенка и других обстоятельств, мальчики обязаны приступить к работе. Они получают провиант и незначительное содержание. Работы, на которых они используются, — преимущественно разбивание и

сортировка руды, чему эти мальчики обучаются очень быстро. Каждому ежедневно дается определенное задание, выполнив которое, он может идти домой. Когда дети подрастают, их принимают в число собственно горнорабочих, они получают большой оклад и каждую третью неделю освобождаются от работы, чего они были лишены в качестве разбивальщиков руды. Многие из этих горнорабочих умеют читать и писать, а некоторые — очень понятливые и состоятельные люди, хотя это ни в коем случае нельзя рассматривать как общее явление. Здесь, как и вообще всюду, зажиточные — люди трудолюбивые, они обеспечены всем необходимым, тогда как легкомысленные или неряшливые находятся в нищенском состоянии. Особенно это случается с теми, кто пьянствует, что, к сожалению, встречается нередко. Однако должен заметить, что во всей Сибири я не видел ни одного нищего; последний нищий, который просил подаяние, встретился в Нижнем Новгороде.

Твердо установленный срок службы горнорабочего — 40 лет. Но если рабочий потерял здоровье прежде времени или по какой-либо случайности стал инвалидом, он увольняется и получает небольшую пенсию. Наиболее часто несчастные случаи и ранения случаются при подрывании руды порохом, чему виной бывает, как правило, неосмотрительность и ухарство самих пострадавших. Во время нашего пребывания на руднике, когда подрывалась порода, подрывники просили нас не приближаться к опасному месту, а сами бесстрашно оставались там. Часто, когда фитиль уже подожен и взрыв очень надолго, по их мнению, задерживается, они идут туда, чтобы посмотреть, чем это вызвано; часто при этом внезапно происходит взрыв, из-за чего нередко бывают тяжелые ранения. В таком случае представляется врачебная помощь в госпитале на территории того завода, к которому этот рабочий принадлежит. Если он навсегда остается инвалидом, то либо получает, как об этом уже говорилось, расчет, либо (при менее значительном ранении) переходит на другую работу соразмерно своим силам.

Тот из рабочих, который выделяется своими нравственными качествами

* Все это можно видеть из таблиц об экономическом состоянии этих людей (см. приложения), но при этом следует помнить, что в таблицах указано общее состояние всех рабочих, среди которых есть также неаккуратные и нестарательные люди, не имеющие хозяйства; состоятельных же, т. е. хороших хозяев, больше, чем по таблицам. (Прим. автора).

** Эти орехи, которые купцы ищут на продажу, развозятся по всей России и употребляются как лакомство. (Прим. автора).

или разумным поведением, выдвигается на должность младшего надсмотрщика и получает прибавку к жалованию. Его производят в унтер-офицеры, но продолжительность его рабочего времени остается прежней. Зато он освобождается от собственно горных работ, за которыми теперь только наблюдает. Благоприятным обстоятельством для горнорабочих Колыванских горнометаллургических заводов является, конечно, глубокое расположение рудников, благодаря чему температура в них во все времена года остается приблизительно неизменной. Хотя зимние морозы в этой местности часто суровы, температура в рудниках держится всегда приблизительно от 10 до 12° R выше точки замерзания. (Иначе обстоит дело в Нерчинске, где в рудниках очень холодно.) Но заводские работы, однако, здесь в зимнее время очень тяжелы; особенно у рабочих, которые занимаются подноской угля: они находятся то в плавильнях с чудовищной жарой, то на сильном морозе.

Приблизительно немногим далее версты от Риддерска расположен Крюковский серебряный рудник. Он открыт в 1811 г. Крюковым, получил, как обычно, свое наименование от имени первооткрывателя и является теперь одним из богатейших рудников Колыванского горного округа. По расчетам, сделанным в 1818 г., в нем содержится 7851 пуд серебра, но с того времени были открыты еще небольшие запасы.

Когда я приехал в Риддерск, погода была хорошая, но вскоре небо заволокло тучами. На следующий день, 29 апреля, поднялся сильный ветер, и пополудни началась гроза, первая в этом году. Всю ночь на 30 апреля и весь следующий день дождь лил как из ведра. После грозы сильно похолодало, и мрачные тучи, окутавшие горы, совершенно скрыли их очертания.

После полудня я узнал, что сюда прибыли двое калмыков³⁰ с Катуня для продажи сыромятных кож, шерсти, и т. п. Это бывает часто, ибо здешние калмыки обычно сбывают свои товары в Риддерске. Я попросил привести их ко мне. У них были несколько продолговатые лица, характерные для калмыков, и грязно-свет-

ло-коричневый цвет кожи. Прямо на голое тело были надеты широкие штаны и две куртки, одна поверх другой, из грубой китайской хлопчатобумажной ткани (дабы), цвет которой не так просто определить — нечто, кажется, темно-синее. Поверх этой одежды была доха из жеребьячьих шкур, вывернутых шерстью наружу, и подшита внутри шкурой сибирской косули (*Gervus Pygargus*). Этот наряд завершал натянутый сверху овчинный тулуп.

У меня не было при себе ни водки, ни табачных листьев, чтобы угостить или одарить их, и я дал им нюхательного табаку, чем доставил, по видимому, большое удовольствие. Я расспрашивал их о животных, которые водятся в тех местах, где они кочуют. Кроме животных, встречающихся здесь всюду, они называли дикую овцу, кабаргу и еще одно животное, по их описанию похожее на лошадь, но с длинными ушами и в общем небольших размеров. Эти животные, по их словам, часто встречаются в степях южнее р. Чуи. Я предложил им за хорошее вознаграждение доставить мне несколько экземпляров этих животных, живых или мертвых, что они мне и обещали, хотя не сдержали своего обещания. Судя по описанию, речь шла о джигитах, о которых мне известно, что они ранее обитали здесь, были спугнуты преследованиями, и теперь совершенно не встречаются, хотя слухи об их пребывании все еще держатся среди калмыков. Летом калмыки не особенно утруждают себя охотой: они предпочитают пить араку, нежели ходить на охоту. Короче говоря, я не смог, несмотря на все старания, получить хотя бы одно из этих животных. О каменном козле, широко обитающем здесь животном, калмыки ничего не знали.

Вечером выпал небольшой снег, и на следующую ночь, 1 мая, термометр в 6 часов пополудни показывал + 0,6° R. Небо было еще облачным, но туман уже рассеялся и ветер утих. После полудня я предпринял экскурсию на так называемую Риддерскую гору, где находится первый из открытых здесь рудников. Гора расположена к северо-востоку от Риддерска, почти в четверти версты от него, имеет конусообразную форму и под-

нимается на высоту 2580 футов над уровнем моря и приблизительно на 234 фута выше Риддерска. Она безлесна, и только на самой вершине виднеются несколько разрозненных деревьев. У ее подножия протекает Филипповка, берега которой сравнительно широкие, низменные и местами болотистые. На склонах горы я нашел следующие цветущие растения: ковыль перистый (*Stipa pennata*), крупку беловато-пушистую, мытник хохлатый (*Pedicularis comosa*), змееголовник поникший (*Dracocephalum nutans*), ленолистники — ползучий новый и преломленный (*Thesium repens* n. et ramosura), клубнику (*Fragaria collina*), зубровку душистую (*Hierochloa borealis*), резуховидку весеннюю (*Arabis Thaliana*), горошек алтайский новый (*Lathyrus altaicus* n.), молочай волосистый новый (*Euphorbia lutescens* n.), хвощ (*Equisetum spec.*), пастушью сумку (*Capsella Bursa*), бурачок, родственный сибирскому (*Alyssum tortuoso* aff.), веронику широколистную (*Veronica Teucrium*), незабудку азиатскую (*Myosotis alpestris*), с голубыми и белыми цветами*.

Заморозки повторялись и в течение двух последующих ночей. 3 мая небо прояснилось, и я поехал к Быструхе, которая вытекает с северной стороны Ульбинских белков. Скалы близко подходят к ее правому берегу, левый же берег переходит в луг, на котором растут ели и березы. Наиболее высокая из окрестных вершин, находящаяся на расстоянии четырех верст от Риддерска, поднимается на высоту в 2528 футов. Все горы круто обрываются к юго-юго-востоку, по другим направлениям они более отлоги и сплошь покрыты растительностью. Но и на юго-юго-восточной стороне произрастают в расщелинах скал и в разрушенных камнях марьян корень, василистник ширококочичный (*Thalictrum petaloideum*), карагана (*Robinia frutescens*) и жел-

тая акация, астрагал Шангина (*Astragalus Schanginianus*), таволги — зверобоелистная и калинолистная, бурачок сибирский (*Alyssum obsusifolium*), горошек алтайский, один из видов молочая (*Euphorbia*), одна вайда, кизильник черноплодный, шиповник, пузырница фиололиновая (*Hyoscyamus physaloides*) и воодзия обыкновенная (*Polypodium ilvense*); два последних растения растут на затененных местах.

4 мая, хотя накануне ночью и подморозило, днем, при хорошей ясной погоде, было очень тепло, и мне удалось предпринять большую экскурсию, так как хотелось увидеть речку Громотуху. В Риддерске на мой вопрос, откуда происходит шум, особенно отчетливо слышимый ночью, мне ответили, что причиной его служит водопад на Громотухе. Расстояние до этой реки от Риддерска — восемь верст, поэтому я считал, что водопад может быть чрезвычайно большим. Оказалось иначе: далеко слышимый шум порождается не одним водопадом, но и дико мятущейся рекой с сильным течением и производящей такой оглушительный гул, что, находясь близ нее, я должен был громко кричать, чтобы меня поняли спутники. Река эта более значительна, чем Тихая, соединившись с которой, она образует Ульбу. Она шумно низвергается с высоты Ульбинских белков и течет в узком, глубоко размытом каменистом ложе, пока не достигает широкой долины, в которой расположен Риддерск. Южный берег, ниже того места, где я вышел к берегам реки, был зажат между крутыми скалами, верхняя часть которых была еще покрыта снегом. Северный же берег, наоборот, ниже по течению был ровный, как и все пространство между рекой и Риддерском. Выше по течению реки на северном берегу вздымаются скалистые горы, которые по мере приближения к реке становятся все выше. Скалы с обеих сторон очень крутые и представляют собой совершенно отвесные утесы, своими причудливыми вершинами напоминающие старинные замки и башни. В скалистых стенах всюду желобообразные углубления, по которым текут маленькие, образующиеся от тающего снега ру-

* Следует заметить, что растения названы так, как они были определены на первый взгляд во время путешествия, когда не было времени и пособий для более точного определения. Некоторые неизбежные при этом ошибки должны быть исправлены в «*Flora altaica*», над которой идет работа в настоящее время. (Прим. автора).

чейки, пенящимися каскадами низвергающиеся с большой высоты в Громотуху.

В расселинах гор произрастают кустарники, которые первой свежестью весенней листвы украшают серые скалистые стены. На таких местах растут также березы и до самой вершины — пихты. Нижнее окаймление берега реки, в виде различных деревьев и кустарников, часто представляет собой картину разрушения, так как деревья, корни которых подмыты бурным потоком, лежат одно на другом в диком беспорядке, вперемежку с большими каменистыми глыбами. Там, где утесы не совсем вертикальны и, следовательно, не совсем голы, а покрыты местами лишайниками, они имеют совершенно зеленый чехол из таволг — калинолистной, зверобоелистной и широколистной (*Spiraea chamaedryfolia*), шиповников, желтой акации, которые, впрочем, еще не цветут. Скалы состоят из гранита, более или менее мелкозернистого, без наслоений; они совершенно гладкие или же потрескавшиеся.

Добраться до южного берега было невозможно, так как река в это время года глубокая и чрезвычайно бурная. Далее долина расширяется, в ней растет хороший лес из сосны, пихты и лиственницы (*Pinus Larix*), березы, тополя лавролистного и осины (*Populus tremula*). Поросль состоит из уже упомянутого кустарника — сибирки гладкой (*Spiraea altaica*), которая почти сплошь покрывает большие площади. Можно, хотя и с трудом, проехать по реке узенькой тропкой, а дальше скалы так близко подступают к руслу реки и узенькая полоска, которая образуется у берега, так загромождена сорвавшимися глыбами, скопившейся галькой и поваленными стволами деревьев, что дальше уже не пробраться.

Я сошел с лошади и часто полз, так как даже идти было уже невозможно, по выдавшимся далеко в реку скалистым глыбам еще версты три вверх по течению, чтобы добраться до южного склона одной из горных вершин, которую я считал наиболее высокой в этой местности, и с высоты обозреть окрестность. Но достичь ее я не смог, так как продвигаться было трудно, а время уже было позднее, и,

по словам моих людей, здесь водятся медведи, с которыми, несмотря на то, что они редко нападают на людей, я не желал бы встретиться из-за позднего времени и усталости. Однако за все труды я был вполне вознагражден интересной растительностью, которая украшала романтическую долину Громотухи.

Я впервые увидел сибирский кедр и расположился отдохнуть в естественной беседке из цветущего княжника (*Atragene alpina*), который обвивал кустарники. Из различных красивых растений я хочу упомянуть следующие: ирис желтый (*Iris flavissima*), вайду продолговатую (*Isatis oblongata*), валериану сомнительную (*Valeriana dubia*), новую фиалку алтайскую (*Viola altaica*) и другой вид, родственный иван-дамарье (*V. tricolori* aff.), сурепицу обыкновенную (*Barbarea iberica*), мерингию бокоцветную (*Arenaria lateriflora*) и песчанку, родственную баварской (*A. bavaricae* aff.), подмаренник желтый (*Galium vernum*), осоку (*Carex spec.*), хвощ (*Equisetum spec. duae.*), герань белоцветковую новую (*Geranium albuflorum* n.), кедр (*Pinus cembra*) в цвету, новый крыжовник иглочатый (*Ribes philostylum* n.) и многие другие.

Взяв с собой барометр, я вынужден был, однако, оставить его с лошастью, ибо прибор нельзя было нести по такой дороге. В этой местности водятся соболей, но в малом числе. На южном берегу Громотухи была сооружена хижина, в которой поздней осенью и зимой живут охотники. Отсюда они расходятся по безлесным местам, где охотятся на соболей, перебегающих от одной группы деревьев к другой. На этих животных ставят ловушки, привязывая к ним белок. Но пойманные здесь соболей не очень ценятся покупателями, потому что имеют короткий мех.

Когда мы возвращались вечером по заросшему густым лесом склону горы, мои спутники шепнули мне, чтобы я не разговаривал и как можно тише шел по дороге. На мой вопрос они ответили, что эта осторожность из-за медведей, которые могут здесь быть. Стало уже совсем темно, а ружей у нас не было. Мы молча спустились лесом в долину реки и без приключений добрались до своих лошадей.

Глава четвертая

ПОЕЗДКА ИЗ РИДДЕРСКА В УСТЬ-КАМЕНОГОРСК, В СЕЛО КРАСНОЯРСКОЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИДДЕРСК

Изучив растительность на низких холмах и проталинах высоких гор в окрестностях Риддерска, а также установив границы ее произрастания, я решил совершить прогулку в южную местность близ Иртыша, пройти некоторое расстояние вниз по течению реки и посетить с. Красноярское, расположенное в степи. При этом я намеревался побывать в Усть-Каменогорске, чтобы купить там кое-какие вещи, очень нужные мне в предстоящей поездке в горы для торговли с калмыками. 6 мая я выехал из Риддерска и направился через Бутакову в д. Черемшанку. Уже в полдень я почувствовал себя неважно, а через несколько часов со мной случился приступ астмы — вероятно, вследствие чрезмерного напряжения во время экскурсии на Громотуху. Болезнь обострялась, и я был рад, что добрался до Черемшанки, откуда в этот день уже решил не ехать дальше, пока не пройдет боль в груди. Хотя ночь я провел беспокойно, но утром почувствовал себя несколько лучше и продолжал свой путь. Отсюда я двинулся к с. Бобровскому, расположенному в 30 верстах от Черемшанки. Первая половина пути пролегла по диким лесистым горам, где произрастало очень много тополя лавролистного и осины, взбиравшихся вверх по крутому склону; здесь должна была проходить дорога, но оказались лишь вымытые водой канавы, и шестерка лошадей с большим трудом тащила легкую тележку, в которой были только я да мой слуга: остальные сопровождавшие меня сидели в другой телеге.

Вторую половину пути мы проделали по безлесной местности, но тоже гористой. Здесь в большом изобилии рос девясил высокий (*Inula Helenium*). Близ с. Бобровского видны лишь невысокие холмы, местность уже степная. Неподалеку от села я часто видел волчегонник алтайский, который в то время еще не цвел. Крестьяне здесь такие же зажиточ-

ные и гостеприимные, как и в других селениях. Некоторые из крестьян имеют до 400 ульев. Каждый улей дает в среднем от полутора до двух пудов превосходного белого меда, очень ароматного, вкусного, за пуд которого платят приблизительно семь рублей ассигнациями. Местные жители очень жалуются, что медведи причиняют пчелам большой вред и поэтому приходится держать при них постоянный караул. Медведи, по рассказам, так сообразительны, что сначала поднимают улей, чтобы проверить, насколько он тяжел. Если легкий, ставят его обратно. Если вес свидетельствует о богатом взятке, начинают катать улей по земле; часть пчел при этом погибает (или по крайней мере не может улететь), а остальных они отгоняют и затем съедают мед. В этот день я не мог проехать дальше, так как берег лошадей, утомленных на крутых горных дорогах, а также потому, что еще не совсем оправился после перенесенного приступа.

8 мая я направился из Бобровского в Согру — большое село, находящееся на расстоянии 17 верст. Путь туда лежит по волнистой степной местности, поросшей кустами татарской жимолости и таволг — широколистной и зверобоелистной; цвели пока лишь немногие растения. Но стебли прошлогодних трав свидетельствовали об их пышном росте. Цвел ясенец туркестанский (*Dictamnus Fraxinella*), который встречается здесь очень часто, и один из молочаев, оказавшийся для меня новинкой. Кроме того, цвели молочай волосистый, ветреница белая (*Anemone alba*), стародубка лесная (*Adonic sibirica*) и некоторые другие обычные растения, однако в общем еще немногие.

Слева можно было видеть часть Ульбинских гор, отдельные вершины которых были еще покрыты снегом. На южной стороне видны были холмы, находившиеся за Иртышом, в Киргизских степях. Близ с. Согры

протекает речка Моховка*, сразу же за селом впадающая в Ульбу. В селе много улиц; оно опрятно и приветливо; жители его зажиточны, они приняли меня с большим радушием. Справа от села в западном направлении лежит несколько сланцевых холмов, круто обрывающихся к юго-востоку и образующих небольшие долины, почти совершенно открытые к югу. Перед ними расстилается болото, которое, по-видимому, затрудняет туда доступ, но если проехать немного за село, можно добраться туда без особых затруднений. Высота холмов не превышает 300 футов, но они богаты растительностью. В дали почти ровной степи тянется такой же ряд холмов. Я нашел здесь, кроме вышеупомянутых растений, иксилирион татарский (*Amaryllis tatarica*), гречиху кисточковую (*Polygonum undatum*) и разновидность этого растения с широкими листьями, валериану сомнительную, новую льнянку алтайскую (*Linaria altaica*), смолевку алтайскую (*Silene altaica*), молочай обыкновенный (*Euphorbia Esula*), василек сибирский (*Centaurea sibirica*) с красными и белыми цветами, ясколку горную (*Cerastium lithospermifolium*), остролодочник яркоцветный (*Oxytropis floribunda*), астрагал рогоплодный (*Astragalus vimineus*) и бурачок степной (*Alyssum minutum*). Очень часто встречались оносма обыкновенная и пьяный корень, а также маленький птицемлечник (*Ornithogalum*), уже полностью отцветший, со зрелыми семенами. Особенно порадовала меня одна чрезвычайно интересная находка — ширяш алтайский (*Eremurus altaicus*), хотя он еще был и не в полном цвету. Ради него и риндеры обыкновенной (*Rindera tetraspis*), которую, по свидетельству Палласа, можно найти лишь весьма редко у подножия гор, я и совершил, собственно, эту экскурсию и действительно нашел красивые растения, сначала — ширяш, а затем и риндеру.

Проехав семь верст от Согры, я двинулся дальше по степи Ульбы. По пути встретилось множество кречеток (*Charadrius gregarius*) и одну моему егерю удалось застрелить. Около

Ульбы, правый берег которой совершенно ровный, в изобилии росла хориспора сибирская (*Chorispora sibirica*), но еще больше ее я нашел на левом берегу Ульбы, где ею сплошь покрыты обширные площади. Ульбу мы переезжали на пароме, сооруженном заводской администрацией для того, чтобы обеспечить доставку руды с Зыряновского рудника. Противоположный (левый) берег Ульбы представлял собой совершенно крутые, нередко нависшие над водой сланцевые скалы. Во время переправы я заметил небольшой кустарник с красными цветами — резуху полукустарную новую (*Ara-bis fruticcolosa* n.), которая буйно росла в расщелинах скал и придавала своими цветами живописный вид темным сланцевым скалам. Вид крутой, недоступной скалистой стены лишал меня всякой надежды добраться до них, но я все же сумел это сделать, хотя и с немалым трудом. Это растение я встречал в другом месте. Вскоре здесь же я встретил копеечник бледноцветный (*Hedysarum plendes*), правда, лишь отдельные экземпляры, очень часто попадался катунок рогатый (*Ceratocarpus arenarius*). Отсюда всего две версты до Усть-Каменогорска. Скалистый берег Ульбы переходит постепенно в степь, образующую побережье Иртыша, на которой в большом количестве росли молочай обыкновенный, терескен серый (*Diotis ceratoides*) и различные астрагалы (*Astragali*).

Я было направился к крепости, которую можно узнать по насыпанному кругом земляному валу, однако возле нее меня не пропустили через шлагбаум. После того, как мои бумаги были доставлены коменданту, меня направили в город, где я мог-де обратиться по своим делам к полицмейстеру. Городок, находящийся в нескольких сотнях шагов от крепости, невелик и состоит в основном из невзрачных деревянных домишек, хотя некоторые дома просторны и содержатся в чистоте. Это поселение стало окружным городом три года назад. Прежде оно состояло из небольшого числа маленьких избышек, обитатели которых поселились вблизи крепости, вероятно, по той причине, что под защитой ее они чувствовали себя в большей безопасности, так как отношения с киргизами левобережья Ир-

* Так именует ее Паллас, жители же села зовут ее Согрой. (Прим. автора).

тыша еще не были так нормализованы, как в настоящее время. Жители города состоят главным образом из казаков и нескольких купцов; последние живут здесь очень зажиточно.

За неимением гостиницы мне пришлось с помощью полиции устраиваться на квартиру. Меня направили к одному богатому купцу. Сначала это не понравилось моему хозяину, однако он скоро стал любезным и приветливым, и я нашел у него отличный прием и такое угощение, которое меня действительно поразило. Скоро, даже помимо моего желания, в отведенной мне комнате был сервирован стол, разнообразие и обилие которого шли гораздо дальше моих потребностей. Не было недостатка даже в различных сортах хороших вин; на столе стоял богатый серебряный прибор: соусники, поднос и тому подобное, что свидетельствовало о благосостоянии хозяина дома. Во все время моего пребывания в Усть-Каменогорске гостеприимство хозяина оставалось неизменным. Впоследствии мне стала известна причина того, почему он сначала так неохотно принял меня к себе на квартиру. Оказывается, накануне моего приезда у него внезапно заболела жена, и он боялся, что мое присутствие в доме может причинить большое беспокойство. Но так как я старался избавить его от этого, то он относился ко мне с большой любезностью все время, пока я у него находился.

Поліцейстер, который посетил меня сразу же после моего прибытия, очень любезно предложил свои услуги, обещая исполнить все мои просьбы; он обещал также организовать дело таким образом, чтобы я на следующий же день смог переправиться через Иртыш, и выразил желание выставить на разных расстояниях казачьи посты и разбить палатки, если я укажу ему направление и пожелаю сообщить, как далеко я намерен заехать в степь. Но так как я в соответствии со своими планами не собирался здесь долго задерживаться и хотел лишь сравнить растительность на обоих берегах Иртыша, его совет направиться в глубь Киргизских степей я отклонил и решил ограничиться лишь небольшой экскурсией на расстояние нескольких верст. На сле-

дующее утро меня навестил комендант, который также предложил мне свои услуги.

Ширина Иртыша достигает здесь четверти версты, он имеет быстрое течение, так как от Бухтарминска и почти до самого Усть-Каменогорска сжат с обеих сторон скалами. Он вытекает из гор и образует множество равнинных островов. Весной он настолько разливается, что затопляет даже часть города. В этом году также затопило много домов.

На стремительном Иртыше, как и на других местных реках, имеющих быстрое течение, происходят следующие явления: лед зимой образуется не над водой, а на дне реки, откуда он впоследствии высвобождается и всплывает на поверхность. Когда льдин много, в крепчающие морозы они громоздятся одна на другую, смерзаются и образуют огромные торосы.

Получив известие о том, что лошади, нужные для моей экскурсии за Иртыш, уже здесь, я в сопровождении нескольких моих людей направился к переправе. Через реку мы плыли в длинных, очень узких лодках, сделанных из выдолбленного ствола тополя. Они настолько узки, что полному человеку трудно поместиться: сидеть приходится на дне; управляли лодкой двое казаков, вооруженных плохими веслами. Сначала при взгляде на широкую бурную реку испытываешь нечто вроде страха, но переправа всегда происходит на таких лодках, и, как мне говорили, несчастных случаев при этом не бывает. В свою лодку я взял слугу, остальные люди перебрались на других лодках, а казаки, сопровождавшие меня, разделись донага и переплыли реку на лошадях.

Переплыв на южный берег, я направился к ближайшим холмам, находящимся в семи верстах от Усть-Каменогорска и лежащим неподалеку от Иртыша, который здесь круто поворачивает. Холмы достигают приблизительно 400 футов высоты. На пути я несколько раз встречался с киргизами; некоторые из них служат пастухами и пасут стада крупного рогатого скота или лошадей. Между прочим, я видел табун лошадей, принадлежавший ташкентским купцам, в котором казаки насчитали около

500 голов. Пастухи этого табуна ехали на быках. Киргизы, которые живут в юртах близ Усть-Каменогорска, при встрече с нами были смелыми и приветливыми, особенно если по их просьбе я давал им нюхательного табаку. Но один из киргизов, вероятно, живущий в глубокой степи и менее других привыкший видеть иностранцев, заметив нас издали, сильно испугался. Отплыв с северного берега Иртыша и уже перебравшись через реку, он, заметив нас, снова бросился в воду и поехал назад по тому же берегу вместе с киргизом, сопровождавшим его.

В степи нам встречались также пасшиеся двугорбые верблюды, которые теперь, когда они совершенно лишились своей шерсти, выглядели очень хилыми.

Киргизская степь здесь, насколько я мог охватить ее как невооруженным глазом, так и в подзорную трубу, далеко не ровная, и на ней один за другим высятся ряды холмов. Я видел три таких ряда, которые тянулись параллельно с востока на запад. Первый ряд был не очень удален, второй тоже замечен невооруженным глазом, но третий различим лишь в подзорную трубу.

Холмы почти безлесные, но кажутся заросшими травой и частично мелким кустарником. Сразу же за Усть-Каменогорском, выше него, в Иртыш впадает маленькая речка, которая течет из степей в северном направлении и, как мне говорили, не имеет названия. Берега речки — как и самого Иртыша, и островов на нем — заросли талом.

Ознакомившись с растительностью, я нашел незначительную разницу между этой частью Киргизской степи и степной местностью северного берега реки. Но растения, по-видимому, развиваются здесь более быстро. Ясенец туркестанский уже начинал цвести, когда как на склонах холмов близ Согры еще нет; иксилирион татарский и онома обыкновенная цвели в изобилии. Кроме того, я нашел одно зонтичное — сассыр крупноплодный новый (*Cachrys macrocarpa* n.) и спаржу приморскую (*Asparagus maritimus* (?)); оба эти вида мне не встречались севернее Иртыша. Попадались еще молочай длиннокоренной новый (*Euphorbia macrorhiza* n.), аст-

рагал кустарниковый (*Astragalus fruticosus*), смолевка (*Silene* n. sp.), козелец, родственник прямому (*Scorzonera villosae* aff.), ясколка горная, триния (*Trinia Kitaibeli*), а также копеечник бледноцветный, хотя последнее растение встречалось столь же редко, как и на высоком скалистом берегу Ульбы. Впрочем, я охотно углубился бы в Киргизскую степь, и, как сказано выше, власти предлагали мне свои услуги в этом деле, однако такая поездка отняла бы у меня много времени, которое я должен был употребить для другой цели, и к тому же более детальное исследование Киргизской степи было и без того поручено одному из моих спутников — г-ну д-ру Мейеру. Кстати, я должен заметить, что и все низшие чиновники, к которым мне приходилось обращаться в связи с путешествием, согласно с предписаниями высшего начальства, с приветливой готовностью оказывали мне всяческую помощь, какую бы я ни просил.

Вечером того же дня я вернулся обратно за Иртыш. Сразу же по возвращении мой хозяин пригласил меня на чашку чая; у него, кроме коменданта, собрались все принадлежавшие, по всей вероятности, к *beau monde* Усть-Каменогорска. Комендант крепости, в чине полковника, — французский эмигрант времен революции 1790 г. и проживает здесь уже более 30 лет, издавляя наблюдая за изменчивой судьбой своей родины³¹.

На следующий день я побывал на пристани, у которой как раз стояло 12 рудовозных судов. Она находится приблизительно в двух верстах от Усть-Каменогорска, к востоку от него, у подножия горы, которая тянется отсюда по северному берегу Иртыша до Бухтарминска. Здесь причаливают суда, которые привозят руду, добытую в Зырянском руднике; дальше эта руда перевозится на телегах в Змеиногорск или на другие металлургические заводы. Таких судов — 14; каждое из них поднимает 2000 пудов и даже более; курсируют они между Бухтарминском и Усть-Каменогорском (приблизительно на расстоянии 150 верст водою) и делают за год девять перегонов туда и обратно. Вниз по течению суда плывут 14—24 часа; вверх, куда их приходится тащить на буксире, они прибывают через 8—10

дней. Построены они в Шульбинске, где есть большой бор, смыкающийся с барнаульским бором и протянувшийся мимо Локтевского завода до Иртыша. На пристани живет надсмотрщик; он принимает и отправляет руду и наблюдает на складах, где хранятся запасы провианта и других припасов, нужных Зыряновскому руднику, которые забирают суда, возвращающиеся обратно. Горы, у подножия которых находится эта пристань, поднимаются над равниной, где расположен Усть-Каменогорск, на высоту 650 футов. Но их абсолютная высота достигает 1882 фута над уровнем моря. На равнине между этими горами и Усть-Каменогорском произрастали хориспора сибирская, катунок рогатый и полынь (*Artemisia*) (которая, однако, еще не цвела) в таком большом количестве, что поверхность лугов имела совершенно желтый или беловато-серый цвет. С запада и с севера склоны гор поднимаются довольно полого, к югу же они круто обрываются.

Кроме растений, которые находятся на вершинах близ Согры, например ширяш алтайский, здесь я нашел немало таких, которые нигде ранее не встречались, например серпуха окаймленная новая (*Serratula glauca* n.). Отдельные экземпляры этого растения я получил еще прежде из Сибири, хотя и не знал, в каких местах они произрастают. Здесь оказались и хамеродос прямой (*Sibbaldia erecta*), астрагалы (*Astragalus* n. sp.), астрагал узкоплодный (*Astragalus macrolobus*), копеечник полиморфный новый (*Hedysarum polymorphum* n.), лук глянцевиный (*Allium nitidulum*). Росли также ромашка пижмовидная новая (*Pyrethrum incanum* n.), пузырница физолиновая, рябчик мутовчатый (*Fritillaria verticillata*) и многие другие растения. Особенно бросилось мне в глаза одно зонтичное растение с очень близко сидящими, жесткими, волосистыми, остро пахнущими мутовчатыми листьями, которое встречалось часто, однако только отдельные экземпляры едва выпустили стебель высотой в дюйм*.

* Порезник седоватый (*Seseli graveolens* n.). Впоследствии я послал сюда из Риддерска одного из своих людей, показав ему предварительно это растение, чтобы собрать вполне развитые экземпляры его и семена некоторых видов.

Я обратил внимание, что хотя эти горы поднимались на высоту 650 футов над степью, на их вершинах росло большинство растений, характерных для равнины. Иксилирион татарский — настоящее степное растение — встречался до самой вершины; на южных склонах он попадался редко и, наоборот, в степи и на северных склонах — очень часто. Астрагал узкоплодный, напротив, был только на самых высоких вершинах, а ранее упомянутый астрагал имел границей середину южных склонов, где сильно припекало солнце и камни были настолько раскалены, что я не мог удержать их в руках. На северных склонах в поперечных долинах цвело особенно много дерезы и колючего шиповника. С одной из вершин этих гор я смотрел через подзорную трубу на Киргизскую степь и вдали увидел еще горы, на вершинах которых все еще лежал снег.

На холмах я случайно обнаружил замечательное явление — эхо, напоминающее то, которое известно близ Симонетты в Милане. Произнесенное слово отчетливо и громко звучит с противоположных холмов, распространяясь с одного холма на другой, причем так часто, что я не смог сосчитать число повторов, особенно потому, что эхо произнесенного слова и отзвук эха доносятся с разных сторон одновременно и с различной силой тона. Этот холм называется Пригонная сопка. Такое наименование носят многие холмы в разных местах. На мой вопрос о значении этого названия мне ответили, что туда споняется скот со всей окрестности. У здешнего врача, у которого я побывал вечером, я увидел экземпляр степного пиона (*Paeonia hybrida*) в полном цветении, который, по его словам, растет в 20 верстах отсюда. Однако в дикорастущем состоянии я это растение здесь не встречал.

11 мая рано утром я выехал из Усть-Каменогорска, намереваясь проехать вниз по Иртышу до с. Красноярского, которое находится на расстоянии 40 верст от Усть-Каменогорска. Мне хотелось побывать в тех местах, так как, по словам Палласа, там очень богатая флора. Путь туда вел по степи, которую, однако, ни в коем случае нельзя назвать равнинной в полном смысле слова. Близ р. Ульбы

равнина становится покатою, а дальше тянутся связанные между собой сланцевые горы, из которых отдельные достигают 500 футов высоты, и целый горный хребет, пролегающий с северо-северо-востока на юго-юго-запад. Иртыш делает здесь множество поворотов, образует массу островов, течение его медленное. С этой стороны в реку вливается ряд маленьких речушек, в основном безымянных, текущих в глубоких и узких руслах. Киргизская степь, раскинувшаяся по ту сторону реки, как я мог рассмотреть на расстоянии, точно такая же, как и степь на этой стороне. В небольших поймах и в подобного рода низинах тоже растут деревья, а именно три различных вида тополя: тополь лавролистный, белый (*Populus alba*) и третий — вероятно, осокорь (*P. nigra*). Этот последний я находил всегда только с маленькими стволами*. Кустарники были всюду; особенно часто встречались таволга зверобоелистная, которая густо покрывала всю площадь, какую только мог охватить глаз, затем таволга широколистная, жимолость татарская и почти на протяжении всего пути от д. Глубокой до с. Красноярского образовывал по обе стороны дороги густые и широкие заросли бобовник (*Amugdalu nana*).

Из трав чаще всего попадались на первой половине пути от Усть-Каменогорска хориспора сибирская, дальше она исчезала. В большом количестве рос и резак поручейниковидный (*Critamus agrestis*). Близ Красноярского, на расстоянии примерно четырех верст от него, я нашел одно место, где севернее дороги очень густо росла риндера обыкновенная. Вместе с ней, обычно в тени кустарников, так же густо рос тюльпанолистник новый (*Allium tulipaefolium* n.), несколько экземпляров которого я получил однажды из Нор-Зайсана. Можно найти здесь и ширяш алтайский. Риндера и лук, по крайней мере, в этой местности, имеют, по-видимому, весьма ограниченный ареал, где они, конечно, в изобилии. Напротив, ширяш, хотя и с более широкой областью распространения — я нахо-

дил его близ Усть-Каменогорска, Согры и часто в степи — здесь, как и повсюду, редок и обнаруживается только в единичных экземплярах. Почва, на которой произрастает риндера, — очень твердая глина, становящаяся в засушливую погоду напоподобие камня. У этого растения очень толстые корни; большая по размерам масса их образует губчатую субстанцию коричневого цвета, назначение которой, вероятно, состоит в том, чтобы накапливать влагу, необходимую для питания стебля, особенно в засушливое лето. Подобное устройство корней, только покрытых не мясистыми, а крепкими волосистыми чехлами, встречается у очень многих растений (благодаря чему они растут на сухих почвах), например у патринии, звездчатки алтайской (*Stellaria altaica*) и др.

Близ с. Красноярского есть казачий форпост того же названия, около которого еще и теперь видны остатки бывшей крепости. Это военное сооружение уже не охраняется, и казаки, оберегавшие когда-то границы, занимаются, как и местные крестьяне, земледелием, скотоводством, пчеловодством и рыбной ловлей, хотя продолжают оставаться военнообязанными и изредка являются на службу.

Село Красноярское расположено на высоком берегу Иртыша, на расстоянии нескольких сот шагов от берега. Его окружают горные цепи, не связанные друг с другом, а разделенные узкими долинами; горы расположены вокруг села таким образом, что оно кажется заключенным в амфитеатр. Я поднялся на самую высокую гору, находящуюся в двух верстах от села; высота ее, согласно моему определению, равна 607 футам над уровнем села. На равнине и у подножия гор росли чина, родственная бледной (*Orobis pallescenti* aff.), козелец неясный (*Scorzonera glastifolia*), котовник украинский (*Nepeta sibirica*), остролодочник яркоцветный. На склонах кое-где встречались риндера и ширяш и довольно часто астрагал узкоплодный. У самой вершины попались копеечник бледноцветный и качим прямой новый (*Gypsophyla stricta* n.). Ночью прошла сильная гроза с бурей и проливным дождем, теперь же, днем, воздух был теплым, но небо было покрыто тучами и дул сильный

* Черенки из осокоря, как и из тополя лавролистного, которые я послал в Дерпт, очень хорошо принялись в ботаническом саду. (Прим. автора).

ветер. И то и другое предвещало дождь, но его не было.

Сразу же за горами, расположенными близ Красноярского, с чьих вершин видны вздымающиеся в противоположащей Киргизской степи многочисленные горы и целые горные хребты, появился волчегондик алтайский, которого было так много, что он образовал целые изгороди вдоль дороги. Этот красивый кустарник находился в самом цвету и был усеян цветами, распространявшими сильный аромат. К югу от горных цепей, которые окружают Красноярское, возвышаются еще одни горы, так что дорога вначале проходит между двумя горными цепями, затем постепенно поднимается и в 19 верстах от селения идет уже по высокому плоскогорью, которое превышает вершину горы близ Красноярского на 208 футов. Дальше местность снова становится волнистой и насголько поднимается, что в лощинах и на склонах лежащей в юго-западном направлении Секисовской горы, главная вершина которой была плотно окутана облаками, еще лежал снег. Неподалеку от Секисовки, расположенной у подножья упомянутой горы, мы перешли вброд небольшую горную речку того же названия, впадающую в Красноярку. Последняя протекает близ Красноярского и впадает в Иртыш. Как и все степные речки и ручьи здесь, обе речки имеют узкое, но глубокое русло.

Около двух часов пополудни я прибыл в д. Секисовку, лежащую на высоте 1674 футов над уровнем моря; находится она в 35 верстах от Красноярского. Однако расстояния и тут не измерены, и, как мне кажется, дистанция была наверняка больше указанной. После полудня я проехал еще девять верст до Быструхи, где и решил переночевать, ибо дорога из-за дождей стала очень скользкой и мне не советовали начинать 29-верстный переезд до Черемшанки, так как путь к этой станции пролегает через крутой горный склон.

13 мая я поехал по знакомой дороге от д. Быструхи через Черемшанку на Бутакову (42 версты). Но как изменился вид леса между Быструхой и Черемшанкой! Когда я первый раз проезжал этим лесом, на моем пути из Змеиногорска в Риддерск постоян-

но встречались прекрасные алтайские цветы в их полном великолепии. Теперь же цвели одуванчики (*Leontodon*) и огоньки (тех и других было очень много), медунка мягкопушистая и один вид молочая, из кустарников — только широколистная таволга. Для этой высокогорной лесистой местности характерно такое явление: богатая весенняя флора на некоторое время резко беднеет, пока летом не появляется новая, еще более разнообразная растительность. Как компенсацию за исчезнувшее великолепие трав я нашел деревья с более пышной листвой и услышал в лесу кукушку и соловья.

После грозовых ливней и в последующие дни шли проливные дожди. Когда я прибыл в Черемшанку, вторую станцию от Риддерска, мне сказали, что Ульба, берегом которой нужно было ехать до Бутаковой, из-за сильных дождей вышла из берегов и затопила часть дороги, идущей по дамбе, вдоль отвесной скалы. Дорога эта чрезвычайно живописна. На севере вздымаются горы, склоны которых южнее подходят в самой реке в виде крутых утесов. Под утесами течет быстрая Ульба, и дорогой служит дамба, проложенная вдоль реки между скалами и рекой.

Когда я прежде проезжал это место, дамба находилась на высоте четырех футов над уровнем реки, и я не предполагал, что теперь так трудно, даже невозможно проехать этой дорогой, как меня уверяли. Сельский старшина настаивал на том, чтобы в мою телегу была впряжена еще шестерка лошадей, так как на тех лошадях, на которых я приехал из Риддерска, при таких обстоятельствах нельзя якобы полагаться; кроме того, к каждой паре лошадей надо, мол, приставить ловкого и хорошо знакомого дорогу ямщика, а шестеро других людей, едущих по трое с каждой стороны телеги, должны держать телегу за привязанные к ней веревки, чтобы ее не перевернуло или не смыло водой. Я предоставил старшине возможность перетаскать телегу через дамбу тем способом, каким ему угодно, а сам в сопровождении трех моих людей пошел пешком, намереваясь осмотреть горы, находящиеся севернее Ульбы, и отыскать их вершины. Самая заметная из этих вершин, по

моему определению, поднимается на 704 фута над Черемшанкой.

Не желая возвращаться тем же путем, которым пришел, я решил поискать другой. Из предосторожности я отослал своего слугу с барометром обратно, чтобы он мог проехать на телеге более спокойной дорогой, а сам в сопровождении нескольких людей отправился дальше, намереваясь спуститься в ущелье, которое лежало прямо передо мной и обещало богатую добычу. Там шумно низвергался вздувшийся бурный поток, устремляясь в Ульбу. Спуск был весьма нелегко, так как при большой крутизне трудности увеличивали еще упавшие стволы деревьев, валявшиеся кругом в хаотическом беспорядке.

В сыром и тенистом ущелье я нашел исключительно пышную растительность: травы были выше человеческого роста, хотя цвели еще немногие. Густо переплелись ветви татарской жимолости, желтой акации, пихты, черемухи, различных таволг и других кустарников, крепко скрученные диким хмелем и вьющейся вербиной, сквозь которые почти невозможно было пробраться. Мне давно уже хотелось увидеть эти затененные сырые ущелья, ибо я много слышал о роскошной флоре таких мест.

Однако чем больше подтверждений этому я находил, тем меньше был доволен тем, что растущая здесь растительность оказалась не столь разнообразной. Чина желтая (*Orobis luteus*), володушка золотистая (*Bupleurum aureum*), живокость (*Delphinium*) и некоторые другие растения еще не цвели, и только степные пионы оживляли алыми цветами темные углы ущелья.

Наконец я дошел до подножья горы, откуда надеялся двигаться уже по дороге, но к своему величайшему изумлению увидел, что не только дорога была затоплена, но и вся окрестность превратилась в бушующую и пенящуюся водную поверхность, из которой выступали лишь деревья. В это время я заметил нашу телегу, которая двигалась по направлению к выступу, где мы стояли; когда мои люди подъехали близко к нему, я перебрался в телегу. Прибытие экипажа было вдвойне желательным, так как один из моих людей острым камнем поранил себе ногу. Мы благополучно проехали затопленной дамбой и к вечеру добрались до Бутаковой. Здесь, несмотря на сильный дождь, я нанял почтовых лошадей и к ночи с наивозможной быстротой доехал до Риддерска.

Глава пятая

ПРЕБЫВАНИЕ В РИДДЕРСКЕ. ЭКСКУРСИИ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ

На следующий день все еще шел дождь, а после полудня пошел град величиной с лесной орех, так что оконные стекла, находившиеся на ветреной стороне, были разбиты. В горах выпал снег, а 15 мая снег выпал в долине. Однако лежал он недолго. Ненастная погода с бураном и сильными ливнями продолжалась до 17 мая; горы при этом были большей частью совершенно окутаны тучами, а когда те рассеялись, оказались совершенно белыми от выпавшего снега. Окрестные реки сильно разлились, и шум их, особенно Громотухи, был слышен вокруг даже при закрытых окнах. Заморозков в это время года не было, но так похолодало, что я велел затопить печь.

Не успели еще полностью распуститься листочки осины, как я собрал уже свыше 200 видов растений, хотя во время длительных поездок в Усть-Каменогорск и Красноярское и не собирал те травы, которые росли здесь, в Риддерске, намереваясь заняться этим в небольших экскурсиях по окрестностям, при более удобных обстоятельствах. Дождливое время я использовал для приведения в порядок своих коллекций.

18 мая погода как будто прояснилась, хотя реки разлились еще сильнее, так как начал таять недавно выпавший снег. Я побывал на северном берегу Громотухи, где когда-то был сосновый бор, впоследствии частью вырубленный на уголь, частью же,

по недосмотру, почти полностью выгоревший; теперь там стояли только редкие ели и росло немного сердечника узколистного (*Cardamine tenuifolia*). Прежде Громотуха текла много севернее места, занятого теперь лесом, сейчас же она бежит гораздо южнее, по другому руслу, а по ее прежнему ложу прошла хорошая дорога на Риддерск. Прежнее русло заметно по многочисленной гальке, намытой рекой. Между камнями рос, хотя и не густо, новый красно-желтый мак (*Papaver croceum* п.), родственник голостебельному (*P. nudicaule*). Прошедшим незадолго до этого градом многие растения были сломаны, а некоторые так исковерканы, что узнать их можно было с большим трудом. На осинах не осталось почти ни одного целого молодого листочка. Поэтому ближайшие окрестности Риддерска выглядели пустынными и печальными, и из-за разлива рек я не мог совершать дальних экскурсий, так как во всех случаях нужно было переходить речки, за исключением восточного направления. Но дорога здесь уходила глубже в горы, куда еще мало продвинулась весна. 19 мая после долгого ненастья погода снова прояснилась, и я решил предпринять хотя бы небольшую экскурсию в восточном направлении, в частности к горе Чесноковке, расположенной между Быструхой и Филипповкой. Свое наименование гора получила от одной разновидности лука, который, как мне говорили, растет там в изобилии и население собирает его на свои нужды. Ехать туда нужно около 10 верст. На вершину горы можно подняться с северо-западной стороны. Неподалеку от вершины, на ровной площадке, стоит несколько лиственниц и берез искривленной формы — не столько из-за высоты, которая составляет всего 3615 футов, сколько потому, что они подвержены воздействию сильных ветров. По крутому юго-восточному скату я хотел спуститься к Быструхе, широкий берег которой расстился у подножия горы, но буря была настолько сильной, что трудно было держаться на ногах. Растения здесь тоже были побиты градом, и когда буря стихла, я, недовольный, направился в обратный путь, снова намереваясь подойти к Быструхе. Там близ нескольких сто-

ящих вдоль правого берега реки холмов я нашел много интересных растений, в том числе кизильник одноцветковый новый (*Mespilus uniflora* п.) — среди скалистых глыб, ясколку луговую новую (*Cerastium incanum* п.) — на сухих холмах, липучку повислоплодную (*Echinospermum deflexum*) — среди мелкого кустарника, горец растопыренный (*Polygonum divaricatum*), бузульник алтайский (*Senecillis glauca*), чину гороховидную (*Lathyrus pistiformis*), колокольчик алтайский новый (*Campanula altaica* п.) — на солнечных склонах, бесчисленный проломник нитевидный (*Androsaca filiformis*) — на влажной почве и немало других. Снова пошел сильный дождь, и мы поспешили домой.

В ночь с 21 на 22 мая сильно подморозило (с 19 мая пополудни в долинах шел не переставая дождь, а в высоких горах — снег). Воспользовавшись сносной, хотя и холодной, погодой, я решил посетить Крюковский рудник, где недавно была найдена богатая серебряная руда (65 золотников в пуде). Гора, в которой находится этот рудник, — 2580 футов высоты, а вход в него — на высоте 2342 футов, южнее этой горы поднимается другая, Соколок, — 2992 фута. Все эти когда-то лесистые, а теперь безлесные вершины лишь кое-где поросли кустарником. После полудня снег пошел и в долине.

23 мая погода позволила мне наконец подняться на белки, что я давно очень хотел сделать, так как вид гор становился все оживленнее. Было еще прохладно, но погода разгулялась, ветер стих; все это благоприятствовало поездке в горы. Выехал я ранним утром, когда еще нельзя было определить, насколько устойчивой будет хорошая погода; в таком случае путешественник избегает попадать в облака, окутывающие большие горные вершины. Я намеревался покрыть в этот день такое расстояние, чтобы к вечеру вернуться в Риддерск. Вот почему из ряда Ульбинских белков я выбрал так называемую Крестовую гору, чтобы за день исследовать эту, лежащую ближе других вершину. Крестовая гора здесь считается самой высокой, что, по-видимому, объясняется тем, что она благо-

даря своей близости действительно кажется выше других, дальних.

До подножия Ульбинских гор, с которых стекает Громотуха, восемь верст. Путь туда пролегает по ровному лугу, который пересекает Большая и Малая Быструхи. На Крестовую гору удобнее всего подняться с юго-западной стороны, хотя и там подъем сначала очень крутой. В голых, безлесной долине цвели астра альпийская (*Aster alpinus*), овес (*Avena spec.*), раковые шейки (*Polygonum bistorta*), вика многостебельная (*Vicia multicaulis* п.), змееголовник Руиша (*Dracocephalum ruyschiana*), остролодочник серебристый новый (*Oxytropis agropylla* п.), овсяница (*Festuca spec.*), патриция сибирская (*Patrinia sibirica*), остролодочник серо-желтый новый (*Oxytropis sulphurea* п.), незабудочки — скальные и мягковолосый новый (*Myiostis villosa* п.) и широколистная вероника (*Veronica Teucrium*). В том месте, где спуск становится менее крутым, начинается лиственничный лес. В нем оказались экземпляры березы, пихты и кедра. Поросль образовали таволги — широколистная и зверобоелистная, кизильник черноплодный и отдельные розы, из которых шиповник колючий уже цвел. Попадались и барбарис сибирский, но только очень искалеченный; я вообще находил здесь это растение высотой не более одного-полутора футов и со многими высохшими ветвями. В тени леса, особенно на северном склоне, росли камнеломка сибирская и бадан (*Saxifraga crassifolia*), последнего было там много, что он густо покрывал всю площадь. Выше поросль состояла из сибирки гладкой (*Spiraea laevigata*), а вместо кизильника черноплодного, который постепенно исчезал, появлялся по мере подъема кизильник одноцветковый. Как сибирка гладкая и можжевельник казачий, которые внизу не растут, а обнаруживаются только в верхней части гор, этот кизильник поднимается почти до самых высоких вершин. В тени леса наверху цвели змееголовник алтайский (*Dracocephalum altaice*), фиалка алтайская с желтыми и фиолетовыми цветами, еутрема цельнолистная (*Cochlearia integrifolia*), мытник красноватый (*Pedicularis rubicunda*), фиалки —

двухцветная и рассеченнолистная (*Viola biflora* п. et *pinnata*), последняя попадалась редко; на незатененных местах росли лапчатка снежно-белая (*Potentilla nivea*) и горечавка угловатая (*Gentiana angulosa*). Повсюду виднелась также черника (*Vaccinium Myrtillus*), но она была пока еще без листьев.

На высоте 4536 футов кончались березы. Выше можно было найти фиалку одноцветную (*Viola uniflora*), горечавку алтайскую (*Gentiana altaica*), мак голостебельный с серо-желтыми цветами и лен сибирский (*Linum sibiricum*). На высоте 5500 футов лес кончился. Еще выше оказались разрозненные кедры со стелющимися по земле ветвями, такой же формы были и оба вышеупомянутые вида можжевельника, а лиственницы, росшие на той же высоте, были совершенно высохшими, хотя имели неизуродованные, прямые стволы, но эти стволы не достигали величины обычных взрослых деревьев и все без исключения выглядели молодыми деревцами от полутора до двух и более сажен. Там, где кончался лес, цвели термopsis альпийский (*Thermopsis alpina*), ветреница зонтичная (*Anemone narcissiflora*), лютик алтайский (*Ranunculus frigidus*), мелколепестник алтайский (*Erigeron alpinus*). На проталинах во множестве рос дороникум алтайский (*Doronicum altaicum*), который еще не цвел. Всюду на безлесных склонах до подошвы верхнего конуса, т. е. до высоты 6001 фута цвели хохлатка желтая, ветреница алтайская, кандык сибирский, огоньки и прострел широкоцветный.

В лесу во многих местах еще лежал снег больше фута глубиной, и конусообразная вершина, которая начинала подниматься на высоте 6001 фута, была совершенно покрыта снегом, из которого выступали острия крупных и мелких скалистых обломков, рассеянных всюду по плоскогорью. До подножия этой вершины еще можно было большей частью подниматься на лошади, но там нам пришлось оставить своих лошадей, так как склоны конуса настолько круты, что взбираться по ним нужно лишь пешком и то с великим трудом, особенно теперь, когда из-за снега не были видны углубления между ска-

лиственными глыбами, и мы то до пояса проваливались в сугроб, то застревали между камнями. На южном скате конуса, на высоте 6187 футов, стояла высохшая лиственница, но тоже прямая, без искривлений. На немногих свободных от снега местах, вокруг каменных глыб, на крутых, обрывистых площадках, начинали цвести крупная водяная новая (*Draba hydrophila* n.), песчанка, родственная микричнику Гельма (*Arenaria Helmi aff.*), молочай (*Euphorbia* n. sp.) и скрипун розовый новый (*Sedum elongatum* n.).

Самая вершина конуса, которая поднимается на высоту 6631 фута, плоская, и на этой площадке стоит простой деревянный крест, с трех сторон которого, с северо-востока и с юга, возведена стена около пяти футов высотой из нагроможденных в беспорядке камней, поэтому вершина и получила название Крестовой горы. Дальше к востоку, на расстоянии приблизительно одной версты, вздымалась другая, еще более высокая вершина, по подняться на нее в этот день мне не удалось, так как уже темнело, а из-за лежащего кругом снега восхождение было сопряжено с большими трудностями. К югу от этого места расположена долина, или, вернее, ущелье, в котором течет Громотуха, но реки не видно из-за громоздящихся впереди скал. У подножия конуса, с его западной стороны, вытекает ключ, температура которого, по моему определению, равна + 0,5°R. Он вытекает из-под обломков скал, покрытых растительным ковром.

В лесу, на середине горы, мне встречались крупные деревья, и среди них одна лиственница, которую я измерил: в обхвате на высоте фута от корня она оказалась 13 футов 1¹/₂ дюйма*.

Из животных я увидел здесь множество белых куропаток (*Tetrao Logopus*), которые всюду сновали по снегу, и представителей глупой сивки (*Tringa alpina*). Эти изящные создания одинаково ловко карабкаются по

скалам и передвигаются по снежной поверхности, оживляя пустынную глушь холодных вершин; держатся они всегда парами, и когда охотник убивает одну из птиц, другая сначала испуганно взлетает, но потом тотчас же возвращается к тому месту, где был убит ее сородич. Видел я здесь также сибирского сурка (*Arctomys Bobac*), он очень пуглив и быстро прячется в норах и расселинах; убегая, на мгновение останавливается у своей норы, весело свистит и тотчас исчезает в своем убежище. Поздно вечером я вернулся в Риддерск.

25 мая я посетил так называемую Вострую сопку — гору в несколько сот футов высотой, расположенную приблизительно в пяти-шести верстах к западу от Риддерска. Мне много говорили о кустарнике с желтыми цветами и красными плодами, который якобы растет только на этой сопке и больше нигде на Алтае не встречается. Проверить этому было трудно, и мне захотелось проверить самому; отчасти для того я и отправился в путь. Дорога к горе шла через луг; на северном склоне горы стоял березовый и осиновый лес. Цветов было мало, хотя травы в сырых и тенистых местах достигали человеческого роста. Речка, которая вытекает с северного склона горы и впадает в Журавлиху, бежит по руслу, совершенно скрытому под камнями и мхом, так что ее не видно, а слышно лишь журчание. Такие речки встречаются нередко в нижней части горных склонов, там, где обломки скал толстым слоем покрывают землю. Здесь бурный горный поток все глубже вымывает себе русло под камнями, которые сверху покрываются осколками скальных пород, поросшими толстым слоем мха. На моховом покрове произрастают разные луговые растения, среди которых я часто находил герань белоцветную новую и ясколку Ледебура (*Cerastium Ledebourianum*). Когда же я спросил своих людей о пресловутом кустарнике с желтыми цветами и красными плодами, они показали мне сибирский барбарис, который вполне соответствовал описанию; мне было непонятно, почему всем бросалось в глаза его присутствие именно здесь, на этой горе, в то время как он часто встречается и на других местных скалах.

* В крестьянских домах здесь часто можно видеть пол из деревянных досок шириной в два фута и более, а также столешницы от двух с половиной до трех футов шириной, сделанные из одной доски, большей частью из кедра (*Pinus Cembra*). (Прим. автора).

Недалеко от Риддерска Журавлиха впадает в Филипповку. Берега обеих речушек низкие и болотистые.

С каждым днем возрастало мое нетерпение, мое жгучее желание пробраться дальше в высокие горы, но продолжающийся разлив рек и скопление снега, который все еще лежал на этих горах, пока не позволяли осуществить мои планы. Кроме того, в Риддерске распространились очень беспокоящие слухи о рабочих, бежавших из Коргона в горы. Число беглых, как говорили, сильно возросло, и поэтому они стали весьма дерзкими: напали на казенный склад и разграбили его; даже в Риддерске боялись нападения. Я опасался, конечно, не за собственную персону, так как знал из письма д-ра Бунге, что он при встрече с ними никакому оскорблению не подвергся, но сильно труслили мои люди, и меня беспокоило то, что из-за их преувеличенного страха при встрече могут произойти неприятности. Посему я решил подождать из Змеиногорска известий почтой, которая должна была прибыть через 10 дней.

За этот срок я наметил посетить горные цепи, лежащие к югу от Громотухи (Проходные белки), уже на склонах которых берут начало река Бухтарма и впадающие в нее реки. Поскольку говорили, что Громотуха, в том месте, где она очень расширяется, якобы образует хороший брод, я послал вперед разведчика, поручив ему отыскать брод, а сам, не теряя времени, 26 мая выехал на север от Риддерска, к горе (Таловская сопка), с которой стекали две речки, Малая и Большая Таловки, первая — с южного, а вторая — с восточного склона. Описав дугу вокруг горы, Большая Таловка течет рядом с Малой Таловкой, в том же направлении на незначительном расстоянии от нее, и затем, слившись, они впадают в Филипповку. Я ехал долиной Малой Таловки почти точно в северном направлении. Близ устья берега ее низменные и частью болотистые, но вверх по течению долина все более и более сужается. По обеим сторонам тянутся ряды округлых холмов, в основном безлесных, только на склонах, главным образом северо-западном, растут одинокие березы и осины. Берег реки окаймлен ивами, бе-

резами, черемухой, татарской жимолостью и калиной. Впрочем, растительность этой местности нельзя назвать оригинальной, здесь снова встречались те же растения, которые я находил вчера и которые вообще произрастают на низменных местах; те же и сроки вегетации.

Исток Малой Таловки находится на южном склоне Таловской сопки на высоте 3571 фута над уровнем моря. Начало речке дает небольшой ключ. Выше расположена редкая роща из берез и осин, отдельные деревья этих видов окружали и самый источник, температура которого была $+4^{\circ}\text{R}$, в то время как температура воздуха в тени составляла $+21,5^{\circ}\text{R}$. Подняться на гору можно было без особых затруднений, и я поехал от источника вверх; ближайшая вершина поднималась на 5065 футов.

До самой вершины встречались редкие лиственные, хиты и березы, однако последние были хилыми, кривыми; росла обыкновенная рябина как кустарник. Кроме того, я нашел следующие кустарники: таволги — зверобоелистную и широколистную, шиповник колючий и еще один вид шиповника; на самой же вершине оказались кизильник одноцветковый, можжевельник сланцевый (*Juniperus nana*), жимолость Палласа (*Lonicera Pallasii*) и барбарис сибирский. Из трав здесь цвели, вплоть до самой вершины, первоцвет Палласа (*Primula Palasii?*), хохлатка желтая, огоньки, молочай волосистый новый, касатик-узик (*Iris ruthenica*), кандык сибирский, пион степной и многие другие растения, которые, собственно, растут на более низменных местах или, по крайней мере, чаще там встречаются. Здесь я впервые нашел гусятник малый (*Ornithogalum minus*).

Самую вершину горы образует протянувшийся с востока на запад скалистый гребень из сильно растрескавшегося роговообманкового сланца (грюнштейна). Другой гребень такого же строения тянется параллельно первому и простирается дальше к северу; высота его незначительна. На плоскогорье, несколько покатом к северу, между этими скалистыми гребнями росли змееголовник алтайский, горечавка угловатая и дороникум алтайский; особенно часто попадался

последний. Кос-где встречались оди-
ночные лиственницы. На северном
склоне, по ту сторону второго скали-
стого гребня, стоял густой лес из
пихты, в котором изредка попадались
березы. В этом лесу, как и по всему
северному склону, лежало еще много
снега.

При спуске с горы я придерживал-
ся более восточного направления и
таким образом вышел на болотистую
местность, на которой собиралась во-
да, образуя Большую Таловку. Исток
реки на этой горе нельзя назвать соб-
ственно ключом. Нижние склоны мест-
ных гор обычно скалистые и сухие
до тех пор, пока они круты, но бли-
же к вершине гора становится поло-
же, образуются плоские корытообраз-
ные углубления, в которые стекают
из болотистой почвы бесчисленные
ручейки. Сначала их течение на-
столько медленно, что едва заметно,
но затем они попадают на более по-
катое место и образуют водяной по-
ток, с которым скоро сливаются мно-
гие другие такие же собирающиеся
отовсюду ручьи. Эти небольшие аль-
пийские потоки, всегда текущие в
горной местности по слегка наклон-
ной плоскости, соединяются вместе
на крутом склоне, низвергаясь с вы-
соты уже речкой. Она стекает, шумя
и пенясь, с крутой горной стены в
каком-нибудь одном месте и по ходу
течения быстро увеличивается. Так
здесь образуется большинство рек,
берущих начало в горах, и только не-
которые из них начинаются из соб-
ственного источника. Таких источников
я видел мало и могу сообщить ре-
зультаты лишь немногих наблюдений
над их температурой*. Большая Та-
ловка стекает в долину, которая по
своим свойствам похожа на речную
долину Малой Таловки. Неподалеку
от устья первой, на ее правом берегу,
находится невысокий холм, на юго-
восточной стороне которого выходят
наружу зеленые сланцы, распадаю-
щиеся на плиты различной толщины
(от двух линий до одного фута).

27 мая пошел сильный, проливной
дождь, а ночью началась гроза, про-
должавшаяся и на следующий день. В
этой местности вообще грозы часто
продолжаются несколько дней, сопро-
вождаясь почти непрерывными рас-

катами грома. Всю ночь на 28 мая
дождь не прекращался.

29 мая небо прояснилось, дождь
прекратился. Я выехал к северному
склону Крестовой горы, чтобы под-
няться на нее именно оттуда, на-
сколько это будет возможно. Взи-
раться приходится все время по кру-
тому склону до самой вершины, и
нет ни одного уступа, склоны которо-
го были бы менее круты, так что
подниматься с северной стороны
можно только пешком, да и то с
большими трудностями. Но все же
этот путь много короче, чем обыч-
ный, конный, протяженность которо-
го от подножия горы через хребет до
вершины равняется семи верстам. На
северной стороне Крестовой горы
виднеется множество глубоких уще-
лий, которые, начинаясь у самой вер-
шины, тянутся в одном и том же на-
правлении, все расширяясь и углуб-
ляясь, до самого подножия; падаю-
щая вода их еще более углубляет.
Они заполнены снегом и дают пита-
ние маленьким потокам, которые,
шумя и пенясь, низвергаются с кру-
тизны. В этих ущельях снег лежит в
течение всего лета, в то время как на
вершинах он в конце концов все-таки
стаивает. Слой снега зависит от ко-
личества осадков в течение зимы и от
уровня температуры последующего
лета. Овраги заполнены снежными
пластами в несколько сот футов дли-
ной, чередующимися с оголенной
землей. Эти пласты значительно ос-
ложняют подъем на гору, постоянно
встречаясь на пути, и при этом каж-
дый неосторожный шаг грозит опас-
ностью. Ширина пластов не превы-
шает 6—10 сажен, но они гладкие и
скользкие, и при крутом спуске
очень трудно устоять на ногах. К то-
му же не всегда можно полагаться на
твердость снега, так как быстрые по-
токи, бегущие под ним, местами на-
столько сильно вымывают свое ложе,
что слой снега остается очень тонким
и потому можно легко провалиться.

В одном из самых глубоких уще-
лий протекает Хризовка — малень-
кая бурная речка, выбегающая из-
под тающего снега. Эти северные
склоны покрыты лесом из пихты и
лиственницы. Между деревьями, осо-
бенно на большой высоте близ уще-
лий, отыскивались чрезвычайно инте-
ресные растения. Я нашел здесь, не

* См. приложения. (Прим. автора).

считая некоторых других, сердечник альпийский (*Cardamine bellidifolia*), зубровку альпийскую (*Hierochlea alpina*), фиалку двухцветную, осоку, ожик (*Luzula spec.*), жимолость алтайскую новую, селягинеллу утесную (*Lycopodium rupestre*), баранца (*Selago*), копеечник темный (*Hedysarum obscurum?*), сныть горную новую (*Aegopodium alpestre* n.), лапчатку холодную (*Potentilla grandiflora*), ветреницу зонтичную, эмееголовник алтайский, горечавки — угловатую и алтайскую, лоидию горную (*Ornithogalum striatum*), термописис альпийский, дороникум алтайский, лаготис цельнолистный новый (*Gymnandra bicolor* n.), лютик алтайский (*Ranunculus frigidus*); начинала пускать ростки длинноножка снеговая (*Macropodium nivale*). Русло маленькой пенистой Хризовки, как и всех других маленьких речек в этих ущельях, тоже покрыто зеленью; там я находил и вышеупомянутые растения, встречающиеся особенно часто, а также крупку водяную новую и молочай, которые, постоянно питаемые холодной снеговой водой маленьких альпийских ручушек, росли здесь очень пышно*.

Я был еще далеко от вершины Крестовой горы, как снова начался ливень и черные тучи грозились окутать гору, поэтому мы поспешили спуститься вниз. Одновременно и тучи опускались и приближались к нам с меньшей скоростью, и как только мы добрались до равнины, все подножие горы уже было окутано черным облаком. В течение всего этого дождливого дня над устьем Громотухи, Быструхи и других речек, а особенно над ущельями и лесистой частью влажного горного склона, часто и неожиданно образовывались густые облака тумана, которые иногда полдня висели неподвижно на одном месте, иногда же с большой скоростью рассеивались по всем направлениям, в то время как вокруг этих облаков воздух был совершенно чист и прозрачен.

* Культивирование альпийских растений в ботанических садах сильно затрудняется тем, что этим растениям постоянно требуется свежая, очень холодная вода, которая не может туда непрерывно доставляться. (Прим. автора).

30 мая тоже весь день беспрерывно шел сильный дождь, так что ни о какой экскурсии не могло быть и речи. На следующий день я поехал к Громотухе, берега которой в мое первое посещение этой речки показались мне очень богатыми растительностью. Так как мои люди не советовали мне ехать по обычной дороге ввиду того, что вода Громотухи из-за частых дождей должна была подняться еще выше, чем была, я избрал другой предложенный мне путь. Вел он вверх по юго-западному склону высокой горы, находившейся неподалеку от реки, а затем дорога спускалась юго-восточной стороной той же горы. При моем первом посещении Громотухи цвели еще не все растения, и я надеялся теперь найти их цветущими, но эта экскурсия по некоторым причинам оказалась одной из наиболее бедных.

Подъем на гору проходил хотя и с трудностями, но сносно, несмотря на большую крутизну; спуск же был тернистым путем, в буквальном смысле этого слова. Крайне крутой склон был усеян скалистыми обломками, между которыми росли кустарники выше человеческого роста: шиповник, желтая акация и таволга стояли так густо, что не видели, куда ступает нога. Пробираясь приходилось почти по вертикальному склону, отдавшись на волю случая, так как часто под ногами не чувствуешь землю и, болтая ногами в воздухе, стараешься ухватиться то за один куст, то за другой, пока не наступишь твердую почву. По этому и без того небезопасному грунту стекали сверху небольшие ручейки, отчего он становился еще более скользким.

Весь исколотый шипами, я добрался наконец до подножия горы; обратно же подняться на нее, чтобы возвратиться тем же путем к тому месту, где мы оставили своих лошадей, мне казалось невозможным, и я повернул на ту дорогу, идти по которой мне отсоветовали из-за высокой воды. Дело здесь обстояло, однако, лучше, чем ожидали. Между тем, еще когда мы спускались с вершины, поднялся чрезвычайно сильный ветер со снегом, и я, напрягаясь, очень сильно разогрелся. Вскоре после этого со мной случился мучительный приступ

астмы, и я с большим трудом добрался до Риддерска.

2 июня установилась сносная погода, но в этот день я ограничился лишь посещением Соколка. У подножия и на склонах его много ключей, температуру которых мне хотелось измерить. Температура двух из них после получасового пребывания в воде термометра оказалась равной $+5^{\circ}\text{R}$ и третьего — $+4^{\circ}\text{R}$, в то время как температура воздуха была $+15-16,5^{\circ}\text{R}$. Все три источника находились на открытой местности, на которой не было ни деревьев, ни кустарников, хотя следует заметить, что последний источник, температура которого на один градус ниже, чем двух других, находился на глубине 8 футов, так что термометр мне пришлось опускать на шнуре. Источник этот был рядом с Крюковским рудником, рабочее которого, чтобы не носить воду из ключей, вытекающих у подножия горы, выкопали колодезь и сделали к нему простой сруб. По соседству с ним я нашел первый цветущий ятрышник (*Orchis*), который здесь вообще встречается редко. После полудня опять пошел дождь, а вечером с юго-запада надвинулся сильный ураган.

3 июня дождь шел целый день, почти не переставая. И если в долине дождь продолжался всю следующую ночь, то в горах, даже на небольших высотах, выпало так много снега, что 4 июня около 5 часов утра все было бело. Между шестью и семью часами утра снег шел и в долине. Опять целый день дождило, дул сильный ветер, хотя и не такой, как вечером 1 июня. 3 июня, около 9 часов вечера, термометр показывал всего $+4^{\circ}\text{R}$.

Между тем я был уже совершенно здоров. Затруднения, вызванные высоким подъемом рек, препятствовавшие до сего времени моей дальнейшей поездке в высокие горы, обернулись благоприятной стороной. Хотя мое нетерпение росло оттого, что я был ограничен лишь экскурсиями в близлежащие горы, но благодаря этим малым походам я приучил себя к трудностям горных поездок, которые еще более возросли из-за частых дождей и сурового климата. И действительно, мне удалось постепенно закалить себя в условиях этой местности, так что впоследствии я без особого вреда для своего здоровья выдержал тяготы и лишения совсем иного рода, нежели те, которые мне пришлось перенести во время моих прежних кратких экскурсий.

Глава шестая

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В ВЫСОКИЕ ГОРЫ: ЧЕРЕЗ КОКСУНСКИЕ БЕЛКИ, К ИСТОКУ ЧАРЫША, К ГОРНЫМ СЕЛЕНИЯМ ЧЕЧУЛИХЕ, АБАЮ, УЙМОНУ И ВОЗВРАЩЕНИЕ В РИДДЕРСК

7 июня стало очевидным, что погода установится. Небо было ясное, значительно потеплело, поэтому я решил больше не медлить и теперь же направиться в высокие горы. Сначала я намеревался предпринять небольшую поездку в менее удаленные места, чтобы приобрести опыт для дальнейшего. Поэтому я решил направиться к Тигирецким белкам через горы, но, не найдя человека, сносно знакомого те места, должен был решиться на более длительное путешествие по обходному пути, а именно: чтобы добраться до Тигирека, сначала ехать к истоку Чарыша, оттуда — вниз по

реке, через д. Коргон. Я нашел и человека, хорошо знающего эту дорогу, — 70-летнего старика, который прежде некоторое время путешествовал с Шангиным, знал калмыцкий язык и был известен как переводчик. Сей окольный путь казался мне очень заманчивым, так как я и без того намеревался посетить дикие места близ Коргона.

Я немедленно начал готовиться в путь и попросил своих людей быть наготове, чтобы без задержки выехать на следующее же утро. Такое решение вызвало у них, как я заметил, настоящую сенсацию, и вскоре

они послали ко мне своего представителя, чтобы предупредить меня об опасности, которой нам якобы придется подвергнуться во время поездки со стороны беглых горнорабочих. Они предупреждали меня, что при встрече с этими разбойниками нас могут ограбить и тогда, лишившись лошадей, ружей и съестных припасов, вдали от людского жилья, мы будем обречены на верную голодную смерть. Когда сей довод не произвел на меня впечатления, мне представили другой — насчет барометрических работ. Видя, как много внимания я им уделяю, люди вообразили, что это и есть самое важное дело. Они заметили, что, производя измерение, я имею обыкновение смотреть на свои часы, и сделали вывод, что те имеют особую ценность. Поэтому они старались доказать мне, что если моя жизнь действительно и не подвергнется опасности, тем не менее, лишившись часов, я уже не смогу делать свои наблюдения!

Когда все доводы оказались напрасными, мои люди высказали мне, наконец, истинную подоплеку их страхов, спросив меня, кто возместит им стоимость имущества, если они подвергнутся ограблению. На свой запрос относительно этого дела я еще не получил ответа из Змеиногорска, однако если бы действительно подвергался опасности, меня бы известили, посему я заверил своих людей, сказав, что, не боясь ограбления, я все-таки позабочусь о том, чтобы никто из них не потерпел от этой поездки никакого ущерба. Они несколько успокоились и начали свои приготовления.

Кто имеет представление о походах в горы, вероятно, снисходительно отнесется к тому, что я, рассказывая о характере снаряжения, потребного для такого путешествия, буду входить в детали. В связи с природными условиями местности здесь производятся совершенно особые дорожные приготовления, такие, которых не нужно для передвижения в других горных местностях. Нам нельзя было рассчитывать ни на ночевки в поселениях, ни на шалаши, где бы мы могли найти приют, поэтому приходилось заботиться и о том, чтобы в ночное время иметь убежище от дождя и ветра. Пришлось запастись

палаткой, которая, конечно, могла быть только очень маленькой и тесной, чтобы ее, как и все прочие вещи, можно было перевозить на лошади. Для ночевки я располагал попоной из волчьей шкуры и обтянутой кожей подушкой и большой бобровой дохой вместо одеяла. Я проследил за тем, чтобы было взято по возможности все, но и без лишнего. Кроме того, нужно было подумать о том, чтобы у моих людей всегда было хорошее настроение, ведь они, не разделяя со мной понимания научной цели предстоящего путешествия, испытывали одни лишения и трудности, тогда как я находил полное удовлетворение в осуществлении давно лелеяемого желания. Из этих соображений я занялся продовольствием: нужны были такие продукты, которые в пути занимали бы как можно меньше места и в то же время не портились. Поэтому путевые запасы решено было ограничить немногим. Нарезанное полосками и высушенное в печи сырое мясо, в том виде, в каком берут его с собой охотники на Алтае во время горных переходов, крупа и солдатские сухари составляли главные предметы нашего провианта. К этому мы добавили небольшое количество риса, саго и бульонных таблеток, а также небольшой запас вина для меня и водки для моих людей, что могло бы нас выручить в холодное и ненастное время. Все это укладывалось на шесть вычуханных лошадей с малым трудом, ибо, кроме названного, нашлась еще масса необходимых вещей — например, некоторые книги, большой запас бумаги для прокладки растений, составивший наиболее объемистую часть багажа, затем необходимая кухонная посуда для нашего каравана и товары для торговли с калмыками, за которые при встрече можно получить какие-нибудь свежие продукты. Самые опытные из моих людей тщательно выбирали лошадей. Поскольку в здешних горах нет ни мостов, ни паромов, для переправы через реки нужны очень сильные лошади, ибо часто бывает трудно устоять на ногах в бурной, даже небольшой, горной речке и слабых лошадей легко сносит течением.

Хотя я еще накануне вечером все привел в порядок, рассчитывая вы-

ехать рано утром, упаковка багажа продолжалась так долго, что мы двинулись в путь только в 10 часов утра 8 июня. В нашу группу входили, кроме меня и моего слуги Баркова, всегда носившего барометр, три человека, помогавшие мне собирать коллекции, затем один калмыцкий переводчик и, наконец, егерь — очень решительный и надежный человек, по фамилии Пушкарев, которому я поручил уход за лошадьми. Он должен был наблюдать за погрузкой и разгрузкой поклажи, вести вьючных лошадей по наиболее трудным местам, разсыкивать дорогу и брод в глубоких реках. Всего нас оказалось семь человек на 13 лошадях.

Наш путь лежал к Коксунским альпам. Вначале дорога идет в направлении к Таловской сопке, до впадения Таловки в Филипповку, а потом сворачивает вправо, на восток-северо-восток. Севернее находится невысокая гора, у подножия которой около ее южного склона я нашел множество новой ферулы джунгарской (*Peucedanum elatum* n.). Широкая долина Филипповки в этом месте начинает сужаться. Склоны гор местами, хотя и скудно, покрыты березой, осиною и лиственницей, меж которыми попадаются отдельные стволы пихты и ели. Пологий подъем к востоку-северо-востоку идет совершенно параллельно Ульбинским, или Риддерским, белкам и приходится более 20 раз переходить вброд Филипповку, прежде чем достигнешь вершины — водораздела между бассейнами Ульбы и Убы. Вершина эта достигает 3954 футов над уровнем моря.

Названная гора, по гребню которой всюду выходят наружу шиферные плиты, была покрыта густыми травами. Из кустарников росли встречающиеся обычно в окрестностях Риддерска желтая акация, товолга широколистная, шиповник колючий и кизильник черноплодный; попадались также березы, осины и лиственницы. Оба вида лиственных деревьев, хотя и нормального роста, в этом году из-за поздних заморозков потеряли весь зеленый покров, и я нашел на них лишь несколько сморщенных листочков. Лиственницы сохранились лучше, хотя и отстали в развитии.

С этой вершины я увидел на юго-западе, близ Риддерска, Крестовую

гору, а на северо-западе — Таловую сопку. Спустившись с горы, дорога затем пересекает маленькие безымянные речушки, которых в этой сырой, болотистой местности очень много, пока не достигает убинской Быструхи*. Некоторое время она идет вдоль этой речки, затем подходит к крутой скалистой стене из выветрившегося порфира, на северо-северо-восточном склоне которой я нашел новый бурачок (*Allysum*). Этот склон более лесист, чем юго-западная часть горы, хотя лес, состоящий главным образом из лиственницы и ели, здесь тоже очень редок и местами встречаются целые поляны. Место это находится примерно в 15 верстах от Риддерска.

Дальнейший путь лежит в основном по течению Быструхи, часто пересекает ее русло, как прежде русло Филипповки. От Быструхи дорога слегка сворачивает к северу и через некоторое время подходит к речке Попорожной, имеющей чрезвычайно быстрое течение. Брод через нее находится в том месте, где она около трех сажен ширины, но неглубока. Несколько севернее его мы вышли к Белой Убе, берег которой в тот день был конечным пунктом нашей поездки. Мы сделали там остановку в половине седьмого вечера, проехав за день около 30 верст. Растения, которые я нынче видел, были приблизительно те же, что и в окрестностях Риддерска; кроме вышеупомянутых, я нашел на влажных местах, в кустарниках, ясколку даурскую (*Cerastium davuricum*), на сухих холмах — ревень алтайский (*Rheum sibiricum*). Оба вида встречаются очень часто; кроме того, здесь можно видеть иву и, наконец, на северных склонах лесистых гор — чину (*Orobis*), вероятно, не отличающуюся от альпийской (*alpestris*).

Когда лошади были расседланы и освобождены от груза и их, связав передние ноги путами, чтобы не убежали, угнали на пастбище, я велел разбить палатку недалеко от берега Убы. Мы развели костер и сварили

* Это не та Быструха, которая протекает у Риддерска и составляет часть Ульбы; она относится к другой речной системе и впадает в Убу. Такое наименование носят многие речки, так как оно означает стремительно текущий поток. (Прим. автора).

пищу. Здесь, близ речки, меня донимало страшное скопище комаров и мошек* — пришлось выкуривать их из своей палатки дымом от подожженных веток. Эта процедура до некоторой степени помогла после того, как я повторил ее несколько раз. Эти мошки, как их здесь называют, были мне в тягость еще в Риддерске, потому что они чувствительно кусают; особенно любят они садиться на веки и часто попадают в глаза. Местные жители на улице одевают специальные сетки, сотканые из конского волоса, которые надевают на голову, к чему, однако, я прибегал редко, так как это мешало мне вести наблюдения. Когда я увидел своих людей, собравшихся вокруг костра под открытым небом, мне пришла в голову мысль, что я все более и более удаляюсь от населенных мест, и мной овладело неприятное чувство одиночества, хоть и на короткое время. В этот вечер пошел дождь, который не имел для меня иных последствий, кроме того, что я слышал шум падающих на палатку капель дождя и почувствовал некоторую сырость. Закончив свою работу, я скоро заснул под шум пенящейся Убы и под громкие крики бесчисленных сорок.

9 июня я встал в половине четвертого утра и разбудил своих людей, чтобы в этот день как можно раньше отправиться в путь. Оказалось, однако, что ночью ушла плохо спутанная лошадь моего старого толмача. Люди тщательно искали ее всюду, стараясь найти ее след на траве, начиная с того места, где она распуталась, надеясь определить, куда она направилась. Но несмотря на большой опыт здешних охотников, которые умеют ориентироваться и в горах, и на открытых местах часто по незначительным признакам, в данном случае они ничего не могли обнаружить, поэтому мы решили, что лошадь убежала еще ночью и след уже давно потерян. Старик, полагая, что его лошадь, возможно, вернулась в Риддерск, взял одну из выючных лошадей и отправился на поиски. Возвратясь через четыре часа ни с чем, он решил съездить в Риддерск, намереваясь, если не найдется его собственная лошадь, догнать нас на другой. Мы договори-

лись насчет места встречи, упаковались и в 9 часов утра направились дальше, хотя небо было обложено тучами и уже пошел дождь. Все это было крайне для меня неприятно, так как экспедиция затягивалась, но я не мог лишиться старого толмача и ехать дальше без него, ибо никто, кроме него, не знал ни калмыцкого языка, ни дороги на Коргон.

Близ нашего вчерашнего места ночевки в Белую Убу вливается Василиха, текущая с северо-востока. Отсюда Белая Уба 10 верст бежит на запад, затем поворачивает к северу и еще через 15 верст соединяется с Черной Убой. Соединившись, обе реки текут в западном направлении к Большой Убе. Левый берег Большой Убы представляет собой луг, местами болотистый. Горы находятся в некотором отдалении, и лишь изредка встречаются низенькие хребты, подступающие к самому берегу. На правом берегу, наоборот, непосредственно у русла вздымаются горы. Многие из них образуют совершенно отвесные скалистые стены, причем некоторые достигают большой высоты. Они состоят из рогового порфира, пронизанного жилами кварца.

Отдалившись на пять верст от нашего лагеря, мы переехали Разливанную Быструху — маленькую речку, берущую начало на Ульбинских белках и принимающую в себя множество разных ручьев. Проехав еще четыре версты, мы пересекли вторую речку такого же наименования и оттуда же стекающую. Местность здесь безлесная, лишь на отдельных склонах растут небольшие группы деревьев, не образующие сплошного массива. Эти группы деревьев состоят частью из березы, частью из хвойных — лиственницы, ели и пихты. Вскоре мы переехали Белую Убу, ширина которой достигала семи сажен, глубина — двух; скорость ее течения была очень велика. Теперь местность стала лесистой, и, кроме хвойных, попадались кедр вперемежку с березой. Почва изобиловала ключами и болотами. Наиболее мощные кедр, которые я здесь видел, достигали 8 футов 11 дюймов в обхвате. Подлеска было мало. Жимолость татарская встречалась крайне редко, чаще я находил алтайскую жимолость, таволгу зверобоелистную, смородину красную

* *Bibio sanguinarius* Pall. (Прим. автора).

(*Ribes rubrum*), а также отдельные кусты рябины. В этом лесу было много цветов. Здесь цвели фиалка алтайская с желтыми, синими и пестрыми цветами, дороникум алтайский и змееголовник алтайский; левзея алтайская (*Leuzea altaica*) и зопник (*Phlomis*), оказавшийся впоследствии зопником альпийским (*Ph. alpina*), еще не цвели. Среди растений, которые я впервые нашел здесь цветущими, оказались камнеломка (*Saxifraga Geum*) и кортуза Маттиоля (*Cortusa Matthioli*), росшие обе в глубокой тени; на берегах речушек — в местах, заливаемых вешними водами, росли тимофеевка альпийская (*Phleum alpinum*) и новая ромашка (*Pyrethrum*).

После 15 верст пути от места нашей стоянки мы подошли к речке Ленечихе. Предание увековечило в ее названии память о некогда жившем смелом охотнике, который промышлял здесь соболей. Его именем названы и речка, и местная дорога — Ленцовская. Ленечиха течет с северо-запада; это последняя из рек, впадающих в Белую Убу. В 15 верстах отсюда мы достигли вершины, разделяющей бассейны Белой и Черной Убы. Она поднимается в том месте, где на Ленцовской дороге есть перевал, до высоты 5150 футов над уровнем моря. Ленечиха образуется из слияния двух маленьких ручейков, один из которых стекает с меньшей, другой — с большей высоты по западному склону.

Когда мне удалось отыскать оба эти источника, я измерил их температуру. В нижнем, на высоте 4307 футов над уровнем моря, оказалось + 3°R, в верхнем же, на высоте 4878 футов, + 2,25°R. Затяжной дождь сделал дорогу очень сырой и скользкой, что усугублялось болотистой почвой.

До берега Черной Убы отсюда 10 верст. По пути я нашел цветущую крупку сибирскую (*Draba Gmelini*), но только в одном месте, вообще же она встречается редко. На отдельных, свободных от леса, полянах очень часто попадались курильский чай (*Potentilla fruticosa*) и фиалка, родственная фиалке трехцветной (*Viola tricolori* aff.). Она необыкновенно оживляла пейзаж разнообразием красок и оттенков: белый, телесный, си-

ний, темно-фиолетовый, переходящий почти в черноватый, и т. п.

До 10 часов утра прошел ливень, потом небо прояснилось, и весь день стояла весьма ясная, хорошая погода. Вечером мы разбили свой лагерь на берегу Черной Убы, на месте, где в нее впадает поток, который называется Калмыцкой речкой. Название это связано с происшествием, случившимся несколько лет тому назад, — гибелью на берегу речки калмыка, застреленного беглыми горнорабочими, которые разбойничали в горах. Наша стоянка находилась на высоте 4288 футов над уровнем моря. Сегодня мы проделали путь в 40 верст по неровной и сырой дороге. К вечеру резко похолодало, и поэтому я стал искать место, где бы мог закончить свою работу, потом завернулся в свои покрывала и скоро уснул, устав от дневных хлопот.

10 июня. В 3 часа утра меня разбудило неприятное ощущение холода, и когда я случайно протянул свою руку к стенке палатки, то почувствовал, что она промерзла. Я встал с постели и вышел наружу. Все было бело от инея. Какой вид! Меня окружали огромные массивы белков, а восходящее в эту минуту солнце освещало только самые высокие вершины, тогда как остальные окрестности еще покоились в полумраке. Глубоко внизу лежала долина Черной Убы, вся заполненная густым туманом, и восходящее солнце каждое мгновение вносило в ландшафт все больше жизни и красок; под его лучами дальние белки искрились слепящим блеском, а те горы, что не были покрыты снегом, горели в утренней заре, и даже туман над долиной казался пурпурным от утреннего солнца.

В половине четвертого утра термометр показывал еще — 0,2°R при совершенно ясном небе. Небольшие лужицы были покрыты льдом, и мой слуга принес мне кусочек льда из нашего котла, в котором замерзла вода, вскипяченная вчера вечером. В 6 часов утра мы отправились дальше и спустились в долину Черной Убы; перейдя эту реку, поднялись на Коксунскую альпийскую цепь. Черная Уба возникает на северо-западном склоне Тургусунского белка почти на 20 верст севернее нашей ночевки и течет с юга на север; пройдя так 35

верст, река поворачивает на запад. Коксунские белки и составляют часть горных цепей, отделяющих бассейн Оби от бассейна Иртыша. Они тянутся с юга на север, южным концом примыкая к высокой альпийской гряде, простирающейся с востока на запад, и дают начало Чарышу, Коргону и многим другим рекам; западная часть этих гор носит наименование Тигирецких белков.

С юга Коксунские белки примыкают к длинной альпийской цепи, которая также в основном идет с запада на восток, хотя иногда отклоняется в северном или южном направлении и делает много поворотов. Западный конец горной цепи образуют Ульбинские, или Риддерские, белки, рядом с которыми на востоке высятся Тургунские. Отсюда эта цепь поворачивает уже к югу и называется Холзун. Следовательно, обе горные цепи идут параллельно одна за другой с востока на запад, и та, что севернее, только в своей западной части непрерывна; на востоке они несколько сближаются и пересекаются в двух местах долинами Чарыша и Катунь. Руслу обеих рек имеют дугообразную, концентрическую форму, только дуга, образуемая Катунью, много больше.

Между северной и южной горными цепями, имеющимися приблизительно одинаковую высоту, с западной стороны к Коксунским белкам примыкают так называемые Убинские белки, которые, однако, не достигают высоты настоящих белков; здесь есть несколько источников, дающих начало Убе. Западные склоны Коксунских белков — умеренной крутизны, да и вообще все горы, через которые я до сего времени перевалил, с западной стороны имеют пологий подъем, с восточной он значительно круче и даже часто обрывается отвесно.

На гору мы въезжали довольно легко, но далее почва во многих местах оказалась болотистой. Неподалеку от вершины, образующей широкое плато, рос редкий лес. Здесь также было отчетливо видно, что граница леса прошла ниже, нежели она была прежде, так как мы находили всюду выше живых деревьев другие, уже высохшие. Определяется ли здесь граница леса высотой подъема почвы или, напротив, является следствием лесных пожаров, отчего лес становится

ся реже и уцелевшие деревья, подвергаясь большому воздействию ветров, болеют и сохнут, — судить об этом я не берусь. Но меня удивило то обстоятельство, что многие из высохших стволов были очень велики в поперечнике. Так, на западном склоне находился ствол кедра, который на высоте одного фута от корня имел в обхвате 11 футов 8 дюймов. Позже я нашел на восточном склоне, на высоте 5692 футов, ствол дерева того же вида, который на расстоянии фута от земли был 13 футов $7\frac{3}{4}$ дюйма в обхвате. Он на этом склоне образовал границу роста деревьев. Там, где недавно деревья могли достигать такой величины, ныне вряд ли может проходить граница их вегетации, ибо здесь можно было найти лишь голые стволы; однако совсем близко к этим высохшим, частью упавшим стволам росло и теперь много других деревьев того же вида, наиболее мощные из которых имели 13 футов $2\frac{1}{4}$ дюйма в обхвате. Пожалуй, наиболее удивительным кажется внезапное прекращение вегетации деревьев без перехода в искаленные формы. Впрочем, кедров очень неустойчивы, когда они стоят в одиночку, потому что не имеют стержневого корня; их корни простираются горизонтально над землей, и нижняя часть ствола чаще всего не касается земли. Таким образом, эти деревья, приспособлены к тому, чтобы произрастать на скалистом грунте, но в меньшей степени могут противостоять бурям.

Поскольку я упомянул о лесных пожарах, то возможен вопрос: как на такой высоте и в ненаселенной местности могут возникнуть лесные пожары? На этот вопрос трудно, конечно, дать удовлетворительный ответ, потому что здесь, в этом пустынном месте, никто этим не интересуется и не пытается установить соответствующие причины; однако и в отдаленных горных лесах на большой высоте видны целые полосы, которые своими обуглившимися и опаленными стволами свидетельствуют о бывших пожарах. Причины их скрыты не так уж глубоко. В поисках добычи охотники ходят по горам зачастую неделями. Найдя удобное место под деревьями, они, располагаясь на ночевку, для защиты от сырости и ветра (без которых здесь почти не обходится) раз-

жигают костер, безусловно, не думая о последствиях.

В самом деле, кто изведal блуждания по этим болотистым, лесистым местам и эти постоянные ливни, кто испытал холод ночей в этих горах, тот найдет протистельным, если промокший и заоченевший от холода охотник разводит огонь в таком месте, где буря уже повалила деревья, так что не требуется даже топора. Такой огонь редко тушат как следует, и он легко может распространиться и стать причиной лесного пожара. Проезжают по горам в разных направлениях и калмыки, занимающиеся охотой, и если они даже там, где сообща живут в юртах, редко рубят деревья, а обычно ломают с помощью аркана и везут их домой, сколько могут спокойно увезти, сидя верхом на лошади, вполне понятно, в горах они жгут валежник и хворост там, где укрываются от непогоды, ни с чем не считаясь.

Плато Коксунских белков покрыто выветрившимися обломками скал, между которыми кое-где образовалось небольшое количество чернозема. Растительность на плато на первый взгляд кажется бедной, однако здесь немало интересных растений. Как раз в это время цвели мятлики разноцветный (*Pedicularis versicolor*), одна осока, каллиантемум узколистный (*Ranunculus isopyroides*), крупка водяная новая, венечник желобчатый (*Anthericum striatum*), ветреница зонтичная, змееголовник алтайский, горечавка алтайская и семира ссеченная (*Gentiana septemfida*), патриния сибирская и шульция мелко-рассеченнолистная (*Athamanta crinita*). Куропаточья трава (*Dryas octopetala*) покрывала все равнины, но еще не цвела. Можжевельник каменный (*Juniperus Lycia*) и кизильник одноцветковый, плотно прижатые к почве, также заполняли все равнины и были в полном цвету. С этого пункта в пяти милях от места нашей вчерашней ночевки, с высоты 6532 футов над уровнем моря я наслаждался видом горной цепи Алтая и описанных выше связанных между собой горных хребтов. Это было восхитительное зрелище — видеть громоздящихся друг на друга чудовищные глыбы, сплявшие, покрытые снегом вершины которых представляли великолепный

контраст свежей зелени других склонов и черным теням глубоких долин. Тургусунские, а за ними Ульбинские горы выглядели самыми высокими и казались безбрежными снежными массивами, хотя вершины других высоких гор были также покрыты снегом. Там, где плато имело небольшую покатость к югу, я нашел один источник, который, однако, был не очень богат водой. Чтобы измерить температуру, я выкопал яму, где бы могла собраться вода, а для защиты термометра от солнца сложил из обломков скал небольшой заслон. Пробыв 45 мин в источнике, термометр показал + 1,2°R. Почва вокруг была настолько болотистой, что лошади увязали на каждом шагу, поэтому я велел вести их другой дорогой, пониже, а сам пошел пешком.

Восточный склон, на котором лежало еще много снега, был весьма похож на западный, хотя был несколько круче. Здесь и там зеленели рощицы кустарниковой и круглолистной березки (*Betula fruticosa et nana*), а также заросли некоторых разновидностей ивы. Здесь, на высоте 5692 футов над уровнем моря, берет начало Малый Коксун, который напористо вытекает из-под большой скалистой глыбы. Его температура составляет + 1,6° R. Неподалеку от этого источника находятся большие стволы кедра, частью упавшие и высохшие, частью же здоровые, растущие, о которых я упоминал, говоря о границе роста деревьев на восточном склоне. Первые березы бородавчатые, которые я заметил при спуске, росли на высоте 5263 футов над уровнем моря. Не без интереса рассматривал я чистый, богатый водой источник Малого Коксуна — самого западного истока Оби; Обь, берущая начало на вершинах Алтая, течет к широкой равнине на север и уносит воды всех источников этих гор в Ледовитый океан. Малый Коксун сбегает с гор, устремляется к северу и соединяется с Большим Коксуном, который бежит навстречу с Коргонских гор в юго-западном направлении и сливается с Малым Коксуном. В него с северной и южной стороны впадает множество горных речушек, и там, где с ним сливается река Уймон, стекающая с Холзунских гор, он получает название Катунь³². И без того крупная река, Катунь принимает в себя Чую,

бегущую с востока. Так образуется самая многоводная река этих гор. Восточнее Катуня из Китайского Алтая вытекают Башкауз и Чулышман, которые соединяются близ Телецкого озера. Уже объединенные, они вливаются в южную часть озера или, возможно, только расширяют русло, образуя Телецкое озеро, из северной части которого вытекает река под названием Бия, она за горами соединяется с Катунью и после слияния получает имя Обь, образованное от русского слова «обе».

Проехав около пяти верст на восток от вершины Коксунского белка, мы достигли террасы, на которой рос густой лес, затем свернули к северо-востоку, проделав в этом направлении еще пять верст, большей частью по очень болотистой почве, и потом попали в долину Малого Коксуна, узкую и окруженную довольно высокими горами. В начале ее находится небольшой источник, называемый Сметанским по наименованию одного из шурфов, расположенных в этой долине* на высоте 4225 футов над уровнем моря, с температурой +2°R. Когда я обобщил все свои наблюдения, то нашел, что температура источников вообще понижается с подъемом почвы, хотя при этом и нельзя твердо установить определенной закономерности.

Отсюда мы поехали в северо-северо-восточном направлении к левому берегу Малого Коксуна, большей частью по очень крутому склону из глинистого сланца. Не без страха смотришь с крутизны вниз, часто с высоты в несколько сот футов, где протекает река, в то время как лошадь нащупывает тропу в небольших выветренных углублениях сланца. Каждый неверный шаг коня стоил бы всаднику жизни, но местные лошади, привыкшие перевозить охотников по всяческим тропам, умеют с великой осторожностью выбирать, куда ставить ногу, и хорошо делают те ездоки, ко-

торые вполне доверяются им в самых опасных местах. Впрочем, на крутых спусках следует стараться избегать прямого направления, а нужно петлять до тех пор пока шаг лошади не будет устойчив. Лучше всего постараться отыскать звериные тропы, проложенные оленями, косялами и лосями, так как они обычно ведут к таким местам по берегам речек, близ которых можно найти более удобный путь. Зверинные тропы, как и тропинки, проторенные людьми, ведут к рекам и верховые охотники пользуются ими на крутых склонах, однако нередко они неожиданно кончатся, возможно, потому, что дикое животное стало передвигаться прыжками, а может быть, и по какой-либо другой причине; иногда такая тропа, сделав петлю, возвращается обратно.

Когда мы ехали по склону, я был впереди, а за мной следовали выючные лошади, что вообще недопустимо. Одна из этих лошадей, которую вели на привязи, отвязалась и пошла рядом с моей лошастью, так как, видимо, раньше вместе с нею паслась. К счастью, это заметил егерь Пушкарёв, о котором я уже говорил как об осматрительном человеке, и схватил ее за поводья прежде, чем она успела меня толкнуть. На узких тропах одно животное может легко столкнуть другое, потому что места мало и выючные лошади из-за груза, свисающего с обоих боков, делаются беспомощными, постоянно за все задевая им. Если же наш путь проходил лесом, лошади натыкались на деревья и, пугаясь, кидались в другую сторону, там снова ударялись и тогда совсем безумели. Особенно же скверно то, что они часто совершенно не желают идти рядом с нужной вам лошадью, а только с той, к которой уже привыкли, отчего на узкой тропе могут быть разные неприятности.

Так мы продвигались семь верст и потому за день одолели всего 24 версты. Дальше мы в этот день не поехали, хотя до конца его было еще далеко, так как нужно было дожидаться толмача, который поздно вечером и прибыл к нам.

Важно найти удобную стоянку, и вообще, если не слишком рано, лучше не проходить мимо такого места, ибо случается, что не скоро найдешь другое. При выборе лагеря

* Таких шурфов в тех местах — множество. Одни из них сделаны еще во времена чуди, другие обязаны своим возникновением земляным зайцам, сусликам и тому подобным животным. Роясь в земле, они выбрасывают иногда на поверхность рудосодержащую породу, которая привлекает внимание и побуждает делать шурфы; затем, после тщательного исследования, эти шурфы, если они оказываются непригодными для разработки, и не разрабатывают. (Прим. автора).

следует принимать во внимание многое. И людям, и животным желательна близость реки, лошадям нужна добрая трава: измученные, на скудном пастбище они лучше останутся голодными, нежели станут искать корм, из-за чего быстро выбиваются из сил. Необходимо также, чтобы поблизости росли деревья, которые требуются и на шесты для палаток, и для костра; кроме того, надо выбирать такое место, где есть укрытие от сильного ветра в виде скалистого выступа или группы высоких деревьев; такой лагерь будет иметь все необходимые удобства. Но обстоятельства не всегда складываются так, что налицо все удобства сразу; иногда как будто все хорошо, но оказывается, что из-за близости реки в этих горах почва бывает заболоченной, и поэтому нелегко подыскать сухое место для ночлега. Близ воды очень мучают также комары и мошки, которые в изобилии водятся даже на изрядной высоте. Поэтому на ночь я обычно натягиваю на голову сетку из конского волоса, чтобы по крайней мере во сне не беспокоили эти докучливые насекомые.

Наша стоянка находилась на высоте 4062 футов над уровнем моря. За рекой, на горных склонах, появлялись косули, голоса которых слышались и в тишине ночи.

Из растений я в этот день нашел, кроме упомянутых, остролодочки — сходный и, возможно, уральский и алтайский (*Oxytropis ambigua, uralensis* (?) et *altatca*), лютик-орляк новый (*Ranunculus amoenus* n.), веронику густоцветковую новую (*Veronica densiflora* n.), кузмичеву травку (*Ephedra monostachya*), адоксу мускусную (*Adoxa Moschatelina*), лапчатку с перистыми листьями (*Potentilla* n. sp. *fol. pinnatis*), бурачок, родственный сибирскому, сердечник луговой (*Cardamine pratensis*), горицвет безлепестной новый (*Lychnis uniflora* n.), ясколку трехстолбиковую (*Stellaria elegans*), по-видимому, еще одну ясколку (*Cerastium* n. sp.) и особенно очень много ив. Около места нашей ночевки мои люди поймали удочками в Коксуне несколько хариусов (*Salmo Thymallus* L.) и ускучей (*Salmo coregonoides* Pall.). Для этой цели из Риддерска были захвачены рыболовные крючки,

а для приманки — дождевые черви в наполненной землей ящичке, так как в высоких горах их не найдешь.

Во время такого путешествия распорядок жизни постепенно устанавливается сообразно обстоятельствам, и, может быть, его описание многим покажется небезынтересным, ибо разница между походами в здешних горах и в горах других краев в основном определяется этими обстоятельствами, а посему здесь и уместны следующие подробности. Обычно мы ежедневно проделывали по 25—30 верст, иногда и более, если местность представлялась малоинтересной, но нередко мы проезжали за день всего 15 верст, если коллекции хорошо пополнялись и на вечер оставалось много работы. Как только мы останавливались, люди в первую очередь распрягали коней, и одни гнали их на пастбище, другие рубили жерди для палатки. Установив мою палатку и внеся в нее багаж, прежде всего собранные растения, они разводили большой костер; и так как мы обычно добирались до стоянки насквозь промокшими, то можно себе представить, с каким нетерпением все смотрели на разгорающееся пламя! Затем я начинал заниматься своими делами, в то время как трое моих людей вынимали собранные за день растения и перекладывали собранные ранее.

Я взял себе за правило сразу же определять свежесобранные растения и записывать в свой дневник происшествия, случившиеся за день, и не слишком полагаться на свою память. Я не позволял себе откладывать эту работу даже при большой усталости, ибо запись наблюдений и впечатлений по свежим следам имеет свои преимущества, во всяком случае для самого наблюдателя, к тому же он впоследствии, имея досуг и располагая более совершенными вспомогательными средствами, сможет их исправить и пополнить. Слуга мой между тем готовил скромный ужин, причем мы довольствовались небольшими, взятыми из Риддерска, припасами и водой из ближайшей речки. В этой части гор не обитают калмыки, у которых мы могли бы купить свежее мясо; дичь же, на которую я рассчитывал, попадалась вообще редко,

возможно, потому, что она была спугнута нашим многолюдным караваном. Спать я ложился всегда одетым в меховую куртку, которую во время своей поездки по горам сбрасывал с себя лишь в редкие дни и только в полдень; голову я старался укутывать теплее, укладываясь на сырую землю, и накрывался большой дохой и спал обычно, утомившись за день, счень хорошо до трех часов утра. Потом люди снова разводили костер, оседлывали и навьючивали лошадей. При этом каждый ел, независимо от того, голоден он или нет, потому что до вечера мы старались не снимать вьюки и не разжигать огонь. В течение дня я часто шел пешком, собирая растения, поэтому движение приостанавливалось, и лошади могли немного попасться, хотя и оставались оседланными и навьюченными. Менять этот трудный распорядок было нельзя.

11 июня. В течение прошедшей ночи было не очень холодно. В половине седьмого утра мы покинули место своей ночевки и отправились левым берегом Малого Коксуна, следуя по его течению, на северо-восток. Долина на протяжении целой версты остается еще узкой, и дорога здесь довольно удобна; но дальше долина расширяется и появляется много водостоков и ручьев, стекающих с расположенных на западной стороне Коксунских белков и вливающихся в обширные болота дельты Малого Коксуна. Так продолжается на протяжении пяти верст, и на всем этом пространстве болота так часты, что, собственно, смыкаются одно с другим, да и узкие промежутки между ними представляют собой не сухое место, а лишь менее топкое болото. Около ручьев же почва настолько жидкая и вязкая, что всаднику приходится подгибать ноги, когда лошадь бредет по брюхо. Легко можно себе представить, как это утомительно для людей и лошадей. Вообще часто встречающиеся в этой высокогорной местности болота — самое неприятное здесь. Они стали для нас самым опасным препятствием во время поездки по здешним горам, причем встречаются они повсюду, даже на большой высоте, там, где подъем не крутой, а пологий. Если в болотистой местности есть лес, то всюду лежат

корни и поваленные деревья, покрытые ряской, и лошади постоянно подвергаются риску сломать ноги или увязнуть и потом часто бывает не могут выбраться. Бедные животные, боясь погрузиться еще глубже в трясины, прилагают чудовищные усилия, чтобы выкарабкаться, прыгают, чтобы перебраться через корни и т. п., и кто был среди нас неловким наездником, научился здесь, благодаря постоянному упражнению, твердо сидеть в седле.

Преодолев эту утомительную дорогу, мы подъехали к оз. Альзо Каватта, получившему такое название, как мне объяснили, от осоки, растущей здесь в изобилии и являющейся излюбленным кормом местных косуль, которых поэтому тут множество. Малый Коксун повернул на восток, мы же направились к северу, а затем к северо-востоку и шесть верст ехали по местности, где между многочисленными корытообразными котловинами поднимались низкие, тянувшиеся с запада на восток хребты, пока, наконец, не добрались до Большого Коксуна. В каждой из этих котловин находится широкое болото, через которое протекают ручьи. Однако эта местность была далеко не такой труднопроходимой, как вышеописанная. Из растений не встретилось ничего интересного, лишь очень часто попадалась крупка сибирская. Отъехав приблизительно три версты от Большого Коксуна, я нашел ключ на высоте 3999 футов над уровнем моря, температура которого равнялась + 2,2° R. Ширина Большого Коксуна, называемого здесь также Нижней Коксой, достигает в этом месте уже 12 сажен, но пойма, которую она иногда заполняет, по-видимому, в десять раз шире и имеет много островов, поросших разными видами ивы и кустарниковой березой.

Однажды одна из лошадей по небрежности моих спутников, полагавших, что она идет за другими лошадьми начала переходить реку не там, где надо было, а когда она дошла до места, где нельзя было дойти до дна, ее понесло течением. К счастью, лошадь была спасена, хотя и с большим трудом, нашим находчивым Пушкаревым. Произошла задержка, так как вода попала в кожаные сумы и все вещи пришлось распако-

вывать и высушивать. В этих промокших сумах находились и те предметы, которые были мне нужны для ночевки, и это было особенно неприятно потому, что нам пришлось задержаться в пустынной, бедной растительностью местности.

В высохшей теперь части русла реки, у обрывистого северного берега, я нашел отдельные экземпляры первоцвета снежного (*Primula nivalis*), мак шафранно-красный новый, который встречается здесь очень часто, прежде найденный новый вид ромашки, ясколку трехстолбиковую, зубровку душистую, подмаренник топяной (*Galium uliginosum*), клевер лупиновый (*Pentaphyllum Lupinaster*) и несколько ив. Упомянутый мак с оранжевыми цветами я находил только в высохших руслах речек, в гальке, на песке, и всегда на незначительной высоте над уровнем моря, в то время как голостебельный мак с серо-желтыми цветами попадался лишь в альпийской области. Отсюда мы двигались еще 15 верст в северо-восточном направлении по местности, в общем напоминающей ту, по которой мы проезжали прежде, и поднялись на горный хребет; мне говорили, что на его северном склоне находится исток Чарыша. Но впоследствии оказалось, что тут берет начало не эта река, а Шильган (называемая также Татаркой). Течет она сначала на север, затем неожиданно поворачивает к юго-востоку и пробивается по узкому ущелью к Большому Коксуну. Поднимаясь на этот горный хребет, я нашел на его южном склоне источник, на высоте 5596 футов над уровнем моря; его температура (+ 2,5° R) была выше той, которую я ожидал встретить на основании прежних наблюдений (правда, он был на южной стороне).

Западнее того места, где мы поднимались на горный хребет, вздымались вершины, бывшие на несколько сот футов выше горы, на которой мы находились. От гребня горного хребта я направился к самому высокому пункту, чтобы произвести там бароизмерения. Мои люди предупреждали, что с юго-запада надвигается гроза, и действительно вскоре послышались дальние удары грома. Так как мне не хотелось из-за этого упускать случая сделать замеры, я решил продолжать

свой путь. Прежде чем начать подъем на главную вершину горы, мне пришлось переехать болото, протянувшееся на целую версту, в связи с чем поездка потребовала, конечно, более длительного времени, нежели я предполагал.

Болота в высоко расположенных речных долинах и в подковообразных впадинах, из которых вытекают речки, труднопроходимы; не более этого проходимы и те, которые находятся на высоких, слегка наклонных скалистых плоскогорьях. Разрушившиеся и выветрившиеся породы (в данном случае диабазовый порфир), распавшиеся частью на мелкие зерна в виде речного песка, частью же на крупные и мелкие глыбы и раскиданные как попало, покрывали очень отлогий склон слоем в несколько футов и, пропитываясь водой, образовывали топи, в которых можно было бы увязнуть вместе с лошадей. С каким страхом и осторожностью пробирались животные по каменному щебню, под которым всюду были острые осколки скал! Лошади скользили и падали, при этом нередко увязали и ранили ноги, легко подвергаясь опасности сломать их. Все это было так мучительно для всадника, что я сошел с лошади и обходным путем начал пешком взбираться на вершину. Гром между тем гремел все громче, и поднялась такая сильная буря, что, когда я добрался до вершины, мой слуга с большим трудом держался сам и удерживал барометр. Я определил на этом месте высоту хребта в 6314 футов над уровнем моря.

Обозревая с вершины северный склон в этом направлении, где нам предстояло спускаться, я увидел перед собой большое покатое снежное поле примерно в версту шириной, которое мы должны были пересечь. Езда по снежному полю в это время года весьма неприятна, потому что в рыхлом, местами полурастаявшем снегу лошади глубоко увязают и нередко падают. Мы проехали всего около четырех верст, как начался сильный плотный град. Удары градин величиной с лесной орех по голове и плечам были чувствительны даже несмотря на то, что моя одежда была рассчитана на такую погоду. Поблизости не было никакого места для убежища, и даже ни одного дерева,

под которым можно было найти защиту хотя бы на короткое время.

Нам пришлось проехать еще целую версту, прежде чем мы добрались до нескольких кедров, под которыми, промокнув до нитки, поставили свою палатку на высоте 5692 футов над уровнем моря, вблизи речки Шильган. Град к этому времени почти прекратился, но было так холодно и мы настолько промокли, что прежде всего решили тут же развести костер. Несколько больших упавших кедров пришлось как раз кстати и вдобавок каждый принес еще хворосту и сучьев, которые вокруг насобирали. Это дерево горит превосходно, и сучья, брошенные в огонь вместе с хвоей, треща, пылали ярким пламенем. Мы обрадовались огню, но, когда мои люди обратили внимание на неосвещенное пространство, на них вдруг напал страх перед беглыми горнорабочими, которые, как они полагали, заметят большой огонь и нападут на нас. Я старался их успокоить и добавил к своим доводам по порции водки. Это вернуло им мужество, и — после хлопот одного из труднейших дней, на холодном ветру, пронизывающем на такой высоте, — доставило большое удовольствие.

Упомянутый выше горный хребет, который мы наконец покинули, был до самой вершины унизан редкими, уже высохшими стволами деревьев; эти сухие, искалеченные стволы стояли даже на горных обломках скал, которыми была усеяна вершина. Цветли здесь еще немногие растения, и растительность в общем не отличалась от той, какую я прежде видел на Коксунских белках. Низкие холмы на нашем пути были частью безлесными, частью заросшими лиственницей, пихтой, елью и кедром. Лиственные деревья встречаются здесь редко. На северном склоне последней горы росло много тальника, а по обоим берегам водостоков, по которым стекала к реке шумными каскадами снежная вода, росла калужница болотная в таком изобилии, словно была специально высеяна для их оторочки. Всюду на проталинах на этой высоте виднелись кандык, ветреницы — голубая и алтайская, примула Палласа и многие другие растения. На большую высоту поднимаются также кукушкины слезки, молочай,

волосистый новый и Иван-чай (*Epilobium angustifolium*). Этот кипрей (*Epilobium*) покрывал большие пространства на высокогорных болотах, и только на наиболее высоких вершинах, куда я поднимался, его не было.

12 июня мы отправились в путь сравнительно поздно, так как много времени у нас отняло высушивание вымокших накануне вещей. Мне же очень хотелось поскорее увидеть Чарыш, до которого, по уверениям наших проводников, мы должны были добраться уже на третий день. Придерживаясь северного и северо-западного направления от места нашей ночевки, мы двигались большей частью по северным и северо-восточным склонам горной цепи, простирающейся с юга на север параллельно Коксунской альпийской гряде, отделенной от этой горной цепи узкой высокогорной долиной. На этом пути также встречались труднопроходимые болота и речки. На отдаленных, лежащих на востоке горах был виден лес. На севере высились горы, обильно покрытые снегом.

Проехав шесть верст, мы достигли седла, поднимающегося на высоту 5953 футов над уровнем моря, замкнутого с двух сторон высокими горами. Почва, даже на большой высоте, была всюду болотистой. Отсюда берет свое начало маленькая речушка Улюжей, бегущая к юго-востоку и соединяющаяся с другой — Иратой, которая течет с северо-востока, чтобы потом влиться в Большой Коксун. С северо-западного склона этого седла стекает Чарыш, в который на расстоянии приблизительно версты от его истока впадает другая, довольно-таки крупная речка, вытекающая из озера, расположенного к северо-западу от истока Чарыша, и не имеющая названия. Я поднялся на гору, лежащую к северо-востоку от этого седла, которая казалась мне наиболее высокой. Склон ее от самого подножия так крут, что подняться на него верхом было невозможно. На нижней части ее находились, как и на других окрестных горах, отдельные кедры, в основном высохшие. Флора вначале казалась мне заурядной, но чем выше я поднимался, тем она становилась интереснее. Кроме обычных алтайских альпийских растений, я на-

шел здесь скрипун четырехлепестной (*Sedum quadrifidum*), начинающий расти с середины горы и попадающий все чаще по мере подъема на вершину (на самой вершине этой горы он не встречается); затем остролодочник уральский, клейтония остролистную (*Claytonia acutifolia*), горькушу карликовую (*Saussurea pygmaea*), крестовник раздельнолистный новый (*Cineraria lyrata* n.), камнеломку жгутиковую (*Saxifraga flagellaris*), крупку мясистую новую (*Draba carnosula* n.), ястребинку шафранную новую (*Hieracium crocatum* n.), василистник альпийский (*Thalictrum alpinum*), лаготис цельнолистный новый, мытник красивый новый (*Pedicularis amoena* n.) и мытник разноцветный.

Поскольку снег на южных склонах едва успел стаять, сроки вегетации многих растений так удлинились, что я не мог узнать эти растения. На вершине и северном склоне лежало еще очень много снега. Южный склон горы здесь не был болотистым, так как из-за его крутизны вода на нем не держалась. Чем выше поднимаешься, тем больше склон покрыт каменной россыпью и разной величины обломками скал. Огромные глыбы рогового порфира торчат, особенно подле вершины, острыми зубцами; набросанные одна на другую, они образуют пещеры, иногда весьма высокие и обширные. Другие вздымаются над склонами горы, грозя обрушиться каждую минуту. Утомившись, я отдохнул в одной из таких пещер, не без удивления рассматривая колоссальные скалистые хаотически наваленные массы.

Абсолютная высота этой горы, по моему определению, 7184 футов. На высоте 6541 фута я нашел высохший ствол кедра, а поднявшись еще на 200 футов, увидел круглолистную березку и кизильник одноцветковый; оба деревца — уродливой формы. Все окружающие меня горы были, по-видимому, меньшей высоты, за исключением одной; она казалась выше той, на которой я находился.

Спускаясь с горы, мы заметили несколько всадников. Это были первые люди, которые мы увидели после нашего отъезда из Риддерска, и поэтому чрезвычайно обрадовались. Это оказались калмыки, которые выехали

в горы на охоту; они завязали разговор с нашим толмачом, оставшимся с лошадьми у подножия горы. При них были длинные ружья без затворов, воспламенявшиеся с помощью фитиля. Когда мы спустились, они встретили нас очень приветливо, охотно взяли несколько табачных листьев, предподнесенных в подарок, и объяснили, как найти у Чарыша ближайшие юрты калмыков, находившиеся приблизительно в 20 верстах от того места, где мы были в это время. Они тоже очень боялись разбойников и вряд ли осмелились бы приблизиться к нам, если бы прежде не встретились с одним из моих людей, посланным мной с выючными лошадьми вперед, который и сообщил им о нашем приближении. Некоторое время мы ехали вдоль подножия горы, затем свернули к северу и вскоре оказались у Чарыша. В этом месте река протекает еще по слегка наклонной высотной равнине, поэтому течет не очень быстро и приблизительно в одной версте от подножия горы сливается с другой, очень многоводной, хотя и безымянной горной речкой. Здесь нам пришлось переходить вброд две речки, протекающие очень близко одна от другой, и теперь я восхищенно любовался долиной Чарыша, в которую мы спускались, чтобы продолжить свой путь по ней.

Что можно сказать об этой живописной долине? Напрасно было бы стараться описать ее красоту. Ниже того места, где мы проехали эту реку после ее слияния с другой многоводной горной речкой, они образовали довольно большую реку, которая стремительно падала каскадами с одной ступени на другую, с великим ревом и шумом превращаясь в пену. Узкая долина ограничена скалистыми утесами; высота некоторых из них превышает тысячу футов; пенясь, с них сбегает бесчисленные ручьи и потоки, спеша к Чарышу. Кроме рева главной реки, здесь слышится со всех сторон шум бесчисленных ручьев, и требуется известное время, чтобы привыкнуть к этому оглушительному грохоту. Роскошная растительность покрывает дно долины, и там, огражденная от северных ветров, питаемая потоками, она пышно растет, смягчая дикий характер ландшафта. В том месте, где река протекает значитель-

ное расстояние по плоской долине, она видна почти вся со всеми своими порогами, и я часто сходил с лошади, чтобы подольше понаслаждаться видом всего русла реки впереди и позади нас. Прошло немало времени, прежде чем я приступил к изучению растущей на берегу флоры, ибо мне не хотелось дробить на детали цельную, прекрасную картину. Мы долго ехали левым берегом Чарыша, пороги которого, растянувшись на пять верст, образовали водопады в две-три сажени высотой. На всем этом расстоянии долину реки с обеих сторон стискивали высокие утесы и лишь иногда отступали на несколько сот метров от берега. Скалы состояли из грюнштейна и диабазового порфира. На правом берегу, там, где берег обвалился, виднелась глина.

Пройдя пять верст по течению реки, я увидел егеря и еще кое-кого из своих людей, посланных мной вперед с вьючными лошадьми. Они сидели у костра, над которым была укреплена шаткая жердь, и на ней висел котел; из котла шел пар. Там же, у самой реки, была поставлена и моя палатка, что я отметил с удовлетворением, так как было уже холодно и поздно: подъем на гору у истоков Чарыша отнял у нас много времени. Наш лагерь был раскинут на высоте 5112 футов, следовательно, оказалось, что Чарыш с начала своих порогов до местоположения нашей стоянки (на протяжении пяти верст вниз по течению) имеет уклон в 841 фут — более половины дюйма на каждый фут. На берегу реки мы нашли цветущий первоцвет снеговой, встречающийся здесь довольно часто, и длинноножку снеговую (*Macropodium nivale*), которая росла во множестве, хотя еще не цвела. Близ нашего лагеря оказалась крупка длинностебельная новая (*Draba longicaulis* n.).

Вскоре мы увидели калмыка, который, приняв нас за тех самых страшных разбойников, торопливо, хотя с большой осторожностью и ловкостью, въезжал на очень крутую гору, стараясь поскорее скрыться. После многих окликов и увещаний со стороны нашего толмача он наконец успокоился и отважился подъехать к нам. Мне не хотелось упускать его, так как я надеялся выторговать у него что-нибудь из продуктов. Дикая, ча-

рующая красота окружающей меня природы, бурное неистовство реки, на берегу которой каждое слово нужно было громко прокричать в ухо стоящему рядом человеку, чтобы быть услышанным, беспокойное поведение моих людей — все это так возбуждало меня, что я лишь немного отдохнул в палатке, а остальное время провел вне ее. Вскоре мне представилась возможность увидеть эту долину и в новых красках, когда над вершинами появился лунный диск, осветивший расширяющуюся местами долину, в то время как вверх по течению реки, над ее сужившимся руслом, лежала темная ночь.

В ночь на 13 июня было очень холодно, и в половине четвертого утра термометр показывал всего +3°R. Первую половину сегодняшнего пути долина была такой же суженной, как и вторую половину вчерашнего. Но после того, как мы прошли сегодня семь верст, она расширилась и горы по обе стороны стали ниже. Река уже не образовывала больше водопадов, однако в ней еще довольно часто встречались стремнины, и волны с такой силой разбивались о лежащие в реке глыбы, что вода металась, пенясь и шумя, как и прежде. Горы с правой стороны поднимаются круче и, за исключением вершины, покрыты лесом, с левой же стороны они пологи и безлесны. В самой долине лес разнообразный: то редкий, то более густой, состоящий из лиственницы и ели с примесью березы и ивы. После того, как мы проехали 15 верст от нашего лагеря, скалы так близко подступили к левому берегу и так круто обрывались, что двигаться берегом было уже невозможно, и нам пришлось перейти реку вброд, чтобы продолжить путь по противоположному берегу, где ширина долины достигала полутора верст. Но по правой стороне мы смогли пройти только три версты, так как там оказалось болото, и надо было снова перебираться на левый берег. Река между тем стала значительно глубже и шире, и вообще переезд через Чарыш доставляет много неприятностей, потому что дикий, бешеный поток, глубокий и пенящийся, мешает рассмотреть дно, усеянное скалистыми обломками. После первого брода долина все расширялась, и, когда мы проехали еще

10 верст, ширина ее достигла уже четырех верст.

На нашем пути сегодня оказалось несколько калмыцких юрт; мы видели также множество древних чудских могил, которые, по-видимому, все были раскопаны и обшарены в поисках дорогих вещей. Видели мы и калмыцкие жертвенники (майран), либо возле юрт, либо в тех местах, где недавно стояли юрты. На простом сооружении из жердей висят шкуры зайцев, овец или лошадей вместе с лентами, пестрыми лоскутьями и другими подобными вещами, которые калмыки приносят в жертву своим божествам.

Как на дне долины, так и на скалах, вздымающихся с левой стороны, нашлось немало редких растений, большую часть которых я прежде не встречал. Назову только следующие: лютик солончаковый (*Ranunculus Cymbalariae*), вайду (*Isatis* n. sp.), проломник пушистолостный новый (*Androsacae dasyphylla* n.), сердечник крупнолистный (*Cardamine macrophylla*), крыжовник игольчатый новый, горечавку водяную (*Gentiana aquatica*), змееголовники — каменный и зубчатый (*Dracocephalum pinatum* n. et peregrinum), бороздоплодники новые — уклоняющийся и клинообразный (*Cnidium anomalum* n., *cuneatum* n.), реброплодник уральский (*Pleurospermum austriacum*), анагалладиум вильчатый (*Swertia dichotoma*), ночную фиалку степную (*Hesperis aprica*), смолевку вздутую (*Silene graminifolia*), астрагал заячий (*Astragalus laguroides*?), схизонепету душистую (*Nepeta lavandulacea*), астрагал гладкоплодный новый (*Phacaleiocarpa* n.), первоцветы — кортузовидный и сибирский (*Primula cortusoides* и *sibirica*), мытники — крючковатый, сжатый и прекрасный новый (*Pedicularis adunsa, compacta* et *sponosa* n.), качим тупоцветковый (*Gypsophila obtusifolia*). На чудских могилах также рос вышеупомянутый крыжовник, в котором там не было недостатка; кроме того, он встречается всюду на высоких обнаженных скалах.

В том месте, где долина Чарыша расширяется до четырех верст, мы разбили свой лагерь на высоте 3623 футов, пройдя в этот день 25 верст. Вечером в нашем лагере собралось

множество калмыков, которых я попросил продать нам свежего мяса. Однако они заявили, что ничего не продадут, так как желают сделать мне подарок — преподнести овцу. В ответ на этот дружеский жест я предложил им табак и водки — самые ценные для них дары. Табак они очень берегут и курят, смешивая для экономии с мелкими древесными опилками.

На следующее утро один калмык привел обещанную овцу, заколол и заботливо собрал кровь, так как — мне говорили — калмыки наполняют кровью животных кишки и, прокоптив их дымом, оставляют про запас на зиму. Я дал ему в подарок кое-что из взятых для этой цели меновых вещей, а именно: 16 ракушек ужовок-каури, которые считаются у калмычек элегантнейшим украшением, несколько золотых и серебряных нитей, несколько швейных иголок и немного серы, чем очень его обрадовал.

Я нуждался теперь в разного рода услугах и помощи со стороны калмыков и имел на всякий случай официальное приказание к ним от губернатора. Поскольку мой толмач, как оказалось, забыл или плохо знал дорогу, мне очень нужен был толковый проводник по окрестностям Коргона, хорошо знающий броды через Хаир-Кумын, который считается весьма трудным и опасным. Я рассчитывал найти проводника среди калмыков, которые ставят свои юрты в самых разных местах, охотятся всюду и, конечно, хорошо знают горные тропы. К тому же у нас вышли продукты, бумага для прокладывания растений — нужны были люди и выючные лошади для доставки новых запасов из Риддерска. Поэтому 14 июня я послал человека к зайсану (князю и начальнику) местных калмыков и пригласил его к себе, намереваясь переговорить с ним об этом деле. Однако в этот день он не приехал, а явился только на следующий, несколько часов спустя после того, как я отправил к нему своего толмача с приказом губернатора. Толмач сбился с дороги и не сразу попал к зайсану, а прибыл туда на полтора часа позже.

Я украсил свою палатку, как это приличествовало для приема таких гостей, сообразно их обычаям: разо-

стал по полу ковер для зайсана и войлоки для его свиты, имеющие у моих людей и служившие им вместо постели. Пришли два зайсана. Они вошли в сопровождении свиты из девяти человек в мою палатку и, поприветствовав меня, сели все, скрестив ноги, на отведенные для них места. Оба зайсана были одеты в тяжелые китайские одежды из пестрого шелка, подбитые лисьим мехом и отороченные соболями. Остальные носили одежду, сшитую из грубых шерстяных тканей. Широкая и очень длинная, она стягивалась поясом, на котором висел китайский кожаный мешочек с замочком, содержащий огниво с трутом и куском стали. Сделан такой мешочек обычно очень добротно и украшен бронзой или серебром. Голенища черных полусапожек калмыков очень широки, ибо в них хранятся кисет с табаком и железная трубка.

Один из калмыков немного понимал по-русски. Разговор вращался вокруг проходов в горах и бродов через реки. Мои собеседники извлекли свои трубки, высекли огонь и начали сообщая курить табак. Каждый, коснувшись зажженной трубкой своего лба, передавал ее другому, желая этим выразить свою учтивость; тот, затаившись несколько раз, передавал ее обратно, отвечая, таким образом, взаимной любезностью, благодаря чему трубка постоянно переключалась от одного к другому и переходила из уст в уста. Давали зайсаны и мне несколько раз трубку, которой я также не мог пренебречь, несмотря на свою неприязнь к табачному дыму. Я предложил им водки, чай и сухарей, и каждый, получив все это, делился со своими товарищами, хотя у каждого из них была своя доля, что живо напоминало сцену со странствующей трубкой. Особенно много внимания оказывалось одному старику — дяде или двоюродному дедушке одного из зайсанов, подошедшему позже; каждый выпил только часть своей водки, а остальное отдал старику, который не отказывался и в результате получил ее с избытком. Сначала они себя вели прилично, сдержанно, но в конце концов водка оказала свое действие, они оживи-

лись, так что я был рад, когда они вышли разложить костер и отдохнуть возле него.

Вскоре зайсаны вернулись в мою палатку и предложили свои подарки. Один преподнес мне соболий мех, другой — шкуру лисицы. Я, со своей стороны, заранее обдумал, чем отдарить их, и предложил им еще водку, табак, золотые и серебряные нити, ракушки уховки-каури, свинец, ружейные кремни, швейные иглы и другие мелкие вещи. Они не смогли скрыть своей радости и передали мне через толмача, что чувствуют себя неловко, придя с такими незначительными подарками и получив от меня такие драгоценные вещи. Сразу же начались переговоры, и мне было дано заверение, что на следующий день в мое распоряжение придут четыре человека и семь лошадей. Выйдя к своим спутникам, они начали шумно выражать радостные чувства, особенно после того, как достали мех с аракой, который они принесли с собой. В состоянии крайнего оживления они все время заходили в мою палатку. Я вынужден был восхищаться отделкой их меха (он был сделан из кожи с тисненными на нем человеческими фигурами, вероятно, китайской работы), а затем отведать и араки, которая имела довольно противный запах. Уехали они поздно ночью, простившись и рассыпавшись в благодарностях.

Склонность калмыков к бродячей, кочевой жизни препятствует приобретению их к цивилизации; не меньшее препятствие и их чрезмерная склонность к спиртным напиткам. Меня уверяли, что летом нелегко найти зажиточного калмыка трезвым, и потому человеку, путешествующему здесь, трудно с ними о чем-либо договориться. Особенно большие затруднения возникают, если имеешь дело с зайсанами, которые постоянно навешают друг друга, чтобы вместе пить араку. Зимой, когда кобылицы не дают молока, калмыки оказываются без араки — тем более они ценят крепкую русскую водку и давно бы променяли на нее все свое имущество, если бы не был введен благоразумный, благодетельный порядок, запрещающий продавать или давать в обмен им водку. Этот запрет касается также и пороха, за который калмыки

согласны отдать много мехов и скота, лишь бы заполучить его; впрочем, они и сами умеют его делать, хотя и худшего качества. Говорят, что они знают гору, содержащую селитру, умеют ее добывать и изготавливать из нее порох. Но этот секрет они никому не открывают.

Но если не считать присущих калмыкам недостатков, у них немало хороших качеств, в чем я не раз имел возможность убедиться. Они в высшей степени честны, добродушны и услужливы. Хотя они с любопытством рассматривают и жадно трогают все незнакомое, любому калмыку можно спокойно доверить имущество, не беспокоясь за его сохранность. Часто в продолжение нашего путешествия я удивлялся тому, с каким чувством уважения к чужой собственности относились они даже к жердям, на которые натягивалась наша палатка, не снося их, хотя калмыки сами не рубят лес, не имея охоты к этому труду. Впоследствии, передвигаясь в горах, мы находили прежние стоянки, где когда-то раскидывали лагерь, и обнаруживали нетронутыми все наши жерди и колья, хотя было заметно, что калмыки здесь уже побывали, ведь это были места, удобные для ночлега. Мои люди бывали очень довольны, находя готовые сухие дрова, которые они обычно использовали. Все это свидетельствовало о том, что для кочевника-калмыка подвижное жилище-палатка являлось святыней, местом, где путника ожидает защита от сырости и холода.

В миролюбии и добродушии калмыков я убеждался часто. Однажды в мое отсутствие, когда я уехал на небольшую экскурсию, один из оставшихся в лагере людей пригрозил избить калмыка только за то, что тот не пожелал должным образом выполнить порученное ему дело. Калмык тотчас же все исполнил, но вместо того, чтобы пожаловаться мне, удвоил свою услужливость по отношению к тому, кто хотел причинить ему зло. Мой слуга, узнав об этом происшествии, рассказал мне, и я самым решительным образом запретил такую грубость. Этот калмык и позже находился при нас. Наблюдая за его поведением по отношению к тому человеку, я не замечал и следа обиды; он выражал лишь готовность оказать ус-

лугу и дружеские чувства по отношению к обидчику, к чему, возможно, его могла побуждать и некоторая доля трусливости, в которой у калмыков нет недостатка*.

Хотя оба зайсана казались очень услужливыми и обещали прислать нужных нам людей и лошадей без задержки утром следующего дня, я не рассчитывал на пунктуальное выполнение их обещания, так как они едва ли только к утру успели добраться до дому. Желая поближе познакомиться с окрестностями нашего лагеря, я побывал на лежащей к западу сланцевой горе и, обследовав ее, нашел там богатую добычу. Среди многих других трав здесь оказались новый мелкий вид ковыля (*Stipa*), эстрагон (*Artemisia Dracunculus*), термopsis крупноцветный новый (*Thermopsis grandiflora* n.), мытники — изящный новый и тысячелистниковый (*Pedicularis elegans* n. et *achilleaefolia*), вика (*Vicia* n. sp.), володушка двухстебельная (*Bupleurum baldense*), люцерна кормовая (*Onobrychis sativa*), золотарник, колокольчик сибирский (*Campanula sibirica*), хамеродосы — алтайский и прямой (*Sibbaldia altaica* и *erecta*), лук маленький (*Allium tennuissimum*), полынь широколистная (*Artemisia latifolia* n.), козелец (*Scorconera* n. sp.), астрагал южносибирский (*Astragalus adsurgens*), пустырник алтайский (*Leonurus altaicus*), молочай (*Euphorbia saxatilis* aff.) и многие уже найденные ранее растения. На сухой, плоской равнине, расположенной между этими горами и Чарышом, цвели горечавка Геблера новая (*Gentiana Gebleri* n.), одуванчики (*Leontodon* n. sp.), кохия распростертая (*Salsola prostrata*), астрагал австрийский (*Astragalus olopterus*), люцерна серповидная (*Medicago falcata*); ближе к Чарышу на влажной почве — подорожник приземистый (*Plantago depressa*), лапчатка узколопастная (*Potentilla multifida*), лютик изящный новый (*Ranunculus longicaulis* n.), звездчатка болотная (*Stella-*

* Возможно, калмык отчасти чувствовал себя виноватым. Мне известны случаи, когда калмыки, имевшие повод пожаловаться на грубость, искали возможности сделать это даже в том случае, если противники намеревались договориться с ними и возместить причиненные им убытки. (Прим. автора).

ria glauca?) и на тенистых, очень сырых местах у самого берега Чарыша — первоцвет сибирский и астрагалы (*Phaca* п. sp.).

Я наказал людям, оставшимся около моей палатки, в случае прибытия калмыков с лошадьми, тотчас меня известить об этом, и в полдень, когда это произошло, я вернулся, чтобы сделать некоторые распоряжения. Мне нужно было отправить в Риддерск собранные естественно-научные коллекции и экспонаты, большое число которых очень отягощало наш багаж. Поэтому я отправил калмыков с выючными лошадьми в сопровождении одного из моих людей в Риддерск, попросив их не задерживаться в Риддерске и искать меня в д. Чечулихе, расположенной в горах вниз по Чарышу. Калмыки взяли с собой в качестве провианта овечью тушу, которую они без всяких церемоний, привязали позади себя к лошади, ничем ее не прикрыв, оставив на произвол солнечных лучей, пыли и мух, и притом ничего не подстелив под нее.

От одного русского, который только вчера выехал из Чечулихи, мы узнали, что те страшные беглые горнорабочие еще четырнадцать дней тому назад все, за исключением одного, были переловлены. Это известие весьма успокоило моих людей и очень заинтересовало меня. Я предполагаю, что мне они причинили бы так же мало вреда, как д-ру Бунге, которому они сказали при встрече, что давно уже заметили его в горах, когда он собирал растения, и что он может быть спокоен, они его не обидят. Хотя я уже несколько раз упоминал об этих людях, возможно, здесь вполне будет уместен обстоятельный рассказ о тех событиях.

Рабочие порфириновых и яшмовых каменоломен близ р. Коргон, жившие со своими семьями в одноименной деревне, были недовольны тем, что их определили на другие работы в более отдаленную местность. Тринадцать наиболее дерзких из них мужчин ушли из деревни, бросили свои семьи и, упорствуя, выехали вверх по Коргону в самые дикие места, где они, как охотники, хорошо знали все горные ущелья. Так как они не имели ни крова, ни пищи, то предполагалось, что нужда заставит их вернуться в деревню. Однако они сумели —

видимо, с помощью своих семейств — достать себе в Коргоне продукты, которыми запаслись на некоторое время, получив, таким образом, возможность продержаться более длительное время, чем это было возможно сначала. Кроме того, они грабили купцов, ездивших в соседние деревни, а награбленный товар обменивали у крестьян близлежащих деревень на продукты. Когда же, наконец, стали искать более действенные меры, которые помешали бы дальнейшему продвижению этих людей, всех жителей Коргона увезли на некоторое время в форпосты на линии, после чего рабочие совсем осмелели и начали силой отнимать у крестьян местных селений необходимые им вещи и продукты. Как стало известно впоследствии, они добыли лошадей, которые паслись в непроходимых долинах диких гор, построили жилье в укромном ущелье, снабженное со всех четырех сторон выходами и окнами, чтобы в случае неожиданного нападения можно было заблаговременно заметить нападающих. Наконец, они совершили вооруженное нападение на казенный склад в Коргоне, связали сторожей и захватили запасы продовольствия, а также необделанное железо и многие другие товары. Эти смелые разбойники держали в постоянном страхе жителей местных деревень, так как, будучи хорошо вооружены разного вида огнестрельным оружием, большими ножами и саблями, они нападали на жилища и грабили их, забирая не только продукты, оружие и порох, но также деньги и разные вещи, которые отнимали силой или, точнее, требовали; не обошлись и без бесчинств, вызванных пьянством.

Чтобы прекратить такое безобразие, нужно было принять серьезные меры, занять все выходы из ущелья и других убежищ разбойников, что было делом весьма нелегким, если учесть характер здешних гор. Для этого было отряжено 200 крестьян и 300 казаков, и один из родственников этих разбойников — из чувства долга ли, из других ли побуждений — провел казаков в то место, которое служило убежищем для беглых. Когда было обнаружено их местопребывание, они попытались скрыться, уйти от преследователей и

с этой целью направились к Хаир-Кумыну, надеясь отыскать там удобный брод через реку. Здесь, около брода, они и были окружены. Сначала они оказали сопротивление, но, когда один из них, самый храбрый, умноживший собой незадолго до этого шайку, отважился со своей лошадкой переплыть реку, думая скрыться, его посередине реки настигла пуля, и он упал мертвым с лошади в воду. Это ослабило мужество остальных, и они сдались все, кроме одного, сумевшего убежать. Но через некоторое время вернулся и он, так как, лишенный надежды, изнуренный голодом, решил сдаться военным на одном из форпостов³³.

16 июня. Хотя проводник-калмык прибыл еще вчера днем и намеревался проводить меня до Коргона, мне пришлось задержаться в Чечулихе, потому что нужно было дожидаться посланных в Риддерск людей; поэтому я решил всесторонне ознакомиться с этой местностью, богатой растительностью, и поехал к гряде известковых гор, в семи верстах от которой находился наш лагерь. Она растянулась по правому берегу Чарыша, и прежде нужно было перейти реку. Переправившись, я поехал к горной цепи, которая находилась примерно в тысяче шагов от правого берега Чарыша, параллельно цепи гор, протянувшейся по левому берегу реки. Первая цепь несколько раз прерывалась, образуя широкие долины. Одна из таких долин находилась как раз напротив нашей стоянки; проделав около двух верст, мы миновали вторую и затем подъехали к речке Керлык, которая течет с юго-востока и приблизительно в двух верстах от нашего нынешнего лагеря впадает в Чарыш. На правом берегу этой речки возвышаются упомянутые известковые горы, которые тянутся на протяжении шести верст с юго-востока на северо-запад и пересекаются посередине маленькой речкой Иляютой, текущей с востока и впадающей в Керлык. Берег Керлыка, на котором высятся горы, достигает высоты 3838 футов над уровнем моря, а наиболее высокие вершины поднимаются над берегом почти на 700 футов. По внешнему виду они отличаются несколько закругленными, на первый взгляд, вершинами; к юго-западу они

совершенно отвесны и образуют местами нависшие скалистые стены, в то время как сланцевые горы оканчиваются острыми зубцами. В них много пещер и ущелий, недоступных из-за отвесных скалистых стен. Здесь часто встречались касаточки даурские (*Hirundo alpestris Pall.*), гнезда которых прилеплены к крутым утесам, под защитой нависших скал. Европейские ласточки в горах не встречаются, а лишь кое-где у скал; появление ласточки в этих пустынных местах вызвало у меня радостные воспоминания о родных краях.

Я ожидал встретить здесь отличную флору и был обрадован, отыскав известковые скалы, о которых я уже давно спрашивал, но мое ожидание оказалось напрасным, так как эти скалы отличались от сланцевых гор лишь немногими растениями. Из растений, которых я до сих не встречал, были только следующие: горькуша иволистная (*Saussurea salicifolia a maior*), одна разновидность ономы обыкновенной, кочедыжник, горная рута (*Asplenium Ruta muraria*), песчанка (*Arenaria n. sp.*), смолевка узколистная новая (*Silene stylosa n.*), пузырник ломкий (*Polypodium fragile*), ленолистник каменный новый (*Thesium rupestre n.*), один горец (*Aconitum*), крапива коноплевая (*Urtica cannabina*), бузульник мощный новый (*Cineraria robusta n.*), незабудочник скальный, которого было здесь, как и всюду в окрестных горах, так много, что горы казались издали покрытыми голубым ковром. Далее я нашел мытник тысячелистниковый, василистник ширококочичный, тимьян Маршалла (*Thymus Marschallianus*) и богородскую травку (*Th. angustifolius*), а также змееголовник белоподкладистый (*Dracopis phalum organoides*), который встречался в изобилии, и на покрытых им лужайках мы ощущали сильное благоухание, когда проходили или проезжали по ним. Края известковых скал из-за таявшей и стекавшей по ним снеговой воды стали такими гладкими, словно их шлифовали, и, когда я карабкался по ущелью, добываясь до вершины, то вдруг начал соскальзывать к краю скалистой стены, и, только ухватившись за куст, который по счастливой случайности рос в расщелине, сумел удержаться.

Возвращался я долиной, простирающейся между упомянутой выше горной цепью и другой, параллельной ей. Затем я оказался на равнине, почва которой, как о том свидетельствовала растительность, была солончаковой. Позже я заметил много таких мест, где дерн отсутствовал, и на мой вопрос мне объяснили, что и дикие животные, и животные, находящиеся в калмыцких стадах, выедают на этих участках содержащую соль землю. На этой равнине я нашел гулявник новый (*Sisymbrium micranthum* n.), лешину сибирскую (*Isopyrum fumarioides*), марь гибридную (*Chenopodium hybridum*), одуванчик сизоцветный (*Leontodon glaucescens*), мятлик (*Poa* spec.), хориспору сибирскую, клоповник безлепестковый новый (*Lepidium micranthum* n.). Ближе к Чарышу солончаковость кончилась и появился в большом количестве термопис крупноцветковый.

В сопровождении нескольких калмыков я пошел в одну из юрт, которые часто встречались по дороге. Простое устройство этих юрт известно: несколько прислоненных друг к другу жердей покрыты кошмой и образуют жилище, которое должно дать защиту от зимних морозов и осенних бурь. Когда я вошел в юрту через отверстие, заменяющее дверь и завешенное лишь кошмой, посередине юрты тлел слабый огонь, разложенный прямо на полу. Хозяина юрты дома не было, и я застал его жену, двух детей и батрака. Все они были заняты тем, что теребили шерсть для изготовления кошмы.

В это время года обычно гонится арака с помощью стоящего на огне перегонного аппарата. У самого входа лежал огромный мех из недубленой кожи, отверстие которого было заткнуто мохнатой стороной овчины. Этот мех после употребления никогда не чистится и не споласкивается, отчего он лучше окисляет молоко, в нем хранится все молоко, которое не идет сразу же в употребление в свежем виде. Сюда его сливают и часто взбалтывают, чтобы вызвать брожение. Напиток, кисло-тухлый запах которого сильно бьет в нос, и есть кумыс, употребляемый в качестве прохладительного и освежающего. Перегоняя на огне кумыс, из него готовят вожделенную араку, име-

ющую своеобразный, тошнотворный запах, хотя, впрочем, она бесцветна и прозрачна. Рядом с мехом стоял большой чугунный сосуд, покрытый деревянной крышкой; в нем хранилось кипяченое молоко.

Напротив входа висел идол, грубо вырезанный из куска дерева, к верхней части которого обычно присоединяют голову со вставленными стеклянными или коралловыми глазами. Возле него подвешивают различные жертвы, например белочку или шкурку суслика и особенно часто — орлиную ногу. Имущество лежит в сумках или ящиках, стоящих вдоль стен юрты на специальных полках, сырые и дубленые шкуры животных и кошмы служат семье постелью. Несколько моих людей попросили молока. В ответ на их просьбу женщина дала кипяченого молока из чугунного сосуда, калмыкам же она предложила содержимое меха. Не обращая более на нас внимания, хотя я продолжал заниматься осмотром юрты, она села у огня и стала курить табак. Я дал ей немного табаку, который она молча взяла.

Калмычки отличаются большой скромностью и застенчивостью, что я отмечал и позже; подарки они делают обычно стесняясь и часто даже боязливо. Характерный для облика калмыка низкий лоб и узкий разрез глаз не позволяют калмычке претендовать на красоту, по крайней мере в представлении европейца, хотя они далеко не так поразительно некрасивы, как скажем, киргизки, которых я, впрочем, видел мало.

Вид бедных юрт, в которые не проникает ни один луч дневного света, когда в непогоду завешаны и дымовое отверстие и дверь, не должен давать повод думать, что в такого рода жилищах, защищенных от зимних морозов (при которых замерзает ртуть) лишь лежащими кругом сугробами, калмыки живут только из-за нужды и бедности. К этому побуждает их лишь сила привычки да привязанность к своим стадам, круглый год находящимся на пастбище. Впрочем, живут калмыки зажиточно, кроме разве очень ленивых и слишком увлекающихся пьянством, готовых отдать за водку все имущество, заключающееся в основном в скоте. Продавать водку калмыкам не разрешает-

ся, но ее продают тайно, с большой выгодой выменивая на нее пушнину и скот. Зажиточные калмыки, имеющие большие стада, продают торговцам лошадей, овец и рогатый скот; торговцы нередко закупают этого товара более чем на тысячу рублей. Правительство охраняет калмыков, среди которых немало зажиточных, но все это мало влияет на их образ жизни. Склонность к кочевой жизни у них настолько велика, что даже те, которые поселились в окрестностях Кузнецка, приняли христианскую религию и сменили кочевой образ жизни на оседлый, все же не являясь ни истинными христианами, ни деятельными поселенцами, а представляют собой нечто печальное, среднее между тем, кем они были прежде, и тем, кем хотят быть теперь.

Когда мы отправились в путь, мои проводники-калмыки обратились ко мне с просьбой позволить им спеть, на что я охотно согласился, желая послушать их пение. Но напрасно я прислушивался, пытаюсь уловить в их мелодии хоть какой-нибудь смысл. Это пение было лишь визгливым произношением слов, выкрикиваемых то тише, то громче, причем рот раскрывается то больше, то меньше. Я вспомнил при этом крымских горных татар, с которыми познакомился несколько лет назад во время посещения Таврического полуострова. Те также обычно часто пели, когда я в их сопровождении ездил по горам. Пение татар и моего армянского переводчика в Крыму тоже было мало мелодичным, и отдельные предложения схватить было просто нелегко, но в тоне их песен слышалось что-то торжественное и серьезное, а в остро артикулируемых словах, которые то пелись с чрезвычайной силой, то тихо произносились, во всем звучании этого простого пения, раздававшегося во мраке южной ночи и затухавшего в горах, было что-то хватающее за душу, унылое. Были ли это калмыцкие национальные песни, я не смог узнать; говорили, что собственно песен у них нет, и калмыки постоянно импровизируют. Это может быть вызвано разными причинами, однако я думаю, что некоторые песни, по какой-либо причине сохраняющиеся в памяти, могли бы стать национальными, если бы в них была какая-ни-

будь главная идея, но песни, которые пели мои проводники, не оживлялись ее присутствием. Так, однажды один из калмыков, когда мы находились в пути, пел: «Там бежит олень, я хочу его застрелить», после чего следовало несколько нечленораздельных звуков. Потом было еще спето: «Вот дерево, а под деревом лежит похороненная девушка». Сегодня в дороге калмык пел: «Я весело еду дальше своим путем, друг следуй за мной, поедем вместе».

Впрочем, калмыки имеют веселый характер и очень хорошие спутники во время путешествия: они не ворчливы и стойки против всяких трудностей, они ловкие наездники и не боятся ехать галопом по крутому спуску (правда, они не могут переплывать быструю речку, так как боятся воды).

На своем дальнейшем пути мы встретили немало двугорбых верблюдов, которые, во-второму, стойко переносят здесь зиму.

Вечером началась гроза; дождь и гроза продолжались в течение двух предыдущих дней, но это не приостановило наших экскурсий и дальнейшего путешествия в этих горах: мы не только учитывали непродолжительность лета, но и спешили поскорее добраться до р. Чечулихи, так как наши продукты подходили к концу.

17 июня мы отправились в путь рано утром, рассчитывая проделать за день 50-верстный путь до Чечулихи — первого горного селения, стоящего на нашем пути из Риддерска. Ехали мы левым берегом Чарыша вниз по течению. В двух верстах ниже нашего лагеря в реку впадает с правой стороны маленький Керлык, а через шесть верст — Ябаган (называемый также Абоган), у которого жил один из посетивших меня зайсанов. Проехав еще семь верст, мы подъехали к Кану, тоже правому притоку; дальше на расстоянии еще одной версты, слева в Чарыш впадает Верхний Котел* (по-калмыцки Утурген); через две версты — правый приток Койсун; еще двумя верстами ниже — левый приток Средний Котел (по-

* Такое название носят три реки этой местности, так как они вытекают из котлообразного углубления. (Прим. автора).

калмыцки Топчугань); против него с правой стороны впадает Кутурген, еще на шесть верст ниже — Нижний Котел (по-калмыцки Кайсын), также с левой стороны, через две версты дальше — Бссы и еще девятью верстами ниже — Чин; оба левые притоки.

Проехав около двух верст, мы были вынуждены переправляться на правый берег Чарыша, который здесь, приняв множество притоков, имеет большую ширину и глубину и весьма быстрое течение. Вследствие того, что река зажата между скалами, у левого берега так глубоко, что не достанешь дна, и приходится всецело доверять своей лошади. Проехав правым берегом одну версту, из-за круто обрывающихся в воду скалистых утесов пришлось снова переходить вброд реку, после чего дорога опять несколько верст тянулась по левому берегу, пока не подошла к берегам Хаир-Кумына.

Между Ябаганом и Каном находится известковая гора почти 500-футовой высоты, начинающаяся у самого Чарыша и круто обрывающаяся к реке. Посредине склона образовалась обширная пещера. Здесь гнездятся те самые ласточки, о которых говорилось выше, при описании известковых гор близ Керлыка и Улайты.

До Верхнего Котла долина имеет вид совершенно плоской равнины с частично солончаковой почвой. Здесь произрастает немало разных солончаковых растений, например млечник морской (*Glaux maritima*), подорожник приморский (*Plantago salsa*), хоришпора сибирская, клоповник безлепестковый (*Lepidium micranthum*). Особенно много здесь млечника морского. Близ устья Кана долина сужается и около Утургена едва достигает четверти версты. Горы становятся более лесистыми, то удаляясь друг от друга, то, наоборот, сходясь, и у брода через Чарыш, расположенного на две версты ниже устья Чина, ширина долины едва ли 100 сажен. Едут здесь по крайне узкой тропе у подножия крутых скалистых стен, у самой реки.

Когда мы наконец достигли Хаир-Кумына, то увидели, что эта река гораздо более широкая и бурная, чем Чарыш, в который она впадает, и переехать ее на лошади невозможно и

там, где глубина реки настолько значительна, что лошадь всплывает, и в менее глубоких местах, где она может достать дно, так как в русле много больших камней, и лошадь не в состоянии сделать шага, потому что ей приходится при этом бороться с бурным течением. Мы спросили калмыков, можно ли здесь переплыть на лошадях, и они ответили: «Сильная лошадь может переплыть реку, но слабая утонет». У нас было достаточно оснований не особенно полагаться на силу наших лошадей, потому что некоторые из них были утомлены трудностями путешествия.

Не оставалось иного выхода, как попытаться одному из моих людей, умеющему хорошо плавать, добраться на сильной лошади до того берега, проехать еще восемь верст до Чечулихи и заказать лодку для переправы. Калмыки отказались от этого и не поддавались на уговоры, хотя их лошади привычны к таким переправам, и категорически заявили мне, что их дали в проводники до Коргона. Люди мои устроили совещание, и, так как виновником всех этих злоключений был толмач, который повел нас по неверной дороге, несмотря на то, что имелась такая дорога, следуя по которой можно было совершенно миновать Хаир-Кумын, он сам решил переплыть реку. Я не берусь описать, какая страшная тревога охватывала меня, когда я следил за стариком, плывущим через реку, и в наиболее глубоких местах видел высывающиеся из воды только голову лошади, голову и плечи всадника, особенно там, где было самое быстрое течение; однако силы юношеских лет, казалось, вернулись к старому толмачу, и он, к моей радости, благополучно достигнув противоположного берега, тотчас же поехал дальше.

Здесь мы раскинули свой лагерь, однако при развьючивании лошадей выяснилось, что подмокли две кожаные сумы с вещами: при переправе через Чарыш во время нашей сегодняшней поездки вода доходила лошадям до спины и сверху залилась в сумы. Да и сами мы при этом вымокли до пояса. Оказалось, что в одной из этих сум находился наш небольшой запас хлеба, вместе с которым люди положили часть листового табака, который, намокнув, придал отврати-

тельный привкус хлеба, так что никто не мог его есть. Но в предвкушении того, что завтра утром будем в Чечулихе, мы заснули довольно спокойно.

Хаир-Кумын течет сюда с юго-запада в узкой долине, окруженной высокими горами. Длина его, видимо, равна примерно 30 верстам. Так как он стекает с высокой горы, покрытой вечными снегами, и еще на горе в него впадают довольно многоводные притоки (названий которых я не мог узнать), то, несмотря на свое короткое русло, достигает значительной величины. Именно здесь, на его берегу, почти у самого места нашей ночевки, дней 14 тому назад были захвачены беглые горнорабочие и один из них был застрелен. Нелегко было, конечно, взять этих людей в плен. Рассказывают, что давно, более 35 лет назад, в этих краях разбойничала шайка таких же беглых горнорабочих и что трудно было разыскать в диких и малообжитых местах этих людей, которым были знакомы все горные убежища. Но затем, благодаря принятым начальником строгим и разумным мерам, это бесчинство скоро прекратилось.

Мой толмач, который вернулся из Чечулихи очень поздно, сообщил нам, что там сразу же начались приготовления к нашему приему: была отправлена лодка, чтобы переправить нас с лошадьми через Хаир-Кумын, которая и прибыла ночью. Переправа через реку началась рано утром 18 июня и продолжалась два с половиной часа, потому что лодка была мала и пришлось сделать несколько рейсов туда и обратно, чтобы переправить всех людей и груз; немалым препятствием стало и быстрое течение. Лошади наши и, к счастью, калмыцкие были переправлены через реку в первую очередь, ибо проводники предпочли бы вернуться, нежели переправиться через Хаир-Кумын. Теперь им нужно было самим переплыть на лодке, но они никак не смогли отважиться на такое рискованное предприятие. Они решились на переправу только после многих уговоров и колебаний и, конечно, лишь потому, что их лошади были уже на той стороне. Не желая видеть опасности, которой подвергались, они присели на корточки на дно лодки и

низко наклонили головы, ни разу не взглянув на воду.

На берегу Хаир-Кумына и ниже по его течению, близ Чарыша, нередко встречается тополь лавролиственный.

Окончив переправу и завьючив лошадей, мы поехали дальше, и в двух верстах от д. Чечулихи пересекли Куму — маленькую, но быструю речку с крутыми берегами. Здесь споткнулась одна вьючная лошадь, опять намочив вьюки. Несчастья такого рода случаются часто, особенно если лошади утомились и, навьюченные, стали беспомощными. Хотя при этом портятся припасы, на которые очень рассчитываешь, однако я считал за счастье, что такая беда не случилась с коллекциями и дневниками, о чем я особенно заботился, и, видимо, поэтому за все время путешествия никакой неприятности такого рода не произошло.

Проехав восемь верст от Хаир-Кумына по узкой долине Чарыша, мы переправились на левый берег этой реки, которая благодаря многоводному Хаир-Кумыну и мощной Талице, впадающей в Чарыш на две версты ниже Хаир-Кумына, выросла в поток очень значительной ширины. Лодка была для нас готова, и вскоре мы были уже в приветливой Чечулихе, основанной в 1824 г.

Мне было отрадно снова оказаться вблизи человеческого жилья, и я был приятно удивлен, когда у одного старого крестьянина, вышедшего навстречу, чтобы пригласить меня к себе, нашел очень уютную, светлую и чистую комнату, готовую к приему, имевшую четыре окна, обращенные на две разные стороны, с большими стеклами.

Окрестности Чечулихи, окруженной высокими горами, очень живописны. Здесь я намеревался подождать своих людей, которых послал из гор в Риддерск, и некоторое время дать отдохнуть нам и нашим коням. Гостеприимные хозяева, которым не так часто приходится принимать проезжающих, были нам очень рады и предлагали всякую всячину; и скоро мы забыли все трудности пути. Деревня Чечулиха лежит у впадения одноименной речки в Чарыш и уже теперь хорошо обстроена, особенно если принять во внимание кратковременность ее существования. Вооб-

ще радостно было видеть, как быстро увеличивается население в этих местах.

Время от времени нужно бывает основать деревню, поскольку число жителей сильно возрастает. В данном случае несколько крестьян выпросили у начальства позволения поселиться там, где им нравится. Потом были определены границы нового поселения и число дворов, которые можно здесь строить. Крестьянам разрешили пожить здесь три года, чтобы опробовать новое место. Если бы случилось так, что, находясь здесь в течение этого времени, они решили бы, что ошиблись в выборе, увидев недостатки, которых они сначала не замечали, им предоставлялось право оставить это место, однако такого случая еще не бывало.

Число жителей деревни находится в зависимости от угодий, пригодных по своему состоянию к пользованию большим или меньшим количеством жителей новых поселений. Крестьянам горных деревень указаны определенные границы, в которых они закладывают хлебные поля и могут использовать луга, благодаря чему поселения здесь быстро прогрессируют и предупреждаются могущие возникнуть споры. Прочие, до сих пор пустынные, незаселенные горы предоставляются калмыкам, которые платят за это ясак; там они кочуют и в местах, богатых травой, располагаются со своими стадами, используя их как пастбища; в зимнее же время вместе со своим имуществом и юртами они селятся в ущельях, которые служат им некоторой защитой, в то время как их стада пасутся окрест.

Хотя калмыки неохотно мирятся со строительством деревень, тем не менее это, по-видимому, самый надежный путь для приобщения их к оседлому образу жизни. Вместо того чтобы, как прежде, жить изолированно от остальных обывателей, ведущих оседлый образ жизни и занимающихся земледелием, они собственными глазами убеждаются в том, как быстро их новые соседи — поселенцы добиваются благосостояния, как спокойно живут и какие преимущества вытекают из этого. Калмыкам, которые пожелали бы строиться, правительство предоставляет такое же поощрение, как и другим поселенцам.

Этот большой край, который, несмотря на свое высотное местоположение, имеет много превосходных пахотных земель, долго оставался пустынным. Теперь же всем желающим его возделывать по их просьбе предоставляются угодья, которые царский Кабинет отдает в аренду, ибо все эти горы — частная собственность Кабинета. В случае, если закладываются рудники, приставленные к ним горнорабочие также получают землю, которую могут возделывать по мере своих надобностей там, где им ближе и удобнее; исключение составляют земельные участки, поделенные между деревнями. Впрочем, на пути к цивилизации калмыков лежит еще много препятствий, которые еще тем труднее преодолимы, что коренятся в их религиозных представлениях. Так, на вопрос, почему они не живут оседло, а продолжают кочевать, калмыки отвечают, что бродячий образ жизни им предписывает их религия и что русские потому не сподобляются такой благодати со своими стадами, как калмыки, что живут в постоянных жилищах и моют посуду из-под молока, чего те никогда не делают.

19 июня я поехал вверх по речке Чечулихе. Передо мной расстилались роскошные луга, трава которых уже и теперь, хотя для горной местности это еще раннее время года, выросла выше моей лошади. Среди трав встречались новый борщевик (*Heracleum*), татарник азиатский (*Cirsium serratuloides*?), еще не полностью цветущий, один борец, многие живокости, бубенчики (*Adenophora*) и другие. На сколько-нибудь влажных местах рос мытник хоботковый (*Pedicularis proboscidea*); его было много, и он был в самом цвету, высота его нередко превышала четыре фута, причем половину высоты составляла цветоножка. Это красивое растение — самое большое украшение некоторых лугов. Места, покрытые такой роскошной растительностью, встречающиеся довольно часто, сначала просто поражают. Растения поднимались здесь выше лошади, достигая головы всадника; часто я рвал их, особенно мытник хоботковый, не сходя с коня. Трава растет здесь так густо, что, когда свернешь в сторону, растения сразу же смыкаются, и не видно, где ступала нога лошади. Но

тут скрыта и опасность, так как не видно канавок, образуемых маленькими ручейками, поэтому лошадь часто неожиданно проваливается туда или скользит назад и потом, испугавшись, делает прыжок, ища сухого места.

Поднявшись выше, я добрался до леса, состоявшего из пихты и ели, через который мне пришлось ехать к расположенному еще выше кедрачу. Дальше я вынужден был продвигаться пешком из-за густорастущего леса и неровного каменистого грунта. Затем местность становилась все более дикой, каменные глыбы нагромождались друг на друга, а между ними возвышались хвойные деревья. Все свободное от растительности пространство покрывал мох, так что не было видно, куда ступает нога. Под этими скалистыми глыбами бежали невидимые потоки, шум которых был слышен отовсюду, даже на значительном расстоянии. Часто нога застревала между камнями, нередко зажимало обе ноги. В конце концов мой слуга упал со скалы высотой в несколько футов. Подниматься выше было невозможно, и мне пришлось вернуться.

Подлесок состоял здесь, как обычно, из жимолости (*Lonicera*), таволги, красной и черной смородины, разных видов шиповника. Из наиболее интересных растений я встретил здесь новую песчанку (*Arenaria*) с клубневыми корнями, протянувшимися в ковре мха, один новый лютик (*Ranunculus*) и камнеломку (*Saxifraga Geum.*). На скалистых берегах речки Чечулихи росли крупноцветные и крапчатые венерины башмачки (*Cypripedium macranthus* и *C. guttatum*). На обратном пути мы увидели очень много норичников алтайских (*Sorofularia altaica*), цветущих в щелях крутого скалистого утеса. Последние теплые дни настолько сильно способствовали таянию снега высоких гор, что воды Чарыша ежедневно прибывали. Когда же 22 июня после полудня пошел сильный дождь, то до 23 числа, пока он продолжался, река поднялась почти на фут.

Острова, которые река образует неподалеку от деревни в своем верхнем течении и которые я неоднократно посещал, имеют растительность, совершенно сходную с встре-

чающейся на окрестных низменных берегах Чарыша, без всякого своеобразия или сходства с флорой дальних краев, как это имеет место на островах Коксуна и Чуи. Нередко те реки приносят из районов верхнего течения вырванные с корнем растения и семена, которые, попав на острова, часто приживаются.

Во время моего пребывания в Чечулихе я присматривал себе проводника, который знал бы окрестности Коргона, но не смог никого подыскать. Крестьяне д. Чечулихи поселились здесь недавно, и, когда они устраивались на жительство, им так много приходилось работать, что у них совершенно не было свободного времени ни для охоты, ни для более близкого ознакомления с окрестностями. Жители же Коргона, все, вплоть до тех хозяев, которые поселились здесь совсем недавно, были взяты под стражу, как об этом и рассказывалось выше.

23 июня дождь перестал, а за день до этого прибыл посыльный от д-ра Бунге с известием о том, что он ожидает меня в д. Уймон, и я безотлагательно отправился в путь, чтобы ему не пришлось долго ожидать меня и в связи с этим не упустить время для вторичного посещения окрестностей Чуи. Так как до возвращения моих людей из Риддерска я не смог совершить поездку в Коргон за неимением сведущего проводника, то почел за благо поехать им навстречу. Большим затруднением для меня было также отсутствие бумаги для укладывания растений. Опасаясь, чтобы с моими людьми не произошло в пути какого-нибудь несчастья, я еще четыре дня тому назад выслал навстречу им толмача, который также пока не вернулся.

Я выехал из Чечулихи в 3 часа пополудни, намереваясь в этот день добраться по крайней мере до брода через Чарыш, но по лучшей дороге, нежели та, по которой ехал сюда, с тем чтобы совершенно миновать Хаир-Кумын и только раз пересечь Чарыш, в то время как по прежней дороге мне пришлось бы дважды перепрести его на лошади и раз переплыть на лодке. Около д. Чечулихи дорога пересекает маленькую речку того же названия, а затем поднимается по направлению к боковым от-

рогам Талицких альп, у юго-западных склонов которых течет Чечулиха, у северо-восточных — Талица. Подъем имеет сначала умеренную крутизну — до высоты 4252 футов над уровнем моря, следовательно, приблизительно на 2000 футов выше д. Чечулихи. Северный же склон обрывается очень круто, и спускаться можно только по очень узенькой тропке, которая вьется по горному склону, по крутой скалистой стене над глубокой пропастью. Скалистые глыбы, которые выступают на несколько футов и на которые приходится карабкаться, делают эту тропу еще более опасной: здесь трудно проехать на лошади и даже пройти пешком.

Дорога, наконец, выходит на довольно широкую, протянувшуюся поперек долину, на которой Талица впадает в Чарыш. Сначала пересекают маленькую безымянную речку, затем подъезжают к Талице, в определенном месте которой есть переправа, где она имеет около 15 сажен ширины и довольно быстрое течение. Затем снова следует подъем на гору, на высоту 1200—1500 футов над уровнем Чарыша, и дорога подходит к узкому скалистому гребню, круто обрывающемуся как к северу, так и к югу, еще круче, даже местами отвесно, — к западу, где непосредственно у подножия горы протекает Чарыш. С этой горы, на которую взбираются по змееобразной тропке, сделанной извилистой, чтобы копыта лошади могли иметь больше площади для опоры, открывается следующий вид: позади — Талица, спереди и справа — Чарыш, а далее — вливающийся в него с правой стороны Хаир-Кумын.

Путь на этой высоте страшен! Дорога идет по той самой отвесной скалистой стене в 1500 футов, о подножие которой бьется бурный Чарыш; круто обрывающиеся скалы отступают на 3—4 фута от края, образуя уступ, по которому пролегает дальнейший путь. К тому же эта узенькая тропа не ровная, а бугристая из-за выступающих камней. Иногда выступают огромные глыбы, достигающие края кручи; они стоят впереди в виде лестницы, по которой приходится взбираться. В других местах тропа теснится на покатой, наклоненной в

сторону обрыва площадке, и умные лошади, которые, по-видимому, сами чувствуют опасность, сначала осторожно пробуют ее копытом, прежде чем поставить ногу.

Но вид с этой страшной тропы великолепен! Кругом поднимаются высокие горы. Справа — горы за Чечулихой, слева — высокие белки, с которых стекает Хаир-Кумын, и глубоко внизу — три речки, здесь и сливающиеся. Быстрое течение их водяных струй неразличимо с такой высоты, но слепящие белые полосы обозначают движение пенящихся потоков, и шум их доносится досюда.

На этом горном хребте и на его юго-западном склоне я нашел много интересных растений, особенно качим (*Gypsophila*), смолевку (*Silene*), оносму (*Onosma*), сибальдию (*Sibbaldia*), эспарцет (*Onobrychis*), астрагал (*Astragalus*), шлемник (*Scutellaria*). Все растения достигали здесь такой исключительной величины, какой я не встречал в другом месте. Это явление нельзя объяснить только плодородием почвы.

Проехав 10 верст до Талицы и потом еще 12 верст, мы оказались на берегу Чарыша, возле того брода, который был уже нам знаком. Здесь мы сделали остановку в надежде, что река к утру несколько спадет, так как знали по опыту, что реки утром всегда имеют более низкий уровень, нежели вечером, поскольку ночью на белках меньше натаивает воды и, следовательно, меньше стекает.

24 июня утром мы без всяких приключений переправились через реку и продолжали свой путь до следующей остановки у Чарыша. Между тем мы встретили вернувшихся из Риддерска людей, задержавшихся из-за разных несчастных случаев. По недосмотру проводников-калмыков одна лошадь сломала ногу, другая изувечилась на той опасной болотистой дороге близ Малого Коксуна, которую я благополучно проехал с 13 лошадьми, избежав подобного несчастного случая. Все вернувшиеся люди присоединились к моему каравану. Мы направились к реке Абай, мимо известных гор у Керлыка, в которых мы уже побывали, где был разбит наш лагерь. Вскоре к нам подошел один калмык, который попросил позволения подарить мне овцу; это понравив-

лось мне и особенно моим людям, и мы преподнесли ему за это обычные подарки.

25 июня. В этот день рано утром мы направились по Керлыку, почти все время следуя в юго-восточном направлении, и, проехав около 15 верст, достигли седла (по-калмыцки Иричак), разделяющего бассейны рек Чарыша и Коксуна. Оно имеет абсолютную высоту 4748 футов. На этой высоте у самой дороги лежала куча хвороста, и я видел, как мои калмыки слезали со своих лошадей и подкладывали понемногу хвороста к этой куче. Такие кучи встречаются то здесь, то там, но только в определенных местах и отнюдь не на каждой горе. Я спрашивал, для чего это делается, но мне не дали удовлетворительного ответа. Говорят, они привыкли так делать, и каждый делает это, не ища разумных оснований. Возможно, что это особые знаки в здешних непроходимых местах или, может быть, это имеет какое-нибудь другое объяснение.

Мы подвигались теперь то в юго-восточном, то в южном направлении, пока, наконец, не подъехали к небольшой речушке, называемой Тал, впадающей в речку Салон. Еще через пять верст мы добрались до этой речки. Следуя ее течению, мы через восемь верст достигли Сугаша — несколько ниже того места, где в него впадает Салон. Сугаш течет сюда с севера и впадает в Абай, который, в свою очередь, течет с северо-запада и вливается в Коксун. Проехав Сугаш в 12 верстах от этой речки, мы оказались у д. Абай, расположенной на левом берегу одноименной речки, впадающей в шести верстах от деревни в Коксун с юго-восточной стороны. Деревня расположена на высоте 3588 футов над уровнем моря в довольно широкой долине, образуемой Абаем с его многочисленными излучинами. Напротив деревни, справа от Коксуна, горы подступают к самому берегу, а за ними видна другая горная цепь, частично покрытая снегом. Это высокая горная цепь относится к Холзунским горам.

Когда я подъезжал к деревне, началась гроза, пошел град, и мы поспешили в селение, где и переждали несколько часов грозы. Деревня Абай возникла недавно и состоит пока еще

из единственного крестьянского двора, однако в этом году здесь намереваются строиться другие хозяева. Хозяина дома не было, а хозяйка была очень занята и, конечно, не готовилась к приему гостей. Но сообразно с приветливым гостеприимством, присущим местным жителям, она старательно предлагала нам все, что только было в запасе, и очень желала, что не могла угостить нас лучше. Молоко, мед и все остальное, имевшееся в домашнем деревенском хозяйстве, было нам выставлено. А когда мы собрались ехать дальше, женщина очень просила, чтобы мы согласились подождать еще полчаса, пока не будет готов пшеничный хлеб, который она для нас замесила.

В трех верстах от деревни мы переехали речку Айлюй и в 12 верстах от нее — быструю Юстут, которая впадает в Коксун в двух верстах от дороги с южной стороны. На левом берегу ее, в лиственничной роще, мы разбили свой лагерь на высоте 3429 футов над уровнем моря, проделав в этот день 54 версты.

Ехали мы в течение всего дня большею частью лугом, на котором встречались иногда отдельные лиственницы; по берегам речки росли березы и особенно много было тальника. В одних местах почва была болотистая, в других — сухая и частично солончаковая, хотя последняя встречалась редко. Сибирка гладкая, курильский чай попадались часто. Хотя Юстут и имеет быстрое течение, но у переправы он широк и, если попадешь на удачное место, не очень глубок для перехода вброд. Река образует здесь небольшой водопад, и потому двигаться нужно по лежащей поперек нее скалистой перемычке. Мой старый толмач уверял, что брод этот он мог бы найти и в темноте; он взял с собой три вьючных лошади, чтобы перевести их через реку, однако скоро сбился с пути и, если бы не калмыки, которые указывали ему направление криками и призывами, попал бы на глубокое место или же, подхваченный с другой стороны течением, был бы снесен вниз.

Гроза, которая настигла нас в Абае, перешла теперь в эту местность, сильный ливень так размыл дорогу, что мы нигде не находили сухого места для своего лагеря, что в

сильный дождь бывает зачастую. Все мои люди снабжены кошмами, и если бы они, поставив жерди крест-накрест, покрыли их войлоком, то имели бы вполне непромокаемую палатку вроде киргизской юрты. Однако они взяли себе за правило раскладывать кошмы на земле вокруг костра и укладываться на них спать, укрываясь шубами. Но когда пошел сильный дождь, мне пришлось заставить их соорудить себе палатку. Конечно, когда они, охотясь, неделями бродят по горам, то ничего с собой не берут, но в таком случае они обычно сооружают себе шалаш из ветвей деревьев; таких шалашей мы много встречали на своем пути.

Айлюй и Юстут стекают с горного хребта, который является продолжением Теректинских белков и переходит здесь в небольшие возвышенности с довольно крутыми вершинами. Долины обеих рек, узкие в верхнем течении, значительно расширяются по мере приближения к Коксуну.

Отправившись 26 июня от Юстута, мы проехали 10 верст частью лугом, поднимающимся над поверхностью Коксуна лишь на несколько сажен и поросшему местами лиственницей, частью же по склону горы, пока не достигли небольшой речки Хольд-Аразу. Чем ближе мы подъезжали к этой речке, тем ближе подступали друг к другу горы, а восточнее ее долина Коксуна настолько сузилась, что речной поток совершенно заполнил долину и с обеих сторон оказался замкнутым высокими крутыми, часто даже отвесными горами. Вдоль этих отвесных утесов петляла узкая, иногда всего в один фут шириной, дикая тропа, по которой мы и пробирались.

В некоторых местах, когда я, сидя на лошади, опускал рукой свинцовое грузило, оно касалось водной поверхности Коксуна; возможно, что эта тропа, проторенная на высоте 100—200 футов над водой, сотни лет тому назад была протоптана животными, когда они, еще не подвергаясь преследованию со стороны человека, могли беспрепятственно жить в этих пустынных местах и, отыскивая удобный брод че-

рез реку, проложили себе путь среди камней. Такие дикие дороги, похожие на тропы, нередко уводят вверх, на высочайшие и очень крутые вершины, и я нередко замечал на недоступных высотах обглоданные солонцы, на что и прежде иногда обращал внимание на высоких плоскогорьях; это свидетельствует о том, что животное в поисках подобных лакомств взбираются даже на самые крутые склоны.

В зимнее время, когда горные тропы становятся скользкими и лавины или бураны делают путь небезопасным, многие животные, обычно обитающие в горах, гибнут, срываясь вниз. Так, один калмык увидел однажды зимой у подножья склона на берегу реки высунувшиеся из-под снега рога косули, и подойдя туда по льду реки, чтобы посмотреть, он нашел в этом месте тринадцать погребенных под снегом мертвых косуль. Зимой такой склон, по-видимому, обледеневаает и становится скользким, так как во время оттепели сверху постоянно бежит вода, которая потом замерзает. Если кто уж избрал себе такую тропу для спуска, то иного выхода нет, как продолжать спокойно спуск; соскакивать с лошади, чтобы идти пешком, небезопасно, потому что из-за наклона всадника во время прыжка лошадь легко может потерять равновесие и скатиться вниз. При таких обстоятельствах нужно быть очень внимательным и принять все меры предосторожности, хотя животные и сами очень боязливы и осторожны.

В Хольд-Аразу, с южной ее стороны, впадает Красноярка (по-калмыцки Баста-Кым, или, как называет ее Шангин, Бастыгин), которая находится на расстоянии 35 верст от д. Уймон. В 10 верстах дальше на восток протекает Тюгюрюк, который получает свое начало на той же горе, что и Урсул. Проехав еще восемь верст, мы достигли Большого, а еще через полторы версты Малого Куркулека. Обе эти речки низвергаются с огромной силой с горы, которая на юге примыкает к Теректинскому хребту.

Между Краснояркой и Тюгюрюком и до самых Куркулеков местность очень дикая. Беспорядочно нагроможденные и высоко вздымающиеся

скалы, ущелья, через которые ищут дорогу в полумраке глубоких теней, пенящиеся каскады горных речек, местами открывающийся перед глазами обширный вид Коксуна с островами, покрытыми темными хвойными лесами, — все это представляется взору в разнообразном чередовании совершенно необычных ландшафтов. Между Тюгуюком и Большим Куркулеком нас настигла гроза, разразившаяся с большой силой; в этой дикой местности она казалась захватывающе интересной и страшной. Окрестные горы многократно повторяли раскаты только что прогремевшего громового удара, а в это время уже разражался следующий. К тому же справа от нас бесновался Коксун, а перед нами шумел дикий Куркулек. Молча мы ехали дальше то по крутым склонам, то по темным ущельям, лишь временами освещаемым молниями. Оставив позади оба Куркулека, мы спустились в обширную долину, несколько возвышающуюся над уровнем Коксуна, который здесь течет более спокойно, чем в верхней части, хотя и довольно быстро, образуя на этом месте острова. В четырех верстах отсюда Коксун сливается с Катунью (называемой также Уймоном) и получает наименование Катунь. После слияния река становится заметно шире, и ее долина достигает в этом месте 8 верст в ширину и 20 верст в длину.

Следуя вниз по течению реки, я имел удовольствие встретиться со своим коллегой г-ном д-ром Бунге, который, возвращаясь с Чуи, спешил мне навстречу, предполагая, что я уже прибыл. Встреча нам была необходима отчасти для того, чтобы обсудить произведенные наблюдения, а отчасти для того, чтобы договориться о плане проведения второй половины лета; кроме того, мне хотелось навести кое-какие справки.

Особенно я хотел посетить местность близ Каракولا, где, по свидетельству Шангина, должен расти черноплодный *(Rhododendron chrysanthum)* и зазубристая ива (*Salix berberifolia*), но никто ничего от сих пор не знал о местоположении этой речки так же, как и о других упомянутых Шангиным речках — Аргуте и Котогорке, воды которых, по его словам, бело-молочного

цвета, почему он и высказывает предположение, что они вытекают из меловых гор. Местные жители — очень хорошие охотники, прекрасно знающие местность, и поэтому я надеялся, что получу у них точные сведения — преимущество, которым Шангин не мог воспользоваться, так как в его время этой деревни еще не существовало³⁴.

Семью верстами ниже слияния Коксуна с Катунью, на правом берегу, на высоте 3144 футов над уровнем моря, стоит д. Уймон. Чтобы доехать до этой деревни, нужно было пересечь Катунь. Нас ожидали лодки, устланные белыми войлоками и управляемые хорошо одетыми людьми, из которых особенное внимание привлекал своим статным видом человек в длинном халате из полушелковой китайской материи. Багаж был погружен на лодки, коням же самим предстояло переплыть реку, которая здесь хотя глубокая и широкая, но не такая бурная, как в верхнем течении. Привычные к этому, люди разделись донага и благополучно переплыли верхом на ту сторону.

Деревня Уймон, основанная 25 лет тому назад, насчитывает 14 крестьянских изб и находится в долине, окруженной полукругом гор около трех верст в диаметре. Южнее этих гор, на заднем плане, видны белки. Пшеницу здесь уже не сеют, да и рожь не каждый год дает хорошие урожаи. Год тому назад (в 1825 г.) она пострадала от заморозков. Не занимаются здесь больше и пчеловодством. Однако, несмотря на это, крестьяне живут в очень большом достатке, держат помногу скота, да и охота приносит им богатую добычу, особенно дичи для пропитания и пушного зверя для мехов. Но главный доход дает им охота на маралов, которая происходит ранней весной, пока рога у маралов еще одеты мочкой и имеют мягкие верхушки. На воздухе рога затвердевают, и охотники продают их китайцам, которые платят большие деньги — от 50 до 100 руб. за целые рога.

Крестьяне, жители этой деревни, мне очень понравились. В их характере есть что-то открытое, честное, уважительное; они были очень приветливы и прилагали все усилия к тому, чтобы мне у них понравилось.

Если они считали, что мне какая-то вещь может быть нужна, то доставляли мне ее и обычно не хотели за нее брать. Один мальчик принес тетерку, которую он поймал, и продал ее мне за небольшую плату. Когда об этом узнали крестьяне, они рассердились на мальчика и очень извинились передо мной за то, что мне пришлось купить съестное. Когда я выразил интерес к редким животным этих мест, крестьяне постарались отыскать что-нибудь важное для меня и принести.

Один житель деревни принес пару больших рогов горного козла, расстояние между острями которых равно 2 футам $4\frac{2}{3}$ дюйма, а длина их, если мерить по кривизне, составляет 3 фута 9 дюймов. Каждый рог имеет 18 наростов, и основание его составляет в обхвате $9\frac{1}{2}$ дюйма. Владелец рогов продал их мне за 4 руб. Это рассердило других крестьян, которые все, что приносили мне, отдавали даром, в подарок. Сельский старшина дал мне шкуру старого горного козла, голова и ноги которого были отрезаны, но шкура благодаря ее абсолютно белому цвету была превосходна. Рога этого животного были, по-видимому, еще на одну пядь длиннее и менее согнуты, чем описанные выше, но, к сожалению, они были распилены и употреблены или на рукоятки ножей, или на стремена. Мне подарили также рога и поменьше. В прежние времена горные козлы встречались здесь очень часто; теперь они водятся только на Аргуте. Здесь много кабарог и россомах. Дикие овцы (аргали), которых раньше тоже было много, теперь здесь уже не встречаются: они избегают мест, где селится человек*.

Узнав о моем желании изучить здешнюю местность, сельский старшина вызвал из деревень наиболее сильных и опытных охотников и из соседних айлов — несколько калмыков, занимающихся в этих краях охотой; каждый из них хорошо знал хотя бы один из доступных районов. При уточнении выяснилось, что никто ничего не знает о реке, именуе-

мой Котогорка, под которой, вероятно, Шангин подразумевал Кучурлу, имеющую такую же молочно-белую воду, как Аккем и Аргут. В отношении последней было, однако, установлено, что ее вода окрашена в белый цвет только благодаря притоку. Кроме того, все люди единогласно утверждали, что вода Катунь (Уймона) также белая еще до соединения с Коксуном. Затем нам рассказали, что истоки Катунь, Кучурлы и Береля, последний из которых впадает в Бухтарму, находятся на одной и той же горе, отделяющейся к западу от остальной части альпийской цепи Холзун ущельем и значительно возвышающейся над довольно высоко расположенной местностью, так что верхняя половина ее покрыта вечными снегами.

Расстояние до истоков Катунь по самой короткой дороге считают в 120 верст. Там, говорят, из-под снега вытекают два источника, несущие светлую воду. Один из них впадает в озеро, находящееся у подножия горы, вода его молочно-белого цвета и густая (ее сравнивали со сливками или брагой); она клокочет и пузырится. Другой ручей, вытекающий из светлого источника, сливается с молочно-белым ручьем, который, в свою очередь, вытекает из озера; после слияния он также кажется окрашенным в белый цвет. Эти сведения со всеми подробностями сообщали мне многие люди и совершенно одинаково во всех деталях; когда же я выразил желание посетить ту местность и поинтересовался насчет проводника, меня стали отговаривать от этого путешествия, так как оно сопряжено с очень большими опасностями: там простираются обширные глубокие болота с обломками скал в них и в пути можно потерять лошадей. Но от Фыкалки, расположенной между Холзунскими горами и Бухтармой, туда идет менее опасная тропа. Зная, что северные, более пологие склоны этих гор болотисты, а южные, крутые, — сухие, что обычно для местных горных цепей, я уже не мог сомневаться в достоверности того, что мне говорили и, отложив осуществление своего плана до поездки в Фыкалку.

О притоках Коксуна и Катунь я получил следующие сведения.

* Я попросил застрелить мне зимой некоторых животных и за определенную плату привезти в Барнаул. Крестьяне не только обещали мне это, но и сдержали свое слово, доставив мне в течение прошлой зимы немало горных козлов, кабарог и россомах, чучела которых находятся теперь в Дерпте, в зоологическом кабинете. (Прим. автора).

Притоки Катунь (или Уймона) выше ее соединения с Коксуном:

с левой стороны:

Малый Шугаш — 8 верст*,
Большой Шугаш — 13,
Зайчик — 28,
Собачья (калмыцк. Ареге) — 43,
Большая Речка — 93,
Луговка — 98,
Теманзонган^{2*}
Озерная — 118^{3*}
Зайчиха — 126,
Быстрая (калмыцк. Тюргенсу)^{4*},
Куруган — 138,
Исток Катунь — 150.

С правой стороны в Катунь впадает, кроме разных мелких речушек, Кайтанак, Быструха, Зеленка и Тихая, о которых я не смог собрать достоверных сведений. И как раз то, что жители Уймона знают не все, явилось для меня гарантией достоверности сообщенных мне сведений.

Из притоков Катунь в ее нижнем течении мне были названы следующие:

с правой стороны:

Окол (речка) — 8 верст^{5*},
Муюта (река) — 20,
Акчан (речка) — 28,
Куруган (крупная река) — 38,
Кучурла — 50,
Аккем — 60,
Аргут — 70—80,
Ебелин (речушка),
Дербелин (тоже),
Чуя — 100;

с левой стороны:

Кастакта — 1 верста,
Теректа — 4,
Джингегем — 8^{1/2},
Маргала — 13,
Большая Кутунда — 22,
Малая Кутунда — 28,
Кизил-Ебага (речка) — 35,
Тургудунду — 55,
Казнакты — 70—80 (полторы версты выше Аргута),
Сок-Ярык,
Имген,
Большой Улегумен.

О притоках, расположенных еще ниже, сведений нет. Многие из притоков Коксуна выше деревни Уймон я видел сам:

с правой стороны:

Катунь (или Уймон) — 7 верст*,
Тедет — 22,
Красноярка (калмыцк. Бастакым) — 30,
Арекем (калмыцк. Хаир-Кумын^{2*}) — 50,
Карагай (калмыцк. Котетю) — 80,
Таловка — 93,
(Южный) Абай^{3*} — 108,
Малый Коксун — 119 верст;

с левой стороны:

Малый Куркулек — 11 верст,
Большой Куркулек — 12^{1/2},
Тюгюрюк — 20^{1/2},
Холд-Аразу — 30^{1/2},
Юстут — 40^{1/2},
(Северный) Абай — 50—60,
Саусар — 60—65 (на 8 верст выше северного Абая),
Уложей — 90,
Татарка^{4*} — 98 верст.

В тот день, когда я подъехал к Уймону, сильная гроза, сопровождавшая нас весь день, все еще продолжалась, а во время моей переправы через Катунь поднялась сильная буря. Часть моих людей с вьюками должна была ждать несколько часов, пока не появилась, наконец, возможность переправиться самим и не смогли переплыть реку лошади. С этого дня двое суток непрерывно шел дождь. Когда же 29 июня небо прояснилось, мы сразу выехали из Уймона. Д-ру Бунге пришлось вернуться на Чую, и, так как мне нужно было выслать ему кое-что из Риддерска, я решил взять с собой одного из его людей, возвращения которого он должен был ожидать близ Кана; а пока, до деревни Алай, мы ехали вместе. Наша переправа через Катунь опять была многочасовой, так как нас теперь насчитывалось в общей сложности 16 человек да еще 29 лошадей. К нашему каравану присоединилось немало жителей Уймона, которые или помогали нам на переправе, или провожали нас. Короче говоря, на левом берегу Катунь наблюдалось такое оживление, что подобное ему не часто бывает здесь, в этой отдаленной деревне. Немцы, русские, сибиряки и

* Длина отсчитывается от д. Уймон (Прим. автора).

* Длина здесь отсчитывается от места слияния. (Прим. автора).

^{2*} Длина этой речки была сообщена мне неточно. (Прим. автора).

^{3*} Эта река вытекает из Тайменьева озера, которое получило свое наименование от рыбы таймень (*Salmo fluviatilis* Pall.)

Эта рыба, конечно, обитает во всех горных реках Алтая, но здесь она особенно вкусна, и ее очень много.

^{4*} Длина этой речки также дана неточно. (Прим. автора).

^{5*} Длина отсчитывается от д. Уймон (Прим. автора).

^{2*} «Хаир-Кумын» в переводе с калмыцкого языка значит «молодой проворный парень». Такое образное наименование носят три бурные речки этой местности, одна из которых (близ Коргона) упоминалась выше, затем упомянутая здесь, и третья — стекающая с Холзуна.

^{3*} Я называю эту реку Южной, в отличие от вышеупомянутой одноименной речки, впадающей в Коксун с северной стороны, на берегу которой находится одноименная деревня. (Прим. автора).

^{4*} Буквально: «татарская женщина». (Прим. автора).

калмыки — все наперебой разговаривали и кричали. Наши вьючные лошади имели теперь странный вид: на них были водружены большие рога горных козлов, и теперь ни одна вьючная лошадь не подходила к другой, пугаясь, когда такая рогатая лошадь к ней приближалась.

Мы совсем недалеко отошли от переправы, как вновь началась гроза, тем не менее находились в пути до самого вечера. Дождь продолжался и тогда, когда мы разбили свой лагерь. Я надеялся, что погода установится, но дождь продолжался всю ночь, шел до следующего полудня, поэтому больше ждать я уже не мог и 30 июня пополудни дал распоряжение ехать дальше, с тем чтобы в этот же день добраться до д. Абай, отстоящей от места нашей стоянки примерно на 25 верст. Из-за дождей сильно разлились многочисленные маленькие безымянные речушки. В обычное время маловодные или совсем безводные, все они теперь превратились в большие и многоводные потоки. Поздно вечером мы добрались до д. Абай.

1 июля. Взяв нужное мне количество лошадей, — а теперь мне понадобилось их уже 19, — я отправился из Абая в Риддерск. Захватил с собой и коллекции Бунге, чтобы возвращаясь в осеннее время, он имел меньше багажа. Сначала я отправился тем же путем, которым прежде прибыл из Чечулихи, но вскоре свернул и поехал в юго-западном направлении. Утром погода опять была ненастная и облачная, хотя дождь не шел. Прodelав 10 верст, мы подъехали к реке Саусар с очень болотистыми берегами. Она берет начало на южных склонах той самой горной цепи, с северных склонов которой стекает и Абай, и восьми верстами выше устья Абая впадает в Коксун. Долины обеих речек отделены друг от друга горным хребтом; ниже они стекают в одну долину, отделенную тоже горным хребтом, который тянется с северо-запада на юго-восток, от долины Коксуна. Перейдя эти невысокие горы, мы снова достигли берегов Коксуна.

Скалистые горы подступают к самому берегу, и дорогой служит узкая полоска ровной почвы, образовавшая дно долины, между рекой и скалами. На этой низменности,

как и вообще всюду во влажных долинах, много сибирки гладкой и курильского чая; в изобилии здесь растут также разные виды ив и березовый ерник (*Betula fruticosa*). Проехав по этой низменности берегом Коксуна три версты, мы вскоре оказались у брода; здесь река довольно широкая, но менее быстрая, чем в нижнем течении. Я уже было намеревался перебраться или переплыть реку на лошади, — хотя вода здесь лошадям выше крестца, в чем мы убедились, когда один из моих людей проворно сел на лошадь, чтобы узнать глубину реки, — но калмыки знали, что где-то должна быть спрятана лодка, которую специально держат охотники и которая теперь могла бы и нам сослужить службу. Эта лодка могла быть в крайне жалком состоянии, но мне все-таки очень хотелось ее найти.

Подъехав к берегу, я прошелся к близлежащему болоту, через которое протекает маленький ручеек, но нашел здесь только обычные европейские растения: лапчатку болотную (*Comarum palustre*), один кипрей (*Epilobium*), хвостник обыкновенный (*Hippurus vulgaris*), уруть колосистую (*Myriophyllum spicatum*), пузырчатку обыкновенную (*Utricularia vulgaris*), лютик водяной (*Ranunculus aquatilis*) и один рдест (*Potamogeton*).

В полуверсте ниже коксунской переправы в Коксун с юго-западной стороны впадает Карагай. Эта маленькая речка с болотистыми берегами; течет она в долине, ширина которой примерно полверсты и нигде не превышает версту. Долина и склоны гор, обращенные к северо-западу, лишены леса, тогда как юго-восточные склоны покрыты лиственничными и еловыми лесами.

На Карагае я встретил множество калмыцких юрт. Здесь мне следовало заменить взятых в Абая калмыков (вместе с их лошадьми) другими, которые мне были нужны сопровождать груз до Риддерска, так как это были последние юрты на моем пути. Мне требовалось 8 лошадей и 5 человек, и я очень боялся, то из-за этого придется надолго задержаться. Однако демич быстро собрал все требуемое и сверх того в знак гостеприимства дал шкуру сибирской косули, не очень мне нужную, потому что ее сняли

так, что нельзя было взять для нашего зоологического музея. Но я не мог отказаться от этого дара. Демич извинялся, что не смог преподнести мне лучшего подарка, и очень благодарил за то, что мои люди не причинили ни ему, ни другим калмыкам никакой обиды.

Во избежание раздора с калмыками я раз и навсегда запретил своим людям заходить без разрешения в калмыцкие юрты и заниматься меновой торговлей без моего разрешения.

Молодой хозяйке юрты, которую за ее цветущий вид можно было бы даже назвать красавицей, я сделал подарок из ушюков-каури, швейных игл, наперстков и т. п. и отправился дальше, удовлетворенный добродушием калмыков, да и они остались довольны мною, хотя мне и пришлось доставить им некоторое беспокойство. Впрочем, когда некоторые русские из низших классов при встрече с калмыками злоупотребляют их добродушием, то начальство, следя за тем, чтобы не подавать калмыкам никакого повода к недовольству, принимает во внимание жалобы и старается устранить причины, вызывающие их.

Недостаток пищи и нужда, в которую многие впадают и которая может быть вызвана здесь или неудачной охотой, или какими-нибудь другими причинами, наносит ущерб стадам. Однако если калмыки по своему добродушию и могут подарить овцу или что-нибудь другое человеку, у которого нет денег или продуктов на обмен, это не значит, что если их кто-нибудь обкрадет или обидит, они будут молчать.

Был такой случай. Некто, хотя и не принадлежащий к числу людей из моей экспедиции, но тем не менее на короткое время примкнувший к нам, украл козу (с того места, где мы раскинули свой лагерь) из калмыцкого стада, заявив, что получил ее в подарок. Когда, спустя некоторое время, мы снова прибыли на то же место, калмык предъявил мне свои претензии и просил наказать того человека. Я не знал об этом случае, и, так как тот человек находился среди нас, предложил заплатить за козу по оценке хозяина. Калмык, однако, отрез отказался от денег, несколько раз повторив, что ему никакого вознаграждения от меня не нужно, по-

скольку я в данном случае не виноват, но попросил выдать ему бумагу, с помощью которой виновному можно было бы исхлопотать наказание. Когда я дал ему такую бумагу, он успокоился. Как я узнал впоследствии, он не предъявил взятую у меня бумагу для наказания того человека, и она лежала у него, вероятно, в качестве доказательства его правоты.

Следуя течением Карагая до его истока, мы прошли 25 верст и, все время поднимаясь, добрались до вершины, на восточной стороне которой и находится исток Карагая, а с западного склона стекает Абай. Там, где мы перевалили через седло, абсолютная высота подъема была равна 4916 футам. На юге вершина смыкается с Холзуном, который хорошо был виден отсюда. Северные склоны его были большей частью покрыты снегом, местами снег лежал и на Тургусунских альпах, к юго-западу от нас, и на Коксунских альпах, на западе. На этом седле находится одно из тех труднопроходимых альпийских болот, которых нам пришлось сегодня преодолеть немало. В Карагай впадает масса притоков, большей частью безымянных и незначительных. Один из них называется калмыками Кара-Су, впрочем, такое наименование носят многие притоки*.

С гребня этой горы взору открывается несколько покатая к северо-западу и к западу очень болотистая равнина, окруженная высокими горами. Эта болотистая равнина тянется всего две версты, но переезд через нее связан с бесконечными трудностями.

Наконец мы подъехали к маленькой речке, которая пробирается с юга к Абаю. Начиная отсюда местность понижается, и мы въехали в бор, состоящий главным образом из ельника и кедрача. В этом бору водятся очень много медведей, и мы часто натывались на места, где они лежали и которые совсем недавно оставили, так что эти места были совсем еще теплыми. Но мы не встретили ни одного медведя, так как они, особенно при приближении большого количества людей, тотчас же пускаются в бегство.

* Это слово — татарского происхождения и в переводе означает «черная вода», однако калмыки именуют так каждую небольшую речушку, не получившую другого названия. (Прим. автора).

Проехав еще три версты до р. Абай, мы разбили лагерь приблизительно в двух верстах от ее истока, на абсолютной высоте 4646 футов. Местоположение лагеря было не из приятных, ибо местность была болотистая, но я должен был торопиться в Риддерск, чтобы позаботиться о предоставлении всего нужного д-ру Бунге, дабы ему не пришлось долго ждать. Идти же дальше было невозможно, потому что люди и животные были утомлены трудностями дневного перехода.

В окрестностях лагеря сегодня, видимо, шел сильный дождь: вся трава и лежащие кругом деревья были пропитаны влагой. Мы целый день пробирались через глубокое болото и совсем вымокли на дожде, который пошел после полудня; наши выюки тоже промокли; не могли мы найти и сухого места для ночлега. Поэтому мои люди, хотя и не выражали громко своего недовольства, были задумчивы и угрюмы, но я не мог осуждать их за это, ведь при таких трудностях они не имели других, высших, интересов, и их ничто не приводило в то состояние духа, в каком только и воспринимаются легко подобные тяготы. Вышел и запас водки, которая всегда придавала им в подобных случаях бодрость, и они казались сегодня до такой степени изнуренными и унылыми, что не в состоянии были даже собрать дров для костра, хотя стало так холодно, что ночью можно было ожидать заморозков. Чтобы воодушевить людей, я сам собрал немного дров, но они были сырые и не загорались, отсырели даже все труты. И только когда трут подожгли вместе с порохом, после долгих трудов удалось, наконец, добыть огонь, вокруг которого все мы с нетерпением сгруппировались, чтобы обсушиться. Так как в моей палатке было ощутимо холодно, я велел положить на землю груды тлеющих углей, но, конечно, тлели они лишь в первой половине ночи, и тепло вместе с чадом улетучивалось в щели палатки.

2 июля. Ночью выпал иней, чего мы ожидали еще накануне вечером. Мы отправились рано, оставив в стороне Абай, который делает здесь большую излучину к югу, но, пройдя две версты, снова подошли к нему, где он стал крупнее благодаря много-

численным притокам и вырос в довольно широкую реку с очень быстрым течением. Отсюда он течет прямо на север. Проехав пять верст к западу от этой речки, мы достигли Малого Коксуна, который здесь весьма невелик. На его берегах я нашел несколько растений, встречающихся в этом месте довольно редко, например мытник печальный (*Redicularis tristis*). Малый Коксун течет здесь приблизительно в южном направлении, дальше он поворачивает к северу и соединяется с Большим Коксуном. Но перед этим он пересекает озеро, находящееся примерно в полутора верстах севернее нашей дороги и имеющее, по словам моих людей, 100 сажен в ширину и 200 сажен в длину.

Влево от нас, с южной стороны, лежали Тургусунские белки, а к юго-западу — горы, с которых стекает Черная Уба. Отсюда мы начали подъем на горный хребет, поднимающийся довольно полого; спуск на другой стороне также был пологий; затем мы подъехали к Черной Убе, после чего прошли еще 12 верст, считая от Южного Абая. Здесь, на высоте 5009 футов над уровнем моря, я впервые встретил цветущий зопник альпийский*.

Дальше опять шел постепенный подъем и такой же спуск; к Белой Убе мы спускались на протяжении 12 верст по страшной болотистой местности. Мы очень боялись, что с нашими уставшими животными может случиться несчастье. Дорога шла густым лесом; древесные корни то высоко торчали из земли, то скрывались в кашеобразной болотистой жиже, а площадь между ними покрывала каменная сыпь. Такие места были зачастую настолько глубоки, что лошади увязали по брюхо, причем случалось это совершенно неожиданно, так что всадникам приходилось быть очень внимательными, чтобы не упасть с лошади. Особенно туго приходилось последним в караване лошадям, они шли по взрытому болоту и погружались еще глубже. Один из наших людей перелетел через голову своей лошади, так как она вдруг сра-

* Позднее я находил эти растения почти на 500 футов ниже, и, по-видимому, нижней границей их произрастания следует считать высоту приблизительно 4500 футов. (Прим. автора).

зу очень глубоко погрузилась и попыталась с силой выкарабкаться; я также сильно поранился в этот день, и это меня долго беспокоило.

На юге находятся белки Черной Убы, на юго-востоке — Тургусунские горы, на юго-юго-западе — горы Белой Убы, которые, впрочем, смыкаются с теми белками, с которых стекает Черная Уба. Шесть верст мы ехали по правому берегу Белой Убы; путь этот очень небезопасен, пролегает он по очень крутым горным склонам. Но какой здесь чудесный ландшафт! С южной стороны на заднем плане — белки, перед ними много параллельных, террасовидных, поднимающихся один за другим рядов более низких гор, почти до самой вершины украшенных богатыми лесами из лиственницы, пихты и ели; около нас, на глубине от 300 до 400 футов, — пенящаяся Уба, которая в своем скалистом русле образует непрерывную цепь водопадов. Вместе с неистовым ревом реки всюду слышится шум многочисленных ключей, которыми необычайно богата эта долина и которые приходится проклинать, так как они сильно портят дорогу, что приводит почти в отчаяние проезжающих.

Обычно лишь пологие склоны болотисты, а горы с крутыми склонами, наоборот, сухие, но эти крутые горные склоны вдоль Белой Убы составляют исключение. Образующиеся здесь тысячи ключей делают почву настолько болотистой, что лошадь

легко может поскользнуться и каждый неверный шаг ее может стать гибельным из-за большой крутизны горного склона. Впрочем, вся эта местность очень богата растительностью.

Я нашел сегодня, кроме уже упомянутого, горькушу Фролова новую (*Frolovia lyrata* n.), колбу (*Allium victoralis*), мелкопестник шерстисточашечный новый (*Ertgeron grandiflorum* n.), сушеницу лесную (*Cnaphalium sylvaticum*), смолевку ночеветную (*Silene noctiflora*), множество песчанок, горечавку бородавчатую (*Gentiana barbata*), кульбабу огненную новую (*Leontodon glaberrimus* n.), астрагал новый (*Phaca lutea* n.) и многие другие. Переправясь через Белую Убу, мы проехали еще около четырех верст в западо-юго-западном направлении и затем сделали остановку, хотя было еще не очень поздно: лошади из-за сегодняшней дороги были настолько утомлены, что мы не в состоянии были двинуться дальше. Вся местность от Абая и между Черной и Белой Убой состоит исключительно из болот, из которых одни более, другие менее труднопроходимы. По труднопроходимому болоту мы проделали сегодня путь в 25 верст.

3 июля. В этот день рано доехали до места нашей прежней стоянки у Белой Убы, где ночевали еще на пути из Риддерска, и, следуя по знакомой дороге, к вечеру были в Риддерске.

Глава седьмая

ЭКСКУРСИИ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ РИДДЕРСКА.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА В ВЫСОКИЕ ГОРЫ —

ЧЕРЕЗ КОКСУНСКИЕ БЕЛКИ,

В СЕЛЕНИЯ ЧЕЧУЛИХУ И КОРГОН

И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ КОРГОНСКОЕ ПЛАТО В РИДДЕРСК

В Риддерске я намеревался пробыть всего несколько дней и обследовать за это время богатые растительностью окрестные места, чтобы познакомиться с летней флорой, которая в эту пору достигала пышного расцвета, а затем совершить вторую поездку в горы, причем я намеревался побывать в Коргоне: посетить мне его хотелось из ряда соображений. Моя

предыдущая поездка через Коксунские белки и по Чарышу показала мне, как богата флора этих мест, и мне хотелось исследовать ее в более позднее время года. Между тем начались непрекращающиеся ливни, во время которых я занялся приведением в порядок своих коллекций. Только 8 июля я получил возможность осмотреть опять Крестовую гору, на се-

верном склоне которой все еще лежало много снега.

Кроме тех, часто встречающихся растений, которые попадались мне и в других местах, я нашел сегодня у подножия горы лигустикум двухцветный новый (*Ligusticum discolor* n.), бутень клубненосный (*Myrrhis bulbosa*), один борщевик, татарник разнороднолистный (*Cirsium heterophyllum*), приточную траву (*Campanula glomerata*), подмаренник северный (*Gallium boreale*), а на нижних склонах Крестовой горы — татарское мыло (*Lychnis chalcedonica*), дудник лесной (*Angelica sylvestris*), полынь; на середине горы — новый лук, линейно северную (*Linnaea borealis*) — в наиболее тенистых местах; выше я нашел здесь также зопник альпийский и горькушу Фролова, которые произрастают на одной высоте и по обыкновению вместе; на верхнем конусе до самой вершины здесь растут остролодочник серо-желтый новый, лук Палласа (*Allium Pallasii*), песчанка красивая новая (*Arenaria nardifolia* n.) и другой новый вид этого рода — горечавка простая (*Gentiana simplex*), сныть горная новая (*Aegopodium alpestre* n.), арпициум альпийский новый (*Pachypleurum alpinum* n.), куропаточья трава (*Dryas octopetala*), щавель воробьиный (*Rumex Acetosella*), ятрышник зеленый (*Orchis Virides*), горькуша густолистная новая (*Saussurea foliosa*), одна из ясколок (*Cerastium*), ива, родственная сетчатонервной (*Salix reticulatae* aff.), одна из смолёвок (*Silene*), одна горькуша (*Saussurea*), одуванчик лекарственный новый (*Leontodon alpinus* n.), репка колючая, изредка гроздовник обыкновенный (*Botrychium Lunaria*) и многие травянистые растения.

Ключ, найденный мною 23 мая с западной стороны у подножия верхнего конуса, теперь оказался высохшим, и поэтому я не смог измерить его температуру.

10 июля я осмотрел северный склон Крестовой горы, где около самого снега цвели в изобилии длинноножка снеговая, лютик алтайский и лаготис цельнолистный, разновидность горечавки язычковой (*Gentiana pratensis*) с мелкими цветами, бубенчики Ламарка (*Adenophora Lamarcii*), два вида тальника (*Salix*), родствен-

ных иве сетчатонервной (*S. reticulata*), лук сибирский (*Allium sibiricum*) и некоторые другие растения.

12 июля мы отправились прежним путем; дорога из-за частых дождей стала еще хуже и труднее, чем во время первой поездки. Всюду мы видели последствия грозы, многие деревья вдоль нашего пути были расщеплены молнией. Цвели только отдельные экземпляры желтого сочевичника (*Orodus luteus*), в целом он уже отцвел; это растение — местная разновидность вики — любимая пища лошадей. Кроме того, я нашел сегодня лук, родственный линейнолистному (*Allium lineare*), с почти белыми цветами; топяной лук новый (*Allium uligonosum* n.), похожий на лук дудчатый (*A. fistulosum*); он встречается очень часто в болотах, которые настолько глубоки, что люди, собирая это растение, погружаются по колена; горлицу ястребинковую (*Picris hieracoides*), крапиву двудомную (*Urtica dioica*) и другой вид крапивы со значительно более узкими листьями — возможно, крапиву узколистую (*U. angustifolia*); василистник (*Thalictrum*) с очень кучно сидящими листьями и многие, обычные также и в Европе, травянистые растения.

На этот раз у меня было больше спутников, так как я нанял еще четырех рабочих для раскопки некоторых чудских погребений у Чарыша. Свой лагерь мы разбили по ту сторону Белой Убы.

13 июля. В этот день, поднимаясь на Коксунские горы, я заметил, что борец вьющийся (*Aconitum villosum*), который прежде попадался с фиолетовыми цветами, здесь имел цветы со светлыми оттенками, и чем выше встречалось это растение, тем белее становился их цвет. В юго-восточном направлении я увидел озеро, через которое протекает Малый Коксун до слияния с Большим Коксуном. На восточном и северном склонах горы лежало еще много снега. На вершине Коксунских альп я часто находил сегодня горечавку снеговую (*Gentiana algida*) в цвету, а в низинах — белозер болотный (*Parnassia palustris*) и новую сверцию тупую (*Swertia obtusa* n.) с белыми цветами, но ее еще было мало. В этот день мы подошли близко к Сметанскому ключу.

14 июля мы продолжали свою поездку по знакомой дороге примерно в северном направлении. В этот день прошла гроза с дождем и градом, кроме того, было очень холодно, и на горах, близ истока Чарыша, всюду, за исключением их южных склонов, лежал снег. Из редких растений я нашел в этих местах порезник головчатый новый (*Athamanta compacta* n.), кровохлебку альпийскую новую (*Sanguisorba alpina* n.), пушницу узколистную (*Ertophorum angustifolium*), гентяну семирассеченную (*Gentiana septemfida*), растение, родственное ястребинке шафранной (*Hieracium crocatum* n. aff.), одно растение из рода ожики (*Luzula*) и много других. Мы доехали сегодня до нашей прежней стоянки у порогов Чарыша, где даже нашли стоящими наши палаточные жерды.

15 июля мы двинулись вниз по Чарышу и направились к месту нашей второй стоянки во время предыдущей поездки. Но я велел ставить мне палатку на две версты выше этого места, по соседству с калмыцкими юртами, намереваясь там задержаться на несколько дней из-за раскопок; и еще мне хотелось дать своим людям возможность во время дождя найти убежище в калмыцких юртах. Уже в пути мы встретили несколько калмыков, и как только мы добрались до нашего становища, многие из них съехались туда; немало среди них было и наших прежних знакомых, которые приняли нас очень радушно. Они помогли нам распрячь лошадей, разбить палатку и оказали множество разных мелких услуг и, сверх того, привели нам овечку. Вечером загремел гром, и вокруг нас разбушевалась гроза. Однако дождь прошел стороной, хотя небо оставалось сплошь покрытым тучами, предвещая близкий дождь.

16 июля я отрядил нескольких своих людей, чтобы начать раскопки чудских могил. Кое-кому из них прежде приходилось участвовать в подобных раскопках, и они уверяли, что некоторые из могил, которые нам предстояло раскапывать, вероятно, еще хорошо сохранились. В это время я совершал экскурсии по окрестностям и время от времени наведывался к рабочим, чтобы узнать результаты раскопок. Погода в эти дни была

крайне неприятной. Термометр показывал в полдень только +7,5°R, а вечером моросил мелкий, очень частый дождик.

17 июля я был разбужен рано утром, до восхода солнца, громкими шумом и гамом и спросонья ничего не мог понять. Я окликнул егеря Пушкарева, который тоже был напуган пронзительными криками и не знал, чем это объяснить, пока, наконец, совершенно не пришел в себя и не увидел огромное количество скворцов, что расположились на деревьях вокруг нашего лагеря и, неутомимо голоса, наполнили весь воздух криками. Открыв причину столь сильного шума, я посмеялся над своими страхами, вызванными стаей безобидных птиц. Однако если вспомнить, что когда-то в Квебеке³⁵ дикие голуби подняли на ноги целую армию, которая, решив, что наступает враг, привела себя в полную боевую готовность, можно ли упрекнуть маленькую странствующую группу людей за то, что ее напугал необычный и неожиданный шум в этих прежде безмолвных, диких местах. Чтобы избавиться от этого шума, мы пытались выстрелами прогнать птиц. Некоторые были подбиты, другие то разлетались, то возвращались снова; этих мы тоже подстреливали, настреляв, таким образом, немало из ниспосланного небом для нашей скромной кухни.

Работа у чудских могил производилась в этот день при очень сырой погоде. Термометр показывал в полдень около +7°R. После полудня погода начала проясняться, но стало значительно холоднее, и в 10 часов вечера было всего +3°R. А 18 июля термометр показывал лишь +1°R. В эту ночь пала сильная роса, и даже стены моей палатки, несмотря на то, что они были сделаны из двойной парусины, промокли насквозь. Чтобы обсушить и обогреть свою палатку, я несколько раз велел приносить груды горящих углей, но это помогало лишь на время, пока я работал.

Продолжительные поездки по бескрайним болотам и частые переезды через горные речки, вода в которых была очень холодной, неблагоприятно повлияли на состояние моего здоровья, особенно из-за невозможности сменить одежду, что в холод было

особенно вредно. Причем, чтобы промочить одежду, особенно обувь, не обязательно идти по болоту, а достаточно было проехать по высокой, смоченной росой или дождем траве, и несколько дней спустя у меня начали сильно пухнуть ноги и на них вскоре образовались ранки. В связи с этим я был вынужден изменить свои прежние планы, согласно которым я намеревался в третий раз посетить эту местность, чтобы возвратиться из Риддерска в Змеиногорск через горы, тем более что трудности поездки, предпринимаемой поздней осенью, должны быть, несомненно, больше нынешних. Теперь я решил отсюда направиться в д. Чечулиху, чтобы высушить там наши промокшие вьюки, отдохнуть и предоставить некоторый отдых своим людям, так как им пришлось перенести еще большие трудности, нежели мне: они предпочитали спать в сырости под открытым небом, но только не в грязных калмыцких юртах. Вместе с тем нужно было продолжить начатые раскопки погребений, не боясь того, что они до сих пор были неудачными, так как почти наверняка многие из этих погребений раскапывались прежде, хотя мои люди этому сначала не верили.

Чудские могилы в окрестностях Чарыша и его притоков, главным образом близ Кана, Ебогана, Керлыка, далее у северного Абая и Карагая, в долине неподалеку от Риддерска, преимущественно между Бутаковой и Черемшанкой, а также на Убе близ Шемонаихи и во многих других местах горного Алтая, узнаются по каменным кучам эллиптической формы, больший поперечник которых равен двум сажням, меньший — полутора сажням, а высота их достигает $2-2\frac{1}{2}$ фута. Эти каменные насыпи обычно густо зарастают крыжовником игольчатым, и, так как этот кустарник нигде больше в окрестностях не встречается, создается впечатление, что он специально посажен. Однако это растение дикорастущее, ибо такие места для него наиболее подходящи, и птицы могли занести сюда его семена. Некоторые погребения окаймлены сланцевыми плитами, вкопанными в землю вертикально впритык одна к другой и слегка выступающими из земли, и затем по-

крыты невысокими каменными кучами. Они расположены частью в открытых степях, частью в высокогорных речных долинах, частью же спрятаны в горах, в одиночку или группами. В расположении этих групп не видно никакого определенного порядка. Лишь в одном месте, близ Керлыка, могилы были расположены полукругом.

Первое из открытых нами погребений находилось на левом берегу Чарыша, на расстоянии примерно двух с половиной верст от реки, в узкой горной долине. Когда убрали камни и углубились на пол-аршина в грунт, то наткнулись сначала на скелет, который лежал головой к юго-западу. На пол-аршина глубже лежал другой скелет головой к северо-востоку. Но рабочие уверяли, что это калмыцкие, а не чудские скелеты, так как последние обычно находили в глинистом слое, который бывает в пядь толщиной сверху и снизу. Мы стали копать дальше и вскоре наткнулись на вертикально стоящую колонну с желобом из крупнозернистого белого мрамора длиной в аршин с основанием, представляющим собой необтесанную глыбу высотой в треть аршина; колонна и основание были сделаны из одного куска. Поперечник ее составлял 10 дюймов, у основания он был несколько больше. Все это оказалось грубой работой, не было отшлифовано или хотя бы как-то выравнено. Следует заметить, что в этой местности, насколько мне известно, мрамор такого рода не встречается. Сразу же под колонной оказался полный костяк лошади, около нее — железные удила, сильно тронутые ржавчиной. Рядом лежали различные мелкие украшения лошадиной сбруи, сделанные из меди и прикрепленные крючками к ремням. Эти ремни были разрушены временем, но места, защищенные отделкой, сохранились. Все найденное определенно свидетельствовало о том, что это чудское погребение и что пока рабочие копают еще только насыпной грунт.

Продолжая раскопки, на глубине пяти аршин мы наткнулись на слой глины, в котором нашли челевеческий остов. Это был, по-видимому, ребенок лет двенадцати, лежал он головой к северо-востоку. На расстоянии трех дюймов от черепа с восточ-

ной стороны стоял черный глиняный сосуд очень грубой работы, сделанный из грубой массы толщиной примерно полдюйма, высотой в восемь и в поперечнике свыше четырех дюймов, выпуклый посередине и несколько суживающийся книзу. Наполнен он был главным образом той же глиной, в которой находился скелет, только на дне его, примерно в дюйм толщиной, оказалась масса в виде коричневого порошка. Кроме того, около скелета находились различные мелкие безделушки, возможно, детские игрушки. Сохранилось предание, что чудь хоронила вместе с покойниками некоторые предметы, которые ранее служили для какого-нибудь дела или употреблялись в обиходе.

В этой могиле оказалось множество бусинок с отверстиями, черных или золотисто-желтых, из стекловидной массы, затем 12 круглых желтоватых ветхих костей, подходящих одна к другой и постепенно уменьшающихся, которые я считаю спинными позвонками животного; маленькая медная погремушка почти сердцевидной формы с двойным дном и с маленьким, заключенным внутрь камушком, который при потряхивании издавал звук; маленький рог антилопы, вырезанный из саксаула* (*Anabasis Ammodendron*); несколько просверленных речных галек; орлиный коготь и идол, также вырезанный из саксаула; пара лощеных листочков саксаула; несколько мелких вещей, вырезанных из того же дерева. Все это было очень грубой работы, кроме бусинок, которые, по всей вероятности, были выменены у соседей-китайцев, знакомых с искусством отливки стекла и получения эмали. Я взял только череп, не тревожа остальные кости, и могила была сноза засыпана. Это очень обрадовало калмыков, собравшихся здесь во время работы, которые вначале были недовольны тем, что нарушается, как они говорили, покой их отцов.

Вторая могила находилась на равнине, также на левом берегу Чарыша, на расстоянии полутора верст от реки. Сначала здесь были найдены конский череп и несколько костей,

принадлежавших одному скелету, а также такие части конской сбруи, как стремя и удила. Копая дальше вглубь, мы нашли раскиданные отдельные человеческие кости. По-видимому, могила эта уже раскапывалась, и кости лежали примерно на половине глубины первой могилы. Все кругом было окаймлено вертикально стоящими шиферными плитами, которые описывались выше.

Третья могила, расположенная недалеко от предыдущих, содержала также только отдельные части человеческих и лошадиных скелетов. В четвертой, на правом берегу Чарыша, примерно в трех верстах от реки, на равнине, и в пятой, расположенной в трех верстах от предыдущих могил, ниже по течению реки, были лишь разрозненно лежавшие лошадиные кости, найденные в могилах. Однако лишь часть чудских древностей была откопана мною; большинством экспонатов я обязан г-ну Фролову.

19 июля. Погода была ясная, днем было тепло, но ночью холодно; сегодня перед восходом солнца термометр показывал лишь + 2,5°R.

Насколько я могу судить, изъездив местность вдоль и поперек, широкая долина Чарыша приблизительно на протяжении четырех верст от устья Керлыка до устья Кана, как и долины, в которых протекают реки Керлык и Уляюта, представляет собой совершенно плоскую равнину, которая, когда по ней едешь, издает такой звук, словно находишься над сводом. Почва почти везде более или менее солончаковая, постоянно встречаются прутняк, клоповник безлестной ноггой, млечник морской, хориспора сибирская, аксирис обыкновенный (*Axyris amaranthoides*), подорожник солончаковый, несколько маревых и множество польчих; кое-где почва сплошь покрыта клоповником (*Lepidium*), хориспорой (*Chorispora*) и млечником (*Glaux*). Долина Керлыка местами заболочена без признаков содержания соли*. На этой равнине возвышаются горы, высотой 100—700 футов, иногда одиночные, иногда же они образуют горные цепи.

Из растений я нашел здесь, кроме упомянутых выше при описании

* Удельный вес сухого дерева вместе с водой — 1,134 при температуре дистиллированной воды 140°R (Прим. автора).

* Эти солончаковые равнины находятся на абсолютной высоте 3,5 тыс. футов, иногда еще выше. (Прим. автора).

моей прежней поездки, астру алтайскую (*Aster altaicus*), татарники — Гмелина и съедобный (*Cirsium Gmelini* var. *acaule* и *C. caulescens*), змееголовник зубчатый с фиолетовыми, реже с белыми или розовыми цветами, марь остистую (*Chenopodium aristatum*) и другие виды этого рода, грудницу татарскую (*Aster dracunculoides*), горькушу спорную (*Saussurea discolor*), скабиозу желтую (*Scabiosa ochroleuca*), лук-слизун (*Allium nutans*), несколько полыней, лапчатку (*Polentilla* n. sp.), солонечник равновысокий (*Aster fastigiatus*), бубенчики (*Adenophora*), веронику бело-войлочную (*Veronica incana*), гониолимон красивый (*Statice speciosa*), горькушу (*Saussurea glomerata*), горечавку оттопыренную (*Centiana squarrosa*), много зонтичных, полыней и василистников, пtilотрихум степной (*Alyssum tenuifolium*), выюнок Аммана (*Convolvulus Ammani*) немало травянистых растений, среди них красивый, новый, очень мелкий ковыль (*Stipa*), ясменник метельчатый новый (*Asperula paniculata* n.), лютик, дубровку (*Ranunculus nemorosus*), ястребинку зонтичную (*Hieracium umbellatum*), татарник азиатский, смолевку татарскую (*Silene tatarica*), рябинку дику (*Tanacetum vulgare*), остролодочник (*Oxytropis* n. sp.) и т. д. Особенно меня заинтересовал мелкий астрагал подземный новый (*Astragalus hypogaeus* n.), плоды которого созревают под землей. Водяных растений здесь было чрезвычайно мало. Лишь в одной речке, впадающей в Коксун недалеко от Карагая, я нашел еще раньше несколько экземпляров да в этот день встретил в Керлыке рдест гребенчатый (*Potamogeton Vaillantii*). Столь ограниченное количество водяных растений объясняется прежде всего быстрым течением горных речек, а также низкой температурой воды.

Всюду в этих долинах, там, где прежде стояли калмыцкие юрты, росла трава в рост человека. По этому признаку можно было уже издали определить бывшие места их стоянок, так как на остальной равнине росла небольшая трава. При более детальном ознакомлении на таких местах обнаруживалась обычно только дескурейния струйчатая (*Sisymbrium Sophia*) да иногда вместе с ней

марь обыкновенная (*Chenopodium viride*).

20 июля мы снялись со стоянки, намереваясь снова идти на Чечулиху и оттуда дальше, к Коргону. На этот раз я хотел ехать через Ябаган и Кан, поскольку близ последней из этих речек проживал калмыцкий зайсан, чтоб самому увидеть, как он живет в своей юрте. Поэтому, переехав Чарыш, мы продвинулись по долине Керлыка и Уляюты в восточном направлении примерно на восемь верст, затем свернули к северу и, проехав около четырех верст, поднялись на гребень горного хребта, который разделяет долины Керлыка и Ябагана. Южный склон был отрывист и совершенно безлесен, северный спускался положе и в наиболее высокой части был покрыт лиственницами. Высота этого горного хребта достигает 5197 футов над уровнем моря. На гребне снова лежала куча хвороста, накиданная на вершине по калмыцкому обычаю. С южного склона стекает Уяюта, с северного — Джеберге, которая вскоре впадает в Ябаган.

Примерно через шесть верст от этого горного хребта, двигаясь в северо-северо-восточном направлении, мы подъехали к Ябагану — маленькой речке со спокойным течением. Долина ее очень напоминает долину Уляюты; ширина долины достигает четырех верст, но к устью речки суживается. С северной стороны она ограничена горным хребтом, который ниже параллельного ему хребта, расположенного к югу от Ябагана. Седло, по которому пролегал наш путь, находилось на высоте 4869 футов над уровнем моря. Чтобы добраться до этого седла, нужно проехать около трех с половиной верст к юго-западу от Ябагана, а еще в двух с половиной верстах от Ябагана в том же направлении протекает маленькая речка Чакир, впадающая в Кан. Затем мы ехали по тропе, лавирующей в разных направлениях между все дальше отступающими корытообразными долинами и невысокими горами. Так мы проделали путь около девяти верст до долины реки Кан и затем еще девять верст до места впадения этой реки в Чарыш. Долина Кана шире долины Ябагана, и горы, ограничивающие ее с северной и южной

сторон, особенно первые, заканчиваются острыми, большей частью безлесными зубцами, лишь на некоторых из них, по северным склонам, растут группы лиственниц. Во время сегодняшней поездки я вообще видел крайне мало леса. Кроме названных лиственниц, растущих на горе между Уляютой и Ябаганом, стоит упомянуть только место между Чакиром и Каном, где около лиственничного леса, состоявшего из больших старых деревьев, незначительное пространство было покрыто молодой порослью, которую здесь вообще редко встретишь, вероятно, потому, что местные пожары уничтожают преимущественно молодняк.

Все реки, которые я в этот день переехал, отличаются от других местных горных рек медленным течением. У них низменные берега, а берега Уляюты, Ябагана, Кана, Керлыка и Джеберге безлесны до самого устья. Почва в долинах везде без исключения солончаковая.

Здесь живет очень много калмыков, имеющих многочисленные стада главным образом овец и лошадей (крупного рогатого скота у них мало). Овцы у них в основном курдючные, вес курдюков летом достигает в среднем двух фунтов; все они относятся к короткохвостым, шерсть их ценится очень высоко и считается лучшей в этой местности.

Встречаются здесь также, особенно близ Чакира, двугорбые верблюды; в одном месте я насчитал их около десятка. Зимуют они вместе с другими животными в степи.

Из растений наиболее часто попадались пустыльник беловойлочный (*Ballota lanata*), терескен серый, лебеда сибирская (*Atriplex sibirica*) и гулявник новый (*Sisymbrium micranthum* п.), которого в одном месте, между Чарышом и Каном, было чрезвычайно много; всюду росла также лапчатка новая (*Potentilla* п.), родственная пепельно-серой (*P. subcaulis*); у истоков Кана одна из больших полян была сплошь покрыта полынью холодной новой (*Artemisia involucrata* п.); и даже на малозаболоченных берегах маленьких речушек росли лизимахия обыкновенная (*Lysimachia vulgaris*), тростник обыкновенный (*Arundo Phragmites*), тальник и многие другие растения, встре-

чающиеся обычно и в Северной Европе.

Зайсан, который, по имевшимся у нас сведениям, должен был проживать здесь, из-за кого я, собственно и сделал этот крюк, несколько дней тому назад откочевал на восток, к истокам Кана, за 20 верст отсюда, и, если бы я не нашел тут немало интересных растений, моя прогулка оказалась бы бесплодной. Поэтому, чтобы не терять времени, так нужного мне для поездки на Коргон, я решил не искать встречи с зайсаном и провел эту ночь у истоков Кана, на высоте 3579 футов над уровнем моря, а затем отправился кратчайшим путем к Чечулихе. Погода стояла все время холодная.

21 июля. Когда я вышел сегодня из своей палатки, меня поразили осенний вид, который приняла вся природа и который настолько бросался в глаза, что это заметили и остальные люди, сказав мне об этом.

В путь мы отправились поздно, так как мои люди были заняты приготовлением купленного у калмыков мяса, которое должно было служить нам провиантом в поездке через Коргонские белки; мы выехали только в 11 часов утра. На правом берегу Чарыша, у самого берега, ниже устья Кана, вздымаются обрывистые скалистые стены, по которым вьется маленькая, узенькая, протоптанная дикими животными или калмыцкими овцами тропка. Нелегко было бы двигаться по этой тропе, особенно с вьючными лошадьми, по скользким от дождя камням. Поэтому мы опять переехали Чарыш, двинулись его левым берегом и через пять верст достигли Среднего Котла, который впадает в Чарыш с правой стороны, напротив речки Кутурген. Проехав еще 10 верст, мы, чтобы миновать Хаир-Кумын, снова перебрались на правый берег Чарыша, затем, в пяти верстах от переправы, подъехали к речке Тогой, которая впадает в Чарыш немного выше Хаир-Кумына. Близ Тогоя часто попадалась мирикария даурская (*Myricaria davurica*), и вообще я находил этот кустарник только по берегам рек и на островах. Некоторое время мы двигались по берегу этой реки, а затем поднялись на гору, у северо-северо-западного склона которой течет Талица. Пробирались мы

той страшной тропой над беснующимся в глубине Чарышом, о которой я писал, рассказывая о своей поездке из Чечулихи в Уймон. О чрезвычайно пышной травянистой растительности на этой горе я уже рассказывал.

От Талицы до д. Чечулихи, почти по всему правому берегу Чарыша, высятся скалистые стены. Перейдя, чтобы укоротить путь, дважды на лошадах Чарыш, мы поздно вечером доехали, наконец, до Чечулихи, где и были приветливо приняты нашим прежним хозяином.

Для продвижения по Коргонским белкам, которые мне хотелось перевалить, был необходим проводник, хорошо знающий местность. Поэтому я сразу же по своему прибытии пригласил сельского старшину, чтобы посоветоваться с ним. Оказалось, проводника подобрать не так-то просто, потому что местные жители поселились здесь еще недавно и недостаточно знакомы с отдаленными окрестностями, чтобы служить проводниками. Он посоветовал мне поискать проводника в д. Сентелек, находящейся в 40 верстах. Деревня эта возникла тоже не так давно, но раньше Чечулихи, поэтому был смысл попытаться там поискать проводника, знающего окрестности Коргона, хотя эта деревня находится на расстоянии 30 верст от Коргона. В связи с этим я вручил сельскому старшине официальное распоряжение ко всем сельским жителям, и прежде всего к начальству, выданное мне по милости гражданского губернатора, на основании которого я мог требовать оказания необходимой помощи; этот документ я и передал старшине для пересылки на следующее утро в Сентелек с тем, чтобы проводники встретили меня в Коргоне вечером 23 числа.

Когда утром 22 июля я подошел к окну, то был неприятно поражен, увидев, что Хазинская вершина — высокая гора, расположенная напротив, за Чарышом, и еще некоторые другие горные вершины покрыты выпавшим за ночь снегом. Это было особенно неприятно потому, что Коргонские горы, которые мне предстояло в ближайшие дни перевалить, должны быть, как здесь утверждали, еще выше. Естественно, они могли оказаться покрытыми снегом. Вот почему я решил при возвращении с

Коксунских белков избрать дорогу вдоль линии форпостов, в обход гор, и таким путем миновать высокие горы. Однако, следуя этому маршруту, нам пришлось ехать по малоинтересной местности.

Весь день окрестность была окутана туманом; было довольно холодно. В полдень температура была всего 10° тепла. Однако к вечеру начало проясняться.

23 июля термометр показывал при восходе солнца +1,5° R. На вершинах гор лежал свежий, ночной снег, отличаясь более светлым цветом от прошлогоднего, сохранившегося еще на этих вершинах. Подул сильный северо-восточный ветер, и небо снова стало заволакиваться тучами. Так как я при всех обстоятельствах рассчитывал добраться в этот день только до Коргона, то решил еще до отъезда собрать семена некоторых растений, замеченных мною во время предыдущей поездки. Покончив с этим, я в час дня покинул деревню, которую более уже не думал посещать, хотя несколько недель тому назад собирался побывать здесь в третий раз. На протяжении примерно двух верст дорога шла правым берегом Чарыша; постепенно, по мере нашего продвижения, скалы отступали все дальше. Наконец, мы достигли того места, где река, расширившись, образует множество островов и которое было удобнее для брода, хотя вода здесь также доходила лошадям до половины туловища.

Но прежде дорога привела нас к тому месту, которое называется Калмыцким полем, ибо здесь, говорят, прежде возделывался небольшой земельный участок. На этом поле, но и только на нем, я встретил, к своему великому изумлению, новый вид однолетней зубницы (*Plumbago*), которую за ее мелкие голубые цветы называл мелкоцветной (*micrantha*). Росла она на участке около 15—20 кв. сажен, почти вытеснив все остальное*.

* Калмыки, как известно, земледелием не занимаются, но иногда сеют небольшое количество ячменя, который толкут в больших деревянных ступах и добавляют к своему кирпичному чаю. То обстоятельство, что на месте прежнего Калмыцкого поля растет лишь *Plumbago*, можно, например, объяснить тем, что она попала с другими семенами, вывезенными, возможно, из Китая, и буינו размножилась как сорняк среди посевов. (Прим. автора).

Перебравшись без приключений на 16 лошадях через реку, мы направились на запад и, проехав версту, оказались против устья речки Плевостовички, которая, протекая с северо-востока, впадает в Чарыш, затем поднялись по темному ущелью на высокий горный хребет и, взобравшись на его гребень, увидели слева Хазинскую вершину, и как раз напротив, на расстоянии трех верст, — пустующий теперь поселок Коргон. Он расположен непосредственно на левом берегу одноименной, очень бурной речки, которую нужно было перебраться в пяти верстах от ее устья, на высоте 2245 футов над уровнем моря.

В ожидании своего проводника из Сентелека я решил обойти пустовавшие избы, в которых не было ничего, кроме пальцев, имевшихся в каждой избе, и несметного множества тараканов-прусаков (*Blatta germanica*). Еще в пути начал накрапывать дождь, небо снова сплошь заволокло тучами, а высокие горы были совершенно окутаны облаками. Это вызвало у меня опасения, что я могу бесцельно потерять время и все же не отважусь пересечь белки в плохую погоду.

Я с трудом оборонялся от скопища тараканов, с ужасающей быстротой набросившихся на наши скудные припасы; многих я убил, при этом большое число их быстро отделяло яичные сумки. Я заметил, что некоторые из этих яичных сумок двигаются, и при более внимательном рассмотрении нашел, что в одних находится лишь по одному насекомому, а в других они кишели. Возможно, это различие объясняется тем, что мы имели дело с разными видами этого насекомого. Внешне, впрочем, яйцесумки были совершенно сходны и, как обычно, расчленились на доли.

24 июля. При восходе солнца термометр показывал +0,5° R. Трава была покрыта инеем, и на высоких горных вершинах лежал свежее выпавший снег. Впрочем, небо было ясное, и я охотно отправился бы в поход через белки, будь мои проводники уже здесь. А пока я решил осмотреть местную каменоломню, чтобы потом уже не тратить на это времени. В качестве проводника я взял с собой единст-

венного находившегося здесь крестьянина, который, однако, знал дорогу не дальше каменоломни; поехал я в сопровождении своих людей, без всякого багажа, вверх по долине Коргона.

У самого поселка, где ширина долины достигает почти версты, пришлось перебраться реку; скоро ширина долины увеличилась вдвое, и кое-где в ней попадались одиноко стоявшие лиственницы. В двух верстах от деревни, выше по течению реки, находится кабинетский склад для хранения провианта и других вещей, необходимых для рабочих, работающих на Колыванскую шлифовальную фабрику в местных порфировой и яшмовой каменоломнях; рядом стоит сторожка. На полверсты дальше в Коргон впадает маленькая речка Хазиниха, стекающая с Хазинской вершины, лежащей к юго-востоку отсюда. Почти напротив этой речки с крутого обрывистого утеса высотой в несколько сот футов низвергается маленький ручей, который затем впадает в нее. Дальше долина постепенно сужается и в пяти верстах от деревни достигает примерно 100 сажен ширины. В семи верстах от деревни выше по реке в нее впадает Коргонка (Малый Коргон), текущая с юго-юго-востока и сбегаящая меж крутых утесов в Большой Коргон. Как и Большой Коргон, Коргонка, которая вдвое уже него, бежит пенящимися каскадами, сжатая крутыми скалами; в месте впадения в Коргон она до такой степени сужается, что ширина ее едва достигает 20 сажен. Отовсюду надвигаются крутые, часто отвесные скалы, которые вздымаются на высоту 1600—2000 футов над поверхностью реки, и при стремительном, свергающемся тут водопадами течении реки долина ее представляет собою дикое зрелище.

Немного выше впадения Малого Коргона в Большой находится каменоломня, в которой добывались главным образом красные и серые порфиры и яшмы. Теперь работы здесь не велись, однако всюду лежало много уже отломанных глыб, часть которых достигала необыкновенной величины.

Устье реки было окружено порфировыми скалами, иногда нависшими,

оканчивающимися острыми зубцами или острыми яшмовыми пиками; в расщелинах скал лишь кое-где росли деревья; очень мало было здесь и травы.

С большим напряжением поднялся я на расположенную близ каменоломни, с западной стороны от реки, вершину горы, поднимающуюся на высоту 1623 футов над поверхностью реки и 4280 футов над уровнем моря. Затем спустился на порфиновый утес, сглаженный и отполированный стекающей водой, откуда до берега было всего 20 футов. Разумнее всего было бы скатиться отсюда, как с горки.

Труден был подъем по берегу Коргона, хотя сначала и безопасен. Мы осторожно объезжали лежащие на берегу скалистые глыбы, затем пришлось карабкаться пешком через яшмовые и порфиновые блоки, ведя в поводу лошадей. Однако на этом трудности не кончились: теперь уже каждый шаг грозил опасностью, тропа шла по самому обрыву буквально над рекой, а множество обломков скал под ногами угрожало людям и лошадям. Наконец, на пути стали встречаться такие огромные глыбы, что лошади уже были не в состоянии преодолеть их, и животных пришлось понуждать ударами кнута к невероятным прыжкам, втаскивая изо всех сил на эти глыбы за повод. Часто нам приходилось перепрыгивать расщелины, в которых зияла глубокая пропасть, с великой осторожностью обходить выступающие углы скал, которые иногда нависали так низко, что лошадям нужно было пригибаться, чтобы пройти под ними. Тропа нередко лепилась на крутом склоне на высоте в несколько сот футов над уровнем моря, так что легко можно было поскользнуться и упасть в бурный поток. Там же, где скалистые стены обрывались прямо в воду, мы переходили реку вброд, чтобы некоторое время продолжать движение по другому берегу реки, пока скалы снова не заставляли нас перебираться на другую сторону.

Чем выше поднимались мы по реке, тем чаще были вынуждены пересекать ее и тем опаснее это становилось. Все больше сужалась долина, все крупнее становились скалистые глыбы в русле реки, о которые разбивалась беснующаяся вода, все

круче уклон русла. Если другие реки по мере приближения к истоку, как правило, мелеют, в этой реке уровень был в основном всюду один и тот же, а ведь у нее, кроме упомянутого, еще только один приток.

Я не знаю другого горного потока, который был бы так дик и бесноват, как Коргон, и, пересекая его, особенно выше каменоломни, я каждый раз испытывал ужас, хотя за это путешествие преодолел вброд множество бурных рек. Шум этой реки оглушает, не слышишь стоящего рядом человека и, по словам Спасского³⁶, внизу не слышно даже пистолетного выстрела, чего я, впрочем, не проверял.

Когда мы двигались по другим дорогам, достаточно опасным, мои люди оставались в седле, а я отдавал свою лошадь и шел пешком, однако здесь спешились все, и каждый повел лошадь в поводу, поэтому и мне пришлось вести ее по всем опасным местам самому. Мои люди, для которых езда в тех местах была делом привычным, переплывали реку совершенно спокойно даже там, где лошадь не доставала дна. Я просил привезти мне хотя бы одно растение с того берега, но никто не рискнул переправляться через Коргон. Однажды наш проводник, решив проверить, легко ли добраться до противоположного берега реки, стал переплывать ее на лошади, попал в водоворот за каменной глыбой, и его так закрутило, что, к общему ужасу, лошадь и всадник на несколько мгновений скрылись под водой. Вода в реке пенится и кажется очень мутной, хотя, почерпнутая в стакан, оказывается совершенно чистой.

Чтобы наиболее убедительно показать, насколько стремительно падает с крутизны водяная масса, можно привести следующий пример: когда забредешь в реку с лошадью, вода возле нее сразу же поднимается на целый фут выше, чем с другого бока, и даже на самом мелком месте достигает подпруги. Легко понять поэтому, как велика здесь сила воды, и если кто-нибудь не сумеет устоять на ногах, того сразу уносит течением, и тогда от смерти может спасти только случайность. И на всем протяжении, за очень ред-

ким исключением, река остается столь же бурной.

Наконец мои люди начали роптать и доказывать бесполезность попыток подняться вверх по долине, но мне хотелось добраться до Коргонского водопада, который упоминал Шангин. Хотя он и не говорил, что видел этот водопад, тем не менее утверждал, что тот находится выше по течению Коргона, и «я думаю,— писал он,— что протяженность русла до истока составляет примерно 50 верст».

Когда я увидел, каким крутым становится подъем русла на последних участках моего пути, уже с трудом верилось, что исток Коргона удален еще на 35 верст. Впрочем, к истоку Коргона можно было попасть и другим путем, через белки, будь у нас знающий дорогу проводник; но пройти к истоку, идя вверх по руслу, оказалось совсем невозможным, так как природа поставила на пути совершенно непреодолимые преграды.

Я привык к рекам этой местности, ездил по их берегам, добирался до истоков, иногда и по болотам, поэтому, поднимаясь по течению Коргона, был уверен, что найду дорогу к Коргонским белкам, пока не убедился в невыполнимости своего плана: если невозможно проехать с ненавьюченными лошадьми, то как бы я сумел проделать этот путь с навьюченными? Когда Шангин рассказывает о том, что стал подниматься вверх по течению, оставив весь багаж, и что этот путь продолжался семь дней, то совершенно непонятно, как он, двигаясь долиной реки, перевез провиант и фураж для лошадей, которые понадобились бы во время поездки к верховьям, ведь при таком напряжении нельзя выдержать долго без хорошего питания*. Следует полагать, что

* Единственный из оставшихся теперь в живых спутников Шангина, который ездил с ним к Коргону, сказал мне, что на Коргонском водопаде он с Шангиным не был и ничего об этом не знает. Шангин, по-видимому, не поднимался так высоко по руслу Коргона, как я. Этот человек подтвердил мое предположение, что Шангин прошел на Коргонские белки другим путем, а расположение русла реки указывает приблизительно. Спасский (издатель «Сибирского вестника»), проехавший часть территории Алтая, приводит одно место из письма своего друга (имя которого не называет), где тот упоминает о Коргонском водопаде, который-де видел сам. Однако все это слишком фрагментарно; узнать, каким путем он добрался до водопада и образуется ли этот водопад непосредственно Большим Коргоном, невозможно. Обо всем рассказывается красочно, но

Шангин добрался до верховьев другим путем, да он нигде и не говорит, что сам был у истока этой реки³⁷.

После неоднократных попыток проехать дальше я вынужден был вернуться. И не столько ворчанье моих людей заставило меня, сколько я сам убедился, что бессмысленно упорствовать в такой обстановке. Но особенно неприятно было мне убедиться в непреодолимости этих препятствий еще и потому, что в случае, если бы мои проводники не знали хорошо местность, мне пришлось бы отказаться от поездки к истокам Убы через Коргонские белки.

Возвращаться было намного труднее, потому что лошади, напрягавшиеся из всех сил, были измождены. Зато люди казались веселее, чем прежде, и, если не считать некоторых небольших дорожных неприятностей, мы к вечеру благополучно добрались до д. Коргон.

Порфиновые горы здесь всюду вздымают крутые вершины. На вершинах, как и на склонах, выпячиваются чудовищные яшмовые глыбы с такими же острыми зубьями, какие обычно образует порфир. Под ними и между ними находится сланцевая порода. Порфир во многих местах дал трещины, но кое-где еще очень крепок и плотен. Растрескавшиеся скалы распадаются постепенно на щебенку, которая, как и выветрившаяся яшма, покрывает крутые склоны, делая тропу еще более опасной. Особенно заметно разрушение темно-красной яшмы. Когда едешь или идешь по таким обломкам, слышится характерный звук, похожий на звон бьющихся черепков или хорошо обожженных кирпичей. Как порфиры, так и яшмы здесь самой различной окраски, но чаще всего они серые или красные, особенно яшмы. Здесь я нашел мало растений, что обычно бывало редко. Наиболее интересной показалась мне постенница мелкоцветная новая (*Parietaria micrantha* n.), которая росла в небольших расщелинах северных склонов, в тени нависших скалистых глыб.

Вечером прибыли мои проводники из Сентелека. Я тотчас же спросил их насчет пути и узнал, что они так-

без точных данных о положении, высоте и других свойствах местности (Прим. автора).

же ничего не слыхали о дороге, идущей берегом Коргона вверх по его течению. Единственный знакомый им путь вел через Коргонские белки на запад от Сентелека. Так я отказался от мысли этим путем достичь гребня высокой горы, хотя еще надеялся, что моим проводникам, возможно, известна обходная тропа, идущая вверх по течению реки, которой можно дойти до истока. Конечно, прежние жители Коргона, которым была знакома каждая тропка, были бы мне более полезны.

25 июля, сразу же после восхода солнца, термометр показывал + 3,5° R. Погода была совершенно ясная, и после того, как люди, очень уставшие вчера, хорошо отдохнули и навьючили лошадей, мы отправились в западном направлении вместо юго-юго-восточного, как я прежде намеревался, надеясь пройти долиной в верховья Коргона. Сначала мы перешли небольшую речку Луговую, а в четырех верстах от д. Коргон — Воровскую. Проехав еще версту, перевалили гору, которая высится между Воровской речкой и Большой Татаркой; восемью верстами далее мы проехали Большую Татарку, а через пять верст — Малую Татарку (в восьми верстах от нее течет другая речка, также называемая Луговой). Прделав еще восемь верст, мы добрались до речки Сентелек, на восточном берегу которой расположились на ночлег. Всю дорогу мы то взбирались на гору, то спускались вниз, шли то по склонам, то по гребням гор. Среди всех речек здесь самой значительной является Сентелек, хотя в это время года ширина ее едва достигает пяти сажен, а глубина — фута. Горы, состоящие из сланцев, не особенно круты и вверху мягко закруглены. Крутые и скалистые утесы появляются только у Большой Татарки. Несмотря на то, что погода с утра была совершенно ясной, все же начался затяжной дождь.

В трех верстах от места нашей ночевки, вниз по течению реки, высятся горы примерно в 200 шагах к западу от берега Сентелека, состоящие, как и горы близ Керлыка, из мягкого известняка. Вершины этих гор еще более закруглены и склоны менее круты, чем у гор Керлыка. На этих горах я нашел — кроме обычных ме-

стных растений, произрастающих на скалах, хотя, впрочем, и в меньшем количестве, чем на горах близ Чарыша, — истод сибирский (*Polygala sibirica*), теперь уже отцветший, и начинающую цвести лейбницу сибирскую (*Fussilago lyrata*). В пяти верстах отсюда к северу, и приблизительно в восьми от места нашей ночевки, находится д. Сентелек, расположенная на правом берегу одноименной речки на расстоянии двух верст от Чарыша. Как и Чечулиха, она появилась недавно, поэтому жители Сентелека были еще мало знакомы с окрестностями.

Во время всего сегодняшнего пути слева от нас постоянно были Коргонские белки. На северо-северо-восточной стороне от лагеря высились Башелькские альпы, среди которых я заметил одну вершину, кое-где еще плотно покрытую снегом, в то время как на других высоких горах, виденных мною сегодня, снег сохранился только на северных склонах или в отдельных глубоких ложбинах. Поэтому я предполагаю, что эта горная цепь — значительной высоты.

26 июля. Ночью нас сильно беспокоили волки, которых здесь очень много, и мне приходилось несколько раз будить своих людей, когда я по ржанию лошадей и лаю собак узнавал о приближении волков. Прошлой ночью в Коргоне они растерзали лошадь, и поэтому, боясь за наших лошадей, мы несколько раз стреляли из ружей, чтобы их отпугнуть. Среди наших лошадей была кобыла с жеребенком, который, как выяснилось на следующее утро, подвергался смертельной опасности. Мать защищала его от нападения, и на земле полукругом остались следы ее копыт.

Ночью прошел дождь, и вскоре после восхода солнца термометр показывал + 3,5° R. Дождь на короткое время перестал, но скоро снова пошел еще сильнее, чем прежде. Проводники уверяли, что в такую погоду не стоит рисковать идти через окутанные туманом белки, и мне пришлось с ними согласиться. К 10 часам утра небо совершенно прояснилось, и я приказал отправляться в путь. Но один из проводников подошел ко мне и попросил еще немного повременить, пока не будет видно, что погода установилась надолго: по

его словам, облачность над одной из гор дает основание не полагаться на погоду. Он добавил, что если ненастье захватит нас на белке, нам придется оставаться на одном месте, причем может случиться, что там, где мы остановимся, не будет ни воды, ни дров, ни корма для лошадей и мы окажемся в большой беде, как это и произошло однажды с шестью охотниками, когда они, застигнутые снежной метелью, вынуждены были два дня и две ночи провести на одном месте. Скоро оказалось, что проводник был прав, так как около полудня внезапно разразилась сильная гроза с ужасным ливнем, и белки окутались сплошными тучами. Тогда я решил остаться здесь до следующего дня, а утром встать пораньше, с тем чтобы или двинуться через белки, или же, если погода не установится, вернуться по обходной дороге вдоль линии к Риддерску, так как мне хотелось пройти на юг к китайской границе, а при краткости лета в здешних горах приходилось по-хозяйски расчетливо расходовать время.

Возможно, некоторых удивит то обстоятельство, что намереваясь перевалить горный хребет высотой всего в 6—7 тыс. футов, мы действовали с такой предусмотрительностью, в то время как в Европе есть немало еще более высоких гор, которые переваливают без большого труда. Все дело в климатических условиях и особенностях здешней местности, которые создают огромные трудности для путешественника, встречающегося ему в горах южных стран только изредка. Осложняет положение нехватка опытных проводников, в которых нет недостатка в европейских районах, где благодаря наплыву путешественников проводники хорошо зарабатывают и посему заинтересованы в отличном знании местности. Здесь же проводникам известны только те места, которые находятся неподалеку от их деревень. Поэтому всегда остаются большие пространства, о которых никто ничего не знает или знает только понаслышке, отчего часто возникают осложнения. Очень редко можно получить исчерпывающий ответ на вопрос, и, поскольку местность известна лишь отчасти, двигаясь от одного селения к другому, по никому не знакомым местам, при

страшной крутизне диких гор и при наличии многочисленных болот, нередко попадаешь в трудное положение. Кто потеряет ориентир в горах, тому уже очень трудно рассчитывать на то, что ему кто-нибудь встретится, даже если он находится в знакомых местах, где всегда есть тропинки, приводящие к деревням, к калмыцким юртам или туда, куда часто заходят охотники и рыбаки, однако при любом несчастном случае напрасно было бы ждать чьей-либо помощи, поскольку эти края малонаселены. В Коргонских горах калмыки кочают со своими стадами по раз и навсегда установленному маршруту. На вопрос, почему они не хотят обжить новые места, мне ответили: «Там не бывали их отцы, и никто из калмыков теперь там не бывает». К этому нужно добавить, что совершенно отсутствуют карты гор, на которых горные цепи и реки были бы показаны хотя бы с некоторой степенью достоверности.

27 июля. Сильный дождь, начавшийся еще вчера, продолжался до полуночи, и ночью нас так беспокоили волки, что лошади подбежали к самой моей палатке; поэтому я в конце концов распорядился, чтобы люди по одному стояли посменно в карауле. Термометр показывал при восходе солнца + 4° R. Солнце взошло ясное, небо было совершенно безоблачно, и проводники, к моему удовольствию, заявили, что сегодня они готовы вести нас через белки. Мы отправились в путь и две версты ехали в южном направлении, по правому берегу Сентелека. Перебравшись через него, мы вскоре оказались в густом болотистом лесу, в котором вначале преобладали пихты и лиственницы, кое-где росли рябина и ель, а выше — лиственницы и кедры с примесью березы; подлесок был обычным для этих мест.

Мы двигались по невероятно скверной дороге, по сланцевым плитам, и выходящая наружу порода образовывала крутые лестничные уступы на крутых гладких площадках. Между этими уступами была тяжелая вязкая глинистая топь, образовавшаяся из выветрившейся породы и скопившейся воды, не имеющей стока. Большие глыбы сланца делали дорогу еще более опасной. Лошадям приходилось

взбираться на эти выступы, и они часто падали, когда пытались поставить туда передние копыта или запрыгнуть. Но всадник мог только всецело доверяться лошади, так как идти пешком было вовсе невозможно. Наш путь преграждало множество поваленных деревьев и сухих сучьев, которые нужно было срубить для проезда всадников и провода вьючных лошадей. Пробираясь лесом шесть верст, мы поднялись на высоту 5254 футов над уровнем моря, где стояли последние нормальные кедр. Выше эти деревья встречались по одному, притом искалеченные или даже совершенно высохшие. Но уже на небольшой высоте, на лесных полянах мы видели большие снежные поля.

Затем нам пришлось подниматься еще версту на довольно крутой белок, северный край которого вздымался до абсолютной высоты 6069 футов. Взобравшись на эту вершину, я был совершенно уверен, что опасность, которую мне так выразительно описал проводник, миновала. Я полагал, что здесь, как и на других белках, на которые мне доводилось подниматься, добравшись до гребня горы, можно спуститься на другую сторону, в долину. Но каково было мое удивление, когда я, поднявшись на гору, увидел раскинувшиеся передо мной безбрежные, постепенно поднимающиеся снежные поля, конца которых я не мог увидеть даже в подзорную трубу. Среди них выделялись невысокие хребты, покрытые скудной растительностью. Спускаться мы должны были по другой стороне этого плоскогорья. Только теперь я понял, почему проводники так торопили нас и сами шли очень быстро.

У северного края высилась совсем бесснежная вершина, отделенная от других ущельем. Я решил подняться на нее, чтобы оттуда обозреть всю окрестность, а проводников и толмача отправил с вьючными лошадьми прямым путем слева от вершины, где они должны были ждать, пока мы не спустимся к ним. Остальных своих людей я взял с собой. Собрав там немало растений и выехав в направлении, указанном проводникам, мы стали искать караван, но на всем плоскогорье его не было видно. Мы начали громко кричать, но и это не помогло. Никто не отозвался и на на-

ши многочисленные выстрелы. В полном неведении мы находились несколько часов. Мало было, конечно, приятного остаться здесь, в этой безлюдной пустыне, одним, без проводников. Нужно было спешить, пока не спустился туман, чтобы не оказаться без фуража для лошадей, без дров и провианта. Выручил нас егерь, который, объехав всю окрестность, наконец заметил пропавших на очень большом расстоянии и совершенно не в том направлении, которое было дано им и которое они предпочли из-за лучшей дороги; они находились в небольшой ложбине, так что с нашего места их нельзя было и заметить. Таким образом, наш караван был в полном составе, но из-за этого недоумения мы потеряли много времени, которое сегодня было особенно ценно, ибо нам еще предстояло перейти широкое плоскогорье. Продолжали мы свой путь опять в южном направлении, между снежными полями, используя по возможности бесснежные места. Слева виднелись белки, окружавшие исток Сентелека, за ними поднимались еще более высокие снежные горы, между которыми протекал Коргон, однако и те и другие не очень возвышались над плато. Справа располагались Тигирецкие белки.

Проехав 11 верст, мы оказались у истока Ини. Из больших ледовых глыб и снежных полей текут бесчисленные ключи, которые, сливаясь, образуют два ручья; один из них бежит с юга на север, другой — с юго-востока на северо-запад. От слияния этих ручьев и образуется Иня, которая тоже течет с юго-востока на северо-запад, а потом, слившись с Тигиреком, впадает в Чарыш. От Ини мы проехали еще 12 верст до южного края плато, который поднимается до абсолютной высоты в 6710 футов. Прежде чем до него добраться, нужно было переехать снежное поле около 100 сажен шириной, которое с востока на запад не окинешь взглядом. Было холодно, особенно когда усилился дувший целый день северный ветер. Поэтому мы спешили перебраться на южный склон, тем более что уже тогда, когда находились у истока Ини, за нами поднималась черная туча, которую быстро гнал к нам северный ветер. Она настигла

нас, когда мы были уже у южного края плато и я работал с барометром. Неожиданно меня окутала густая черная туча; взглянув на слугу, который держал на земле барометр, я увидел только его руки. Но мы, к счастью, как раз находились у начала склона и намеревались спуститься, поэтому быстро вышли из тучи, которая держалась на одной высоте.

На некоторых снежных полях, по которым мы сегодня шли, особенно на последних, не было видно прошлогоднего снега, но можно было довольно четко выделить несколько снежных слоев. Более старый снег отличался от прошлогоднего меньшей белизной, большей голубизной; в изломах он напоминал лед и был очень твердый. В некоторых местах, где образовались зияющие трещины, толщина снежной массы достигала пяти футов.

На возвышенных, свободных от снега площадках, которые на этом плоскогорье простирались во многих направлениях, преимущественно с юго-востока на северо-запад, часто встречались среди других местных высокогорных растений горечавка снеговая, куропаточья трава, лапчатка холодная (*Potentilla grandiflora*), остролодочник серо-желтый новый и другие виды остролодочника (*Oxytropis*), которые уже расцвели, шульция мелко-рассеченнолистная, новый лаготис цельнолистный, крестовник, родственник головчатому (*Cinceraria aurantiacae* aff.), мелколепестник шерстисточашечный (*Erigeron alpinus*), проломник мохнатый (*Androsace villosa*), валериана альпийская (*Valeriana alpestris*), ожика колосистая (*Luzula spicata*), множество трав и очень низенькие карликовые ивы. Низины, свободные от снега, были заболочены. Часто мы оказывались в ровных долинах, в которых журчали небольшие ручьи, иногда вытекавшие из озерков, образованных в местах стока талых вод; ручьи и речки отводят эту воду в большие реки. Близ таких ручьев росло немало калужницы болотной и огоньков; вообще на большой высоте я встречал их у ручьев и болот.

Со всех сторон возвышались голые гранитные глыбы, иногда до 20 сажен высотой; вдоль южного края виднелись большие зубцы, на которые я,

однако, не смог подняться, так как надвигавшаяся туча заставляла нас спешить. Это было тем обиднее, что оттуда можно было бы обозреть всю местность. Ширина этого плоскогорья с севера на юг примерно 24 версты. Температура, которую я сегодня не раз измерял, не превышала + 6° R.

Обычно наше путешествие проходило весело: мои люди пели русские народные песни, а у калмыков, сопровождавших нас, даже когда приходилось трудно, редко портилось настроение, и они пели свои песни; однако сегодня все происходило в полной тишине и мои обычно такие веселые мужчины ехали молча, ибо думали об опасностях, которые предрекали проводники. Когда снежные поля остались позади, к ним снова вернулось хорошее настроение, так как они поняли, что все страшное миновало. Спустившись в долину Убы или ее притоков, через две версты мы оказались у речки Коровихи. Перейдя эту горную речку и проехав еще две версты, мы добрались до речушки Благодарной*, которая впадает в Коровиху. На ее берегу мы разбили свой лагерь, где и нашли хороший корм для лошадей, а поблизости обнаружили несколько стволов кедра, которые пошли на дрова для костра. Взглянув на гору, с которой спусти-

* Благодарной она называется потому, что очень богата рыбой. Вообще речкам часто дают названия, обозначающие или их собственные свойства, или же природу тех мест, где они протекают: например, Осиновка получила свое имя от осины, растущей по берегам, Кедровка — от русского кедра, Быструха — от быстрого течения, Крутинка — от крутого водопада и т. п. Названия некоторых рек пришли из татарского языка: Хаир-Кумын (быстрый молодой парень), Кара-Су (черная вода); то же относится ко всем речкам, названия которых оканчиваются на «су» или «сун», так как «су» по-татарски вода. Охотники и пастухи дают рекам, русла которых являются единственными указателями дороги, веками в этих пустынных местах, такие лаименования, которые достаточно ясно характеризуют местность, по крайней мере по характерным признакам. Но такие наименования неопределенны и могут привести ко всяким недоразумениям. Возможно, что одна и та же речка была названа кем-то так, другим иначе, ибо одному бросалось в глаза одно, другому — другое. Видимо, поэтому многие названия исчезли, даже, например, такие, которые были в употреблении во время путешествия Шангина, поэтому я не мог отыскать многие реки, горы и т. п., упоминаемые этим путешественником. Так, он называет гору Катагорку и реку такого же наименования, которые теперь неизвестны ни русским, ни калмыкам. Судя по положению этой горы, можно считать, что она является частью Холзунских гор. (Прим. автора).

лись, мы увидели, что плато и лежащие на севере горы окутаны черной тучей, которой мы удачно избежали. Находились мы в этот вечер на высоте 4958 футов над уровнем моря.

28 июля. В этот день утром со мной произошла неприятность, которая вдвойне усилила для меня тяготы этого путешествия. Когда мы уже подготовились к отправке, лошадь неожиданно ударила меня в бедро задним копытом. Я почувствовал сильную боль, но задерживаться с отъездом было нельзя, и я сел на лошадь, но скоро заметил, что началось сильное кровотечение, которое нужно было остановить. Чувствовал я себя прескверно, так как постоянные движения во время езды причиняли боль и на поврежденном месте образовалась опухоль. Погода стояла пасмурная, при низкой температуре воздуха небо затянуло облаками. Мы ехали вниз по течению реки и, надеясь этим путем спуститься в низину, хотели избежать переезда через белки, хотя нас окружали вершины, большей частью покрытые снегом. Однако нашим планам не суждено было осуществиться: проводники показали нам белок, протянувшийся с востока на запад, на который все-таки нужно было подняться, поскольку ехать по течению Благодарной и Коровихи дальше было нельзя, так как реки эти, по словам проводников, протекали иногда в таких диких горных ущельях, где не было никаких троп. Но это якобы был последний белок, через который нам предстояло пересекать.

Проехав четыре версты, мы достигли берега Кедровки, которая впадает в Коровиху, бегущую к Становой Убе. В Коровиху, ниже Кедровки, впадает также Убинка, текущая с восточной стороны. Четыре версты мы ехали вверх по течению Кедровки до ее истока на северном склоне, недалеко от гребня белка, который, видимо, был или на одной высоте с южным краем пройденного вчера плато, или немного выше. Близ южного склона этого белка, на расстоянии примерно двух верст от истока Кедровки, в глубокой долине образуется Малая Белая Уба, конечно, отличная от другой реки того же наименования, которая стекает с северного склона Тургусунских белков и кото-

рую пересекают, когда едут из Риддерска по Коксунским альпам. Когда мы подъехали к верхнему краю этой глубокой долины, в которой течет Малая Белая Уба, образуемая из тысяч маленьких водопадов, наши проводники, возможно напуганные видом глубокой пропасти, объявили нам, что хотят нас покинуть, так как мы теперь можем добраться самостоятельно: Малая Уба ведет к Большой Убе. Однако из-за большой крутизны спускаться здесь было невозможно, и, таким образом, мы оказывались предоставленными самим себе, потому что никто из моих людей не знал местности, в которой мы находились. Правда, егерю Пушкареву было знакомо нижнее течение Большой Убы, но лишь от места впадения в нее Сакмариhi. Проводники уверяли, что они знают дорогу только до пункта, куда нас привели. В ответ я заявил, что не отпущу их, пока они не проведут нас до Большой Убы, а люди были так раздражены и недовольны проводниками, что я с трудом удержал их от более действенного выражения их недовольства.

Когда мы увидели крутой склон в несколько сот футов высотой, то убедились в сложности своего положения, тем более что я после утрешнего ранения не мог идти. Мы потребовали у проводников показать нам другую дорогу, но оказалось, что они не знали ее, и теперь ничего иного не оставалось, как попытаться спуститься, ибо возвращаться на плоскогорье в такую погоду было немыслимо.

Трудности передвижения в долине для верховых в вьючных лошадей настолько превосходили все выпавшее нам на долю в этих горах, что это даже сложно описать: стены теснины, ширина которой внизу не превышает двух сажен, круто обрываются; они всюду покрыты мелкими скальными осколками, между которыми растут пышные травы, скрывающие каменистую россыпь. Камни удерживаются только корнями, а когда нога человека или лошадиное копыто разрывают эти корни, камни катятся в жуткую бездну, угрожая увлечь за собой. Поэтому мы старались как можно тверже ступать на камни, лежащие под мелкой россыпью, что было не менее опасно, так как из-за тысяч крохотных ручейков, стекающих с белков,

все камни были скользкими. Никто из моих людей не сидел на своей лошади, только я был вынужден ехать верхом, потому что пешком идти не мог, но с лошадьми было много хлопот, поскольку вести с кручи их приходилось за поводья. Привыкшие к трудным подъемам и кручам, здесь они никак не хотели спускаться и все время поворачивали обратно. Все понукания были напрасны и, хотя кнута не жалели, лошади не трогались с места, стойко выдерживая побои. Егеря Пушкарев, человек громадного роста и исключительной силы, должен был с помощью других людей спускать каждую лошадь в отдельности, а у меня их было теперь полтора десятка. Люди падали и ранились, что действовало на меня угнетающе, ведь и самому предстояло спускаться. В довершение всего мне пришлось ехать на крестьянской лошади, взятой в Сентелеке, так как лошадь, к которой я очень привык и на которую мог положиться, из-за небрежного заседлывания стерла себе спину. Я едва мог держаться в седле, чувствуя при этом сильную боль, и люди помогали мне осторожно спускаться, в сущности, рискуя своей жизнью, — только благодаря им я благополучно спустился со страшной кручи.

Наконец мы собрались все вниз, где ручейки вливались в речку Малую Белую Убу, но на этом наши злоключения не кончились. Белая Уба, хотя и небольшая, но круто падающая и бурная, текла в узком русле между и по каменным глыбам. Чтобы дойти до удобной для лошадей тропы, им предстояло еще преодолеть скалистые глыбы, перепрыгивая с одной на другую. Таким способом лошадям пришлось передвигаться еще две версты, причем я все время вынужден был сидеть на коне с полной покорностью судьбе. Постепенно долина стала шире, а склоны — менее крутыми; мы направились по береговой кайме, идущей вдоль реки, по которой можно было пробираться лишь с великой осторожностью. Я тоже было свернул на эту тропку, но один из моих людей решил, что лучше ехать по верхней части склона, и скоро я с ужасом увидел, что на горе, как раз над тем местом, где я находился, жеребенок, кобылица и сидевший на ней всадник опрокинулись и

покатились по откосу. Я прижался к дереву, чтобы хоть как-то уберечься, но их задержали кусты, и они смогли подняться на ноги. В этой поездке, доставив людям массу хлопот и жалея их, я радовался их добродушию и готовности услужить, понимая, что на них твердо можно положиться в подобных обстоятельствах.

Этот опасный переход в две-три версты занял более четырех часов. Затем мы двигались по берегу Малой Белой Убы еще восемь верст, не зная, однако, направления, в котором можно было доехать до знакомых мест: вокруг не было никаких признаков людей и за весь день в этой страшной пустыне мы не нашли ни одной звериной тропы. Но через некоторое время мы с радостью обнаружили остатки костра, а затем и деревья с обрубленными топором сучьями и, наконец, ветхую хижину, выстроенную охотниками. Теперь неподалеку мы рассчитывали найти заросшую верховую тропу; нашли ее и осторожно двинулись в путь. Тропа вдруг исчезала, теряясь в густом кустарнике, и нам приходилось прорубать дорогу топорами. Постепенно тропа вводила нас в сторону от Малой Белой Убы, за низкие горные хребты. Время от времени Пушкарев поднимался на гору, чтобы посмотреть, не знакома ли ему местность, однако все было напрасно. Между тем мы совсем потеряли свою тропу, зато нашли другую; двигаясь по ней, мы перелезали через высокий горный хребет, за которым появилась еще одна тропа, идущая в том же направлении и вдали на западе соединяющаяся с этой.

Нам было не известно, где искать выход из этой котлообразной долины, поэтому я послал егеря Пушкарева подняться на южный хребет, чтобы осмотреться. Взобравшись на вершину, он радостно крикнул, что видит берег Большой Убы. Наша общая радость была неописуема. Но мы были еще не на берегу и, тем более, не у того места, которое было бы известно Пушкареву хотя бы понаслышке, так как сам он здесь не бывал. Склон был чрезвычайно крут, однако надежда — следуя берегом Большой Убы, доехать до знакомых мест — давала мужество преодолеть все преграды. И трудности были, вправду,

терпимы. Но вот мы подъехали к чуть наклонной совершенно голой и скользкой скальной стене высотой около 15—18 футов. Теперь не оставалось ничего другого, как снять с лошадей, спустить на веревках вниз выюки, а самим скатиться, сколько бы мучений ни причинило мне это при моем теперешнем состоянии; развьюченные лошади отлично чувствовали, где удобнее спускаться.

Наконец мы добрались до правого берега Большой Убы, но нам еще предстояло переправиться через нее, а ширина здесь достигала 70 футов. На левом берегу, западнее сопки Теремки, мы раскинули лагерь на высоте 2132 футов над уровнем моря. Оказалось, что припасы у людей кончились, и им нечем подкрепиться. Они попробовали ловить рыбу, но без особого успеха. Я поделился с ними собственными запасами, которых у меня еще было достаточно, и все неприятности были забыты. С проводниками люди уже не разговаривали; те сами разжигали костер, рыбачили на реке и отдельно варили свой улов.

С берега Малой Белой Убы досюда мы проделали восемь верст, и несмотря на то, что сегодня отправились в путь очень рано и поздно сделали стоянку, за целый день продвинулись всего на 25 верст. Большая Уба течет здесь с востока на запад; она образуется примерно в десяти верстах выше нашей стоянки в результате слияния Черной Убы со Становой Убой; последняя считается основной рекой. Дальше, в нижнем течении, в нее впадают Малая Белая Уба, Сакмариха и другие реки, о которых я не смог узнать чего-нибудь определенного. Поэтому местность эту я оставил на карте белым пятном, ибо не хотел добавлять того, чего не видел сам или не знал из достоверных источников. Горы, поднимающиеся к югу от этой реки и отделяющие ее притоки от бассейна Ульбы, невысоки. Высота перевала, через который я проходил между истоками Кондрачихи и Чесноковой, равна 3919 футам над уровнем моря, и горы, обычно называемые Ульбинскими белками, не образуют, следовательно, самостоятельной цепи, а представляют собой южный край упомянутого плоскогорья, простирающегося с востока на запад; протяженность их

в указанном направлении равна 50—60 верстам и с севера на юг — 25—30 верстам. Они дают начало многим крупным рекам.

В юго-восточной части плоскогорья находится исток Чарыша, в северо-восточной — Хаир-Кумына; с северной стороны вытекают Коргон, Сентелек, Иня, Тигирек (последний течет на северо-запад), не считая разных мелких горных речек, которые, как и все вышеназванные, впадают в Чарыш. На южной стороне берут начало притоки Большой Убы. Здесь — водораздел между бассейнами Оби и Иртыша, простирающийся на западной стороне до деревень Екатерининской и Шемонаихи. На юго-востоке это плоскогорье смыкается с Коксунскими белками, с северо-восточного края которых, недалеко от Чарыша, стекает Большой Коксун (называемый также Нижняя Кокса). Коксунские белки тянутся на юге до Тургусунских, на северном склоне которых начинаются Белая и Черная Уба, текущие к Большой Убе. К Тургусунским белкам примыкают направляющиеся к западу Ульбинские, или Риддерские, белки, а в восточно-юго-восточном направлении тянутся Холзунские горы. Южные отроги Ульбинских и Тургусунских белков образуют долину Иртыша, отроги Холзунских гор — долину Бухтармы. В то же время северные отроги Холзуна к западу от Коксуна простираются дальше на восток, к Катуни и Чуе, и примыкают на юго-востоке к горам или, точнее, к плоскогорью, которое образует здесь плоскую высокогорную равнину, названную Риттером Большим Алтаем*, но она на карте Сибири, изданной в 1825 г. картографическим депо в С.-Петербурге, называется Малым Алтаем**.

На Западной стороне плоскогорья берут начало Иртыш, Курчум, Бухтарма, на северной стороне — Чуя, Башкауз, Чулышман, Енисей, на во-

* Carl Ritter. Die Erdkunde. Berlin, 1817. S. 452. (Прим. автора).

** Местные крестьяне обычно называют Алтаем область, заселенную не русским населением, а калмыками. Когда я двигался из Коргона в Сентелек, мои проводники из Сентелека попросили меня обратить внимание на границу их деревни; когда мы подошли к пограничным знакам, они сказали: «Здесь оканчивается территория нашей деревни и начинается Алтай». Из разговора с ними я и узнал все вышесказанное. (Прим. автора).

сточной — Селенга; горные цепи, образующие водораздел бассейнов названных рек, кажутся лучеобразными отрогами этого плоскогорья. Если отправиться вверх по Чуе, то можно достичь широкого раскинувшегося плато, находящегося близ русской границы. На расстоянии трех дней пути по этому плато встретятся реки, текущие в южном направлении, а вслед за этим вскоре окажешься у китайского города Кемчуга, имеющего небольшое торговое значение. Добраться до того города не так уж трудно, но я, к сожалению, узнал об этом только к концу лета. Я пишу это для будущих путешественников, но за истинность сведений не могу поручиться, хотя они и были сообщены мне людьми, которые по торговым делам часто бывали в верховьях Чуи. Впрочем, я не слышал, чтобы кто-нибудь побывал у истоков тех рек, которые все находятся за пределами Российского государства.

29 июля мы отправились рано и скоро достигли знакомой местности, отпустив сентелекских проводников. Теперь мы двигались в западном направлении вдоль Большой Убы, хотя и вынуждены были много раз переплывать реку, потому что скалы подступали то с одного, то с другого берега к самой реке и совсем суживали тропу. Там, где мы вначале подъехали к реке, ее долина покрыта густым лесом, и то на одной, то на другой стороне находится узкая полоска ровной земли; ниже местами вдоль реки простираются и обширные луга, покрытые роскошной растительностью. Сначала меня поразило то обстоятельство, что эти привлекательные места еще не заселены, так как выше течения Лосихи, на берегах Большой Убы, мы не встретили ни одного поселка; однако я скоро заметил, что отлогий берег лишь немного приподнят над поверхностью воды, а по отдельным разбросанным кустам увидел, что вода здесь поднимается весной на три-четыре фута.

Пройдя восемь верст вдоль Большой Убы, мы оказались у речки Походной, которая, притекая с юго-юго-запада, впадает в Большую Убу. Затем мы двигались 15 верст вверх по течению этой речки, перевалили невысокий горный хребет и подъехали к речке Кондрачихе, которая также, хо-

тя и чуть дальше к востоку, впадает в Большую Убу. Проехав 20 верст берегом Кондрачихи, мы перевалили еще один горный хребет, образующий водораздел между Большой Убой и Ульбой; в четырех верстах от него достигли истока Правой, или Большой, Чесноковой, где и переночевали.

Рано утром погода была совершенно ясной, но вскоре небо покрылось тучами, и после полудня пошел такой сильный и продолжительный ливень, что и мы сами, и кожаные сумы со всем багажом насквозь промокли. Трава везде была такая высокая и мокрая, что невозможно было найти сухое место для ночлега. Из-за ливня не горел и костер, и, когда его все же удалось разжечь, нельзя было просушить одежду и багаж, так как всю ночь продолжал лить сильный дождь. Наши припасы подошли к концу, и после лишений и напряжения последних дней, а также из-за сырости последней ночи, когда земля, палатка, место ночевки и одежда на теле были мокрыми, со мной случился ночью приступ лихорадки. Однако, поспав перед утром несколько часов, я почувствовал себя настолько окрепшим, что можно было 30 июля около полудня ехать дальше, на что я и решился, несмотря на сильный дождь. Пять верст мы шли вдоль Большой Чесноковой, затем перевалили полого поднимающийся хребет средней высоты и через четыре с половиной версты от Большой Чесноковой подъехали к берегу Второй, или Малой, Чесноковой, вдоль которого продвинулись в юго-восточном направлении еще на пять с половиной верст. Затем мы достигли горного хребта, на южном склоне которого берет начало Малая Журавлиха, и через пять верст прибыли к этой речке. Затем 12 верст мы ехали вниз по течению в юго-восточном направлении, до ее слияния с Большой Журавлихой, истоки которой находятся дальше к западу, на г. Синюхе*. Следуя восемь верст берегом этой довольно внушительной реки, а затем три версты почти ровным лугом, мы

* Так называется гора в 30 верстах от Риддерска, в западо-северо-западном направлении, которую не следует смешивать с Синюхой, или Синей сопкой, находящейся в 40 верстах от Змеиногорска, к востоко-северо-востоку от него. (Прим. автора).

добрались до хорошо знакомой Быструхи, вдоль которой проехали еще две версты, и наконец прибыли в Риддерск. Все пространство между Большой Убой и Риддерском покрыто густыми лесами с полянами и болотами. Лошади наши в походе по бе-

регам Малой Убы были так измучены, что когда, подъезжая к Риддерску, мы оказались на торной дороге, они не могли ступать по твердому грунту, а шли рядом по траве, так как копыта у них были стерты и ноги изранены.

Глава восьмая

ПОЕЗДКА ИЗ РИДДЕРСКА ЧЕРЕЗ УСТЬ-КАМЕНОГОРСК ВВЕРХ ПО ИРТЫШУ К ЗЫРЯНОВСКОМУ РУДНИКУ, ОТТУДА К ДЕРЕВНЕ ФЫКАЛКЕ И ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЗЫРЯНОВСК И УСТЬ-КАМЕНОГОРСК В РИДДЕРСК

По прибытии в Риддерск я нашел там письма, извещавшие о том, что начальник горнозаводского округа с главным врачом должны в ближайшие дни прибыть на Усть-Каменогорскую пристань, откуда они поедут на Зырянский рудник. Так как я и без того намеревался посетить те края, то с особенным удовольствием принял приглашение поехать в этой компании. Хотя прежде я собирался предпринять туда поездку через Тургусунские белки, но намерение это оказалось неосуществимым, поскольку местный начальник, любезно обещавший подыскать мне проводника, однако не нашел такого, на которого я мог бы вполне положиться. Опыт недавних поездок с ненадежными проводниками был еще так свеж, что не мог не оказать на меня влияния. Правда, был тут один человек, который, уверяли меня, знал дорогу через Тургусунские белки, но говорил он так путано, так мало мог сказать связного о своих предыдущих поездках и так неверно обрисовал положение и особенности известных мне районов, что я не решился ему довериться. А нынешним летом был такой случай: один горный инженер с несколькими людьми из любопытства предприняли путешествие через Тургусунские белки, но, не зная местности, заблудились, слишком высоко поднялись в горы, почему и оказались в очень тяжелом положении, почти четыре дня оставаясь без пищи, и чуть не погибли от голода.

2 августа я еще раз побывал на Крестовой горе, главным образом для того, чтобы иметь возможность по-

знакомиться с лежащими далее к востоку вершинами этой горной цепи. Дойдя до подножия верхнего конуса на высоте 6000 футов, я увидел, что он совершенно окутан облаками. Я немного подождал и, когда облака уплыли, хотел было взобраться выше, но мои люди предупредили, что вскоре вершина может оказаться окутанной другими облаками. Я все-таки начал подъем, однако скоро заметил облако, которое начинало закрывать другие горные вершины. Поэтому я решил внять неоднократным предупреждениям и спустился с вершины. Поднялся сильный ветер, и Пушкарёв посоветовал поторопиться, поэтому я направился вниз не обычной дорогой, а той, которая ближе. Однако она оказалась совершенно дикой и вела густым бором по крутому склону через поваленные стволы деревьев и скользкие, покрытые мхом скалистые глыбы, из-за которых лошади подвергались постоянной опасности упасть. С большим трудом мы доехали до такого места в этом лесу, где упавшие деревья скатились к подножию горы. Там я и двое моих людей спустились, благополучно избежав тучи, а остальные, несколько промедлив, были окутаны густым туманом и при спуске заблудились. Когда я обнаружил их отсутствие, то велел сигнализировать выстрелами из ружья, чтобы показать им, где мы находимся, и через некоторое время они подошли к нам.

Мой барометр уцелел здесь, как и до сих пор. Впрочем, то, что он не сломался на Малой Убе, я считаю просто делом счастливого случая,

особенно когда слуга с этим инструментом в руках вынужден был скалываться с голой скалистой стены, не имея возможности, подобно остальным, при спуске помогать себе руками. Сначала барометр казался моим людям каким-то необычайным чудом, и они не могли понять, как с помощью этого инструмента можно определить высоту местности. Но впоследствии каждый русский уже легко разобрался в этом, и скоро они так привыкли к наблюдениям, что сами спрашивали, на какой высоте находятся. Однако в горных селах барометр считали колдовским аппаратом, к которому никто не смел прикоснуться, когда я выходил из комнаты, а в Лосихе крестьяне у меня однажды всерьез допытывались, не смогу ли я с его помощью узнать, кто, где и когда что-нибудь украл.

Когда мы спустились к подножию Крестовой горы, начался дождь, который продолжался всю ночь и на следующий день до обеда.

4 августа я отправился из Риддерска в Усть-Каменогорск, избрав уже известный путь через Бутакову и Черемшанку. Но, пройдя эти деревни, я свернул с тракта, намереваясь избраться на кратчайшую дорогу через Тарханку в Согру. На этом пути нам пришлось дважды переехать Ульбу, хотя мы нигде не нашли ни мостов, ни брода. Река здесь очень бурная и часто меняет свое русло, так как весной во многих местах образуются заторы из стволов деревьев и больших камней, которые она несет с собой. Это же произошло и в прошлом году, когда образовалось новое русло на полторы-две версты севернее прежнего. Старое русло легко узнать по скоплению камней, меж которыми, как и вообще в таких местах, рос мак шафранно-красный. Всюду по берегам этой реки растет сибирский лавролистный тополь, встречаются и другие виды тополя — черный и родственный ломбардскому, но среди них я не находил крупных деревьев. Первый по своему внешнему виду издали больше похож на березу или осину, чем на тополь. Кора его беловатая или желтовато-серая. Ствол начинает ветвиться приблизительно в полутора саженях от земли; ветви образуют прямой угол со стволом, причем они почти все одинако-

вой длины, так что дерево имеет цилиндрическую форму, и только вершина — пирамидальную; молодые ветви — с очень острыми краями; листья — различной длины и ширины, всегда продолговатые и часто с волнистыми краями.

Вечером я прибыл в Тарханку, расположенную на высоте 1348 футов над уровнем моря. В ней, как в Бутаковой или в Черемшанке, гораздо больше садов, чем в Риддерске. Жито, в Риддерске еще зеленое, здесь уже было сжато. Вообще перемена температуры была поразительной, что вызвано отчасти более низким местоположением, отчасти большей удаленностью от белков. Там, где мы переезжали Ульбу во второй раз, в полутора верстах от Тарханки, на западной стороне находится гора, называемая «Больной»*, и я, довольно долго пробыв там, все время слышал какой-то своеобразный шум. Это был глухой монотонный свист или шипение, и было отчетливо слышно, что происходит этот шум не от одного, а от многих животных, ибо когда вечером, при лунном свете, я переходил от одного места к другому, то, по мере моего приближения, шум прекращался, а затем возникал снова. На мой вопрос, отчего возникают эти звуки (что, конечно, должно быть известно местным жителям), мне отвечали: «Неизвестно». Некоторые предполагали, что это должны быть птицы, другие думали, что змеи. Паллас, который однажды слышал подобные звуки на горе в других краях, получил на свой вопрос ответ, что эти звуки производят змеи**. Однако относительно горы Больной такое предположение не имеет оснований, так как нужно исходить из того, что здесь много змей, а это не соответствует действительности. Видимо, шум издавал какой-нибудь вид насекомых.

Западнее Ульбы ландшафт становится равнинным, с отдельными холмами на нем.

5 августа. При восходе солнца термометр показал + 9°R. Деревня Тарханка появилась три года назад, од-

* Возможно, здесь это означает «Стонущая»? (Прим. автора).

** Reise durch die verschiedenen Provinzen des russischen Reiches, Th. 2, S. 535. (Прим. автора).

нако она довольно велика и очень хорошо построена. Кроме земледелия крестьяне занимаются пчеловодством и скотоводством, живут зажиточно и, как всюду здесь, очень гостеприимны. Рано утром перед моим отъездом хозяйка принесла мне, вдобавок к тарелке, полной превосходного меда, большие порции смородинового и клубничного варенья, которого мне пришлось, по крайней мере, отведать. В горах я редко встречал такие ягоды, лишь однажды, в окрестностях Белой Убы, один из рабочих принес мне немного клубники. Близ Коргона я съел несколько ягод смородины, которые сам сорвал, а в д. Чечулихе один из моих людей принес мне чашку костяники (*Rubus saxatilis*), оказавшейся кислой и невкусной. Не пришлось поест и жаркого, на которое я особенно рассчитывал в нашем путешествии, думая, что в горах у нас будет возможность поохотиться. Хотя я и имел при себе в лице Пушкарева одного из самых умелых охотников (в чем, собственно, и проявилась забота обо мне г-на Фролова), чтобы во время походов быть обеспеченным дичью, однако за все время ни разу не представилось случая поохотиться, что, впрочем, вполне понятно, так как наш большой караван обычно производил изрядный шум, распугивавший животных там, где мы проходили, а разрешить егерю отъехать от каравана поискать добычу я не мог, ибо этот ловкий и решительный человек был мне постоянно нужен. Пернатые чаще водятся в степях и предгорьях, чем в высоких горах, где вообще мало дичи. Косули и земляные зайцы хотя и показывались, но, пугливые создания, мгновенно исчезали, и мне не хотелось, преследуя их, разделять караван. Все же мы застрелили для Дерптского зоологического кабинета несколько животных, которые на нас буквально наткнулись, возможно потому, что из них нельзя приготовить настоящего жаркого и они менее пугливы. Когда во время своей первой поездки через горы я послал своих людей в Риддерск, они видели трех оленей. В горах мы часто находили медвежьи стоянки, особенно в окрестностях Белой и Черной Убы, и охотники обращали мое внимание на то, что зверей спугивал шум нашего каравана: мно-

гие логова были еще теплыми, в чем я убеждался сам, когда осматривал их.

От Тарханки я направился к Согре, и ландшафт до нее оставался прежним. Меня поразило то, что на всем пути часто встречался дикий подсолнечник (*Helianthus annuus*). Переночевав в богатой деревне Согре, я остался там и на следующий день (7 августа), чтобы побродить по окрестностям. Я радовался прекрасным теплым дням, которых был лишен в течение почти всего лета, здесь же впервые согрелся, что прежде зависело только от теплой одежды или сильного физического напряжения, почему я на протяжении лета и не вылезал из своей шубы, за исключением редких теплых дней, когда снимал ее в полдень, или когда поднимался пешком на высокую гору: так было легче идти. Термометр показывал вчера при восходе солнца +9,5°R, в два часа пополудни — +26°R, в семь часов вечера +20,5°R (все измерения проводились в тени). Вечером загредел гром, засверкала молния, но дождя не было. Сегодня на рассвете термометр показывал +10,5°R.

В обед я покинул Согру и поехал на пристань в двух верстах от Усть-Каменогорска вверх по течению, чтобы там дожидаться прибытия г-на начальника, который вчера просил передать мне, что мы сможем встретиться или сегодня же, или, самое позднее, завтра утром. После полудня поднялась очень сильная буря с дождем, но вскоре небо прояснилось и снова стало тепло.

8 августа мы отправились по воде, вверх по Иртышу. Для этой цели у нас были четыре лодки с навесом посредине, которые обслуживала команда из шести человек: пятеро толкали лодку шестью, а шестой правил. Двигались все время вдоль берега и только в том случае пересекали реку, если берег становился неудобным, что вынуждало переправляться на другой. Лодку продвигают часто без особого напряжения; если же позволяет берег, ее тянут против течения на канате. Иртышские лодки делают из выдолбленного ствола лавровлистного тополя, который растет близ Бухтармы, неподалеку от Зырянска; попадают очень крупные де-

ревя. Лодки настолько широки, что двое спокойно могут сидеть рядом. При изготовлении, пока дерево свежее, их растягивают, чтобы сделать еще более широкими*. Цена одной такой лодки 70 руб. ассигнациями.

Ниже пристани берега Иртыша почти совершенно ровные и течение довольно медленное; выше река большей частью стиснута крутыми, нередко нависающими скалами и течет быстро, особенно там, где она, суженная скалами, меняет направление и образует стремнины, так что становится очень трудно плыть против течения. Однако часто берега реки, узкие или широкие, отлоги и богаты растительностью, характер которой свидетельствует о солончаковых почках. На таких местах я нашел терескен серый, горькушу солончаковую (*Saussurea salsa*), горькушу высокую новую (*S. elata* n.), порой выше человеческого роста, спаржу обыкновенную (*Asparagus officinalis*), солонечный хрен (*Lepidium affine*), марь пахучую (*Chenopodium Schraderianum*), сиеду приморскую (*Ch. maritimum*), кермек Гмелина (*Statice Gmelini*), лебеду сибирскую (*Atriplex sibirica*), камфорозму русскую (*Camphorosma ruthenicum*), несколько полыней и др.

На влажных местах рос авран лекарственный (*Gratiola officinalis*), камыш болотный (*Scirpus palustris*), воробейник обыкновенный и пр. На сухих участках нередко встречался теке-сахал восточный (*Dodartia orientalis*). В отдельных, затененных кустарником уголках попадался бальзамин мелкоцветный (*Impatiens parviflora*). У самого берега всюду росли камыш приморский (*Scirpus maritimus*), сусак зонтичный (*Butomus umbellatus*), поручейник широколистный (*Sium lancifolium*), розог широколистный (*Typha latifolia*) и в необычном изобилии тростник обыкновенный. У подножия горы показывались горец земноводный (*Polygonum amphibium*), рдесты — сквознолистный и блестящий (*Potamogeton perfoliatus* и *lucens*); особенно же много было лимнотемуа кувшинковидного (*Waldschmidtia nymphaeoides*). Тут же дол-

жен был расти чилим (*Trapa natans*), однако я его не встретил.

Выше, а также несколько ниже устья Бухтармы скалы отступают, по берегам простираются широкие луга, а у самой воды тянутся заросли камыша. Теперь река снова спокойна и поэтому называется «Тихим Иртышом». Скалы состоят частью из роговика, частью из глинистого сланца, а близ Бухтармы — в основном из гранита.

Животных, как в самой реке, так и на ее берегах, мало: кормораны и утки, изредка сорока — это было все, что я здесь заметил. Но река очень богата рыбой, в ней водятся превосходные стерляди и осетры. На левом берегу мы видели протянувшиеся на большое расстояние изгороди из жердей с отдельными брешами между ними, за которыми были расположены западни. Эти сооружения служат для поймки косуль, которые осенью спускаются с гор в степи и тут очень многие из них попадают в западни или их убивают охотники.

Плавание по реке было чрезвычайно приятным, хотя солнечная погода нередко сменялась дождем. На четвертый день, 11 августа, мы после полудня приплыли к верхней пристани, удаленной от нижней на 150 верст, а затем сушей проехали еще 60 верст до Зыряновского рудника.

Примерно в десяти верстах от верхней пристани находится Бухтарминский медный рудник, который теперь уже мало эксплуатируется, но в свое время дал толчок для закладки богатого Зыряновского серебряного рудника. Дорога идет сначала по солончаковой равнине, которая до самого Зыряновска перемежается с безлесными сухими горами. Бросается в глаза недостаток воды в этой местности. Встречается лишь один небольшой ручей, впадающий в Иртыш. Затем мы перешли Магленку, которая течет через Зыряновск к Березовке. Вдали время от времени открывается панорама Холзуна. Недалеко от Бухтарминска немало гор, состоящих из лежащих горизонтальными слоями гранитных плит.

12, 13, 14 августа мы совершили несколько походов по окрестностям Зыряновска. Наиболее интересной была для меня экскурсия 13 числа, когда мы поехали за Бухтарму к некото-

* Лодка, на которой я ехал прежде по Иртышу, представляла собой казачий карбас. Лодки, принадлежавшие горно-металлургическому ведомству, шире. (Прим. автора).

рым недавно открытым шурфам близ Хаир-Кумына*. Долина Бухтармы необычайно живописна. Кое-где к берегам довольно уже широкой и быстрой реки подступают горы высотой в несколько сот фунтов, местами же долина расширяется и окаймляется лесами, состоящими из березы и тополя. Хаир-Кумын, который впадает в Бухтарму, протекает в долине шириной $1\frac{1}{2}$ версты. У него более быстрое течение, чем у Бухтармы, и много излучин. Долина этой реки, как и долина Бухтармы, покрыта преимущественно лиственным лесом, но голые склоны, как и вообще в окрестностях Зыряновска, безлесны. На горах, где находились упомянутые шурфы, в тенистых местах в изобилии рос бальзамин многоцветный.

14 августа погода была очень холодной, и, когда мы во второй половине дня проезжали место, с которого был виден Холзун, гребень его на всем протяжении был покрыт свежес выпавшим снегом. Так как вчера мы не видели его из-за пасмурной погоды, трудно было судить, когда выпал снег — в прошлую или позапрошлую ночь.

Зыряновский рудник находится на высоте 1475 футов над уровнем моря, в безлесной, безводной и вообще малоплодородной местности, типичной для этих краев. Он был открыт в 1791 г. учеником слесаря Зыряновым. Согласно произведенным в 1818 г. подсчетам, рудник содержит свыше 13 000 пудов серебра, однако позже здесь были сделаны очень важные открытия, особенно на правом берегу Бухтармы, около Хаир-Кумына. В зыряновской руде содержится больше золота, чем в других местных рудах. В нынешнем году проводились успешные опыты, чтобы из бедных, преимущественно кварцевых, руд выплавить дополнительно путем измельчения и промывки золота. Кроме благородных металлов этот рудник поставляет много свинцовой руды. До 1804 г. руды этого рудника плавилась мало, так как в окрестностях нет лесов, а использовать гужевой

транспорт в высоких горах между Усть-Каменогорском и Бухтарминском было очень трудно, даже почти невозможно. Применять для этой цели водный транспорт из-за быстрого течения Иртыша считалось неосуществимым, и прежде здесь курсировали лишь небольшие лодки, в которых на рудник перевозили провиант, инструменты и другие необходимые вещи. В 1804 г. по инициативе теперешнего начальника для нужд производства были построены суда, на которых в настоящее время руда перевозится в Усть-Каменогорск; дальше она доставляется, как я уже упоминал, сухопутным путем. От Зыряновска руда перевозится на расстояние 60 верст сушей до берега Иртыша, где близ казачьего форпоста Воронинского находится пристань; там живет надсмотрщик, который принимает и отправляет руду. Другой надсмотрщик живет на пристани близ Усть-Каменогорска. На полпути между Зыряновском и верхней пристанью выстроено здание, в котором возчики руды могут зимой обогреться, а при необходимости и переночевать, так как вокруг на протяжении 60 верст нет ни одного селения.

Места за Зыряновском, вверх по Бухтарме, до 1790 г. были совершенно или почти незаселенными. Постепенно сюда проникали разные беглые люди. Не опасаясь преследований, они становились тут полными хозяевами, живя в труднопроходимой местности в наскоро выстроенных избах. По прошествии довольно продолжительного времени они послали своих представителей, чтобы при содействии тогдашнего начальника исхочатайствовать милость у великой императрицы и узаконения права жительства в этих краях. Это им было разрешено и, по примеру кочевого местного населения Сибири, вместо налогов было указано платить ясак (ежегодный оброк мехами). Впоследствии от был отменен и заменен налогами, которые платили и крестьяне, но прозвище «ясашники» за ними так и осталось*. Однако они и до сего времени свододны от рекрутчины³⁸.

* На Алтае три реки носят такое наименование; одна впадает в Чарыш, вторая (о ней речь шла выше) стекает с юго-юго-западных склонов Холзуна и впадает в Бухтарму. Исток же третьей находится на северо-северо-восточном склоне Холзуна, и впадает она в Коксун. (Прим. автора).

* Они называются также «каменщиками» от слова «камень», так как живут среди камней, скал. (Прим. автора).

С тех пор, особенно с 1803 г., число жителей заметно увеличилось. Многие крестьяне явились сюда добровольно, некоторые же были сосланы в наказание за незначительные проступки. Нередко бывало и так, что крестьяне специально наговаривали на себя, чтобы попасть на поселение и построиться в одной из новых деревень. Все это способствовало тому, что в районе верхнего течения Бухтармы, который в 1790 г. был совершенно незаселенным, теперь проживает около 1100 мужских душ, из которых 300 человек ясашники, а прочие 800 — крестьяне.

Во время моего пребывания здесь я пользовался удобным случаем, чтобы собрать сведения о тех местах, где я намеревался побывать, и потому сразу же начал готовиться к дальнейшему путешествию. Мне казалось, что можно попытаться предпринять экскурсию к истокам Катуня, по прежде нужна была палатка для моих людей, чтобы пережить дождливую погоду. Г-н Фролов имел любезность дать мне проводника, а также специальное распоряжение в Бухтарминскую волость, где находились поселения ясашников, через которые я должен был проезжать, с тем чтобы мне оказывались всевозможная помощь и содействие. Получив, таким образом, все необходимое, 15 августа — после того как несколько дней имел удовольствие находиться в оживленном обществе, которого долго был лишен, — я отправился в дальнейшее путешествие.

Покинув Зыряновск, мы вскоре переехали речушку Крутинку, которая, как и бегущая у самого Зыряновска речка Масленка, впадая в Березовку, устремляется к Бухтарме. Скоро достигли Березовки, вдоль которой и продолжали свой путь.

Первая деревня, встретившаяся нам в 15 верстах от Зыряновска, была Мягонькая. Она расположена на высоте 1568 футов над уровнем моря, красиво построена, чистая, и проживают в ней зажиточные и гостеприимные крестьяне, которые в своих нарядных одеждах имели очень праздничный вид.

До этой деревни местность была совершенно ровной, и только в некотором отдалении от дороги поднимались невысокие холмы. Берег Бере-

зовки* порос березняком, в то время как берега других вышеупомянутых речушек покрыты только тальником, сибирским боярышником (*Crataegus sanguinea*), калиной и черемухой. На равнине было много таволги зверобоелистной, караганы карликовой, татарской жимолости и бобовника. За Мягонькой местность холмиста; между холмами, вдоль Березовки, тянется дорога до д. Александровской. Эта деревня, основанная пять лет назад, находится в 30 верстах от Мягонькой, на абсолютной высоте 1735 футов. Здесь мы остановились на ночлег, причем в лучшей крестьянской избе. Погода в общем была благоприятной, делалось теплее, хотя иногда шли небольшие дожди. Жители в один голос утверждали, что, как правило, холодная погода наступает здесь много позже и что в это время года бывает еще жарко.

16 августа. Рано утром все было бело от инея. Однако я продолжал двигаться в восточно-северо-восточном направлении, как и вчера, по течению Березовки. Ландшафт был точно такой же, что и между Мягонькой и Александровской. В 18 верстах от последней деревни Березовка остается в стороне и дорога вскоре подходит к речке Сенной, текущей с юга на север, и близ деревни того же наименования впадает в Бухтарму. Около двух верст мы пробирались берегом этой речки по узкой долине, в которой особенно часто попадалась жимолость татарская. Уже на значительном расстоянии от деревни мы встречали местных мужиков и баб, которые были не только хорошо, но даже нарядно одеты, главным образом в китайские ткани ярких цветов, что свидетельствовало о близости этих южных соседей. Мужики и бабы ехали верхами в поле жать жито. В этой деревне находится Бухтарминское волостное управление, в ведении которого состоят деревни, населенные ясашниками. Я зашел туда, чтобы попросить других проводников и специальные распоряжения в те деревни, которые намеревался посетить, однако нашел большинство изб пустыми.

* Это значит, что река вытекает из мест, заросших березами, или что они растут по ее берегам. (Прим. автора).

Но после того как я послал письменное распоряжение начальника администрации волости, состоящей из двух крестьян — начальника всей волости, «головой», и сельского старшины, и кроме того, писаря, люди эти тотчас же явились, чтобы снять меня с лошади* и повести или, точнее, понести в дом. Они очень извинялись и сожалели о том, что не подготовились к моему приезду и настоятельно приглашали меня на обратном пути снова заехать к ним. Затем они нанесли мне разных угощений, и особенно превосходного меда, причем нарезали мне так много белого хлеба, что его с избытком хватило бы на 30 едоков. Хотели даже заколоть кур, гусей и телят, но я им запретил, так как не имел возможности дожидаться такого роскошного пира. Однако вскоре они снова пришли ко мне и вручили 10 рублей в виде подарка, сопровождая его бесчисленными комплиментами. При этом люди желали, конечно, добра, но мне, понятно, пришлось любезно отказаться от сего дара, хотя сделать это удалось с большим трудом. Но вскоре они сами поняли, что их поступок не совсем уместен, и просили прощения, приводя в качестве оправдания огромную радость, которую им якобы доставил наш приезд из столь дальних краев. На самом же деле истинная причина их поступка заключалась в том, что и голова, и сельский старшина были немного пьяны. В этом признался и писарь, сельский грамотей, который, отозвав в сторону моего слугу, уверял его, что был против, но не мог переубедить ни голову, ни сельского старшину.

В деревне около 30 изб, а поблизости находится несколько кибиток с живущими в них киргизами, которые тут, как и вообще в селениях этой волости, нанимаются в пастухи. Здесь весьма процветает пчеловодство, и мед белый и очень вкусный. В других местах он далеко не столь хорош: не такой ароматный и гораздо темнее.

* У местных жителей (ясашных) такой обычай: гостя, которого особенно надо почтить, снимают с лошади и, проважая, также сажают на лошадь. Это напоминает подобный обычай на востоке, где, как пишут некоторые путешественники, почетным гостям оказывается такая же честь. (Прим. автора).

Получив проводника до ближайшего селения, я отправился дальше в более южном направлении и доехал до д. Мало-Нарымской, в 20 верстах от Сенной. Ландшафт здесь тот же, но близ Сенной горы выше. Подъезжая к Мало-Нарымской, постепенно поднимаешься, дорога идет все выше и выше, и деревня стоит уже на высоте 2728 футов над уровнем моря. В пути, двигаясь в южном направлении, мы видели простирающуюся с востока на запад высокую горную цепь, покрытую большим количеством снега, который, по словам местных жителей, выпал три дня тому назад. В ответ на мой вопрос мне сказали, что время, когда обычно в горах выпадает снег, уже наступило, но что пшеница всегда очень хорошо родится, и только в это лето созревание ее задержалось по причине дождливой погоды. Упомянутая горная цепь возвышается между реками Нарымом и Курчумом, поэтому ее северная часть у северного подножия которой течет Нарым, называется Нарымскими горами, южная же часть, у южного подножия которой протекает Курчум, известна под именем Курчумских гор. Мало-Нарымская расположена у маленькой речки Нарымки, впадающей в Нарым. Эта река находится в 15 верстах от деревни, к югу от нее, а еще в десяти верстах на юг поднимаются упомянутые белки, за которыми течет Курчум, как и Нарым, впадающий в Иртыш. Все места по южному берегу Бухтармы, которые я проехал, отличаются большой сухостью. Речек здесь мало, и все они маленькие, а заболоченные места встречались редко даже в это дождливое лето. Вода в реках мутная, особенно в Нарыме.

17 августа. На восходе солнца термометр показывал +0,5°R и все было покрыто инеем. Около девяти верст мы ехали в северном направлении между горами или по их склонам, большей частью близ Нарымки или в некотором отдалении от нее. Наконец мы оказались у горного хребта высотой 4343 футов над уровнем моря, на юго-западном склоне которого, близ самой вершины, находится исток Нарымки. Горы были совершенно безлесны, только кое-где встречались отдельные деревья и группы тополей; склоны имели поло-

гий спуск, но были заболочены, причем по мере подъема заболоченность усиливалась. Северо-восточный склон, наоборот, крутой и дает начало Коровихе, которая с большой скоростью бежит в весьма покатую до самой Бухтармы долину. Ехали мы по узенькой верховой тропке, скользкой от сбегających ключей и идущей вдоль правого берега Коровихи, вниз по крутому горному склону. Дикая, но, впрочем, живописная речная долина! Здесь я видел больше лесов, чем где-либо еще в бассейне Бухтармы, если учесть размеры этой долины; богата лесами также и долина Хаир-Кумына. Росли тут преимущественно осины, пихты и березы; встречались также рябина и черемуха, хотя и не с мощными стволами. Дно долины покрывала густая поросль, а именно: кроваво-красный боярышник, желтая акация, ивы, черная и красная смородина, малина, шиповники, жимолость Палласа, а на полянах в большом количестве росли волчегородник алтайский и жимолость татарская; обычны здесь и таволги, за исключением сибирки гладкой.

Проехав восемь верст берегом Коровихи до места ее впадения в Бухтарму, мы оказались в д. Коровихе, которая расположилась по обе стороны речки на левом берегу Бухтармы, на высоте 2027 футов над уровнем моря. Пятью верстами ниже этой деревни в Бухтарму впадает справа речка Язовая. Начиная от Малой Нарымки, особенно же от истоков Коровихи, местность приобретает необычайно дикий вид: узкие ущелья, долины и крутые склоны; такой характер сохраняет она и в дальнейшем.

Да, только смелые искатели приключений, привыкшие к непроходимым дебрям, преследуемые властями из-за достойной наказания строптивости и совершаемых вследствие ее преступлений, могли, получив прощение от императрицы, поселиться в этом диком краю, где они, однако, благодаря своему прилежанию, теперь весьма преуспевают и, при всей оторванности от мира, живут зажиточно. У них нет недостатка в хорошей, плодородной пахотной земле и лугах, процветает и пчеловодство, так что этот народ живет в своих добротнo выстроенных, даже иногда изящных, избах чисто и, можно ска-

зать, с известной элегантностью. Хотя отсюда и порядком далеко до городов, что особенно чувствуется из-за отсутствия здесь дорог, в избах есть все, что нужно этим людям. Талант — легко приобретать сноровку в различных ремеслах — настолько присущ русским из низших классов, что поселенцы стали и кузнецами, и столярами, и плотниками, и каменщиками. Они сами куят себе сельскохозяйственные орудия, и каждый строит себе свое жилище — приветливое, хорошо освещенное благодаря большим застекленным окнам; всюду чистота и уют, так что в такой избе можно забыть о том, в какой далекой окраине ты находишься. Хорошие барыши приносят им также охота и торговля с китайцами и киргизами. Первым они продают пшеницу с большой выгодой для себя. За полтора пуда муки — цена ее 40—60 коп. за пуд — они получают на китайских форпостах штуку дабы*, продажная цена которой 4—5 руб. В этих деревнях несколько водяных мельниц, и то, что местные крестьяне умеют намотать хорошую муку, доказывает превосходный белый хлеб, которым меня угощали всюду.

Близ этой деревни я переправился через Бухтарму на лодке, в то время как некоторые из моих людей вынуждены были переплывать реку на лошадях. На правом берегу я впервые за все время моего путешествия увидел лягушку. На спине ее было четыре ряда неправильных бугорков, и с каждой стороны — по два ряда черных пятен неправильного вида. У меня не было банки со спиртом, чтобы ее сохранить. Прежде я не видел в горах лягушек, и, вероятно, они встречаются там очень редко. Причина этого, возможно, холодная вода высоких гор, но мне говорили, что они есть в степях, возле озер. Я же бывал там как раз или в очень раннее, или в очень позднее время года.

Мы продолжали подниматься все время в восточном направлении по

* Род узкой, довольно грубой хлопчатобумажной ткани различных цветов (однако всегда одноцветной), длина одного куска которой составляет около 22 локтей. Хотя китайцы и приносят с собой весной некоторое количество провианта, но запасы его обычно невелики; близ русской границы пшеницу они не сеют, поэтому вынуждены покупать муку, которую привозят им русские. (Прим. автора).

правому берегу Бухтармы, долина которой достигает здесь полутора верст ширины. По обе стороны реки возвышаются горы высотой от 400 до 800 футов, в основном голые, с редкими березками, растущими на западных склонах, и небольшими осиновыми зарослями. Кое-где встречались здесь те же растения, что и в долине Коровихи. На крутых каменистых склонах, обращенных к югу, я нашел ломонос сизый (*Clematis glauca*), росли здесь и карагана карликовая, и дереза (*Robinia fruticosa*); желтая акация уже лишилась листьев, а на самом берегу Бухтармы попадались отдельные березы и тополя лавролистные. Проехав 17 верст, я добрался до д. Верх-Бухтарминская, или Печи, раскинувшейся на самом берегу Бухтармы на высоте 2121 фута над уровнем моря. Название «Печи» связано с тем, что в солончаковой почве ближайших окрестностей скот или дикие животные выели несколько пещер, формой напоминающих печи.

18 августа. На восходе солнца температура была + 2° R. До 9 часов утра висел густой туман. Наша дорога вела в северо-восточном направлении, на горный хребет, который служит водоразделом между Язовой и Белой. Мы постепенно поднялись на 3447 футов, затем также постепенно стали спускаться извилистой тропой по склону горы в долину р. Белой, где на самом берегу находится окруженная горами одноименная деревня, на расстоянии 23 верст от Верх-Бухтарминской и на высоте 2463 футов над уровнем моря. Примерно в четырех верстах от Верх-Бухтарминской дорога сворачивает налево, к д. Язовке, находящейся в 15 верстах от Верх-Бухтарминской и на таком же расстоянии от д. Белой. Характер гор здесь тот же, они такие же голые, только на западных склонах растет жиденький лес. Близ деревень на обрывистых местах я заметил, что некоторые горы состоят из гальки, связанной глиной. То же самое можно было видеть и в деревнях: когда копают глубокие ямы, выбрасывают ту же гальку.

Река Белая — не маленькая, ширина ее близ деревни 25—30 сажен. Хотя длина ее и незначительна, но она, по-видимому, принимает изряд-

ное количество небольших притоков. Десятью верстами выше д. Верх-Бухтарминской она впадает в Бухтарму. Дальше наш путь шел на протяжении 13 верст в восточном направлении до д. Фыкалки, и только по горам и по их склонам. Горы становились все выше и лесистее, чем до сих пор, особенно северные склоны хребта, который тянется от Верх-Бухтарминской по правому берегу реки и называется «Листвягой»*. Хлебные поля между Белой и Фыкалкой попадались на высоте 3891 фут над уровнем моря, и даже выше я находил участки, засеянные когда-то злаками, так что, полагаю, нивы могут здесь подняться до 4000 футов.

Вечером я приехал в Фыкалку — самое отдаленное в этом направлении русское селение. Здесь проходит граница двух величайших государств мира! Но какая разница между этими двумя государствами, несмотря на сходство природы, которая их соединяет! Воды Иртыша поят почву Китая так же, как и землю России, и, питаясь ключами в высоких горах Китая, пробираются к соседнему государству, чтобы вместе с Обью течь на далекий север. Однако какой контраст представляют эти государства! Какое различие в природе и в климатических условиях, в животных и растительных формах, в духовном и внешнем облике людей! Китай находит удовлетворение в тысячелетней оцепенелости, в неизменяющейся жизни, Россия же, напротив, даже в этих отдаленных краях государства гигантскими шагами спешит навстречу просвещению и охотно заимствует все новое, ищет его, принимает близко к сердцу. Жители русских пограничных деревень выгодно отличаются от своих неуклюжих южных соседей: сильные, хорошо сложенные, подвижные и энергичные, они представляют собой отрадное явление в этой глуши, и вместо того чтобы стесняться в присутствии иностранцев, которых им не так часто приходится видеть, быть замкнутыми или робкими, они показывают всем по-

* «Листвяга» — т. е. горы, покрытые лиственницей. (Прим. автора).

ведением и своим отношением прямодушие и откровенность, бескорыстие и услужливость, которые воистину поразительны.

Если обратить взгляд вспять, на состояние этой местности 50 лет назад, нельзя удержаться от изумления при виде происшедших благоприятных перемен. Эти пустынные места, в которых обитали лишь дикие звери и с места на место переезжали кочевники, пугали дикостью своей природы, труднодоступной для путешественников; этот край со своими богатыми лесами, роскошными лугами долин и плодородной пахотной земель лежал втуне, напоминая пустыню, разделяющую территории двух огромных государств. Теперь же они стали по-соседски близкими, и пограничные жители, занимаясь меновой торговлей, приобретают на свой вкус нужные им вещи. Китайцы, которые не являются коренными жителями этих мест, а прибывают издалека (их посылают сюда на несколько месяцев в году, чтобы в течение некоторого времени нести пограничную службу), в окрестных деревнях покупают те необходимые продукты питания, какие они не могут купить вблизи пограничных кордонов в своей стране. И потому русские, живущие в этих горах, с особым старанием занимаются земледелием, дающим им средства для заработка путем торговли с китайцами. Вот почему крестьяне здешних горных деревень, и особенно ясашины, живут зажиточно и даже позволяют себе известную роскошь. Одеваются они обычно в китайские ткани, частью даже в шелковые, в их домашней утвари есть чашки из китайского фарфора, и вообще у них заметны та уверенность и та склонность к изяществу и чистоте, которая обычно сопутствует зажиточности*. Хотя здесь нет школ, они все умеют читать, а многие и писать. Старшие учат молодежь, и таким образом распространяется знание. В их деревнях совсем нет церквей, так как все без исключения крестьяне принадлежат к секте раскольников (староверов), и они просто не стали бы слу-

шать никакого инакомыслящего проповедника.

Благоприятное влияние оказывает, конечно, горное дело, которое не только повышает благосостояние сельских жителей, но и содействует распространению нужных практических знаний. В районах, находящихся в пределах горнозаводского округа, занимаются разного рода ручными ремеслами, и таким образом постоянно развиваются и распространяются сноровка и мастерство. Если добыча благородных металлов, приносящая доход государству, необходима в финансовом отношении, то не менее важно и то влияние, которое она оказывает на благосостояние местного сельского населения. Этому, конечно, способствует форма управления заводами в настоящее время, и тот, кто подобно начальнику горнозаводского округа, защищает права сельского населения и, благодаря постоянной бдительности и тщательному надзору, не допускает вольности и злоупотреблений, разрушающих установленный порядок, очень скоро пожинает богатые плоды своей деятельности, особенно если он помимо доброй воли обладает еще и научным кругозором. Образцом всего этого является деятельность нынешнего начальника округа.

Деревня Фыкалка состоит из 10 изб, окруженных горами; расположена она у маленькой одноименной речки, которая сбегает с Листвяги, затем устремляется в южном направлении и вскоре впадает в Белую. Деревня стоит на высоте 3951 фута над уровнем моря и является самым высокогорным местечком Алтая, имеющим оседлое население. Несмотря на такое расположение здесь сеют ячмень, овес, рожь, а также яровую пшеницу и просо; в огородах сажают капусту, лук, тыкву, мак и огурцы. Это тем более удивительно, что жители Уймоны — деревни, расположенной гораздо ниже, жаловались на то, что рожь вызревает у них не каждый год. Однако Уймон лежит севернее, а Фыкалка, наоборот, южнее Холзуна, который служит преградой для северных ветров.

Впрочем, я заметил, что здесь, как и вообще повсеместно на Алтае, земля не удобряется, а каждый год распахивается целина, как только урожай на прежде возделывавшейся зем-

* Верхбуктарминский старшина, у которого я стоял на квартире, принимая меня, был одет в широкий, тонкий, темно-синий суконный кафтан русского покроя, отделанный золотыми галунами. (Прим. автора).

ле оказывается менее высоким. На такой пустоши обычно поселяется сорняк — татарник щетинистый (*Cirsium arvense*), с длинными корнями, который растет в таком изобилии, как будто его специально высевают. Точно так же поступают и с огородами. Во многих деревнях можно видеть такие участки земли, которые прежде были огорожены и где ясно обозначаются межи между бывшими грядками.

19 августа. Когда мы прибыли сюда вчера, нам рассказали, что предыдущей ночью на Листвяге, которая простирается к югу от Фыкалки вдоль Бухтармы, выпал снег и только к полудню растаял. Термометр сегодня при восходе солнца показал + 1°R, и кое-где в низинах был иней.

Еще накануне вечером я поручил сельскому старшине узнать, кто из крестьян лучше знает район истоков Катунь и знаком с местоположением теплых источников, о которых мне говорили, и попросил привести ко мне этих крестьян, чтобы я мог получить от них нужные сведения. На следующее утро он пришел в сопровождении трех человек, из которых, однако, ни одному не приходилось бывать так далеко в горах. Старшина рассказал, что только двое из местных жителей были знакомы с теми краями, но один два года назад уже умер, а другой якобы живет в д. Белой, однако теперь уехал на охоту. По словам пришедших, до Холзунских белков должно быть около 80 верст; оттуда видна очень высокая гора, называемая Белухой, на которой никогда не тает снег. На ней находятся истоки как Катунь, так и Береля; последний течет на юго-восток и соединяется с Бухтармой, текущей с востока-юго-востока. Обе реки у их слияния приблизительно одинаковой ширины. Об истоках Бухтармы они ничего не могли сказать. О правых притоках, от Белой (выше нее) до Береля, я узнал следующее:

на 30 версте	впадает	Кауриха
" 45	"	Каменуха
" 55	"	Черновая
" 85	"	Таловка*
" 88	"	Березовка
" 108	"	Федиха
" 113	"	Сохатушка
" 123	"	Берель

* Едва ли следует говорить, что обе эти реки не нужно смешивать с упомянутыми выше одноименными речками. (Прим. автора).

Кроме последней из названных рек, самой большой из них, и Черновой, все остальные — маленькие. Дальше Береля никто из местных жителей никогда не бывал. В отношении теплых источников они слышали только, что те находятся в 150 верстах отсюда, в восточно-северо-восточном направлении. Меня не устраивали такие малодостоверные и ненадежные сведения, поэтому я решил проникнуть туда настолько, насколько позволят погода, время и характер местности, и заказал проводников и лошадей.

После полудня я поехал к горе, находящейся в семи верстах, которая называется Щебенуха. Из деревни мне казалось, что она самая высокая окрест, но затем я убедился в своей ошибке. Дорога туда на протяжении пяти верст идет вдоль речки Фыкалки до ее устья. Течение реки около деревни спокойно, но в некотором удалении от нее образуется мощный водопад и низвергается он в дикую скалистую долину, ширина которой вначале 10—15 сажен; каскады достигают высоты полутора сажен; потом она, пенясь, с шумом бежит на слияние с Белой. Чем ближе к устью, тем уже становится долина, что совершенно необычно, и при самом впадении она сужается до трех сажен. Белая (через нее в этом месте можно переехать) течет очень бурно и тоже по узкой скалистой долине или, точнее, по скалистому ущелью, которое кажется еще более диким, чем Коргонское, только оно гораздо меньшего масштаба. Отвесные скальные стены в 200 футов, а то и выше, совершенно голые или покрытые мхом, так тесно сжимают долину, сужающуюся до восьми сажен, что ни один луч солнца не достигает поверхности воды. Долина реки напоминает скорее желоб для стока воды, по которому река протекает сквозь скалы, и они не только стоят отвесно, но даже нередко наверху сближаются больше, чем на дне долины.

На узкой береговой полосе, не залитой в это время водой, росли на влажной почве, в затененном месте, отдельные растения от 9 до 12 футов высотой, например Иван-чай и дягиль сибирский новый (*Archangelica decurrens* n.).

Ехать дальше верхом по этой кромке было нельзя, поэтому я по-

шел этой скверной тропой, пока болотистая почва, а главным образом выступающие зубцы скал не вынудили меня вернуться. Насколько я мог видеть, обе стороны долины были в таком же состоянии. Отсюда до д. Белой — 13 верст; там река течет в широкой долине еще быстро, но уже не бурно. Позже, в Белой, я узнал, что река становится спокойнее только близ деревни, расположенной в котлообразной долине, выше же деревни, как и ниже ее, она сжимается скалами; и если ниже деревни через реку можно перебраться только зимой по льду, то выше есть такие места, которые зимой не покрываются льдом.

Перейдя эту реку, мы снова поднялись на гору и добрались до ее вершины, взбираться на которую пришлось пешком не только потому, что гора сверху была очень крутой, но и потому, что всюду выступали скалистые зубцы и лошадь легко могла поранить ноги. Эта гора состоит из темно-зеленого роговообманкового сланца (грюнштейна), и абсолютная высота ее — 5471 фут. Здесь я мог рассчитывать найти субальпийские растения. Но этого не случилось. Я ничего не нашел, кроме обычных растений местных низин, да и вообще флора северного берега Бухтармы совершенно не оправдала моих надежд, которые я возлагал на нее в связи с ее открытым к югу положением. Удивило меня и то обстоятельство, что на вершине оказалась желтая акация и кизильник черноплодный, которые обычно растут гораздо ниже этой высоты. На главной вершине стоял высохший кедр, а примерно на 100 футов ниже — совершенно здоровое дерево того же вида. Другие горы всех этих мест почти совершенно безлесны, за исключением Листвяги, на северном склоне которой растет хороший лиственничный лес; высота этого хребта намного превышает Щебенуху, и некоторые его вершины покрыты снегом, чего, однако, из-за его расположения, из деревни не видно. Впрочем, группы деревьев встречаются кое-где и на других горах, но редко.

20 августа. На восходе солнца термометр показывал +1°R, всюду лежал иней. Заказанные вчера проводники и лошади прибыли, и сельский

старшина зашел ко мне, чтобы сообщить об этом. Он старался внушить мне, что не следует отправляться в этот поход, поскольку-де там местность не только труднопроходима, но и опасна для лошадей, притом наступило, мол, такое позднее время года, что даже здесь, в Фыкалке, при ясной погоде каждую ночь выпадет иней, а ближе к белкам должно быть еще холоднее. Кроме того, хорошая погода скоро должна испортиться, и, когда на высоких горах выпадет снег, дальнейшее продвижение с лошадьми станет совершенно невозможным и мы вынуждены будем остаться там, где снег нас застанет, и переждать, пока он стает или затвердеет после сильных морозов, чтобы по нему можно было ехать. Старшина еще накануне говорил мне о скалах и болотах там, где проляжет наш путь, но тогда он не осмеливался отговаривать меня от поездки, чтобы я не подумал, что это лишь предлог не давать мне проводников и лошадей. Теперь же, когда все было готово, он этого уже не боялся и настойчиво просил меня отказаться от похода. Такое путешествие можно-де предпринять лишь в начале июня, да и то оно сопряжено с большими трудностями. Если же я непременно настаиваю на том, чтобы ехать теперь же, то в таком случае он желал бы сам сопровождать меня.

Мне пришлось, конечно, признать, что старшина не преувеличивает трудностей путешествия, предпринимаемого в столь тяжелое время года, однако меня вряд ли бы это удержало, если бы он не выдвинул еще кой-какие доводы, в частности следующие: растения из-за позднего времени года уже пострадали, и можно предположить, что на высоких местах, расположенных вблизи Холзуна, их осталось еще меньше, и поездка могла дать очень немного для моей коллекции. Кроме того, никто из здешних жителей, которые должны были служить мне в качестве проводников, по-видимому, не знал хорошо дорог, мои же люди были в высшей степени малодушны, боясь погибнуть от голода или замерзнуть в горах. Пастбища были, конечно, уже очень плохи, так что наши лошади, которых нельзя будет заменить свежими, ибо калмыки не кочуют на южных

отрогах Холзуна, сильно пострадали бы от плохого корма и, возможно, не смогли бы выдержать трудного перехода. Наконец, я должен был признать и то, что сам очень изнурен, поэтому и меня заботили серьезные последствия переутомления, особенно в тех пустынных районах. Взвесив все это, я в конце концов объявил, что от похода придется отказаться, чему старый старшина был рад чрезвычайно, а мои люди разразились шумным восторгом. Однако мне не хотелось покидать эти места, не увидев китайцев.

Я решил съездить к заставе и стал паковать багаж, намереваясь взять туда лишь то, что нужно для этой цели. Меня предупредили, что наиболее легкий доступ к китайцам можно получить лишь в том случае, если приедешь к ним в качестве торговца, и поэтому я запасаюсь разными товарами, чтобы сойти за бывшего купца. Были у меня капканы разной величины, свинец, юфть, топоры и некоторые другие предметы. Конечно, всему этому они предпочли бы порох, пистолеты и русскую медную монету, но вывоз таких вещей был запрещен. Я охотно захватил бы с собой барометр, но, судя по всему, что я слышал, решил не брать с собой ни его, ни другого инструмента, чтобы не возбудить подозрения в шпионаже.

Около девяти часов утра, когда лошади были навьючены всем необходимым, я отправился в путь. Ехали мы в юго-восточном направлении, и нам нужно было с начала подняться на лежащий к югу от Фыкалки горный хребет Листвяга. На нем росли главным образом лиственницы и несколько небольших пихт; первые очень пострадали от крупного и сильного града, который, как мне говорили, выпадает здесь нередко, и поэтому на большом пространстве все совсем высохло*. Двенадцать верст ехали мы по южному склону Листвяги, пока не поднялись на вершину. Затем восемь верст пробирались по хребту и, наконец, оказались у речки Каменухи, впадающей в Бухтарму; в

нее вливалось с обеих сторон много больших и малых ручьев, в основном с болотистыми берегами. Миновав Каменуху, мы прошли еще шесть верст по хребту Листвяги, пока не достигли спуска, сначала постепенного, а затем уходящего стремительно вниз в юго-юго-восточном направлении. У его подножия, в десяти верстах от Каменухи, раскинулось обширное плоскогорье, которое спускается множеством террас к речке Черновой и дальше к Бухтарме. Сланцевая порода здесь, как и близ Сентелека, образует своеобразную лестницу*, спускаться по которой приходилось весьма осторожно. На обрывистых голых выступах сланца, которые были слишком высоки для того, чтобы можно было перешагивать с одного на другой, наши опытные лошади приседали и скатывались вместе с всадниками. Наиболее высокие вершины Листвяги, которые я видел на своем пути, имеют, вероятно, абсолютную высоту более 6000 футов; они были покрыты снегом. Над самой высокой террасой, на правом берегу Черновой, они возвышаются, пожалуй, на 3000 футов. Сведения эти основаны, понятно, не на измерениях, но вершины эти несомненно выше Щебенухи, хотя характер растительности и не свидетельствует о такой высоте.

На чрезвычайно сухой равнине близ Бухтармы встречались, кроме некоторых полей, змеевка приземистая (*Molinia squarosa*), гониолитон красивый, терескен серый, володушка двухстебельная, лапчатка (*Potentilla* n. sp.), родственная пепельносерой (*subacaulis* aff.) и солонечник равновысокий. Весной эти места, наверное, очень богаты растительностью, по крайней мере судя по огромному количеству отмерших или высохших стеблей, определить которые было теперь невозможно. От первой террасы до Черновой десять верст; перебравшись через реку и проделав еще семь верст, мы подъехали к Бухтарме, которая имела более спокойное течение и густо зарос-

* Возможно, подобное случается и в других высокогорных местах и наряду с сильными ураганами становится причиной высыхания деревьев на значительной высоте. (Прим. автора).

* Когда прежние путешественники рассказывали о тропах, имеющих вид лестниц и находящихся на пути из Сибири в Пекин, возможно, они имели в виду подобные сланцевые ступени, которые на территории Китайского государства, где дороги лучше, делают для удобства передвижения. (Прим. автора).

ла талом; весной же разливается, образует острова и потом мелеет. Без этого разлива ее невозможно было бы пересечь на лошади, ибо течение здесь очень быстрое, а вода и теперь доходит до половины туловища лошади. Ширина Бухтармы со всеми рукавами, на которые она делится, здесь более 70 сажень. Из-за крайне быстрого течения и сильного напора воды перебродят реку так: лошади идут наискось, причем самая сильная — впереди, противстоя течению, а остальные — примыкая к ней, тесно одна за другой, лишь чуть отступив назад. Это уменьшает напор струй, и лошади поддерживают одна другую. Берега Черновой, как и Бухтармы, покрыты березой, тополем и особенно — талом.

Приехав на территорию Китая, я послал проводника вместе с одним из моих людей на китайскую пограничную заставу с просьбой позволить подъехать для обмена некоторых моих товаров на китайские. Отправленные посыльные скоро вернулись с ответом, что командир (китайский полковник, как они его называли) был бы этому очень рад. Тогда я отправился туда.

Застава располагается на равнине, простирающейся так далеко, насколько можно окинуть взглядом. Примерно в пяти верстах от заставы вздымается горная цепь, которая тянется по обе стороны на очень большое расстояние. Все главные ее вершины были покрыты недавно выпавшим снегом.

Мы находились в китайской пограничной провинции. Пикет состоял из 70 монголов и калмыков, вблизи раскинули свои юрты китайские киргизы. Для житья гарнизона или, по крайней мере для избранных, сооружены небольшие блокгаузы, на окнах которых изнутри была бумага, а снаружи легкие цыновки. Кроме того, виднелось несколько землянок. Перед большинством блокгаузов развешались на древках около полутора сажень высотой небольшие флаги из зеленого шелка.

Когда я пришел, меня окружили китайские солдаты, совершенно, впрочем, безоружные. Одежды они были в широкие, перехваченные ремнями халаты, чуть прикрывавшие колена. Ничто цветом одежды не напоми-

нало об униформе: халаты пестрели всеми цветами. Солдаты рассматривали меня с таким же любопытством, как и я их; когда же они приблизились ко мне вплотную и начали ощупывать мою одежду, галстук и белье, я их тихонько отодвинул, после чего они скромно отошли на несколько шагов. Вскоре после этого явился русско-китайский толмач, 82-летний старик*, и попросил меня пройти к командиру.

Войдя, я увидел командира, сидящего на возвышении напротив двери, но не на восточный манер, как сидят калмыки, а по-европейски, как это обычно представлено на пластических китайских работах. Был он в широком халате и в широких шароварах из тонкого синего сукна и имел очень опрятный вид. На голове его была китайская шапочка известной формы, сверху отороченная соболом, а сзади украшенная многими, расположенными одно над другим горизонтально и торчащими павлиньими перьями — знаком его достоинства. На ногах, покоившихся на ступеньке, были черные башмаки с ослепительно белыми подошвами около двух дюймов толщиной, очень изящные. Когда толмач подвел меня к командиру, я приветствовал его на обычный манер, сняв свою дорожную шапку. Он же остался сидеть совершенно неподвижно, и только несколько раз кивнул головой, не наклоняя туловища. Я снова надел шапку и сел рядом с ним, с правой стороны, также против двери, на указанном месте. С левой стороны, на более низком сиденье, сидели два хорошо одетых человека, которых толмач представил мне как знатных калмыков. Еще более низкое боковое сиденье справа занимал маленький человек, которого переводчик называл первым слугой командира. Его одежда мало чем отличалась от одежды командира, разве лишь тем, что

* Этот толмач был, собственно, урожденный русский, много лет назад захваченный калмыками под Астраханью и доставленный в Китай. Теперь он стал совершенным китайцем: стрижет голову на китайский манер да и одет как и все остальные китайцы. Одежда его обозначала ранг и звание, которое он имел, ибо носил китайскую шапочку с шелковой кисточкой наверху и с белой пуговицей из стекла или эмали. (Прим. автора).

он вместо шапочки носил берет без всяких украшений.

Дом, в котором мы находились, был почти двух сажен длины и такой же ширины и состоял из единственной комнаты, задняя половина которой примерно на высоту двух футов была заставлена различными ящиками, на которых в углу лежал большой тюк. Перед этими ящиками, напротив двери, были наложены подушки, которые служили сиденьями, а ночью, вероятно, постелью. На полу, вдоль сиденья, шла ступенька, служившая подножкой. Рядом с этим сиденьем вдоль боковых стен были другие: сиденья слева — ниже сидений на заднем плане, а сиденья справа — еще ниже, чем слева. Посредине комнаты в металлической жаровне лежали тлеющие угли, на которой стоял медный чайник с чаем. Когда я сел на место, толмач уселся рядом со слугой командира. Моего слугу, которого я захватил с собой в качестве русского переводчика, тоже пригласили сесть. Он отказался, а когда приглашение несколько раз повторили, объяснил, что не может сделать этого, так как неприлично сидеть слуге в присутствии своего господина. Это удивило их, но больше его уже не приглашали, и он остался стоять.

Между командиром и мной стоял небольшой ящик, на котором было семь чашек из китайского фарфора. Вскоре вошел плохо одетый человек, которому командир собственноручно подавал одну чашку за другой, и тот, тут же наполняя их чаем из чайника, каждому подал чашку уже сам. Первую чашку получил командир, вторую я, затем — «знатные калмыки», первый слуга, толмач и, наконец, мой слуга. Чай был очень жидкий и подавался без сахара и вообще безо всего. В это время меня спросили, какому монарху я служу и какой ранг имею. Я ответил через переводчика, что имею ранг бригадира, так как командиру вряд ли была знакома гражданская табель о рангах. Во время разговора командир произнес несколько коротких слов, обращенных к своему первому слуге, которые тот, как мне казалось, передал дальше. Затем сказанное китайский толмач перевел на русский язык. Та же процедура была и с моими ответами, с которыми я обращался сначала к сво-

ему слуге, строго запретив ему отвечать самому хотя бы на один вопрос. Особенно удивило меня то обстоятельство, что командир и толмач разговаривали при этом между собой через посредство первого слуги, хотя я впоследствии имел случай убедиться в том, что они отлично понимают друг друга. Командир велел передать мне, что он послан сюда прямо из Пекина и два месяца провел в пути, хотя отправленная с курьером депеша в Пекин может дойти за 14 дней. Такие курьеры ездят всегда попарно на случай, если что-нибудь случится с одним, другой мог бы без задержки доставить депешу. Для этой цели сооружаются станции на определенном расстоянии одна от другой, и на каждой из них дежурят всадники, которые всегда наготове и ожидают только знака от прибывших курьеров, чтобы тотчас же отправиться в путь.

Затем меня спросили о цели моего путешествия в эти места, и, когда я представился как собиратель растений Алтая, поинтересовались, много ли я нашел здесь лекарственных растений. Я ответил утвердительно и повел разговор о корне ревеня, о котором они ничего не знали или притворялись незнающими. Наконец последовал вопрос, как у меня с продуктами, и я ответил, что ни в чем не нуждаюсь, о чем впоследствии сожалел, ибо тем самым лишил себя благоприятного случая отведавать некоторые китайские блюда. Во время разговора продолжалось угощение чаем, который в подобном приготовлении, конечно, не казался мне вкусным, но все остальные продолжали его пить. При этом присутствующие курили сообща маленькие бронзовые трубки на тот же манер, какой я видел у калмыков. Китайский курительный табак имеет вид тонко смолотого порошка темно-желтого или светло-желтого цвета*. Каждый носит при себе кисет и трубку, которую беспрестанно набивает, так как головка трубки настолько мала, что в нее входит едва ли больше полунаперстка.

* Европейцы, привыкшие к лучшим сортам табака, считают китайский табак очень плохим, чего я, как человек некурящий, не знаю, хотя на вид у него большое сходство с лучшими сортами турецкого табака. (Прим. автора).

После этого поинтересовались, есть ли у меня с собой товары и какие. Я попросил выделить мне место, где мог бы поставить свою палатку. Мне предоставили выбрать место самому и предложили перебраться в совершенно новую киргизскую юрту, где все было готово к моему приему. Это предложение было мне тем приятнее, что у меня не было шестов для палатки, а в этой бедной деревьями местности их пришлось бы доставлять за много верст. Я выразил желание сейчас же перейти в новую юрту. Прощаясь со мной, командир продолжал сидеть в той же неподвижной позе, как и в тот момент, когда я вошел. Толмач проводил меня, и за нами тотчас последовала толпа монголов, калмыков и киргизов, пожелавших посмотреть мои товары. Однако толмач посоветовал мне сегодня не начинать торговлю, так как было уже поздно. Поэтому людей вернули, а я угостил толмача водкой, которую захватил специально для него: жители Фыкалки рассказали мне о его приверженности к этому напитку. Так как мне нужно было еще чем-нибудь привлечь его на свою сторону, я пообещал ему подарить топор, капкан и висячий замок и уверил его, что он вообще имеет право покупать первым.

Я посоветовался с ним, не целесообразно ли будет сделать командиру подарок и не могу ли я получить позволение проехать до ближайшей горной цепи. Первую идею он сразу же одобрил, сочтя, однако, нужным сообщить сначала о ней и о моей просьбе командиру. Это он сделал сразу же и скоро вернулся с известием, что командир будет очень рад подарку и хочет мне на следующее утро сделать ответный подарок. Он сообщил также, что мне позволили посетить эту горную цепь и обещал пару проводников, как только я на следующий день распродам свои товары. Затем в сопровождении толмача я снова пошел к командиру, чтобы приподнести ему обещанные подарки — большую головку трубки из янтаря и шкурку соболя. И на этот раз он сидел на том же месте и в той же неподвижной позе, как и при моем первом посещении, хотя был один и ничем не занят. Он взял мои подарки, несколько раз кивнул головой,

не двигаясь туловищем, и не сказал мне ничего иного, кроме того, что было уже сказано через толмача, — обещания дать мне на следующий день проводников в горы, а также того, что он завтра сделает мне подарок: сегодня уже поздно.

Когда я снова вернулся в свою юрту, которая находилась в 100 шагах от его жилища и «обстановка» коей состояла лишь из одного изящно расшитого ковра, разостланного на полу, слугитель командира принес мне горящую свечу, вставленную в подсвечник, имевший оригинальную форму и очень простое устройство. Он представлял из себя четырехугольную деревянную дощечку, снабженную крепкими деревянными ножками и покрытую черным лаком, пяти дюймов высотой, такой же ширины и семи дюймов длиной, так что она больше напоминала деревянную скамеечку, чем подсвечник. В середине было железное острие, на которое и накалывалась свеча. Эта свеча толщиной в два дюйма, изготовленная из сала, была покрыта очень твердой, но легкоплавкой массой (только не воском), которая, однако, препятствовала утечке. Фитилем служил стебель растения, по-видимому, из рода тростника, и пламя светило мне ярко, когда я вечером записывал дневные впечатления от своего кратковременного пребывания в «Небесном государстве» и разговоров с китайцами.

Мои люди спали вокруг моей юрты, и, хотя палатка китайских солдат была разбита недалеко от нас и всю ночь там поддерживали огонь, ни меня, ни людей ночью никто не беспокоил. Но лишь только начало светать, старый толмач пришел ко мне и попросил водки. Вскоре затем явился множество других людей, и мне пришлось показывать свои товары и начинать торговлю. Хотелось выменять побольше произведений китайского искусства, принадлежностей быта или чего-нибудь подобного, ведь и торговля-то сама по себе нужна была мне только как предлог. Но таких вещей я получил мало. Большинство из тех, кто приходил ко мне торговаться, не имели ничего, кроме кирпичного чая, курительного табака и крученого шелка различных цветов и белой и синей дабы. Этим китай-

ские солдаты получают свое жалование. Некоторые предлагали мне футляр с ножом и вилкой; последняя представляла собой две палочки, обычно из слоновой кости. Предлагали также огнива в форме маленького кожаного мешочка с более или менее тщательно обработанными бронзовыми или серебряными украшениями, а также разные табакерки для нюхательного табака.

Самая распространенная табакерка — сжатый с боков маленький круглый флакон с узеньким горлышком, закрытым пробкой; к ней прикреплен доходящий до дна ложкообразный на конце стержень, которым достают из флакона нюхательный табак и высыпают на ладонь. Эти табакерки изготовлены из эмали, стеклянного сплава или другого состава, в высшей степени разнообразны по расцветке и абсолютно похожи на камень, частью гладкий, частью граненый, очень чистой работы и красиво отполированный. Нередко табакерки сделаны в виде животных; я купил маленького слона, вырезанного из зуба мамонта, на спине которого находилось отверстие с пробкой.

Обычно рассказывают, что торгующие с китайцами вынуждены сбывать свои товары по предложенной ими цене, не рядясь, но со мной такого не было, по крайней мере я не находил этого. Как весь простой люд любых наций, китайцы любят вещи и самое торгую, то расхваливают свои товары, то требуют за них побольше, пока обе стороны не придут к согласию. Я мог бы сбыть товары с гораздо большей выгодой для себя, если бы это не было так надоедливо и я не спешил выехать на экспедицию в горы.

Торговля подходила к концу, когда пришел командир, чтобы сделать мне ответный визит после того, как он незадолго до этого послал мне свой подарок, который состоял из четырех больших фарфоровых чашек грубой работы и пачки чая. При этом он извинился за столь скромный подарок, оправдываясь тем, что прибыл сюда недавно и вещей при нем мало. Войдя, он не поприветствовал меня, а быстро прошел вперед и без дальнейших рассуждений сел на корточки на ножной коврик рядом со мной, с правой стороны, так что даже казалось,

будто он спешит занять место, чтобы не уронить своего достоинства, увидев меня в юрте уже сидящим. Я велел устроить из баулов и подушек нечто вроде дивана и хотел было встать с сиденья, чтобы поприветствовать его, чего, однако, не сделал, так как он сразу же сел на корточки и даже не шелохнулся и не вымолвил ни одного слова. Я угостил его чаем с сахаром.

Сахар оказался совершенной новостью, и, когда командир и знатные калмыки отведали и поняли, что это такое, все набросились на него, так что в юрту протиснулись даже многие рядовые китайцы. В мгновение ока в этой неразберихе сахарница опустела, а поскольку там был весь мой маленький путевой запас, остальной чай им пришлось допивать неподслащенным. Их незнакомство с сим «предметом роскоши», известным только южным китайцам, которые его покупают, говорило о том, что эти прибыли из внутренних областей и никогда не были на побережье. Я узнал также, что солдаты здесь служат постоянно в одном и том же пикете и что смена командира происходит довольно редко, а теперешний был прислан в этом году из Пекина. Удивляет то обстоятельство, что китайское правительство, которое прежде с большой бдительностью и с пугливым недоверием старалось не допускать никакого общения на границе, не принимает мер к тому, чтобы постоянно сменять пограничные пикеты и тем самым исключить знакомство с жителями пограничных деревень. Следует отметить, что торговля с русским населением очень полезна, она выгодна для обеих сторон и особенно для китайцев, у которых в этой негостеприимной местности, вероятно, немалая нужда в продуктах. В таком случае они вынуждены обращаться к ленивым калмыкам и киргизам, покупая продукты дороже и с большими трудностями.

Воспользовавшись пребыванием командира в моей юрте, я попросил у него разрешения посетить горы, и он тот час же дал указание одному из знатных калмыков, которого я вчера видел у него, и еще одному человеку подготовиться сопровождать меня. Так как он уже напился чаю, я дал ему плитку шоколада, о которой он

тоже не имел никакого понятия. Он стал очень внимательно ее рассматривать и спросил меня: «Что это такое и откуда?» Только я начал отвечать ему и уговаривать отведать шоколада, как на улице возник сильный шум. Я испугался, думая, что произошла стычка между китайцами и моими людьми, однако, когда я осведомился о причине такого шума, командир, вероятно, уже услышав, о чем разговаривают на улице, быстро вскочил — первое быстрое движение, которое я у него увидел — и сразу вышел из юрты. Потом я узнал от толмача, что пришло сообщение, будто из ближайшей крепости приехал на границу генерал (как он его назвал), чтобы проверить всю линию форпостов, и поэтому командир пошел сделать нужные приготовления. Я же должен был как можно быстрее перейти границу, иначе, если генерал встретит меня здесь, у меня и у командира могут возникнуть неприятности, ибо мы (командир и я) без данного на то позволения обменялись подарками. Наконец, толмач спросил, нет ли у меня подарка и для генерала: в таком случае я мог бы остаться. Но поскольку ни одна из оставшихся вещей не годилась в подарок генералу, а кроме того, толмач сам не прочь был их приобрести, он посоветовал мне никуда не уходить, а лишь на некоторое время спрятаться в кустах, переждать, пока генерал не покинет эту местность, и потом возвратиться снова.

Будь у меня подарок для китайского начальника, я остался бы, что было бы, безусловно, очень важно для изучения местности, но прятаться в кустах мне казалось делом опасным, особенно со столькими лошадьми. Вполне могло быть так, что толмач, рассчитывая удовлетворить свою склонность к водке, дал мне безрасудный совет, который — последуй я ему и в случае предательства кого-нибудь из людей — мог повлечь за собой большие неприятности или даже обычную судьбу любопытного и неосмотрительного нарушителя границ, т. е. отправку в Пекин.

Я видел по всему, что было бы не так уж трудно продвинуться на некоторое расстояние в глубь страны, но для этого нужно было преподнести соответствующие подарки всем ко-

мандирам, стараясь не возбуждать у них недоверия, и выставлять как раз научную цель, чем утверждать что-нибудь ложное. Так как калмыки, живущие на русской территории, на расстоянии многих сотен верст знали о том, что мы с Бунге путешествовали по горам и с какой целью, и поскольку все новости распространяются у них с невероятной быстротой, то вполне возможно, что китайцы еще задолго до моего приезда получили от калмыков известия о характере моего путешествия по Алтаю. Поэтому было бы, конечно, более благоразумным открыто подтвердить им то, что они уже знали и благодаря чему они, возможно, оказали бы мне доверие, не отказав в просьбе посетить горы, и согласились дать проводника, ибо поиски растений в горах, чем я занимался в Горном Алтае, считались безобидными, не влекущими за собой опасности для государства. Подарки или предметы обмена, перед которыми китайцам трудно устоять, — это, как мне говорили, преимущественно бархат различных цветов, в кусках длиной в несколько локтей, затем тонкая льняная ткань, часы и особенно пистолеты, если только есть разрешение вывозить последние для торговли.

Я распорядился поскорее оседлать и завьючить моих лошадей, которые были согнаны вместе для предлагаемой экскурсии. Затем я отправился к командиру, чтобы проститься с ним, и нашел его опять совершенно спокойно сидящим без всякого дела. Как только я сказал ему, что готов к отъезду, он быстро несколько раз кивнул головой, оставаясь неподвижным. Я двинулся в путь и по дороге видел, как сгоняли множество лошадей, как солдаты надевали красную одежду и вооружались своим оружием — луками и стрелами. Было очень досадно, что я лишился возможности понаблюдать за дальнейшими приготовлениями, так как меня беспрестанно торопил старый толмач, сопровождавший нас некоторое время*.

Прибытие китайского начальника на линию, к несчастью, очень сокра-

* То обстоятельство, что на заставе есть русский переводчик, свидетельствует о том, что, по крайней мере здесь, общаться с русскими хотят, во всяком случае от этого не уклоняются. (Прим. автора).

тило время моего пребывания на китайской земле, и мне удалось увидеть там лишь немного из жизни этого удивительного народа. Я не встретил здесь китайских женщин, так как им нельзя пребывать на пограничных постах. Однако я не имею оснований жаловаться на оказанный мне прием. Командир был по-своему предупредителен и любезен, а если некоторые, торгуясь и стараясь подчас обмануть, подсовывали вместо целого мотка шелка половину, то такие вещи происходят со многими продавцами и в других краях, и если только на фоне сопровождавших обмен улыбок удавалось заметить, что был допущен намеренный обсчет, то китайцы, пойманные с поличным, возмещали в таких случаях убытки без всякого спора.

Скоро мы снова выехали на прежнюю дорогу. Один из моих проводников, старый сельский старшина из Фыкалки, рассказал мне на обратном пути о происшествии, которое дало повод для основания этого поселения в долине Бухтармы, и откровенно сознался в том, какой образ жизни вели первые жители этой деревни: они рыскали по горам, как разбойники, и для ограбления, а также из боязни, что их выдают, подкарауливали с ружьем каждого, кто приезжал в эти места; подвергаясь преследованию закона, они укрывались в непроходимых ущельях. Он показал мне встретившееся на нашем пути ущелье, где в маленькой хижине жил со своим отцом, придя сюда 14-летним мальчиком. Он и сейчас прославлял милость императрицы, которая вновь приняла в число своих подданных этих заблудших людей, когда они, раскаявшись, воззвали к ее благосклонности. И он считал себя счастливым, живя теперь спокойной, безбоязненной жизнью. Позже ко мне приходил еще один старик из Фыкалки — единственный оставшийся еще в живых член той депутации, через которую эти заблудшие торжественно обещали быть покорными и получили прощение милостливой императрицы.

Ясашники живут в восьми деревнях в долине Бухтармы; в большинстве их я побывал, о чем упоминалось выше. Названия этих селений следующие: Быкова, Фыкалка, Белая, Верх-Бухтарминская, Язовая,

Коровиха, Мало-Нарымка и Сенная. Из этих деревень я не видел сам только Быкову и Язовую, так как они не лежали на моем пути.

На следующий день, 22 августа, я двинулся в обратный путь, в Зырянск, куда приехал 25-го. Утомившись от постоянных поездок, я намеревался в виде отдыха проплыть в Усть-Каменогорск по Иртышу, на что у меня имелось разрешение начальника и что было мне даже выгоднее, так как поездка вниз по Иртышу заняла бы очень мало времени. Поэтому 26 августа часть людей я отправил на лошадах, а с остальными остался в Зырянске, пока на верхней пристани не были приготовлены для нашего отъезда лодки. Во время переезда из Фыкалки в Зырянск погода была очень хорошая, теплая. Нам пришлось 23 и 24 августа быть в пути даже после захода солнца, и в эти вечера, когда я находился близ деревень Мало-Нарымки и Александровки, я замечал, что в некоторых местах иногда вдруг становилось чрезвычайно тепло, даже жарко, при этом мог подуть легкий ветерок, а затем вскоре возвращалась обычная температура. Я охотно уточнил бы тут же, на месте, с помощью термометра разницу температур, но было уже совершенно темно. Температура, судя по всему, была очень высокой, о чем несколько раз говорили и мои люди. Один из них по этому поводу рассказал мне, что когда здешние крестьяне ищут новые места для поселения и объезжают округу, то предпочитают именно вот такие. Местность же кругом холмистая.

27 августа, около полудня, я выехал из Зырянска и направился на перекладных к пристани, где у смотрителя нашел хорошее помещение для ночлега, всегда готовое для проезжающих официальных лиц. На следующее утро мы рано отплыли от пристани на двух лодках, во избежание переворачивания связанных друг с другом, вниз по течению Иртыша. Хотя погода была хорошая, ясная, но ветер дул встречный, и нам, чтобы быстрее продвигаться, пришлось прибегнуть к помощи весел. На следующий день в 10 часов утра причалили к нижней пристани близ Усть-Каменогорска. Ночь нам пришлось провести на берегу, так как плыть в тем-

ноте здесь опасно; при хорошем ветре мы могли бы добраться и за один день. Здесь я встретил своих людей с лошадьми и отправился, не задерживаясь, в Риддерск, куда прибыл поздно вечером 30 августа.

Растительность тут почти совершенно погибла. Заморозки по-

вторялись почти каждую ночь, вершины Крестовой горы и других Ульбинских белков были снова покрыты снегом, и я смог собрать только кое-какие семена. Я спешно привел в порядок свои коллекции и другой багаж, намереваясь выехать в Змеиногорск.

Глава девятая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ РИДДЕРСКА В ЗМЕИНОГОРСК.

ЭКСКУРСИЯ К КОЛЫВАНСКОМУ ОЗЕРУ.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ЧЕРЕЗ ЛОКТЕВСКИЙ ЗАВОД В БАРНАУЛ

9 сентября я отправился обратно, следуя до Лосихи тем же путем, которым весной ехал в Риддерск. Но в самой деревне я выбрал другую дорогу, более восточную, ближе к горам. Около Лосихи мы переправились через Большую Убу на пароме. Близ переправы, на правом берегу реки, высятся крутые скалы из зеленого камня в 30—40 футов. Отсюда до ближайшей станции Большерецка — очень большого села на берегу Большой Речки, стоящего на высоте 1048 футов над уровнем моря, — 12 верст. Дорога идет по совершенно безлесным низким холмам. Сразу же за деревней мы переехали речушку Осетровку, впадающую в Большую Речку; Осетровка ни в коем случае не оправдывает своего названия, так как в ней осетры не водятся, да, по видимому, не водились и прежде. Теперь мы постепенно поднимались до д. Кабановой, до которой отсюда 17 верст. Она расположена на абсолютной высоте 1790 футов. Около нее протекает маленькая речка, вода которой запруживается у самой деревни плотиной, и образуется пруд. Деревня стоит на возвышенном северном берегу этого пруда. Выехав из Кабановой, мы подъехали к Плоской — первой реке, впадающей в Алей, а вместе с ним и в Обь, в то время как маленькая речка, на которой расположена Кабановая, впадает в Убу. Отсюда 15 верст до д. Плоской, расположенной ниже, на высоте 1048 футов над уровнем моря. Река Плоская течет в узкой долине, ее обрывистые берега поднимаются на 20—30 футов. На дне долины росли

береза, осина, крушина и ива. Все время путь пролегает по невысоким сопкам и между ними. Отсюда еще 30 верст до Змеиногорска. Дорога здесь неторная и неровная, а было уже поздно, поэтому я решил заночевать, чтобы на следующий день засветло доехать до Змеиногорска. Экскурсия по берегу Плоской, которая впадает в Алей в полутора верстах от деревни, не дала мне ничего нового, необычного для подобных мест.

12 сентября я продолжил поездку к Змеиногорску, переехал Плоскую, Алей, затем Гольцовку и в полдень прибыл в Змеиногорск, где встретился с д-ром Бунге, вернувшимся из путешествия; вместе с ним я решил возвратиться в Барнаул.

Когда я приезжал сюда весной, Колыванское озеро и его окрестности были еще покрыты снегом и льдом, посему 16 сентября выехал из Змеиногорска и направился к озеру, чтобы побывать там в это время года. Озеро находится неподалеку от д. Саушки (первого селения на пути от Змеиногорска в Барнаул), от которой 19¹/₂ верст до Змеиногорска. Проехав примерно половину пути, мы увидели первый холм, образованный из гранитных плит разной толщины, имеющих более или менее неодинаковый уклон, расположенных главным образом горизонтально. Такие холмы поднимаются на различном расстоянии друг от друга непосредственно с равнины и достигают высоты от нескольких сажен до 180—200 футов. Нередко их верхние плиты лежат на-

клонно, словно они соскользнули и во время падения задержались — такой удивительный вид имеют эти образования. В большинстве своем холмы голые, но на некоторых из них растут сосны, а на некоторых — мелкий кустарник: жимолость татарская, караганники (*Robinia*), шиповники и другие. Гранитные холмы такого же вида встречал я и прежде в окрестностях форпоста Бухтарминска.

Колыванское озеро находится в трех верстах от д. Саушки, в восточно-северо-восточном направлении, на высоте 1105 футов над уровнем моря, следовательно, на 73 фута ниже названного села. Озеро приблизительно круглой формы, около шести верст в окружности, но с северо-западной и юго-восточной сторон в него глубоко вдаются мысы. Западный берег низкий, а с северной и особенно с восточной стороны к самому берегу подступают гранитные скалы, которые постепенно поднимаются к южному берегу, где утесы достигают высоты 600—700 футов; впрочем, я их не измерял. Они покрыты сосновым лесом, и озеро, если смотреть с северной или с северо-западной стороны, чрезвычайно красиво. На заднем плане виднеются высокие горные массивы, в еще большем отдалении — белки, образующие западные отроги Коргонских гор, с ослепительно-белыми шапками. Необыкновенно ясный и приветливый характер ландшафта близ озера образует приятный контраст диким высоким горам. Поверхность озера большей частью совершенно чистая и ясная, только кое-где у берегов растут камыш и кувшинки (*Nuphar*), а в юго-восточной половине встречается чилим, который местами очень густой. Его орехи здесь нередко употребляются в пищу и продаются на рынке в Змеиногорске. Собирают их легко, с помощью шеста, к которому прикреплено несколько крючьев; им проводят по дну озера, и орехи остаются на крючьях, застревая между ними своими позже опадающими придатками двух больших наростов.

Озеро, как здесь говорят, не имеет стока, однако Паллас* полагает, что

оно стекает через Нижнюю Колыванку в Локтевку. Возможно, эта речка летом пересыхает, так что сток происходит лишь в определенное время года.

Вернувшись в село, я столкнулся с негостеприимством, поразившим меня, ведь все люди, с которыми я встречался на протяжении многих месяцев, были в высшей степени любезны и хлебосольны. Мне захотелось попить чаю, для чего я имел при себе все необходимое, не было только чашки, но хозяйка сначала категорически отказалась одолжить мне свою чашку. После непродолжительного разговора она все же дала чашку, заявив, что это для д-ра Бунге, я же не получу никакой. На вопрос, чем объясняется отказ, она проворчала, что «не знает, крещен ли я». Этот случай тем более удивил нас, что была непонятна причина, почему предпочтение отдается д-ру Бунге, который, кроме всего прочего, курит табак, чего старообрядцы очень не любят. Когда мы обратились с этим вопросом к хозяйке, то выяснилось, что, по ее мнению, д-р Бунге, хотя и не правой веры (т. е. не старообрядец), но зато наверняка крещен, раз умеет говорить по-русски. А коль я не обладаю таким умением, то значит, обязательно язычник. Когда же хозяйка наконец узнала, что я действительно крещенный христианин, она мало-помалу успокоилась и дала мне чашку*. Вообще крестьяне, живущие севернее, далеко не так гостеприимны и добродушны, как те, которые живут в горах или дальше по Иртышу, хотя все они зажиточнее, чем крестьяне в Барабинской степи.

18 сентября я закончил необходимые приготовления в Змеиногорске и отправился в Барнаул. В эту поездку мне хотелось осмотреть местные соленые и горько-соленые озера, и благодаря любезности начальника, который в

* Нечто подобное случилось со мной несколько лет тому назад во время поездки по бессарабским степям, где старообрядцы, к которым я заехал переночевать, ни мне, ни кому бы то ни было из моих путников не пожелали дать ни мисок, ни ложек, ничего другого; они считали, что все это мы «поганим» и что потом они уже не смогут сами пользоваться данной нам утварью. (Прим. автора).

* Reise durch verschiedenen Provinzen des russischen Reiches. Th. 2. S. 618. (Прим. автора).

то время как раз находился в Змеиногорске, я заручился прямым распоряжением ко всем сельским властям — сопровождать меня всюду, куда бы я ни посчитал нужным ехать, и вообще оказывать мне всяческое содействие. И вот я выехал в Локтевск. Дорога от самого Змеиногорска пролегает по степи: сначала виднеются невысокие холмы по обе стороны дороги, но в 35 верстах от Змеиногорска они прекращаются и местность становится совершенно ровной. Вскоре мы достигли Алея и продолжили двигаться вдоль этой реки. По берегам росли березы и тополя, до некоторой степени оживлявшие однообразие степи. По обе стороны дороги стояла густая полынь, родственная полыни высокой (*Artemisia procera*).

На следующий день мы прибыли в Локтевск, находящийся в 71 версте от Змеиногорска, где нас очень приветливо принял местный начальник г-н Черницын, в высшей степени любезный и сведущий человек. По пути мы проезжали деревни Корболиху и Мусцурну, а около Змеиногорска — несколько небольших серебряных рудников. Локтевск лежит на высоте 939 футов над уровнем моря. Здесь размещаются сереброплавильный завод и медный рудник. Местечко выглядит приветливо, хотя окрестности его ничем не привлекательны. Отсюда мы день спустя выехали к горько-соленому озеру, находящемуся на расстоянии 18 верст в западо-юго-западном направлении. Дорога шла через Алей, который около Локтевска мы переехали по мосту, потом наш путь лежал через сосновый бор, тянувшийся до Шульбинского форпоста на Иртыше, на опушке которого я на очень песчаной почве среди других растений нашел наговатку (*Serratula cyanoides*) и колосняк гигантский (*Elymus giganteus*). Дальше опять потянулась совершенно ровная степь, на которой всюду виднелись места, белые от налета соли.

Чем ближе подъезжаешь к озеру, тем чаще встречаются солончаковые растения. Наконец вдали появляется озеро, высыхающее в это время года и представляющее белоснеж-

ным пятном. Около него мы нашли кермек Гмелина, кермек безлиственный новый (*Statice discipiens* n.), прибрежницу солончаковую (*Dactylis littoralis*), три вида хруплявника (*Polycnemon*), сайгачью траву (*Frankenia hispida*), горькуши — солончаковую и горькую, один крестовник (*Senecio*), два вида касатика (*Iris*), терескен серый (*Diotis ceratoides*), жабрицу (*Seseli Hippomarathrum*), спаржу приморскую (*Asparagus maritimus*), сведу высокую (*Chenopodium salsum*) в двух совершенно различных видах, а именно: один маленький и совершенно ординарный, а другой более фута высотой и ветвистый; триполий обыкновенный (*Aster Tripollum*), лебеду сибирскую, подорожники — приморский и большой (*Plantago maxima*). На самом берегу, покрытом маленькими кристалликами английской соли, находится внешняя граница вегетации следующих растений: кермека полукустарного (*Statice suffrutescens*), гребенщика рыхловеткового (*Tamarix laxa*), лебеды плодоножкой (*Atriplex pedunculatum*), заманихи (*Nitraria Schoberi*), петросимонии трехтычинковой (*Polycnemon Volvox*), поташника коротколистного (*Halocnemon foliatum*), коровника низкорослого (*Salicornia pygmaea*), лебеды бородавчатой (*Atriplex verruciferum*) и еще другого кустарникового вида этого рода.

Странной показалась мне бедность видами курая (*Salsola*), так как, за исключением кохии распростертой (*Salsola prostrata*) и курая песчаного (*S. arenaria*) на наносном песке близ упомянутого леса, я не встречал других видов. Отсутствовал также млечник морской, который господствовал на солончаковых равнинах близ Иртыша, Кана и Ябагана. Упомянутые растения, составлявшие внешнюю границу растительности у котловины озера, имели налет горькой соли, и сама котловина озера была вся покрыта коркообразным чехлом кристаллов горькой соли, которые на наиболее высохших местах уже совсем отделились от лежащей под ними глины, так что соль можно было брать совершенно чистой. Скоро должны были начать сбор горь-

кой соли, так как в это время почти всегда держится сухая погода. Почва уже настолько высохла, что можно было теперь пройти всюду без риска утонуть. Я пошел по дну к острову в середине озера и нашел там ту же растительность, что и на берегу.

Протяженность озера с северо-северо-запада и на юго-юго-восток составляет примерно три версты, его наибольшая ширина — 200 сажен. Горькая соль выщелачивается от дождевой и снеговой воды и остается в этой котловине после высыхания воды. Ежегодно собирают 2000 пудов соли, из них 1000 пудов доставляют на стекольный завод в Барнаул, а другая 1000 пудов подвергается очистке (количество ее уменьшается при этом до 700 пудов), затем вывозится в аптеки Сибири и других областей.

Местность вокруг Локтевска весной и летом предоставляет для ботаника много интересного. Даже теперь я находил немало растений, которые в других местах не встречаются или встречаются редко, например жеруху водоплавающую (*Nasturtium natans*) — в очень большом количестве, новый клоповник, аржаницу батлачковидную (*Crypsis acuminata*) — на высохших теперь местах, ломонос сизый — очень часто среди кустарников, повилику одностолбиковую (*Cuscuta monogyna*) и пр.

Позднее время года напоминало мне, конечно, о том, что пора думать о возвращении домой. Поэтому 22 сентября я расстался со своим гостеприимным хозяином и выехал в Барнаул. Дорога почти до самого Барнаула шла сосновым бором. Мне хотелось свернуть на запад к большому соленому озеру, если, конечно, позволят обстоятельства, и мы решили двигаться примерно в западном направлении, через д. Перекличную к д. Белой, находящейся в 110 верстах от Локтевска. Оттуда еще 15 верст в том же направлении надо ехать до форпоста, где живут казаки, которые ведут надзор над соленым озером, находящимся в 35 верстах от форпоста, и наблюдают за тем, чтобы каждый, кто берет соль, платил за нее опре-

деленную (незначительную) пошлину.

В д. Белую мы въехали довольно поздно вечером 23 сентября. Из нее я должен был отправляться либо к соленому озеру, либо в Барнаул. Проснувшись на следующее утро, я увидел, что ночью выпал снег; это поколебало мое решение сделать крюк к соленому озеру, главным образом потому, что заморозки повторялись каждую ночь, отчего растительность сильно пострадала. Кроме того, невозможно было проехать за один день 35 верст до соленого озера и столько же обратно, не зная хорошо местность; у нас не было бы там пристанища, и даже дров для костра; вдобавок я не имел с собой палатки. Посему я решил ехать прямо в Барнаул. По дороге я встречал немало солончаков, о чем свидетельствовали многочисленные солончаковые растения. Некоторые из них были совершенно обычными для этих мест, например татарник пустынный новый (*Cirsium setigerum* n.) и несколько видов клоповника, один из которых был родствен клоповнику широколистному (*Lepidium latifolium*), другой — клоповнику толстостолбному (*Lepidium crassifolium*), хотя, возможно, это и были те же самые растения.

Ландшафт между Локтевским и Барнаулом степной, ровный, без малейшей возвышенности. Справа почти непрерывной лентой тянется сосновый бор, местами вырубленный. Почва частью глинистая, частью песчаная, кое-где выходят солончаки. Впрочем, я нашел полосу, покрытую березой и желтой акацией, листья которых крупнее обычного и совершенно гладкие. Нигде я не видел ни реки, ни хотя бы ручья, но зато здесь бесчисленное множество озер, и дорога во многих местах по-настоящему вьется между озерами, и все селения расположены около больших озер. Вода озер имеет различные свойства. Некоторые с довольно пресной водой, в других замечательная поваренная соль, в иных и поваренная и горькая соль вместе, так что воду пьют лишь привычные к этому стада скота из расположенных неподалеку селений. Во всех этих селениях выкопаны колодцы, что живо напомина-

ло мне о том, что я нахожусь вдали от гор, где всякое жилье, какое довелось увидеть, располагается у быстрых речек с чистой и холодной ключевой водой. В 50 верстах

от Барнаула я проехал Павловский металлургический завод, где плавятся серебряные руды, а 26 сентября незадолго до полуночи был в Барнауле.

Глава десятая

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ФЛОРЕ АЛТАЙСКИХ ГОР И ПРИЛЕГАЮЩИХ К НИМ СТЕПЕЙ

Юг и запад этого края, для изучения которых и было предпринято наше путешествие, представляют собой обширную степь. Почва ее частью песчаная, частью глинистая и более или менее солончаковая или горько-солончаковая. Здесь протекает Иртыш, меняющий выше Бухтарминска, от устья Нарыма, свое направление с западного на западо-северо-западное, сохраняющееся до Усть-Каменогорска; ниже Семипалатинска река течет примерно в северо-западном направлении, которое постепенно переходит в северное. Главной рекой той части степи, что простирается к северу от Иртыша, следует считать Алей: Уба течет по степи очень недолго, а Ульба, начинаясь в горах, бежит у их подножия рядом с Иртышом, в который впадет около Усть-Каменогорска. В северо-западной части находится множество озер, большинство которых богато поваренной и горькой солями; возможно, среди них нет ни одного совершенно пресного. Далее к югу, особенно в восточной части степи, раскинувшейся у основания гор, севернее Иртыша и по всей степи южнее этой реки разбросаны одиночные холмы или низкие цепи холмов. От Барнаула до д. Саушки, стоящей у подножия гор, они идут уступами высотой от 366 до 1156 футов.

От Барнаула до Локтевска и Шульбинского форпоста на Иртыше тянется густой сосновый бор; берега Алая, а также, возможно, и других небольших рек поросли лиственными лесами. Берега же Ульбы и Убы за пределами гор, насколько я мог их видеть, не имеют древесной растительности, и вообще большая доля этой степи, за исключением вышеупомянутого, непрерывной лентой протянувшегося от Барнаула до

Шульбинска соснового бора, совершенно безлесна. Далее же к северу в лесах недостатка нет. В этих степях, кроме обычно и в Европе бытующих растений, встречаются стародубка весенняя, прострел широкоцветный (оба в изобилии). Кроме того, здесь множество полыней, зонтичных, луков, качимов и кермексов (*Statice*); обширные пространства покрывают катунок рогатый и терескен серый; там, где почва насыщена солью, господствуют солончаковые растения из родов хруплявника, лебеды (*Atriplex*), мари (*Chenopodium*), франкении (*Frankenia*), гребенщика (*Tamarix*), солероса (*Salicornia*), сарсазана (*Halocnemum*), а также хориспора сибирская (в большом количестве), лебеда стебельчатая (*Diotis atriplicoides*) и пр. Далее к югу чрезвычайно часто попадаетея иксилирион татарский, можно найти также риндери обыкновенную и несколько реже — котовник украинский; на невысоких холмах растет красивый ширш.

Особенно богата степная флора около Иртыша, главным образом на его левом берегу, преимущественно в окрестностях Нор-Зайсана, где, кроме большой части уже упомянутых растений, заслуживают быть названными в первую очередь следующие: новый бутерлак (*Peplis*), камфорозма (*Camforosma*), многие, часто свойственные исключительно только этой местности виды сассыра (*Cachrus*); горичник (*Peucedanum*) и жабрица (*Seseli*); жестколистные из родов липучки (*Echinosperrum*) и воробейника (*Lithosperrum*); чернокорень растопыренный (*Cynoglossum veridiflorum*), трубкоцветник завитой новый (*Solenanthus circinnatus* n.), турнефорция сибирская (*Tournefortia*

Arguzia), белена маленькая (*Hyoscyamus pusillus*), ревень низкий (*Rheum leucorhizum*); песчанки — трубчатая, злаколистная, длиннолистная (*Arenaria Tubulata, filifolia, longifolia*); репка Ливениуса новая (*Cotyledon Lievenii* п.), мыльнянка изящная новая (*Saponaria elegans* п.), многие парнолистниковые, бобовник Сиверса (*Ammodendron Sieversii*), джужгун безлистный (*Caligonum Pallasia*), саксаул новый, шиповник персидский (*Rosa berberifolia*), лютик плоскосемянный (*Ranunculus platyspermus*), теке-сакал восточный, змееголовник цельнокрайнелистный новый (*Dracocephalum integrifolium* п.), два новых вида субурчуна (*Eremostachys* п.) — род, представляющий собой нечто среднее между зопником (*Phlomis*) и молуккской травой (*Moluccella*), зопник нивяный новый (*Phlomis agraria* п.), бурачки (*Alyssa*), разноплодник прямой (*Chorispora stricta*), гольдбахия (*Goldbachia*), клоповники, мегакарпея (*Megacarpaea laciniata*), стеригмостемум пушистый (*Sterigma tomentosum*), таушерия (*Tauscheria*); масса астрагалов, часть которых кустарники; копеечник бледноцветный, чингиль серебристый (*Robinia Halodendron*), татарник огненный (*Cirsium igniarium*), горькуши, серпухи и козельцы, козлобородник красный (*Tragopogon ruber*) и др. Многие из этих растений встречаются и в окрестностях Локтевки.

Когда поднимаешься из этой степи в горы, то до высоты 4500 футов флора гораздо более сходна с европейской, чем в степи, хотя и здесь нередко своеобразные виды. Последние принадлежат преимущественно к весенней флоре; появляются они также на крутых, обрывистых скалах и на берегах диких горных речек, которые в подоводье затопляются водой. Встречаются такие места, где прекрасно растут горечавка колоритная и кортуза Маттиоля, в изобилии сердечник крупнолистный, камнеломка (*Saxifraga Geum*), мытник перевернутый (*Pedicularis resupinata*) и немало других. На тучных пастбищах, расположенных у подножия высоких гор или раскинувшихся между ними, отыщутся многие растения, свойственные только Сибири. И, наоборот, на пологих холмах и местах, покры-

тых редколесьем, найдешь лишь такие растения, которые встретишь обычно и в Европе. Растут они главным образом там, где образуются стоячие болота, в которые не попадает стекающая с гор свежая ключевая вода. Однако следует отметить, что и на болотах здесь бываюи кое-какие своеобразные растения.

Местная весенняя флора представлена в основном лютиковыми и лилейными; лютик многокоренной; стародубки — весенняя, лесная и волосистая (*Adonis villosa*); пион степной, прострел широкоцветный; ветреницы — белая, алтайская, тенистая новая (*Anemone umbrosa* п.); княженик, гусятник нитевидный новый, хлебinka одноцветная (*Ornithogalum uniflorum*); тюльпаны — алтайский и трехцветный (*Tulipa altaica, tricolor*); кандык сибирский; далее пьяный корень; хохлатки — желтая, длинноцветковая (*Corydalis longiflora*); лентиица алтайская, касатик-узик; ирисы — сизолистный новый и желтый.

Из местных растений, бытующих на скалах, назову главным образом следующие, наиболее часто встречающиеся, хотя некоторые из них не имеют широкого распространения, а попадают лишь в отдельных местах*: вероника перистолистная (*Veronica pinnata*), зизифора пахучковидная (*Ziziphora media*); змееголовник — белоподкладистый*, зубчатый, каменный*, Руиша, болотный; шизонепета душистая, богородская трава (*Thymus angustifolius*), патриния сибирская, проломник пушистолистный, незабудочник скальный; ономы — обыкновенная и Гмелина* новая; хамеродосы — прямой и алтайский; гониолимон красивый, анагаллидиум вильчатый*, ленолистник каменный* новый, володушка двухстебельная, различные луки, звездчатка коротколепестковая*, качим (*Gypsophila thesiifolia*), горноколосник колючий (*Orostochys chlorantha*); скрыпуны — Эверса* (*Sedum Ewersii*) и гибридный; смолевки — алтайская*, вздутая и узколистная новая; лапчатки — сибирская, шелковистая (*Potentilla pensylvanica, sericea*) и другие виды этого рода; василистник ширококты-

* Они обозначены звездочкой. (Прим. автора).

чиночный, льнянка алтайская, бурачки, желтушник прямой (*Erysimum lanceolatum*), ночная фиалка степная*, астрагалы, остролодочник щетинистоволосистый (*Oxytropis setosa*), астра альпийская, василек сибирский, косогорник пурпуровый новый (*Prenanthes diversifolia* n.), кузьмичева трава.

На упомянутых лугах встречаются борщевики (*Heraclea*) — высотой в рост человека; стеноцелиум атамантовидный (*Sesili athamantoides*), татарник раздельнолистный, альфредия поникшая (*Silybum cernuum*), бубенчики, живокости, акониты, тысячелистник-недотрога (*Achillea impatiens*), многие виды колбы (*Veratrum*), различные василистники (*Thalictra*), бузульник алтайский (*Senecillis glauca*), козлобородник восточный (*Tragopogon orientalis*), мытник густоцветковый (*Pedicularis elata*) и красивые мытники хоботковые, покрывающие большие пространства. Из своеобразных болотных растений этой местности я назову следующие: проломник нитевидный; фиалка, родственная трехцветной; лютики — солончаковый, изящный новый, плавающий новый (*Ranunculus natans* n.); горечавка бородавчатая (*Gentiana barbata*), татарник Гмелина (*Cirsium Gmelini*), лапчатка узколистная, лук топяной новый. А на местах, затененных кустарником или низкими листовыми деревьями, растут первоцвет сибирский, астрагал возвышенный (*Phaca exaltata*), мытник прекрасный и др.

Там, где расстилаются долины рек (например, пойма Чарыша близ места впадения в него Керлыка или пойма Коксуна у устья нижнего Абая), между рекой и граничащими с долиной горами простирается совершенно ровная степная равнина, подобная той, которая находится у подножия гор, хотя и много роскошнее, имеющая более своеобразную растительность. Здесь растут выюнок Аммана, горечавка Геблера; лапчатка, родственная пепельно-серой; горькуша (*Saussurea* n. sp.); горичник влажлищный новый (*Peucedanum vaginatum* n.), высота которого на засушливых местах не превышает нескольких дюймов; астра алтайская, вероника беловойлочная, птитотрихиум степной, полыни, лютик орляниковый, гулявник новый (*Sisymbrium*

macranthum n.), пустырник беловойлочный, разные виды одуванчика; а по мере того, как почва становится более или менее солончаковой, среди прочей флоры встречается и вышеупомянутое солончаковое растение — млечник морской, который нередко сплошь покрывает почву.

На высоте 4500—6500 футов, где кедр сибирский образует современную границу древесной растительности, европейские растения постепенно исчезают, уступая место алтайской высокогорной флоре. Здесь произрастают большинство видов мытника (*Pedicularis*), кровохлебка альпийская новая, первоцвет снеговой, вероника густоцветковая новая; горечавки — алтайская, угловатая, сивая, приземистая (*Gentiana glacialis, humilis*), семирассеченная, свертия тупая новая, порезник головчатый новый, лен сибирский, жимолость жестковолосистая, первоцвет Палласа; фиалки — алтайская, одноцветковая и рассеченнолистная; ситник полярно-альпийский (*Juncus triglumis*), кипрей альпийский (*Epilobium alpinum*), ясколка альпийская (*Cerastium alpinum*), камнеломка болотная (*Saxifraga Hirculus*), кизильник одноцветковый новый, лапчатка снежно-белая новая (*Potentilla macrantha* n.), водосбор липкий (*Aquilegia glaundulosa*), лютик алтайский (*Ranunculus altaicus*), ветреница зонтичная, змееголовник алтайский, линнея северная, зопник альпийский, еутрема цельнолистная, длинноножка снеговая, остролодочники — алтайский и серо-желтый новый, дороникум алтайский, мелколепестник шерстисточашечный, горькуша Фролова, левзея алтайская, горькуша байкальская новая (*Saussurea ruscosephala* n.), множество ив и разные другие растения.

Внутри этой области, около Чуи, раскинулись степи, поднимающиеся террасами одна за другой. Самая высокая из них (там побывал Бунге) и наименьшая, высота которой в ее западной оконечности составляет 5759 футов, различаются своей растительностью еще больше, чем расположенные ниже, по берегам Чарыша и Коксуна, степи. Эти степи крайне сухие, и в них выживают отдельные группы растений, свойственные исключительно такого рода почвам. Несколько видов ежевника (*Anabasis*), новая кустарниковая лебеда; новая, также кустарни-

ковая марь; три новых парнолистников (*Zygophylla*); несколько новых кустарниковых и очень сильно пахнущих полыней; хохлатка прямая (*Corydalis stricta*) — в больших кустах; несколько видов остролодочника с неотпадающими колочими черенками листьев, часть с мутовчатыми листьями, которые образуют низкие кусты, — все это составляет с немногими другими растениями всю хотя и бедную, но интересную флору этих степей.

На несколько сот футов выше нынешней границы леса попадают высокие древесные стволы и прижатые к земле кустарники, как-то: можжевельник сланцевый, березка круглолистная, несколько ив, кизильник одноцветковый и куропаточья трава. Из трав здесь произрастают многие, встречающиеся и в других зонах, но бывают и совершенно своеобразные виды, как например: пушица рыжеватая новая (*Eriophorum chamissonis* n.), шульция рассеченолистная (*Athamanta crinita*), кляйтония остролистная; горечавки — снеговая и поникшая; ломатогониум корнятийский (*Gentiana nutans* и *rotata*), сиббалдия стелющаяся (*Sibbaldia procumbens*), ожика колосистая, кисличник почколистный (*Oxyria reniformis*); песчанка, родственная одному мокричнику Гельма (*Arenaria Helmii* aff.); песчанка красивая и другой новый вид этого растения; биберштейния пахучая (*Bibersteinia odora*), ясколка мелковетковая (*Cerastium pauciflorum*), горичвет безлепестной, зорька траурная новая (*Lychnis tristis* n.), камнеломки — клубненосная, гребенчаторесничатая новая, теректинская новая и колосоцветная (*Saxifraga cernua*, *glandulosa* n., *terectensis* n и *hieraciifolia*); скрипун розовый новый и радиола четырехлепестная, термopsis альпийский; лапчатка — холодная и снежно-белая; мак голостебельный, каллиантемум узколистный, василистник альпийский, многие виды мытника; крупки — мясистая новая, водяная новая, голостебельная (*Draba lactea*); паррия бесстебельная новая (*Parrya exscapa* n.), хохлатка малочветная (*Corydalis pauciflora*), астрагал холодный (*Phaca frigida*), клевер альпийский новый (*Trifolium grandiflorum* n.), полынь альпийская (*Artemisia alpina*), крестовник, родственный головчатому, и раздельноли-

стный новый; ястребинка шафранная новая, несколько видов одуванчика, ромашка красивая новая (*Pyrethrum pulchrum* n.), горькуша карликовая, ятрышник зеленый и различные травы и осоки. Впрочем, в этой зоне есть и такие растения, которые можно найти здесь на каждой возвышенности. Калужница болотная растет обычно всюду по берегам маленьких горных речушек; Иван-чай также встречается местами выше границы леса, лишь немного изменяя там свой внешний вид. Кандык сибирский появляется всюду, где только стаивает снег.

Верхняя граница деревьев, которой я считал высоту 6500 футов, проходит не везде на одном уровне. Она зависит иногда от вида дерева, иногда от страны света, к которой обращен склон. На южных склонах гор у истоков Чарыша я нашел последний кедр на высоте 6541 фута над уровнем моря. Когда же я поднялся по северному склону Коргонского плато, то пределом для этого дерева оказалась уже высота 5254 фута, а на Коксунских белках (восточный и западный склоны) — 5692 фута. На Ульбинских белках, на Крестовой горе около Риддерска, где границу деревьев образуют лиственницы, они кончаются на юго-западном склоне на высоте 5500 футов, хотя еще на высоте 6187 футов стоит одинокая высохшая лиственница.

Деревья разных видов группируются на высоте, по моим наблюдениям, следующим образом. Березы, ели и сосны занимают нижние ступени. Березы бородавчатые на Крестовой горе близ Риддерска остаются на высоте 4536 футов, на восточной стороне Коксунских белков они поднимаются до 5263 футов. Сосны, растущие обычно на песчаных почвах и гранитных горах, редко встречаются выше 3000 футов над уровнем моря. И, наоборот, ели, которых я почти не видел в степях между Барнаулом и Змеиногорском, но очень часто встречал западнее Барнаула (по пути туда), где они с сосной образуют смешанные леса, очень часто видел также в горах, где они поднимаются до 5272 футов, хотя выше 4000 футов встречаются уже реже.

Пихта попадает вместе с упомянутыми хвойными у подножия гор, но чаще с елью, и по-настоящему

много ее на высоте 2000—2300 футов. Выше же 4000 футов эти деревья преобладают над елью и образуют на высоте 4000—5000 футов большие и густые леса. Выше 5272 футов я их не находил, и верхняя граница их распространения совпадает с верхней границей ели.

Я не помню, чтобы встречал лиственницу на высоте меньшей, чем 2580 футов. Ее верхняя граница на Крестовой горе близ Риддерска находится на высоте 5500 футов. Выше 4000 футов она образует большие леса и покрывает северные склоны таких гор, как Холзун, Листвяга и многие другие.

Кедр появляется сначала на высоте 4000 футов, но нигде не встречается в таком количестве, чтобы на обширном пространстве составить главную часть леса (только близ Чечулихи есть, по слухам, кедровый лес, хотя сам я его не видел); поднимается же он на наибольшую высоту из всех местных деревьев — до 6541 фута.

Если эти леса, особенно пихтовые, очень густы, подобно тому лесу, который я видел на северном склоне Таловской сопки близ Риддерска, то в них почти совсем не растет никакая трава. Если же они менее густы и почва влажная, то в них необычайно пышная растительность. Акониты (*Aconita*), вонючка обыкновенная (*Cimicifuga foetida*), крестовник речной (*Senescio saracenisus*), недоспелка копьевидная (*Cacalia hastata*), синюха обыкновенная (*Polemonium coeruleum*), чина желтая, пион степной, резуха вислоплодная (*Arabis pendula*) и многие другие растения достигают нередко значительной высоты — от восьми до десяти футов и выше. Там же, где леса очень редкие и где почва сухая, всегда очень скудная растительность.

О границе снегов трудно сказать что-нибудь определенное по результатам исследований одного года. На северной стороне гор близ Риддерска, в ущельях на высоте 5500 футов, я видел снег на протяжении всего лета. Случается ли это ежегодно, не могу сказать достоверно, так как мои собственные наблюдения ограничиваются одним летом, но мне говорили, что так происходит каждый год, хотя количество нарастающего снега бывает разным. На некоторых покатых к северу склонах Коргонского плато, на высоте 6700 футов, я нашел большие

массы снега, в которых ясно можно различить наслоения различной давности. На южных же склонах всех виденных мною вблизи гор я не нашел многолетнего снега. Хотя из своего лагеря близ Сентелеска я и наблюдал 26 июля покрытые в то время снегом вершины Башчелакских альп, но не знаю, бывают ли они покрыты снегом в течение всего лета. Крестьяне утверждают это, однако крайне трудно поручиться, за их сведения о подобных вещах.

Относительно высоты произрастания зерновых культур тоже не могу что-нибудь утверждать, но я видел хлебные поля, лежащие между деревьями Белая и Фыкалка, южнее Холзуна, на высоте около 4000 футов над уровнем моря, что, по-видимому, составляет предел проживания оседлого населения (д. Фыкалка). Возможно, некоторые калмыки, кочующие по горной Чуйской степи, зимуют на еще большей высоте, но их юрты нельзя уподоблять постоянному жилищу. Однако мне неизвестно, где проводят эти калмыки зиму, так как я сам не бывал в тех местах.

Если принять во внимание географическое положение обследованной нами местности, то нельзя, конечно, ожидать здесь никаких иных главных растительных форм, кроме тех, подобные которым встречаются в Северной и Средней Европе, ибо известно, что при одинаковой широте (как бы они ни различались по долготе) растительные формы становятся более общими по мере удаления от экватора и приближения к Северному полюсу. Однако следует предположить, что в крае, отрезанном от Европы огромным, протянувшимся с севера на юг Уральским горным хребтом и неизмеримой, раскинувшейся у его южных и восточных подножий степью крае, который избороздили горы, чьи высочайшие вершины вторгаются в область вечных снегов, найдется немало видов растений, отличных от европейских. Небезынтересно поэтому сравнить флору этой зоны с флорой той европейской страны, которая имеет с ней много общего по географическому положению, т. е. Германией. Лежащая на той же широте, имеющая очень сходный рельеф, также ограниченная с юго-востока высочайшими горами, прорезан-

Семейство	Число известных видов		Семейство	Число известных видов	
	в Германии	на Алтае		в Германии	на Алтае
1	2	3	1	2	3
Рдестовые	35	13	Пузырчатковые	5	3
Ароидные	6	1	Маскоцветные	100	62
Рогозовые	7	3	Вербеновые	1	0
Осоковые	131	50	Губоцветные	126	59
Злаки	195	103	Жестколистные	53	36
Ситниковые	42	17	Пасленовые	37	8
Хвойные	14	9	Вьюнковые	8	8
Виноградные	18	8	Синюховые	1	2
Гвоздичные	58	34	Жасминовые	3	0
Касатиковые	17	7	Горечавковые	41	24
Водокрасовые	9	5	Скрученные	2	4
Кувшинковые	4	3	Вересковые	26	9
Ятрышниковые	54	13	Колокольчиковые	45	11
Киркозоновые	3	0	Лобелиевые	1	0
Лебедовые	34	32	Артишоковые	46	47
Маревые	43	60	Васильковые	16	8
Амарантовые	6	2	Сложноцветные	52	47
Санталовые	5	4	» (<i>Perdicieen</i>)	1	2
Ягодниковые	8	5			
Сережчатые	104	54	» (<i>Radiaten</i>)	113	56
Крапивные	10	7	» (<i>Cichoreen</i>)	133	51
Молочайные	32	16			
Подорожниковые	10	8	Скрученоцветные	18	2
Свинчатковые	3	7	Валериановые	19	6
Первоцветные	42	17	Тыквенные	2	0
Мареновые	33	12	Каперцовые	5	0
Жимолостные	15	9	Роснянковые	4	1
Омеловые	3	0	Бальзаминовые	1	2
Плющевые	1	0	Гераниевые	19	13
Зонтичные	114	62	Кисличные	3	1
Камнеломковые	28	10	Присвириновые	15	4
Терпентиновые	4	0	Липовые	4	0
Крушиновые	13	2	<i>Eisteen</i>	10	0
Барбарисовые	2	2	<i>Jonidien</i>	24	15
Рутовые	2	8	Франкениевые	0	2
Кленовые	6	0	Гвоздичные	110	78
Онагриковые	19	8	Льновые	13	6
Тамарисковые	1	5	Портулаковые	3	1
Ивовые	5	3	Толстянковые	7	6
Крестоцветные	156	103	Миртовые	2	0
Дымянковые	10	7	Ояитковые	31	11
Маковые	11	4	Розовые	192	74
Лютиковые	96	71	Реомюровые	0	1
Истовые	10	2	Сомнительное родство	2	1
Стручковые	156	130			

ными крупными реками, эта страна кажется наиболее подходящей для сравнения, если игнорировать, например, то, что близость моря создает в ней большее разнообразие физических условий. В ботаническом отношении Германия исследована обстоятельно. Этого, конечно, нельзя сказать насчет Алтая, но в горах, в самых различных пунктах, которые находятся на одинаковой высоте, наблюдается в целом такое большое сходство флоры (за немногими исключениями, обусловленными различием почв, в частности в степи), что мы можем взять эту флору, пусть и не исчерпывающе, но достаточно знакомую нам, для сопоставления с другой.

В Алтайских горах и в прилегающих к ним степях, насколько мы смогли в них углубиться, мы изучили 1600—1700 явнотрачных растений. В Германии же их, по Блоффу и Фингергуту*, 2880 видов.

По количеству видов германская флора относится к алтайской приблизительно как 7:4. Нижеследующая таблица дает нам соотношение между различными семействами в обеих флорах:

* Bluff u. Fingerhut. Compendium Florae Germaniae. Norimbergae, 1825. Т. I, II. При следующих сравнениях я брал за основу данные этого сочинения, так как оно — новейшее описание германской флоры, охватывающее все классы растительного мира (за исключением тайнотрачных). (Прим. автора).

Из этого сопоставления видно, что семейства в обеих зонах ни в коем случае не аналогичны. В Германии известны 13 семейств, которые отсутствуют на Алтае, а именно: киркозоновые, вербеновые, жасминовые, лобелиевые, тыквенные, омеловые, плющевые, терпентиновые, кленовые, каперцовые, липовые, *Eisteen* и миртовые. Они содержат вместе 45 видов и составляют поэтому 1/64 всей германской флоры. На Алтае, напротив, встречаются два семейства — франкениевые и реомюровые, вместе с тремя видами, которые отсутствуют в Германии. Но и те семейства, которые общи для обеих стран, не содержат сравнительно одинакового для этих стран числа видов. Осоковые составляют в Германии 1/22, на Алтае — 1/32 всей флоры; злаки в Германии — около 1/15, на Алтае — около 1/16, сережчатые в Германии — 1/28, на Алтае — 1/30; маскоцветные в Германии — 1/29, на Алтае — 1/26; губоцветные в Германии — 1/23, на Алтае — 1/27; ароидные, ситниковые, виноградные, касатиковые и ятрышниковые вместе составляют в Германии 1/21, на Алтае — лишь 1/35 всей флоры. И, наоборот, в Германии лебедовых только на два больше, чем на Алтае, это семейство составляет соответственно 1/85 и 1/50; а в отношении маревых германская флора так отстает, что это семейство в Германии составляет лишь 1/67, на Алтае же — 1/27. Менее богата германская флора также подорожниковыми, свинчатковыми и вьюнковыми, они составляют там лишь 1/137, на Алтае же — 1/64 всей флоры, но, с другой стороны, германская флора значительно превосходит алтайскую в отношении первоцветных, пасленовых, вересковых и колокольчиковых, которые там составляют 1/19, на Алтае — 1/37. Сложноцветные вообще составляют в обеих флорах около 1/8, но по отдельным разделам обнаруживается разница. В то время, как в Германии перевешивает число васильковых, *Radiaten* и *Cichoreen*, Алтай более богат *Eupatorinen*, *Perdiceen* и особенно артишоковыми, причем последний раздел даже гораздо многочисленнее, чем в Германии. Скрущенноцветные, валериановые, маревые, жимолостные и крушино-

вые составляют в Германии 1/26, на Алтае — 1/50; рутовые и тамарисковые, наоборот, в Германии — лишь 1/960, на Алтае — 1/123; зонтичные в Германии — 1/25, на Алтае — 1/26; крестоцветные в Германии — 1/18, на Алтае — 1/12. В просвириковых, льновых, портулаковых и очитковых немецкая флора снова имеет преимущество, которое она уступает алтайской лишь в отношении *Jonidien* и толстянковых. Гвоздичные составляют в Германии 1/26, на Алтае — 1/20 и, наконец, розовые в Германии — 1/15, на Алтае — 1/21, хотя многие из большого числа видов ежевики, которые в последнее время различаются в Германии, при внимательном рассмотрении обнаружены и на Алтае.

Особенно поражает в алтайской флоре крайняя бедность лиственными деревьями. Выше мы видели, что терпентиновые, кленовые и липовые отсутствуют в этой флоре, отсутствуют здесь также и следующие роды: дуб (*Quercus*), бук (*Fagus*), граб (*Carpinus*), ясень (*Fraxinus*) и др. Березы являются почти единственными лиственными деревьями, сравнительно часто встречающимися, затем идут осины, которые образуют небольшие рощи. Кроме этих деревьев в низинах и по берегам рек растут некоторые виды тополя. Все прочие лиственные деревья не настолько крупны и попадают столь редко, что их не стоит здесь подвергать специального разбору. Что же касается травянистых растений, то легко обнаруживается несоответствие числа однолетних и многолетних трав. Число первых крайне ничтожно даже в низинах. На высокогорьях же и на белках они почти совершенно отсутствуют. Там, где растения во время цветения на более или менее продолжительное время покрываются снегом, однолетние выдерживают недолго и дают при этом зрелые семена лишь в исключительных случаях, в то время как многолетние меньше страдают от морозов: их корневища остаются невредимыми и дают новые побеги.

Эта флора имеет еще ту особенность, что во многих семействах, состоящих из большого числа видов, число родов относительно незначительно и большинство родов кажется вытесненным одним или несколькими

родами. Так, в семействе маскоцветных род мытник включает около трети всех видов; в семействе жестколистных род незабудка (*Myasotis*) и род липучка составляют более половины видов. И в семействе артишоковых более половины видов принадлежат к родам горькуша и серпуха (*Serratula*); среди сложноцветных (*Eupatorinen*) полыни составляют 2/3; среди рутовых 3/4 видов относятся к роду парнолистных (*Zygophyllim*). Особенно поразительным это кажется в семействе бобовых: здесь примерно 3/5 всех видов этого многочисленного семейства состоит из родов астрагал (*Asragalus*), остролодочник и *Phaca*. И, наоборот,

есть роды, которые в иных местностях обычно связаны с большим количеством видов, здесь же, например, люцерна (*Medicago*) имеет всего два вида, а клевер (*Trifolium*) — 5 видов.

Папоротников, согласно определению Линнея, мы нашли 23 вида, из которых почти 1/3 относится к роду хвощ (*Equisetum*).

Прочие тайнообразные при обилии других растений из-за отсутствия времени мы не смогли рассмотреть так тщательно, как это было бы нужно, чтобы сравнивать во всех частностях здешнюю флору с флорой других зон, на то, что нам известно, не говорит о большом разнообразии этих видов.

Глава одиннадцатая

ОПИСАНИЕ БАРНАУЛА.

ЗАМЕТКИ О КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКОМ ГОРНОЗАВОДСКОМ ДЕЛЕ

Барнаул, который с 22 июля 1822 г. является окружным городом, расположен на левом берегу Оби, там, где в нее впадет речка Барнаулка, на высоте около 366 футов над уровнем моря, на песчаной равнине. По ней идет возле города шоссе, на протяжении двух верст обсаженное деревьями. Город находится на расстоянии $4519\frac{1}{2}$ версты от С.-Петербурга, 3799 верст от Москвы, $1468\frac{1}{2}$ версты от Тобольска, 937 верст от Омска, $398\frac{1}{2}$ от Томска и $1939\frac{1}{2}$ версты от Иркутска. Как окружной город, он относится к Томской губернии, но принадлежит к Колыванскому горному округу, который совершенно не зависит от губернии и непосредственно подчиняется императорскому Кабинету в С.-Петербурге. Однако современный начальник Колыванских заводов является в то же время Томским гражданским губернатором; живет он обычно в Барнауле и только время от времени ездит по делам в губернский город Томск.

О барнаульском климате я мог узнать путем личных наблюдений лишь немного, так как находился там один весенний месяц (с 9 марта по 9 апреля) и около трех месяцев осенью и зимой (с 30 сентября по 23 декабря). Весна наступила в этом году уже в начале апреля, но мне говорили,

что это необычно рано. В конце сентября в степи выпал снег и начались морозы, как уже описано в моем дневнике. Самый сильный мороз, отмеченный мной в Барнауле и вообще за все время пребывания на Алтае, испытанный, следовательно, в течение двух зим на собственном опыте, был $-23,5^{\circ}\text{R}$ в первой половине ноября. Однако нередко якобы случается, что три-четыре раза за зиму в термометре замерзает ртуть. Меня уверяли тем не менее, что эти сильные морозы не столь неприятны, как можно предположить, потому что воздух вполне спокоен, ветра не бывает, но, когда мороз крепчает до точки замерзания ртути, погода становится такой пасмурной, а воздух таким туманным, что солнце показывается только в полдень на каких-нибудь пару часов. В летние же месяцы здесь обычно очень жарко.

Кроме измерений термометром, который постоянно находится при барнаульском госпитале, по моей просьбе и после моего отъезда продолжались барометрические измерения; данные как тех, так и других измерений (получаемые мною в течение года, с 6 апреля 1826 г. по 6 апреля 1827 г., и производившиеся ежедневно (за исключением периода с 13 по

31 декабря 1826 г.) благодаря благо-
склонному участию д-ра Геблера) да-
ют мне возможность сообщить сведе-
ния о состоянии средней температуры
в Барнауле.

Из этих измерений, производив-
шихся регулярно три раза в день (в 6
часов утра, в 12 часов дня и в 6 ча-
сов вечера), мы получили следующие
результаты:

Средняя температура (R)				
Время года	6 ч утра	12 ч дня	6 ч вечера	Среднесуточная
Январь	-15,87	-11,03	-12,95	-13,28
Февраль	-13,51	-6,12	-8,73	-9,45
Март	-6,45	-0,59	-0,88	-2,64
Апрель	+ 3,37	+ 8,08	+ 7,51	+ 6,30
Май	+ 9,55	+ 13,74	+ 12,21	+ 11,83
Июнь	+ 13,96	+ 18,35	+ 17,40	+ 16,57
Июль	+ 11,16	+ 17,00	+ 14,91	+ 14,35
Август	+ 7,22	+ 13,48	+ 11,96	+ 10,88
Сентябрь	+ 2,55	+ 10,10	+ 8,63	+ 7,09
Октябрь	-1,80	+ 1,03	-0,08	-0,28
Ноябрь	-11,71	-9,08	-9,58	-10,22
Декабрь	-11,46	-9,54	-10,66	-10,55
Весна	+ 2,13	+ 7,07	+ 6,28	+ 5,16
Лето	+ 10,78	+ 16,27	+ 14,75	+ 13,93
Осень	-3,65	+ 0,68	-0,34	-1,10
Зима	-13,61	-8,89	-10,78	-11,09
Среднегодовая	-1,08	+ 3,78	+ 2,48	+ 1,72

Такая низкая температура + 1,72° — для местности, лежащей под 53° с. ш., кажется, конечно, очень странной, но нужно принять во внимание ее восточное местоположение, а также близость Алтайских гор с их снежными вершинами. Кроме того, средняя температура по измерениям одного года ни в коем случае не может дать полного представления о климате местности, хотя у меня есть основание думать, что последующие измерения могут дать скорее более низкую, нежели более высокую температуру в Барнауле. В течение зимы здесь не наблюдалась температура ниже — 29°, но и она держалась недолго. Напротив, я заметил, что лето в 1826 г. ни в коем случае нельзя назвать теплым, так как в самые жаркие дни температура достигала лишь + 23°, чем уравновешивается отсутствие больших морозов.

Наиболее теплый месяц — июнь, средняя температура которого + 16,57°, самый холодный — январь, со средней температурой — 13,28°; разница между самым жарким и самым холодным днями в году 29,85°. Бросается, конечно, в глаза то обстоятельство, что первая половина лета наиболее теплая. Следует заметить также, что данные измерений, производимых в 6 часов вечера, приближаются, по крайней мере для Барнаула, к средней температуре каждого месяца, что можно видеть из предыдущей таблицы.

Все овощи вызревают здесь очень хорошо, в том числе и арбузы, которые в огромном количестве высаживаются в открытый грунт и только первое время в холодную погоду накрываются корзинами. Фруктовых деревьев очень мало, что зависит, видимо, не столько от климата, сколько от недостатка внимания к этим культурам. Отдельные яблоки в местных садах приносят плоды, которые я нахожу небезвкусными. Как мало следовало бы бояться здесь неудач в опытах по возделыванию полезных растений, видно хотя бы из того, что цветную капусту, о которой Паллас писал, что она в бытность его на Алтае не росла*, я, однако, видел и ел сам, и к тому же отличного качества. Она представляет собой кочаны завидной величины.

Воздух здесь не всегда бывает чистым, загрязняясь от дыма металлургического завода и особенно обжигательных печей, хотя это, по-видимому, не вредит здоровью жителей. У них у всех здоровый вид, нет и специфических болезней, появляющихся из-за вредного воздуха. Хорошо себя чувствуют и домашние животные, кроме разве кур, с которыми случаются эпилептические припадки и которые частодохнут, что приписывается близости обжигательных печей, поскольку там, где нет металлургиче-

* Pallas. Op. cit. S. 635. (Прим. автора).

ских заводов, с курами все благополучно.

О замерзании и вскрытии Оби у Барнаула дает представление прилагаемая таблица* наблюдений в течение 50 лет (см. табл. 10 Приложений). Подъем воды в этой реке происходит дважды в год, а именно в апреле или начале мая, когда тает снег на низменных местах, и в июне, когда начинают таять снега на высоких горах. В результате 22-летних наблюдений установлено, что весной река поднимается в среднем на 4 аршина 11 $\frac{3}{4}$ вершка, а летом — на 4 аршина 6 вершков. Западный берег Оби, окаймленный привлекательной решетчатой балюстрадой, достигает высоты 50 футов, восточный, наоборот, пологий и ежегодно затопляется.

Протяженность города в его наибольшем измерении с юго-запада на юго-восток составляет три версты, ширина широкого конца — полторы, узкого — немногим меньше версты; площадь города равна приблизительно четырем кв. верстам. Застроен он планово, имеет приятный изящный вид; улицы широкие и прямые, переулки пересекают их под прямым углом. Так как бульжника поблизости нет, нынешний начальник в некоторых местах города приказал мостить улицы шлаком. Бульвар на Московской улице, засаженный двумя рядами тополей, является местом прогулок жителей города. Точные данные о числе домов с относящимися к ним пристройками можно найти в табл. 16 приложений. Среди общественных зданий немало таких, которые выстроены недавно и привлекают своим внешним видом.

На открытой площади к северо-западу от заводского двора к празднованию 100-летия Колыванских горно-металлических заводов усоренными темпами сооружается обелиск** из тесаного гранита высотой 70 футов. С

этой площади можно пройти к Оби улицей, вдоль которой выстроено несколько зданий, принадлежащих администрации завода. На одной стороне улицы стоят каменное здание канцелярии завода, склад москательных товаров, военно-судебная комиссия, на другой — лазарет, рядом — жилища заводских чиновников и казенная аптека, выстроенная также из камня. Прямо перед ним находится главный фасад здания типографии. За ним расположен цейхгауз 4-го Горного батальона, его штаб и здание консистории. Эти три здания располагаются на обширной площади, на северном конце которой высится собор. На площади, на некотором расстоянии от собора, находится могила первого начальника Колыванских металлургических заводов генерал-лейтенанта Бейэра³⁹, огороженная чугунной решеткой. На северо-восточной стороне площади расположено здание, в котором помещается музей — о нем мы расскажем ниже более подробно.

Позади зданий канцелярии и материальным складам поместился заводской двор, ограниченный частью зданиями, частью каменными стенами, частью же деревянным забором. Площадь этого двора составляет около $\frac{1}{4}$ кв. версты. Кроме корпусов сереброплавильного завода здесь находятся и другие здания, принадлежащие заводу, а также угольный склад, запасы различных руд, ссыпанные в груды и приготовленные к плавке. Посредине протекает Барнаулка, впадающая в Обь с юго-западной стороны; здесь она запруживается, и сила ее воды используется для движения машин. Чтобы при внезапном весеннем паводке можно было быстро отвести воду из пруда, выкопан запасной канал, который (снабженный свободным шлюзом) отводит воду с северо-восточного конца пруда в Барнаулку. Дамба сооружена прочно и красиво обсажена деревьями; чугунная балюстрада, павильон и некоторые другие украшения придают ей очень привлекательный вид. Около этой дамбы, параллельно ей, располагаются два здания сереброплавильного завода, старое и новое, между которыми проходит главный канал, отводящий воду после того, как она приведет в движение заводские меха-

* Эта таблица позаимствована из Сибирского вестника Спасского (1820, т. 9, с. 45 и 460). (Прим. автора).

** Этот обелиск будет иметь надписи с двух сторон. На одной стороне: «Столетию Колывано-Воскресенских заводов, совершившемуся в царствование императора Александра I лета 1825». На противоположной стороне: «Колывано-Воскресенские заводы основаны статским советником Демидовым в 1725 году, вступили в собственность Его Императорского Величества в царствование Императрицы Елизаветы I в 1747 году». (Прим. автора).

низмы и выльется двумя большими дугами из широко разинутых пастей каменных сфинксов.

Оба здания — это массивные сооружения из кирпича. Длина старого здания сереброплавильного завода достигает 50 сажень. Новое здание, сооруженное по проекту г-на Фролова, имеет 64 сажени в длину и 10 сажень в ширину. Своими большими размерами, колоннами на фасаде и привлекательным общим стилем здание производит очень эффектное впечатление⁴⁰. Планирование и сооружение изолированной стропильной фермы, возведенной во всю ширину здания, было связано, по-видимому, с большими трудностями. Здание снабжено огромными воздуходувными машинами, поддерживающими пламя во всех печах.

В павильоне, справа у конца нового здания сереброплавильного завода, г-н Фролов недавно устроил бумажную фабрику, которая поставляет хорошую писчую и различную оберточную бумагу по сносной цене и тем самым восполняет существующий недостаток в ней. До сего времени заводская администрация ежегодно приобретает в Ирбите бумагу на 13 000 руб. То, что в Барнауле оказалась бумажная фабрика, было для меня приятной неожиданностью, ибо я испытывал бы определенные затруднения, не зная чем возмещать потребность в бумаге для вкладывания растений, ведь каждому из нас приходилось возить с собой запас растений, собранных в течение всего лета, а во время путешествия бумагу приобрести просто негде.

Площадь, на которой сооружается упомянутый гранитный обелиск, будет по завершении начатого вокруг нее строительства украшением города⁴¹. Одна сторона площади, обращенная к заводскому двору, обнесена изящно обработанной оградой из литого чугуна, покоящейся на цоколе из обтесанного гранита, с трех других сторон ее окружают каменные здания, план строительства которых уже одобрен, и уже выделены суммы из сбережений Колыванского заводууправления на их сооружение. Одно из этих зданий — большой лазарет длиной 81 аршин; при моем отъезде уже стояли стены первого этажа. Другое, длиной 95 аршин, — бо-

гательня для инвалидов здешней службы, для которых в этом помещении будет сооружена и церковь. В третьем, длиной 117 аршин, будет приют для детей горнорабочих, а также Горное училище. До сих пор здесь нет еще хорошего учебного заведения, и молодые люди для получения специального образования направляются в С.-Петербург, где учатся в Горно-Кадетском корпусе. Им забронирована на это определенная сумма, и сыновья заслуженных горных офицеров, в качестве вознаграждения отцам, будут воспитываться и обучаться для будущей службы на казенный счет. Нельзя не оценить этих преимуществ, благодаря которым молодые люди вместе с теоретической будут проходить и практическую подготовку.

В северо-восточной стороне заводского двора находится сад лазарета. Немалую часть сада занимают культуры редкостных сибирских растений, преимущественно местных. Меня очень порадовало то, что, когда при моем первом приезде в Барнаул, ранней весной, мне понадобились растения здешних мест, я, не выезжая на экскурсию, мог найти в городе многое из того, что я до сих пор имел только в гербариях.

Г-н Фролов живо интересуется не только выращиванием различных растений, но имеет большие заслуги и в деле организации музея⁴², различные коллекции которого содержат очень интересные экспонаты. В двух залах с моделями местных шахт, заводов и машин мне показалось наиболее интересным следующее:

модель горных пластов Змеиногорского рудника;

другая модель этого рудника со всеми ходами и разработками;

третья модель этого рудника в большем масштабе во всеми машинами и оборудованием, как с тем, которое находилось там с первых разработок, так и с тем, которое находится там теперь, а также проектируется на будущее;

модели разрабатываемых пластов и внутреннего устройства Салаирского рудника, руда которого имеет значение не столько из-за содержимого, сколько из-за своей легкоплавкости,

поэтому ее подмешивают к тугоплавким рудам других рудников;

модели саксонского амальгамового завода; Сузунского монетного двора, принадлежащего Колыванскому горнозаводскому округу; плавильных печей и рядом с ними в стеклянных сосудах образцы продукции, которую они производят;

модели существовавшей прежде в Змеиногорске драги для промывки золота и машины для откатки руды, которая там сооружена ныне. Обе изобретены отцом теперешнего начальника;

модель паровой машины, сконструированной в Барнауле в 1764 г. уроженцем Сибири шихмейстером Ползуновым⁴³, — первой паровой машины, которая появилась в России (вторая была сооружена в Кронштадте в 1774 г.⁴⁴); кроме того, модель паровой машины, изобретенной в 1822 г. также сибиряком шихмейстером Ярославцевым.

Третий и четвертый залы содержат зоологические коллекции. В третьем зале выставлены чучела млекопитающих. Кроме многочисленных экзотических животных меня интересовали преимущественно сибирские, например: здешний горный козел, кабарга, россомаха, голубой и белый песцы, корсак, сибирский северный олень, разные виды зайцев, маленький, похожий на волка, зверь (вероятно, красный волк — *Canis alpinus* Pall.) черноватая белка, которая встречается в горах, и более крупная разновидность обыкновенной белки без кисточек на кончиках ушей. Здесь же я впервые увидел череп дикой овцы (*Argali*) с рогами*. В этом зале собраны также очень хорошо сохранившийся череп мамонта и множество черепов ископаемых носорогов, буйволов и др.

В четвертом зале представлены чучела птиц и коллекция насекомых. Особенно много чучел водяных и болотных птиц, что объясняется близостью большого озера Чаны.

В пятом зале находятся свидетельства мастерства сибирских народностей, как-то: оружие, разнообразная утварь, одежда, а также снаряжение шаманов, которое совершенно соответствует

описанию, данному Палласом. Хранятся, наконец, древности из чудских могил, частью сделанные из серебра, частью из меди, и музыкальные инструменты, употребляющиеся на религиозных празднествах ламаистов.

В вестибюле стоял сфинкс, изваянный из камня и покоящийся на обетсанном четырехугольном блоке длиной около 4 футов и шириной $1\frac{1}{2}$ фута, в высшей степени заинтересовавший меня, потому что этот памятник был найден на чудской могиле. Поражаешься, когда видишь изделие столь глубокой древности, хотя и грубой работы. Видал я и несколько каменных плит с чудских могил, украшенных рельефными изображениями человеческих фигур, лишь слегка выпуклых, тоже довольно грубой работы.

Во втором крыле этого здания располагается минералогический кабинет, в котором находятся преимущественно минералы, найденные в Алтайских и Уральских горах и занимающие несколько залов. Видал я также собрание образцов чугунного литья.

Начали собирать эти коллекции всего пять лет назад, и, безусловно, если дело будет продолжено с таким же старанием, то следует ожидать, что коллекции пополнятся многим полезным для изучения природы этого края.

В здании канцелярии есть зал заседаний, украшенный портретами царей и цариц. На столе заседаний в изящном футляре, который лежит на четырех позолоченных бронзовых сфинксах, покоящихся на красиво отшлифованном яшмовом постаменте, хранятся указы, санкционирующие права и привилегии местных металлургических заводов, а также инструкции для здешних начальников. Первый из этих указов издан в царствование императрицы Елизаветы в 1744 г.

В других залах хранятся чертежи и планы различных рудников, а также собрание физических, оптических и геодезических инструментов, сделанных в основном английскими мастерами, однако кое-что было изготовлено в Барнауле.

Публичная библиотека имеет целью научное ознакомление с минералогией и горным делом и поэтому содержит главным образом сочинения по этим предметам.

* У этого животного очень крупные рога. Мы привезли для местного зоологического музея череп животного того же вида, который вместе с рогами весил 80 фунтов. (Прим. автора).

В здании типографии в то время работал позолотчик, который был занят тем, что покрывал позолотой раму к большой картине для алтаря. Это была красивая картина Торелли*, написанная масляными красками и изображающая вознесение Христа. Прежде картина находилась во дворцовом храме в С.-Петербурге, но четыре года назад переслана сюда для украшения нового храма богдельни. Работал здесь также скульптор над устройством царских врат; он изображал группы человеческих фигур, представляющие сцены из священной истории⁴⁵.

Я хочу еще описать в нескольких словах частное собрание г-на Фролова, хотя видел его далеко не полностью, так как в тогдашней квартире начальника не было комнаты для размещения коллекций, а в новую он еще не переехал. Наряду с картинами, написанными масляными красками, среди которых были картины Рембрандта, меня особенно заинтересовало собрание азиатских достопримечательностей, часть коих имеет большую ценность: немалое число монгольских, особенно тибетских рукописей и, кроме того, несколько персидских. Некоторые из рукописей выполнены в высшей степени элегантно и изящно; особенно удовольствие доставила мне одна, в которой было много красочных виньеток. Здесь же несколько экземпляров корана; один из них, написанный на узких полосах бумаги, сделан таким образом, что все начальные буквы сами по себе снова составляют слова. Богата коллекция бурханов (монгольских идолов); многие очень крупные и некоторые из них сделаны из золота. Внутри эти идола, как правило, бывают пустыми; в их полость вкладывается бумажная полоска, на которой обычно написано одно из священных изречений. Кроме того, собраны священные сосуды ламаистов, употреблявшиеся на религиозных празднествах, колокольчики, кадилницы, сосуды для святой воды (которые по форме напоминают наши чайники). Есть там и изображения добрых и злых монгольских демонов, которые

то сами в образе животных, то имеют животных в качестве атрибутов, то представляют собой арабески из разных зверей. Эти изображения раскрашены в яркие цвета.

Тут же и древности из чудских и киргизских могил, как-то: серебряные сосуды, фигуры в барельефах на серебряных пластинках, по стилю напоминающие виденные мною в местном музее большие изображения, высеченные на камне. Видел я и сделанные из серебра человеческие фигуры, но эти изделия свидетельствуют скорее о сноровке, чем об искусстве, которое находит удовлетворение в изображении прекрасных форм.

Не меньшую ценность имеет богатая коллекция китайских картин, пластических изображений и других произведений китайского искусства. Большинство этих картин сделано с исключительным старанием и очень тщательно; остальные исполнены более или менее добросовестно. Стиль произведений китайских художников известен, однако эти уже начинают соблюдать перспективу, изображать тени на картинах, особенно в пейзажах. Пластические работы из китайского жировика, особенно разноцветные, радуют необычайным сходством с натурой изображенных животных и цветов и нередко свидетельствуют о такой тщательности отделки, которая воистину достойна удивления. Так, я видел среди окошечных ширмочек, сделанных из жировика, одну, состоявшую из 16 пластинок, богато украшенных рельефными, вырезанными цветами, гирляндами плодов и прекрасно сделанными изображениями зверей. Фигуры, вырезанные из разноцветных камней, укреплены на одноцветном основании и поэтому имеют очень чистые и резкие контуры.

При осмотре произведений китайского искусства бросается в глаза то, что этот народ питает особую склонность к изображению непристойных сюжетов и охотно применяет их всюду. Такие изображения, как это видно из коллекции, встретишь не только, например, на обоях, но и на других произведениях искусства, даже там, где их не ожидаешь и где их следовало бы избегать. Иногда непристойные сцены маскируются и обнаруживаются в каком-нибудь пота-

* Я не видел на ней ни подписи, ни монограммы, но, по-видимому, эта картина кисти Стефана Торелли, сына Феликса Торелли, умершего в 1748 г. (Прим. автора).

енном углу лишь при внимательном рассмотрении, а нередко лишь после того, как нажимом пера открывается скрытый клапан, за которым спрятано фривольное изображение. Из общей массы подобных вещей я выделил одну художественно сделанную оконную ширмочку, на которой сначала не видно никакого легкомысленного изображения. Только внимательно рассмотрев ее, можно заметить, что одна из пластинок толще других и, нажав на нее, обнаружишь находящийся за ней барельеф, представляющий фривольность. Именно к этому проявляют они особенное старание, создавая в известном отношении истинные произведения искусства. Среди других экспонатов я видел форфоровую чашку, сделанную из дорогого, тончайшего материала, вся поверхность которой была покрыта рисунками на непристойные сюжеты, и при этом с таким великолепием красок, и с таким мастерством, что не остается сомнений в том, что сия живопись находит в Китае немало покупателей и ценителей. Впрочем, хорошо известно, что китайцы чрезмерно склонны к противоестественным излишествам, и это изображается совершенно откровенно. Мне говорили также, что в этом отношении жизнь в Маймачине превосходит самые невероятные предположения, так как женщины в это местечко не допускаются.

Наконец, г-н Фролов имел любезность показать мне две изящные юрты — его собственность, которые он поставил специально для меня. Одна из них — очень элегантная (в таких живут знатные киргизы) и, видимо, очень удобная в летние месяцы. Фор-

му она имела, как обычно, округлую, в поперечнике была около 20 футов, а остов ее представлял собой решетку приблизительно в рост человека, сделанную из жердей с подвижным соединением, так что при необходимости они сдвигаются и юрта легко переносится с места на место. От верхнего края этой решетки жерди идут наклонно и у вершины юрты сходятся. Эти жерди покрываются очень изящным, пестро расшитым войлочным покрывалом. Покрывание же решетки меняется в зависимости от погоды. При хорошей погоде решетка заводится изнутри рядами чистых циновок, при плохой — с наружной стороны укрепляются кошмовые покрывала и свешивающийся конец одного из покрывал служит вместо двери.

Вторая юрта сделана из бересты. Такие юрты обычно делают татары в окрестностях города Красноярска⁴⁶.

Госпитали Колыванского горнозаводского округа устроены по образцу военных госпиталей, учрежденных по высочайшему повелению в 1816 г. Сюда принимают в первую очередь младших чиновников, горнорабочих, их приписанных к службе сыновей, солдат горного батальона; все они, как правило, лечатся не на дому. В особых случаях принимаются в госпитале старшие чиновники, жены рабочих, служащие других ведомств и крестьяне горнозаводского округа. В отношении одежды, белья, питания, обслуживания, общего устройства и распорядка здесь соблюдается общий регламент военных госпиталей. В горнозаводском округе имеются следующие госпитали такого направления:

Госпиталь	Больные	Пострадавшие от несчастных случаев
Барнаульский	130	50
Павловский	40	20
Сузунский	60	20
Томский (железодельного завода)*	32	10
Колыванский (шлифовальной фабрики)	15	5
Локтевский	70	25
Салаирский	120	50
Змеиногорский	250	50
Николаевский	25	10
Риддерский	40	15
Зырянский	70	20
Всего	852	275

* Не смешивать с губернским городом того же наименования. (Прим. автора).

Штат госпиталей подвергается иногда изменениям вследствие того, что команда некоторых рудников или заводов временами увеличивается или уменьшается. Приставленный к ним медицинский персонал таков:

1) инспектор медицинского ведомства, должность которого соответствует примерно должности корпусного врача в армии; он состоит при канцелярии Колыванских металлургических заводов, а медицинские отчеты посылает в медицинскую управу в губернский город Томск (губернское ведомство);

2) несколько привилегированных врачей;

3) лекари, которые, как и

4) ученики назначаются на свои места после предварительного испытания, по представлению инспектора, начальником металлургических заводов;

5) цирюльники (помощники низшей категории).

Содержание лекарей, учеников и цирюльников не устанавливается действующим законоположением, а определяется начальником округа в соответствии с пригодностью этих лиц.

Материальное оборудование госпиталей и припасы в них, за исключением медикаментов, находятся в ведении специального комиссара, который подчиняется конторам различных заводов и рудников. На последнем лежит также забота о необходимых закупках, к нему обращается врач с особыми требованиями относительно пищи и прочего. Врач наблюдает за доброкачественностью закупок и за количеством выдаваемых порций, а также за чистотой и порядком. Он каждую неделю докладывает инспектору и ежемесячно — начальнику завода о состоянии госпиталя.

При каждом госпитале есть огород, где кроме лекарственных растений высаживаются различные овощи, а именно: капуста, картофель, репа, редька, хрен, лук и т. п. Обработка этих огородов производится отчасти силами специальных рабочих, отчасти же силами выздоравливающих и поступивших в госпиталь больных, состояние которых позволяет им работать.

Местные лекарственные растения собираются большей частью ученика-

ми. Кроме того, материалы, медикаменты и хирургические инструменты поступают из главной аптеки Барнаула. Есть аптека и в Змеиногорске, которая кроме местного госпиталя обслуживает госпитали в Николаеве, Риддерске, Колывани и Зыряновске. Медикаменты и инструменты, которые не могут быть приобретены на месте, ежегодно покупаются на ярмарке в Ирбите или же выписываются из частных аптек Москвы, для чего туда посылаются специальные люди из Барнаула, которые и привозят зимой все требуемое. Для госпиталей местного горнозаводского округа не имеют значения общие предписания в отношении медикаментов для военных госпиталей, где при часто повторяющихся одних и тех же формах болезни считаются достаточными простые средства. Здесь же, где среди горных и заводских рабочих распространено больше различных заболеваний, главному врачу горнозаводского округа разрешается давать больным специальные медикаменты, не считаясь ни с чем. Ежегодно в сентябре врачи местных госпиталей направляют требование на медикаменты в барнаульскую аптеку. Инспектор, проверив главную аптеку и направленные туда требования, готовит вместе с аптекарем список материалов, медикаментов и хирургических инструментов, необходимых главной аптеке на ближайший год, особо выделив то, что должно быть выписано из Москвы. Список этот передается затем в заводскую канцелярию для просмотра и исполнения. В тех случаях, когда запаса того или иного медикамента не хватает на год, недостающее количество его доставляется по предписанию инспектора.

Младшие чиновники, рабочие и солдаты лечатся и питаются в госпиталях, уплатив небольшую плату за свое содержание и питание. Если они не ложатся в госпиталь, а лечатся дома, они, как и их жены и дети, получают лекарства из аптеки и госпиталей бесплатно. Высшие чиновники и офицеры, а равно и их сыновья, получают медикаменты бесплатно, но обязаны платить за лекарства, отпускаемые их женам и детям. Кроме того, обе аптеки горнозаводского округа отпускают лекарства по рецептам врачей посторонним лицам, не

имеющим отношения к металлургии, но только по новейшей медицинской таксе.

Об устройстве плавильных печей, как и вообще о технике металлодобывания, я не могу дать обстоятельных сведений знатоку этого дела, по-сему, не касаясь деталей, сообщу лишь кое-что о доходах, которые здесь приносят горное дело и металлургия.

С 1745 по 1816 г. количество поставляемого серебра не предписывалось. Но с 1817 г. было установлено ежегодно поставлять 1000 пудов серебра, содержащего около 25 пудов золота. Золото выделяется лишь на монетном дворе в С.-Петербурге. Количество золотосодержащего серебра, поступившего со здешних горных заводов с 1745 г. до конца 1825 г., равняется 64 777 пудам $22 \frac{3}{4}$ фунта.

В 1766 г. в Сузуне открылся монетный двор, где чеканили медную монету для местных нужд. До 1807 г. сумма поставляемой монеты не была определенной и все время колебалась, но с 1808 г. сумма ежегодно чеканенной монеты твердо установилась в 250 000 руб. С 1766 г. до конца 1825 г. в Сузуне начеканено всего 13 587 784 руб. $8 \frac{1}{2}$ коп. медных денег.

До 1808 г. свинец, требуемый для осадки серебра, доставляли из Нерчинска. На его доставку расходовались значительные средства. Но с того времени свинец добывается также на местных горных заводах, и до конца 1825 г. его добыча составила 269 904 пуда $28 \frac{1}{4}$ фунта. Более точные данные о его добыче по годам можно узнать из табл. 15 приложений.

Кроме золотосодержащего серебра, меди и свинца здесь производятся также чугун и полосовое железо, которые идут на нужды металлургических заводов и на продажу.

Чтобы получить такое количество металла, нужно ежегодно добывать 12 млн пудов руды объемом около 5000 куб. сажен. После того, как пустая или содержащая слишком мало металла порода отделяется от богатой, остается около 4 млн пудов руды, предназначенной к плавке и содержащей в среднем два золотника серебра на пуд. Для плавки этой руды во всем горнозаводском округе существует 12 горнов для выплавки серебра,

12 трейбофенов (разделительных горнов), 5 печей для очистки меди и 14 обжигательных печей, не считая печей, принадлежащих Томскому железоделательному заводу. Количество ежегодно вырубаемого леса составляет 80 000 куб. сажен; часть леса употребляется для обжигания руды, а основная масса идет на производство древесного угля, которого ежегодно потребляется 260 000 корзин, считая по 20 пудов каждую. Дополнительно сюда поступает еще 400 000 пудов плавней для ускорения плавки.

Вся масса руды транспортируется на металлургические заводы, находящиеся на больших расстояниях, так как поблизости от заводов лесов нет. Большинство перевозок распределяется среди крестьян, но для некоторых перевозок от Змеиногорска до Барнаула, Павловска и Сузуна нанимаются специальные подводы. Последние поставляют примерно полмиллиона пудов и оплачиваются по 12—13 коп. за провоз одного пуда, что в общем составляет 60 000—65 000 руб. Для осуществления этих перевозок служат специальные возчики, которых нередко нанимают и крестьяне, так как им невыгодно самим возить руду; есть поселки, жители которых занимаются исключительно перевозками, содержат помногу лошадей.

Горный совет ежегодно распределяет количество металла, подлежащего поставке отдельными рудниками и заводами. В качестве примера я привожу таблицу (см. табл. 1 приложений) о распределении поставок на 1826 г. В конце года металлургические заводы высылают требуемое с них количество серебра с указанием пробы в Барнаул, где все оно плавится вместе и получает единую пробу. Печь, в которой производится плавка, настолько велика, что одновременно вмещает 100 пудов серебра. Плавка этой массы продолжается 4 часа и, таким образом, в течение 24 часов переплавляется 600 пудов серебра. С первым зимним караваном это серебро отвозится в С.-Петербург. Остальные 400 пудов из общего количества 1000 пудов предписанного на год серебра переплавляют позже и дополнительно досылают зимой.

Я с большим интересом наблюдал, как текло из печи в заготовленные

для этого формы 100 пудов расплавленного серебра. При этом меня поразил один старик, о котором мне сказали, что он управляет воздушной машиной, чему нужно очень долго учиться. Еще один удивительный старик стоял около печи, в которой гудело чудовищное пламя, и, не отрываясь, смотрел сквозь маленькое отверстие на плавящуюся массу, чтобы определить момент, когда серебро будет готово. Эту должность старик занимает в течение 40 лет, и от блеска расплавленного серебра его зрение настолько нарушено, что он не видит обычного дневного света. Его глаз воспринимает только ослепительный блеск серебра, и он знает точно тот момент, когда нужно дать выход серебру, чтобы не допустить бесполезного испарения драгоценного металла. За это старик освобождается на остальное время года почти от всякой другой работы и каждый раз получает от начальника ценные подарки.

Царский Кабинет ежегодно отпускает на содержание Колыванских металлургических заводов 1200 тыс. руб. ассигнациями и предоставляет им право использовать подневольный труд крестьян, который, как практикуется во многих областях России, может быть заменен денежной подачкой. Если, следовательно, подсчитать доход местного горнозаводского дела в денежном выражении, то получится немалая сумма, что, конечно, стало возможным лишь при существующем общественном устройстве. Впрочем, как я уже говорил, местное горное дело имеет большое значение для подъема культуры, индустрии и благосостояния местных крестьян. Они могут сбывать свои продукты заводской администрации для снабжения рабочих, благодаря чему развивают свое земледелие и потому у них в обращении много денег. Более подробные сведения о фабриках, имеющих в Барнауле и его окрестностях (принадлежат ли они императорскому Кабинету, или являются частной собственностью), содержатся в прилагаемых таблицах о состоянии городов и округов Томской губернии (см. табл. 16 и 17 приложений). Фабрики, принадлежавшие Кабинету, были впоследствии переданы металлургическим заводам; это было очень

удобно для населения, так как фабрики продавали товары по твердым умеренным ценам. Какое значение имеет в этом отношении стекольный завод, где изготавливаются бутылки и оконное стекло, видно из того, что большинство крестьянских жилищ в здешней местности кажутся светлыми и приветливыми благодаря большим застекленным окнам, что, конечно, благотворно отражается на здоровье людей.

Немаловажно и существование полотноной мануфактуры, которая изготавливает добротное постельное полотно для лазаретов, а также дешевую разноцветную материю из конопли; вся одежда рабочего, сшитая из такой материи, стоит около 3 руб. ассигнациями.

Содержание горнозаводских чиновников в денежном отношении невелико, но они имеют бесплатные квартиры, и, кроме того, каждый из них соответственно своему рангу, наподобие военнослужащего, имеет денщика или людей для услуг, которые берутся из числа рабочих и получают соответствующие жалование и провиант. Каждый чиновник, далее, может на отведенном ему участке с помощью приданных ему людей косить сено и, значит, держать лошадей, что ему обходится дешево или вовсе даром. Он может, наконец, с помощью своих людей валить деревья, вывозить их на своих лошадях, что тоже не требует никаких расходов. Все продукты питания (особенно самые необходимые) здесь исключительно дешевы, и поэтому живетса чиновникам совсем неплохо*.

* Возможно, некоторым из моих читателей небезынтересно узнать, кое-что о дешевизне продуктов питания в Барнауле, которая находится в поразительном контрасте с ценами в других местностях, поэтому я приведу цены на некоторые продукты питания, какими они были во время моего пребывания в Барнауле:

пара тетерок — 15—20 коп., медной монетой (15 коп. составляют приблизительно один грош);

пара рябчиков — 12—15 коп. медной монетой;

пуд (40 фунтов) говядины — 80 коп. медной монетой, в сельских местностях — только 60 коп;

пуд хорошей пшеничной муки — 70 коп.;
пуд ржаной муки грубого помола — 25—40 коп. (в соответствии с ценами на хлеб);

фунт пшеничного хлеба — 2 коп.;

безмен масла (2 1/2 фунта) — 50 коп.;

безмен меда: низшего сорта — 50 коп.; высшего — 60—70 коп.;

стерлядь полуаршинная — 15—20 коп.
(Прим. автора).

Кто желает приобрести колониальные товары, может купить их на Ирбитской ярмарке. Ежегодно на эту ярмарку командировается горный офицер, который приобретает все необходимое для металлургических заводов; он же обычно делает покупки и для частных лиц. Фрахт, который значительно удорожил бы стоимость товаров в розницу, составляет теперь, когда в долю входят многие, лишь незначительную сумму. Я сахар, например, покупал в Барнауле дешевле, чем в Лифляндии.

Единственное, что здесь совершенно отсутствует, — ремесленники, которые занимались бы специальными ремеслами. Но это возмещается другим. Солдаты горного батальона — часто сапожники или портные и имеют право в дни, свободные от служебных обязанностей, выполнять частные заказы. Рабочие других специальностей, например столяры, работающие на заводе, также могут в свободное время заниматься частным делом. Если же для какой-нибудь работы требуется оборудование, которого у них нет, например кузнечное, то разрешается во вне рабочее время пользоваться им, за что вносится в специальную кассу определенная плата. Из этой кассы покрываются расходы на различные изобретения и усовершенствования, на строительные работы и т. п. Поэтому расходы совершенно не влияют на заводскую казну. Словом, местные жители могут заказывать и получать все необходимое, тогда как отсутствие такой организации вызвало бы большие трудности. Если я не ошибаюсь, этот порядок установлен также г-ном Фроловым.

Барнаульцы — народ очень общительный, и гостеприимство настолько присуще всем, что я не встречал нигде ничего подобного. Все чиновники, как мне не раз пришлось убедиться, находятся в хороших дружественных взаимоотношениях друг с другом, а с иностранцами очень любезны и предупредительны, что я тоже имел возможность узнать на собственном опыте. Содержание лошади в Барнауле обходится дешево; почти каждая семья имеет собственный экипаж, и зимой улицы Барнаула бывают ожив-

лены нарядными повозками с мчащимися в них дамами и господами. В обществе господствует приличный тон, в чем, как мне сказали, преимущественно заслуга г-на Фролова, который благодаря высокому образованию и склонности к искусству заметно влияет на общество, в сильной степени уже изменив его. Среди молодых горных офицеров нередко встречаются люди образованные, которые воспитывались в С.-Петербурге в Горном кадетском корпусе и побывали затем на средства Кабинета за границей для изучения техники горнозаводского дела и избранной специальности. Многие из них весьма музыкальны и охотно принимают участие в общих развлечениях.

Господа и дамы собираются, танцуют; любители карточной игры составляют себе партии; иногда ставятся концерты; есть небольшой любительский театр. Чтобы организовать оркестр, г-н Фролов велел учиться музыке музыкантам горного батальона, и даже хор, высокие партии в котором ведут мальчики, представляет иногда что-нибудь оригинальное. Я был приятно поражен, когда услышал этих певцов на балу, устроенном г-ном Фроловым в своем доме, где при исполнении полонеза инструментальная музыка чередовалась с хоровыми партиями, прозвучавшими благодаря звонким голосам мальчиков очень хорошо. Я присутствовал на многих празднествах, которые г-н Фролов устраивал в царские дни, в день тезоименитства Его Императорского величества, и по другим поводам, и мне просто не верилось, что все то, чему я был свидетелем, происходит на расстоянии 5000 верст от столицы и 2000 верст от европейской границы. Дамы являются одетыми в костюмы, сшитые из нарядной материи по последним столичным модам, которые здесь чрезвычайно быстро перенимаются. Столы убраны со вкусом и изысканностью. Всю обстановку я нашел такой, какой она бывает только в изысканном европейском обществе. Я был ошеломлен, найдя Барнаул столь цивилизованным городом, но надеюсь, читатели понимают, что не следует придерживать-

ся мнения, будто в Сибири царят европейский образ жизни и обычаи светского общества. Конечно, это относится лишь к той части Сибири, которую я знаю и видел сам. И кто не знает, как благотворно действует на состояние

той или иной местности счастливое стечение обстоятельств и какое большое значение имеет духовная деятельность и влияние одного человека, стоящего во главе дела и могущего дать всему прогрессивное направление!

Глава двенадцатая

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИЗ БАРНАУЛА В ДЕРПТ

Я закончил все приготовления к отъезду; наши естественные коллекции были упакованы для перевозки, так как большую часть их я намеревался везти с собой, чтобы постоянно заботиться об их сохранности. В связи с тем, что снега было еще мало, особенно в Барабинских степях, выехать удалось только в конце декабря. В это время отправлялся караван с серебром, к которому я и примкнул, так как совершать длительную поездку в такой большой компании было гораздо приятнее и удобнее. Конечно, я мог бы ехать быстрее, если бы поехал один; однако теперь, когда я кроме собственного гужевого экипажа имел еще двое больших саней, в которых были упакованы коллекции, мне казалось более благоразумным примкнуть к каравану, чтобы в случае какого-нибудь несчастья во время поездки рассчитывать на постороннюю помощь.

Такие караваны, которые доставляют в С.-Петербург золотиносное серебро, добытое на Колыванских горных заводах, отправляются отсюда трижды в течение зимы и в основном на крестьянских лошадях, за что крестьянам выплачиваются прогонные деньги (за каждую лошадь платится 5 коп. с версты), поскольку такого большого количества лошадей, которое необходимо для транспортировки огромных грузов, на почтовых станциях нет, ведь они рассчитаны в основном на проезжающих. Первый караван, как правило, бывает самым большим, ибо он идет по лучшей зимней дороге в наиболее благоприятную пору. Караван, с которым я проделал обратный путь, вез около 500 пудов золотосодержащего серебра. Его сопровождали горный офицер, унтер-офицер и солдаты местного

горного батальона. Это требуется не столько для безопасности, сколько потому, что при множестве груженных саней часто что-нибудь разлаживается и происходит задержка, а под наблюдением военнотружущих все это скорее исправляется, да и вообще на всем пути больше порядка. Караван движется день и ночь и целодневную остановку делает только в Екатеринбург и Москве. Он идет не по большому почтовому тракту через Тобольск, а по боковой дороге, через Ишим, что сокращает путь почти на 200 верст. Что касается безопасности, то я об этом совершенно не беспокоился и не рассчитывал на защиту военного конвоя, так как здесь, а особенно в Сибири, путешественникам ничто не грозит. На протяжении всего пути я не пережил ни одного случая, который вызвал бы у меня волнение. Единственное место, о котором говорят, что там иногда происходят разбойничьи нападения, — это Нижний Новгород, где во время большой ярмарки среди множества людей появляется и разный сброд, и случается, что возвращающиеся с ярмарки купцы, имеющие деньги, бывают ограблены. Однако в последнее время против этого принимаются меры, и чиновники, едущие с почтой, такому нападению никогда не подвергаются.

Наш караван состоял из двадцати двух саней, считая мои сани и сани, груженные коллекциями. Для того, чтобы к нашему приезду было готово необходимое количество лошадей, впереди нашего каравана с разницей в 24 часа следовал унтер-офицер, и в местах замены перекладных мы находили костер, разведенный на улице, и множество собравшихся с лошадьми крестьян. Недостатка в ло-

шадях не было, так как прогонная плата для Сибири, где лошади и их содержание обходится столь дешево, конечно, весьма высока. Путь, которым караван следует в Екатеринбург, тянется от Барнаула через Каинск, Тюкалинск, Ишим и Шадринск, так что Тобольск остается севернее, а Омск — южнее этого тракта.

Когда я по пути сюда заезжал в Тобольск, то слышал от тамошнего почтового директора г-на статского советника Мюллера, что Геденштром живет в Ялуторовске и что в его коллекции есть исполинские птичьи лапы и перья, которые Мюллер, якобы, видел сам. Мне очень хотелось узнать, о чем идет речь, поэтому я сделал крюк почти в 35 верст и заехал в Ялуторовск, но напрасно. Геденштром получил разрешение жить в Тобольске и восемь дней тому назад выехал туда, и не смог проверить слышанное, о чем весьма сожалел.

В Екатеринбурге, где нам пришлось пробыть несколько дней после длительного переезда из Барнаула, продолжавшегося днем и ночью, я был на блестящем маскараде, где дамские украшения — тяжелые золотые цепи и богатые ожерелья из шлифованного аметистового жемчуга, черного шерля и т. п. — свидетельствовали о богатстве этого края. Мне доставило большое удовольствие при содействии университетского друга — г-на коллежского асессора Гальма посетить дочь знаменитого Палласа, которая, будучи замужем за коллежским советником Фелькнером, проживает теперь в Екатеринбурге*. Весь путь от Барнаула до Екатеринбурга пролегает по степи. В Барабе, от Оби до окрестностей Каинска,

преимущественно идет чернолесье; остальная же степь в основном безлесна. Кое-где на открытой степи лежало так мало снега, что было трудно передвигаться на санях, в то же время в других местах нанесло огромные сугробы. Здесь часто случаются описанные выше бураны, и климат, по-видимому, очень суровый. Г-жа Фелькнер рассказала мне об одном происшествии, случившемся несколько лет тому назад. 12 или 16 мая несколько человек пошли в ясную и теплую погоду из Екатеринбурга в Шадринск, расстояние между которыми $208\frac{1}{2}$ версты. Дорогой они были застигнуты бураном, двоих засыпало снегом, и они замерзли прежде, чем подоспела помощь. Мы в пути также неоднократно попадали в метель, хотя собственно бурана, к счастью, избежали.

Из Екатеринбурга мы отправились тем же путем, которым я ехал в Барнаул, — почтовым трактом через Казань и Москву до С.-Петербурга, и без каких-либо приключений 4 февраля я прибыл в Дерпт вместе со своим спутником д-ром Мейером после более чем годичного отсутствия. Когда я распаковал свои коллекции, то, к моей радости, все они оказались целыми, без повреждений, и даже живые растения, которые летом во время моей поездки были отправлены сюда, в основном все, несмотря на дальнюю перевозку, превосходно сохранились.

* В Барнауле я познакомился также с вдовой статского советника Айсдов, внучкой знаменитого Делисле, которая, как я думаю, родилась в Нерчинске, а теперь живет в Барнауле. (Прим. автора).

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ АЛТАЙСКИХ ГОР

Дневник путешествия по восточной части
Алтайских гор летом 1826 года

Глава первая

ОТЪЕЗД ИЗ БАРНАУЛА.

ПРИБЫТИЕ В ЗМЕИНОГОРСК И ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ.

ПОЕЗДКА К Д. ЧЕЧУЛИХЕ НА Р. ЧАРЫШ

Необычно ранняя весна и устойчивая погода, растопив последние снега, грозя испортить санный путь и сделав опасным переезд по льду рек, ускорили мой отъезд из Барнаула. В план моей поездки, кроме того, входило добраться до горных окрестностей Чарыша прежде вскрытия бурных горных потоков, что могло бы отрезать дорогу или, самое малое, стать причиной задержек.

18 марта вечером мы с д-ром Мейером выехали в Змеиногорск по очень тяжелому санному пути, который пролегал то по берегу, то по льду Оби. До первой станции Шадринск мы были вынуждены дважды менять лошадей и прибыли туда уже поздно ночью. Зимник до следующей станции Калманки идет все время по льду реки. Мы надеялись поэтому, что дальше будем продвигаться быстрее и продолжали свой путь без остановок. Не доехав шесть верст до Калманки, мы неожиданно проломили лед, причем все попытки лошадей вытащить кибитку оказались тщетными. К счастью, кибитку удерживали на поверхности льда широкие боковые отводья, так что она дальше не погружалась. Мы вышли из кибитки, и послав людей за помощью в деревню, имели случай полюбоваться прекрасным ландшафтом, который предстал перед нами при свете луны. Правый берег Оби круто поднимается на значительную высоту, левый же, напротив, ровный и покрыт кустарником и лесом. Когда люди с подмогой вернулись из деревни, что произошло часов через пять, уже всходило солнце, освещая красивые окрестности и нас в нашем достойном со-

жаления состоянии. С большим трудом вытащили, наконец, услужливые крестьяне нашу кибитку, которая к этому времени почти совершенно вмерзла в лед. Так как погода стояла теплая, а мы не знали точно, в каких местах лед прочен, они советовали ехать летней дорогой по гористому западному берегу. С их помощью в конце концов удалось миновать опасное место.

Не считая задержек, вызванных в высшей степени скверными дорогами, мы двигались по ровной степи до вечера. Нетерпение не позволяло нам дожидаться новой флоры: мы часто выскакивали на ходу, чтобы порадоваться остаткам прошлогодних растений, среди которых находили особенно много полыней, кои хорошо различали одну от другой, хотя определить их виды не могли.

Переночевали мы в с. Панышеве. На следующий день разные мелкие происшествия вновь мешали нам двигаться быстрее, так что д. Калмыцкий Мыс мы достигли уже поздней ночью, после того как прокружили возле нее, вероятно, с час, не зная, где въезд. В с. Кашине, где нас задержал на некоторое время ремонт нашего экипажа, хозяйка избы, в которой мы остановились, угостила меня плодами водяного ореха, и я узнал, что его в громадном количестве вылавливают в Колыванском озере и употребляют как лакомство.

Мы ехали всю ночь, и перед самым восходом солнца 21 марта прибыли в д. Курьинск, расположенную на р. Алей, через которую переправились. Берега реки, заросшие тополями, талом и другими кустарниками, радо-

вали глаз после долгой езды по утомительной степи. Еще не добравшись до ст. Курьинск, мы увидели гору и вскоре узнали Синюю сопку, близ Кольванской шлифовальной фабрики, но примерно в 80 верстах от дороги. Картина была для меня новой и поэтому взбудоражила мои чувства. Эта гора, которая дальше других высоких гор продвинулась в степь, все время оставалась у нас слева, пока мы к вечеру не подъехали к самым предгорьям, где ее скрыли от наших взоров хотя и более низкие, но расположенные ближе вершины. Примерно в десяти верстах от Курьинска течет речка Локтевка, которую мы намеревались переехать; однако не доехав до нее нескольких сот шагов, мы встретили возвращавшихся крестьян, которые рассказали нам, что в верховьях вода сломала лед, стоит высоко и поэтому переезд невозможен. Вскоре мы услышали сильный шум воды и, поспешив по берегу в поисках места, куда вода еще не хлынула, к счастью, нашли мост из льда и снега, который оказался настолько крепким, что выдержал вес нашего экипажа. По прошествии десяти минут после нашей счастливой переправы бушующая вода, шума и пенясь, ринулась сюда и разрушила и этот мост, тогда как выше уже все успокоилось. Вечером мы достигли, наконец, предгорьев, которые уже давно были у нас перед глазами, и распростились со степью, начавшей уже надоедать. Ночевали мы в д. Саушке, последней станции перед Змеиногорском. На рассвете мы покинули Саушку и продолжали свой путь среди причудливых гор, которые, спрессованные из чудовищных гранитных глыб и плит, поодиночке выступали на довольно ровной плоскости, вызывая удивление своим странным видом. Поскольку часто скалистые глыбы так нагромождены одна на другую, что кажется, каждое мгновение готовы обрушиться, крестьяне с полным основанием называют некоторые из этих глыб висящими скалами.

Уже в шести-семи верстах от Змеиногорска высокие столбы дыма возвестили нам, что мы приближаемся к металлургическому заводу, и около десяти часов утра мы достигли Змеиногорска.

Мое пребывание здесь затянулось до 30 марта, ибо нужно было обеспечить путешествие различными приборами и запасами. При этом я имел достаточно досуга, чтобы осмотреть рудник, завод и окрестности. Этот некогда столь богатый серебряный рудник, давший на протяжении более чем 100 лет так много металла, возможно, один из самых крупных, и должно поражать, при знакомстве с шахтами, то, какая чудовищная масса руды здесь добыта. Теперь он, однако, порядком опустошен, и руда, которая еще добывается, уже, по существу, бедна. Очень интересен вид огромного колеса, которое применяется в руднике для откачки воды и производит сильное впечатление, как и подземная кузница, напоминающая мастерские Вулкана и циклопов.

Мы посетили окрестные горы, чтобы посмотреть, какие растения там можно найти. Свежих побегов было еще очень мало, но по листьям и прошлогодним стеблям мы насчитали свыше 100 различных видов, среди которых немало очень интересных. Накануне цветения были здесь уже новый птицемлечник (*Ornithogalum* n.), прострел широкоцветный (*Anemone patens*) и стародубка весенняя (*Adonis villosa*). Побывали мы и на известковой каменоломне, до которой от местечка несколько более версты, но поскольку шахта там была засыпана снегом, мы смогли увидеть немного и собрать лишь несколько раскиданных кругом обломков серого или красноватого цвета, в коих заметили разного рода окаменелости.

Запасаясь всем необходимым для путешествия и заручившись официальным распоряжением губернатора — оказывать мне всевозможное содействие, — утром 30 марта я покинул Змеиногорск верхом, так как из-за плохой дороги не оставалось ничего другого. Весь мой караван состоял из трех тяжело нагруженных вьючных лошадей, в сопровождении трех коноводов и двух помощников, из которых один умел набивать чучела животных. Дорога сначала была очень хорошей, но скоро мы оказались перед высокими сугробами, которые не были настолько плотными, чтобы выдерживать тяжесть лошадей, и в небольших долинах — мы их переезжали поперек — скрывали гор-

ные ручьи, образовавшиеся от сильного таяния снега. Погода для этого времени года была прекрасной и необыкновенно теплой.

Лошади вязли и несколько раз падали так, что в результате переход по сим ненадежным «мостам» был действительно опасен, и мы продвигались медленно, ибо каждую лошадь приходилось переводить в отдельности. Таким образом, только после полудня достигли мы д. Саушки, через которую решили ехать потому, что дорога на Колывань, хотя и короче на 20 верст, должна была оказаться еще труднее. Сильно утомленный необычным способом передвижения, я был рад, когда услышал, что отсюда до д. Ручьевой можно ехать уже в повозке. Я получил, разумеется, только тряскую одноколку, но чувствовал себя после верховой езды вполне счастливым, удивляясь выносливости моих людей, которые продолжали ехать верхом. Довольно скверная дорога шла вплотную, а местами и по необычайно красиво расположенному Колыванскому озеру. Оно еще было покрыто льдом, но во многих местах были большие трещины, залитые слоем воды толщиной более двух футов. Мы продвигались медленно, и у меня было достаточно времени любоваться живописными гранитными скалами, окружавшими озеро, которые имели еще более изумительный вид, нежели упомянутые выше скалы между Змеиногорском и Саушкой. Уже поздно добрался я до д. Ручьевой, где и переночевал. Она расположена на рч. Белой, сливающейся здесь с Локтевкой*, чей исток находится на Синей сопке.

Ранним утром 31 марта я выехал из деревни и вскоре по довольно сносной дороге прибыл на Колыванскую шлифовальную фабрику, любовавшись в пути красивым видом Синей сопки, которая то скрывалась, то вновь показывалась, возбуждая у меня живое желание посетить ее. Однако по прибытии в Колывань, откуда до нее еще шесть верст, я узнал, что ее проходимый северный склон еще полностью покрыт снегом, и что

шестиверстный подъем от подножия до вершины теперь невозможен или, по меньшей мере, очень опасен. Я тотчас же обратился к управляющему фабрики, который любезно принял меня и снабдил, в соответствии с моей просьбой, необходимыми вспомогательными средствами для дальнейшего путешествия. Он дал мне четыре казенные лошади, которых я мог использовать во время пребывания вблизи Коргонских гор, а также стрелка и проводника, по фамилии Белоусов, уроженца д. Коргон. Человек этот состоял на подозрении из-за своих родственников, которые сначала работали на Коргонской каменоломне, а потом сбежали оттуда и образовали теперь в окрестности разбойничью шайку; он был их единомышленником и даже пытался бежать. Конечно, можно было опасаться, что при случае, встретившись со своими братьями, он бросит меня. Но поскольку для моих целей этот человек казался самым подходящим, ибо досконально знал места, в которых мне нужно было побывать, и был отменным стрелком, а также поклялся оставаться мне верным, то я взял его с собой. В отношении провизии, которую мне надлежало на все лето получить со склада, приписанного к Коргонской каменоломне, также были приняты соответствующие меры.

После полудня я посетил местную шлифовальную фабрику. Она имеет точно такое же устройство, как и Екатеринбургская, только эта гораздо обширнее. Речка Белая дает воду, приводящую в движение машину. Здесь находилось в обработке несколько красивых изделий; особенно привлекали внимание две большие колонны из волнистой яшмы. Еще изумительнее была огромная круглая ваза из того же камня, имевшая четыре аршина (около десяти футов) в поперечнике. Закончена была только грубая обтеска, а обработка, как мне сказали, при всем старании продлилась бы, пожалуй, больше года. Еще здесь будет произведено грандиозное изделие, а именно: овальная ваза — в большом поперечнике шесть и в ширину четыре аршина; огромный кусок скалы для этого лежит уже готовый, и его доставка, видимо, в высшей степени была трудна; добыт он в каменоломне на Ревенной сопке.

* Наименование «Локтевка» присвоено многим рекам этой местности и происходит от русского слова «локоть», потому что такие речки, меняя направление своего течения, образуют угол. (Прим. автора).

В мастерской я видел и другое прекрасное произведение. На круглом куске желтоватой яшмы был представлен рельефный поясной портрет императора Александра I, выполненный по модели графа Толстого. Три года работал над ним один известный мастер, но портрет еще не был готов. Кроме того, создавалась здесь икона из коричневатой яшмы и три маленьких мальчика упражнялись в рисовании и лепке из воска.

Колывань лежит выше Змеиногорска и окружена горами. Говорят, здесь был первый горный завод, открытый Демидовым; сначала только медь, но за ней тайно — особенно из одного рудника на Синей сопке — добывалась и серебряная руда. Когда правительство узнало об этом, рудник был засыпан и до сих пор еще не найден. Так как это поселение прежде подвергалось нападениям калмыков, оно было укреплено, и теперь еще видны следы валов и рвов, которые окружали его с трех сторон, так как с четвертой, северо-восточной, стороны защищала рч. Белая. С того времени сохранилось название двух соседних гор; находящаяся на юго-востоке зовется Будка (она поднимается довольно круто и покрыта сосновым лесом), другая же, лежащая к северу, похожая на первую, называется Караульной сопкой. На юго-западе, в некотором отдалении, стоит Синяя сопка, менее заросшая лесом. Вечером я увидел из окна нескольких детей, несших большой букет из леонтицы алтайской (*Leontice altaica*) и цветков прострела широкоцветного, которые уже распустились. Они собирали также широколистный лук (по-видимому, *Allium nutans* или *senescens*), который как раз гнал листья; за клейкость его называют «слизун» и часто им лакомятся.

На следующее утро я побывал на расположенной поблизости Караульной сопке, где меня порадовал вид красивой, редко встречавшейся прежде в коллекциях леонтицы алтайской, цветшей здесь в изобилии. Кроме того, расцветали уже прострел широкоцветный и стародубка пушистая, которые красочным убранством покрывали южный крутой склон.

Только после полудня расстался я с гостеприимным управляющим фабрикой и отправился в дальнейший

путь. Нашей следующей целью была д. Белая, находившаяся в 30 верстах на реке того же названия (ее, конечно, следует отличать от речки близ Колывани и от одноименной речки, впадающей выше в Чарыш). Туда был послан Белоусов с четырьмя лошадьми — позаботиться о квартире и лодках для переправы через реку. Меня сопровождали низший чиновник из Колывани, который должен был ехать с нами до д. Чечулихи, чтобы снабдить меня провизией из Коргонского склада, и охотник, у которого я впервые увидел обычное в Сибири пулевое ружье. Оно снабжено двумя подпорками, на которые оно из-за своей тяжести ставится при прицеливании и стрельбе; называется оно здесь «винтовкой».

Мы ехали сначала в основном по равнине, почти уже свободной от снега, который лежал лишь в некоторых ложбинах. Здесь мне довелось впервые увидеть картину так называемого степного пала. Это выглядит очень красиво, когда огонь поднимается на холм по совершенно почти прямой линии на внушительное расстояние или мчится по равнине, подгоняемый ветром. Позже, хотя я его часто видел, я долго не мог пресытиться этим великолепным, особенно по ночам, зрелищем. Этот степной пожар устраивают намеренно ранней весной, сразу же как стает снег, чтобы ускорить прорастание молодой травы. Пал по большей части безвреден и может стать опасным лишь вблизи человеческого жилья, против чего, однако, крестьяне принимают меры. Иное дело степные осенние пожары, которые случайно возникают из-за небрежности путешественников или, чаще, кочевников в Киргизской степи и в Прииртышье, где уже летом трава так суха, что легко воспламеняется. Этот пожар вреден, ибо отнимает пищу у скота, который и зимой на подножном корму.

Вечером мы спустились по довольно крутому склону в широкую долину, по которой протекает рч. Белая, где нас уже ожидали лодки. На берегу я увидел разноцветные куски яшмы и кварца, видимо, принесенные за 60 верст с гор ледниками, так как ближние горы состоят из гранита. Близ деревни, в каменоломне, шла в это время работа: она поставляет гра-

нит для памятника, который должен быть установлен в Барнауле в честь 100-летия Колывано-Воскресенского горнозаводского дела. Я еще засветло посетил эту каменоломню и поднялся на огромную гранитную глыбу высотой в семь сажен, которую как раз предстояло отколоть и полюбовался оттуда приятным видом хорошо построенного селения, лежавшего перед мной в долине и окруженного крутыми холмами, и рекой, чье течение можно было проследить до впадения ее в Чарыш, достигающий здесь уже немалой ширины. Гранит содержит мало кварца и еще меньше слюды. Полевой шпат — белый, и довольно крупные кристаллы шерля встречаются в нем так часто, что отполированный он приобретает вид мрамора.

2 апреля рано утром мы отправились верхом в д. Чагыр, в 15 верст отсюда. Еще на подступах к деревне нам пришлось спускаться с крутой и высокой горы, называемой «Ямская гора», и мы оказались в довольно широкой красивой долине, по которой протекает р. Иня. Южный склон горы уже украшало множество цветущих растений: лютик многокоренной (*Ranunculus polyrhizos*), леонтица алтайская, стародубка пушистая, гусытник нитевидный (*Ornithogalum angulosum*), колурия гранилатовидная (*Silversia geoides*), прострел широкоцветный и т. д. Здесь же заметил я признак высотности места — первые лиственницы, которые были, однако, пока без хвои. Иня весной, когда разливаается, становится довольно внушительной рекой в этом месте, где она, выходя из гор, приближается к Чарышу; мы, однако, нашли ее спокойнее, чем ожидали, и переправились в лодках. Еще через несколько верст мы переехали рч. Чагырку, причудливо извивающуюся в долине, которая отлого поднимаясь, окружена невысокими горами, и вслед за тем прибыли в д. Чагыр. По названию этой деревни местные крестьяне называют *Saxifraga crassifolia* «чагырский чай», или бадан, так как во множестве собирают здесь его прошлогодние сухие листья и продают их в округе как суррогат чая. Сменив лошадей, мы продолжили наше путешествие и к вечеру оказались в д. Усть-Тулатинская, затем переехали рч. Тулату, недалеко от

места ее впадения в Чарыш. Я разрешил своему проводнику Белоусову съездить в находящийся приблизительно в 12 верстах Тулатинский форпост, где жила его жена, сам же остался в деревне, хотя было еще рано, так как до следующей ст. Сентелек было 40 верст, а дорога в горах оказалась бы наверняка скверной. Уже здесь я обратил внимание на благополучие и связанное с ним гостеприимство крестьян. Мой хлебосольный хозяин, приложивший все старания, чтобы меня как можно лучше принять, рассказал мне, что держит 25 лошадей, 15 коров, владеет немалым стадом овец, и что его 35 пчелиных ульев дают ему много меда и воска, из которых первый он продает по цене от 7 до 8, а последний — от 40 до 50 рублей за пуд.

3 апреля утром мы выехали из д. Тулаты. Багаж отправили по хорошей дороге прямо в д. Сентелек, а я с моим учеником и чиновником из Колывани отправился к Тулатинскому форпосту, где проходит более короткая, но не столь хорошая и удобная дорога на Сентелек. Мы миновали долину Тулаты, которая осталась справа от нас, а слева поднимались крутые сланцевые горы. Недалеко от форпоста мы увидели три киргизские юрты, к которым тотчас же подъехали. Бедно одетая женщина, сидевшая перед одной юртой, обратилась к нам на ломаном русском языке, а полунагие или совершенно нагие дети, увидев нас, разбежались, кто в юрту, кто за юрту, откуда они постепенно выходили и, усевшись на земле на корточки, уставились на нас. Поскольку со временем я намеревался часто бывать в таких жилищах, то в этот раз не зашел в юрту, а поехал к форпосту, где нас очень радушно встретил казачий унтер-офицер. Он предложил мне обед, который, хотя и состоял из постной пищи, оказался однако, очень вкусным. Особенно следует отметить за ее прекрасный вкус превосходную рыбу, которую здесь, как и в других горных реках, ловят вершами и называют хариус (*Salmo thymallus*). Я побывал на пасеке самого хозяина, которая стояла у подножия богатого цветами горного склона в живописном ограждении из караганника и татарской жимолости (*Lonicera tatarica*), а затем, сопро-

вождаемый множеством казаков, покинул форпост. Мы подъехали к рч. Теплой, которая вовсе не заслуживает своего наименования, так как она освежила нас своей чистой и очень холодной водой, когда мы остановились здесь, чтобы дать немного передохнуть нашим коням, которым предстоял подъем на лежащую перед нами очень крутую г. Теплую, по-видимому, более соответствующую своему названию. Поднявшись на эту гору, мы чувствовали справедливость этого наименования всеми порами и не в состоянии были удержаться от соблазна немного отдохнуть. За утомительный подъем мы были вознаграждены чудесной панорамой: справа, позади невысоких гор, виднелись Сентелекские белки, слева, довольно далеко, в долине мерцала р. Чарыш.

Спустившись по крутому горному склону, мы скоро приблизились к бурной, но мелкой р. Сентелек, которую нам пришлось перейти вброд, чтобы попасть в деревню того же наименования. Это совсем новое поселение русских крестьян из окрестных мест, и деревня находится на стадии возникновения. Местоположение ее превосходно — в красивой долине, окруженной высокими альпами, на берегу бурного Сентелека, недалеко от впадения его в Чарыш. Крестьяне, которые здесь поселились, живут по большей части весьма зажиточно, некоторые даже богато, и очень гостеприимны. Один из них, сопровождавший меня еще от д. Чагыр, пригласил к себе отужинать, однако другой, у которого я остановился, стал оспаривать у него это право. И тогда первый попросил меня прийти к нему хоть ненадолго ранним утром, перед отправлением в дальнейший путь, и попить у него чая; у него, мол, конечно, только чагырский бадан, но зато вкуснее его мед. Проснувшись на следующий день утром (это было воскресенье), я увидел своего старого спутника, который, чтобы повторить свое приглашение, уже пришел спозаранку и нетерпеливо ожидал моего пробуждения. Суррогат чая имеет слегка вяжущий, несколько терпкий, но не неприятный вкус, который, несмотря на то, что в нем совершенно нет ничего ароматного, довольно близок к вкусу китайского

чая; вдобавок мне предложили свежее испеченный белый хлеб с медом, и хозяин отпустил меня, очень довольный тем, что я не пренебрег его приглашением.

Вершины гор были окутаны туманом и облаками, и начал накрапывать дождь. Поэтому мы поспешили дальше, боясь, что при сильном дожде нас задержит разлив многочисленных горных речек, через которые нам предстояло переправиться, так как вода часто в таких случаях за несколько часов становится выше на сажень, особенно в Сентелеке и Коргоне. Ехали мы большей частью левым берегом Чарыша по крутому горному склону и пересекли множество речушек, которые все впадают в Чарыш, необычайно быстрых и шумных, но, как правило, мелких. Крупнейшие из них вплоть до Коргона — Малая и Большая Татарки, Воровская и Луговая (последняя впадает в Коргон).

Дорога была очень трудной. Узкая тропа шла по горной круче, которая от моросящего дождя стала чрезвычайно скользкой, и лошади постоянно подвергались опасности свалиться вниз. В таких случаях наиболее разумно опустить поводья, ибо лошади, привычные к подобной дороге, идут с большой осторожностью и без руководства сами выбирают себе лучшую тропу. Следует также безопасности ради чаще соскакивать с лошади, так как при значительной высоте и крутизне очень легко можно упасть от головок окружения. Но окрестности были настолько великолепны, что при взгляде на них я часто совершенно забывал об опасности. Однако вскоре от этого пришлось отвлечься, так как узкий проход, образованный двумя отвесными стоящими друг против друга скалами, куда вела дорога, показался нам слишком опасным, особенно потому, что наши тяжело нагруженные лошади могли там застрять. И мы сделали крюк, перевалив гору, по склону которой ехали, в более низком месте и затем спустились снова к Чарышу. Здесь мы вспугнули косяк. Горы были сплошь покрыты лиственницей, но по берегам Чарыша росли сосны и лиственные деревья, листья у которых еще не распустились. Кое-где показывались ели и так называемые «пихты» (*Pinus sibirica*).

В нескольких верстах от с. Коргон дорога сузилась. Есть более удобный путь к д. Чечулихе, который ведет по правому берегу Чарыша, но напасть на него мы не смогли, так как река близ д. Сентелек, где нам предстояло ее пересечь, в это время года бывает очень бурной, глубокой и широкой, а лодки для переправы там не было.

К вечеру мы, наконец, добрались до расположенного на левом берегу Коргона одноименного селения, известного своей каменоломней, которая находится неподалеку от него. Это новый поселок, но он, кажется, близок к запустению. Дело в том, что его жители, рабочие каменоломни, недовольные порученной им работой, покинули деревню, ушли в соседние горы и образовали там разбойничью шайку. В деревне остались только их жены, престарелые отцы и дети, а также один крестьянин, который поселился здесь позже и не был связан с ними. Действия этой банды становятся все более дерзкими, и за день до этого они отважились ограбить ка-

зенный склад. Двоих солдат, охранявших его, разбойники связали и жестокостью вынудили дать обещание никого не выдавать. Эти обстоятельства делали мое пребывание в окрестностях Коргона, как входило в план поездки, неприятным, хотя и не опасным, вынуждали меня, несмотря на то, что было уже довольно поздно, отправиться дальше, чтобы засветло добраться до д. Чечулихи. Мы проделали этот восьмиверстный путь частью на лошадях, частью из-за крутизны горы, которую надо было перевалить, пешком, в сопровождении двух жителей дер. Чечулихи, и уже в полной темноте достигли берега Чарыша, напротив деревни, о чем узнали по лаю собак и по нескольким огонькам. На наш зов приплыли три лодки, которые перевезли нас вместе с багажом. Мне отвели под квартиру хорошую избу, и хозяин, богатый крестьянин, принял меня приветливо. Но усталость вынудила меня сразу же, отказавшись от угощений, поспешить в объятия сна.

Глава вторая

ПРЕБЫВАНИЕ В ЧЕЧУЛИХЕ

Деревня Чечулиха, обязанная своим возникновением нескольким крестьянам, переселившимся сюда два года назад с Прииртышья, есть крайнее с этой стороны русское поселение, граничащее с областью кочующих калмыков. Расположена она исключительно красиво. Селение стоит на берегу Чарыша, который здесь хотя и не особенно глубок и не широк, но очень стремителен. На противоположном берегу высится Хазинская вершина, подножие которой покрыто лиственницей, сибирским кедром и пихтой. Довольно острая и круто обрывающаяся вершина скалиста и бывает свободна от снега лишь в июне и в июле. Сама деревня построена в долине, которая террасами поднимается и сужается к северу, где горы, тянущиеся по обе стороны долины вдоль Чарыша, соединяются и дальше высятся уже под названием Чечулинских альп. Горная цепь, которая тянется вдоль Чарыша, состоит частью из сланца, который лежит большими

пластами на очень крутом южном склоне — берегу Чарыша. Поскольку этот склон в течение большей части дня освещен солнцем и черные плиты сильно нагреваются, то здесь оказались первые цветущие растения, и мучительное карабкание на эти скалы, на которые я отправился в первый же день моего пребывания, было вознаграждено довольно богатым сбором весенних растений, из которых следует прежде всего назвать хлебнику одноцветную (*Ornithogalum uniflorum*), колюрию гравилатовидную, лапчатку низкую (*Potentilla prostrata*), пузырницу физалисовую (*Hyosciamus physaloides*), кандык сибирский (*Erythronium dens canis*), стародубку пушистую.

Пополудни меня навестил старый калмык, юрта которого находилась неподалеку, со своим сыном. Они только что вернулись с охоты, и оба были с ружьями. Все, что я при этом увидел, было для меня ново и интересно чрезвычайно, так как боль-

шая часть моего путешествия должна была проходить по местам, заселенным этим народом, с которым я хотел познакомиться обстоятельно. На калмыках были овчинные тулупы — обычная их одежда зимой и летом, которая надевается прямо на голое тело, и только наиболее богатые носят рубахи, сшитые, как правило, из синей хлопчатобумажной ткани, довольно короткие, спереди открытые для запахивания. Тулуп стягивался поясом, унизанным латунными украшениями, с правого боку к нему был прикреплен короткий нож, на левом висело на длинном ремне огниво с кожаным мешочком. В нем вместо трута хранился запал, изготовленный из войлочных листьев различных растений, главным образом большого лопуха (*Arctium Lappa*) и некоторых полыней. Огниво было крест-накрест загнуто за пояс. Голова, бритая наголо вплоть до толстой косы, что свешивалась с макушки, была покрыта бараньей шапкой. За чрезвычайно широкое голенище сапога был засунут кожаный кисет с табаком в форме плоского кувшина с узким горлышком. Трубка, лежащая в кисете, была железной, головка и чубук ее были выкованы из одного цельного куска около фута длиной, а головка была настолько мала, что в ней едва уместился табак, взятый кончиком ножа. Трубки эти калмыки изготовляют сами. Другим образцом их работы были кованные железные пули, которые тоже висели у пояса в кожаном мешочке. Они были очень круглые и гладкие и точно соответствовали дулам их ружей. Ружья, называемые ими «мультук» или «турка», тоже их собственного изготовления, сделаны они неуклюже и грубо, но бьют далеко. Длина ствола составляет четыре-пять футов и более, он толстый и потому тяжелый, поэтому для прицеливания и стрельбы его подпирают двумя длинными, согнутыми в виде рогов подпорками, которые посему называются рогами и прикрепляются к ружью. Порох воспламеняется с помощью фитиля, представляющего собой шнурок, лежащий в канавке приклада; конец этого шнура зажат в

подвижной железной детали, подводящей горящий шнурок к полке.

Люди эти выглядели очень бедными; я одарил их табаком, чем они остались очень довольны. Я слышал, что в шести верстах отсюда вверх по Чарышу, у впадения в него рч. Талицы, стоят калмыцкие юрты, и мне захотелось поближе познакомиться с жилищами и образом жизни этих людей, поэтому 7 апреля я сделал туда небольшой крюк. Мы направились в горы, расположенные вдоль деревни, а затем снова спустились к Чарышу, вверх по течению которого доехали до Талицы. Но поскольку на нашем пути не встретилось ни одной юрты, а только признаки калмыцких жилищ в виде жердей для постройки юрт, низеньких деревянных полок для сушки табака и т. п., то мы двигались по Талице и, проехав еще некоторое расстояние, заметили в лесу очень бедную с виду юрту. Она была конической формы и состояла из жердей, которые были воткнуты по окружности, вверху сходящимися в острие, и частично покрыты войлоком. Острие было оголено, чтобы дать ход дыму; второе отверстие, обращенное на восток, служило входом в юрту, а дверь заменял четырехугольный кусок кошмы. На деревьях вокруг юрты были развешаны утварь и запас мяса — павших животных или битой дичи. Хозяин юрты при нашем приближении вышел и поприветствовал нас, мы спешились и вошли в юрту. Посредине юрты был очаг, на котором стоял большой котел с варившимся мясом. Вокруг огня сидели жена калмыка с голым грудным ребенком на коленях и двое старших детей. Калмык принес кошму, разостлал ее на земле напротив входа и пригласил меня сесть. Это почетное место, которое обычно делит с хозяином самый уважаемый гость. Над этим местом висят идолы — грубо вырезанные из дерева или кремня человеческие фигурки, украшенные кораллами. Как раз надо мной висели останки орла — лапы с когтями и на мой вопрос, что это значит, калмык ответил мне русским словом: «бог». Такая же мертвая птица сушилась. Рот маленького деревянного божка был помазан жиром.

Калмык извлек из своего сапога кисет, набил свою железную трубку,

раскурил ее и передал мне. Так обычно оказывается почесть. Я ответил тем же, передав хозяину свою трубку. Большая деревянная головка и гибкий чубук, сплетенный из конского волоса, были предметом его особенного восхищения, и он с благоговением поднес трубку к голове и передал ее мне обратно, сделав несколько затяжек.

Мы вышли из юрты и отправились обратно через Чарыш, его левым берегом до места напротив деревни, где мы снова переехали Чарыш, вода в котором убывала. На этом пути со мной случилось небольшое происшествие: лошадь выбросила меня из седла и я упал в небольшой ручей, из которого хотел зачерпнуть воды. Вечером я наслаждался прекрасным зрелищем, которое представляло собой разделившееся на множество рукавов пламя, быстро охватывающее горы. Его даже в горах называют палом.

На следующее утро меня снова навестили калмыки. На сей раз это был не кто-нибудь из простых, а зайсан, или князь, по имени Митрей, который приехал сюда поохотиться в сопровождении другого калмыка из окрестностей Черного Ануя, где он кочевал. Этот старик, получивший от русского правительства, как и прочие калмыцкие князья, чин майора, потомственное дворянство и, кроме того, две золотые медали в награду за верную службу, ни своей одеждой, ни своим поведением, ни образом жизни вообще не отличался от остальных калмыков. Я постарался угостить его как можно лучше — чаем и водкой, кроме того, подарил им пригоршню турецкого табака и 50 змееголовок (по-калмыцки «джилан-баш» от «джилан» — змея и «баш» — голова, искаженно «еламбаш»)*, хотя и в то время еще не знал, для чего они их употребляют. Он сначала не хотел брать у меня эти безделушки, так как ему нечем было отдарить меня, но в конце концов решился, поскольку я пообещал побывать в его юрте.

Во время экскурсии, которую я совершил в окрестные горы, меня застиг снег, в изобилии выпавший на отдаленных высоких горах; в осталь-

ное время дня погода стояла такая же холодная и дождливая.

10 апреля я совершил прогулку за Чарыш и вверх по его течению левым берегом. Река Хаир-Кумын, которая в восьми верстах от Чечулихи впадает в Чарыш — один из самых значительных притоков его и, возможно, даже мощнее, чем Чарыш выше этого места. Вода Хаир-Кумына исключительно прозрачна, а течение — быстрое. Мы пересекли эту реку, а несколько выше и Чарыш, на правом берегу которого горные склоны были уже украшены множеством красивых растений. Здесь цвели тюльпан алтайский (*Tulipa altaica*), хохлатка благородная (*Corydalis nobilis*), хохлатка желтая, пузырница физалистовая (*Hyoscyamus physaloides*), первоцвет весенний (*Primula officinalis*), медунка мягкопушистая (*Pulmonaria mollis*), колюрия гравилатовидная (*Sieversia geoides*), фиалка скальная (*Viola glauca*), фиалка сомнительная (*V. hirta*), лютик лапчатораздельный (*Ranunculus amoenus*), касатик-узик (*Iris ruthenica*), фиалка рассеченолистная (*Viola pinnata*), проломник северный (*Androsace septentrionalis*) и т. д. Возвращались мы снова по левому берегу, так как правый образовался из крутых гор, которые во многих местах отвесно обрывались в реку.

12 апреля произошло исключительное событие. Когда я пополудни возвратился из небольшой поездки в горы, в комнату ко мне ввели одного горнорабочего из Змеиногорского рудника, который недавно прибыл сюда с товарищем и заработал у здешних крестьян немного денег. Он был бледен и дрожал всем телом с выражением страха и ужаса на лице. Взмолнован был и один из моих людей, который привел этого человека. На мой вопрос, что с ним, горнорабочий рассказал следующее.

Решив возвратиться домой, они пошли за своими пасущимися на воле лошадьми, чтобы ночью отправиться по окольной дороге, так как им стало известно, что их подстерегали коргонские беглые, проведавшие о том, что у них скоплены деньги. В версте от деревни, на горных склонах, где я сегодня побывал, трое коргонских беглых напали на его спутника, который отстал, чтобы поправить седло, а

* Раковина ужомки-каури. (Прим. перев.).

трое других устремились в погоню за ним самим. Он избежал верного разорения благодаря быстроте своей лошади, так как один из разбойников при спуске упал вместе с лошастью. Рабочий просил моего содействия, чтобы я велел деревенскому старшине освободить пленного казенного рабочего и дать им сопровождающих, для отъезда отсюда. Я же посчитал более разумным послать своего проводника, брата которого находились среди беглых, и с его помощью содействовать выдаче пленника. Едва я отпустил его, как сразу же услышал выстрелы и увидел разбегающихся жителей деревни. Мой проводник вернулся и сообщил, что разбойники уже около деревни. Крестьяне теснились у меня в комнате и просили о помощи, которую я им, конечно, не мог оказать, так как сам попал в довольно затруднительное положение. Я посчитал, наконец, за благо самому выйти навстречу тем людям и посоветовать им воздержаться от дурных действий против жителей деревни и против меня. Двое моих людей последовали за мной.

Я поднялся по горному склону и к моему удивлению увидел двенадцать здоровенных молодцев, каждый из которых был вооружен одним или двумя ружьями, двумя пистолетами, саблей и длинным ножом и превосходно держался в седле. Один крестьянин, перед чьей избой они остановились, вынес полное ведро водки, чтобы их умиловить. Когда я подошел, они приветствовали меня, назвав по имени, чтобы показать, что хорошо меня знают. Я увещевал и просил их от имени всей деревни не чинить никакого насилия ни над ее жителями, ни надо мной, чтобы не понести строгого наказания. Они поклялись, что мне, как врачу, который нужен людям, не следует их бояться, ведь некоторые из них обязаны жизнью помощи врача, что даже в моих экскурсиях, в кои они меня часто видели, они охотно, если я в этом буду нуждаться, окажут мне всевозможную помощь, разделят со мной в горах пищу и питье, дадут лошадей для дальнейшего пути и даже там, где нельзя проехать на лошади, пронесут меня на руках, потому что они слышали, что я хорошо отношусь к их брату. Затем они выпили за мое

здоровье поднесенной им водки и попросили меня выпить с ними. Мой отказ ничем бы мне не помог и, наконец, я надеялся облегчить участь жителей деревни, если бы я своим согласием смог задобрить разбойников. Однако это не вполне удалось. Ведро водки скоро опустело, ибо подошедшие крестьяне тоже вынуждены были выпить; кампания стала более шумной и шла теперь от избы к избе. Добром или силой требовали и брали они все, что им казалось нужным, особенно ружья, порох и деньги и т. п. Мой хозяин, самый богатый крестьянин в деревне, на которого, казалось, больше всего покушались, лишился 50 рублей и многих вещей. Я угостил их, по их настоятельной просьбе, вином, радуясь тому, что так дешево от них отделался.

Сделав обход села, разбойники решили было идти за Чарыш, но поскольку почти все были сильно пьяны и бурная река очень поднялась, некоторые из них советовали ночевать на этом берегу, требуя на то моего позволения. Шум становился все несноснее. Их крики, постоянная стрельба холостыми зарядами из пистолетов, их воинственный вид и вдобавок их пьянство — все это представляло собой довольно жуткую картину на фоне сильного ветра, завывавшего взапуски с женщинами и крестьянскими собаками, и шума вздувающегося Чарыша. Мне пришлось в конце концов улаживать сильную ссору, возникшую между несколькими разбойниками и моим проводником, которого они уговаривали пойти с ними. Братья заставили его выпить и потому он тоже был очень пьян, так что вскоре дело дошло до драки, которая имела бы скверные последствия, ибо это был человек непомерной силы и доведенный до бешенства, он вполне мог убить кого-нибудь из разбойников. С великим трудом и благодаря ловкости одного из моих людей мне удалось отнять у него нож и заряженное ружье, а с помощью другого — оттащить его и запереть. Разбойники расположились вокруг большого костра, куда жители деревни нанесли всяческой еды, чтобы приготовить им ужин. Шум продолжался всю ночь, но некоторые из разбойников, что потрезвее, поддерживали среди ос-

тальных порядок, поэтому несмотря на пьянство, они постоянно были готовы ко всякому неожиданному нападению. И не только свои ружья и один пистолет они держали заряженными по-боевому, но имели наготове патроны с пулями в отверстиях, чтобы быстро зарядить их снова.

На следующий день, угостившись напоследок чаем у моего хозяина, они отправились дальше. День был холодный и пасмурный, шел дождь, смешанный со снегом, и Чарыш прибывал на глазах, так что перебраться через него верхом было невозможно. Большинство разбойников переправились в лодках (причем они часто стреляли), но некоторые разделись донага и поплыли, держась за конские гривы. Сильное течение далеко сносило их, и человек с лошастью нередко на мгновение исчезали под водой. Стало совсем холодно, и склоны гор покрылись снегом до самых подножий, после чего уже к ночи прояснилось и сильно похолодало. Мороз достигал к утру 2,5° R, но ничем не повредил растениям, и только ирисы, которые должны были вот-вот расцвести, потеряли все свои сильно развившиеся почки.

15 апреля я побывал в калмыцких юртах, поставленных у Чарыша, примерно в 20 верстах от Чечулихи выше по его течению. Мы пересекли Чарыш, Хаир-Кумын, затем небольшую реку, именуемую Ергол, и, наконец, три маленьких ручья, которые называются Котлы. Напротив одной особенно высокой горы, которую калмыки называют Чечаташ, мы снова перебрались через Чарыш и по его правому берегу выехали в довольно широкую долину, раскинувшуюся у подножия этой горы.

Гора Чеча, отличающаяся от остальной цепи как своей высотой, так и своим видом, примечательна в истории калмыков. Она остроконечна и очень крута; с южной стороны, как и все горы этой местности, она совершенно голая и почти недоступна, с северной же стороны покрыта густым лесом. В давние времена, когда калмыки хотели освободиться от владычества китайцев, сюда, по их словам, бежал зайсан Чеча со своими родственниками и людьми и долго здесь скрывался от преследований китайцев, которые, однако, все-таки напа-

ли на его след. Долго защищался осажденный князь. Потом китайцы подожгли лес, а с противоположной стороны бросились на штурм позиции калмыков, которые в конце концов были побеждены превосходящими силами противника и частью перебиты, частью же, в том числе и сам Чеча, приняли смерть, бросившись со скалы. Речка Чеча, которая, как и гора, получила название от имени этого героя, впадает в Чарыш, гораздо ниже, с правой стороны.

Долина перерезана многочисленными рукавами Чарыша, которые образуют небольшие острова, поросшие низеньким лесом. Река здесь еще невелика и мелка, течение ее гораздо медленнее, нежели ниже устья Хаир-Кумына. В этом месте мы видели пять юрт разной постройки, стоящих довольно далеко одна от другой. Некоторые имели вид вышеописанной юрты, другие, побогаче, были гораздо изящнее. Они состоят из круглой деревянной вертикальной, приблизительно в рост человека, решетки, с прикрепленными к ней жердями, которые, сходясь верхушками, образуют усеченный конус такой же высоты, что и сама решетка. Внутри юрты она подпирается другими жердями, а сверху крепится к обручу, который служит дымоходом. Все это покрыто толстым слоем войлока; рама окружает обращенное к востоку отверстие, завешанное красивой, пестро вышитой кошмой. Весьма редко, и то лишь в очень богатых юртах, видел я деревянные двери. Убранство юрт было почти всюду одинаковым; и мне хочется коротко его описать сейчас, чтобы избежать повторений в будущем.

Когдаходишь в юрту через дверь, которую всегда стараются сделать на восточной стороне, обычно видишь справа большой кожаный сосуд, почти в рост человека, прикрепленный к юрте при помощи жерди; он четырехугольный, но иногда округлый, несколько выше середины сразу же суживающийся вдвое; в него воткнута более чем саженная жердь. Верхнее отверстие закрывается недубленой звериной шкурой, а у земли находится другое небольшое отверстие, которое затыкается затычкой. В этот сосуд сливается надоенное за день молоко, независимо от того, от какого

оно животного. Молоко в нем очень быстро скисается, так как сосуд никогда не бывает чисто вымытым и постоянно содержит свернувшееся молоко. Если кто-нибудь из обитателей юрты или гость не занят делом, он подходит к этому меху (по-калмыцки «турсук») и жердью начинает мешать и колотить его содержимое, пока не устанет. Это скисшее молоко составляет главную пищу калмыков и, пожалуй, его можно бы назвать вкусным, если бы только оно чище готовилось. Стоят здесь, кроме того, и многие другие сосуды, большей частью для хранения свежего молока, и подойник. Все это изготовлено в основном из кожи, но иногда снаружи густо оплетено хворостом. Турсуки меньшего размера, особенно те, которые служат для хранения водки, изготавливаемой самими калмыками, часто внешним видом напоминают желудок, с той лишь разницей, что шейка, соответствующая oesophagus [пищеводу], находится посередине.

Постель состоит из положенных друг на друга войлоков и ковров. Обычно я видел в юрте только одну постель, даже там, где в семье насчитывалось более десяти человек. Справа от постели, и почти как раз напротив входа, лежат — в зависимости от достатка хозяина юрты — 4, 8 и даже 16 кожаных мешков, которые обычно складываются рядом и один на другой в два ряда; в них хранятся пожитки калмыков, состоящие главным образом из шкур, одежд, мехов, кусков хлопчатобумажной и шелковой ткани, кирпичного чая и т. п. Эти мешки, или, вернее, переметные сумы, устроенные так, что их можно попарно пристегивать к лошадиному седлу, изготавливаются у богатых хозяев из красной кожи, отделяются разноцветным сафьяном и покрываются ковром. Вместе с очагом они составляют самую важную часть приданного. Над этим висят всевозможные идола, отчасти уже описанные выше. Слева от двери вешается мужская утварь, как-то: топор, ружья, ягдташи и т. п. Внизу почти всегда бывает протянута веревка и к ней привязывается ягненок или козленок, чьих матерей доят два или три раза в день. Посредине юрты находится очаг, сложенный часто из нескольких

камней, на которых стоит котел. Только богатые и кочующие по соседству с жилищами русских калмыки владеют железным треножником, котел с которого снимается редко. Над очагом обычно есть приспособление, на коем развешиваются для просушки различные вещи. Иногда над ним устроена еще деревянная решетка, на которой коптится сыр. Позже этот сыр нанизывается на шнуры и вывешивается перед юртой на высоких жердях для просушки. Другие сушат его, раскладывая на войлоке, покрывающем юрту. В некотором отдалении от юрты всегда вбита жердь или столб, к которому привязываются лошади. Таково обычное устройство всех юрт; в них поддерживается строгий порядок, например большой мех с молоком никогда не помещается слева от двери, а веревка, к которой привязывают ягнят, никогда не бывает справа.

Я побывал во всех пяти юртах. В первой пили чай. Старая калмычка пришла в гости; все сидели вокруг огня, на котором стоял большой котел с чаем. Хозяйка то и дело наполняла большие деревянные миски, которые быстро пустели. Во второй юрте было двое калмыков, они без всякого дела сидели у огня и раскуривали табак. Как только я вошел, один сразу же протянул мне свою трубку. В ответ на эту любезность я вынул сигару, раскурил ее и передал калмыку, который нимало этим не был изумлен и сильными затяжками с видимым удовольствием втягивал и жадно глотал дым. Затем он передал ее другому, который тоже сделал несколько затяжек, после чего подал ее только что вошедшей хорошенькой девушке-калмычке. Девушка — как я узнал, невеста — была одета в красиво отороченный мерлушкой овчинный тулуп, который мало отличался от одеяния мужчин. Голову ее покрывала также меховая шапка, верхняя часть которой была из красного сукна. Главное украшение составляла весьма привлекательная прическа. Голова была не стрижена, и блестящие, черные, как смоль, волосы, заплетенные в восемь тугих кос, ниспадали на спину. Эти косы, украшенные множеством змееголовок, большими стеклянными бусами и перламутровыми пуговицами величиной с

серебряный рубль, при каждом сильном движении издавали звон. В последней юрте я впервые увидел бубен шамана, который представлял собой обруч около полуфута в высоту и двух футов в поперечнике, с одной стороны обтянутый кожей. Внутри виднелась довольно широкая деревянная планка в длину диаметра, вырезанная в форме грубой стрелы, на конце которой было резное подобие человеческой головы с звенящими латунными пуговицами вместо глаз; ниже головы был прикреплен железный поперечник, доходящий с обеих сторон до круглого обруча, на который были нанизаны железные кольца и другие звенящие металлические предметы.

Несколько находившихся в юрте женщин проявили большое любопытство, когда я извлек коробку с насекомыми, чтобы вложить туда только что найденного мной жука. Они жадно уставились на булавки для прикалывания насекомых, но когда я дал им несколько штук, они долго их рассматривали, удивляясь, что те без ушек, и поэтому вернули их мне за ненадобностью. Поздно вечером я той же дорогой вернулся в деревню.

Так как я вынужден был отправить одного из моих людей в Змеиногорск и разрешил моему проводнику в приближающиеся пасхальные дни навестить своего отца в пос. Коргон, то в последующие дни не мог предпринять ни одной большой экскурсии, а бывал лишь в близлежащих горах, где собрал хоть и не богатую, но прекрасную коллекцию растений и насекомых. Из растений следует особо отметить красивый тигровый ирис новый (*Iris Tigrida* n.), первоцвет розовый (*Primula cortusoides*), фиалку одноцветковую (*Viola uniflora*), хохлатку желтую, камнеломку сибирскую (*Saxifraga sibirica*), горошек алтайский (*Lathyrus altaicus*), горечавку угловатую (*Gentiana angulosa*), жимолость синюю (*Lonicera caerulea*), проломник большой (*Androsace maxima*), бурачок, родственник б. сибирскому (*Alyssum tortuosum* aff.), нордосию гладкую (*Tussilago laevigata*), лапчатку земляниковидную (*Potentilla fragarioides*), остролодочник уральский (*Oxytropis uralensis*), астрагал крупноцветный (*Astragalus megalantus*), ирис желтый

и ирис-узик (*Iris flavissima* и *I. ruthenica*), фиалку рассеченолистную (*Viola pinnata*), ветреницу голубую (*Anemone coerulla*), стародубку сибирскую (*Adonis sibirica*) и стародубку пушистую, василистник широко-тычиночный (*Thalictrum petaloideum*). Но вегетация сильно запоздала, так как хотя в полдень обычно бывает очень тепло, по утрам термометр нередко опускается ниже 0° R. Разность температур между пятью часами утра и двумя часами пополудни составляет свыше +18° R, на солнце же температура поднимается до +28° R.

Высокие горы, поднимающиеся над альпийской областью, были еще покрыты глубоким снегом, но у меня не хватало терпения ждать и поэтому я поднялся, насколько это было возможно, на Хазинскую гору, вершина которой, многообещающая в более позднее время года, была постоянно перед глазами. Попытка удалась не вполне: когда я добрался до снега, то вынужден был вернуться. Но эта экскурсия вознаградила меня некоторыми новыми растениями, среди которых особенно заслуживают упоминания новый селезеночник (*Chrysosplenium* n.), эутрема цельнолистная (*Cochlearia integrifolia*) и красивый первоцвет (*Primula*). На только что образовавшихся проталинах появилось уже очень много ветреницы алтайской (*Anemone altaica*), фиалки одноцветковой и кандыка сибирского, так что даже почва казалась покрытой сплошным трехцветным ковром. По пути мы натолкнулись на косулю, которая при нашем неожиданном появлении в десяти шагах от места ее отдыха долго оцепенело смотрела на нас, не двигаясь с места, а затем с необыкновенной быстротой скрылась.

Возвратившись в деревню, я увидел калмыцкого начальника (демича) по имени Баран, который прибыл сюда от устья Кана, впадающего в Чарыш приблизительно верстах в 50 выше нашей деревни. Прибыл он сюда со своим сыном и племянником, услышав о том, что приехал врач, которого он хотел просить помочь последнему. Мы быстро с ним подружились, так как он, хотя и мало-мальски, но говорил по-русски, и мы взаимно угостились трубками после того, как я подарил ему немного таба-

ка. Он был один из самых богатых калмыков этой местности, но все же жаловался, что минувшая крайне неблагоприятная зима лишила его 350 овец, 50 коров и многих лошадей. Через двух жен, взятых им, он породнился с двумя князьями, или зайсанами, и поэтому пользовался большим уважением. Благодаря своему рангу демича он состоит в непосредственном подчинении зайсану и начальствует над всей местностью от бассейна р. Кан до ближайших русских поселений. Под началом одного зайсана обычно состоят три-пять таких демичей. В их подчинении находятся «шуленги», которых тоже мало, а иногда бывает еще более низкий ранг под названием «арбанака», т. е. «начальствующий над десятком человек». Все прочие калмыки равны между собой и отличаются друг от друга только численностью стад и прочих богатств.

На следующий день утром ко мне снова зашел демич и с любопытством наблюдал за тем, как я перекладываю растения. При появлении каждого нового растения он говорил, указывая на него, несколько слов, на что сын, стоявший тут же, утвердительно кивал головой. Полагая, что слышу сплошь калмыцкие названия растений, я немало удивлялся наблюдательности этого народа, от которого ожидал гораздо меньшего. Впрочем, когда я справился об этом точнее, желая записать названия, то к своему огорчению, узнал, что те слова не означали ничего иного, как красные, желтые, белые, голубые цветы и т. п., и что у калмыков есть названия только для наиболее общеупотребительных древесных пород и очень ограниченного числа других растений.

Сегодня я съездил через горы в с. Коргон, причем собрал немало очень интересных растений. Прибыв в поселок, я застал там моего человека, которого посылал в Змеиногорск. Он возвратился в сопровождении еще одного помощника и толмача и привез мне все необходимые вещи для дальнейшего путешествия в район обитания калмыков. Через самое непродолжительное время мы отправились в обратный путь и к вечеру снова были в Чечулихе.

29 апреля я побывал в краях, до которых пока не мог добраться, —

Чечулинских альпах. Они лежат к северо-западу от деревни, и в них берет начало речка, от которой деревня получила свое название. Дорога туда пролегает вдоль этой речки, большей частью по лесистой, дикой местности. На вершине лежало еще много снега, и вегетация сильно запоздала. Дремучий кедр, простирающийся до самой вершины, служит местом обитания для множества медведей; и мы слышали вдали рев одного из них, видимо взбиравшегося на дерево. Здесь во множестве встречается бурндук (*Tamias striatus*) — в высшей степени юркий зверек, который своей ловкостью свел на нет все наши старания его поймать.

Сильная гроза с проливным дождем и градом вынуждала нас спешить домой, однако из-за сильного ливня пришлось сделать остановку и искать убежища под огромной нависшей гранитной скалой. Затем мы ехали очень быстро, и я неудачно упал с лошади на каменистую почву. Я потерял сознание, однако вскоре очнулся, отделавшись лишь небольшим шрамом на лице. На этом пути я впервые нашел норичник алтайский (*Scrofularia altaica*), лапчатку снежно-белую (*Potentilla nivea*) и мелколистную (*P. sericea*?), мытник уральский (*Pedicularis comosa*), огоньки (*Trollius asiaticus*), бадан толстолистный, а также красивую многолетнюю разновидность Иванда-Марьи (*Viola tricolor*), которая, возможно, образует самостоятельный вид.

Мое снаряжение для дальнейшей поездки уже было готово. Однако толмач, которого мне прислали, попросил отпустить его на три дня, так как он, по его словам, не готов к столь длительному путешествию и должен еще многое сделать в собственном доме. Я уступил его настоячивым просьбам, поверив обещанию вернуться точно в назначенный срок, однако я напрасно ожидал его возвращения. За это время я совершил немало экскурсий, главным образом по окрестностям дер. Коргон, причем мне приходилось подниматься на некоторые вершины, причисляемые к Коргонским альпам. Но результатом этих трудных восхождений оказалось лишь небольшое количество растений, которые как раз показывались

из-под таявшего снежного покрова. Горечавка алтайская (*Gentiana altaica*), мытник красивый (*Pedicularis amoena*), ветреница зонтичная (*Anemone narcissiflora*) были первыми альпийскими растениями, которые я здесь собрал. Мое желание подняться на собственно Коргонские альпы, до самой их вершины, и побывать в каменоломне осуществить не удалось: в тех местах лежало еще много снега, а дорога была в высшей степени трудной. Да мне и отсоветывали это делать, так как там находилось убежище упомянутых беглых, которым могло показаться, будто я хочу их выследить и предать.

Лошади, которых я получил для разведывания местности на время пребывания в Чечулихе, тоже стра-

дали от почти ежедневного перенапряжения; одна даже пала, а остальные тоже были близки к этому, так что мне в конце концов пришлось продолжать свои экскурсии пешком и лишь по ближайшим окрестностям деревни. Погода также была крайне неблагоприятной, и реки сильно разлились из-за ливней и сильного таяния снегов даже на высоких горах.

Все это побуждало меня продолжать свое дальнейшее путешествие, но задерживало отсутствие толмача. Уже прошла неделя сверх срока, и я хотел было уже послать одного из своих людей в г. Чарыш, чтобы выхлопотать себе, если не прежнего, то нового толмача, как 9 мая толмач, наконец, явился хотя и не прежний, который сказался больным, а другой.

Глава третья

ПЕРВАЯ ПОЕЗДКА К ЧУЕ, ВОЗВРАЩЕНИЕ В УЙМОН

Упаковав к отправке собранные до сих пор натуралии, мы переправились в лодке через Чарыш, сопровождаемые четырьмя своими людьми и всеми жителями деревни. Наш караван состоял из 20 лошадей, часть которых была завьючена нашими припасами и инструментами, часть же служила для верховой езды. Кроме того, в караване было еще пятеро крестьян — коноводов вьючных лошадей. Арьергард составляла большая лодка, которую поставили на колеса и везли до Хаир-Кумына, так как вода в Чарыше сильно поднялась и переправиться на лошадях было нельзя. Эта двойная переправа через Чарыш и Хаир-Кумын отняла так много времени, что мы только к ночи достигли котловины напротив г. Чечи. Здесь мы разбили свою палатку, защитившую нас от проливного дождя, который вскоре перешел в сильную грозу.

Уже с раннего утра 12 мая солнце пекло так жарко и было так душно, что опять началась гроза, которую нам пришлось пережить. Я послал своего толмача в сопровождении двух людей на тот берег, чтобы попросить у калмыков лошадей для дальнейшего путешествия, и вскоре показали четыре калмыка с 18 лошадьми. Некоторые из них были пьяны, так как

накануне всю ночь бражничали на празднике. Лошадей я получал у калмыков каждый раз без всякой платы деньгами и товарами, за исключением небольших подарков, которые я давал по своему усмотрению. Чаще всего мне не нужно было даже представлять приказ губернатора, поскольку они, видя, что я приезжаю на калмыцких лошадях, уже знали о своей обязанности препроводить меня в дальнейшем.

Поездка в сопровождении калмыков казалась мне очень занимательной и приятной. Сидя на лошади, они всегда оживлены и очень много поют, хотя и довольно своеобразно, но совсем немелодично. Они мало берегут своих лошадей и нередко даже скачут галопом на тяжело навьюченной лошади, обычно же гоняют лошадей крупной рысью. Но в этот день нам не удалось далеко уехать, так как двинулись в путь мы довольно поздно, и солнце уже клонилось к закату, когда мы перебрались через рч. Кечер*, впадающую в Чарыш против устья Кана. Дальше калмыки не пожелали нас провожать, так как местность эта была густо заселена, и

* Возможно, называемый также Утурген. (Прим. автора).

можно было легко получить свежих лошадей. Дорога вела нас в основном болотистым берегом Чарыша, который протекает по довольно широкой долине. Горы на левом берегу покрыты лесом, на правом — голые, большей частью обрывистые, и порода, из которой они состоят, часто выходит наружу.

Уровень Чарыша сильно поднялся, поэтому мы не отважились переправить на другой берег свой багаж, боясь подмочить его. Однако сам я переехал на ту сторону в сопровождении двух моих людей, чтобы до наступления темноты по возможности дальше проникнуть в горы, имевшие своеобразный вид. Но тут со мной чуть не случилась неприятность, так как, еще не привыкнув к таким переходам, я чуть было не вывалился из седла в воду, когда оступилась лошадь. Вымокший насквозь, я все-таки поднялся на низменные, образованные из глинистого сланца, сухие горы, которые окаймляли весьма плоскую, болотистую и довольно широкую долину на правом берегу Кана.

Глинистый сланец, образующий эти горы, по-видимому, содержит большое количество соли (горькая соль?), как это заметно даже по растительности на горах и особенно в долине, куда с дождями стекает с гор нечто вроде слабого щелочного рассола. Все домашние животные калмыков очень лакомы до этого сланца (придающего горам пепельно-серый цвет) и поедают его в таких дозах, что на пастбищах нередко можно найти целые гроты, возникшие от того, что домашний скот и даже дикие животные (которых поэтому часто подкарауливают в таких местах) посещают эти горы и выедают соленый, легко растирающийся глинистый сланец. Растений на этих горах я собрал совсем мало, но это были редкие и красивые виды. Змееголовник белопокладистый (*Dracoccephalum organoides*), чамеродос крупноцветковый (*Sibbaldia grandiflora*)*, чамеродос прямой (*S. erecta*), сибальдия прижатая (*S. adpressa* n.), остролодочник отролистный (*Oxitropis leptophylla*) были превосходны.

Поскольку уже заметно стемнело, мы переехали Кан (причем чуть было не увязли в болотистых берегах) и оказались у юрты демича Барана, который был у меня в Чечулихе. Он вышел из юрты, оживленно выразил свою радость по поводу моего прибытия, снял меня с лошади и пригласил в свою юрту. Мне было приготовлено сидение из кошмы, произошел обмен трубками, которые затем перешли даже к моим провожатым. Он спросил меня, не желаю ли я попить у него чаю, и хотя меня бросало в дрожь при виде крайне грязной посуды, я принял предложение, чтобы сделать ему приятное. Большой железный котел был слегка вытерт, поставлен на огонь, залит водой и вскипячен. Затем плитку кирпичного чаю истолкли в ступе, изготовленной из деревянного чурбака (у которого раскаленным камнем была выжжена середина), высыпали в воду и бросили туда горсточку соли. Жена демича подошла к котлу с большой железной поварешкой и, черпая, довольно высоко поднимала ее и затем снова выливала в кипящую воду. Это она проделывала много раз с самым важным видом. Затем все было разлит по отдельным сосудам, котел был снова поставлен на огонь, и туда было вылитое некоторое количество свежего молока. Когда оно стало закипать, был добавлен чай и снова вскипячен при частом повторении маневров с поварешкой. Теперь чай был готов. Хозяйка почерпнула немного и вылила как жертву в огонь. Затем она разлила чай по большим деревянным мискам, наиболее чистая или, лучше сказать, наименее грязная из которых была передана мне. Я не мог пить этот напиток таким нестерпимо горячим, каким его с необыкновенной быстротой глотали калмыки. Меня прошиб при этом холодный пот, и я никак не мог решиться взять вторую предложенную мне миску. Я велел готовить этот чай в моей собственной посуде, с теми же добавками и без сахара, пил его в течение путешествия почти каждое утро и находил довольно вкусным и питательным. Так обычно готовят этот напиток калмыки. Иногда они, впрочем, добавляют изрядную порцию высушенного и истолченного ячменя, от чего напиток становится

* См.: Cmelins I. Reise durch Sibirien. Th. I. Göttingen, 1851, S. 439 (Прим. перек.)

еще более питательным. Он тогда напоминает сатуран* бурятов, который готовится из муки, поджаренной с жиром, и даже у знатных русских, живущих в тех местах, считается излюбленным напитком. Иногда калмыки добавляют в свой чай также немного жира. Его хранят обычно в чашке, в которую вливают немного кипящего чая, чтобы жир частично растопился, затем все это отправляется в котел. Я никогда не мог решиться попробовать этот последний столь неаппетитно приготовленный напиток.

Надо было спешить, чтобы до наступления ночи переправиться через Чарыш и добраться до своей палатки, и поэтому после недолгого пребывания я покинул юрту. Мне очень хотелось 13 мая более тщательно обследовать местность по Кану, но продолжавший всю ночь ливень помешал переправиться через Чарыш, который от этого разлился еще сильнее. Впрочем, погода была сносной для того, чтобы посетить горы на левом берегу Чарыша, хотя это и не дало особого успеха.

В одной из юрт, где мы побывали, нас угощали квашеным молоком («чегень»), а если оно из чистого кобыльего молока, то «кумыс») и выношенной из него водкой — «аракой». Последняя — особенно, если она готовится из кумыса — самый излюбленный напиток калмыков, не очень крепкий, кисловатый и неприятный только из-за крайне нечистоплотного приготовления и хранения.

Когда я вернулся к своей палатке, то встретил толпу калмыков и среди них несколько больных, которые хотели излечиться. Я захватил лишь немногие лекарства — для собственного употребления при несчастном случае, но как мог поделил их. Среди пришедших находился также маг и врач — «кам» (отсюда «камгар» — колдовать, а также происходит русское слово «камлать»), которого русские обычно называют «абыс», а народы Восточной Сибири — «шаман». В его одежде не было ничего отличительного, но вскоре он проявил себя как таковой в колдовских штучках. Калмыки, когда они колют скотину или едят мясо, всякий раз сберегают

лопатки, ибо считают, что по ним абыс может сказать всю правду. Вчера для нас был заколот баран, и мой толмач очистил лопатку и попросил кама погадать мне на ней. Он согласился на это за стакан водки и начал с того, что произнес над костью множество слов, лизнул ее в нескольких местах и т. п. Затем он встал и, оборачиваясь на четыре стороны и простирая руку с костью, бормотал всякий раз несколько непонятных слов. Потом он бросил лопатку в огонь, горевший перед моей палаткой, и после того, как она некоторое время погорела, осторожно извлек ее, затушил горящие места, и по выгоревшим дырам начал толковать, что во время путешествия я переживу приятное событие. Затем, пристально вглядываясь в кость, добавил, что мне предстоит встретиться с более высоким, чем я, чиновником, моим другом. Так в действительности и случилось, ибо в июне я встретился в д. Уймон с г-ном статским советником Ледебуром; но так как и я, и мои люди знали об этом, то легко мог узнать и он и использовать для доказательства надежности своего искусства.

Поскольку все занятие калмыков, особенно летом (зимой они обычно занимаются охотой), заключается в присмотре за своими табунами, потому что женщины выполняют все домашние работы — шитье одежды, обработка кож, изготовление кошм, веревок и т. п., то они большую часть времени проводят в том, что развешивают от одной юрты к другой, кутят и пируют или набивают и выбивают трубку, причем рассказывают новости, которые таким способом распространяются часто с невероятной быстротой. Я воочию убедился в том во время своего пребывания среди этого народа. Тем, что камы быстрее других узнают все новости и используют их для обмана, они могут придавать достоверность своим предсказаниям и пользоваться авторитетом. Кочевой образ жизни, который они ведут, ибо их часто приглашают издалека, чтобы полечить больных, раскрыть кражу и для многого другого, позволяет им добывать сведения, так как они останавливаются у каждой юрты, ловят, каждое слово, которое можно использовать.

* См.: Gmelins I. Reise durch Sibirien. Th. I. Göttingen, 1851, S. 439. (Прим. перев.).

14 мая. Поскольку при установившейся вчера ясной погоде вода в Чарыше сильно спала, я рано утром переправился через реку. На том берегу меня встретил Баран, который как раз направлялся ко мне в сопровождении целой свиты калмыков. Он сопровождал другого демича, Боженка, с больным сыном и многих других больных, которые недавно собрались тут со всей округи и вчера весь день ждали у Чарыша, когда можно будет переправиться. Баран упрасивал меня заехать в его юрту, но по пути туда я услышал в другой юрте, мимо которой мы проезжали, множество голосов. Это и своеобразный спектакль перед юртой побудили меня спешиться и пойти туда. Вся моя свита последовала за мной. Юрта была битком набита народом: заболела жена владельца юрты, и абыс колдовал (камлал) около нее. Он был весь в поту от напряжения, его выпученные глаза налились кровью и голос охрип. Он сидел на почетном месте, а над ним висела его культовая одежда, вместе с его колдовскими принадлежностями. Я не мог подойти и все точно рассмотреть. На огне стоял огромный котел, в котором сварилось мясо целой овцы; теперь, разложенное в большие миски, оно было роздано гостям и поглощалось ими с большим аппетитом. Сопровождающие меня калмыки тотчас же, не раздумывая, приняли участие в этом пиршестве. В некотором отдалении от юрты была прикреплена на двух жердях веревка с привязанной посередине заячьей шкуркой, по обе стороны ее веревка была украшена разными пестрыми тряпицами и лентами. Перед этим стояла лошадь, привязанная к столбу, посвященная, как мне сказали, тому богу, от которого зависело исцеление больной. В некотором отдалении на небольшой огороженной жердями площадке горели кости, и кое-какие внутренности овцы, заколотой в качестве жертвоприношения злему духу («шайтану»). В гриву лошади, посвященной божеству («кутаю»), по окончании всей церемонии вплели ленты, после чего ее отвели в табун и отпустили. С этого момента ее уже нельзя использовать ни для какой работы, и только если ее владелец беден, он может ездить на ней сам; но если же на ней поедет другой, осо-

бенно русский, она считает оскверненной и должна очищаться окуриванием. И если калмыкам понадобится принести в жертву лошадь, для этой цели обычно выбирается посвященная, а на ее место подыскивается другая.

Вода в Чарыше спала достаточно, чтобы не опасаться за сохранность наших вещей при транспортировке через нее, а Баран подобрал мне несколько рослых лошадей, поэтому я отослал одного из своих людей обратно, поручив ему позаботиться о переправе, а сам тем временем поехал в окрестные горы. Возвратившись к юрте Барана, мы увидели, что все наши вещи благополучно переправлены, а палатка разбита. Меня пригласили в юрту Барана, которая в этот момент напоминала лазарет, ибо в ней собралось множество больных и все просили лекарства. Поскольку я был вынужден спрашивать их через толмача, то распросы и инструкции, которые давал, сильно затянулись и весьма утомили меня, к тому же под конец все они разом насели на меня. Я перешел в свою палатку, а больным велел идти по очереди и раздал лекарства сообразно моему ничтожному запасу. Чаше всего я наблюдал здесь у женщин случаи истерии и бледной немочи с затвердением печени, у мужчин — механические повреждения и их последствия — плохо вылеченные переломы ног, вывихи, воспаление тазобедренного сустава и т. д. Изредка встречалась одна разновидность проказы, которая выражалась в нарывах на ногах и разрушении неба и костей носа, но все это не давало картины сифилиса, а более напоминало финскую чуму (Radeseuche). В общем же народ очень здоровый, и хронические болезни редки.

Из растений я здесь впервые нашел, кроме вышеупомянутых, фиалку двухцветную (*Viola biflora*), крупку сибирскую (*Draba Gmelini*), первоцвет сибирский (*Primula sibirica*), сверцию тупую (*Swertia dichotoma*), хориспору сибирскую (*Chorispora sibirica*), лептопирум дымянковый (*Isopyrum fumairoides*), астрагал мешковидный (*Astragalus follicularis*), мытник прекрасный (*Pedicularis speciosa*), одуванчик белоцветный (*Leontodon leucanthus*), проломники

мохнатый (*Androsace villosa*) и пушистый (*A. dasyphylla*).

Вечером 15 мая я покинул берег Кана, и пока наши вьючные лошади шли по ровной дороге вверх по течению реки, а затем через проход между горами по ее левому берегу, я посетил каменистые, в это время года еще едва покрытые зеленою, сухие горы. Вдоль широкого болота, которое образует с этой стороны берег Чарыша, мы вышли по дороге на обширную равнину, покрытую, подобно долине Кана, очень низенькой травой; нигде не было видно ни кустика, ни деревца. Почва, как я уже отметил выше, содержит много соли, и, несмотря на скудную растительность, эти места особенно если они окружены горами, содержащими солончаковый глинистый сланец, являются излюбленными у калмыков: скот, потребляющий соли почвы, чрезвычайно упитан и сам делает себе запас на черный день зимой. Запас этот содержится у овец в курдюках, достигающих к осени значительных размеров, зимой почти совершенно исчезающих. То же, что и с курдюками, происходит с горбами у верблюдов, которых я увидел здесь впервые. Так как была еще ранняя весна, горбы эти вяло свешивались и были совсем небольшими; но когда я вновь увидел этих животных осенью, то эти бугры оказались располневшими и выпрямившимися.

Болото было местом обитания множества водяных и болотных птиц, среди которых выделялась красивым оперением и странным жалобным криком красная утка (*Anas rutila*). Моим людям удалось застрелить одну из этих птиц. Проехав примерно 10 верст по прямой, мы достигли берега Ябагана, сильно напоминавшего Кан своим видом и своим окружением. Он, как и тот, отличается от всех рек этой местности своим спокойным, едва заметным течением и мутной водой. Здесь мы сделали остановку, так как предпринимать переход через значительный горный хребет, который здесь возвышался, образуя водораздел между протоками Чарыша и впадающего в Катунь Урсула, было уже слишком поздно.

Утром 16 мая я видел чрезвычайно интересное зрелище. Чтобы доставить нам требуемое количество лошадей,

калмыки соседних юрт выгнали на широкую равнину большой табун в несколько сот лошадей и окружили его, вооружившись большими арканами, которые сделаны из веревок, скрученных из конского волоса, и предназначены для поимки лошадей. Было их человек пять. Они держали в руках свернутые в несколько раз длинные веревки и разъезжали вокруг, рассматривая лошадей, которых намеревались нам дать. Лошади, казалось, мстили в этом случае и с большой ловкостью прятались и увертывались от высматривающих их калмыков. Они то прижимались друг к другу, то вдруг устремлялись в двух или трех различных направлениях и с громким ржанием мчались, распластавшись в галопе. Однако калмыки всякий раз опережали их и гнали обратно, и намеченная лошадь не избегала своей участи. Поймав цепким взглядом предмет своих стремлений, в диком галопе быстро и надежно набрасывает калмык петлю на шею лошади, затем соскакивает с седла и некоторое время волочит ее по земле, и животное, сдавленное петлей, усмирное превосходством человека, делает все уменьшающиеся круги, кружась на все более ослабляемой веревке, и, наконец, утомившись, останавливается. Но понятно, что многие арканы были брошены впустую.

Дикие выкрики калмыков, ржание лошадей и их громкий топот повторяло эхо в горах, внимание было приковано к этому зрелищу; напряжение возрастало, и вскоре я то принимал сторону прекрасного, мужественного животного, которое не раз ловко спасалось от преследователя, то восхищался превосходно рассчитанным броском аркана, сделанным натренированной рукой старого калмыка.

Скоро все лошади были оседланы, багажные сумы приторочены, и наш караван двинулся в путь. Берегом Ябагана мы поднимались сначала незаметно, потом все круче, и, наконец, достигли гребня горного хребта, где мое внимание привлекли большие кучи сухого хвороста. Это была жертва за благополучный подъем на гору, которую здесь приносит каждый проезжающий калмык. Там и сям этот хворост был увешан маленькими лентами и тряпочками. Никто

не отваживается прикоснуться к этому хворосту ради костра или прочего. Этот обычай проявлялся всюду, где дорога шла через высокую гору, и даже столь высоко, где уже не было ни леса, ни кустарника. Тогда вместо хвороста была куча камней.

Спускаясь, мы скоро оказались у истока р. Ело, в высоко расположенной болотистой равнине, где многие альпийские растения, особенно лютик тысячелистный (*Ranunculus fumariaefolius*), свидетельствовали о большой высоте. Низкий кустарник составляли здесь березка кустарниковая (*Betula fruticosa*) и несколько карликовых ив.

При спуске — мы должны были спешить, так как, собирая растения, удалились от шедших впереди выючных лошадей — моя лошадь дважды упала, провалившись передними ногами в землю, подрытую сусликами (*Arctomys Cilillus*). Я каждый раз при этом выпадал из седла, но ничего себе не повредил, так как из-за холодной погоды, приветствовавшей нас даже снегом, был одет в добротную шубу. На берегу Ело, надалеко от его впадения в Урсул, мы расположились на ночлег по соседству с юртами.

17 мая мы продолжали поездку вниз по Урсулу, не встретив ничего особо примечательного, разве только множество каркасов с лошадиными шкурами — здесь больше, чем где-либо, — которые видели мы и раньше. Эти каркасы остаются после жертвоприношений добрым или злым духам. Они представляют собой несколько палок, подпирающих длинную жердь, на которую навешена лошадиная шкура, а иногда и шкура другого животного, с головой. Перед этими сооружениями, если они не так давно поставлены, можно заметить два шеста, между которыми натянута веревка с ленточками и тряпичками. Шкуры сильно изорваны и продырявлены, так что они уже больше ни на что не годны. Сняты они с лошади, овцы или козы (никогда не видел я бычьей шкуры), которые были принесены в жертву по случаю какого-либо праздника, чьей-нибудь болезни, или, проще сказать, были съедены. Голова повернута на восток или на запад (последнее гораздо реже) в зависимости от того,

доброму или злому духу приносится жертва.

Берега Урсула большей частью окаймлены небольшими рощами местного лавроволистного тополя (*Populus laurifolia*), в которых низенькие ивы, боярышник кроваво-красный (*Crataegus sanguinea*), черемуха (*Prunus padus*), желтая акация (*Robinia caragana*) и пр. образуют приятный подлесок. Долина, по которой протекает река, не очень узка, и горы с округленными вершинами на левом берегу не высоки, однако если проследить глазом вверх по течению, то можно увидеть вдали на западе красивые альпы с широкой изолированной вершиной, с которой стекает речка. На левом берегу также видны в некотором отдалении к югу довольно высокие белки, которые отделяют эту долину от долины Катуня.

Перебравшись через речки Тоботой и Кеньгу, вечером мы подъехали к юрте зайсана Кучугеша¹, где и остановились. Самого зайсана не было дома, но его жена пригласила меня в юрту, угостила чаем и аракой; мы несколько раз обменялись трубками. И надо заметить, что курят здесь по обыкновению стар и млад, мужчины и женщины. При этом жена зайсана оказала мне своеобразную честь. Она часто подавала мне трубку или чай или обращалась только ко мне через толмача, многократно касаясь при этом своих кос, которые — две, как это принято у замужних женщин, — свешивались с плеч. Такое чествование кого-нибудь оказывается только знатными женщинами, ибо обычное приветствие — поднимание одной или обеих рук к голове, причем достоинство того, кого приветствуют, определяется тем, выше или ниже поднимается рука; к тому же они то кивают головой, то нет. Почти все люди в юрте были пьяны, жена зайсана тоже не составляла исключения, поэтому я отказался выполнить ее просьбу — сделать ей кровопускание.

Только мы расположились вокруг нашего костра перед моей палаткой, как вдруг калмыки, которые в таких случаях обычно всегда присоединялись к нашей кампании, вскочили и поспешили навстречу подъехавшему всаднику. Это был зайсан Кучугеш. Он, сильно пьяный, слез с лошади и, шатаясь, двинулся ко мне с приветст-

виями. Говорил разные несурзаци на ломаном русском языке и был в высшей степени груб, потому что, несмотря на требование, не получил от меня водки. Наш ужин был готов, и я со своими людьми ушел в палатку; он также попросился туда, чтобы принять участие в нашем ужине. Когда я предложил ему место у двери, он повел себя чрезвычайно буйно и потребовал стул, так как, по его словам, посещая русских, он всегда садится на стул.

Внимание зайсана привлекли наши ржаные сухари и, схватив полный сосуд, в котором они находились, он высыпал все в подол своей шубы и пошел с ними в юрту, откуда еще долго доносились его крики. На следующее утро он рано разбудил нас своим криком и смиренно извинялся за свою вчерашнюю грубость. Он просил полечить его жену, которой-де нужно пустить кровь. Она же заявляла, что решится на это лишь после того как ее подкрепит глоток моей водки. Это произошло, и после того, как операция была проделана, нас пригласили в юрту, где для меня приготовили высокое сиденье. Угостив меня чаем и аракой, Кучугеш вынул соболий мех и подарил его мне. Ученику же, который открывал вену его жене, он подарил большую волчью шкуру. Вскоре зайсан опять забуянил и начал грубить, ибо кроме водки, которой я угостил его, за ним постоянно — в то время, как мы готовились к дальнейшему путешествию, причем Кучугеш проводил нас до нашей палатки — молодой симпатичный калмык носил турсук, полный араки. Этот парень не отставал от него ни на шаг. Он останавливался там, где останавливался зайсан, и садился сзади, когда тот садился, подливая ему постоянно в большую деревянную позолоченную чашу, которую зайсан осушал. Зайсан требовал от меня водки, ржаных сухарей и других подарков и все время был недоволен тем, что я ему давал. Наконец, мне пришлось наблюдать крайне неприятное зрелище наказания калмыка, который, вопреки его приказу, отказался вначале дать лошадь для нашего дальнейшего продвижения. Поэтому я был рад, когда подготовив вьюки, смог оставить эту первую калмыцкую резиденцию.

Следуя вниз по течению Урсула, мы через некоторое время достигли рч. Туоқты и верхом переехали ее. Здесь я в первый раз нашел прекрасный маральник (*Rhododendron davuricum*), красовавшийся в полном цвету на крутом горном склоне. Отсюда мы скоро добрались до устья Каракола, который впадает в Урсул на противоположном берегу, где стояли юрты двух сыновей демича. Младший из них, Джигилек, симпатичный молодой человек, имел чин шуленги. По плану путешествия я должен был на обратном пути после первой поездки к Чуе доехать до д. Уймон, а оттуда ехать вверх по течению Каракола, поэтому счел более благоразумным оставить часть багажа, особенно те вещи, которые теперь мне были не нужны, здесь, чтобы иметь возможность следовать дальше налегке. Большая честность калмыков, их необычайное всеобщее отвращение к воровству, позволяли мне ничего не опасаться, и я доверил шуленге Джигилеку все оставленное, так как он обещал до моего возвращения не покидать этого места.

В тот же день мы отправились из этих юрт дальше, вниз по течению Урсула, через р. Курату, а затем переебрались на правый берег Урсула. Здесь местность имела уже иной вид; горы стали круче, сдвигались все ближе и ближе, и Урсул, сжатый скалами, несся в глубоком ущелье шумнее, чем в верховьях. Здесь он весьма широк. Переехав рч. Оелету, мы продолжали свой путь правым берегом Урсула в романтическом окружении: у наших ног шумел Урсул, стиснутый крутыми скалами; в больших расщелинах между глыбами, дико сваленными друг на друга, буйно рос густой кустарник из желтой акации и жимолости, которые как раз цвели. Так мы подъехали к устью Улегумена, который в отличие от другой одноименной реки, впадающей в Катунь, называется Малым. Здесь мы расстались с Урсулом, который отсюда поворачивает к востоку и, протекая меж отвесных скал, достигает наконец Катунь. Теперь Малый Улегумен служил нам путеводной нитью. Мы двигались по его левому берегу, пока не увидели за рекой несколько бедных юрт и возле них не расположились на ночевку.

Когда мы на следующее утро покинули берега Малого Улегумена, чтобы продолжать свое путешествие, перед нами возник горный хребет. Этот хребет, получивший название Чети-Каман (7 форпостов), отделяет бассейн Малого Улегумена и далее к востоку бассейн Урсула от бассейна Большого Улегумена. Хотя перевал был не очень высоким и едва достигал альпийской отметки, подъем оказался очень трудным, особенно для вьючных лошадей, из-за большой крутизны и плохой тропы, часто идущей по выступающим остриям скал.

Множество красивых растений, росших в расщелинах скал, и особенно сплошь усеянный цветами маральник, радовали глаз и заставляли забывать трудности пути. Спуск был еще опаснее, но все также скрашивался пейзажем, которым я любовался. К западу на значительной высоте рождался Большой Улегумен, с шумом устремляясь в расположенную далеко внизу долину, ограниченную с северо-восточной стороны менее высокими горами с округлыми вершинами, покрытыми скудной растительностью, а с юга — более высокими, более скалистыми и лесистыми горами. Мы ехали мимо многочисленных юрт к Улегумену и по течению его. В нижнем течении река затеняется красивыми тополями, и из хаотически наваленных друг на друга скалистых масс на его берегу поднимаются красивые кустарники — желтая акация, боярышник (*Crataegus*), жимолость, крыжовник, малинник, черемуха и различные виды ивы. На сухих каменистых горах на левом берегу росло несколько красивых растений: вьюнок Аммана (*Convolvulus Ammani*), истод сибирский (*Polygala sibirica*), хориспора сибирская, лук тонколистный (*Allium tenuifolium*) и др. Но напрасно я искал гольденшtedтию однолистную (*Güldenstaedtia monophylla*), которая, как мне говорили, должна здесь встречаться. Пока я занимался сбором растений, наши вьючные лошади далеко впереди уже перешли реку, удалились от ее берегов и направились по равнине, которая вела к берегу Катуня. Я поспешил за ними и догнал их, когда они уже спустились с крутого каменистого берега к руслу красавицы-реки. Старый калмык-перевозчик, поставивший

свою юрту близ переправы, представил в наше распоряжение весьма надежную лодку, представлявшую собой выдолбленный ствол тополя, и рассказал, что здесь недавно был исправник, совершающий поездку по Чуе, приказавший ему переправить меня со всеми вещами.

Сжатая в узком русле каменистыми берегами Катунь — крупная река, течет с бешеной скоростью. Несколько выше меняет свое направление почти под прямым углом — с юго-запада на северо-восток. Хотя здесь она глубока и кажется довольно спокойной, даже с ровной поверхностью, шум производимый двумя порогами, из которых один находится выше, другой — значительно ниже переправы, настолько силен, что человек, находящийся на противоположном берегу, лишь с огромным напряжением крича, может заставить себя услышать. Вода теперь сильно спала, но, судя по скалам, которые, по рассказам, во время половодья бывают совершенно скрыты под водой, она поднимается на 15—20 футов. В такое время вид реки и шум ее волн бывают страшны и переправа через нее становится невозможной. На песчаном берегу беспорядочно лежат большие каменные глыбы. На противоположной стороне круто поднимается высокая каменистая гора. На обоих берегах, как говорят, есть просверленные скалы, через которые в старину китайцы протягивали каналы, чтобы безопаснее и спокойнее переправиться через реку. Но сам я таких скал не видел. Не удалось мне также увидеть и другую скалу, ниже по течению, с отпечатками человеческой стопы, с которой связана следующая калмыцкая легенда.

Два могучих богатыря, отец и сын, искали себе новое место для поселения. Они подошли к Катуню, преградившей им путь. Тогда они решили ее запрудить. Но у них вышли все продукты и отец послал сына обратно домой, где ждали жены богатырей, чтобы запастись едой, строго наказав ему не разговаривать ни с кем из встречных, так как в противном случае не будет надежды на то, что удастся построить плотину. Долго молчал сын, но прощаясь с женой, сказал несколько слов. Между тем отец почти уже заканчивал работу,

оставалось только выломить из горы огромную глыбу и кинуть ее в реку, и плотина была бы готова. Но для этого требовалась помощь сына. Когда тот пришел, им удалось общими усилиями низринуть скалу; но так как сын не послушался отцовского предостережения, то утратили свою силу чары, нужные для завершения плотины, и сброшенная скала разрушила всю плотину. Отец, узнав таким образом о непослушании сына, гневно топнул ногой о скалу и покинул его. От могучего удара отпечатались след на скале. Долго сидел на месте опечаленный сын, и там, где он сидел, образовались два круглых углубления в другой скале неподалеку от первой².

Переправа продолжалась довольно долго, так как единственная маленькая лодка поднимала за раз очень немного и, кроме того, нужно было проплыть порядочное расстояние вдоль берега вверх по течению, к огромному камню, выступающему с берега в реку. Оттуда из всех сил гребли к противоположному берегу, но течение гнало неустойчивую лодку вниз со скоростью стрелы, и, несмотря на то, что река была не очень широка, к противоположному берегу причаливали напротив того места, откуда начинали. Переправа эта — предприятие рискованное, так как из-за пустякового упущения или неосторожности лодку легко снесет к нижнему порогу, и тогда все пропало.

На противоположном берегу, тоже песчаном, где лежат наваленные в беспорядке глыбы, меня удивила пышная растительность, так как желтая акация и кизильник черноплодный (*Mespilus cotoneaster*) здесь выросли почти в деревья и даже карликовая карагана (*Robinia pygmaea*) образовала высокий кустарник. Объясняется это тем, что почва здесь часто заливается во время половодья и солнце хорошо прогревает окруженную горами долину, а сильно нагретые темные гранитные скалы ночью отдают немало тепла. К тому же только верхний слой почвы песчаный от наносов, глубже — плодородный грунт. Поэтому я нашел множество цветущих растений, каких не встречал прежде, и между прочим даже одну полынь (*Artemisia*), которая в других местах начинает цвести толь-

ко в июле. Здесь уже зрели ягоды жимолости мелколистной (*Lonicera microphylla*), а ведь близ Чуи она только начинает цвести. Меня весьма порадовали находки, например гипекоум прямой (*Hypocoum erectum*), патриния сибирская (*Patrinia sibirica*), истод сибирский, фиалка рассеченная новая (*Viola dissecta* n.), ломонос сизый (*Clematis glauca*), который еще не цвел, и др. Но более всего я был рад гюльденштедтии однолистной, которой я, несмотря на продолжительные поиски, нашел только несколько цветущих экземпляров.

Между тем на этом берегу все было приведено в порядок, лошади переправлены, оседланы и завьючены, и наш караван поднялся по узкой тропе на высокую и довольно обширную равнину. Хотя было уже поздно и начинало темнеть, я сразу заметил здесь множество гольденштедтий, но цвели далеко не все. Мы не могли долго задерживаться для сбора, так как нам предстояло миновать весьма трудное место до наступления полной темноты. Этого места мы достигли после двухверстного переезда по каменистому бесплодному плоскогорью на высоком берегу Катуня. Оно называется у калмыков бом. Это опасная скальная тропа у упомянутой излучины Катуня. Берег поднимается отвесно, и по самому краю его тропа вьется в скалах, образующих остро выступающие высокие ступени, по которым лошадям приходится прыгать вверх и вниз. Почти безопаснее на таких местах доверяться более калмыцким лошадям, нежели карабкаться по тропе пешком, ибо эти умные и привычные к таким дорогам животные с удивительной осторожностью и вполне надежно рассчитывают свои прыжки, причем часто им приходится задние и передние копыта ставить вместе, чтобы удержаться на каменном пятачке. Они так напрягаются, что к концу пути бывают совершенно измотаны. Особенно трудно приходится вьючным лошадям, так как всадник точными движениями может сохранить равновесие и помочь лошади, что для вьючных лошадей исключено. Было уже темно, когда мы один за другим закончили этот переход и подъехали к группе юрт, стоящей на высоком берегу Катуня,

которая имеет здесь тот же вид, что и по ту сторону борма.

Неожиданно заболел один из моих людей, что грозило задержать наше дальнейшее продвижение, так как я не мог оставить его одного в этой местности. Однако кровопускание оказалось хорошим действием. После полудневной передышки он уже снова сидел с перевязанной рукой на спокойной лошади; и мы отправились к горе, которая поднималась недалеко от берега Катуня. От крохотной рч. Сершалы, которая берет начало здесь, получил наименование Сершалский хребет. Другая дорога, вдоль Катуня до находившегося в пяти верстах устья Чуи и затем вверх по Чуе, из-за половодья была недоступной, так как пришлось бы многократно переправляться через Чую, которая здесь и глубока, и бурлива.

Весь наш сегодняшний (20 мая) путь состоял из подъема на эту гору и спуска с нее. Сначала мы медленно поднимались по узкой долине вдоль Сершалы, пока на большой высоте не подъехали к нескольким очень бедным юртам. С одной стороны вздымались отвесные голые скалы, в расщелинах которых я нашел изящную смолевскую чашечную (*Hutschinsia calysina*), до сих пор мне не попадавшуюся. Отсюда начался крутой подъем до гребня горного кряжа, где восхитил глаз густой пестрый ковер окрашенных в различные тона крупноцветных фиалок алтайских (*Viola altaica*) и эмсеголовника алтайского (*Dracocephalum altaianse*), как свидетельство того, что здесь совсем недавно был снег.

Погода, которая нам все время благоприятствовала, стала портиться, и снег захватил нас врасплох во время сбора упомянутых растений. Спуск с горы был поэтому крайне трудным, так как из-за дождливой погоды здесь образовалось множество ручейков, делавших почву очень скользкой; кроме того, дорога шла по густому лесу из кедрача, лиственницы и ели, где лежало множество упавших деревьев. Из-за непомерной лени калмыки, которые обязаны следить за дорогой, предпочитают делать объезды по головкружительным тропам, нежели прикладывать усилия, чтобы разрубить и убрать с дороги упавшее дерево для удобства езды.

Поэтому все здешние дороги крайне неудобны, нередко опасны и доступны только привычным к ним калмыцким лошадям.

Спустившись с горы, мы оказались у р. Ейлагуш, которая стекает с лежащих напротив высоких альп, протекая в северо-западном направлении по долине, образованной этими двумя горными цепями, впадает ниже Улегумена в Катунь. Прodelав некоторый путь берегом реки вверх по течению, мы подъехали к нескольким юртам, хотя и бедного вида, но окруженным большим стадом овец. Затяжной дождь и наступающая ночь вынудили нас сделать здесь остановку. Скверная погода держалась весь следующий день, так что я решил, ибо не мог ждать, двигаться дальше. Однако уехали мы недалеко, так как шел снег, было очень холодно и я не мог заниматься своими делами. Скоро мы подъехали к подножию Айгулакского хребта, который в этот день мы не надеялись перевалить: из-за крайне скверной погоды мы решили не подвергать себя риску разбить лагерь на самой вершине этих альп. Ночью выпало еще больше снега, который остался лежать, что произвело на меня особенное впечатление, когда я, проснувшись утром 22 мая, увидел, что вся окрестность покрыта снегом, хотя долина, согласно моему барометру, была расположена не многим выше долины Чарыша близ Чечулихи, а ту я нашел свободной от снега еще в начале апреля.

Снег шел еще долго, и толщина снежного покрова достигала уже примерно одного фута. Местность эта не имела ничего интересного, что могло бы побудить меня переждать непогоду, и поскольку я рассчитывал попасть в более интересные места, то стал торопить своих людей поскорее достать у калмыков лошадей и отправиться в дальнейший путь. Укутавшись в шубы, так как было пронизывающе холодно, мы двинулись по тропе, которая все круче поднимаясь, вела нас вверх по течению Ейлагуша. К своему изумлению, я нашел на большой высоте, у места, где русло Ейлагуша почти совсем высохло, несколько альпийских растений, например первоцвет снеговой (*Primula nivalis*), хохлатку малоцветную (*Corydalis pauciflora*), скрипун розо-

вый (*Sedum elongatum*), мак голостебельный (*Papaver nudicaule*) и др., которые были защищены от снега кустарниками. Эти растения или их семена были, по-видимому, принесены рекой и здесь укоренились. Чем выше мы поднимались, тем труднее было идти по снегу, становящемуся все глубже. Своеобразный вид имели большие голубые цветы фиалки алтайской и горечавки алтайской (*Gentiana altaica*), которые там, где снег лежал менее глубоким слоем, пробивались прямо сквозь него, как и мытник красивый и первоцвет Палласа (*Primula Pallasii*).

Через несколько часов подъема мы вышли на опушку леса, который умирал особым образом: выше всего стоящие деревья, достигавшие, несмотря на сильно искривленные стволы, 15—20 футов и имевшие $1\frac{1}{2}$ — 1 фут в поперечнике, погибли. Этот вид конца области леса присущ не только данной местности, я видел подобное на Коргонских, Теректинских и других альпах. Чем же было вызвано отмирание этих деревьев? И в чем причина прекращения дальнейшего роста деревьев? Действует ли эта сила и теперь, и не опускается ли граница отмирания деревьев со временем все ниже? Или воздействие было моментальным и теперь прекратилось? Я нигде не заметил молодой поросли. Нигде не видел и следов лесного пожара, который мог бы стать причиной такого явления. Ничего я не мог знать о том времени, когда эти деревья еще зеленели.

Мы достигли, наконец, широкого хребта горы, вид которого не очень-то нас обрадовал. Перед нами широко расстилалось заснеженное ровное плоскогорье с выступающими вершинами, большей частью круглыми и отлогими, и лишь кое-где показывались остроконечные и голые невысокие скалы. Нигде круто не поднималось ни одной отдельной изолированной вершины, нигде не видно было ни одной глубокой долины — все сливалось в один колоссальный горный массив, высившийся над лесом, и представляло собой волнистую поверхность, покрытую в это время снегом. Взору не на чем было остановиться и видно не было этому конца. Этот ландшафт был освещен солнцем, и лучи его, отражаясь от белого

покрова, слепили глаза, распространяя красноватое сияние, в то время как сзади нас надвигались густые снеговые тучи, гонимые сильным северо-восточным ветром, клубясь и окутывая местность, которую мы только что покинули. Вскоре мы сбились с дороги, полностью занесенной снегом, и попали в такие глубокие сугробы, что наши лошади вязли по грудь и выбирались с большим трудом. Мы сделали привал и послали искать дорогу одного из калмыков. Затем с величайшей осторожностью мы двинулись дальше, коныечи от холода, хотя лучи полуденного солнца растопили снег на отдельных небольших каменистых участках, и от тепла вновь ожили некоторые альпийские растения. Маленький мытник Эдера (*Pedicularis versicolor*), однако, сильно пострадал от мороза; менее пострадали изящная вероника густоцветная (*Veronica densiflora*) и куропаточья трава (*Dryas octopetala*), как раз пускавшие первые побеги.

Проехав немало верст по плоскогорью, мы добрались до места, откуда нужно было спускаться, однако дороги нигде не было видно и казалось невозможным найти выход на открытое пространство в дремучем лесу, расстилавшемся у наших ног. Мы спустились по крутой тропе в той части плоскогорья, где не было леса, и подъехали к истоку Айгулака, следуя по течению которого мы могли добраться до Чуи. Айгулак — красивая горная речка, мчитя по очень длинной извилистой долине, по обе стороны которой вздымаются крутые стены гор. Она то сжимается ими, то освобождается от уз, пенясь в страшном шуме на бесчисленных каскадах и становясь все мощнее от небольших потоков, которые с двух сторон тоже не бесшумно, низвергаются в нее с гор. Омывая то с одной, то с другой стороны крутые неприступные скалы, она заставляет путешественника на протяжении примерно 25 верст девятнадцать раз переезжать ее, что порой смертельно опасно, особенно в ее прежнем течении, где она довольно широка и несетя с бешеной скоростью по огромным камням, устилающим русло. Еще несноснее становится дорога через чашу леса, заваленную упавшими стволами, подобно тому или даже больше, чем на упо-

мянутом Сершальском горном хребте. Густой перепутанный подлесок, состоящий из жимолости алтайской (*Lonicera Pallasii*) и желтой акации (*Robinia caragana*) и далеко превосходящий высоту всадника, вынуждал часто нагибаться и защищаться, постоянно заботиться о целостности глаз и лица, так как, несмотря на все трудности пути, калмыки гнали вычужных лошадей очень быстро, стараясь выбраться из этих диких мест до наступления темноты, и нам, не знающим дороги, приходилось поспевать за ними.

Все более дикой становилась местность, все гуще лес, все более перепутанным подлесок и все более шумной и мощной горная река, все ближе и ближе сдвигались становящиеся круче горы, ограничивающие узкую долину... Громкое монотонное пение калмыков, их оклики и понукания, обращенные к уставшим лошадям, хруст ломаемых ветвей, покрывающих дорогу, беспокойное ржание лошадей (они, казалось, подбадривали друг друга, так как не могли видеть одна другую в густом кустарнике), сопровождаемое гулким эхом — все это мешалось с оглушительным ревом воды и вместе с дикостью окружения возбуждало своеобразное чувство, которое было даже приятным. Наступившая ночь захватила нас в этой страшной, но красивой дикой местности, хотя лес становился уже реже, и расступившиеся горы свидетельствовали о том, что мы подъезжаем к открытому месту. Было совсем темно, когда мы спустились в другую долину, где лай собак и мерцание желанного нам огонька возвестили, что мы находимся недалеко от юрт, на берегу Чуи. Пока развешивали уставших лошадей и ставили палатку, я зашел в юрту, хозяин которой посадил меня у огня и подал мне китайскую латунную трубку, набитую китайским табаком. Возвратившись в свою палатку, я услышал заклинания женщины в соседней юрте, обращенной вероятно, к больному и напоминающие те обычные монотонные негармоничные мелодии, которые так характерны для калмыцкого пения.

Ясное хорошее утро 23 мая выделялось из всех предшествующих дней, так как в этой долине снег, по видимому, не выпадал и окрестности

красовались своим весенним убранством. Флора здесь выглядела совсем иначе, и, спускаясь к реке, я постоянно натывался на многочисленные очень редкие растения, среди которых меня особенно порадовали стевения левкоевидная (*Stevenia cheirantoides*), мытник изящный (*Pedicularis elegans*), остролодочник яркоцветный (*Oxytropis floribunda?*), хамеродос крупноцветный и др. Долина, которую пересекает здесь бурная широкая и довольно глубокая Чуя, узка и по обе ее стороны круто поднимаются высокие горы. Низкие горы, сложенные из уже упомянутого солончакового глинистого сланца, ближе подступают к берегу. Я посетил близлежащие горы и побывал здесь в большой пещере, в которую вошел в сопровождении трех спутников. Пещера, в которой можно было стоять выпрямившись, была выедена животными. В этих горах, как и на двух островах, образованных рекой, где я тоже побывал, я нашел несколько красивых растений. Растительность островов, в чем я убедился впоследствии, побывав еще раз на том, что расположен выше, всегда примерно одна и та же: кустарник из красивой миркарии даурской (*Myricaria davurica*), облепихи крушиновой (*Hippophae rhamnoides*) и изящной ивы с тонкими листиками, нежными прямыми ветвями и корой соломенно-желтого цвета (возможно, новой).

День прошел в экскурсиях, которые я предпринимал в разные стороны от палатки и самая дальняя из них вывела меня на дорогу, по которой мы хотели двигаться на следующий день, а именно вверх по правому берегу Чуи. Он часто загроможден гранитными глыбами; некоторые высокие и крутые горы обрываются прямо в русло реки, и по ним с сильным шумом низвергаются горные потоки. Долина то расширяется, то вновь сжимается подступающими к самому берегу и усложняющими путь горами. Местами эти горы становятся более отлогими и имеют плодородную почву, покрытую таволжником, караганником, шиповником и жимолостью, порой же они падают почти отвесно и тогда взору предстают совершенно голые камни, лишенные какой бы то ни было растительности, которые из-за своей окраски и про-

чих качеств кажутся широкими повязками, тянущимися от подножия до вершины. Чаще всего видишь различные оттенки серого, но нередко также кирпично-красного цветов твердых острых камней. Такие же крутые горы, только покрытые лиственничным лесом, высятся на противоположном берегу реки. Берег украшают перемежающиеся березы и красивые тополя, сильно напоминающие бальзамовый тополь. Выше по течению долина еще более раздается вширь и возобновляется лиственничный лес, почва в котором во многих местах около берега становится болотистой и поэтому ивы и березы чередуются с хвойными деревьями. Но местами горы подступают к самому берегу, вынуждая всадника свернуть с него и пробираться по крутому склону или по лежащей выше равнине. Так мы подъехали к рч. Сардуме, на некотором расстоянии от места ее впадения в Чую. Когда переседешь эту речку и поднимешься на небольшую возвышенность, взору внезапно открываются покрытые снегом вершины высочайших гор этой местности, принадлежащих к цепи альп, которая тянется по левому берегу Чуи. Значительная часть этих гор покрыта снегом в течение всего лета, и ни в июне, ни в июле я не видел их свободными от снега, поэтому, надо полагать, они поднимаются на более значительную высоту, чем связанный с ними Холзун, который, насколько я мог убедиться, в конце июня лишь кое-где был покрыт снегом. Неожиданное появление этих вершин из-за низких гор, а также красивое освещение, в котором они явились, настолько захватило меня, что сразу же возникло живейшее желание их посетить; к своей немалой радости я узнал, что наша дорога пройдет поблизости от них. Однако вскоре мне пришлось отказаться от надежды побывать там, ибо калмыки, вероятно из суеверных побуждений, отказались сопровождать меня, заявив, что даже их предки не помнят, чтобы кто-нибудь поднимался на эти горы, и что никто из них не знает туда дороги и поэтому они не могут отважиться вместе со мной искать наудачу путь туда, ибо местность очень скалиста. Наконец они заявили, что не могут дать даже лошадей. Таков был обыч-

ный ответ, когда я заводил об этом речь, так что я предполагаю, что во всем этом виноват мой толмач, которому не хотелось сопровождать меня в эту поездку, где он, возможно, боялся подвергнуться опасности, а, кроме того, видимо, лишился бы возможности продолжать свое занятие мелочной торговлей, которую он обычно вел в юртах, встречавшихся на нашем пути.

Близ Сардумы мы достигли Чибита, который, соединившись с образующимся выше Муном, впадает в Чую. Между этими последними расстилается обширная равнина, настолько ровная, что Мун совсем теряет характер горной речки, приобретая сходство с Каном, и медленно течет между болотистыми берегами. Здесь на берегу мы остановились на ночевку по соседству с юртой шуленги, который в одно время был абисом, или камом. Этот старый пьяница, непомерно гордый своей каменной пуговицей на шапке — знаком своего достоинства (ее он якобы получил от китайского императора) много раз вечером посещал меня, влекомый ожиданием водки, которую обычно берет с собой каждый проезжающий здесь русский. Когда я угостил его ею, он принес мне в подарок вышитую кошму, был очень любезен и рассказал мне историю своего шаманского бубна, который он не так давно, не добившись от него никакой помощи своему умирающему сыну, вместе с латунноглазым богом разбил в щепы и выкинул из юрты. Он показал мне его жалкие остатки, лежавшие поблизости. Это обычный способ обращения калмыка со своими богами, когда с ним случается какое-нибудь несчастье, от коего они не защитили. Но иногда наказание смягчается, и, получившие хорошую взбучку боги снова занимают свое почетное место в пользуются прежними правами.

Утром 25 мая, как только я вышел из палатки, чтобы сделать распоряжения насчет дальнейшего пути, явились двое казаков и сообщили, что исправник, в свите которого они состоят, возвращается из своей деловой поездки к зайсанам Верхней Чуи и что он скоро прибудет сюда. Я решил подождать здесь его прибытия, так как хотел попросить у него одного

казака, который бы меня сопровождал, что в таком путешествии совершенно необходимо. А пока я послал своего толмача позаботиться о лошадях для дальнейшей поездки. Вскоре он сообщил мне, что упал с лошади и сильно повредил плечо; мне же думается, что это было просто притворством. Поскольку он давно уже рвался домой, то в прибытии исправника увидел повод возвратиться и нашел в притворном несчастье основание для просьбы отпустить его и заменить другим. Когда исправник приехал, я пригласил его в свою палатку, и, взяв с него обещание выполнить мою просьбу, попросил его позаботиться о доставке нескольких писем, которые я спешно написал.

Отъехав от Муна, мы вскоре опять достигли одного места на Чуе, берега которой были здесь из твердой и сухой глины, смешанной с песком. Отсюда нам пришлось преодолеть значительный подъем протяжением в несколько верст. Это была высоко расположенная во многих местах поросшая лесом долина, справа от которой вздымались высокие и частью еще покрытые снегом вершины. Первоцвет холодный (*Primula auriculata*) и некоторые другие относящиеся почти к альпийской области растения, попавшиеся мне на пути, свидетельствовали о немалой высоте местности. К вечеру мы спустились с этого горного хребта в долину, далеко простиравшуюся по обе стороны Чуи в длину и в ширину и известную под названием Курайской степи (название происходит от речушки Курай, впадающей в Чую). Чуя, вольготно текущая в этой широкой долине, делится на многочисленные рукава, от чего образуются острова, которые в отличие от вышеупомянутых я хочу назвать Курайскими. Об их растительных богатствах мне много говорил один из моих людей, побывавший на них несколько лет тому назад, что и побудило меня подольше задержаться на этом месте. Поэтому я велел поставить палатку на берегу Курая, недалеко от места его впадения в Чую, возле нескольких юрт. Хотя время было уже позднее, я не мог удержаться от того, чтобы не побывать на некоторых островах, и найденные мною там сабельник Залесова (*Potentilla Salessowii*), лагопис

шандровый (*Moluccella Marrubiastrum*), который, к сожалению, еще не цвел, и красивая синоха (*Polemonium*) еще более возбудили мое нетерпение на следующее утро.

Утром явился обещанный казак, хотя и без толмача, и так как он сам не мог служить им, моему прежнему пришлось соблаговолить остаться у меня еще на некоторое время.

Лошади были приведены, мы поехали через Курай к Чуе и через многочисленные рукава на острова. Это довольно протяженные острова с исключительно разнообразием почв. Одни стерильны, каменисты, со скудными, но редкими растениями; другие болотисты, с богатой растительностью, хотя и не столь интересной; некоторые песчаны и глинисты; а самые крупные, наконец, с черноземом поросли лесом. Но везде можно найти примесь английской соли, которая значительно влияет на вегетацию. Поэтому хотя все растения здесь вырастают кривыми и встречаются совершенно голые места, но ботаник получает удовлетворение от этих островов тем большее, что здесь произрастают некоторые альпийские растения, смыаемые ключами с соседних альп. Однако стоявшая до сего времени холодная погода и высота местности задержали вегетацию, поэтому цвели очень немногие растения. Лагописа шандрового было мало и только на одном острове. Этой местности были присущи первоцвет длиннострельчатый (*Primula longiscapa*), астрагал волосистый (*Astragalus lasioglottis*), одуванчик белоцветный (*Leontodon leucanthus*), клевер альпийский (*Trifolium grandiflorum*), синоха красивая (*Polemonium pulchellum*), лютик солончаковый (*Ranunculus Cymbalariae*), норичник вырезной (*Scrofularina incisa*) и многие другие растения. Сабельник Залесова растет большими кустами на каменистом ложе высохшей теперь протоки Чуи; кроме того, здесь, как и на лежащих ниже островах, облепиха крушиновая, мирикария даурская и упомянутая ива (*Salix*) вместе с другими видами этого рода образуют общие заросли. Но напрасны были тщательные поиски биберштейнии пахучей (*Biebersteinia odora*), о которой мне говорили что она здесь встречается.

На рукавах реки обитало множество водяной птицы: дикие гуси, разные утки и среди них красивая красная утка, которая в сопровождении многочисленного молодняка без всякого страха подплывала совсем близко и даже после нескольких выстрелов держалась неподалеку. На том берегу мы увидели стадо верблюдов, которые с любопытством рассматривали нас, когда мы подъехали ближе. К вечеру сильно похолодало и начался дождь, так что мы вынуждены были вернуться в палатки и надеть шубы, которые в этой местности после заката солнца необходимы в любое время года.

По обе стороны Чуи тянется широкая равнина, носящая название Курайской степи. Речушка Курай, берега которой кое-где поросли елями и лиственницами, перескачет ее северо-западную часть. На расстоянии примерно десяти верст от берегов Чуи, по обе стороны ее, равнина начинает повышаться террасами и довольно круто поднимается к горному хребту, который на правом берегу менее высок, но на южном склоне был во многих местах покрыт снегом. Слева же от берега в один ряд протянулись горы с гораздо более высокими вершинами, видимыми, конечно, только со стороны их северных склонов, почти до половины засыпанные снегом, который покрывал их сплошь, не образуя отдельных снежных полей. Горы эти кажутся очень крутыми и скалистыми; у их подножия растут леса; другие две горные цепи, по крайней мере те их склоны, которые я видел, совершенно безлесны. Это были те самые горы или, вернее, их наиболее высокая часть, которые при переходе через Сардуму так неожиданно возникли у меня перед глазами. Обе горные цепи ограничивают степь полуокружностью и окружают долину, спуская в то же время с обоих концов менее высокие отроги по обе стороны к самым берегам Чуи; степь имеет около 50 верст в длину и на наиболее широком месте до 20 верст в ширину. Долина эта имеет характер низменной степи. Почва здесь сухая, очень ровная, покрытая низенькой, редко достигающей высоты фута, скудной растительностью и, за исключением берегов Курая и островов, где растет немного хвойных

деревьев, совершенно лишена деревьев и кустарников (последние встречаются только на террасах, ограничивающих долину).

Меня уверили в невозможности подняться на белки, простирающиеся к югу от Чуи с северо-запада на юго-восток, поэтому я решил пересечь степь, чтобы дойти до расположенных на северной стороне гор и подняться на них, насколько будет возможно. У подножия горы оказалось множество юрт, где мы ненадолго задержались. Затем мы поднимались вдоль ручья, относящегося к истокам Курая. Подъем был довольно крут, и мы не нашли ни одной тропы, проложенной охотниками-калмыками. Некоторые впервые встретившиеся здесь растения вознаградили меня за все трудности крутого подъема по каменистому грунту. Вскоре мы добрались до вершины, на которой нашли горечавку алтайскую и горечавку угловатую, лоидию горную (*Ornithogalum striatum*), лапчатку холодную (*Potentilla grandiflora*) и другие альпийские растения; почва была сырой, почти болотистой. Отсюда мы поднялись по узкой опасной тропе, которая круто вела по почти лишенной растительности осыпи. Красивый эмсеголовник каменный (*Dracocephalum pinnatum*) нашел я впервые здесь, а позднее еще на подобном же месте, в горах, расположенных выше по течению Чуи. Когда мы взобрались на самую высокую точку этой осыпи, то снова оказались на болотистой равнине, где росли обычные альпийские растения и среди них копеечник сибирский (*Hedysarum alpinum*) и ширша черная (*Empetrum nigrum*), которые впоследствии я видел на подобных местах, в частности в горах, отделяющих Чую от Башкауза.

За этим плато последовал менее крутой склон, усеянный более крупной галькой. Из-под гальки пробивалась скудная, но очень своеобразная растительность и из редких растений, которые кое-где покрывали голые скалы, я назову только новое красивое крастноцветное — паррию бесстебельную (*Parrya excapa* n.), большие фиолетовые очень душистые цветы которой густыми пучками росли на осыпи. Так достигли мы самой высокой части гор, где снова нашли широкое, еще более болотистое пла-

то, покрытое красивейшими альпийскими растениями. Лаготис цельнолистный (*Cymnandra bicolor*), мытник Эдера, фиалка алтайская, вероника густоцветковая, василистник альпийский (*Thalicttrum alpinum*), кляйтония остролистная (*Claytonia acutifolia*), хохлатка малоцветная, две маленькие крупки (*Drabae*), лютик алтайский (*Ranunculus frigidus*), новая камнеломка гребенчато-ресничатая (*Saxifraga grandulosa* n.) и другие альпийские растения обогатили мою коллекцию. Кое-где над плоскогорьем вздымались мощные гранитные утесы, и один из них защитил нас от поднявшегося внезапно резкого ветра, чувствительного еще и потому, что мы разогрелись при подъеме, так как солнце пригревало довольно сильно. Дорога, по которой мы поднялись, из-за своей крутизны для спуска не годилась, та же, которой мы шли по очень покатой долине, была не особенно удобной. Начиная уже темнеть, мы промокли и продрогли и спешили выбраться отсюда без всякой тропы по камням и гальке. Мы быстро проехали степь, и уже поздно вечером, нагруженные богатой добычей, добрались до своей палатки, где нас ожидали приветливый костер и наши шубы.

На следующее утро я еще раз побывал на островах и в близлежащей степи, чтобы теперь собрать несколько прежде замеченных растений, которые раньше еще не цвели. Затем, уже к исходу дня, мы тронулись дальше по Курайской степи, вверх по течению Чуи. Около реки было много журавлей, а в степи показывались маленькими стайками галки необычного вида — с белыми ошейниками, но эти птицы были так боязливы, что моему казаку не удалось застрелить ни одной из них.

Горы, ограничивающие Курайскую долину, постепенно сближаются, и долина поднимается сначала постепенно, затем все круче, образуя даже маленькие террасы, идущие поперек от горы к реке. Тут и там долину пересекают маленькие речки, летом нередко высыхающие, их берега обычно покрыты тополем и лиственницей. Первой из этих речек, которой мы достигли, была Тутугем, близ несостояло несколько юрт, и так как в дальнейшем мы не рассчитывали

встретить какую-нибудь юрту, а дело было уже к вечеру, мы расположились здесь на ночлег, хотя выехали уже поздно и едва успели проделать 15 верст. В одной из юрт я увидел старого калмыка, который сильно страдал от общей водянки и находился уже при смерти и еле двигался. Его лечили тем, что время от времени смачивали грудь разбавленной водкой. Правда, бросается в глаза, что эта и другие болезни, часто являющиеся результатом пьянства, встречаются у калмыков довольно редко, и я за исключением этого случая не встречал ничего подобного, разве только проходящая опухоль лица, которую я иногда замечал у калмыков, долго пьянствовавших. По-видимому, водка, которую они гонят из кислого молока, не так вредна, как хлебная, и хотя она в такой же степени вызывает опьянение, оно быстро проходит, не оставляя, как мне говорили, головной боли и тяжести, которые причиняет хлебная. Арака содержит, как мне кажется, немалое количество углекислоты, которая после употребления вызывает отрыжку, что хотя и неприятно, но в некоторой степени напоминает состояние после употребления стакана шампанского или какого-нибудь другого шипучего напитка. Этим, возможно, объясняется то обстоятельство, что я ничего не слышал о затвердении желудка и хронических рвотах у калмыков — болезнях, которые я нередко наблюдал у эстонских крестьян, ибо они особенно увлекаются хлебной водкой.

Рано утром 29 мая мы оставили Тутугем и продолжали свою поездку, поднимаясь все выше по долине, которая еще и здесь носила название Курайской степи. Она снова несколько расширилась, и подъем стал круче, чем прежде. Мы уже не находились, как в начале степи, на одной высоте с Чуей, которая теперь была погребена в глубоком русле, зажата между крутыми берегами, и чтобы добраться до воды, нужно преодолеть спуск на глубину до 100 футов. Вода течет здесь так же быстро, как и близ устья Курая, сливаясь в один поток, тогда как там, протекая по более широкой и менее покатой равнине, река становится мелководной, шире разливается, делится и образует острова, которые здесь не встре-

тишь на больших расстояниях. Слева горы подступают к самой реке, но справа, где идет дорога, раскинулась высокая и довольно широкая равнина.

Я услышал вдруг крики калмыков, уехавших вперед на наших вьючных лошадях, и увидел, как оттуда кинулась к нам неоседланная лошадь. Это была одна из вьючных лошадей, которая сбросила с себя свою ношу. Мы пытались было ее задержать, но она ринулась с крутого берега Чуи и поплыла через реку. Никто не отважился из-за глубины и бурного течения реки в этом месте плыть вдогонку. Пришлось пожертвовать своей лошастью, как решили остальные проводники, одному из калмыцких проводников, по чьей неосмотрительности это произошло. Кто знает, как непривычен калмык к ходьбе, ибо он садится на лошадь даже для того, чтобы добраться до соседней юрты, находящейся в каких-нибудь 30 шагах, тому понятна вся строгость этого наказания.

Теперь мы выехали на такое место, где степь, или, вернее, долина на правом берегу Чуи также была ограничена горами. Несколько выше по течению с левой стороны в Чую впадала крупная река Чаган, затем равнина на правом берегу снова начала расширяться, а горы отступать. Течение здесь опять становится медленнее, реки сливаются с поверхностью равнины. Река, по крайней мере, с одной стороны, снова выходит на простор и, делясь на несколько притоков, образует группу островов, которые, в отличие от находящихся ниже, я решил назвать Чаганскими. Наш путь пролегал по правому берегу, по сухому горному склону, и пересекался небольшой речкой, окруженной лесом, где лежали еще большие сугробы, которые сохранились и тогда, когда я, неделю спустя, снова вернулся в эти места. Дорога по берегу Чуи неудобна, и поэтому калмыки решили ехать с вьючными лошадьми по другой, которая проходит много выше, по горным склонам, где должны были стоять несколько юрт. Однако совершенно особый вид почвы и своеобразие некоторых растений, которые по словам одного из моих людей, еще раньше побывавшего здесь, должны мне встретиться, побудили меня избрать первую дорогу. Сухие горы были украшены лагопси-

сом шандровым и другими редкими растениями, из которых цвели лишь немногие. Круглые колючие кусты красивого остролодочника трагакантового (*Oxytropis tragacanthoides*) с цветущими в эту пору пурпурными цветами покрывали большую часть каменистого и сухого склона, на котором другим растениям нечем было питаться. Наконец, мы подъехали к нескольким холмам, казавшимся издали бело-желтоватыми и совершенно лишенными какой-либо растительности. Они состояли из очень сухой и твердой глины, смешанной с песком, со следами солончаков и были испещрены различными канавами и ямами, образованными стекающей с гор водой, поэтому имели очень своеобразный вид. Красивая хохлатка прямая (*Corydalis stricta*) была почти единственным растением, которое здесь росло. Некоторые другие солончаковые растения далеко отстали в своем развитии.

Своеобразие почвы побудило меня произвести более тщательное обследование местности, так как я рассчитывал найти здесь многие редкостные растения, в том числе биберштейнию (*Biebersteinia*). Вместе со своим проводником я поспешил подняться на эту каменистую, глинистую гору, чтобы как можно скорее догнать своих людей и приказать разбить лагерь на некоторое время поближе к юртам. Я опередил остальных, и когда, поднявшись на гору, подъехал к одной юрте, ее хозяйка, — судя по одежде, вдова, — сообщила мне словами и мимикой, что здесь никто не проезжал. Но скоро до меня донесся шум приближающегося каравана, который временами останавливался возле юрт, расположенных ниже. На мое предложение устроить здесь привал, мой толмач заверил, что где-то дальше, под горой, есть юрты получше и там удобнее можно расположиться, поэтому я, отправив с ним вперед багаж, после небольшой передышки поехал следом вместе со своими людьми.

Через холмов, которые, отвлекаясь от высоких гор, тянулись к реке и по которым пролегла дорога, задержали меня на некоторое время, так как они были усеяны множеством красивых и совершенно для меня новых растений. Холмы эти отчасти

скалисты, отчасти же подобны прежде описанным склонам. Все они были исключительно сухими, и на них встречались места, лишенные какой бы то ни было растительности. Когда мы поднялись на горы, перед нами открылся вид на обширную равнину, раскинувшуюся по обе стороны Чуи, сначала относительно узкую, затем, по мере отхода гор в обе стороны, расширяющуюся до 30—40 верст, и сначала круто поднимающуюся в виде терасс, а затем становящуюся совершенно ровной. Ни одно дерево не растет на этой равнине, кроме раскиданных кое-где округлых кустиков, не превышающих роста человека и представляющих два прежде неизвестных вида робинии (караганы колючей — *Robinia ferox* и еще одного нового вида), которые чередовались с сухими и редкими кустами тальника, растущими кое-где по берегам Чуи.

Почва этой равнины, как здесь, так и дальше на многих местах суглинисто-песчаная, нередко покрытая сильным налетом соли. Она питает лишь небольшое количество солончаковых растений, очень низеньких, часто кустарниковых, и образующих благодаря скоплению земли в нижних ветвях и корнях холмики, напоминающие нарытые кротами бугры или кочки на наших торфяных болотах, только поменьше. Между ними нет и следа растительности. Местами равнина совершенно гладкая, и на ней кое-где виднеются травянистые растения. Такие довольно обширные равнины чередуются с другими, каменистыми. Иногда берега Чуи заболочены и кочковаты или же покрыты растительностью. На обширных участках, где вразброд встречаются кусты караганника, растут некоторые травы, стебли и листья которых настолько жестки, что их не ест скот, и поэтому видны многолетние остатки этих растений, выстоявшие ветры и ненастья. Если представить, что степи, покрытые этой скудной растительностью, сами по себе служат пастбищем для стад рогатого скота, который не столько поедает, сколько вытаптывает ее, становится понятной причина мизерного роста этих растений. Верблюды, как и прочий скот, ищут солончаковые растения, свою излюбленную пищу, и поедают их до самого корня вместе с частью содер-

жащей соль почвы. Всюду в этой степи, называемой Чуйской, видны крупные озера, которые, несмотря на солончаковую почву, содержат пресную, хотя и безвкусную воду.

Сама река течет крайне медленно, делая такие излучины, что даже возвращается к тому месту, где уже протекала, и поэтому образует небольшие полуострова. Нередко течение становится совершенно незаметным, и тогда кажется, что вода стоит на месте. Но река довольно глубока, и только в немногих местах, при нормальном уровне воды, ее можно пересечь. В этот день я недолго изучал местность в надежде, что завтра буду иметь возможность делать это не спеша, так как рассчитывал здесь остановиться. Но я напрасно высматривал своих выючных лошадей и калмыков, которые во главе с толмачом успели уйти далеко вперед. Это побудило меня еще больше поторопиться, так как было уже поздно, и мне нужно было поскорее догнать своих людей, чтобы переночевать, даже если поблизости не окажется ни одной юрты, несмотря на то, что это связано со многими неудобствами. Проехав немалое расстояние, мы увидели две юрты, где навели справки о своем багаже и узнали, что караван проследовал дальше и что толмач намерен сделать остановку на две версты выше, близ юрты богатого шуленги. Это была уловка моего толмача, который надеялся прибыльно поторговать у богатых юрт и поэтому не хотел останавливаться там, где этого требовали мои интересы. Когда я подъехал к этой юрте, стоявшей на берегу Чуи и окруженной частью болотистой, частью глинистой неровной почвой, было уже слишком поздно возвращаться, что я намеревался сделать прежде, так как выюки были распокоены и лошади утомлены. Поэтому мне пришлось отложить обследование местности (где я нашел хохлатку прямую), а также чеганских островов до своего возвращения, когда я вновь намеревался посетить эти края. Но было крайне неприятно так часто подчинять свои желания прихотям толмача, от которого в некоторой степени всегда находишься в зависимости.

Поскольку почти все солончаковые растения распускаются только в поз-

днее время года, а большая часть растительности этой степи состоит из них и нескольких также поздно цветущих полыней, я рассчитывал получить более богатый сбор в горах, расположенных поодаль, к востоку от реки. Поэтому мы ранним утром 30 мая отправились через степь в горы, к тому месту, которое было ближе всего к нам. Я прикинул, что дотуда немногим более пяти верст, но сильно ошибся в своем расчете. Мы проехали по равнине вдвое дальше и достигли только терасс, образующих переход от степи к горам и тянувшихся еще не менее пяти верст. Почвы степи, которую мы проехали, не раз менялись и являли разнообразие, подобное описанному выше. Из растений, росших на каменистой бесплодной земле, я упомяну только маленькое крестоцветное (*Andreoskia* n. sp.). На глинистой почве образовал маленькие холмики ежевник (*Anabasis*), он был почти совершенно засыпан глиной и торчали только верхушки его ветвей. Подъем на очень крутую гору был нелегок, и наши лошади устали, но мы еще не добрались до самого высокого места, когда сильно склонившееся к западу светило напоминало нам о том, что пора возвращаться. Характером и растительностью эти горы очень напоминали Курайские, где я был несколько дней тому назад. Но мои коллекции пополнились многими видами. На довольно большой высоте мы нашли череп архара (*Aegoceras argali*) с рогами, но взять его с собой не смогли, так как он был слишком тяжел для наших уставших лошадей.

Убедительным доказательством значительной высоты степи был для меня лаготис цельнолистный (*Gymnandra bicolor*). Это растение, принадлежащее к роду, представители которого попадают лишь на высочайших альпах и в полярных тундрах, встретилось здесь во множестве вместе с бузульником алтайским (*Senecillis glauca*) и скрипуном розовым (*Sedum elongatum*) чуть выше степи, около ключа у подножия горы. К своей палатке мы вернулись довольно поздно, хмельные калмыки из соседних юрт пригласили меня выпить с ними чегена, кумыса и араки. В одной из этих юрт жила девушка со своим маленьким братом, их отец

недавно скончался. Это побудило меня спросить о погребении мертвых у здешних калмыков, ибо я не заметил здесь никакого кладбища, а часто встречающиеся каменные холмы, известные под наименованием чудских могил, относятся к давно прошедшим временам. Я узнал, что погребение покойников производится разными способами, отчасти это зависит от воли самих усопших, но в основном — от абыса или кама, который лечил умершего. Мертвых или сжигают (что впрочем, бывает редко), или закапывают в землю, или, наконец (видимо, чаще, всего), заворачивают в кошму либо в конскую шкуру и подвешивают к дереву в уединенном месте леса, оставляя на растерзание птицам и волкам. Обычно это сопровождается некоторыми церемониями, а лошадь — обычная жертва мертвым. Иногда ночью, где-нибудь в отдаленности, разводится огонь, над которым подвешивается котел с мясом в жертву злому духу Шайтану. Когда мясо сварится, кам приказывает всем присутствующим удалиться, после чего, по уверениям калмыков, является Шайтан, чтобы насладиться этой жертвой. Через некоторое время калмыки снова возвращаются к этому месту, уверенные, что визит Шайтана состоялся, так как нехватает части мяса, огонь почти потух и головни раскиданы во все стороны. Это, видимо, проделки фокусника шамана. Следует добавить к этому, что сам я не присутствовал на подобной церемонии и сообщаю об этом по слышанному мною рассказам.

Нередко калмыки отмечают годовщину смерти своего умершего родственника на его могиле. При этом часто бывает так, что идут туда лишь для того, чтобы набраться водки и залить свое горе, и возвращаются либо пьяными, либо после того как просят.

31 мая мы двинулись дальше по степи и, подъехав к небольшому листовенничному леску, который стоял на берегу Чуи, переправились через реку. На другой стороне реки степь имеет тот же вид. Чем выше мы поднимались и чем дальше удалялись от реки, тем чаще встречались и становились обширнее покрытые солончакowymi растениями холмистые равнины, простирающиеся до подножия

медленно повышающихся гор. Попутно мы побывали у очень богатого демича по имени Мурто, который в знак нашей дружбы подарил мне серебряное кольцо. Быстро проехав верст 20—25, мы оказались у юрты зайсана Монгола, близ рч. Телгаем, которая медленно текла по степи и слева впадала в Чую, образуя небольшие острова, заросшие тальником. Здесь мы остановились и разбили палатку. Войдя в юрту зайсана, я не нашел там никого, кроме слуги, которого зайсаны имеют право выбирать из своих подданных. Я узнал от него, что молодой зайсан уехал на китайский форпост, находящийся в 30 верстах отсюда, и скоро его ожидают обратно, а его мать, с которой он живет в одной юрте, так как не женат, выпивала в соседней юрте, свалилась там и спит. Тут же были приняты меры к тому, чтобы угостить нас чаем, причем это было сделано с необычной для калмыков чистоплотностью. Следует вообще заметить, что это достоинство более присуще двоedanцам, чем прочим калмыкам, что является, конечно следствием большого благосостояния. Скоро явилась и мать зайсана, по имени Курунджук, — вторая жена незадолго до того умершего зайсана Чебека. Ей было, по-видимому, лет 40 с лишним, хотя она была еще очень красива и отличалась живостью речи, мимики и движений. Ее сопровождала старшая дочь Эрко, которая на диво правильным чертам лица и чрезвычайно редкой среди калмыков белизной кожи заслужила бы даже у европейцев звание красавицы. Обе были одеты в шелка, и эта одежда так соответствовала их положению, как и явному богатству вместительной юрты, что нельзя было долго сомневаться в том, что мы имеем дело с калмыцкой княжеской семьей. Мать через толмача начала со мной разговор о цели моего путешествия, блеснув умом и даже остроумием. Все это заставляло меня с большим нетерпением ожидать прибытия самого зайсана, о котором я много слышал как о человеке очень рассудительном и вполне соответствующем своему княжескому положению. Скоро он подъехал на превосходной лошади, сразу же зашел в мою палатку и пригласил к себе. Это был молодой человек

20—25, с приятным лицом, которое, впрочем, было совершенно калмыцким, с весьма проницательным взглядом черных глаз и с приветливой улыбкой маленького рта, придававшими ему большое своеобразие. Он был очень чистоплотен и тоже богато одет в шелка. После того как обычные комплименты, особенно обмен трубками, и т. п. с обеих сторон были закончены, я пригласил его к себе в палатку, где велел устроить сиденья из выюков и угостил его и мать как мог хорошо — сначала чаем, затем, что было важнее, водкой. Он был очень воздержан, но куда меньше его мать, которая все больше требовала, пока ее не пришлось в конце концов унести. Меня поразило почтение зайсана к матери. Когда его вызвали по некоторым делам, ему, чтобы выйти из палатки, пришлось бы идти вплотную к матери. Но так как этикет не позволяет этого калмыкам, иначе же пройти было нельзя, ему пришлось ползти в узкой палатке позади матери, а потом подползать под натянутую боковую стенку палатки. Сначала я, не зная причины этого, подумал, что он предпочел такой в высшей степени неудобный путь вместо того, чтобы сделать два шага и выйти из палатки, под влиянием выпитой водки, но когда он вернулся этой же дорогой, я спросил его, почему он так делает. Он ответил мне вопросом на вопрос: «Разве у вас не считается грехом проходить прямо перед старшими или родителями?» Позже случилось так, что калмык оттолкнул в сторону одного из моих людей, когда тот хотел пройти также мимо меня.

Утром первого июня я сделал ответный визит зайсану. Он подарил мне два куска хлопчатобумажной материи, немного шелка и хорошего китайского табака, который отличался от обычной китайской махорки и имел очень приятный аромат. Я сделал несколько небольших ответных подарков. Перед маленьким ящичком, который стоял на чемодане, покрытом богатым ковром, я заметил небольшой латунный сосуд с жиром, а рядом в маленьком подсвечнике — тлеющую палочку около фута длиной и толщиной с тонкий карандаш; то и другое было жертвой богу, спрятанному в ящике. Настойчивой просьбой я вынудил, наконец, зайсана пока-

зять мне этого бога. С выражением огромного почтения он открыл ящик, в котором среди множества шелковых тряпочек явилось для лицезрения маленькое искаженное латунное человеческое лицо. Зайсан не позволил мне приподнять тряпки и осмотреть всего идола. Палочку, тлеющую в подсвечнике, он назвал китайской свечкой и утверждал, что эти свечи, являющиеся большой редкостью, он приобрел лишь благодаря знакомству с одним знатным китайцем. Он дал мне пару таких свечей, которые, по видимому состояли из растительного вещества, смешанного с землей, были очень ломкими и долго тлели без пламени, с очень небольшим количеством дыма.

После этого раннего утреннего визита я сел с двумя своими людьми на коней и мы поехали по степи к цепи холмов, которая, казалось, была совсем близко, однако, хотя я был уже более осторожен в оценке расстояний в этой степи, но все-таки сильно ошибся, и мы только около полудня достигли холмов, когда пересекли степь, имевшую здесь все вышеупомянутые свойства. Налет соли был местами так значителен, что она отделялась тонкими пластинами. Холмы состояли из сланца, в щелях которого среди множества других, менее примечательных растений встречались маленькая, очень красивая лиловая сон-трава (*Pulsatilla*) и белый цветущий остролодочник (*Oxytropis*) с длинными белыми колючками и мясистыми листочками.

День был теплый, и нас сильно томила жажда. Однако окрест не было воды, и поэтому мы решили идти дальше, подняться на одну, как нам казалось, не очень высокую близлежащую гору, покрытую снегом, где мы смогли бы утолить жажду. Но на этот раз ошибка в определении расстояния была в высшей степени поразительной. Небольшой земляной вал скрыл от нас широкую долину, которая лежала между валом и подножием возвышающейся горы, так что, предполагая ехать не более двух верст, мы проделали десять с лишком и с трудом добрались до снега на измученных конях. Лошадь на которой я ехал, так захотела пить, что, услышав журчание бегущего под снегом в небольшой впадине ручья, опусти-

лась на колени и с жадностью пыталась добраться до воды. Множество красивых растений явилось вознаграждением за утомительную дорогу: из них особенно заслуживают упоминания астрагал коротколистный (*Astragalus Galactites*), крупка голостебельная (*Draba lactea*) и ива зазубристая (*Salix berberifolia*?).

Расположившись на горе, мы оказались на пронизывающем ветру, а из собравшихся облаков начал падать снег, и опускающееся солнце вынуждало сократить наше пребывание на горе. Мы торопились до наступления ночи добраться до своей палатки, которую видели с горы в бинокль на порядочном расстоянии. В противном случае мы легко могли бы заблудиться, так как здесь не было никакого высокого предмета, по которому можно было бы ориентироваться. Мы спешили, но ехать нужно было с большой осторожностью, так как вся степь была ископана норами и ходами сусликов, так что лошадь легко могла попасть туда ногой и упасть. Во время нашей поездки сюда и обратно мы не раз видели стада косуль в 10—18 голов, которые не проявляли никакой боязни, так как их, видимо, мало беспокоили в это время года, когда единственным занятием калмыков было изготовление и питье араки.

Уже закатилось солнце, когда мы добрались до своей палатки. Зайсан выехал, чтобы собрать лошадей, необходимых для нашей завтрашней поездки, но вскоре после нашего прибытия вернулся и нанес мне визит. Так как приближался условленный день, когда я должен был приехать в д. Уймон, чтобы отправить оттуда свои коллекции на Риддерский рудник и получить новые запасы для поездки к Телсцкому озеру — а мне на эту поездку требовалось 14 дней — я решил отправиться в обратный путь.

Когда я прощался с зайсаном Монголом, он показал мне редкость — одну из китайских серебряных монет, называемых «смба», которыми сму, как зайсану, выплачивалось жалование — 6 монет ежегодно. Она имела вид овальной коробочки из очень тонкого серебра с углублением посередине, которая сужалась книзу, была снабжена китайским штемпелем и весила около фунта. Прежде чем по-

казать ее мне, он почтительно поднес ее к губам и поцеловал, точно так же, как он делал это с идолом. Это единственная здесь монета, но она служит больше в качестве медали. В меновой торговле калмыки используют деньги, например «болочок», который состоит из 5 «лам», хотя более употребителен при оценке какого-либо товара, «баш» (голова), равный примерно 4—5 руб. Так, тоненький кирпич чая стоит один баш, потолок — два баша, овца — один баш, кусок синей хлопчатобумажной ткани, используемый для шитья рубах, шуб и женской одежды, также стоит один баш. Русские медные деньги ценятся ими больше как товар, они охотно их берут, а затем обычно делают в них отверстия и подвешивают как украшение к поясу или другому месту. Я получил в подарок от женщин еще несколько шелковых изделий, в том числе и от первой жены зайсана Чебека, жившей здесь же, в стоявшей неподалеку юрте. В ответ я подарил ужомки, наперстки, стеклянные пуговицы, сигары и т. д. Затем наш караван был приведен в порядок и выступил в сопровождении зайсана в обратный путь.

При сборе некоторых растений на вершине горы, когда мне пришлось лежать на боку на сырой и холодной земле, я, вероятно, простудился и поэтому чувствовал сильную боль в суставах левой части тела. Эта боль с трудом позволяла мне сидеть на лошади. Прошла она только к вечеру, когда я в палатке выпил горячего кирпичного чая и накрылся шубой. Хотя и не следует особенно бояться простуды в этих местах с их переменной и почти всегда холодной погодой, будучи даже легко одетым, тем не менее находясь высоко в горах, не стоит лежать на траве или мху: это очень опасно и, как я много раз наблюдал на своих людях, бывает причиной ревматизма.

Вечером мы оказались как раз напротив устья Чегана и раскинули свою палатку возле довольно высоко расположенных юрт, у маленького источника, который, подобно почти всем маленьким ручьям, называется у калмыков «Кара-су», т. е. «Черная вода», стекает с высоких гор, которые возвышались в стороне от нас.

Утром 3 июля мы поднялись очень рано и, поехав вдоль источника вверх по его течению, были порадованы многими новыми альпийскими растениями, среди которых особенно заслуживают упоминания остролодочник с мутовчато расположенными листочками, радиола четырехлепестная (*Sedum quadrifidum*), мытник судетский (*Pedicularis eriostachys*) и новый лютик (*Ranunculus*). Сильный ветер со снегом, состоявшим, казалось, из очень острых льдинок, вызывая мучительное ощущение в лице и руках, вынудил нас вернуться, не добравшись до вершины, так как у нас не было ничего, чем мы могли бы защитить себя от такой погоды. Спускаясь, мы наткнулись на череп архара с огромными рогами, на котором сохранилась еще часть шкуры. Поскольку нетрудно было его донести до дороги и заметить место, где он лежит, я решил взять его в другой раз.

Вскоре после нашего возвращения в палатку погода стала более сносной, так что мы смогли осмотреть интересные берега Чуи и расположенные там острова, причем нашли немало красивых растений. Самыми замечательными были остролодочник малорослый (*Oxytropis inaria*) с мутовчатыми листьями, кастилея бледная (*Bartsia pallida*), новая сибальдия (*Sibbaldia*). К вечеру сильно похолодало, а в ночь с 3 на 4 июня подморозило, и вода по берегам ключа настолько замерзла, что утром мы нашли там большие куски льда. Весь день было холодно, и, когда мы, продолжая свой путь, выехали в Курайскую степь, нас застигла там такая сильная выюга, что даже шубы не смогли защитить от пронизывающего холода. Чтобы согреться, мы двинулись быстрее, и уже в тот же вечер добрались до устья Курая, где расположились на том же месте, что и несколько дней назад. На следующий день все окрестные горные вершины оказались покрытыми снегом, холод еще держался, хотя день был довольно ясным, и только отдельные облака тянулись вдоль гор по обе стороны степи, еще более покрывая их снегом. Несколько экскурсий, которые я в этот день совершил на острова и на расположенную по ту сторону реки часть степи, не дали примечательных

сборов, так как из-за установившихся холодов цвело гораздо меньше растений, чем в предыдущие дни.

В Троицу, 6 июня, я дал своим людям день отдыха, и они доставили себе удовольствие побывать во всех окрестных юртах. В это время я, оставшись в палатке совершенно один, занялся приведением в порядок своих коллекций, от чего меня временами отрывали калмыки, которые заходили ко мне и с невероятным любопытством разглядывали предметы в палатке и расспрашивали о их назначении. Из-за ничтожного знания местного языка я нередко приходил в затруднение и вынужден был прибегать к жестам. Наибольший интерес они проявили к моей енотовой шубе, чаще всего дававший повод для их вопросов, так как они, хорошо знавшие меха всех животных своего края, никогда не встречали ничего подобного. Они без конца расспрашивали о величине и внешнем виде этого животного, о его образе жизни, о местах, где оно встречается и т. п. Шуба была первым предметом, привлекающим внимание почти всех калмыков, каких я встречал, и мне приходилось часто слышать подобные вопросы. Неменьшее удивление вызывало у них зеркало, с большим вниманием рассматривали они книги и долго не могли взять себе в толк, для чего те существуют.

7 июня мы покинули Курайскую степь и отправились через горы, которые здесь близко подходят к Чуе. За это время несколько раз начинал падать снег, хотя и не оставался лежать долго. У Муна к нашему каравану примкнул старый шуленга, у юрты которого мы останавливались прежде, и оказывал мне разные мелкие услуги, особенно же он был ловок в набивании и раскуривании своей маленькой трубки и постоянно мне ее предлагал. В течение дня мы переехали речки Чибит и Сардumu. В этой местности, там, где долина расширяется, есть небольшие обработанные участки, засеянные ячменем. Случайно я узнал, что эти поля принадлежат зайсану Монголу и обрабатываются живущими здесь калмыками, хотя отсюда до его юрты более 100 верст и он никогда сюда не приезжает. Выше по течению Чуи почва для земледелия непригодна.

Мы еще не доехали до юрты, как уже наступила ночь, и нам пришлось остановиться в небольшом леске на берегу Чуи, недалеко от брода через Сардumu. Промокшие на долгом дожде и продрогшие от холода, мы порадовались тому, что нам после долгих стараний перед раскинутой палаткой удалось разжечь костер, который сначала никак не хотел разгораться из-за очень сырых дров.

Ясное утро следующего дня заставило нас подняться пораньше, и к полудню мы были близ устья Айгулака. После кратковременной остановки, использованной для смены лошадей и обеда (в этот день мы не смогли поесть, как обычно, перед отправлением в путь), состоявшего из баранины, который здесь показался очень вкусным, мы отправились дальше, рассчитывая до наступления ночи доехать до небольшого открытого места в долине Айгулака и там остановиться. Подняться в тот день на вершины гор и тем более перевалить их было невозможно. По сравнению с тем, что покинутой нами эта местность располагалась ниже и к тому же была защищена с севера, что весьма влияло на погоду: под яркими солнечными лучами нам было очень тепло, даже жарко, ибо мы совершенно отвыкли от такой температуры. Но когда мы поднимались в долину Айгулака, нас застигла гроза, так что к вечеру, когда мы, проехав свыше 20 верст по крайне неудобной лесной дороге, добрались до намеченного места, сильно похолодало.

Следующий день был превосходным и очень благоприятным для нашего путешествия. Окрестность открылась перед нами в совершенно ином свете, нежели во время первого путешествия. Река, вздувшаяся тогда от большой массы растаявшего снега, была теперь менее шумной, ее можно было даже перейти вброд, и, вероятно, потому, что я уже привык к дикой местности, или может быть под влиянием хорошей погоды, но в этот раз мне все казалось менее диким. Растительность вокруг была роскошной, цветы красовались яркими красками; кустарники, которые в то время только что распустили первые листочки, были теперь в полном цвету; шипы карагаников были более закрыты. Крупные желтовато-белые

цветы красивого дикого хмеля (*Atragene alpina*) украшали стволы лиственниц, по которым змеей вилось это растение. Покрывавшие почву разнообразные цветы, среди которых было много редкостных растений, вполне подходили для моей коллекции. Снег на вершинах гор, по видимому, только начинал таять, так как на защищенных от солнца местах еще сохранялись обширные снежные поля, а на проталинах начала появляться лишь первая растительность. Вечером мы спустились с гор у Ейлагуша, недалеко от подножия Сершалских гор, и сделали там остановку.

10 июня мы перевалили Сершалские горы и переехали Катунь, на берегу которой расположились на ночевку. Ночь была очень теплая, кругом роилось множество насекомых, среди них особенно выделялась одна кобылка, которая сильно шумела в полете, вслепую натывалась на каждый предмет и поэтому долго мешала нам спать. В дальнейшем, быстро двигаясь до самого Каракола, мы не встретили ничего достопримечательного.

Подъехав к стоящей у устья Каракола юрте шуленги Джигилска около полудня 12 июня, мы нашли оставленные нами вещи в порядке и полной сохранности. Так как нам предстояло перевалить через Теректинские альпы на Уймон, то пришлось еще раз оставить здесь лишние вещи до очередной поездки на Чую и к Телесцкому озеру, тем более, что в Уймоне мы предполагали пополнить свой багаж, поэтому мы взяли с собой только самое необходимое, а также готовые коллекции, которые упаковали на четверых вьючных лошадей. Здесь я отпустил толмача и казачка в надежде, что оставшееся состояние, которое мне предстояло преодолеть в этом калмыцком краю, я смогу пройти со своими калмыками.

Еще в тот же день мы отправились от устья Каракола, стараясь пройти как можно больше вверх по его течению и рассчитывая затем в один день перевалить через Теректинские альпы. Долина Каракола, по которой шел наш караван, не особенно широка, и по обе стороны ее поднимаются невысокие пологие горы. Но прямо перед нами простиралась с востока на

запад высокая альпийская цепь и в ее западном конце, на котором берет начало Урсул, виднелась вершина. Восточный же конец упирался в уже упомянутую излучину Катунь. Эта цепь связывалась более низкими горами с другой цепью, которые называются по стекающим оттуда главным рекам. Ее северные отроги носят название Чарышских, Коргонских, Сентелекских и Тигирецких белков, из которых дальше всего к западу до Колыванской шлифовальной фабрики продвинулась альпийская вершина Синюха, или Синяя сопка. На юге она образует Коксунские, Убинские и Ульбинские белки. Эта цепь через невысокую горную ветвь связана с другими горами, которые разделяют текущие с востока притоки Чарыша, Урсула и Нижней Катунь, тянутся с юга на север и примыкают к Башелакским и Талицким белкам. У подножия этого горного хребта, середина которого именуется Теректинскими альпами, и который представляет собой не столько ряд отдельных гор, сколько (как и большинство горных цепей Алтая) широкий гребень с вершиной, разрезанной неглубокими долинами, мы с наступлением ночи расположились на ночевку у Каракола, по соседству с несколькими юртами.

На следующее утро мы отправились дальше вверх по Караколу и остановились около аила, который стоит как раз на том месте, где дорога начинает подниматься на горную кручу, чтобы посоветоваться с живущими здесь калмыками, по какой дороге лучше идти. Здесь было две дороги: одна шла вдоль Малой Теректы, вниз по течению, она очень трудна и по ней редко ездят; вторая же, вдоль Большой Теректы, несколько лучше, по избравшему ее приходится часто переезжать эту бурную горную реку. В связи с тем, что установившаяся теплая погода и к тому же частые грозовые дожди растопили снег, горные потоки сильно вздулись, путь этот стал очень опасным и, по мнению некоторых калмыков, даже непроезжим, вот почему мы выбрали первый путь, так как при этом нужно было переезжать реку лишь один раз. Калмыки советовали мне уменьшить вьюки на лошадях и давали сумы, чтобы разложить груз на пять

лошадей. Обсуждая наши затруднения в юрте демича, калмыки говорили с такой серьезностью и с таким воодушевлением, высказывали такое желание помочь, что я не мог выразить им свою признательность. Но для того, чтобы сделать это самым приятным для них способом, мне не доставало водки. Посему я прибег к маленькому бочонку спирта, который взял для хранения рептилий и рыб и довольно сильно разбавлял скипидаром, чтобы его не выпили. Изрядную порцию этого спирта я разбавил водой и предложил добрым людям молочно-белый напиток. Они нашли его превосходным и сказали, что редко приходилось пить такую хорошую араку.

Наш караван двинулся дальше лесом, который заканчивался на вершине горы также отмирающими деревьями. Почва была, как обычно на альпийских равнинах, болотистой, и кроме того, что это сильно затрудняло путь, мох скрывал еще острые камни. На этой равнине нас настигла страшная гроза, так что мы были вынуждены спуститься пониже и искать защиты от дождя под несколькими кривыми лиственницами. Чтобы согреться и обсохнуть, мы разложили большой костер, на котором приготовили себе обед. Переждав дождь, мы отправились дальше и продолжали подъем. Наконец, мы добрались до очень высокой к северу, крутой скалистой стены, у подножия которой от стока снежных вод образовалось небольшое озеро. Оно было покрыто толстым слоем льда, так как его почти не достигали солнечные лучи. Мы увидели еще несколько таких озер, но, поскольку они лежали на открытых местах, то не замерзали. Нам пришлось обойти скалистую стену, подняться на нее до половины с другой стороны и затем спуститься. Солнце стояло уже довольно низко над горизонтом, когда мы поднялись на скалу с другой стороны. До половины подъем был довольно удобен, хотя и мучителен для лошадей из-за острых камней, но дальше он стал очень крутым, был усеян грубой галькой и вел на гребень в несколько футов шириной, откуда можно было видеть страшную пропасть с замерзшим озером на дне и где скоро начинала кружиться голова. У подножия

этого галечника шла дорога, но ее покрывали сугробы, которые, подвергаясь в течение дня воздействию солнечных лучей, не смогли бы, однако, выдержать лошадь. Поэтому мы не отважились идти по ним, и нам не оставалось ничего иного, как подняться по осыпи и двинуться по скалистому гребню, где мы заметили тропу, проложенную, видимо, дикими животными, а может быть, и охотниками-калмыками.

Крутая осыпь, узкая тропа и острые большие камни, по которым приходилось пробираться, делали эту дорогу страшной. Сначала было еще сносно, однако примерно на половине тропы оказался огромный камень и лошадям пришлось его обходить. Это могли сделать только легко заседланные лошади. Первая выючная лошадь, которую проводили по этому месту, упала и непременно разбилась бы со всеми своими вещами, если бы бесстрашие и сила одного из моих людей не предотвратили беду. Он схватился обеими руками за волосную веревку, на которой вели лошадь, и, упав за большой камень, держал лошадь до тех пор, пока калмыки снова не поставили ее на ноги. Люди были вынуждены снять все тюки и тащить их на своих плечах, а это на узком пространстве, когда один неверный шаг мог стать роковым, было делом в высшей степени опасным и изнурительным. Калмыки, обычно бесстрашные в подобных обстоятельствах, совсем пали духом, и один из них в момент наивысшей для всех опасности воздел руки к небу и стал молиться, причем я понял только одно слово «кутай» (бог). Некоторые растения, каких я прежде не видел, попались здесь на осыпи, например, маленькая камнеломка теректинская новая (*Saxifraga terekensis* n.), и мать-и-мачеха (*Tussilago*) заставили меня на некоторое время забыть об опасности.

Солнце уже закатилось, когда мы поднялись на самую вершину, где лошади, ноги которых, израненные острыми камнями, сильно кровоточили, были снова завьючены. Теперь мы начали спуск по восточному, менее крутому и не столь каменистому склону, но частично покрытому большим слоем снега, по которому нам предстояло продвигаться. Мне часто пришлось наблюдать и здесь удиви-

тельную осторожность калмыцких лошадей, пригодных для таких троп. Чем темнее становилось, тем сильнее мы спешили при спуске и, наконец, к нашей большой радости добрались до леса, где, по крайней мере, нашли дров и слегка обогрелись.

Мы поднялись с солнцем и продолжали свой путь, пролежавший теперь в основном по горному склону, который круто вздымается на правом берегу Теректы, бурной горной реки, и образует с противолежащим склоном узкую глубокую долину. Тропа идет на протяжении трех верст на большой высоте, сбоку же поднимается стена, оставляя лошади только узкое пространство. Мы медленно продвигались, как бы висая в воздухе, причем я последовал примеру калмыков и освободил от стремени левую ногу, чтобы если лошадь споткнется или упадет, можно было быстро соскочить на правую сторону, так как потом нельзя надеяться, что лошадь не имея под собой никакой точки опоры, снова станет на ноги. Такое напряжение на протяжении трех верст я выдержать не мог и счел благоразумным довериться больше собственным ногам, и спешил в удобном месте. Моему примеру последовали и все остальные, за исключением калмыков.

Было, видимо, около десяти часов утра, когда мы спустились к подножию горы, где надеялись вздохнуть свободнее, однако перед нами оказалось еще одно очень опасное место. Мы были вынуждены взять много выше и переправиться на левый берег Малой Теректы, минуя место слияния этой реки с Большой Теректой. Пониже сего есть переправа, хотя река шире, очень стремительна и глубока. При переправе один из моих людей чуть не утонул вместе с лошадью; и почти все наши вещи, как и мы сами, намочили. Эта река, столь внушительная в такое время года, в сухую погоду часто даже не достигает Катунь и иссыкает на равнине, которая простирается на 8—10 верст от гор до этой реки.

Мы пересекли эту красивую долину, покрытую пышными травами, простирающуюся на 12—15 верст в длину и окруженную амфитеатром высоких гор, и подъехали к Катунь, чью широкую водную гладь скрывал от наших глаз лес. За рекой находи-

лась д. Уймон, но ее не было видно: из-за леса вздымались только высокие, кое-где покрытые снегом вершины Холзуна. Проехав по очень крутому склону (под ногами на ужасающей глубине бурлила вода), мы достигли реки. Катунь, образующая несколько небольших рукавов, здесь вдвое шире, нежели у брода, существующего выше устья Большого Улугумена, и хотя она здесь тоже довольно стремительна, но все же не так, как там. Своими криками мы не могли привлечь ни одного из жителей деревни, которые бы переправили нас на лодках, и сделали несколько ружейных выстрелов, их повторило сильное эхо. Наконец показались люди и в больших лодках перевезли нас вместе с багажом. На том берегу меня встретили несколько крестьян, заранее извещенных о том, что я приеду. Около четверти версты они на лошадях сопровождали меня лесом до деревни, где предоставили мне небольшую комнату в крестьянской избе.

Деревня Уймон обязана своим возникновением нескольким беглым, которые лет 35 тому назад скитались по диким окрестностям Аргута, выше Чуи впадающего в Катунь, где они скрывались и были пойманы, а затем по милосердному указу императрицы Екатерины II получили разрешение поселиться здесь и проживать на одинаковых правах с калмыками, т. е. платить ясак и быть свободными от податей. Тогда они находились под надзором калмыцкого зайсана, но недавно это отменено. Деревня затерялась в лесах, и это выгодно для местных жителей, ибо способствует их доходной торговле с калмыками и китайцами. Расположена она в долине, которая, как и находящаяся по ту сторону реки (только более узкая), охвачена полукружьем гор.

Эти горы — северный склон Холзуна, отделяющий притоки Катунь от притоков Бухтармы. Эта горная цепь также образует широкий гребень; в направлении к юго-востоку она соединяется с высокими горами на левом берегу Чуи, образующими водораздел между Чуей и Бухтармой, а прямо на юго-востоке заканчивается высоким плоскогорьем, где, вероятно, берут начало обе эти реки. Средняя точка этой цепи, как мне кажется, если говорить о ее высоте, заслу-

живает первого места среди всех гор этого региона, второе можно отдать самым высоким гребням Холзуна. Напротив этих гор, на правом берегу Катунь, тянутся менее высокие, и, пожалуй, менее узкие и более длинные цепи, которые отделяют Башкауз и Чулышман — истоки Бии, впадающие в Телецкое озеро, — от Чуи и на северо-западе, против угла, образуемого слиянием Катунь с Бией, переходят в равнину. У восточного берега Чулышмана и Телецкого озера высокие горы круто обрываются и далее к востоку идут уже так называемые Саянские горы; а к северо-западу, вдоль Бии, дают ответвление, которое переходит в низкие Кузнецкие рудные горы. Все эти горные цепи вместе с только что упомянутыми Урскульскими, Каракольскими, Теректинскими, Чарышскими, Коргонскими, Башчелакскими, Талицкими, Сентелекскими, Тигирецкими, Коксунскими, Ульбинскими и Убинскими

белками имеют общее название Алтайских гор. Но жители, как русские, так и калмыки, понимают под словом «Алтай» не столько горы, сколько местность, простирающуюся с верховий Чарыша до Бии и к югу от Катунь. Эта местность охватывает, следовательно, всю область верноподданных калмыков, которых русские называют также алтайцами в противоположность двоedanцам — жителям побережья Чуи, Башкауза и Чулышмана. Такое же различие делают и сами калмыки, которые отличают «Алтай-да» (на Алтае) от «Чуй-да» (на Чуе).

О разнице между «большим» и «малым» Алтаем я ничего не слышал ни от русских старожилов, ни от калмыков.

Этот обзор гор, который я вкратце дал в конце главы, кажется мне полезным для лучшего понимания дорог и местностей, особенно потому, что до сих пор широко бытует очень путаное понятие об Алтае.

Глава четвертая

ПРЕБЫВАНИЕ В УЙМОНЕ.

ВТОРАЯ ПОЕЗДКА НА ЧУЮ И К ТЕЛЕЦКОМУ ОЗЕРУ. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ЗМЕИНОГОРСК

По прибытии в д. Уймон я привел в порядок свои коллекции, послав с ними одного из моих людей на Риддерский рудник, где, как я предполагал, в это время находился статский советник Ледебур, и ожидал затем его прибытия согласно нашей договоренности. Тем временем я совершил несколько небольших экскурсий по окрестностям, главным образом по предгорьям Холзуна, а на ближайшие вершины его собирался подняться позже. Однако этому помешала моя болезнь, мучившая уже несколько дней после прибытия, главной причиной которой было, возможно, непрерывное напряжение первого путешествия. Страх, пережитый мной на узкой тропе у края пропасти, когда упала моя лошадь, и купание в холодной Теректе вкупе с переменой питания вызвали недуг. Болезнь продолжалась вплоть до прибытия, 26 июня, статского советника Ледебура и так ослабила меня, что я лишь с

трудом мог передвигаться по своей комнатке. Мое положение стало тем плачевнее, что я был совершенно беспомощным, ибо тех немногих лекарств, какие у меня были, оказалось недостаточно. Желчный характер болезни сделал меня угрюмым и унылым. Но совсем иначе действовало на меня известие возвратившегося утром 26 июня из Риддерска моего посланца, что статский советник Ледебур всего в нескольких верстах отсюда и скоро прибудет. Несмотря на слабость, я велел тотчас же оседлать мне лошадь. Меня тошнило и рвало все время, пока я в лодке плыл через реку. Это была моя удача, так как свидетельствовало о начале выздоровления. Но еще более ослабленный этим, я все-таки сел на лошадь и отправился в сопровождении упомянутого посланца вверх по той дороге, по которой должен был прибыть статский советник Ледебур. Проехав еще шесть верст, я вынужден был от-

дохнуть. В это время началась сильная гроза, надвигавшаяся с разных сторон, главным образом с Холзуна, над самыми нашими головами раздавалось несколько ударов, и одним из них разбило росшее неподалеку дерево. Затем гроза направилась к Теректинским альпам, которые вскоре исчезли с наших глаз, а страшные удары и раскаты грома еще усилило многократное эхо. Кто знает только грозы равнин, тому нелегко представить мощь и величие этой стихии в горах. Наконец дождь перестал, короткий отдых заметно подкрепил меня, мы сели на лошадей и двинулись дальше. Мы проделали около четырех верст, когда мой спутник, указывая на холм, с которого спускалась дорога, сказал: «Вон они едут». Когда я, еще никого не узнавая, увидел спускающийся караван, то едва смог удержаться на лошади, погоняя во весь дух, чтобы поскорее встретить едущих. Радость встречи и общение, которого я долго был лишен, во время двухдневного пребывания статского советника Ледебура в Уймоне, совершенно меня излечили.

Во время болезни я часто посылал своих людей в разные места для сбора растений. Однако или по причине их невежества, или же местность была небогата примечательными растениями, но особого внимания заслуживало лишь немного из того, что они приносили. Тогда же меня часто навещали жители деревни, которых я расспрашивал об их образе жизни и занятиях. Хлебопашество у них отнюдь не процветает, и им едва хватает урожая для собственных нужд; зато у них очень сильно развито скотоводство и они владеют большими стадами, особенно лошадей и рогатого скота. Содержание скота весьма облегчается тем, что запасается очень немного сена для прокорма того скота, который нужен дома зимой. Прочему скоту всю зиму приходится добывать корм из-под снега. В этом крестьяне следуют примеру своих соседей-калмыков, которые кочуют неподалеку от русских селений; те тоже заготавливают сено, но в таком мизерном количестве, что об этом не стоит и говорить; обычно они развешивают его в лесу на деревьях, ибо им не нужно бояться, что к их добру прикоснется чужак.

Очень немногие уймонские крестьяне занимаются пчеловодством, причем неудачно, так как большинство пчелиных семей не выдерживают суровой зимы, да, по-видимому, пчелы и не находят должного количества пищи, чтобы собрать запас меда. Но роятся они часто. Это тем более удивительно, что пчелам здесь приходится нелегко, в то время как совсем недалеко отсюда, а именно в окрестностях Чарыша вплоть до Кана, в лесах встречается большое количество роев одичавших пчел, поиски которых являются весьма доходным промыслом, чем преимущественно и занимаются казаки близлежащих форпостов. Но главное занятие жителей Уймона — охота, особенно зимой. Горы богаты всевозможной дичью. Олени, лоси, косули, росوماхи, соболи, медведи, дикие кошки, рыси, лисы, волки водятся невдалеке от деревни. Горные же козлы пугливы и появляются лишь в совершенно необитаемых местах, на почти неприступных скалах. Они ушли отсюда, и охотники, переходя зимой по льду Катуня, стреляют их в горах Аргута. Здесь должен быть и так называемый красный волк (видимо, *Canis alpinus Pallas*). Здесь, но чаще в горах на Чуе встречается также кабарга — крайне пугливое и быстроногое животное, которую ловят обычно капканами, а мех ее, как и мех косули, калмыки используют для шитья дох. Добытые мускусные железы они продают торгующим казакам за ничтожную цену, а те берут за них в Бийске по 4—5 руб. Аргали-архаров, или диких овец, в этих горах нет, и хотя я на альпах близ Чуи нередко находил черепа этого животного, местные калмыки говорят, что они его там никогда не видели. Этому противоречит свидетельство одного уймонского жителя, охотившегося в тех местах. Он видел небольшие стада этих животных и даже наблюдал жестокую схватку самцов. Почти совершенно непроходимые горы в окрестностях Чулышмана служат прибежищем множеству этих диких овец, которые крайне пугливы и избегают тех мест, где селятся люди.

Охотничьи трофеи составляют шкуры убитых животных, но и мясо, редко употребляемое сразу, вялится в огромном количестве и сберегается

на черный день. Особенно ревностно охотятся на оленей-самцов: их рога — вот что приносит главный доход. Когда рога еще молодые и мягкие и покрыты пушком, их очень осторожно сушат, а затем продают поштучно монголам, которые платят за них крупные суммы и отправляют в Китай, где они очень высоко ценятся как лечебное (стимулирующее) средство.

Ко мне в комнату заходило много любознательных детишек, чтобы посмотреть на мои вещи, казавшиеся им волшебными предметами. Особенно привлекали их внимание коробочки для насекомых, и скоро некоторые пришли с жуками, которых они собирали, думая оказать мне услугу, к чему я их еще более поощрял маленькими подарками. Два мальчика принесли мне живого суслика, которого они поймали на лугу, налив воды в нору, куда он ускользнул, и этим заставив его вылезти. Таким способом калмыки ловят этих животных во множестве и за смехотворно низкую цену продают их шкурки, представляющие собой излюбленный мех у русских.

В этом только и состояло мое времяпрепровождение в период болезни, так как предпринять что-либо серьезное, даже написать письмо, я был не в состоянии.

Быстро промелькнули два дня пребывания в Уймоне статского советника Ледебура, откуда мы отправились вместе утром 29 июня. Боясь возвращения через Теректинские альпы, я предложил хотя и более длинный, но более спокойный путь вверх по течению Коксуна и Абая и вниз по течению Керлыка и Чарыша до Кана, учитывая при этом то преимущество, что я некоторое время проведу в обществе статского советника Ледебура, ибо до Абая (которого мы достигли 30 июня) нам предстояло ехать вместе.

Утром 1 июля я немного проводил статского советника Ледебура за д. Абай и простился с ним в надежде, что по истечении двух с половиной месяцев, после пережитых трудностей как интересного, так и мучительного путешествия, снова с ним встретиться. Затем я вернулся и начал спешно доставать лошадей для дальнейшего пути. На этот раз мой

караван был меньше, чем при отъезде из Чечулихи. Одного из своих людей я отправил в Риддерск сделать запасы; их мне предстояло ожидать у Кана. Наш небольшой багаж был разложен на три выючные лошади, для которых при хорошей дороге нужен был только один коногон-калмык. Четыре лошади требовались еще мне, двум моим людям и толмачу — жителю Уймоны и русскому калмыку (т. е. его отец был крещенный калмык, а мать — русская). Мы направились вверх по Абаю, по несколько покатој равнине, в одном месте болотистой; справа открывался вид на Урсульские альпы, слева — на Коксунские. Здесь мы пересекли речушку Такду, приток Абая, а выше по течению — подобную же, хотя и побольше — Суяш. Далее мы поднимались немного быстрее и достигли самой нижней части хребта, связывающего Урсульскую и Западную альпийские цепи, а затем пересекли небольшую долину, поднялись еще немного на возвышенность, где находятся исток Керлыка (не смешивать с Керлыком, впадающим в Тобой, напротив Урсула). Следуя правым берегом этой реки, мы спустились в долину, окруженную сланцевыми горами, покрытыми невысокими розовыми цветами душистого чебреца. Оставив затем Керлык, мы въехали между этими горами в долину, по которой бежала речка Уляита, приток Керлыка, похожая на Кан. Все реки этой местности, образующей высокогорную долину, например, Керлык, Уляита, Кан и Ябаган, имеют одинаковый вид: их окружают невысокие, округлые, безлесные сланцевые горы, а меж ними обширные площади покрыты низенькой травой. Вся местность носит своеобразный характер покоя, сильно отличающийся от диких высокогорных окрестностей.

Перебравшись через Уляиту, мы снова оказались у Керлыка — правого притока Чарыша, и следовали вниз по его течению вплоть до устья. Зимой здесь земля, видимо, свободна от снега, ибо постоянный ветер не даст ему залежаться. Жители Уймоны ездят зимой в Змеиногорск на санях чаще всего по льду реки, повторяя на них бесчисленные извивы Керлыка, и так добираются до Чарыша. После того, как мы проеха-

ли некоторое расстояние берегом Чарыша, наступивший вечер вынудил нас сделать остановку возле нескольких юрт, прежде чем мы достигли устья Ябагана.

На следующий день мы двинулись дальше болотистым берегом Чарыша, затем через Ябаган и его берегом вниз по течению. При этом дважды мы были вынуждены ехать даже по руслу реки, потому что местами не очень высокие берега круто обрывались в реку. Основная дорога здесь идет между горами; после болотистой равнины начался подъем, куда и направились наши вьючные лошади, а мы, собирая растения, настолько задержались, что они далеко ушли вперед, и, когда мы вышли к Кану, они давно уже ждали нас. Здесь мне пришлось поставить палатку на длительное время, пока не были доставлены припасы.

Я сразу же поехал к юрте своего старого знакомого, демича Барана, и увидел перед ней натянутый на четыре шеста войлок, под которым укрывшись от солнца, сидело и пировало несколько калмыков. Когда я приблизился, Баран вскочил мне навстречу, поприветствовал меня, проявляя большую радость, потом снял с лошади и представил своему гостю, зайсану Наймануку, своему шуруну, пожилому, но очень статному мужчине, который пригласил меня сесть рядом с собой под навесом. Баран через толмача, которого тут же позвал, с большим участием спрашивал о моих приключениях и многое же хотел рассказать. Меня угостили свежизготовленной аракой, для чего принесли из юрты чистую чашку. Через некоторое время мне сказали, что я могу обождать их в своей палатке, в которой чай, конечно, уже готов, и тем дали мне ясно понять, что моя водка доставит им большое удовольствие. Скоро они стали веселыми, а затем и навязчивыми. Они жаловались мне на живущего по соседству шуленгу, который подчинен зайсану Кучургешу, велели его позвать и просили моего позволения его высечь. Когда я им объяснил, что это не мое дело, и отказался выполнить их просьбу, они присудили этого калмыка к тому, чтобы он во время моего пребывания здесь ежедневно предоставлял мне трех лошадей, а к моему

отъезду приготовил еще пять лошадей.

Найманак, юрты которого располагались выше по Кану, просил меня посетить его, а так как я и без того хотел съездить в те места, то пообещал ему это.

На следующее утро густой туман скрыл от наших глаз даже ближние юрты, помешав нам отправиться на экскурсию по окрестностям, раньше, чем соберутся калмыки, а среди них несколько больных, намеревавшихся, как я слышал еще накануне, просить меня о помощи. Я быстро принял их и отправился в окрестные горы и на болотистую равнину, где мою коллекцию умножило несколько прелестных растений: подорожник приморский (*Plantago salsa*), остролодочник голый (*Oxytropis glabra*) и щетинистоволосистый (*O. setosa*), лук тонколиственный, новый мытник изящный, горечавки оттопыренная (*Gentiana squarrosa*) и даурская (*G. decumbens*), крапива коноплевая (*Urtica cannabina*), марь остистая (*Chenopodium aristatum*), пустырник бело-войлочный (*Ballota lanata*) и др.

Вечером я помылся в бане, построенной Бараном на берегу Чарыша для проезжающих русских, в которой чуть не задохнулся от дыма. Вдали была слышна приближающаяся гроза. Она заставила меня поспешить к палатке, но с одного из самых высоких окрестных холмов я полюбовался красивым видом широкой долины Кана. Вершины гор алены в последних лучах заходящего солнца, а на западе над золотой полоской горизонта висела плотная грозовая туча, вздрагивающая от частых молний.

Лишь только я дошел до палатки, как хлынул дождь, который поливал до утра следующего дня. Несмотря на это, я выполнил обещание, данное мною зайсану Наймануку. Калмыки определили расстояние до его юрты в пять верст («баш чагрим», т. е., по их словам, «на хорошем коне»). Расстояние калмыки определяют по времени, если же хотят применить русскую меру, то приводят при этом в высшей степени своеобразный расчет. «На хорошем коне, — сказал мне однажды старый калмык, которого я спрашивал о расстоянии до одного места, — только 15 верст, а на плохом, пожалуй, больше 25». Мы ожи-

дали поэтому, что путь окажется длиннее, но, когда проехали явно более десяти верст частью по долине, частью по граничащим с нею горам, возле юрт, во множестве стоявших у Кана, нам указывали не раз все выше по течению. «Там в долине,— сказал нам калмык на ломаном русском языке, когда мы остановились у одной излучины Кана, стекающего с гор в юго-восточном направлении, а затем текущего прямо с востока на запад,— там в долине, где светит черное солнце (тень от тучи покрыла это место), юрта Найманака». Наконец мы добрались до шести юрт, среди которых была и та, где жил зайсан; он вышел и провел нас внутрь. Нас хорошо угостили, а в это время мало-помалу собралось несколько больных, которые готовились к моему приезду; один из них особенно привлёк мое внимание. Он прискакал на одной ноге, так как костылей калмыки не знают: все ездят верхом, а пешком только входят в юрту и выходят из нее. Он страдал от ножных язв, должно быть, скорбутовых и, как мне бросилось в глаза, все они были как раз прямо на подошве. Довольно поздно вечером мы вернулись в свою палатку в сопровождении калмыка, который отвез прописанные больным лекарства, оставив мне в подарок лисий мех.

Утром 5 июля ко мне зашел Баран и попросил моего позволения отлучиться на сегодняшний день, так как его нарочным вызывал к себе зайсан Митрей. Он считал невежливым уехать без моего согласия, так как считал меня своим гостем.

В этот день я занялся обследованием окрестных болот. За рядом холмов, что выстроились на правом берегу Кана, протянулось небольшое озеро примерно в 100 сажень длины и вдвое меньшей ширины, привлекавшее мое особенное внимание померанцевой окраской покрытия воды. С трудом, рискуя увязнуть, мы пробрались по вязкому, очень болотистому берегу к воде и извлекли своими кнутовищами несколько растений из этого покрытия. Оно было образовано из осоки (*Ulv*a) желтого цвета, среди которой росла хара (*Chara*)*, и красные плоды ее придавали всему апельсин-

но-желтый вид. Вода имела крайне неприятный запах, так что я не решился попробовать ее на вкус. В камышах этого озера и у его берегов было множество журавлей и уже упоминавшийся вид утки с красивым ярко-желтым оперением. Вокруг этого зловонного озера (поблизости другой воды не было) стояло шесть юрт. Что делало это место столь заманчивым, чтобы здесь поселиться, хотя бы и на короткое время, я не знаю, разве что скот особенно любит такую воду, так как она содержит примесь соли; стада паслись где-то поблизости: всюду на болотистом берегу виднелись следы копыт. Самы калмыки мало пользуются водой, и, кроме как на чай, она им не нужна, ибо пьют они только молоко, не умываются, не моют посуду и тем более не стирают одежду.

Лишь немногие интересные водяные и болотные растения вознаградили за эту трудную экскурсию, в которой мы сильно промокли. Баран, как и мы, вернулся только к вечеру и рассказал, что они с Митреем судили одного калмыка за соращение девочки и приговорили его к жестокому бичеванию. К ночи разразилась сильная гроза с бурей, и дождь непрерывно лил почти до полудня следующего дня, причем очень похолодало. Поэтому в экскурсии на другой берег Чарыша мы насквозь промокли, не вознагражденные за это ничем особенно интересным, за исключением красивого астрагала (*Phaca*) и горечавки сибирской (*Gentiana umbellata*).

Утром 7 июля, используя как предлог просьбу подлечить его слепую мать, меня посетил племянник зайсана Митрея в сопровождении нескольких других калмыков, от которых он отличался шелковой одеждой. Но его визит был вызван скорее моей водкой, о которой он слышал, и когда я угостил его, он откланялся, не спросив лекарств, которые я ему обещал. Неимоверно трудно расспрашивать калмыков об их болезнях, так как, по их мнению, большинство болезней, которыми они страдают, происходит от того, что у них в голове, в глазу, в руках, в ногах и т. п. сидит шайтан и распоряжается по-своему — вот что отвечают они на все вопросы.

* Род водоросли. (Прим. перев.)

В этот день я решил пройти от устья Кана по Чарышу, не зная этой дороги и не будучи уверенным в возможности осуществления этого плана. Мы отправились через горы по правому берегу Кана и узкой поперечной долиной подошли к берегу Чарыша, вдоль которого намеревались двигаться дальше. Однако подняться на весьма крутые скалы оказалось невозможным, а внизу была только осыпавшаяся, скалистая, совсем узкая тропа. Мы попробовали идти пешком, а лошадей вести в поводу, но одна из них сразу же свалилась в реку, откуда мы ее вытащили с большим трудом, так как река прямо у берега была очень глубокой. Дальше даже пешком пройти было нельзя, поэтому мы повернули обратно, вверх по течению, поднялись на крутую гору и, пробираясь наискось густым лиственным лесом по ее северному склону, достигли другой высотной поперечной долины, которой и проследовали вдоль подножия горы. Здесь скалы внезапно спускались к воде, которая с шумом билась о них в глубине. Вниз к реке вели две узенькие тропинки, и мы решили спуститься, так как сильно захотели пить, но выбрали худшую из них, ибо сверху лучшей казалась она. Скоро нам пришлось спешиться и идти пешком, затем ползти на животе, держась на сухом склоне лишь благодаря колючим кустарникам. У наших двух лошадей сильно кровоточили ноги, пораненные об острые камни, и вдобавок мы скатились с осыпи, а сверху дождем летели камни. Мы добрались до реки, через которую пытались перебраться, ибо дорога на той стороне была очень ровной и знакомой нам, а, кроме того, мы сначала считали невозможным вернуться той же дорогой, какой пришли. Однако у берега мы не могли продвинуться ни вверх, ни вниз. Попытка перебраться реку, которая здесь глубока и стремительна, также была тщетной и едва не стоила мне жизни, когда я почти добрался до середины реки, поэтому мы вынуждены были снова взбираться по крутому склону. Я в полной мере удовлетворил свою жажду, так как моя лошадь свалилась в небольшую речную протоку и я промок до нитки, но во время крайне трудного подъема опять со-

вершенно обсох. Радуюсь тому, что можно снова выйти на торную дорогу, мы спешили обратно к палатке, так как близился вечер, не удовлетворенные скудной добычей, которая не искупала трудностей и опасностей этой поездки.

8 июля прибыл мой нарочный из Риддерска и привез припасы и письма, на которые я ответил совсем коротко и вручил возвращавшемуся калмыку-проводнику с наказом проживающим в д. Абай русским переправить их дальше в Риддерск.

Я в тот же день с удовольствием продолжил бы путешествие, если бы сильный затяжной дождь не задержал меня. Поэтому только на следующий день мы покинули Кан, и, обменяв в Ябагане лошадей, поднялись в горы, разделяющие истоки Кана и Ело (притоки Чарыша и Урсула). Болотистая равнина, с которой стекает Ело, дала несколько новых растений для моего гербария, и сбор их нас надолго задержал. Наш толмач, сопровождая вьючных лошадей, в поисках юрт спустился далеко вниз по Ело, ниже того места, где была наша стоянка во время первой поездки. Догнали мы его возле нескольких юрт, где из-за наступившей ночи нам пришлось сделать остановку. Вскоре здесь я получил еще одно доказательство пунктуальности, педантичности калмыков в выполнении поручений. Письмо, которое я написал на Кане и отослал в Риддерск, калмык в ту же ночь отвез в Абай. Но крестьяне не пожелали взять на себя заботу об его пересылке и калмык тотчас же поехал во весь дух обратно, загнал у Чарыша лошадь и, не застав близ Кана, в тот же вечер догнал нас у Ело, чтобы вручить мне письмо. Подумать только, это два дневных перехода в горах, а расстояние от Кана до Абая и обратно до Ело составляет более 120 верст!

Ясным и теплым утром следующего дня мы поехали дальше по вышеупомянутой дороге вдоль Урсула, через небольшие реки Тоботой и Ксньгу. На пути нам попало множество юрт и везде сильно кутили, что вообще обычно для калмыков в это время года, когда доятся кобылы, так что с июня по август среди них мало встретишь трезвых. В таком состоянии катят они от одной юрты к дру-

гой. Мы часто видели совершенно пьяных калмыков, которые с криком носились сумасшедшим галопом то с горы, то в гору, качаясь на лошади с боку на бок, рискуя упасть, казалось, каждую минуту. Есть у них такой обычай: когда калмык в этом состоянии покидает юрту, его провожает трезвый или менее пьяный человек, который берет на себя труд следовать за своим подопечным. Этим и объясняется то, что при таких обстоятельствах несчастные случаи бывают редки, а, кроме того, утверждают калмыки, лошадь носит пьяного более бережно, чем трезвого. Вполне возможно, что эти умные животные недостаток рассудительности всадников, что для них становится весьма ощутимым, восполняют своей осторожностью. Однако это не всегда лошади удается в полной мере, и в такое время у калмыков часто случаются переломы ног и вывихи. Нередко платятся они и жизнью: совсем недавно один зайсан пьяный мчался с горы, свалился с лошади, ударился головой о камень и раскроил себе череп.

Мы оказались неподалеку от юрты Кучугеша, но у меня не было желания туда заходить и снова подвергаться грубому обращению со стороны этого зайсана, поэтому я послал к нему со своим письмом толмача и просьбой переслать его в Риддерск. Затем мы направились дальше через рч. Тулду, летом почти совершенно высыхающую, через Туяукту и, переправившись через Урсул, который делится здесь на многочисленные рукава, подъехали к устью Каракола. По пути на сухом каменистом склоне горы я впервые нашел красивую цветущую дендрантему выемчатолистную (*Chrysanthemum absinthifolium*). Хотя было еще не очень поздно, мы сделали остановку у юрты Джигилека, отчасти потому, что лошади сильно утомились, а от пьяных калмыков трудно было добиться свежих, отчасти же потому, что раскладка по седельным выюкам оставленных здесь вещей задержала нас до темноты.

Как только стемнело (довольно сильная гроза прошла и полный месяц показался в разрывах туч) и мы отправились спать, я услышал недалеко протяжные глухие звуки, напоминающие удары в похоронные литавры и повторяющиеся через опре-

деленные промежутки времени. То абыс (кам) ударял в соседней юрте в свой колдовской бубен. Я поспешил в эту юрту, где под котлом с аракой был разложен большой огонь; на почетном месте, у входа, сидел кам и держал в руке колдовской бубен, совсем его скрывающий, и бил по нему похожей на лопаточку, обтянутой на концах кожей колотушкой с прикрепленным к ней маленьким дребезжающим колечком: ударял с различной силой и скоростью, сначала все сильнее, потом тише, все время коротко встряхивая бубен, отчего навешанные на нем железки постоянно, но с разной силой ударялись друг о друга. Затем он начал петь тихим, сдержанным, дрожащим голосом, но потом так громко, что ударов бубна становилось не слышно.

Становясь все шумнее, он взмахнул бубном над головой и сильно ударил им, вдруг опустил его снова, так что железки громко зазвенели, затем он медленно поднял почти лежащий бубен, подражая тихо катящемуся, но усиливающемуся грому. Этот маневр повторил он трижды, а больной, страдавший головной болью, сидел рядом с ним с правой стороны, так что, будь гот человек и здоров, сильный шум непременно вызвал бы у него головную боль. Потом абыс внезапно вскочил и, высоко подняв свой бубен, опять наклонял его, сильно сотрясая, к стенам юрты и к больному. Затем он вынес его и начал громко петь дрожащую, гортанную, тягучую, лишенную гармонии песню, и не раз казалось, что у него перехватывает дыхание. Он бегал вокруг юрты, то удаляясь от нее, то вплотную приближаясь к ней, и барабанил и сильно кричал. Но вот он прекратил шум, вернулся в юрту и остался стоять у входа. Одного из моих людей, который стал рядом с ним, он заставил пройти дальше в юрту, больному же велел занять его место у входа, а двум моим людям приказал выйти. Отдохнув и покурив трубку, он опять начал петь и барабанить, обежал вокруг больного, затем поднял бубен и начал с силой ударять в него, приложив натянутую кожу бубна к самой голове бедняги больного, затем отнял бубен и, словно неся в нем что-то, быстро вышел из юрты и там снова кричал и бара-

банил. То же самое он повторил еще два раза, покуривая в промежутках трубку. Я спросил его, как обстоят дела, на что он ответил, что добрый дух (Кайрахан) ходит теперь недалеко по окрестным горам и требует для изгнания Шайтана из головы больного овцу. Наконец кам прошел от выхода дальше в юрту и громко запел, забарабанив, затем он повесил свой колдовской бубен над почетным местом, закончив на этом свое действие. Больной почувствовал облегчение. Болезнь была несерьезной, и камлание продолжалось недолго, так как Кайрахан появился быстро. Иногда же, при тяжелых заболеваниях, камлание длится три ночи напролет (бубен шамана можно трогать только ночью). При этом кам одевает специальную одежду, чтобы производить большее впечатление на Кайрахана и Шайтана, который сильнее, и против второго нередко напрасно он просит помощи первого. Иногда он понимает, что болезнь неизлечима и поэтому уверяет, что Кайрахан не может его услышать, так как он (в случае, если подобная сцена происходит на Алтае) ушел к Чуе и не возвращается. Близ Урсула проживает один известный абыс, который, по-видимому, хороший фокусник; как мне рассказывали некоторые очевидцы из русских, он во время камлания вонзал себе в грудь большой нож, так что кончик выходил со спины и с него капала кровь. Мне приходилось впоследствии видеть, как кам кладеет в своей священной одежде, и об этом, как и смысле его пения, расскажу в надлежащем месте.

Так как наша палатка вначале оставалась без всякой охраны, собаки, вероятно, повытаскивали из котла, висевшего над снегом перед палаткой, мясо, и мои люди, возбужденные камланьем в юрте, готовы были обвинить в воровстве Шайтана. Пришлось нам ложиться спать натошак, причем долго мешала уснуть вторая сильная гроза.

Когда на следующее утро мы готовились в дальнейший путь, пришел зайсан Кучугеш, одетый по-праздничному, т. е. в шелка, в сопровождении нескольких калмыков, и среди них были два демича — старые, почтенные люди, которые, видимо, оказывали большое влияние на зайсана.

Как только он устроился в мой палатке, в нее набилось калмыков столько, сколько она могла вместить. Сначала мне пришлось выслушать жалобу зайсана на его соседа, зайсана Орсона, не пожелавшего переслать с нарочными через свою вотчину мое письмо, которое было мне теперь снова доставлено: Кучугеш отправил его накануне вечером. Я был вынужден уступить его настойчивым просьбам и написать от его имени исправнику. Тотчас одному из калмыков было дано поручение отправить эту бумагу и обеспечить ее доставку от аила к аилу* конными нарочными в Бийск.

В этот день доехали до подножия Четикамана (7-го форпоста), который отделяет Малый Улегумен от Большого. Сухие горные склоны на этом пути имеют невеселый вид, так как низенькая трава высохла и пожелтела на солнце. Иное дело берега Большого Улегумена, куда мы спустились на следующий день: они все заросли лесом, а свободные участки нередко возделаны. Калмыки выращивают здесь яровую рожь, пшеницу и особенно ячмень, попалося даже поле, как будто засеянное коноплей — во всяком случае, она густо росла на довольно большом пространстве. Поля эти, конечно, невелики и редко больше 50 шагов в длину и ширину; их вскапывают лопатой, засеивают, затем пропалывают и подводят к ним воду. Удивительно, как много труда требуется для возделывания этих крохотных делянок: нужно отвести часть вод реки, затем и выкопать небольшие каналы, которые подадут на поля совсем немного влаги**.

Около полудня мы остановились близ юрт у Большого Улегумена, чтобы сменить некоторых лошадей, взятых нами еще несколько дней тому назад. В одной юрте я увидел старого калмыка, страдающего от чахотки в последней стадии, который, с

* Аил (у киргизов — аул) обозначает у калмыков жилище, так же, как и «кибитка». Слово «юрта», по-видимому, не калмыцкое. Калмыки спрашивают даже русских, если хотят узнать, где те живут: «Зэлер аил кайда?» или «Зэлер кибит кайда?» (Прим. автора).

** Такие водоотводы, весьма протяженные, видел я на Катунь и Чуе (в нижней ее части), где тоже были небольшие делянки. Сеют в основном ячмень, употребление которого для приготовления чая описано выше. (Прим. автора).

трудом говоря по-русски, рассказал мне о селитровой горе («Саляр-Таш»), которая, по-видимому, находится близ Катуня, описать же место точнее он не мог или не хотел, вероятно, потому, что калмыки, добывающие там селитру для изготовления пороха и покупающие у русских только серу, скрывают местонахождение селитры из опасения лишиться безраздельной монополии. У этого калмыка на щеке была огромная на-кожная опухоль, а лечился он точно так же, как тот больной водянкой, о котором шла речь выше, время от времени обмывая себе лицо разбавленной водкой. На обратном пути я не застал в живых уже ни того, ни другого, а юрты, в которых они прежде жили, сразу же после их смерти, по обычаю калмыков, были перевезены на другое место. Так бывает каждый раз, и достаточно, чтобы не покидать хорошее место, как и в случае с юртами близ Улегумена, перенести их лишь на несколько шагов.

Здесь я встретил глухонемого, который очень ловко управлялся с лошадьми — заседлывал, навьючивал и т. д., и хорошо изъяснялся с помощью мимики. Я видел также старого кама, ослепшего от трахомы, весьма редкой среди калмыков, хотя при нечистоплотности этого народа и при дыме, наполняющем зимой юрты, эта болезнь должна бы, кажется, встречаться чаще.

К Катуня мы подъехали довольно рано, намереваясь переправиться через эту реку до наступления темноты, что на сей раз, когда вода стояла много выше, было труднее и опаснее. К моему удивлению, цвет воды совсем изменился. Она казалась мутной и беловатой, хотя во время моих прежних поездок сюда оба раза была совершенно прозрачной. Я думаю, что это вызывается притоком воды Аргута, о котором говорят, что он несет молочно-белую воду, как и многие другие реки, впадающие в Катунь выше Чуи, и как даже некоторые источники Катуня; воду таких источников, находящихся, по-видимому, на одной из высочайших вершин Холзуна, жители Уймона, знающие те места, по густоте и цвету сравнивают со сливками. Вода, оставленная мной на некоторое время в

сосуде, дала большой осадок, состоявший с виду из отличной белой глины, в которой можно было заметить блестящие пластинки, делающиеся отчетливее, если воду, налитую в стакан, рассматривать на солнце. Тут только я понял, что этот осадок связывает, как известковый раствор, мелкие камни в глыбы на берегах Катуня и оставляет на скалах следы, по которым можно определить высоту подъема воды в разные времена.

Поскольку было уже очень поздно начинать опасный путь через бом, то ниже его на берегу Катуня мы сделали остановку, достаточно своевременную, чтобы спастись от надвигающейся сильной грозы. Грозы в этих местах чрезвычайно часты, и во время моего пребывания в Уймоне не проходило и дня без того, чтобы не было двух-трех, как правило, сильных гроз. Позже я заметил, что с конца мая до середины августа не было двух дней кряду совершенно без грозы и дождя и вообще небо крайне редко бывало безоблачным.

13 июля мы прибыли в долину Ейлагуша, где остановились близ нескольких юрт, жители которых недавно возвратились с богатой охоты, обеспечив себе изобилие мяса. Они застрелили 18 оленей, в том числе двух самцов, панты которых продали калмыкам, живущим близ монгольской границы, за 25 штук синей хлопчатобумажной материи — «китайки», причем штука считалась дороже 5 руб. Мяса убитых животных было так много, что его — несмотря на превосходный аппетит калмыков и на их гостеприимство, простирающееся до того, что любой проезжий калмык заходит в юрту, отрезает и берет с собой кусок дичины какой угодно величины — не могли съесть, поэтому оставшиеся куски были разрезаны на длинные узкие полосы и развешаны по всей юрте для просушки. То же самое происходит, когда падает скот и мясо нельзя съесть сразу. Вяленое мясо хранится про запас на черный день и русские, живущие по соседству с калмыками, подражают им в этом, когда удачно поохотятся.

На густо заросших лиственничных горах, всыящихся на берегу Ейлагуша, я видел удивительно своеобразное вымирание леса, совершенно отличное от того, с чем я встретился в

другом месте и причину чего не мог вполне уяснить. Узкая горизонтальная полоса леса, окружавшая, как пояс, приблизительно по середине часть горной цепи, состояла из высохших деревьев. Выше и ниже ее ярко зеленел густой лес. Нечто подобное, но более протяженное и менее регулярное я отметил позднее на горах по левому берегу Башкауза. Оба склона были обращены к северо-востоку.

Несмотря на холодную ясную ночь и прохладное утро, 14 июля снова появились грозовые тучи, которые поднимались прямо на нас и в сторону от нас на Айгулакские белки, но лишь иногда накрывая наш караван. Высочайшие вершины этих белков, на которых я проделал барометрические измерения, предоставили мне там, где альпийская растительность была в расцвете, целый набор красивых, редких и в основном новых растений, например горькуша Фролова (*Frolowia lyrata*), крестовник раздельнолистный (*Cineraria lyrata*), зорька траурная (*Lychnis tristis*), мытник коротковолосый (*Pedicularis brachystachis*), скерда Палласа а также шultzия косматая (*Schultzia crinita*), длинноножка снеговая (*Macropodium nivale*), горечавка снеговая и семирассеченная (*Gentiana septemfida*), мелколепестник шерстисточашечный (*Erigeron alpinus*?), ива сетчатонервная (*Salix reticulata*) и т. д. Лишь поздно вечером, когда мы подъехали к Чуйской долине, нас настиг такой сильный ливень, что мы были рады, когда после утомительного спуска с Айгулака увидели шесть юрт, стоявших на берегу Чуи.

Вода этой реки, берегом которой вверх по течению я на следующий день продолжил свое путешествие, сильно поднялась и имела тот беловатый оттенок, который я прежде отметил у Катуня; там он был вызван, конечно, не столько Аргутом, сколько Чуй — самым крупным притоком Катуня; Катунь же, как мне кажется, является скорее продолжением Чуи, нежели Коксуна. Коксун вместе со своими низовьями, именуемыми Катунью, вплоть до большой излучины, я назвал бы скорее притоком главной реки, которую образуют Чуй и текущая ниже излучины Катунь. Совершенно иное направление, а

главное совершенно иной характер Катуня после впадения в нее Чуи и, я сказал бы, физиономия низовий реки и ее берегов, которые больше напоминают берега Чуи, нежели берега верховий Катуня и Коксуна, как будто подтверждают это мнение.

Вода в Чуе была блее, чем в Катуня, но мне показалось примечательным, что все малые притоки Чуи, через которые мы в этот день переходили, например Сардума, Чибит, Мун, несли светлую чистую воду. Перед самым закатом солнца мы достигли подножия гор, которые нужно было перевалить, чтобы попасть в Курайскую степь. Но здесь не было ни юрт, ни подходящего места для ночлега, и мы решили ехать дальше. На вершине хребта нам пришлось вытерпеть сильный холод, хотя весь день было очень тепло, солнце парило, отчего начала собираться гроза. Уже стемнело, когда мы оказались на противоположном склоне горы, у небольшого ручья, рядом с юртами, не достигнув еще Курайской степи. Я зашел в юрту, откуда был слышен громкий крик ребенка, который, как я узнал, был болен, или, если выразиться на калмыцкий манер, в него вселился Шайтан. Чтобы изгнать этого духа, в юрту затащили и привязали там молодого козла. Перед ним села старая женщина и начала петь заклинания. Козел, казалось, состязался с ребенком в том, кто из них перекричит старуху, вдобавок выли и лаяли многочисленные собаки, возбужденные ночным прибытием нашего каравана, так что получился концерт сумасшедших. Женщина, после того как допелась до спазм и почти до судорог, наконец, встала и началась приготовления к закланию козла. Я, устав с дороги, не дождался этой процедуры и вернулся в свою палатку, где долго не мог уснуть из-за пронзительного крика ребенка. Проснувшись на следующее утро, я снова услышал крик ребенка и пение старухи. Я вошел в юрту. Козел за ночь был съеден, и калмыки собирались заклать вторую жертву, барана, над которым они пели те же заклинания.

Способ заклания у калмыков своеобразен и заслуживает описания. Овцу бросили спиной на оленью шкуру, и сделали это трое калмыков. Один

держал голову, другой ноги, третий — главная персона (обычно кам или, в крайнем случае, тот, кто готовился к этой должности) — встал на колени перед жертвой и, надавив коленом на брюхо животного, ножом сделал в верхней области живота глубокий продольный разрез примерно в три дюйма длиной. В эту рану он залез рукой и, в то время как он там копался или, по его словам, «давил сердце», животное в несколько секунд погибло. Затем шкуру у раны немного оттянули в стороны, чтобы с помощью палочки, вставленной в края разреза, зацепить ее. Потом шкура необыкновенно быстро была снята, овцу выпотрошили, разрезали на куски, а куски сложили в котел, уже поставленный на огонь, — все это длилось самое большое десять минут. Калмыки предпочитают такой вид убоя потому, что при нем полностью сохраняется кровь животного, которой они наполняют кишки жертвы, и получается их излюбленная еда. Когда я вскоре опять зашел в юрту, часть мяса была уже съедена, и усердие калмыков, с которым они занимались этим, позволяло думать, что от овцы скоро ничего, кроме костей, не останется.

Был дождливый день, когда мы рано поутру добрались до нашего прежнего лагеря у Курая, где опять сделали остановку. Затяжные дожди весьма ускорили таяние снега на окрестных горах, Чуя сильно поднялась, и переход на острова, прежде такой легкий, был теперь сильно затруднен, а из-за бурного течения даже опасен. На некоторые острова совсем нельзя было попасть. Это обстоятельство вместе с плохой погодой, которая держалась еще весь следующий день, и привело к тому, что моя добыча оказалась очень скромной, а это немало раздосадовало меня. Горы, на которых весной я там много всего нашел и многого от них ожидал в это время года, были окутаны настолько густыми облаками, а тропы из-за дождей стали настолько скользки, что мне пришлось отказаться от намерения еще раз побывать на них, тем более что предстояла еще дальняя дорога и я не мог долго задерживаться на этом месте. В те немногие мгновения, когда вершины гор освобождались от окутывавших их туч, я заме-

тил, что главные вершины снова покрыты снегом.

17 июля дождь беспрерывно лил почти весь день, и мы, отправившись в небольшую экскурсию по степи до ближайших гор, так промокли, что потребовалось несколько часов, чтобы высохнуть в соседней юрте и переждать ливень. Тем радостнее был для меня вид облаков на следующий день. Они стали светлее и позволяли видеть там и тут голубизну неба, затем они собрались у вершин белков и поползли вниз по их склонам. На проглянувших остриях скал они оставили большие белые клочья и, рассеявшись по высокогорным долинам, постепенно исчезли под лучами быстро поднимающегося солнца. Наступил ясный, теплый день. Мы веселее отправились в путь, быстро двигаясь по равнине, так что довольно рано добрались до узкой расщелины, где Чеган впадает в Чую. Высоко над берегом Чуи мы устроили стоянку в надежде, что следующий день будет благоприятным для экскурсии на столь интересный берег реки и заснеженные вершины, вздымающиеся окрест.

19 июля началось прекрасно, и поэтому мы встали с солнцем, чтобы подняться на белки, у подножия которых провели ночь. Этот поход оказался очень удачным, но из всех прекрасных растений, собранных в этих горах, меня особенно обрадовала биберштейния пахучая (*Bibersteinia odora*). Я нашел ее во множестве, как и большинство замечательных альпийских растений этой местности, на осыпи близ вершины горы, где производил барометрическое измерение. Считается, что она растет на островах Чуи, поэтому найти ее здесь на большой высоте было для меня большой неожиданностью. Небольшой ручей, берущий начало недалеко от того места, где она росла, мог при таянии снегов смыть несколько растений или семян, которые укоренились на островах, что и дало основание для ошибочного заключения. Мне не удалось подняться на главную вершину гор, которая даже с южной стороны была отчасти покрыта снегом, так как нелегко было удержать ногу на крутой, каменистой осыпи, из чего она и состояла, к тому же я не мог забывать о таком богатом урожае

растений и спешил доставить собранное в сохранности, а потому вернулся в палатку.

Приведя в порядок собранное, я еще вечером обследовал глинистый берег Чуи, где мое внимание также привлекли некоторые замечательные растения, а среди них особенно выделялся новый парнолистник (*Zygophyllum*) с уже созревшими плодами. Вообще этот день и эта богатая местность дали мне коллекцию из 40 видов, которых я не находил раньше, причем большинство их еще не было описано, не считая множества других, прежде найденных мною в одном экземпляре. Вот самые замечательные из них: биберштейния пахучая, парнолистник крылатоплодный (*Zygophyllum pterocarpum*), валериана камнелюбивая (*Valeriana petrophila*), горечавка поникшая (*Gentiana nutans*), ломатогониум коринтийский (*G. rotata*), горечавка вильчатая (*G. dichotoma*), горькуши Шаньгина (*Saussurea pygmaea*), малоцветковая (*S. serata*), иволлистная (*S. salicifolia*) и *S. incisa*, мытник печальный (*Pedicularis tristis*), ясколка малоцветковая (*Cerastium pauciflorum*), новая кульбаба (*Leontodon*), красивый новый пиретрум (*Pyrethrum*), два новых крестоцветных.

Выше я уже писал, что дорога на этом месте удаляется от берега Чуи и некоторое время идет по горам, затем снова спускается к берегу. Ниже этого места вода Чуи все еще имеет белый цвет, о чем сказано ранее, и поэтому я был немало удивлен, когда, спустившись к Чуе на четверть версты выше по течению, обнаружил совершенно темно-коричневую воду. Поэтому я отправился назад, чтобы найти то место, где начинается это изменение. Оказалось, что это происходит в месте впадения в Чую Чегана, где, как уже говорилось, река делится на множество рукавов и образует группу островов. Вода, которую несет Чеган, совершенно белая, и ясно видно, что у левого берега, в протоке, вода белая, а у правого же совершенно кофейно-коричневая. Там, где река сливается в одном русле, преобладает белый цвет. Примечательно, что после того, как меняется окраска воды, река и ее берега тоже приобретают совсем другой вид и оказывают совершенно иной характер.

В низовьях, где вода белая, река имеет вид горного потока: она стремительна, не очень глубока и сжата сухими скалистыми берегами. В верховьях, где вода коричневая, она напминает степную реку, с медленным, часто незаметным течением, она много глубже и вьется в бесчисленных излучинах с плоскими, болотистыми, заросшими кустарниками берегами. Я охотно отправился бы вверх по течению Чегана, чтобы выяснить причину белизны его воды, но это было невозможно из-за разлива Чуи, что помешало мне даже побывать на островах, давших мне весной богатый урожай растений. Из-за рано наступившей осени мне надо было спешить в дальнейшее путешествие и поэтому не следовало долго задерживаться в этих местах с чрезвычайно богатой растительностью, тем более что отсутствие юрт делало пребывание здесь неудобным в первую очередь для сопровождающих нас калмыков, а также для замены лошадей.

20 июля я продолжил поездку по Чуйской степи, где мы увидели несколько больших верблюжьих стад. Торчащие вверх остроконечные горбы этих животных — признак отменного питания — свидетельствовали о том, что даже такая бедная земля, где часто на большом расстоянии не встретишь и следа растительности, может предоставить обильную еду. Нам она тоже дала урожай редкостей, из которых я хочу назвать ползунку русский (*Ranunculus plantaginifolius*), горец сибирский (*Polygonum hastatum*), поташник олиственный (*Salicornia foliata*), реомюрию джунгарскую (*Hololochne songarica*), курчавку колючую (*Tragopyrum pungens*), несколько полыней и т. д.

Близ группы юрт, мимо которых мы проскакали, я увидел несколько калмыков, занятых тем, что они связывали молодого взрослого верблюда и зауздывали его. Для этого у верблюда протыкается носовая перегородка; в нее продевается штифтик, к нему прикрепляется веревка, на которой верблюда и водят. Боль, которую верблюд постоянно чувствует, вероятно очень сильна, ибо даже самого легкого предмета (например, седла), к которому привязан повод, вполне

достаточно для того, чтобы верблюд много часов подряд стоял на одном месте, не делая даже попытки утащить за собой этот предмет. Молодое животное, связанное здесь, было сплошь обвито волосяными веревками, которые калмыки начали теперь осторожно распутывать, опасаясь страшных ударов, которые нередко наносит верблюд своими ногами. Он сильно и неприятно ревел и далеко плевал вокруг себя. Чтобы показать мне силу такого животного, калмык поймал верблюжонка, родившегося только нынешней весной, и сел на него. Верблюжонок, громко крича, легко побегал с ним за матерью и, как только всадник соскочил, начал ее сосать.

Мы перешли Чую по броду и довольно поздно вечером оказались у Телгагема, возле юрты перекочевавшего выше зайсана Монгола. Самого его дома не было, но многочисленные старые знакомые обрадовались моему прибытию в надежде, что я прихватил с собой водки. К ночи на юго-востоке стянулись грозовые тучи и, озаряемые мощными зарницами, заблестели покрытые снегами вершины дальних гор, уходящие в том же направлении вдоль Чуи.

Обследовав окрестности, я поднялся на одну из самых отдаленных альпийский вершин, примыкавшую к высокогорной степи на левом берегу Чуи, а затем стал готовиться к поездке на Телецкое озеро. Поскольку район, где я должен был побывать, весьма слабо заселен и кочующие там калмыки в общем гораздо беднее, мне предстояло по возможности уменьшить свой багаж, чтобы сократить число лошадей и не очень задерживаться из-за их смены. Умеренное количество бумаги для обертывания растений; сухари, палатка и самое необходимое из белья и одежды — это все, что я мог взять с собой. Все собранные к этому времени коллекции и все относительно ненужное дорожное снаряжение я должен был оставить. Сначала зайсан Монгол не хотел и говорить о том, чтобы взять это под свой надзор, однако после того, как я его вдоволь угостил водкой, милостиво согласился на все. Он возвратился из поездки к своей невесте и был при полном параде: в багряно-красном шелковом кафтане, в широ-

ких шелковых шараварах, в зеленых, с очень толстыми подошвами, сапогах, оканчивающихся впереди загнутыми кверху острыми носками, и — что составляло главное украшение — в зайсанской шапке на голове. Эта великолепная вещь представляла собой шапку в форме полушара, обтянутую темно-синей шелковой материей и вышитую белым шелком. Шапку эту окаймляли прямостоящие, жесткие черные бархатные поля, которые впереди выше, а кверху расширяются.

23 июля я распрощался с юртой Монгола и с ее почти поголовно пьяными обитателями, став напоследок свидетелем не очень отрадного зрелища потасовки двух калмыков, которые так усердно драли друг друга за косы, что у одного разорвалась кожа на голове и довольно сильно пошла кровь. Мы направились через Телгагем, пересекая степь, к броду на Чуе, через нее и через степь по той стороне, через небольшой лиственничный лес на берегу реки, пока не достигли невысокого горного хребта, ответвившегося от главной цепи гор на правом берегу Чуи и, таким образом, разделившего соседнюю долину, в которой течет рч. Кокорго, много выше впадающая в Чую. Мы поднялись на этот горный хребет, у подножия которого оказались холмы из наносного песка с почти единственной растительностью — зарослями одной из упомянутых робиний. Погода была пронизывающе холодной, и нас застиг снег, вынудивший прибегнуть к зимней одежде. Довольно поздно вечером мы добрались до долины Кокорго, куда эта речка стекает с гор, на которые нам предстояло подняться на следующий день. Долина — ответвление высокогорной Чуйской степи — имела много общего с последней в отношении почвы: здесь также попадались большие участки, покрытые белым налетом соли. Но посередине этой солончаковой степи находится озеро с прозрачной, пресной водой, близ которого мы переночевали. На следующее утро мы поднялись берегом Кокорго по крутой скалистой, крайне неудобной дороге к высоким горам, разделяющим Чую и Башкауз, и здесь уже самое удобное и низкое место избрали в качестве перевала. С большим трудом взоб-

равшись на вершину, мы немного передохнули у огромной кучи камней, положенных проезжающими калмыками за недостатком хвороста, и каждый камень представлял собой благодарственную жертву за благополучный подъем на гору.

Мы находились на довольно обширном болотистом горном плато, над которым поднимались мощные, покрытые снегом скалистые массы и осыпи; от слияния снеговых вод образовались немалые озера, и на самом крупном из них виделся остров с поднимающейся на нем остроконечной горой. Эти широко раскинувшиеся озера были связаны небольшими ручьями, которые оживляла особая порода уток, умевших уходить от самого настойчивого нашего преследования. Ручьи эти сливались по обе стороны хребта в две реки, и обе они именовались Кокорго; одна из них, стекая с юго-западного склона, впадала в Чую, другая же у северо-западного склона спешила в Башкауз, калмыки считают их одной и той же рекой. Через это плоскогорье, ширина которого составляла приблизительно 15 верст, вела крайне неудобная дорога. Почва здесь болотистая, и под мягким дерновым покровом, который не мог выдержать копыт, лежали острые камни, ранившие ноги лошадей. Скверные свойства почвы, холод и вид осенней природы, умноженные неприветливой погодой, делали дорогу совсем неприятной. Кокорго Башкауза много ниже по течению вымывает себе глубокое русло, на высоком берегу которого дорога подводит к литвенничному лесу. Верховые тропки здесь нередко выводят к глубоким пропастям, возникшим в результате обвалов, которые вызваны вымыванием рыхлой почвы разливами рек и каждое мгновение грозят повториться, делая дорогу весьма опасной.

После многочасовой езды по этой дороге мы спустились к Башкаузу, который здесь еще невелик и окружен округлыми и не очень высокими горами. Мы переехали его и на том берегу подождали своих отставших вьючных лошадей, задержанных трудной дорогой. Внизу было теплее, и мы порадовались живительным солнечным лучам. Дальше наша дорога пошла по правому берегу Башкауза,

часто пересекая бурные речушки, кристально чистые воды которых скоро превратили Башкауз в большую реку; наиболее замечательные из них — это Коморулу и Арллаш. Сам Башкауз течет довольно шумно, то расширяясь и образуя острова из грубых валунов, то сужаясь в скалах и образуя небольшие водопады. Вообще эти места похожи на окрестности Урсула: горы покрыты лесом на левом берегу и здесь тоже я заметил вымирание леса, о котором говорил выше, описывая подобное явление на Ейлагуше. Горы на правом берегу большей частью безлесны и в это время года представляют собой вообще крайне неутешительную для ботаника картину. Юрты на берегу реки бедные. Их обитатели — подданные зайсана Шурмега, который кочует недалеко от Монгола по Чуе и Кокорго. Переночевав в стороне от юрт, в леске на берегу Башкауза, мы очень рано отправились дальше.

Горные речушки Мухор, Йолду-Куругил, Карадыш, Сарата, Алторгул и несколько других помельче с общим наименованием Кара-Су («черная вода») вливались с этой стороны в Башкауз почти под прямым углом, делая его все более значительным. Мы двинулись через все эти речки, самой крупной из которых была Сарата, вдоль Башкауза, то проезжая по самому берегу реки, то высоко поднимаясь (особенно ниже по течению) в горы над рекой, поросшие литвенничным и еловым лесом с небольшой примесью кедрача. Сосен здесь, как и вообще со времени моего отъезда из Чечулихи, я не видел вовсе; кажется, это дерево любит только низменные, песчаные места, но и там предпочитает гранитные скалы.

Поздно вечером мы подъехали к юртам у Малого Улагана — речушки, впадающей в Башкауз, согрелись и обсушились у яркого костра, который был уже разложен моими людьми, прибывшими туда раньше с вьючными лошадьми.

На следующее утро мы продолжили путешествие и переправились через Малый Улаган. Здесь долина Башкауза переходит в широкую равнину, сам же он принимает в себя Большой Улаган, а затем делает резкий изгиб и дальше прокладывает себе путь к северо-востоку среди высо-

ких и крутых альпийских гор. Лишь до этого предела заселены его берега, а дальше местность, где он протекает, совершенно непроходима, но с равнины поднимается окаймленная справа горами, отделяющими Башкауз от Чулышмана, медленно и почти малозаметно долина, по которой протекает Большой Улаган. Здесь самое низкое, а следовательно, и самое удобное место для перевала на Чулышман. Итак, мы шли вверх вдоль берега Большого Улагана — медленно текущего, но глубокого — сначала по широкой равнине, которая по мере подъема становилась все холмистее, хотя в общем постепенно снижалась к Башкаузу. Окружающие горы не скалистые, а округлые, покрыты лесом и в них нет ничего достопримечательного, так что все казалось однообразным, и — поскольку погода была скверной, дождливой и холодной, — производило невеселое впечатление.

Несмотря на длительные холода, разразилась гроза, которая еще более охладила воздух, и сильный затяжной дождь часто вынуждал сопровождавших нас калмыков далеко уклоняться от дороги и заглядывать во все углы, где стояли юрты, чтобы найти там себе замену. Это был один из неприятнейших дней моего путешествия, ибо местность оказалась настолько бедной дарами природы, что я не получил даже ничтожной компенсации за испытанные неприятности. Мне пришлось в конце концов решиться еще задолго до вечера сделать остановку, чтобы переждать ненастье. Но следующий день заставил меня забыть все огорчения.

Утром 27 июля прояснело. Мы быстро завьючили наших лошадей, чтобы использовать благоприятный момент, так как для предстоящего опасного пути по Чулышману нужна была только хорошая погода. Наша дорога шла на подъем замстнее, чем в предыдущие дни, хотя все еще постепенно и около полудня вывела нас через густой лиственный лес на безлесную вершину, откуда открывался прекрасный вид. В глубокой долине у наших ног протекал Чулышман, разделившийся здесь на несколько рукавов, охватывающих острова с растущими на них тополями; по ту сторону его, ниже по течению,

у самого берега вздымалась мощная голая каменная стена чудовищной высоты, переходящая наверху в волнистое плато, чьи вершины были покрыты снегом. Справа и слева в этой стене виднелись два ущелья, в которые низвергались два водопада необыкновенной красоты; правый, хотя и меньшей высоты, казался живописнее, так как был шире и падал непрерывным потоком; левый же образовывал почти отвесные каскады высотой в несколько сот футов. Их только видишь, но не слышишь, так как они заглушаются сильным шумом широкой реки.

Налюбовавшись вдоволь этим дивным зрелищем, я должен был подумать о спуске. Спуститься же здесь, кажется, почти невозможно, настолько крут скалистый склон, обращенный к долине, однако смелость калмыков, их доверие к твердой поступи лошадей позволяли надеяться, что они и здесь найдут дорогу в той змеиной извилине, которая образована узенькой тропкой на крутом склоне. В течение часа мы спустились оттуда, куда поднимались полтора дня. Все, даже калмыки, проделали этот путь пешком. Мы были счастливы, когда спустились в долину; дрожавшие колени уже отказывались служить. Освободив от груза уставших животных, мы позволили им, как и самим себе, часовой отдых, а затем двинулись дальше левым берегом Чулышмана вниз по течению.

Эта великолепная широкая горная река бушует в узкой долине, по обеим сторонам которой вздымаются голые отвесные скалы альпийской высоты. Кажется, что одна скала взвалена на другую, и на страшной высоте над испуганным, изумленным путником висят мощные громады, грозя низвергнуться с сокрушающей силой. Такие скалистые массы, обрушившиеся в незапамятные времена, лежали — покрытые мхом и обвитые диким хмелем (*Atragene alpina*) — частью на берегу, частью в самой реке и, казалось, смеялись над ее бессильной яростью. Напрасно она, пенясь прибором, старается вытолкнуть их из своего ложа и, далеко раскидывая брызги, прыгает через них могучими каскадами. И теперь еще в сырую погоду, особенно в сильную грозу, наверху могут отколоться боль-

шие камни и скатиться со страшным грохотом, поэтому даже калмыки ездят этой дорогой только в ясные дни.

Чем дальше мы продвигались вниз по течению реки, тем все ближе подступали к ней скалы, оставляя место лишь для узенькой тропки; они вынуждали всадника предпринимать, казалось бы, нечто немислимое и самому прокладывать тропу на склонах, что далеко не везде было возможно. И мы прошли такой, вызывающей ужас, тропой, вившейся по крутой стене высоко над рекой, как вдруг на повороте перед нами возникло новое зрелище, приковав наши взоры. С непомерной высоты на противоположном берегу падал в пенных каскадах сначала небольшой, но становящийся все мощнее поток, пока не достигал места, где скалы обрывались отвесно. Оттуда струя воды летела по дуге вниз несколько сот футов и разбивалась в мелкую пыль. Захваченный неописуемым великолепием этого неожиданного зрелища, я долго оцепенело смотрел, как востер играет с облаками этой пыли и нередко направляет в сторону целую струю.

Из этого оцепенения меня вывели мои люди, которые объявили, что мы находимся на самом опасном участке пути. Есть две тропы, сказали калмыки, и я должен определить, по какой нам идти. Одна-де ведет налево в сторону, вверх на скалистую стену, она опасна, длинна, и если мы ее выберем, то не должны надеяться выйти из этого узкого прохода до наступления ночи. Я посмотрел туда и не мог представить, как можно там пройти. Другая, говорили они, ведет направо вниз к реке, потом через скалистые ворота; она очень трудна, но, пожалуй, безопасна, а главное короче. Я выбрал эту последнюю, хотя и не понимал, как мы здесь пройдем. Совершенно отвесная, даже несколько нависшая, гладкая, скалистая стена спускалась в реку, в которой здесь у берега лежали огромные глыбы. Возле самого берега река была спокойна и неглубока, но посредине она бесновалась у громадных камней, лежащих в воде. Чтобы достигнуть реки, лошади должны прыгать со ступеньки на ступеньку по своего рода каменной лестнице. Эти образованные природой ступени были, само собой ра-

зумеемся, довольно неудобны, очень высоки и круты. Мы сползли с них, цепляясь за скалы. Внизу сели на копей и проехали немного по дну реки, между лежащими там каменными глыбами, вплотную к скалистой стене, пока не оказались у ворот. Они были образованы двумя прислоненными одна к другой громадными скалами, покоящимися на третьей, лежащей под водой, и таким образом получился темный проход, достаточно высокий, чтобы всадник, пригнувшись, мог с трудом проехать, и такой ширины, что тяжело груженная лошадь с обеих сторон задевает выюками скалистые стены. Этот проход делает поворот, и внутри его почти совсем темно, хотя он не длиннее пяти-шести сажен. Мы по одному направились в него, хотя при этом не было никакой действительной опасности, зато мнимая была так велика, что мои люди вначале откатились следовать за калмыками и двинулись лишь после того, как я поехал впереди. И я верю, что нелегко без страха в первый раз проделывать этот путь. Даже на обратной дороге, когда мы приблизились к этому месту, моя, обычно разговаривая и любившая попеть, свита стала тихой и серьезной. И это люди, которые бывали отважны и весьма выдержанны!

Тот, кто пройдет этим удивительным путем, будет вновь вознагражден за все трудности прекрасным пейзажем: единственный большой водопад на левом берегу реки находится лишь на несколько шагов ниже этих ворот. Я поднялся к нему так близко, насколько это было возможно. Он примечателен тем, что двойной, т. е. в скалистой стене есть два больших отверстия, одно над другим на расстоянии 10—20 футов; из обоих вытекают по дуге два мощных потока воды, которые ниже соединяются и образуют шумную речку, равную самому Чулышману.

Каменные стены чуть далее подступают к реке так близко, что, даже при небольшом изгибе ее, скалы, нависающие над двумя берегами, кажется, вот-вот соприкоснутся и совсем преградят путь. Тогда приходится либо спускаться в реку и ехать некоторое время по дну, либо подниматься по крутой осыпи и при этом словно парить над водой. А камни

при каждом шаге лошади с грохотом катятся вверх и вниз. В вышине видна только узенькая полоска неба, по обе стороны вздымаются в небеса крутые скалистые стены, у подножий которых шумит беснующийся горный поток, ярясь на сжимающие его скалы. Эта страшная, дикая и прекрасная местность постепенно приобретает более кроткий вид. Долина временами расширяется, то с той, то с другой стороны образуя небольшие равнины; горы — еще угрюмые и крутые, но уже больше покрытые растительностью — постепенно отступают все дальше, и река, не встречающая в своем русле препятствующих течению каменных глыб, тоже смягчась, течет дальше более спокойно, местами даже блистая ровной ясной гладью, в которой отражается мощный скалистый берег, кажущийся еще более мрачным в этом зеркале. Все обширнее становятся равнины и все спокойнее характер красивого ландшафта.

День был теплый, ясный, но к вечеру небо затянула черная туча, вдали глухо загрохотал гром и уже упали крупные капли дождя, когда мы подъехали к юртам, поставленным на равнине у впадения в Чулышман речушки Икол. Здесь мы сделали привал, измученные долгой ездой и ее тяготами.

До места впадения Чулышмана в Телецкое озеро нам оставалось еще верст двадцать, и это расстояние мы не спеша проехали за следующий день, вынужденные часто искать укрытия от сильного дождя в довольно густо стоящих здесь юртах, все жители которых были подданными зайсана Монгола. Близ устья Икола, по рукаву Чулышмана, мы вышли на один из его островов, на песчаной почве которого рос сосновый лес, что, видимо, свидетельствовало о низинном характере местности, так как на более высоких местах сосны я нигде не встречал. Демич, живущий близ места впадения Башкауза в Чулышман, услышав о нашем прибытии, послал нам навстречу своего сына, велел пригласить нас в юрту, а потом дал проводника до брода через Башкауз, который здесь, выходя из теснины, становится широким, глубоким и очень бурным. Это делало переход через него рискованным предприяти-

ем, тем более что уровень воды во всех реках для этого времени года был необычайно высок. Мы переехали реку, сомкнувшись в шеренгу: лучшие ездоки на самых крупных лошадях расположились выше, выючные же лошади шли ниже и поэтому легче выдерживали сильный напор воды.

Теперь дорога вела нас левым берегом Чулышмана, вниз по течению, большей частью тенистым березняком, у подножия крутых лесистых гор. Мы часто проезжали мимо огромных каменных глыб высотой ровень со всадником, плоских сверху и сплошь покрытых мхом, в котором изобиловали маленькие папоротники и растения с мясистыми листьями: скрыпун полелистный (*Sedum populi-folium*), очиток живучий (*S. Aizoon*) и новый скрыпун Эверса (*S. Ewersii* n.), гнездоцветка клобучковая (*Orchis cucullata*), двухлепестник альпийский (*Circaea alpina*) и некоторые другие. На прогалинах я увидел небольшие возделанные участки, засеянные ячменем и пшеницей; калмыки разводят здесь даже табак, потому что покупать его, при их неразвитых связях, было бы весьма трудно.

Наконец, мы достигли Телецкого озера³. Это озеро — обычно, но неверно именуемое Телецким озером, калмыки называют его «Алтын-Куль», т. е. «Золотое озеро» — имеет своеобразный вид. С южной стороны, куда мы выехали, озеро не шире версты, и половину этого пространства занимает устье Чулышмана, вливающегося в него широким потоком. К противоположному берегу Чулышмана подступают горы, разделяющие эту реку и речушку под названием Киги; другой берег, песчаный и плоский, ограничен горами. Справа и слева, сразу от самого берега озера вздымаются высокие, крутые скалистые горы, так что дальше нельзя идти ни по западному ни по восточному берегу. Озеро здесь нешироко, и подступающие с обеих сторон скалы сливаются на некотором отдалении с горизонтом. Вдоль этих скалистых гор строго горизонтально в два слоя с просветом висели облака, так что и между ними были видны горы и над ними торчали горные вершины. Никакой ветер не мутил ясного зеркала вод, в котором отражалась панорама

мрачных скалистых громад с их двойной облачной вуалью.

Уже в некотором отдалении от озера берега Чулышмана оказались незаселенными, нигде не было видно ни одной юрты. Местность была неподходящей для дальних экскурсий, и мне пришлось довольствоваться краткими прогулками, проделанными в основном еще по дороге сюда. Добраться до гор слева было невозможно, а справа путь преграждал Чулышман. Но я чувствовал себя удовлетворенным найденными здесь растениями, которые прежде мне не встречались, а из них мне особенно понравились стрелолист плавающий (*Sagittaria alpina*) и голения рогатая (*Swertia corniculata*). Побывав на берегах озера, я заметил, что оно очень богато рыбой, и поскольку у нас были с собой удочки, я посоветовал людям заняться рыбной ловлей. Двое сопровождавших меня калмыков уверяли, что они никогда не ели рыбы, и знали только, что она водится в воде, но не имели подручных средств для ловли. Они считали, что поймать рыбу удочкой нельзя, что это обман, а когда на деле убедились в обратном, то пустились наутек от пойманной рыбы. Я уговорил их поесть жареной рыбы, и они нашли ее очень вкусной. Потом я снабдил их удочками, и они уже заранее хвастались тем преимуществом, которое будут иметь перед своими друзьями и знакомыми благодаря умению ловить рыбу.

Затянувшаяся ненастная погода побуждала меня подумать о возвращении, и, изучив местность насколько это было возможно, 30 июля я покинул Телецкое озеро. Переправа через Башкауз стала еще опасней из-за подъема воды, особенно потому, что нам теперь через брод пришлось двигаться против течения. При этом благодаря проворству калмыков и моего проводника нам удалось избежать опасности потерять одну из выючных лошадей: они успели подскочить к тонущему животному и тем самым предотвратить беду, которая стала бы для меня тем ощутимей, что во выюках были пакеты с растениями, каких я не смог бы возместить. Во время этой переправы вымокли почти все наши вещи, и поскольку шли непрерывные дожди, мы все время бы-

ли в сырой одежде и спали на мокрых кошмах. Однако это не повредило нашему здоровью.

После полудня немного прояснело, что побудило нас продолжать опасный путь по Чулышману. Еще раз я наслаждался восхитительным зрелищем прекрасных, страшных и диких окрестностей этой горной реки. Однако прежде чем мы достигли подножия горы, на которую нам предстояло подняться, уже совершенно стемнело, и мы были вынуждены переночевать на небольшой равнине, расположенной чуть ниже, у Чулышмана. На следующий день нам повезло, и еще при хорошей погоде мы взобрались на крутую гору, но сразу же потом повалил снег вперемежку с дождем. Это заставило меня поспешить с возвращением, и по вышеописанной дороге вдоль Башкауза, вверх по его течению, мы добрались уже к вечеру 2 августа до Кокорго Башкауза, к которому мы поднялись, и переночевали весьма высоко, что подтверждалось присутствием там горечавки снеговой и других альпийских растений. Снег шел всю ночь напролет, и согреться стоило немало трудов.

Вечером 3 августа мы снова оказались у Чуи и наткнулись там на исключительно красивую новую юрту. После расспросов я узнал, что юрта эта поставлена несколько дней тому назад невестой и нынешней супругой зайсана Монгола. По случаю устройства юрты — что равно по значению самой свадьбы — сюда должно было собраться со всей окрестности свыше двухсот, а по уверению других, около пятисот калмыков. Один старый калмык, чтобы дать мне представление о величии этого праздника, рассказал, что как со стороны невесты, так и со стороны жениха было представлено на пир по верблюду, грузному водкой в кожаных турсуках, и что лишь немногие из гостей остались трезвыми. Три дня, мол, стоял дым коромыслом и не знали даже, куда девать турсуки из-под водки. Я вошел в изящную юрту и увидел целое собрание женщин, а в центре была новобрачная, одетая в цветастые шелка. Мужчин в юрте не было; почетное место занимала престарелая женщина — мать зайсанши. Пол устилали ковры и кошмы, все сияло чистотой и богатством; юрта была

снабжена всем необходимым. Пили чай, и, когда я вошел со своими спутниками, нам подали чай в совершенно новой и очень чистой посуде. Затем мы поехали дальше, к юрте вдовы Чебека (но не Монгола, который, женившись, должен был оставить юрту матери и больше в ней не появляться), где хранились оставленные нами вещи.

Из-за почти непрерывных дождей Чуя ежедневно прибывала, а окрестные альпы покрывались снегом. Я не надеялся вернуться берегом Чуи до места ее впадения в Катунь, так как этим путем можно ехать лишь осенью, когда спадет вода. Следуя этой дорогой, приходится часто переходить Чую, что конечно, возможно, если едешь без багажа, но с вещами, которые могут пострадать от воды, ехать этим путем неразумно. Поэтому я снова должен был избрать дорогу через Айгулакские альпы, и, по мнению калмыков, нужно было спешить, так как иначе при глубоком снеге и этот путь мог оказаться закрытым и пришлось бы ждать, когда Чуя покроется льдом. Все это вместе взятое, а также наступление осенней погоды побудило меня отправиться 6 августа, после того как я предпринял несколько небольших походов в степь.

На обратном пути я заметил, что почти все калмыки сменили свои стоянки и избрали места, защищенные лесом, которые более удобны для зимовки. Так, во всей Курайской степи, которая недавно была густо заселена — и где в разных местах стояло около 50 юрт — я не встретил ни одной юрты. Это делает осеннее путешествие крайне неприятным, так как здесь нелегко получить лошадей, ибо убежища калмыков настолько скрыты, что разыскать их невозможно. Да и сами калмыки в это время крайне неохотно идут в проводники, а багаж, который им поручен, нередко и с лошадьми, бросают на произвол судьбы, лишь бы только избавиться от этого дела. Так случилось и со мной уже дважды, и требовалось строжайшее внимание, чтобы избежать таких неприятностей в дальнейшем. У Муна встретили мы две юрты, а дальше, до самого Айгулака, не было ни одной. В Айгулаке, куда мы прибыли вечером 10 августа, на за-

втра оказалось очень трудно найти проводников и лошадей. Так как дорога через горы совершенно испортилась, калмыки не желали давать лошадей, говорили, что у них нет лошадей, прятались и разбегались, когда их искали. Угрозами, но еще более уговорами и маленькими подарками я, наконец, склонил некоторых на свою сторону и в итоге довольно поздним утром, под дождем и снегом, мы направились по дороге в горы. Но не успели мы одолеть и две трети подъема, как нас настигла ночь и вынудила сделать остановку. Следующий день выдался ясный и благоприятствовал переходу через горы, чьи вершины были покрыты свежеснегавшим снегом. К вечеру мы достигли долины Ейлагуша, где больше не стояло ни одной юрты.

13 августа через Сершальские горы мы вышли к Катунь, где стояло множество юрт и куда переехали почти все калмыки из долины Ейлагуша. Произошло это главным образом после уборки урожая, которая недавно окончилась. Поскольку он был невелик, некоторые семьи со своими стадами и жилищами перевалили через горы. Мы раздобыли здесь лошадей и отправились к переправе через Катунь. Катунь поднялась еще выше, чем во время нашего последнего перехода, и теперь переправа была чрезвычайно опасной. Лодку раз снесло совсем близко к нижнему порогу, а напоследок, когда я переправлялся, лодка, накренившись, зачерпнула так много воды, что мы чуть не пошли ко дну. На обоих берегах видны благодарственные жертвы калмыков за счастливую переправу — ленточки и тряпицы, привязанные к ветвям деревьев. Радуюсь тому, что мне удалось переправиться, я тоже повесил большую ленту на одно из деревьев, заслужив одобрение сопровождавших меня калмыков. В тот же день мы продолжали свое путешествие, но, застигнутые проливным дождем, вынуждены были сделать остановку близ юрт у Большого Улагана. Там жили мои старые знакомые, которые меня приветливо приняли. Дождь продолжался всю ночь и еще более усилился к утру, в то время как в невысоких горах выпал глубокий снег.

Подъем на Четикаман — дорога на него очень крутая, а при такой погоде и скользкая — был чрезвычайно труден, и, кроме того, мы еще немало пострадали от града, который гнал нам навстречу сильный ветер. В этот день мы не смогли уйти дальше Оелеты, где оказались юрты. Гроза с дождем, а потом и со снегом, покрывшем все вокруг, вынудила нас, окоченевших и промокших до нитки, прервать путешествие. Не найдя сухого местечка, чтобы разбить палатку, мы поневоле должны были ночевать в тесной грязной юрте, причем нас порядком вымочил дождь, попадавший в плохо крытое жилье. Утром 15 августа мы увидели всю округу в белом снежном покрывале и я поспешил расстаться с этой негостеприимной местностью. Мы переправились через Урсул и проехали долину, где он протекает и где теперь попадались тоже лишь немногие юрты. Юрта зайсана Кучугеша была единственной, которая с весны и до настоящего времени оставалась стоять на одном и том же месте.

Достигнув устья Кеньги, мы хотели вечером устроить привал у нескольких юрт, стоявших там, но абыс, который вышел из самой богатой юрты, попросил меня отказаться от этого намерения и проехать с полверты выше, где также, мол, стоят юрты. Здесь будут-де праздновать ба-еран, т. е. праздник жертвоприношения, и поэтому мы окажемся помехой. При этом он показал мне двух лошадей и овцу, привязанных к березе неподалеку от юрты, и объяснил, что одна из этих лошадей, еще прежде посвященная доброму духу, будет заколота вместе с овцой, другая же должна быть освящена вместо нее. Я вошел в юрту, которая оказалась по-праздничному украшенной и увешанной лентами: все дорогие вещи, например шелковая материя и другие предметы, были вынуты из сум и служили теперь украшению юрты. Я внял просьбе и ушел к дальним юртам. Но когда стемнело и до нас издали глухо донесся шум шамана, я сел на лошадь и поехал туда, чтобы быть очевидцем праздника, что мне не запрещалось. Там собралась толпа людей, которых, можно сказать, привлекла конина. Кам в своем священном одеянии, об-

вешанном металлическими вещами, звериными хвостами и тряпками, в круглой, украшенной совиными перьями, шапке, в сапогах, которые заканчивались кривыми железными крючками, вторил своим голосом глухому тону барабана. Он совершал свое действо почти совершенно так же, как было описано выше, только все было праздничнее, и он порой крутился с необыкновенной скоростью на одной ноге. Я не стал дожидаться конца церемонии и вернулся в свою палатку еще до наступления темноты, когда должны были забить лошадей и овцу.

Глубокий снег лежал на вершине, разделяющей истоки Ело и Ябагана; когда мы переходили ее, была холодная и ясная погода. На следующий день мы достигли Кана, где демич Баран принял меня как старого знакомого, всячески выказывая свое дружеское расположение. Густой дым, причина возникновения которого осталась мне неизвестной, окутал окрестность и скрыл даже близлежащие предметы, хотя погода была совершенно ясной.

В соседней юрте вечером я снова услышал заклинания кама. Он колдовал над маленьким мальчиком, страдавшим от большой паховой грыжи. Поскольку я встретил здесь жителя Змеиногорска, который часто был в этих краях по торговым делам и калмыцкий язык знал лучше моего толмача, то спросил его о смысле заклинаний. Суть их вкратце такова: абыс начинается с взываний к доброму духу (Кайрахану) и поет: «Приди ты, Кайрахан, с высоты, приди же, Кайрахан, из глубины, и из реки, с горы, из долины» и т. д. Затем он сообщает, что этот добрый дух, наконец, вызван и певуче спрашивает его: «Ты Кайрахан, с высоты (или тот, который теперь явился), сообщи, какой Шайтан (злой дух) вселился в больное место, — Шайтан воды, воздуха, огня или земли?». Третью песню состоит из того, что кам просит вызванного Кайрахана помочь изгнать изобличенного Шайтана и за это обещает положенную жертву — овцу или лошадь. Произносится всего несколько слов, но благодаря своеобразной манере пения, растягиванию отдельных слогов, мелодии без текста и частому повторению (например, постоянно слышится слово «Кайра-

хан»), часто это длится всю ночь напролет, причем абыс нередко доводит себя до страшных судорог, беснуясь с пеной у рта, а затем совсем без голоса, с осоловело выпученными глазами и темно-синим лицом, бессильно опускается на землю.

18 августа я покинул Кан, а вместе с ним и стойбища калмыков, и в этот же день доехал до первой русской деревни Чечулихи. Пробыв там несколько дней,— которые я бы посветил обследованию окрестных гор, если бы не плохая погода и нехватка лошадей — я выехал в Змеи-

ногорск. В деревне Белой я встретил управляющего Колыванской шлифовальной фабрикой, занятого отправкой добытого здесь гранита, о котором я упоминал выше. Гранит транспортируется на плотках от устья Белой вниз по Чарышу до Оби и затем по ней в Барнаул. Вечером 29 августа я присехал в Змеиногорск, где дождался статского советника Ледебура, который прибыл 12 сентября. 18 сентября я отправился с ним через Локтевский завод в Барнаул, где мы были уже 26 числа этого месяца.

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДЖУНГАРСКОЙ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

Дневник путешествия по Киргизской степи
к Нор-Зайсану и Алтын-Тюбе в 1826 году

Глава первая

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ БАРНАУЛА В ЗМЕИНОГОРСК.

ПРЕБЫВАНИЕ ТАМ.

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ЗМЕИНОГОРСКА

ЧЕРЕЗ УСТЬ-КАМЕНОГОРСК В БУХТАРМИНСК

18 марта мы с г-ном д-ром Бунге отправились из Барнаула, чтобы ехать вместе в Змеиногорск, где нам предстояло сделать последние приготовления и взять необходимые запасы, а затем уже порознь продолжить путешествие.

До Калманки зимой ездят по льду Оби. Если в зимнее время эта дорога безопасна и удобна, то менее всего ее можно рекомендовать весной, когда не только очень часто приходится переезжать довольно глубокие, наполненные водой ямы, но нередко подвергаешься опасности и вовсе проломить лед, как это случилось с нами, когда мы верстах в шести от Калманки попали в очень глубокую шашору (скопление воды под снеговым или ледяным покровом на глубоких местах), из которой нас не в состоянии были вытащить наши пять лошадей. Пришлось послать в Калманку людей — просить помощи, а также свежих лошадей.

Левый берег Оби очень неровен по высоте: то поднимается на несколько сот футов над поверхностью воды, то вновь опускается почти до 50 футов. Чаше всего он круто обрывается к реке, образуя совершенно отвесные стены. Местами он состоит из невысоких отлогих холмов. Почти всюду берег неприступен, и лишь изредка встречаются поперечные овраги, где в крайнем случае можно было бы вскарабкаться наверх. Более низменные места, где берег становится подчас совершенно отлогим и где обычно в Обь впадает небольшая речка, слу-

жат подъездами к деревням. Этот берег в основном покрыт полынью, и лишь иногда я замечал другие растения и кое-какие кустарники или искривленные ели, сосны и березы; многие участки совершенно голы, без всякой растительности. Впрочем, вся кромка берега — это наносы, главным образом глина.

Правый берег Оби, наоборот, совершенно отлогий и густо зарос талом и тополем. То же можно сказать и об островах этой могучей реки.

Между Калманкой и Саушкой простирается широкая ровная степь, и только берега Алея слегка холмисты. Лишь в нескольких верстах от Калмыцкого Мыса мы увидели Алтайские горы, и не раньше, чем у Саушки, достигли их предгорий. Степь очень богата травами, и мы, к своей радости, узнавали среди прошлогодних остатков многие интересные растения*. По берегам речушек и на местах, заливаемых во время весеннего половодья, мы находили остатки мытников (*Pedicularis*), щавелей (*Rumex*), осок (*Carex*), ив, а также одного рогоза (*Thypha*), сходного колосом с узколистным (*T. angustifolia*), но, кажется, с более широкими листьями.

По мере приближения к Курьинску горы видны все отчетливее, но лишь между Курьинском и Саушкой появ-

* На обратном пути я убедился, что эти места очень похожи на степи между Усть-Каменогорском и Семипалатинском и даже покрыты одинаковыми растениями, тут и там встречаются солончаки. (Прим. автора).

ляются первые голые низкие гранитные вершины, и нередко мы ехали по широкому обнаженному гранитному равнину. Вид гор становился все более привлекательным. На переднем плане мы увидели своеобразные гранитные горы, расположенные близ Саушки и вокруг Колыванского озера. Дальше идут предгория высоких гор, а из-за них выглядывает другая горная цепь, с главной вершиной — Синей сопкой. За этой горной цепью видны Тигирецкие белки, достигающие здесь наибольшей высоты. К западу от дороги расстилается обширная степь, и только близ д. Саушки высится несколько гранитных холмов. В этой деревне насчитывается 50 довольно жалких избушек и 132 жителя мужского пола, которые по-видимому, не очень богаты. Расположена она недалеко от Колыванского озера, у подножия невысокой горы, в окружении гранитных холмов. Нагроможденные друг на друга каменные плиты, нередко отчасти висающие в воздухе, придают этим холмам своеобразный вид. Окрестности Колыванского озера превозносят как очень романтические, и я должен сожалеть, что не видел их в лучшее время года. Озеро весьма богато рыбой: щука, окунь, чебак (*Cyprinus lacustris*) и др. В нем растет также во множестве чилим (*Trapa natans*), плоды которого (называемые здесь рогульками) собирают в августе и продают по 70 штук на копейку.

Дорога на Змеиногорск ведет сначала по довольно высоким гранитным холмам, а затем по глинистым сланцам, пока, наконец, не станет видна последняя высота этого прославленного рудника, куда мы благополучно прибыли 22 марта и где были очень приветливо приняты местным управляющим г-ном Юргенсоном. При просмотре выданных мне казенных бумаг оказалось, что нужны еще некоторые дополнения, о чем мне пришлось писать в Барнаул статскому советнику Ледебуру. Поскольку надо было здесь подождать еще прибытия ученика, который должен был меня сопровождать, и не все еще заказанные здесь вещи были готовы, у меня появилось время для ознакомления с г. Змеиногорском.

Город Змеиногорск (Змеев) лежит в обширной долине, окруженной со

всех сторон горами. На севере, с юго-востока на северо-запад, расположена Пригонная сопка, на востоке — Караульная сопка, а на юге — ряд высоких гор, которые Ренованц назвал Корболишинскими горами. Гора около плавильного завода называется обычно «Заводская сопка». Собственно Змеинная гора, недра которой были столько богаты благородными металлами, очень низкая, она пробурывалась и пробита множеством далеко разветвившихся штолен и шахт до глубины 107 сажен (сажень — семь английских футов). Главный ход очень удобен, он выложен камнем и очень сухой. Дальше ходы становятся ниже, подпираются деревянными крепями; они более или менее сырые. Другие штольни идут вертикально вниз, и спускаться в них можно только по лестницам, сделанным с площадками.

Змеиногорск* имеет более 900 в основном деревянных домов, две церкви, большую каменную кузницу, госпиталь, в котором обычно находится до 200 больных, апкарский сад, множество казенных зданий, а также железную дорогу. Она пролегает от того места, где сортируют и разбивают руду, до плавильного завода, который находится приблизительно в полуторах верстах на другом берегу Корболихи. Примерный уклон ее — 9 футов на 100 сажен. До высокого правого берега Корболихи дорога несколько углублена в землю; над рекой она покоится на 20 каменных столбах высотой около 40 футов и на правом плоском берегу реки, всего в нескольких шагах от плавильного завода, заканчивается люками, через которые сыпается руда. В среднем груз, который может везти по этой дороге одна лошадь, составляет 400 пудов, не считая небольшой вес ларей, в которых перевозится руда. Весь этот груз, который по мере надобности может быть еще значительно увеличен, лошадь тянет

* Здесь я не могу не упомянуть об одной ошибке, вкравшейся в Санкт-Петербургский астрономический календарь за 1809 г., где высота Змеиногорска определена в 5243 фута. Мы совершенно случайно нашли, что эти данные позаимствованы у Ренованца, причем, однако, имел место недосмотр, а именно: Ренованц в одном месте своего труда сравнивает высоту Змеиногорска с высотой Тигирецких белков и определяет высоту этих снежных гор в 5243 фута — число, которое по недосмотру отнесено к Змеиногорску. (Прим. автора).

с легкостью; напротив, отвезить пустые лари ей гораздо труднее. За летние месяцы по этой дороге доставляется с рудника на плавильный завод годовой запас руды. Прежние крепостные сооружения, как совершенно ненужные, теперь снесены.

Приятная погода располагала к посещению некоторых окружающих Змеиногорск гор. Сначала мы поднялись на Пригонную сопку, где местами нам пришлось брести по глубокому сугробу. Эта гора состоит из очень твердого глинистого сланца, дающего искры при ударе о сталь. Нам удалось по прошлогодним стеблям и молоденьким листочкам узнать многие растения, например веронику колосистую (*Veronica spicata*), зизифору пахучую (*Ziziphora media*), хруплявник полевой (*Polycnemum arvense*), щетинник зеленый (*Seflaria viridis*), тырсу (*Stipa capillata*), оносу обыкновенную (*Onosma simplicissimum*), незабудочник скальный (*Myostis rupestris*), который встречался необычно часто, липучку ежевидную (*Echinospermum Lappula*), жимолость татарскую (*Lonicera tatarica*), проломники северный и большой (*Androsace septentrionalis et maxima*), грыжник гладкий (*Herniaria glabra*), порезник бухтарминский (*Bubon buchtormensis*), гониолимон красивый (*Statice speciosa*), репку колючую (*Crassula spinosa*), барбарис сибирский (*Berberis sibirica*), гусятник нитевидный (*Ornithogalum angulosum*), горец разнолистный (*Polygonum aviculare*), гвоздику (*Dianthus*), камнеломку сибирскую, скрипун гибридный (*Sedum hybridum*), ясколку луговую (*Cerastium incanum*), лабазник шестилепестной (*Spiraea Filipendula*), таволгу зверобоелистную (*S. hypericifolia*), кизильник черноплодный (*Mespilus melanocarpa*), лапчатки щетинистую, вильчатую и золотистоцветковую (*Pentulla pensylvanica, bifurca et chrysantha*), клубнику (*Fragaria collina*), колорию гравилатовидную (*Geum potentilloides*), шиповник колючий (*Rosa altaica*), лютик многокоренной, прострел широкоцветный, змееголовник поникший (*Dracocephalum nutans*), шлемник приземистый (*Scutellaria lupulina*), крупку ланцетоплодную (*Draba confusa?*), бурачок Гмелина (*Allyssum montanum*), душицу обыкновенную

(*Origanum vulgare*), зопник клубненосный (*Phlomis tuberosa*), тимьян Маршалла (*Thymus Marschallianus*), василек сибирский (*Centaurea sibirica*), осоку приземистую (*Carex supina*), аксирис обыкновенный (*Axyris amaranthoides*) и множество других растений.

На Караульную сопку, которая примерно на 500 футов выше Пригонной сопки, мы поднялись тоже, хотя и не без труда. За это мы были вознаграждены красивым видом на Синюю сопку, Тигирецкие белки и многие другие вершины. Эта гора также состоит из глинистого сланца, и мы нашли здесь большинство растений, виденных на Пригонной сопке, и, кроме того, еще ежу сборную (*Dactylis glomerata*), подорожник средний (*Plantago media*), первоцвет весенний (*Primula veris?*), незабудку (*Myosotis intermedia*), фиалку ланцетолистную (*Viola lancifolia*), горец вьющийся (*Polygonum Convolvulus*), ясколку дернистую (*Cerastium vulgatum*), репейничек волосистый (*Agrimonia pilosa*), лапчатку серебристую (*Potentilla argentea*), гравилат городской (*Geum urbanum?*), кошачью лапку (*Glechoma hedeveacea*), царские кудри (*Clematis integrifolia*), богородскую траву (*Thymus angustifolius*), пастушью сумку (*Capsella Bursa*), люцерну серповидную (*Medicago falcata*), остролодочник волосистый (*Oxytropis pilosa*), клевер ползучий (*Trifolium repens*), серпуху обыкновенную (*Serratula coronata*), полыни горькую и широколистную (*Artemisia Absinthium et latifolia*), косогорник пурпурный (*Prenanthes diversifolia*). Репку колючую (*Crassula spinosa*) здесь иногда собирают и едят, она называется здесь «горная репка».

Начиная с 24 марта установилась прекрасная теплая погода. Не только в домах появились всевозможные насекомые, но и на воле роились бабочки-крапивницы (*Papilio Urticae*) и некоторые мухи, а под камнями мы находили различных пауков, клопов (*Lygaeus apterus*), щелкуна широкого (*Elater latus*), медляка кукурузного (*Pedinus temoralis*), хищника проворного (*Staphylinus agilis*); на растениях довольно часто ползала божья коровка точечная (*Coenicella punctata*), а на падали — костоед стальной

(*Corynetes chalybeus*) и кожед ветчинный (*Dermestes lardarius*).

Снег большей частью уже стаял, но кое-где еще лежали сугробы в шесть футов высотой. Однако, как нас уверяли, этой зимой выпало не так много снега, как обычно в другие зимы, которые часто бывают такими снежными, что многие жилища совершенно заносит и порой, случается так, что рудокопы должны освобождать от снега своих сменщиков. Вообще, зима здесь, видимо, очень неприятна и сурова. Часто свирепствуют и жестокие снежные метели, называемые в Сибири «бураны», так что не так уж редко приезжающие, заблудясь в такую непогоду, не в силах доехать до места погибают всего в нескольких верстах от Змеиногорска. Бывали случаи, когда жители Змеиногорска блуждали внутри самого городка и не могли добраться до своих домов.

28 марта мы побывали на местном известняковом карьере, который находится между Корболихой и Корболишинскими горами. Известняк залегает глубоко в долине, несколько выше водной поверхности Корболихи. Он твердый и крепкий, серый или коричневатый, со множеством окаменелостей, среди которых, однако, совсем не встречаются кораллы (*Conchyliden*). Добывают его в большом количестве и применяют в плавильных процессах. Большие куски известняка идут также на изготовление красивых столешниц. По берегам Корболихи довольно много растет боярышника кроваво-красного (*Crataegus sanguinea*). Нашли мы и веронику бело-войлочную (*Veronica incana*), много прострела широкоцветкового, который был накануне цветения, а также несколько цветущих стеблей стародубки пушистой. Под камнями часто попадались медяки песчаные (*Opatum sabulosum*). От известнякового карьера мы проехали к плавильному заводу, где г-н Юргенсон был настолько любезен, что показал и объяснил нам все заведения и процессы, описание чего я, однако, как неспециалист, опускаю.

27-го числа прибыли оба мои спутника — ученик Ермолаев и цирюльник Тузовский; первый должен был служить мне как собиратель растений, второй — как набивальщик чу-

зел. 30-го я получил все нужные бумаги и кое-какие распоряжения для разных властей, чтобы во время поездки мне оказывали необходимую помощь, и поскольку все заказанные в Змеиногорске вещи были готовы, я мог отправляться в дальнейшее путешествие. Однако я задержался до 1 апреля, так как г-н д-р Бунге, выехавший 30-го, забрал почти всех лошадей, и они из-за плохой погоды возвратились только на следующий день. 1 апреля я покинул Змеиногорск и направился в Усть-Каменогорск.

Множество мелких происшествий так затянуло нашу поездку, что лишь поздно вечером прибыли в Екатерининскую. Дорога была большей частью сухой, хорошей, и только близ Змеиногорска еще во многих местах лежали глубокие сугробы, а в нескольких верстах от Екатерининской нам пришлось более полуверсты ехать логом, совершенно заполненным водой, которая иногда достигала брюха лошади. Оставив позади гранитные горы в окрестностях Змеиногорска, мы оказались в степи, совершенно подобной той, которая расположена между Барнаулом и Змеиногорском. Только через 10—12 верст справа от дороги показалось опять несколько гор, слева же, почти до самой Екатерининской, простиралась ровная степь. В степи уже цвели многочисленные стародубки пушистые, а у прострела широкоцветного набухли почки, готовые раскрыться. Кругом кишели насекомые, особенно скакуны полевые (*Cicindella campestris*), а над нами тянулись большие стаи уток и журавлей.

Деревня Екатерининская лежит на противоположном берегу Алея, который сильно разлился, вышел из берегов и тек довольно стремительно, поэтому не легко было переправляться в маленьких, выдолбленных из древесного ствола лодках — перевоз всех наших вещей длился около двух часов*. Вода Алея была очень мутной. Рыбой он, по-видимому, небогат, хотя в нем водятся щуки, окуни, чебаки и таймени (*Salmo fluviatilis*). Близ деревни в него впадает еще ре-

* Осенью Алей сильно мелеет, так что его можно перебрести во многих местах и никакого парома для переправы не требуется. (Прим. автора).

чушка Таволиха. В Екатерининской насчитывается 40 дворов и около 400 жителей, а по типу построек она совершенно подобна другим сибирским поселениям. Деревня со всех сторон окружена горами, за исключением той, где река. По высоте они примерно одинаковы с горами, окружающими Змеиногорск; отдельные сланцевые горы носят название Толстая, Ключевская и Большая сопка. Средней высоты, крутая, крошащаяся, остроконечная гранитная гора к юго-западу от Алея заросла талом и тополями, которые, однако, еще не цвели. Пчел здесь хотя и держат, но, пожалуй, без особой выгоды.

В это время всюду жгли сухие остатки прошлогодних трав, отчего воздух часто бывал наполнен дымом. Красивое зрелище представляет собой пламя, длинной полосой продвигающееся вперед. Впрочем, жар, видимо, не так уж силен, ведь, обходя большой участок горы, я заметил, что побеги прострела широкоцветного, стародубки пушистой и других растений нисколько не пострадали, и лишь немного обуглились верхушки молодых трав. Но то, что иногда в итоге случаются лесные пожары, конечно, непростительно, поскольку это, как правило, следствие большой неосторожности.

2 апреля совсем еще рано мы выехали из Екатерининской. Дорога шла между двумя рядами гор и то приближалась, то снова удалялась от них. Некоторые вершины, казалось, превосходили высоту Караульной сопки у Змеиногорска. Примерно в десяти верстах от Екатерининской совершенно незаметно начинается подъем, пока, наконец, дорога еще через четыре версты не выходит к гребню горного хребта, с которым соединяется Спасская сопка. Хотя этот кряж не очень высок, он, однако, образует водораздел между бассейнами Оби и Иртыша. С его вершины открывается широкая панорама части Тигирецких и Риддерских гор и можно разглядеть также многие другие горные цепи. С вершины дорога вновь идет отлого. Кое-где лежал еще глубокий снег и брести по нему было нелегко. Мы видели здесь множество журавлей, а также несколько ящериц и змей.

Шемонаиха — большая деревня, построенная лучше, чем Екатеринин-

ская; в ней 77 изб и 319 жителей мужского пола. Расположена она на Убе, широкой и довольно бурной в это время года. В реке водятся щуки, окуни, язи (*Cyprinus Idus*) и хариусы, хотя и в небольшом количестве. Близ д. Шемонаихи в Убу впадает маленькая речка такого же наименования*.

У Шемонаихи мы переправились через Убу на небольших лодках длиной 25 футов и шириной 2 фута, причем два колеса телеги ставились в одну, а два других в другую лодку, так что обе лодки оказывались соединенными. Это сооружение вначале внушало опасения, но переправа прошла благополучно, хотя и отняла два часа. На лугу левого берега Убы во множестве цвел гусятник нитевидный и нередко попадалась стародубка пушистая. Дорога была довольно холмистой, и вся местность пересекалась многочисленными и в основном крутыми горами. Нам пришлось проехать немало мостов, проложенных через маленькие речки — притоки Убы. К шести часам вечера мы добрались до Выдрихи, и хотя было еще не совсем поздно, мне пришлось все же остаться здесь, так как дорога на Лосихе весной была очень тяжелой, а в темноте, несомненно, опасной. Деревня Выдриха весьма неприглядна и находится при впадении в Убу одноименной речки.

Когда 3 апреля мы выехали из Выдрихи, было уже довольно поздно. Сначала дорога шла по долине, но в верстах пяти от деревни привела в горы. Мы переваливали многочисленные горные цепи, еще совершенно покрытые снегом, в котором лошади нередко увязали по брюхо. Дорога, конечно, была чрезвычайно тяжелой и едва проходимой для вьючных лошадей. Наш караван, впрочем, представлял вполне романтическое зрелище. Один из моих людей ехал впереди, чтобы опробовать дорогу. За ним следовал крестьянин на лошади, который вел за собой четырех вьючных лошадей. Они были связаны поводьями, одна к хвосту другой. За ними ехал второй коновод с двумя вьючными лошадьми. Я замыкал шествие.

* Мы назвали эту речку «Спасска». (Прим. автора).

Чем дальше мы продвигались, тем гористее становилась местность, и вскоре мы оказались окруженными со всех сторон высокими горными кряжами. На освободившихся от снега склонах холмов цвели стародубка пушистая и прострел широкоцветный. Молодые листья и стебли пустили также лук стареющий (*Allium senescens*), ясенец туркестанский (*Dictamnus Francinella*) и вероника перистоллистная (*Veronica pinnata*). Девясил высокий (*Inula Helenium*) заполнил берега речушек.

Подъехав к последнему спуску, мы увидели Лосиху, весьма красиво и живописно расположенную. Долина, в которой стоит это село, шириной чуть больше версты и окружена очень высокими горами. Они, хотя и были почти совсем безлесны, но благодаря кое-где еще покрытым снегом склонам имели впечатляющий вид. Посреди этой долины, которую с места нашей стоянки можно было обозревать на несколько верст вокруг, подобно широкой серебряной ленте змеилась Уба с впадающей в нее маленькой Лосихой. Близ устья этой речки раскинулось село с церковью, в котором около 400 жителей.

Получив в Лосихе свежих лошадей, мы поехали дальше. Примерно в полуверсте от села находится одноименный казачий форпост, между селом и форпостом киргизы поставили свои войлочные юрты, которые я увидел здесь впервые. Первые четыре версты дорога вела нас долиной и была очень удобной, но вскоре нам пришлось перевалить Караульную сопку* (Глядень остался справа), а вслед за тем и другие все более высокие горные хребты, которые были еще покрыты снегом. Дорога эта была куда более трудной, чем та, что ведет в Лосиху. Чем ближе мы были к Секисовке, тем выше вздымались вершины, и бросалось в глаза, что мы все больше углубляемся в горы. На проталинах цвели леонтица алтайская — растение, очень любимое пчелами, и гусятник нитевидный; то

и дело я видел также нардосмию гладкую (*Tussilago laevigata*), но она еще не цвела. Большие стаи журавлей бродили по влажным полям.

Деревня Секисовка, удаленная на 22 версты от Лосихи, стоит на одноименной речке, у подножия очень высоких гор. Самая высокая гора близ деревни — Большой Календарь, которая, видимо, лишь немногим ниже Синей сопки у Колывани. Малый Календарь не столь высок. Обе горы получили такое название потому, что они считаются достоверными предвещателями погоды, так как перед наступлением ненастья от них исходят какие-то странные звуки. Глядень ниже этих вершин. На высоких горах растет довольно редкий лес из пихты, березы и ольхи. Прежде здесь, видимо, был большой, густой лес, но из-за плохого хозяйствования он сильно пострадал. Северные склоны были еще полностью покрыты снегом, на южных же, наоборот, снег большей частью стаял, и у подножия горы во множестве цвели стародубка пушистая, прострел широкоцветный, леонтица алтайская и гусятник нитевидный.

Секисовка — большое селение, в котором проживает приблизительно 100 семейств и около 400 жителей. Прежде оно было еще многочисленнее, но несколько лет тому назад многие жители ушли отсюда и основали пять новых деревень на Бухтарме. Пчеловодство, возникшее здесь лет 40 тому назад, образует теперь одну из важнейших отраслей хозяйства этого района и дает ежегодно 2000—3000 пудов меда. Этот мед, имеющий превосходные качества, продается на месте по цене 7—8 руб. за пуд; в 1808—1812 гг. он стоил вдвое дороже. За пуд воска платят 36—40 руб. Оба товара возятся в Ирбит, а затем препровождаются купцами еще дальше. Меньше занимаются здесь скотоводством, так как, вероятно, нет хороших пастбищ, и, кроме того, сибирская язва нередко производит сильные опустошения.

Близ деревни расположен казачий редут, который, подобно редутам Лосихи, Бобровского и Согры, относится к Кузнецкой казачьей линии.

4 апреля мы выехали из Секисовки. Притягательное зрелище представляло собой быстрое и частое об-

* В горах нет таких казачьих форпостов или редутов, где хотя бы одна из гор не называлась Караульской сопкой. В прежние времена, когда больше опасались соседних киргизов, там ставились караулы. Поэтому почти возле каждого села есть «Глядень», с вершины которого обычно открывается широкий кругозор, что и обуславливает название. (Прим. автора).

разование облаков на склонах высоких гор. Большинство гор было окутано настолько густой облачностью, что нельзя было даже догадаться о близости гор, хотя мы находились от них на расстоянии одной версты. Это образование облаков создавало впечатление, будто изнутри гор через многочисленные большие расселины вырывается густой пар или дым. Местные жители обозначают это явление очень характерным выражением: «Горы топятся».

В высшей степени неприятно было то, что дорога здесь еще лежала под глубоким снегом, и лошади наши едва брели, часто падая от изнурения. Наконец, когда мы одолели 12 верст, снега становилось все меньше, и дорога, которая заметно пошла под уклон, сделалась менее трудной, а в нескольких верстах от Бобровки снег совсем кончился и вся окрестность оказалась усеянной леонтицей.

Село Бобровка, находящееся в 22 верстах от Секисовки, расположено в широкой долине на маленькой р. Бобровке и в трех примерно верстах от гор. Село большое и тянется более чем на 2 версты; в нем несколько действительно красивых домов, а также церковь и около 400 жителей мужского пола, не считая казаков, живущих в здешнем редуте, и местных инвалидов. В Бобровке пчеловодство также является важнейшей отраслью хозяйства, и здесь ежегодно добывается более 3000 пуд. меда, лучшие сорта которого в прошлом году стоили 1/2 руб. за пуд*. Хлебопашество тоже, по-видимому, приносит здесь большие доходы, менее — скотоводство. Хотя некоторые сельчане пробовали заниматься плодоводством и огородничеством и, кажется, довольно успешно, но первое теперь опять запускается, последнее же ограничивается капустой, луком и т. п. Здесь, как и во многих других селениях Сибири, возле большинства изб укреплены на шестах скворечницы — к удовольствию детей, восхищающихся пением этих птиц, уже занявших теперь свои жилища.

* Мед в этой местности скупают главным образом скупщики, которые платят за него либо чистыми деньгами, либо разными товарами. Затем мед они чаще всего везут в Ирбит, где очень выгодно сбывают, снабжаясь новыми товарами для дальнейшей торговли. (Прим. автора).

Самая высокая гора близ села называется Круглой сопкой, а другая, пониже, с вдавленной посредине вершиной — Седлом. На всех горах растут очень богатые леса из пихты и осины (*Populus tremula*), так что недостатка в дровах в этом селе не ощущается; поэтому хотя село основано еще 60 лет тому назад, жители его проникли в гущу леса менее чем на пять верст. В лесу во многих местах лежат навалом стволы деревьев, так что туда совершенно невозможно пройти, и все равно каждый, кому нужны дрова, валит первое попавшее хорошее дерево. Меня поразил рассказ моего хозяина в Бобровке о том, что не только осина, но и сосна, когда ее срубают, дает от корней многочисленную поросль, которая в течение года достигает немалой высоты; но так как она растет в большой тесноте, то все время остается тонкой; по его словам, эти тонкие прямые жерди крестьяне употребляют для самых разнообразных целей. Сообщая мне все эти приведенные здесь сведения, хозяин подал прекрасный мед и превосходный пшеничный хлеб; тем временем были приведены и заселены свежие лошади, и я мог продолжать свой путь. Местность становилась все более открытой, горы отходили к востоку, и чем дальше мы от них отъезжали, тем теплее и приятнее становилась и погода.

Деревня и форпост Согра расположены (в 18 верстах от Бобровки) у речушки Моховки, в большой долине, где возвышается лишь несколько больших гор. Деревня меньше Бобровки и менее ее заселена. Моховка далее впадает в Ульбу. Оставив здесь под присмотром одного из моих людей весь свой багаж, я поспешил в Усть-Каменогорск, где мне нужно было сделать некоторые неотложные дела. До Ульбы, протекающей в шести верстах от Согра, тянется почти совершенно ровная степь, но по ту сторону Ульбы высятся крутые горы. Через реку, которая сильно разлилась и была весьма стремительной, мы переправились на маленьких скверных лодках. Вынужденные оставить лошадей, мы добирались до Усть-Каменогорска пешком.

Прибыв туда, я узнал, что г-н Иванов, командир 7-го казачьего полка, отсутствует; это было тем не-

приятнее, что, имея к нему рекомендацию от г-на коллежского советника Геблера, льстил себе надеждой получить здесь всяческую помощь. Наконец, я решил навестить местного врача, г-на штабс-хирурга Ставропольского. Этот человек, который одно время пребывал в Дерпте, принял меня самым дружеским образом, сразу же устроил на квартиру и помог советом и делом.

На следующее утро я разговаривал с заместителем Иванова г-ном Кузнецовым и потребовал у него надежный казачий конвой, толмача, егеря и лошадей, чтобы добраться до Тарбагатай и двинуться дальше по другому берегу его. Но, к моей досаде, г-н Кузнецов не мог удовлетворить этих моих требований, так как был связан официальным приказом г-на генерала Капцевича и без специального приказа не отважился оказать мне требуемую помощь. Однако он пообещал мне лошадей до Бухтарминска, а на поездку оттуда обещал дать проводника, толмача, егеря и оказать необходимое содействие для обследования Нарымских и Курчумских гор, а также теплых источников близ Фыкалки, так как эти места находятся всего в нескольких днях пути от русских форпостов. Он был готов также дать мне несколько казаков и лодку до Нор-Зайсана, но не лошадей, из-за большой отдаленности той местности. Господин Кузнецов сказал также, что-де от Нор-Зайсана к Тарбагатаю проехать совершенно невозможно, поскольку китайцы этого не допустят. Легче, считал он, добраться туда отсюда. Итак, после оживленной многочасовой беседы мои блестящие надежды сильно поколебались. Я сообщил г-ну статскому советнику фон Ледебуру об этих препятствиях, а также о том, что без прямого распоряжения г-на генерала Капцевича мне не осуществить намеченный план. Вместе с тем я решил использовать обещанную мне поддержку и без всяких промедлений отправиться к Нор-Зайсану; что было весьма желательно, так как согласно плану отсюда я должен был двинуться к Тарбагатаю.

Крепость Усть-Каменогорск, основанная в 1720 г. генералом Лихаревым, расположена на правом берегу Иртыша, на небольшом пригорке вы-

ше устья Ульбы, через несколько верст впадающей в Иртыш. Крепость довольно велика, в ней стоит каменная церковь, но в основном невзрачные деревянные дома, населенные военными. Примерно в полуверсте от крепости, к востоку, находится город с казачьей слободой; на некотором расстоянии от города построен из дерева сравнительно большой военный лазарет. Город расположен гораздо ниже крепости, и нередко в половодье Иртыш затопляет его. И здесь все здания деревянные, и их также нельзя назвать красивыми. В городе и в крепости вместе проживают:

	Мужчины	Женщины и их дочери
Купцы	3	8
Горожане	37	29
Отставные солдаты	27	29
Отставные казаки	10	8
Солдаты на службе	847	306
Офицеры	63	65
Казаки на службе	109	89
Духовенство	15	22
Магометане	42	15
Приватные лица	5	5
Поселенцы	4	—
В с е г о	1162	576 вместе 1738

Усть-Каменогорск является местом пребывания властей округа того же наименования. Округ простирается к востоку до р. Нарымки, к западу до форпоста Шульбинска, на севере он граничит с горно-заводским округом, а южная его граница проходит по Иртышу. Сюда же причисляются и некоторые кочующие по ту сторону Иртыша киргизские племена, часть которых приведена к верноподданнической присяге. Местные купцы снабжают округ всеми необходимыми товарами и, кроме того, занимаются торговлей с Китаем и киргизами. Но здешняя торговля довольно ограничена, по крайней мере менее значительна, чем в Семипалатинске. На восточной стороне, в двух-трех верстах от города, находится пристань, где руда, добытая в Зыряновском руднике, выгружается, дальше перевозится сушей. Там стоят несколько складов и один жилой дом. На левом берегу Иртыша, ниже крепости, расположена базарная площадь, где ради торговли поселилось несколько ташкентцев и татар. Тут и там виднеют-

ся также войлочные юрты, в которых живут киргизы.

Местность вблизи Усть-Каменогорска совершенно ровная и только в трех верстах к востоку высится Пригонная сопка, за которой проступают высокие горы. Лес для своих нужд жители города рубят на нескольких островах, лежащих выше по Иртышу, а также в окрестностях Бухтарминска и Шульбинска.

Нынешней весной Иртыш вышел из берегов и затопил почти весь город. Множество больших льдин, унесенных на версту от кромки берега, указывает еще и теперь площадь, затопленную рекой. В низкорасположенных домах снесло почти все печи, полы и т. п., однако ни один человек не погиб. Расположенная выше крепость осталась нетронутой, но если бы вода поднялась еще на один фут, то и она была бы затоплена.

Теперь установилась весьма приятная погода и снег совершенно растаял. На лугах во множестве цветет гусятник нитевидный; на Ульбе, а также во рвах крепости показались цветы пузырницы физалисовой (*Hyoscyamus physaloides*), а в сухих местах на валу начал цвести рогозавник пряморогий (*Ceratocephalus orthoceras*). По обеим сторонам Иртыша поднимаются многочисленные столбы дыма от подожженных остатков прошлогодних трав.

У подполковника местного батальона я видел живую лисицу-караганку (*Canis melanotus* Pall.), которую, хотя она и очень похожа на корсака, легко можно отличить по черным ушам. Была здесь также ручная косуля (*Cervus Pygargus* Pall.), с изящными маленькими рогами, и местный лебедь, который был невелик и поэтому показался мне отклонением от нормы; основание клюва у него было белое, кончик черный.

Хотя путь на Бухтарминск мне обрисовали как очень трудный и небезопасный, 6 апреля я выехал из Каменогорска с одним из моих людей и с одним из сопровождавших нас казаков в хорошем настроении и на весьма скверных лошадях. Первые 12 верст мы ехали по длинной долине, довольно быстро продвигаясь вперед. Но вскоре нам пришлось подниматься в гору, до остроконечной вершины, которая хотя и находилась от

Усть-Каменогорска в 18 верстах, все-таки была оттуда отчетливо видна. Она возвышалась над всеми соседними горами и уступала только расположенным далеко на востоке, все еще совершенно покрытым снегом вершинам. С нее открывалась широкая панорама. На востоке и северо-востоке я увидел бесчисленные горные хребты, некоторые из них, казалось, достигали необычайной высоты. На юге и юго-востоке за Иртышом также вздымались довольно значительные вершины, хотя и не менее высокие, чем горы по эту сторону. Самая высокая вершина на юго-западе — это так называемая Монастырская сопка (киргизы и калмыки зовут ее Дулло-гало Чекет), которая очень хорошо видна отсюда, хотя и находится на расстоянии 80 верст от Усть-Каменогорска. В ясные дни, вероятно, можно увидеть и Усть-Каменогорск, теперь же он был скрыт от меня густой дымкой, которая собралась в долине. Насладившись этой величественной панорамой, мы спустились по восточному склону, который был чрезвычайно крут и так опасен, что нам всем пришлось сойти с коней и спуститься пешком*. В расщелинах этих склонов цветет немало осоки низкой (*Carex humilis*). Долина у восточного подножия горы была сплошь усеяна цветущими кандыком (*Erythronium*), ветреницей алтайской (*Anemone altaica*) и леонтицей. Прежде чем мы достигли Ульбинского редута, находящегося в 27 верстах от Усть-Каменогорска, нам пришлось перевалить еще несколько горных хребтов; и некоторые были высоки и трудны для восхождения.

Ульбинский редут расположен на Ульбе, он невелик, и в нем мало казачков. Избы у них чистые и во всем замечен подлинный недостаток, по крайней мере было очевидно, что работа о пропитании не гнетет жителей. Здесь меня ждал мой спутник, отправленный со всем багажом. Этот человек нашел на одной горной вершине гусятник нитевидный, а на сухих склонах некоторых холмов тюльпан поникающий (*Tulipa tricolor*) и лютик многокоренной (*Ranunculus*

* Все горные склоны между Усть-Каменогорском и Феклистовском пологи к западу и поднимаются постепенно, восточные же склоны, наоборот, гораздо круче, и часто совершенно отвесны. (Прим. автора).

polyrhizos) с красивейшими цветами. Луга возле Ульбинского редута украшали также кандык, ветреница алтайская, леонтица, лютик многокоренной и фиалка холмовая (*Viola collina*), а кругом порхали по одиночке бабочки: крапивница, лимонница (*Rhamni*), дневной павлиний глаз (*Jo*), траурница (*Antlopa*), голубянка аргус (*Argus*).

В редуте оказалось всего три лошади, а табуны лошадей паслись в десяти верстах от него. Поэтому я решил проехать с Тузовским к Феклистовскому редуту, чтобы пригнать оттуда нужных нам лошадей. Дорога постепенно поднималась по крутому склону горы, образующей высокий левый берег Ульбы, до ее вершины, откуда открывается чудесный вид на долину Средней Ульбы. Река течет в узком ущелье, заключенная между устремленными в небо вертикальными скалистыми стенами, с севера на юг, теперь почти совершенно заполняя это ущелье. Высокие каменные стены, стоящие, как башни, перед рекой, вынуждают ее изменить свое русло в этом месте и повернуть почти под прямым углом с востока на запад, чтобы пробиться в широкую долину, в которой расположен Ульбинский редут. С этой вершины я мог обозреть как ущелье на севере, так и обширную долину на западе.

Перевалив эту вершину, мы вскоре оказались у русла Проходной. По ущелью, в котором течет эта маленькая горная речка, мы добрались до вершины Осиновой сопки, пройдя в высшей степени живописной дорогой. Представьте себе длинную-длинную долину, ширина которой у входа 50 шагов, но выше она быстро сужается, не превышая чаще всего десяти, а во многих местах — и пяти шагов. По обе стороны вздымаются очень высокие, большей частью крутые, порой совершенно вертикальные горы, скалистые массы которых зачастую голые и нередко имеют самые причудливые формы. На дне этого ущелья шумит и беснуется маленькая, разлившаяся теперь Проходная, которая, ударяясь о большие камни и скалистые массы, производит столь оглушительный шум, что нужно громко кричать, чтобы тебя понял сосед. Далеко выступающие каменные стены то справа, то слева сжимают эту маленькую горную речку на-

столько, что пришлось 31 раз переехать ее. Кое-где, над самыми глубокими местами, построены мосты, но некоторые были теперь разрушены половодьем. Вода часто доходила до брюха лошади. Течение было таким сильным, что лошади едва могли ему противостоять, и их все время сносило на несколько шагов, прежде чем они достигали противоположного берега. В одном месте левый берег возвышается вертикальной стеной, а с правого выступает огромная скалистая глыба и совершенно преграждает путь. Здесь построены два косых мостика, которые на левом берегу почти смыкаются и, таким образом, дают возможность объехать перегораживающую дорогу скалу. Пихты, осины и березы образуют во многих местах небольшие лесочки, а берега Проходной покрыты зарослями тала, боярышника кроваво-красного и т. д. Южные склоны гор были почти совершенно свободны от снега и украшены леонтицей, ветреницей алтайской, кандыком, гусятником нитевидным, а порой хохлаткой желтой, первоцветом весенним (?), пузырницей физалисовой и фиалкой холмовой (?). На берегах реки совсем нередко цвели, кроме упомянутых растений, и медунка мягко-пушистая, и мать-и-мачеха (*Tussilago Farfora*), а откосы скал были перевиты можжевельником казачьим (*Juniperus Sabina*), который тоже уже начинал цвести. Северные склоны были почти везде покрыты снегом. Чем выше мы поднимались, тем больше было снега, который у вершины достигал еще несколько футов в глубину. Вершину покрывал осинник, пока почти совершенно занесенный снегом, и брести по нему нашим лошадям было не сладко. Проехав немного вниз от Осиновой сопки, мы вскоре оказались в долине, где расположен Феклистовский редут. Эта долина лежит явно много выше долины Ульбы, что исчерпывающе доказывается наличием глубокого снега на всем протяжении подъема к Осиновой сопке и Феклистовке. В Ульбинске вовсю господствовала весна, здесь же была еще зима, и только кое-где виднелись начинающие развиваться кандыки, ветреницы алтайские и леонтицы.

По дну долины извивалась маленькая Феклистовка, которая во многих

местах была еще покрыта льдом. Долину окружали многочисленные горные вершины, и некоторые с северо-восточной стороны были особенно высоки. В Феклистовском редуте стоит 21 изба, и проживают в них 74 мужчины и 50 женщин. Пчеловодством здесь хотя и занимаются, но мало. Хлебопашество развито хорошо. Здесь также ткут холст.

Я спешил выехать из Феклистовска и поэтому торопил людей поскорее завьючить стоящих наготове сменных лошадей. Дорога на Северный (14 верст) идет во высокому плато, на котором выделяются лишь небольшие холмы. Всюду еще лежал снег, и однообразие этого пути временами сменялось широкой панорамой. Кроме многих близлежащих горных хребтов, на северо-западе и севере, я на юго-востоке мог видеть все Нарымские горы, а на юго-западе иногда очень хорошо была видна Монастырская сопка.

Северный редут находится в узкой долине у рч. Смолянки. Он состоит из 31 избы, в которых живут 27 служащих, 11 резервных и 11 отставных казаков-кантонистов¹ и 90 женщин. Пчеловодством здесь занимаются мало, но зато больше земледелием, которое хорошо вознаграждает. Ткут здесь также много, как правило, грубого холста. Из-за отсутствия лошадей я был вынужден здесь переночевать.

8 апреля я продолжил свою поездку. Дорога до Пихтового Седла была точно такой же, как и между Северным и Феклистовским редутами. От Пихтового Седла дорога снова пошла вниз по ущелью, где закончилось горное плато, поднимающееся в долине Проходной. Эта дорога необыкновенно похожа на дорогу вдоль Проходной. И здесь нам пришлось пробираться по глубокому ущелью и часто переезжать маленькую, текущую по дну речушку. Эта речка гораздо меньше и спокойнее, чем Проходная, но горы, окружающие ущелье, много выше и часто сформированы самым причудливым образом. С обеих сторон открывается множество боковых ущелий, которых в долине Проходной совсем нет. Пихты, сосны, березы и осины растут и здесь — в ущельях, на склонах и на вершинах гор, но лишь в некоторых боковых ущельях образуют настоящие леса. Мы свернули в боковое ущелье, налево от глав-

ной долины, которая идет вплоть до Иртыша, и примерно через две версты подъехали к Александровску.

Александровский редут находится в 20 верстах от Северного, он окружен высокими березками и состоит из 16 изб. В нем проживают 20 служащих, 4 резервных, 6 отставных казаков, 30 казаков-кантонистов и 35 женщин. Пчеловодством здесь занимаются мало. Хлебопашество развито более, а именно: здесь сеют (как и во всех других редутах) озимую и яровую пшеницу, яровую рожь, аглицкую ярицу (*Triticum polonicum*), а также немного ячменя и овса. Все эти виды зерновых, по-видимому, хорошо растут и дают высокие урожаи. Ткут здесь и холсты. Между Александровском и Бухтарминском обычно в это время косули переплывают Иртыш, чтобы все лето пастись в горах. Вчера несколько казаков поймали в Иртыше трех косуль живыми, а еще несколько застрелили, но я не мог взять ни одной шкуры, так как у всех были отрезаны головы и ноги.

Местность до Березовска холмистая, в некотором отдалении поднимаются тоже довольно высокие горы. Дорога становится легче, воздух теплее, и во множестве цветут местные весенние растения.

Березовский редут находится в десяти верстах от Александровска, здесь построены небольшая часовня, 28 изб, в которых живут 33 служащих, 8 резервных, 7 отставных казаков, 28 казаков-кантонистов и 92 лица женского пола. Отсюда начинаются гранитные горы, своей формой напоминающие горы у Колыванского озера и становящиеся все выше по мере приближения к Бухтарминску. Около шести верст приходится ехать вдоль странных гранитных гор своеобразной формы; затем дорога подходит к степной, все более расширяющейся к Бухтарминску долине, пересеченной лишь плоскими холмами, но, конечно, ограниченной высокими горами. На склонах этих гранитных гор цвели тюльпан поникающий, лютик многокоренной и бурачок Гмелина (?), а также распускали лист многоножка обыкновенная (*Polypodium vulgare*) и костенец северный (*Asplenium septentrionale*). Расстояние от Березовки до Бухтарминска составляет 15 верст. К вечеру я достиг Бух-

тарминска и вполне благополучно закончил свое путешествие от Усть-Каменогорска досюда, которое там мне рисовали чрезвычайно опасным, не попав под снежную лавину и не утонув в горной речке. Наоборот, величественная природа, великолепные и часто в высшей степени живописные пейзажи меня ошеломили и восхитили. Хотя, конечно, порой и здесь случаются снежные обвалы*.

Бухтарминск стоит на правом крутом берегу Бухтармы, приблизительно в версте от Иртыша. Крепость была заложена лишь в 1791 г., а к концу прошлого столетия уже построена и после открытия богатого Зырянского рудника вошла как форпост в состав протянувшейся к востоку Иртышской линии. Она очень мала, и включает в себя только госпиталь, несколько жилых домов и складов. Большинство жителей поселились севернее, на обнесенной рогатками равнине. Все жилые дома, а также церковь — деревянные, почти все маленькие и плохо построенные. В Бухтарминске около 800 жителей, почти сплошь военных, и здесь всего два купца, которые торгуют лишь немногими товарами и продают их очень дорого. Необходимыми товарами жителей снабжают главным образом уличные торговцы, которых здесь называют «суздаль»**. Эти торговцы являются сюда обычно по окончании Ирбитской ярмарки, где они выгодно сбывают свой товар, а здесь выменивают сельские продукты вроде меда, воска, холста, мехов и т. п. Всевозможные предметы роскоши местные богачи заказывают себе в Усть-Каменогорске. Некоторые китайские товары, например низшие сорта чая, грубый фарфор, шелк, табак, привозят с Нор-Зайсана, хотя и в очень незна-

чительном количестве. Рыбу ловят в Иртыше. Строевой лес уже теперь приходится везти издалека, с верховий Бухтармы.

Бухтарминск расположен на окруженной горами равнине. Поэтому, говорят, климат здесь здоровый, хотя и распространены частые и упорные перемежающиеся лихорадки. Весна, как правило, очень красивая и приятная, лето жаркое и обычно сухое, осень продолжается до середины ноября, когда нередко бывает, говорят, еще очень тепло; зима не очень сурова и морозы ниже -25°R , представляя большую редкость. Бесчисленные комары и мошки (*Bibio sanguinarius* Pall.) летом сущее бедствие, так что с мая и до конца сентября вечером нельзя выйти из дома без волосной сетки на голове*. Утверждают, что здесь примерно две трети жителей моложе 14 лет (и это, конечно, свидетельствует о большом приросте населения), причем часто рождаются и близнецы.

Пчеловодство пока незначительно, но развивается. Земледелие процветает и, насколько я мог понять из местных документов, обычный урожай здесь — сам-десять, хотя земля не удобряется, а при истощении старого участка запахиивается новый. Развито и скотоводство, и особенно потому, что сюда еще не проникла сибирская язва. Вода Бухтармы считается нездоровой; говорят, особенно она вредит всяким ранам, что вызвано, возможно, наличием в ней извести, так как река омыивает множество известковых гор. Воду Иртыша, наоборот, хвалят. Так же хороша ключевая вода и вода двух речек — Железенки и Урмухайки, но ключевой воды совсем мало, а те речки протекают слишком далеко, так что обычно пользуются водой Бухтармы.

Окрестности Бухтарминска представляют большой интерес для натуралиста и особенно для ботаника. Приблизительно в версте к северо-северо-западу от крепости начинается гряда гранитных гор, которая тянется до Березовского редута**. Гранит об-

* Чаще всего снежные лавины бывают в горах на Бухтарме. Так, зимой 1805 г. двое крестьян д. Ключевской были засыпаны снегом почти в десяти верстах от деревни. Несколько крестьян, сопровождавших обоих несчастных, оказались удачливее и поспешили обратно в деревню, чтобы позвать на помощь людей. Но когда подбежавшие крестьяне начали откидывать снег, возможно, слишком поспешно, вторая лавина погребла еще десять человек; восемь человек были спасены, но четверо лишились жизни. Подобные несчастные случаи, однако, редки. (Прим. автора).

** Жители г. Суздаля Владимирской губернии особенно склонны к торговле и, видимо, первые по России уличные торговцы, поэтому эти люди и получили общее прозвище «суздаль». (Прим. автора).

* В течение этого лета на гнус меньше жалуются и говорят, что с некоторого времени количество комаров и мошек уменьшилось. (Прим. автора).

** Эти гранитные горы продолжают с той стороны Бухтармы по Иртышу и тянутся почти до устья Курчума. Они образуют лишь узкую горную цепь, которую далеко превосходят по

разует почти горизонтальные толстые пласты, которые откалываются в длину и ширину почти точно под прямым углом, так что обломки образуют довольно правильные кубики и призмы. Выветривается и разрушается этот гранит тоже очень легко. Поэтому эти горы, получившие среди местного населения название Пли-тяшные горы, имеют вид огромных руин, старинных крепостей или замков. Странно также то, что не только на верхней грани скальных плит образуются часто очень глубокие котлообразные выемки, но что их находят часто и на нижних гранях. Случается, что верхние и нижние углубления сходятся, так что в плите как бы просверливается отверстие. Благодаря выветриванию и растрескиванию часто нижние слои разрушаются, и тогда каменные громады, вызывая поистине ужас, повисают без всякой опоры. Один небольшой холм севернее Мохнатой сопки настолько разрушен у основания, что он не только просвечивается насквозь во многих местах, но, если немного отгresti щебень, можно проползти под этим холмом. Мохнатая сопка здесь высочайшая гранитная вершина. Прежде ее покрывал густой сосновый лес, теперь на ней стоят лишь отдельные, большей частью корявые сосны и березы. На северном склоне есть ключ. Ручей, который здесь образуется, исчезает в нескольких шагах от своего источника в скальной расщелине, а дальше падает в Железенку.

Далеко за Бухтарминском, по ту сторону гранитных гор, вздымается очень высокая горная цепь из диабазы [Grünsteinschiefer], протянувшаяся с севера на юг. На эти горы я много раз поднимался близ маленькой речки Урмухайки* и радовался красивым растениям, которые там росли. Урмухайка возникает в высоких горах, прорезает, мчась по глубокой и узкой долине, эту горную цепь с запада на восток, и выше Бухтарминска падает в Бухтарму. Горная цепь близ этой речки носит название Урмухайской, или же Урумхайской.

высоте и протяженности лежащие за ней сланцевые горы. (Прим. автора).

* Чаше эту речку называют «Урмухайка», но некоторые зовут ее и «Урумхайка». Названа она так по имени одного калмыка, жившего когда-то на ее берегах. (Прим. автора).

Южный склон долины, по которой протекает Урмухайка, очень дик, крут и обрывист, северный же, наоборот, более отлог и менее разрушен. Камень кое-где прикрыт сухим дерном, но во многих местах он голый и твердый и выглядит как торец перерубленного древесного ствола. По берегам речки стоят красивые стволы тополя лавролистного, осины, некоторых видов берез, а также заросли нескольких тальников, боярышника кроваво-красного, жимолости татарской, крушины слабительной (*Rhamnus catharticus*), смородины черной и красной (*Ribes nigrum et rubrum*), калины (*Viburnum Opulus*), шиповников колючего и рыхлого (*Rosa altaica et laxa*), черемухи.

Из трав встречаются земляника лесная (*Fragaria vesca*), тысячелистник обыкновенный (*Achillea Millefolium?*), лапчатки серебристая, щетинистая и седоватая (*Potentilla canesceres*), володушка золотистая (*Bupleurum aureum*), мать-и-мачеха, полыни — горькая, рассеченная, Сиверса, холодная (*Artemisia Absinthium, laciniata, Siversiana, involucreata nob.*), чернوبыльник (*A. vulgaris*), гусытник нитевидный и другой новый вид этого рода, одуванчики лекарственный и кремовый (*Leontodon Taraxacum et Caucasicus?*), ветреница голубая (*Anemone coerulea*), чистотел (*Chelidonium majus*), собачья роза (*Lavatera thuringiaca*), зверобой продырявленный (*Hypericum songaricum*), люцерна серповидная, шпорник редкоцветный (*Delphinium laxiflorum*), борец высокий (*Aconitum septentrionale?*), хвощ (*Equisetum*), кошачья лапка, леонтица алтайская (*Lathyrus altaicas*), лютик золотистый (*Ranunculus auricomus*), фиалка холмовая (?) и другие виды фиалки, мытник, родственный уральскому (*Pedicularis comosae* aff.), ледевик душистый (*Hierachloa borealiis*), медунка мягко-пушистая, первоцвет весенний (?), василистник простой (*Thalictrum exaltatum*). Многие из этих растений я нашел вновь на берегах Железенки. На склонах гор я заметил также полынь скальную (*Artemisia viridifolia*), змееголовник болотный, прострел широкоцветный, ясенец (*Dictamnus*), вайду густоплодную (*Isatis dasycarpa*), репку Ливениуса (*Cotyledon Lievenii*), скрипун

гибридный, рябчик мутовчатый (*Fritillaria verticillata*), тимьян Маршала и богородскую траву, порезник бухтарминский, проскурин (*Athaea* n. sp.), прутняк (*Kochia prostrata*), лук шаровидный, линейный, красноватый (*Allium globosum?*, *lineare?*, *rubens?*), зизифору пахучковидную, тюльпаны поникающий и алтайский, копеечник бледноцветный (*Hedysarum splendens*), щетинник зеленый (*Setaria viridis*), ирис сизолистный новый и кукушья слезка (*Iris glaucescens* n. et *ruthenica*), репку колючую, хвойник (*Ephedra*), астрагал деревцовый (*Astragalus Arbuscula*), катунки (*Ceratoides diffusus* et n. sp.), шлемник приземистый (*Scutellaria lupulina*), василек сибирский (*Centaurea sibirica*), татарник огненный (*Cirsium igniarium*), мордовник (*Echinops* n. sp.), гониолимон красивый, качимы высокий и вильчатый (*Gypsophila altissima?* et *dichotoma*), новую валериану сомнительную (*Valeriana dubia* n.), онозму Гмелина (*Onosma Gmelini*), хориспору сибирскую, хохлатки благородную и Шангина (*Corydalis nobilis* et *longiflora*), новый пион степной (*Paeonia intermedia* n.), риндери обыкновенную (*Rindera tetraspis*), осоки блестящую и приземистую (*Carex nitida* et *supina*), проломник большой, новый сусак крупноплодный (*Cachrys macrocarpa* n.), дескурению София (*Sisymbrium multifidum?*), ширяш алтайский (*Eremurus spectabilis*), котовник украинский (*Nepeta sibirica*), лютик многокоренной, бурачок, родственный б. Гмелина (*Alyssum montano* aff.), лапчатку вильчатую, тырсу и ковыль перистый (*Stipa capillata* et *pennata*), пижму пижмовидную новую (*Pyrethrum incanum* n.), иксилирион татарский (*Amaryllis tatarica*), василистник изопироидный новый (*Thalictrum isopyroides* n.), василистник вонючий (*Th. foetidum*), молочай обыкновенный, бухтарминский новый (*Euphorbia Esula, buchtarmensis* n.), длиннокоренной молочай новый (*E. macrorrhiza* n.) и многие другие растения, определить которые еще невозможно. Склоны гор безлесны, и только кое-где на северных склонах растет несколько берез. На этих горах растут следующие кустарники: крыжовник игольчатый новый (*Ribes psilostylum* n.), таволги зверобоелистная, широколистная и кали-

нолистная (*Spiraea hypericifolia, chamaedryfolia* et *triloba*), дереза (*Robinia frutescens*) и желтая акация, можжевельник казацкий, курчавка кустарная (*Tragopyrum lanceolatum*), бобовник (*Amygdalus nana*), кизильник черноплодный, шиповник колючий.

На гранитных горах можно найти многие из этих растений, хотя многих и нет. Но заметил я здесь и такие растения, которые на Урмухайских горах не встречаются, например пустырник сизый новый (*Leonurus glaucescens* n.), купену лекарственную (*Convallaria Polygonatum*), ястребинку ядовитую (*Hieracium foliosum?*), клевер лупиновый (*Pentaphyllum Ammani*), крупку перелесковую (*Draba nemoralis*), жабник полевой (*Gnaphalium montanum*), камнеломку сибирскую, норичник алтайский (*Scrofularia altaica*), желтушник прямой (*Erysimum strictum*), гвоздику, коровяк обыкновенный (*Verbascum Thapsus*), проломник северный, малину обыкновенную (*Rubus Idaeus*), хохлатку демянкообразную (*Corydalis Gebleri*), грязник гладкий, скабиозу желтую (*Scabiosa ochrolauca*), костенцы волосовидный (*Asplenium Trichomanes*) и северный, папоротник (*Aspidium spec.*), пузырник ломкий (*Polypodium fragile*), воодзию обыкновенную (*P. vulgare*), бузину красную (*Sambucus racemosa*).

На равнинах во множестве росли ширяш алтайский, новый ирис сизолистный, кукушья слезка, лапчатки щетинистая, вильчатая, степная (*Potentilla, opaca?*), полынь скальная, гониолимон красивый, шалфей пустынный (*Salvia deserta*), верблюдка восточная (*Corispermum Pallasii*), астрагалы роговой и бухтарминский (*Astragalus Ceratoides* et *buchtarmensis*), гусятник нитевидный и новый?, тюльпан поникающий, прострел широкоцветный, стародубка сибирская (*Adonis villosa*), лютик многокоренной, хориспора сибирская, пион степной, риндери обыкновенная, осоки приземистая и твердоватая (*Carex stenophylla*), одуванчик кремовый, таволга зверобоелистная, проломники большой и северный, крупка перелесковая, онозма обыкновенная, бурачок маленький, родственный сибирскому (*Alyssum minutum, tortuoso* aff.), плоскоплодник льнолистный (*Meniocus linifolius*), валериан-

на клубненосная (*Valeriana tuberosa*), копеечник бледноцветный.

Крутой правый берег Бухтармы (там, где построена крепость) привлек мое внимание перемежающимися слоями гранита, гнейса своей образной формы, глинистого сланца с листовыми слюдами и мелкозернистого полевого шпата и кварца, а все это было покрыто гранитом. На скале рядом с крепостью показывают каменные следы четырех лошадиных копыт и двух человеческих ступней. Легенда повествует об одном герое, который, спасаясь от вражеского преследования, вскочил здесь на лошадь и благополучно перепрыгнул на ней через Бухтарму. В результате такого смелого прыжка, покрывшего почти полверсты, всадник и конь оставили на скале свои следы. По словам других, следы эти были высечены тогда, когда строилась крепость, но я не смог достоверно узнать, существовали ли они еще до прихода сюда русских.

В окрестностях Бухтарминска я нашел также насекомых многих видов, из которых я хочу назвать прежде всего следующие: афодий навозный (*Aphodius fimetarius*), подземный (*A. subterraneus*) и иложивущий (*A. lutarius*), коротконадкрылы-хищники (*Antrophagus nuchicornis, marginalis*), навозник (*Psamodius elevatus*), тускляк солнцелюбивый (*Amara apricaria*), бегун золотистый (*Harpalus aeneus*), чернотелка сибирская (*Tentyria sibirica*), листоед алтайский (*Chrysomela altaica* Gebl.), дровосек изящный (*Dorcadion politum*), травяной клоп (*Lygaeus equestris*), златка фиолетовая (*Cimea coeruleus*), златка роющая (*Buprestis fossulata* Gebl.), карапузик (*Hister bissextriatus*), кожееды: лисий (*Dermestes vulpinus*), рябой (*D. murinus*), отечественный (*D. domesticus*), красивый (*D. elegans* Gebl.), горбатка (*Mordella aterrima*), божья коровка изменчивая (*Coccinella mutabilis*), мертвоед ребристый (*Silpha carinata*), жужелицы — моховик (*Carabus aeruginosus*), *Omaseus melaureus, nigrita*, бегун рыжеватый (*Harpalus ruficornis*), казарка Вакха (*Rhynchites Bacchus*), чернотелки (*Tentyria abresciata, Platyselis hypolithus, Blaps reflexicollis*), майка гладкая (*Meloe laevigata*), нарывник горячий (*Mylabris calida*) и т. д.

На равнине между гранитными горами, Урмухайскими горами и Бухтарминском находится много старинных могильников. Большинство из них уже было раскопано. На некоторых могилах лежали камни с грубо вытесанными, еле различимыми человеческими лицами.

Среди людей, с которыми я здесь познакомился, наиболее интересными для меня были таможенный директор Брандт и отставной казачий ротмистр Вершинин и оба оказались настолько любезны, что по возможности поддерживали меня словом и делом. Первый (дедушка его после завоевания Риги поступил на русскую военную службу) — рачительный помещик, и, благодаря своей сельскохозяйственной деятельности, очень полезный в этой местности человек. Вершинин в течение нескольких лет был главным инспектором русского рыбного промысла в Нор-Зайсане и превосходно знает те места, как и верховья Иртыша и Тарбагатай. К тому же он очень популярен среди киргизов, знает их нравы, обычаи и нужды, и они нередко избирают его посредником, когда не в состоянии уладить свои споры. Без сомнения, Вершинин — это тот человек, в сопровождении которого можно безопасно и успешно объездить края, населенные грубым и разбойным народом. Я не жалел усилий и не скупился на обещания, чтобы завербовать его и убедить поехать со мной. Я, вероятно, добился бы своего, если бы болезнь и некоторые другие обстоятельства не удержали его. Впрочем, я был доволен уже и тем, что он дал мне множество добрых советов, обратив внимание на многое, что могло бы понадобиться мне во время путешествия, а главное, он пожелал проводить меня к султану кочующих у Курчума киргизов и рекомендовать меня самым настоятельным образом.

К сожалению, нельзя было устранить уже упомянутые препятствия, которые мешали осуществлению намеченного Вершининым несложного плана — добраться до Балхаша от Нор-Зайсана через Тарбагатай. Мне стоило большого труда убедить г-на Кузнецова, который на несколько дней позже меня прибыл в Бухтарминск, по крайней мере дать мне несколько казаков до Нор-Зайсана,

причем они получили распоряжение сопровождать меня только до окрестностей озера. Лошадей получить я не смог, и поэтому мне пришлось отправить свой багаж по воде, а для себя с помощью Вершинина удалось нанять лошадей у киргизов. И я решил, не смотря на все помехи, немедленно воспользоваться оказанным мне содействием и как можно скорее выехать, чтобы весну провести у Нор-Зайсана, так как до июня поездка к Тарбагатаю еще невозможна. А до того времени я надеялся, что генерал Капцевич в ответ на мою повторную просьбу, направленную отсюда, вышлет новое распоряжение, которое даст мне возможность продолжить путешествие к Тарбагатаю.

Но, прежде чем выехать из Бухтарминска, мне нужно было кое-чем запастись, что оказалось делом довольно сложным. Все продукты, в частности муку для ржаных сухарей, пришлось закупать на расстоянии 25 верст отсюда, в д. Таловке. На месте я не смог достать даже нескольких нужных мне досок. В бревнах здесь не было недостатка, но единственная имевшаяся в этой местности пила находилась в руках лейтенанта артиллерии, а он был довольно нелюбезен и не пожелал дать ее мне на некоторое время. Пришлось бы мне вторично посылать в Таловку, если бы местный священник не оказался более любезным человеком и не одолжил мне немного тесу. Нелегко было найти и хорошую лодку, так как рыбаки угнали почти все подходящие лодки. В конце концов я нашел одну, но она была настолько повреждена, что ее надо было чинить и заново конопатить. Мало-помалу все ремесленники оказались в работе. Несколько портных из казаков под руководством Вершинина шили палатки; было изготовлено несколько сундуков; в военной хлебопекарне для нас сушились сухари и т. д. Но у меня была еще одна забота. Чтобы нанимать у киргизов лошадей, выменивать овец и многое другое, мне нужно было иметь запас разных тканей. Однако раздобыть эти вещи здесь было нельзя, и мне пришлось бы посылать за ними в Усть-Каменогорск, если бы по счастливой случайности тут не оказался суздаль, который и предложил мне эти товары.

Вершинин потратил добрую половину дня в поисках вещей, которые понравились бы киргизам. Больших трудов стоило таможенному директору убедить суздаля не злоупотреблять моим затруднительным положением. Наконец, мне удалось выторговать за сносную цену несколько сот аршин нанки, грубого ситца, набивного полотна и дюжину платков, так что я, с помощью Вершинина, был надолго обеспечен товаром. Но приготовления сильно затянулись в связи с тем, что как раз шла последняя неделя великого поста, и мне приходилось много раз ходить по одному и тому же делу, а потому Пасху я вынужден был праздновать в Бухтарминске.

Не могу не упомянуть о некоторых обычных здесь народных средствах. Водосбор липкий (*Aquilegia grandulosa*), называемый здесь «травя трехцвет», собирается обычно во время цветения и хранится в высушенном виде. Настойка из сухой травы употребляется почти от всех болезней, для лечения как маленьких детей, так и взрослых. Она, видимо, сильнодействующее потогонное и слегка дурманившее средство, и, говорят, помогает при ревматизме и поносах. При лихорадке употребляется настой смолоночницы среднеазиатской (*Assa foetida*), а также настойка скальной полыни, хотя и не всегда с успехом. Отвар корня хохлатки благородной, по словам Вершинина, очень хорошо действует при лихорадке*.

Отъезд мой затянулся до 25 апреля. Правда, я мог несколькими днями раньше закончить все мои сборы, но Вершинин еще задерживался. Наконец, около середины упомянутого дня мы выехали из Бухтарминска.

* Я хочу упомянуть об еще одном народном средстве, употребляемом в Валахии. Господин статский советник Брандт рассказал мне историю одной болезни, которая развевывалась на его глазах. Один его близкий знакомый заболел лихорадкой, и ему не мог помочь самый заботливый уход врачей. Страдания продолжались уже с год, образовались опухоли, и он не мог сделать ни шага без того, чтобы не чувствовать острой боли. Тогда одна валашка посоветовала ему растолочь свежего живота и положить это на всю нижнюю часть живота. Больной последовал этому совету, и, к немалому удивлению знакомых, через несколько дней совершенно поправился. Г-н Брандт, сомневаясь в добросовестности которого у меня нет никаких оснований, уверял меня, что было еще несколько подобных случаев, когда раки оказывались действенным лечебным средством. (Прим. автора).

ПОЕЗДКА ИЗ БУХТАРМИНСКА К НОР-ЗАЙСАНУ.
ЭКСКУРСИЯ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ.
ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУХТАРМИНСК

Прошло несколько часов, прежде чем мы со всеми вещами и лошадьми переправились через Бухтарму, так как река стала весьма бурной и переход через несколько островов и мелей очень затянулся. Правый берег Бухтармы сложен в основном из крутых скалистых стен, левый же берег, наоборот, совершенно отлогий и теперь во многих местах стоит под водой. Берега и острова заросли тополем лавроволистным новым, ивой нескольких видов, черемухой (*Prunus padus*), боярышником кроваво-красным, крушиной слабительной, березой бородавчатой (*Betula alba*), шиповниками, малиной (*Rubus Idaeus*). Кроме того, я увидел почти исключительно общераспространенные болотные растения вроде кулужницы болотной (*Calthea palustris*), осоки лесной (*Carex sylvatica*), черного папоротника (*Struthiopteris germanica*), лютика золотистого и т. д.

Первые шесть верст мы двигались по плоской долине, затем перевалили несколько холмов, а потом приблизились к высоким горам. Примерно в пяти верстах от Бухтарминска от главной дороги, которая и шире, и выше расположена, отъезжается другая, идущая вдоль Иртыша, здесь можно проехать только при низком уровне воды. Дорога берегом Иртыша была затоплена, и нам пришлось с великим трудом карабкаться по скалам. Вокруг вздымаются гранитные горы, главная вершина которых называется Войлочной сопкой.

Я заметил здесь те же растения, что и в окрестностях Бухтарминска, только эти развились гораздо сильнее, и среди них осока корневищная новая (*Carex pediformis* n.). Объехав Войлочную сопку, мы оказались в степеподобной долине, где во многих местах проступал налет глауберовой соли. Здесь росло много касатика тонколистного (*Iris tenuifolia*), который, к сожалению, почти отцвел. На

этой равнине я видел также несколько старых могил, почти сравнявшихся с землей и заметных только по кругу из камней, торчащих из земли*.

Вороной редут, находящийся в 15 верстах от Бухтарминска, стоит на ровном месте у Иртыша. В нем 12 изб, а также 12 служилых, семь резервных и один отставной казак, 18 казаков-кантонистов и 44 женщины. В нескольких верстах от редута зырянская руда грузится на суда и перевозится вниз по Иртышу до Усть-Каменогорска. Примерно в двух-трех верстах к северу от редута видны гранитные горы средней высоты. На левом же, противолежащем, берегу Иртыша поднимаются высокие горы (состоящие, как мне кажется, из глинистого или роговообледного сланца, но уж, во всяком случае, не из гранита). Эти горы всю ночь были объаты пламенем, потому что там жгли прошлогодние травы, и представляли собой великолепное зрелище. На западе же, по левому берегу Иртыша, идут гранитные горы, местами заросшие сосной. Зимой немало ее срубается казаками.

Урожай в этих местах бывает в среднем 160 пудов с 12 пудов семенной пшеницы, нередки и более богатые урожаи. Многие казаки плавают на своих лодках через Нор-Зайсан рыбачить в верховьях Иртыша, и Вершинин считал, что добраться до истоков Иртыша вовсе не трудно. Вершинин очень хвалил старые, нередко столетние, пулевые ружья киргизов. По его словам, несмотря на то, что ружья эти очень стары и что киргизы всегда заряжают их железными, лишь залитыми свинцом, пулями, они бьют очень точно. Хотя киргизы, сказал он, делают и порох,

* Множество точно таких же могил встречаются между Кар-Каралы и Алтын-Тюбе... Очень вероятно, что они сделаны одним и тем же племенем. (Прим. автора).

он неважный, а китайский порох тоже не особенно пригоден.

Утром 26 апреля мы выехали из Вороного и направились своим путем, в основном по равнине или по невысоким холмам, то приближаясь к Иртышу, то снова удаляясь от него. Местность и растительность здесь почти те же, что и у Бухтарминска. Но я здесь нашел несколько незамеченных там растений, например, казельцы австрийский и шишконосный (*Scorzonera austriaca et tuberosa*), осоку раннюю (*Carex Schreberi*), резуховидку Таля (*Arabis Thaliana*) и один новый прелестный астрагал (*Astragalus*), который, раскинувшись по земле, образовал большой плотный ковер.

Расстояние между Вороным и Черемшанским редутами хотя и определяют в 28 верст, но я думаю, оно вряд ли превышает 22 версты. И наоборот, расстояние между Вороным и Бухтарминском несомненно весьма занижено.

Черемшанский редут расположен тоже на Иртыше. В нем 11 изб, 15 служилых, 7 резервных казаков, 21 кантонист и 33 особы женского пола. Я не мог удержаться от того, чтобы не побывать на горе, находящейся севернее редута, примерно в четырех верстах от него. Своим видом она точно напоминает Урмухайскую гору близ Бухтарминска, и на ней в общем произрастают те же растения, хотя многие и отсутствуют. Зато я нашел здесь подмаренник ложный (*Galium spurium*), жимолость мелколистную, коровяк фиолетовый (*Verbascum phoeniceum*), лук тюльпанолистный (*Allium tulipaefolium*), дрему липкую (*Silene viscosa*), камнеломку сибирскую, крупку седоватую (*Draba contorta?*), вайду густоплодную (*Tsatis dasycarpa*), пажитник тонкий (*Trigonella striata?*), красивые новые резухи полкустарные (*Arabis fruticulosa* n.), новую смородину разноволосую (*Ribes heterochum* n.) и новую льнянку (*Linaria*) с фиолетовыми цветами. Между камнями я обнаружил скорпионов, бегунов (*Harpalus signatus*), слизнеда разорванного (*Chlanius spoliatus*), жу-желицу красногую (*Cymindis rufipes* Gebl.) и некоторых других насекомых.

Возвратившись со своей экскурсии, я отправился в Красные Ярки

(16 верст). Вершинин со всем багажом выехал раньше. Сначала дорога шла между горами и по низким холмам, на которых цвело множество астрагалов новых холодных (*Astragalus apricus* n.), и одна, тоже образовавшая большой ковер, лапчатка (*Potentilla*). Проехав большую часть пути, мы оказались на сухой, безводной равнине, которая тянется до Красных Ярков, куда мы добрались уже поздно вечером. Этот редут тоже стоит у Иртыша. В нем 12 изб, 24 служилых, 7 резервных и 3 отставных казака, 13 казаков-кантонистов и 28 женщин. Избушки здесь, показалось мне, покосились и обветшали больше, чем в других редутах, где я почти всегда находил небольшой уютный дом с чистыми комнатами. Мне пришлось остаться здесь на 27-е, и я воспользовался этим для осмотра и упаковки собранных растений. Вторую половину дня я мог посвятить обследованию окрестностей. Сухая долина, в которой расположены Красные Ярки, небогата растениями, но там цвело множество бурачка маленького, плоскоплодника льнолистного, дымянки аптечной (*Fumaria officinalis*), липучки пониклой (*Echinopspermum patulum*). Примерно в двух верстах оттуда есть несколько невысоких гранитных холмов, где я нашел красивую льнянку с фиолетовыми цветами, козелец, родственник прямому (*Scorzonera villosae* aff.), козельцы шишконосный, австрийский (?), козлобородник красный (*Tragepogon ruber*), а под камнями — скорпиона (*Scorpione*) и сколопендру кусучую (*Scolopendra morsitans*). Еще верст через шесть поднимаются высокие горы, побывать на которых мне не удалось. К юго-востоку от тех гранитных холмов почва большей частью песчаная, наносная. От Красных Ярков вверх по Иртышу тянется ряд плоских песчаных холмов, и на них растут астрагал роговой (*Astragalus ceratoides*), бурачок маленький (*Alyssum minutum*), плоскодонник (*Meniocus*), липучка пониклая (*Echinopspermum patulum*), немало солодки голой (*Glycyrrhiza glandulifera*) и т. д. В вертикальной стене холма галки выдолбили себе бесчисленные норы и в них гнездятся. По песку ползли полчища рогачей пес-

чанных (*Trox sabulosus*), а на падали я нашел мертвоедов остроплечего и матового (*Silpha sinuata* et *opaesa*). Сыроватые луга заполонил клоповник крупковидный (*Lepidium Draba*).

На левом берегу Иртыша, напротив редута, раскинулись довольно высокие горы. На востоке, по ту сторону Нарым-реки, были видны высокие и средние Нарымские горы, которые, покрытые глубоким снегом, имели импозантный вид. К этим горам примыкают на юго-западной их оконечности Курчумские горы, которые по высоте лишь немногим им уступают. Последние тянутся с северо-востока на юго-запад, первые же почти прямо с юга на север. От такого положения гор зависит и Иртыш, который течет параллельно Курчумским горам, почти строго с юга на север, но ниже впадения Нарыма сворачивает к западу до устья Бухтармы, омывает северные подножия небольших гор, а от устья ее пролагает себе дорогу через высокие отроги Бухтарминских и Ульбинских гор и затем близ Усть-Каменогорска выходит из гор, чтобы оросить равнину, раскинувшуюся к западу от Алтая.

Отец моего хозяина, старый казак, принимал участие еще в незадачливых походах Пугачева; теперь уже 48 лет от живет в Сибири вполне благополучно. И теперь полон дом его детей и внуков. Он и поныне с радостью вспоминает то время, когда шеф Иркутского драгунского полка полковник Аршеневский велел доставить сюда пчелиные улья (в 1793 или 1794 г.), чем положил начало пчеловодству, которое обеспечивает теперь благосостояние многим жителям. В окрестностях Бийска, говорят, встречается много одичавших пчел, и местные жители осенью отыскивают борти и выбирают мед. Имя Аршевского произносится местными старожилками всегда с любовью и благодарностью.

Наша дорога вела нас к Курчумским горам и, достигнув гор, мы подъехали вплотную к их подножиям. Вскоре мне представился случай видеть, как киргизы обрабатывают свои поля. Их плуг совсем несложен. На некоем подобии дышла укреплен простой маленький лемех, чтобы все это сделать устойчивее, лемех связы-

вается с дышлом с помощью перекладины. Кончик лемеха сделан из железа шириной, однако, не более трех дюймов. В этот плуг, который с легкостью мог бы переносить мальчик, впрягается пара волов или верблюдов. Каждое из животных ведет нагой загорелый киргиз, а третий вдавливают конец лемеха в землю. Так делаются узкие, неглубокие, плоские, далеко отстоящие одна от другой борозды, причем больше половины почвы остается невспаханной. В чуть взрыхленную почву засеиваются семена. Посев слегка присыпается землей, а затем по пашне протаскивают деревянный каток или вязанку таволжника.

К обоим концам этой вязанки привязаны веревки из верблюжьей шерсти, чтобы припрягать быков. Несмотря на такую плохую, совершенно небрежную обработку земли, зерно прорастает превосходно и дает богатые урожаи. Этого киргизы достигают обильным орошением, на что они мастера. Поля их делятся продольными и поперечными бороздами на множество четырехугольников; к этим бороздам они подводят, иногда за много верст, маленькие ручьи, запруживая каналы, по которым вода идти не должна, и открывая те, по которым хотят ее пустить. Вся эта система сходна со способом орошения садов у крымских татар и так же успешно применяется. Выгодность такого орошения начинают понимать и казаки, и некоторые из них уже переняли у киргизов этот способ. Впрочем, сеют киргизы мало и ограничиваются небольшим количеством проса и ячменя или совсем уж редко пшеницы.

С Нарымских и Курчумских гор стекает множество горных речек. Особенно богаты ключами и болотисты, по-видимому, Нарымские горы, потому что даже летом они во многих местах непроходимы. На защищенных местах северных склонов этих гор снег не стает до конца и летом.

Я не мог упустить возможность поехать по предгорьям Курчумских гор. Они чаще всего состоят из гранита, реже из глинистого сланца. Растительность мало отличается от той, которую я видел близ Бухтарминска. Здесь я нашел, впрочем, новую валериану сомнительную и незабудку азиатскую (*Hyosotis alpestris*),

а также начинавший цвести кизильник черноплодный. На равнинных местах нередко попадались астрагал алтайский (*Astragalus longiflorus*) и герань клубневая (*Geranium tuberosum*), но меня больше обрадовал красивый новый остролодочник, который рос на самых сухих гранитных площадках. Из насекомых то и дело встречался нарывник четырнадцатиточечный (*Mylabris 14-punctata*). При этом, однако, мы немного запоздали: уже начинало темнеть, а до цели сегодняшнего перехода оставалось еще десять верст. К тому же собиралась гроза, и нам пришлось во весь мах гнать лошадей, чтобы избежать надвигавшегося ненастья. Наконец, часов в десять, в полной темноте, мы подъехали к берегу Иртыша напротив русского пикета.

У русских здесь построены плохонький блокгауз, баня и тростниковая избушка с тремя бумажными окнами и тремя маленькими комнатами. В блокгаузе живут казаки, в избушке — офицер. Остров сильно зарос тростником (*Arundo Phragmites*), который пытаются уничтожить, поджигая его. На открытых сухих местах я нашел клоповник безлепестной (*Lepidium incisum*) и рогозавник пряморогий (*Ceratocephalus orthoceras*). Луговые растения развились еще слабо, и определить их было трудно. На берегах оказалось несколько видов тальника, общих с теми, что растут по Иртышу и Бухтарме, но нигде нет ни дерева, ни кустарника, поэтому здесь ощущается недостаток дров. Хотя попадаются порой здесь утки, гуси и бекасы, но они очень пугливы. Встречаются также ежи ушастые (*Erinaceus auritus*), но крайне редко, хотя прежде, говорят, их было больше.

Казаки понемногу начинают сажать здесь овощи, но только в очень небольшом количестве, и главную их пищу составляет рыба, которую им завозят возвращающиеся с лова рыбаки, так как щука и другая рыба им не по вкусу, а осетров в этом месте Иртыша почти нет. Прочие же продукты — хлеб, иногда также мясо и т. п. — они получают из Бухтарминска и Красных Ярков.

Окрестности кажутся пустынными и покинутыми; почва почти всюду высохла и лишь кое-где слегка при-

крыта зеленью. Примерно в четырех-пяти верстах от правого берега Иртыша параллельно реке тянутся Курчумские горы. Отсюда они кажутся крутыми, голыми; на уходящих в небо скалах, местами покрытых снегом, совершенно не видно зелени. Говорят, что в горах довольно много дичи, особенно косуль, которых здесь обычно называют дикими козами; часто попадаются и суслики. На западе, на расстоянии примерно 60 верст, видны другие горы, которые русские называют Войлочными. Они якобы тоже лишены леса, но там очень много диких животных, и туда иногда приезжают поохотиться русские. Близ острова находятся лишь незначительные пологие холмы. Примечателен холм на правом берегу, около лагеря калмыков, возникший потому, что каждый калмык, совершая утреннюю молитву, бросает свой камень на уже накиданную кучу. Холм этот не малый и ясно доказывает, что это место служит лагерем уже много лет.

Поскольку сегодня мы не смогли ехать дальше (Вершинину, несмотря на его старания, еще не удалось набрать нужного числа лошадей), то у меня возникло огромное желание совершить маленькую экскурсию в лежащие предо мной горы. Я распорядился быстро оседлать трех лошадей и отправился с двумя провожатыми, хотя начинался сильный дождь. Отъехав всего несколько шагов от берега Иртыша, я нашел на сухой солончаковой почве немало клоповника пронзенного (*Lepidium perfoliatum*) и разноплодника прямого (*Chorispora stricta*). Разноплодник мне был особенно приятен, так как породил надежду отыскать в местных солончаковых степях еще несколько растений, которые прежде встречались только близ Индерского озера.

Как только мы достигли подножия горы, с ее вершины сползла стая густых облаков, и мы, окутанные плотным туманом, вдобавок изрядно промокли на сильном дожде. О подъеме на гору нечего было и думать: погода становилась настолько неприятной, а мои люди были так раздражены, что я был вынужден повернуть домой. Но думаю, я был до некоторой степени вознагражден находкой рисовидки бухарниковидной (*Milium holciforme*) и столь редко встречающейся таран-

тушки (*Ribes saxatile*), которая уже почти отцвела. Кроме того, я заметил ясколку горную, герань клубневую, крушину слабительную, шиповник колючий и жимолость татарскую.

Вернувшись домой, я увидел калмыков, которые явились с визитом к русским. Они были одеты в грязные лохмотья, их типично калмыцкие лица были очень смуглы, чему, конечно, немало способствовала их крайняя нечистоплотность. Они с большим вниманием и удивлением рассматривали наши вещи и все время были заняты тем, что набивали маленькие латунные головки своих трубок, выкуривая их в несколько затяжек. Впрочем, они выказывали в своем поведении много добродушия, дружелюбия и веселости, не обижаясь на поддразнивания русских.

1 мая я приказал своим казакам готовить лодку; и вскоре мы оставили Баты позади и направились в горы, к брату живущего у Тарбагатая султана Камбара*.

Вскоре мы достигли ущелья. В нем дорога идет вдоль многоводной теперь горной речушки и выводит на вершину горы. У подножия горы я нашел новую красивую льянку с коричневыми цветами. Чем ближе мы были к вершине, тем все более вступали опять во владения начинающейся весны, и растения, которые давно уже отцвели у подножия гор, здесь, близ вершины, в окружении тающего снега, только начинали цвести. Особенно много было леонтицы алтайской и ветреницы алтайской (*Anemone altaica*). Примерно на середине горы оказались еще не цветущие ивы, а дальше — красивые березы. На солнечных высохших склонах у подножия горы я нашел веронику двухлопастную (*Veronica biloba*), которая как раз начинала цвести. Мало

приятен мне был холод, который господствовал на высоте.

Добравшись до вершины горы, мы очутились на обширном плато с невысокими холмами. На этом плоскогорье жило множество киргизов, которые в апреле перекочевывают сюда с равнин у Иртыша, Курчума и Нор-Зайсана, летом постепенно движутся к снежным альпам Курчумских и Нарымских гор, а осенью снова спускаются на равнину, чтобы там перезимовать. Так они со своими стадами избегают летних мучений равнин, ибо здесь нет комаров и мошек, а если есть, то совсем мало. В превосходных же пастбищах здесь недостатка нет.

Мы миновали множество ключей и влажных лугов, где цвели красивая крупка сибирская, сурепица (*Barbarea iberica?*), а на сухих местах — кукушкины слезки. На этих влажных лугах обитали красноносые нырки (*Anas rubina*), и одного из них нам удалось убить.

Проехав мимо несколько юрт, мы остановились у одного киргиза, который был знаком Вершинину. Нас угостили кумысом, а затем дали свежих лошадей и одного верблюда для перевозки багажа. Мы отправились дальше и, двигаясь то по сухой, бесплодной почве, то через небольшие ручьи с почти болотистыми берегами, к вечеру достигли аула султана Кулликса (близ источника Джинишкала), приблизительно в 25 верстах от Баты.

К сожалению, мы не застали ни брата, ни племянников Камбара. Старик уехал навестить своего тестя, а его сыновья провожали его до Курчума. Однако мы сразу же устроились в одной юрте, и к ужину нам закололи козу. Вечером нас окружила толпа киргизов, некоторые из которых играли на кобысе. Этот инструмент очень похож на скрипку, но без верхней деки. Струны, число которых неопределенно, сделаны из конского волоса. На нашем их было четыре, иногда, говорят, бывает только две. Играют маленьким смычком, совсем как на скрипке. Мелодии были простые, лаконичные и часто повторялись. Несложен был инструмент, исполняемые мелодии тоже, но все они не были лишены известной гармонии. Особенно хорошо играл молодой человек лет 16—17. Затем появилась сваренная в соленой воде

* По словам Вершинина, следует произносить «Камбар», «Хальджирван» и т. д., а не «Гамбар», «Гальджирван». Но, хотя Вершинин в совершенстве владеет киргизским языком, тем не менее я, внимательно вслушавшись в произношение киргизов, установил, что неверно ни то, ни другое, ибо киргизы произносят «Хамбар», «Хальджирван». Они в основном говорят также «Хара», а не «Кара»; «Курчум» так же, как я слышал, произносится иногда «Хурчум». Впрочем, в быстрой и оживленной речи киргизов очень трудно уловить своеобразное звучание многих букв. Еще хочу заметить, что султан получил имя Камбар, означающее «ладонь, полная крови», потому, что он при рождении в сжатой ладони держал сгусток крови. (Прим. автора).

козлятина, которую поставили перед нами в трех мисках: одну — нам с Вершининым, две других — нашим людям. Нас окружал тройной круг киргизов, которые с жадностью хватали каждый кусок мяса и каждую кость, которую им давали. Не прошло и получаса, как вся коза была съедена.

Время до возвращения сыновей султана я использовал на то, чтобы побродить по окрестностям. На всем плато попадались отдельные плоские холмы и узкие неглубокие лощины, в которых тут и там журчали небольшие ключи, берега которых, по крайней мере теперь, были сильно заболочены. Основной горной породой был глинистый сланец, то и дело встречались гранитные вершины, а порой чистый кварц. По берегам ручьев и на болотистых местах росло довольно много тала, который ничем не отличался от виденного нами у Бухтарминска, у Нарыма и т. д., и одна лишь ива притычинковая (*Salix pentandra*), была похожа на дерево. Были здесь и отдельные березы. Очень часто попадались заросли таволг зверобослистной и калинолистной, шиповника колючего, кизильника черноплодного, волчегородника алтайского (*Daphne altaica*); из всех кустарников лучше всего горят таволги. Многие из собранных у Бухтарминска растений я нашел и здесь, например, рябчик мутноватый (*Fritillaria verticillata*), пион степной новый, осоку приземистую, оносму Гмелина, валериану клубненосную, горошек алтайский, змееголовник болотный, мытник, родственник уральскому. Нередко здесь встречалась также лапчатка, которую я прежде видел лишь у подножий гор. На болотах по берегам ручьев рос рябчик малый (*Fritillaria minor*), на сухих лугах кишел бузульник алтайский (*Senecillis glauca*); в расщелинах скал, на совершенно сухих местах, нередко встречался мытник тысячелистный (*Pedicularis achilleaefolia*), который только что начинал цвести: мытник, родственник уральскому (*Pedicularis comosae* aff.), напротив, почти уже полностью отцвел. Вероника широколистная (*Veronica Teucrium*) только начинала раскрывать почки. Кроме названных растений, я нашел красивый астрагал, до

некоторой степени родственный астрагалу роговому. Вообще местную флору нельзя назвать богатой. Конечно, развитие многих растений задержала суровая погода, так как каждую ночь все ключи и ручьи покрывались льдом толщиной в палец, а днем обычно дул такой холодный ветер, что нам с трудом удавалось согреться. Киргизы говорят, что они много лет не знали такой холодной весны. Из птиц я заметил здесь только кукушку (*Cuculus canorus*) и довольно много перепелов. В охоте на них киргизы проявляют особую ловкость. Когда киргиз верхом преследует перепела, он замечает место, куда птица садится. Затем много раз объезжая это место размашистым галопом, он все более сужает круги. Увидев перепела, он соскакивает с лошади и убивает его плетью, часто одним ударом, лишь в очень редких случаях упуская добычу.

Поскольку молодые султаны еще не вернулись, а мы узнали, что они задержались в соседнем ауле, сегодня я отправил к ним моих казаков, чтобы известить их о нашем приезде и наших планах и попросить как можно скорее вернуться. Старший брат приехал после полудня и сразу же навестил нас. Я угостил его чаем, который он очень охотно выпил, а затем через Вершинина передал свою просьбу, дать мне лошадей и проводника. Однако он не стал ничего решать до возвращения своих братьев, один из которых приехал еще вечером, а самый младший только в четвертом часу утра. До прибытия своих братьев старший султан занимался своеобразным гаданием: 24 пары маленьких круглых камешков сдвигаются в кучу, затем, после того как предмет, о котором хотя бы спросить оракула, определен, вопрошающий оракула произносит особую ритуальную формулу. Однако молодой султан заставил другого произнести ее, а сам, пока тот произносил волшебную формулу, держал свою ладонь на руке говорящего. Затем он разделил, не считая, камни на три кучки, а потом откладывал от первой кучки по четыре камешка сразу снова в три кучки, а остаток, если он был, образовывал четвертую кучку. Если же в первой кучке до деления бывало не больше двенадцати камешков, то получа-

лось только три кучки. Такое же разделение было проделано и с двумя другими кучками, и отсчитанные камешки были сложены перед первым рядом. По числовому соотношению разложенных в три ряда кучек и их положению в отношении одна к другой пророчествуют об интересующем предмете. Раскладкой камешков приходилось заниматься чаще всего Вершинину и не всегда способ разделения был таким, какой описан. Иногда бывало, что вместо четырех камешков брали по три или только по два. В последнем случае, камешки делятся сначала не на три, а на четыре, пять и шесть кучек, а затем каждая из них раскладывается на четыре меньшие кучки.

Старший султан — среднего роста, худой и болезненный — был приветлив и обходителен. Но его второй брат — толстый, сильный мужчина, слышавший первым силачом в волости — был, наоборот, необычайно чванлив, высокомерен и довольно пренебрежительно обращался со всеми окружающими. Третий же брат, почти великан, несмотря на свою молодость (ему было от силы лет 18—20), был уже необычайно дородным*. Вел он себя как неуклюжий медведь, не обнаруживая, однако, высокомерия, присущего среднему брату. Эти три султанских сынка, со своими доверенными, — которые их всюду сопровождали и обязаны были служить им в качестве слуг, шутов, а иногда на часок или на несколько часов и подушкой — да еще с киргизом, старым добродушным человеком, у которого мы 1 мая меняли лошадей — полдня просидели в палатке, угощаясь чаем.

Я, разумеется, выдывал, как многие русские купцы пьют чай, но тут мой прежний опыт весьма обогатился, и я не преувеличу, если заверю, что каждый из юных султанов выпил, самое малое, по 20 больших полных чашек! Наконец, будучи не в состоянии больше пить, они приня-

лись обсуждать мою просьбу о лошадях и проводнике. Сначала они потребовали за каждую лошадь по две дабы (кусок грубой китайской хлопчатобумажной ткани определенной величины) в месяц, или почти по восемь рублей ассигнациями в здешних ценах. Когда я сказал, что у меня, конечно, русские, а не китайские товары, они начали упрашивать меня хотя бы показать им эти товары. Вначале я намеревался уступить им настолько, насколько это допустимо. Однако вскоре убедился, что таким путем цели не достигнешь, ибо стоило мне пойти на некоторые уступки, как они сразу же повысили цену, после чего плата за пару лошадей в месяц была установлена в 15 аршин нанки. Я уже надеялся, что неприятнейшее дело будет улажено, но они придумали новую хитрость в расчете добиться от меня большего, заявив, что мой аршин мал и что я должен пользоваться другим, который был длиннее на $1/8$. Поскольку я не захотел терпеть такой произвол, они объявили, что торг прекращается, и совершенно отказались дать мне лошадей для дальнейшей поездки, так что даже Вершинин потерял всякое терпение, обвинил их во лжи и потребовал лошадей на обратную дорогу в Баты. Это оказалось единственным способом покончить сделку. Убдившись, что я не намерен удовлетворять их все возрастающие требования и что мы твердо решили вернуться обратно, они стали уступчивее, и я получил, наконец, восемь лошадей на один месяц за 61 аршин нанки, причем мне пришлось взять еще на себя обязательство каждую пропавшую лошадь заменить трехлетней кобылой. Верные своей мошеннической натуре, они пытались подсунуть мне слабых или больных лошадей, и Вершинину пришлось немало потрудиться, чтобы получить хороших, здоровых лошадей. Я был бесконечно рад видеть, что с этим делом покончено. Но у меня еще не было проводника. Заполучить его мне удалось лишь на следующий день после продолжительного торга, когда я, пожалуй, раз десять терял надежду добиться своей цели.

5 мая, около полудня, нам удалось, наконец, расстаться со своими киргизами, а так как в этот день предстоя-

* Дородность среди знатных и зажиточных киргизов весьма обычна, и мне впоследствии приходилось видеть несколько киргизов, которые, благодаря своей необыкновенной полноте, определенно вызывали бы всеобщее почтение. Киргизы из бедных, низших сословий, а особенно государственные крепостные, напротив, почти всегда худы и тощи, главной причиной чему являются скудные заработки.

ло доехать до Курчума, который находится на расстоянии 40 верст, то мы спешно двинулись в путь. Сначала мы ехали по плоскогорью на восток, пока не достигли ущелья, которое служило ложем для р. Джиниш-кала («Мелкая река»). По этому глубокому, богатому растительностью ущелью, для обследования которого у нас, к сожалению, не хватало времени, мы вышли из гор. Теперь дорога пошла по невысоким холмам, которые, все более понижаясь, привели нас к двум речушкам — Карасиок («Черное седло») и Ушбулак («Три реки»). Перейдя их вброд и поднявшись на небольшой пригорок, мы оказались в степи, которая тянется до Курчума. Степь эта — сухая, местами солончаковая, заросшая спиреей и дерезой вперемежку с полынью и другими растениями, большей частью еще не цветущими. В девять часов вечера мы добрались, наконец, до Курчума, где и разбили свой лагерь под превосходными тополями.

Я собрал в этот день немало прекрасных растений, так как, несмотря на спешку, не мог удержаться от того, чтобы не сосканивать с лошади и не брать украшения местной флоры. Из новых растений я нашел здесь конгер-бас (*Poa bulbosa vivipara*), воробейник полевой (*Lithospermum arvense*), шренкию влагалищную новую (*Cachrys vaginata* n.), сассыр зубчатый (*C. odontalgica*), стародубку летнюю (*Adonis parviflora*), льнянку алтайскую (*Linaria altaica*), желтушник прямой (*Erysimum lanceolatum?*), астрагал деревцовый (*Astragalus arbuscula*), превосходный крупноплодник большеплодный (*Megacarpa laciniata*), к сожалению, отцветший и прекрасный ширяш алтайский, который, однако, едва начинал цвести.

Берега Курчума были слишком маленькими, чтобы оставить их неисследованными. Вершинин по моей просьбе остался здесь, а я решил после обеда заняться обследованием окрестности. Кони были переправлены на противоположный берег, где на широких лугах их ждал хороший корм. Несколько сопровождавших нас киргизов пригнали спрятанную в камышах и кустарниках лодку и уже намеревались переправить наши вещи, как вдруг на том берегу тридцать с лишним киргизов, верхом на

волах и вооруженные длинными шестами, ринулись на наших коней, охраняемых только одним проводником. Но стычки, к счастью, не произошло, так как киргизы, узнав в нашем проводнике своего знакомого, тотчас же отказались от своих враждебных намерений и уехали обратно к своим табунам. Вершинин в это время переправлялся через реку, а я со своими двумя людьми находился на правом берегу.

Курчум часто посещают русские, отчасти ради охоты, отчасти для заготовки леса. Дичь в этом месте уже почти истреблена, и охотникам приходится подниматься к верховьям реки, если они хотят вознаградить себя за труды. Еще выше, утверждают, иногда встречаются бобры. От этих охотников часто страдает лес. Из-за их небрежности множество деревьев гибнет от пожаров, и я сам видел большие участки, где стояли полубуглившиеся стволы, представляющие весьма неприятное зрелище.

Река здесь течет бурно, образует много больших островов, ее прекрасные берега украшены лесами. Левый берег низменный, правый же в основном скалистый, в несколько сажен высотой; местами простираются обширные болотистые, покрытые лесом, равнины. Примерно в полуверсте от берега находится невысокий холм, называемый киргизами Кындык (т. е. «Гора в тумане»), который, как и берега Курчума, состоит из глинистого сланца, с вкраплениями кварца и полевого шпата. По ту сторону этого холма до Курчумских гор простирается сухая солончаковая степь.

Берега покрывают оскорь (*Populus nigra*) и новый вид тополя, родственной бальзамовому (*Populus balsamifera*) — тополь лавроволистный, не уступающий ему по красоте и величине, береза бородавчатая, черемуха, четыре вида ивы, боярышник кроваво-красный, жимолость татарская, несколько шиповников, калина, крушина слабительная, смородина черная, малина, а сплетенные ломонос сизый и хмель (*Humulus lupulus*) делают многие места совершенно непроходимыми. В тени этих деревьев, частью на сырых местах, частью на сухих скалах, росли ледняк душистый, тростник, несколько еще не цветущих трав, лапчатка вильчатая,

пажитник тонкий (*Trigonella striata?*), астрагал деревцовый, софора лисохвостная (*Sophora alopecuroides*), соловодка голая (*Glycyrrhiza grandulifera*), одна *Helilotus*, одна чина (*Orobis*) и несколько не цветущих горошков, астрица лежащая (*Asperugo procumbens*), два василистника (*Thalictra*), один хвощ, пустырник сизый, один высокий не цветущий молочай (*Euphorbia*), зопник клубненосный, вьюнок полевой (*Convolvulus arvensis*), гусытник нитевидный, ясколка горная (*Cerastium lithospermifolium*), лепчица (*Gallium Aparine*), подмаренник бореальный (*G. boreale*), медунка мягко-пушистая, лабазник (*Spiraea Almaria*), ярутка полевая (*Thlaspi arvense*), кошачья лапка (*Glechoma hederacea*), паслен безволосый (*Solanum persicum*), крапива двудомная (*Urtica dioica*), вероника длиннолистная (*Veronica longifolia*), клевер луговой, синеголовник плосколистный (*Eryngium planum*), несколько других зонтичных, уже пустивших ростки, спаржа обыкновенная (*Asparagus sylvaticus*), ландыш красивый новый с розовыми цветами — купена розовая (*Convallaria rosea* n.), звездчатка лесная (*Stellaria nemorum*), лютик ползучий (*Ranunculus repens*), болотница болотная (*Eleocharis palustris*), камыш озерной (*Scirpus lacustris?*) и много других, пока неизвестных растений.

Сухие, слегка солончаковые места у подножия холма Кындык покрывали козлобородник красный, несколько польней, спирея зверобоелистная, липучка поникшая, щетинник зеленый, иксилирион татарский, бурачки маленький и пушистоплодный (*Allysum dasycarpum*), плоскоплодник льнолистный, хориспора сибирская и разноплодник прямой, клоповник крупковидный (*Lepidium Draba*) и дескурения София (*Sisymbrium Sophia*), таушерия опушеноплодная (*Tauscheria lasiocarpa*), литвиновая тонкая (*Euclidium tataricum*), рогозник пряморогий, конгер-бас, тюльпан алтайский (?), касатик сизолистный, ковыли перистый и алтайский (*Stipa pennata et juncea*), теке-сакал восточный (*Dodartia orientalis*), валериана клубненосная, оносма Гмелина, нонея — каспийская и раскрашенная (*Lycopsis caspica et picta*), новый воробейник

(*Lithospermum*) с особенным образованием чашечки — арнебия простертая (*L. cornutum* n.), рохелия голоплодная (*Rochelia leicarpa*), песчанка тимьянолистная (*Arenaria serpyllifolia*), вероника двухлопастная, астрагалы (*Astragalus* n. sp.), одувачник сизоцветный новый, васильки (*Centaurea* n. sp.). На холме Кындык росло много нецветущих солончаковых растений: кузьмичева трава (*Ephedra monostachya*), заманиха (*Nitraria Schobert*), карагана мягкая (*Robinia mollis*), козелец маленький (*Scorzonera pusilla*) и новый тернолистник с ширококрылыми плодами — т. е. крупнолистный (*Zygophyllum macropterum* n.).

Очень часто в кустах сноваля ящерица прыткая (*Lacerta agilis*). На воде плавали утки и гуси. Лазаревка зеленая (*Parus caerulea*), галка (*Corvus Monedula*), сорока (*C. Pica*) и трясогузки (*Motacillae*) оживляли заросли.

В 11 часов я решил двинуться в обратный путь, так как мы намеревались в этот же день доехать до Иртыша. Местность была основательно обследована, а вся взятая с собой бумага ушла на укладку растений. Обратного я избрал несколько иной путь, и мы оказались в лесу, где наше продвижение тормозили маленькие речушки и деревья, упавшие от старости или пожаров. Это было тем неприятнее, что от Курчума доносился все усиливающийся шум, и мы опасались, что наша компания поссорилась с киргизами. Поскольку выстрелов не было слышно, мы несколько успокоились, но тем не менее спешили добраться до Курчума. Приехав туда, мы увидели множество киргизов, которые гнали через реку овец, волов, коров и коз, перекочевывая со своими стадами в горы. Люди и животные кричали и ревели наперебой, производя много шума.

В нашем лагере я нашел Вершинина больным, изможденным и в дурном расположении духа, так как из-за болезни ему не удалось организовать охоту на стадо антилоп, которые проходили на водопой в нескольких сотнях шагов от нашей стоянки. Но если мы хотели добраться до Иртыша в тот же день, то нельзя было больше терять время. Итак, мы велели

быстро седлать лошадей и покинули красивый, утопающий в зелени Курчум.

Мы ехали по широкой, сухой, во многих местах просоленной степи, кое-где поросшей дерезой и чингилем серебристым (*Pobinia halodendron*), астрагалом деревцовым, катунком (*Ceratoides*), крупноплодником большеплодным, разноплодником прямым и хориспорой сибирской, стеригмой войлочной (*Sterigma tomentosum*), лютиком плоскосемянным (*Ranunculus platyspermus*), парнолистником крупнолистным, арбенией простертой, различными польнями и другими степными растениями. Там и тут через глинистую почву пробивалась новая филипея (*Phelypaea*), и я не могу с уверенностью утверждать, что этот вид не является паразитом. Несколько агам стремительно шныряли вокруг, восхищая нас своим видом и удивительным поведением.

К вечеру мы увидели Иртыш, на берегах которого цвело много теке-сакала восточного и спаржи обыкновенной (*Asparagus officinalis*). Часом позже мы подъехали к месту рыбалки, которая была верстах в сорока от Курчума; там рыбачили люди Вершинина. Здесь нас угостили рыбными пельменями (рубленая рыба заворачивается в тесто, а затем варится или жарится), и, немало измученные трудностями сегодняшнего дня, мы разбили лагерь под открытым небом.

Поскольку для рыбной ловли пригодны далеко не все места, то постепенно выделяют лучшие из них и дают им названия. Место, где мы теперь остановились, называется нижняя Кузнецовская рыбалка. Четырью верстами выше находится верхняя Кузнецовская, а между ними расположена Вершининская рыбалка. Не следует, однако, думать, что люди, от чьих фамилий пошли эти названия, имеют особые права на такие места, но каждый может обосноваться на незанятом месте. Теперь здесь рыбачили две артели. Люди жили под открытым небом, подвергаясь всем капризам погоды. Их камышовые хижины сгорели вместе с немногими пожитками, потому что они глупейшим образом совали в огонь прошлогодний камыш, когда был сильный ветер, который так раздул пламя, что оно охватило и хижины. Построить

же новое жилье людям было слишком трудно. Камыш здесь часто жгли и мало-помалу истребили его, и все это пространство покрыто роскошными травами, напротив берега Иртыша (там, где нет рыбалок) представляют собой огромные сплошь заросшие непроходимым камышом равнины.

Мне пришлось пробыть здесь несколько дней, так как нужно было привести в порядок собранные к этому времени растения и мне хотелось дожидаться прибытия своей лодки. Кроме того, я рассчитывал найти в окрестностях еще много примечательного.

У Иртыша во многих местах широкие берега, которые лишь на три-четыре фута возвышаются над поверхностью реки и часто разрезаны широкими трещинами, куда заходит вода. Но хотя берега и низменны, они очень редко затопляются весной или в начале июня, когда Иртыш снова прибывает от таяния снегов на белках. Берега ограничены сухой, порой солончаковой, возвышающейся почти на десять футов степью. Местами эти плоские берега сменяются круто обрывающейся к реке степью. В таком случае обычно равнина противоположного берега простирается гораздо дальше или же река образует большие, очень плоские острова, которые, как и берег, зачастую покрыты непроходимым камышом. Деревьев нигде не видно, лишь кое-где встречаются заросли тальника. Там, где часто жгли камыш, растут, как сказано, прекрасные травы: полевица волосовидная, лисохвосты ползучий и ровный (*Alopecurus repens* et *fulvus*), бекмания обыкновенная (*Beckmannia erucaeformis*), лядник душистый, двухкосточник тростниковидный (*Phalaris arundinacea*), мятлик узколиственный (*Poa angustifolia*), бескильница солончаковая (*P. distans*). Но здесь очень мало осоковых, и я заметил лишь болотницу болотную (*Eleocharis palustris*), осоку черноколосую (*Carex nutans* Host.), сердечник мелкоцветный (*Cardamine parviflora*) и желтушник болотный (*Nasturtium palustre*) попадались часто. Степь и здесь была покрыта в основном уже описанными степными растениями, к которым можно добавить подорожник маленький (*Plantago minuta*), гулявник щетинистово-

лосый (*Sisymbrium multifidum* β *hispidum*), солодку шиповатую (*Glycyrrhiza asperima* Pall.), крестовник лесной (*Senecio silvaticus*?), пырей восточный (*Agropyrum orientale*) и стелющийся (*A. prostratum*), катунок рогатый (*Ceratocarpus arenarius*), клоповник пронзенный, понею каспийскую (*Lycopsis picta, caspica*) и арнебию стелющуюся. На менее же сухих склонах росли гольдбахия гладкая (*Goldbachia laevigata*), лапчатка низкая (*Potentilla supina*), рыжик мелкоплодный (*Camelina microcarpa*), марь, остроконечная (*Chenopodium acuminatum*), разноплодный прямой и изредка таушерия опушеноплодная.

Хорошая погода, выдавшаяся 7-го, была очень кстати для засушивания собранных растений, но 8-го и 9-го дул очень неприятный сильный западный ветер, который принес дождь. Вечером 9-го на западе громоздились огромные черные грозовые тучи, которые нас, бесприютных, сильно волновали. К счастью, Курчумские горы избавили нас от грозы, которая там разразилась на наших глазах.

В этот день я расстался с Вершининым, который возвращался в Бухтарминск. Я также отправил и свою прибывшую накануне лодку и поплудни выехал вверх по Иртышу в сопровождении казака, двух помощников и наших киргизов. Мы двигались по узенькой пешеходной тропке, которая вела нас в основном степью, а порой и по песчаным равнинам. Лишь однажды мы выехали на луг, где на опаленных местах показалось много калепины неравномерной (*Calepina Corvini*). Непроходимый камыш часто вынуждал нас делать широкие объезды. Так, мы то подъезжали к самому Иртышу, то вновь удалялись от него, объезжая обширные заросли камыша. Миновали мы и несколько речных рукавов со стоячей водой, где обитали стаи водоплавающих птиц. Но местность была слишком открытая, поэтому нам не удалось приблизиться к дичи на расстоянии ружейного выстрела.

В степи нередко встречались агамы. Иногда показывались и пеструшки (*Myodes Lagurus*). Степи были бедно одеты в обычную флору; на песке рос новый желтушник (*Erysimum*), а на склонах берега я нашел, вместе с многими другими, еще

не цветущими, растениями чернокорень аптечный (*Cynoglossum officinale*) и новый трубкоцветник завитой (*Solenanthus circinnatus* n.) — новый род, сильно отличающийся от чернокорня (*Cynoglossum*) трубчатой формой цветочной кроны.

Вечером мы приехали на последнюю рыбалку, расположенную в двадцати верстах от нижней Кузнецовской, где находилось несколько казаков, наблюдавших за тем, чтобы в верховьях не ловили рыбу, что воспрепятствовало бы проходу осетров из Нор-Зайсана в Иртыш. Казаки выдают также расписки за проданную рыбу, и место это называется «Пикетная рыбалка». Между ней и лагерем, из которого мы сегодня выехали, расположены самые крупные рыбалки. Ниже по течению они совсем небольшие, и последняя находится между устьями Курчума и Бекуна. Это место, находящееся, если ехать по суше, в десяти, а по воде в двадцати верстах от Нор-Зайсана, я избрал для стоянки и решил ждать известий из Бухтарминска относительно моей поездки в Тарбагатай.

Здесь, между Иртышом и степью, простирается обширная низменность, подобная той, что у Кузнецовской рыбалки, и почти с теми же растениями. Но кроме них на влажных местах росли еще хвостник обыкновенный (*Hippuris vulgaris*), болотник весенний (*Callitriche verna* var. *caespitosa*), лужайник водяной (*Limosella aquatica*), лимантемум кувшинковидный (*Villarsia nymphoides*), а на более сухих местах — фиалка (*Viola lancifolia*), рогоплодник длиннорогий (*Thlaspi ceratocarpum*), спаржа джунгарская (*Asparagus maritimus*), и, крайне редко, оригинальный гулявник (*Sisymbrium*), обманчиво похожий на маленький желтушник. Этот берег ограничен широкой, слегка холмистой песчаной равниной. Здесь растут чингаль серебристый (*Robinia Halodendron*), курчавка колючая (*Atraphaxis spinosa*), желтушники (*Erysimum* n. sp.), бурачок маленький, плоскоплодник льнолистный, катунок рогатый, дескурения София (?), астрагалы роговой, деревцовый, алтайский и один красивый новый вид с розовыми цветами и серебристыми блестящими листьями,

касатик тонколистный, ковыль перистый, лук тюльпанолистный, стеригма, васильки, крестовник лесной, марь остроконечная, две новые липучки (*Echinospërma*) — полуголая и крупноцветная (*E. semiglabrum et macranthum* n.), а на влажных склонах — множество шиповника иглистого (*Rosa acicularis*?) вместе с чернокорнем аптечным. Из насекомых я заметил чернотелку (*Platyope granulata*), жуужелицу (*Sphodrüs Tilesii*), *Flister inaequalis*, *nitidulus*?, гимноплевра (*Gymnopleurus serratus*), скосаря (*Otiörhynchus globithorax*), долгоносика-прыгуна (*Rynchaenus bimaculatus*), медляка мелкого (*Opatrum pusillum*?), а на песчаных равнинах — несколько чернотелок (*Tentyria Subquadrata*, *Pimelia denticulata* Gebl., *Platyope proctoleuca*). Последние интересны тем, что роют в песке глубокие длинные ходы и живут сообществом.

11 и 12 мая я занимался в основном укладыванием собранных растений, но перемежающиеся дожди мешали сушить бумагу. 13-го я двинулся к Нор-Зайсану. Пройдя песчаную равнину, мы снова оказались в обычной степи с глинистой, местами солончаковой почвой и с присущими ей растениями. Особенно много было заманихи, чингиля серебристого, гребенщика (*Tamarix*), который еще не начинал распускать свои листочки (вероятно, это гребенщик многоцветистый новый (*T. ramosissima* n.)) и упомянутой новой филипеи; реже встречалась красивая новая пупочная трава (*Cotyledon*) с красными цветами и цилиндрическими листьями, новый лук (*Allium*), а на лугах у Нор-Зайсана — новый вид осоки (*Carex*) — осока прямоколосая (*C. orthostachys*).

Само озеро Нор-Зайсан, которое представляет собой не что иное, как непомерно разлившийся Иртыш, мало примечательно. Его берега, по словам рыбаков, всюду ровные или слегка холмистые, хотя нигде не поднимаются выше 20 футов. На выходе Иртыша и в большинстве других мест берега болотисты, густо заросли камышом, в котором водятся дикие кабаны. В остальном окрестности озера песчаны. Иртыш вытекает из широкого полукружья, которое здесь от-

нюдь не сужается, как этого, конечно, можно было бы ожидать*.

На обратном пути мы нашли ежа ушастого, а на крутых берегах видели много вайды продолговатой (*Isatis oblongata*).

Сегодня я со всеми своими людьми покинул рыбалку, оставив свой багаж на попечение местных казаков и намереваясь побывать в горах Арка-Ул и на озере с поваренной солью неподалеку от них. Направившись почти точно на восток, мы сначала пересекли обычную степь, протянувшуюся почти на 15 верст. Затем мы достигли открытой низины, которая весной почти совершенно затопляется дождевой водой и тающим снегом. Даже и теперь очень многие места были залиты соленой, противной, совершенно мутной из-за растворившейся в ней глины водой, которая ни на что не пригодна, и даже водяные птицы избегают ее. Многие из этих маленьких озер не более нескольких сот шагов в поперечнике, другие несколько верст в окружности и все весьма мелкие. Большие пространства теперь уже освободились от воды и были покрыты слоем тонкой тины с коркой глауберовой соли. Озера заросли камышом и тростником, другой растительности мало. Почва всей этой местности состоит из тонкого слоя глинистого ила с примесью глауберовой соли; она кое-где поросла некоторыми видами полыни и галофитами, но в основном лишена растительности. По берегам почти совсем высохших озер росли турнефорция сибирская (*Tournefortia Arguzia*), клоповники крупковидный и пронзенный, бурчатки маленький и пушистоплод-

* Когда я показал свою карту Нор-Зайсана г-ну Копейкину, падемогричку паде рыбалками на Иртыше, его немало удивило то обстоятельство, что па ней указано много рек, впадающих в Нор-Зайсан. Он уверил, что во время объезда озера, предпринятого в прошлом году, он нигде не встретил ни одной реки, за исключением Иртыша. Вероятно, большинство этих рек в сущности маленькие степные ручьи, которые весной отводят тальные воды, а затем иссякают. Верхний Иртыш образуется из семи главных истоков, которые, по словам Вершинина, носят такие названия: Кальджирван, Биллизек, Алкабек, Картыш, Кава, Изульчук и Курташ. Приведенные Сиверсом названия отличаются от этих лишь немногим, в произношении. Фальк (Törög, Beitr, 1,384) напротив, несомненно, заблуждается, считая, что Иртыш образуется слиянием четырех истоков, именую все Иртышом. Свое имя мощная река получает уже после слияния этих семи истоков. (Прим. автора).

ный, костер кровельный (*Bromus tectorum*), лук Палласа (*Allium nitidulum*). Рассеявшись по всей этой долине, росли два гигантских зонтичных — ферула джунгарская новая (*Peucedanum elatum*) и ферула метельчатая новая (*P. paniculatum*), напоминающие небольшие деревца, и поэтому, а также из-за множества маленьких озер, число которых все увеличивалось по мере приближения к Арка-Улу, вся местность приобретала весьма своеобразный вид.

Через эту широкую пустынную равнину тянутся волнообразные возвышенности всего несколько футов высотой и в пару сажен шириной. Эти возвышенности, которые не затопляются, богато заросли чингилем серебристым и дерезой, гребенщиком вытянутым новым (*Tamarix elongata* п.), астрагалом лисьим и родственными пузырчатому (*Astragalus vulpinus?* et *A. physoidi* aff.), ковылем перистым и таволгой зверобоселистной (*Spiraea hipericifolia*). Такой местность остается до самых подножий гор Арка-Ул, до которых мы добрались в пять часов вечера и расположились лагерем около болотного ключа с пресной, довольно хорошей водой примерно в полуверсте от гор и версте от озера с поваренной солью, в окружении множества киргизских могил. Это место, находящееся приблизительно в 35 верстах от Пикетной рыбалки и служащее зимовкой киргизам, кочевники называют «Акнейманские Мулы» (т. е. «Волость у кладбища»). Теперь она была пустынна и безлюдна, и обитали в ней лишь многочисленные юркие ящерицы, отдельные пиголицы и пугливые сайги, жаворонки, красные носные нырки и чибисы. В июле сюда обычно приходят киргизы, чтобы добывать соль. Нередко здесь останавливаются также киргизы-разбойники.

Было еще не поздно и я не мог удержаться от того, чтобы не сделать маленькой вылазки на ближайшую гору, хотя и немного ждал от сухих голых склонов скал. Как же, однако, я был изумлен, находя чуть не на каждом шагу новые для меня растения, и менее чем за полтора часа собрал на небольшой площади 26 до

сих пор еще не найденных растений, между коими было по меньшей мере 10 новых видов!

15 мая хлопот у меня был полон рот, чтобы привести в относительный порядок собранные вчера растения. Только в полдень я прошелся вблизи нашего лагеря и опять нашел несколько красивых и редкостных растений.

16-го я побывал на главных вершинах Долен-Кара, находившейся, самое малое, в десяти верстах от нашей стоянки. Мы пересекли несколько горных хребтов и ровных долин. В одной из наиболее глубоких долин мы подъехали к маленькому озеру с хотя и несоленой, но очень мутной водой, по которому плавало несколько уток. Эту долину можно рассматривать как границу между горами Долен-Кара и Арка-Ул. С вершин Долен-Кара открывался широкий вид на север и запад. Лесистые берега Курчума казались мне змеевидной извилистой полосой, протянувшейся от гор к Иртышу. Дальше на север вид заслоняли Курчумские горы. На западе простирались обширные степи, и лишь в туманной дали я с трудом различал горные громады, примыкающие к Тарбагатаю. Вид на юг и восток был ограничен, и я не видел ничего, кроме горных массивов, но это не был Нор-Зайсан. На стене крутого, обрывистого склона я открыл несколько нацарапанных на скале фигур животных. Половина этой картины уже совершенно стерлась, но другая половина еще сохранилась, и в грубом изображении можно было узнать лося и каменного козла; несколько других фигур с извилистыми рогами по-видимому, представляли архаров (*Argali*). Я решил, что стоило потрудиться, срисовывая контуры этих фигур, которые, несомненно, вырезаны очень давно, а не были делом рук киргизов, и принадлежат, вероятно, к той же группе рисунков, что у Енисея*. В расселинах этих скал мы увидели следы многих киргизских зимовок. К вечеру вернулись на свою стоянку у могил.

17 мая я обследовал еще раз озеро с поваренной солью, окрестную степь

* См.: Gmelins I. Reise durch Sibirien. Göttingen, 1758. Th. I, S. 303—305, 378. (Прим. автора).

и ближние горы. Затем я собрался обратно, так как горы и степи были уже довольно основательно исследованы, все взятые с собой продукты съедены, а вся наша бумага заполнена растениями. Сегодня пополудни к нашему лагерю неожиданно подошла незаседланная лошадь и хотела пристать к нашим пасущимся лошадям. Заметив нас, она стала осторожнее и боязливее и долго колебалась, подойти к нам или убежать. Но когда она увидела приготовление моих казаков, которые собирались сесть на оседланных лошадей, пугливое животное моментально убежало, оставив далеко позади наших всадников. Была ли это дикая или только одичавшая лошадь, я не могу решить. Мой киргиз утверждал последнее и определенно заверял, что это кулан (*Equus Onager*). В подзорную трубу я как будто рассмотрел очень длинные уши, а вернувшись казаки рассказали, что след свидетельствует об исключительно большом копыте. Можно пожалуй, считать, что это действительно был кулан, и я очень жалею, что совершенно открытая местность помешала нам поймать или убить его. Впрочем, говорят, в здешней степи одичавшие лошади нередки. Благодаря осторожности и быстроте ног летом им почти всегда удается уйти от охотников, но зимой их стараются загнать на такие места, где им мешает бежать глубокий снег, и тогда их или захватывают, или пристреливают.

Горы Арка-Ул* и Долен-Кара (или Долен-Хара) образуют, собственно, связанные между собой горы, и первые можно рассматривать лишь как предгорья гораздо более высоких гор Долен-Кара. На картах неверно дается расположение этих гор. На востоке обе горные гряды совершенно соединяются, а далее, к западу, разделяются. Более низкие Арка-Ул тянутся на запад и понижаются к Иртышу; Долен-Кара, наоборот, уходят на север и понижаются к Курчуму. Обе

эти ветви разделяются слегка волнистой степью. Только Арка-Ул несколько ниже поднимается над степью, пожалуй, не больше, чем на 300 футов. Долен-Кара же гораздо выше; я определил их высоту в 1000—1200 футов. Все эти горы — сухие, пустынные и почти без ключей; я видел всего два ключа: один был близ нашей стоянки, у подножия Арка-Ул, другой, теперь иссякший, — у подножия Долен-Кара; наш проводник тоже подтвердил, что в этих горах очень мало воды. В Долен-Кара много длинных, узких ущелий, с очень крутыми, обрывистыми склонами. На них совершенно нет деревьев, и только ущелья, а также несколько долин заросли спиреей зверобоелистной, дерезой, курчавкой кавказской (*Tragopyrum buxifolium?*), шиповником рыхлым (*Rosa laxa?*).

На склонах Арка-Ула и Долен-Кара росли тюльпаны поникающий и алтайский (?), риндера обыкновенная, ширяш представительный (*Eremurus spectabilis*), сассыри-крупноплодный и зубчатый, шренкия влажлищная новая, проломник большой, онозма Гмелина, бурачки маленький и пушистоплодный, плоскоплодный льнолистный, иксиллирион татарский, молочаи ресничнолистный новый и полусердцевидный новый (*Euphobia blephrophylla* n. et subcordata), ковыль перистый, ковыль сибирский (*Stipa sibirica*), тырса, лепчица, льнянка (*Linaria* n. sp.), пажитник тонкий (?), козлобородник крайний, рисовидка бухтарниковидная, клоповник пронзенный, разноплодный прямой, крупноплодный большеплодный (*Megacarpa laciniata*), таушерии — опушенноплодная и голоплодная (*Tauscheria lastocarpa* et *gymnocarpa*), литвиновия тонкая, стеригма вольчатая, noneя каспийская и раскрашенная, страдобка мелкоцветковая (*Adonis parriflora*), астрагал деревцовый, козелец маленький, василек, кузьмичева трава, гольдбахия гладкая, рыжик мелкоплодный, новый шлемник Сиверса (*Scutellaria Sieversii* n.), заразиха (*Orobancha* n. sp.), повилика ножкоцветковая новая (*Cuscuta pedicellata* n.), зизифора тонкая (*Zizifora tenuior*), латук волнистый новый (*Lactuca undulata* n.) гулявник

* На картах эти горы даны под названием Аррагулун, но это название совершенно неизвестно киргизам. Так же мало знают они об озере Баллак-Чилек, которое, по Сиверсу, якобы расположено между горами Долен-Кара и Аррагулун. Все мои старания узнать что-нибудь об этом озере у киргизов в Курчумских горах были безуспешны. В конце концов меня подняли на смех: иностранец хочет знать эти края лучше местных жителей. (Прим. автора).

(*Sisymbrium* n. sp.), дымянка аптечная (?), норичник вырезной, белена маленькая (*Hyoscyamus pussilus*), котовник (*Nepeta* n. sp.), гвоздика ветвистая (*Dianthus ramosissimus*), курчавка кавказская (?), курчавка колючая (?), липучка многоплодная новая (*Echinosperrum microcarpum* n.), ферула метельчатая новая и очень много яйцегуба крупноцветного (*Moluccella grandiflora*), хотя он еще не цвел. Вершины покрывали ковыль восточный (*Stipa orientalis*), волоснец мохнатополосый (*Elymus lanuginosus*), лапчатка (*Potentilla* n. sp.), бурачок седой (*Alyssum altaicum*), го-ниолимон красивый. Следующие растения я заметил только на Арка-Уле: заразиха, котовник колючий (*Ziziphora pungens* n.), скерда карликовая (*Prenanthes pygmaea*?) и ферула седоватая (*Peucedanum canescens* n.). Наоборот, горошек ребристый новый (*Vicia costata* n.), марь толстолистная (*Blitum chenopodioides*), мятлик (*Poa* eg. *oudim*), вайда густоплодная, леонтица алтайская, патриния средняя (*Patrinia rupestris*), серпуха чертополоховая (*Serratula centauroides*) присущи только Долен-Кара и на Арка-Уле отсутствуют. У подножий Долен-Кара росло немного ревения низкого (*Rheum leucorhizum*), а вокруг брошенных зимних киргизских жилищ — белена черная (*Hyoscyamus niger*) и полынь Сиверса.

Сухие солончаковые степи и берега соленого озера питали, кроме многих, не цветущих, солончаковые растения: рогозавник пряморогий, тюльпан понижающийся, бурачки маленький и пушистоплодный, дереза, плоскоплодник льнолистный, осока твердоватая, липучки пониклая и крупноцветная новая, ковыль перистый и тырса, лук тюльпанолистный, пажитник тонкий (?), клоповники пронзенный и крупновидный, хориспора сибирская, разноплодник прямой, дискурения София, гулявник щетинистоволосый, мятлик луковичный (*Poa bulbosa*), коней — каспийская и раскрашенная, арнебия простертая новая, новый парнолистник крупнолистный, крупноплодник большеплодный, обе таушерии, литвиновия тонкая, стеригма войлочная, козелец маленький, подорожник маленький, солонки шиповатая, восточная и стелю-

щаяся (*Glycyrrhiza asperima*, *Agropyrum orientale* et *prostratum*), катунок рогатый (*Ceratocarpus arenarius*), канкриния безъязычковая (*Pyrethrum discoideum* n.), заразиха (о которой я также могу с достоверностью сказать, что она не паразитирует на корнях других растений), пустынноплодник зопниковый новый (*Eremostachys phlomoides* n.), костер кровельный (*Bromus tectorum*) горчак ползучий (*Serratula pteris*), ферула метельчатая новая и т. д. Большинство этих растений росло не только на солончаковой, но и на каменистой почве, у горных подножий, где часто попадался и лук Палласа.

На менее сухих, слегка влажных местах произрастали таволга зверобоелистная, валериана клубненосная, ярутка полевая, лепчица, дрема липкая, спаржа джунгарская, стародубка летняя, гольдбахия гладкая, рыжик мелкоплодный, марь острокопечная, клоповник (*Lepidium* n. sp), гулявник изменчивый (*Sisymbrium junceum*) и во множестве новый гулявник, замеченный сначала у Иртыша, котовник, ситник сплюснутый (*Juncus bulbosus*), шиповник рыхлый, козлобородник, одуванчик сизоцветный, касатик солелюбивый (*Iris halophila*), пустырник сизый новый, многосемянник лежащий (*Hutchinsia procumbens*), чернокорень растопыренный (*Cynoglossum viridiflorum*), новая ферула джунгарская, ясколка горная и некоторые другие растения. На болотах близ нашего лагеря я нашел много камыша приморского (*Scirpus maritimus*) и камыша Табернемонтана (*S. Tabernaemontani*), еще не цветущий кипрей (*Epilobium*), тростник обыкновенный и т. д. Хотя кроме названных растений я заметил еще несколько других видов но, поскольку они еще не цвели, определить их было невозможно, то пришлось исключить их из перечня.

Примечательно, что я нашел здесь много растений уже совсем отцветших, со зрелыми семенами, хотя, в других местах те же растения я видел несколько дней тому назад едва расцветающими или даже совершенно нецветущими, в частности таушерью опушенноплодную, козелец маленький, козлобородник крайний, которые отцвели, высохли и имели совершенно зрелые семена, а около Кур-

чума они только что начинали цвести. Ширяш (*Eremurus*) здесь тоже в основном отцвел, а у Курчума я мог найти всего один цветущий экземпляр. Немало меня удивило и то, что до самой вершины Арка-Ула я нашел немало специфически степных растений, растущих чаще всего в солончаковых степях. Это конечно, следствие господствующих здесь жестких западных и юго-западных ветров, и я часто наблюдал, как буря срывает на равнине клоповник пронзенный, бурачок, крупноплодник и другие растения и гонит их на склоны.

Озеро с поваренной солью меньше версты в окружности и совсем неглубокое. В нем довольно чистая вода, очень соленая на вкус, хотя чувствуется немалая примесь глауберовой соли, которая покрывает налетом больше камни, прутья и тому подобные предметы. Говорят, киргизы пытаются отделить глауберову соль, и им удается получать совершенно белую столовую соль, хотя и горьковатую на вкус. Озеро расположено в самом низком здесь месте, и, поскольку в нем собираются, пожалуй, все воды этих степей, принося с собой соли, то образуется очень крепкий раствор. Вода нескольких других озер по соседству имеет лишь слабый привкус поваренной соли, но не бедна глауберовой солью, которая часто кристаллизуется, распадается на воздухе и потом при сильном ветре рассеивается по степи в виде белых облаков.

Насколько богат был мой урожай флоры, — ибо в течение четырех дней я нашел 55 не замеченных здесь прежде растений, из которых 18 или 19 были новые виды, — настолько же беднее он был в отношении фауны. Хотя я поймал немало интересных насекомых, а под камнями оказались и скорпионы, однако млекопитающими и птицами вся эта местность бедна. Мы добыли несколько овсянок (*Emberiza*), и кроме того, видели как пролетала всего одна пара красноносых нырков, да на озере в горах плавало несколько других водяных птиц. В горах Долен-Кара мои казаки якобы видели двух косуль, а я нашел под одним камнем летучую мышь. В скалах часто гнездятся галки и вороны, показываются и соколы.

Киргизские могилы образуют три насыпи. Все эти могилы лежат с вос-

тока на запад. Они представляют собой отчасти беспорядочные кучи камней, отчасти же камни на них уложены в порядке и обмазаны глиной. Эти последние сильно напоминают хлебные печи. Могилы мужчин можно узнать по шесту, который вмуровывается в головах, что должно заменять копьё, но нередко и само оно всаживается вместо шеста.

Из насекомых я назову главным образом следующих: медляки — вещатель заостренный, зернистый (*Blaps mortisada*, *acuminata* Fisch., *granulata* Gebl.), корнеед солодковый (*Dorcadion Glycyrrhizae*), быстрянка-единорог (*Anthicus monoceros*), мертвоед двухребристый (*Silpha bicarinata* Gebl.), долгоносик (*Cleonis ronida*), которые в основном держатся на солончаковых почвах. Последнее насекомое предпочитает турнефорцию сибирскую, а кузька-крестоносец (*Anisoplia arvicola*) и козявка коростовниковая (*Galeruca rustica*) живут почти на всех растениях. Дазит желтозадый (*Dasytes analis* Gebl.), встречающийся только на шлемнике Сиверса, усач-краснонадкрыл (*Purpuricenus Halodendri*) и златка бронзовая (*Buprestis Meyeri* Gebl.) покрывают дереzu; нарывник Ледебур (*Mylabris Ledebourii*) нередко встречается на таволге зверобоелистной. На феруле метельчатой было особенно много насекомых, в частности, чернотелок семиточечных (*Tentyria semipunctata*), клопов черноусых (*Cimex nigricornis*), скрытоголовов (*Cryptocephalus halophilus* Gebl.), малашек рогатых (*Malachis cornutus*), малашек золотистовосковых (*Dasytes xanthoceras* Gebl.), шпанок красноголовых (*Lytta erythrocephala*), щелкунов (*Elater discicollis*), франчиков-беглецов (*Lixus desertorum* Gebl.). Последний пронзает своим хоботком растения и сосет из них каучуковый сок.

Около полудня мы покинули эти горы, богатые редкостными растениями, чтобы разбить лагерь на Иртыше. Возвращались мы тем же путем, но, к счастью, взяли несколько в сторону и вышли на небольшую равнину, сплошь покрытую цветущими кустами шиповника персидского (*Rosa berberifolia*). Мы убили также две молодых сайги. Старые были, к сожалению, весьма осторожны, а мой охотник был не очень расторопен.

Оставленные мной вещи оказались в полном порядке, лишь отсырело несколько пакетов с растениями.

Я старался теперь как можно быстрее высушить привезенные с собой растения, ибо пока я это не сделаю и не освобожу несколько стоп бумаги, я не смогу побывать в отдаленных местах. К сожалению, это занятие снова отняло у меня пять дней, и в течение их я смог осмотреть лишь наиболее близкие окрестности. Я вновь посетил Нор-Зайсан, а 23-го осмотрел водоворот, мне говорили, что там очень много чаек. Чтобы добраться до этого водоворота, нам пришлось спуститься по Иртышу до ближайшей рыбалки, где мы переправились через реку и затем пошли дальше по левому берегу. Примерно через полторы версты мы подошли к другой рыбалке. Там мы получили лодку и поехали на находящийся неподалеку остров. Здесь обширная, совершенно спокойная зеркальная водная гладь заключена в круговое течение. Вся эта поверхность была усеяна рыбой икрой, и, подбирая ее, вокруг большими стаями сновали чайки двух видов. Нелегко было убить в движении эти проворные создания, но все-таки мы добыли семь экземпляров. Маленький остров зарос непроходимым тростником, в котором было много паслена безволосого (*Solanum persicum*). На обратном пути я вслеп подплыл еще к одному маленькому песчаному острову, заросшему тонконогом сизым (*Koleria glauca*) и талом. Мы увидели здесь довольно много диких уток, но они сразу же скрылись в камыше; кроме того, мы заметили несколько голубых зимородков (*Alcedo ispida*). Растительность обследованной в этот день местности была точно такая же, что и возле нашего лагеря. Однако на менее сухой степи я нашел много парнолистника обыкновенного (*Zygo-phyllum fabago*), клоповника сердцевидного (*Lepidium cordatum*) и шиповника рыхлого (?). Сухие же и бесплодные степи были сплошь покрыты парнолистником крупнолистным, плоды которого частью уже созрели. На сырых лугах близ нашей стоянки я нашел в цвету лапчатку норвежскую (*Potentilla norvegica*), батлачок равный (*Alopecurus fulvus*), осоку сытевидную (*Carex cyperoides*)

и лютик ядовитый (*Ranunculus sceleratus*). В песчаных степях начинали цвести ноговатка васильковая (*Serratula cyanoides*) и красивый пустынноколосник широкочашечный новый (*Eremostachys moluccelloides* n.).

Теперь все время стояла холодная погода с сильным ветром, и отчетливо видимые отсюда в ясные дни горы Нарыма, Курчума, Алтая и Тарбагата были слепяще белыми от свежевыпавшего снега.

Сегодня, 24 мая, я со всеми своими людьми покинул наш последний лагерь, чтобы обследовать окрестности Бекума. Мы отправились вниз по Иртышу, той же дорогой, по которой ехали сюда от нижней Кузнецовской рыбалки. В воде одного старого рукава Иртыша я нашел пузырчатку (*Utricularia vulgaris*), а на берегах этой реки — выюнок полевой (*Convolvulus arvensis*), в нескольких местах сухих степей — овсяницу овечью (*Festuca ovina*), а на сырых, слегка солончаковых лугах — торичник (*Arenaria salina*?) и щавель украинский (*Rumex ucrainicus*?).

После четырехчасовой езды мы подъехали к Вершининской рыбалке, находящейся приблизительно в одной версте от нижней Кузнецовской. Не задерживаясь здесь надолго, мы продолжали свой путь вниз по Иртышу. Мы двигались по сухой степи с глинистой почвой. Местами землю покрывала намытая весенней водой тонкая глинистая тина, которая теперь высохла и была настолько мягкой, что лошади глубоко увязали в ней и часто оступались. Такие места были часто совершенно лишены растений, или скудно покрыты чахлыми растеньицами вроде клоповника пронзенного, разноплодника прямого, бурачков пушистоплодного и маленького и некоторых однолетних, не цветущих галофит. Впрочем, я заметил здесь лишь обычные степные растения. Только на одном месте я нашел большое количество серпухи чертополоховой, которая мне раньше нигде, кроме как на Долен-Кара, не попадалась. В местах с богатой растительностью кишела молодая саранча, которая вселяла такой страх в наших лошадей, что они делались почти неуправляемыми. Часто можно было видеть огромные скопища красноглазых шпанки (*Lytta*

erythrocephala). Прежде чем добираться до Алексеевской рыбалки, до которой от нашего лагеря около 45 верст, мы проехали еще по красивому лугу с превосходной травой, где было множество шалфея пустынного, касатика солелюбивого и т. д.

Эта рыбалка обязана своим названием одному оригинальному человеку. Человек этот, который теперь велит называть себя Иваном Алексеевичем, по происхождению башкир. Прослужив 12 лет в башкирских войсках, он перешел в русско-греческую веру и вступил в ряды пограничных казаков на Оренбургской линии. Там он провел 28 лет оседлой жизни, а потом его снова потянуло к прежней, кочевой. Он бросил жену, которая теперь живет в Омске, и приехал сюда, где уже много лет проживает с одной киргизкой. Зимует он в войлочной юрте у устья Курчума, остальное же время года проводит здесь со своей *pseudo*-женой, несколькими малышами и одним молодым киргизом, занимаясь рыбной ловлей, от которой, впрочем, мало пользы, и разведением овец. Однако главный доход он получает с торговых людей, которые приходят из Китая с китайскими товарами и едут к курчумским и нарымским киргизам или гонят киргизских лошадей и овец в Чугучак, Кульджу и т. д., и с незапамятных времен просят переправить их через Иртыш именно здесь. Как раз когда мы там были, предстояло переправить 20 000 овец, и два татарина, владельцы этих стад, долго договаривались с нашим Иваном Алексеевичем. Но так как сбор за переправу каждой сотни овец оказался слишком высоким, обе стороны расстались крайне недовольные друг другом, и татары направились к своим стадам, чтобы, по обычаю киргизов, переправиться на камышовых или тростниковых плотках, хотя при этом, как правило, гибнет немало овец. Поскольку это место, как сказано, служит для переправы с незапамятных времен, то вполне вероятно, что здесь же переезжал Иртыш и Сиверс, что весьма согласуется с его указанием: «между устьями обеих рек — Курчума и Бекуна». Впрочем, этот пункт расположен самым лучшим образом для изучения окрестностей, и я очень жалею о том, что не знал об этом раньше.

Между берегами Курчума и Бекуна здесь несколько верст, до Нор-Зайсанских и Курчумских гор отсюда один день пути; до Долен-Кара недалеко; до Сарратау примерно три дня пути. Отсюда легко добраться до любого достопримечательного пункта. Правда, здесь нельзя отпускать лошадей и нужно быть очень осторожным, так как мимо проходит караванная дорога, поэтому сюда часто тайно наведываются киргизы-разбойники, и лишь недели три тому назад у Ивана Алексеевича угнали лошадей.

Ближайшие окрестности нашей нынешней стоянки не были ни привлекательны, ни богаты растительностью. Ниже по Иртышу простиралась обширная низменность, хотя с красивыми травами, но без редких растений. По ту сторону реки опять была глинистая степь с обычной степной растительностью, но в здешних степях я еще не нашел осоки блестящей (*Carex nitida* Host.), которой раньше было много. Дальше были видны заросшие лесом берега Курчума, а за ними высокие Курчумские горы, покрытые свежеснеженным снегом. На другом берегу Иртыша почти ничего не видно, кроме довольно высоких песчаных холмов, которые, кажется, тянутся очень далеко.

Рано утром я велел переправить меня через Иртыш, приказав казакам собрать лошадей и быстро следовать за мной. Скоро я проехал местность, сходную с нашей стоянкой. К реке прилегал здесь узкая береговая полоса, а потом пошла обычная глинистая почва, заросшая дерезой. Дальше я не увидел ничего, кроме песка. На прииртышских лугах я нашел астргал желобчатый (*Astragalus sulcatus*), люцерну хмелевидную (*Medicago lupulina*), лядвенец (*Lotus* n. sp.), а на влажных местах — поручейницу водяную (*Catabrosia aquatica*). Местность была вскоре обследована и я с нетерпением ожидал казаков с лошадьми. Но я долго напрасно ждал прибытия этих медлительных людей. На правом берегу словно вымерло, не было ни видно, ни слышно ни одного человека, и я сидел на левом берегу, отгороженный от своих людей широкой рекой и лишенный возможности перебраться через нее. Наконец, по истечении трех томительно долгих

часов люди и лошади прибыли. Проехав по караванной дороге в Чугучак около четырех верст степью, мы оказались у песчаных холмов, на которых я, к своей большой радости, нашел вместе с джузгулом безлистным (*Calligonum Pallasia*), ластвоном сибирским (*Cynanchum sibiricum*) и серебристую песчаную акацию (*Sophora argentea*) в роскошном цветении, в которой распознал новый превосходный род. Около двух верст мы ехали меж этих песчаных холмов, а затем увидели покрытый лесом берег Бекуна. Местность эта заслуживала обследования, поэтому я распорядился поискать у Бекуна место для лагеря. Но только мы разбили лагерь, как ко мне подошел один из моих людей, сильно испуганный, и сообщил, что его окликнули с того берега киргизы, и, вероятно, это, разбойничья шайка. Я велел согнать в кучу всех лошадей и привести в порядок наше оружие. Одновременно я отрядил одного казака, чтобы узнать, в чем там дело. Он скоро вернулся и успокоил нас. Наши предполагаемые враги оказались мирными купцами, которые прибыли из Чугучака и намеревались ехать к курчумским и нарымским киргизам. Бедняги очень пострадали. Недавно на одного китайского генерала напали разбойники и ограбили его. Для преследования разбойников было теперь выслано несколько отрядов китайских войск, и поскольку киргизские и татарские купцы находились под особенным подозрением, то некоторые из них были схвачены, а кое-кто, должно быть, убит. При этом и наши купцы потеряли своих товарищей. Они уже три дня не ели ничего горячего и очень просили у нас котел, чтобы сварить себе что-нибудь. Я весьма охотно удовлетворил эту просьбу и был по настоящему рад тому, что могу спокойно продолжить свои исследования.

Бекун* близ нашей стоянки теперь от 40 до 70 шагов в ширину, во многих местах он еще уже. Дно его часто покрывает песок или галька. Нередко он очень глубок, но часто мелок и

его легко перейти вброд. Здесь у него быстрое течение и очень холодная, чистая и хорошая вода. В реке я заметил окуней (*Perca fluviatilis*?), хотя их было очень мало. Берега реки порой довольно высоки и круты, местами же совершенно отлоги. Почти всегда напротив крутого лежит отлогий берег. В самой реке там и тут растут камыш Табернемонтана и тростник обыкновенный. Почва всей местности песчана, и лишь там, куда доходит вода, есть богатая растительность. Но эта полоса не шире полуверсты, за ней начинаются сухие и песчаные холмы. Плодородная влажная равнина покрыта очень красивыми, высокоствольными деревьями — осокорями и белыми тополями (*Populus nigra et alba*). Берез здесь совсем нет, и очень много кустарниковых — крушины, татарской жимолости, кизильника черноплодного, боярышника кроваво-красного, шиповника рыхлого (?) и иглистого (*Rosa acicularis*), тарантушки (*Ribes saxatile*). Сухие места поросли таволгой зверобоелистной, дерезой, чингалем серебристым. По берегам реки и у нескольких влажных ям я нашел те же ивы, что и на берегу Курчума. В тени деревьев росли на сухих местах гулявник изменчивый (*Sisymbrium multifidum*? α), осоки ранняя и твердоватая, липучки полуголая новая и крупноцветная новая, ковыль перистый и тырса, козелец, родственник прямому, астрагалы алтайский, деревцовый и другие, овсяница овечья, дескурения София, колосняк (*Elymus* n. sp.), софора лисохвостная, лук тюльпанолистный и Палласа, мятник узколистный, молочай обыкновенный, несколько полыней и т. д. На слегка влажных лугах и на сырых местах в кустарниках встречались ломонос сизый, зопник клубненосный, одуванчик лекарственный, лядник душистый, два не цветущих василистника, ярутка полевая, дрема липкая, вайда продолговатая, козлобородник крайний и еще один вид, ясколка горная, спаржа обыкновенная (*Asparagus officinalis*), новая ферула джунгарская, лапчатка норвежская, вьюнок полевой, резушка стрелолистная (*Arabis toxophylla*?), паслен безволосый, хвощ, подмаренник борсальный, лук угловатый (*Allium angulosum*). На совершенно сырых

* Так называет эту реку Сиверс и под этим названием она дана на всех картах. Русским же и киргизам это название неизвестно. Первые называют ее Букан, вторые — А-Букан. (Прим. автора).

местах росли лютик ядовитый, батлачок равный (*Alopecurus fulvus*), вероника ключевая (*Veronica anagallis*). Сухое пространство у опушки леса было покрыто клоповником пронзенным, бурачками маленьким и пушистоплодным, плоскоплодником льнолистным, разноплодником прямым. Реже попадались новый лен (*Linum*) с белыми цветами и вьюнок узколистный (*Convolvulus Besseri*). Настоящих солончаков здесь совсем не было.

Песчаные холмы настолько далеко тянутся к востоку и западу, что, всматриваясь в этих направлениях, я не мог увидеть границ пустыни. От Бекуна она тянется к Иртышу, образуя затем левый берег этой реки*. Это настоящий желтый** наносный песок, образующий холмы с наибольшей высотой 50—60 футов и покрывающий все вокруг. Лишь немногие виды растений изредка встречаются на этой песчаной почве, и на обширных пространствах не видно ни малейшей растительности.

Для этих почв обычны песчаная акация серебристая (*Sophora argentea*), джугул Палласа (*Calligonum Pallasia*), астрагалы песочный и другие (*Astragalus Ammodytes* et n. sp.), липучка крупноцветная, курчавка колючая, пустынноколосник широкочашечный новый, желтушник (*Erysimum* n. sp.), ластовень сибирский, заразиха, колосняк гигантский (*Elymus giganteus*), ноговатка васильковая и козелец австрийский (*Scorzonera graminifolia*). Кроме того, я заметил еще рогоглавник пряморогий, осоку приземистую, тюльпан поникающий, риндеру обыкновенную, таволгу зверобоелистную, оносму Гмелина, дерезу и чингаль серебристый, астрагалы роговой, деревцовой, алтайский, бухтарминский, курчавку кустарную, липучку пониклую, касатик тонколистный, ковыль перистый, лук Палласа и тюльпанолистный, козельцы, родственные прямому и маленький, стеригму войлочную, васильки, хвойник, солодку

шиповатую, крестовик лесной (?), катунок (*Ceratocarpus*), но все они могут встретиться и на других почвах.

Несколько агам, большие, длинные тучи саранчи, которая служит пищей гнездящимся у Бекуна огромным стаям ворон (*Corvus Corone*), да еще лишь немногие насекомые были единственными обитателями этой пустыни. Я заметил множество нор, от одного до полутора дюймов в поперечнике, и велел многие из них раскопать. Они оказались по несколько футов, иногда по шесть-восемь в длину, и заканчивались всегда маленькой, высотой около двух дюймов, камерой, выложенной сухой травой. Как правило, был сделан еще боковой ход с такой же камерой. Я не рискну определить, каким животным обязаны своим происхождением эти норы, но много раз видел, как туда шмыгают ящерицы. Других животных, которых можно было бы считать обладателями этих подземных камер, я не встречал.

На песке попадались долгоносик белый (*Tanymecus albus* Gebl.), медляк (*Crypticus glaber*), слоники (*Cleonus punctiventris* et *solcirostris*?), чернотелки (*Platyope proctoleuca* и изредка *Tentyria subquadrate*). Красивый листоед (*Eumolpus pretiosus*) обычно встречается на колосняке гигантском. На луговых растениях у Бекуна я находил лептуру черноногую (*Leptura nigripes*), листоеда изящного (*Chrysomela polita*), мягкотелку рыжую (*Cantharis rufa*) и листовых слоников (*Phyllobius parvulus* et *thalassinus*).

Кроме ворон, у Бекуна гнездились трясогузки, голуби и щурки (*Merops Apiaster*), из которых последние выкапывали себе глубокие норы в береговых террасах. Видел я несколько чирков-свистунков (*Anas Crecca*). Бесчисленные комары и мошки не оставляли нас в покое ни днем, ни ночью, самым безжалостным образом мучили нас и наших лошадей и почти совершенно не давали мне возможности работать. Кроме того, моих казаков и моего сверж всякой меры трусливого киргиза ночью напугали люди, проезжавшие близ нашего лагеря. Как всегда, так и теперь, говорили мне, здесь немало разбойников,

* Эти холмы простираются, как я определил позднее, по меньшей мере на 30 верст. (Прим. автора).

** Я не знаю, чем объяснить, что Сиверс считает эти холмы образованными из песка ослепительно белого цвета. Как здесь, так и выше по течению Бекуна, и насколько охватывал глаз, я видел только желтый песок. (Прим. автора).

и казаки считали себя счастливыми, что наш лагерь не был обнаружен.

Основательно обследовав окрестности, я решил ехать вверх по Бекуну, чтобы и в других местах изучить свойства этой реки. Поэтому после полудня 26 мая мы покинули наш лагерь и двинулись по дороге на Семипалатинск. Здесь разветвляются три дороги: одна идет на юго-восток к Чугучаку, другая — на север к Иртышу и к Курчумским горам и, наконец, третья, тянется сначала на юго-запад, потом на запад и выводит к Усть-Каменогорску и Семипалатинску. Не успели мы проехать и двух верст, как я увидел множество риндеры обыкновенной со зрелыми семенами и спешился, чтобы ее собрать. Однако вскоре я был весьма неприятно поражен, когда ко мне от ушедшего вперед каравана прискакал казак и принес весть, что навстречу едет шайка киргизских разбойников. Я поспешил догнать свой караван и вскоре увидел людей на нескольких лошадях и верблюдах, опасаться которых не было никаких оснований. Это, оказалось, были купцы из Семипалатинска, ехавшие с китайскими и некоторыми русскими товарами к Курчумским киргизам, и они тоже приняли нас за разбойников. От этих купцов мы узнали о тех мнимых «разбойниках», которые проехали мимо нас ночью: то были киргизы, спешившие в Курчумские горы на свадьбу.

Дорога нас уводила все далее от Букана на запад, так что я, когда мы, проехав около 12 верст, увидели в туманной дали предгорья Калмы-Тологая и Хейрека, решил свернуть с караванного пути и двигаться снова на восток к Букану. Для этого я свернул и сделал небольшой крюк к западу, где виднелось несколько сосен. Скоро я подъехал к маленькой, но глубокой долине, окаймленной высокими песчаными и совершенно безводными холмами, состоящими сплошь из наносного песка. Однако вся долина заросла соснами, тальником, солодкой голой, тростником (*Arundo*), можжевельником казачьим, хвойником и т. д. Вероятно, весной здесь скапливается снеговая и дождевая вода, которая глубоко проникает в почву, и ее достаточно, чтобы до самой осени питать растения.

Это предположение подтвердилось многочисленными наблюдениями. Как здесь, так и во многих других местах, я велел копать песок на несколько футов в глубину, но на глубине от четырех до восьми дюймов находил его всегда более или менее влажным. На относительно высоких и вместе с тем узких холмах я, естественно, распорядился копать на фут и даже еще глубже, чтобы добраться до влажного песка.

Растущие на песке растения имеют очень мощные и глубоко уходящие в землю корни. Так, я много раз прослеживал корни джугула (*Calligonum*) до глубины в пять-шесть футов, не находя конца и не видя, чтобы корни вообще становились тоньше. В то же время у многих растущих здесь растений от главного корня ответвляется множество отростков. В этом смысле особенно выделяется джугул, боковые корни которого, часто в большой палец толщиной, разрастаются в разные стороны на много футов в длину. Астрагал австрийский также отвечает от главного веретенообразного корня массу корешков толщиной не больше вороньего пера, которые располагаются горизонтально и часто достигают фута в длину*. Эти проникающие вглубь корни нужны растениям еще и для того, что противостоять сильным ветрам, которые уносят сухой песок и насыпают кучами в других местах. Поскольку сильная жара быстро иссушает верхний слой песка, то очень нередко бывает, что во многих местах корни за несколько часов обнажаются на целый фут, а в других, напротив, растения совершенно засыпаются песком. Обычно через несколько дней они освобождаются от песка, зато засыпаются другие растения. Но если ветер дует постоянно в одном направлении и при этом стоит сильная жара, то растения непременно высохнут. И нередко встречаются большие пространства, где вся расти-

* Исключение составляют желтушник и липунка, у которых небольшие и простые корни. Но эти двухлетние растения пускают ростки сразу же с первыми осенними дождями, а весной быстро развиваются, так что они в большинстве уже отцветают и дают зрелые семена, прежде чем наступит настоящая сушь и убьет их. Едва ли следует упоминать о том, что луковичы и клубни могут легко развиваться в такой почве. (Прим. автора).

тельность погибла, а из земли торчат большие сильные иссохшие корни. Чаще всего такой участи подвержены джугул и хвойник, особенно на узких песчаных холмах, где песок высыхает быстрее.

Осмотрев эту маленькую во многих отношениях замечательную долину, я поднялся на один из самых высоких холмов, но и с него не мог увидеть конца пескам ни на западе, ни на юго-западе. На востоке и юго-востоке я снова увидел глинистую степь, которая, вероятно, протянулась до Калмы-Тологая и была гораздо ниже, чем область песков.

Наконец я покинул эту местность и поспешил вслед за своим караваном, который был уже далеко впереди. Прежде чем мы подъехали к Букану, нам пришлось еще перебраться через маленькую, узкую, но глубокую речку с болотистыми берегами, которая течет с юго-запада и несколько ниже впадает в Букан. На правом берегу этой речки была глинистая степь, которая протянулась до Букана. Добрались мы до этой речки к вечеру и были вынуждены поэтому еще долго блуждать, прежде чем смогли найти удобное место для лагеря, так как почти везде крутой левый берег преграждал доступ к воде и к лугу, поросшему прекрасными кормовыми травами. Бесчисленные рои комаров и мошек лишали нас, усталых спутников, всякого покоя.

27 мая. Букан выглядит здесь совсем иначе, чем в уже разведанных местах. Многие узкие, но очень глубокие рукава образуют несметное число островков, покрытых, как и берега, густым лесом. Берега почти всюду очень крутые, почти отвесные, в 20—40 футов высотой, и глинистые. Вода бурая и сильно отдает гниющими растениями. Течет она крайне медленно, и в ней водится довольно много чебаков. Небольшие острова и берега покрыты превосходной травой. Большинство упомянутых выше найденных возле Букана растений встречаются и здесь, но к ним надо добавлять калину, крушину ломкую (*Rhamnus Frangula*), осину и тополь лавроволистный, кубышку среднюю (*Nuphar intermedia*), кувшинки (*Nimphaea* n. sp.), рдест плавающий (*Potamogeton natans*), осоку острую (*Carex acuta*), жерушник земновод-

ный (*Nasturtium amphibium*), авран лекарственный (*Gratiola officinalis*), левзею сафлоровидную (*Leuzea carthamoides*), воробейник лекарственный (*Lithospermum officinale*) и т. д. Вместо многочисленных черных ворон здесь гнездится немало мелких ястребов-перепелятников. Нередко встречались также утки и тетерки.

Из насекомых я назову *Omaloplia ruricola*, которых много на травах; нарывник шафранно-желтый (*Mylabris crocata*) держится в основном в крестоцветных, нарывник-крошка (*Mylabris minuta*) и красивая златка (*Buprestis*) — на шиповнике рыхлом, причем эта последняя поедает цветочные лепестки; шпанка Фишера (*Lytta Fischeri*) водится на козлобороднике, кожеед (*Anthrenus Pimpinellae*) — на зонтичных; клит (*Clytus floralis*), златки бронзовая и пятнистая (*Buprestis aenea et conspersa*), листовые слоники (*Phyllobius thalassinus, parvulus*), франчик (*Lixus Ascanii*), мягкотелка рыжая (*Cantharis rufa*), усач (*Saperda Cardui*), листоед изящный (*Chrysomela polita*), лептуры черноногая и четырехполосая (*Leptura nigripes et quadriefasciata*), восковник перевязанный (*Trichius fasciatus*) обитали на лугах растений.

Всюду на цветущих лугах мы находили следы зимних киргизских стойбищ. Попадались и киргизские могилы, которые здесь сооружают из дерева.

Я охотно поехал бы дальше и попытался бы добраться до Калмы-Тологая. Однако отсутствие доброй воли у моих казаков, которые и сюда-то неохотно меня сопровождали и ссылались на распоряжения своего начальства — не покидать Иртыша и окрестностей Нор-Зайсана, вынудило меня отказаться от этого плана. Кроме того, я ведь уже достиг своей цели — изучить Букан и удивительные песчаные холмы. В это время я узнал, что курьер с письмами и бумагой для вкладывания растений ждет меня под Батами, которого я надеялся встретить у Ивана Алексеевича. Все эти обстоятельства побуждали меня возвращаться, и я дал распоряжение быстро упаковать багаж, чтобы еще сегодня достичь Иртыша. Но прежде чем мы смогли это сделать, нас настигла ночь,

и в темноте нетрудно потерять узкую тропу. Действительно, мы несколько раз сбивались с пути и только около 11 часов вечера подъехали к Иртышу.

На следующее утро (28 мая) мы переправились через Иртыш, и, так как были приблизительно в восьми верстах от Курчума, я не мог удержаться, чтобы не посетить его. Дорога туда шла степью, в которой часто встречались низины, отчасти влажные и покрытые красивой зеленью. Растения были в основном те же, что и по берегам Иртыша, хотя я прежде не видел смолевки сибирской (*Silene sibirica*), которой здесь оказалось немало.

К Курчуму мы подъехали на 10—12 верст выше его устья. Он образует здесь множество нешироких рукавов с ровными островами. Некоторые протоки уходили так далеко в сторону от главного русла, что иссякали в степи. Вероятно, некоторые из упомянутых низин тоже когда-то были рукавами Курчума. Дно их со временем поднялось, так что теперь вода с реки в них уже не попадает. Берега и острова красиво поросли стройными березами, тополями и осокорями. Часто встречающийся у Бекуна тополь белый здесь совершенно отсутствует. Луга были в основном покрыты европейскими луговыми растениями, такими, как лапчатка седоватая, ятрышники — шлемоносный и широколистный (*Orchis militaris* et *latifolia*), фиалка высокая (*Viola persicifolia*), камыши — лесной (*Scirpus sylvaticus*), приморский и Табернемонтана, осоки — двурядная, пузырчатая, острая (*Carex intermedia*, *vesicaria*, *acuta*), норичник шишковатый (*Scrofularis nodosa*), горошек заборный (*Vicia sepium*), лютик многоцветковый (*Ranunculus polyanthemus*), резуха шершавая (*Arabis hirsuta*), чины — луговая и болотная (*Lathyrus pratensis* et *palustris*), люцерна серповидная (*Medicago falcata*), дрема лесная (*Lychnis dioica*), хвощ, незабудка болотная (*Myosotis palustris*), сурепица обыкновенная (*Barbarea vulgaris*) и т. д. Кроме того, я нашел еще, видимо, новый астрагал, новый горошек (*Vicia*) и звездчатку болотную (*Stellaria laamanni*). Окрестные степи питали лишь обычные степные растения. Местность оживляли утки, бека-

сы, голуби и тетерева. Опустилась здесь и стая красивых розовых скворцов (*Sturnus roseum*) и мне повезло двух из них застрелить. Однако прошедшая над нами гроза и сильный дождь насквозь промочили нас и сделали дальнейшую охоту невозможной. Вечером мы вернулись к Иртышу. На следующее утро, покинув Алексеевскую рыбалку, мы вышеописанным путем вернулись на Пикетную.

Очень трудно было сушить собранные растения, так как из-за большого количества собранных растений осталось совсем мало бумаги, а посылаемая мне бумага, к сожалению, не всегда до меня доходила. И опять не было возможности делать дальше походы. Но об этом я мог и не заботиться, ибо через несколько дней истекал срок, на который были взяты лошади. Правда, я договорился с султаном, что могу продлить срок, если понадобится. Но мой киргиз не соглашался на это, отговариваясь тем, что он якобы получил от своего господина распоряжение вернуться в конце месяца. Чтобы те немногие дни, пока лошади были в моем распоряжении, не прошли бесполезно, я объездил степь в разных направлениях, побывал еще раз на берегах Нор-Зайсана, где, правда, не нашел никаких примечательных растений. У озера водилось много береговых скакунов (*Cicindela littoralis*), а на травах — хлебных жуков-кузек-крестоносцев (*Antisoplia arvicola* et *crucifera*). Узнав, что в одном месте на берегу озера растет саксаул, я послал туда казака и проводника. К моей большой радости, они добыли красивые цветущие экземпляры и я вскоре определил, что этот кустарник не хвойное растение (*Pinus*) и не тамариск (*Tamarix*), а новый ежовник (*Anabasis*). Примечательно, что его тяжелая древесина, спорая, дает угли, которые очень долго тлеют, так что, покрытые золой, они не гаснут по нескольку дней, даже под снегом, и киргизы этот кустарник, который они называют «сексугул», предпочитают жечь зимой.

Я раскинул свой лагерь на песчаном холме, расположенном примерно в трех четвертях версты от берега Иртыша, где можно было быстрее высушить растения в сухом, часто

даже горячем песке. Казаки же оставались у Иртыша, где стерегли пасущихся лошадей. В ночь с первого на второе июня я самым неприятным образом был разбужен неумолчными громкими криками. «Воры! Воры! На помощь! Держите воров!» — вызывало несколько голосов, которые, казалось, постепенно удалялись вверх по Иртышу. Естественно, я не мог ожидать ничего иного, кроме того, что киргизы угнали наших лошадей и что мои казаки теперь преследуют их. Необычайно темная ночь была благоприятна для налета, и разбойные киргизы, хотя и редко, но должны же были отважиться грабить русских рыбаков на Иртыше. Я со всех ног кинулся к Иртышу, чтобы помочь моим людям. Но, как же я был обрадован, добежав туда и узнав, что лошади наши в целости и сохранности. Это рыбаки на двух лодках, промышлявшие на Нор-Зайсане и в верховьях Иртыша, хотели, воспользовавшись темнотой, проскочить мимо караульных казаков, не отдав им причитающейся пошлины. Стража, однако, это обнаружила, и погналась за ними в маленькой лодке, все время крича и призывая на помощь рыбачивших ниже казаков. Бедняг-рыбаков вскоре окружили и в наказание забрали у них всю рыбу и рыболовные снасти.

3 июня уехал мой киргиз с лошадьми. Во время наших совместных походов мы всегда хорошо ладили, но с моими людьми он часто ссорился из-за табака. Хотя я и давал ему достаточно табака, но хитрый киргиз прятал его и обворовывал кисеты моих людей. Он был таким же страстным курильщиком, как и нюхальщиком табака, и если нюхательный табак казался ему недостаточно крепким, он подмешивал к нему золу хвойника (по-киргизски «кызальча»). Курительный табак киргизы часто мешают с древесными опилками, чтобы увеличить свои запасы. До чая он был великий охотник и подчас, забывая по утрам, что поссорился со всеми, уже после первой чашки чаю мог помириться опять. В остальном он довольствовался той едой, которая для всех нас варилась в общем котле. Но никому нельзя было прикасаться к его миске, да и сам он никогда не ел из другой посуды.

Чем больше обдумывал я теперешнее мое положение, тем яснее видел, что мне нужно решиться на возвращение в Бухтарминск. Продолжительное пребывание в этих степях было совершенно бесполезным, так как на богатую добычу я мог рассчитывать лишь в отдаленных краях. Однако побывать там, не имея лошадей, было совершенно невозможно. Да и избрал я эти места лишь потому, что хотел быть ближе к Тарбагатаю. Но если ехать туда, то нельзя терять время на ближние поездки. Не мог я также рискнуть и отправиться в путь с моими казаками, ибо отсутствие их доброй воли обнаруживалось слишком часто. Если же я решусь вернуться в Бухтарминск по воде, у меня будет возможность лучше изучить Иртыш и его берега и можно предвидеть, что на них найдется еще немало замечательных растений. Вдобавок я мог тогда доставить в сохранности мои коллекции, а в Бухтарминске настаивать на том, чтобы мне дали более надежных проводников. Эти соображения были настолько убедительны, что я, хотя и скрепя сердце, решил возвратиться.

В разных малых походах я нашел несколько незамеченных прежде растений, названия которых хочу привести для более точной характеристики местной флоры. На песчаной почве я обнаружил, кроме уже названных растений, одно замечательное зонтичное — новый кучкоцветник Мейера (*Soranthus Meyeri* n.), одно еще более интересное гвоздичное (*Caryophyllae*), напоминающее своим внешним видом дриаду (*Drypis*), но далеко не соответствующее ей строением частей цветка и более напоминающее мыльнянку (*Saponaria*); перекати-поле (*Gypsophila paniculata*), козлец австрийский, колосняк гигантский, серпуху (*Serratula* n. sp.), смолевку (*Silene* n. sp.), верблюдку восточную, кохию распростертую, пырей (*Agropyrum* n. sp.), заразику, насчет которой я могу утверждать, что она не паразит. На солончаковой степной почве теперь цвели заманиха, гониолимон красивый (*Statice incana*), подорожник приморский, булавоносник новый и нанафитон ежовый новый (*Halimocnemis articulata* n. et. *jiniperina* n.). Часто встречающиеся здесь сведа вздутоплодная

(*Salsola physophora*) и многие другие галофиты все еще пока не цвели. На влажных почвах, по берегам Иртыша, я нашел шлемник обыкновенный (*Scutellaria galericulata*), двухисточник тростниковидный (*Phalaris arundinacea*), ситник лягушечий (*Juncus bufonius*), а на сухих берегах — цинанкум острый (*Cynancum acutum*), горец отклоненный (*Polygonum patulum*), солонечный хрен (*Lepidium affine*) и гулявник.

Из насекомых я поймал еще карапузика (*Hister externus* Fisch.), жуелицу (*Cymindis cruciata*), нехруща волжского (*Melolontha volgensis* Fisch), красотела (*Calosoma sericeum*), мягкотелку (*Cantharis oculata*), радужниц (*Donacia Menyanthidis, nigra?*), клитру четырехточечную (*Clytra 4-punctata*), листоедов (*Chrysomela Adonidis, polita*), лептуру шестипятнистую (*Leptura 6-maculata*) и на песке — долгоносика сшитого (*Cleonis suturalis* Gebl.).

5 июня пополудни мы погрузились и пустились в обратный путь. Наша плохо сделанная лодка была очень неровной и настолько неустойчивой, что никто в ней не смел пошевелиться. Но она шла довольно быстро, и к вечеру мы добрались до пятой, считая от Пикетной, рыбалки, расположенной на левом берегу Иртыша, где и переночевали. На следующее утро мы тронулись дальше и вечером подплыли к Алексеевской рыбалке. До этого места Иртыш мало интересен. У него спокойное течение, он образует много больших низменных островов и течет по исключительно извилистому руслу, так что мы нередко описывали дугу в четыре-пять верст там, где по прямой было едва треть версты, а река порой вела нас вновь на восток. На ней немало мелей, а по многим ее рукавам просто невозможно проплыть. Мы дважды садились на мели, и сняться с них удалось лишь с большим трудом. Берега реки и островов совершенно безлесны, и только очень редко встречаются уродливые ивы и осокори (*Populus nigra*). Зато они очень густо заросли высоким тростником (*Arundo phragmites*), в котором гнездятся утки, гуси, лебеди, славки, зимородки и т. д., а кое-где, особенно в верхнем течении и у Нор-Зайсана, в нем водятся кабаны. Местами глинистая степь подходит к ре-

ке, и тогда берега круты и довольно высоки, но чаще всего реку отделяют от степи обширные низменности. Несколькo выше устья Бекуна на левом берегу Иртыша видны песчаные холмы — ответвление бекунских холмов, на которых та же растительность. На левом берегу они, однако, тянутся не больше версты, а за ними начинается степь. Продолжением этих холмов можно, пожалуй, считать песчаные пространства у Пикетной рыбалки, которые на северо-востоке кончаются, отделяемые степью от песчаной равнины, простирающейся у Нор-Зайсана, где как раз и растет саксаул (*Anabasis Ammodendron* n.).

С Алексеевской рыбалки мы отплыли рано утром, так как я намеревался остановиться у устья Курчума и, пока там будет вариться еда, обследовать окрестности. В нескольких верстах от Алексеевской рыбалки песчаный левый берег становится высоким и очень крутым. Таким он остается приблизительно 20 верст, а затем идут весьма пологие холмы из глинистого станца, примыкающие к Войлочным горам. Не успели мы доплыть до Курчума, как встретили лодку, владелец которой передал мне бумагу и кучу писем. Из этих писем я узнал, что от поездки к Тарбагатаю придется отказаться и что я, согласно вновь составленному плану, должен оставить здешние места и через Усть-Каменогорск и Семипалатинск ехать в степи, лежащие по ту сторону Иртыша, чтобы по возможности достичь гор, в которых берет свое начало Ишим.

Устье Курчума почти не оправдало моих ожиданий. Хотя луга были покрыты роскошной растительностью, но она была в основном самой обычной, по большей части той, которую я видел выше по Курчуму, а к ней еще добавились дягиль аптечный (*Angelica Archangelica*), крапива глухая (*Lamium album*), вероника длиннолистная, герань округлолистная (*Geranium rotundifolium*). Нередко встречались ивы, осокорь, тополь лавроволистный и береза (*Betula alba*). Здесь было много листоеда изящного (*Chrysomela polita*) и нарывника (*Mylabris melanura*), но особенно часто попадалась на жимолости татарской шпанская мушка (*Lytta*

vesicatoria), распространяющая сильный дурмящий запах. Между прочим, устья Курчума и Бекуна неверно даны на картах. Последнее нужно показывать гораздо западнее, а первое — несколько восточнее.

Вобрав в себя Курчум, Иртыш начинает течь немного быстрее. Правда, он образует еще много излучин и островов, но эти последние, а иногда и берега реки, покрыты в основном талом, осоками, тополем лавроволлистным и порой березами. На правом берегу вдали возвышаются предгорья Курчумских гор, которые затем все более приближаются к реке. Левый очень крутой, часто до 200 футов высотой, берег сложен из песчаных холмов. В двух местах, с большим трудом поднявшись на левый берег, я увидел, что на юге и юго-востоке эта область песка простирается до самого горизонта, и что там в общем растут те же растения, что и на Бекуне. Но здесь редкость песчаная акация серебристая и астрагалы (*Astragalus* n. sp.). Вместе с тем я нашел новый ленец многостебельный (*Thesium multifidum* n.), новый остролодочник с колючими лепесточками и черенками листьев, красивый остролодочник уральский (*Astragalus velutinus*), каким вильчатый и хрящевник (*Chondrilla* n. sp.). Мы расположились на ночлег на правом берегу Иртыша, у подножия довольно высоких гор, которые я решил осмотреть на следующий день.

8 июня я поднялся на эти горы и обследовал их со всех сторон. Они очень схожи с Арка-Ул и Долен-Кара, и здесь много растений, найденных на тех горах. Высота гор, видимо, не превышает 800 футов над поверхностью Иртыша; они очень сухие, совершенно безводные, и только в ущельях есть растительность. Здесь, как на горах, так и по берегам реки, я заметил таволгу зверобоелистную, дерезу, курчавку кустарную, шиповник — рыхлый и колючий, риндери обыкновенную, ширяш, сассыр крупноплодный, проломник большой, оносму Гмелина, аксиолирион татарский, ковыль перистый и тырсу, лепичу и подмаренник русский (*Galium Aparine et ruthenicum*), льянку, пажитник тонкий, козлобородник красный, рисовидку бухарниковидную, хвойник, гвоздику ветвистую (*Dianthus ramosissimus*), гониолимон краси-

вый, мятлик болотный (*Poa fertilis*), вайду густоплодную, патринию среднюю, катунок, лук Палласа и линейный (?), дрему липкую, скрыпун гибридный, царские кудри, ясенец туркестанский, шпорник редкоцветный, горец альпийский (*Polygonum undulatum*), бутень клубненосный (*Myrrhis bulbosa*), тысячелистник щетинистый (*Achillea setacea*?), Иван-чай (*Epilobium angustifolium*), веронику перистоллистную, смолевки — в частности волжскую (*Silene Otites*?), молочай-мелкосмоковник (*Euphorbia Chamaesyce*), жабник горный, пырей гребенчатый (*Agropyrum cristatum*), зизифору пахучковидную, пижму пижмовидную новую, лапчатку, колокольчик алтайский (*Campanula Infundibulum*), истод гибридный (*Polygala hybrida*?), тимьян Маршалла, скерду кровельную (*Crepis tectorum*), астрагалы.

Приведя в порядок собранные растения, мы снова погрузились в лодку. Иртыш вновь образовывал множество длинных излучин и поворотов: острова делили его на несколько рукавов; тополи на его берегах и островах стали исчезать. Курчумские горы становились все выше, а к левому берегу все ближе и ближе подступали отроги Войлочных гор. Горы, видневшиеся вдали на левом берегу, уходили все дальше, и до Бат простирались в основном, ровная или слегка холмистая сухая местность. Наконец, проплыв по множеству больших излучин, мы без задержки миновали оба китайских караула и высадились у русского пикета. При осмотре коллекции я, к сожалению, обнаружил, что в ящик с высушенными растениями попала вода. Поэтому мне пришлось его распаковать и заново сушить подмоченные растения. К счастью, пострадали только нижние слои.

10 июня я совершил экскурсию в Курчумские горы. Еще не доезжая их я нашел очень красивый новый лук голубой (*Allium azureum*) с лазоревыми цветами и звездчатку волчью, которая встречалась на всем протяжении от равнины до горных вершин. Затем мы оказались у небольшого ручья, на берегу которого я нашел много шиповника рыхлого и молочая широколистного нового (*Euphorbia latifolia*?); затем проехали вдоль ручья к его истоку. Он находился примерно

на середине склона, в нем была очень чистая, довольно холодная вода, а по его берегам росли сердечник-недотрога (*Cardamine impatiens*), вероника — поточная и ключевая (*Veronica Beccabunga et Angallis*), ежевика сизая (*Rubus caesius*), перловник высокий (*Melica altissima*), осока черноколосая (*Carex nutans*), желтушник прямой, незабудка редкоцветковая (*Myosotis spariflora*), клубника (?), недотрога мелкоцветковая (*Impatiens parviflora*) и т. д. Потом мы перевалили одну возвышенность и подошли к глубокому, далеко протянувшемуся горному ущелью, разделенному на три рукава. Левая стена высотой от 800 до 1000 футов была отвесна и совершенно недоступна. Правый же склон также был очень крут и тоже нелегок для подъема, но я не преминул сделать попытку. Сначала это было сравнительно легко, но, соблазнившись некоторыми интересными растениями, мы скоро зашли так далеко, что было гораздо целесообразнее карабкаться вверх, нежели возвращаться. Однако при этом нам приходилось быть предельно осторожными и тщательно испытывать каждый камень, за который мы хотели схватиться и ступить на него, так как они сильно выветрились и от них часто отламывались большие куски, что было весьма опасно. Так мы и двигались, то карабкаясь по отвесным скалам, то протискиваясь в узкие расщелины. Передохнув на далеко выступающей скале, мы, наконец, поднялись на вершину горного хребта, который далее примыкал к еще более высоким горам, а восточный его склон образовывал западную стену горного ущелья; тем ущельем мы 1 мая поднимались на Курчумские горы. Пройдя по этому горному хребту, мы нашли небольшой грот, где обрели защиту от сильного ливня. Пришлось отказаться от намерения подняться на самые высокие горы, так как со всех сторон громоздились тучи и было уже довольно поздно, посему мы начали спуск, выбрав менее крутой склон.

Все здешние горы состоят из глинистого сланца с многочисленными кварцевыми жилами. Горы очень круты и, судя по еще не растаявшему кое-где снегу, довольно высоки. Впрочем, они сухи и бедны водой.

Почти всюду они совершенно голые и лишь кое-где прикрыты тонким слоем почвы. Горная порода сильно крошится и легко трескается, и ущелье, особенно в некоторых местах, завалено обломками разной величины. Многие из этих обломков покрыты лишайниками; на других видны свежие разломы, что свидетельствует о том, что скальные массы круглый год разрушаются и обрушиваются. Цепь гранитных гор, которая уходит дальше на запад между более высокими сланцевыми горами и Иртышом, не простирается досюда, а кончается в нескольких верстах.

Растительность здесь почти та же, что и на обследованных 8 июня горах, расположенных дальше к востоку. Этим же горам более присущи разновидность вьющихся клейкой вероники колосистой, новый кустарниковый змееголовник цельнокрай-нелистный (*Dracocephalum integrifolium* n.), новый василистник вонючий (*Thalictrum gracile* n.), таволга калинолистная, новый молочай длиннокоренной, тимофеевка Бемерова (*Chilochloa Boehmeri*), саранка (*Lilium Martagon*), астрагал надутый (*Astragalus anthylloides*) и еще один новый кустарниковый астрагал. На склонах росло много тарантушки, новой смородины разноволосой, нового крыжовника игольчатого, таволги зверобоелистной, можжевельника казачьего и близ вершины — немало берез. У подножия часто попадались жимолость мелколистная со зрелыми плодами и жимолость татарская. В другом ущелье мы увидели еще один ключ с превосходной ледяной водой, который исчезал между сланцевыми плитами, не достигая подножия гор.

У русского пикета к нам часто приезжали калмыки, приверженные к торговле. Чаще всего они приносили крученный, очень красивый китайский шелк в маленьких моточках, которых выходит примерно 300 на фунт, а также китайский курительный табак. Впрочем, у них было все продажным: курительные трубки, огнива, ножи и т. п. Жадно спрашивали они пятаки и сибирские гривенники, которые для них были одинаково ценны. Очень им нравились кремни, рыбий клей, спинные хорды осетров и большие ножи, менее охотно брали

они топоры и соль. Иногда монголы и маньчжуры испытывают недостаток в продуктах и тогда те становятся очень выгодным товаром. А так как калмыки пригоняют всегда помногу овец, коз и даже привозят кур, то они не бывают в убытке. Впрочем, для торговли с калмыками и монголами нужно большое терпение.

У всех нас почти нечем стало торговать. Больше половины чугучакского караула со своим командиром ездит в Чугучак, за жалованьем, выплачиваемым в основном различными китайскими товарами, и по их возвращении обычно начинается оживленная меновая торговля. Однако торговля со свитой батыра Амбо, всегда очень выгодная, на этот раз не развернулась. Дело в том, что батыр в этом году прибыл сюда из Чугучака не с полной свитой в 500—600 человек, как это бывало прежде, а имел при себе всего 40 человек, собранных главным образом из соседних караулов. Батыр Амбо побывал здесь всего за несколько дней до нашего приезда. Русские офицеры отправились к нему сразу же по его прибытии. К его палатке сквозь строй стоящих в два ряда китайских солдат их провел адъютант. Как только русские вошли в палатку, батыр Амбо встал, подал каждому русскому офицеру руку и пригласил всех сесть. На другой день русские были приглашены к обеду, на котором подали около 15 блюд.

Калмыки оказались весьма любопытными и любознательными. Они чрезвычайно внимательно разглядывали все наши вещи и хотели знать их назначение. Но вели они себя очень скромно, были весьма добродушны и склонны пошутить. Я не видел их угрюмыми или злыми, даже если казаки подтрунивали над ними, что случалось нередко, или когда я что-нибудь им запрещал. Порой они бывали по-настоящему тактичными и предупредительными. Так, однажды утром к нам явилось несколько калмыков, которые пожелали посмотреть мою подзорную трубу, бывшую для них предметом величайшего удивления. Мои люди уверяли их, что показывать трубу запрещено. Поэтому один калмык зашел ко мне в палатку, чтобы попросить об этом. Застав меня за чаепитием, он оказал мне

любезность, подавая мед, наливая чай, и вообще был очень внимателен. Лишь после того, как я закончил свой завтрак, он перешел к цели своего посещения и попросил подзорную трубу. Они никогда не трогают предметы, не попросив сначала на это позволения, и всякий раз, когда они, осмотрев вещь, кладут ее на место, то обращают на это ваше внимание. У меня здесь не пропало ни одной мелочи, хотя нас почти все время окружали калмыки, и им часто очень легко было что-нибудь похитить. Однако все эти похвальные качества весьма проигрывают из-за их большой нечистоплотности. Моются ли они когда-нибудь, не знаю, по крайней мере этого я никогда не видел, и вынужден думать, что нет, принимая во внимание чудовищную грязь, покрывавшую их лица и шеи. Их рваная и крайне грязная одежда также не свидетельствует о любви к чистоте. Халаты у них в основном темно-зеленого или синего цвета, реже красноватого или кирпично-красного. К середине июля калмыки перегоняют своих лошадей на Курчумские горы и за ними следят всего несколько человек, которые сменяются через неделю. В середине августа они спускаются с гор, а в сентябре возвращаются в провинцию Хоб-До. Охрана на левом берегу остается все лето, не уходя в горы, и покидает Иртыш тоже в сентябре.

11 июня около полудня мы снова погрузились и поехали дальше. Иртыш,— долина которого здесь справа от Курчумских гор, несколько сужается, слева же, наоборот, расширяется,— делает опять немало больших излучин и течет довольно медленно. Вокруг островов растет высокий тростник и тальник. Примерно в шести-семи верстах от Бат, на левом берегу, снова появляются песчаные холмы, близ которых я и расположился, чтобы по возможности обследовать эту местность. Флора здесь была небогатая, отсутствовало большинство редких растений песчаной зоны у Бекуна. Лапчатка, бурачки — маленький, пушистоплодный и сибирский, астрагалы — алтайский и песочный, васильки — белolistный и прижаточешуйный (*Centaurea leucophylla?* et *adpressa?*), колосняк гигантский, верблюдка восточная, козелец австрий-

ский, наговатка васильковая, зарази-ха (п.сп.), катунок, марь остроконечная, желтушник, чингаль серебристый и несколько искривленных со-сен — это было почти все, что я заметил.

Мы покинули эти песчаные холмы и поплыли дальше. Сланцевые горы на правом берегу отступали, и перед нами потянулись низкие гранитные горы, похожие на гранитные горы близ Бухтарминска. Около половины восьмого я велел пристать к правому берегу, чтобы там переночевать, и поспешил в тот же день обследовать близлежащие гранитные горы. Но флора оказалась не интересной, а состояла в основном из самых обычных растений; все же на вершине я нашел маленькую новую, родственную альпийской астру; на склонах, кроме того, было много перловика пушистоколоскового (*Melica ciliata?*), хамеродоса прямого, норичника алтайского, молочая кипарисового (*Euphorbia Cyparissias*), а на сухих лугах по берегам Иртыша — крестовика суходольного (*Senecio cruceaefolius*). Совершенно неожиданно я увидел фалангу (*Solpuga araneoides*), но встречается она здесь, по-видимому, редко, так как был пойман всего один экземпляр. На следующий день я велел раскопать несколько маленьких нор, которые я считал жильем или этого опасного насекомого, или тарантула, но мы там ничего не нашли.

Утром 12 июня мы покинули свой ночной лагерь и отправились дальше. Сланцевые горы на правом берегу все более отдалялись и становились все выше. Гранитные горы теперь уже не тянулись вдоль Иртыша, а исчезли в месте смыкания Нарымских и Курчумских гор, и дальше встречался лишь глинистый сланец. Левый берег все время то ровный, то слегка волнистый, и только у Красных Ярков он повышается и становится гористым и крутым. Не доезжая до р. Нарым, мы оказались у нашей пикетной рыбалки, где причаливают все рыболовные лодки для проверки груза.

28 апреля, в полдень, я переехал русскую границу, в тот же час 12 июня я вновь достиг границ своего любезного Отечества, не испытав никакой крупной неприятности. На

правом берегу Нарыма я велел расположиться. Здесь я опять нашел только самые обычные, как и на Курчуме, луговые растения — в пышном цветении и самой поре для сенокоса. Но здесь были еще не цветущие растения — гравилат алеппский (*Geum heterophyllum*), льнянка кроколистная (*Linaria linifolia?*), подмаренник топяной (*Galium uliginosum*), одна ива и проскурняк лекарственный (*Althaea officinalis*), — которые в других местах не встречались. На левом берегу Иртыша, напротив устья Нарыма, тянется караванная дорога в Усть-Каменогорск и Семипалатинск. Купцы переправляются здесь через Иртыш, который в этом месте, вероятно, очень мелок. Около пяти часов пополудни мы добрались до Красных Ярков. Здесь я опять получил письмо от статского советника Ледебур с предложением нового приказа из Омска — всем начальникам от Усть-Каменогорска до Фыкалки предоставлять в мое распоряжение казаков для охраны, проводников, переводчиков и лошадей. Конечно, я не сомневался в том, что в горах можно найти немало интересного и нового, однако весьма и весьма вероятно, что в той части гор, где уже побывали статский советник Ледебур и г-н д-р Бунге, оказалась бы в основном та же растительность, о которой они мне уже писали в своих письмах. Поэтому я решил не отказываться от своего первоначального плана — посвятить свои силы и время главным образом степям. Мне казалось, что в конце концов удалось бы уговорить Вершинина сопровождать меня, и тогда с несколькими наемными киргизами мы обошлись бы и без казаков. Но выяснить все это я мог бы только в Бухтарминске, а посему поездка туда была неминуемой. Оставив к Красным Яркам под присмотром моего ученика багаж, мы с Тузовским поехали в Бухтарминск.

В Красных Ярках тоже водится фаланга, и притом в домах, хотя местные жители уверяли меня, что никогда ничего не слышали об опасных укусах этого животного. Из растений здесь нередкость собачья роза (*Lavatera thuringiaca*), в воде рос сусак зонтичный (*Butomus umbellatus*), а на влажных лугах — астрагал болотный. Из насекомых я нашел скрыто-

голова непарного (*Cryptocephalus dispar*), листоеда травяного (*Chrycomela Graminis*), нарывников (*Myiobris Tausceri*, *Cimeprasinus*), ромбовика окаймленного (*Coreus marginalis*), скрытоголова зеленого (*Cryptocephalus sericeus*), корнесада черного (*Dorcadion carinatum*).

Дорогу между Бухтарминским и Красным Ярками я уже описал. Теперь на сухой, часто каменистой почве здесь цвели тринии (*Trinia Kitoibellii*), оносма обыкновенная, смолевка волжская (*Silene Otites?*) и другой ее вид, пазник крапчатый (*Hypochaeris maculata*), лапчатка неблестящая (*Potentilla argentea* var. *impolita*), богородская трава, тимьян Маршалла, льнянка алтайская, икотник серый (*Berteroa in-*

cana), шлемник приземистый, гониолимон красивый, патриния средняя, вероники — перистолистная и ненастоящая (*Veronica paniculata*), пижма пижмовидная, лук линейный (?), истод гибридный, серпуха (п. sp.), колосняк (п. sp.), ластовень сибирский, горичник русский (*Peucedanum officinale*), колокольчик сибирский (*Gampanula sibirica*), астрагал желобчатый, шалфей пустынный, перекасти-поле и т. д. Зрелые или же почти зрелые семена были у сасыра крупноплодного и молочая длиннокоренного. На лугах я нашел солодку голую, бутень клубненосный, гравилат разнолистный, зопник клубненосный, анис полевой (*Carum Carvi*) с красными цветами и т. д.

Глава третья

ВОЗВРАЩЕНИЕ В БУХТАРМИНСК. ЭКСКУРСИИ ПО ОКРЕСТНОСТЯМ

Прибыв в Бухтарминск, я увидел общее возбуждение из-за отъезда г-на Броневского. У коменданта я познакомился с управляющим Бухтарминской волостью г-ном Ложниковым. Этот любезный человек обещал мне все собранные мною коллекции доставить в Барнаул в полной сохранности. С радостью принял я его предложение. Посетил я и г-на Брандта и обрел в нем тоже доброго советчика. Он пожелал переговорить с Вершининым и убедить его сопровождать меня.

Господин Кузнецов был так перегружен делами, что встретиться с ним мне удалось лишь 16 июня пополудни. К сожалению, беседа с ним принесла мне мало утешительного. Он сказал, что получил категорический приказ генерал-губернатора Капцевича не давать мне казаков далее русских границ и что ему даже предписано потребовать обратно приданных мне казаков. Впрочем, он обещал не чинить никаких препятствий моим предприятиям. Но он не может-де дать мне и стрелка, поскольку хорошие стрелки есть лишь среди казаков, несущих дозорную службу, и ни одного нельзя откомандировать без специального приказа

начальства. Чтобы использовать все средства, я решил подождать возвращения г-на Броневского и просить его поддержки, которую он как заместитель начальника губернии, возможно, и оказал бы мне.

Господина Броневского ожидали обратно только 18-го, поэтому 17-го я решил побывать на известковых горах и в находящейся там пещере, достаточно известной благодаря надписи в ней. Чтобы добраться до пещеры, мы направились по дороге, ведущей к д. Таловке, вверх по течению Бухтармы. Мы пересекли Урмухайку и небольшой ручей, который, несмотря на грязную воду, носил название «Серебряный ключ», а по берегам его росли вечерница сибирская (*Hesperis sibirica?*), зверобой — жестковолосистый и продырявленный (*Hypericum hirsutum* et *songoricum*) и эспарцет кормовой (*Onobrychis sativa?*). Затем мы достигли склона небольшого сланцевого, а потом известкового холма. В стене последнего, с южной стороны, у самого его подножия на небольшом расстоянии от Таловской дороги, справа от нее, находятся рядом две пещеры. Одна из них у входа достигает 18 футов высотой и почти такой же ширины, но, сразу пони-

жаясь, примерно на глубине 30 футов заканчивается очень узкой глубокой расщелиной. Внутри эта маленькая пещера почернела от дыма и сажи; видимо она часто служила приютом людям, обязанным следить за находящейся рядом установкой для обжигания извести. Мнение г-на Сушина (который сопровождал г-на Броневского и несколько дней тому назад тоже побывал в этой пещере), что продолжение этой пещеры, вероятно, намеренно засыпано, для меня не бесспорно, так как внезапное смыкание стен, мне кажется, ясно доказывает, что узкая щель может тянуться и дальше, хотя и трудно ожидать продолжения пещеры. Чтобы удостовериться в этом, г-н Броневский хочет заставить убрать мусор и землю на заднем плане.

Слева, совсем рядом с этой пещерой, находится другая, которая настолько тесна, что в нее едва можно влезть. Примерно в 15 футах от входа она разделяется. Левый ход так узок, что проникнуть в него уже совершенно невозможно; в футах десяти дальше и правый ход сужается до такой степени, что я счел неблагоприятным протискиваться дальше. Напрасно я искал надпись, а поскольку и мой казак не знал того места, то пришлось прекратить дальнейшие поиски*.

Известковые горы не оправдали моих ожиданий. Они невысоки, но круты и расколоты и состоят из крепкого сероватого или красноватого известняка без всяких окаменелостей. В растительности нет ничего своеобразного, она совершенно соответствует той, которая покрывает окрестные сланцевые и гранитные холмы. Под нависшими камнями я нашел новую постенницу мелкоцветную (*Parictaria micrantha* n.). Неожиданно для себя я снова увидел здесь красивый голубой лук. На берегах небольшого ручья, извивающегося у подножия известковых холмов и получившего от пеще-

ры название «Пещерный ключ», я также встречал сплошь обычные луговые растения, хотя коротконожку перистую (*Brachypodium pinnatum*), лабазник шестилепестной (*Spiraea Filipendula*) и одну иву я больше нигде не видел.

Было еще рано, и я решил проехать до д. Таловки. Мы двигались то мимо сухих сланцевых холмов, то переваливали их, ничего особенного не обнаруживая. Наконец, дорога повела к Бухтарме и затем пошла берегом реки до самого села, которое мы увидели лишь на расстоянии нескольких верст. У подножия этого склона есть слепой рукав Бухтармы, называемый Сухаревским затоном, со стоячей, плохой водой. Вблизи села мы оказались у небольшого быстрого ручья с очень мутной водой, так как в высокогорной области уже начал таять снег и унес с собой часть почвы. Объехав местность, я нашел василек русский (*Centaurea ruthenica*), качим высокий (*Gypsophila altissima*), полынь альпийскую (*Artemisia alpina*), смолевку ползучую (*Silene repens*), герань луговую (*Geranium pratense*?), чертополох поникший (*Carduus nutans*), ферулу расщесненную новую (*Peucedanum dissectum* n.), астрагал и несколько уже не раз названных растений.

Возвратившись в Бухтарминск, я узнал, что г-н Броневский тоже уже вернулся, но сегодня же опять уедет. Дома я его более не встречал, но видел на смотре стоящих здесь войск. После этого мне удалось поговорить с ним и попросить его поддержки. Он тоже стал уверять, что поездка к Тарбагатаю теперь совершенно невозможна, но если бы я пожелал поехать в степи по ту сторону Иртыша, западнее Усть-Каменогорска, то этому предприятию не было бы никаких препятствий, и я смог бы в полной безопасности достичь Кар-Каралы. По его словам, в тех степях много антилоп, диких коз и редких птиц.

10 июня я посетил Вершинина, который несколько дней отсутствовал, чтобы испытать, не позволит ли он себя уговорить стать моим проводником до Тарбагатая. Однако и эта попытка окончилась неудачей. Он сослался на нездоровье и разные домашние дела, которые-де не позволяли ему покинуть Бухтарминск.

* Впоследствии я спрашивал об этом г-на Сушина, который сказал мне, что надпись так сильно разрушилась, что различимы лишь фрагменты. Он скопировал ее, и, по мнению толмача, в этих остатках отчетливо видны маньчжурские письмена. Надпись эта, по словам местных жителей, уничтожена одним известным путешественником, ибо она, по его словам, содержала хулу на Россию. Она воспроизведена в «Сибирском Вестнике» Спасского. (Прим. автора).

Теперь стало совершенно очевидным, что от поездки в Тарбагатай придется вовсе отказаться. Итак, мне нужно покинуть эти восточные районы и повернуть на Семипалатинск, чтобы оттуда проникнуть в лежащие напротив степи. Меня огорчало и то, что обследование окрестей Нор-Зайсана не завершено, хотя было ясно, что исследование западных степей тоже представляет огромный интерес и должно дать замечательные результаты. И с большой вероятностью я мог рассчитывать на то, что в тех краях, по всем данным, мне удастся достигнуть большего, нежели, к сожалению, удалось здесь.

Во исполнение принятого решения, я отправил нарочного в Красные Яр-ки с предписанием моему ученику немедленно со всеми вещами прибыть в Бухтарминск. Я также предпринял меры, чтобы можно было отправить дальше собранные и тщательно упакованные коллекции сразу по их прибытии сюда. Но так как в ожидании багажа я не хотел зря терять время, то решил посетить гористую местность у Александровского редута, которая мне очень понравилась в мой первый приезд.

Хотя я заказал лошадей на 18-е, но должен был прождать до 9 часов утра 19-го. Едва мы доехали до Железенки, лошади испугались выстрела, который я сделал в суслика (*Arctomys Citullus*), понесли и опрокинули телегу. На берегах Железенки я нашел много репейника волосистого (*Agrimonia pilosa*), а над водой очень часто парили касаточки даурские (*Hirunde alpestris*), которые гнездятся в близлежащих гранитных скалах.

Чем ближе мы подъезжали к Александровску, тем выше вздымались и все ближе сходились горы. Многие места были покрыты роскошной травой и представляли собой красивые зеленые луга, украшенные цветами татарского мыла (*Lychnis chalcidonica*), ломоноса цельнолистного (*Clematis integrifolia*), чины клубневой (*Lathyrus tuberosus*), мееголовника Руиша (*Dracocephalum Ruyschiana*), гвоздики пышной (*Dianthus superbus*), не составляющих редкости для ботаника. Примерно на полпути между Бухтарминском и Березовским редутом находятся ров-

ные известняковые холмы, которые почти сплошь покрыты слоем почвы. Вся местность от редута до Александровска богата ключами. Большинство их несло чистую, прозрачную воду, хотя некоторые были замутнены илом, чему виной, видимо, стада скота, пасущиеся недалеко от ручьев и забродящие в них.

В Александровск я прибыл уже в три часа, поэтому еще в тот же день хотел сделать небольшую прогулку. Однако сильный дождь скоро вновь загнал меня в дом. К вечеру разразилась гроза и продолжалась почти всю ночь. Гремело и блистало почти непрерывно и со всех сторон, и громовое эхо усиливалось высокими окрестными горами, так что в течение нескольких часов нас окружал почти непрерывный гул. Грозы здесь вообще, говорят, очень часты, а особенно в этом году — весь апрель и май шли почти непрекращающиеся дожди, что весьма полезно для земледелия и пчеловодства. Хлеба стоят везде превосходные, многое обещают и пчелиные ульи. Так, один местный пчеловод сумел от 20 ульев отроить еще 20. Сухость в здешних местах очень губительна для пчел, так как при этом большинство растений высыхает, не расцветая по-настоящему, и пчелам не хватает пропитания. В 1824 г. по этой причине вымерло более половины пчел, и многим пчеловодам из 500 ульев удалось спасти лишь 40—50. Так как пчеловодство начало распространяться здесь всего несколько лет назад, то можно надеяться, что со временем пчеловоды наберутся опыта и ульи будут устанавливаться в более благоприятных местах.

Утром 20-го я поднялся примерно до середины главного ущелья, в котором тоже есть дорога на Усть-Каме-ногорск, а затем достиг одного из самых высоких пунктов, причем основательно промок в зелени, еще сырой от вчерашнего дождя. После обеда я направился по главному притоку речки Пихтовки, текущей на дне ущелья. По узкой, почти непроходимой тропе с большим трудом добрался я до вершины горы, но не до главного истока Пихтовки, который находится версты на две дальше, на одной невысокой горе, а затем вбирает в себя бесчисленные маленькие ключи.

Поздно вечером, сильно уставший, я возвратился в Александровск по обычной лесной дороге. 21-го я проехал все ущелье до горного хребта, который называется «Пихтовое седло» и вновь понижается к западу. Я часто сходил с лошади, чтобы взобраться на некоторые заманчивые вершины. Правда, мне не удалось подняться на самую высокую из них, ибо достигнув вершины, которая снизу казалась мне самой высокой, в некотором отдалении я опять замечал еще более высокую. И все-таки много раз я мог обозревать на большом протяжении горы, напоминавшие своим видом море, окаменевшее во время бури.

Главное ущелье тянется с юга на север и простирается еще дальше до Иртыша. Оно имеет много боковых ущелий, которые, в свою очередь, ветвятся. Склоны очень высокие и большей частью чрезвычайно крутые и растрескавшиеся. Очень во многих местах тянутся совершенно голые вертикальные утесы. Но чаще склоны покрыты слоем почвы. Нередко скалистые склоны одеты роскошной растительностью. Всюду много воды, и почти из каждого бокового ущелья вытекает маленький ручеек, в который со всех сторон вливаются притоки. Эти бесчисленные ключи вытекают в основном из болот, расположенных в верхней области гор, но иногда водная артерия начинается в расселине скалы. Вода очень чистая и вкусная. Главная речка называется Пихтовкой, а прочие притоки просто-напросто ключами. Рыбы в них нет. Снега я нигде не видел.

Растительность была очень однообразна. Всюду — с одного конца до другого, от подошвы до вершины — я находил опять те же растения. Лишь немногие, в частности копеечник крупноцветный (*Hedysarum argyrohyllum*), остролодочник джунгарский (*Oxytropis songarica*), астра альпийская (*Aster alpinus*), гвоздика ползучая (*Dianthus dentosus*), ясколка даурская (*Cerastium dauricum*), мытники — хоботковый и густоцветковый (*Pedicularis proboscidea* et *P. elata*), герань лесная (*Geranium sylvaticum*?), подмаренник весенний (*Salium vernalis*), я видел только на вершинах. Некоторые, например но-

вая душевка (*Acynos parviflorus* n.), встречались только у подножия гор. Напротив, следующие растения попадались всюду: земляника лесная и клубника (*Fragaria vesca* et *collina*), лапчатка толстая (*Potentilla recta*), клевер лупиновый (*Pentaphyllum Ammani* et *P. Lupinaster*), татарское мыло, змееголовник — цельнокрайнелистный новый и Руиша, володушка золотистая, гвоздика пышная, борец высокий (*Aconitum Lycoctonum*), гакеллия повислоплодная (*Echinopspermum deflexum*), скерда сибирская (*Crepis sibirica*), новый борщевик бородатый (*Heracleum barbatum* n.), татарники — разнолистный и азиатский (*Cirsium heterophyllum* et *serratuloides*), пажитник плоскоплодный (*Trigonella platycarpa*), ленолистник ветвистый (*Thesium ramosura*), змеинный корень и горец альпийский (*Polygonum Bistorta* et *undulatum*), песчанка тимьянолистная, жабрица (*Seseli Hippomarathrum*), ревень алтайский (*Rheum sibiricum*), лигустикум двухцветный новый (*Ligusticum discolor* n.), бороздоплодник уклоняющийся новый (*Cnidium anomalum* n.), реброплодник уральский новый (*Pluerospermum Archangelica* n.), бубенчик Ламарка (*Adenophora Lamarkii*), марь гибридная (*Chenopodium hybridum*), пижма (*Tanacetum vulgare*), колокольчик жестковолосый (*Campanula cervicaria*), горошек лесной (*Vicia sylvatica*), перловник понижающийся (*Melica nutans*), василистник малый (*Thalictrum elatum* a), осока остроконечная (*Carex muricata*), ясменник прирученный (*Asperula aparine*), гравилат речной (*Geum rivale*), рябчик мутноватый, проломник большой, горошек алтайский, коровяк фиолетовый, камнеломка сибирская, новая валериана сомнительная, крупка сибирская, гонолимон красивый, вайда продолговатая, шпорник редкоцветный, ясенец туркестанский, бутень клубненосный, вероника перистлистная, истода — гибридный (?) и сибирский, тимьян Маршалла и богородская трава, шлемник приземистый, сердечник-недотрога, недотрога мелкоцветковая, саранка, крестовник суходольный, норичник алтайский, ономы — обыкновенная и Гмелина, качим высокий, чина Гмелина (*Orobis luteus*), серпуха окаймленная

(*Serratulla glauca*), резуха вислоплодная (*Arabis pendula*), синюха обыкновенная (*Polemonium coeruleum*), купыр дубровный (*Anthriscus nemorosa*), волдырник (*Cucubalus glaucus?*), новая постенница мелкоцветная, василек русский, вечерница сибирская, смолевка ползучая и т. д. Все склоны покрывали следующие кустарники: таволги — зверобоелистная, калинолистная, дубровколистная (*Spiraea ulmifolia?*), шиповники — иглистый и колючий (?), желтая акация, дерева, малина обыкновенная, смородина черная и крыжовник игольчатый, кизильник черноплодный, боярышник кроваво-красный, жимолость татарская. Внизу у ручья росли распространенные повсеместно ивы, калина обыкновенная, черемуха, осокорь и тополь лавролистный. Ближе к вершине встречались пихта и сосна (*Pinus Pichta et silvestris*), береза бородавчатая, осина. Эта пихта часто образует настоящие леса, где попадаются прекрасные стволы, и некоторые я измерил сам; они в обхвате 18 футов. Соснам здесь не повезло и на больших участках они погибли.

В горах близ Бухтарминска — они несомненно гораздо ниже и солнечнее, — я привычно ожидал, что растения, которые у подножия гор я находил с нераскрывшимися почками, наверху окажутся в полном цвету. Здесь же было наоборот: чина Гмелина, серпуха окаймленная, резуха вислоплодная, синюха обыкновенная, купыр дубровный, крестовик хохлатый (*Clineraria popposa*), которые внизу уже полностью отцвели и на них кое-где даже были зрелые плоды, на середине горы цвели, а на вершине часто едва еще распускали свои почки.

Местность эта бедна млекопитающими, птицами и амфибиями. Несколько сусликов, множество галок, которые гнездятся на скалах, малиновки, ящерицы — это почти все, что я здесь заметил. Насекомых тоже было мало, лишь мошки преследовали нас огромными роями, особенно там, где было много влаги и росла высокая трава. Только здесь я в полной мере почувствовал это мучение. После обеда без сетки быть на открытом воздухе совершенно невозможно. Каждый поэтому надевал накомарник, и горе тому, кто пренебрег

этой защитой! Особенно страдают веки, которые воспаляются от мгновенного прикосновения крайне острых хоботков. У моего ученика, не желавшего сначала одевать накомарник, глаза скоро совершенно заплыли. 21 июня пополудни я покинул это место и вечером опять был в Бухтарминске.

Мои вещи прибыли только вечером 22-го, и теперь моим главным стремлением было скорее выехать отсюда. Но как ни старался, раньше 7-го выехать из Бухтарминска я не смог. Причиной этому было главным образом то обстоятельство, что я не мог найти плотника или столяра, чтобы заказать несколько ящиков для упаковки коллекций. Наконец, меня выручил из беды г-н Брандт, давший приказ своему столяру сделать нужные ящики. 25-го я послал вестового к г-ну Ложникову с извещением, что ящики для отправки готовы. Одновременно я просил его переслать в Риддерск письмо г-ну статскому советнику Ледебуру*. Поскольку из-за большого багажа я боялся частых остановок на проселочных дорогах — особенно теперь, когда в редутах оставалось совсем немного казаков: одни были собраны в лагерь, другие заняты на полевых работах, — то я решил ехать в Усть-Каменогорск водным путем и попросил г-на Кузнецова дать мне лодку и двух казаков, каковые и были мне представлены.

Каждую свободную минуту я использовал на небольшие экскурсии по окрестностям. Так я довольно далеко прошел берегом Бухтармы вверх, где на лугах нашел те же самые, лишь за некоторым исключением, растения, что и на берегах Курчума и Нарыма. Очень часто попадались таволга дубровлистная и недоторга мелкоцветковая, в стоячей воде плавала также жеруха водоплавающая (*Nasturtium natans*), на слегка влажных склонах росли истод сибир-

* В этом письме я сообщал о результатах моего пребывания у Нор-Зайсана и о плане дальнейших исследований. Еще я упомянул о том, что если бы я мог получить в проводники горнозаводских крестьян, то решил бы осенью снова вернуться к Нор-Зайсану. К сожалению, по недосмотру письмо попало в место назначения только через два месяца, и из-за этой случайности моя последняя надежда еще раз побывать у Нор-Зайсана не оправдалась. (Прим. автора).

ский, вяжечка гладкая (*Turritia glabra*), чина клубневая (*Lathyrus tuberosus*), волоснец сибирский (*Elymus sibiricus*), а на песчаных берегах тут и там виднелась марь душистая (*Chenopodium Botrys*).

Сухие поля вокруг Бухтарминска были в изобилии покрыты хруплявником полевым (*Polycnemum arvense*) — представлявшим собой маленькие, не выше двух дюймов, особи — грыжником гладким (*Herniaria glabra*), остролодочником волосистым (*Oxytropis pilosa*), щетинником зеленым (*Setaria viridis*), лапчатками — щетинистой и вильчатой, полевицкой волосистой (*Eragrostis pilosa*), а у гранитных гор цвели царский скипетр (*Verbascum Thapsus*), истод гибридный, лотус просмотренный (*Lotus angustissimus*), лапчатка щетинистая (*Potentilla pensylvanica*), льнянка алтайская, качим постенный (*Cypophylla muralis*) и новая туника прямая (*G. stricta* n.).

25 июня я побывал на Урмухайских горах, которые имели теперь совершенно иной вид, чем весной. Вместо низеньких растений с красивыми цветами, которые тогда украшали те горы, теперь все заросло высокой травой. Большинство растений я изучил в горах Арка-Ул, Долен-Кара и Курчума и, в частности, вайду густоплодную, козелец австрийский, валериану сомнительную, рисовидку бухарниковидную, сассыр крупноплодный, множество ширяша, астрагал деревцовый, шиповники — иглистый (?), рыхлый (?) и колючий, гвоздику ветвистую, курчавку кустарную, патринию среднюю, горичник русский, гониолимон красивый, заразиху, ластовень сибирский, кохию распростертую (*Kochia prostrata*), качим вильчатый, веронику перистоллистную, жабник горный, пырей гребенчатый, зизифору пахучковидную, пажму пажмовидную, лук-вшивик (?) (*Allium lineare*), подмаренник русский (*Galium ruthenicum*), смолевку волжскую, истод гибридный, тимьян Маршалла и богородскую траву, таволгу калинолистную, василек сибирский, хамеродос прямой и некоторые другие, повсеместно здесь распространенные виды, а кроме того, порезник бухтарминский (*Seseli buchtormense*), проскурняк розовый (*Althaea rosea*?), лук — красноватый (?) и шаровид-

ный (?), скабиозу желтую, котовник украинский (*Nepeta ucrainica*). На берегах ручьев я заметил, помимо уже упомянутых растений, спаржу обыкновенную (*Asparagus officinalis*), боярышник кроваво-красный, новый пустырник сизый, крушину ломкую, солодку голую, василек прижато-чешуйчатый (?), крестовник суходольный, веронику ненастоящую, льнянку дроколистную (?), дремлик (*Epipactis* sp.) и т. д. На равнине между Бухтарминском и горами я подъехал к высохшему руслу ручья, где росло много дронника белого (*Melilotus vulgaris*), девясилы — иволистного и британского (*Inula salicina et britannica*), дербенника прутковидного (*Lythrum virgatum*), астры алтайской (*Aster altaicus*) и колокольчика болонского (*Campanula bononiensis*).

Насекомых становилось все меньше, правда, листоедов (*Clytra Atraphaxidis*) было много; не менее часто встречалась и златка четырехточечная (*Buprestis 4-punctata*) — на девясиле британском, а из семян касатика сизолистного (*Iris glaucescens*), как и из принесенных с Нор-Зайсана коробочек касатика тонколистного (*Iris tenuifolia*), выползали бесчисленные долгоносики (*Mononychus Ireos*).

Прежде чем покинуть Бухтарминск, я позволю себе кое-что рассказать о рыбной ловле русских на Нижнем Иртыше, Нор-Зайсане и на Верхнем Иртыше, частью по своим наблюдениям, частью же по рассказам Вершинина, Ляпина и самих рыбаков.

Раньше русские рыбаки в верховьях Иртыша кончались возле Бат — выше иногда поднимались лишь отдельные смельчаки. Теперь Алексеевская рыбака, — расположенная выше устья Курчума, самая нижняя на Иртыше — мало прибыльна. Остальные рыбаки расположены между этой и верхней Пикетной рыбакой (водой приблизительно 20 верст от Нор-Зайсана). Несколько лет назад на Иртыше была всего одна большая рыбака в нескольких верстах от Нор-Зайсана. Она была закреплена за казачьей войсковой казной, и посторонним там рыбачить не разрешалось. Казаки обязаны были поставлять сюда пеших и конных работников, за что они по уму-

ной цене снабжались рыбой, икрой и т. д. Однако вскоре выяснилось, что хотя это и было выгодно для войсковой казны, но тяжело для казаков, особенно зимой. Поэтому заведение было упразднено, и каждый желающий, за известную пошлину, получил возможность ловить рыбу, где ему заблагорассудится. Однако чтобы предотвратить беспорядки, были предписаны некоторые законы. Так, нельзя было закладывать рыбалки выше Пикетной рыбалки, чтобы не препятствовать рыбе выходить из Нор-Зайсана. Каждый был обязан, закладывая новую рыбалку выше уже существующей, соблюдать определенную дистанцию. На каждой рыбалке можно было натягивать над рекой только определенное число переметов и т. д. Для поддержания порядка рыбалки объезжают старший надсмотрщик, пребывающий в Набатах, и младший надсмотрщик, остающийся большей частью в Красных Ярках, которые ликвидируют беспорядки, улаживают споры, побуждают к прилежанию, а также, конечно, наказывают или удаляют нерадивых, чтобы освободить место более трудолюбивым.

Весной, как только Иртыш освобождается ото льда, рыбаки спешат к Нор-Зайсану и в верховья Иртыша. Обычно от двух до шести человек, объединившись, образуют артель, чтобы рыбачить сообща. Запасаясь рыболовными снастями, мукой, солью и водкой, они едут в лодках вверх по Иртышу и выбирают себе подходящее место для рыбалки. Большинство оседает в низовьях Иртыша, и лишь немногие пересекают Нор-Зайсана, чтобы промыслять в верховьях реки. Многие задерживаются здесь только на несколько месяцев, некоторые остаются до поздней осени, и лишь кое-кто рыбачит всю зиму.

В Иртыше ловят главным образом осетров (*Acipenser sturio*) и стерлядей (*Ac. ruthenus*). Оба эти сорта рыбы называются здесь красной рыбой. В Нор-Зайсане и в верховьях Иртыша ловят преимущественно нельму (*Salmo Nelma* Pall.) и тайменя, реже налима (*Gadus Lota*) и щуку, которые водятся и в низовьях Иртыша и вместе с нельмой и тайменем называются белой рыбой.

Способы рыбной ловли различны, в зависимости от того, что намерены

ловить рыбаки, осетровую или белую рыбу. Наиболее подходящим временем для ловли осетровых рыб считается весна, летом же они не ловятся совершенно, а осенью ловятся гораздо меньше, чем в начале весны. Рыбаки выискивают такие места, где главное русло реки нешироко, а боковые рукава очень мелки; часто они выбирают и такие места, где река у обоих берегов мелководна, а потому главный поток сужается. Так как осетровые держатся на глубине, они обходят мелкие места и теснятся в глубокой воде. По обе стороны от таких глубоких мест, если они очень широки, а также и посередине их, забиваются высокие свай. На этих сваях закрепляют поперек реки крепкий канат и к нему, на расстоянии примерно одного фута друг от друга, привязывают шнуры длиной $2\frac{1}{2}$ —3 фута. К этим шнурам подвешиваются большие, крепкие, длиной 4—5 дюймов, остро заточенные крючки (уды), к которым привязывают с помощью петель продолговатые, примерно в 8—10 дюймов длиной и в несколько дюймов шириной, деревянные, так называемые «байбашки». Такой снабженный удами канат называется «перетяга», и утром, в обед и вечером, а если рыба идет косяком, то, конечно, и чаще, его поднимают с одного конца к другому и снимают висящие на крючках рыбины. Сильно способствует хорошему улову мутная вода Иртыша, скрывающая уды от рыбы, а просвечивают только байбашки, которые та принимает за рыб и, бросаясь на них, остается висеть на удах. Если рыба мечется и пытается освободиться, то зацепляется еще и за соседние крючки; лишь редкому осетру удастся освободиться и почти никогда — стерляди. Слегка раненную рыбу рыбаки сажаят в прочно огороженное место («садок»), где она остается живой, пока не найдется покупатель или пока не поймает столько рыбы, чтобы можно было вернуться с прибылью.

В верховьях Иртыша поднимались лишь редкие стерляди, осетры же почти никогда. Поэтому русские рыбаки, которые там рыбачат, ловят только белую рыбу, главным образом тайменей и нельму, с помощью большого и длинного невода. В Нор-Зайсане рыбачат чаще всего зимой, подо

льдом, с помощью невода, причем преимущественно ловят белую рыбу. Зимой рыбаки располагаются в основном на длинном мысе, на северо-западном берегу Нор-Зайсана.

Стерляди и осетры, которые ловятся близ Нор-Зайсана, исключительно вкусны, а осетры чрезвычайно жирны*. Стерляди длиной в аршин встречаются очень часто, но длиннее редко; стерлядь длиной менее 3/4 аршина купец считает не за целую рыбину, а только за половину. Осетры обычно весят по 2—3 пуда.

Рыба заготавливается впрок очень простым, но, к сожалению, очень плохим способом. После того, как осетров и стерлядей умерщвляют ударом по голове, их обмывают и разрезают вдоль, затем вынимают спинную хорду, плавательный пузырь, жирные части и, если есть икра, то и икру; потом рыбу разрубают на куски и или засаливают, или вывешивают на шнурах для провяливания. Рыбаки часто недосаливают рыбу, поэтому она не может храниться долго и быстро портится, так что получается невкусный и нездоровый продукт. Вяленая рыба — затхлая и горьковатая, противная на вкус. Спинная хорда высушивается и под названием «визига» продается главным образом монголам, маньчжурам и калмыкам. Из плавательного пузыря обычно варится рыбий клей, который рыбаки продают по 2—3 рубля за фунт. Жирные части варятся в воде, отделевшийся жир скерпывается. Пока свежий, у него хороший тонкий вкус, и в пост его употребляют вместо масла. Икры здесь заготавливают мало, причем она слегка протирается сквозь сито и затем чуть-чуть подсаливается. Несколько стерлядей и осетров отправляют в Бухтарминск в свежем виде. Белая рыба также либо засаливается, либо сушится. Сушат в основном щук, которые превращаются в высшей степени сухой и безвкусный продукт. Зимой рыба отправляется в замороженном виде.

С каждого осетра, который вывозится, — он может быть свежим, соленым или вяленным — купец или

рыбак уплачивают пошлину в 2 руб. 50 коп., а с каждой стерляди — 25 коп. Икра, визига, рыбий жир и рыбий клей, как и все сорта белой рыбы, свободны от пошлины. Прежде эти деньги расходовались на проклад и ремонт дороги между Усть-Каменогорском и Бухтарминском. Теперь эта пошлина идет в пользу войсковой казны тех казаков, которые охраняют границы. Эти поступления составляют ежегодно от 10 000 до 12 000 руб. бумажными ассигнациями, а иногда еще больше.

Если взять среднее число — 11 000 руб. и допустить, что на десять стерлядей ловится один осетр (что в общем и происходит на самом деле), то ежегодно вылавливается 2200 осетров и 22 000 стерлядей. Однако эта оценка слишком скромна, так как очень много рыбы съедается на месте или же портится из-за отсутствия соли и покупателей; а также, как я уже писал, все стерляди, которые меньше 3/4 аршина, не считаются купцами за целые; к тому же ежегодно поставляется китайскому караулу пошлина в 500 стерлядей и, наконец, нельзя учесть всю контрабанду. Принимая все это во внимание, я думаю можно считать, что годовая добыча составляет примерно 3000 осетров и 30 000 стерлядей. О количестве пойманной так называемой белой рыбы я не мог получить сведений, но оно должно быть, конечно, не малым, и я видел много груженных ею лодок. Вся эта рыба потребляется жителями Прииртышья вплоть до Семипалатинска и в менее отдаленных селениях.

Здесь, на месте, платят за осетра 5 руб., а за стерлядь 50 коп. Но продавший получает только половину этой суммы (вторая половина идет на уплату пошлины). Хотя эта цена и невысока, но все же рыбная ловля для жителей Прииртышья вполне доходная статья, ибо снаряжение для лова стоит мало. Кроме простых рыболовных принадлежностей, берется в запас только мука, ржаные сухари и иногда немного водки, и, пока рыбаки пребывают здесь, рыба составляет их главную пищу. Едят рыбаки обычно только стерлядей и осетров, и лишь за неимением красной рыбы берутся за щук, но весьма неохотно, предпочитая сутки голодать. Пища

* Стерляди и осетры, пойманные в окрестностях Семипалатинска, и особенно ниже по течению, еще жирнее, но далеко не так вкусны. Это относится и к тем, которые водятся в Оби. (Прим. автора).

их проста и не разнообразна. Обычно свежая рыба разрезается и варится в соленой воде. В праздники готовят пельмени. Для этого хорошая, жирная рыба, чаще всего осетрина, мелко изрубается и по ложке заворачивается в раскатанное пшеничное тесто, а затем варится в небольшом количестве воды. Делают, разумеется, из рубленой рыбы и маленькие колбаски и варят их, не заворачивая в тесто. Оба эти последние блюда требуют здорового, крепкого желудка; употребление же свежих стерлядей и осетров я считаю, наоборот, совершенно безвредным. Я сам и все мои люди во время нашего шестинедельного пребывания у Нор-Зайсана питались не чем иным, как рыбой, и без всяких вредных последствий, если только не считать того, что слишком жирная рыба, особенно вначале, причиняла некоторые неудобства. Я часто спрашивал у рыбаков, не вре-

дит ли им употребление рыбы, но они всегда уверяли, что болезни, и в частности лихорадка, у них большая редкость. Однако то, что употребление сильно подпорченной соленой и вяленой протухлой рыбы, приготовленной на испорченном затхлом рыбьем жире, может быть вредным, это я весьма охотно допускаю и думаю, что в этом главный источник частых заболеваний перемежающейся лихорадкой в Бухтарминске и Усть-Каменогорске. Было бы, несомненно, очень желательно, чтобы рыба заготавливалась более совершенным способом и еда была бы здоровее и более вкусной. Я, по крайней мере, вовсе не мог есть рыбу, засоленную всего неделю тому назад, которая распространяла совершенно отвратительный запах. Окуней и чебаков — те и другие водятся в Иртыше во множестве и по-настоящему вкусны — не ест и не замечает никто.

Глава четвертая

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ БУХТАРМИНСКА В УСТЬ-КАМЕНОГОРСК. ОСМОТР РУИН АБЛАКИТА. ПОЕЗДКА В СЕМИПАЛАТИНСК И ПРЕБЫВАНИЕ В НЕМ

Наконец-то, 27 июня, мне удалось выбраться из Бухтарминска! Вечером я сел в лодку с моими двумя людьми и двумя казаками, и вскоре Бухтарминск скрылся из вида. К 8 часам мы проехали уже 25 верст и, когда начало смеркаться, причалили к левому берегу, против устья р. Пихтовки, протекающей близ Александровского. На следующее утро мы довольно поздно покинули наш ночной лагерь и часов в пять пополудни причалили в Усть-Каменогорск. Мы проплыли 120—130 верст.

Ниже устья Бухтармы течение Иртыша становится намного быстрее и часто даже бурным. Это ускорение течения обусловлено главным образом тем, что реку сильнее стискивают горные массы, русло приобретает более крутой уклон. Привнесенные воды Бухтармы, конечно, мало влияют на это ускорение, так как, хотя Бухтарма и течет очень быстро, но ее

водная масса по отношению к Иртышу весьма незначительна, а то, что и сам Иртыш уже выше устья ее течет довольно бурно, видно потому, что воды Бухтармы Иртыш оттесняет далеко в сторону и они еще долго заметны в виде узкой белой полосы. Горы от Бухтарминска все более повышаются, достигая наибольшей высоты между Александровском и Феклиновском, затем снова понижаются и близ Усть-Каменогорска заканчиваются невысокой Пригонной сопкой.

Горы здесь, как и у Александровского, состоят в основном из глинистого сланца. Местами проступает гранит, однако редко и лишь в небольших массах. В глинистом сланце чистый кварц содержится в более или менее тонких жилах, которые расположены большей частью как попало, но часто и горизонтально. Там, где эти кварцевые жилы очень мощны, слои глинистого сланца сдвинуты и

нерегулярны. Склоны на правом берегу преимущественно очень круты, обрывисты и голы, на левом берегу они более отлоги и покрыты перегноем. Но и на правом берегу отдельные участки менее круты и сплошь покрыты почвой, так же как и на левом берегу нередко поднимаются огромные, отвесные, голые стены, причем одно место особенно выделяется своей отвесной, чрезвычайно высокой, стоящей обособленно вершиной, названной казаками «Петуший гребень», замечательной также и тем, что несколько лет тому назад (если верить рассказам моих казаков) часть этой горы, высотой, по крайней мере, в 100 футов обрушилась. Местами берег поднимается из воды так круто, что высадиться на сушу совсем невозможно. В других местах к реке подступают большие крутые скалы. То и дело встречаются маленькие водопады. Иногда река с силой разбивается о скалы. Это бывает чаще всего там, где она несколько меняет свое направление. В таких местах следует быть осторожным, чтобы не попасть во власть течения. Наиболее опасное в этом отношении место у лодочников известно под названием «Семь братьев». Если там течение подхватит судно, то несет его от одной скалы (семь из которых особенно выступают, отсюда и название) к другой и крушение почти неизбежно. Впрочем, плавание по течению нетрудно и не опасно, и несчастные случаи бывают редко. Вверх по течению суда поднимаются с большим трудом. Из-за большой силы течения веслами почти ничего не сделаешь, и суда приходится тащить. Это делают люди, а поскольку то по одному, то по другому берегу пройти бывает невозможно, рабочим приходится часто переправляться через реку, что с лошадами было бы слишком трудно. Там, где оба берега непроходимы, на небольшой лодке отвозится вверх по течению и выбрасывается якорь, к которому привязывается длинный канат, и судно таким образом перетягивается дальше. В маленьких лодках лодочники проежают такие места, цепляясь за скалы и толкая лодку. Вниз по течению расстояние между Бухтарминском и Усть-Каменогорском без труда проежают за один день, вверх же по течению на ма-

леньких лодках за три-пять, на больших — за восемь-десять дней.

Растительность по Иртышу в основном очень сходна с растительностью у Александровска, здесь отсутствуют только такие растения, которые любят высокие места. Я нашел лишь немногие растения, которые там не встречаются, например *Thalictrum exaltatum* н., репейник (*Arctium Bardana*), ястребинку ядовитую (*Hieracium foliosum*), душицу обыкновенную (*Origanum vulgare*), чистец болотный (*Stachys palustris*), чину гороховидную (*Lathyrus pisiformis*), горчак выемчатый (*Picris sinuata*?), тысячелистник заостренный (*Achillea acuminata*), щавель кислый (*Rumex Acetosa*), воробейник обыкновенный (*Lysimachia vulgaris*), донник ароматный (*Melilotus suaveolens*?), а на сухих холмах — множество косягорника пурпурового (*Prenanthes diversifolia*).

На склонах местами я видел небольшие сосновые и пихтовые леса, а также березы; по берегам и на островах часто попадались обычный тальник и осина, меньше было осокоря, тополя лавровлистного и березы. На этих островах и в горах заготавливают дрова для Усть-Каменогорска и некоторых других лежащих ниже редутов и селений.

Во многих местах на левом берегу, особенно в окрестностях Бухтарминска, далеко протянулись плетни, идущие к глубоким ямам. Эти сооружения служат для ловли косялей. Когда в начале октября эти животные покидают горы и переплывают Иртыш, спеша в более теплые края, эти плетни заставляют их двигаться к неогороженным пролетам, где они падают в специально выкопанные ямы. В удачные годы близ Бухтарминска ловят по 400 и даже больше косялей. В начале апреля косяли возвращаются в горы, и тогда тоже много их ловят в воде или пристреливают.

Как только я прибыл на свою квартиру у купца Попова, где меня очень радушно встретили, начался сильный ливень, который залил все улицы. Когда прояснилось, я поспешил к штаб-хирургу Ставропольскому. На следующее утро я пошел с ним к казачьему атаману г-ну Иванову. Слабую надежду, которую я все еще питал — получить возмож-

ность поехать к Тарбагатаю, — мне пришлось совсем оставить. Но я хотел, по крайней мере, посетить Аблакитские Палаты², и попросил г-на Иванова помочь мне в этом. Он обещал дать мне казаков для прикрытия и одного охотника, а лошадей пришлось нанимать, что в это время года, когда близ города паслось очень мало лошадей, а крупные табуны были далеко, становилось делом чрезвычайной трудности. В конце концов мне удалось получить четыре лошади; г-н Ставропольский, пожелавший меня сопровождать, одолжил мне свои длинные дроги (вид телеги), и отъезд был назначен на 1 июля. Хотя теперь киргизы не кочевали в окрестностях Аблакита, мы все же не могли пренебречь мерами предосторожности, так как этот разбойный народ в поисках добычи оказывается далеко от своих стойбищ. Так, 28 июня двое киргизов на левом берегу Иртыша, всего в нескольких верстах от крепости, увели лошадей у других киргизов. Здесь было также получено известие, что более 1000 киргизов собралось, чтобы подкараулить и ограбить одного киргизского султана, несколько дней тому назад въехавшего из Усть-Каменогорска, и тем отомстить за разбой, учиненный султаном несколько лет назад в той волости. Опасались, что султану трудно будет уйти от бандитов.

30 июня у меня была неожиданная радость: я получил весточку от статского советника Ледебур, которую передал один ученик, посланный им сюда для сбора некоторых семян и растений. От него же я узнал много нового о двух других наших экспедициях. После полудня он должен был проводить меня на Пригонную сопку, на которой недавно побывал и статский советник Ледебур. Растительность этих мест в основном подобна флоре близ Бухтарминска, хотя многие редкие экземпляры той местности здесь не встречаются. Зато я нашел очень красивый порезник седоватый новый (*Seseli graveolens* n.), начинающий цвести и, к сожалению, совершенно отцветший астрагал мешковидный (*A. follicularis*) вместе с другим астрагалом, которых у Бухтарминска нет.

На следующее утро мы задержались с отъездом до 9 часов. Выше

крепости мы переправились через Иртыш, что из-за довольно быстрого течения и большого острова, который пришлось далеко объезжать, чтобы найти хороший фарватер, продолжалось довольно долго. Лошади и наши дроги были переправлены еще с вечера. Упаковав выюки, мы запрягли лошадей и поехали на юг, сначала по лугу, покрытому роскошной растительностью, шириной около шести верст, затем нам пришлось взбираться на ровную гряду холмиков, с которой четырьмя верстами далее мы спустились к маленькой р. Аблакитке. Ехать без дорог и троп по высокой пышной траве и сланцевым холмам было так трудно, что мы только около полудня достигли Аблакитки и решили здесь остановиться на обед. Эту остановку я использовал для осмотра окрестностей. Аблакитка течет в узкой долине, слева ограниченной низкими, но крутыми сухими сланцевыми холмами, которые продолжают-ся на правом берегу. Речка маленькая, мелкая, с галечным дном и хорошей водой. Течет она быстро, и в ней, видимо, много форели. Через узкое устье она впадает в Иртыш, приблизительно в 12—14 верстах выше Усть-Каменогорска. Поднявшись на холм, я нашел лишь хилую и совершенно обычную для таких мест растительность, за исключением разве звездчатки развилистой (*Stellaria Passerina*), которую я прежде нигде больше не видел. На берегах речки тоже не оказалось ничего примечательного. Важнейшими растениями этой местности были лисохвост ползучий (*Alopecurus repens*), двухкосточник тростниковидный (*Phalaris arundinacea*), ежа сборная (*Dactylis glomerata*), мятник луговой (*Poa pratensis*), полевица волосовидная (*Agrostis vulgaris*), кровохлебка многобрачная (*Sanguisorba carnea*), василек прижато-чешуйчатый, крестовник суходольный, чертополох поникший, поручейник широколистный (*Sium lancifolium*), вечерница сибирская, девясилы — высокий и британский, несколько видов шавеля, горошки — мышиный и заборный (*Vicia cracca* et *sepium*), чина луговая, донники — белый и зубчатый (*Melilotus dentata*), погребок большой (*Rhinantus major*), рогоз широколистный (*Thypha latifolia*), осока острая,

тростник обыкновенный, частуха по-дорожниковая (*Alisma Plantago*), несколько обычных ив, смородина черная, куриное просо (*Orthopogon Crusgalli*), в лужах — рдест маленький (*Potamogeton pusillus*), а кое-где во множестве иссоп крупноцветковый (*Hyssopus officinalis*) и шалфей пустынный (*Salvia deserta*). Листоед полынный (*Galeruca Absynthii*) покрывал собой всякие растения, особенно галофиты, а быстрианка двухполосная (*Anthicus bifasciatus* Gebl.) водилась на цветах девясила высокого.

Дав своим лошадям небольшой отдых, мы тронулись дальше. Затем мы пересекли Аблакитку и продолжали ехать вверх по реке, ее правым берегом. Дорога вела через многочисленные ручьи, впадавшие в Аблакитку и окаймленные прекрасными лугами. Эти ручьи разделяли невысокие холмы. Но проехать на телеге здесь было почти невозможно, и мы почти каждый миг боялись, что наша повозка разобьется. Горы к востоку и югу делались все выше и скоро стали весьма высокими. Мне бросилось в глаза то, что гранитные горы здесь значительно выше сланцевых, тогда как до сих пор я наблюдал только обратное соотношение. Я думаю, что не ошибусь, если скажу, что самые высокие горы поднимаются над Аблакиткой по меньшей мере на 3000—3500 футов*. Гранитные горы выглядят чрезвычайно крутыми, расщепленными, дикими; нередко на них встречаются хвойные заросли. Обстоятельства не позволили мне подняться на эти горы. Сделать это без проводника, вероятно, очень трудно. Вся эта цепь известна у русских под общим названием Аблакитских гор. Даже киргизы, говорят, редко бывают здесь.

На сухих холмах у дороги росли жабрицы новые — гладковатая и седоватая (*Seseli tenuifolium* n. et. *S. graveoleus* n.), татарник огненный (*Cirsium igniarium*), горичник русский (*Peucedanum officinale*), астрагал экспарцетный (*Astragalus Onobrychis*), новый лен бледноватый (*Linum pallescens* n.) и иссоп крупноцветковый наряду с другими, неоднократно уже упоминавшимися растениями. Несколько незначительных солонча-

ковых площадок были покрыты еще не цветущими полынями и галофитами, среди которых особенно часто попадалась комфорозма русская (*Comforosma ruthenicum*).

По обе стороны реки я замечал чудские могилы. Большинство из них было разрыто. Кое-где у края могилы лежали сланцевые плиты, и на одной из этих плит еще можно было ясно различить грубо высеченное человеческое лицо. То и дело мы видели и киргизские кладбища.

Проехав около 45 верст, мы расположились у реки, неподалеку от нескольких красивых тополей. Здесь я нашел великолепные крестовник сибирский новый (*Cineraria thyrsoidea* n.) и остролодочник голый, которые я впервые видел цветущими в таком большом количестве.

На следующее утро мы направились дальше своей дорогой, которая вела нас по заболоченному лугу, почти сплошь покрытому триостенником болотным (*Triglochin palustre*), и мы едва смогли там пройти. Мы видели также несколько киргизских полей, засеянных шестирядным ячменем, который выглядел превосходно. Около 11 часов мы достигли, наконец, руин Аблакитских Палат, находящихся примерно в 70 верстах от Усть-Каменогорска.

Описание этого теперь совершенно разрушенного джунгарского храма, сооруженного в 1654 г. джунгарским князем Аблаем, можно найти у Палласа*. Киргизы выломали красивый, крупный, крепкий обожженный кирпич на постройку памятников умершим султанам и другим богачам, так что теперь остались только фундамент и огораживающая все это место стена. Примечательно, что строители этого сооружения продолжили стену и по высочайшей, почти недоступной круче расположенной на севере горы, через нагроможденные гранитные глыбы. Я нашел два места, где трещины в горе были расширены явно искусственно, чтобы получились выходы. Поражает маленькое, около 100 футов в длину и 50 футов в ширину, озеро, расположенное на горе в северо-западной стороне и втиснутое меж двух отвесных скальных стен.

* Следует заметить, что ни одна высота не замерена. (Прим. автора).

* Pallas. Reise durch verschiedene Provinzen des russischen Reiches, Bd. 2, S. 545 u. f. (Прим. автора).

Оно очень глубокое, в нем бурая, хотя и довольно хорошая, вода и полно жирных карасей, которых порой ловят жители Усть-Каменогорска. Вокруг развалин храма я заметил могилы, которые совершенно сходны с так называемыми «чудскими» могилами, хотя, возможно, обязаны своим существованием только джунгарам. Лет 25 тому назад сотня солдат около двух месяцев производила здесь раскопки и вскрыла многие могилы. Но говорят, они выкопали лишь кости да одну маленькую медную кружку.

На севере и на востоке стоящая изолированно гранитная гора, на южном склоне которой был построен храм, отделена от невысоких, безлесных сланцевых гор долиной шириной около версты. В долине к северу вьется небольшой ручей, на берегах которого — красивые зеленые луга. По восточной долине тоже течет ручей, огибающий южное подножие стены, а затем впадающий в Аблакитку примерно в версте к западу. На юге и востоке простирается расширяющаяся до 6—8 верст долина, дальше ее также охватывают сланцевые горы, между которыми бежит Аблакитка, делая множество излучин. Приблизительно в пяти верстах к юго-западу еще заметны якобы следы печей, где, по-видимому, обжигались кирпичи для строительства зданий. Утверждают, что на юго-востоке, на расстоянии десяти и более верст, лежит несколько больших озер, питающих притоки Аблакитки. Впрочем, горы, видимые отсюда, гораздо ниже гор, находящихся ближе к Усть-Каменогорску.

На влажных лугах растет масса уже названных при описании Аблакитки растений, к которым следует еще добавить бузульник пирамидально-метельчатый (*Cineraria thyrsoidea*), новый золототысячник Мейера (*Erythraea Meyeri* n.), кипрей жilkоватый (*Epilobium roseum*), горошек четырехсемянный (*Ervum tetraspermum*). Склоны гранитных гор покрыты зарослями жимолости мелколистной, новой смородины разнотравной, нового крыжовника игольчатого, сибирского барбариса, шиповника колючего, таволг — зверобоелистной и калинолистной, желтой акации и дерезы, бузины красной (*Sambucus racemosa*), кизильника

черноплодного. Кроме того, я заметил тут немало таких растений, которые встречались мне на Мохнатой сопке близ Бухтарминска, а также клоисию солнцепечную (*Hesperis apica*), копеечник (*Hedysarum* sp.), лен бледноватый (*L. pallens*), володушку серповидную (*Bupleurum falcatum*), красивый папоротник (*Aspidium*), смолевку алтайскую (*Silene altaica*), змееголовник цельнокрайнелистный, лук дудчатый (*A. fistulosum*) и стареющий, крапиву коноплевую (*Urtica cannabina*), борец противоядный (*Aconitum Anthora*), солонечник (*Aster fastigatus*), заразиху тонкую (*Orobanchе cruenta*?), скрыпун гибридный, истод гибридный, качимы — вильчатый и постенный и т. д.

Я был сильно изумлен, увидев во многих местах разостланные для просушки сорванные растения, и даже каждый вид растения отдельно. Кругом бегало много сусликов и кроме них не было никаких других млекопитающих. Вечером и ночью мы часто слышали возгласы какого-то существа, которые весьма напоминали шелканье соловья*. Все наши старания поймать это существо остались безрезультатными. Мы поставили ловушки перед некоторыми норами, пробовали выгнать животных оттуда дымом и водой, но все было напрасно. Вообще очень жаль, что мы во всей этой местности не нашли никакой дичи, хотя с нами был весьма хороший и усердный стрелок, лезгин по национальности, который несколько лет тому назад вместе с несколькими другими лезгинами был схвачен за набег и направлен в Усть-Каменогорск для несения казачьей службы. Он был неутомим, объездил все вокруг, однако ничего не нашел, кроме нескольких уток, удонов и сусликов. Сырая, холодная погода заставила спрятаться и насекомых, из которых можно было увидеть лишь некоторых. На порезнике бухтарминском водились лептуры (*Leptura cruciata*) и *Cistela sulphurea*; на различных крестоцветных — травяные клопы (*Cimex oleracea*).

* По Фальку, эти звуки, издает, вероятно, пищуха (*Lepus pusillus*), которую из-за ее обыкновения запастись себе сено русские называют сеноставкой; и надо полагать, что это она разложила отгрызанные растения. (Прим. автора).

3 июля пополудни все небо заволкло тучами, и начался сильный дождь, так что мы вынуждены были ехать обратно. Мы переночевали в десяти верстах от Палат и вечером 4 июля вполне благополучно вернулись в Усть-Каменогорск.

5 июля я был у г-на Иванова, чтобы посоветоваться с ним, как лучше всего путешествовать по заиртышским степям. Поскольку г-н Иванов много раз проезжал те степи, то вряд ли я мог найти лучшего советчика. Вместе с тем он предложил съездить на Монастырские горы*. Но так как на этих высоких, крутых горах, похожих на Аблакитскую цепь, я тоже не мог рассчитывать на какую-нибудь особенную добычу, я решил не терять на это времени, считая, что будет гораздо важнее теперь же, в соответствии со своим планом, проникнуть дальше в глубь степей. К этому меня побуждала также открывшаяся г-ном Ивановым перспектива, что мне, возможно, удастся добраться до месторождения очень редкого минерала — диоптаза. Г-н Иванов советовал мне поговорить в Убинске с г-ном Вяткиным, который дважды бывал на том месте и мог бы дать мне более точные сведения. От Кар-Каралы, по данным г-на Иванова, расстояние до рудника, где добывается диоптаз, около 50 верст. Еще г-н Иванов предложил мне отправиться не обычной дорогой — из Семиарска в Кар-Каралы, а из Семипалатинска ехать через Иртыш степью, чтобы попутно посетить удивительную пещеру** в

горах Чингис-Тау, у реки Чаганки. По его мнению, чтобы добраться до этой пещеры, нужно сделать небольшой крюк. Вообще, он определил расстояние от Семипалатинска до Кар-Каралы, если ехать таким путем примерно в 150 верст*. Такое путешествие в 200 верст должно было, по моему расчету, оставить мне еще достаточно времени для того, чтобы либо продвинуться дальше к истокам Ишима, либо вернуться к Нор-Зайсану.

Поскольку начавшийся сенокос грозил частными задержками, если бы я со всеми своими вещами захотел ехать сухопутной дорогой, моему ученику пришлось доставлять багаж в Семипалатинск по воде. Я же избрал проселочную дорогу, чтобы лучше ознакомиться с окрестностями. Г-н Иванов велел приготовить нужные мне бумаги, и я решил 6 июля пополудни выехать из Усть-Каменогорска. Но из-за сильного дождя поездку пришлось отложить.

Заказанные еще накануне лошади прибыли только 7 июля после 10 часов, и я приказал быстро завьючить их, чтобы, наконец, покинуть Усть-Каменогорск. На сухих полях между крепостью и Ульбой росло множество жабрицы гладковатой. Проехав Ульбу, мы направились на запад. Примерно в трех верстах от реки дорога дает отворот направо, к Согре. Слева на некотором расстоянии остается небольшое казачье поселение, основанное лет 70 тому назад для охраны посевов, поэтому оно до сих пор и именуется «Пахотная защита». Затем дорога идет по ровным холмам, и только дальше к северу начинаются невысокие горы, состоящие в основном из гранита. Там и тут видны обнажения чистого кварца. На отдельных влажных местах я заметил резак поручейниковидный (*Stium Falcaria*).

На расстоянии 17 верст от Усть-Каменогорска мы проехали через Прапорщикову, которая относится к

* Монастырские горы (по-калмыцки и по-киргизски «Дуллогало-Чёкёт»), находящиеся примерно в 80 верстах к юго-западу от Усть-Каменогорска, названы русскими по главной вершине, которая издали кажется зданием, украшенным многочисленными башнями. По описанию г-на Иванова, эти горы окружают, напоминая уходящих в небо природных стен, большую равнину, версты в две длиной, покрытую красивой зеленью и орошаемую многочисленными, стекающими с гор ключами. Эти ключи образуют маленькую речку, чье узкое русло является единственной дорогой, по которой можно попасть в эту замкнутую долину. (Прим. автора).

** Слухи, распространяемые об этой пещере, прямо-таки поразительны. Говорят, что узкая щель ведет к коридору длиной примерно с версту, в конце которого якобы есть теперь сильно разрушенная лестница, ведущая наверх, к гроту. Там стоят две палатки — синяя и красная. Что скрыто под этими палатками, никто не знает и никто не отважился к ним приблизиться. Однажды это попытались сделать два молодых отважных киргиза; но прежде чем смогли узнать, что там спрятано, они испытали нечто страшное и вынуждены были

немедленно бежать оттуда. Впрочем, пещера эта в большом почете у киргизов; если болезнь поразит их или скот, они кладут у входа в нее мясо, другие продукты и разные вещи. Эти жертвы, по их мнению, уносятся невидимыми руками. Говорят, там собрано много черепов архаров. (Прим. автора).

* Насколько больше это расстояние, чем его определил мне г-н Иванов, можно видеть из описания моей поездки. (Прим. автора).

округу. В ней проживает 73 семейств с 220 жителями мужского пола, которые, кажется, живут благополучно. Во всяком случае, избы и одежда жителей имели приличный вид, а вокруг виднелись большие поля. В шести верстах от этой деревни мы свернули налево от тракта, на узкую тропу, ведущую к Уваровскому реду-ту (24 версты от Усть-Каменогорска). Более короткая дорога на Усть-Каменогорск ежегодно из-за весенних дождей настолько портится, что становится совсем непроезжей. Редут расположен на небольшой возвышенности, примерно в полуверсте от Иртыша, здесь вполне добротные избы, а также маленькая деревянная часовня. С этой возвышенности дорога идет вниз по широкому красивому лугу, где местами растет проскурняк лекарственный, и снова выходит на почтовый тракт, который протекает в основном по невысоким холмам. В восьми верстах от Уваровска мы миновали с. Глубокое, стоящее у мелкой речушки Глубокой. Это село, которое тоже относится к горнозаводскому округу, довольно велико: в нем проживает 146 семейств, в том числе 454 жителя мужского пола, которые, видимо, зажиточны и якобы владеют табунами лошадей — около 1500 голов на село. И здесь есть деревянная церковь.

Проехав еще шесть верст, мы пересекли речку под названием Крутая. Берега ее заросли обычным тальником, черемухой, крушиной слабой, шиповником остроиглым (*Rosa oxyacantha?*), смородиной черной, тополем белым, вьюном белым (*Calystegia sepium*), скердой (*Crepis p. sp.*), золотарником (*Solidago Virgaurea*), чертополохом курчавым (*Carduus Crispus*), чемерицей черной (*Veratrum nigrum*), бубенчиком Ламарка, льянкой дроколистной и некоторыми другими подобными растениями. Через версту мы подъехали к ручью Земляной Мосточек. Дальше горы становятся выше, достигая у Красного Яра уже довольно значительной высоты.

Редут Красный Яр расположен на высоком крутом берегу Иртыша, у р. Красноярки*, в 21 версте от Ува-

ровска. В этом форпосте проживает 30 семейств — 35 служащих, 15 резервных и 8 отставных казаков, 42 казака-кантониста и 111 женщин. В полуверсте дальше к западу находится с. Красный Яр*, относящееся к горнозаводскому округу. Между селом и редутом стоит маленькая изящная деревянная церковь. Левый берег Красноярки, впадающей ниже села в Иртыш, весьма крут и высок; по правому берегу тянутся луга, а дальше довольно высокие голые горы. Почва между Краснояркой и Иртышом состоит из глины. Дождь и весенние воды нередко смывают эту глину, образуя многочисленные глубокие овраги. Кроме салата степного (*Lactuca Scariola*), остролодочника яркоцветного и стеригмы войлочной, я не заметил никаких интересных растений. Нередкость здесь жук-хищник (*Staphylinus murinus*).

На следующее утро я мог отправиться дальше только около девяти часов, так как очень долго готовили лошадей и лодку. Дорога шла то по наносной глинистой почве со множеством оврагов, то по ровным сланцевым холмам с массивами белого кварца. В девяти верстах от Красного Яра мы проехали д. Березовку, стоящую на берегу Иртыша у р. Березовки и насчитывающую 54 семейств со 176 жителями мужского пола. Затем мы поехали по боковой дороге, вдоль берега Иртыша, так как собственно почтовый тракт проходит выше и ехать по нему немного дольше. В нескольких верстах от деревни я кое-где находил солонечники Гаупта (*Aster fastigiatus*), хотя и понемногу. Местность становилась все более пустынной и степеподобной, и лишь немногие полыни и пучки листьев колосняка гигантского кое-как прикрывали сухую глинистую почву. Хотя влажные лощины и были покрыты более богатой, зато самой обычной растительностью. Эта скучная дорога привела нас, наконец, к Барашинской (22 версты от Красного Яра).

Деревня Барашинская стоит на сланцевом холме, который круто обрывается к Иртышу. Здесь про-

* Паллас называет эту речку Березовкой (Прим. автора).

* У Палласа в его «Путешествии» это наименование носит совершенно другая деревня, которую не следует смешивать с упомянутой. Та находится дальше к северо-западу, на Убе. (Прим. автора).

живает 30 семейств с 30 служащими, 9 резервными и 11 отставными казаками, 52 казаками-кантонистами, 107 женщинами и 8 работниками-киргизами.

Дорога остается все время ровной, и окрестности очень пустынные, хотя меня и порадовали серпуха чертополоховая и марь остроколючая. Уба имеет довольно высокие, крутые, недоступные берега, поэтому приходится делать дальний объезд до переправы. Берега покрыты тальником, калиной, тополем белым и осокорем, черемухой, которые густо обвиты лозом сизым; попадался и татарник (*Cirsium dealbatum*?)*. Уба за несколько часов сильно прибыла, и перевозчики заключили, что в горах идут сильные дожди. Река текла теперь очень быстро и бурно.

Форт Убинский, называемый также Усть-Убинским, находится в 27 верстах от Барашинской и примечателен своей прелестной каменной церковкой. В этом селении проживают 47 семейств, 57 служащих, 7 резервных и 5 отставных казаков, 52 кантониста и 135 женщин.

Побеседовать с г-ном Вяткиным мне удалось лишь с большим трудом. Он получил распоряжение выехать за Иртыш и должен был в тот же день вечером отправиться в путь. Но он был настолько любезен, что на минутку забежал ко мне, чтобы дать мне более подробную справку о местонахождении диоптаза**. Сильная затяжная гроза вынудила меня переночевать здесь. 9 июля я также не мог отправиться раньше 8 часов из-за своего громоздкого багажа. Дорога вела большей частью степью с глинистой почвой. Нам встретилось довольно много киргизов с овцами, рогатым скотом и несколькими верблюдами.

Пьяноярск, находящийся в 14 верстах от Убинска, стоит на высоком крутом берегу Иртыша. Число жителей мне неизвестно. Отсюда идет

почтовый тракт в Змеиногорск, до которого отсюда 109 верст.

Когда прибыла наша лодка и вещи были упакованы, мы покинули Пьяноярск. До р. Шульбы местность оставалась равнинной, а растительность малопривлекательной, хотя я здесь впервые нашел новогатку многоцветковую (*Serratula multiflora*) и льнянку дроколистую (*Linaria genistaefolia*). Шульба была теперь мелкой, хотя довольно быстрой. На ее берегах я нашел лютик солончаковый, остролодочник голый, герань холмовую (*Geranium Longipes*?) и хорошенький лядвенец (*Lotus*), которого было очень много. На другом берегу виднелись остатки заложенной еще в 1740 г. Демидовым плавильни, которая, впрочем, так и не была пущена в ход. Деревня, стоящая во времена Палласа на правом берегу Шульбы, давно перенесена, и только довольно длинный земляной вал указывает на место, где она стояла. Эта область, говорят, богата медной рудой, которая, однако, не используется, чтобы сбросить лес для Змеиногорского металлургического завода. Отсюда начинается сосновый бор, который тянется до Семиярска. Дорога, обходя песок, пролегает на протяжении 25 верст берегом Иртыша до руды Шульбинского. Шульбинск расположен на крутом правом берегу Иртыша, сланцевом и богатом ключами. Примерно на расстоянии 50 шагов к северу от берега начинаются глубокий песок и сосновый бор.

Я снова нашел здесь много растений песчаной области, простирающейся по Иртышу, выше р. Курчума, например астрагал песочный, василек белolistный (?), козелец австрийский, косогорник (*Prenanthes*), желтушник (н. sp.), верблюдку восточную (*Corispermum Palasii*), колосняк гигантский, новогатку васильковую (*Serratula cyanoides*), ластовень сибирский и, кроме того, еще горичник байкальский (*Peucedanum polyphyllum*), льнянку прямую (*Linaria stricta*) и кохию шерстистоцветную (*Kochia arenaria*). На растениях я видел узконадкрылку чернозадую (*Cedemera melanura*).

Поскольку в окрестностях Шульбинска кругом песок, казаки пасут свои стада и косят сено на островах и на левом берегу Иртыша. Теперь в

* Этот вид *Cirsium* встречается только на Кавказе и указан автором ошибочно. (Прим. перев.).

** Поскольку я сам побывал там, то могу опустить подробности. Упомяну лишь, что он выламливал там чистые кристаллы почти по 20 фунтов, и пазову имена казаков, которые сопровождали его туда: это были Домохвалов из Талицы, Новиков и Белоярцев из Озерков, Мурашкин из Старой Крепости, Прокопий Нечасев из Извинска и Трухин из Долани. (Прим. автора).

форпосте не было ни одного казака: скоро должен был начаться покос, и почти все они были заняты распределением своих сенокосных участков. Поэтому мне, прежде чем двинуться дальше, пришлось ожидать несколько часов.

Чтобы миновать труднопроходимый песок на правом берегу Иртыша, мы решили воспользоваться двумя хорошими парами и переправиться через Иртыш, а до Талицка ехать левым берегом, по твердой глинистой почве, где к тому же дорога на пять верст короче (длина ее на правом берегу 25 верст, на левом же всего 20).

По берегам Иртыша растет немало тополей лавроволистных. На лугах левого берега я нашел также морковник горный (*Silaus alpestris*) и новую жабрицу торчащую (*Seseli strictum* п.), а дальше, на солончаковых участках, нередко встречал кермек Гмелина (*Statice Gmelini*), горькушу солончаковую (*Saussurea salsa*), чингаль серебристый и дерезу.

Только в сумерках мы подъехали к перевозу, напротив Талицка, и нам пришлось долго кричать и несколько раз выстрелить, прежде чем подали паром. В это время поднялся сильный ветер и началась сильная гроза. Это было действительно не очень приятно — ночью, под непрекращающимся дождем, при молниях и громах, — плыть по бушующей реке, но при должных мерах предосторожности все обошлось благополучно. На правом берегу находится караул таможи из Семипалатинска. Часов в 11 мы, промокшие до нитки, добрались до Талицка. Наш багаж к устью Талицы был доставлен на следующее утро, так как сильный ветер и темнота вынудили наших людей причалить в нескольких верстах от Талицка и там переночевать.

Талицк расположен в трех верстах от Иртыша, на небольшой возвышенности, близ обширной низины, простирающейся до Иртыша и орошаемой рч. Талицей. Построено это селение очень хорошо, в нем 52 избы, в которых проживают 42 служащих, 13 резервных и 7 отставных казаков, 73 казака-кантониста и 133 женщины.

Дорога в Озерки, до которых 21 верста, идет по солончаковой почве, покрытой галофитами: лебедой (*Atriplex*), сведами, солянками, кер-

меком Гмелина и т. д. Там и тут, особенно на песчаной почве, рос чингаль серебристый. В 14 верстах от Талицка дорога снова проходит близ соснового бора, где я заметил те же растения, что и в окрестностях Шульбинска, в том числе песчанку златолистную (*Arenaria filifolia*). Однако очень влажное место слева от дороги покрыто вехом ядовитым (*Acuta virosa*) и особенной *Fremella*, которую здесь заметил еще Паллас (*Pallas Reise*, В. 2, S. 505). В изобилии цвел также остролодочник яркоцветный. Проехав еще с полверсты, мы подъехали к рч. Березовке, у которой стояла новая небольшая деревня.

Озерки, или Озерский, располагаются на невысоком берегу Иртыша. Здесь 37 изб и живет 38 находящихся на службе, 13 резервных и 9 отставных казаков, 49 кантонистов, 102 женщины и 3 работника-киргиза. Я задержался до утра 12 июля, как для того, чтобы познакомиться с окрестностями, так и для того, чтобы осмотреть и высушить собранные растения, которые сильно пострадали от сильных дождей.

С севера селение окружено обширной песчаной равниной, где во множестве росли колосняк гигантский, тырса, осока твердоватая, катунок, марь остроконечная, таволга зверобоелистная, липучка пониклая, астрагал длиннолистный, проломник большой, плоскоплодный льнолистный (*Meniocus liniifolius*), гвоздика ветвистая, курчавка кустарная, овсяница овечья, ноговатка васильковая, шалфей пустынный, перекати-поле, верблюдка восточная, прутняк и кохия шерстистоцветная, василек белолистный (?), лук шаровидный белолистный (?), лук шаровидный (?) (*Allium globosum*?), бессмертник песчаный (*Gnaphalium arenarium*).

Версты через четыре к северу от редута мы достигли соснового бора, в котором обнаружили те же растения, что и возле Шульбинска. Западнее в состав почвы входит намытая глина с конгломератом, а дальше — сланец. Главнейшие из растущих здесь растений: астрагалы — алтайский, длиннолистный и экспарцетный, остролодочник яркоцветный, таволга зверобоелистная, проломник большой, бурачок, родственник сибирскому, пло-

скоплодник льнолистный, липучка пониклая, лапчатки — вильчатая (*bifurca*) [*bituria*], серебристая и еще два других вида, тырса и чий блестящий (*Stipa altaica*), гониолимон красивый, колокольчик сибирский, люцерна серповидная, шалфей пустынный, горцы — отклоненный и разнолистный, стеригма войлочная, рыжик мелкоплодный, катунок, марь — острокопечная и душистая, гулявник изменчивый, гвоздика ветвистая, солодка голая, верблюдка восточная, прутняк, подмаренник русский, несколько не цветущих полей, смолевка волжская (?), васильки — белолистный (?) и прижаточешуйчатый, икотник серый, грыжник гладкий, полевичка волосистая, жабрица Ледебур (*Seseli Hippomarathrum*), иссоп крупноцветный, горичник русский, татарник огненный, но по Иртышу пышно росли спаржа обыкновенная, ежа сборная, мятлики — луговой и узколистный, горошки — мышиный и заборный, вьюнок полевой, подмаренник борельный, зопник клубненосный, батлачок ползучий, дрема, лесная, чины — луговая и клубневая (*Lathyrus tuberosus*), люцерна хмелевидная, шалфей пустынный, лапчатки — низкая и серебристая, рыжик мелкоплодный, пустырник сизый, костер безостный (*Bromus inermis*), шпорник редкоцветный, бутень клубненосный, тысячелистник обыкновенный, смолевка волжская (?), скерда кровельная, василек прижаточешуйчатый, крестовник суходольный, льянка линейнолистная (?), икотник серый, собачья роза (*Lavatera thuringiaca*), скабиоза желтая, донники — белый и зубчатый, девясилы — иволестный и британский, дербенник прутьевидный, подорожник средний, экспарцет кормовой, зверобой жестковолосистый, герань, родственная луговой (*Geranium pratense* aff.), чертополох поникший, бубенчик Ламарка, рябинка дикая (*Tanacetum vulgare*), василистник простой, душица обыкновенная, горчак выемчатый (?), щавель кислый, остролодочник голый, кровохлебка многобрачная, погребок большой, горичник русский, проскурняк лекарственный, морковник горный, герань холмовая (?), зубчатка поздняя (*Euphrasia odontites*), репейничек волосистый, салат степной, кульбаба мелкоцветная (*Leontodon parviflorus*), моло-

кан татарский (*Sonchus tataricus*), си-неголовник плосколистный, соссурея горькая (*Saussurea glomerata*), стальник колючий (*Ononis spinosae* var. *inermis*) и т. д.

На влажной земле и в воде я заметил паслен безволосный, бузыльник пирамидально-метельчатый, поручейник широколистный, лютик солончаковый, мяту полевую (*Mentha arvensis*), веронику ключевую (*Veronica Anagallis* var. *pubescens*), вех ядовитый, чистуху подорожниковую, триостенник болотный, кипрей жидковатый и Иван-чай, воробейник обыкновенный, чистец болотный, сусак зонтичный, василистник желтый (*Thalictrum flavum*), ситники — сплюснутый и лягушечный, желтушник болотный, болотницу болотную, шлемник обыкновенный, незабудку болотную, лютик ядовитый (*Ranunculus sceleratus*), батлачок равный, подмаренники — топяной и болотный (*Galium palustre*), кубышку среднюю, камыши — лесной, приморский и озерный, лебеду прибрежную (*Atriplex littorale*) и пр. Кроме того, берега Иртыша густо заросли крушиной ломкой, калиной, боярышником кроваво-красным, жимолостью татарской, черемухой, обычным талом, шиповником рыхлым (?), ежевикой сизой. Тополь белый и осокорь представляли собой довольно красивые деревья. Солончаки, которые обнаруживаются лишь благодаря произрастающим на них растениям, покрыты петросимонией трехтычинковой (*Polycnemum Volvox*), гологстоном скрученным (*Anabasis glomerata*), сведами, лебедой — татарской и белой новой (*Atriplex laciniatum* et *canum* п.), кермеком Гмелина, камфорозмой русской, клоповниками — пронзенным и широколистным (*Lepidium latifolium*), хориспорой сибирской, дескуренией Софья, касатиком солелюбивым, солодкой голой. На мусорных кучах — масса дурнишника обыкновенного (*Xanthium strumarium*). Насекомые встречались редко, за исключением нарывника сибирского (*Mylabris sibirica*), который во множестве ползал по зонтичным. Нередко встречался также карапузик бронзовый (*Hister deneus*).

12 июля утром я выехал из Озерков. Дорога на Семипалатинск (16 верст) идет частью по намытой

почве, частью по ровным сланцевым холмам, иногда по небольшим песчаным участкам. Чем ближе подъезжаешь к Семипалатинску, тем все больше господствуют солончаковые растения. Через две с половиной версты от Озерков, на запруженном ручье, носящем название «Бабья речка», находится казенная лесопилка. Лесопилка поставляет доски для всей округи, а особенно для небольшой верфи ниже Семипалатинска, где строятся карбасы для перевозки соли. Едва мы отъехали верст шесть от Озерков, как снова разразилась необычайно сильная гроза с ливнем. Атмосфера так была перенасыщена электричеством, что на горизонте видно были сразу несколько молний.

Между Усть-Каменогорском и Семипалатинском Иртыш снова течет медленнее, образуя много больших излучин и протяженных островов. Эти острова, большей частью богатые травами, предоставляют жителям превосходные покосы. Во многих местах река достаточно глубока, хотя нет недостатка и в мелях, которые с понижением уровня воды становятся труднопроходимыми. По берегам растут березы, ивы и тополи. В реке, говорят, водятся щуки, налимы, режешельники, которых ловят в основном большими сетями (неводами). Лишь кое-где я замечал протянутые через реку шнуры с удами для ловли стерляди и осетров, которые здесь, видимо, встречаются редко. Млекопитающими этот край беднее. Близ хлебных мест водится земляной заяц (*Dipus Jaculus*). Травник (*Fotanus fuscus*) обычно держится на полях и по дорогам; встретил я и несколько куropаток. На Иртыше водится немало уток, особенно на маленьких, заросших камышом и осокой островах. Уж обыкновенный (*Coluber Natrix*) и ящерица прыткая — единственные земноводные, которых я здесь заметил. Насекомых здесь тоже мало.

В дождях здесь не было недостатка все это лето. С тех пор, как я выехал из Бухтарминска, почти ни дня не прошло без дождя. С утра небо бывает обычно совершенно ясным и безоблачным. Но к полудню почти ежедневно собирается сильная гроза с ливнем, а порой и с градом. Особенно частыми были грозы в Усть-Каменогорске: однажды за день прошло

шесть-семь гроз, которые, возникая в одной и той же стороне, сменяли друг друга и разражались над городом.

Хлеба нынче все хвалят и надеются на богатый урожай*. Саранча в этом году, видимо, тоже не причинила большого ущерба. Рассказывают, что в 1824—1825 гг. хлеба были почти полностью уничтожены ею. Особенно пострадали районы близ Озерков и далее ниже по Иртышу.

Местному пчеловодству в этих местах нанесен урон холодной весной и отсутствием пищи для пчел. Многие пасечники лишились якобы половины своих пчел, а новых роев строилось очень немного. Нередко целые рои гибнут в Иртыше, когда их с богатых цветов лугов на левом берегу подхватывало ветром и сбрасывало в реку.

Прииртышские казаки, страдающие пермежающей лихорадкой, очень часто пользуются отваром скрыпуна гибридного**. С успехом применяют они настой полыни альпийской (*Artemisia alpina* β), которую называют каменной полынью. Иногда они употребляют, особенно при застарелой пермежающей лихорадке, отвар аврана лекарственного (*Gratiola officinalis*), которого много возле Иртыша.

Сибирская язва случается в Усть-Каменогорске, а также в окрестностях Семипалатинска не так часто, и крайне редко заболевают ею люди. Но говорят, что за Ямышевой эта эпидемия свирепствует уже многие годы. Следует заметить, однако, что это зло становится все меньше, жертвою ее уже не бывает несметное число лошадей, как в то время, когда здесь путешествовал Паллас. Лучшим средством препятствовать распространению заразы жители по-прежнему считают изоляцию здорового скота от больного, и меня единодушно уверяли в том, что те владельцы больших табунов, которые своевременно производят это разделение, скот свой в

*Эти надежды почти повсеместно оправдались. Только между Пьяногорском и Усть-Каменогорском, говорят, пшеница пострадала от пожаров. Урожай был везде очень богатым. (Прим. автора).

** Г-н штабс-хирург Ставропольский постоянно убеждается в его добром воздействии. Он заставляет пациентов ежедневно принимать отвар одной унции этой высушенной травы. (Прим. автора).

основном сохраняют и, наоборот, пренебрегающие этой мерой терпят большие убытки*.

Поскольку в Семипалатинске гостиниц нет, я остановился у одного русского купца, женатого на киргизке из Тарбагатай, который рассказал мне многое, касающееся моего даль-

нейшего путешествия. Багаж мой прибыл только к вечеру, к сожалению, промокший от сильного дождя.

Комендант Семипалатинска полковник Кемнен, уроженец Ревеля, и полицмейстер подполковник Клостерман, тоже родившийся в Ревеле, а воспитанный в Дерпте, встретили меня весьма предупредительно и обещали всевозможную поддержку. Большинство моих желаний было сразу же исполнено. Казенным кузнецам было дано распоряжение выковать некоторые нужные рудничные инструменты. Поскольку диоптаз может быть получен только взрыванием, из казенного порохового склада было выдано необходимое количество пороха. Было также отдано распоряжение подобрать конвой из казаков. Мне чрезвычайно хотелось иметь при себе хотя бы одного из казаков, сопровождавших Вяткина до диоптазовского рудника, поэтому г-н Кемпен приказал обратиться на это особое внимание. Но страшно трудно было достать лошадей, которых мне нужно было либо нанять, либо купить. Г-н Клостерман был настолько любезен, что поручил нескольким своим знакомым навести справки у местных жителей по поводу лошадей, а г-н Кемпен обязал казаков, которые должны были меня сопровождать, прибыть с парой лошадей, надеясь, что вторую лошадь те смогут нанять дешево. А так как ни казаки, ни лошади не могли здесь оказаться тотчас, очень охотно принял я приглашение г-на Клостермана сопровождать его на здешние поля, ибо давно уже жаждал познакомиться с местным поведением.

Семипалатинские нивы расположены на севере, примерно в 25 верстах от города. 15 июля пополудни мы выехали из города осмотреть эти поля. Дорога шла по песчаной равнине, заросшей главным образом колосняком гигантским и верблюдкой восточной. Там и тут попадались отдельные влажные поляны, покрытые лютиком солончаковым, геранью холмовой (*Geranium longipes?*) и остролодочником голым (*Oxytropis glabra*). На солончаках росли некоторые еще не цветущие галофиты. Прослав около шести верст, мы достигли соснового бора, который образует границу Семипалатинского округа, так как весь бор относится уже к Колыванскому

* С этим согласуется то, что рассказал мне в Семипалатинске богатый купец Самсонов. Когда несколько лет назад этот мор косил стада, многочисленные табуны этого купца на левом берегу Иртыша оставались совершенно невредимыми благодаря правилу пастухов — ни одного стада не терпеть рядом. В Семиярске мой хозяин рассказал мне, что здоровый скот там тоже отделяют от больного и отгоняют подальше и тем часто спасают его; и теперь если где-нибудь распространяется болезнь, устанавливается довольно строгий карантин, особенно не пропускают стада, принадлежащие киргизам. Несколько лет тому назад этот мор свирепствовал в Томской губернии, визит по Оби до Нарыма, где, по словам старожилов, такой муки прежде скот не знал. Пало немислимое число лошадей. По самым достоверным источникам, зараза была занесена туда несколькими киргизскими лошадьми. По слышанным мной рассказам очевидцев, эпидемия в тех местах свирепствовала еще страшнее, чем в окрестностях Ямышевой и Железенки. И она подобна оспе, которая там, где возникла впервые, бывает наиболее губительной. Немалое влияние оказывают, видимо, и локальные причины. Так, сибирская язва еще пока не проникла в окрестности Бухтарминска и к курчумским киргизам, хотя больные лошади не раз попадали в Бухтарминск. Когда бухтарминский комендант г-н Шевнин был переведен туда из Железенки, он пригнал с собой, сам того не зная, несколько больных лошадей, которые паслись в табунах вместе с другими лошадьми и пали там, по мор не распространился. Солончаки, недостаток свежей воды и питание солончаковыми растениями — все это, вероятно, главные причины возникновения и распространения сего зла в жаркое время года. В 1803—1805 гг. г-н Шевнин находился в Железенке и Ямышевой, где тогда пало особенно много лошадей. Необыкновенно быстро погибали прежде всего те лошади, которых пригоняли из других мест, так что в течение немногих недель в одном полку пали почти все лошади. Меньше пострадали местные лошади. Часто заболели в то время и люди, но почти всегда излечивались путем вскрытия шишек и лечения их пашатырем и табаком. У самого г-на Шевнина появилась шишка под подбородком, которая тем же средством была уничтожена за несколько дней. В Ямышевой живет (или, по крайней мере, жил тогда), полковник Трейблуд, умеющий готовить такую мазь, секрет которой он никому не открывает, а она, говорят, надежное предохранительное средство, и его скот, который он выборочно смазывает этой мазью, не заражается, тогда как соседи лишились скота почти полностью. От этой язвы сильно отличается другая болезнь, от которой окрест Семипалатинска временами падает рогатый скот. Язык животного порой сильно воспаляется и мешает ему жевать. Вполне вероятно, что эта болезнь происходит от употребления трав, становящихся осенью сухими и твердыми, поэтому язык легко ранится и может воспалиться. Эта язва дала о себе знать и в нынешнем году и г-н Клостерман велел согнать весь больно рогатый скот на специальный двор, где при целесообразном парном лечении он быстро поправился. (Прим. автора).

горнозаводскому округу. Холмистая почва и очень глубокий сыпучий песок сильно затрудняли путь (длиной в 12—14 верст) через этот лес. Я заметил и здесь те же растения, что и близ Шульбинска, кроме того, еще марь остистую (*Chenopodium aristatum*), крушину (*Phamnaceum cerviana*) и замечательную разновидность качима высокого с продолговатыми и очень узкими листьями. В глубине леса, примерно в двух верстах от его северной опушки, я увидел около десятка расположенных подряд колодцев. Эти колодцы, называемые гусиными, обшиты и покрыты тесом, но не глубоки. Вода в них плохая, наполненная бесчисленными инфузориями. Однако большинство работающих на полях вынуждены пользоваться этой водой.

Проехав этот бор, видишь обширную, ровную, чуть заметно поднимающуюся к северу и северо-западу равнину, протянувшуюся к северу почти на 30 верст, а с востока на запад на 10—12 верст. Поднимается эта равнина так заметно, что с отдельных высоких мест можно видеть то, что за лесом, а в очень ясную погоду оттуда виден и город. Вся эта равнина — сухая и безводная. Лишь отдельные небольшие участки несколько влажны. Один колодец расположенный на таком влажном месте, был 15 сажен глубиной, но все же в засушливое лето он совершенно высыхал. В других местах копали еще глубже, но воды не нашли. Поэтому люди, работающие на этой равнине, вынуждены пользоваться водой из расположенных дальше на восток, тоже в лесу, Белагач-колодцев, так как многие живут за 25—30 верст от воды. Примечательно, что погода на этой равнине гораздо свежее, чем в Семипалатинске, даже в июне, особенно ночами, бывает, говорят, так холодно, что нельзя обойтись без шубы.

Каждый житель Семипалатинска может здесь обрабатывать столько земли, сколько хочет, не выплачивая никакой подати. Так как почва по мере удаления от бора улучшается, хлеба начинаются примерно в семи-восьми верстах от него. Почва состоит сплошь из глины, смешанной с песком и черноземом, причем эта корка немногим более двух футов глубиной. Если копают глубже, то натал-

киваются на совершенно крепкую глину. Говорят, что лет 10—12 тому назад земледелие здесь было более интенсивным. Несколько лет были недороды, вызванные продолжительными засухами, причем немногие хлеборобы едва покрывали свои издержки, а некоторые остались даже должны, что вынудило жителей Семипалатинска сократить свои посевы. Теперь поля здесь средних размеров, и огромные пространства остаются невозделанными. Поле обрабатывается самое большее три года подряд, затем забрасывается на 6—10 лет, после чего оно используется вновь. Поднятый в первый раз целик называется «залог», и он-то наиболее плодородный. В июне или в июле его разрыхляют и тщательно пропалывают. Так остается оно до весны, когда его еще раз вспахивают и затем засевают. Если это поле обрабатывается и на другой год, то оно получает название «перелог». Большинство полей обрабатывают наемные киргизы, которые, видимо, более дешевые и старательные работники, нежели казаки и солдаты*. Впрочем, как пахут, так и боронят они плохо и поверхностно.

Сеют здесь обычно только яровые, главным образом такие сорта пшеницы, как «аглицкая ярица», т. е. английская яровая рожь (*Triticum polomicum*), «китайка»**, т. е. китайская пшеница, «красная колоска»***, т. е. красная пшеница, «теремковка» (*Triticum turgidum*) и «калманка»****, т. е. калмыцкая пшеница.

* Теперь вообще многие работы делают семипалатинские киргизы, которых повсюду хвалят как дельных и умелых работников. (Прим. автора).

** «Китайка» — это *Triticum tricocon* Schübl. Отличается она более длинной остью трех плодоносящих колосьев, имеющих шесть парижских дюймов длины. (Прим. автора).

*** «Красная колоска» — это тот самый сорт пшеницы, который всюду выводится в ботанических садах под названием волосистой (*Triticum pilosum*) и, вероятно, тождествен *T. vulgare l rufum velutinum* (Link. — Berol. I. p. 25).

**** «Калманка» ближе других сортов стоит к пшенице плотной (*Triticum compactum* Host.), только колоски более удалены друг от друга, хотя они расположены гораздо теснее, чем у летней пшеницы (*T. vulgare*). Они, вместе с семенами, еще мельче и ости у них торчат почти вертикально. Направлением остей калмыцкая пшеница отличается также от пырея сибирского (*Triticum sibiricum* Schübl.), на который она во всем остальном, кажется, очень похожа. Такую же пшеницу, судя по экземплярам, собранным Бунге, сеют и калмыки у Чулышмана. (Прим. автора).

Обыкновенный ячмень (*Hordeum vulgare*), яровую рожь (*Secale cereale*) и овес (*Avena sativa*), как и просо, разводят, но гораздо меньше. Можно увидеть местами и горох. «Аглицкую ярицу» предпочитают всем другим сортам пшеницы и чаще сеют, ибо она очень доходна. Второе место занимает «китайка», которую охотно сеют потому, что она не так легко осыпается, как это случается с другими сортами пшеницы. Очень редко встречаются поля, засеянные каким-нибудь одним сортом пшеницы, так как во время жатвы осыпается много зерна, которое весной всходит вместе с посеянным, да, кроме того, и хозяева высевают смешанное зерно. Обычный сорняк — шетинник зеленый (*Setaria viridis*), и, наоборот, совершенно отсутствуют сорняки, обычные для других стран, такие, как василек лазуревый (*Centaurea Cyanus*), мышехвостник маленький (*Myosurus minimus*), шпорник посевной (*Delphinium consolida*), пикульник мягковолосистый (*Galeopsis Ladanum cannabina*) и т. д. На плохо расчищенном залеге появляются росшие до вспашки растения, особенно полыни, которые местами растут так густо, что душат весь посев. Посевная длится до конца мая, и на одну десятину земли высевают пять пудов «аглицкой ярицы» или семь пудов других сортов пшеницы.

В начале августа начинается жатва. Овес и рожь поспевают иногда уже в середине июля. Чем раньше завершается посев, тем надежнее урожай. Зерно, которое высевается в конце мая или в начале июня, если сразу же после посева наступает сушь, часто уже не вызревает. Засушливое лето всегда вредит здешнему земледелию, и если бывает длительная засуха, почти все выгорает. Наоборот, добрые ливни в июне и до середины июля очень благоприятны для посевов. Другой бич хлебопашества здесь саранча, которая в 1824 и 1835 г. произвела настоящие опустошения. Если первая половина июня бывает с дождями, хлеба быстро поднимаются и менее страдают от саранчи. Саранчи перелетной (*Gryllus migratorius*) в нынешнем году не было, зато очень много, особенно у лесных опушек, саранчи итальянской (*Grillus italicus*?), хотя она не причи-

няет особенного вреда посевам. Зрелый хлеб жнут серпами и частью осенью, частью только будущей весной обмолачивают лошадьми. То и другое производится очень небрежно, и можно с уверенностью сказать, что при этом теряется от пятой до четвертой доли зерна, тем более, что хлеб убирается чаще всего перезрелым. В подтверждение можно привести пару разительных примеров.

Господин Клостерман велел засеять поддесятины отборной чистой «аглицкой ярицей», причем сделать это очень тщательно, но каково же было его изумление, когда пашня оказалась густо заросшей «аглицкой ярицей», «калманкой» и «красным колоском». И выяснилось, что поле в предыдущем году было засеяно двумя последними сортами, которые дали богатый урожай. Подобные случаи очень часты, так что некоторые сельские хозяева даже склонны поверить в превращение злаков. Еще более поразил меня один участок, красиво заросший яровой рожью; он был засеян ею еще в 1823 г., но благодаря падальце уже три года подряд дает владельцу средний урожай, хотя поле весной не вспахивают*.

Несмотря на такое неэкономичное хозяйствование, с десятины залога в хороший год получают 110, 115—125 пудов пшеницы, с десятины перелого — 90—100 пудов. Одни участки менее плодородны, другие же богаче. Лет 12—15 назад, говорят, урожай бывал еще лучше, и старый опытный земледелец, живущий здесь уже 20 лет, уверял меня, что в то время нередко случался урожай сам-тридцать-пят**.

Чаше всего собранное зерно идет в город. Но немало его берут и киргизы в обмен на скот, кожи, войлок и т. п.

Растениями вся эта равнина очень бедна. Большие пространства были покрыты почти исключительно одними полынями, порой встречалась и

* В этом году г-н Клостерман при хорошем уходе почти со всех своих полей собрал на 10—15 пудов пшеницы больше, чем другие хозяева. (Прим. автора).

** И г-н Клостерман убрал в этом году с нескольких превосходных десятин по 190—210 пудов. Такие урожаи, однако, здесь редкость. (Прим. автора).

наговатка многоцветная; на влажных местах росли шиповник коричный (*Rosa cinnamomea*), зюзник высокий (*Lycopus exaltatus*) и т. д. К своей радости, я нашел здесь зопник низяной новый (*Phlomis agraria* п.), родственник зопнику клубненосному. Не менее бедно животное царство. Встречаются здесь суслики рыжие (*Arctomys — Citillus*), предположительно несколько видов мышей, из которых я не смог добыть ни одного; тушканчики здесь, вероятно, отсутствуют. Можно увидеть также стаи стрепетов (*Otis tetrax*), реже дроф (*Otis tarda*), скопления травников (*Totanus fuscus*). Амфибий я совсем не заметил, насекомых очень мало.

Возвратившись в Семипалатинск, я понял, что о моем скором отъезде нечего и думать. Хотя казачьим командирам и было поручено отобрать и послать сюда требуемых казаков, этого еще не сделали, и я попросил коменданта повторным приказом ускорить их прибытие. Лошади были теперь почти недоступны из-за дороговизны, так что я был вынужден ожидать прибытия казаков, надеясь с их помощью быстрее добиться своей цели. Наконец 21 июля прибыли назначенные мне казаки, которые сдали мне внаем четырех лошадей с таратайками (маленькие открытые тележки на двух колесах) за 60 руб. в месяц. Но так как им нужно было

еще привести в порядок эти тележки, я сразу же отпустил их снова, дав им задание вернуться при первой возможности. В то же время я старался привести в порядок остальные дорожные дела и купить еще необходимых мне трех верховых лошадей. Мои казаки вернулись 24-го.

Сегодня ко мне прибыл киргиз, который должен служить проводником. Этот старый, дряхлый человек, много лет тому назад покинувший те края, по которым я собирался проехать, показался мне не очень надежным проводником: так, пещеры у Чаганки ему были известны только по слухам. Поэтому мне не хотелось его брать, не собрав о нем некоторых предварительных сведений. Но этот старик, с большой неохотой, видимо, согласившийся на эту поездку, воспользовался поддержкой и скрылся. Здесь можно было найти несколько киргизов, достаточно хорошо знающих те места, но я не хотел снова откладывать свой отъезд, так как некоторые местные жители уверяли, меня, что я могу встретить в Чингис-Тау многих кочующих там киргизов, а путь до их горных кочевий хорошо известен казакам, то я решил покинуть Семипалатинск без проводника, намереваясь отыскать его в первом же киргизском ауле.

Глава пятая

ПОЕЗДКА ПО КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ В КАР-КАРАЛЫ

Вечером 26 июля мне удалось, наконец, выехать из Семипалатинска, сразу же после того, как я получил от таможи и коменданта все нужные бумаги. У переправы стоит небольшая воинская команда во главе с унтер-офицером, и без ее разрешения от берега не может отчалить ни одно судно. Средства переправы хороши и безопасны, но довольно быстрая, широкая река делает переправу трудной. Переправляются на большом пароме, который нередко далеко относит течением. На левом берегу, почти напротив переправы, расположено несколько небольших зданий, где купцы хранят преимущественно

те товары, которые предназначены для торговли с киргизами. Здесь же стоит несколько войлочных юрт, в которых живут беднейшие и грязнейшие представители киргизского народа.

Торопясь закончить переправу багажа, телег и лошадей, я перепоручил все своим казакам и ученику, которые завершили ее уже к полудню. Сам я задержался на несколько часов в Семипалатинске, и когда, наконец, прибыл на левый берег Иртыша, то, к моему удивлению, никого там не застал. И только с помощью одного киргиза из города мне удалось догнать свой караван, который в

поисках пастбища проехал уже пять верст.

В нашем лагере дела шли полным ходом. Два казака отправились на поиски дичи для жаркого и скоро вернулись с несколькими убитыми утками. Наши лошади паслись на небольшом мысе Иртыша, на столь же хорошем, сколь и безопасном пастбище, под охраной двух казаков.

Я поспешил осмотреть местность до наступления темноты. Берег Иртыша поднимается здесь на 30—40 футов; большей частью он очень крут и состоит из слоя наносной глины, лежащей на известняке; растительность на нем скудная, и я заметил только пырей (*Agropyrum*), осот полевой и молокан татарский (*Sonchus uliginosus* et *S. tataricus*). В отдельных влажных ложбинах росли скрытница колючая (*Crypsis acylata*) и ячмень солончаковый (*Hordeum pratense*). В глинистой степи изредка встречались полыни, а кое-где и солончаковые растения. На западе и на востоке на некотором расстоянии я увидел невысокие горные цепи, которые тянулись с севера на юг. Где-то очень далеко на юге степь оканчивалась рядом холмов.

Мне казалось, что я уже довольно далеко отъехал от Семипалатинска, однако мог еще отчетливо видеть город и крепость, слышать лай собак и барабанную дробь. Но завтра я буду проезжать края, где уже не окажусь под защитой законов и мне придется положиться лишь на свою маленькую группу, подвергаясь опасности нападения грубых кочевников. Сведения, полученные из Кар-Каралы в день отъезда из Семипалатинска, были, конечно, тревожными. В киргизских стадах снова появилась сибирская язва; кроме того, близ Кар-Каралы произошло сражение между русскими и ордой киргизов численностью около 2000 человек. Хотя последние и были совершенно разбиты, тем легче остатки этой орды могли встретить и напасть на нас. Но между тем мои казаки* были в хорошем настроении, единодушны и готовы ко всему. Мы

решили не забывать о мерах предосторожности, и я тоже успокоился, предчувствуя, что в этой поездке не обойдется без новых открытий и интересных наблюдений.

Около полуночи мы были разбужены сильной грозой, которая разразилась при непрекращающемся дожде. К своему немалому изумлению я заметил, что от волос на моей голове внезапно начал исходить сильный электрический свет. Это свечение продолжалось некоторое время, пока, наконец, не прекратилось сверканье молний и гроза, а с нею и это явление; но мелкий же дождь моросил до утра, и проснулись мы совершенно промокшими.

Растревоженные грозой мы уснули только под утро, а лагерь покинули лишь в половине восьмого. Мы двинулись по неширокой дороге, направляясь почти прямо на юг, и пересекли очень сухую степь, где то и дело попадались, весьма ровные, состоящие в основном из чистого кварца, холмы; степь во многих местах была засолена. Преобладала здесь солончаковая растительность: кермеси — полукустарный (*Statice suffruticosa*) и Гмелина, поташник олиственный (*Salicornia foliosa*), горькуша солончаковая, лебеда — татарская, бородачата (*Atriplex verruciferum*) и белая новая, марь городская (*Chenopodium urbicum*), сведы — новая заостренная и новая вздутоплодная (*Schoberia acuminata* n. et *physophora* n.), камфорозма русская. На сухой, не солончаковой степной почве я нашел вместе с зачастую еще не цветущими полынями репку колючую (*Cotyledon spinosa*), чесноки — мускатный (*Allium moschatum*?) и Палласа, солонечник узколистный (*Chrysocoma angustifolia*), тырсу, жабрицу безлистную новую (*Seseli defoliatum* n.) и несколько других, повсеместно распространенных в этих степях растений. Нередко встречалась и оригинальная лишайниковая манна (*Lichen esculentus* Pall.). Необычайно много было козьяков (*Galoruca silphoidea*), особенно на полынях.

В полдень мы подъехали к большому, наполненному соленой водой,логу, где в изобилии росли солонечник двухцветный (*Chrysocoma dracunculoides*) и горькуша Гмелина (*Saussurea Gmelini*), а часа в четыре

* Это были урядник Деев из Талицка, которого мне рекомендовали как очень хорошего стрелка, Жданов из Семипалатинска и двое казаков из Озерков — Горячев и Новиков. Последний побывал уже с Вяткиным у месторождения диоптаза. (Прим. автора).

оказались у совершенно высохшего русла маленькой речушки Турунги, берущей начало на невысокой горной цепи Аркалык и несколько ниже Семипалатинска впадающей в Иртыш. Весной эта степная речка довольно полноводна, теперь же мы продвигались вдоль нее болес часа, прежде чем достигли ямы, наполненной водой, имевшей терпкий и вязкий вкус и не бедной инфузориями, но довольно пресной. Хотя было еще рано, нам пришлось переночевать здесь, проделав путь в 34 версты* по местам с небогатой фауной. Правда, мы заменили несколько очень пугливых сайг, которые ушли от наших охотников. И одному тушканчику удалось ускользнуть в нору, из которой не смогли его выгнать, да над нами к Иртышу пронеслась большая стая розовых скворцов. Даже наскомых было мало, за исключением, однако, мошары и комаров, которые сильно мучили нас и наших лошадей.

Я еще до вечера объехал окрестности, но мои усилия не были вознаграждены. На солончаках я заметил описанные выше растения, на солончаковой степной почве тоже не оказалось ничего примечательного. Во влажном русле реки росло несколько трав: лисохвост ползучий (*Alopecurus repens*), бекмания (*Beckmannia*), полевика (*Agrostis*), мятлик узколистный, множество полыни лечебной (*Artemisia procera*), солонечника двухцветкового (*Chrysocoma*) и грудницы татарской (*Aster dracunculoides*), которые, вероятно, только разновидности рода соссюрей горькой и, наоборот, мало было подорожника тонкоколосого (*Plantago tenuiflora*), скрытницы колючей (*Crypsis acuminata*?), девясилы, родственного блошнице стелящейся (*Inula Pulicariae* aff.), песчанки длиннолистной (*Arenaria longifolia*?).

27 июля в семь часов утра мы отправились в дальнейший путь. Примерно в пяти верстах от нашей ночной стоянки мы опять оказались у русла Турунги, где, к моему изумле-

нию, росло несколько прекрасных осокорей. Здесь же водились птицы, похожие на чибисов, и некоторых из них я убил.

Еще верст через 12 мы подъехали к совершенно низеньким холмам, состоявшим из сланцевого известняка, на которых часто встречалась новая канкриния безъязычковая (*Pyrethrum discoideum* n.), в трех — четырех верстах за этими холмами, у подножия Аркалыкских гор, мы нашли несколько колодцев и один ключ с очень хорошей водой. Лошади наши были изнурены жарой и ездой, поэтому мы решили отдохнуть здесь несколько часов и приготовить обед, он состоял из трех небольших птиц и показался нам тем вкуснее, что вчерашний день мы жили только на сухарях и воде. Здесь мы обнаружили явственные признаки того, что зимой в этих местах могли жить киргизы: было накошено довольно много сена, плохое качество которого явно выдавало неумение косить, хотя луга были покрыты прекрасной травой — лисохвостом, мятликом и т. д. Немало оказалось здесь солонечника и грудницы татарской, соссюрей — горькой и солончаковой, полыни лечебной и т. д. На влажных, слегка засоленных местах росли солерос травянистый (*Salicornia herbacea*), сведа заостренная, новая сведа линейнолистная (*Schanginia linifolia* n.), череда мелкоцветковая (*Bidens parviflora*), новая лебеда разносеменная (*Atriplex micranthum* n.) и нередко в воде колодцев попадалась заникеллия болотная (*Zanichellia palustris*).

До сих пор мы ехали степью без дорог и троп, свернув со вчерашней дороги, которая пошла к западу. Нам нужно было найти караванный путь на Кульджи, Чегучак и Семирек, чтобы перейти через горы Аркалык. Двое казаков, посланные на запад искать дорогу, сообщили, что она должна быть где-то дальше к востоку. Поэтому мы после их возвращения отправились на восток вдоль подножия горы. Уже поздно вечером, проехав 10—12 верст от нашей полуденной стоянки, мы разбили ночной лагерь у хорошего ключа, близ которого находилось несколько киргизских могил. Три из них, довольно высокие, были выложены из грубого камня, скрепленного глиной. Наш

* Мы ехали ровным размеренным шагом, поэтому я думаю, что не очень ошибусь, если буду считать, что мы в час проезжали четыре версты; но коль мы несколько раз останавливались, причем потеряли час времени, я считаю, что мы находились в пути всего $8\frac{1}{2}$ часов; умножив их на 4 версты, получаем 34 версты. Такой расчет я применял всюду. (Прим. автора).

стрелок убил здесь самца сайгака* и поймал маленького мохноногого тушканчика (*Dipus Sagitta*).

Рано утром 28 июля я не мог удержаться от того, чтобы не осмотреть окрестности, так вышло, что мы смогли покинуть ночной лагерь лишь в половине девятого. Холмы, окружавшие лагерь, не превышали 100 футов, но вдали виднелись более высокие горы. Склоны их были по большей частью крутые, часто покрытые слоем почвы, хотя виднелись и обрывистые голые скалы. Они состояли из порфировидной, благодаря полевому шпату серой ваки и были умеренно покрыты растениями, часть которых я находил прежде только на Арка-Уле и Долен-Кара. Из наиболее интересных растений я заметил шлемник Сиверса, гвоздику ветвистую, гониолимон красивый, ревень низкий, клоповник сердцевидный, смолевку лежачую (*Silene procumbens?*), карагану карликовую, пижму кустарниковую новую (*Tanacetum fruticulosum* n.), парнолистник крупнолистный новый, на влажных участках наряду с обычными для таких мест растениями — соссуреи (горькую и солончаковую), эхинопсилион иссополистный (*Kochia hyssopifolia*), сведу линейнолистную и т. д. Покончив с осмотром местности, я велел выкопать несколько корней ревеня низкого и клоповника сердцевидного и мы двинулись дальше. Около пяти верст мы ехали на восток вдоль ряда холмов, пока, наконец, не добрались до караванного пути, который вел в юго-юго-восточном направлении через Аркалыкские горы по красивой долине, где на влажных местах часто попадался бузульник пирамидально-метельчатый (*Cineraria thyrsoidea*). В конце этой долины, которая тянулась около трех верст, мы нашли очень красивый ключ с превосходной водой, а на лугу, покрытом пышной травой, — васьильки солончаковые (*Centaurea glastifolia*), соссуреи — горькую новую жесткую (*Saussurea rigida* n.) и латук солончаковый (*Lactuca saligna*).

* С этой поры мы уже не нуждались в продуктах, и пока не доехали до Кар-Каралы, у нас ежедневно было свежее мясо сайги. Мясо это — грубоволокнистое, напоминает говяжье, но имеет несколько мускусный привкус; из него получаются очень хорошие, наваристые супы. Говорят, оно хорошо засаливается. (Прим. автора).

Оставив позади Аркалыкские холмы, мы снова оказались в степи, которая, однако, меньше той, что простирается севернее этой цепи холмов, но достаточно волниста и отчасти камениста, отчасти же состоит из суглинка со многими солончаками.

Примерно в трех верстах от того ключа нам встретился караван, возвращавшийся из Чугучака, в котором было четыре вьючных верблюда и 20 телег, принадлежавших нескольким купцам из Семипалатинска, Усть-Каменогорска и Барнаула. Они везли в основном дабу (вид хлопчатобумажной ткани) и мерлушки (шкурки ягнят). От людей, сопровождавших этот караван, мы узнали, что еще через пять верст мы найдем несколько хороших колодцев, но затем до следующего источника нужно проспать почти 30 верст. Мы были вынуждены отправиться на розыски этих колодцев, чтобы там дать отдохнуть лошадям. Колодцы мы нашли на солончаковой равнине, и в некоторых из них оказалось довольно много чистой лишь слегка солоноватой воды; вода в остальных колодцах была скверной и никуда не годной. На солончаковой почве росло множество клоповника — толстолистного и пронзенного (*Lepidium crassifolium et perfoliatum*), горькуши солончаковой, лебеды — бородчатой и белой, подорожника приморского, мари острокопечной, солероса травянистого и других, частью еще не цветущих солончаковых растений.

Еще через восемь верст мы достигли нескольких довольно больших соленых озер, которые якобы от устойчивой суши совершенно высыхают и на них образуется ослепительно белый, примерно в дюйм толщиной, слой соли. Теперь же они были еще полны водой и в них плавало много уток, которые, увидев нас, разлетались. Горький вкус воды и белая соленая оторочка берегов ясно свидетельствовали о большом содержании в них сернокислого натра.

Далее наш путь пролегал по однообразной, бедной растениями, несколько волнистой степи, в которой обитали только сайги. Наконец, в 11 часов вечера подъехали к воде.

29 июля, чтобы дать лошадям отдых, мы были вынуждены оставаться здесь до полудня, поэтому я имел до-

статочно времени для ознакомления с окрестностями. Мы находились в ровной долине слева от дороги, у ключа с хорошей пресной водой, хотя вся почва в долине была сильно пропитана сернокислым натром. Здесь росли горькуши — солончаковая и горькая, солонечник двухцветковый и грудница татарская, солерос травянистый, несколько видов лебеды и тому подобные солончаковые растения, например пустореберник длиннолистный новый (*Silaus longifolius* n.). Окрестные плоские холмы, состоящие из полевошпатового порфира, были покрыты скудной растительностью, главным образом пижмой кустарниковой, репкой колючей и вторично цветущими караганой карликовой, новым солонечником узколистным и т. д. Распускались новые цветы также у осоки твердоватой, астрагала рогового и таволги зверобоелистной.

Наконец мы снялись с места и отправились дальше. Под непрерывающимся дождем мы ехали на юг-юго-запад и оставили восточнее, чуть в стороне от нас, холмы Кучумбет, очень похожие на Аркалыкские. Перед нами простиралась волнистая степь, на которой рос шиповник персидский. Корни его очень глубоко уходят в сухую почву, так что я не мог добраться до конца корней очень маленького, не выше двух-трех дюймов, растения, хотя и велел копать глубже трех футов. Изредка встречались сайги и дрофы.

Дальше местность снова стала холмистой, и около пяти часов мы пересекли эти холмы и снова выехали в долину, отделявшую нас от Аркатской горы, которую я увидел здесь впервые. Гора эта издали кажется очень красивой, а ее крутая, обрывистая, выветренная вершина рождает представление о старых замках, руинах, полуразрушенных стенах, зданиях с трубами, и в вечернем полумраке мерещатся стены крепости с выступающими строениями. Проехав еще верст шесть, мы нашли у подножия небольшого холма, покрытого дерезой (которая в этих местах чаще всего вытесняется караганой карликовой), несколько колодцев, где нам и пришлось переночевать, хотя вода оказалась плохой и не было даже еще и семи вечера. Перед нами простиралась обширная сухая долина, и

только у подножия лежащих по ту сторону гор можно было снова найти воду. Затяжной дождь помешал мне обследовать несомненно богатые растениями окрестности и я решил перенести это на следующий день.

Наутро нас окутал чрезвычайно густой туман, который рассеялся лишь после семи часов. Я поспешил ознакомиться с местностью, чтобы как можно скорее отправиться дальше.

Почва была сложена из наносного суглинка, насыщенного сернокислым натрием и поваренной солью. Эта сравнительно высокая и сухая местность была покрыта преимущественно новым булавоносиком (*Halimocnemis articulata* n.), лебедой — белой и бородчатой, сведой вздутоплодной, кермеком полукустарным, клоповником — пронзенным и толстолистным и некоторыми другими обычными растениями. Вокруг нашего лагеря раскинулись очень влажные, местами болотистые луга с растущими на них лютиком ползучим, мятликом луговым, бекманией, горькушами — солончаковой и горькой, солонечником двухцветковым и грудницей татарской, кермеками — Гмелина и безлистным новым (*Statice decipiens* n.), солеросом травянистым и поташником олиственным, саразаном шишконосным (*Halocnemum strobilaceum*), новой петросимонией трехтычинковой (*Halimocnemis Volvox* n.), прибережницей прибрежной (*Calotheca littoralis*), офайстоном однотычинковым (*Anabasis monandra*), франкенцией пористой (*Frankenia pulverulenta*), новой лебедой толстолистной (*Atriplex crassifolium* n.) и гулявником (n. sp.). Дальше находились два маленьких соленых озера, а на их влажных берегах были те же растения. Я собрал здесь богатый урожай редких и красивых солончаковых растений, так что мы покинули это место только после десяти часов.

Дорога шла через холмистые степи, все больше приближаясь к Аркатским горам, хотя до главной вершины мы не дошли, и она осталась в пяти верстах к западу. Когда мы уже миновали эту гору, то пережили приключение, которое едва не положило конец всему нашему путешествию. Мы как раз свернули в довольно уз-

кую, образованную невысокими горными грядами долину, и вдруг справа я увидел множество киргизов, которые на лошадях поднимались в гору. Завидев нас, они устремились к нам. К сожалению, трое казаков, преследуя несколько антилоп, отъехали далеко от нас, и я остался у телег лишь с двумя учениками и одним казаком. Вскоре нас окружило более 40 киргизов, вооруженных копьями или дубинками и длинными палками. У одного была даже старая плохонькая сабля, которой он воинственно размахивал. Не трогая нас, они столпились вокруг и поехали следом, спрашивая, откуда мы едем, куда направляемся и т. п. Вместе с тем они жадно взирали на табак, и, чтобы выиграть время, я приказал одному из моих людей оделить их табаком. Они все еще медлили напасть на нас, и хотя некоторые из них казались очень воинственными и угрожающе размахивали своим оружием, однако нашлось несколько пожилых киргизов, которые пресекли враждебные намерения. В этом скверном положении я увидел, наконец, скачущего к нам казака. Он явно произвел впечатление на киргизов, и они стали еще спокойнее. Скоро мы увидели и двух других казаков, но не успели еще они доехать до нас, как на другом конце долины показалась другая большая орда киргизов, свыше 60 человек, которые тоже спешили к нам.

Между тем мы добрались до маленького ручья, где я приказал остановиться, выпрячь лошадей, сделать из четырех телег некое подобие полевого укрепления, привести в порядок наше оружие и приготовиться к обороне. Скоро подоспела и вторая группа киргизов, в которой находился вожак этой банды, превышавший теперь сотню человек. Я велел объяснить ему, что мы посланы русским правительством, чтобы исследовать эту местность; если они осмелятся напасть на нас, то мы будем стрелять в них, а если же они одолеют нас благодаря своему численному превосходству, их преступление не останется безнаказанным.

Это заявление и наши приготовления к обороне, казалось, произвели некоторое впечатление. Вожак погрузился в раздумья и наконец сказал, что мы, конечно, беглые, и что он

сделает хорошее дело, если возьмет нас в плен и доставит в Семипалатинск. Но после того, как я показал ему несколько бумаг с большими печатями, он стал вежливее и пообещал оставить нас в покое. При этом он рассказал, что на их волесть нападут другие киргизы и разграбят ее и что они выехали в погоню за грабителями и вот уже двое суток обходятся без пищи. Поэтому он просил дать ему немного продуктов. Чтобы закрепить мир, я распорядился дать ему сайгу, часть сухарей и табака. Несмотря на столь мирные намерения, все чуть не закончилось стычкой, ибо очень многие из самых молодых киргизов не желали поступиться такой хорошей добычей. К тому же мой егерь Жданов совершенно разъярился от того, что киргизам отдали сайгу, и, возбужденный некоторыми выкриками киргизов, уже прицелился, чтобы пристрелить наиболее беспокойных из них. К счастью, у киргизского предводителя хватило ума и силы обуздать свой народ, и по моему приказанию Жданов тоже положил ружье, так что мир не был нарушен. Наконец, киргизы уехали, забрав отданные им продукты, и только один из них, некое подобие адъютанта, остался с нами, чтобы передать распоряжение своего вожака тем своим товарищам, которые еще спешили к нам с Арката. Скоро мы избавились и от него, и я был рад, что столь дешево отделался от этой банды. Вполне возможно, что мы отпугнули бы врага своим ружейным огнем*, но нужно

* Киргизы очень боятся ружейного огня. Хотя у них и есть фитильные ружья, но с собой их они в такие налеты никогда не берут, так как всегда приходится опасаться нападения более сильной банды, которая может лишить их этого редкого оружия. Но отчасти же они действительно не кровожадны и лишь в очень редких случаях в таких стычках кого-нибудь убивают. За такую смерть семья пострадавшего кровно мстит убийце, если только он не откупится какой-либо жертвой. Один удивительный случай такого рода рассказал мне казак Деев, сам бывший очевидцем.

Близ Балхаша на стадо одного молодого киргиза напали несколько разбойников и угнали это стадо. Владелец стада, узнав об этом, быстро вскочил на своего резвого скакуна и помчался за разбойниками, которых сразу же настиг, но, прозенный копьем одного из них, тут же пал мертвым. Его люди и друзья немедленно окружили разбойников и взяли в плен их. Вдова убитого потребовала смерти убийцы, и ни просьбы, ни предложения родственников убийцы, ни ходатайства ее собственных родственников и друзей не склонили вдову простить убийцу, так что в конце концов пришлось удовлетворить ее желанию и выдать ей пре-

было опасаться их огромного превосходства в силе, даже ничтожный урон с нашей стороны мог бы иметь для нас в высшей степени неприятные последствия.

Лошади после многодневной езды были измотаны так, что одна упала от измождения и едва смогла дойти до лагеря. Мне поэтому пришлось сделать день отдыха. К тому же местность не была безынтересной. Кроме того, скопилось множество собранных растений, которые нужно было просмотреть, и я охотно подчинился необходимости устроить выходной.

Хотя киргизы отпустили нас с миром, но мы не чувствовали себя в полной безопасности. Поэтому лошадей на ночь мы привязывали к телегам, привели в порядок все свое огнестрельное оружие и казаки посменно стояли на карауле. Однако нас никто не побеспокоил и мы больше не видели ни одного киргиза.

Долина, в которой мы расположились лагерем, была замкнута на юге продолжением нагорья Аркат, а на севере Алджанскими горами. Обе горные цепи постепенно сходятся на востоке, так что примерно в двух верстах от нашего лагеря они были отделены друг от друга ущельем не более 25 шагов шириной. Однако дальше они снова растут и понемногу выравниваются. На северо-западе эта долина значительно расширяется и вскоре образует обширную пустынную равнину. Главенствующей горная порода здесь полевошпатовый порфир. В долине протекает небольшой ручей, местами теперь высохший, но с довольно хорошей водой. Алджанские горы достигают 200 футов высоты, они крутые, голые и сухие, со многими выступающими скалами. Горный хребет, простирающийся на юге с востока на запад, на за-

паде, примерно в пяти верстах от нашей стоянки, отделяется узким ущельем от главной вершины Аркатских гор. Высота его — 400—500 футов. Он тоже чрезвычайно сух, лишь кое-где растут кусты таволги зверобоелистной, дерезы и золотарника (*Robinia frutescens* et *pygmaea*), кизильника черноплодного, шиповников колючего и рыхлого, курчавки кустарной и хвойника и на нем тоже много обнаженных выдавшихся утесов. Склон вниз не очень крут, и подняться нетрудно. Но дальше вздымаются почти отвесная скала, и мне показалось, что невозможно добраться до ее вершины. Отсюда открывается обширная панорама. На севере я увидел большую равнину и дорогу, по которой мы ехали 30 июля; на горизонте виднелись холмы, которые мы перевалили 28-го. На западе эту равнину охватывали Аркатская вершина и ее отроги. На востоке я видел невысокие холмы, за которыми нельзя было что-либо различить. На юге виднелась пространная, раскинувшаяся с востока на запад степь, которая на юге была ограничена синеватым в туманной дали Чингис-Тау.

На этом горном хребте я заметил костенец северный, пузырницу физологовую, липучку мелкоплодную, касатик сизолистный, осоку приземистую, проломники — большой и северный, оносму Гмелина, икотник, родственник сибирскому, котовник украинский, змееголовник болотный, исхилирион татарский, ковыль перистый и тырсу, жимолость мелколистную, смородину разноволосую, дрему липкую, камнеломку сибирскую, резуху полукустарную, бурачок (два последних растения только на вершине), марь толстолистную, патринию среднюю, гониолимон красивый, таушерия опушенноплодную, новую повилику ножкоцветную (*Cuscuta pedicellata* n.), качим вильчатый, скрипун гибридный, шпорник редкоцветный, тысячелистник щетинистый (*Achillea setacea*?), вероники — ненастоящую и перистолистную с белыми, красными и синими цветами, зизифору паучковидную, ромашку пижмовидную, перловники — высокий и пушистостолоосовый, молочай кипарисовый, тринию Лессинга (*Trinia Kitaibii*), стребинку румянковую

ступника и тогда эта женщина собственноручно заколола его как искупительную жертву за убитого мужа. Могилы обоих жертв находятся одна против другой, но их разделяет ручей.

Очень длинные киргизские копы имеют слабые древки, которые легко переламываются не только от сабельного удара, но даже, по уверению моих казаков, от хорошего удара плетью. Пистолеты они называют короткими ружьями и считают их еще более опасными, чем длинные ружья. Но самыми странными кажутся им карманные пистолеты, которые они называют не иначе, как дьявольскими ружьями, с помощью которых, по их словам, можно незаметно умертвить своего врага (Прим. автора).

(*Hieracium echloldes*), щетинник зеленый, лук — мускатный (?) и шаровидный (?), полыни — альпийскую, скальную и приморскую (*Artemisia monogyna*?), марь гибридную, рябинку дикую и пижму кустарниковую, душивку мелкоцветную, порезник бухтарминский, косогорник пурпуровый, володушку серповидную, смолевку алтайскую, иссоп крупноцветковый, солонечник Гаупта, репку колючую, порезник седоватый с весьма примечательным уродством (а именно *germinibus superis basi retalis et staminibus cinctis*). Большинство этих растений я встречал и на Арджанских горах.

Сухие, кое-где слегка солончаковые равнины у подножия этих гор питали астрагал длиннолистный (*A. diffusus*?), осоку твердоватую, липучку пониклую, клоповник пронзенный, дескурению София, овсяницу овечью, выюнок узколистный, горец отклоненный, люцерну серповидную, перекасти-поле, солодку шиповатую, марь остроконечную (*Chenopodium acuminatum*), эхинопсилион очитковидный и прутняк (*Kochia sedoides et prostrata*), смолевку волжскую (*Silene volgensis*?), татарник огненный, полынь горькую и эстрагон (*Artemisia dracunculus*?), молокан татарский, ковыль восточный, солонечник узколистный, новую горькушу жесткую (*Saussurea rigida* n.).

На более или менее влажных лугах, окаймлявших берега ручья, и в основном слегка солончаковых я нашел синеголовник плосколистный, ячмень солончаковый, полыни — лечебную и рассеченую, ярутку полевую, льнянку дроколистную (?), лепицу русскую и подмаренник борельный, лисохвост ползучий, ситники — сплюснутый и лягушечий, бекмению обыкновенную, тысячелистник (*Achillea acuminata*), остролодочник голый, бузульник пирамидально-метельчатый, донник зубчатый, триостенники — болотный и приморский (*Triglochin maritimum*), поручейник широколистный, кровохлебку многообразную, золототысячник Мейера, проскурник лекарственный, спаржу обыкновенную, зопник клубненосный, клоповник широколистный, костер безостный, василек прижато-чешуйный (?), крестовник суходоль-

ный, собачью розу, герань холмовую (?), зубчатку позднюю (*Euphrasia Odontites*), кульбабу мелкоцветную, осот полевой (*Sonchus uliginosus*), первоцвет длиннострелочный, дербенник тимьянолистный (*Luthrum Thymifolia*), горькушу Гмелина, грудницу татарскую и солонечник двухцветковый, василек солончаковый, пустореберник длиннолистный, горечавки — даурскую и колоритную (*Gentiana agautica*), подорожники — обыкновенный и большой, козелец мелкоцветный (*Scorzonera caricifolia*), мятлик узколистный.

В воде росли лютики — водяной (*Ranunculus aquatilis*) и ядовитый, вероника ключевая, болотница болотная, хвостник обыкновенный, камыш Табернемонтана, частуха подорожниковая и т. д.

И, наконец, на очень просоленных местах я нашел подорожник приморский, камфорозму русскую, кермек — Гмелина, безлистный и полукустарный, лебеду — белую, бородчатую, прибрежную, раскидистую (*Atriplex patulum*), татарскую и новую разносемянную, сведы — новую заостренную и новую вздутоплодную, сведу линейнолистную новую (*Schaginia linifolia* n.), горькушу солончаковую, солерос — травянистый и поташник олиственный, саразан шишконосный, булавоносик (*Halimocnemis articulata*), офейстон однотычинковый, сайгачью траву (*Frankenia hispida*), млечник морской (*Glaux maritima*) и некоторые другие, еще не цветущие галофиты. Насекомых встречалось мало. Бегун (*Harpalus calicatus*), лебиз (*Lebia trimaculata* Gebl.) и в воде водяной скорпион серый (*Nepa cinerea*) и плавунец широкий (*Dytiscus sulcatus*) — это почти все, что я здесь заметил.

Я охотно поднялся бы на главную вершину Аркатского нагорья, но не отваживался покинуть лагерь, все еще опасаясь, что к нам могут нагрянуть киргизы. К тому же сегодня я все равно не мог этого сделать, так как просматривание растений совсем не оставляло времени и задержаться здесь еще на один день казалось мне не очень благоразумным. В подозрную трубу я рассмотрел на этой вершине отчетливые горизонтальные слои, подобные тем, которые были на гранитных горах близ Бухтарминска. По цве-

ту скал я предположительно определил, что горы состоят из гранита*.

1 августа в 9 часов утра мы покинули долину** и час двигались по дороге, ведущей к Семиречью. Затем мы свернули с этого караванного пути направо и въехали в слегка холмистую степь, чтобы достичь Чингис-Тау с западно-юго-запада. До 7 часов вечера мы пробирались без дорог и троп в намеченном направлении по сухой степи, то холмистой и каменной, то вновь ровной и сильно засоленной. Из растений здесь не было ничего интересного, зато я впервые увидел необычных саж (*Tetrao paradoxus*) и мне повезло двух из них подстрелить***.

Расположились мы в долине, где оказался обильный корм для лошадей. Однако вода была сильно соленой и никуда негодной. К счастью, примерно в полуверсте от этого места мы нашли несколько лучшую воду. Вокруг нашего лагеря вместе с некоторыми обычными растениями росли заманиха, чингиль серебристый, васильки (п. sp.), астра солончаковая (*Aster tripolium*), репки (*Orostachys* п. sp.), галоретон скрученный (*Anabasis glomerata*), нанофитон ежевый новый (*Halimocnemis juniperina* п.), лебеда — сибирская, белая и бородчатая, полыни — душистая, Сиверса и холодная новая (*Artemisia fragrans, Sieversiana et aprica* п.), смолевки (п. sp.), клоповник толстолистный, лишайниковая манна. Здесь иногда кочевали киргизы, о чем свидетельствовало несколько их могил.

* Это предположение вполне правдоподобно, потому, что горы Джигилин, Ку, Кар-Каралы и Кент, виднеющиеся вдаль, похожие на Аркат, состоят из гранита. (Прим. автора).

** В эту долину, как и в некоторые ложины Аркалыкских холмов, говорят, часто наведываются киргизы-грабители. (Прим. автора).

*** К сожалению, это были единственные экземпляры, которые я смог добыть. Впоследствии я тоже видел большие стаи этих замечательных птиц, однако ни мне, ни моему егерю, несмотря на все старания, не удалось убить ни одной, так как их чрезвычайная пугливость, быстрота бега и совершенно открытые равнины, где они обычно обитают, позволяют им убежать от охотника. Гораздо легче якобы охотиться за ними весной, когда они появляются в окрестностях Семипалатинска. У них очень вкусное мясо, напоминающее мясо куропатки. Иногда эта степная птица блуждает и около гор. Так, несколько крестьян рассказали мне в Саушках, где я был на обратном пути, что незадолго до моего прибытия они поймали близ деревни двух диковинных птиц, хотя и похожих на куропаток, но с прямо-таки человеческими ножками. Это были, без сомнения, сажки. (Прим. автора).

На следующее утро мы покинули наш лагерь и продолжали путь на запад-юго-запад, все более приближаясь к Чингис-Тау. Степь была необычно суха, и в ней только кое-где росли тырса, полыни — холодная и душистая, пижма кустарниковая и некоторые другие степные растения, с которыми на солончаках присоединялись обычные галофиты; там и тут встречались шиповник персидский с еще недозрелыми плодами и новый клоповник. В этой пустыне обитали стада антилоп, стаи черных жаворонков (*Alauda tatarica*) и саж. Мы поймали два экземпляра домового мыши (*Mus vagus?*), ящериц четырех видов, а также необычного кузнечика Лаксмана (*Gryllus Laxmanni*), который поедает в основном пижму кустарниковую.

Днем была удручающе сильная жара, которая измучила наших лошадей. В горах же почти все время шли дожди. В раскаленной атмосфере появились миражи, которые являли нам самые удивительные картины. То мы видели водную гладь, то бескрайние леса, которые, однако, исчезли, как только мы приблизились к горам. В некотором отдалении показывались сайги, почти не уступавшие по величине лошадям, и нередко нам казалось, что на нас скачут киргизы, хотя, когда мы всматривались внимательнее, они превращались в мирных антилоп. Двое моих казаков, которые, преследуя сайгу, несколько поотстали, прискакали совершенно измученные, так как им показалось, что нас окружили киргизы, и были немало удивлены, убедившись в том, что это нападение не что иное, как мираж. Это продолжительное возникновение и распадение различных картин было прекрасным и забавным.

Часов в пять мы достигли предгорий Чингис-Тау и, продвигаясь вдоль них в западном направлении, выехали на обширную долину между главным горным хребтом и предгорьями. Русло реки, пересекавшей эту долину, высохло, и лишь после долгих поисков мы нашли небольшую лужицу, и возле нее расположились лагерь. Свежевытоптанная трава ясно свидетельствовала о том, что здесь недавно хозяйничала немалая киргизская банда. Следы конских копыт и все прочее убеждало в том, что здесь не

мог стоять аул, поэтому, опасаясь вторичной встречи с разбойничьей шайкой, мы выставили усиленный ночной дозор.

Изготовление чучел некоторых животных и осмотр растений — некоторые пакетики оказались подмоченными — вынудило нас 3 августа задержаться до часу дня. Мне удалось здесь найти, кроме обычных растений, дубровник чесночный (*Teucrium Scordium*) и золототысячник Мейера новый. Затем до семи часов мы ехали на запад по степи, совершенно похожей на вчерашнюю, все время недалеко от гор, и снова оказались у русла реки в обширной долине. Расположились мы в нескольких верстах от гор, близ киргизского кладбища, наминавшего город. Я поспешил осмотреть местность и нашел на лугах мытник рослый (*Pedicularis exaltata*), молочай болотный (*Euphorbia palustris* var. *acuminata*), жеруху водоплавающую, а на сухих холмах — низенькие кустарниковые хризантемы (*Chrysanthemum*). Убил я также одного тушканчика мохноногого.

4 августа мы сделали день отдыха, в основном для измученных лошадей: у двух были потерты спины. Наши охотники рассчитывали встретить здесь архара и рано утром покинули лагерь. Я также объехал окрестности. Растительность здесь была почти та же, что и у Арката, хотя мои старания были щедро вознаграждены новым пепельником (*Cineraria*), новой горькушей жесткой, новым парнолистником вильчатым (*Zygophyllum furcatum* п.), новым астрагалом редкоцветковым (*Astragalus rariflorus* п.), качимами (*Gypsophila* п. sp.), скизоневетой однолетней (*Nepeta botryoides*), лапчаткой шелковистой, ледебуриеллой жабрицевидной (*Trinia seseloides*), белозором болотным (*Parnassia palustris*) и некоторыми другими обычными растениями. Нашим охотникам удалось убить четыре сайги. Они видели также трех архаров, но ни одного не смогли застрелить.

5 августа нам удалось выехать только в десять часов, и мы продолжали свой путь на западо-северо-запад. Ни почва, ни растительность не представляли ничего интересного, хотя я нашел близ одного источника с превосходной водой немало многобо-

родника приморского (*Polypogon maritimus*) и осоки ржаной (*Carex secalina*). В степи сновали большие выводки саж, но они быстро уходили от преследования. Зато нашим охотникам удалось убить взрослую самку архара*; убил молодого архара и я. В четыре часа мы подъехали к болотистому лугу с хорошим ключом, где и были вынуждены переночевать.

Нас немало поразило то, что во всем этом крае, где раньше обычно обитали тысячи киргизов, не оказалось ни одного аула, чего мы так давно ждали, чтобы найти проводника и свежих лошадей, ибо одна из наших лошадей поранилась, седлать ее было нельзя, и кто-нибудь по очереди всегда шел пешком. Предполагая, что где-то в горах должны быть аулы, мы решили на следующий день остаться здесь и послать трех казаков обследовать местность.

Сырая низина, в которой оказались замеченные еще у Арката луговые растения, была окружена невысокими, совершенно сухими холмами из грюнштейна со скудной растительностью, и я упомяну лишь аметистею голубую (*Amethystea coerulea*), журавельник Стефана (*Erodium Stephanianum*) и выюнок Аммана, которые в дальнейшем почти нигде не встречал.

К вечеру вернулись высланные в разведку казаки, не сделав никаких утешительных открытий. Они рассказали, что к юго-западу Чингис-Тау совсем понижается, а главная горная цепь резко поворачивает к югу. Русло реки, от которого мы уехали 5-го, они приняли за Чаганку. Киргизов они нигде не заметили. Это последнее обстоятельство сильно меня расстроило, так как без проводника я не мог рассчитывать найти пещеры на Чаганке, и даже наше дальнейшее путешествие в Кар-Каралы ставилось под вопрос. Я мог, конечно, с большой долей вероятности рассчитывать на то, что мы сумеем добраться до дороги, идущей южнее из Семиярска в Кар-Каралы, если будем продвигаться дальше на запад. Однако приходилось опасаться, что в степях, далеко от гор, не окажется воды. И все-таки вскоре мы единогласно решили

* Мясо архара очень вкусное и гораздо лучше мяса сайги, так как в нем отсутствует неприятный мускусный привкус. (Прим. автора).

лучше пренебречь этой опасностью, нежели вернуться в Семипалатинск, не сделав дела. Поскольку же мне не хотелось оставлять Чингис-Тау, не обследовав его более обстоятельно, я решил вернуться к месту нашей прежней стоянки и пробыть там несколько дней.

Осуществляя этот план, на следующий день после полудня мы вновь добрались до речки и вдоль нее углубились на несколько верст в горы, где и разбили лагерь в чрезвычайно романтической котлообразной долине, со всех сторон окруженной высокими горами. Едва мы устроились, как разразилась гроза, которая бушевала несколько часов, так что я в этот день смог объехать лишь ближайшие окрестности. На следующее утро до десяти часов мы вновь были задержаны сильной грозой, а затем мы, пятеро мужчин, собрались с силами, чтобы проникнуть в глубь гор.

Мы двинулись вверх по течению маленькой речки, которая становилась все многоводнее по мере приближения к главной горной цепи. Примерно через версту от лагеря между двумя рядами гор тянется к востоку долина. Протекающий по дну долины маленький ручей сливается здесь с главной речкой, текущей с юга, берегом которой мы продолжали свой путь и скоро подъехали к узкому ущелью. Стены его, очень высокие и растрескавшиеся, чаще всего поднимались совершенно отвесно. Речка, текущая по дну этого ущелья, занимает почти всю ширину его, и нам приходилось часто пересекать ее, чтобы продвигаться дальше. Берега ее были покрыты обычным талом, осиною, черемухой, черной смородиной, березой, татарской жимолостью, боярышником и некоторыми видами шиповника, которые все росли только в виде кустарников. У подножия склонов оказалось много шиповника колючего, жимолости мелкоцветной, караганы карликовой и дерезы, таволг — зверобоелистной и калинолистной, тарантушки, кизильника черноплодного, а на вершинах — можжевельника казачьего. Впрочем растительность была та же, что и на Курчумских горах, хотя здесь отсутствовали многие украшавшие те горы растения. Своеобразны были только красивая новая горькуша крепкая

(*Saussurea robusta* n.) и белена маленькая (*Hyoscyamus pusillus*). На влажных местах было изобилие воробейника обыкновенного и мытника болотного (*Pedicularis palustris*), которые до сего времени мне еще не встречались.

Далее мы заметили место, где трава была примята: вероятно, здесь располагалось киргизское кочевье. Проехав пять — шесть верст вдоль речки и не найдя почти ничего примечательного, мы вскарабкались на одну из самых высоких гор. Оттуда я увидел множество параллельно идущих горных цепей, разделенных узкими долинами или ущельями и уходящих к югу, по крайней мере не снижаясь, так что Чингис-Тау в этом месте, видимо, широк. Мы могли быть на расстоянии десяти верст от северной каймы гор, а так как к югу горы не понижаются, я считаю весьма вероятным, что ширина Чингис-Тау составляет самое малое 20—30 верст.

Осмотрев окрестность, мы спустились в другую долину, по которой отправились дальше на север и выехали снова из гор. Эта узкая долина была часто сырой и топкой; в ней росли прекрасные травы и некоторые виды тала; ее основательно изрыли кабаны. Нередко мы находили останки растерзанных антилоп, хотя не видели ни кабанов, ни волков, ни горных баранов. И в этой долине, и в уже обследованных нами боковых долинах мы находили многочисленные остатки зимнего жилья киргизов. Это, а также большое число могил у северной кромки гор, подтверждало, что зимой здесь, несомненно, жили киргизы. Места, где киргизы располагаются на зиму, легко узнаются по нарезанному, как торф, и составленному для просушки кизяку* да еще по стенам в форме круга и около двух футов высотой, сложенным из камней и служащим для наружного окаймления юрты.

Выехав из гор, я увидел на юго-западе, на расстоянии нескольких

* Кизяк, помет лошадей, коров и верблюдов, в здешних местах почти единственный вид топлива, и плохо тому, у кого его промочит дождь. Если находят дерезу, то это уже известная удача, так как тот кустарник легко разгорается и хорошо горит; таволги же разгораются очень плохо и быстро затухают, в чем нам часто приходилось убеждаться. (Прим. автора).

верст, высокую, обрывистую и голую вершину, красноватый цвет которой меня очень поразил. Мои охотники рассчитывали встретить там архара, и потому мы решили направиться туда. Наши усилия не были вознаграждены, хотя мы облазили эту вершину вдоль и поперек и нашли в нескольких местах следы тех редких животных.

Все-таки мне казалось странным, что эта вершина сложена из красноватого гранита, в то время как весь Чингис-Тау, насколько мне удалось его обследовать, образован из плотного гнейса и роговообманкового сланца, которые можно найти и у подножия вершины. Своим видом она сильно напоминает гранитные горы вблизи Иртыша, и на ней растут в основном те же растения, что и на тех горах; впрочем, я здесь нашел новый кизильник (*Cotoneaster*).

На обратном пути мы увидели множество сайг, которые порадовали нас своим бегом и прыжками. Бегают эти обитатели степей необыкновенно быстро, догнать их можно, вероятно, только на хорошем скакуне*. Сначала, когда преследуют сайг, они переходят с бега на частые прыжки, но при этом мало поддаются вперед. Если же преследование продолжается, сайги убегают, не задерживаясь на прыжках. Свою необычную подвижность они продемонстрировали удивительным образом и сегодня. Деев, который погнался за сайгой на превосходной лошади, сумел нагнать молодое животное лишь после получасовой погони; причем сайга бежала на трех ногах, так как на одной из передних ног была рана меж копыт. Кость была изъедена, нога сильно распухла, и к тому же в ране кишели личинки мух.

В очень жаркую погоду лишенные воды животные, видимо, быстрее устают и изнуряются до бессознательности. Однажды прямо на нас примчался сайгак, не заметивший ни

нас, ни наших телег. Подбежав к нам шагов на десять, животное остановилось, и прошло минут пять, прежде чем оно опять пришло в себя, заметило нас и умчалось с быстротою ветра. Мы так были поражены этим необычным зрелищем, что слишком поздно схватились за ружья. Эти бедные животные сильно страдают от личинок овода овечьего (*Oestrus antilopum*). У всех убитых нами животных кожа на спине, подобно решету, была усеяна бесчисленными отверстиями, а между кожей и мускулатурой мы всегда находили множество личинок. Эти личинки развиваются к концу лета, выползают через отверстия в коже, после чего, конечно, раны быстро заживают. Осенью и зимой убить сайгу почти невозможно, разве что подстеречь у водопоя.

Кроме антилоп, я видел здесь несколько крикв, маленьких бекасов, жаворонков степных (*Alauda Calandra*), трясогузок, соколов и карагушей (*Aquila Clanga*). Регулярно, по утрам и вечерам мимо нашего лагеря тянулись большие стаи садж, которые спешили из степей к воде и, спустя примерно полчаса, снова возвращались в степи. Но летели они всегда, к сожалению, так высоко и с такой необыкновенной быстротой, что наши выстрелы оставались безрезультатными.

Я считал нецелесообразным долго здесь задерживаться, так как в этой местности вряд ли можно было рассчитывать на что-нибудь новое. Поэтому 9 августа мы покинули это место и через четыре часа снова были там, где 6 августа находился наш лагерь. Но так как было еще рано, мы прошли около трех верст дальше, до красивого ключа, который был расположен приблизительно в полуверсте от предгорий и в полутора — двух верстах от главной цепи Чингис-Тау. Здесь мы и переночевали. Единственное примечательное растение, которое иногда попадалось на пути, был ежовник меловой (*Anabasis cretacea* Pall.), весьма отличный от ичеэка (*A. aphylla*).

Сильная гроза, продолжавшаяся почти всю ночь, не давала нам спать. Шел такой ливень, что почти все пакеты с растениями вымокли, хотя они были надежно спрятаны. Таким

* И киргизам никогда не удается догнать на лошади здоровую сайгу. Лишь среди киргизских собак бывают иногда такие, которые достаточно резвы для этого. Самой быстрой и резвой породой собак считается бухарская; собак этой породы держат лишь богатые киргизы и ценят их очень дорого. Эти собаки весьма чувствительны к холоду, и даже при незначительном похолодании их накрывают попоной. Хорошие собаки этой породы, случается, легко догоняют сайгу. (Прим. автора).

образом, если я не хотел губить весь свой собранный с великим трудом урожай, то должен был решиться оставить его на 10 августа разложенным, чтобы уменьшить причиненный ущерб. Утром небо опять прояснилось, и мои охотники решили поискать в горах архара. Но погода недолго была ясной, и к полудню сильный юго-западный ветер нагнал тучи, которые разразились над нами ливнем. Сильный порыв ветра опрокинул мою палатку, и хотя я пытался прикрыть плащом мои растения, многие из них, а также весь запас бумаги промокли. Дождь продолжался весь день и всю ночь, поэтому о сушке растений не могло быть и речи. Еще больше досталось в горах моим казакам, где они, окутанные тучами и настигнутые дождем и градом, вытерпели все это, несколько часов пережидая непогоду и туман и обратно смогли отправиться лишь к вечеру. Они привезли череп самца архара с красивыми рогами, вероятно, остатки съеденного киргизами животного.

11 августа почти все небо было покрыто тучами, но дождь не шел. Сильно похолодало, и нам пришлось извлекать теплые одежды. Затем я послал трех казаков в горы, остальные занялись просушиванием вымокшей бумаги, а сам использовал несколько свободных часов для ознакомления с ближайшими окрестностями.

Почва низменных равнин состоит из наносной глины, более или менее засоленной, и растут на ней лишь обычные солончаковые растения. В самом глубоком месте долины протекает ручей, вымывший себе русло, в котором теперь не везде была вода. Берега его превратились в пышно заросший луг, но за исключением ломотогониума колесовидного (*Gentiana sulcata*) и нового василистника малого (*Talictum appendiculatum* n.), я не нашел здесь ничего, что бы не встречалось на здешних лугах. Холмы и горы состоят здесь также из грюнштейна, хотя я видел и гранитные горы, которые можно узнать еще издали по их красноватому цвету и обилию разломов. Во всей округе обитало множество мелких птиц, например жаворонок степной и жаворонок другого вида, вьюрки одного вида

(*Fringilla*) и трясогузки нескольких видов. Нередко пролетали саджи. Кроме того, показалось несколько соколов, а в горах парили черные орлы (карагуши). У ручья тут и там стояли группами киргизские могилы.

Старания моих казаков не увенчались успехом. Правда, они видели семерых архаров, но не смогли приблизиться к ним на расстояние выстрела, так как эти животные еще издали увидели своих преследователей и скрылись от них с громадной скоростью, делая чудовищные прыжки по склонам скал и осыпям. Зато казакам показалось, что вдали они разглядели трех верховых киргизов, и, чтобы не быть захваченными врасплох, мы привязали на ночь лошадей вблизи нашей стоянки и кто-нибудь один стоял на страже, а остальные спали, держа ружья наготове. Однако все прошло спокойно, и ни один киргиз не показался. Но казаки не ошиблись, так как в нескольких верстах от нашего лагеря, во дворе одного киргизского зимнего жилья, мы нашли еще не потухший костер и ободранного молодого волка. Вероятно, это и были те самые киргизские охотники, и они здесь переночевали.

12 августа мы продолжили свой путь на запад-северо-запад и без остановки проехали восемь часов по крайне пустынной, местами холмистой степи. Под ногами был в основном зеленый камень, хотя мы и проехали мимо невысоких гор из красноватого гранита, густо обросших железницей горной (*Sideritis montana*). В низинах почва состояла из солончаковой глины; изредка попадались солончаковые растения, а сухие места покрывала лишайниковая манна.

Лагерь мы устроили у подножия предгорий, близ маленькой, почти высохшей речки: заполненное водой пространство сменялось сухим, часто в несколько сот шагов участком. Кое-где река течет, кое-где стоит и, видимо, питается подземными притоками. Ее русло сложено из крупного песка, глубже, вероятно, как это всюду бывает в низинах, лежит слой глины; вода там не может пробиться и вновь с глубоких мест устремляется на поверхность. Таким свойством обладают, в большей или меньшей степени, все степные реки, которые мне довелось видеть.

Холмы, лежащие далее в степи, состояли из грюнштейна. Скалы же у нашего лагеря были многосоставными, сложенными из диабазы, яшмы, пористой железистой глины, переходного грюнштейна и полосовой яшмы. На поверхность тут и там выходили большие кварцевые массы. Плоские горы, между которыми протискивалась упомянутая речка, отделяли нас от широко раскинувшейся долины, ограниченной с другой стороны горами примерно футов 700—1000 высотой. По этой долине протекала речка, берущая начало в высоких горах. В долине было расположено два киргизских кладбища: вероятно здесь в разные времена жило немало киргизов.

На влажных лугах я нашел вместе с обычными растениями новую культуру с белыми цветами. На сухом песке речки рос норичник вырезной, который прежде встречался лишь в Долен-Каре и Арка-Уле. Я поднялся также на гору около 700 футов высотой, находившуюся по ту сторону долины. Гора эта состояла из одной яшмы. На ее вершине часто попадались резуха полукустарная и бурачок.

Дождь, начавшийся еще ночью, задержал нас 13 августа до полудня, так как я боялся промочить собранный мной гербарийный материал. Мы отправились, как только начало проясняться. В северо-западном направлении мы проехали несколько ущелий, и невысокие отроги Чингис-Тау, где порой было очень трудно продвигаться с нашими таратайками. Нахонец, после мучительной двухчасовой езды мы достигли открытой степи. Но тут же задул сильный северо-восточный ветер, и мы едва не околели, затем хлынул дождь, и мы были чрезвычайно обрадованы, когда час спустя оказались у довольно крупной речки, в которой мои казаки тотчас же узнали Чаганку. Спешно разбив лагерь, мы стали греться и сушиться у большого костра.

Мне не хотелось уезжать с этой речки, основательно не обследовав ее. Поэтому 14 августа я выслал трех верховых казаков, поручив им в первую очередь выяснить, нет ли поблизости киргизов. Вместе с тем они должны были всюду искать пещеры и, встретив интересных животных, постараться застрелить их.

Я тоже покинул лагерь и объездил местность во всех направлениях. Около четырех верст я проехал вверх по Чаганке. Речка эта богаче водой, чем все степные реки, которые до сих пор мне встречались. Течение у нее довольно быстрое, но она так же внезапно исчезает и вновь возникает из-под земли в другом месте. Русло у ней каменистое и сравнительно широкое (часто до 80 шагов). Но вода держится теперь не по всему руслу, а порой едва достигает трех шагов в ширину и в самых широких местах не превышает 30 футов. Однако весной эта речка, по-видимому, сильно разливается, о чем можно судить по ее берегам. Как различна ширина, так различна и глубина речки, которая колеблется от нескольких дюймов до четырех-пяти футов. Чаганка впадает в Иртыш напротив Долони. В ней хорошая вода, водится, кажется, и рыба — по крайней мере, мы нашли несколько старых верш. На берегах ее, заросших густым тальником, много водяной птицы: бекасы разных видов, утки, цапли.

Та ветвь Чингис-Тау, у которой мы теперь находились, едва достигает 500—600 футов высоты. Склоны ее в основном круты, с трещинами, часто попадаются отвесные голые скалы. Состоит она, насколько я могу судить, из грюнштейна, в котором изредка встречаются белый мрамор и кристаллы роговой цинковой обманки. Меня поразила огромная скалистая плита, которая, прислоняясь к отвесной скале, образовала довольно вместительный грот.

Горы питали лишь обычные растения. Но на сухом песке в русле реки я нашел крестовник, родственник обыкновенному (*Senecio vulgari* aff.), василек сибирский (?), скерду карликовую (?), копеечник (*Hedysarum* sp.), заразиху, а на влажных местах — порезник промежуточный (*Seseli athamantoides* β *acaule*), разновидность чернотыльника (*Artemisia vulgaris* var.), камыш щетиновидный (*Scirpus setaceus*), ситник мелководный (*Juncus fenageja*) и новую сведу высокую (*Schoberia leiosperma* n.). Кроме того, здесь росли многие местные луговые, а на сухих степных равнинах обычные степные растения. Помимо водяных птиц, здесь водится один вид вьюрков. Не было недостат-

ка и в маленьких соколах и в больших карагушах, которые преследовали антилоп, и это видели мои казаки, а в двух местах они нашли останки растерзанных антилоп, еще совершенно свежие, над которыми кружили те хищные птицы.

Моих казаков постигла полная неудача: они не нашли киргизов, не обнаружили пещеру и не подстрелили ни одного интересного животного. Правда, они поймали верблюда, который отбилсЯ от хозяина*. Проехав по караванному пути, который ведет в Семиречье, они пересекли эту горную цепь (примерно шесть — семь верст шириной) и по ту сторону ее выехали в обширную степь, ограниченную с юго-запада высокими горами. В тех-то горах и находится исток Чаганки. Далеко проникнуть в степь казаки не отважились, но просмотрели немало ущелий, в надежде обнаружить пещеру, что им, однако, не удалось**.

15 августа мы уехали с Чаганки, не найдя вблизи ее ничего интересного. Верблюд пришелся нам очень кстати, так как никому из моих людей теперь уже не приходилось идти пешком. Мы проделали путь примерно в 12 верст по узким ущельям и крутым холмам, пока, наконец, не достигли более ровной степи, расчлененной там и тут рядами невысоких холмов. Более низменные места были засолены. Видели мы и соленые озера. На одном из них мы убили трех плавунчиков круглоносных (*Phalaropus lobatus*). В степях попадались стада сайг от 10 до 100 голов.

Проехав сегодня около 32 верст, мы расположились у нескольких плоских колодцев, вблизи двух соленых озер, которые я осмотрел. Их вода была теперь не очень соленой, но росли в них только такие солончаковые растения, как петросомония однотычинковая (*Halimocnemis monandra*), сведа заостренная, эхинопсидион очитковидный, лебеда — белая, бородчатая, толстолистная, сибир-

ская, камфорозма русская, сараваншишконосый, солорес травянистый и поташник олиственный, парнолистник вильчатый, полынь приморская (*Artemisia fragrans*) и другая новая изящная полынь. На влажных лугах вблизи колодцев я заметил обычные луговые растения.

Погода была в этот день сырая и холодная, так что мы оделись потеплее. Воздух был насыщен испарениями, и горы, находящиеся на расстоянии одной-полутора верст, с трудом различались.

Не изменилась погода и к 16 августа. Вскходило совершенно багровое солнце, и воздух наполнился густыми, как дым, парами, так что мы лишь иногда видели в небе красный диск. Пока готовился обед, что из-за сырых дров затянулось до девяти часов, я обследовал близлежащие холмы и был вознагражден пятилотрихумом седым (*Alyssum canescens*). Не столь удачлив я был, пытаясь убить несколько степных жаворонков, которых здесь хотя и немало, но они так боязливы, что приблизиться к ним очень трудно.

Наконец мы двинулись дальше и поехали на северо-запад по очень сухой, равнинной, лишь местами слегка холмистой степи и к полудню достигли горной цепи, которая, протянувшись с юго-востока на северо-запад, преградила нам путь, и перевалить через нее оказалось непросто. У северного подножия этой горной цепи мы нашли ключ с хорошей водой, где немного отдохнули, а затем продолжили свой путь. Однако мой егерь Жданов не мог удержаться, чтобы не погнаться за антилопой, хотя я его просил не отлучаться от каравана. Поэтому я немало удивился, заметив после двух часов езды, что его нет с нами. Воздух все более насыщался испарениями, и было трудно что-либо увидеть на расстоянии нескольких сот метров. Я попросил несколько раз выстрелить, чтобы дать сигнал егерю, а так как мы еще через несколько верст нашли хорошую воду, то сделали привал. Мы находились примерно в 12 верстах от того места, где егерь отъехал от каравана, поэтому я надеялся, что он не потеряет нас из виду. Время от времени мы палили из ружей и развели большой костер, но все было напрасно — егеря не появ-

* Близ Кар-Каралы нашелся хозяин этого верблюда, которому мы его и отдали. В благодарность он подарил казакам четыре овцы. (Прим. автора).

** Киргизы, которых мы встретили позднее, уверяли нас, что мы, безусловно, были вблизи этой пещеры, что она расположена в глубине одного ущелья, но что без проводника найти ее трудно. (Прим. автора).

лялся. Нас окутывал такой густой туман, что мы совершенно не видели очень высокой горы, находящейся всего в полутора верстах от нас, и я почти отказывался верить казакам, посланным на поиски дров, когда они рассказали по возвращении, как близко стоит эта гора, в которой они узнали Джигилен.

Забота о потерявшемся казаке не давала мне покоя, и, как только стало чуть светлее, я послал двух казаков проехать по вчерашней дороге до ключа, прочесать всю местность и частыми выстрелами давать знать о себе егерю.

Русло маленькой степной речки, у которой мы расположились, окаймляли с двух сторон узкие полосы лугов, местами влажных и заросших тальником. Здесь были необычайные растения: солодка голая, смолевки — волжская и поникшая (*Silene nutans?*), эхинопсилион очитковидный, полыни — родственная лечебной и рассеченная (*Artemisia procerae* aff. et *laciniata*), лисохвост ползучий, тысячелистник заостренный, ситники — сплюснутый, мелководный и лягушечий, бекмания обыкновенная, донник зубчатый, кровохлебка многобрачная, бузульник пирамидально-метельчатый и крестовники (*Cineraria thyrsoides* et n. sp.), проскурняк лекарственный, спаржа обыкновенная, астрагалы (n. sp.), звездчатка болотная, чина луговая, татарник Гмелина (*Cirsium Gmelini*), Иван-чай и кипрей болотный, чертополохи — поникший и курчавый, погребок большой, золототысячник Мейера, горошек четырехсемянный, синеголовник плосколистный, череда мелкоцветковая (*Bidens parviflora?*), млечник морской, солонечный хрен и хлоповник широколистный, зубчатка поздняя, солонечник двухцветковый и грудница татарская, сосюреи — горькая и солончаковая, мытник луговой, подорожник большой, горечавка лежащая Геблера (*Gentiana decumbens* β *Gebleri*), козлец мелкоцветный, девясил иволистный, мелколепестик едкий (*Erigeron acze*), белозор болотный. На сухой каменистой степной почве вместе с обычными степными растениями было много полыни — холодной и душистой, гвоздики узколистной, караганника карликового. У соленого озера я на-

шел новый парнолистник почти трехпарный (*Zygophyllum trijugum* n.). На лугах и в степях я видел немало жаворонков степных и другого вида, а также один вид вьюрка и всех их преследовал маленький серый сокол. Временами к воде подходили поодиночке сайги, а люди, посланные в горы за дровами, видели там несколько архаров.

Густой туман окутывал горы до обеда. Наконец он исчез, и я совершенно ясно и отчетливо увидел красивые, высокие и растрескавшиеся горы. Только я собрался двинуться туда, как вдруг заметил 20 киргизов, выезжавших из отдаленного ущелья, и некоторые из них были с ружьями. Мы порядком испугались при их неожиданном появлении, так как нас было всего четверо, а достаточно вооруженных лишь двое, и в случае нападения нам едва ли бы удалось выстоять. Между тем мы привели в порядок свое оружие, согнали лошадей и привязали их к таратайкам, которые должны были служить нам защитой. Но киргизы, вероятно, еще более испугались, так как вместо того, чтобы напасть на нас, они скрылись в другом горном ущелье. Однако вскоре на вершине горы показался один верховой киргиз, чтобы понаблюдать за нами, а примерно через полчаса выехали из ущелья остальные киргизы, поехали у самого подножия горы дальше на восток, а затем помчались в карьер. Хотя нам и приятно было видеть их бегство, однако мы очень беспокоились о двух посланных на поиски казаках, с которыми киргизы, судя по взятому ими направлению, должны были непременно встретиться. Желание побывать в горах у меня совершенно прошло, и я с нетерпением ждал возвращения казаков. Наконец, к вечеру, вернулись оба посланца. Жданава они, к сожалению, не нашли, хотя и побывали у того ключа, где он остался, и криками и выстрелами давали знать о себе. Они объехали всю округу, и, не найдя никаких следов егеря, вернулись, наконец, на утомленных конях. Киргизы им не встречались.

Я не мог так скоро расстаться с надеждой найти пропавшего товарища и решил остаться здесь и следующий день, чтобы продолжить поиски.

Вечером собралась гроза, но, к счастью, она нас обошла. Однако вскоре небо снова затянуло тучами, и на всю ночь зарядил дождь. Лишь на следующее утро сильный западный ветер разогнал тучи, и два казака вновь отправились на поиски злочастного Жданова; я тоже со всем багажом покинул лагерь и направился в горы, где рассчитывал найти немало работы. В глубине гор мы увидели ручеек с кристально ясной водой, текущий в узкой, очень богатой травой долине, где и решили устроить привал.

Вместе с Тузовским мы вышли из лагеря, чтобы подняться на вершину горы. Поднимались мы по узкому, образованному скалистыми стенами, ущелью. В этом ущелье журчал тоже небольшой ручей с кристальной водой. Берега его густо заросли роскошными луговыми растениями, сквозь которые почти невозможно было пробраться. Мы обнаружили несколько низеньких стен киргизских зимних жилищ, а выше оказался чудесный водопад, образованный тем же ручьем, который низвергался с отвесной скалы высотой в 30 футов во вместительный бассейн. На пути к вершине нередко попадался курильский чай (*Potentilla fruticosa*). Я направился вдоль ручья, у которого росли осины, хотя и в виде кустарника. Меня очень удивило, что ручей вытекает из совершенно голой гранитной скалы, и поэтому я решил найти все-таки его главный источник. Но это предприятие оказалось весьма трудным, и без поразительной смелости, отваги и физической силы моего спутника мне не удалось бы подняться выше. Нам пришлось карабкаться на почти отвесные скалы, очень скользкие от ключевой воды, причем нередко нужно было ставить ногу в углубления всего в несколько дюймов, и каждый ошибочный шаг грозил неминуемой гибелью. Сначала подъем давался нам сравнительно легко, но скоро мы поднялись так высоко, что ни о каком возвращении не было и речи. Так мы карабкались вперед, держа друг друга крепкими поясами и подтягиваясь, пока не достигли вершины. Это оказался, однако, только один из уступов горы, а сама вершина была еще дальше. Передохнув немного, мы начали подъем

и на последнюю вершину, что удалось сделать с известным напряжением. Я очень сожалел о том, что густая пелена тумана окутала равнину, ибо отсюда, несомненно, открылся бы неизмеримо широкий вид. Лишь в просветах тумана я мог порой увидеть равнины.

Соленое озеро, где я 16-го нашел парнолистник почти трехпарный и которое явно было в шести верстах отсюда, казалось расположенным у самого подножия гор. Дальше к северо-востоку я заметил другое более крупное озеро. Ряды холмов, тянувшиеся в степи, были почти неразличимы, и вся местность до горной цепи, через которую мы проходили 16-го, казалась совершенно ровной. Если бы воздух был ясным, прозрачным, я, определенно, увидел бы Чингис-Тау, так как даже с нашей стоянки у Чингис-Тау 6 августа мы ясно видели вершину Джигилена, что, конечно, может служить доказательством немалой высоты Джигилена. На вершине я рассчитывал найти болото, из которого вытекает несколько раз упомянутый ручей. Однако здесь оказалось бесчисленное множество маленьких ключей, которые стекали по голым скалам и затем сливались, так что вершина, надо полагать, постоянно покрытая облаками, отнимает у них влагу, чтобы питать ручьи, стекающие с нее. Резкий леденящий ветер не позволял задерживаться наверху, и я вскоре решил возвращаться. Добраться до зеленого склона, протянувшегося западнее вершины до нашего лагеря, было невозможно из-за нескольких крутых неприступных скал и глубокой пропасти, поэтому предстояло спускаться по тому ущелью, по которому поднимались. И я нашел более удобную и менее опасную дорогу к водопаду, нежели та, которая была описана выше. В лагерь мы пришли уже при полной темноте.

Джигилен — это только небольшой горный массив, состоящий из двух параллельных, протянувшихся с запад-северо-запада на восток-юго-восток горных хребтов, длина которых, видимо, не превышает десяти, а ширина двадцати верст. Зато в высоту он не мал. От этих двух горных хребтов почти параллельно отходят на север и юг многочисленные отро-

ги, которые постепенно сходят на нет в степи и образуют более или менее широкие долины, нередко с небольшими боковыми ущельями. В большинстве главных долин, как и во многих ущельях, струятся ручейки и ключи. Ручейки южного склона сливаются у подножия горы в маленькую степную речку, которая летом иссыкает в лежащей на юге степи, а весной впадает в неоднократно упомянутое небольшое соленое озеро, берега которого окаймлены красивыми лугами. Небольшие горы сложены из красноватого гранита и очень напоминают гранитные горы у Иртыша за Бухтарминском, но гораздо выше их. Внизу склоны довольно мягкие и большей частью покрыты землей. Напротив, вершины — это крутые, обрывистые, растрескавшиеся и совершенно голые скалистые массы. Деревья полностью отсутствуют. Кустарники этих гор составляют таволги — зверобоелистная и калинолистная, шиповники — колючий и рыхлый, жимолость мелколистная, таврантушка, курильский чай, карагана карликовая, кизильник черноплодный и другие виды кизильника, барбарис сибирский, можжевельник казахий, осина, причем последние четыре встречались лишь около вершины. Кроме того, я заметил еще прострел широкоцветный, астрагал длиннолистный, тюльпаны — алтайский и понижающийся, касатик сизолистный, осоку приземистую, проломник северный, крупки — перелесковую и ланцетоплодную, оносу Гмелина, бурачок, родственный сибирскому, дескुरению София, змееголовник болотный, иксилирион татарский, липучки — многоплодную и пониклую, ковыль — перистый и тырсу, дрему липкую и смолевку (*Silene viscosa* et п. sp.), лапчатки — щетинистую и шелковичную, пажитник плоскплодный (*Trigonella striata*), ленцицу и подмаренник русский (*Galium Aparine* et *ruthenicum*), бородавник, льнянку алтайскую, марь толстолистную, патринию среднюю, гониолимон красивый, овсяницу овечью, зопник клубненосный, люцерну серповидную, горец отклоненный (*Polygonum patulum*), горцы (*Convolvulus*) — вьющийся и разнолистный, желтушник прямой, кузьмичеву траву, рыжик мелкоплодный, луки — Палласа

и шаровидный, пустырник сизый, гвоздику ветвистую, качим вильчатый, скрыпун гибридный, шпорник редкоцветный, мятлик (*Poa Glau-dini*), тысячелистник щетинистый (*Achillea setacea*?), вероники — перистоллистную, ненастоящую и бело-войлочную, пырей гребенчатый, зизифору пахучковидную, пижму пижмовидную (*Pyrethrum incanum*), истод гибридный, тимьян Маршалла и богородскую траву, скерду кровельную, перловники — высокий и пушистостолоословый, клубнику, хамеродос прямой, щетинник зеленый, полыни (*Artemisia alpina*, *Absynthium, vulgaris* *Dracunculus*?, *monogyna*?, *fragrans*, *Sieversiana*, *aprica*, *sco-paria*), кошачью лапку двудомную (*Gnaphalium dioicum*), марь гибридную, копеечник, астру альпийскую, порезник бухтарминский, лопух войлочный (*Arcticum Bardona*), косогорник пурпуровый, ястребинки — ядовитую и румянковую, щавель кислый, смолевку алтайскую, белену черную, иссоп крупноцветковый, татарник огненный, ноговатку многоцветковую, мяту полевую, репку колючую, остролодочник волосистый, пижму кустарниковую, амистестею голубую, костенец северный, многоножку обыкновенную, папоротник (*Polypodium aspidium*), повилику европейскую (*Cuscuta europaea*), очинку волосистенькую (*Euphrasia tatarica*?), ясколку луговую, новый молочай приземистый (*Euphorbia humilis* п.), аксирис обыкновенный и в воде маленьких речушек — бутерлак (*Peplis* п. sp.). Насекомые почти исчезли и попадались лишь некоторые, например медляк (*Platyscetis hypolithus*), четырехтелка ребристая (*Opatrum carinatum* Gebl.), могильщики (*Necrophorus Morio* et *Investigator*), несколько кузнечиков и т. п.

Вечером вернулись мои казаки, не более удачливые, чем вчера. Жданов так и не нашелся! Возле упоминавшегося соленого озера, к югу от нашей стоянки, казаки якобы напали на след его лошади и проехали по ним к западу. Мы вынуждены считать, что он уехал в Кар-Каралы. Дольше задерживаться у Джигилена было совершенно бесполезно, так как все кругом было уже тщательно обследовано и вдобавок мы не сомнева-

лись в том, что Жданов уже далеко отсюда, и почти начинали думать, что он намеренно покинул нас, спеша возвратиться домой. Недостаток продуктов также вынуждал нас ускорить отъезд, ибо все наши запасы составляли теперь лишь несколько фунтов риса, немного плиточного бульона и неубитые антилопы. Итак, необходимость заставила нас предоставить егеря его судьбе, но мы надеялись, что он благополучно доберется до Кар-Каралы или Иртыша.

Утром 19 августа мы покинули Джигилек с тяжелым сердцем, очень сожалел о том, что так и не отыскали нашего егеря. Оставив горы позади, по слегка холмистой степи мы двинулись на запад-северо-запад. Не проехали мы и шести верст, как довольно отчетливо увидели западную покатость Джигилена, а значит, достигли его западного конца. Через несколько верст поредел и протянувшийся по степи холмы и между ними возникла большая солончаковая равнина. Верстах в пятнадцати от Джигилена мы подъехали к двум соленым озерам, у которых росли неоднократно уже упоминавшиеся галофиты и к редчайшим относились только парнолистник вильчатый, гулявники и новый гребенщик изящный (*Tamarix cupressiformis* n.). Еще через 15 верст по такой же степи мы оказались у двух колодцев, сделанных в русле безводной речки и содержащих плохую воду. Речка эта стекала, конечно, с высокой горы, простиравшейся на юге с востока на запад, и вполне возможно, бывшей продолжением горной цепи, которую мы пересекли 16-го. На севере было несколько невысоких холмов, а за ними простиралась ровная степь уже без холмов. Вокруг нашего лагеря росло множество полей: душистая, Сиверса, холодная, эстрагон (?), однопестичная (?). Но что особенно мне было приятно, так это то, что я нашел красивый шиповник персидский с совершенно зрелыми плодами, а также плодоносящие экземпляры галогетона скрученного, васильков с красивыми цветами, смолевков, заразики кроваво-красной (*Orobanchе sanguinea*?) и парнолистника почти трехпарного. Погода была в этот день немного пасмурной, все время висел туман, а к вечеру похолодало. Меня

удивило появление здесь бесчисленной мошкары, которая нас мучила, а, впрочем, отъехав от Иртыша, мы редко от нее страдали.

20 августа я решил поохотиться на степных жаворонков, пока упаковывали багаж и запрягали лошадей. Эти превосходные птицы, однако, увели меня от лагеря дальше, чем мне того хотелось, и в конце концов я вернулся несолоно хлебавши. В этот день мы тоже продолжали двигаться в северо-западном направлении очень сухой, пустынной степью, в которой водились антилопы, жаворонки, в частности черный, степной и еще третьего вида, а также саранча. Интересных растений не оказалось, исключая касатник восточный (*Iris haematophylla*), которого было очень много в пойменных долинах, но больше же он нигде не встречался. Мы все больше приближались к горной цепи на юге, и на расстоянии около 10—12 верст от нашего лагеря снова выехали на холмистое пространство. Мои казаки уверяли, что в одном месте они отчетливо видели следы пребывания Жданова*.

Вечером мы снова добрались до высохшего русла реки и после долгих поисков нашли место, где собралось немного дождевой воды, и там остановились на ночлег. Слишком поздно я обнаружил за несколькими холмами другую маленькую степную речку с превосходной водой. Вся местность была усеяна в основном отложениями холмами, которые разделялись мелкими долинами. Почва всюду была каменистой, состоявшей из порфира и полевошпатового порфира, изредка попадались незначительные солончаки. Но ни на холмах, ни на солончаках мы не нашли особо интересных растений.

В этот день, 21 августа, нам пришлось сильно задерживаться из-за верблюда. Этому оставшемуся без хозяина великану, которому нравилась только кочевая жизнь и который очень жалобно стонал и вздыхал, когда ему приходилось приседать, чтобы принять на себя человека, уда-

* Хотя сделанное казаками открытие показалось мне маловероятным, впоследствии сам Жданов подтвердил, что провел здесь ночь с 19 на 20 августа. Если бы мы отправились дальше, не задерживаясь у Джигилена, мы наверняка нашли бы его. (Прим. автора).

лось разорвать ремни, связывающие передние ноги, а затем тихо и незаметно улизнуть от нас. Погнавшиеся за ним верховые догнали его лишь в восьми верстах от лагеря, так что мы прождали их примерно до 11 часов. После того, как все было упаковано, мы отправились на запад-северо-запад, через холмы и небольшие долины. Но верст через 12 мы неожиданно встретили верховых киргизов, которые, однако, скоро скрылись. Мы продолжали медленно продвигаться вперед, все время спасаясь нападения этого степного народа. И ждать пришлось недолго, ибо опять появился один киргиз, который, понаблюдав за нами, поскакал навстречу. Предложенная ему трубка табаку сделала его скоро нашим другом, и от него мы узнали, что находимся всего в нескольких верстах от тракта, ведущего из Семиарска в Кар-Каралы, и что чуть дальше к северо-западу уже стоит русский пикет на горе Едрей. Скоро подъехали еще два киргиза, и один из них пригласил нас переночевать в свой аул. Они были из Тубуклишской волости* и ехали на охоту.

Через час мы оказались на тракте, и я послал одного казака в пикет Едрей, чтобы навести справки о Жданове, мы же, в сопровождении одного киргиза, поехали дальше и скоро достигли аула, расположенного западнее дороги у озера с пресной водой. Здесь царило необычайное оживление, очень поразившее нас по контрасту с пустынностью гор и степей. Все озеро было окружено многочисленными юртами; по широкой равнине разбрелись большие табуны лошадей и верблюдов, стада овец, быков, коров и коз. Множество киргизов, разъезжавших взад и вперед, стерегли пасущийся скот; тут они гнали овец в загон, там перегоняли

дальше конский табун. Снующие кругом полуголые мальчишки, женщины с полузакрытыми лицами, гомон киргизов, лай множества собак, ржанье лошадей, блеяние овец и раздающийся временами странный крик верблюда — все это создавало картину, которая меня необычайно восхищала и привлекала. Скоро была поставлена моя палатка, и у меня перебивалась масса киргизов, которые при виде наших вещей прищелкивали от удивления языками и засыпали меня бесчисленными вопросами: откуда? куда? для чего? и т. д.* Одна киргизка принесла миску, полную кумыса, другая — горшок с айраном. Прочие киргизы несли войлочные покрывала, овчины, приводили овец и т. п.; и все это они собирались дарить мне, но предварительно осведомлялись, чем я собираюсь отдарить их; а так как обещанные мной подарки казались им неблестящими, они забирали свои подарки обратно. Как ни порадовал меня вид аула, однако скоро общение с киргизами мне стало чрезвычайно обременительным и противным, и я вспомнил урок, полученный в Курчумских горах, что нужно иметь неисчерпаемое терпение, если хочешь торговать с этим народом. Чтобы купить, например, одну овцу (или уговорить киргиза вручить ее в виде подарка), у меня вместе со всеми моими людьми хлопот было по горло целых четыре часа, так как стоило только согласиться с тем, что они требовали, как они сразу же снова вздували цену. Много раз они уходили от нас, затем снова возвращались и только после всего этого мне удалось выторговать овцу за шесть аршин бахты (420 коп.), хотя вначале они запрашивали два аршина. Покупка же нескольких лошадей не со-

* Киргизы этой волости были известны прежде среди своих соотечественников как самые беспокойные и разбойные. Еще несколько лет тому назад их боялись все проезжающие. После того, как они угнали у русских и у некоторых киргизов, живущих под защитой русских, большое количество скота, сильный отряд казаков отгнал их за горную цепь Чингис-Тау. Там у них отняли украденный скот и окружной суд султана вынес приговор — прогнать их и других зачинщиков сквозь длинный строй казаков, держащих стреленные ремни, что и было исполнено. С тех пор эта волость относится к самым спокойным волостям, в которых нет никакого разбоя, а жители присягнули на верность русскому государству. (Прим. автора).

* Киргиз необычайно любознателен и интересуется всеми обстоятельствами поездки. Он если увидит в отдалении кого-нибудь, то считает своим долгом проехать туда несколько верст. Поэтому киргизы знают все, что происходит вокруг, и обо всех новостях узнают очень быстро. Так, на обратном пути от Алтан-Тюбе нам встретилось несколько киргизов, которые прибыли из одной волости, находившейся на расстоянии 100 верст по ту сторону горной цепи. Они, к нашему удивлению, рассказали нам, что в их волости давно уже знают о нашем пребывании у песчаного диоптазового рудника. При этом из Кар-Каралы распространились повсюду вести, что русские (было точно известно число людей, лошадей и телег) отправились в Алтын-Тюбе за золотом. (Прим. автора).

стоялась, ибо, после того как они почти в десять раз увеличили согласованную цену, я вынужден был положить конец всей торговле.

Гора Едрей, которая находилась от нас примерно в трех-четыре верстах, внешне очень напоминает Джигилен, но гораздо ниже его. Ее разломы, вид и красноватый цвет ясно показывают, что состоит она тоже из гранита и, значит, флора ее, по-видимому, мало отличается от флоры Джигилена; поэтому я не считал нужным тщательно ее обследовать, чтобы иметь возможность посвятить свое время более интересным краям. К вечеру вернулся посланный мною казак, который принес неутешительное известие, что на том пикете Жданова не видели.

До полуночи нас осаждали любопытные киргизы и стоило трудов отделяться от столь обременительных гостей. Но выгадали от этого мы немного, потому что постоянные крики и вопли киргизов, стоявших в карауле, и лай собак совсем лишили нас покоя. Едва утром начало сереть, нас снова окружили киргизы, во что бы то ни стало желавшие продать нам овец и лошадей. Эта бесчисленное число раз прерывавшаяся и снова возобновлявшаяся торговля продолжалась почти до десяти часов и закончилась, как и накануне, тем, что несговорчивые торговцы исчерпали мое терпение и я отказался от всякой торговли, только бы поскорее отправиться дальше.

Вскоре мы опять оказались на тракте и последовали по нему на запад-юго-запад. В верстах трех от озера мы выехали на холмистую местность с хорошими источниками*. В нескольких верстах отсюда холмы все более понижаются, а примерно в шести верстах от тех источников мы миновали два довольно больших соленых озера, расположенных в обширной равнине и заселенных множеством уток. На юге, по ту сторону этой равнины, я увидел понижающийся горный хребет, через который мы перевалили 16-го и который с того дня постоянно видели на юге тянувшимся с востока на запад. Примерно в версте от него поднимается еще не-

сколько горных хребтов, примыкающих дальше на западе к горному массиву Ку так, что только узкая долина отделяет этот массив со всеми его отрогами от этого хребта. В дальнейшем ряды невысоких холмов чередуются с небольшими солончаковыми равнинами. Через восемь верст от описанных озер мы опять оказались в долине с двумя солеными озерами, на которых тоже было много уток. Отсюда мы могли видеть главную вершину массива Ку. Эта вершина, совершенно голая и покрытая расселинами, напоминала внешне Аркат, с той лишь разницей, что более высокий и протяженный горный массив Ку превосходит его многоплановостью своего внешнего вида. Менялись, поочередно выступая, бесконечно разнообразные формы. Вскоре перед нами возникли далеко протянувшиеся скалистые стены с рельефными зданиями, башни с высокими острыми шпилями и т. п. Пройдешь несколько шагов, и вид совершенно меняется. Там исчезли башни и дома, здесь же, наоборот, возникли другие строения и гигантские руины, исчезающие при новом изгибе дороги, чтобы вновь уступить пространство иным чудесам. Этим фантастические картины восхищали меня, и я очень жалел, что они по мере приближения к ним становились все неразличимее и, наконец, взорам предстала лишь огромная голая, отчетливо обозримая, растрескавшаяся скалистая стена, производящая впечатление лишь своей протяженностью.

В остальном дорога в этот день не представляла ничего достойного упоминания. Необычные растения совершенно отсутствовали. Крайне редко мы видели сайгу или несколько жаворонков; местность была пустынна и безлюдна. Только в восемь часов вечера мы подъехали к маленькой речке, носящей название «Сухая» и протекающей в долине среди предгорий горного массива Ку, где и решили переночевать. Погода в этот день была по-настоящему хорошей и теплой, к обеду стало даже жарко и душно, и еще в половине девятого вечера термометр показывал + 16° R.

23 августа мы не двигались до 11 часов, так как я не мог удержаться, чтобы не обследовать окрестности. Холмы близ нашего лагеря,

* На этом месте был впоследствии заложен пикет Аркали. (Прим. автора)..

большей частью обрывистые, крутые и голые, были всего в несколько сот футов высотой. Они состояли из красного яшмовидного камня и яшмового порфира* и на них кое-где росли обычные растения. Горный массив Ку, или Кув, весьма высок, выше и гораздо протяженнее Джигилена. Некоторые из самых высоких его хребтов идут параллельно, почти прямо с севера на юг, и в том же направлении простирается большинство предгорий. Затем направление меняется, и хребты тянутся с северо-востока на юго-запад, смыкаясь с главным хребтом в юго-западном углу. Там и тут на этом массиве виднеются небольшие сосновые (*Pinus sylvestris*) лески; массив богат водой, и с него стекает несколько полноводных ручьев, которые, сливаясь, образуют р. Сухую. Речка эта течет по длинной, довольно широкой, с хорошими лугами долине; ее ширина всего несколько шагов, но во многих местах она очень глубока. Вода в ней плохая, бурая и солоноватая, но в ее притоках превосходна. На лугах я заметил лишь обычные луговые растения. Немалая часть долины засолена, и там преобладают галофиты. Особенно часто попадался клоповник толстолистный.

Покинув, наконец, наш лагерь, с версту мы ехали правым берегом Сухой, вверх по течению, затем перешли по броду на левый берег, где продолжали подъем, все более приближаясь к главной горе. Еще через несколько верст нам пришлось пересечь небольшой ручей с превосходной водой, который стекал с горы и впадал в ту речку. Здесь обильно росла скабиоза исетская (*Scabiose isetensis*). Теперь мы были уже довольно близко к главной горе, и наша дорога шла почти параллельно ей, находясь от нее все время в двух-трех верстах к юго-западу. Приблизительно в четырех верстах от того ручья мы достигли главного притока Сухой Речки, через который нам тоже пришлось перебраться. Затем мы двинулись долиной третьего притока и через две версты добрались до русского пикета Ку, или Кув, который расположен

примерно в ста верстах от Кар-Каралы. Здесь находятся 15 казаков, обязанность которых состоит в том, чтобы поддерживать связь с Семиярском и снабжать свежими лошадьми проезжающих. Мы задержались здесь на несколько минут, чтобы спросить о нашем охотнике, которого, однако, никто не видел. Потом мы пересекли небольшую возвышенность, местами поросшую шиповником персидским. Через 12—13 верст от пикета мы оказались у южного пика гор, который здесь почти под прямым углом поворачивает к северу и постепенно понижается. Менее чем через версту мы снова вынуждены были перебродить приток Сухой, вытекающий с юго-западного конца горы. После этого наш путь пролегал по невысоким холмам и солончаковым равнинам; мы оставили два соленых озера слева и два других — справа и расположились лагерем на берегу небольшого озера со слегка солоноватой водой; зато вся равнина была, словно снегом, покрыта россыпью глауберовой соли и росли на ней почти сплошь галофиты, среди которых, однако, не нашлось ни одного редкого вида. Большая стая гусей, тоже облюбовавшая для ночевки это озеро, казалось, весьма неохотно уступила нам место.

24 августа мы оставались здесь до десяти часов, чтобы убить несколько мелких водяных птиц. На протяжении четырех верст далее простиралась солончаковая равнина, ограниченная довольно высокими холмами. По ту сторону этих холмов мы достигли другой долины, тоже во многих местах просоленной, которая была заключена между двумя рядами холмов, идущих с севера на юг. Эти холмы затем так сильно сближаются, что нам пришлось, двигаясь в основном на юго-запад, схватить то по узкой долине, то по невысоким холмам. У подножия одного из этих холмов лежит небольшое озеро Беленькое, вода которого слегка белесоватая, мутная, но пресная и довольно вкусная*. Четырьмя верстами дальше, справа от дороги, было несколько колодцев с плохой водой. Еще через 12 верст мы увидели по правую руку окруженное довольно высокими горами, большое соленое озеро, по которому плавало

* Холмы и горы вблизи главной вершины состоят из фельзита, а главный массив — несомненно из красноватого гранита. (Прим. автора).

* Здесь несколько недель спустя был заложен новый пикет Беленький. (Прим. автора).

великое множество водяных птиц, и некоторых мы застрелили. По ту сторону горы мы подъехали к р. Талде и решили здесь ночевать. В этой маленькой речке, кое-где очень глубокой, а кое-где мелкой, хорошая вода и, видимо, водится рыба. Ее русло усеяно каменной щебенкой, которая на сухих местах заросла красивым копеечником (*Hedysarum*). Кроме него я не заметил в окрестности никаких интересных растений. Здесь к нам присоединилось несколько казаков; один из них прибыл из Семиярска; и он сообщил мне радостное известие, что наш потерявшийся у Джигилена казак благополучно добрался до Семиярска.

25 августа мы двигались своей дорогой, которая вела нас на юго-запад местами по волнистой равнине. Затем мы достигли горной цепи, заросшей редким сосновым лесом. Оставив ее слева, мы свернули направо, в узенькую долину маленькой речки. Через версту мы опять выбрались из этой долины, чтобы подняться на средней величины холм. С вершины холма мы увидели на расстоянии восьми — десяти верст высокий, заросший лесом горный массив, и у его подножия солнечные лучи осветили нам сверкнувшие белым здания. Это был Кар-Каралы! Все мы были чрезвычайно обрадованы, увидев, наконец, после четырехнедельного блуждания по степи, перед собой цель нашего путешествия. Мы быстро спустились в сухую долину, где в изобилии цвела новая горькуша мелкоствольная (*Sa-*

ussurea microphylla n.). Чуть дальше мы въехали в другую красивую долину, уставленную копнами сена, и увидели частью еще зеленые, частью желтые хлеба, работающих людей и пасущийся скот. На заднем плане виднелись маленькие избы. Короче, повсюду европейская жизнь и европейское устройство! Для меня — подлинное блаженство! Наконец мы подъехали. О том, что я приеду, было уже известно как из письма, так и от казаков, которые ночевали с нами и опередили нас, и я был встречен столь же приветливо, сколь и предупредительно.

Здесьшний казачий командир и ассесор местного приказа — г-н майор Дартау, курляндец, и г-н Бубенов сделали все, чтобы я ни в чем не испытывал недостатка. Из казенного склада мне отпустили муки, в местной пекарне напекли сухарей, которых у нас не было уже целую неделю. Другие печи были предоставлены для просушивания собранных растений и шкур животных, особенно антилоп и архаров. Местный мулла Саллик Сагитич вызвался быть проводником до диоптазового рудника. Этот мулла, татарин по происхождению, уже 30 лет живет у здешних киргизов, превосходно знает местность и раньше уже был проводником у Шангина и Вяткина. Господин Дартау также решил участвовать в поездке. Однако несмотря на то, что я очень спешил со сборами и что мне со всех сторон помогали, отправиться в путь я смог лишь 30 августа.

Глава шестая

ПУТЕШЕСТВИЕ В АЛТЫН-ТЮБЕ К МЕСТОРОЖДЕНИЮ ДИОПТАЗА И ВОЗВРАЩЕНИЕ В КАР-КАРАЛЫ. ЗАМЕТКИ О СЕЛЕНИИ КАР-КАРАЛЫ. ЗАМЕТКИ О КИРГИЗАХ

Пополудни 30 августа я выехал из Кар-Каралы в сопровождении г-на Дартау и муллы, после того как несколькими часами раньше отправил багаж, которому предстояло сделать большой крюк. Мы же двинулись прямо через предгорья главного массива, который доверху покрыт сосна-

ми и, со своими далеко выступающими скалами, причудливыми вершинами и глубокими ущельями, выглядит очень живописно. Мы ехали горами на западо-северо-запад до р. Игенсу, где и догнали свой багаж. Затем дорога нас несколько увела от горного массива и к вечеру мы достигли

р. Кунгур-Су, где и переночевали. Здесь в это время пасли казачий табун, в котором насчитывалось 200 лошадей. Его охранял десяток всегда вооруженных казаков. Господин Дартау узнал, что у его друга-султана есть такой киргиз, который знает место, где находят извесь. Поэтому он послал туда двух казаков, которые должны были просить султана послать к нам этого киргиза; а я охотно согласился провести здесь весь следующий день, так как местность казалась весьма интересной.

Ночью было чувствительно холодно, порядком подморозило, и осень собиралась, видимо, в этом году наступить раньше обычного.

Два моих казака 31 августа отправились на поиски оленей и других интересных животных, и я поспешил к горному массиву, находившемуся примерно в полутора верстах. Массив Кар-Каралы состоит здесь сплошь из красного гранита. Он поднимается на немалую высоту, а его главная вершина, возможно, даже на 3000 футов над р. Кунгур-Су. Эти горы в основном голые, и лишь в некоторых ложбинах лежит сухой слой земли. Большинство склонов круты сверх всякой меры и часто неприступны. На скалах и между ними растет много красивых и высоких сосен, кое-где встречаются березы. Между прочим я вновь нашел немало таких же растений, которые растут на гранитных горах близ Бухтарминска. То и дело попадалась зарази́ха тонкая (*Orobanche cruenta?*); она занимала узкие трещины в граните, и ей не мешали корни других растений. Холмы у подножия массива и на обширной лошине далее состояли частью из глинистого сланца, а местами и из зеленой яшмы. Он богат водой, и многочисленные маленькие ручьи вливаются в р. Кунгур-Су. Речка эта хотя и неширокая, но очень глубокая. В ней хорошая вода, а берега ее в основном болотистые или, по меньшей мере, влажные. Тальник, смородины — черная и красная, боярышник кроваво-красный, черемуха, шиповник рыхлый, жимолость татарская, калина росли в виде довольно густых кустарников. Главнейшими растениями этих лугов были ежа сборная, мятлики — узколистный и луговой, бекмания, батлачок ползучий, полевница

волосовидная, тростник обыкновенный, вероники — ключевая, порочная, ненастоящая (*Veronica anagallis, Beccabunga, paniculata*), болотница болотная, солонец сибирский, ячмень солончаковый, двухкосточник тростниковидный (*Phalaris arundinacea*), подмаренники — топяной и бореальный, подорожник большой, кровохлебка многобрачная, синеголовник плосколистный, морковник горный и пустореберник длиннолистный новый, горечавка крупнолистная (*Gentiana macrophylla*), колокольчик синий (*G. Procumbens*), горечавка язычковая (*G. pratensis*), воробейник обыкновенный (*Lysimachia vulgaris*), белозер болотный (*Parnassia palustris*), первоцвет длиннострелочный, паслен безволосый, сверция тупая, ситники — лягушечий и сплюснутый, триостенник болотный, Иван-чай, звездчатка болотная, лабазник обыкновенный (*Spiraea Ulmaria*), шпорник редкоцветный, лютик ядовитый, зубчатка поздняя, очинка лекарственная (*Euphrasia officinalis*), душица обыкновенная, жерушник болотный, солодка гладкая, чины — луговая и клубневая, люцерна серповидная, эспарцет кормовой, полыни — рассеченная, родственная высокой, холодная, чернобыльник, солонечник двухцветковый и грудница болотная, девясил высокий, соссюрея горькая, крестовник суходольный, золотарник обыкновенный, пижма обыкновенная, бузульник пирамидально-метельчатый и крестовники (*Cinraria thyrsoidea* et n).

На равнине я нашел несколько древних кладбищ. На одном из них оказалось множество могил, контуры которых, круглые или четырехугольные, обозначились вертикально воткнутыми камнями. На могилы были насыпаны кучи камней от двух до трех футов высоты. Я велел раскопать один из больших четырехугольников, стороны которого были десяти футов длины и точно ориентированы по четырем странам света. Убрав лежавшие сверху камни, мы добрались до рыхлой земли. Углубившись в нее почти на пять футов, обнаружили твердый скалистый грунт, убедивший нас, что глубже искать нечего. Хотя мы и перерыли здесь все, однако всюду натывались на твердое основание, не находя ни костяка, ни других

остатков. Невероятно, чтобы эту могилу уже раскапывали, ибо наложенные сверху камни лежали в полном порядке один на другом и казались совершенно нетронутыми. В то же время несколько соседних могил явно раньше вскрывали. Возможно, однако, что и раскопанная нами могила была разграблена, но затем тщательно восстановлена, потому что киргизы не любят вида раскрытых могил. В другом месте мы увидели почти неисчислимое множество могил, вырытых вплотную одна к другой, чаще всего в виде продолговатых четырехугольников, реже в форме круга. Они отличались от предыдущих тем, что совсем не возвышались над почвой и этим сильно напоминали те могилы, которые я видел между Бухтарминском и редутом Вороным*. Здесь я велел раскопать одну продолговатую прямоугольную могилу пяти футов длиной и трех футов шириной. Направлена она, как и все другие могилы, была точно с востока на запад. Сначала мы убрали полтора фута земли, затем добрались до большой

* Различие форм могил, найденных в этих местах, объясняется, возможно, тем, что в них хоронили представителей разных народностей, и можно также считать, что в могилы с каменными кучами погребали знать. Особенно замечательны высокие могилы близ Нуры, которые я видел позже и которые упоминает в своих письмах и Сиверс. В тех же, что находятся около развалин здания в горах Кент, лежат, по-видимому, ногаи: дальше к западу на большой Нуре, говорят, еще можно увидеть развалины их жилищ. Совершенно разнятся от этих могил могилы близ Енисея, обложенные листовницей, но какие из них джунгарского происхождения, решить я не мог. Если приписать джунгарам могилы, находящиеся у развалин Аблакита, по которым ясно видно, что они очень мало или почти совсем не поднимались над землей, придется признать, что высокие каменные курганы принадлежат другому народу. Примечательно, по моему мнению, и то, что в сухих, бедных лесом и водой местах у горных цепей Аркалы, Кушумбет, Аркат, Чингис-Тау и Джигилен я видел только киргизские могилы, в то время как вблизи плодородных и богатых лесом гор Кар-Каралы встречаются могилы самых различных форм; равно как могилы на западе большей частью бедны и лишь изредка содержат металлические предметы. Все старые могилы некиргизского происхождения, особенно высокие, выступающие, киргизы называют «уба», а киргизские могилы — «молы». Когда бы я ни спрашивал у киргизов, не знают ли они, какому народу принадлежат эти могилы, я получал неизменно отрицательный ответ. Шангин же в своих заметках (см. «Сибирский вестник» Спасского (т. 9, с. 13) доказывает, что, по мнению киргизов, очень высокие могилы оставлены одним народом, который они по старой традиции называют «мык» и который якобы обитал в этих местах еще до прихода монголов. (Прим. автора).

горизонтальной каменной плиты, прикрывавшей маленький прямоугольный, образованный четырьмя вертикальными каменными плитами и также засыпанный землей. Здесь мы нашли костяк ребенка приблизительно 6—8 лет. Лежал он головой к востоку, и череп был, как и прочие кости, очень хрупким. Кроме скелета, мы не нашли здесь ни металлических, ни деревянных вещей.

Обе группы этих могил расположились на правом берегу Кунгур-Су. Третья группа находилась недалеко от левого берега и состояла из могил, во всем похожих на описанные первыми. Ниже по течению речки якобы есть еще несколько кладбищ, так что, надо полагать, местность эта прежде была густо заселена.

Ночью возвратились посланные к султану казаки и сообщили, что киргиз, намеченный г-ном Дарту в проводники, заболел и что камень, который киргизы пережигают и затем присыпают им раны у скота, встречается недалеко от аула, но извести у них в окрестностях нет. Познакомившись с пробой, посланной султаном, мы узнали, что этот камень не что иное, как волокнистый гипс.

1 сентября мы отправились к месторождению диоптаза. Наш караван пополнился здесь еще тремя казаками, которые также решили пойти за этим редким минералом.

Мы переехали Кунгур-Су несколько ниже нашего лагеря. Наш путь лежал по лугу, на котором, наряду с обычными луговыми растениями, росло немало горчичника (*Peucedanum al-saticum*). Затем мы достигли другой речки, также стекающей с гор Кар-Каралы и сливающейся с Кунгур-Су. На левом берегу этой речки тянутся ровные сухие холмы, через которые мы перевалили и выехали на равнину, довольно богатую солонцами. В долинах между холмами часто встречался астрagal лисохвостный (*Astragalus alopecuroides*), нередко растущий и у Кар-Каралы, и кроме того, грудница мохнатая (*Chrysocoma villosa*)*.

* Зато солонечник (*Chrysocoma angustifolia*) западнее Кар-Каралы исчезает совсем. Грудница мохнатая нигде не встречается восточнее гор Кар-Каралы. Западнее исчезает золотарник, но вновь часто попадаетея дереза. Восточнее, до холмов Аркалыка, первые встречаются гораздо чаще, последние же довольно редко. (Прим. автора).

Двигаясь по этой солончаковой равнине в западо-северо-западном направлении, мы оказались у двух соленых озер, примерно в шести верстах от Кунгур-Су, где обитало множество уток. Здесь я увидел печь, с помощью которой киргизы коптят шкуры и шитые из них бурдюки. Эта печь напоминает сооружение, используемое для той же цели башкирами*. Для этого в земле выкладывается сводчатая, чуть выступающая над поверхностью печь, имеющая несколько малых и одно большое отверстие. Через последнее закладывается топливо и затем оно закрывается; меньшие отверстия служат поддувалами. Посредством выложенного камнем канала эта печь соединяется с другим сводом конической формы, примерно трех футов высотой и пяти футов шириной у основания, где складываются вещи, подлежащие копчению**.

Солончаковая степь, пересекаемая несколькими холмами, простирается дальше, и через пять верст от тех двух соленых озер мы оказались у двух колодцев с хорошей водой, где и пообедали. Всего в полуверсте от этого места находилось большое озеро, и я поспешил к нему. Вода в нем была слегка насыщена глауберовой и поваренной солями. Берега почти сплошь заросли тростником, который мешал ближе подойти к многочисленным уткам, бекасам и лебедям, оживляющим водную гладь. Из растений я не нашел ничего интересного. Здесь было очень много заманихи (*Nitraria Schoberi*) со зрелыми плодами и лишайниковой манны. С того места, где мы расположились, я мог обозревать большую часть северных склонов Кар-Каралы. Мы находились напротив его северо-западного угла.

Как только лошади отдохнули, мы отправились дальше на западо-северо-запад по солончаковой степи до р. Ярлы. Здесь нам пришлось переночевать, хотя проехали мы в этот день всего 19 верст. Снова воду можно было найти только через 25 верст, и та-

кое расстояние сегодня нам было не по силам.

Речка Ярлы стекает с гор Кук-Таш и Тана, которые находятся южнее, примерно в 30 верстах от нашей стоянки. Речка впадает в соленое озеро Карасор; ширина ее всегда несколько шагов; во многих местах она очень глубокая, а кое-где и мелкая; в ней хорошая вода и водятся чебаки. Из растений, которые попадают возле этой речки, можно считать интересным только борщевик сибирский (*Heracleum sibiricum*). Очень хорошо были видны горы Кар-Каралы. Горный хребет, протянувшийся с востока на запад, образует их северную сторону, шириной около 20 верст. Почти под прямым углом подходят западные отроги и простираются далеко на юг. Дальше, на юго-западе, виднеется не очень высокий горный хребет Кульбульда, идущий с западо-юго-запада на восток-северо-восток. Северо-восточнее того горного хребта, ближе к нашему лагерю, высится гора Кунгур-Гульша. На севере раскинулась почти сплошная степь, на которой кое-где виднеются невысокие горы; одна из них, расположенная к северо-западу и называемая Шерембет, находилась от нас всего в восьмидесяти верстах. И на северо-западе же, в 30 верстах от нас, находился высокий горный хребет Юс-Алы, или Джус-Алы. Еще выше его горная цепь Симис-Богу, которая видна прямо на севере в 40—50 верстах отсюда.

2 сентября мы покинули Ярлы и продолжали свой путь на запад, по сухой степи, пересеченной несколькими невысокими цепями холмов. Примерно в шести верстах от Ярлы мы миновали два соленых озера, а еще версты через две — третье озеро, и все три были захвачены бесчисленными утками. Затем мы проехали еще 18 верст до рч. Аши-Су, где пообедали. Поскольку мы двигались довольно быстро и наши лошади из-за трудной холмистой дороги сильно устали, поэтому не приходилось надеяться добраться в этот день до Нуры, и мы были вынуждены переночевать у Аши-Су. Воспользовавшись свободным временем, я решил ознакомиться с окрестностями.

Лагерь наш находился неподалеку от киргизского кладбища, а это место известно у киргизов под названием

* S. Pallas. Reise..., Bd. 2, S. 122, Tab. V.
(Прим. автора).

** Близ Джигилена мы нашли около 20 печей такого типа, которые отличались от описанной выше только тем, что отделения для мехов и кож были более низкими. (Прим. автора).

«Малак». Речка Аши-Су возникает приблизительно в восьми верстах южнее невысокой горы Кайракты и впадает в Ярлы. У этой степной речки каменистое русло; только местами в ней была довольно соленая вода и водилась мелкая рыба. Ширина этой речки различна, однако нигде не превышает десятка шагов; она то очень глубокая, то мелкая. Водяные птицы водятся главным образом на глубоких местах. Из растений я могу назвать примечательным лишь горец сибирский, так как остальные распространены всюду.

Вся местность, которую мы сегодня проехали, была крайне сухой и бесплодной. Наиболее часто встречались полыни, тырса, солонечник Гаупта, грудница мохнатая, а на солончаках — обычные галофиты. Мало было в этой пустынной степи и животных. В этот день мы видели только несколько сайг и жаворонков да нашли несколько нор корсака (*Canic Corsac*), которые, однако, все оказались покинутыми.

Один из сопровождавших нас казаков был несколько лет тому назад в Кокане и сегодня многое рассказал об этой поездке. В начале царствования великодушнейшего императора Александра в Кокан было отправлено небольшое посольство, чтобы завязать там торговые связи. Охрана состояла из десяти казаков под предводительством урядника, а молодой султан Булкей взялся быть проводником этого каравана. Три месяца они ехали от Семипалатинска, прежде чем добрались до Кокана. Однажды ночью на них напали киргизы и сразу же увели несколько лошадей. Но очень скоро лошадей казаки храбро отбили, причем десять киргизов были убиты и несколько ранены. На следующий день киргизы униженно просили прощения, оправдываясь тем, что приняли царское посольство за проезжих купцов. Царь сделал простых казаков урядниками, урядника — сотником, а молодому султану пожаловал звание майора. Затем 12 дней они двигались по совершенно безводной пустыне, по которой можно ездить только на верблюдах. В этой пустыне обитают многочисленные антилопы и большие стада куланов. Наконец они достигли Кокана, где их очень хорошо встретили. Город этот

большой, якобы около 24 верст в окружности, окружен рвом и стенами с 24 башнями и каждую охраняет 25 воинов. Близ города-де разбиты сады, открытые для всякого путешественника, и каждый может бесплатно брать столько плодов и травы, сколько нужно ему или его лошади. Но брать в запас из этих общественных садов не разрешается. Земля там прекрасная и хорошо возделывается. Уже в Троицу там собирают спелые сливы, вишни, абрикосы и виноград. Русские находились там до зимы, а потом вернулись в Россию.

3 сентября мы пересекли сначала необозримую степь, которая была еще беднее растениями, чем вчерашняя местность. Примерно в 12 верстах от Аши-Су нам пришлось перелезть гряду холмов Кос-Ширко. Холмы эти тянутся с юга на север, состоят из роговообманкового сланца и, несмотря на незначительную высоту, образуют водораздел между бассейнами Карасора и Большой Нуры. Мы целый час пробирались по этим холмам и между них, пока не оказались вновь у западного их подножия, на широкой равнине — долине Малой Нуры. На этой равнине, несколько ближе к горам, чем к речке, видны довольно высокие очень впечатляющие старые могилы, каких я нигде больше не встречал*. На Малой Нуре мы обедали. Эта речушка начинается приблизительно в 40 верстах к югу, на горе Карегач, а на западе впадает в Большую Нуру. Она течет быстро, но изредка прерывается безводными местами и уходит там на довольно большую глубину; в ней чистая, слегка подсоленная вода и водится немало рыбы: чебаки, язи, шуки; длина последних нередко достигала аршина. Не было недостатка и в водоплавающих птицах. Но тем беднее была растительность, так как и в степи, и на каменистых берегах, состоявших из грубого гранита, произрастала лишь обычная скудная растительность, из которой заслуживают упоминания только горец сибирский (*Polygonum hastatum*), заячья капуста (*Sedum Telephium*), горечавка крестообразная (*Gentiana cruciata*) и шалфей прутьевидный (*Salvia hypni-*

* На обратном пути я велел вскрыть одну из этих могил. (Прим. автора).

са). На северо-западе, верстах в восьми-десяти от нас, были расположены два холма — Алташ и Аюла. На юге, северо-западнее горы Карегач, тянется горная гряда Кара-Мула, а еще южнее и западнее простираются более высокие горы Нарчекат.

Долина Малой Нуры протянулась далеко на запад, и только невысокими холмами, состоявшими также из роговообманкового сланца, она отделяется от долины Кара-Су, куда мы приехали к вечеру.

Кара-Су, исток которой находится на юге между невысокими холмами, лишь весной несет проточную воду. Теперь же ее русло совершенно высохло, и только кое-где, в ямах, сохранилось немного соленой воды. Но русло этой реки было богаче растительностью, чем русло Нуры; особенно часто попадался новый крестовник малолистный (*Cineraria glabrata* n.).

4 сентября мы двигались дальше, на северо-запад, то по солончаковой равнине, то по невысоким сланцевым холмам, до рч. Алтын-Су, вниз по которой ехали верст шесть, направляясь к холму Алтын-Тюбе — цели нашей поездки.

Речка Алтын-Су течет теперь только местами и часто прерывается высохшими участками. Она в основном глубокая, но не широкая. Вода в ней хорошая, хотя и темного цвета, не соленая. Речка весьма богата рыбой, нам попадались чебаки и язи. Алтын-Су стекает южнее с небольшого горного хребта Кор-Агач, который отстоит от Алтын-Тюбе верст на двадцать. Речка течет между Алтын-Тюбе и Чичен-горой на север и впадает там, приблизительно в десяти верстах от нашего лагеря, в Малую Нуру, которая севернее Алтын-Тюбе и Чичен-горы поворачивает на запад и верстах в шестидесяти отсюда сливается с Большой Нурой. Два главных истока Большой Нуры возникают на очень высоких горах Мун-Кауга и Курпетау находящихся примерно в 140 верстах отсюда и образующих, видимо, один мощный горный массив. Верстах в пяти юго-западнее Курпетау расположен ровный холм, который киргизы именуют Курган-Таш, а русские — Свинцовая гора. Этот холм, по всей вероятности, необыкновенно богат серебросодержащим свинцовым блеском, и пробами уста-

новлено содержание в пуде руды до 12 золотников серебра. Но, к сожалению, окрестности безлесны, и наиболее близкий богатый лесом горный массив Кент расположен к юго-востоку от Курган-Таш на расстоянии 120 верст, что затрудняет использование этой руды*.

Большая Нура вливается в озеро Кульгальджин, образуя примерно в 150 верстах выше устья, справа, еще один рукав, именуемый Казакуль, который впадает в Ишим. Нура, по словам одного из сопровождавших нас казаков, крупная река с красивыми берегами, глубокая, быстрая, богатая рыбой, заселенная множеством водяных птиц, и возле нее водятся немало диких свиней. Берега этой реки, видимо, были когда-то весьма обжиты, ибо можно найти, особенно ближе к устью, многочисленные развалины прежних жилищ, вероятно, ногайского происхождения, а некоторые, пожалуй, и джунгарского. Озеро Кульгальджин очень велико: считают, что длина его береговой линии превышает 200 верт, оно очень глубокое и содержит соленую воду. Стока оно не имеет.

Окрестности Алтын-Су чрезвычайно сухи и пустыньны. Между равными сланцевыми холмами с отдельными кварцевыми массивами тянутся небольшие равнины, чаще всего очень сухие, ничем почти не заросшие, со слабым содержанием соли. Несколько лучше растительностью покрыты берега Алтын-Су, хотя в ней нет ничего интересного. За Алтын-Су на северо-западе поднимается Чичен-гора — главная вершина ближайших окрестностей. Значительно ниже ее Алтын-Тюбе, высота которой не превышает 100 футов над водным зеркалом Алтын-Су. Склон этого холма, обращенный к протекающей у его подножия реке, крутой и ветреный. Холм тянется далеко на восток, становясь все более низким и отлогим, и верстах в полутора от Алтын-Су он состоит из твердого известняка с включением диоптаза. Известняк занимает немного места, он ограничен

* В Семипалатинске я узнал, что коммерции советник Попов близ этой горы открыл каменный уголь. Однако по образцам, которые нам впоследствии удалось увидеть, можно судить, что этот мнимый каменный уголь не что иное, как кварцевый сланец. (Прим. автора).

глинистым сланцем. Окаменелостей в нем нет, во всяком случае мои поиски были совершенно безуспешными; он настолько крепок, что мы лишь с помощью пороха смогли добыть диоптаз, который содержится в известняке в маленьких очень узких жилах и друзах. В основном он имеет красивый изумрудный цвет, хотя нередко встречаются, особенно у основания жил, кристаллы, окрашенные в слегка зеленоватый цвет или совершенно бесцветные. Главная жила, которая сначала, говорят, была около трех дюймов в поперечнике, но очень скоро сузилась, совершенно исчерпана прежними разработками. Маленькие жилы, которые мы могли теперь проследить, были едва в полдюйма, самое большее в дюйм шириной. Поэтому мне удалось добыть кристаллы только средней величины*.

На склонах, в каменной породе нередко находят диоптазовые самородки, которые из-за обкатки в этой породе уже полностью утратили кристаллические формы и, вероятно, были вымыты из известняка дождями и снеговой водой. Известняк часто пронизан медной зеленью, и в глинистом сланце тоже находят признаки меди. Здесь и прежде, по-видимому, было небольшое горное дело. Так, к юго-востоку от месторождения диоптаза, меньше чем в 200 шагах от них, обнаружены два круглых отверстия, имеющие около шести футов в поперечнике, вероятно, уходят в глубь породы (глинистый сланец), однако теперь они почти совершенно заполнены камнями и землей и у меня не было ни времени, ни рабочих рук, чтобы откопать их снова. Гораздо ближе к Алтын-Су, у южного склона этой горы, есть еще одно место, где, очевидно, довольно много работали и где до сих пор находят немало медной зелени. Может быть, на этом месте и велись так называемые чудские горные разработки**. В известняке,

близ месторождения диоптаза, есть пещера глубиной, пожалуй, около 15 шагов, но довольно узкая и очень низкая. Она, кажется, искусственно несколько расширена.

Мой урожай здесь был необыкновенно скуден, и как ни внимательно я осматривал местность, но встречал лишь самые обыкновенные растения. Только близ месторождения диоптаза я нашел миловидный сибирский бурачок новый (*Alyssum microphyllum* n.), росший вместе с птитотрихумом седым (*A. canescens*). В воде Алтын-Су оказалось несколько самых обычных европейских водяных растений: рдесты — стеблеобъемлющий и альпийский (*Potamogeton perfoliatus* et *P. rufescens*), а также множество ряски тройчатой (*Lemna trisulca*).

Заморозки, случавшиеся каждую ночь, давно уже спугнули всех насекомых, и только саранча показывалась кое-где. Кедровки (*Corvus Carya*) тянулись бесчисленными стаями с запада на восток. Мы видели также улетающих лебедей, журавлей и других водяных птиц.

После долгих трудов я сделал приличный запас диоптаза. В то же время я убедился, что наличных сил недостаточно для того, чтобы найти новые богатые жилы, кристаллы которых могли бы достигать вышеупомянутой величины, если только те рассказы заслуживают доверия. Поэтому дальнейшее пребывание здесь было

(т. 9), наткнулся в Курпе-Тау и во многих других местах южных гор на старые рудничные разработки. В горах Быш-чоку он нашел старое промысловое устройство, где лежала добытая куча руды, которая уже снова покрылась слоем земли толщиной в четыре аршина и заросла травой (см. указ. том. с. 108). Г-н Вяткин также описывал мне эти рудники как чудские, которые якобы устроены одинаково с обнаруженными у Курпе-Тау. Наш мулла Салик утверждал, впрочем, что работы на Алтын-Тюбе начаты калмыками, бежавшими в 1771 г. из России, я же должен здесь еще заметить, что на высочайшей вершине Алтын-Тюбе сложен изрядный курган из маленьких камней, который не может быть могильным курганом, ибо это ясно видно по немногим крупным беспорядочно накиданным камням, но, по-видимому, имеет такое же происхождение, что и каменный курган на Иртыше, близ пикета Баты. То, что в этой местности жили когда-то джунгарские калмыки, не подлежит никакому сомнению, и многие здания, руины которых и теперь можно видеть на берегах Нуры, явно джунгарского происхождения. Недавно на некотором расстоянии от Кар-Каралы на одной скале был найден маленький калмыцкий идол, сделанный якобы из чистого золота (по крайней мере, таким он показался нашедшим его людям), который, говорят, был послан в Омск. (Прим. автора).

* Вяткин находил здесь кристаллы, которые часто были в большой палец толщиной. В Семипалатинске я узнал, хотя и из не очень достоверного источника, что некогда ташкентец Аширка добывал кристаллы весом в четверть фунта и даже больше. Имя этого ташкентца, который первые диоптазы отправил в Россию, перешло на красивый минерал, носящий всюду в здешних местах название «аширит». (Прим. автора).

** Это предположение тем вероятнее, что Шангин во время своего путешествия, которое описано у Спасского в «Сибирском вестнике»

беспольным, и 7 сентября пополудни мы отправились в обратный путь, а после нелегкой езды к вечеру добрались до Нуры, где и переночевали. На обширной равнине, в двух верстах от Нуры и примерно на таком же расстоянии от окружающих равнин холмов, стояло много старых очень высохших могильных курганов, и я решил открыть хотя бы один и поэтому провел там целый день 8 сентября.

Эти курганы обнесены по окружности поставленными вертикально не выступающими каменными плитами и имеют 25—35 футов в поперечнике, а высотой они 6 футов и более. Состоят они из огромных шиферных плит, уложенных одна на другую горизонтально и конусообразно сужающихся кверху. Иногда два-три могильных кургана замыкаются в один большой общий круг вкопанными вертикально камнями. Другие в такие круги не входили. Почти на всех могилах можно видеть норы сусликов и корсаков; некоторые могилы, по видимому, уже были вскрыты и затем снова слегка присыпаны землей. После напряженной работы мы докопались до костей, которые лежали приблизительно еще на четыре фута вглубь от поверхности земли. Они почти совсем сгнили, а от черепа мы нашли лишь отдельные части. Это было все, что нам удалось найти. Господин Дартау в прошлом году тоже велел вскрыть несколько могил и не нашел в них ничего, кроме костей. По-видимому, прежние обитатели этих мест не обладали богатством тех, кто жил по Енисею и в Алтайских горах. Убежденный еще и опытом г-на Дартау, что эти могилы не содержат ничего интересного, я счел за благо не тратить сил на раскапывание других могил и решил на следующий день ехать обратно.

От нашего лагеря я мог ясно видеть гору Юс-Алы, которая была прямо на северо-востоке, верстах в 30. Сопровождавший нас казак Ляхин хорошо знал те края. По его словам, та гора довольно высокая, ее северный склон покрыт соснами и березами и на ней много оленей и медведей, а в некоторых местах там находят красивую красную охру. Южнее горы Юс-Алы, примерно в шести верстах от нее, находится большое озеро

Самоукуль, оно почти круглое и достигает 25 верст в окружности. В него не впадает ни одна речка, не имеет оно и стока. Вода его почти совершенно пресная, лишь чуть-чуть солоноватая. Озеро очень богато рыбой: в нем водятся на редкость жирные караси и очень крупные щуки, весящие часто почти 40 фунтов. Стоит упомянуть, что на озере время от времени бывают казаки, приезжающие порыбачить, хотя им приходится везти лодки с Иртыша по суше более чем за 250 верст. Ляхин тоже однажды рыбачил там вместе с двумя другими казаками, и за шесть недель они заготовили свыше 100 пудов сушеных щук, а кроме того, убили более 40 оленей.

Менее чем через семь верст к востоку начинается по крайней мере втрое большее озеро Карасор, которое киргизы из-за его величины называют морем. Это озеро простирается далеко на юго-восток и в длину много больше, чем в ширину. С двух сторон, а также посередине из него выступают очень высокие, крутые, обнаженные скалы. В него вливаются Талда, Ярлы, а с ними и все воды, стекающие с северо-западного, северного и восточного концов гор Кар-Каралы, как, вероятно, и большинство вод гор Кент. Озеро это также не имеет стока. Вода в нем, надо полагать, горько-соленая и совершенно непитьевая. Но в нем много рыбы, особенно щук; плохая вода придает рыбе скверный вкус, так что ее не едят. Даже та рыба, которую ловят в Талде, а это гораздо выше Карасора, говорят, чрезвычайно неприятна и почти несъедобна.

9 сентября мы, проехав уже известные нам места, в полдень добрались до нашего прежнего лагеря у Аш-Су, где отдохнули несколько часов, а затем двинулись уже в Ярлы, прибыли туда очень поздно вечером и там переночевали.

10 сентября нас задержали двое киргизов, приехавшие из одной волости по ту сторону Алтын-Су. Они ночевали недалеко от нас и теперь собирались ехать к старейшему султану, живущему близ гор Кар-Каралы. Наш мулла взялся их сопровождать и покинул нас. Мы тоже вскоре тронулись и двигались чуть севернее, чем по пути сюда: через длинную узкую долину, затем через многочисленные,

довольно трудные холмы и, наконец, добрались до маленькой речушки, стекающей с гор Кар-Каралы, где дали отдохнуть нашим лошадям; потом снова в дорогу и к вечеру оказались у речушки Кунгур-Су и там решили переночевать. За время нашего отсутствия казахи табуны ушли от этой речушки, зато мы видели поблизости необычайно много тетеревов.

11 сентября мы спешили закончить с поездкой и к полудню благополучно прибыли в Кар-Каралы.

Алтын-Тюбе находится, пожалуй, не более чем в 100 верстах на западо-северо-запад от Кар-Каралы, и до него не торопясь можно доехать за три дня. Пока находишься вблизи гор Кар-Каралы, проседешь через многочисленные луга с хорошей растительностью, орошаемые множеством ручейков. Но удалясь от этих гор, сразу же попадаешь в сухую, пустынную степь, которая простирается до Алтын-Су и тянется по ту сторону ее. Степь эта представляет собой ряд обширных равнин, разделенных рядами голых, сухих, ровных холмов. На равнинах журчат речушки и встречаются маленькие, реже сравнительно крупные озера, вода которых всегда содержит сернокислый натрий и немного поваренной соли. Почва этих равнин более или менее засолена. Наиболее распространенной горной породой является глинистый сланец, отчего даже низменные равнины сложены в основном из плохой глинистой почвы. Некоторые гряды холмов состоят из роговообманкового сланца, гранит встречается почти исключительно вблизи гор Кар-Каралы. На глинистом же сланце нередко располагаются большие массы кварца. Известняк я заметил только у Алтын-Тюбе. Лежащие в руслах рек обломки — это чаще всего гранит, кварц, глинистый сланец, роговообманковый сланец и лишь изредка зеленая яшма.

На солончаках, естественно, преобладает солончаковая растительность, однако без редкостных и интересных галофитов, что делает столь привлекательными солончаки между Иртышом и Чингис-Тау. Много здесь кермеков — полукустарного и Гмелина, подорожника приморского, горькуши солончаковой, солероса травянистого (*Salicornia herbacea*), офаистона од-

нотичинкового, сведы заостренной, солянки (*Salsola clavifolia*), лебеды — татарской, прибрежной, сибирской, бородчатой, толстолистной, сайгачьей травы, беспильницы солончаковой, заманихи, клоповника широколистного. На сухих каменистых холмах растительность еще более скудная. Необычно разрослась тырса, а для скота это лучший корм; лошади особенно любят ее; зрелые же семена с цветочной остью очень докучают бедным овцам, проникая через шкуру и часто уходя на целый дюйм в мясо. Кроме этой травы, растительность холмов представляют грудница мохнатая, полыни — душистая и холодная, солонечник Гаупта, дереза, таволга зверобоелистная, гониолимон красивый и еще несколько экземпляров, не представляющих большого интереса. Очень часто попадаете лишайниковая манна, которая растет среди камней, преимущественно на сухой, несколько солончаковой, глинистой почве.

Все реки этой степи имеют каменистое русло и лишь изредка обрамлены узкими лугами, на которых довольно пышно растут солонечник двухцветковый и грудница татарская, полыни — рассеченная, холодная новая, родственная высокой, эстрагон (?), зубчатка поздняя, очинка волосистенькая, кое-какие травы, горечавки — крестообразная, язычковая, даурская, крупнолистная, новый пустореберник длиннолистный, горичник (*Peucedanum alsaticum*) и сосюра горькая. На пойменных местах и в воде, как и следовало ожидать, встречались лишь обычные европейские водяные растения. Здесь росли, например, вероники — ключевая и поточная, ряска тройчатая, болотник весенний (*Callitriche verna*), рдесты — стрелообъемлющий, курчавый (*Potamogeton crispus*), альпийский, занникелия болотная, ситник лягушечий и т. п. Горец сибирский был почти всюду между камнями в руслах рек.

Небогата эта местность и животными. Лишь изредка мы видели одиноких антилоп, да норы сурков и сусликов. Зато в этих степях много волков, и чуть ли не каждую ночь нам приходилось слушать их завывание. Видимо, водятся здесь и одиночные корсаки. На речках и особенно на

мало соленых озерах обитают бесчисленные утки (особенно много чирков-свистунгов), немало тиркушек, бекасов, трясогузок, а также лебеди, чайки, журавли. Большинство речек богато рыбой, о чем я уже говорил выше. Необычайно мало было, по крайней мере теперь, амфибий и, насколько я помню, мы видели всего две-три ящерицы. Холод разогнал почти всех насекомых. Хотя и можно допустить, что весной и летом растительность здесь должна быть привлекательнее и что от животного мира позволительно ожидать большего, однако, видимо, во всей этой местности мало своеобразия и эти пустынные степи, даже и в те времена года, почти не заслуживают внимания естествоиспытателя, если только он не захочет отыскать редкий диоптаз.

По прибытии в Кар-Каралы мне нужно было особенно тщательно подготовиться к предстоящей дальней поездке, поэтому пришлось задержаться здесь до 15 сентября. Это время я еще использовал для исследования окрестностей и сбора различных сведений о Кар-Каралы.

Эта колония не существует еще и трех полных лет. Своим возникновением она обязана решению нескольких киргизских султанов Средней Орды, которые, узнав о преимуществах, кои могла бы им обеспечить защита русского правительства, объединились и обратились к русскому правительству с письменным прошением о присоединении к великому русскому государству и принятии их в число верноподданных.

Уже более двадцати лет лелеют многие киргизы это желание, исполнение которого все срывается другими киргизами, кои находят выгоду как раз в беспорядках и вольностях. Теперь, когда несколько самых могущественных султанов объединяет одна цель, строптивость прочих киргизов стала нестрашной. Постепенно объединялись и другие племена и переходили в подданство русского государства, и можно с большой вероятностью предсказать, что скоро все племена этой области последуют их примеру.

Пока в русское подданство здесь перешло около 70 000 — 80 000 жи-

телей, которые причислены к округу Кар-Каралы и принадлежат главным образом к племенам тубуклинцев, кипчуков, аргинцев и найманцев. Они до сих пор не платят никаких налогов, но обязались по истечении нескольких лет выплачивать ежегодный налог со своих стад. Они освобождены также от подушной подати и всех персональных повинностей. Для постройки нового поселка киргизам были представлены горы Кар-Каралы и значительный участок земли.

Округ Кар-Каралы относится к Омской области и охватывает территорию, простирающуюся от Иртыша к югу до Семирека и Барнаула. Считается, что этот округ растянулся в длину примерно на 600 верст, не меньше, видимо, и его ширина. Но границы пока еще точно не определены, и, возможно, округ будет разделен, так как он слишком обширен, чтобы им могло управлять одно ведомство.

Приказ, который киргизы называют «диван», является административной и судебной инстанцией этого округа. В состав приказа входит президент, два русских и два киргизских заседателя, секретарь, несколько писарей и толмачей. Президента, который носит титул старейшего султана и коего киргизы охотнее именуют ханом, как и обоих киргизских заседателей, избирают сами киргизы. Первый всегда один из наиболее знатных султанов, двое последних избираются из числа биев. Президент избирается на три года, заседатели — на два. По истечении срока их могут выбрать снова. Все они получают содержание от короны: президент — 1200 руб., каждый заседатель, если я не ошибаюсь, — половину этой суммы. Царское правительство платит жалованье также муллам, которые в большинстве случаев являются казанскими татарами. Для защиты этого приказа и для того, чтобы обеспечить исполнение его установлений, здесь находятся более 200 казаков, 40 человек пехоты, несколько пушек; смена отрядов происходит ежегодно. Поньше приказу приходится все лето кочевать по степям под защитой от 40 до 100 и более казаков, если вынуждают обстоятельства. Во всей этой области Кар-Каралы является единственным русским селением, которое

получило свое название от гор, у подножия коих заложено*.

Место для этого селения выбрано очень удачно: ибо, хотя невысокие предгорья — состоящие в основном из роговообманкового сланца, как правило, поднимающиеся отлого и покрытые тонким слоем земли, очень сухие, с чахлой травкой — и не пригодны для всех культур, а главные горы — сплошь состоящие из красного гранита, большей частью очень крутые, с обрывистыми растрескавшимися гольми утесами, зато почти всюду, от подножий до вершин, растет красивый сосновый бор. Достойно удивления, что нередко очень высокие и толстые деревья растут на голых скалах, пустив корни прямо в камень, хотя там нет даже и следа рыхлой почвы. В этих горах берет начало множество маленьких ключей, которые сливаются в ручьи и маленькие речки, орошающие более или менее широкие долины. В долинах повсюду красивые, богатые травами луга, добрая черноземная почва, которая, однако, нередко, кажется, несколько засолена. Особенно славится земля некоторых долин у западных склонов горного массива, поэтому и решили сеять там хлеб.

Колония владеет немалым лесом, и если не слишком истреблять, то его, конечно, хватит на все времена. Однако здесь жалуются, что многие места, где растут самые лучшие деревья, почти совершенно недоступны. Кроме сосны, здесь довольно много березы, а у западных подножий якобы нередко встречается ольха. Берега ручьев заросли талом. Из ягод растут красная и черная смородина, малина, земляника и клубника, черемуха, боярка, на западе, примерно в 25 верстах от колонии, встречается местами вишня кустарная (*Prunus fruticosa* Pall.), а на болотах — клюква четырехлепестная (*Vaccinium Oxycoccus*). Луга дают хорошее сено, а сухие холмы, особенно весной, являются превосходными пастбищами.

Горы все еще очень богаты дичью: олени, зайцы, кабаны, медведи, волки, лисицы, а также рябчики, тетерева, глухари и куропатки в изобилии

водятся в окрестностях. В соседних степях немало антилоп, особенно в определенные времена года. У воды держатся большие стаи уток, гусей, лебедей, тиркушек и бекасов. В некоторых озерах поблизости довольно много щук и лещей. Неподалеку отсюда находятся реки Талда, в верховьях которой ловят форель, Нура и чрезвычайно богатое рыбой озеро Самаукуль. Соль добывают главным образом из соленого озера Яман-Тус, которое я опишу ниже. Глину для кирпичей берут в разных местах, известь тоже найдена недавно близ колонии. Примерно в 30 верстах отсюда, говорят, обнаружены изрядные запасы волокнистого гипса.

Самые первые сооружения этого поселения расположены у подножия холма и представляют собой одно весьма длинное низкое здание — несколько складов и водная мельница, и все это огорожено четырехугольным рогаток. В главном здании помещаются судебное ведомство, квартиры высших чиновников и казармы для военных. В полуверсте севернее построены дома чиновников, которые можно рассматривать как основу нового города. Семнадцать казахских семейств тоже решились здесь поселиться и часть их уже перебралась сюда. Для строительства домов они бесплатно получали все материалы, им дали в помощь работников и вообще все, что позволили обстоятельства. Уже проектирован и утвержден высшим ведомством план новых казарм, жилищ для офицеров и гражданских чиновников, церкви, госпиталя, складов, конюшен. Присланы рабочие и архитектор; строительство госпиталя, начатое в этом году, уже почти закончено. Остальные здания рассчитывают закончить в течение четырех-пяти лет. О разрешении поселиться здесь ходатайствуют многие крестьяне и купцы. Уже начали ревностно заниматься хлебопашеством, и скоро сюда, очевидно, не придется ввозить муку и зерно*. Поголовье скота постепенно растет. Этим летом сюда завезены пчелиные ульи, которые предвещают хороший медосбор. Заложены также небольшие огороды.

* Не одни эти горы здесь носят такое наименование. На некотором расстоянии есть еще и другие горы Кар-Каралы, а также и такие, которые называются Яман-Кар-Каралы. (Прим. автора).

* Пока эти продукты, как и все прочее необходимое, подвозятся сюда с Иртыша. Перевоз по небезопасным местам так удорожает товары, что мука, крупа и т. п. здесь стоят почти вдвое больше, чем у Иртыша. (Прим. автора).

Колония растет быстро, и, видимо, скоро здесь вырастет городок; там, где еще несколько лет назад была глушь, куда лишь на короткое время проникали отдельные киргизские орды, скоро будут господствовать европейская деятельность и благосостояние.

Климат Кар-Каралы похвалить нельзя. Непостоянна здесь зима, в течение которой часто чередуются жестокие морозы и оттепели, господствуют вихри и бураны, так что длинное, хотя правда, и низкое, главное здание нередко почти совершенно засыпается снегом; весной — поздние заморозки; большей частью сырое ветреное лето, но хорошая, сухая осень, однако уже в конце августа появляются первые легкие ночные заморозки. Таков был климат, по крайней мере, во время трехлетнего пребывания здесь русских. Но, по словам киргизов, два последние года выдались неблагоприятными и сырыми. Впрочем, жито созревает превосходно, не нужно только поздно сеять. Сеют здесь преимущественно рожь и овес, меньше пшеницу. В еще маленьких и довольно плохо обрабатываемых огородах сажают понемногу капусту, картофель и морковь; все это дает хороший урожай. Делают также некоторые попытки сажать огурцы, арбузы, дыни и сеять просо, что далеко не всегда не удается. О плодоводстве пока еще никто не думает. Скотоводство незначительно. Казна содержит около 400 лошадей. Кроме того, колонисты имеют несколько голов рогатого скота и овец, хотя еще не в достаточном количестве, поэтому приходится ежегодно выменивать у киргизов множество овец. Ремесленники оказались только среди казаков, их мало, и они не очень искусны. Весьма доходна меновая торговля с киргизами. Русские выменивают на табак различные металлические изделия, ткани и прочую мелочь, главным образом пушнину, овчины, овец, лошадей, кошмы и т. д. с немалой выгодой для себя.

Кар-Каралы находится примерно в 250 верстах от Семиярска, и связь между ними поддерживается пятью пикетами, размещенными вдоль тракта. В эти пикеты входит несколько казаков и определенное число лошадей, которые служат в основном

для срочной перевозки почты и курьеров от пикета к пикету. Другие проезжающие должны обходиться своими лошадьми, хотя известно, что скоро здесь будут постоянные почтовые станции. Впрочем, эти пикеты существуют только временно, ибо вероятно, что прежние коммуникации после организации нового северо-западного округа примут совершенно иное направление. Строго запрещено путешествовать между Кар-Каралы и Семиярском в одиночку, чтобы уменьшить риск подвергнуться нападению киргизов. Однако теперь дорога, говорят, стала безопасней, и мы повстречали немало телег с женщинами, которые ехали в Кар-Каралы к своим мужьям одни, без мужского сопровождения.

Близость русских начинает оказывать влияние на киргизов. Изумленно и недоверчиво воспринимают они русские порядки, но убеждаются в их целесообразности. В прошлую зиму они потеряли из-за бескормицы почти четверть своего скота, русские же заготовили вдоволь сена, и их стада сохранились полностью. И киргизы убедились в преимуществах заготовки сена, и у многих появилось желание с помощью таких же запасов спасти свой скот от голодной смерти. Однако они боятся после этих нововведений выглядеть смешными в глазах сородичей, а возможно, и вызвать их ненависть, поэтому пока все остается по-прежнему. Нечто подобное было и с хлебопашеством. Киргизы хотели бы иметь запасы зерна, но ложный стыд и, конечно, лень не позволяют им этим заняться. Впрочем, теперь уже многие решаются на это и выписывают из Ирбита земледельческие орудия. Один киргиз даже посеял в этом году немного ржи и остался очень доволен своим урожаем. Чтобы облегчить долю киргизов в зимнее время, здесь сделаны изрядные запасы зерна, которое продается им по сходной цене в таком количестве, в каком это возможно.

Преимущество деревянных домов перед их войлочными юртами, особенно в зимнее время, тоже ясно киргизам, и некоторые султаны, а также другие богатые киргизы хотят строиться близ Кар-Каралы. Некоторые уже договариваются с казаками, чтобы те уступили им жилье или по-

строили новое, и можно ожидать, что большинство киргизов мало-помалу будет строить себе на зиму деревянные избы.

Главная польза, которую получают киргизы от близости русских, бесспорно, состоит в том, что взаимный грабеж (баранта) случается все реже. Не раз самые разумные султаны пытались отменить это пагубное кулачное право, но им недоставало сил призвать подданных к послушанию. Отчасти причина была и в том, что они не могли достичь согласия друг с другом. Подвергшимся разбойничьему нападению не оставалось ничего иного, как хитростью или оружием отстаивать права, отплачивая за разбой разбоем. Теперь же ограбленные обращаются обычно в приказ, который расследует дело и затем принуждает грабителей к возмещению. Те, правда, порой противятся этому, но им хорошо известно, насколько бесполезно такое упорство. Естественно, что благодаря таким мероприятиям, баранта становится все более редким явлением и постепенно прекращается. Не сразу, однако, можно умерить и искоренить дикость и грубость этих номадов. Многие добрые начинания, которые отчасти уже проводятся в жизнь, конечно, еще целые годы не будут доведены до конца. Так, говорят, повсюду есть учителя для обучения киргизов хотя бы письму и чтению, однако грубая душа киргиза еще не восприимчива к такому благу. Мудрый план, по которому оказывается влияние на киргизов, запрещает всякие меры принуждения, которые годны лишь для того, чтобы препятствовать беспорядкам, но могут повредить доброму делу. А пока ограничиваются тем, что дают киргизам наглядные примеры лучшего хозяйствования и благой нравственной жизни, и всякому, кто пожелал бы следовать по этому пути, обещается и оказывается всевозможная поддержка.

Уже из этого беглого описания становится ясным, насколько благотворно влияет на киргизов соседство русских, и, конечно, чрезвычайно желательно, чтобы это воздействие продолжалось. Однако приходится опасаться двух сильных врагов. Первый враг — это легкомыслие, вероломство и нерешительность самих киргизов, необоримая страсть к вольной, не

связанной законами жизни. То и дело становятся известны проявления недовольства новыми порядками, которые, несмотря на большое количество верноподданных киргизов, пока не прививаются. Но, кажется, правительство все более завоевывает доверие киргизов.

Второй враг, который совершенно открыто выступал против русских и поклялся, как видно, бороться с ними до последней капли крови, — это султан Саржан. Волость его находится за пределами русской области, примерно в 300 верстах южнее Кар-Каралы. Она довольно многочисленна и особенно опасна тем, что служит прибежищем для всех русских беглых, которым Саржан оказывает радужный прием. Этот султан-киргиз 40—50 лет, рыжий, непривлекательной внешности, но очень вероломный, хитрый и умный. Он весьма склонен к разбою и часто нападает на своих соседей-киргизов; мимо его волости не может пройти ни один караван, не заплатив ему дани или не подвергнувшись нападению. Из-за своих разбоев Саржан стал ненавистным для киргизов других волостей, но в то же время они его и боятся. Совершенно естественно, что этот человек был против сближения с русскими, которые мешают его грабежам и угрожают ему самому. Прогнать русских — это теперь его главная цель. Уже в прошлом (1825) году он напал со значительно превосходящими силами на одну русскую команду, которая, однако, укрывшись за укреплением из телег, так хорошо защищалась ружейным огнем, что многие киргизы были убиты и вся шайка обратилась в бегство. Гораздо серьезнее было нападение на русскую колонию, на которое Саржан отважился этим летом. Увещеваниями и силой он склонил на свою сторону многие аулы, даже такие, которые уже присягнули на верность русским, заставив их присоединиться к нему и вторгнуться в округ Кар-Каралы. Уже он собрал полчище в 4000 человек, из которых около 200 имели огнестрельное оружие, когда для восстановления порядка в отдаленных местностях приказ откомандировал сотню казаков с одной пушкой. К русским присоединилось также несколько сот киргизов, которые, одна-

ко, не приняли участия в происшедшем вскоре сражении. Примерно в 250 верстах по ту сторону Кар-Каралы русский отряд был окружен киргизами, сразу же открывшими ружейный огонь. Но уже третий пушечный выстрел решил исход битвы: пушечное ядро, упав около Саржана, оторвало киргизскому знаменосцу правую руку вместе со знаменем. Это послужило сигналом к всеобщему бегству. Саржана выгнали за пределы округа, примкнувшие было к нему аулы вновь подчинились русским, и весь мятеж был вскоре подавлен, причем с русской стороны был тяжело ранен только один человек. Говорят, что неудачи походов смирили Саржана, и теперь он ведет себя столь спокойно, что не отваживается грабить караваны, проходящие мимо его аула, чего он прежде никогда не упускал.

Здесь будет уместно, видимо, сделать некоторые замечания о киргизах, не давая, однако, далеко идущего и всеохватывающего описания этого во многих отношениях поистине интересного народа, так как мое пребывание среди них было слишком кратковременным и с многими из их обычаев я просто не знаком. Но все же кое-что я наблюдал сам, а многое узнал от Вершинина, г-на Дартау, муллы Саллика и других хорошо осведомленных лиц, что может способствовать более близкому знакомству с этими кочевниками.

О происхождении и истории киргизов я не могу сообщить ничего нового*. Предположение о татарском происхождении киргизов является, конечно, наиболее вероятным, чертами их лица и языком оно подтверждается более, нежели мнение, что они происходят от монголов. Киргизов делят на три главные орды: Большая, Средняя и Малая. Большая Орда часто называется Золотой ордой, и ее многочисленные племена известны русским под названием «дикие», «каменные», или «черные киргизы». Они живут в более южных местностях, в границах Ташкента и Кокана, и почти все считаются китайскими подданными, не будучи однако, очень верными и покорными китайцам. Эта

Орда известна мало. Ее больше боятся, нежели двух других, и принадлежащие к ней киргизы якобы отличаются от всех остальных своей страстью к разбою, жестокостью, варварством и большей храбростью. Торговый караван редко проходит через их область, не уплатив дани, или, если это не сделано, не подвергнувшись нападению и ограблению, и уже многие русские в течение нескольких лет находятся у них в рабстве.

Средняя Орда — самая многочисленная*, а местность где она обитает простирается с востока на запад от верховьев Иртыша до восточных степей Аральского моря. Многие из них, а именно главное племя найманцев, действительно китайские подданные. Другие, над которыми, по утверждению китайцев, распространяется их верховная власть, более свободны и независимы. Они то подчиняются китайцам, то отказываются им повиноваться. Многие теперь перешли в русское подданство и вполне возможно, что этому примеру последует скоро большинство племен, чему до настоящего времени препятствует главным образом китайское правительство.

Малая Орда располагается в основном к западу от Арала до Каспийского моря. Многие племена находятся еще восточнее Аральского моря, а некоторые аулы кочуют в той местности, где живут западные племена Средней Орды. Киргизы этой Орды почти не уступают диким, или черным, киргизам в варварстве, в страсти к разбоям, и их еще труднее обуздать, чем киргизов Средней Орды.

Киргизы всех трех орд определенно образуют один народ, и вообще у них очень сходные нравы, обычаи и образ жизни. Существоют, конечно, и некоторые различия, поэтому описание киргизов одной орды не может без исключения подходить к представителям другой, ведь даже китайские киргизы на востоке во многом отли-

* Довольно подробно касается этих двух тем статья о киргизах, помещенная в «Сибирском вестнике» Спасского, т. 9. (Прим. автора).

* Согласно упомянутой статье из «Сибирского вестника», Большая Орда состоит из 70 000 семейств. Средняя же — из 159 400 семейств, а Малая насчитывает 158 200 семейств. Только главное племя найманцев, входящее в Среднюю Орду, которая находится в китайском подданстве, включает в себя 35 000 семейств. И чрезвычайно умерен автор названной статьи, считая в каждой семье лишь по три мужских души. (Прим. автора).

чаются от киргизов западных, которые подчинены русскому скипетру. Поскольку мне довелось видеть только киргизов Средней Орды, ими я и ограничу свое описание.

Они чаще всего выше среднего роста, хотя встречаются среди них мужчины и богатырского сложения, и очень низкорослые. У них мускулистое, сильное тело. Бедные зачастую бывают худы, зажиточные и богатые склонны к полноте и некоторые из них необычайно тучны. Он частой верховой езды у всех кривые ноги, и они очень плохие ходоки, так как почти всю свою жизнь проводят верхом или простершись на кошке. По чертам лица они нечто среднее между калмыками и татарами, хотя по этому признаку китайские киргизы больше напоминают калмыков; но на западе у киргизов скорее татарские черты лица. У женщин в основном калмыцкие черты лица. У детей и молодых людей, примерно до 16-летнего возраста, часто (можно сказать, почти у большинства) по-настоящему красивые лица. Когда киргиз становится старше, черты его лица делаются грубее и острее, и физиономии некоторых пожилых мужчин нередко можно всерьез принять за еврейские*. Цвет их кожи, как правило, темно-коричневый, но, возможно, на него влияют их нечистоплотность и лучи солнца летом, а зимой дымная юрта, так как у маленьких детей нередко бывает очень белая кожа. Глаза у них, почти без исключения, черные; волосы тоже, как правило, черные и крайне редко каштановые или рыжие.

Мужчины наголо сбрасывают волосы на голове и бороду до подбородка, оставляя, однако, бородку клином и волосы под подбородком. Женщины же заботливо ухаживают за своими волосами, которые у девушек заплетаются в почти бесчисленные маленькие косички, а замужние женщины носят две большие косы. Маленькие девочки бегают обычно с незаплетенными, непричесанными, растрепанными волосами. Мужчины носят

хлопчатобумажный или шелковый, часто набивного полотна, широкий и длинный халат, подшитый хлопчатобумажной или шелковой материей, который одновременно служит и сорочкой. Нередко они носят несколько таких халатов один на другом, надевая поверх этого еще халат из сукна, верблюжьего волоса, нанки, шелка, атласа или плюша, который иногда подбивается ватой или подшивается мягкодубленой кожей. Нижний или нижние халаты стягиваются широким шерстяным или шелковым поясом; верхняя одежда или, в холодное время года, шуба подпоясывается кожаным поясом, украшенным латунными или медными бляхами, на котором висят нож в ножнах и кожаная сумка. Эта сумка — плоская, сверху обрезанная по прямой, ширина ее восемь — десять дюймов, внизу она имеет форму полуокружности. Сумка унизана медными или латунными бляхами; киргизы носят в ней разную мелочь, например трубку, огниво, трут и т. д.

Летом, когда им слишком жарко, они снимают одну одежду за другой, так что она потом свисает у них с пояса, и часто совсем обнажают грудь и плечи. Штаны у них широкие, и сшиты из хлопчатобумажной материи или из ткани, сотканной из верблюжьей шерсти, или из какой-нибудь другой материи. Собираясь куда-нибудь съездить, они натягивают еще сверху кожаные необыкновенной ширины панталоны, в которые заправляют все свои многочисленные халаты, а затем закрепляют их при помощи пояса. Зимой они носят овечьи шубы, а также другие меховые вещи, иногда покрытые сукном или другой материей. Поверх всего этого они натягивают широкую доху, сшитую из шкуры молодого жеребенка или антилопы.

Бедняки и летом и зимой носят овечьи тулуп, который для них и верхняя и нижняя одежда, и снимают его, когда становится слишком жарко. Они носят кожаные черные, зеленые или красные сапоги, в основном с загнутыми вверх кончиками носков и с необыкновенно высокими каблуками, так что ходить пешком в них почти невозможно. У китайских киргизов, однако, сапоги чаще всего не такие нескладные и каблуки гораздо

* Это различие в чертах лица, вероятно, можно легко объяснить смешением с другими народностями, так как киргизы нередко женятся на татарках и калмычках, а многие татары еще и теперь селятся среди киргизов. (Прим. автора).

ниже. На голову все они надсают конические шапочки разнообразных цветов, сшитые из различных тканей, и, как правило, пестро расшитые. Щеголи носят на верхушке шапочки длинный шелковый шнур, украшенный несколькими маленькими изящными перышками. Их летние и зимние шапки имеют коническую форму и большие наушники. Летние сшиты либо из белого войлока и украшены шнурками, либо покрыты сверху нанкой, бархатом или плюшем и подшиты легкой материей. Зимние шапки подбиваются мехом и имеют большие наушники. Киргизы Курчумских гор носят обычно только низенькие шапки, на западе же я часто видел весьма странные высокие, башнеподобные шапки.

Женщины носят широкую, длинную одежду, которая впереди до пояса открыта, но может застегиваться множеством мелких пуговочек. Кроме того, они надевают длинные широкие шаровары и обычно такие же, как у мужчин, сапоги. Поверх одежды, которая служит им также вместо рубашки и шьется в основном из хлопчатобумажной ткани, они часто надевают подобную же одежду, сшитую, однако, из лучшего материала, и подпоясываются шарфом. Поверх всего женщины нередко натягивают еще широкий бухарский халат. Они знают множество приемов украшения головы. Девушки часто вплетают в концы своих кос шелковые шнуры и всевозможные побрякушки. Нередко они носят нечто вроде чепца конической формы, который тоже унизывается мелкими монетами, кораллами и т. п. Но порой девушки ходят и с обнаженной головой. Замужние женщины обвивают головы на особый лад белыми или пестрыми платками так, что голова приобретает вид приплюснутой пирамиды, а сзади свисает длинный, широкий конец. Они не закрывают свои лица, не прячут их от взглядов мужчин; на пальцах обычно носят множество колец, а в ушах серьги. Я никогда не видел колец в носу у киргизок*. Жены султанов и других знатных киргизов подкрашивают щеки красным и красят ногти в

красно-коричневый цвет. Маленькие мальчики бегают летом зачастую нагишом, а маленькие девочки только в штанах.

Описывать жилища киргизов я считаю излишним, так как они ничем не отличаются от калмыцких юрт, которые так хорошо описал Паллас*. Летом жить в таких юртах приятно, ибо это хорошая защита от зноя. Зимой же юрты очень мало спасают от холода. На Курчумских горах мы едва могли выдержать в юрте майскую ночь, хотя были накрыты хорошими тулупами, а температура упала лишь на несколько градусов ниже точки замерзания. Насколько же хуже должно обстоять дело зимой! Бедняки сильно страдают от лютых морозов. Хуже всего приходится детям, и чтобы не заморозить, взрослые нередко вынуждены закрывать их в ямы, наполненные теплой золой. Другие, не меньшие мучения вызывает дым, который всегда держится в этих жилищах. Он особенно тягостен там, где приходится жечь навоз, который, конечно, можно найти всюду.

Киргизы легкомысленны, вероломны, склонны к беспорядкам и поголовно ленивы; более всего они любят сидеть все время в юртах, курить табак и болтать. Но если надо сделать разбойничий набег, киргизы презируют все трудности и у них появляются необычайная изворотливость и хитрость, когда они стремятся к своей цели, после чего так искусно замечают следы украденного скота, что найти его невозможно. Они, впрочем, воздержанны и пьянству не предаются**. Хотя киргизы несколько чище калмыков, однако и у них слишком много грязи. Никогда, или во всяком случае крайне редко моется посуда, а чаще вытирается тоже не очень чистыми пальцами. Лицо и руки моют киргизы довольно часто и не преминут до и после обеда сполоснуть пальцы, но делают это больше

* Pallas S. Reise..., Bd 1, S. 312. (Прим. автора).

** Я ни разу не видел пьяного киргиза, и лишь в очень редких случаях они просили у меня водки; многие даже отказываются, если им ее предлагают. Нигде я не видел также, чтобы делали араку. Говорят, что киргизы, живущие близ русских селений, охотно пьют водку, но не помню чтобы где-либо, даже в Семипалатинске, я встретил пьяного киргиза. (Прим. автора).

* Но в некоторых редутах и в Бухтарминске я видел калмыцких девушек, у которых в нос было вдето большое серебряное кольцо. (Прим. автора).

потому, что таково требование их веры, а не из желания помыться. Паразитов у них тоже хватает.

Киргизы гостеприимны, и каждый путник может рассчитывать на то, что его накормят и напоят. Когда подъезжаешь к юрте, обитатели ее выходят навстречу и приглашают пожаловать к ним словом «аман!». Один из сыновей или другой родич хозяина снимает гостя с лошади, после чего происходит обмен взаимными приветствиями, причем они взаимно пожимают правую руку обеими руками. Знакомых они крепко обнимают. С такими же выражениями дружеского расположения провожают они и уезжающего, и хозяин или один из его родственников подсаживает гостя на лошадь. Пока находишься в ауле, можно с уверенностью рассчитывать на то, что жители его тебя не ограбят и ничего потихоньку не возьмут. Пока ты находишься в ауле, к тебе относятся как к земляку, которому не только нельзя чинить обиды, но нужно всячески оберегать от всех неприятностей. Но те же киргизы не постесняются вас ограбить, как только вы отъедете на несколько верст от аула, если могут сделать это безнаказанно. Поэтому путешественнику нельзя упускать возможности ночевать в ауле, если тот недалеко, и ему отнюдь не следует уезжать оттуда даже если жители отказываются его принять, что иногда, конечно, случается. Киргизы склонны к грабжам, и порой пытаются силой или хитростью присвоить себе облюбованные ими вещи. Однако они вовсе не вороваты и краж в своем ауле почти не бывает. Если киргизы делят продукты, табак и т. п., они не преминут отдать каждому присутствующему его долю, но оставить себе чуток лишнего. Прочие вещи они дарят не иначе, как убедившись, что получают ответный подарок. В торговле они весьма сзоекорыстны и стараются сбыть свои товары по возможно высокой цене. А так как они совсем не знают истинной стоимости товаров, то без конца поднимают цену, рассчитывая тем самым получить наибольшую прибыль. Это делает меновую торговлю с киргизами на редкость нудной и неприятной. Но кто достаточно терпелив и знает цену товара, как правило, сможет об-

считать киргизов. и для русских купцов торговля с ними весьма выгодна.

Киргизы не отличаются ни кровожадностью, ни жесткостью и, нападая, почти никогда не убивают. Если они превосходят своих противников числом, а те вооружены хуже их, то нападают смело и отважно. Если же противники снабжены огнестрельным оружием, они не рискуют нападать даже тогда, когда значительно превосходят их числом. Поэтому киргизы стараются нападать на русских неожиданно, чтобы захватить их врасплох. Если же им это не удается, то спасаются бегством. Не так легко им нападать и на калмыков (по крайней мере, на восточных соседей курчумских и нарымских киргизов), так как те обороняются от противника не палками, а хоршим огнестрельным оружием. Киргизы необыкновенно любопытны, и каждый чужак, заехавший к ним, должен сразу же рассказать, откуда он прибыл, куда направляется, зачем едет, что видел и слышал в своем путешествии. Если видят, что кто-нибудь проезжает мимо, то им трудно удержаться, чтобы не подъехать к нему, хотя бы для этого пришлось сделать большой крюк. Если новости покажутся им важными, то рассылают особых посланцев, которые должны разнести новости по дружественным аулам. Так распространяются вести, часто с необыкновенной быстротой и на дальние расстояния, и нельзя случиться чему-нибудь важному в округе без того, чтобы это скоро не стало известным всем киргизам. Они горды, надменны, очень высокого мнения о себе и своей нации, а другие народы презирают. В то же время киргизы легковеры, и тот, кто сумел завоевать у них доверие, может соблазнить их на все. Однако, сообразно с их легкомысленным характером, можно так же легко потерять это доверие, как оно было завоевано. Хотя они грубы и необразованны (даже среди султанов лишь изредка встречаются такие, которые могут с грехом пополам читать и писать), им не откажешь в сообразительности и восприимчивости. В Семипалатинске и в его окрестностях киргизы быстро учиваются делать все домашние работы — обрабатывать поля, строить дома, столярничать и т. п., так что

там их нередко предпочитают русским рабочим.

Они магометане, однако так же невежественны в религиозных обрядах, как и безразличны к их соблюдению. Почти все их обряды сводятся к обрезанию, а также к произнесению кратких молитв и к омыванию рук до и после еды. У восточных киргизов очень мало мулл, которые в основном приезжают из Ташкента. Западные же племена Россия обеспечивает чаще всего татарскими муллами. Об их обрядах при рождении, бракосочетании и погребении я не говорю, так как мне никогда не приходилось при этом присутствовать.

Каждый киргиз берет себе столько жен, сколько хочет взять или сколько может купить. У богатых часто три — пять жен, у бедных обычно одна. У богачей каждая жена имеет собственную юрту, и чужему нелегко в нее проникнуть. Первая жена считается хозяйкой дома, и ей оказывают больше почтения, чем другим женам. Обручение бывает еще в раннем детстве, а женятся юноши чаще всего по достижении 20-летнего возраста. Отец оборудует для сына по возможности одну или несколько юрт, дает ему некоторое количество скота, новую одежду, войлочные покрывала и т. п. Женатый сын уже не может претендовать на имущество отца, пока у того еще есть необеспеченные сыновья. Верховную власть над волостью или над племенем наследует обычно старший сын, хотя иногда предпочтение отдается брату умершего.

Покойников хоронят они вблизи других могил или руин старых строений, почитаемых священными. Особенно священными считаются (по крайней мере, у киргизов в окрестностях Кар-Каралы) многие места близ Ташкента, куда часто отвозятся тела богатых султанов. Однако это доступно лишь богатым, так как место там стоит, как мне говорили, не менее 2000 руб. Если время года не позволяет перевезти тело на место погребения, его завертывают в несколько кусков хлопчатобумажной ткани, зашиваются в сафьян или кожу и хранят в особой юрте до тех пор, когда можно будет его отвезти. У киргизов тоже есть колдуны и ворожеи, но я при их заклинаниях не присутство-

вал. Язык киргизов почти не отличается от татарского, и киргизы, и татары вполне могут понять друг друга. Письменность у них тоже татарская.

Киргизов можно подразделить на султанов, биев, простых свободных киргизов и рабов, или крепостных. Отец семейства почитается своими чадами, и каждый находится у него в повиновении. Гораздо свободнее отношения между отдельными семействами и старшинами, биями или султанами аула или волости. Свободные киргизы также считаются вассалами султанов или биев, под началом которого они объединяются, чтобы найти защиту от произвола других племен, хотя особой покорности им не выказывают и каких-либо даней не платят. Теленгуты, которых можно считать настоящими крепостными, находятся в полной зависимости от своих господ и должны делать все, что те им велют. Число крепостных велико и у иного султана или бия их бывает помногу; он может обходиться с ними по своему произволу: обменивать, раздаривать, наказывать. Однако крепостной киргиз не так строго отделен от своего господина: он может без церемоний зайти в юрту господина, сесть в некотором отдалении от него, а также взять кисет своего господина и набить свою трубку. Во время еды он садится позади господина и ловко подхватывает кидаемые ему кости и куски мяса. Число теленгутов часто возрастает за счет свободных киргизов, которые, беднея, поступают в услужение султану. Султан не преминет скорее соединить своего нового слугу с крепостной и дать ему палатку и несколько голов скота. Если же такой киргиз пожелает уйти от своего хозяина, что ему не запрещено, то он обязан возвратить данный ему скот с определенной прибавкой. Дети его остаются с матерью при господине, крепостной которого она была и будет.

Киргизы всегда почтительны к своим султанам. Когда он входит в юрту, все находящиеся в ней киргизы встают и садятся лишь после того, когда султан займет свое место. То же самое происходит, когда султан покидает юрту. В ауле, а нередко и в волости султан — неограниченный судья. Однако в важных случаях он приглашает на совет некоторых из

видных биев или свободных киргизов. Решению его зачастую подчиняются, хотя бывают исключения. Тогда выбирают третейского судью, который и решает дело. Наказания назначаются обычно в соответствии с достатком преступника. Если виновный не может уплатить наложенный на него штраф, он понесет телесное наказание. Смертная казнь у них — это чаще всего повешение. Убийц, если они смогут договориться с родичами убитого, передают последним с правом любого наказания, и те закалывают их кинжалом, вскрывают вены и т. п. Людей, совершивших тяжкие преступления, например, поднявших руку на султана или хана, привязывают к хвосту дикой лошади и отпускают ее на волю. Теленгутов наказывают в основном ударами палок.

Волости и племена считаются свободными объединениями, не связанными никакими союзами и не имеющими над собой никакой высшей власти, ибо ханам, которых порой назначает китайский император, киргизы послушны в той степени, в какой им заблагорассудится, т. е., как правило, ни в какой, если хан не завоеует уважение исключительными качествами и талантами и, что еще важнее, не возбудит страха. Эта зависимость не совсем еще утрачена и киргизами округа Кар-Каралы, и нередко Приказу приходится сопровождать свои предписания угрозами и призывать на помощь вооруженную силу. В этом полном беззаконии с присущим киргизам стремлением к грабежам и заключены истинные причины баранты, которая совершенно правильно обозначается словом «репрессии», и, поскольку здесь нет никакой власти, которая могла бы защитить от насилия, каждый вынужден оружием утверждать свое право. Трудно даже описать, насколько разорителен такой взаимный грабеж для киргизов, и утверждают, что за 50—60 лет с тех пор, как баранта стала все более распространяться, заметно явное обнищание киргизов; чему, однако, можно не удивляться, если известно, каков размах этого разбоя. Так как грабители вынуждены поспешно бежать нередко в очень отдаленные места, чтобы замести свои следы, можно не сомневаться, что во время этого бегства

падает или разбегается много скота, разыскать который из-за спешки уже невозможно. К тому же грабители не упустят случая наесться до отвала. Если же нападут на их след, что случается очень часто, ограбленные отнимают у них столько скота, сколько было угнано, причем обе стороны всегда терпят немалый ущерб. Но если преследователям совсем не повезет и они окажутся побежденными, то победители забирают у них все — лошадей и одежду и те вынуждены, нагие и голодные, часто очень далеко добираться до своего аула. Если киргизы задумают набег, то собирается несколько сот конных, одетых в самые плохие одежды и вооруженных длинными пиками и дубинками, палками и длинными, снабженными петлями шестами, которыми они либо стаскивают людей с лошадей, либо набрасывают петли на шею лошадям и тащат за собой. Огнестрельное оружие* они никогда не берут с собой, чтобы его не лишиться в случае неудачи и чтобы не убить никого из своих противников, так как убийство искупается смертью или очень богатыми дарами. Когда собирается большая шайка, избирается предводитель, на опытность и ловкость которого можно положиться и которому все повинуются.

Никогда киргизы не бывают спокойны за свою собственность, а все время ждут нападения и боятся потерять свои стада — единственное их средство существования. Поэтому днем колесят вокруг и следят с гор и холмов, не приближается ли какой-нибудь враг. Ночью у них покоя еще меньше. Рабы в это время обязаны

* У киргизов Средней Орды очень мало огнестрельного оружия. Они владеют в основном фитильными ружьями с длинными стволами и круглыми, не угловатыми, дулами. Стволы часто бывают необыкновенной длины, и я видел несколько старых ружей, стволы которых превышали девять футов в длину. Несколько ниже верхнего конца к ружью приделана деревянная вилка, на которую оно устанавливается, чтобы надежнее целиться. У султана в Курчумских горах я видел ружье китайской, очень тонкой работы, богато инкрустированное серебром. Киргизы целятся долго и очень осторожно и почти всегда попадают в цель. Стреляют они только пулями, сделанными из железа и покрытыми свинцом. Порох они либо изготавливают сами, либо получают из Ташкента и Китая. Однако предпочитают русский порох и очень жадны до него. На порох, которого у киргизов очень мало, можно выменять все. Но русское правительство строго запрещает снабжать им киргизов. (Прим. автора).

объезжать стада и частыми криками поддерживать свою бдительность, а козынь, хотя и спящий вместе со своими сородичами, должен, однако, все время быть готовым поспешить на помощь своим людям, если на них нападут. Поэтому ночью у юрты всегда стоит несколько заселенных лучших коней, а у входа прислонены длинные пики. Так киргизы своей страстью к разбоям лишают своих же соотечественников всякого покоя. Нередко грабежа, возникающая от желания отомстить за причиненную когда-то обиду, переходит от отца к сыну в течение нескольких поколений. Но в конце концов враждующим партиям надоедает продолжать эту маленькую войну, и они выбирают третейских судей, которые должны разрешить и уладить их споры.

Киргизы, подчиненные китайцам, выплачивают им незначительную дань скотом, которая уже много лет закреплена за каждой волостью и состоит из нескольких лошадей и овец. Киргизы, кочующие на правом берегу Иртыша в пределах русских границ, платят дань — одну голову с каждых 100 голов скота, что составляет доход казачьей войсковой кассы. От подушной платы они освобождены полностью. Такую подать обязаны платить киргизы округа Кар-Каралы, однако им было предоставлено освобождение на три года и, надо полагать, этот срок будет еще продлен.

Скотоводство — основное занятие киргизов, и стада составляют их главные богатства. Они держат большие табуны лошадей, стада овец, но крупного рогатого скота, верблюдов и коз у них меньше. Лошади в основном средних статей, но много и крупных, могучих лошадей. Они хорошие бегуны, смелые и очень выносливые. Их не подковывают, но на сухом грунте у них вырабатывается красивое, крепкое, копыто, которое, однако, если ездить по каменистой местности, нередко трескается и постепенно снашивается до такой степени, что лошадь выходит из строя. Лошадей используют только для верховой езды, но не для перевозки тяжестей. Больше всего держат кобылиц, чтобы не иметь недостатка в излюбленном кумысе. В виде возмещения за каждую потерянную или украденную лошадь всегда требуют четырехлетнюю

кобылицу. Многие султаны и богатые киргизы владеют бесчисленными табунами лошадей, а у некоторых их по четыре-пять тысяч и даже больше. Цены на них разные, но в среднем теперь 15—30 руб. Некоторые лошади, особенно хорошие иноходцы, стоят не одну сотню рублей.

Киргизские овцы очень крупные и тяжелые, долгоногие, с очень кривыми головами, отвислыми ушами и огромными курдюками. Они безрогие, белые, коричневые и пятнисто-коричневые, с плохой длинной грубой шерстью. Иногда, хотя и очень редко, встречается у киргизов другая порода овец, которые мельче и с гораздо более тонкой шерстью. Говорят, что их завезли астраханские калмыки, но они постепенно перерождаются, так как их не отделяют от обыкновенных овец. Овцы стоят в большинстве случаев в среднем 250 коп., а иные 4 руб. Нередки здесь отгусы в несколько тысяч голов; у некоторых богатых киргизов якобы по 20 000 и более овец.

Стада крупного рогатого скота не так многочисленны, но и не очень малы. Рогатый скот здесь средней величины, но крепкий и прворный. Быков часто, подобно лошадям, сдлают и ездят на них верхом, причем правят ими при помощи маленькой спицы, которая вдеа в нос. Цена быка и коровы колеблется теперь между 12—25 руб. На быках часто перевозят тяжести.

Разведение верблюдов в этой местности связано с некоторыми трудностями: на зиму их приходится зашивать в войлок, а между юртами натягивать большие кошмы, под которыми в сильные морозы собирают этих животных. Но чувствуют они себя в общем неплохо, и у каждого аула встретишь многочисленных верблюдов. Везде я видел только двугорбых верблюдов. Они в основном светлорыжие, но нередко и совершенно белые. Этих животных используют главным образом для перевозки тяжестей. Чтобы править ими, пробуравливают носовой хрящ и продевают туда волосяной шнур. Нередко верблюды служат и для верховой езды, и мне приходилось иногда наблюдать забавное зрелище, когда три—пять человек едут на одном верблюде. Цена верблюда в среднем 60 рублей.

Коз держат мало, так что едва ли стоит их упоминать.

Все эти многочисленные стада круглый год содержаться на воле и должны сами отыскивать себе корм, так как косность не позволяет киргизам делать запасы сена, и они довольствуются тем, что прибегают к зиме определенную часть пастбищ, куда летом скот не гоняют. Одним из видов баранты можно считать набеги на зимние пастбища, которые иногда предпринимают враждебно настроенные киргизы, выгоняя туда свои стада и таким образом лишая владельца пастбищ корма для скота. Ведь хотя киргизы летом кочуют всюду, однако каждое племя, каждая волость и почти каждый аул, даже почти каждая юрта имеют определенное место для зимовки, которое киргизы меняют крайне редко.

В отношении кочевой жизни восточные и западные киргизы поразительно образом стлчаются друг от друга, что, конечно, обусловлено характером местности. Киргизы, живущие на востоке, вблизи высоких гор, зимуют в степях, на берегах рек и озер и в лощинах между невысокими степными горами. В апреле же они перекочевывают со своими стадами в горы, сначала, правда, в предгорья, а затем поднимаются на более высокие плато Курчумских и Нарымских гор и мало-помалу приближаются к снежным вершинам. По соседству с ними они проводят самое жаркое время года, затем снова постепенно спускаются, чтобы перезимовать в нетронутых степях. У западных киргизов это происходит в обратной последовательности. Они все лето кочуют по пустынным сухим степям, удаляясь часто на много сотен верст от своих зимних стоянок, зимуют же в ущельях, а иногда у Иртыша и других рек.

Стадам, принадлежащим восточным киргизам, летом всегда хватает и хорошего корма и воды, они не страдают ни от жары, ни от паразитов, эпидемии там тоже крайне редки и менее опасны. Напротив, вблизи гор зимы, видимо, более суровые, а главное, более снежные. На западе киргизы летом не находят такого обильного корма, и скудная травяная растительность сухих степей быстро

оказывается съеденной. Но так как воды в тех краях очень мало, стада нередко пасутся за 20 и более верст от воды, которой, однако, никогда не хватает, чтобы напоить весь скот, и он часто страдает из-за недостатка воды. Сильно мучают скот и паразиты, и не проходит лета, чтобы сибирская язва не унесла множество лошадей и верблюдов. Рогатый скот она поражает гораздо реже, а овец никогда.

В западных областях зима, очевидно, не столь лютая и снежная, и стада страдают в это время года меньше, чем на востоке. Лошади и рогатый скот выскребают корм из-под снега, и хотя они временами сильно тощат, но голодают редко. Овцам глубокие снега пагубны. Но еще более пагубна для них гололедица, покрывающая снег, и причем слишком твердая, чтобы животные могли пробить ее, поэтому они не в состоянии добыть скудный корм. Тогда киргизам приходится добывать траву из-под льда на бесснежных каменистых склонах и т. д., чтобы спасти хотя бы часть своих овец. Если такая погода держится долго, большой падеж скота становится неизбежным, и бывает, конечно, что киргизы лишаются четверти, трети, а иногда даже более половины поголовья овец. Такое несчастье случается чаще в восточных, реже в западных районах. Гололедица опасна и для верблюдов.

Киргизы держат помногу собак, очень злых и чутких, которые живут возле юрт. Почти все они одной своеобразной породы и близки по своим статьям к борзым, но не столь худославы и у них менее продолговатые и заостренные головы. Их шерсть, густо растущая по всему телу, длинный, лохматый хвост и вислые, с очень длинной шерстью уши придают им изящный, привлекательный вид.

Второе после скотоводства занятие киргизов — охота. Занимаются они ею в основном в зимнее время, когда идут по следам волков, лисиц, корсаков, караганок и ставят ловушки или выкуривают их из нор и убивают. Охотятся и на диких или одичавших лошадей, которых загоняют в такие места, где лежит очень глубокий снег, и там убивают. Летом подстере-

гают антилоп и в основном пристреливают, а реже травят собаками, которые не всегда столь проворны и быстроноги, чтобы догнать этих животных. Собаки, способные на это, высоко ценятся у киргизов. Травят киргизы также иногда волков, ставят капканы на барсуков, сурков, рысей, куниц и силки на сусликов. В горных местностях они бьют косуль, архаров, оленей, медведей, зайцев, кроликов, изредка тигров и манулов (*Felis manul*).¹ На всяческую дичь они любят охотиться с соколом (беркут, *Falko fulvus*), за которого хорошо платят, если тот хорошо натаскан, очень дорого.

Земледелие у киргизов развито крайне слабо. Они сеют немного ячменя, еще меньше пшеницы и проса.

Немало занимаются они и меновой торговлей. Киргизы Средней Орды торгуют обычно с русскими, китайцами и ташкентцами. Главные товары киргизов — овцы, лошади, крупный рогатый скот, верблюды, овчины и мерлушки, тулупы, дохи из шкур жеребят и антилоп, шкуры волков, лисиц, караганов, корсаков, сурков, куниц, рысей, тигров, оленей, косуль, барсуков, материя из верблюжьей шерсти, верблюжья шерсть, иногда некоторое количество китайского серебра, конские уздечки, ремни, разные мелкие вещи, веревки из верблюжьей шерсти, кошмы всяких видов, кожаные штаны и широкие куртки и т. д. У русских же они выменивают юфть, сафьян, различные металлические вещи — чугунные котлы, капканы, плохие бритвы, ножи, ножницы, швейные иглы, железные таганы, железные и латунные стремена, огнива, латунные кольца и наперстки, а также бархат, плюш и манчестер, грубое сукно, печатное полотно, плохой фетр, нанку, китайскую дабу и бязь, шарфы (кушаки), мех выдры и бобра, стеклянные бусы, красные кораллы и жемчуг, большие, обитые железом расписные сундуки, кожаные баулы, гребешки, зеркала, табак, кое-какие пряности и лекарства, кремни и довольно много зерна, особенно пшеницы.

Западные киргизы с китайцами торгуют мало. Они выменивают у них дабу, бязь, шелковые материи,

атлас, шелк в мотках, лакированные деревянные вещи, кирпичный чай, небольшое количество серебра, табак и табачные трубки. Занимаются этой торговлей в основном татары и ташкентцы — торговые агенты купцов в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, Петропавловске, причем обменивают у киргизов скот на русские товары, потом меняют их в Китае на китайские, а часть этих товаров снова сбывают киргизам. Восточные киргизы получают все необходимое в основном от китайцев, и если западные киргизы одеваются чаще всего в русские и ташкентские ткани, то восточные носят преимущественно китайские вещи, но они не могут обойтись без русских металлических изделий. У ташкентцев западные киргизы выменивают главным образом ткани, шелковые платки, шитые халаты, ружья, порох, кожи и кожаные сапоги, седла и разную мелочь. Почти вся торговля с ташкентцами находится в руках русских торговых агентов.

Киргизы сами изготавливают войлок (как для своих юрт, так и на покрывала, которые нередко изящно и пестро расшиты), меха, кожаные вещи, особенно кожаную сбрую, седла, кожаные плетеные ремни и другие мелкие вещи из кожи, тем способом, о котором рассказал Паллас*, и шьют из них широкие шаровары и длинные куртки. Женщины ткут грубую, очень узкую ткань, из которой шьют халаты (армяки). Есть среди них несколько кузнецов, которые, однако, могут ковать только грубые мелкие изделия. Киргизы вытачивают деревянную посуду, иногда весьма крупную, вырезают деревянные трубки, а также решетки для своих юрт. Они варят и мыло.

Большинство работ выполняют женщины. Они должны убирать и снова ставить юрты, собирать дрова и другое топливо, доить скот, готовить пищу и напитки, ткать холст, шить одежду и обувь; им приходится даже седлать лошадей и подводить их мужьям. Мужчины же заняты лишь охраной

* Pallas S. Reise..., Bd 1, S. 389. (Прим. автора).

стад, резьбой по дереву, ковкой и т. п. и разбоем. Поля обрабатывают только рабы, а у кого рабов нет, тот вообще не сеет и не жнет.

Живут киргизы очень скромно, питаясь летом почти одной молочной пищей, так как совсем редко колют скот. Если же это происходит или если охота бывает удачной, видно, что они могут быть лихими едоками, лишь бы было что есть. Мясо варят в слегка подсоленной воде, затем нарезают и съедают без хлеба, реже его жарят. Из небольших запасов зерна, которое они вырастят сами или выменяют у русских, готовят крупу, но пользуются ею редко. Из жирного овечьего молока, которое они оставляют свертываться, и, предварительно сварив его, делают ломкий сыр («еремчак»), который очень вкусен. Из квашеного коровьего молока приготавливают очень сухой кислый маленький сыр («курт», «хурт»)*. Если у них оказались большие запасы мяса, часть его режется на тонкие полосы, солится, а затем вялится на воздухе. Иногда они, конечно, и коптят мясо, натолканное в кишки. Кумыс (перебродившее кобылье молоко) пьют почти исключительно мужчины. Он жидкий, почти водянистый, чистый, кислый и в тоже время хмельной, опьяняющий. Айран (кислое густое коровье молоко) предназначен для женщин. Зимой в качестве напитка они употребляют жидкий мясной отвар под названием «шербет». Зимой вообще киргизам приходится быть необычайно экономными, особенно если охота не очень удачна, так как в это время года редко колют овец. Но если у киргизов случится несчастье — мрет скот, то они живут сыто, потому что и сами забивают слишком слабый скот, чтобы не дать ему содохнуть, и не настолько брезгливы, чтобы пренебрегать дохлятиной. Собственно, последним довольствуются лишь беднейшие киргизы, особенно теленгуты (разумеется большинство), которым приходится очень туго. У богатых киргизов всегда найдутся немалые запасы, и им не грозит умереть с голоду.

* Паллас называет этот сыр «крут». Но так, по крайней мере в средней орде, его не называют. (Прим. автора).

Все киргизы очень любят чай, и те, кто побогаче, всегда держат запас кирпичного чая. Все они страстные курильщики, а зачастую и нюхальщики табака. Женщины тоже много курят. Курить табак удовольствие для киргизов. Иногда они музицируют. Их инструменты — это нечто вроде скрипки («кобыс») или свирели («сувусья») последние чаще всего делаются из толстых, высоких стеблей, иногда из дерева и с одной стороны имеют несколько маленьких отверстий, чтобы можно было извлекать различные звуки. Мелодии их очень простые, но не неприятны. Но пение почти всегда очень грубое и, как правило, выдержано в грустных, минорных тонах, и последние ноты сильно растягиваются. Хотя у них есть и старинные песни, но они обычно поют первые пришедшие в голову слова на какой-нибудь любимый мотив. У них нет недостатка в сказках и рассказах, которые, говорят, бывают очень интересными. Танцы киргизам чужды, разве что принять за них прыжки, которые делают их колдуны при заклинаниях.

Это в общем здоровый народ, который и в старости сохраняет здоровье и крепкий вид. Однако старики, насчитывающие более 70 лет, встречаются редко. Иногда киргизы страдают ревматизмом, а старики обычно слабы глазами. Кроме того, у них случаются перемежающиеся лихорадки, паралич, геморроидальные недуги, астма, кашель, но оспа — большая редкость. Венерические болезни бывают и у них, и я видел несколько сильно обезображенных киргизов. Известно, что выкидыши, особенно в начале беременности, не редкость, и причины этого кроются в тяжелых работах, исполняемых женщинами, а, возможно, еще и в верховой езде. Сибирская язва, от которой, особенно на западе, ежегодно гибнет скот, людей поражает редко. Вряд ли у киргизов есть свои врачи, так как лечение, которое, например, описывает Сиверс⁴, можно считать только колдовскими заклинаниями. Киргизы охотно покупают у русских нашатырь и камфару. Для лечения от венерических болезней пользуются главным образом киноварью. Они большие охотники и до кровопускания.

Глава седьмая

ВОЗВРАЩЕНИЕ В СЕМИПАЛАТИНСК. СТАТИСТИЧЕСКИЕ СЛЕДЕНИЯ О СЕМИПАЛАТИНСКОМ ОКРУТЕ. ВЗВРАЩЕНИЕ В БАГДАУЛ

Поздняя осень, затянувшаяся сушь и несколько сильных ночных заморозков убили растительность, и только от галофитов еще можно было чего-то ждать. Насекомые и амфибии тоже давно исчезли. Я не мог более рассчитывать на то, что поездка в Карпе-Тау, которую вначале планировал, обогатит мои коллекции растений и животных. Лошади наши были изнурены, корм со дня на день становился хуже. Все это было достаточным основанием для того, чтобы решиться на возвращение в Семипалатинск обычным путем на Семи-ярск, причем я попутно мог обследовать местность между Кар-Каралы и Иртышом и проделать некоторые наблюдения на соленых озерах (из которых особенно примечательно озеро с поваренной солью, Яман-тус). Кроме того, я решил сделать небольшой крюк, чтобы познакомиться с соседними горами Кент. Итак, 15 сентября я выехал из Кар-Каралы, где к нам присоединился еще один казак, который должен был проводить нас до Кента.

Проехав немного по дороге на Семи-ярск, мы вскоре свернули с нее и двинулись на юго-восток без дорог и троп, намереваясь пересечь гряды массивных сухих холмов и добраться до долины Талды. Большую часть этой протяженной, шириной 10—15 верст, долины, простирающейся между горами Кент и Кар-Каралы и разделяющей обе горные цепи, занимают красивые луга с хорошей черноземной почвой, хотя почти сплошь немного засоленной, о чем можно судить по характеру растительности и по слабым налетам соли. Проехав Талду, мы направились вдоль русла впадающего в нее маленького ручья, который вывел нас в долину, лежащую в глубине гор, где мы и разбили свой лагерь.

16 сентября я посвятил исследованию этой местности. Спозаранку я послал охотников поискать кабанов, которых здесь, говорят, немало. Сам же пересек долину, поднялся на несколько горных вершин и осмотрел остатки какого-то древнего сооружения.

Горы Кент, или Кен-Каслык, ниже гор Кар-Каралы и менее протяжены, но вдаль, на западе, виднеются более высокие горы. Главные хребты состоят из красного гранита и очень похожи на горы Кар-Каралы. Предгорья тоже сложены из рогообманкового сланца. Говорят, что в Кентских горах найдено много горного хрусталя; несколько осколков удалось найти и мне. Горы эти довольно богаты водой, так как кроме Талды, источник который находится к юго-западу, почти в каждой поперечной долине течет ручеек, и все эти ручейки впадают в Талду. Рыба в них, видимо, очень мелкая. Луга сплошь в зелени, склоны же гор в основном голые. Там не может укорениться никакое растение, так как склоны весьма круты и местами образуют совершенно отвесные стены, а, кроме того, внешние воды смыывают с горных вершин всю почву. Какова сила низвергающихся потоков, это я мог видеть во всех ущельях, где лежали унесенные водой, нередко очень крупные древесные стволы и полуразрушенные скалы.

Растительность здесь в общем та же, что и в окрестностях Кар-Каралы. Нередко встречаются сосны, хотя они не такие красивые и крупные, как у Кар-Каралы, и не образуют столь густые леса. Растут здесь также березы, осины, несколько видов ив, малина, красная и черная смородина, тарантушка, шиповники — колючий и коричный (*Rosa cinnanomea*?), таволга зверобоелистная, кизильник черноплодный, много барбариса си-

бирского, курильский чай, жимолости — татарская и мелколистная, дереза и карагана карликовая. На лугах не оказалось примечательных растений: Зато под навесами скал в некоторых узких ущельях и на вершинах нескольких сухих холмов я нашел полыни (*Artemisia* n. sp.), песчаники (*Arenaria subulata* α, *A. glandulifera* и *A. Helmi*), терескен серый (*Diotis Ceratoides*), лофант (*Hysosopus Lophanthus*), постенницу мелкоцветную новую (*Parietaria micrantha* n.), незабудочник скальный, горец кустарниковый (*Polygonum dumetorum*), крупку ланцетовидную (*Draba confusa*?), герань раскидистую (*Geranium divaricatum*). В округе немало диких зверей, например, кабанов, оленей, медведей, лисиц, волков, куниц, зайцев, реже попадаются лоси, росомехи и барсы (*Felis Pardus*). Кроме того, здесь держатся большие стаи тетерок и куропаток.

Зимой в этих местах живет множество киргизов, и мы очень часто натывались на следы их зимних стойбищ.

Верстах в трех от начала долины, на которой мы теперь расположились, на гравом берегу ручья у входа в живописное ущелье находятся остатки здания. Его строители неизвестны, но своим происхождением строение, вероятно, обязано джунгарам, а возможно, и ногайцам. Выглядит оно не очень ветхим. Толщина стен, которые в основном сохранились, достигает полутора футов. Сложены они из грубо обтесанных гранитных плит, связанных плохой глиной. Главное здание образует квадрат, сторона которого примерно 28 футов. Как раз посередине к каждой из этих стен, стоящих на северо-западной, северо-восточной и юго-восточной сторонах, пристроены снаружи небольшие, семи футов в ширину и настолько же выступающие квадраты. Перед юго-западной стеной находится портик, образованный выступами северо-западной и юго-восточной стен и по ширине равный длине всего здания; глубина же его не превышает шести футов, а спереди он совершенно открыт. Отчетливо видно, что здание во всех его частях делится перекрытием на два этажа. Над портиком оно еще очень хорошо сохранилось и

поддерживается там на переднем плане четырьмя колоннами, а на заднем — двумя. Колонны примерно семи футов высотой представляют собой грубо обтесанные круглые стволы сосен, ничем не украшенные. От кровли не осталось ни малейшего следа, так что установить первоначальную высоту здания невозможно. Посередине портика находится дверь высотой в пять с половиной и шириной около трех футов, которая ведет в среднюю комнату, занимающую весь главный квадрат; высотой она около шести с половиной футов и без единого окна.

Через три маленькие двери высотой около трех футов можно проникнуть в три смежные камеры, находящиеся в пристенных четырехугольниках. Эти камеры совершенно одинаковы и тоже без окон, а их пол лежит на несколько футов глубже, чем пол главной комнаты. Верхний этаж, видимо, был разделен точно так же, как нижний. Нельзя уже отыскать ход на второй этаж. Вероятно, и в средней комнате, и здесь не было окон. Но посередине каждой стены видна очень низенькая дверь, и юго-западная ведет на перекрытие портика. Другие ведут в боковые камеры, находящиеся на верхнем этаже пристройки.

Как в северо-западной, так и в юго-восточной камере есть маленькое окошко, обращенное на юго-запад. Каменные стены северо-восточной камеры рухнули. Стены средней комнаты покрыты грубым белым цементным раствором, который сохранился еще на многих местах. Я не заметил никаких украшений и вообще ничего, чтобы можно было сделать вывод о первоначальном назначении этого странного сооружения. Киргизы видят в нем святыню и приносят здесь в жертву конские волосы, овечью шерсть, старые тряпки и т. п., которые привязывают к шесту и ставят в портике.

В 50 шагах к юго-западу от входа есть два глубоких больших колодца с хорошей водой, а через 50 шагов в том же направлении видны следы фундамента еще одного четырехугольника, сторона которого равна почти 20 футам. Вблизи его и по обе стороны колодца немало могил, по всей видимости, не киргизского про-

исхождения, но и непохожих на древние могилы других мест. Эти могилы представляют собой небольшие каменные холмики, не окаймленные кучами камней. В прошлом году г-н Дартау велел вскрыть 18 таких могил, но во всех были лишь кости, и только в одной нашли медный гвоздь.

17 сентября я оставил позади Кент и двинулся в северо-восточном направлении по сухим, безводным холмам и долинам, заросшим травами. Холмы, состоявшие частью из зеленого камня, частью из плотного полевого шпата, покрывала крайне скудная растительность, но меня порадовал новый остролодочник с муховчатыми листочками: я не ожидал, что эта форма листа так продвинется к западу.

К вечеру мы выехали на тракт, ведущий в Семиарск, недалеко от недавно поставленного пикета Беленького, и здесь переночевали. Этот пикет находится примерно в 40 верстах от Кар-Каралы, у маленького озера Беленького, вода в котором, правда слегка мутная и беловатая, однако вполне хорошая и несоленая, хотя почва вокруг сильно засолена. Очень часто встречался здесь клоповник толстолистый и новый термопис крупноцветный (*Thermopsis grandiflora* n.).

18-го мы ехали до пикета Ку по уже знакомым местам, где паслись теперь бесчисленные стада скота и всюду стояли киргизские аулы.

19-го мы двинулись дальше, и вновь по тракту. Я с большим трудом поднялся на одну очень высокую и крутую гору предгорий Ку; местами почти невозможно было карабкаться по разрушенным ломким камням. Эта гора поднимается самое малое на 800 футов над поверхностью протекающей в долине рч. Сухой. Сложна она из полевого шпата, а местами из порфира, и образуются огромные скальные массы, торчащие, голые и острые обломки. Растительность подобна растительности гор близ Бухтарминска, в ней нет ничего примечательного. Ширяш попадался необыкновенно часто.

После трудного пути мы поздно вечером достигли пикета Аркали, тоже поставленного несколько дней назад. Он расположен у нескольких колодцев и близ ключа с довольно хоро-

шей водой. Долины и низины всюду крепко засолены. Плоские холмы, окружавшие местность, относились к предгорьям массива Ку и состояли из зеленого камня. В высохшем русле ручья оказались обломки железного колчедана. В некоторых лугах обычно росла зинникелия болотная, а на лугах мы довольно часто видели горечавку приземистую или оттопыренную (*Gentiana humilla* или *squarrosa*), и хотя она не цвела, ее можно было распознать по пучкам листьев.

20 сентября мы отправились от предгорий массива Ку в обширную долину, отделяющую Ку от горной цепи Едрей. Дорога шла юго-восточнее главной горной цепи Едрей, берегом ручья, в узкой долине, окруженной невысокими холмами, к пикету Едрей, который расположен к югу от дороги, у источника с хорошей водой. Через несколько верст Едрей кончилась, и опять потянулась широкая, засоленная долина. Здесь снова появились антилопы, а также жаворонки — степные и черные. Примерно в 20 верстах от пикета Едрей в маленькой долине, в полуверсте вправо от дороги, там где несколько хороших колодцев, мы и переночевали. Долина была лишь слегка засолена и ее покрывали обычные луговые, а на некоторых более засоленных местах — солончаковые растения. Вся местность, куда ни кинешь взгляд, была чуть волнистой, и почти всюду в глубоких долинах блестили небольшие озера. Главенствующей горной породой вблизи нашего лагеря был плотный полевой шпат. Там и тут виднелись приземистые гранитные вершины, где гранит чередовался с полевошпатовым порфиром. Самыми обычными растениями на этих холмах были пижма кустарниковая и кохия распростертая.

21 сентября мы отправились дальше. Первые 14 верст мы двигались по волнистой очень сухой местности, где в низинах были разбросаны соленые озера. Затем мы выехали на равнинную солончаковую степь с невысокими холмами и изборожденную высохшими теперь руслами ручьев. Вся местность была настолько опустошена киргизскими стадами, что едва можно было найти остатки какой-нибудь травы или зелени. В широком русле иссякшего ручья киргизы выкопали

множество колодцев, которые содержали вполне хорошую воду. Огромное количество могил, а также другие следы ясно свидетельствовали о том, что киргизы очень часто посещают эти богатые водой места. Дальше снова простирается волнистая сухая каменистая местность, чередующаяся с солончаковыми долинами. Такой местность остается до последнего перед Семиярском пикета. Этот пикет расположен в очень пустынном месте, близ нескольких колодцев с плохой водой, в окружении плоских сухих холмов. Здесь тоже оказались бесчисленные киргизские могилы, и нам пришлось переночевать.

До сих пор нас радовала довольно приветливая погода, и только временами шли дожди, но ветер скоро разогнал тучи. В этот же день началось неприятное осеннее ненастье. Все небо обложилось тучами, и затяжной дождь промочил нас до нитки.

22 сентября сильный дождь надолго задержал нас в лагере, так как я боялся промочить свои коллекции. Наконец буря с запада прогнала тучи на восток, и небо прояснилось. Места, которые мы в этот день проехали, во всем похоже на вчерашние, только холмы положе и долины между ними обширнее. Стада в 20—30 сайгаков и большие стаи жаворонков оживляли местность. Растительность же была совсем жалкой. Приблизительно в шести верстах от пикета, справа от дороги, на расстоянии примерно версты от нее, находится озеро с поваренной солью — Яман-Туз, или Джаман-Туз (т. е. «плохая соль»). Это маленькое озеро почти круглой формы имеет, пожалуй, около двух верст в окружности. Вода теперь далеко отступила от западного и юго-западного берегов, и слепящая белая соляная корка покрыла ил, по берегам же, наоборот, всюду лежала разложившаяся глауберова соль. Все это выглядело как покрытая льдом и снегом поверхность, находящаяся в полном контрасте с зелеными растениями, среди которых особенно много было саразана шишконосного, поташника олиственного и солероса травянистого, кермека полукустарного и прибрежницы прибрежной (*Calotheca littoralis*) с красивыми зрелыми семенами. Берега озера окаймляли тростник обыкновенный и ситник (*Juncus*

botnicus), а степная почва изобиловала полынью веничной (*Artemisia scaparia*).

Поваренная соль оседает тонкими слоями, которые чередуются с толстыми отложениями ила. Она довольно чистая и лишь немного смешана с глауберовой солью. После одного растворения и кристаллизации соль становится совершенно чистой и пригодной для употребления. Большинство киргизов окрестных мест запасаются поваренной солью здесь, да и казаки из Кар-Каралы везут ее тоже отсюда.

Мы переночевали в большом ауле, раскинувшимся близ нескольких колодцев. Колодцы были выкопаны в высохшем русле реки и имели довольно скверную воду. Как обычно, меня и здесь окружили киргизы, и я очень сожалел, что мог разговаривать с этими людьми только с помощью толмача.

23 сентября мы здорово натерпелись от необычайно сильного ветра. Закутавшись в шубы, мы едва выдерживали холод, и то один, то другой соскакивали с лошади, чтобы согреться ходьбой. Так мы, очень расстроенные, тащились, по пустынной бесплодной местности. Холмы, по мере нашего продвижения вперед, становились все более плоскими и мелкими; наконец они почти совершенно исчезли, и перед нами раскинулась обширная равнина. Прodelав путь примерно в 16 верст, мы увидели лес, который свидетельствовал о близости Иртыша. Через четыре версты нам стала видна красивая церковь Семиярска, и после двух часов езды мы достигли края степи, которая здесь круто обрывается, образуя откос высотой в 20—30 футов, и к коей примыкает берег Иртыша. В некоторых местах на откосе проступал крепкий известняк.

Я узнал, что мой егеря Жданов задержан в Семиярске, ибо возникло подозрение, что он покинул меня злонамеренно. Сильный ветер к вечеру стих, и я решил заехать в Семиярск, чтобы освободить егеря, и, кроме того, разузнать, как безопаснее всего ехать левым берегом Иртыша. Мне хотелось как можно дальше проехать по левому берегу, так как этот путь короче, к тому же я мог рассчитывать здесь на более обширное поле деятельности, да и для лошадей там

можно было найти корм лучший, нежели на правом берегу. Этой же дорогой шли все караваны из Семипалатинска в Петропавловск и обратно. Берег Иртыша здесь шириной около двух верст и образует луг, местами заросший тальником.

В Семиярске я нашел своего егеря в добром здравии, и он был очень рад, что я освободил его из-под ареста, под которым он там содержался. Между тем снова поднялся сильный ветер, переправиться обратно через Иртыш было уже невозможно и мне пришлось провести ночь в Семиярске.

Этот форпост точно напоминает другие казачьи форпосты, отличаясь от них только хотя и маленькой, но прелестной отапливаемой каменной церковью. В селении 60 изб, 52 служащих, 16 резервных и 13 отставных казаков, 65 казаков-кантонистов, 138 женщин и 17 киргизов. Со всех сторон его окружает степь, поэтому нет земли, пригодной для земледелия, и местные жители после неоднократных неудачных попыток совершенно забросили хлебопашество и покупают хлеб у окрестных крестьян. Занимаются они преимущественно скотоводством. Но и оно не очень развито, так как не хватает пастбищ. Нередко здесь лошади падают от сибирской язвы, а дальше к западу, в Ямышевой и Корякове, она свирепствует еще чаще. Пчеловодство пока почти не пробовали, да и вряд ли оно пойдет из-за большого недостатка трав. В степях севернее Иртыша водятся сайгаки, мясо которых здесь часто засаливают.

Берега Иртыша у Семиярска песчаные и лишь кое-где покрыты растительностью, из которой разве только сыть чернобурая (*Cyperus fuscus*), скрытница колючая (*Crypsis acuminata*?), сушеница сибирская (*Gnaphalium uliginosum*), да болотница игольчатая (*Eleocharis acicularis*), встречающиеся на влажных местах, заслуживают упоминания. Едва отъехав от Семиярска, мы увидели крайнюю западную опушку соснового бора, протянувшегося от Шульбинска вниз по Иртышу.

Буря бушевала всю ночь, а на следующее утро Иртыш так волновался, что переправа оказалась невозможной. Здесь скопилось уже немало

подвод с крупой. Крестьяне, которые везли ее в Кар-Каралы, ждали уже четыре дня и не могли переправиться. Перспектива задержаться тоже, возможно на несколько дней, в Семиярске, вдали от своего каравана, становилась мне час от часу неприятнее. Наконец, решено было попытаться переправиться на большом пароме. К трем сопровождавшим меня людям присоединилось еще пятеро казаков, и мы, таким образом, отважились переправиться через реку, не предполагая, с каким это сопряжено риском. Волны набегали на нас сбоку и их удары были настолько сильны, что несмотря на величайшее напряжение мы едва могли направить носовую часть парома наперерез волнам. Лишь только мы отчалили от правого берега, как кое-кто из моих людей перепугался и захотел вернуться. Чем ближе мы подплывали к середине реки, которая здесь, по меньшей мере, две трети версты в ширину, тем опаснее становилось наше положение. Паром стал игрушкой волн, которые вздымались весьма высоко, нас немилосердно кидало из стороны в сторону, и паром заливало водой. Некоторые из моих спутников начали раздвигаться, чтобы спастись в лагерь, если паром пойдет ко дну, причем и не думали бороться с опасностью. Однако уговоры и пример моих людей, которые не потеряли ни головы, ни мужества, подействовали и на остальных. Они снова взялись за весла и стали с силой грести наперекор бушующей реке. Опасность уменьшилась по мере того, как мы приближались к левому берегу; волны становились все меньше и слабее и, наконец, мы причалили, пережив этот страшный час.

После того, как я добрался до лагеря, мы отправились дальше по караванному пути пустынной сухой степью, частью солончаковой, частью каменистой, где было очень много чингалия серебристого. Сухие, слегка засоленные участки густо заросли комфорозмой русской, полынью душистой, эстрагоном. Вечером мы разбили свой лагерь напротив редута Грачевского, называемого также Грачи. Здесь степь непосредственно примыкает к Иртышу, образуя обрывистый, высотой в 40 футов берег, состоящий из полевсшлатового порфи-

ра и мелкозернистого гранита. А дальше простирается узкая береговая полоса, заросшая тальником и серебристым тополем.

25 сентября мы двигались по такой же, что и вчера, степи и миновали руды Известковый и Черемхову Забoku. Первый расположен у самого Иртыша, возле известкового карьера, снабжающего известью всю округу. Второй рудот отделен от Иртыша широкой луговой полосой. Несколько выше его господствующая на правом берегу супесчаная почва переходит и на левый берег, который достигает 60 футов высоты и очень крут. На самой песчаной почве снова оказались некоторые обычные для таких мест растения, например колосняк гигантский, верблюдка Палласа (*Corispermum Pallasii*), желтушник (*Erysimum* п. sp.), ластовень сибирский, ноговатка васильковая, козелец австрийский, хрящевик (*Chondrilla* п. sp.), росли также обыкновенные мордовник (*Echinops*) и пырей сибирский (*Agropyrum variegatum*). У берега, чуть выше поверхности Иртыша, лежит довольно толстый слой очень красивой, совершенно белой глины, из которой почти всюду пробиваются маленькие ключи со слегка солоноватой водой. На этой влажной почве обычно росли горец сибирский, а также горец земноводный (*Polygonum amphibium* var. *terreste incanum*), скрытница колючая, грыжник волосистый (*Herniaria hirsuta*), сушеница сибирская, сыть чернебурая, болотница игольчатая.

Ночью повалил такой сильный снег, что на следующее утро вся земля оказалась покрытой ковром; но к полудню весь снег совершенно стаял. Песок тянется здесь с версту, а дальше идет опять сухая степь, где растут почти исключительно тырса и полынь душистая. Затем мы опять миновали несколько засоленных мест, где снова показались кермеки — полукустарный и Гмелина, саразан шишконосный, поташник олиственный и солерос травянистый, лебеда — толстолистная, бородчатая и белая, петросимонии — однотычинковая, толстолистная, сизая, булавоносник и орайстан однотычинковый. Потом мы переехали Чаганку, впадающую в Иртыш почти напротив форпоста Долани, теперь сильно обмелевшую. Ее

берега изобиловали новой серпухой, которую я прежде встречал почти только на песчаной почве вблизи Нур-Зайсана. Несколькими верстами выше Долани на правом берегу мы увидели верфь, где строятся плоскодонные барки, предназначенные для того, чтобы из форпоста Корякова и крепости Ямышевой отвозили поваренную соль вверх по Иртышу, которая затем доставляется в Тобольск. Для строительства этих судов здесь содержится множество рабочих, а также несколько надсмотрщиков и один врач. Поскольку доставка судов против течения связана с большими трудностями, то ежегодно строят новые барки, благо в лесу нет недостатка.

По ту сторону Чаганки мы снова продвигались по совершенно сухой и пустынной степи, где лишь кое-где росли полынь (*Artemisia fragrans*), тырса и камфорозма русская. На ночь мы расслонились у Иртыша, вблизи долины, заросшей красивейшими серебристыми тополями, между которыми росли кустарники боярышника ковоаво-красного, шиговника рыхлого, жимолости татарской, тальника, крушины слабительной, а ломонос сизый взбирался высоко на деревья, своими головками, придавая им весьма своеобразный вид. На лугах было немало серпухи обыкновенной, полыни, родственной лечебной (*Artemisiae procerae* aff.), кровохлебки многобрачной, зюзника высокого (*Lycopus exaltatus*), воробейника обыкновенного, двухкосточника тростниковидного, батлачка ползучего, мяты полевой, пустореберника длиннолистного и некоторых других луговых растений.

27 сентября мы ехали сухой степью с отдельными солонцами, на которых в изобилии росли солянка супротивнолистная (*Salsola brachiata*) и петросимония однотычинковая. В нескольких верстах от Семипалатинска мы пересекли высохшее русло Турунги, а после захода солнца подъехали к бедным киргизским юртам, расположенным напротив крепости, где нам пришлось переночевать. Берег Иртыша здесь совершенно низменный и каменистый. Между округленными обломками глинистого сланца, кварца, гранита и т. д. я нашел немало кусков волокнистого гипса. Там и тут росли сыть чернебурая,

грыжник волосистый, скрытницы — камышевидная и колючая (*Crypsis schoenoides* et *C. acuminata*), сушеница сибирская и несколько ив.

28 сентября мне пришлось ждать почти до 12 часов, прежде чем удалось переправиться через Иртыш. Дело в том, что приставленный к переправе унтер-офицер был с рапортом у коменданта, а без его разрешения ни одна лодка не могла нас переправить. Лишь после того, как я получил от таможи и коменданта необходимые бумаги, а также запаса справкой от местного городского врача о том, что мои лошади здоровы*, переправили, наконец, и мой багаж.

Итак, после того, как я в течение двух месяцев проделал путь протяженностью более 1500 верст, благополучно закончилось и мое второе путешествие. Если бы я отправился из Семипалатинска на юго-запад, по прямой дороге** на Чаганку, эта поездка не была бы, конечно, столь длительной; я же направился сначала на юг, а затем, свернув на запад, сделал немалый крюк. Но как раз этот кружной путь, который сначала меня совсем не привлекал, привел в места, которые были куда богаче дарами природы, чем более западные степи. Степь, простирающаяся от гряды холмов Аркалык до горной степи Чингис-Тау, более холмиста, богаче водой, там часто попадаются обширные влажные солончаки. Но края, расположенные ближе к северо-западу, гораздо суше и бесплоднее, и солончаки, которых и здесь предостаточно, занимают меньшие площади, но зато чрезвычайно сухи, и на них нет многих замечательных солончаковых растений, присущих тем, более восточным областям.

Места, которые проехал, я хочу назвать Западной Джунгарской киргизской степью в отличие от окрестностей Нор-Зайсана, которые можно назвать Восточной Джунгарской киргиз-

ской степью. Границу между этими двумя степями образуют горные хребты, которые тянутся с Алтая и проходят южнее между Бухтарминском и Усть-Каменогорском, образуют высокие горные хребты вокруг Аблакитских палат и соединяются посредством горных цепей Хейрек, Калмы-Тологой и Хальве с Тарбагатаем.

В Западной Джунгарской киргизской степи много растений, свойственных также восточной степи, а на холмах Аркалыка, как и на горах Аркат и Чингис-Тау, можно найти немало растений, встречающихся на горах Арка-Ул, Долен-Кара и Курчум, например касатик сизолистный, валеариану клубненосную, патринию среднюю, порезник бухтарминский, проломник большой, повилуку одностолбиковую (*Cuscuta monogyna*), жимолость мелколистную, липучку мелкоплодную, ономы — Гмелина и обыкновенную, разные виды рода смородины (*Ribes*), иксилирион татарский, ширяг, ревень низкий, гвоздику ветвистую, смолевку алтайскую, душевку мелкоцветную, пустырник сизый, шлемник Сиверса, икотник лопатчатый. (*Allyssum spathulatum*), резуху полукустарную, дескурию София, татарник огненный, мордовник (*Echinops* p. sp.), скерду карликовую (?), косогорник пурпуровый, пижму пижмовидную, постенницу мелкоцветковую и т. д. Однако большинство новых видов — с гор Арка-Ул, Долен-Кара: красивые астрагалы, особенно все виды кустарников Курчумских гор, вероника двухлопастная, несколько прекрасных трав, новый сассыр (*Cachrys*), ферулы — рассеченная и седоватая, чернокорень растопыренный, трубкацветник завитой, курчавки (*Tragopyra*), некоторые молочаи, василистники — изопироидный и вонючий, зайцегуб Бунге, хохлатка Шангина, козельцы — маленький, шишконосный, козлобородник крайний, несколько осок — присущи горным районам на востоке. В горных и каменных районах на западе немало своеобразных растений, — скабиоза исетская, ледебуриелла фабрицевидная, несколько новых жабриц (*Seseli*), сверция тупая, песчанка волосовидная, мокричник Гельма, репки, гвоздика узколепестная, смолевка лежащая, кизильник, курильский

* Как только стало известно, что в стадах у киргизов появилась сибирская язва, тотчас же был поставлен пограничный кордон и весь без исключения паличный скот требовалось перенести на правый берег Иртыша, где его осматривал врач и выдавал соответствующие справки. (Прим. автора).

** Дорога от Семипалатинска к Чаганке идет через богатые водой места: Чакмукурка, Казамчелл, Харасун, Уштаган, Турек-Удук, Матуш—Сук-Акчи, и проделать путь можно не спеша за шесть дней. (Прим. автора).

чай, лофант, птилотрихум седой (*Allyssum canescens*), бурачок сибирский, журавельник Стефана, карагана мелкая, солонечник Гаупта (*Aster fastigiatus*), хризантема (*Chrysanthemum* n. sp.), грудница мохнатая и солонечник двухцветковый (*Chrysocoma angustifolia*), пижма кустарниковая, — которые отсутствуют на востоке. Песчаная область на востоке также отличается многими красивыми растениями, отсутствующими на западе — например, кучкоцветник Мейера, некоторые новые липучки, ленец многостебельный, курчавка колючая, колючелистник колючий (*Saponaria pungens*), некоторые смолевки, бобовник (*Ammodendron*), джузгул (*Calligonum*), пустынноколосник широкочашечный, несколько заразих, несколько красивых астрагалов и остролодочников и многие другие. Некоторые растения песчаного региона встречались как на западе, так и на востоке; и ни одно не присуще только западу, исключая мутовчатку маленькую (*Pharnaceum Ceriviana*) и марь остристую.

Луга на западе пышнее. Все горечавки, качимы, первоцвет мучнистый (*Primula farinosa*?), новые пепельники, несколько полыней, многие зонтичные, касатик восточный и т. д. отсутствуют на востоке, где почти нет ничего своеобразного. На востоке, на солончаковой почве, встречаются многие растения, характерные для флоры Каспийского моря, но совершенно отсутствующие в Северо-Западной Джунгарской киргизской степи, например, рохелия голоплодная, нонеи — каспийская и украшенная, турнефорция сибирская, стародубка летняя, лютик плоскосемянный, свербига степная (*Laelia cochlearioides*), разноплодник прямой, литвиновия тонкая, гольдбахия гладкая, многосемянник лежачий, крупноплодник большеплодный, парнолистник обыкновенный, таушерии, гониолимон красивопучковый (*Statice incana*), касатик тонколистный. К ним относятся также такие своеобразные виды, как ферула метельчатая, орнебия простертая, репка Ливениуса, многие заразихи, хориспора сибирская и некоторые новые гулявники. Запад же, наоборот, несравненно богаче марями, красивыми новыми горькушами, парнолистниками (из которых на востоке распространен только парноли-

стник крупнолистный), полынями, кермеками, франкелиями, некоторыми видами скрытницы и т. д.; на востоке, по-видимому, отсутствуют прибрежница прибрежная, жабрица беслистная, горец сибирский, новый клоповник, новый гулявник. Правда, вполне возможно, что многие из тех растений, которые общи для Восточной Джунгарско-киргизской степи и Прикаспийской области, на том же градусе южной широты (например, близ Балхаша) встречаются также в Западной Джунгарско-киргизской степи. Однако большинство этих растений отсутствует в северной части последней из исследованных мной степей, и уменьшение растительного богатства в тех краях очевидно*. Можно, по-видимому, Западную Джунгарско-киргизскую степь разделить на шесть зон.

Первая зона — ровная засушливая местность, простирающаяся к югу от Иртыша до цепи холмов Аркалыки и первого пикета в Семиярске до Кар-Каралы — чрезвычайно бедна растениями. Наиболее характерная для нее флора: тырса, реже ковыль перистый, некоторые полыни, солонечник двухцветковый (*Chrysocoma angustifolia*), таволга зверобелистная, дереза и чингаль серебристый, катунок, гониолимон красивый, солянка хромовая (*Salsola collina*) и лишь изредка встречаются некоторые другие растения.

Вторая зона — холмистая местность, простирающаяся между первой зоной и высокими горами. Растительность этой зоны гораздо богаче. Здесь растут карагана карликовая, шиповник персидский, несколько полыней, пижма кустарниковая, мордовник, несколько лапчаток и васильков, несколько смолевков, репки, в частности колючая (*Orostachys* n. sp. et *O. spinosa*), хризантема, схизонепета однолетняя, аметистея, несколько астрагалов, вьюнок Аммона, несколько ка-

* Если таково различие между растительностью Восточной и Западной Джунгарско-киргизских степей, то, вероятно, что киргизские степи между Ишимом и Каспийским морем питают многие растения, отсутствующие в Джунгарско-киргизских степях. Примечательно, что из многих кустарниковых солянок, присущих каспийской флоре в Джунгарско-киргизской степи не встречается ни одной. Хотя в последней из упомянутых областей растут также некоторые кустарниковые марь, но все солянки там однолетние. Здесь не место проводить дальнейшее сравнение между степями, но, несомненно, можно было бы найти много других различий. (Прим. автора).

чимовых, ледебуриелла жабриневидная, несколько красивых новых жабриц, журавельник Стефана, несколько горькуш, заразиха кроваво-красная, птилотрихум седой, бурачок сибирский, грудница мохнатая, солонечник Гаупта (*Aster fastigiatus*), астра алтайская, гвоздика узколепестная, вероники — белойойлочная и перистоллистная, скабиозы — исетская и желтая, шлемник Сиверса, ревень низкий, ширяш, патриния средняя, валериана клубненосная, гониолимон красивый, некоторые злаки, различные луки, зопник клубненосный, люцерна серповидная, шпорник редкоцветный, зизифора пахучковидная, пижма пижмовидная, два вида тимьяна (*Thymus*), копеечник крупноцветный, носогорник пурпуровый, ястребинка ядовитая, иссоп крупноцветковый, татарник огненный, ноговатка многоцветковая, остролодочник (*Oxytropis* n. sp.), касатик сизолистный, осока приземистая, ономы, кизильник черноплодный, скрипун гибридный и т. д.

Третья зона — высокие горы. Однако только на гранитных горах встречается более своеобразная растительность, растительность же сланцевых, глинистых сланцевых и фельзитовых гор почти полностью соответствует растительности второй зоны.

К четвертой зоне я отношу солончаки. Здесь в основном своеобразные растения: многие красивые и новые мари, некоторые парнолистники, горькуши, франкении, несколько крестоцветных, полыней и т. д.

Пятая зона — более или менее влажные луга и поймы. Растительность здесь всюду весьма однообразна. Несколько горечавок, золототысячник Мейера, несколько мытников, различные новые пепельники, солонечник двухцветковый и грудница татарская, молочай джунгарский (*Euphorbia palustris* β), донники, девясил британский, дербенник прутевидный, эспарцет кормовой, первоцвет мучнистый, занникелия, хара, несколько ясковых (*Lemnae*), череда мелкоцветная, подорожник (*Plantago*), несколько зонтичных, полины — рассеянная, холодная, родственная высокой, несколько новых качимов, козелец мелкоцветный, несколько кулбаб, белозор болотный, мелколепестник едкий, несколько обычных осок и ситников (*Junci*), триостенники —

болотный и приморский, остролодочник голый, астрагал желобчатый, касатик восточный, несколько рдестов, отдельные злаки, герань холмовая и некоторые другие луговые растения встречаются почти повсеместно на лугах и влажных местах.

Шестая зона — песчаная равнина у Иртыша. Здесь также имеются многие своеобразные виды, например верблюдка Палласа, колосняк гигантский, горичник байкальский, марь остистая, ластовень сибирский, мутовчатка маленькая, кохия шерстистоцветная (*Kochia dasyantha*), песчанка златолистная, лапчатка, льнянка прямая, бурачок, родственный сибирскому, астрагал песочный, бессмертник песчаный, козелец австрийский, ноговатка васильковая.

Если предположить, что в северо-западных степях встречается много своеобразной растительности, а это подтверждается и полученными мною данными, то экскурсия на Балхаш должна дать еще много интересных находок. Ехать туда нужно от Семипалатинска почти прямо на юг до 45° с. ш. Путь пролегает по обширным степям, солончакам, холмам, невысоким горам и на некотором расстоянии от высоких гор, покрытых вечными снегами. Дорога идет как по очень сухим, так и по богатым водой местам, и большие пространства занимают наносные пески. При таком разнообразии почв должно быть многообразие растительного мира. Балхаш, который киргизы называют Теплым морем⁸, как известно, больше Нор-Зайсана и лежит гораздо южнее его. Там, утверждают, больше и диких животных. Нередкость там кулан, много фазанов, клушиц (*Corvus graculus*), уток и другой водоплавающей птицы, змей, встречаются водяная и маленькие сухопутные черепахи, которые копают в песке норы. Реки богаты рыбой, большие пространства сплошь покрыты саксаулами, дикими яблонями и дикими вишнями. В некоторых речках близ Тарбагатай есть золото, и прежде там кое-где намывали немного этого благородного металла. Но с тех пор, как при промыске золота произошла ссора между китайским караулом и киргизами, причем несколько монголов было убито, китайские власти строго запретили всякую добычу его. В горах нередко попадаются и горный хрусталь, и

мне довелось видеть в Семипалатинске большой кристалл так называемого дымчатого топаза 10 дюймов длины и около 5 дюймов ширины. Немало там, говорят, руин старинных сооружений, украшенных разными скульптурными произведениями.

Восьмидневное пребывание в Семипалатинске я использовал главным образом для того, чтобы получить как можно более точные сведения о местной торговле, а также о самом городе, об округе и его жителях. Семипа-

латинский округ простирается на востоке до редута Пьяноярского. На юге он ограничивается Иртышом, на севере — горнозаводским округом. Длина его около 500 верст, но ширина сильно разнится; вблизи Ямышева 80 верст, а от Семиярска до Пьяноярска не больше 10 верст.

Состав населения округа, включая крепость Ямышевскую, все редуты и форпосты вплоть до Пьяногорска, по аутентичным источникам, в 1825 г. был следующим:

	Мужские души	Женские души	Всего
Духовенство православного исповедания	15	14	29
Их дети	5	15	20
Магометанское духовенство	8	13	21
Их дети	20	28	48
Гражданские чиновники	62	32	94
Их дети	20	31	57
Военнослужащие различных рангов	1566	297	1863
Их дети, включая воспитанников солдатских школ	482	230	712
Казачи различных рангов	1972	1444	3416
Их дети	1576	1790	5366
Полицейские солдаты	33	27	60
Их дети	36	49	85
Отставные дворяне	2	1	3
Их дети	1	2	3
Неслужащие лица других сословий, не подлежащие налоговому обложению	114	90	204
Их дети	22	99	121
Купцы всех трех гильдий с их детьми	38	30	68
Гости (иноземные купцы)	8	6	14
Горожане и их дети	277	283	560
Прислуга	88	65	153
Калмыки	21	34	55
Кабинетские крестьяне	113	100	213
Свободные хлебопашцы	14	—	14
Инородцы (киргизы)			
Инородцы оседлые	7	10	17
Инородцы кочевники	6980	6915	13895
Инородцы земледельцы	7	8	15
Ссылные	89	52	141
В с е г о	12376	11675	24051
В том числе лица православного вероисповедания и старообрядцы			
лютеранцы	6	1	7
иудеи	8	4	12
магометане	7240	7224	14464
В с е г о	12355	11641	23996
Умершие в 1824 г.			
Русские	252	180	432
Магометане	83	43	126
В с е г о	335	223	558
Умершие в возрасте до 15 лет	205	104	309
Умершие в возрасте 15-16 лет	101	98	199
Умершие в возрасте 50-100 лет	29	21	50
Родившиеся в 1824 г.			
Русские	376	344	720
Магометане	426	568	994
В с е г о	802	912	1714

Заключено браков между русскими — 137, у магометан между 215 мужчинами и 226 женщинами.

Поразительно соотношение умерших русских и магометан. У первых в 1824 году умер один из 22, у последних же только один из 113! Не менее поразительно также, что у магометан в 1824 году якобы родилось значительно больше девочек, нежели мальчиков, хотя число магометан-мужчин почти не превышало число женщин. Едва ли можно сомневаться в том, что в учет вкралось немало ошибок, которые, возможно, вызваны тем, что киргизы подушной податью не облагаются и поэтому сведения о них менее точны.

Кроме гражданских чиновников и военнослужащих, в Семипалатинском округе живут казаки, небольшое число купцов и мещан, крестьяне, немного ссыльных и особенно много киргизов. Последние живут почти все в войлочных юртах. Прочие жители проживают в городе, в двух крепостях, 28 редутах и форпостах и в других деревнях.

Округ не относится к числу самых плодородных, так как почва, особенно в его западной части, совсем не пригодна для земледелия, и жители обзавелись земельными участками на территории соседнего горнозаводского округа. В округе 2454 дес. пахотной земли, 12 622 дес. сенокосных угодий и 8023 дес. неиспользуемых земель, 6323 дес. леса и 7923 дес. занято дорогами. В восточной части жители полностью обеспечивают себя хлебом и часто могут кое-что продать киргизам. В западных же районах большинство жителей покупает зерно у крестьян. Хлебопашеством занимаются почти исключительно русские, а немногие, сеющие хлеб, киргизы вряд ли стоят упоминания. Скотоводство здесь довольно развито, и занимаются им в основном киргизы. В 1825 г. в округе насчитывалось 12 387 лошадей, 11 964 коровы, 5629 овец, 286 коз, 492 свиньи и 97 верблюдов.

Во всем округе всего три кожевенных завода, где дубят юфть и кожу для подошвы, а также готовят овчину. Кроме этого, в округе нет ни мануфактур, ни фабрик. На Иртыше в счет царской казны строят плоскодонные барки для перевозки соли к

соляному складу Чваш и особенно известны в Омск. На эти суда нагружают по 25 000—27 000 пудов. Производится также заготовка строительного леса и теса, которые сплавляются от лесопилки в Озерках до Омска.

Рыболовство незначительно, и рыбачат частью в двух озерах, находящихся в 20 верстах от редута Белокаменного, частью в Иртыше, где ловят осетров, стерлядей, шук, нельму, язей, чебаков, окуней, ершей и налимов.

Охотой почти не занимаются. Ловят и стреляют лисиц, волков, зайцев и белок. Но в округе водятся кабаны, гуси, утки и другие водяные птицы, тетерева, куропатки, крупные и мелкие дрофы и т. д.

В пределах округа находятся также оба соленых озера — Коряковское и Ямышевское, откуда снабжается значительная часть Западной и особенно Северо-Западной Сибири. Известняковый карьер у редута Известкового ежегодно дает 70 000 пудов извести и является главным поставщиком округа. Светлый гипс добывают на берегу Иртыша, близ редута Подпускного.

Торговля в округе немалая и сосредоточена в основном в Семипалатинске. По официальным данным, полученным мною от управляющего таможеней г-на Даниловича, стоимость подлежащих пошлине ввозимых и вывозимых товаров равняется в среднем одному миллиону рублей. Но в эту сумму не входит стоимость тех товаров, которые остаются на левом берегу Иртыша и продаются там киргизами или отвозятся дальше, так что торговый оборот Семипалатинска должен оцениваться гораздо выше. Несколько лет назад торговля была якобы более активной, но в связи с развивающейся торговлей в Петропавловске стала затухать. Приходится сожалеть, что местная торговля развивается не в полном объеме, ограничиваясь в основном грубыми недорогими товарами. Одно из препятствий к расширению торговли заключено в большой отдаленности от Европейской России, ибо перевозка товаров очень дорога. Торговля с границей идет через русских и российских татар, а частью через иностранных азиатов, преимущественно ташкентцев. Торговля с такими отдален-

ными местностями, как Кашкар, Ташкент, Кашемир, Кульджи, находится в руках этих азиатов, которые проживают в Семипалатинске, но ездят на главные российские ярмарки. Они освобождены от всех налогов и пользуются правами купцов первой и второй гильдий. Семипалатинские киргизы торгуют с Китаем, Ташкентом, Коканом, а иногда также с Кашемиром.

У киргизов выменивают рогатый скот, овец, лошадей, овчины, мерлушки, всевозможную пушнину, меха волка, лисицы, корсака, караганки, куницы и т. д. и кроме того, кошмы и войлочные покрывала, нежный козий пух, верблюжью шерсть и разные мелочи. Взамен киргизы получают кожу и юфть, табак, разные металлические изделия, бахру (грубый русский печатный ситец), грубый ситец и нанку (особенно черную, синюю, фиолетовую, зеленую и полосатую), манчестер, бархат и другие ткани, драп, зеркала, ящики, некоторые аптекарские и прочие товары, а также довольно много зерна. Иногда возвращающиеся из Китая караваны сбывают киргизам часть китайских товаров. Торговля с этим народом очень прибыльна и ведется обычно таким образом: Семипалатинские торговые дома посылают весной к киргизам с товарами своих приказчиков (большей частью российских татар), которые объезжают киргизов и выменивают у них разные товары. Реже сами киргизы привозят свои товары в Семипалатинск. Чаше всего они приезжают сюда осенью, а также зимой, чтобы выменять хлеб. Местные купцы торгуют почти исключительно со Средней Ордой, реже с дикими киргизами Большой Орды.

Торговля с китайцами ведется только в городах Чугучак, Кульджи и Кашкар. Туда доставляют главным образом скот, особенно овец. Кроме того, продают красные кожи, юфть, металлические изделия, прежде всего чугуны, бобровые меха, а также небольшое количество сукна и прочую мелочь. Из Китая же вывозятся преимущественно даба и бязь (хлопчатобумажная узкая довольно грубая материя) белого, голубого и красного цвета, канфа (китайский атлас), канча (шелковая цветастая материя), чай и кирпичный чай, чистое серебро

в китайских ембах (отлитые и заштемпелеванные слитки серебра*), немного фарфора, табак и мелочи. В местной торговле с Китаем много своеобразного. Русские товары принимают туда лишь под видом киргизских, и поэтому все русские караваны прибывают под названием киргизских. Один из могущественных киргизских султанов заручился письмом к начальнику одного из вышеназванных городов, в котором того просили допустить караваны, принадлежащие султану. Письмо это сопровождалось более или менее крупными дарами.

Собственно торговлей с Китаем в этих местах занимается только казна, от имени которой в основном покупается скот и оплачивается из казенных складов главным образом некрашенными дабой и бязью. Меновая торговля с жителями состоит лишь в том случае, если вожак каравана вручит китайскому начальнику и прочему китайскому начальству определенную взятку. Торговать с населением им гораздо выгоднее. Купцы отдают красить немалую долю полученной дабы и бязи, за что красильщики получают часть этой материи.

В Чугучак легче попасть, чем в Кульджу, куда иногда совсем не допускаются караваны, но там торговля гораздо прибыльнее и более распространена, чем в Чугучаке. Впрочем, дорога из Семипалатинска в Чугучак довольно удобная, хорошо укатанная, длина ее, как утверждают, немногим более 500 верст. Этот город невелик, обнесен стеной и состоит из 600 с небольшим домов. В Кульджу проехать труднее, и товары доставляются туда в основном на верблюдах. Этот город большой, окружен каменной в три сажени высотой стеной, в нем узкие кривые улицы, около 10 000 маленьких избушек и несколько красивых храмов. Сюда со всех сторон стекаются купцы, и здесь происходит оживленная торговля. Торговля в Кашгаре такая же, как и в Ташкенте.

* Серебра из Китая обычно вывозится немного, так как торговля товарами выгоднее купцу, но иногда бывают исключения. Например, в 1826 г. и в начале 1827 г. русские купцы получили много серебра, так как из-за возникших беспорядков в тех торговых местах оказался недостаток товаров, и после предписания из Барнаула семипалатинские купцы продали на ярмарке в Нижнем Новгороде в 1827 г. около 600 пудов китайской серебряной ембы. (Прим. автора).

те. Оттуда вывозят, кроме дабы и бязи, главным образом шелк, шелковые и хлопчатобумажные халаты, чай и некоторые сушеные фрукты.

Торговля с Ташкентом и Коканом тоже не незначительна, но она менее важна, чем торговля с Китаем. Дорога из-за большого расстояния гораздо труднее и одолеть ее можно только на верблюдах. Проезжая через обширные безводные пустыни, караваны часто подвергаются нападению киргизов. Ехать приходится самое малое 1500 верст. Везут туда юфть, сафьян и другие виды кожаных изделий, а также некоторые металлические изделия, красители, квасцы, сукна и т. д. Ввозят оттуда дабу, логи, платки, хлопчатобумажную пряжу, шелковые халаты, различные шелковые, полушелковые и хлопчатобумажные ткани и т. д., а также сушеные фрукты, например изюм, кишмиш (вид мелкого изюма без зернышек), урюк (очень вкусные, необычайно сладкие абрикосы), меньше ввозят яблок, слив, миндаля, фисташков, довольно много риса и т. п.

Торговля с Кашемиром менее значительна, чем это, вероятно, возможно. Вывозят оттуда главным образом дорогие хлопчатобумажные платки, шали и тому подобные вещи, которые оплачиваются в основном ташкентскими, коканскими, бухарскими дукатами, так как дорога слишком дорога и небезопасна, чтобы ввозить туда товары. Эти золотые монеты здесь очень ценятся и обмениваются по стоимости не ниже 15—16 рублей.

Торговля в этом году была менее оживленной, чем прежде, из-за волнений, которые происходили на северо-западе Китая, в связи с чем доступ в Кульджи был почти закрыт. Лет примерно 75 тому назад китайцы захватили здесь немалую территорию с магометанским населением и городами Яркенд, Ашем, Кунатурпан, Турпан, Хотан и Кашгар. В прошлом году восстал потомок прежних властителей этой страны Хоттим (Хотан?) Би, который собрал войско, состоящее преимущественно из ташкентцев, кокандцев, киргизов, черных, или диких, киргизов и некоторых бухарцев. Китайцы не могли противостоять этому войску, всюду были разбиты, и Хоттим-Би овладел несколькими городами. Несколько

недель назад ему снова удалось разбить большую армию китайцев. Известие об этой произвело в Кульджи и в Чугучаке сенсацию. В Кульджи не пустили несколько русских караванов, а торговля в Чугучаке совсем упала отчасти потому, что все были заняты военными приготовлениями, отчасти же потому, что в городе товаров для обмена было явно недостаточно, а большой транспорт с дабой и бязью, находившейся в пути из внутренних провинций Китая, должен был остановиться, так как всех лошадей изъяли на нужды вновь организованной армии. Лошадей ошутимо не хватало, и начальству в Чугучаке было поручено скупить еще 20 000 лошадей, причем за основу брались не возраст и качество лошади, а ее стоимость, которая не могла превышать 4—5 штук дабы (приблизительно 16—20 руб.). Многие местные купцы, закупаая лошадей и отправляя их в Чугучак, рассчитывали выгадать себе на каждой по штуке дабы. Все с нетерпением ожидали сведений с театра военных действий*.

Крепость Семипалатинск была основана только после 1772 г.⁶ Она расположена на 15 верст восточнее старой крепости, которая в настоящее время лишь редут. Эта новая крепость заложена на высоком правом берегу Иртыша. В нескольких шагах от нее находятся едва приметные фундаменты трех старинных сооружений и приблизительно в одной с четвертью версте дальше на запад видны тоже еле заметные следы четырех других палат. Крепость небольшая, обведена каменными валами, сильно разрушенными с южной стороны, и сухим рвом. В ней построены красивая каменная церковь, жилые дома для комендантов и другого военного персонала, казармы для солдат, гауптвахта и несколько других зданий. Штатских в крепости всего несколько человек. Западнее находится казачий редут, окруженный рогатками.

Город расположен к востоку от крепости приблизительно в полувер-

* Хотя Хоттим-Би со своим отрядом и показали себя, однако им в конце концов пришлось подчиниться превосходящим силам противника и, судя по письменным свидетельствам, Кашгар снова был отвоеван, а Хоттим-Би взят в плен. (Прим. автора).

сте от нее. Он довольно большой, в нем стоят деревянные, в большинстве случаев маленькие и невзрачные, дома, четыре деревянные мечети, деревянный же гостиный двор, очень обветшавшее здание таможни, а на северной окраине множество киргизских юрт. В восточной части города в Иртыш впадает маленькая речушка Семипалатинка. Город населяют русские, татары, несколько ташкентцев, несколько немцев и евреев и довольно много киргизов. Чуждый европейскому глазу покроя одежды многочисленных татар, женщины с закрытыми паранджой лицами, стройные минареты, с которых часто раздается заунывный призыв к молитве — все это придает городу восточный вид. В остальном город не представляет собой ничего достопримечательного, и упоминания заслуживают лишь два красивых мраморных надгробия, сделанные в Москве, которые могли бы украсить любой церковный двор. Глубокий песок делает ходьбу неприятной и крайне затруднительной. Небольшие огороды можно разбить лишь на берегах Иртыша, и в них не разводится почти ничего, кроме некоторых овощей. Арбузы обычно вызревают, дыни же только при тщательном уходе, хотя лето здесь всегда угнетающе знойное. Зимой часто случаются сильные морозы, достигающие временами — 30° R. Но они стоят недолго. Среди жителей Семипалатинского округа (а также Усть-Каменогорского) самую многочисленную группу (после киргизов) составляют казаки, поэтому я считаю нелишним сказать несколько слов и о них.

Местные казаки происходят от уральских (прежних «яицких») казаков. Они в большинстве случаев крепкого сложения, у них зачастую приятные и правильные черты лица, часть их с голубыми глазами и белокурыми волосами, часть с карими глазами и русыми волосами, а черноволосые встречаются редко. У них ясные головы и большая сметливость. Они храбры на войне, стойко переносят все ее тяготы и считают себя непобедимыми. В быту они очень чистоплотны и опрятны. Единственный недостаток, в котором их можно упрекнуть, это лень да еще, пожалуй, склонность к пьянству.

Все форпосты и редуты прииртышской линии заселены этими казаками, образующими ядро местного войска, в которое, кроме того, входит батальон пехоты в каждой крепости и артиллерия. Вооружение казака состоит из карабина, пары pistols, сабли и пика. Все они носят одинаковую форму и составляют хорошую конницу. Они свободны от податей, но все военнообязанные. Здоровые, сильные казаки образуют служебный корпус. Им поручена охрана границ, и из них же комплектуют отряды, которые посылают через границу. Если они уже не способны к службе, то поступают в резерв, где несут внутреннюю службу в качестве, например, ездовых, которые ездят с административными поручениями, занимаются перевозками и т. п. Когда же они становятся не в состоянии нести и эту службу, их увольняют и освобождают от всех служебных обязанностей. На смену им приходят на военную службу молодые казаки-кантилисты. Казачья служба нетрудна, а, так как этот счастливый край наслаждается полным покоем, команды собираются редко. Служилые казаки ежегодно на шесть недель собираются в лагерь, где совершенствуются во владении оружием. Остальное время года они совершенно свободны, если только не случится какого-нибудь чрезвычайного происшествия. Казаки, пострадавшие от какого-либо несчастного случая (например, от пожара и т. п.), на более или менее длительный срок освобождаются от военной службы. Все казаки, которые определены на службу, получают жалованье, оружие и аммуницию, одну боевую лошадь* и фуражные деньги на ее содержание. Если они увольняются, то получают свое жалованье как пенсию.

В каждом редуте командует пятидесятник, у которого находятся в подчинении несколько урядников. Несколько редутов вместе составляют эскадрон, которым командует сотник (чин после прапорщика). Ряд редутов, взятых в целом, формируется в полк под командованием есаула (чин

* При этом предпочтение отдается такой лошади, которая сдана как ясак из киргизских табунов, потому что она лучше выносит трудности переходов и менее подвержена сибирской язве. (Прим. автора).

после ротмистра). Наконец, три полка составляют бригаду, находящуюся под командованием бригадного командира. Во главе же всего казачьего корпуса стоят гетман и войсковая канцелярия, резиденция которых находится в Омске. Ни полки, ни эскадроны не имеют определенного состава, так как это всецело зависит от числа мужчин в редутах, и если оно возрастает, то увеличивается и численный состав полка. Любый казак из рядовых может подняться до командира полка и даже выше, поэтому нередко среди командиров встречаются люди грубые, необразованные (хотя этого нельзя сказать обо всех, ибо я знаю многих образованных и благовоспитанных казачьих офицеров), но все они, почти без исключения, вполне соответствуют своему месту. Во многих редутах построены школы, где дети казаков обучаются чтению, письму и счету. Наиболее способные ученики направляются в Омск, где они изучают черчение, основы математики, историю и географию, затем те из этих учеников, кто выказал талант обучать других, становятся учителями и их уже не берут на военную службу. Одновременно их обучают почти всем ремеслам, и это тем более похвально, что здесь ощущается большой недостаток в ремесленниках*.

Каждый редут пользуется выделенным земельным участком как общественным достоянием. Любый казак обрабатывает столько земли, сколько хочет и может, затем бросает истощенный земельный участок и распахивает новый там, где ему удобнее, но при условии, что участок ни за кем не числится. Таким же образом используются общественные пастбища, и скот пасется в стадах под присмотром нескольких человек, для чего казаки охотно нанимают киргизов. Перед сенокосом казаки распределяют между собой луга, и каждый косит сам, когда есть время и возможность.

* Таким же образом строится преподавание в местных солдатских школах, в которых дают необходимые школьные знания. В Семипалатинске мне довелось видеть немало рисунков местных солдатских детей, главным образом чертежи зданий и планы местности, а также несколько ландшафтов и портретов. Многие из этих рисунков были чрезвычайно чисто и хорошо выполнены. (Прим. автора).

Поскольку служба занимает у казака в общем немного времени, и начальство во время посева и жатвы по возможности облегчает им службу, то казакам не составляло бы труда выращивать гораздо больший урожай, и если бы не их леность, они бы получали куда больше, чем им надо на год. Кроме единоличных полей, жители каждого редута с некоторых пор обязаны сообща обрабатывать определенное сходом число десятин общественной земли, жать хлеб и обмолачивать зерно. Это зерно идет в пользу, причем бесплатно, тех казаков, которые не в состоянии сами посеять и обработать достаточное количество зерна. Это заведение очень не нравится казакам, так как им приходится дополнительно работать. Возможно, не лишено оснований и то мнение, что при таких порядках многие приучаются к нерадивости, не всегда, видимо, правильно распределяется зерно, хотя и можно пожелать, конечно, чтобы это правило осталось в силе. В остальном хлебопашество у казаков ничем не отличается от такового в окрестностях Семипалатинска.

Скотоводство также могло бы быть более развитым. Но все же редко найдешь казака, который, кроме казенного коня, не имел бы еще две-три лошади. Вдобавок они держат по нескольку коров и овец. До начала зимы скот пасется на воле. Во время сильных морозов его укрывают в хлевах, а весной пораньше снова выгоняют на пастбище. Во многих местах снега выпадает так мало, что скот в течение почти всей зимы может быть на подножном корму. Пчеловодство у казаков на востоке развито незначительно, а на западе оно совершенно отсутствует. О рыболовстве, которое не является сколько-нибудь важной отраслью хозяйства, я уже обстоятельно рассказывал выше.

Охотой занимаются лишь немногие, отчасти потому, что для этого редко предоставляется возможность. Близ Бухтарминска охотятся главным образом на косуль, на западе — на антилоп.

Огородничество очень незначительно и ограничено почти исключительно возделыванием самых обычных огородных растений. На западе сажают также немного арбузов и дынь; говорят, что арбузы особенно хорошо по-

спевают близ Семиярска. Местами также разводят туполистный табак.

С киргизами казаки ведут мелочную торговлю, которая в общем незначительна.

Вообще казаки живут в достатке; бедствуют лишь те, кто слишком ленился или пьянствует. Многие казаки, в том числе рядовые, живут зажиточно, в чисто убранных избах, одеваются опрятно и едят хорошую, здоровую пищу (если не считать полупротухшую рыбу). И мне и моим людям к столу подавали везде вкусную, аккуратно приготовленную пищу и превосходный хлеб, который едва ли бывает лучше у зажиточных крестьян многих других краев. При этом не только нигде не требовали плату за питание, но почти всегда отказывались от нее, когда я ее предлагал. В Красных Ярках я несколько дней жил у одного казака, выслев тем самым всю его семью из главной горницы и причинив им, несомненно, много неудобств; однако ни хозяин, ни хозяйка не согласились принять плату. Я привожу здесь такие факты для того, чтобы показать, что и в этой части России, как и повсюду, простой народ радушен и гостеприимен.

6 октября я покинул Семипалатинск, а 7-го прибыл в Пьяноярск. Оттуда я отправил в Барнаул большую часть своего багажа, а сам поспешил в Усть-Каменогорск, где мне нужно было устроить всякие мелкие дела. 10-го вечером я снова был в Пьяногорске, а затем поехал в д. Красный Яр. Местность между этими селениями представляет собой сухую холмистую степь, совершенно похожую на ту, которая простирается между Барабинской и Пьяногорском.

Деревня Красный Яр стоит на правом берегу реки Убы. Она невелика, довольно плохо построена, и жители ее выглядят менее зажиточными, чем в Лосихе, Секисовке и Бобровке. Почва близ деревни местами слегка засолена.

Дорога от этой деревни до селения Шемонаиха идет по сухой, холмистой степи. За деревней начался пологий подъем до хребта Спасской сопки, откуда открывался восхитительный вид на высокие горные массивы на востоке, которые теперь были наполовину покрыты снегом.

Вечером я был уже в Змеиногорске, а 15 октября поздно вечером по уже знакомой дороге благополучно возвратился в Барнаул.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ОПИСАНИЕ НАИБОЛЕЕ КРУПНЫХ ИЗДЕЛИЙ, ИЗГОТОВЛЕННЫХ НА КОЛЫВАНСКОЙ ШЛИФОВАЛЬНОЙ ФАБРИКЕ С 1799 ПО 1826 Г. И ДОСТАВЛЕННЫХ ОТТУДА В С.-ПЕТЕРБУРГ

В 1799 г.

2 вазы из фиолетового порфира из Коргонской каменоломни, высотой 2 фута, диаметром $11\frac{1}{2}$ дюйма.

4 колонны из красного порфира, отсюда же, высотой в 6 футов $7\frac{1}{2}$ дюйма, диаметр ствола колонны — 11 дюймов.

2 столешницы из красного порфира, длиной 2 фута $9\frac{1}{2}$ дюйма, шириной 1 фут $5\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1800 г.

Античный храм, как настольное украшение или что-то в этом роде, из порфира, агата, яшмы, лазурного камня и брекчии, высотой 1 фут и 2 дюйма, шириной $10\frac{1}{2}$ дюйма.

2 вазы из яшмы кофейно-огнистого цвета, высотой 1 фут 2 дюйма, в поперечнике — $7\frac{3}{4}$ дюйма.

4 колонны из красного порфира из Коргона, высотой 6 футов $7\frac{1}{2}$ дюйма, поперечник ствола — 11 дюймов.

В 1802 г.

2 вазы из красного агата, высотой 1 фут 2 дюйма, в поперечнике — $9\frac{1}{2}$ дюйма.

2 вазы из зелено-огнистой яшмы, высотой 1 фут 2 дюйма, в поперечнике — $7\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1803 г.

2 фазы с четырехсторонним пьедесталом из копеейчатой яшмы*, высотой 4 фута $10\frac{1}{8}$ дюйма, в поперечнике — $8\frac{1}{2}$ дюйма.

2 фазы из сине-фиолетовой яшмы, высотой 1 фут $11\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — $7\frac{1}{4}$ дюйма.

2 вазы из красноватого агата, высотой 1 фут $10\frac{1}{4}$ дюйма, в поперечнике — $6\frac{7}{8}$ дюйма.

2 вазы из фиолетового порфира, высотой 3 фута $2\frac{1}{2}$ дюйма, в диаметре — 1 фут 8 дюймов.

Чаша из зеленой брекчии с розовыми пятнами; к ней пьедестал из красного порфира с цоколем из серого порфира, в поперечнике — 2 фута $4\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1804 г.

2 вазы из копеейчатой яшмы, высотой 2 фута $2\frac{1}{4}$ дюйма, в поперечнике $8\frac{3}{4}$ дюйма.

2 круглых пьедестала к этим вазам из зеленой брекчии с розовыми пятнами, высотой 5 футов $10\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — 1 фут $4\frac{1}{2}$ дюйма.

* Так называют здесь темно-серую яшму с круглыми белыми пятнами, в середине которых также есть темно-серые пятна. (Прим. автора).

1 четырехугольный пьедестал из зеленой брекчии с розовыми пятнами, высотой 2 фута $10\frac{1}{2}$ дюйма, в квадрате — 1 фут $4\frac{3}{4}$ дюйма.

2 вазы из копеейчатой яшмы, высотой 2 фута 4 дюйма, в диаметре — 1 фут $3\frac{1}{2}$ дюйма.

Круглая чаша с ножкой и пьедесталом из брекчии с розовыми пятнами, из Риддерска, с выделанной на нем гирляндой из листьев и плодов, высотой 4 фута 1 дюйм, в поперечнике — 3 фута $3\frac{1}{2}$ дюйма.

2 шестиугольных канделябра из брекчии, из Риддерска, высотой 7 футов 11 дюймов.

В 1805 г.

2 шестигранных канделябра из коргонской серо-фиолетовой яшмы, высотой 7 футов 11 дюймов.

Овальная чаша с пьедесталом из коргонской серо-фиолетовой яшмы, высотой 4 фута 4 дюйма, в поперечнике — 4 фута 4 дюйма.

2 круглых канделябра из коргонской серо-фиолетовой яшмы, высотой 7 футов $6\frac{3}{4}$ дюйма, в поперечнике — 1 фут 1 дюйм.

В 1806 г.

Круглая ваза из зеленой риддерской брекчии с розовыми пятнами; к ней пьедестал из такой же брекчии, высота $9\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — 3 фута $6\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1807 г.

2 колонны с капителями и основаниями из коргонской фиолетовой яшмы, высотой 13 футов $7\frac{3}{4}$ дюйма.

2 канделябра из коргонской фиолетовой яшмы, высотой 6 футов $6\frac{3}{4}$ дюйма, в поперечнике — 1 фут 2 дюйма.

Четырехугольная чаша с ножкой и постаментом из коргонской серо-фиолетовой яшмы, окруженной гирляндой из листьев, сделанной ep relief, высотой 3 фута 11 дюймов, в квадрате — 3 фута $3\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1809 г.

Четырехугольная чаша из серо-фиолетовой яшмы с рельефной гирляндой листьев, копия четырехугольной чаши, изготовленной в 1907 г., такой же величины, как и первая.

Круглая ваза из белорецкого розового агата, высотой 3 фута 7 дюймов, в поперечнике — 1 фут 11 дюймов.

Две круглые чаши из зеленовато-огнистой яшмы с Ревенной* сопки, высотой 3 фута $8\frac{3}{4}$ дюйма, в поперечнике 1 фут и $8\frac{1}{4}$ дюйма.

Ваза из коргонской серо-фиолетовой яшмы, высотой 4 фута 10 дюймов, в поперечнике — 2 фута 9 дюймов.

2 ожерелья из розового агата и 2 — другого цвета, сделанные для принцессы Амалии Баденской.

3 дароохранительницы*, изготовленные из яшмы, агата и порфира, высотой 1 фут $7\frac{3}{4}$ дюйма, в квадрате — $9\frac{3}{4}$ дюйма.

В 1811 г.

Круглая чаша со сделанной en relief гирляндой из плодов и листьев, с ножками античной формы на постаменте из серо-фиолетовой яшмы, высотой 4 фута $2\frac{3}{4}$ дюйма, в поперечнике — 6 футов $1\frac{1}{4}$ дюйма.

2 вазы из гранита с зернами кварца и шерля из окрестности Нерчинска, высотой 1 фут $4\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — $7\frac{1}{2}$ дюйма.

Круглая чаша античной формы с тремя ножками, на постаменте из зелено-огнистой яшмы с Ревенной сопки, высотой 4 фута $2\frac{3}{4}$ дюйма, в поперечнике — 6 футов 7 дюймов.

В 1813 г.

Чаша на одной ножке, покоящаяся на постаменте из зелено-огнистой яшмы с Ревенной сопки, украшенная рельефной резьбой плодов и листьев, высотой 3 фута $1\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — 3 фута $2\frac{3}{4}$ дюйма.

Продолговато-четырёхугольная чаша на трех ножках, из зеленовато-огнистой яшмы, высотой 2 фута $4\frac{1}{2}$ дюйма, длиной 6 футов $3\frac{1}{2}$ дюйма, шириной 2 фута $11\frac{1}{4}$ дюйма.

В 1814 г.

2 колонны из коргонской серо-фиолетовой яшмы без оснований и капителей, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1816 г.

Овальная чаша с пьедесталом из зелено-огнистой яшмы с Ревенной сопки, высотой 4 фута $4\frac{1}{2}$ дюйма, длиной 4 фута $4\frac{1}{2}$ дюйма.

2 колонны из коргонской серо-фиолетовой яшмы без оснований и капителей, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1817 г.

Ваза на пьедестале с одной ножкой и постаментом из зелено-огнистой яшмы с Ревенной сопки, окруженная изображением en relief, высотой 4 фута, в квадрате — 3 фута $3\frac{1}{2}$ дюйма.

2 колонны из серо-фиолетовой яшмы без оснований и капителей, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1819 г.

2 столешницы из зелено-огнистой яшмы, длиной 3 фута $6\frac{1}{2}$ дюйма, шириной 1 фут $9\frac{3}{8}$ дюйма.

2 столешницы из серо-фиолетовой яшмы, длиной 3 фута $3\frac{1}{4}$ дюйма, шириной 1 фут $7\frac{3}{4}$ дюйма.

Чаша эллиптической формы на ножке и постаменте из волнистой зеленой яшмы с Ревенной сопки, с гирляндами из плодов и листьев рельефной работы, с наибольшим диаметром 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма, рельеф — 4 фута 7 дюймов*.

* Этот церковный сосуд служит для хранения освященного хлеба, предназначенного для причащения умирающих или тяжело больных. (Прим. автора).

* Яшмовая глыба была доставлена на шлифовальную фабрику за 35 верст, и 400 рабочих транспортировали ее в Колывань в течение восьми дней. Весила она около 700 пудов. Обработка изготовленной из нее вазы до завершения продолжалась 3 года — с 1816 по 1819 г. В следующем году ваза была доставлена в

В 1820 г.

Оправа для камина из зелено-огнистой яшмы, высотой 2 фута $11\frac{5}{8}$ дюйма, шириной 6 футов $10\frac{3}{4}$ дюйма.

Вторая оправа камина из зелено-огнистой яшмы, высотой 3 фута $9\frac{1}{4}$ дюйма, шириной 6 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1822 г.

2 колонны из зелено-огнистой яшмы с Ревенной сопки без оснований и капителей, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

2 столешницы из коргонской серо-фиолетовой яшмы, длиной 4 фута, 10 дюймов, шириной 2 фута $10\frac{1}{2}$ дюйма.

Пьедестал из красного коргонского порфира, высотой 1 фут $4\frac{1}{4}$ дюйма, в квадрате — $5\frac{3}{4}$ дюйма.

Пьедестал из серо-фиолетовой яшмы, высотой 3 фута $4\frac{3}{4}$ дюйма, в квадрате — $10\frac{3}{4}$ дюйма.

В 1823 г.

325 отшлифованных плит различных цветов и рисунков, из алтайских каменоломен, для облицовки комода; к нему же маленькая ваза из копейчатой яшмы.

2 колонны из зелено-огнистой яшмы без оснований и капителей, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

Восьмигранные пьедесталы из красного порфира, высотой 1 фут, шириной $8\frac{1}{2}$ дюйма.

Четырехгранный пьедестал, высотой 2 фута 10 дюймов, в квадрате — 1 фут $3\frac{1}{2}$ дюйма.

В 1824 г.

2 колонны из зелено-огнистой яшмы, высотой 9 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

5 цоколей к 3 пьедесталам, 2 из серо-фиолетовой яшмы, 1 фут $3\frac{3}{4}$ дюйма в квадрате, и 3 — из красного порфира, от 8 дюймов до 1 фута $7\frac{1}{2}$ дюйма в квадрате.

Пьедестал из красного порфира, высотой 2 фута $6\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — 1 фут $7\frac{1}{2}$ дюйма.

Пьедестал из красного порфира, высотой 3 фута $9\frac{1}{2}$ дюйма, в квадрате — 1 фут $7\frac{7}{8}$ дюйма.

2 вазы из брекчи из окрестностей Нерчинска, одна высотой 2 фута $7\frac{1}{4}$ дюйма и в поперечнике — 1 фут 2 дюйма, вторая — 1 фут 7 дюймов в поперечнике.

В 1825 г.

2 канделябра из серо-фиолетовой яшмы, собранные из 11 деталей, высотой 9 футов 6 дюймов.

Оправа для камина из зелено-огнистой яшмы с Ревенной сопки, высотой 2 фута $11\frac{5}{8}$ дюйма, шириной 6 футов $10\frac{3}{4}$ дюйма.

Оправа для камина из зелено-огнистой яшмы, высотой 3 фута $9\frac{1}{4}$ дюйма, шириной 6 футов $4\frac{1}{2}$ дюйма.

Пьедестал из зелено-огнистой яшмы, высотой 3 фута $5\frac{1}{4}$ дюйма, в квадрате — 2 фута $3\frac{1}{4}$ дюйма.

2 маленькие чаши с ножками и пьедесталами из серо-фиолетовой яшмы, высотой $8\frac{1}{2}$ дюйма, в поперечнике — $8\frac{3}{4}$ дюйма. 2 такие же чаши из копейчатой яшмы.

Дароохранительница из светло-желтой и серо-фиолетовой яшмы и розового агата, высотой 1 фут $10\frac{3}{4}$ дюйма, длиной 1 фут 11 дюймов, для дворянской церкви Его Императорского Высочества великого князя Михаила Павловича.

С.-Петербург, где, богато отделанная бронзой, поставлена в Эрмитаж. (Прим. автора).

2. СВЕДЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ ЖИТЕЛЕЙ И О СУЩЕСТВУЮЩЕМ УСТРОЙСТВЕ ЗАВОДАМ

№ п/п	Волость	Число ревизских душ		Села	Деревни	Дома	Церкви		Мельницы различного устройства	Кузницы	Почтовые станции	Число лошадей при них	На их содержание отпущено в 1825 г., руб.
		мужских	женских				каменные	деревянные					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Барнаульский округ													
1	Белоярская	2 106	2 098	1	32	670	—	1	38	55	4	26	3 355
2	Тальменская	2 116	2 191	1	32	845	—	1	44	56	2	16	2 160
3	Чумышская	2 129	2 176	—	53	683	—	—	65	53	—	—	—
4	Боровлянская	3 001	2 232	—	52	1 043	—	—	165	71	2	16	2 140
5	Малышевская	1 864	1 669	1	17	652	—	1	21	21	—	—	—
6	Кулундинская	3 168	3 200	—	28	1 091	—	—	54	19	—	—	—
7	Нижне-Кулундинская	2 048	2 037	—	27	713	—	—	62	38	—	—	—
8	Касмалинская	2 087	2 519	—	36	747	—	—	78	50	—	—	—
9	Шадринская	2 290	2 183	1	30	787	—	1	9	24	2	12	1 560
10	Верх-Чумышская.....	2 012	2 029	—	38	705	—	—	70	41	3	12	1 400
[Итого]		22 821	22 334	4	345	7 936	—	4	606	428	13	82	10 615
Томский округ													
1	Ояшинская	2 073	2 244	3	34	709	—	3	26	4	6	84	13 966
2	Тутальская	1 777	1 845	3	51	636	—	2	75	10	3	28	4 690
3	Пачинская	1 031	986	—	23	390	—	1	81	8	—	—	—
[Итого]		4 881	5 075	6	109	1735	—	6	182	22	9	112	18 656
Колыванский округ													
1	Чаузская	2 270	2 350	1	24	715	1	1	30	7	3	26	7 704
2	Кайлинская	2 372	2 337	1	47	976	—	1	137	26	5	30	2 940
3	Кривошековская	2 887	3 232	2	36	898	—	2	7	6	2	12	1 485
4	Бердская	2 545	2 623	1	27	863	1	—	63	12	1	6	825
5	Ордынская	3 362	3 573	1	43	1 130	—	1	81	34	—	—	—
6	Бурлинская	2 179	2 204	—	24	762	—	—	68	33	—	—	—
7	Чингинская	2 536	2 589	1	34	903	1	—	60	20	—	—	—
8	Легостаевская	2 427	2 623	1	27	727	1	—	80	11	3	20	2 795
9	Карасукская	2 161	2 220	—	38	689	—	—	64	25	—	—	—
Итого		22 739	23 751	8	300	7 663	4	5	590	174	14	94	15 749
Чарышский округ													
1	Чарышская	2 363	2 656	1	30	814	—	1	28	31	1	6	780
2	Барнаульская	2 481	2 494	1	39	880	—	1	25	35	3	18	2 385
3	Енисейская	1 222	1 269	1	15	388	—	1	38	22	—	—	—
4	Бийская	1 959	2 040	1	30	643	—	—	49	50	4	16	1 796
5	Алтайская	1 736	1 706	—	21	593	—	—	47	39	—	—	—
6	Колыванская	2 387	2 339	—	25	814	—	—	31	34	3	18	2 580
7	Убинская	2 200	2 277	1	11	722	—	—	98	14	3	18	3 120
8	Крутоберезовская . . .	2 243	2 327	—	10	797	—	—	34	10	—	—	—
9	Бухтарминская	771	831	—	10	285	—	—	33	8	—	—	—
Итого		17 362	17 939	5	191	5 936	—	3	383	243	14	76	10 661

**ПОСЕЛЕНИЙ, ПРИПИСАННЫХ К КОЛЫВАНСКИМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИМ
[НА 1825 г.]**

Число станий в сторо- не от почтовых трактов	Число содержащихся там лошадей	На их содержание от- пущено в 1825 г., руб.	Склады запасов						Недостает до полной годичной нормы 3 четверти озимого и 3 чет- верти ярового зерна				Число кабаков
			в том числе для зерна										
			озимого			ярового			озимого		ярового		
			число	четвертей	четвериков и гарнцев	четвертей	четвериков и гарнцев	четвертей	четвериков и гарнцев	четвертей	четвериков и гарнцев		
15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27	
Барнаульский округ													
8	40	8 054	22	3 686	4ч.	378	4ч. 5,5г	2 631	4ч	411	1ч. 2,5г	3	
2	18	3 400	23	4 773	2ч. 3г.	360	4ч. 2,5г.	1 574	5ч. 5г.	432	7ч. 5,5г.	2	
2	10	1 650	13	3 317	7ч. 5,5г.	342	1ч. 5г.	3 068	2,5г.	456	1ч. 3г.	1	
2	18	3 600	23	5 784	1ч. 3г.	536	2ч. 7г.	3 218	6ч. 5г.	589	1г.	2	
3	14	2 765	13	4 534	1г.	345	2ч. 1,5г.	1 057	7ч. 7г.	353	5ч. 6,5г.	2	
8	22	4 027	14	5 338	7ч. 5г.	344	1г.	4 165	3г.	843	7ч. 7г.	1	
2	6	1 174	6	3 129	2ч. 0,5г.	275	4ч. 5,5г.	3 014	5ч. 7,5г.	492	3ч. 2,5г.	—	
11	22	3 500	7	3 578	1ч. 7,5г.	359	2ч. 7г.	2 682	6ч. 0,5г.	423	1ч. 1г.	3	
6	26	7 465	10	4 266	3г.	457	7ч. 2,5г.	2 603	5ч.	400	6ч. 5,5г.	3	
3	14	2 400	13	3 267	5ч. 7г.	326	3г.	2 768	2ч. 1г.	428	3ч. 5г.	1	
47	190	38 035	144	41 676	4ч. 0,5г.	3724	7ч. 2,5г.	26 786	3ч. 7,5г.	4832	7ч. 5,5г.	18	
Томский округ													
9	72	19 754	12	4 295	1г.	394	5ч. 7г.	1 923	7ч. 7г.	381	3ч. 1г.	8	
2	14	2 800	14	4 578	6ч.	351	6ч. 4,5г.	752	2ч.	314	6ч. 3,5г.	3	
2	6	1 600	6	2 417	1ч. 1,5г.	191	3ч. 1г.	675	7ч. 6,5г.	195	3ч. 7г.	—	
13	92	24 154	32	11 290	7ч. 2,5г.	937	5ч. 4,5г.	3 352	5ч. 5,5г.	892	5ч. 3,5г.	11	
Колыванский округ													
2	26	5 444	10	4 714	2ч. 4г.	450	7ч. 5г.	2 095	5ч. 4г.	400	2ч. 3г.	3	
6	30	5 697	13	5 104	6ч.	424	2ч. 5,5г.	2 011	2ч.	465	1ч. 2,5г.	2	
4	18	2 400	10	6 092	2ч. 5г.	521	4ч. 1г.	2 568	5ч. 3г.	561	7ч.	2	
3	20	3 910	11	6 305	2ч. 4г.	502	2ч. 7г.	831	4ч. 3г.	452	1г.	2	
8	20	3 818	12	6 803	3ч. 5г.	588	7ч. 6,5г.	3 282	4ч. 3г.	696	6ч. 1,5г.	3	
7	16	2 920	7	3 956	2ч. 5г.	277	5ч. 5,5г.	2 580	5ч. 3г.	539	3ч. 2,5г.	1	
4	10	1 982	12	5 379	7ч. 4г.	473	3ч. 4г.	2 228	4г.	477	4ч. 4г.	—	
5	24	4 766	9	5 133	7ч. 4г.	418	7ч. 5г.	2 147	4г.	491	1ч. 3г.	2	
13	32	5 686	3	2 932	6ч. 7г.	245	7ч. 7,5г.	3 550	1ч. 1г.	564	3ч. 0,5г.	—	
52	188	36 623	87	46 423	1ч. 6г.	3904	1ч. 7г.	21 793	6ч. 2г.	4622	7ч. 1г.	15	
Чарышский округ													
5	22	4 115	8	4 086	3ч. 3,5г.	404	7ч. 6,5г.	3 002	4ч. 4,5г.	481	1ч. 1,5г.	2	
15	62	12 425	13	4 172	3ч. 6г.	381	7ч. 4,5г.	3 270	4ч. 2г.	548	3ч. 3,5г.	3	
3	10	1 882	9	2 935	2ч. 5,5г.	180	6ч. 1,5г.	730	5ч. 2,5г.	277	3ч. 6,5г.	1	
8	24	4 526	14	3 396	4ч. 3г.	231	1г.	2 480	3ч. 5г.	503	4ч. 7,5г.	3	
2	10	1 396	12	2 502	6ч. 2,5г.	198	4,5г.	2 705	1ч. 5,5г.	452	7ч. 3,5г.	—	
10	62	13 470	16	3 964	1ч.	392	2ч. 2,5г.	3 196	7ч.	502	6ч. 5,5г.	5	
5	28	9 354	12	4 288	7ч.	391	2ч. 3г.	2 311	1ч.	433	5ч. 5г.	8	
9	28	7 423	10	4 949	7ч. 4,5г.	425	1,5г.	1 779	3,5г.	416	6,5г.	6	
2	6	1 300	8	960	2г.	120	7ч. 6г.	1 352	7ч. 6г.	168	1ч. 6г.	—	
59	252	55 891	102	31 256	7ч. 3г.	2726	2ч. 3г.	20 829	5г.	3784	3ч. 5г.	28	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Кузнецкий округ													
1	Кузнецкая	1 575	1 664	2	28	560	—	2	47	17	1	4	460
2	Ильинская	2 110	2 160	1	25	756	1	—	97	11	—	—	—
3	Бачатская	2 138	2 303	1	24	790	—	1	67	29	—	—	—
4	Тореминская	2 458	2 528	1	46	821	—	1	93	13	—	—	—
5	Козьминская	3 531	3 790	—	50	1334	—	—	113	29	—	—	—
6	Мунгатская	2 170	2 251	1	33	776	—	1	93	9	—	—	—
7	Верхотомская	1 788	1 975	1	34	690	—	1	114	11	—	—	—
8	Уксунайская	2 018	2 150	1	31	672	1	—	49	37	2	8	1 150
И т о г о		17 788	18 821	8	271	6399	6	6	673	156	3	12	1 610
Усть-Каменогорский округ													
1	Усть-Каменогорская	1 351	1 393	—	6	477	—	—	19	5	3	12	2 850
В с е г о в 40 волостях		86 942	89 313	31	1222	30146	6	24	2453	1028	56	388	60 146

* До введения метрической системы мер в России были приняты следующие меры объема сыпучих тел: четверть (209,91 л), равная 2 осьминам = 8 четверикам; четверик (26,24 л), в свою очередь равнялся 8 гарницам (3,28 л). (Прим. переводч.)

15	16	17	18	19	20	21	22	23	24	25	26	27
Кузнецкий округ												
3	10	1 787	13	2 961	7ч.	309	7ч. 7г.	1 763	1ч.	280	5ч. 1г.	7
7	18	3 700	17	3 373	1ч. 4г.	1 058	2ч. 2г.	2 956	6ч. 4г.	—	—	2
6	12	3 159 ¹ / ₂	17	4 303	1ч. 4г.	564	0,5г.	2 110	6ч. 4г.	237	5ч. 7,5г.	3
5	10	2 834	12	5 464	6ч. 4г.	463	3,5г.	1 909	1ч. 4г.	456	5ч. 4,5г.	2
4	10	1 583	17	7 015	3ч. 4г.	694	4ч. 6г.	3 577	4ч. 4г.	629	4ч. 2г.	4
6	16	3 028 ¹ / ₂	16	3 361	7ч. 5,5г.	1 227	2г.	3 148	2,5г.	—	—	1
5	12	2 115	14	4 194	7ч. 5,5г.	385	1ч. 4,5г.	1 169	2,5г.	285	2ч. 3,5г.	3
4	18	3 580	15	4 137		379	2ч. 6,5г.	1 917	—	377	2ч. 1,5г.	2
40	106	21 787	121	34 812	3ч. 3г.	5 078	4ч.	18 551	4ч. 5г.	1 592		24
Усть-Каменогорский округ												
5	20	6 502	6	3 443	3ч. 7,5г.	250	4ч. 1,5г.	609	4ч. 0,5г.	256	0,5г.	5
216	848	182 992	492	68 903	3ч. 6,5г.	16622	1ч. 2,5г.	91 922	4ч. 1,5г.	15981	5,5г.	101

3. СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ У КРЕСТЬЯН, ПРИПИСАННЫХ К КОЛЫВАНО-ВОСКРЕСЕНСКИМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИМ ЗАВОДАМ [НА 1825 г.]

№	Волость	Число десятин, заселенных в 1825 г.	Посеяно зерна				Получено зерна чистого урожая		Средняя цена четверти муки в 1825 г.		На каждую ревизскую душу прихо- дится посева	
			четвертей, четвериков (ч), гарнцев (г)				ярового	руб.	коп.			
			озимого		ярового							
			4	5	6	7						
1	2	3	Барнаульский округ									10
1	Белоярская	4 496 ⁷ / ₁₂	1 275	5 218 6 ч. 4 г.	5 896 7 ч.	14 175 4 ч. 4 г.	4	89 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂			
2	Тальменская	4 652	1 612	3 542	4 836	10 626	5	7 ¹ / ₂	2 ¹ / ₆			
3	Чумышская	3 134 ³ / ₄	1 080	2 208	6 020	13 352	4	53 ¹ / ₆	1 ¹ / ₂			
4	Верх-Чумышская	4 922	918 6 ч.	6 582 5 ч.	5 741 2 ч.	16 893 3 ч.	3	83 ³ / ₄	5 ¹ / ₃			
5	Боровлянская	8 162	3 500	4 640	13 125	12 388	4	89 ¹ / ₂	2 ² / ₃			
6	Малышевская	2 451 ³ / ₄	474 3 ч.	2 563 4 ч. 4 г.	3 250 5 ч.	14 501 1 ч. 4 г.	4	89 ¹ / ₂	1 ¹ / ₃			
7	Кулундинская	4 676	536 5 ч. 6 г.	6 205 1 ч.	2 683 4 ч. 6 г.	22 777 2 ч.	5	43 ³ / ₄	5 ² / ₃			
8	Нижне-Кулундинская	3 355	648	2 877 4 ч.	1 296	17 302 4 ч.	5	40 ¹ / ₄	1 ¹ / ₂			
9	Касмалинская	4 179 ¹ / ₂	1 185	4 755	5 802	17 202	4	71 ¹ / ₄	2			
10	Шадринская	2 246 ¹ / ₂	300	3 016 3 ч. 4 г.	1 387 4 ч.	8 925 3 ч. 4 г.	4	53 ¹ / ₄	1			
[Итого]			11 529 6 ч. 6 г.	41 609 4 г.	50 038 6 ч. 6 г.	148 083 1 ч. 4 г.	—	—	1 ⁵ / ₆			
Томский округ												
1	Оянинская	3 123	1 411	1 965 4 ч.	9 877	7 994	5	32 ³ / ₄	1 ¹ / ₂			
2	Тутальская	3 639	1 400	3 363	7 000	12 330	4	96	2			
3	Пачинская	2 441 ¹ / ₄	1 015	2 016 6 ч.	7 105	7 876 4 ч.	4	75 ¹ / ₂	2 ¹ / ₃			
[Итого]			3 826	7 345 2 ч.	23 982	28 200 4 ч.	—	—	2			
Колыванский округ												
1	Чауская.	3 561	1 284	4 170 6 ч.	6 420	16 336 2 ч.	3	44 ³ / ₈	6 ¹ / ₂			
2	Кайлинская	5 880	2 885	4 869 2 ч.	14 425	12 419	4	16 ⁷ / ₈	2 ¹ / ₂			

3	Кривошековская . . .	7 017	2 406	7 646 5 ч.	12 030	22 940 2 ч.	3	98 ³ / ₄	2 ⁵ / ₁₂
4	Бердская	6 223	1 428	7 32 34 ч. 4 г.	4 512	16 579 7 ч. 4 г.	4	24 ¹ / ₄	5 ¹ / ₂ 2 ¹ / ₁₂
5	Орлынская	6 884	717	8 163 6 ч.	7 787	41 717	4	35	2
6	Бурлинская	5 655	949	4 334	8 541	9 573 4 ч.	4	89 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂
7	Чингинская	5 591 ⁴ / ₁₂	3 000	3 867 4 ч.	10 500	20 131	5	43 ³ / ₄	2 ¹ / ₂ 2 ¹ / ₁₂
8	Легостаевская	6 825 ¹ / ₂	3 513 5 ч.	4 539 1 ч. 4 г.	17 568	16 397 6 ч. 4 г.	3	98 ⁷ / ₈	9 ¹ / ₂ 9 ¹ / ₁₂
9	Карасукская	4 497 ¹ / ₂	811 1 ч.	5 458 7 ч. 4 г.	2 839 3 г.	17 176 1 ч.	4	71 ¹ / ₄	2
[Итого] . . .		51 837 ⁴ / ₁₂	16 693 6 ч.	50 373 5 ч. 4 г.	84 622 3 г.	17 3271 5 ч.	—	—	3 ¹ / ₂ 2 ¹ / ₁₂

Чарышский округ

1	Чарышская	2 828 ¹ / ₂	390	3 728 4 ч.	2 730	22 253 2 ч.	5	61 ¹ / ₈	2 ¹ / ₂ 2 ¹ / ₁₂
2	Барнаульская	2 540 ¹ / ₄	235	4 851 5 ч. 6 г.	2 487	21 020 2 ч. 2 г.	5	98 ¹ / ₈	1
3	Енисейская	2 531 ⁷ / ₁₂	804 4 ч.	3 823	5 183 4 ч.	12 539	3	62 ¹ / ₂	2
4	Бийская	4 213	691	5 997	1 900 2 ч.	45 765 1 ч. 4 г.	4	35	2 ² / ₁₂
5	Алтайская.	3 401 ¹ / ₂	371 1 ч.	5 423 4 ч.	1 406 3 ч.	12 907 1 ч.	4	35	2
6	Колыванская	3 835 ⁷ / ₁₂	667	4 773 2 ч.	7 670 4 ч.	13 414 2 ч.	6	70 ⁵ / ₈	1 ¹ / ₁₂
7	Убинская	7 022	1 933	8 796	3 866	30 995	6	52 ¹ / ₂	3 ² / ₁₂
8	Крутоберезовская . . .	3 865 ¹ / ₂	1 830 6 ч.	4 778 7 ч. 2 г.	14 324 2 ч.	26 263 6 ч. 6 г.	7	97 ¹ / ₂	8 ² / ₃ 2 ¹ / ₁₂
9	Бухтарминская	1 542 ¹ / ₂	435 2 ч. 4 г.	2 114 4 ч. 5 г.	546 4 ч. 6 г.	2 015 4 ч. 6 г.	4	71 ¹ / ₄	2
[Итого] . . .		31 779 ⁹ / ₁₂	7 357 5 ч. 4 г.	43 791 3 ч. 5 г.	40 114 6 ч. 6 г.	157 173 2 ч. 2 г.	—	—	1 ¹⁰ / ₁₂

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
Кузнецкий округ									
1	Кузнецкая	1 841	756 4 ч.	2 082 7 ч. 5 г.	4 917 2 ч.	4 764 5 ч. 3 г.	3	98 ³ / ₄	1 ² / ₁₂
2	Ильинская	2 758 ¹ / ₄	649	3 830	6 231	8 436 2 г.	3	98 ³ / ₄	3 ² / ₁₂ 1 ¹ / ₁₂
3	Бачатская	3 267 ¹ / ₂	390	6 516	1 633 6 ч.	16 223 1 ч.	3	44 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂
4	Тореминская	4 646 ³ / ₄	1 508	2 874	9 802	19 490	3	62 ¹ / ₄	10 ² / ₁₂ 1 ¹ / ₁₂
5	Касминская	6 366	850	6 136	3 400	28 660	2	82 ³ / ₄	1 ⁹ / ₁₂
6	Мунгатская	4 384 ¹ / ₂	799	5 526	11 187 7 ч.	19 476 5 ч.	3	44 ¹ / ₄	2
7	Верхогомская	2 936 ¹ / ₄	1 284	1 769	11 556	12 088 1 г.	4	35	1 ⁷ / ₁₂
8	Уксунайская	3 067	750	2 305	3 937 3 ч.	19 433 1 ч.	4	53 ¹ / ₄	1 ⁶ / ₁₂
[Итого]		29 267 ¹ / ₄	6 986 4 ч.	31 038 7 ч. 5 г.	52 665 2 ч.	128 571 4 ч. 6 г.	—	—	7 ² / ₁₂ 7 ¹ / ₁₂
Усть-Каменогорский округ									
1	Усть-Каменогорская	2 272	985 1 ч.	2 897 1 ч.	6 402 3 ч.	10 538 7 ч.	6	45	8 ¹ / ₁₂ 1 ⁶ / ₁₂
Всего в 40 волостях		166 635 ⁶ / ₁₂	47 378 7 ч. 2 г.	177 055 4 ч. 2 г.	257 825 3 ч.	645 839 4 г.	—	—	1 ¹ / ₁₂

* Русская поземельная мера — десятина, согласно мензевой инструкции 1753 г., считалась равной 2400 кв. сажен (1,0925 га). Казенная десятина («тридцатка» или «сороковка») представляла собой прямоугольник со сторонами 80×30 или 60×40 сажен. Мера земельной площади = 0,5 десятины, на которую выдавалась 1 четверть ржи, называлась четвертью; 1/12 доля десятины составляла участок в 200 кв. сажен. (Прим. переводч.)

4. СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ СКОТОВОДСТВА И ПЧЕЛОВОДСТВА У КРЕСТЬЯН, ПРИПИСАННЫХ К КОЛЫВАНСКИМ ЗАВОДАМ [В 1825 г.

№ п/п	Волость	Скотоводство										Пчеловодство			
		Количество голов					Сенокосы					Число пчелиных семей	Количество меда (пуды и фунты)	Количество воска (пуды и фунты)	
		лошадей	коров и другого рогатого скота	овец	на каждую ревизскую душу приходится		Выкошено фактически (копны)	По отношению к требуемому количеству (копны)	Или-шек	Недостача					
					лошадей	коров и др. рогат. скота					овец				
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	
Барнаульский округ															
1	Белоярская	4 009	3 099	3 240	2	1 ¹ / ₂	4 ¹ / ₂	214 650	204 440	—	10 210	1 450	22 127 ⁴⁰ / ₄₀	8 ¹ / ₂ 7 ⁴⁰ / ₄₀	
2	Тальменская.	5 151	4 130	2 759	2 ¹ / ₃	2	2	264 720	223 750	—	40 970	671	220	27 14 ⁴⁰ / ₄₀	
3	Чумышская	4 388	4 120	4 917	2	2	2 ¹ / ₄	263 210	325 675	62 465	—	2 049	367 ¹ / ₂	27 ¹ / ₂ 36 ⁴⁰ / ₄₀	
4	Верх-Чумышская	6 811	4 748	6 369	3 ¹ / ₃	2 ¹ / ₃	3	362 980	254 210	—	108 770	1 465	118 ¹ / ₄	8	
5	Боровлянская	6 403	5 395	5 668	2	4 ³ / ₄	2	358 470	303 480	—	54 990	2 528	880 ³ / ₈	45 ⁵ / ₈	
6	Мальшевская	5 962	4 829	4 601	3	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	321 450	281 470	—	39 980	35	5	20 ⁴⁰ / ₄₀	
7	Кулундинская	15 107	11 556	18 420	4 ³ / ₄	3 ¹ / ₃	5 ³ / ₄	868 530	550 270	—	318 260	—	—	—	
8	Нижне-Кулундинская	12 166	7 005	5 439	6	3 ¹ / ₃	2 ¹ / ₂	559 470	180 527	—	378 943	—	—	—	
9	Касмалинская	11 279	7 534	8 070	3 ¹ / ₂	3 ¹ / ₂	4	569 650	210 835	—	358 915	—	—	—	
10	Шадринская	5 417	4 306	4 335	2 ¹ / ₃	2	2	291 980	294 143	2 163	—	619	15 38 ⁴⁰ / ₄₀	11 16 ⁴⁰ / ₄₀	
[Итого]		76 753	56 722	63 818	3 ¹ / ₃	2 ¹ / ₂	2 ¹ / ₂	4 075 210	2 828 800	64 628	1 311 038	8 817	2 1757 ⁴⁰ / ₄₀	39 118 ⁴⁰ / ₄₀	
Томский округ															
1	Ояшинская	3 302	3 119	2 099	1 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	1	182 430	246 805	64 375	—	104	43	6 3 ⁴⁰ / ₄₀	
2	Тутальская	4 449	3 441	4 080	2 ¹ / ₂	2	2 ¹ / ₃	243 090	195 150	—	47 940	230	44	10 3 ⁴⁰ / ₄₀	
3	Пачинская	2 360	1 548	2 234	2	1 ¹ / ₂	2	124 100	120 050	—	4 050	412	10 56 ⁴⁰ / ₄₀	16 1 ⁴⁰ / ₄₀	
[Итого]		10 111	8 108	8 413	2 ¹ / ₃	2 ² / ₃	1 ² / ₃	549 620	562 005	64 375	51 990	446	10 143 ⁴⁰ / ₄₀	32 7 ⁴⁰ / ₄₀	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15
Кольванский округ														
1	Чауская	2 205	1 953	2 426	1	$\frac{7}{8}$	1	129 470	185 370	5 5 900	—	—	—	—
2	Кайлинская	6 976	5 688	7 134	3	$2\frac{1}{3}$	3	394 380	327 565	—	66 815	401	—	$\frac{20}{101\frac{34}{40}}$
3	Кривошековская	4 846	3 975	4 688	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	$1\frac{1}{2}$	271 780	201 416	—	70 644	—	—	$\frac{5}{9\frac{31\frac{1}{2}}{40}}$
4	Бердская	6 255	5 406	4 719	$2\frac{1}{2}$	2	2	362 980	245 490	—	417 470	814	—	$\frac{112}{40}$
5	Ордынская	8 141	8 026	8 393	$2\frac{2}{5}$	$2\frac{2}{5}$	$2\frac{1}{2}$	488 680	364 195	—	124 485	—	—	—
6	Бурлинская	7 864	5 807	8 550	$3\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{2}$	4	437 560	442 210	4 650	—	—	—	—
7	Чингинская	6 228	5 974	6 869	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{3}$	$2\frac{2}{3}$	374 950	189 770	—	185 180	—	—	—
8	Легостаевская	4 637	5 602	3 126	2	$2\frac{1}{3}$	$1\frac{1}{4}$	281 410	330 900	49 490	—	1 969	984	76
9	Карасукская	4 646	4 049	4 878	2	2	$2\frac{1}{4}$	269 140	210 876	—	58 264	—	—	—
[И т о г о]		51 798	46 477	50 783	$2\frac{1}{4}$	2	$2\frac{1}{4}$	3 010 310	2 497 492	110 040	622 858	3 184	$\frac{25}{1197\frac{40}{40}}$	$\frac{25\frac{1}{2}}{92\frac{40}{40}}$
Чарышский округ														
1	Чарышская	9 819	8 820	11 212	4	$3\frac{2}{3}$	5	583 090	539 454	—	43 636	5 079	—	$\frac{8}{6\frac{40}{40}}$
2	Барнаулская	6 653	6 049	6 820	$2\frac{2}{3}$	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{3}{4}$	388 770	329 750	—	59 020	2 333	57	$\frac{31}{40}$
3	Енисейская	4 185	3 754	2 929	$3\frac{1}{3}$	3	2	229 920	122 799	—	107 121	651	9	$\frac{31}{40}$
4	Бийская	5 810	4 747	5 395	3	$2\frac{1}{2}$	$2\frac{2}{3}$	320 190	318 210	—	1 980	2 546	536	31
5	Алтайская	6 362	4 975	4 632	$3\frac{1}{2}$	3	$2\frac{1}{2}$	336 080	242 050	—	94 030	7 899	1256 $\frac{1}{2}$	$\frac{31\frac{1}{2}}{92\frac{40}{40}}$
6	Кольванская	10 743	6 493	9 687	$4\frac{1}{2}$	$2\frac{2}{3}$	4	549 020	257 305	—	291 715	4 923	242	$\frac{35}{20\frac{40}{40}}$
7	Убинская	7 936	5 099	8 112	$3\frac{1}{2}$	$2\frac{1}{3}$	$3\frac{2}{3}$	421 180	135 175	—	286 005	4 875	1741	159
8	Крутоберовская	6 930	4 793	3 702	3	$2\frac{1}{8}$	$1\frac{2}{3}$	330 780	221 718	—	109 062	26 319	3847 $\frac{1}{2}$	$\frac{230\frac{1}{2}}{33}$
9	Бухтарминская	2 097	1 881	933	$2\frac{2}{3}$	$2\frac{2}{5}$	$1\frac{1}{5}$	109 880	59 608	—	50 252	6 075	1570	$\frac{71\frac{33}{40}}{14\frac{1}{2}}$
[И т о г о]		60 435	46 611	53 422	$3\frac{1}{2}$	$2\frac{3}{4}$	3	3 279 490	2 226 069	—	1 053 421	60 700	9259	$\frac{612\frac{14\frac{1}{2}}{40}}{92\frac{40}{40}}$

Кузнецкий округ

1	Кузнецкая	2 700	2 566	2 354	1 ³ / ₄	1 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	155 860	133 145	—	22 715	1 685	309 ¹⁰ / ₄₀	14 ²⁴ / ₄₀
2	Ильинская	3 384	3 467	4 259	1 ² / ₃	1 ² / ₃	2	212 450	170 330	—	42 120	859	113 ⁵ / ₄₀	18 ⁷ / ₄₀
3	Бачатская	6 604	5 795	6 707	3	2 ² / ₃	3 ¹ / ₈	381 090	184 190	—	196 900	623	—	—
4	Тореминская	5 624	4 190	4 787	2 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄	2 ¹ / ₄	300 390	223 625	—	76 765	710	452	9 ¹ / ₂ ⁸ / ₄₀
5	Касминская	10 009	5 168	1 390	3	1 ¹ / ₂	1 ¹ / ₂	417 530	368 766	—	48 764	678	136	35 ⁷ / ₄₀
6	Мунгатская	4 641	3 462	4 817	2	1 ² / ₃	1 ¹ / ₆	256 640	192 425	—	64 215	1 632	286 ³⁰ / ₄₀	19 ³⁰ / ₄₀
7	Верхогомская	3 970	2 820	3 030	2 ¹ / ₅	1 ¹ / ₂	1 ² / ₃	205 800	154 336	—	51 464	291	72 ⁹ / ₄₀	37 ³⁷ / ₄₀
8	Уксунайская	5 829	4 347	4 812	2 ² / ₃	2 ¹ / ₇	1 ¹ / ₃	309 930	212 052	—	97 878	2 769	35 ³⁵ / ₄₀	36
[И т о г о]		42 761	31 815	32 056	2 ² / ₅	1 ² / ₄	1 ³ / ₄	2 320 690	1 638 869	—	681 821	9 247	1909 ⁹ / ₄₀	12 ¹ / ₂ ¹¹⁵ / ₄₀

Усть-Каменогорский округ

Усть-Каменогорская . .	4 393	2 994	3 616	3 ¹ / ₄	2 ² / ₃	2 ² / ₃	227 830	67 085	—	160 745	6 782	1583	10 ¹⁰ / ₄₀
Во всех 40 волостях	246 251	192 727	212 108	2 ³ / ₄	2 ¹ / ₆	2 ¹ / ₂	13 463 150	9 820 320	239 043	3 881 873	89 176	15 849 ⁶ / ₄₀	1063

* Пуд (16,3805 кг) равен 40 фунтам; фунт = 409,5 г. В фунте 32 лота; в лоте — 3 золотника (по 4,28 г.). Всего в фунте 96 золотников; 1/96 золотника составляет долю (44,43 мг). (Прим. ред.)

5. СВЕДЕНИЯ О ПОВИННОСТЯХ КАЗНЕ И ГОРНЫМ ЗАВОДАМ КРЕСТЬЯН, ПРИПИСАННЫХ К КОЛЫВАНСКИМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИМ ЗАВОДАМ

п/п №	Волость	Казенные подати — 11 руб. с каждой ревизской души, руб.	Поземельные сборы		На обмывательские подводы по раскладке		Мирские платежи волостных правлений		Всего налогов		В 1825 г. было назначено по высочайшему манифесту от 21 мая 1779 г. для горных работ число душ	Освобождено от таких работ душ	После этого заплата выплачена крестьянам, исполняемым на горных работах
			руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	с каждой души	с каждой души			
			руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.

Барнаульский округ

1	Белоярская	23 166	6 252	82	1 432	8	1 053	—	31 905	90	15	1734	372	3 521
2	Тальмерская	23 276	6 284	52	1 438	88	1 471	94	32 471	34	15	1 742	374	3 537
3	Чумышская	23 419	6 323	13	1 447	72	386	31 1/4	31 576	16 1/4	14	1 753	376	3 560
4	Верх-Чумышская	22 132	5 975	64	1 368	16	1 399	20	30 875	—	15	1 656	356	3 362
5	Боровлянская	33 011	11 883	96	2 730	91	2 401	4 3/4	50 026	91 3/4	15	2 471	530	5 017
6	Малышевская	20 504	5 536	8	1 267	52	1 355	—	23 662	60	15	1 535	329	3 117
7	Кулундинская	34 848	9 408	96	2 154	24	2 170	—	48 581	20	15	2 608	560	5 296
8	Нижне-Кулундинская...	22 528	8 110	8	1 863	68	1 619	80	34 121	56	16	1 687	361	3 425
9	Касмалевская	22 957	6 198	39	1 419	16	1 917	3 1/2	32 491	58 1/2	15	1 718	369	3 487
40	Шаринская	25 190	4 534	20	1 053	40	1 603	22 1/4	32 380	82 1/4	14	1 885	405	4 052
[Итого]		251 031	70 509	78	16 175	75	15 376	55 3/4	353 093	83 1/4	15	18 789	4 032	38 378
														15

Томский округ

1	Ояшинская	22 803	4 104	54	953	58	1 717	60	29 578	72	14	1 706	367	3 667
2	Тутальская	19 547	5 277	69	1 208	36	1 421	60	27 454	65	15	1 463	314	2 972
3	Пачинская	11 311	3 062	7	701	8	1 443	40	16 517	55	16	849	182	1 725
[Итого]		53 661	12 444	30	2 863	2	4 582	60	73 550	92	15	4 018	863	8 365
														30

Кольванский округ

1	Чауская	24 970	4 494	60	1 044	20	1 174	20	31 683	—	14	—	1 869	401	4 018	—
2	Кайвинская	26 092	7 044	84	1 612	96	1 660	40	36 410	20	15	35	1 963	409	3 986	30
3	Кривцовская	31 757	11 432	52	2 627	17	1 788	—	47 604	69	16	48 ^{3/4}	2 377	510	4 827	—
4	Берльская	27 995	10 078	20	2 315	95	2 304	—	42 693	15	16	77 ^{1/2}	2 095	450	4 254	40
5	Орланская	36 982	13 313	52	3 059	42	2 100	—	55 454	94	16	49 ^{1/2}	2 768	594	5 621	—
6	Бурлинская	23 969	6 471	63	1 481	72	259	91	32 182	26	14	76 ^{3/4}	1 794 ^{1/2}	384 ^{1/2}	3 644	—
7	Чингинская	27 869	10 042	56	2 307	76	1 616	90	41 863	22	16	50 ^{1/2}	2 088	448	4 240	—
8	Легостаевская	26 697	9 610	92	2 208	57	2 800	—	41 316	49	17	23 ^{3/4}	1 998	429	4 056	—
9	Карасукская	23 771	6 418	17	1 469	48	2 128	—	33 786	65	15	63 ^{1/2}	1 779	382	3 613	80
[Итого]		250 129	78 906	86	18 127	23	15 831	44	362 994	60	15	96 ^{1/4}	18 731 ^{1/2}	4 007 ^{1/2}	38 260	50

Чарышский округ

1	Чарышская	25 993	7 018	11	1 606	84	2 098	98	36 716	93	15	53 ^{1/2}	1 945	418	3 950	40
2	Барнаульская	27 291	4 912	39	1 141	26	1 466	31 ^{1/2}	33 810	95 ^{1/2}	13	62 ^{3/4}	2 042	439	4 390	—
3	Енисейская	13 442	3 309	34	830	96	1 300	40	19 202	70	15	71 ^{1/2}	1 006	216	2 043	—
4	Бийская	21 549	5 818	23	1 332	12	2 139	20	30 838	55	15	74 ^{1/4}	1 613	346	3 276	—
5	Алтайская	19 096	6 874	56	1 579	76	289	26	27 839	58	16	36 ^{1/2}	1 429	307	2 902	—
6	Кольванская	26 257	7 089	39	1 623	16	1 575	42	36 544	97	15	31	1 965	422	3 991	10
7	Убинская	24 200	8 712	—	2 002	—	2 573	3 ^{1/4}	37 487	3 ^{1/4}	17	4	1 811	389	3 678	80
8	Крутоберезовская	24 673	8 882	28	2 041	13	1 957	1 ^{3/4}	37 553	42 ^{3/4}	16	74 ^{1/4}	1 846	397	3 752	70
9	Бухарминская	8 481	2 289	87	524	28	846	—	12 141	15	15	74 ^{1/2}	634	137	1 278	60
[Итого]		190 982	55 226	16	12 681	51	13 245	62 ^{1/2}	272 135	291 ^{1/2}	15	67 ^{1/2}	14 291	3 071	29 262	60

Кузнецкий округ

1	Кузнецкая	17 325	4 677	75	1 071	—	2 079	—	25 152	75	15	97	1 296	279	2 631	80
2	Ильинская	23 210	6 266	70	1 434	80	1 941	20	32 852	70	15	57	1 737	373	3 527	40
3	Бачатская	23 518	6 349	86	1 453	84	1 773	95	33 095	65	15	48	1 760	378	3 574	—
4	Тореминская	27 038	7 300	26	1 671	44	2 212	20	38 221	90	15	55	2 023	435	4 108	40
5	Касиминская	38 841	13 982	76	3 213	21	2 471	70	58 508	67	16	57	2 907	624	5 903	20
6	Мунгатская	23 870	6 444	90	1 475	60	1 955	—	33 745	50	15	55	1 786	384	3 626	80
7	Верхотомская	19 668	5 310	36	1 215	84	1 788	—	27 982	20	15	65	1 472	316	2 993	20
8	Уксунайская	22 198	5 993	46	1 372	24	1 513	50	31 077	20	15	40	1 661	357	3 373	—
[Итого]		195 668	56 326	5	12 907	97	15 734	55	280 636	57	15	77 ^{1/2}	14 642	3 146	29 737	80

Усть-Каменогорский округ

1	Усть-Каменогорская	14 861	5 349	96	1 229	41	2 864	12	24 304	49	17	99	1 112	239	2 259	40
Во всех 40 волостях		956 332	278 763	21	63 984	89	167 634	86 ^{1/4}	1 366 714	90 ^{1/4}	15	72	71 583 ^{1/2}	15 358 ^{1/2}	146 263	75

6. СВЕДЕНИЯ ОБ ОТРАСЛЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯН, ПРИПИСАННЫХ К КОЛЫВАНСКИМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИМ ЗАВОДАМ [В 1825 г.]

№ п/п	Волость	Продано крестьянами в 1825 г.					
		зерна		Лошадей, рогатого скота, пчел, меда, воска и т. д.		масла, сала, кож и других продуктов сельского хозяйства	
		руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
Барнаульский округ							
1	Белоярская.....	4 350	—	4 185	—	3 765	—
2	Тальменская.....	8 550	—	3 768	—	4 450	—
3	Чумышская.....	6 756	—	5 106	—	2 889	—
4	Верх-Чумышская.....	1 070	—	1 720	—	640	—
5	Боровлянская.....	18 314	40	5 002	50	6 784	65
6	Мальшевская.....	7 385	20	1 950	—	4 549	20
7	Кулундинская.....	2 500	—	7 240	—	3 263	—
8	Нижне-Кулундинская.....	2 849	30	2 540	—	1 025	15
9	Касмалинская.....	635	—	9 698	—	6 537	—
10	Шадринская.....	500	—	545	25	1 900	—
И т о г о.....		52 909	90	41 754	75	35 903	—
Томский округ							
1	Ояшинская.....	8 050	—	6 000	—	13 770	—
2	Тутальская.....	11 000	—	5 000	—	12 000	—
3	Пачинская.....	7 390	—	6 590	—	4 680	—
И т о г о.....		26 440	—	17 590	—	30 450	—
Колыванский округ							
1	Чауская.....	11 150	—	8 500	—	1 810	—
2	Кайлинская.....	19 179	—	10 621	—	29 201	—
3	Кривошековская.....	35 000	—	—	—	1 600	—
4	Бердская.....	22 000	—	7 000	—	6 000	—
5	Ордынская.....	7 540	—	4 950	—	1 830	—
6	Бурлинская.....	27 874	—	1 000	—	7 600	—
7	Легостаевская.....	7 000	—	6 365	—	800	—
8	Чингинская.....	7 000	—	3 200	—	3 200	—
9	Карасукская.....	12 650	83 ³ / ₄	1 298	—	2 225	25
И т о г о.....		149 393	83 ³ / ₄	42 934	—	44 266	25
Чарышский округ							
1	Чарышская.....	—	—	—	—	—	—
2	Барнаульская.....	—	—	—	—	—	—
3	Енисейская.....	9 222	66	322	50	399	10 ¹ / ₂
4	Бийская.....	3 060	10	1 270	—	504	52
5	Алтайская.....	6 826	30	7 365	40	350	—
6	Колыванская.....	—	—	—	—	—	—
7	Убинская.....	—	—	—	—	—	—
8	Крутоберезовская.....	—	—	—	—	—	—
9	Бухтарминская.....	7 235	31	3 746	25	3 918	35
И т о г о.....		26 344	37	12 704	15	5 231	97 ¹ / ₂
Кузнецкий округ							
1	Кузнецкая.....	4 421	70	4 875	70	26 383	80
2	Ильинская.....	7 000	—	4 000	—	4 100	—
3	Бачатская.....	8 000	—	2 000	—	7 300	—
4	Тореминская.....	3 500	—	6 765	—	535	12
5	Касминская.....	6 949	—	18 024	—	6 670	—
6	Мунгатская.....	—	—	—	—	—	—
7	Верхотомская.....	8 625	—	5 680	—	14 617	—
8	Уксунайская.....	11 000	—	15 000	—	1 300	—
И т о г о.....		49 495	70	56 344	70	60 905	92
Усть-Каменогорский округ							
1	Усть-Каменогорская.....	—	—	—	—	—	—
В с е г о в 40 волостях.....		304 583	80 ³ / ₄	171 327	60	176 757	14 ¹ / ₂

7. ОБЗОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО УСТРОЙСТВА И СОСТОЯНИЯ КРЕСТЬЯН, ПРИПИСАННЫХ К КОЛЫВАНСКИМ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИМ ЗАВОДАМ В 1824, 1825 И 1826 ГОДАХ

Показатели по 40 волостям	1824 г.	1825 г.	1826 г.
1	2	3	4
В селениях Колыванского горнозаводского округа находится охваченных ревизией			
мужчин	86 937	86 943	86 957
женщин	89 800	89 313	90 125
сел с церквями	30	31	31
деревень	1221	1222	1232
домов	30 076	30 146	30 428
церквей			
каменных	6	6	6
деревянных	24	24	25
мельниц разных типов	2584	2453	2526
кузниц	—	1028	1036
почтовых станций	56	56	56
число лошадей при них	388	388	388
на их содержание отпущено, руб	60 140	60 140	60 140
станций в стороне от почтовых трактов	214	214	234
число лошадей при них	842	842	1346
на их содержание отпущено, руб	182 992	182 992	Выдано натурой 492
Склады припасов: их количество	495	492	492
в них находится			
озимого зерна, четвертей	163 473	168 903	174 338
четвериков	3	3	2
гарнцев	6 1/2	6 1/2	2 1/2
ярового зерна, четвертей	15 703	16 662	17 301
четвериков	2	1	4
гарнцев	3 1/2	2 1/2	1
в них недостает до полной годовой нормы в три четверти озимого и три четверти ярового зерна			
озимого зерна, четвертей	97 337	91 922	86 532
четвериков	4	4	5
гарнцев	1 1/2	1 1/2	5 1/2
ярового зерна, четвертей	16 898	15 981	15 307
четвериков	—	—	2
гарнцев	4 1/2	5 1/2	7
Кабаки	97 ²	101 ²	94
Земледелие			
Засеяно десятин	198 992	166 635 ^{1/2} ₁₂	181 833 ^{8/7}
Посеяно озимого зерна, четвертей	54 310	47 378	41 958
четвериков	6	7	1
гарнцев	4	2	—
ярового, четвертей	190 857	177 055	190 654
четвериков	1	—	4
гарнцев	3	2	6 1/2
Убрано зерна			
озимого, четвертей	167 073	257 825	229 417
четвериков	5	3	2
гарнцев	1	—	—
ярового, четвертей	429 621	645 839	779 032
четвериков	1	—	5
гарнцев	2	4	1
Средняя цена четверти муки	(в разных волостях по их состоянию и урожайности разная)		
На каждую ревизскую душу посеяно в среднем десятин ..	2 1/4	1 11/12	2 1/12
Животноводство			
Общее количество			
лошадей	259 986	246 251	250 532
коров и прочего рогатого скота	196 240	192 727	200 431
овец	206 702	212 108	221 045
Приходится на ревизскую душу			
лошадей	3	2 3/4	2 7/8
коров и прочего рогатого скота	2 1/4	2 1/5	2 1/4
овец	2 1/3	2 1/2	2 1/2
Требуется для прокорма имеющегося в наличии скота копен сена	13 524 980	13 463 150	13 573 452
Получено	10 124 335	9 820 320	9 965 085
Пчеловодство			
Число ульев с пчелами	—	89 176	75 092
С них получено меда, пуд	—	15 849	18 329

1	2	3	4
фунт	—	6	24
воска, пуд	—	1063	1428
фунт	—	13 1/4	29
Налоги и прочие повинности			
Казенные подати — по 11 руб. на каждую ревизскую душу (руб.)	956 307	956 332	956 527
Поземельные сборы; руб.	278 763	278 763	74 928
коп.	21	21	20 1/2
На обывательские подводы по раскладке, руб.	—	63 984	68 989
коп.	—	89	86
Мирские подати на нужды волостных управлений, руб.	81 908	67 634	43 628
коп.	47 1/2	86 1/4	22
Всего налогов			
с каждой волости, руб.	1 316 978	1 366 714	1 144 073
коп.	68 1/2	96 1/4	28 1/4
с каждой ревизской души, руб.	14 2	15 4	13 4
коп.	91 5/6	72	15 5/8
Было назначено согласно высочайшему манифесту от 21 мая 1779 г. на горные работы, душ	79 774 3/4	71 583 1/2	82 936
Освобождено от этих работ, душ	7162 1/4	15 358 1/2	4021
По предписанию выплачено крестьянам, использованным на горных работах: руб.	163 614	146 263	169 796
коп.	65	75	60
Продано крестьянам зерна [на сумму], руб.	310 796	304 583	313 870
коп.	64 3/4	80 3/4	30
лошадей, рогатого и прочего скота, пчел, меда, воска [на сумму], руб.	289 281	171 327	287 084
коп.	30 1/2	60	47
масла, сала, кож и других продуктов [на сумму], руб.	209 925	176 757	200 504
коп.	19	14 1/2	63
всего [на сумму], руб.	810 003	798 932	971 256
коп.	14 1/4	30 1/4	8

8. СВЕДЕНИЯ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ ЛИЦ, НАХОДИВШИХСЯ НА СЛУЖБЕ ПРИ КОЛЫВАНСКИХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ И РУДНИКАХ В 1826 г.

Металлургические предприятия	Число людей			Наличие в их хозяйстве						
	всего	имеющих собствен-ные дома	живущих у своих родственников	лошадей	рогатого скота	овец	пахотной земли (дес.)	ульев	кузниц	мельниц
Заводы										
Барнаульский	1898	920	978	5086	4419	3464	1139 1/2	484	24	8
Павловский	1041	657	384	5211	4081	3930	760 1/2	290	29	4
Сузунский	932	542	390	2758	2696	2013	459 1/2	12	13	1
Томский	679	285	394	548	722	276	26	137	18	—
Локтевский	1870	609	1261	3964	2314	2044	81	49	1	—
Рудники										
Салаирские (Гавриловский и Гурьевский)	2454	1215	1239	3087	2952	2267	395	275	23	5
Змеиногорский с соседними рудниками* ..	8364	1888	6476	4948	5224	3217	422 1/2	1790	6	4
Колыванская шлифовальная фабрика ...	276	129	147	287	334	220	11	306	2	1
Всего	17 514	6245	11 269	25 889	22 742	17 431	3295	3343	116	23

*А именно — все рудники, расположенные к югу и востоку от Змеиногорска (Прим. автора).

9. ТАБЛИЦА ИЗМЕРЕНИЙ ТЕМПЕРАТУРЫ ИСТОЧНИКОВ

№ измерения	Наименование или местоположение источника	Высота над уровнем моря, футы	Дата измерения	Время измерения	Температура воздуха, °Р	Температура источника, °Р	Свойства местности
1	Источник на западном склоне у подножия верхнего конуса	6001	23 мая	4 ч дня	+ 8,5	+ 0,5	Ни деревьев, ни кустарников; растения только начинают прорастать
2	Исток Малой Таловки к северу от Риддерска	3571	25 мая	11 ч дня	+ 21,5	+ 4	Окружен отдельными березами и осинами
3	Справа от дороги Риддерск — Кроковский рудник	прибл. 2346	2 июня	10 ч утра	+ 15	+ 5	Ни деревьев, ни кустарников
4	Близ Кроковского рудника	прибл. 2346	—	11 ч дня	+ 16	+ 5	То же
5	У подножия Соколка, близ Риддерска, с восточной стороны	прибл. 2400	—	12 ч 30 м дня	+ 16,5	+ 4	То же; источник находится на 8 фут. ниже поверхности почвы
6	Нижний исток Ленечихи	4307	9 июня	12 ч дня	+ 18	+ 3	Чернолесье, преимущественно кедр
7	Верхний исток Ленечихи	4878	—	2 ч дня	+ 16	+ 2,25	Кедр и лиственница
8	На плато Коксунских гор	6532	10 июня	9 ч утра	+ 13,5	+ 1,2	Ни деревьев, ни кустарников; бедный растительный покров
9	На восточном склоне Коксунского горного хребта	5692	—	12 ч дня	+ 17,5	+ 1,6	Чуть ниже стоят толстые кедры
10	Сметанский источник на левом берегу Малого Коксуна (близ Сметанского шурфа)	4225	—	2 ч дня	+ 21,5	+ 2	Низкий кустарник
11	Приблизительно в 3 верстах от правого берега Большого Коксуна	3999	11 июня	10 ч утра	+ 20	+ 2,2	Ни деревьев, ни кустарников; пышные травы
12	На южном склоне горы между долинами Б. Коксуна и Татарки	5596	—	3 ч дня	+ 15	+ 2,5	Ни деревьев, ни кустарников; кругом болото
13	В д. Чечулихе, сразу же за избой Кузнецова	2314	20 июня	5 ч дня	+ 19,5	+ 5	Ни деревьев, ни кустарников; почва болотистая
14	Справа от дороги Риддерск — Кроковский рудник	прибл. 2346	4 сент.	10 ч утра	+ 14	+ 5	Без деревьев и без кустарников
15	Близ Кроковского рудника	около 2346	4 сент.	12 ч дня	+ 15,5	+ 5	То же
16	У подножия Соколка, близ Риддерска, на восточной стороне	около 2400	—	1 ч дня	+ 16	+ 4	»

Примечание. При измерениях № 3, 4, 5, 14, 15, 16 я не производил барометрических наблюдений, так как эти пункты находятся приблизительно на уровне Риддерска.

10. СВЕДЕНИЯ О ВРЕМЕНИ ЛЕДОСТАВА И ЛЕДОХОДА НА ОБИ БЛИЗ БАРНАУЛА В 1751—1800 гг.

Год	Ледостав	Ледоход	Год	Ледостав	Ледоход
1751	8 ноября	16 апреля	1775	24 октября	5 апреля
1752	3 »	7 »	1776	26 »	7 »
1753	26 октября	21 »	1777	31 »	13 »
1754	8 ноября	24 »	1778	29 »	2 »
1755	10 »	18 »	1779	16 »	20 »
1756	19 октября	10 »	1780	25 »	10 »
1757	14 ноября	15 »	1781	29 »	14 »
1758	9 »	11 »	1782	5 ноября	12 »
1759	9 »	9 »	1783	29 ноября	18 »
1760	4 »	8 »	1784	26 »	16 »
1761	19 октября	26 »	1785	4 ноября	6 »
1762	20 »	18 »	1786	24 октября	19 »
1763	2 ноября	16 »	1787	22 »	18 »
1764	9 »	22 »	1788	9 ноября	12 »
1765	29 октября	23 »	1789	24 октября	14 »
1766	29 »	21 »	1790	26 »	16 »
1767	4 ноября	21 »	1791	7 ноября	14 »
1768	23 октября	8 »	1792	26 октября	12 »
1769	19 »	23 »	1793	2 ноября	5 мая
1770	6 ноября	23 »	1794	4 »	20 апреля
1771	19 »	6 »	1795	24 октября	13 »
1772	1 »	9 »	1796	2 ноября	16 »
1773	8 »	1 »	1797	5 »	20 »
1774	2 »	17 »	1798	10 »	10 »
			1799	15 »	30 »
			1800	9 »	5 »

11 СВЕДЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ МЕТАЛЛА, ОПРЕДЕЛЕННОГО ГОРНЫМ СОВЕТОМ РАЗ- ЛИЧНЫМ РУДНИКАМ НА 1826 г.

Рудники	Нужно получить серебра из руды			Среднее содержание серебра в заготов- ляемой ру- де (фунт)	Требуется количество руды [пудов]		Какое коли- чество куби- ческих саже- ней нужно выработать
	пудов	фун- тов	золот- ников		несортирован- ной	сортирован- ной	
Серебряные							
Змеиногорский.....	204	13	79 3/4	1 3/4	1 806 588	448 393	1156
Петровский.....	136	32	—	1/18	1 769 472	442 368	885
1-й и 2-й Кара- мышевские	30	19	3390	1/30	446 035	89 187	223
Черепановский.....	98	5	14 3/4	3 1/4	226 844	115 943	125
Семеновский.....	11	6	14 56/56	1/20	41 165	35 446	20
Николаевский.....	40	10	50 3/4	1/6	252 286	145 516	78
Риддеровский.....	30	—	—	1	147 124	115 200	159
свинца	22						
Крюковский.....	237	24	—	4	333 796	228 096	190
Зыряновский.....	408	—	—	4	865 404	391 680	570
свинца	24						
И т о г о.....	1196	31	1/74	2/27	5 888 714	2 011 829	3406
В Салаирском руд- нике	255	34	36	75 3/8 96	1 799 444	1 250 000	890 1/2
В с е г о.....	1452	25	37/74	1/68	7 688 158	3 261 829	4296 1/2
Медные							
Лазаревский и Пихтовский.....	126	25	84	2 3/8	10 665	2 133	7
Таловский.....	2 365	12	48	3 3/4	33 975	25 230	17
Белоусовский.....	2 540	34	—	3 1/4	58 480	31 272	35
Бутырский и Мур- зинский.....	240	—	—	3	6400	3 200	8
Локтевский и Золо- тушинский.....	7 428	24	—	4	99 048	74 286	67
И т о г о.....	12 701	16	36	370	208 568	136 121	134

12. СВЕДЕНИЯ О ПЕЧАХ, НАХОДЯЩИХСЯ НА ВСЕХ КОЛЫВАНСКИХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДАХ

[Завод]	Плавильные печи (домны)	Зейгерные герды*	Трейбо-фены**	Печи для очищения меди	Обжиговые печи
Барнаульский	24	3	4	—	3
Павловский	16	2	2	—	2
Локтевский	20	2	3	—	1
Змеиногорский	12	1	1	—	—
Гавриловский	13	1	1	—	2
Гурьевский	16	1	1	—	2
Сузунский	14	2	—	5	4
	115	12	12	5	14

*Плавильные горны. (Примеч. перевод.)

**Купеляционные печи. (Примеч. перевод.)

13. СВЕДЕНИЯ О КОЛИЧЕСТВЕ РУДЫ, ЕЖЕГОДНО ПЕРЕПЛАВЛЯЕМОЙ КОЛЫВАНСКИМИ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИМИ ЗАВОДАМИ [ПУДОВ]

Завод	Серебряная руда	Свинцовая руда	Всего
Барнаульский	570 020	65 700	635 720
Павловский	450 000	55 700	505 700
Локтевский	650 000	55 700	705 700
Змеиногорский	500 000	27 345	527 345
Гавриловский	750 000	—	750 000
Гурьевский	400 000	—	400 000
Итого	3 320 020	204 445	3 524 465
Медной руды в Сузуне...	—	—	98 766

14. ГОДОВАЯ ПОТРЕБНОСТЬ КОЛЫВАНСКИХ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКИХ ЗАВОДОВ В ДРЕВЕСИНЕ И УГЛЕ

Завод	Годовая потребность		
	в древесине		в угле
	для пережога на уголь [сажен]	для кальцинирования руды [сажен]	для плавки [коробов]
Барнаульский	10 000	30000	37 000
Павловский	8 380	500	31 000
Локтевский	11 680	600	43 250
Змеиногорский	8 640	710	32 000
Гавриловский или Гурьевский	17 140	350	48 875
Томский	6 640	—	19 800
Сузунский	5 400	2200	20 000
[Итого]	67 880	7360	231 925

15. СВЕДЕНИЯ О ПРОИЗВОДСТВЕ БЛИКОВОГО СЕРЕБРА И СВИНЦА ИЗ СВИНЦОВЫХ РУД, А ТАКЖЕ ЧЕКАНКЕ МЕДНОЙ МОНЕТЫ С 1745 ПО 1826 г.

Год	Получено								Вычеканено монеты	
	Емкового серебра				Свинца из свинцовых руд				руб.	коп.
	пудов	фунтов	золотников	долей	пудов	фунтов	золотников	долей		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1745	44	6	21	—	—	—	—	—	—	—
1747 } 1748 }	237	13	33	2	—	—	—	—	—	—
1749	309	22	27	40	—	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
1750	209	29	84	36	—	—	—	—	—	—
1751	366	34	84	36	—	—	—	—	—	—
1752	304	25	74	—	—	—	—	—	—	—
1753	310	26	94	48	—	—	—	—	—	—
1754	334	19	15	—	—	—	—	—	—	—
1755	303	21	45	36	—	—	—	—	—	—
1756	321	17	95	—	—	—	—	—	—	—
1757	222	30	80	—	—	—	—	—	—	—
1758	264	2	88	—	—	—	—	—	—	—
1759	273	10	11	12	—	—	—	—	—	—
1760	264	22	16	—	—	—	—	—	—	—
1761	333	22	84	48	—	—	—	—	—	—
1762	405	27	4	12	—	—	—	—	—	—
1763	499	24	42	48	—	—	—	—	—	—
1764	421	9	12	—	—	—	—	—	—	—
1765	575	34	3	—	—	—	—	—	—	—
1766	767	14	24	—	—	—	—	—	23 227	52 1/2
1767	779	19	52	—	—	—	—	—	258 954	5 1/2
1768	741	22	49	—	—	—	—	—	170 859	41
1769	809	18	84	—	—	—	—	—	200 070	75
1770	1013	11	90	—	—	—	—	—	250 028	96 1/2
1771	1268	19	67	—	—	—	—	—	250 059	98
1772	1277	34	34	—	—	—	—	—	250 095	85
1773	1181	12	35	—	—	—	—	—	253 411	90
1774	1136	24	44	—	—	—	—	—	250 200	—
1775	1059	32	81	48	—	—	—	—	300 000	—
1776	1027	20	38	—	—	—	—	—	300 000	—
1777	1035	26	18	—	—	—	—	—	300 000	—
1778	913	—	84	—	—	—	—	—	300 000	—
1779	809	11	69	24	—	—	—	—	300 000	—
1780	802	30	50	—	—	—	—	—	105 850	—
1781	546	14	3	—	—	—	—	—	286 703	50
1782	400	13	10	—	—	—	—	—	332 309	50
1783	730	24	50	—	—	—	—	—	152 299	95
1784	517	27	30	—	—	—	—	—	230 925	—
1785	600	21	43	—	—	—	—	—	278 825	—
1786	771	20	1	—	—	—	—	—	191 000	—
1787	775	18	8	—	—	—	—	—	145 550	—
1788	868	13	13	—	—	—	—	—	167 700	—
1789	1050	9	94	—	—	—	—	—	115 512	70
1790	1054	33	53	72	—	—	—	—	200 000	—
1791	1052	25	19	—	—	—	—	—	200 000	—
1792	1022	38	54	—	—	—	—	—	200 000	—
1793	1011	22	22	—	—	—	—	—	200 000	—
1794	1042	6	1	—	—	—	—	—	200 000	—
1795	1018	10	67	—	—	—	—	—	200 000	—
1796	1026	14	68	—	—	—	—	—	151 000	—
1797	1064	5	77	63	—	—	—	—	200 000	—
1798	1069	20	36	24	—	—	—	—	186 000	—
1799	1100	13	77	24	—	—	—	—	200 000	—
1800	1130	16	41	60	—	—	—	—	156 000	—
1801	1155	17	31	12	—	—	—	—	205 000	—
1802	1170	39	64	84	—	—	—	—	200 000	—
1803	1204	32	61	—	—	—	—	—	180 000	—
1804	1170	28	69	—	—	—	—	—	215 000	—
1805	1150	14	25	—	—	—	—	—	270 000	—
1806	1151	23	24	—	—	—	—	—	250 000	—
1807	1088	31	90	—	—	—	—	—	261 000	—
1808	1145	35	23	—	10 605	11	35	84	250 000	—
1809	1010	7	63	31 1/8	5 758	13	48	—	250 000	—
1810	1006	23	28	42 3/8	10 412	39	48	—	250 000	—
1811	1004	11	66	15 1/8	7 940	11	49	36	250 000	—
1812	1004	—	87	27 1/2	13 895	13	58	48	250 000	—
1813	1015	21	66	5	9 477	39	32	36	250 000	—
1814	1003	36	29	61 7/8	6 965	28	81	24	250 000	—
1815	1006	2	17	32 3/8	6 439	31	65	60	250 000	—
1816	1006	2	35	—	7 944	1	76	—	250 000	—
1817	1000	14	54	—	17 021	18	40	48	250 000	—
1818	1000	1	58	—	33 238	16	66	84	250 000	—
1819	1000	2	16	—	25 574	16	89	12	250 000	—
1820	1000	14	30	—	23 739	19	66	—	250 000	—
1821	1000	5	11	24 8	20 942	10	63	60	250 000	—
1822	1000	12	5	48	21 199	3	76	72	250 000	—
1823	1000	6	79	—	10 670	22	76	36	250 000	—
1824	1600	4	28	—	20 178	20	7	36	250 00	—
1825	1000	2	39	—	14 900	29	1	84	150 000	—
Сумма	64777	22	72	56 5/8	269 904	28	23	84	13 587 784	81 1/2

16. СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ГОРОДОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1825 г.

	Томск	Барнаул	Капник	Кузнецк	Колывань	Чарыш	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
Городские районы	2	—	—	1	—	—	3
Кварталы	4	4	2	2	—	1	13
Большие улицы	32	16	7	10	2	1	68
Переулки	48	10	1	8	3	3	73
Мосты через большие и малые реки	7	3	—	—	—	—	10
Каменные кафедральные соборы	1	—	1	1	—	—	3
Монастыри мужские	—	—	—	—	—	—	1
Православные церкви							
каменные	6	2	—	2	1	—	11
деревянные	—	2	—	—	1	1	4
Молитвенные дома							
католические	1	—	—	—	—	—	1
лютеранские	1	—	—	—	—	—	1
Мусульманские мечети	2	—	—	—	—	—	2
Казенные здания							
каменные	1	1	—	1	—	—	3
деревянные	6	31	—	—	—	—	37
Общественные здания							
каменные	1	—	—	—	—	—	1
деревянные	3	3	4	1	1	6	18
Частные дома							
каменные	15	5	—	2	—	—	22
деревянные	1431	1206	250	371	123	42	3423
Больницы							
каменные	1	—	—	—	—	—	1
деревянные	1	—	—	—	—	—	1
Богадельни							
общества общественного приз- рения	3	—	—	—	—	—	3
приходские	—	2	—	—	—	—	2
Госпитали	—	1	—	—	—	—	1
Казенные аптеки	1	1	—	—	—	—	2
Учебно-воспитательные заведения ..	1	—	—	—	—	—	1
Работные дома	1	—	—	—	—	—	1
Типографии	—	1	—	—	—	—	1
Гауптвахты							
каменные	—	1	—	—	—	—	1
деревянные	2	—	—	—	—	—	2
Шлагбаумы	2	1	—	—	—	—	3
Остроги	1	2	1	1	—	—	5
Караульные дома							
каменные	11	—	—	—	—	—	11
деревянные	7	20	—	—	—	—	27
Кабаки	17	7	3	5	—	1	33
Заводы и фабрики, принадлежащие частным лицам							
кожешенные	8	2	1	3	—	—	14
мыловаренные	5	2	—	4	—	—	11
салотопные	2	—	—	—	—	—	2
кирпичные	5	—	—	—	—	—	5
Ветряные мельницы	—	1	—	1	—	—	2
Кузницы	19	17	5	4	2	—	47
Казенные заводы и фабрики							
сереброплавильные	—	2	—	—	—	—	2
известковые	—	1	—	—	—	—	1
лаборатории	—	1	—	—	—	—	1
стеклянные	—	1	—	—	—	—	1
кожешенные	—	1	—	—	—	—	1
бумажные	—	1	—	—	—	—	1
лесопильные	—	1	—	—	—	—	1
кирпичные	—	1	—	—	—	—	1
салотопные	—	1	—	—	—	—	1
Арсеналы	—	1	—	—	—	—	1
Пороховые погреба	1	1	—	1	—	—	3
Склады							
провианта	2	—	—	1	—	—	3
зерна	—	2	1	—	—	1	4
соли	3	1	1	1	—	—	6
водки	1	3	1	1	—	—	6
Цейхгаузы	—	1	—	—	—	—	1
Казначейства	1	1	1	1	—	—	4
Деревянные амбары для хранения пушнины	1	—	—	—	—	—	1

1	2	3	4	5	6	7	8
Торговые дома	1	2	1	1	—	—	5
в них ларей	111	65	9	31	—	—	216
Универсальные магазины	1	—	—	—	—	—	1
в них ларей	32	—	—	—	—	—	32
Продовольственные рынки	1	1	1	—	—	—	3
в них ларей	20	22	2	—	—	—	44
Рыбные лавки	1	—	—	—	—	—	1
в них ларей	10	—	—	—	—	—	10
Лавки мелочные	5	—	—	—	—	—	5
хлебные	1	—	—	—	—	—	1
Деревянные амбары для розничной тор- говли	109	—	—	—	—	—	109
Школьные здания	1	1	1	1	—	—	4
Сиротские дома для детей военнотру- дящихся	1	—	—	—	—	—	1
Деревянные казармы	2	—	—	—	—	—	2

Состав населения по сословиям [чел.]

Духовное							
мужчины	50	18	7	16	10	10	111
женщины	47	20	7	17	15	9	115
Военное							
мужчины	1690	384	110	319	78	45	2626
женщины	539	425	40	191	15	11	1221
Губернские чиновники							
мужчины	214	47	15	9	12	17	314
женщины	126	17	14	7	15	16	195
Дворяне и внеслужебные сословные лица							
мужчины	8	7	3	1	2	—	21
женщины	7	4	1	—	—	—	12
Чиновники различных рангов							
мужчины	143	3605	—	95	24	10	3877
женщины	186	2519	—	159	27	8	2899
Купцы							
первой гильдии							
мужчины	3	—	—	—	—	—	3
женщины	2	—	—	—	—	—	2
второй гильдии							
мужчины	1	5	—	—	—	—	6
женщины	4	2	—	—	—	—	6
третьей гильдии							
мужчины	77	40	12	7	3	1	140
женщины	73	57	11	18	4	1	164
Горожане и ремесленники							
мужчины	2640	591	622	686	—	2	4541
женщины	2075	601	540	589	—	—	3805
Крестьяне							
мужчины	240	12	26	55	261	105	699
женщины	118	10	41	53	286	108	616
Иногородцы							
мужчины	124	—	—	9	—	—	133
женщины	106	—	—	6	—	—	112
Ссылные							
мужчины	84	—	96	33	—	—	213
женщины	27	—	42	25	—	—	94
Прислуга							
мужчины	46	179	14	18	5	3	265
женщины	44	211	13	46	8	5	327

Состав населения по вероисповеданиям [чел.]

Православные	8 345	8 740	1306	2 358	765	531	21 865
Католики	47	3	6	—	—	—	56
Лютеране	10	11	—	—	—	—	21
Иудеи	38	—	302	—	—	—	340
Магометане	234	—	—	1	—	—	235
Общее число жителей							
мужчины	5 320	4 888	905	1 248	395	193	12 949
женщины	3 354	3 866	709	1 111	370	158	9 568
Наибольшее число населения во время годовых ярмарок и при других обстоятельствах	10 000	9 000	2 000	400	1000	500	26 500

1	2	3	4	5	6	7	8
Объявившие торговые капиталы							
первой гильдии.....	2	—	—	—	—	—	2
второй.....	1	2	—	—	—	—	3
третьей.....	14	14	4	6	—	1	39
Сумма всех находящихся в обороте купеческих капиталов [руб.].....	448 000	156 000	32 000	48 000	—	8000	692 000
Количество судов, причаливающих к пристани.....	7	—	—	—	—	—	7
Количество судов, принадлежащих жителям.....	7	—	—	—	—	—	7
Приход городского бюджета [руб.].....	57 653	829	3 776	3 238	—	—	65 496
Расход городского бюджета [руб.].....	46 801	499	3 489	3 170	—	—	53 959

17. СВЕДЕНИЯ О СОСТОЯНИИ ОКРУГОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1825 г.

	Томский	Кап-ский	Барна-ульский	Кузнец-кий	Колы-ван-ский	Чарыш-ский	Всего
1	2	3	4	5	6	7	8
Пригороды в округе.....	1	—	—	—	—	1	2
Крепости.....	—	—	—	1	—	1	2
Фортисты.....	—	—	—	1	—	13	14
Редуты.....	—	—	1	3	—	17	21
Волости							
русские.....	12	9	10	8	10	9	58
ясажные.....	59	7	—	28	—	—	94
Селения.....	272	148	354	283	304	200	1 561
Дючины у калмыков (то же, что волости у русских).....	—	—	—	—	—	7	7
Ведомства других народов (татарского племени).....	—	7	—	—	—	—	7
Жилые дома, металлургические заводы и рудники							
Дома, принадлежащие казне							
каменные.....	—	—	1	—	—	2	3
деревянные.....	3	1	40	13	—	48	105
Деревянные общественные здания.....	44	38	26	17	22	22	169
Частные дома							
каменные.....	—	—	5	—	—	—	5
деревянные.....	6 966	5 472	11 832	9 278	8 166	8 248	49 962
Православные церкви							
каменные.....	10	—	2	4	4	2	20
деревянные.....	14	5	8	7	5	5	44
Деревянные часовни.....	24	23	11	98	6	73	235
Магометанские мечети (деревянные).....	3	—	—	—	—	—	3
Богадельни.....	1	—	—	—	—	—	1
Больницы.....	—	—	1	3	—	—	4
Госпитали.....	—	—	3	2	—	7	12
Каменные гауптвахты.....	—	—	1	—	—	2	3
Частные заводы и фабрики							
Кожевенные заводы.....	2	—	4	2	—	3	11
Мыловаренные заводы.....	—	—	2	—	—	—	2
Салотопные заводы.....	—	2	—	—	—	—	2
Кирпичные заводы.....	—	—	1	—	—	—	1
Казенные заводы и фабрики							
Сереброплавильные.....	—	—	1	2	—	2	5
Медеплавильные.....	—	—	1	—	—	—	1
Чугунолитейные.....	—	—	—	1	—	—	1
Винокуренные.....	2	—	—	—	—	—	2

1	2	3	4	5	6	7	8
Кирпичные	—	—	3	—	—	6	9
Камнешлифовальные	—	—	—	—	—	1	1
Мельницы							
водяные	57	93	521	668	575	238	2 152
ветряные	18	139	60	—	188	21	426
с кошной тягой	—	6	—	2	—	—	8
Кузницы	19	23	451	266	176	165	1 098
Кабаки	47	12	32	26	16	46	179
Склады							
казенные амбары для зерна	12	—	2	3	—	14	32
казенные соляные	—	—	1	2	—	4	7
винные погреба	1	2	1	2	—	2	8
общие	39	49	157	129	90	123	587
Пристани	3	1	1	3	2	1	11
Суда							
для руды	—	—	—	—	—	12	12
зерна	1	1	1	1	3	—	7
соли	1	—	—	—	—	—	1
разных товаров	7	—	—	—	—	—	7
Барки							
для зерна	8	—	—	1	1	—	10
соли	1	—	—	—	2	—	3
Карбасы							
для зерна	18	—	—	—	—	—	18
рыбы	23	—	—	—	2	—	25
прочих товаров	2	—	—	—	—	—	2
Гостинные ряды	7	—	2	1	—	1	11
Ярмарки	7	—	—	—	—	—	7
Почтовые станции	23	18	15	4	14	15	89
Лошадей на этих станциях	230	252	116	16	112	66	792
Трактовые дороги, содержимые на общественные средства, верст	390	487	432	775	390	326	2 800
Наличие на них							
мостов	68	101	51	103	61	43	427
газей	558	797	25	42	30	10	1 462
паромов	5	2	3	4	4	1	19
Состав населения по сословиям [чел.]							
Дворяне, чиновники и горожане							
мужчины	795	242	6 857	4 925	380	10 560	23 759
женщины	607	204	6 015	4 128	661	6 905	18 520
Крестьяне							
мужчины	21 786	13 996	22 821	18 386	22 739	19 552	119 280
женщины	15 833	13 860	23 430	19 649	23 321	19 984	116 077
Инородцы оседлые							
мужчины	1 761	442	—	1 527	—	393	4 123
женщины	1 452	391	—	1 513	—	387	3 743
кочевники							
мужчины	4 876	1 489	—	3 130	—	4 480	13 975
женщины	4 980	1 501	—	3 284	—	4 811	14 576
бродячее население							
мужчины	—	545	—	—	—	308	853
женщины	—	595	—	—	—	164	759
Ссылные							
приговоренные к каторжному труду							
мужчины	1 100	—	—	—	—	40	1 140
женщины	498	—	—	—	—	52	550
поселенцы							
мужчины	2 536	2 690	—	146	—	430	5 802
женщины	444	600	—	9	—	15	1 067
Состав населения по вероисповедованиям [чел.]							
Христиане							
православные							
мужчины	31 821	16 846	29 669	25 476	23 119	30 950	175 881
женщины	22 976	14 652	29 434	25 808	30 981	27 342	144 193
католики							
мужчины	610	2	1	8	—	25	646
женщины	488	1	2	—	—	—	491
протестанты							
мужчины	—	—	8	9	—	—	17
женщины	—	—	9	4	—	—	13

1	2	3	4	5	6	7	8
Иудеи							
мужчины.....	40	88	—	—	—	—	128
женщины.....	39	23	—	—	—	—	62
Магометане							
мужчины.....	183	2 468	—	—	—	—	2 651
женщины.....	141	2 475	—	—	—	—	2 616
Язычники							
мужчины.....	200	—	—	2 621	—	4 788	7 609
женщины.....	169	—	—	2 771	—	4 976	7 916
Число всех жителей							
мужчины.....	32 854	19 404	29 678	28 114	23 119	35 763	168 932
женщины.....	23 813	17 151	29 445	28 583	23 981	32 318	155 291
Военнослужащие							
высшего ранга							
мужчины.....	10	9	—	6	2	18	44
женщины.....	5	7	—	3	1	10	26
низшего ранга							
мужчины.....	279	255	—	501	57	1 377	2 469
женщины.....	69	68	—	418	24	1 123	1 702

18. ТАБЛИЦА НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ ОКРУГОВ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1825 г.

	Томский		Капский		Кузнецкий		Барнаульский		Колыванский		Чарышский		Всего в Томской губернии		
	ук.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	лиц обо- его пола	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16

Первый раздел. Состояния, не подлежащие ревизии

I. Духовенство															
1. Православное белое духовенство	68	77	24	22	50	47	52	46	6	10	6	6	206	207	413
их дети	47	75	15	39	21	49	20	45	4	5	4	3	111	216	327
черное духовенство	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
2. Христианское других испове- даний															
белое духовенство	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
их дети	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
3. Другие религии															
магометанское духовенство	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	—	3
их дети	2	1	6	5	—	—	—	—	—	—	—	—	8	6	14
	—	1	8	6	—	—	—	—	—	—	—	—	8	7	15
	2	2	14	11	—	—	—	—	—	—	—	—	16	13	29
II. Гражданские чиновники															
1. Губернские чиновники	121	154	53	72	71	96	72	91	10	15	10	8	337	437	773
высшие чиновники, члены ве- домств	52	31	17	16	9	7	6	4	12	4	6	5	102	67	109
их дети	14	15	3	14	2	4	2	7	3	6	1	—	25	46	71
канцелярские служащие	68	47	3	2	3	1	19	5	3	1	6	3	102	59	161
их дети	13	14	—	1	—	1	1	—	—	1	2	1	16	18	34
низшие служащие	33	9	7	4	7	1	10	1	7	2	4	—	68	14	82
их дети	3	3	—	—	—	—	1	—	—	—	1	2	5	5	10
	183	119	30	34	21	14	39	17	25	14	20	11	318	209	527

2. Почтовые чиновники высшие чиновники, члены ве- домств их дети канцелярские служащие их дети почталоны и другие низшие служащие их дети	3	4	1	1	1	1	2	—	1	2	—	—	—	8	8	16
	—	2	2	2	2	—	—	—	1	1	—	—	—	5	4	9
	2	2	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	3	3	6
	4	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	3	7
	19	7	6	4	2	2	3	—	—	—	—	—	—	30	13	43
	4	1	4	7	1	2	2	—	—	—	—	—	—	11	12	23
3. Сословие учителей высшие чиновники их дети низшие служащие	32	19	13	14	6	5	8	3	2	2	—	—	—	61	43	104
	3	—	1	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	5	1	1
	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	—
4. Консисторские чиновники высшие чиновники их дети низшие служащие их дети	4	—	2	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	7	2	9
	—	—	—	—	2	2	1	1	—	—	—	—	—	3	3	6
	—	—	—	—	1	1	1	1	—	—	—	—	—	2	2	4
	4	1	—	—	2	2	2	1	—	—	—	—	—	8	4	12
	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	—	—	1	1	2
5. Чиновники медицинской службы высшие чиновники их дети низшие служащие их дети	4	1	—	—	5	6	5	3	—	—	—	—	—	14	10	24
	5	—	1	—	2	3	5	5	1	—	1	—	—	15	8	23
	—	—	—	—	—	2	8	6	—	—	—	—	—	8	8	16
	14	5	11	8	17	9	28	19	1	—	—	—	—	71	41	112
	—	2	3	4	3	6	5	11	—	—	—	—	—	11	23	34
	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
	19	7	15	12	22	20	46	41	2	—	1	—	—	105	80	185
[Итого]																
III. Военнослужащие В Сибирском отдельном кор- пусе	242	146	60	62	55	45	98	64	29	16	21	11	—	505	344	849

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
Исполняющие обязанности внутренних караульной службы в гарнизонах, батальонах	Высшие чиновники	13	—	—	4	4	—	—	—	—	20	16	53	33	86
	их дети	2	—	—	—	2	—	—	—	—	4	11	6	23	29
	Высшие чиновники	759	—	—	182	47	—	—	—	—	215	139	1 156	384	1 540
	их дети	73	—	—	11	27	—	—	—	—	20	106	104	178	282
	их дети														
2. Исполняющие обязанности внутренних караульной службы в инвалидных командах	Высшие чиновники	6	3	2	4	3	—	—	—	—	1	1	16	10	26
	их дети	4	1	1	2	6	—	—	2	1	—	14	6	23	29
	Высшие чиновники	89	42	46	95	10	—	—	52	17	106	66	473	181	654
	их дети	22	21	30	1	3	—	—	4	8	7	24	57	86	143
	их дети при родителях . .														
3. В этапных командах	Высшие чиновники	121	67	157	102	22	—	—	58	27	114	105	552	300	852
	их дети	5	5	6	—	—	—	—	1	1	—	—	12	10	22
	Высшие чиновники	2	4	2	3	—	—	—	1	—	—	—	5	7	12
	их дети	140	49	112	47	—	—	—	56	24	—	—	308	120	428
	их дети при родителях . .	31	43	31	32	—	—	—	9	12	—	—	71	87	158
4. В жандармских командах	Высшие чиновники	178	101	151	86	—	—	—	67	37	—	—	396	224	620
	их дети	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
	Высшие чиновники	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	2	4
	их дети	30	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	15	45
	их дети	2	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	5	7
5. Инженеры	Высшие чиновники	35	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	35	23	58
	их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	1	2
	Высшие чиновники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2
	их дети														

6. Артиллеристы												
высшие чины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
низшие служащие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7. Лицейные казаки												
высшие чины	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
низшие служащие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
8. Комендатура												
высшие чиновники	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
низшие служащие	34	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	4	26	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
солдатские дети в военном сиротском приюте	988	14	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9. Интендантство												
А. По продовольственному делу	1031	40	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
высшие чиновники	5	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	4	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
низшие служащие	4	2	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	2	6	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Б. По делу комиссариата												
высшие чиновники	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
низшие служащие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
их дети	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
[Итого] . . .	2243	520	310	166	1275	1019	—	—	—	—	—	—

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
IV. Солдаты внутренней охраны															
1. Организованные городские казаки															
заки	167	195	61	19	26	31	34	22	67	51	45	31	400	349	749
их дети	107	47	8	17	23	14	21	7	17	25	32	24	208	34	342
и их дети	274	242	69	36	49	45	55	29	84	76	77	55	608	383	1 091
2. Присяжные казаки															
и их дети	45	23	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	45	23	68
и их дети	30	19	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	19	49
Итого	75	42	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	75	42	117
V. Горное дело															
Итого	349	284	69	46	49	45	55	29	84	76	77	55	683	525	1 208
1. Горные чиновники															
и их дети	—	—	—	—	22	16	76	49	—	—	39	33	137	98	235
и их дети	—	—	—	—	14	14	20	56	—	—	23	43	57	113	170
2. Низшие служащие															
и их дети	—	—	—	—	89	56	193	91	—	—	210	134	402	281	773
и их дети	—	—	—	—	53	55	34	122	—	—	113	112	200	289	489
3. Канцелярские служащие															
и их дети	—	—	—	—	42	26	148	57	—	—	33	25	223	108	331
и их дети	—	—	—	—	6	19	35	37	—	—	21	29	62	85	147
4. Мастерские															
и их дети	—	—	—	—	55	42	392	307	—	—	87	72	534	421	955
и их дети	—	—	—	—	28	33	135	235	—	—	44	51	207	319	526
5. Горнорабочие															
и их дети	2	2	—	—	3301	1963	3868	2450	—	—	6 648	3361	13 819	7 776	21 595
и их дети	—	—	—	—	978	1505	1242	2092	—	—	2 589	2273	4 809	5 870	10 679
VI. Неслуживые сословия															
Итого	2	2	—	—	4588	3729	6143	5496	—	—	9 807	6133	20 540	15 360	35 900
1. Дворяне вне службы															
и их дети	9	8	—	—	2	1	13	9	2	—	—	—	26	18	44
и их дети	—	3	—	—	2	3	3	9	—	—	—	—	5	15	20
2. Персональные дворяне и лица различных рангов вне службы															
и их дети	39	66	8	8	266	495	380	403	24	27	2	3	719	1 002	1 721
3. Состоящие под опекой коллегии общественного призрения															
и их дети	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	1	—	1
и их дети	84	107	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	84	107	191
и их дети	45	81	—	—	3	—	16	10	—	—	—	—	64	91	155
Итого	177	265	8	8	274	499	412	431	26	27	2	3	899	1 233	2 132
Всего не учитываемых ревизией															
Итого	3134	1371	500	344	6312	5433	6780	6111	277	201	13 056	9300	30 059	22 760	52 890

Второй раздел. Сословия, подлежащие налоговому обложению

I. Горожане

I. Купцы первой гильдии	3	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	3	2	5
II. Купцы второй гильдии *	1	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	8	16
III. Купцы третьей гильдии *	72	80	12	10	8	32	45	60	3	—	—	141	172	413
2. Обыватели	76	86	12	10	8	32	54	64	3	—	—	152	182	334
принадлежащие к ремесленным цехам	2 480	1 919	622	540	828	787	851	868	269	386	2	5 052	4 450	9 502
3. Домашняя прислуга	440	375	6	1	—	—	—	—	—	—	—	446	376	822
русские	2 920	2 344	628	541	828	787	851	868	269	386	2	5 498	4 826	10 324
калмыки	32	24	8	8	42	61	184	234	3	7	228	497	657	1 154
4. Монастырские служки	14	24	6	5	6	15	63	44	2	1	—	91	89	180
	46	48	16	13	48	76	247	276	5	8	228	588	746	1 334
	8	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	8	10	18
II. Поселяне														
1. Крестьяне														
государственные и помещичьи	3 050	2 488	654	564	884	885	1 150	1 208	277	294	231	325	6 246	12 010
приписанные к металлургическим заводам	16 905	10 924	13 254	11 189	322	285	—	—	—	—	198	140	30 679	53 217
III. Иногородные														
1. Оседлые, занимающиеся земледелием	4 881	4 912	—	—	17 788	18 931	22 821	23 430	22 739	23 321	17 362	18 023	85 591	174 208
2. Кочующие	1 789	1 290	442	391	1 456	1 513	—	—	448	498	544	487	4 679	8 858
христиане	4 876	4 123	21	13	560	513	—	—	—	—	—	—	5 457	10 106
нехристиане	—	—	2 013	2 083	2 621	2 771	—	—	—	—	1 305	1 420	5 939	12 213
бродячие	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2 533	2 650	2 650	5 183
	6 665	5 413	2 476	2 487	4 637	4 797	—	—	448	498	4 382	4 557	18 608	36 360
[Всего поселян и иногородцев]	28 451	21 249	15 730	13 676	22 747	24 013	22 821	23 430	23 187	23 819	21 942	22 720	134 878	263 785

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14	15	16
IV. Ссылные															
А. Размещение до предписания о ссылных															
1. Притоворенные к каторжным работам	922	265	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	922	265	1 187
их дети	158	139	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	158	139	297
на вольных харчах	142	47	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	142	47	89
их дети	46	34	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	46	34	80
2. Ссылно-поселенцы на вольных харчах	2 194	421	1 201	219	7	—	—	—	—	—	92	29	3 494	669	4 163
их дети	59	70	48	50	—	—	—	—	—	—	9	7	116	127	243
Б. Размещение после предписания о ссылных															
1. Притоворенные к каторжным работам	321	62	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	321	62	383
их дети	5	7	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	7	12
освобожденные от работы	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—	4
2. Работающие определенное время на заводах	10	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	10	—	10
3. [Работающие] на путевых коммунациях.	—	—	415	—	—	—	—	—	—	—	—	—	415	—	415
в частных домах.	41	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	41	—	41
их дети	2	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	2	—	2
4. На поселении. Приписанные к старожильческим сельским обществам	1 158	54	878	40	128	—	—	—	—	—	36	2	2 200	96	2 296
их дети	7	4	16	2	—	—	—	—	—	—	—	—	23	6	29
5. Отбывшие срок наказания	508	43	344	16	3	—	—	—	—	—	47	8	902	67	969
их дети	18	12	14	12	—	—	—	—	—	—	6	2	38	26	64
[Итого]	5 594	1 158	2 917	339	138	—	—	—	—	—	190	48	8 839	1 545	10 384
Всего подлежащих налоговому обложению															
	37 095	24 895	19 301	14 579	23 769	24 898	23 971	24 638	23 464	24 113	22 363	23 093	149 963	136 216	286 179
Всего в Томской губернии															
	40 229	26 266	19 801	14 923	30 081	30 131	30 751	30 749	23 741	24 314	35 419	32 393	180 022	158 976	33 899

Общие замечания

1. Сведения о населении														
Родилось в течение года	1 158	898	849	803	875	811	1 204	922	357	290	472	326	4 915	4 151
Умерло »	884	797	454	401	531	450	816	691	205	180	473	410	3 362	2 929
в возрасте до 15 лет	413	531	304	226	345	253	443	388	140	110	281	249	1 926	1 757
от 15 до 45 лет	175	156	76	97	87	99	162	121	24	32	127	90	651	395
от 45 до 60 лет	141	56	65	62	45	49	84	72	32	36	48	59	415	334
от 60 до 100 лет	154	54	9	16	54	44	125	109	9	2	16	12	367	237
свыше 100 лет	4	—	—	—	—	—	2	1	—	—	1	—	4	1
Заключено браков	400	—	336	—	384	—	509	—	476	—	226	—	2 331	—
Число разводов	—	—	—	—	2	—	—	—	—	—	—	—	2	—
2. Распределение жителей по вероисповеданиям														
Христиане	39 055	25 412	17 044	12 315	2 744	27 556	30 742	30 738	23 741	24 314	30 606	27 413	16 863	147 748
православного исповедания														
римско-католического исповедания	653	488	7	2	17	4	9	11	—	—	25	4	711	509
Иудей	70	47	282	13	—	—	—	—	—	—	—	—	352	178
Магометане	250	140	2 468	2 475	—	—	—	—	—	—	—	—	2 718	2 625
Язычники	200	169	—	—	2 621	2 771	—	—	—	—	4 788	4 976	7 609	7 916
3. Сведения о чиновниках														
Служащие и неслужащие	119	82	8	29	7	28	82	51	20	15	5	32	338	237
14—9 классов	23	19	3	3	6	4	12	7	1	—	3	3	48	36
8—»	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	5	8
5—»	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	3
4—6 »	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	4	—

(Проф. Фр. Паррот)*

Краткость времени, в течение которого были произведены все приготовления к этому трудному путешествию, поставила г-на статского советника Ледебура в такое положение, что он не смог бы обо всем позаботиться, и поэтому я с большим удовольствием взял на себя заботу об аппаратах, требуемых для барометрических измерений высот. Они были изготовлены в Дерпте университетским механиком, и их испытание полностью убедило меня в том, что сделаны они хорошо и что данные произведенных с их помощью измерений надежны и точны.

Один из трех изготовленных путевых барометров был поврежден в пути, а два оставшихся были доставлены невредимыми до места их назначения и служили — один статскому советнику Ледебуру, другой д-ру Бунге — для измерения высот.

Это были так называемые чашечные барометры, у которых ртуть во время перевозки заполняла маленькую чашечку во избежание помехи при толчке; при смачивании барометра опускающаяся ртуть выступает из трубки через маленькое отверстие на крышку чашечки, где она, окруженная ее выступающими краями, образует свободную видимую поверхность, непосредственно по которой на шкале отмечается высота подъема ртутного столба.

Добавить точности измерений более чем до десятых долей линии считается ненужным, так как большие расстояния до измеряемого пункта от вертикально стоящего барометра и без того сильно ограничивают точность результатов. Чтобы скорректировать влияние тепла на барометрический столб, барометрические трубки не вставлялись в деревянную доску, а закреплялись на ней, так что могли беспрепятственно воспринимать тепло воздуха, и его отражал термометр, закрепленный на той же доске и входящий в нее своим шариком. Установка инструмента занимает приблизительно 15—20 минут; этого вполне достаточно, чтобы получить с помощью термометра надежные сведения о температуре барометрического столба. Все найденные барометрические высоты вычислялись по такому закону: ртуть при нагреве на 1°R расширяется на $1/4330$ своего объема, существующего при общей температуре точки замерзания.

Г-н Ледебур ставил себе целью организовать дело так, чтобы даже во время пребывания его и его спутников в горах продолжали производиться в определенные часы ежедневные измерения в таких пунктах, как Барнаул, Риддерск, Змеиногорск. Для этой цели он захватил с собой запас барометрических трубок, коротких шкал и чистой ртуты, чтобы постепенно приобрести спорную и в установке барометров в походе. Но, к сожалению, те люди, которые должны были производить наблюдения, не делали этого с подобающей точностью, и их данные лучше пренебречь, нежели использовать их для подсчетов. Наблюдения в самом Барнауле, проводимые с помощью местного барометра, хотя и не были столь точны, как у самих

путешественников, делались регулярно. Кроме того, расстояние между Барнаулом и горными районами, составляющее от 200 до 700 верст, было слишком велико для того, чтобы можно было игнорировать влияние погоды на инструменты, установленные в разных пунктах, как это видно из производившихся физиками опытов, а также из вычислений на основании этих наблюдений. По данной причине путешественникам пришлось прибегнуть к методу так называемых «изолированных» наблюдений, который обычно применяется при измерении высот даже в горах Европы, более удобных для путешествий, богато оснащенных разными научными приборами и инструментами.

При вычислении результатов измерений больших высот за основу берется постоянная цифра, полученная на барометрической шкале на берегу моря, а именно: $338,2$ парижской линии при 10°R или $337,4$ лин. при 0°R по шкале Линденау. Из логарифма этого барометрического уровня вычитается логарифм каждого полученного в горах барометрического показателя, и разность, умноженная на $60\,000$, принимается за чистую высоту данного места над уровнем моря, а затем указывается на карте и в таблице.

Прежде всего необходимо объяснить, почему выбран этот коэффициент, а не предложенный теоретически Лапласом и подтвержденный практически Ромоном. Согласно этому определению, для географической широты от 50° следует принимать коэффициент 56640 , основанный на соотношении удельных весов воздуха и ртути, которые также зависят от температуры. Вот почему необходимо учитывать температуру всей воздушной массы, давление которой измеряется и которая должна вводиться в барометрическую формулу в качестве корректирующего члена. Но при «изолированных» наблюдениях отсутствуют данные о температуре нижнего пункта, которые тем не менее необходимы и не могут быть приняты произвольно, так как эти данные, а вместе с ними и показания барометра зависят от различного состояния погоды, времени года и дня. Поэтому при измерениях такого рода эта поправка отпадает, но в таком случае должен быть исправлен и основанный на ней постоянный коэффициент.

Далее следует объяснить, почему вместо коэффициента Лапласа и Ромона предпочтение отдается коэффициенту Майера. Удобство его применения при вычислении не может быть достаточным основанием для этого. Но, во-первых, замечено, что между этими двумя коэффициентами не такая уж большая разница и они даже полностью совпадают, если средняя температура измерений массы воздуха равняется приблизительно $+15^{\circ}\text{R}$, что очень часто бывает в том случае, если измерения производятся в летнюю пору. Во-вторых, опытами твердо установлено, что коэффициент этот более правильный, тогда как очень сложная барометрическая нивелировка, которая, исходя из одного определенного пункта, составляет непрерывный ряд измерений, закаливающих то на одной, то на другой высоте в фиксированных пунктах, в вычислениях с коэффициентом Лапласа и с учетом теплоты воздуха дает либо неточные, либо менее точные результаты, чем при вычислениях с помощью коэффициента Майера, без учета температуры воздуха. Следующее обоснование этого важного

* Паррот, Фридрих — физик, профессор Дерптского (Юрьевского, ныне Тартуского) университета. Сын первого ректора этого университета, почетный член Петербургской Академии наук Г. Ф. Паррота (1767—1852). (Прим. ред.)

обстоятельства, более детальное изложение которого не относится к делу, может, вероятно, состоять в том, что по формуле Лапласа воздух в отношении нагрева рассматривается лишь как тяжелая жидкость, а барометр ошибочно рассматривается, как измеритель давления, или манометр, хотя он важен именно для измерения давления и плотности массы воздуха.

Поправка на географическую широту, поскольку коэффициент Майера пригоден для измерения широт между 42° и 45°, была бы излишней для широт ниже 50°, основанных на «изолированных» наблюдениях, так как ее влияние на встречающиеся здесь высоты не составляет большей разницы, чем 1—2 фута; это замечание имеет значение и для поправки на убыль веса в результате вертикального подъема.

Таким способом статский советник Ледебур определил в этом негостеприимном и для исследователей природы до сих пор чуждом крае высоту над уровнем моря в 122 пунктах, а д-р Бунге увеличил их число еще на 32. Измерения при этом производились обычно под открытым небом, и там, где путешественник находился долго или куда он мог возвратиться трижды в день: в 6 или 7 часов утра, в 12 часов дня и между 6 и 8 часами вечера. В таком случае при вычислении истинной высоты местности всегда бралось арифметическое среднее между этими тремя измерениями, которые и помечались в таблице и на карте.

В Барнауле статский советник Ледебур сделал не менее 308 измерений; так как они пришлись в основном на летние месяцы, то можно было бы на основании известного правила предположить, что высота ртутного столба окажется слишком большой и, следовательно, местность в результате таких измерений — слишком низкой; тем приятнее было узнать, что статскому советнику Ледебуру удалось с помощью одного из установленных им в Барнауле стационарных барометров при посредстве обученного им человека организовать дальнейшие измерения, которые производились трижды в день в те же определенные часы в

течение всего путешествия и продолжают до сего дня.

Хотя этот непрерывный ряд измерений по вышеприведенным причинам не мог теперь применяться для нивелировки горных высот, тем не менее он дал нам очень хорошее средство для определения среднего барометрического уровня для Барнаула, этого важного места для всех путешественников по Алтаю, а следовательно, и вероятную высоту этого города над уровнем моря. Как результат постигших до настоящего времени записей 1024 измерений с 6 апреля 1826 г. по 6 апреля 1827 г. был вычислен среднегодовой барометрический показатель при 0° R, редуцированный от 332,7 парижской линии, который с учетом вышеупомянутой морской барометрической константы дает высоту местности в 366 футов над уровнем моря. Почти на 40 футов ниже течет Обь вблизи Барнаула; течет она очень медленно по извивающемуся руслу еще более 2000 верст к Северному Ледовитому океану.

Многие производившиеся в горах измерения можно проверить течением рек, на берегах которых они также проведены, и отраднo видеть, что вычисления высот, произведенные в долинах рек Чарыша, Коксуна, Бухтармы и др., соответствуют как высоте падения воды вообще, так и сменам ее крутого и пологого уклонов. Исключение составляют только измерения в долине Иртыша, ибо установки барометра ниже по течению дают большую высоту подъема, нежели другие, сделанные выше по течению реки. Такие ошибки, к сожалению, возможные при общепринятом методе «изолированных» измерений высот, применение которого во время этого путешествия стало необходимым только лишь из-за некоторых неблагоприятных обстоятельств, вызванных самой постановкой дела. И в данном случае изучение состояния погоды точно показало, что такое несоответствие объясняется лишь тем, что от 27 до 29 августа наблюдалось необычайное снижение барометрического уровня, сопровождаемое соответствующей переменной погодой, а 30 августа оно прекратилось, и определения высот снова стали по-прежнему правильными.

Перечень измеренных высот

№ п/п	Место установки	Высота, фута над ур. моря	Погода	Число измерений
1	2	3	4	5
1	Барнаул, близ госпиталя.....	366	Переменная	1024
2	Кладбище, близ Барнаула.....	607	Ясная	1
3	Змеиногорск, около новой церкви.....	1201	Пасмурная	19
4	Северо-западная вершина Глядя, между Змеиногорском и Колыванью (k')	1856	Ясная	1
5	Колыванская шифовальная фабрика, близ дома начальника	1209	»	1
6	Пригонная сопка около Змеиногорска	1462	»	1
7	Караульная сопка около Змеиногорска	2006	Пасмурная	1
8	Лазаревский серебряный рудник, у дома смотрителя	1650	Ясная	1
9	Яшмовый карьер у реч. Лагаушки, недалеко от Ревенной сопки.....	1915	»	1
10	Средняя вершина Ревенной сопки	3088	»	1
11	Д. Екаторининская	1024	»	1
12	В четырнадцать верстах от предыдущей установки по пути в Шемонаиху.....	1675	»	1
13	Д. Шемонаиха	1016	Пасмурная	1
14	Д. Выдриха	1088	»	1
15	С. Лосиха	1096	Переменная	2
16	С. Убинск	1210	»	2
17	Д. Быструха	1321	»	4
18	Д. Черемшанка	1436	»	7
19	Д. Бутакова	1660	»	5
20	Риддерск, близ дома управляющего.....	2346	»	54
21	Скалы на правом берегу Быструхи, около 4 верст к югу от Риддерска	2528	Ясная	1
22	С. Бобровское	1457	»	2

1	2	3	4	5
23	С. Согра.....	1250	Переменная	5
24	Окружной город Усть-Каменогорск	1137	Пасмурная	2
25	Пригонная сопка, около пристани на Иртыше, примерно в 2 верстах от Усть-Каменогорска, к востоку (q)	1832	Ясная	1
26	Правый (низменный) берег Ульбы около переправы, приблизительно в 2 верстах севернее Усть-Каменогорска.....	1 250	Пасмурная	1
27	С. Красноярское у Иртыша, ниже Усть-Каменогорска	1225	»	2
28	Самая высокая горная вершина к северо-востоку от с. Красноярского (n)	1832	»	1
29	На 19 версте от с. Красноярского по пути в Секисовку (m).....	2040	Дождь	1
30	На 31 версте от с. Красноярского на том же пути (h)	2090	»	1
31	Д. Секисовка	1674	Пасмурная	1
32	Водораздел между Убой и Ульбой на пути из Быструхи в Черемшанку (a) ...	1683	Ясная	1
33	Самая высокая вершина на правом берегу Ульбы, слева от дороги из Черемшанки в Бутакову (b)	2140	»	1
34	Гора Чесноковка, в 11 верстах к юго-востоку от Риддерска, вверх по течению Быструхи на ее правом берегу (e)	3615	Пасмурная	1
35	Вершина горы, на которой находится Крюковский серебряный рудник	2580	Облачная	1
36	У входа в Крюковский серебряный рудник	2342	»	1
37	Гора Соколов, примерно в 1 1/2 верстах от Риддерска	2992	»	1
38	Вершина Крестовой горы (Ульбинские белки), около креста (g)	6631	Ясная	1
39	У подножия верхнего конуса, на котором стоит крест (f)	6001	»	1
40	Самый верхний высохший ствол лиственницы	6187	»	1
41	Самая верхняя живая лиственница, нынешняя граница произрастания деревьев	5500	»	1
42	Верхняя граница березы бородавчатой.....	4536	»	1
43	Исток Малой Таловки (с)	3571	»	1
44	Вершина горы (Таловская сопка), на южном склоне которой находится тот исток (d)	5065	Облачная	1
45	Вершина (Риддерской) горы, в которой находится Риддерский серебряный рудник..	2580	Ясная	1
46	Водораздел между Ульбой и Белой Убой на пути к Коксунским белкам	3954	Облачная	1
47	Лагерь на берегу Белой Убы	2884	»	2
48	У нижнего истока Ленечихи.....	4307	Довольно ясная	1
49	У верхнего истока Ленечихи (h)	4878	То же	1
50	Водораздел между Белой и Черной Убой на Ленецовой дороге (i)	5150	»	1
51	Лагерь у впадения Калмыцкого ручья в Черную Убу.....	4288	Ясная	1
52	Гребень Коксунских белков	6532	»	1
53	Исток (Малого Коксуна) на восточном склоне Коксунских белков (k)	9692	Довольно ясная	1
54	Верхняя граница березы бородавчатой на восточном склоне Коксунских белков...	5263	»	1
55	Ключ у Сметанского шурфа	4225	Облачная	1
56	Лагерь на левом берегу Малого Коксуна....	4062	Ясная	1
57	Ключ в долине Большого Коксуна, примерно в 3 верстах от правого берега этой реки (v)	3999	»	1
58	У южного подножия горы, разделяющей долины Большого Коксуна и Татарки (u)	4352	Дождь	1
59	Ключ на южном склоне той горы (t)	5596	»	1
60	Гребень той горы (s)	6314	Гроза с градом	1
61	Лагерь на берегу Шилгана (r)	5692	Ясная	1
62	Корытообразная лощина недалеко от истока Чарыша	5953	Довольно ясная	1
63	Вершина горы, поднимающейся к северо-западу от этого места	7184	Ясная облака	1

1	2	3	4	5
64	Верхняя граница деревьев на ней, образованная кедром	6541	Рассеянные облака	1
65	Лагерь на левом берегу Чарыша, около 6 верст от его истока	5112	Ясная	2
66	Лагерь на левом берегу Чарыша, на 2 версты выше устья Керлыка	3623	»	1
67	Лагерь на правом берегу Хаир-Кумына, примерно на версту выше его впадения в Чарыш	2528	»	1
68	Д. Чечулиха	2300	Переменная	4
69	Высота между Чечулихой и Талицей	4552	Малооблачная	1
70	Лагерь на правом берегу Керлыка, у подножия известковой горы	3838	Dito	1
71	Водораздел между Керлыком и Солоном (или Чарышом и Коксуном) в корытообразной долине	4748	Облачная	1
72	Лагерь на левом берегу Юстуда, в 2 верстах выше его впадения в Коксун	3429	Ясная	1
73	Д. Уймон	3144	Гроза, дождь	2
74	Д. Абай	3588	Дождь	1
75	Берег Коксуна, на полверсты (выше впадения Саусара)	3695	Облачная	1
76	У истока р. Карагай	5491	Малооблачная	1
77	Лагерь на берегу южного Абая, примерно 2 версты от его истока	4646	Ясная	1
78	Правый берег Белой Убы у переправы, в 10 верстах выше лагеря (№ 47)	3945	»	1
79	Лагерь на левом берегу Чарыша, в 4 верстах выше устья Керлыка	3838	Облачная	1
80	Водораздел между Керлыком и Ябаганом (d')	5197	Довольно ясная	1
81	Водораздел между Ябаганом и Чакиром (с')	4869	Дождь	1
82	Лагерь близ устья Кана, с правой стороны Чарыша	3579	Облачная	1
83	С. Коргон	2245	Переменная	2
84	Вершина горы выше каменоломни, у самого левого берега р. Коргон	4280	Ясная	1
85	Берег Коргона ниже этой горной вершины, на 3 фута выше поверхности реки	2657	Dito	1
86	Водораздел между Коргоном и Воровской (a')	3588	Плотная облачность	1
87	Лагерь на правом берегу Сентелека, на 8 верст выше одноименного селения	2777	Ясная	1
88	У северного склона Сентелецкого белка, около самого верхнего кедра нормальной величины	5254	Отдельные облака	1
89	Вершина между истоками рек Сентелека и Ини, на Коргонском плато (o)	6069	Dito	1
90	Южная сторона Коргонского плато, между истоками рек Ини и Коровихи	6710	Густые облака	1
91	Лагерь на берегу Благодатной	4953	Отдельные облака	1
92	Лагерь на Большой Убе, восточнее сопки Теремки	2132	Облачная	1
93	Горный хребет между Чесноковой и Малой Журавлихой	3918	Малооблачная	1
94	Пос. Тарханский	1348	Ясная	1
95	Нижняя пристань на Иртыше, около 2 верст выше Усть-Каменогорска, у дома смотрителя	1262	Переменная	1
96	Волчий остров на Иртыше между Усть-Каменогорском и Бухтарминском	1478	Дождь	1
97	Правый берег Иртыша выше форпоста Бухтарминск	1511	Облачная	1
98	Зыряновский рудник	1475	Переменная, изредка ясная	11
99	Д. Мягонькая	1523	Небольшая облачность	2
100	Д. Александровская	1738	Переменная	3
101	Пос. Сенной	1642	Ясная	1
102	Д. Мало-Нарымская, или Ахнева	2728	»	3
103	Водораздел между Нарымкой и Коровихой (Нарымом и Бухтармой) (w)	4343	»	1
104	Д. Коровиха	2027	»	2
105	Село Верх-Бухтарминск, или Печи	2121	Dito	3
106	Д. Белая	2463	Переменная	3

1	2	3	4	5
107	Д. Фыкалка.....	3951	»	6
108	Вершина г. Шебенухи, 7 верст северо-восточнее Фыкалки (z).....	5471	Слегка облачная	1
109	Самое высокое хлебное поле между деревнями Фыкалкой и Белой (y).....	3891	Ясная	1
110	Высота между деревьями Белой и Верх-Бухтарминском (x).....	3447	Dito	1
111	Новый лазарет в Риддерске.....	2368	»	1
112	Пос. Большерецк.....	1048	»	1
113	Д. Кабанова.....	1790	»	1
114	Д. Плоская.....	1048	»	1
115	Д. Саушка.....	1177	»	1
116	Берег Колыванского озера, поднимающийся на 5 футов над водной поверхностью.....	1105	»	1
117	Д. Корболиха.....	968	»	1
118	Д. Музцурна.....	856	Небольшая облачность	1
119	Локтевский металлургический завод, у дома начальника.....	939	Переменная	4
120	Д. Переключная.....	944	Пасмурная, буря	2
121	Пос. Устькорминск.....	760	Пасмурная	1
122	Поверхность Оби близ Барнаула, ниже устья р. Барнаулки..... (Следующие установочные пункты определены на основании измерений д-ра Бунге)	358	Облачная	1
123	Д. Саушка.....	1145	Ясная	2
124	Змеиногорск.....	1208	Переменная	11
125	Пригонная сопка близ Змеиногорска.....	1560	Ясная	1
126	Берег Корболихи, под железной дорогой в Змеиногорске.....	1016	»	1
127	Караульная сопка близ Змеиногорска.....	1915	»	1
128	Д. Ручьева.....	824	»	1
129	Колыванская шлифовальная фабрика.....	1462	»	1
130	Д. Белая*.....	904	»	1
131	Пос. Усть-Тулатинск.....	1242	»	1
132	Форпост Тулатинск.....	1625	»	1
133	Перевал на г. Теплой.....	3891	Небольшая облачность	1
134	Д. Чечулиха.....	2314	Переменная	94
135	Берег Чарыша, напротив горы Чечи.....	2828	Гроза	1
136	Берег Чарыша, напротив устья Кана.....	3210	Дождь	1
137	Высокий берег Катуня, у подножия Сершальских гор.....	2368	Довольно ясная	1
138	Перевал через Сершальскую горную цепь (h).....	5665	Облачная	1
139	У р. Кан, недалеко от ее устья.....	3289	Гроза	1
140	Близ истока Ябагана.....	3802	Небольшая облачность	1
141	Водораздел между Ябаганом и Ело (e').....	4804	Ясная	1
142	Берег Ело, неподалеку от его впадения в Урсул.....	3571	»	1
143	На Урсуле, близ устья Каракولا.....	2819	Довольно ясная	1
144	На г. Четы-Камань (7-й форпост), между Малым и Большим Улугуменем (f').....	4271	Ясная	1
145	На берегу Катуня, у переправы.....	2351	Малооблачная	1
146	На Сершальской горной цепи, у переправы, несколько выше дороги (g').....	5914	Облачная	1
147	Близ Ейлагуша, у подножия Сершальских гор.....	3999	Dito	1
148	На одной из вершин Айгулакской горы.....	7317	»	1
149	Близ Айгулака, недалеко от его впадения в Чую.....	3717	Довольно ясная	1
150	Немного выше устья Курая.....	4842	Облачная	2
151	Край Курайской степи, довольно высоко над берегом Чуи (r').....	5615	Ясная	1
152	Чеганские альпы, около 1000 футов ниже вершины.....	8531	»	1
153	Лагерь у их подножия, напротив устья Чегана.....	6050	»	1
154	Начало высококой Чуйской степи, на уровне Чуи.....	5757	»	1

* Не следует смешивать с одноименным селением, которое названо мной среди установочных пунктов под № 106 и находится между Холсуновскими балками и Бухтармой. (Прим. автора).

20. О СТРУКТУРЕ ГОРНЫХ ПОРОД МАЛОГО АЛТАЯ И ДЖУНГАРСКИХ КИРГИЗСКИХ СТЕПЕЙ

*По наблюдениям статского советника Ледебур и д-ра Мейера (М. Энгельгардт)**

Округ, в котором статский советник Ледебур вел свои геогностические наблюдения, ограничен реками Иртышом и Бухтармой с юго-запада и Чарышом и Коксуном с северо-востока и простирается справа от Иртыша, от д. Красноярской, ниже Усть-Каменогорска, до пункта, находящегося на 30 верст выше Бухтарминска, а оттуда — вверх по Бухтарме до Чингистая. Северо-восточная граница этого округа простирается от Колывани до д. Уймон, близ Коксуна.

Д-р Мейер объехал местность, расположенную слева от Иртыша, до горных цепей, простирающихся на юго-западе между 49—50° с.ш. и дающих Иртышу несколько притоков. Протяженность этой местности по Иртышу — от форпоста Семиарк до крепости Семипалатинск, а по степи — от реки Туранги на востоке до Малой Нуры на западе. Кроме того, д-р Мейер посетил долину Аблайкитки и побывал на правобережье Иртыша, между Нор-Зайсаном и Бухтарминском.

Берега Иртыша там, где он вытекает из Нор-Зайсана, ровные и песчаные, и течение его до Бухтарминска — спокойное. Восточная (правая сторона долины, если следовать по течению) представляет собой степь; дальше местность становится волнистой, поднимаясь лишь немногим выше 100 футов над степью. Те из холмов, которые расположены между Зайсаном, Иртышом и его восточным притоком Курчумом, называются Долен-Кара и Арка-Ул. Последние являются лишь предхолмьями Долен-Кара. Они состоят из гнейсовой, почти вертикальные слои которого падают к северо-западу и юго-востоку и включают в себя диабазовый порфирит. Южные склоны этих холмов круче северных, которые примыкают к расположенным перед ними холмам, пересеченным р. Курчумом. Они продолжают по ту сторону реки под названием Курчумской горной цепи до р. Нарым и состоят, особенно у Курчума, из глинистого сланца, который переходит на вершинах в смесь полевого шпата, кварца и глинистого сланца (вид серой ваки) и почти отнесено обрывается на северо-северо-восток и северо-восток. Далее к северу находится таким же образом расположенный глинистый сланец с кварцем и гранитом.

С гор Верхней Нарымки и Бухтармы, с высоты 4343 футов над уровнем моря и 2832 футов над Иртышом (близ Бухтарминска), статский советник Ледебур увидел цепь высоких снежных вершин, уходящих в юго-западном направлении и относящихся, по-видимому,

к Малому Алтаю. Д-ру Мейеру сообщили, что Нарымские горы примыкают на юго-востоке через посредство Курчумских гор к Саратау, и что они затем вместе с горами, окружающими оз. Маркаул, смыкаются с Большим Алтаем у верховий Иртыша. Потому д-р Мейер пришел к мнению, что Долен-Кара — ветвь Саратау.

Бухтарма, которая вытекает с Алтая и около 300 верст течет в западном направлении к Иртышу, ограничена с правого, или северного, берега ветвью Алтая — Холзунскими альпами, отделяющими бассейн Иртыша от бассейна Катунь, притока Оби.

Южные склоны этих альп, обращенные к Бухтарме, представляют собой высокое волнистое плоскогорье, глубоко рассеченное несколькими небольшими горными речками, имеющими чрезвычайно крутые скаты, как, например, река Белая — 342 фута на 20 верст. Скалы, подходящие к д. Фыкалке, состоят из гнейсовой, слои которого залегают вертикально, снижаясь, видимо, к юго-востоку.

После слияния Бухтармы с Иртышом последний, поворачивая на запад, вступает в теснину, где он до Усть-Каменогорска стремительно протискивается своим мощным течением между гранитными скалами. Уклон реки от пункта, измеренного выше Бухтарминска, до Усть-Каменогорска составляет 374 фута.

Гранит, который начинается на северной стороне Курчумских гор, приблизительно на 50 верст ниже по течению реки от устья Курчума, около пикета Баты, прекращается в 15 верстах ниже крепости Бухтарминск, построенной на голых круто обрывающихся к реке гранитных скалах. Ниже, до Усть-Каменогорска, долина состоит из глинистого сланца, гнейсовой и гранита, которые чередуются слоями. В подчинении к гнейсовой находятся бело-серый, расщепленный известняк и кварцевые жилы. Простирание сланца северо-северо-восточное и северо-восточное. От него отличается сильно сдавленный кварцевый диорит.

У выхода из теснины Иртыша, близ Усть-Каменогорской переправы, появляется слюдяной сланец, имеющий также падение к северо-северо-востоку и на южной стороне реки переходящий в сильно рассланцованный гранито-гнейс.

Далее, близ Пригонной сопки около Усть-Каменогорска, встречается превосходный глинистый сланец, переходящий в слюдяной, он же имеется и на левом берегу Иртыша, напротив Александровска.

К северо-востоку от Усть-Каменогорска, близ д. Согры, на р. Ульбе высятся холмы из гнейса, слои которого имеют общее направление с юго-востока на северо-запад и покоятся на глинистом сланце, перемешанном с черноватым переходным известняком.

К северу от Бухтарминска долина Иртыша ограничивается западными ответвлениями Холзунских альп, Тургусунскими и Ульбинскими альпами. Последние вздымаются до высоты 6631 фута над уровнем моря, как и предгорья над раскинувшейся на юге и западе степью; горы и горные хребты сравнительно

* Энгельгардт (Engelhardt), Мориц (1779—1842) — профессор минералогии и геологии в Дерптском (Юрьевском, ныне Тартуском) университете, основатель минералогического кабинета при этом университете; совершил ряд научно-исследовательских путешествий, особенно по Уралу и Забайкалью. Автор трудов «Zur Geognosie, Darstellungen aus dem Felsgebäude Russlands» (Berlin, 1820), «Die Lagerstätte des Goldes und Platin im Ural-Gebirge» (Riga, 1828); и др. (Прим. ред.).

невысоки — 3000—4000 футов и в окрестностях Таловки, Быструхи, Громотухи, Белой Убы состоят из роговикового и полевошпатового порфира, отделяющихся плитами и частично подвергшихся выветриванию. Они располагаются в грюнштейне и переходят в гранит. Из гранита состоят Крестовая гора близ Риддерска, одного из богатых серебряных рудников, руды которого встречаются в смеси с кварцем, роговиком и эпидотом.

Вторая ветвь Холзунских альп, под названием Коксунских, тянется к северо-западу и заканчивается Коргонским плато высотой около 7000 футов. Река Коксун, текущая к Катунь в восточном направлении, стекает с Коксунских альп; исток Чарыша находится на восточном конце Коргонского плато, северными склонами которого он ограничен в западном течении. На правом берегу этой реки вздымаются Башчелакские альпы, которые между истоками Чарыша и Коксуна посредством одного отрога соединяются с Коргонским плато.

Преобладающей горной породой в долинах рек Чарыша и Коксуна является грюнштейн. Его структура меняется, становясь то зернистой, то полосчатой, то порфировидной. Порфир с лавондово-лиловым или зеленым, коричнево-красным или ленточным и огнистым яшмовым тестом покоится на грюнштейне, образуя высокие скалистые вершины. Очень мощным является порфир в Коргонской долине, открывающейся слева от Чарыша. С грюнштейном чередуются глинистый и хлоритовый сланцы, перемежающиеся с переходным известняком. Там, где сланцы не изгибаются, они идут с юго-востока на северо-запад, круто обрываясь к северо-востоку.

Западный конец Коргонского плато, с которого стекает Тигирек, левый приток Чарыша, поднимается, как и западный конец Ульбинских альп, в виде предгорий над граничащей на западе местностью, которая вместе со своими гранитными горами — Синохой близ Колывани, сереброносными Змеиногорскими горами и т. п. — расположена ниже, чем в окрестностях Риддерска.

За Колыванью кончаются крутые скалы, и покатоСТЬ к р. Оби выражена настолько резко, что Барнаул, находящийся на расстоянии 280 верст к северу от Колывани, расположен лишь на высоте 365 футов над уровнем моря.

Слева от Иртыша поднимаются обширные степи, ограниченные с юго-запада отдельными группами гор и холмов. В углу, образуемом Иртышом между Нор-Зайсаном и Семипалатинском, почва неровная, так как ее пересекают многочисленные притоки Иртыша. Близ одного из них — Аблайкиты, впадающей в Иртыш напротив Усть-Каменогорска, лежат руины Аблайкита. Д-р Мейер, который их посетил, шел вверх по Аблайкитке, ее правый берегом. Он нашел гранит, расположенный на глинистом сланце, образующий у истока этой реки значительные горы и снижающийся к северо-востоку. Более длительное путешествие в Киргизские степи было предпринято из Семипалатинска, во время которого д-р Мейер переправился через Иртыш южнее Аркатских гор, затем направился на северо-запад к пикету Аркали и к выпрямляющейся к югу излучине, касающейся Кентских гор, до горной цепи Алтын-Тюбе. Возвращался он прежней дорогой до пикета Аркали, а затем свернул на Семиарск.

Левый берег Иртыша близ Семипалатинска достигает примерно 30 футов высоты; состоит он из известняка, который очень круто падает и идет с юго-востока на северо-запад. Его покрывает наносная глина с обломками гранита. Подобное же строение имеют холмы у реки Турунги, но только вместо обломков гранита здесь известковый щебень лежит на глинистом покрытии известковых скал. То же самое мы находим у холмов Аркалыка, где гранит чередуется с глинистым сланцем. На юге к глини-

стому сланцу примыкает мелкозернистая серая вака, которая благодаря полевому шпату имеет вид порфира и здесь составляет почти все холмы и горы.

Так называемые Аркатские горы, поднимающиеся вершинами над окрестными степями не выше 400—500 футов, состоят из диабазового порфира, испещренного вертикальными трещинами. К юго-западу от Арката вздымается почти на 1000 футов цепь Чингис-Тау, предгорья которой состоят из грюнштейна, служащего вместе с серой вакой во многих местах подошвой для гранита. Последний, как и близ Бухтарминска, распадается на отдельные горизонтальные плиты, пронизанные вертикальными трещинами, с той лишь разницей, что последние в Чингис-Тау, а первые близ Бухтарминска более значительны. Падение сланцев совершенно беспорядочное, а грюнштейн нередко переходит в обыкновенную и ленточную яшму или же образует диабазовый порфирит. Последний содержит близ речки Чаганки вместо кристаллов полевого шпата кристаллы роговой обманки и чередуется с белым мрамором и сероватым переходным известняком, который падает к северо-северо-востоку.

Гора Джигелек от своего подножия до самой вершины не содержит ничего, кроме гранита. Далее на северо-западе высятся над степью холмы высотой около 100 футов, состоящие из кварца и роговикового порфира. Восточные предгорья гор Ку состоят у Сухой Речки из яшмы и яшмового порфира, между слоями которых встречаются слои известняка и грюнштейна. К юго-западу от этих гор находится степь с отдельными утесами из фельзитового теста и фельзитового порфира, достигающими местами, пожалуй, 600 футов высоты. Скалистые зубцы горного массива Ку, прорезанного многочисленными ключами, также, по-видимому, состоят из порфира.

Горы Кар-Карала у речки Кунгур-Су левого притока Талды, впадающей в одно из степных озер, состоят из красноватого крупнозернистого гранита; своей формой они повторяют гранитные горы близ Бухтарминска, но выше них и покрыты лесом, из которого выступают крутые вершины. Холмы и равнины у подножия гор содержат глинистый сланец и яшму.

Юго-восточнее гор Кар-Карала с юго-запада на северо-восток, вдоль правого берега Верхней Талды тянется массив Кент. Главные вершины этого массива состоят из гранита, северо-западные предгорья — из сланцев, падение которых из-за почти вертикального направления слоев определить невозможно, предгорья же идут к северо-востоку.

К северо-западу от Кентских гор по реке Ашир-Су тянутся холмы, состоящие из сланцевого кварца, слои которого также простираются к северо-востоку и падают к юго-востоку. Кварц содержится вплоть до цепи холмов Алтын-Тюбе, где преобладает сероватобелый переходный известняк. Он совершенно потрескавшийся и усеян друзовыми гнездами, стенки которых выставлены кристаллами полевого шпата и диоптаза. Кроме этих минералов известняк, как и находящийся по соседству с ним глинистый сланец, содержит малахит, ярь-медянку и следы красной медной руды.

Отдельные холмы между речками Алтын-Су и Малой Нурой состоят из слоистого грюнштейна, который простирается к северо-востоку почти вертикально.

На пути от пикета Аркали к Семиарску были найдены следующие виды скальных пород: грюнштейн — в низких холмах близ пикета Аркали, железисто-кремневая галька — в русле реки перед пикетом Едрей, фельзит — в 30 верстах к северу от пикета Аркали. Последний образует здесь почву в степи и открыто появ-

ляется там в ложбинах. Из фельзита выступает гранит и порфир, которые издимаются небольшими вершинами.

Левый берег Иртыша, напротив Семиярска, крутой, высотой от 30 до 40 футов, состоит

* * *

Предыдущий очерк был набросан на основании коллекции горных пород, которую привезли путешественники, и на основе их наблюдений над расположением этих пород. Эти наблюдения охватывают пока еще не исследованную часть Киргизской степи и Малого Алтая и исправляют или дополняют расплывчатые описания, которые Ренованц посвящает северо-западным отрогам гор*. По его словам, сланец и известняк здесь всюду покоятся на граните и порфире, но тем не менее они либо отрезаны друг от друга, либо взаимно чередуются.

На карте Алтая отмечены те места, где Ренованц указывает наличие одноименных горных пород; таким образом, оказывается, что сланцы и гранит размещаются не беспорядочно, как следовало бы предположить, согласно его описанию, а образуют слои, которые, чередуясь друг с другом, тянутся с юго-востока на юго-запад. Однако строение гор все еще осталось неизвестным, так как нигде не наблюдалось ни падения, ни простирания горных пород. Тщательное определение ст. советником Ледсбуром и д-ром Мейером расположения напластований даст теперь первые объяснения этого и позволяет рассматривать Киргизские степи по левую сторону Иртыша и северные склоны Алтая по правую сторону этой реки как единую горную систему. Главныелагаемые этой системы — гнейсы и гранит, чередующиеся друг с другом в однообразном залегании, местами вытесняя и выклинивая друг друга, простираясь в основном с юго-востока на северо-запад, и там, где нет нарушающих изгибов пластов, падая на северо-восток. Гнейсы подчинены различные зеленые и глинистые сланцы, серая вака, кварц, яшма и известняк. Граниту подчиняется порфир с рогово-кварцевым тестом, который чаще переходит в плотный полевой шпат или кварц. Порфиры обычно издимаются из гнейсов высокими горными пиками; выветрившийся гранит образует белые низкие потрескавшиеся горы: 1) у северного подножия гор близ Колывани и т. д., 2) в Киргизской степи, 3) у Иртыша. Там, где гранит и гнейсы соприкасаются друг с другом, обычно появляются кварц, рогово-кварцевый порфир, а также, по-видимому, известняк, и, по Ренованцу, в трещинах, рудных жилах и гнездах содержатся металлы, преимущественно медь, серебро и свинец.

* Renovanz. Mineralogische und geographische Nachrichten von Altaischen Gebirgen Russl: Kaiserlichen Antheils. Reval, 1788. (Прим. автора).

21. ПОЕЗДКА Д-РА БУНГЕ С ЗЫРЯНОВСКОГО РУДНИКА К ИСТОКАМ КАТУНИ*

Змеиногорск, 8 августа 1829 г.

Выехал я 6 июня около восьми часов утра, а 7-го поздно вечером прибыл в Фыкалку. Оттуда мы отправились на северо-восток, двигаясь все время под гору, и 8 июня оказались на высоком

из известняка, который встречается также у Семипалатинска. Восточнее же этой крепости, близ форпоста Озерки, находится конгломерат, мелкая галька которого связана горной смолой.

В долинах Коксуна и Чарыша, образующих северо-восточную границу исследованной части Алтая, преобладают гнейсы и известняк. Далее к северо-востоку они покрываются глинистым сланцем, который, по Ренованцу, образует подножие Алтайских гор, выходя местами на поверхность равнины, и за Обью граничит с известняком, содержащим окаменелые кораллы и раковины, богатым железными рудами и образующим горную цепь шириной около 60 верст, которая простирается около 200 верст на северо-запад. На северо-востоке, близ г. Кузнецка на Томи, он покрыт песчанником, который содержит каменный уголь прекрасного качества*.

Если принять, что этот известняк ввиду его богатства железом и наличия серебряных руд в жилах тяжелого и плавикового шпата, вероятно, и в глинистом сланце^{2*}, принадлежит еще к переходной формации Алтая, сохраняющей здесь свое северо-западное простираение, и определить внутреннюю границу песчанников отложений, то граница эта предположительно была бы обозначена линией, проведенной от Кузнецка на северо-запад и доходящей до г. Тара на Иртыше. Здесь Ренованц, действительно, видел черный сланец с отпечатками рыб^{3*}, который, по-видимому, представляет собой битуминозный мергельный сланец и встречается в окрестностях города; предположение, что первичные и покрывающие толщи тянутся в указанном направлении от Томи к Иртышу, можно, по-видимому, считать вполне вероятным, пока оно не будет опровергнуто путем прямого исследования.

Между Иртышом и Обью песчанник и каменный уголь проникают, наоборот, дальше в глубь основных гор с северо-запада на юго-восток и недалеко от Локтевского завода, на Алее (притоке Оби), затем близ старого Семипалатинска на Иртыше, где Ренованц видел пласты каменного угля^{4*}, и близ Озерков, где д-р Мейер нашел связанный битумом конгломерат, покрывающий разрушенные лизменские отроги простирающегося на северо-запад глинистого сланца. Многочисленные соленые и горько-соленые озера этой местности являются указателями на залежи каменной соли и соляных источников, встречающихся обычно в древних песчанниковых формациях. Нет здесь недостатка и в гипсе, этом спутнике соли.

* Renovanz. Ibid. P. 69. (Прим. автора).

^{2*} Ibid. P. 68—70. (Прим. автора).

^{3*} Ibid. P. 65. (Прим. автора).

^{4*} Ibid. P. 64. (Прим. автора).

края, совершенной в этом году моим тогдашним спутником г-ном д-ром Бунге, не окажется лишним интереса. Я взял его из его письма, адресованного на мое имя. (Прим. К. Ледсбурга).

* Поскольку, как это известно из описания моего путешествия, я был вынужден из-за позднего времени года отказаться от поездки из д. Фыкалки к истокам Катунь, то надеюсь, что нижеследующий рассказ о поездке в те

ли горечавка алтайская, фиалка алтайская, мытник мутовчатый (*Pedicularis verticillata*), кандык сибирский; каллиантемум узколистный (*Callianthemum rutaefolium*), а кроме того, я нашел несколько цветущих экземпляров лютика волосистоплодного (*Ranunculus lasiocarpus*).

Равнину со всех сторон окружали крутые горы, большая часть которых была еще покрыта снегом; справа, на юго-востоке, лежало большое озеро, двух верст длиной и с версту шириной, — Маралье озеро, которое пересекает река Белая; на северо-востоке перед нами высились или, лучше сказать, вздымались пламенея в лучах заходящего солнца, исполинские Катунские столбы* в своем веку неизменном плотном снежном саване. Я был совершенно восхищен зрелищем этих великолепных гор, которые были целью моей поездки.

На следующий день мы переехали через горный хребет, в основном покрытый снегом, а затем спустились в подобную же долину, которая была, однако, несколько уже и чуть заметной поднималась с востока на запад. Она была покрыта обычными растениями, но своеобразный вид придавала ей Катунь — река значительная, даже на альпийской высоте, переехать которую можно было далеко не везде. Лениво текут во множестве излучин ее серозеленые, мутные и величавые воды по долине, где позднее, несомненно, оказалось бы немало красивых растений, но пока не цвели даже кусты ивы, по чему вы можете судить, как значительна высота этой местности. Мы переправились с некоторым риском через эту удивительную реку, затем начали подъем правым берегом, и ландшафт стал быстро меняться у нас на глазах. Ложе реки становилось все каменистее, течение все более бурным, и река, белая сама по себе, покрывшись густой пеной, выглядела еще более фантастично.

Дойдя до того места, где сливаются два очень сильных горных потока, образующих эту реку, мы решили переправиться через один из этих рукавов, чтобы берегом более мощного из них — правого — продолжать подъем. Однако это оказалось невозможным из-за течения, которое было настолько стремительным, что никакая лошадь не была в состоянии его выдержать, а шум бушующей воды был таким оглушительным, что нельзя было услышать собственных слов. Поэтому нам пришлось идти правым берегом левого притока. Сжатый где-то вверху скалистыми стенами, он действительно представлял страшное зрелище, по крайней мере теперь, при высокой воде. Поднявшись еще выше и перебравшись через огромные сугробы, частью пешком, частью верхом, мы переехали, наконец, поток, в который, даже здесь, текли светлые воды.

Двигаться стало чрезвычайно трудно, но мне все же хотелось достичь места, где я мог бы увидеть причину окрашивания воды, ибо мне говорили, что неправда это, будто Катунь

вытекает из озера с белой водой. И я действительно имел возможность убедиться в том, что никакого озера там нет.

Наконец мы оказались в узкой долине, куда, конечно, редко заглядывает солнце и где почти не было места, свободного от снега; здесь мне впервые пришла мысль о глетчере, который (пусть и небольшой) можно было бы найти в некотором отдалении. Над нами вздымались весьма дикие горные вершины, состоявшие из каменных обломков, с которых низвергались два водопада, несущих белую воду. Направо виднелось узкое мрачное горное ущелье, из которого выбегал ручей с такой же водой. Мы оставили лошадей и прошли вперед настолько, насколько позволили бурные потоки, снег, скалы и крутые осыпи. Эти осыпи состояли из мягкого, растирающегося в зеленовато-белый порошок известкового сланца, который и придавал воде белый цвет.

Здесь я нашел только одно растение — плаун альпийский (*Lycopodium alpinum*), как раз у ключа с белой водой. Высокие Катунские столбы отсюда нельзя увидеть, так как они скрыты скалами и горами обломков. Здесь возникают и отсюда в разном направлении текут четыре реки с белой водой: Катунь, Берель, впадающая в Бухтарму и, возможно, являющаяся ее главным притоком, Белая (не та, которая впадает в Бухтарму), впадающая в Аргут, и Бусая, которая в нижнем течении сливается с Катунью. Прежде я предполагал, что Катунские столбы — это и есть те самые высокие горы, которые высятся на левом берегу Чуи; но это оказалось не так. От тех гор они отделены еще Аргутом. О тех горах недавно я получил кое-какие сведения от мешанина Токарева, который побывал там нынешним летом. Калмыки называют их «Атлас-Ту» («Лысая гора»), или «Йик-Ту» («Божья гора», как «Йик-Ат» — «Божья лошадь»), как посвященную богу гору, на которую никто не может подняться, хотя на самом деле на нее можно без труда взобраться до границы снега, чего нельзя сказать о Катунских столбах. Токарев даже в конце июня или начале июля ездил верхом до границы снегов. Той дорогой, по которой ехал я, можно было, свернув направо от Катунь, без больших трудностей достичь Чуи и затем спуститься на высокогорную Чуйскую степь. Чтобы добраться берегом Катунь от Фыкалки до Уймона, требуется шесть дней пути, хотя прямой дорогой можно доехать туда на третий день. Горячие ключи, которые находятся приблизительно в 40 верстах от истоков Катунь, дальше к юго-востоку и ближе к Фыкалке, я не смог осмотреть из-за недостатка времени.

Солнце уже закатилось, когда я продвинулся так далеко, как описано выше, и мне пришлось поспешить обратно, чтобы успеть подыскать подходящее место для ночлега, что сделать в сумерках было не так-то легко. 13 июня в 9 часов утра я снова был в Зыряновске.

* Гора Белуха. (Прим. автора).

КОММЕНТАРИИ И ПРИМЕЧАНИЯ

К. Ф. ЛЕДЕБУР

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛТАЙСКИМ ГОРАМ И ПРЕДГОРЬЯМ АЛТАЯ

Карл Христиан Фридрих (Карл Фридрихович) Ледебур родился в г.Штральзунде 8 июня 1785 г. Окончив в 1805 г. медицинский факультет Грейфсвальдского университета со степенью доктора медицины, Ледебур совершенствовал свои ботанические знания у К.П.Траунберга (1743—1828) в Стокгольме и у К. Л. Вильденова (1785—1812) в Берлине. В конце 1805 г. он был приглашен на должность директора ботанического сада в г.Дерпте, а с 1811 г. он был уже ординарным профессором естественной истории Дерптского (Юрьевского, ныне Тартуского) университета, основанного в России одновременно с Виленским, Казанским и Харьковским университетами в период либеральных реформ Александра I (1802 г.). Человек прогрессивный и энергичный, обладавший большими познаниями в области естественных наук, особенно ботаники, он вел преподавание ботаники, минералогии и зоологии и создавал при университете большой ботанический сад, который благодаря его попечению по количеству культивирувавшихся там видов среди всех садов Европы уступал лишь петербургскому. В 1827 г., после экспедиции на Алтай, число видов в этом саду уже достигало 10 450. Здесь росло много собранных Ледебуrom во время этой поездки сибирских, в частности алтайских, растений.

Работая преподавателем ботаники, Ледебур столкнулся с большими трудностями. Причиной их было отсутствие единого руководства по системе растений России, в частности оставалась малоизученной флора Сибири. Единственный существовавший в то время солидный труд по систематике сибирской флоры «*Flora Sibirica*» И. Гмелина был составлен не по бинарной номенклатуре, введенной Линнеем, что сильно затрудняло работу с ним, и был очень неполным. Двухтомная работа П. Палласа «*Flora Rossica*» («Флора России», 1784—1788) также содержала весьма ограниченное количество сибирских видов.

Поэтому Ледебур поставил перед собой задачу создания сводного, по возможности полного труда по системе растений России. Он прекрасно сознавал всю трудность задачи, которая едва ли была по плечу одному человеку. Готовясь к осуществлению этой цели, он собрал и изучил всю ботаническую литературу по России — не только специальные труды по ботанике, но и дневниковые записи путешественников-естествоиспытателей, в частности П. Палласа, И. Гмелина, И. Фалька, Е. Патрена, И. Шангина, И. Сиверса и др. Вместе с тем Ледебур понимал, что существовавшая в то время ботаническая литература не могла дать ему сведений для полной систематической сводки флоры России и что для этого необходимо совершить ряд экспедиций и собрать дополнительно обширный флористический материал.

В первую очередь Ледебур решил совершить поездку в Крым на 5 месяцев. Однако министр просвещения А. К. Разумовский отказался выделить средства для этой экспедиции, поэтому

поездка не состоялась. В 1818 г. Ледебур ездил в Симферополь для лечения грязями, но поездка по Таврическому полуострову из-за состояния здоровья не дала, по его словам, желаемых результатов.

Более всего Ледебура привлек Алтай — интересный, но малоисследованный край. Ледебур много читал об Алтае и представлял себе все значение этого края, все многообразие его флоры и фауны. В Барнауле жил его друг Ф. Геблер, с которым он состоял в постоянной переписке. Алтай представлял собой такую местность, где при разнообразии почвы имелись представители всех растительных зон — степной, лесной и высокогорной. По территории Алтайский округ был приблизительно равен Германии и расположен на одних с ней широтах (48—54° с. ш.), что давало повод к проведению параллелей между флорами этих местностей. Однако осуществить план экспедиции на Алтай Ледебуру пока не представлялось возможным из-за перегруженности преподавательской работой и отсутствия средств.

Наконец первое препятствие постепенно было устранено. В 1820 г. Ледебур сдал преподавание минералогии проф. С. М. Энгельгардту, а преподавание анатомии и зоологии проф. И. Ф. Эшшольцу (1793—1831). Но ему пришлось читать зоологию и анатомию до 1825 г., так как проф. Эшшольц находился с О. Б. Коцебу (1788—1845) в кругосветном плавании на шлюпке «Предприятие» (1823—1825). И только в 1825 г., по прибытии Эшшольца в Дерпт Ледебур имел возможность осуществить свои замыслы. Он набросал план путешествия по Алтаю, который представил Совету Дерптского университета. План этот был поддержан директором университета, известным историком И. Г. Эверсом (1781—1830), которому впоследствии Ледебур в знак благодарности посвятил свое описание путешествия на Алтай, и одобрен Советом университета. Для участия в экспедиции Ледебур пригласил своих наиболее способных учеников — д-ров К. А. Мейера и А. А. Бунге: первый уже сопровождал Ледебура, второй в том году закончил университет и получил степень доктора медицины. Судя по результатам экспедиции, выбор Ледебура был удачен. На экспедицию ему было отпущено из университетских сумм 10 тыс. руб., и ее участникам был представлен годичный отпуск с сохранением жалования. Серьезную поддержку Ледебуру в осуществлении его замысла оказал министр финансов Е. Ф. Канкрин, исходатайствовавший средства для этой экспедиции. Наконец, 11 января 1826 г. последовало правительственное разрешение и 16 января Ледебур со своими спутниками выехал из Дерпта.

Экспедиция должна была охватить как можно большую территорию Алтая и Восточного Казахстана. Обязанности среди ее участников распределялись следующим образом. Самому Ледебуру предстояло обследовать западный и Юго-Западный Алтай, территорию, занятую Колывано-Воскресенскими рудника-

ми, по рекам Алену, среднему Иртышу, Убе, Ульбе, верховьям Чарыша; он также намеревался побывать на Тигиреке. Бунге поручалось изучение территории Восточного Алтая по бассейну Чарыша, по рекам Коксе, Катунь, Чуе, Чулышману, у Телецкого озера и по прилегающим горным хребтам и плоскогорьям. В первоначальный план Мейера входило знакомство с флорой и фауной р. Бухтармы, окрестностями оз. Нор-Зайсана, Черного Аюя, Тарбагатайского хребта и прилегающих Киргизских (Казахских) степей.

Перед учеными стояли сложные задачи. Основной целью экспедиции был, понятно, сбор ботанического материала — гербария, семян, плодов и живых растений. Кроме того, они предполагали изучать животный мир, собирать коллекции насекомых и наиболее характерных позвоночных, а также горных пород и минералов. С помощью двух ртутных термометров (третий был разбит в пути) они хотели производить не только температурные измерения, но и измерения высот. Были и другие планы: изучить историю Колывано-Воскресенского горнозаводского дела, познакомиться с работой рудников и заводов, с трудом и бытом крестьян и горнорабочих, алтайцев и казахов, казаков и солдат. Каждый из путешественников вел свой дневник, куда тщательно записывал все, начиная от условий произрастания и обитания найденных представителей флоры и фауны и кончая этнографическими наблюдениями.

В Барнаул экспедиция прибыла 9 марта. Начальник завода П. К. Фролов был в это время в Томске, и экспедиции пришлось ждать его дальнейших распоряжений.

18 марта Бунге и Мейер, сделав дорожные запасы и получив необходимые дорожные документы и рекомендации, отправились вместе в Змеиногорск. Ледебур несколько задержался в Барнауле, тщательно готовясь к путешествию. Он знакомился с работой канцелярии Колывано-Воскресенских заводов, с ее архивами, с трудовыми процессами на сереброплавильном заводе, с местным госпиталем и лабораторией, изучал экспонаты местного музея и богатейшей частной коллекции П. К. Фролова.

Барнаул произвел на Ледебура благоприятное впечатление: хорошо распланированные улицы, интересный архитектурный ансамбль, красивая центральная площадь, музей, театр, библиотека: местные чиновники поразили его любезностью, общительностью и гостеприимством, чего, по его словам, он не встречал нигде «в столь высокой степени». «Я был поражен тем, что нашел Барнаул таким цивилизованным», — пишет он.

Вполне естественно, что между Ледебуром и П. К. Фроловым, этим выдающимся человеком своего времени, сразу же установилось дружеское взаимопонимание. В государственном архиве Алтайского края хранятся документы, из которых видно, что П. К. Фролов принимал самое активное участие в подготовке экспедиции Ледбура. Он обращается к управляющему Змеиногорского рудника и завода маркшейдеру В. А. Юргензону, управляющему Колыванской камнерезной фабрики, бергмейстеру М. С. Лаулину и другим управляющим заводов и рудников с просьбой «оказывать Ледебур все пособия для выполнения поручения его»¹. Подобное же распоряжение было дано Фроловым Бухтарминскому и другим волостным правлениям: «Оказать Ледебур все зависящее от него пособие по его требованию и дать указания сельским начальникам»². Барнаульской конторе было предписано «откомандировать с Ледебуром рудоразборщиков Дениса Черепанова и Карла Киселева»³, а Геблеру — «командировать двух человек из школьников или лескар-

ских учеников Ледебура для сбора произведений природы в Алтайских горах»⁴. Приставу Риддерского рудника Фролов велит оказать Ледебур требуемую помощь и прикомандировать к нему стрелка⁵.

Самому Ледебур (как и его спутникам) было вручено такое «открытое предписание»: «Предъявителю сего г-ну профессору ст. советнику Ледебур, путешествующему по Колывано-Воскресенским заводам по поручению Дерптского университета, имеют гл. управляющие заводами и рудниками и вообще все чины, в ведомстве Колывано-Воскресенских заводов состоящие, оказывать всякое, зависящее от них пособие. 17/111 1826 Фролов»⁶.

По распоряжению Фролова Ледебур было отпущено со склада 20 стоп бумаги, а из Змеиногорского склада выданы порохи, кожи, войлок, лопаты, скипидар, спирт и пр. — всего на сумму 580 р. 96 к.⁷

По указанию П. К. Фролова Ледебур были предоставлены дневники, карты и гербарии П. Шангина, сняты копии с карт различных мест Алтая, плана Барнаула и чертежей фасадов строящихся зданий, даны сведения о климате Алтая, о времени ледохода и ледостава на Оби, различные статистико-экономические сводки, характеризующие состав населения, экономику промышленности и сельского хозяйства округа, состояние городов и сел, работу рудников и заводов и т. п. Все эти материалы Ледебур использовал впоследствии в своем труде, посвященном описанию путешествия, а чертежи, карты и виды Алтая издал отдельным атласом.

К. Ледебур выразил впоследствии признательность П. К. Фролову, назвав его именем одно красивое растение субальпийской зоны из семейства сложноцветных — горькуша Фролова (*Frolovia lyrata* — *Saussurea Frolovi*) и выслав ему свои труды по ботанике, часть которых с автографами Ледбура и Фролова хранятся теперь в библиотеке Барнаульского краеведческого музея.

* * *

9 апреля 1826 г. Ледебур во главе своей партии, в состав которой входили рудоразборщики Д. Черепанов и К. Киселев и два аптекарских ученика, вышел из Барнаула в Змеиногорск, через Калманку, Чистоньку, Калмыцкий мыс, Саушку, собирая попутно цветущие весной травы и кустарники. В Змеиногорске он осмотрел крупнейший на Алтае серебряный рудник, познакомился с работой знаменитого деривационного каскада и железной дороги — детища П. К. Фролова, совершил несколько экскурсий в соседние горы и через Черепановский рудник мимо г. Глядень проехал на Колыванскую шлифовальную фабрику и на Решвинскую сопку, где находилась яшмовая камолония. Проведя пасху в Змеиногорске в ожидании дорожного снаряжения, Ледебур 25 апреля выехал в Риддерск. Попутно он побывал в старообрядческих деревнях: Екатерининской, Шемонихе, Выдрихе, Убинской, Быструхе, Бутакове, расположенных в бассейнах рек Убы и Ульбы, собирая ботанический материал, производя измерения высоты местности и изучая жизнь крестьян, а также экономическое и административное состояние алтайской деревни. Всюду его ожидал радужный прием. 28 апреля Ледебур прибыл в Риддерск (ныне г. Ленингорск). Здесь он посетил рудник, познакомился с жизнью горнорабочих, здесь же состоялась его первая встреча с алтайцами.

¹ ГААК. Ф. 1, оп. 2, ед. хр 367, л. 319, 327.

² Там же. Л. 335.

³ Там же. Л. 321, 333.

⁴ Там же. Л. 320.

⁵ Там же. Л. 328.

⁶ Там же. Л. 322.

⁷ Там же. Л. 336—339.

С 1 по 5 мая Ледебур совершил небольшие экскурсии по окрестностям Риддерска, по долине рек Громотухи и Тихой, изучая флору. 6 мая он направился выше по Ульбе к Усть-Каменогорску, исследовал левый берег Иртыша, чтобы сравнить флору южного и северного его берегов, побывал в д. Красноярской и через деревни Черемшанку и Бутакову 19 мая вернулся в Риддерск, привезя богатый сбор для своего гербария. Начавшиеся проливные дожди и разлившиеся реки задержали его в Риддерске до 23 мая, после чего он снова занялся изучением окрестностей до самых Ульбинских гор, вершины которых были еще покрыты снегом.

Наконец, 7 июня было решено отправиться в дальнейшее путешествие. В Риддерске к команде Ледебур присоединился стрелок Пушкарев, человек необычайной силы и ловкости. Первоначально Ледебур намеревался проспать к Тигирецким белкам, но из-за отсутствия хорошего проводника вынужден был изменить маршрут. Партия, возглавляемая Ледебуrom, состояла теперь из 7 чел., включая толмача и проводника; кроме того, его сопровождал обоз из 13 лошадей, которых вели 2 крестьянина.

Экспедиция направилась к верховьям Чарыша. Путь шел сначала по р. Филипповке через верховья Убы, Коксунский хребет и верховья Коксы. Перевалив через Коксунский хребет, отряд исследователей вышел к верховьям Чарыша и несколько дней шел до д. Чечулихи. Труден был путь через горные скалистые ущелья, приходилось переваливать через высокие балки, почти без дорог. Путешественники нередко довольствовались зернистыми тропами. Путь постоянно претраждали горные речки, из которых наиболее страшными были р. Коргон и его приток Хаир-Кумыш (Кумир), болота, в которых лошади увязали по брюхо, калеча ноги об острые камни. Нередко жизнь путешественников подвергалась смертельной опасности, от которой их неизменно спасал мужественный и находчивый егерь Пушкарев. К прочим невзгодам прибавился страх повстречать беглых коргонских горнорабочих, вооруженный отряд которых нередко нападал на проезжавших купцов и грабил казенные склады. Впрочем, сам Ледебур не разделял страха своих спутников, так как Бунге уже писал ему о своей встрече с беглыми.

Природа Алтая произвела сильное впечатление на Ледебур. В его дневнике можно найти немало восторженных описаний чарующих своей красотой горных долин, покрытых вечными снегами. Понравился ему и жители Алтая. Русских крестьян он находил очень честными, трудолюбивыми и гостеприимными; алтайцы же («калмыки»), по его словам, в высшей степени честные, добродушные и услужливые.

23 июня к Ледебуру прибыл курьер, сообщивший, что А. А. Бунге будет ожидать его в д. Уймон. В тот же день Ледебур выехал из Чечулихи. Проехав по долинам рек Керлык и Сугаш к д. Абай, в которой жил пока единственный домохозяин, Ледебур вышел долиной Коксы в Уймон на Катунь, где 25 июня встретился с А. А. Бунге. Обсудив с ним планы дальнейшего путешествия и захватив его коллег, К. Ледебур через Абай, верховья Коксы и Убы и долину Черной Убы 3 июля вернулся в Риддерск.

Совершив несколько экскурсий в окрестности Риддерска и приведя в порядок собранный ранее гербарийный материал, Ледебур 12 июля вновь выехал в горы. На этот раз его партия пополнилась еще четырьмя рабочими, которых Ледебур нанял, намереваясь раскопать несколько чуждских погребений у Чарыша. В одном из четырех раскопанных курганов им было обнаружено детское погребение с утварью и игрушками, среди которых была медная погремушка; скелет лошади с железными удилами и сбруей, унизанной различными украшениями; вырезанный из сакула идол. По времени это

относилось, по-видимому, к VI—V вв. до н. э. На Чарыше Ледебур нашел также много редких растений.

20 июля экспедиция вновь направилась к Чечулихе 23 июля прибыли в пустую долину д. Коргон, мужское население которой находилось в бегах, а члены их семей были арестованы и вывезены. Ледебур пытался, по примеру П. Шангина, пройти в верховья р. Коргон, но течение ее было настолько бурным, а берега настолько скалистыми, что это оказалось невозможным. Проехав д. Сеитлек и одолев несколько перевалов, путешественники 28 июля устьем р. Кедровки пошли к Малой Белой Убе. Однако из-за неопытности проводников они заблудились и, преодолев широкое болотистое плоскогорье, лишь с большим трудом спустились с кручи Малой Белой Убы. Это был самый труднопроходимый участок пути: ширина дна долины не превышала четырех метров, ее стены, скользкие от талой капели, круто обрывались вниз; пышные травы скрывали от глаз каменистую россыпь на дне. К тому же Ледебур был ранен лошадию и не мог идти пешком. На помощь ему, как обычно, пришел Пушкарев.

Подождав в Риддерске П. К. Фролова, Ледебур с ним и несколькими чиновниками поплыл 4 августа на четырех лодках вверх по Иртышу. Лодки передвигались с помощью шестов, а когда позволял берег, их тянули на буксире. Проехав 150 верст, путешественники высадились на «Верхней Пристани», в 60 верстах от Зырянского рудника. Осмотрев рудник, Ледебур 13 августа поехал живописной долиной р. Бухтармы, населенной бывшими беглыми, а теперь приписанными правительством к ясашиным.

Расставшись с П. К. Фроловым 15 августа, в сопровождении переданного им проводника Ледебур поехал дальше в горы берегом р. Березовки. Миновав д. Маконьку, где находилось Бухтарминское волостное правление и где по случаю праздника Успенья шла гуляб, он переправился через Бухтарму и проехал ее правым берегом до д. Печи. Среди бухтарминских крестьян оказалось немало весьма зажиточных, так как кроме сельского хозяйства, пчеловодства и охоты они успешно занимались торговлей с китайцами. 18 августа Ледебур поднялся на горный хребет, служивший водоразделом между реками Язовая и Белая, долиной последней спустился в д. Фыкалку, находившуюся у подножия хребта Листвяги. Отсюда он намеревался пройти до истоков Катунь, но местный сельский старшина отговорил его от этого намерения в связи с поздним временем года и привел другие резоны. Лишь три года спустя у «Катунских столбов» побывал А. Бунге, а в 1836 г. Ф. В. Геблер поднялся на Белуху до границ вечных снегов, открыв истоки Катунь и большой ледник, названный впоследствии его именем.

Через Зырянск и Усть-Каменогорск Ледебур 30 августа вернулся в Риддерск, где привел в порядок свои сборы.

9 сентября он направился в обратный путь — через Змеиногорск (с заездом на Колыванское озеро), Локтевский завод (побывав на горько-соленом озере), д. Белую и 26 сентября был в Барнауле.

В конце сентября Ледебур вместе с К. Мейером выехал с попутным караваном серебра в Петербург; А. Бунге остался в Барнауле, принятый на службу при Колывано-Воскресенских заводах в барнаульский госпиталь.

4 февраля К. Ледебур и К. Мейер прибыли в Дерпт, 19 марта представили Совету университета отчет о путешествии и сдали собранные коллекции. В дополнение к 10 тыс. руб. Ледебур испросил еще тысячу ассигнациями на приобретение коллекций волжских рыб и тысячу — на погашение займа у П. К. Фролова, который ссудил ученого на дорогу до Дерпта. В Алтайском краевом архиве хранится донесение

ректора Дерптского университета Эверса Фролову от 29 января 1827 г. (полученное в Барнауле 5 марта 1827 г.) о том, что начальнику Колывано-Воскресенских заводов пересланы деньги (1000 руб.), взятые у него Ледобуром.

2 января 1836 г. окончился 25 летний срок службы Ледобура в Дерптском университете, и с 21 января он уходил в отпуск с полной пен-

сией и в звании заслуженного профессора. До 14 июня он еще продолжал выполнять обязанности университетского профессора и директора ботанического сада, а затем уехал в Мюнхен, где провел последние годы жизни, печатая свой последний капитальный труд «Флора России».

22 июня (4 июля н. ст.) 1851 г. К. Ф. Ледобур скончался в Мюнхене⁸.

⁸ О К. Ф. Ледобуре см.: О путешествии по Сибири проф. Ледобура // Русский инвалид 1827, № 260; Recke J. F. and Napiersky K. E. Allgemeines Schriftstellers und Gelehrten Lexicon. IV. Mitau, 1832; Риттер К. Землеведение Азии. Т. III/Пер. П. Семенова; Trautvetter E. R. Florae Rossicae bonae. 1880; Брокгауз и Ефрон. Энциклопедический словарь. Т. 17; Буш Н. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (б. Дерптского) университета за 100 лет его существования (1802—1902). Т. II/Под ред. Г. Левицкого. 1902; Петухов Е. В. Императорский Юрьевский, б. Дерптский университет за сто лет существования (1802—1902). Исторический

очерк. Т. I (1802—1862) Юрьев, 1902; Русский биографический словарь. СПб., 1908; Бородин И. П. Коллективы и коллекции по флоре Сибири // Труды ботанического музея Академии наук. IV. 1908; Обручев В. А. История геологического исследования Сибири. Период 2. М.; Л., 1932. Гранат. Энциклопедический словарь. Т. 26 (стереотипное издание), 1934; Гнучева В. Ф. Экспедиции Академии наук XVIII—XIX веков. М.; Л., 1940; Очерки по истории русской ботаники. М., 1947; Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев; БСЭ. Т. 24. М., 1953; Камаринский П. А., Кудряшев Л. В., Урапов А. А. Систематика растений. М., 1962.

Список печатных трудов К. Ф. Ледобура

Decades sex plantarum novarum in Imperio Rossico indigenarum // Mémoires présentes de l'Académie Imper. des Scinces de St. Petersburg. 1812. V. P. 514—578.

Отдельные оттиски: Observationes botanicae in floram rossicam. 1814.

Index seminum horti Academici Dorpatensis, p. a. 1819; Ibid. a. 1820; Ibid. a. 1821; Ibid. a. 1822; Ibid. a. 1823.

Supplementum indicis seminum Horti Academici Dorpatensis, 1823.

Supplementum II indicis seminum Horti Academici Dorpatensis, 1824.

Commentarius in II G. Gmelini «Floram sibiricam» // Denkschriften d. k. botan. Gesellschaft. zu Regensburg. Bd III. S. 43—138.

Monographia generis Paridum qua ad scholas audiendas invitatur. Dorpat, 1827.

Отчет, представленный Совету императорского Дерптского Университета о предпринятом в 1826 году ученом путешествии по Алтайским горам // Записки Департамента Народного Просвещения. 1827. Ч. II. С. 254—278.

Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe. Auf Kosten des Kaiserlichen Universität Dorpat unternommen im Jahre 1826 in Begleitung der Herren C. A. Meyer und A. von Bunge. I Th.

K. F. Ledebour's Reise durch das Altai-Gebirge und am Fuße desselben. Berlin, 1829.

Delectus seminum quae a. 1829 in horto botanica Universitatis Caesareae Dorpatensis collecta pro mutua commutatione offeruntur. Dorpat, 1829; Ibid. a. 1830; Ibid. a. 1831; Ibid. a. 1832; Ibid. a. 1833; Ibid. a. 1834; Ibid. a. 1835.

Enumeratio plantarum quas in China boreali collegit Dr. Al. Bunge anno 1831. Petrop. 1833. Dorpat // Jahrbücher für Literatur, Statistik und Kunst. Bd. I. Riga u. Dorp. 1833. P. 218—222 (реферат статьи).

Icones plantarum novarum vel imperfecte cognitarum, florum rossicam, imprimis altaicam illustrantes. Rigae, Londoni, Parisi et Argentorati. Fol. max. Centuria I, 1829; Cent. II, 1830; Cent. III, 1831; Cent. IV, 1833, Cent. V, 1834.

Flora altaica. Berolini, Th. I, 1829; Th. II, 1830; Th. III, 1831; Th. IV, 1832.

Flora rossica sive enumeratio plantarum in totius Imperii Rossici provinciis europaeis, asiaticis et americanis hucusque observatarum. Stuttgartiae. Vol. I, 1842; vol. II, p. I, 1844; p. II, 1845—1846; vol. III, p. I, 1847—1849; p. II, 1849—1851; vol. IV, 1853.

Über Pugionum cornutum Gärtin. Abh. der math.—physik. Classe der K. Acad. zu München 1844. Bd IV, Abth. III. P. 115—121.

¹ Паллас (Pallas) Петр Симон (1741—1811) — известный ученый-энциклопедист и путешественник, по национальности немец. В 1767 г. переехал в Россию для работы в Петербургской Академии наук. В 1768—1774 гг. возглавил экспедицию Академии в районы Поволжья, Прикаспийской низменности, Башкирии, Урала, Забайкалья, Сибири, результаты которой были опубликованы в труде «Путешествие по разным провинциям Российского государства» (3 части. СПб., 1773—1788; 3 части на нем. языке. 1771—1776). В 1771 г. посетил северо-западный Алтай (Семипалатинск, Змеиногорск, Барнаул, Усть-Каменогорск, Аблайкит, Тигирек, Чагирский рудник, Маралиху, Хатнево и их окрестности). Глубоко в горы Паллас не проникал. При описании Алтая широко пользовался коллекциями и материалами местных краеведов — П. Шангина, Кизинга. Патрена и других своих постоянных корреспондентов. Своими исследованиями внес определенный вклад в развитие зоологии, ботаники, палеонтологии, географии, геологии, этнографии, в изучение естественных богатств, горной про-

мышленности, земледелия, лесоводства, животноводства. В ряде работ Паллас неверно толковал некоторые вопросы истории русского народа.

² Гмелин (Gmelin) Старший Иоанн-Георг (1709—1755) — естествоиспытатель и путешественник. В 1727 г. после окончания медицинского факультета Тюбингенского университета (Германия) приехал в Петербург. Сначала занимался при Академии наук естественной историей, а с 1731 г. стал членом Академии в должности профессора химии и натуральной истории. В 1733—1743 гг. в составе 2-й Камчатской экспедиции совершил путешествие по Сибири, которое описал в 4-томном «Reise durch Sibirien von dem Jahr 1733 bis 1743» («Путешествие по Сибири с 1733 по 1743 гг»). Th. I—IV. Göttingen, 1751—1752), переведенном на ряд языков. На русский язык труд не был переведен из-за откровенного изображения произвола и хищничества царской администрации в Сибири. Работа содержит много ценных наблюдений по географии, ботанике, этнографии и археологии. Кроме того, опубликовал «Flora Sibirica» («Флора Сибири»). Т. I—4,

Petropoli, 1747—1759. Пятый том остался в рукописи. В этом труде Гмелин описал 1178 растений с приложением 294 их изображений, в том числе 500 новых видов. По словам Линнея, Гмелин один открыл столько растений, сколько другие ботаники открыли все вместе.

Алтай Гмелин посетил в 1734 г., проехав от Семипалатинска через Усть-Каменогорск, Аблайит, Колыванский завод, Змеиногорск, Барнаул, Кузнецк, осматривал и описывал местность, людей, заводы и рудники.

³ Фальк (Falk) Иоганн-Петер (1727—1774) — шведский врач и естествоиспытатель. Образование получил в Упсальском университете; изучал ботанику под руководством Линнея. По рекомендации последнего уехал в Россию и начал работать в Петербургской Академии наук директором Ботанического сада. В 1768—1773 гг. участвовал вместе с этнографом и натуралистом И. И. Георги в русской академической экспедиции под руководством П. С. Палласа. Оставшиеся после Фалька ценные научные материалы по природе, истории и этнографии Сибири были собраны И. Георги и К. Г. Лаксманом и посмертно изданы Академией наук в 3-х томах (*"Beiträge zur topographische Kenntnis des Russischen Reiches."* 1785—1786). На русский язык переведен только 1-й том («Записки путешествия академика Фалька»; см.: «Полное собрание ученых путешествий по России», т. VI. Спб., Изд. АН, 1824; т. VII, 1825).

⁴ Сиверс (Sievers) Иоранн (ум. в 1795 г.) — по происхождению немец, работал аптекарем в Иркутске. В феврале 1790 г. выехал в составе экспедиции по Сибири для изучения местных видов ревеня. В 1792 г. побывал на Алтае, 19 июня — в Барнауле, затем в Бийске и Усть-Каменогорске. Совершив отсюда в конце августа небольшую поездку в горы, вверх по Иртышу и Бухтарме, отправился в Семипалатинск, откуда через Змеиногорск возвратился в Барнаул. Снедзив в 1793 г. в Кяхту, он снова возвратился на Алтай, побывал в Семипалатинске, Усть-Каменогорске, в горах Тарбагатай; в конце 1791 г. уехал в Санкт-Петербург. В марте 1795 г. он был избран в члены-корреспонденты Российской Академии наук. Его «Письма из Сибири» («Briefe aus Sibirien») были опубликованы посмертно на немецком языке П. Палласом (в «*Neue Nordliche Beyträge*». Bd VII. S. Petersburg, 1796 и отдельным изданием — S. Petersburg, 1796).

⁵ Патрен (Patrin) Евгений (1742—1815) — ученый юрист и естествоиспытатель, член-корреспондент Академии наук, работавший на Алтайских заводах, спутник известного историка Сибири Ф. Г. Миллера и друг П. Палласа. В 1780—1782 гг. Патрен собирал растения в предгорьях северо-западного Алтая. Свои сборы он отсылал Палласу. Составил инвентарный список растений окрестностей Барнаула (1780 г.) и опубликовал отчет путешествия по Алтаю на французском языке («*Bericht einer Altaischen Gebirgsreise.*» — «*Neue Nordliche Beyträge*» (Палласа). Bd IV, 1783). Во время первой экспедиции Патрен посетил Синюю сопку, долину Тигирека и Локтевск. Прекрасно знал минералогию, геологию и ботанику Алтая.

⁶ Лаксман (Laxmann) Кирилл (Эрик) Густавович (1737—1796) — академик, минералог, химик и ботаник. Родился в Финляндии. В 1762 г. переселился в Петербург, а в 1764 г. отправился на Алтай, где пробыл пять лет. Лаксман был пастором в Барнауле и Змеиногорске. Увлекался естественными науками, часто путешествовал по Алтаю, собирал растения, животных, минералы, образцы горных пород, из которых составил домашний музей. Собранные коллекции и гербарии он посылал разным ученым Петербурга и Швеции, а в письмах к ним кратко сообщал наиболее интересные результаты наблюдений. Совершал путешествия до Нерчинска и Кяхты. В 1769—1781 гг. жил в Петербурге, а затем

уехал в Восточную Сибирь, поселившись сначала в Нерчинске, затем в Иркутске. «Сибирские письма», изданные без его согласия в Геттингене А. Шлецером в 1769 г., переведены на русский язык Г. И. Спасским («Сибирский вестник», 1820).

⁷ Шангин Петр Иванович (1741—1816) — видный исследователь Алтая. По окончании Московского университета был оставлен на работе в Московском генеральном госпитале; в 1770 г. поступил на работу в барнаульский госпиталь, а в 1774 г. перевелся на Змеиногорский рудник. Ознакомившись с горным делом, стал опытным натуралистом.

В 1786 г., получив чин маркшейдера, во главе небольшого отряда совершил экспедицию в Горный Алтай. Он был первым исследователем, проникшим в глубь Алтайских гор. Экспедиция направилась вверх по Чарышу и, обследовав верховья этой реки, описав и нанеся на карту истоки Чарыша и Ини, открыла у р. Коргон местонахождение порфиоров и яшм, ставших поделочным материалом для Колыванской шиферной фабрики. Обследовав р. Хаир-Кумын (Кумир) до ее верховий, Шангин долиной Коксуна (Коксы) вышел на Катунь, поднялся вверх по ее течению и дошел до устья Аргута. Затем через Холзунские белки он прошел в долину Бухтармы и 3 сентября был на Локтевском заводе; составил подробную карту горного Алтая. Путевые записки П. Шангина были переведены на немецкий язык и изданы П. Палласом («*Neue nordliche Beyträge*», Bd VI. 1793. S. 27—118), а затем снова в 1796 г. вышли на русском языке в переводе А. Теряева (Дневные записки г-на обер-гиттенфервальтера Петра Шангина, деланные им при описании рек Ини, Чарыша, Коксуна, Катунь, большого Хаир-Кумына и Бухтармы со всеми выдававшимися в них речками. — «Новые ежемесячные сочинения», Спб., 1796, ч. 118—121).

В 1796 г. П. Шангин совершил второе путешествие по Алтаю.

В своих путевых записках он дает сведения по географии, минералогии, геологии, ботанике, археологии и этнографии Алтая.

В 1795 г. Шангин был избран членом-корреспондентом Российской Академии наук. Руководил работой крупных алтайских заводов и рудников. При его участии претворены в жизнь первые в России проекты железной дороги в Змеиногорске (1809) и первой в мире паровой турбины Залесова (1808).

⁸ Залесов Андрей Михайлович — фельдшер, собиратель растений. Сопровождал Сиверса в 1790—1794 гг. от Урала до Даурии, а затем П. Шангина по Алтаю. Собранные Залесовым растения доставлялись акад. Х. Стефану, который описал по этим сборам несколько новых видов; хранятся они в гербарии Ботанического института Академии наук СССР.

⁹ Стефан (Stephan) Христиан Фридрих (1757—1814) — ботаник, родился в Лейпциге, где окончил университет со степенью доктора философии и медицины. С 1782 г. работал врачом в Санкт-Петербурге, затем в 1786 г. получил кафедру химии и ботаники в Московской медико-хирургической академии, а в 1804 г. перешел в Медико-хирургическую академию в Петербурге. В 1808 г. вышел в отставку и занялся устройством Орловского лесного института. Управлял аптекарским садом, переименованным впоследствии в императорский ботанический сад. Собрал три огромных гербария, из которых один находится в Москве, другой был приобретен ботаническим садом в Петербурге. В его статье «*Plantae novae Sibiricae*» («Новые Сибирские растения»), опубликованной в «*Memoires de la Soc. Im. des naturalistes de Moscou*». T. II, 1809, p. 6—9, описано несколько растений, собранных на Алтае А. Залесовым.

¹⁰ Геблер (Gebler) Фридрих Вильгельмович (1782—1850) — видный ботаник, энтомолог и географ-путешественник. В 1802 г. окончил ме-

дицинский факультет Йенского университета и, получив степень доктора медицины и хирургии, некоторое время работал врачом в Германии; в 1810 г. по собственному желанию прибыл в Барнауль, где работал врачом в заводском госпитале при сереброплавильном заводе. В 1833—1835 гг. Геблер предпринял несколько больших экспедиций в центральную часть Алтайских гор, где открыл и обследовал истоки Катуня, а также большой ледник, носящий теперь его имя, дающий начало этой реке. Был избран членом Московского общества испытателей природы и членом-корреспондентом Академии наук, членом Русского географического общества и нескольких иностранных обществ. Геблеру принадлежит заслуга организации барнаульского музея. Скончался в Барнауле. Оставил несколько трудов по этнографии Сибири.

¹¹ Горенки — подмосковное село бывшего имения сенатора, министра народного просвещения мецената и страстного любителя естествознания графа Алексея Кирилловича Разумовского (1748—1822), создавшего в нем после своего выхода в отставку великолепный ботанический сад площадью около 6 км². Семь корпусов оранжерей сада общей протяженностью в 1452 м вмещали несколько тысяч живых растений, собранных в разных концах России. В большом трехэтажном доме посреди сада помещались богатая библиотека, гербарий и обширные зоологические и минералогические коллекции. На службе у Разумовского находился ряд видных ученых. Директором сада (1806—1822) был ботаник Ф. Б. Фишер, который впоследствии возглавлял Петербургский ботанический сад. На все эти «чудеса» ежегодно выколачивалось с крепостных крестьян 50—120 тыс. руб. После смерти А. К. Разумовского и ликвидации Горенского сада (1822) часть коллекций и библиотека послужили важной основой для создания Петербургского ботанического сада.

¹² Мордовкин Семен — садовник Горенского ботанического сада графа А. К. Разумовского, предпринявший в 1819—1821 гг. поездку в Сибирь в целях сбора семян и растений для этого сада.

В отчетах Российской географической обществу имеется такая запись: «Садовник С. Мордовкин прислал со времени последнего заседания новые коллекции растений, семян и насекомых. Эти коллекции содержат довольно интересные объекты. Впервые были получены таким путем коллекции мхов и других тайнобрачных. Г-н д-р Геблер, стараниям которого мы обязаны большей части успеха этой экспедиции, собрал данные, которые смогут нам помочь в руководстве будущими экскурсиями Мордовкина в Сибирь. Мы разослали главным ботаническим садам Европы часть семян, собранных Мордовкиным» (см. Липшиц С. Ю. Путешествие садовника Семёна Мордовкина. — «Изв. Геогр. об-ва», т. 69, с. 63).

¹³ Эверс (Ewers) Иоганн Филипп Густав (1781—1830) — историк, уроженец Вестфалии (Германия). Окончил Геттингенский университет, в 1803 г. приехал в Дерпт и занялся изучением русской истории. С 1809 г. — член-корреспондент Петербургской Академии наук, с 1810 г. — профессор, с 1818 г. — ректор Дерптского университета. Оказал большое содействие организации экспедиции К. Ледебура на Алтай. Главные труды — «История россов» (1810), «Древнейшее русское право в историческом его раскрытии» (1826), в которых выступает как антииорист.

¹⁴ Александр I умер 19 ноября 1825 г. в Таганроге.

¹⁵ Речь идет о восстании декабристов (14 декабря 1825 г.) и последовавших за ним событиях.

¹⁶ Фролов Петр Козьмич (1775—1839) — русский горный инженер и изобретатель. Сып выдающегося русского гидротехника и изобретателя в области горнозаводского дела

К. Д. Фролова (1726—1800). По окончании в 1793 г. Петербургского горного училища работал на Алтае (с небольшими перерывами) до 1830 г. Вначале под руководством отца выполнял различные работы на горных заводах и рудниках. В 1798—1801 гг. руководил поставкой свинца с Нерчинских рудников на Колывано-Воскресенские заводы, затем работал в Барнаульском чертежной. В 1804—1805 гг. составил карты Иртыша и его притоков. В 1806—1807 гг. внес предложение о постройке конных рельсовых путей заводского назначения общей длиной более 150 км, а также сети водных путей сообщения. Его проекты не были приняты. Однако к 1809 г. ему удалось построить между Змеиногорским рудником и Корболихинским сереброплавильным заводом первую в России чугунную дорогу длиной около 2 км с конной тягой, функционировавшую более 25 лет. С 1811 г. работал в Горном департаменте в Петербурге. В 1817 г. вернулся на Алтай и был назначен начальником заводов, а с 1822 г. — томским губернатором. Фролов провел ряд важных мероприятий по развитию заводской техники в области металлургии черных, цветных и драгоценных металлов, улучшению вододействующих устройств, механизации металлообработки, введению коксового производства, подготовке местных специалистов, съемке, охране и разведению лесов и пр. Немало содействовал благоустройству г. Барнаула и развитию культурных учреждений на заводах: библиотеки, заводского училища, чертежной. Организовал в Барнауле типографию, первую в Сибири бумажную фабрику, музей, метеорологическую станцию. За время своего 13-летнего управления Колывано-Воскресенскими заводами Фролову удалось путем облегчения положения заводских «служителей» и приписных крестьян, технико-экономических нововведений и решительной борьбы со злоупотреблениями и казнокрадством заводской администрации вывести заводы из бывшего до него упадка и дать Кабинету за это время прибыль в 46 млн. руб. В 1830 г. П. К. Фролов вышел в отставку и уехал на постоянное местожительство в Петербург, где он продолжал работать в различных сенатских комиссиях.

¹⁷ Кокрен (Cochrane) Джон Дундас (1780—1825) — капитан английского флота, путешественник. Странствуя по России в 1820—1823 гг., прошел и проехал от Петербурга до берегов Тихого океана и обратно. Виденное по дороге запечатлел в книге «Narrative of a pedestrian journey through Russia and Siberian Tartary, from the frontiers of China to the Frozen sea and Kamtschatka, performed during the years 1820, 1821, 1822 and 1823». Philadelphia — New York, 1824. Дал интересное описание быта северных народов — коряков, якутов, чукчей, юкагиров, камчадалов и других. Работа изобилует фактическими ошибками. Переведена на многие иностранные языки. Русского перевода нет.

¹⁸ Фишер (Fischer) Фридрих Эрнст Людвиг (Федор Богданович) (1782—1854) — ботаник-систематик, член-корреспондент Петербургской Академии наук (с 1819 г.), по национальности немец. В 1806—1822 гг. был управляющим Горенским садом графа А. К. Разумовского, а в 1823—1854 гг. — директором Петербургского ботанического сада. Описал (отчасти совместно с К. А. Мейером) много новых видов цветковых растений Сибири, Туркестана и других мест России.

¹⁹ Геденштром Матвей Матвеевич (ок. 1780—1845) — русский путешественник по Сибири. В 1808—1910 гг. возглавлял экспедицию по съемке и исследованию Новосибирских островов в составе землемера Кожевина, промышленника Я. Санникова, геодезиста Пшеницына и других. С экспедицией связано возникновение вопроса о так называемой «Земле Санникова», которую видел якобы Санников к северо-западу от Котельного. Геденштром опи-

сал берег между устьями Яны и Колымы, совершил много посадок по Якутии и Забайкалью. Впоследствии служил чиновником в Петербурге, Иркутске, Верхне-Удинске, Томске. Геденштром и Пшеницын создали первые инструментально обоснованные карты Новосибирских островов. Геденштром впервые открыл «Сибирскую полынью» — обширное пространство открытой воды на границе дрейфующих льдов и ледового континентального припая.

20 Капцевич Петр Михайлович (1772—1840) — генерал от артиллерии; в 1822—1828 гг. — генерал-губернатор Сибири.

21 Ливен Карл Андреевич — князь, участник Шведской войны 1788—1790 гг. с 1828 по 1833 г. — министр пародного просвещения.

22 Ренованц Иван Михайлович — минералог, путешественник и исследователь Алтая. Будучи обербергмейстером, совершил в 1780—1788 гг. ряд путешествий по Алтаю протяженностью около 65 тыс. км и собрал минералогическую коллекцию в 2300 экз. Коллекцию затем продал за 2300 руб. Кабинету для организуемого Горного училища. Книга Ренованца «Mineralogisch-Geographische und andere vermischte Nachrichten von den Altaischen Gebirgen Russisch-Kaiserlichen Antheils» (Reval, 1788) содержит различные сведения о рудных богатствах и деятельности рудников и заводов Алтая. В ней впервые сообщены более полные сведения о Горном (западном) Алтае. На русском языке вышла в 1792 г. в переводе адъюнкта Академии Наук Вас. Севергина с некоторыми исправлениями и дополнениями. В этой книге автор дает следующее описание буранов (с. 165):

«Бураны — это в высшей степени опасные для человека и животных ветры, которые обычно господствуют в декабре и январе, хотя нередко случаются также в ноябре и феврале. Ветры, сопровождающиеся сильными морозами, облаками снежной пыли и метелями, переходящими в бураны, здесь случаются нередко, но они не так страшны, и поездку во время таких метелей можно продолжать без опаски. А что из себя представляют бураны, можно судить по моей поездке во время одного из них. Я вышел из Барнаула в Змеиногорск 9 февраля 1782 г. после бурана, который продолжался целый день. Сам Буранул прикрыт от буранов с юго-востока и юга лесистой песчаной возвышенностью, а с юго-западной и западной стороны — барнаульским бором. Поэтому в это время здесь, как и в других защищенных от бурана местах, буран совсем не беспокоил людей, но по высоким степям он разгуливал уже целую неделю, так что проехать там было невозможно. В этот день барометр показывал в полдень 28 парижских дюймов.

Зимний тракт тянется по Оби через две станции на протяжении 45 верст и прикрыт от сильного бурана левым высоким и крутым берегом Оби. Снег гнало все время в горизонтальном направлении, над высоким берегом с большой скоростью, наподобие клубящегося дыма, дуга поземка, что является явным признаком предстоящего сильного бурана, так как чем он будет сильнее, тем с большей силой гонится вверх снег, даже воздух темнеет, словно от всхохватывающего облака. Иногда в воздухе проносились целые тучи снега.

К вечеру, когда совсем стемнелось, я доскал до станции Калманки. Как только поднялся на возвышенность, я уже не в состоянии был повернуться лицом к югу или к юго-западу, и мне пришлось ехать в деревню. Буран продолжался всю ночь, температура упала... 10-го я продолжил свою поездку, так как между этими станциями буран несколько сдерживался редкими березами, и после полудня доехал до ст. Попошевой, где мне пришлось прожить до 13 числа, потому что степь здесь была выше и совершенно открытая.

С полудня 10-го до полудня 12-го буран показал свою полную мощь. Непрерывно продолжающийся порывами напор воздуха с такой силой наступал с юга, что устоять на ногах было невозможно. Воздух захватывал дыхание. Из-за несущихся в горизонтальном направлении с необыкновенной скоростью снежно-ледяных комочков и снежной пыли скот не мог удержаться на ногах и прятался в укрытия.

В полдень 12-го прояснилось, буран прекратился. Поэтому я решил ехать дальше, хотя крестьяне не советовали этого делать до тех пор, пока не придет почта, которая уже неделю пережидала буран в Змеиногорске; они уверяли, что это только кажущееся затишье, так как село, расположенное в низине, скрыто от жестокавшего бурана. В степи все еще было опасно, все дороги замело. Но я все же отправился в путь; ехать пришлось по сугробам, глубина которых достигала человеческого роста, между тем как на возвышенностях оказались колени, совершенно свободные от снега. Двигаться по степи не было никакой возможности, так как постоянно встречались обнаженные бугры и сугробы. Видя, что после четырехчасовой работы лошадей мы продвинулись не дальше, как на 500 сажень, я по совету своих спутников решил вернуться обратно в ту же деревню, поскольку приближалась ночь; в деревню мы приехали после долгих мучений в полночь.

Всю ночь напролет дул сильный западный ветер, который срывал все бугры; затем воздух прояснился, и буран к утру полностью улегся. Поэтому 13-го я отправился в дальнейший путь. Проехав 8 верст, я встретил почту; по проложенному ею следу добрался до Качиназеля. Дальше продвигался уже без дороги. Встретил капитана г-на Попова, которому пришлось в то время, когда я спал в деревне, укрываться от бурана в степи в своей крытой повозке, а его ямщики отпрягли лошадей, чтобы сменить их в соседней деревне, но потом, несмотря на то что были приложены все старания разыскать его повозку, так и не нашли ее. Близ Чарыша лежали две замерзшие лошади рудокопа, который спасся на третьей. В дальнейшем мы повстречали много проезжающих, которые были все задержаны бураном. 14-го я доскал до Змеиногорска. Барометр опять показывал 28 дюймов. 18-го погода была мягкая, но потом буран возобновился с новой силой и продолжался до вечера 26-го; в течение всего февраля было лишь немного дней, когда можно было ездить и чем-нибудь заниматься.

При сильных буранах люди часто теряют ориентир, поэтому их нередко находят замерзшими в нескольких шагах от места, где они могли бы безопасно укрыться. Особенно опасным становится буран, если он смешан с дождем или если сравнительно небольшие холода сразу смешаются с сильными морозами: люди и животные покрываются ледяной коркой и поэтому быстро погибают. В марте 1783 г., когда я находился в Змеиногорске, был очень сильный буран, надолго задержавший проезжающих. Бураны большей или меньшей силы случаются каждый год по несколько раз. Происходит они в основном в ровной высокой степи; в южной низменной степи буранов не бывает. Леса после буранов становятся почти непроходимыми, а возвышенности с южной стороны настолько оголяются, что путь здесь делается менее удобным, чем по северным склонам.

Насколько сильными бывают бураны на возвышенностях, показывает такой пример. 18 апреля 1781 г., возвращаясь на исходе зимы из Даурии, я проезжал по местности, расположенной между Иртышом и Чарышом, направляясь в Змеиногорск... На полпути встретилась широкая долина, которая, за исключением пригорков, свободных от снега, была еще полностью занесена сугробами. По всему руслу реки (где впадина наиболее глубокая) снег был густо засыпан каменной россыпью, так что

я даже не подозревал о том, что под нею находится снег, предполагая, что здесь твердая почва. И только когда я презржал на телеге и колеса соскользнули со щебенки в глубокий снег, я убедился, что длинный участок снега глубиной в 8 дюймов был усеян гранитной щебенкой, которая стремительным напором бурана была увлечена с голых гранитных вершин».

23 Начало горнозаводскому мануфактурному производству на Алтае положил крупный уральский промышленник Акинфий Никитич Демидов (1678—1745), построивший, как об этом было сказано в нашем предисловии, в 1728—1744 гг. три завода: Колывано-Воскресенский (позднее называвшийся Колыванским), Барнаульский, Шульбинской. Все эти заводы (а также построенные позже) с обслуживающими их рудниками стали называться по имени первого завода Колывано-Воскресенскими. По указу 12 мая 1747 г. все эти предприятия А. Н. Демидова стали собственностью короны и поступили в ведение Кабинета. С конца XVIII в. кабинетское хозяйство Алтая, представлявшее собой феодализированную мануфактуру с применением в основном принудительного труда, вступило в полосу упадка. Лишь в годы начальствования талантливого администратора и новатора техники П. К. Фролова дело несколько выправляется. Реформа 1861 г. нанесла серьезный удар по горнозаводской промышленности Алтая, базировавшейся в основном на даровом принудительном труде. Кабинет не пожелал тратить средства на перестройку производства, и оно в начале 90-х годов XIX в. сократилось по сравнению с 70-ми годами XVIII в. почти в 10 раз. Все металлургические предприятия, за исключением Сузунского и Гурьевского заводов, были закрыты. Вместо них стали действовать лесопильные заводы и мельницы. Рудные месторождения были переданы иностранным концессиям.

24 Фролов Козьма Дмитриевич (1726—1800) — отец П. К. Фролова, выдающийся русский гидротехник и изобретатель, родился на Урале в семье мастерового Полевского завода. В 1744 г., закончил Полевскую горнозаводскую школу и начал работать на Урале в разных должностях — подмастерья, писаря, рудоискателя. В 1757 г. получил звание унтер-штейгера, в 1758 г. — штейгера (горного техника). В 1758 г. был послан на горнометаллургические заводы в Олонецкую губернию и Финляндию. По возвращении в 1759 г. на Урал был руководителем всех заводов на Березовских золотых промыслах, где создал новые золотопромывочные машины. По требованию начальника Колывано-Воскресенских заводов прибыл на Алтай 3 февраля 1763 г. и был направлен на Змеиногорский рудник. Здесь на р. Корболиха в 1763—1765 гг. построил несколько рудотолчейных и рудопромывательных заведений — «похверков». Основные операции по обогащению, а также транспортировка руд были там механизированы, причем все устройства, в том числе и повозки на внутризаводских путях, приводились в движение силой воды. Летом 1766 г. Фролов помогал ввести в строй паровую машину И. И. Ползунова.

С начала 1770-х годов Фролов приступил к проектированию на Змеиногорском руднике новой, грандиозной по тем временам системы гидросиловых установок. Построенная в 1785—1789 гг. Змеиногорская гидросиловая система представляла собой ряд вододействующих устройств: 1) лесопилка; 2) кузница; 3) рудоподъемная машина Преображенской шахты; 4) рудоподъемная машина Екатерининской шахты; 5) гигантская водоотливная машина той же шахты; 6) водоотливная машина Вознесенской шахты; 7) рудоподъемная машина Вознесенской шахты; 8) большое количество рудообогатительных и золотопромывочных устройств, последовательно обтекаемых каскадом воды, которая, начав движение из

образованного плотиной (17,5 м высоты, 14,5 м ширины по верху и 92 м ширины у основания) водохранилища по подземной штольне длиной более 630 м протекает под землей более 2 км, сбрасываясь затем в р. Змеявку ниже плотины. Большая часть водяных двигателей размещалась в огромных подземных камерах (кумштатах). Водяные верхнебойные колеса диаметр которых доходил до 17 м, приводили в действие насосные установки для откачки воды из рудников с глубины до 213 м, рудоподъемники и т. п. Созданный К. Д. Фроловым первый в мире автоматический подземный деривационный каскад являлся по тому времени огромным техническим достижением. Управляя около 20 лет Змеиногорским рудником, Фролов постоянно работал над усовершенствованием и развитием Змеиногорской системы. Ему был присвоен чин берг-гауптмана (полковника горной службы). Плотины, построенная К. Д. Фроловым, и некоторые другие сооружения сохранились до наших дней.

25 Венгерский способ промывки руды — способ промывки руды вертикальной струей воды с помощью так называемой водостолбовой машины, возникший в конце XVIII в. в Венгрии и широко применявшийся в первой половине XIX в. на Колыванских заводах.

26 В 1806—1810 гг. по проекту П. К. Фролова была построена между Змеиногорским рудником и Корболихинским сереброплавильным заводом первая в России чугунная дорога длиной в 1880 м с конной тягой. В отличие от существовавших в Англии железных дорог, зависящих от рельефа местности, Фроловская дорога, пролежавшая по искусственным сооружениям (виадук, мосты, выемка), от рельефа не зависела. Виадук местами возвышался над дном оврага на 11 м. По одному мосту конный транспорт пропускался над рельсовым путем, а два других пересекали русла рек. Мост через Корболиху держался на 20 каменных опорах высотой до 11 м с арочным креплением. Рельсы с выпуклой поверхностью катания длиной каждая в 1,4 м с поддерживающими их для прочности деревянными лежнями укладывались на поперечные шпалы так же, как это делается и теперь. Руда по дороге перевозилась в повозках с желобообразными колесами. Дорога освободила от возки руды 25 лошадей и 450—600 чел. Несмотря на исключительную сложность сооружения, 1 км дороги обошелся в 7,6 тыс. руб., что было в 5 раз дешевле стоимости английских железных дорог того времени.

27 Риддер Филипп Филиппович (род. в 1759 г.) — исследователь Алтая. На Алтай прибыл после окончания Петербургского горного училища в 1779 г. В 1786 г. руководил поисками декоративных камней для строящейся Локтевской шиферной фабрики и руд для плавильных заводов по рекам Западного Алтая — Убе, Средней и Большой Ульбе и по притокам Средней и Нижней Бухтармы. Экспедиция в составе Ф. Риддера, Лаврентия Феденева, Филиппа Бехтенева, маркшейдерских учеников Федора Старкова и Алексея Губова обследовала отдельные участки Убинских, Ивановского, Ульбинских горных хребтов и западные склоны Коксуинских гор, особенно Тигирекских хребт с Холзуном. У подножия Ивановского хребта было открыто богатое полиметаллическое месторождение. Выросший здесь поселок был назван в честь первооткрывателя Риддерском (впоследствии Риддер, ныне г. Лениногорск).

В 1780 г. Риддер по заданию горной администрации путешествовал по северной части Горного Алтая, изучая природные богатства Тигирекского хребта. На г. Рассыпной он открыл большое месторождение нежно-розового кварца и крупные кристаллы дымчатого топаза, послужившие сырьем для изделий шиферной фабрики.

28 Ярославцев Павел Григорьевич — алтайский механик-изобретатель ряда рудничных и заводских машин с гидротехническими установками, помощник П. К. Фролова. Родился в 1788 г. в семье столяра Барнаульского завода. Начал службу в 1806 г. столярным учеником, в 1811 г. стал столяром. Механике обучался под руководством О. С. Осипова, окончившего в 1795 г. Горное училище. Вместе с ним занимался усовершенствованием процессов получения серебра амальгамацией. В 1818—1821 гг. был направлен с О. С. Осиповым в Англию и Венгрию для ознакомления с применяемыми там машинами. В 1820 г. получил звание горного офицера (шихтмейстера). В 1822 г. производил технико-экономические расчеты по сооружению построенной в 1824 г. вододействующей Барнаульской бумажной фабрики. В 1822 г. по поручению П. К. Орлова, строил модели машины Ползунова и паровой машины двойного действия для Барнаульского музея. В 1823 г. построил гидросиловую установку для откачки воды из Риддерского рудника. Одно водоналивное колесо этой машины приводило в движение поршни насосов, установленных в двух различных местах. Им созданы также оригинальные проекты рудоподъемника и водонапорной машины Зыряновского и Черепановского рудников, модели ряда механизмов для Павловского, Томского и Змеиногорского заводов.

29 Положение горнорабочих крестьян, приписанных к Алтайским заводам, было значительно тяжелее, чем оно показано у Ледебера. Набираемые из крестьян путем рекрутских наборов мастеровые становились пожизненными работниками рудников или заводов. Работали они по 12 ч в сутки без выходных и отпусков. С 80-х годов XVIII в. была введена трехсменная работа, при которой работали две недели из трех. Зарабатывали мастеровые 12—14 руб. в год. Условия работы были изнуряющими. В рудниках на глубине в 120—400 м приходилось, стоя по колено в воде, вручную, в спертном, влажном, насыщенном пороховыми газами и ядовитой полиметаллической пылью воздухе добывать и доставлять наверх руду без всякой техники безопасности. От ревматизма, цинги и простудных заболеваний гибло рабочих больше, чем от обвалов. Рабочие на приисках, в том числе и подростки, весной и осенью должны были трудиться по колено в воде, а зимой в лютые алтайские морозы оттаивать кострами промерзшую землю, задыхаясь от дыма. На заводах рабочие страдали от пепельносамого жара печей и, выбегая на холод, заболели легочными болезнями. Многие слепли от блеска расплавленного металла. Ядовитые сернистые и сурьмянистые испарения от печей свели в могилу немало рабочих.

Ненамного легче было и положение приписанных крестьян, отрываемых в самую страдную летнюю пору на три месяца на заводскую барачную по рубке и возке дров, жжению и возке древесного угля, выделке кирпича, возке руд и флюсов своими лошадами и повозками. Получаемых за работу 2 р. 40 к. приписным крестьянам «урочникам» не хватало даже на сено и овес лошадям. Крестьянские хозяйства, остающиеся в летнюю пору без основных работников, приходили в упадок. Ко всему этому необходимо добавить военную палочную дисциплину, полный произвол начальства, ведавшего судом и расправой, жесточайшие телесные наказания за малейшие упущения в работе. Поэтому побег рабочих с рудников и заводов был обычным делом, хотя за них и засекали до смерти.

30 Калмыками русские официальные документы XVII—XVIII вв. и путешественники XIX в. неправильно называли алтайцев. В действительности это две разные этнические и языковые группы. Калмыки, или западные монголы (ойроты, джунгары), относились к монгольской группе народов и говорили на

монгольском языке, а алтайцы принадлежали к тюркской группе и изъяснялись на тюркском языке. Алтайские племена по этническому происхождению, языку и прошлой культуре делятся на две группы: северных алтайцев (тубаларов, челканцев, кумандийцев) и южных алтайцев (собственно алтайцев, или алтай-кижи, теленгитов, телесов, телеутов). Собственно алтайцы, или алтай-кижи, обитали по долинам рек Катунь, Урсула, Семь, Маймы, Чарыша, Кана, Песчаной и др. В прошлые столетия их кочевья распространялись на долины рек бассейна Иртыша: Бухтармы, Нарыма, Курчума и Аблакитки. Теленгиты жили по долинам рек Чуи и Аргута. Телесы расселились по рекам Чулышман, Башкаус, Улаган. Телеуты обитали по рекам Майме, Черге, большому и Малому Бачатам; тубалары — по рекам Большой и Малой Ише, Сары-Кокше, Кара-Кокше, Пыже, Уйменко, а челканцы по долине Лебеди и ее притока Байголы; кумандинцы населяли долину Бии.

31 Здесь имеется в виду неоднократное изменение государственного строя Франции со времени буржуазной революции 1789—1794 гг., когда у власти сменялись различные политические группировки буржуазии и дворянства, а именно: конституционные монархисты (до 10 августа 1792 г.), буржуазные республиканцы-жирондисты (до 2 июня 1793 г.), революционные буржуазные республиканцы-демократы якобинцы (до 27 июля 1794 г.), контрреволюционная термидорианская крупная буржуазия (до 26 октября 1795 г.) и Директория (до 9 ноября 1799 г.), контрреволюционная военная диктатура крупной буржуазии (до 18 мая 1804 г.) и наполеоновская буржуазная монархия (до 11 апр. 1814 г.), первая реставрация Бурбонов (20 марта 1815 г.), «Сто дней Наполеона» (1 марта — 22 июня 1815 г.), вторая реставрация Бурбонов (до 1830 г.) и т. д.

32 В первой половине XIX в. р. Катунь именовалось только ее среднее и нижнее течение от впадения левого притока Коксы (Коксуна). Верхнее течение Катунь называлось Уймоном, что сохранилось в наименовании долины (Уймоноская) и сел (Верхний Уймон, Нижний Уймон), расположенных у устья Коксы. П. Шангин замечает, что «только со слияния Коксуна с Уймоном река получает имя Катунь» (Pallas. Neue nordische Beyträge. Bd VI. 1793. S. 95; Риттер. Землеведение Азии. Т. III/Перевод П. Семенова. Спб., 1860. С. 317). Хотя уже А. Бунге называет Катунью и верхнее течение этой реки от ее истоков со снежных вершин Катунских белков (Белухи).

33 Из документов, хранящихся в Государственном архиве Алтайского края, видно, что беглые рабочие Коргоноской каменоломни весной 1821 г. организовали отряд, возглавленный каменоломцем Чкаловым. С ними же бежал каменоломец Василий Белоусов, прикомандированный к д-ру Бунге, захватив, с собой казенное имущество. Все они были переловлены казачьим отрядом под началом командира 9-го казачьего полка сотника Агазина в конце 1826 г., а их имущество было конфисковано и передано змеиногорской конторе. (ГААК. Ф. 1, оп. 2, д. 367, л. 326—350).

34 Первым насельником Уймоноской долины был беглый солдат Гаврила Бочкарев. В 70-х годах XVIII в. он поселился на р. Аргут, с которой затем переселился на правый берег Катунь, на место теперешнего села Верхний Уймон. В начале XIX в. в В. Уймоне было уже 16 дворов потомков Бочкарева и других переселенцев (см. также настоящее издание).

35 Сражение при Квебеке — основанной французами колонии на востоке нынешней территории Канады — произошло 18 сентября 1759 г. в период Семилетней войны Англии с Францией (1756—1763). Выиграв это сражение, Англия к 1763 г. отняла у Франции всю Канаду.

³⁶ Спасский Григорий Иванович (1783—1864) — член-корреспондент Петербургской Академии наук, член многих ученых обществ, горный инженер, историк и археолог Сибири. Родился в г. Егорьевске Рязанской губернии в семье священника. Учился в Бергколлегии в Петербурге. В конце 1808 г. приглашен на службу в Сибирь. С 1809 по 1817 г. служил на Колывано-Воскресенских заводах. Живя с 1817 г. в Петербурге, издавал и редактировал «Сибирский вестник» (1818—1824), переименованный затем в «Азиатский вестник» (1825—1827), систематически помещая в них материалы по истории, этнографии и археологии Сибири, способствуя ее изучению. Опубликовал 3-томный «Горный словарь».

³⁷ Река Коргон была впервые исследована и снята на карту П. Шангина, который прошел по ней от устья до истоков. Давая подробное описание своего пути, характера течения реки и горных пород, П. И. Шангин пишет:

«1 июня, не дождавшись унтерштимейстера и передав весь бывший при мне багаж, я продолжал свою поездку по левому берегу Чарыша к Коргону, переехал маленькую, стекающую близ Коргона с белков речку Воронскую, получившую свое название от разбойника (вора) Карнаухова, который когда-то, проходя, останавливался здесь со своей шайкой; затем я перешел вверх по Коргону на белки. Эта поездка вверх по Коргону продолжалась со всеми препятствиями и изысканиями долго, и на высоких горах мы пробыли целых семь дней, так что я только к вечеру восьмого дня снова вернулся к устью Коргона.

Эта крупная река течет с величайших гор южного Алтая. От места ее впадения в Чарыш до истока длина ее достигает примерно 50 верст. Верстах в 12 от устья она течет в красивой ровной долине, где любой груз можно спокойно перевозить на колесах. Но выше она протекает в ущелье, среди отвесных скал, и переправает через нее уже чревата всякими опасностями. Ширина Коргона, не считая устья, никогда не превышает 30 сажен. Но течение его самое бурное из всех известных мне алтайских горных рек. В нижнем течении, на мелких каменистых местах («перепорогах»), глубина его не превышает высоты конской подпруги; но и там переезжать реку опасно, так как даже на незначительных ухабах лошади сносит бурным течением вместе со всадником, как это случилось с находившимся в моей свите рудокопом Киселевым, который спасся только тем, что удержался на острове, расположенном примерно в 100 сажених ниже по течению.

Горы, окружающие эту поистине замечательную реку, состоят из разнообразных горных пород, которые природа чередует друг с другом самым причудливым образом. Верстах в 10 от Чарыша у Коргона расположены гранитные горы, за ними следуют, чередуясь, разные породы сланцев, яшмы разных расцветок, порфиры, разнообразные брекчии... Все эти породы были применены мною зарезами на пронумерованных деревьях и соответствующими номерами на планах.

...До этого места от устья Коргона не более 10 верст, и дорогу сюда можно бы сделать более проезжей, потратив незначительный труд.

Несколько выше, на правой стороне реки, расположены по порядку, составив целые горные хребты, или иногда перемешанные на одной горе яшмы, порфиры и брекчии разных цветов.

...С этого места дикая тропа вьется вверх по склону высокой горы, покрытому галькой и заросшему деревьями и приблизительно на середине своей высоты имеющей уступ наподобие дороги. Над этим уступом вздымается ужасающая отвесная скала, которая поднимается до уровня самых высоких вершин и до половины западена осыпавшимися порфиристыми и яшмовыми глыбами; такая же стена образуется и

под уступом, и река разбивается об нее со страшной мощью и шумом...

В двух верстах от этого места выше по Коргону лежит пестрая мраморо-брекчия, а за ней идет большой горный хребет, состоящий из серого кораллового мрамора. Затем, близ самого истока Коргона, следует красивый с прожилками мрамор, и наконец, справа от устья, красивая кремневидная брекчия со вкраплением каменных зерен различных цветов.

Наконец, на вершине белка с западной стороны, между истоками Сентелека и Коргона; находится красивая яшма в открытых горах — частью желтая с черными и красными полосами, частью голубоватая, с черными или же зеленоватыми и черноватыми трещинами, из которой большей частью состоят отдельные горы.

Леса у Коргона много; у устья — сосны, выше — лиственницы, ели и пихты, сибирские кедры и березы, последние покрывают все долины и горные склоны почти до самой вершины. На снеговых вершинах лес почти не растет, но зато там крутом навалены ветром стволы кедрача, почти уже трухлявые. Кустарники от устья Коргона поднимаются довольно высоко. Это караганы, шиповники, жимолость татарская, два обычных вида таволг, мелкий красный крыжовник, барбарис сибирский, выше к истоку — жимолость синяя и всюду красная и черная смородина, по та и другая с такими кислыми плодами, что есть их невозможно. На влажных лугах и по островам росли водосбор липкий и мак голостебельный, как это уже было замечено и на Чарыше, затем первоцвет розовый, картуза Маттиола, мытник мутовчатый и т. д. Склоны снежных Коргонских гор были украшены такими же красивыми и видными растениями, какие росли и у истока Сентелека, например, новая красивая дымянка, сердечник снеговой, латогис цельнолистный, который еще не полностью расцвел, первоцвет снеговой красивый, мелкий, растущий на почти непреступных скалах водосбор, камнеломка гребенчато-ресничная, болотная камнеломка, эмсеголовник алтайский в щелбенке, скрыпун четырехлепестный, ветреница зонтичная, у которой чередуются здесь от шести до десяти лепестков, термопис ланцетелистный, цветущий вокруг во множестве, первоцвет мушкетный, вероника густоцветковая и некоторые еще не цветущие мытники.

Мы видели много медведей, которые катались по снегу, водится также белка, немало лосей и маралов. Выдр здесь такое множество, что в то время, когда мы поднимались, мои казаки находили их по шести штук в ловушке; мех их чрезвычайно хорош. Ловят здесь также куницу и соболя. Птиц я видел здесь меньше, и возле белков встречаются лишь кедровки и белые куропатки. Птиже по Коргону мы видели пару крупных китайских гусей с бугорками на клювах. Мы заметили также особый вид журавля, голос, незначительная величина, короткие ноги и синевато-серый цвет которого сильно отличали его от обычного, однако мы не могли подойти к нему на выстрел.

9 июня мы устроили привал у устья Коргона, чтобы дать отдых лошадям и позаботиться о ремонте некоторых вещей». (Schangin P. Tagebuch der Reise in hohe Altai-Gebirge im Jahre 1786 // Neue Nordliche Beyträge (S. Petersb.). 1793. Bd VI. S. 50—52).

38 В 60-х годах XVIII в. несколько колывановоскресенских горнорабочих-старообрядцев, спасаясь от социального и религиозного гнета, бежали в верховья р. Ульбы, севернее Холзуна, и, поселившись среди скал, стали называться каменичками. После открытия их тайного местожительства администрацией Колывано-Воскресенских заводов они переселились южнее Холзуновских гор, в долину р. Бухтармы и ее притоков — Язовой, Белой, Черновой, основав несколько селений. Слух о «Белюдьях» — сказочной свободной местности — прошел далеко за пределы Алтая, и здесь ста-

ли селиться все бежавшие от феодально-крепостнического гнета. Постоянная опасность со стороны китайских и русских военных отрядов побудила «каменщиков» послать Екатерине II челобитную с просьбой о помиловании и принятии в Российское подданство. Царским рескриптом 15 сентября 1791 г. они были приняты в подданство России на правах ясачных людей и им были указаны удобные для жительства места, где и возникло 9 поселений «каменщиков».

³⁹ Бейэр Андрей — генерал-лейтенант, начальник Колывано-Воскресенских заводов в 1847—1851 гг.

⁴⁰ Каменные здания на Петропавловской улице (теперь ул. Республики) являются старейшими в Барнауле. В 1738 г. был построен корпус сереброплавильного завода, в 1758 г. — аптека, перестроенная в 1794 г. заводским архитектором А. И. Молчановым, при аптеке разбит аптечный сад. В конце XVIII в. было сооружено здание Алтайского горного правления, в верхнем этаже которого помещалось Горное правление, а в нижнем — Барнаульская горная контора, заводское казначейство и склад золота и серебра. В 1821—1823 гг. построено кирпичное здание гауптвахты (ныне краевой драмтеатр) по проекту А. И. Молчанова.

⁴¹ По предложению П. К. Фролова Горный совет принял 20 февраля 1818 г. решение начать строительство госпиталя, училища с сиротским приютом, богадельни с церковью и памятника 100-летию Колывано-Воскресенских заводов. Для этой цели была ассигнована из заводской казны сумма 159 703 р. 63 к. Местом для размещения этого архитектурного ансамбля была намечена Коношенная площадь. В Алтайском краевом архиве сохранился план здания госпиталя, подписанный Молчановым, который и был, по-видимому, автором этого проекта, и утвержденный П. Фроловым 25 мая 1819 г. Сохранился также проект Горного училища, утвержденный П. Фроловым 1 августа 1826 г. Проекты фасадов всех трех зданий даны К. Ледебуром приложением к его книге. Судя по этим чертежам, все здания предполагалось построить двухэтажными. Фасад госпиталя должен был украсить декоративный дорический ордер из колонн, завершающийся треугольным фронтоном.

Главным украшением училища должны были стать крытые галереи-лоджии из 8 пилонов внизу и 8 колонн, поднимавшихся от первого этажа до уровня конька. Их венчал мощный фронтон, сужающийся кверху четырьмя ступями. Центральная часть богадельни — дома престарелых, инвалидов и сирот — представляла собой портал, опирающийся на мощные пилоны. Самый вход предлагалось украсить четырьмя приставными колоннами в дорическом стиле. Конек крыши, карниз портала и вершина треугольного фронтона должны были быть одинаковой высоты. Над ними должен был подняться низкий церковный купол, увенчанный крестом.

Госпиталь предполагалось расположить на западной, богадельню — на восточной, а Горное училище — на северной сторонах площади, на юге же ее замкнуть гранитной стеной с решеткой, а в центре планировалось воздвигнуть обелиск к 100-летию горного дела на Алтае. Автором его проекта был, по-видимому, Фролов. Сохранился подписанный им проект этого памятника высотой 16,4 м.

Работами строителей руководил архитектор А. И. Молчанов, но в 1824 г. он по старости уволился с завода, и строительство было заморожено до приезда Я. Н. Попова (1830 г.). Я. Н. Попов, участвовавший по поручению великого зодчего К. И. Росси в создании таких сооружений Петербурга, как главный штаб Михайловского дворца (ныне Русский музей), Новый каменный театр (затем Ленинградский государственный академический театр драмы

имени А. С. Пушкина) и др., в 1829 г. приехал в Барнаул, где завершил строительство зданий на Коношенной площади.

По мнению А. П. Уманского («Памятники культуры Алтая». Барнаул, 1939, с. 124—144), Я. Н. Попов «приложил свою руку к составлению проектов всех зданий уже в том виде, в каком они были опубликованы Ледебуром в своей книге. За это говорит большое сходство фасадов этих зданий с теми, которые строил Попов под руководством Росси в Петербурге в 1822—1829 гг., т. е. после окончания теоретического курса в Академии художеств. Так, центральная часть фасада богадельни по публикации Ледебура очень напоминает верх центральной части главного фасада Нового каменного театра. Еще больше сходства у фасада горного училища (из книги Ледебура) и Михайловского дворца. Только в Михайловском дворце колонны — коринфского, а в училище — дорического стиля, в дворце они в сочетании с балюстрадой декорируют всю фасадную стену второго этажа, в училище — лишь центр ее. В одной части второго этажа училища окна прямые, во дворце — все полуциркульные, фронтон училища — прямоугольный ступенчатый, а у Михайловского дворца — треугольный. Кстати, дворец закончен постройкой в 1825 г., Новый каменный театр достроен в 1828 г., план училища датирован 1828 г., а книга Ледебура вышла в свет в 1829 г.

Что касается фасада госпиталя, эскиз которого напечатан Ледебуром, то он также сходен с образцами русского классицизма той поры, например с частью западного фасада Адмиралтейства, законченного Захаровым в 1823 г., а может быть, и тех «других каменных зданий», в сооружениях которых, судя по формуляру, Попов принимал участие в Петербурге.

Примечательно, что чертежей фасадов госпиталя и училища вместе с планом этих зданий в работе Молчанова и Иванова не оказалось.

Из всего сказанного напрашивается предположение: может быть, именно архитектору Попову было поручено выполнить проекты фасадов, и последний сделал их уже в 1829 г. по близким ему образцам, лишь несколько изменив их?».

Яков Николаевич Попов родился в 1803 г. в семье обер-офицера. В 13 лет он стал маркшейдерским учеником. П. К. Фролов обратил внимание на его способность к рисованию и выдвинул кандидатом на пост будущего архитектора. Зимой 1820 г. Я. Н. Попов был определен в Академию художеств. 1 декабря 1822 г. он по распоряжению кабинетского начальства из Академии был «уволен и для практических занятий к усовершенствованию в архитектуре отдан к г. архитектору Росси». В течение 6 лет Попов по поручению Росси занимался постройкой Главного штаба, Михайловского дворца, Нового каменного театра и других замечательных сооружений Петербурга, прославивших имя Росси. «За усердную и ревностную службу и приобретенные познания в архитектуре» по представлению Росси Попов в 1828 г. был произведен в шихтмейстеры. Еще через несколько месяцев за успехи в строительстве Нового каменного театра ему была выдана награда — 600 руб. Через полгода «в вознаграждение усердной и ревностной службы» он получил еще 600 руб. В марте 1829 г. Росси выдал Попову похвальную аттестацию, в которой отмечалось, что молодой архитектор должность свою исправлял с усердием и с познанием своего дела». В августе того же года Я. Н. Попов прибыл в Барнаул и был назначен «при Барнаульском заводе архитектором» (ГААК. Ф. 2, оп. 2, св. 260, ед. хр. 393).

Последнее здание этого ансамбля — госпиталь — было построено в 1845 г.

⁴² Барнаульский краеведческий музей был основан Ф. Геблером при активном содействии

П. К. Фролова в 1823 г. (см. отчет Ф. В. Геблера по Барнаульскому музею в журнале Московского общества естествоиспытателей за 1829 г.). Однако еще в середине XVIII в. при канцелярии Кольвано-Воскресенских заводов в Барнауле был организован минералогический кабинет, содержащий кроме минералогической также ботаническую и зоологическую коллекции, собранные Шангиным, Ренованцем, Максманом, Залесовым и другими учеными-путешественниками, а возможно, и иные экспонаты, легшие впоследствии в основу музея.

⁴³ Ползунов Иван Иванович (1729—1766) — выдающийся русский теплотехник-изобретатель, создатель первого в мире универсального пароперегревателя двигателя, родился в семье солдата Екатеринбургской горной роты. Окончив в 1742 г. Екатеринбургское заводское училище, был «определен» в «механические» ученики к механику уральских заводов Никите Бухареву. Приехав на Алтай в начале 1748 г., Ползунов начал работать на Барнаульском сереброплавильном заводе. По его инициативе на Алтае началось строительство деривационных гидротехнических сооружений. В 1763 г. Ползунов создал проект, наметивший целую революцию в производстве и ставший программой дальнейшего творчества в области техники для поколений русских изобретателей.

Ползунов предлагал отказаться от строительства заводов на реках, чтобы «пресечь водяное руководство». Он указал, что водяное колесо можно заменить «огненной машиной», которую следовало «учредить так, чтобы она была способна все наложенные тяготы... носить и по воле нашей, что будет потребно, исправлять». Идея Ползунова была сформулирована Д. Уаттом лишь в 1784 г.

Первый проект своей машины Ползунову не удалось осуществить. Он принял за строительство машины по второму проекту. Двигатель Ползунова состоял из парового котла, рабочих цилиндров с поршнями, бассейна с холодной водой для конденсации пара. Когда поршень достигал верхнего положения, доступ пара автоматически прекращался и внутри цилиндра взрывалась холодная вода. Пар конденсировался, и под поршнем образовывался вакуум. Силой атмосферного давления поршень опускался в нижнее положение и тянул за собой поршень в другом рабочем цилиндре, куда автоматически выпускался пар из того же котла. Работал двигатель за счет атмосферного давления. Пар полезной работы в двигателе не производил.

Проект Ползунова был рассмотрен канцелярией Кольвано-Воскресенских заводов и получил высокую оценку со стороны начальника заводов А. И. Порошина. Кабинет присвоил Ползунову звание механика и выдал ему в награду 400 руб.

16 (27) мая 1766 г. Ползунов скончался в Барнауле от скоротечной чехотки. Через 7 дней после его смерти двигатель начал работать. Котел, вмещающий 16 т воды, подавал пар в цилиндры около 3 м высотой и 80 см в диаметре. Огромные мехи, приводимые в движение машиной, нагнетали воздух в 10—14 печей. Машина Ползунова скоро не только окупала затраченные на нее расходы, но и дала свыше 11 тыс. руб. чистой прибыли.

Двигатель работал 43 дня и был остановлен из-за течи в котле. Пришедший на смену Порошина к руководству Кольвано-Воскресенскими заводами Ирмай обратился в 1778 г. в Кабинет с официальной просьбой разобрать ползуновскую машину. В 1780 г. преемник Ирмайна Меллер с разрешения царского Кабинета сломал машину; части ее были разобраны и не сохранились до наших дней.

Находящаяся в барнаульском музее модель машины Ползунова, сделанная в 1825 г. П. Ярославцевым, является не моделью действующей машины Ползунова, а моделью его неосуществленного варианта 1763 г.

⁴⁴ Речь идет об «огненной машине» системы Ньюкомена, сооруженной в 1774 г. в Кронштадте силами английских механиков. Англичане привезли с собой даже кирпич и глину для строительства этой машины, но она не была ни экономичнее, ни лучше универсальной машины Ползунова.

⁴⁵ Любопытное описание Барнаула, и в частности барнаульского музея, относящееся к тому же году, когда город посетила экспедиция К. Ледебера, содержится в анонимном письме от 8 сентября 1826 г., опубликованном в журнале «Отечественные записки», издававшемся П. Свиным в Петербурге (1827, т. 30, с. 113—125), которое вполне соответствует рассказу Ледебура и несколько дополняет его. Приводим выдержки из этой статьи:

«О Барнауле я знал из путешествия Кокрена, называвшего оный счастливейшим и наилучшим управляемым местом по всей Сибири. И точно: пребывание в Барнауле доставило мне столько много любопытного и приятного, столько не находил я не только в других городах Сибири, но в самой России.

Начну с общего взгляда на Барнаул. На последних двух верстах к оному дорога между сыпучими песками отделена наподобие шоссе и обсажена по обе стороны деревьями. Правильные улицы, на которых видна совершенная чистота, несколько окрашенных домов и надолгов подле оных составляющих первое отличие этого города. Берег величественной Оби обнесен красивой решеткой; по главной улице, по которой должно въезжать в город, сделан бульвар, усаженный тополями; прекрасное строение дома полиции с каланчею и навесом для пожарных орудий встречаются первыми по въезде в город.

Но существенное достоинство Барнаула составляют заводские устройства: длинная плотина, усаженная шпалерником из тальника, обнесена красивыми решетками, на коих те, которые окружают прорезы или отверстия в плотине воды в весеннее время, — чугунные. Прошед плотину, встречаешь еще на скате длинную чугунную решетку самого красивого и легкого рисунка на гранитном доколе; за оною по каналу, идущему от прореза, посажена аллея, а под скатом сделаны дорожки, извивающиеся между зеленым дерном, одевающим также скат, на котором поставлена решетка... При входе в завод представляется глазам плотина, которой правильные скаты одеты дерном, подобно крепостному валу; потом огромная плавильная каменная фабрика с колошниками и аттиками, за нею другая такая же каменная, но несколько меньше первой и старинной архитектуры... Осматривая первую фабрику, нельзя налюбоваться устройством строил по смелости, с какою оные сделаны на 10-саженной высоте, и цилиндрической машиной, недавно построенной...

На заводе был я приглашен в лазарет, аптеку и ботанический сад. Порядок и чистота в первом, а во второй устройстве — образцовые, в последнем же сверх того нашел я собрание растений здешнего округа, в числе коих показывали мне несколько видов оных, вновь открытых».

Дальше автор дает подробное описание экспонатов барнаульского музея:

«Первое внимание мое обратила модель рудной массы Змеиногорского рудника, известного по извлеченному из него несметному богатству. Орел с распростертыми крылами, посаженный на вершине сего миниатюрного изображения величайшего подземного колосса, держит в носу стрелу, на которой нацеплена надпись, содержащая описание сего рудника в географическом и геонотическом положении...»

Далее встречается модель того же рудника со всеми внутренними выработками, которых столь много и так они перепутаны, что модель подходит к стенке. Тут еще есть третья мо-

дель этого рудника, огромностью своей превосходящая две первые. В ней представлены две машины, какие существовали и существуют поныне, также проекты механическим устройствам. Нельзя без особенного любопытства видеть, с каким искусством и экономией придумано одной и той же водой приводить в движение колеса, из коих два служат для подъема руды и два — для отлития воды. Сии последние колеса огромнейшей величины: поперечных их имеет $8\frac{1}{2}$ сажени...»

Описав модели саксонской амальгамовой фабрики, Сузунского монетного двора, плавильных печей, горных укреплений и пр., автор продолжает: «Но самыми любопытными показались мне модели золотопромышленных фабрик, существовавших в Змеевском руднике. Все они построены были также отцом нынешнего начальника заводов и по замысловатости механизма представляют предметы, означающие отличный талант в механике, особенно видимый в модели рудоподъемной машины, ими же изобретенной, которая была в Змеевском руднике, и называемой «Патер-Ностер».

Далее он описывает модели «паровой» машины Ползунова, называемые ее первой в России, паровой машины Нькомена и венгерской водостолбовой машины Ярославцева.

«В сей же зале хранятся на пьедесталах фальшивого мрамора: обрубков сосны, точно такой же, какой хранится в С.-Петербургской кунсткамере, и пихта, обросшая кругом березой.

Статью сию кончу замечанием, что почти все машины, бывшие в Колыванских заводах и рудниках, изобретенны и построены природными сибиряками, равно и превосходные модели сделаны ими же. Барнаульским музеем сохраняется имена Фролова, Ползунова и Ярославцева, коих таланты и полезные труды без оного не были бы известны, может быть, и для самих ныне служащих на заводах. Вообще, нельзя не чувствовать признательности к основателю музея в Барнауле, доведшему оный за четыре года до такой степени совершенства, порядка и разнообразия, каковыми немногие подобные ему собрания могут похвалиться в самой Европе.

За залой моделей следует комната, в которой помещаются чучела зверей. Здесь увидишь

почти всех четвероногих обитателей сибирских степей и лесов: бобер, выдра, россомаха и песцы голубой и белый по редкости наиболее примечательны. Тут же находятся несколько обезьян и весьма редкая между ними унстити, армадин, барсук из южной Африки и белки из Сенегала, также из южной Африки, опоссум из Новой Зеландии.

В следующей затем комнате помещено собрание птиц. Колибри и многие другие перелетные американские птицы безмолвствуют вместе с беркутами и другими северными пернатыми... Тут же поставлено несколько столов с иностранными и сибирскими наскоками... За собранием птиц следует комната, в которой хранятся орудия, изделия и другие вещи азиатских народов..., разного рода ловушки для зверей, несколько изделий жителей азиатских и других островов Восточного океана... Прочие комнаты занимают минералогический кабинет, в котором собраны ископаемые гор Уральского и Алтайского хребтов».

⁴⁶ Какова была дальнейшая судьба собраний П. К. Фролова?

Коллекционированием он начал заниматься рано. Как установил А. П. Уманский, собранные Фроловым книги, рукописи и документы были еще в 1817 г. по повелению Александра I приобретены Кабинетом за 20 тыс. руб. и вошли в фонды Императорской публичной библиотеки (позднее Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина). В этой библиотеке есть портфель П. К. Фролова, содержащий ряд писем исследователей Сибири XVIII в. — Палласа, Фалька и других (Уманский А. П. О судьбе собраний П. К. Фролова // Алтай (Барнаул). 1962. № 1. С. 114—115).

По вступлении на должность начальника Колывано-Воскресенских заводов в 1817 г. Фролов возобновил коллекционирование. По мнению М. П. Грязнова (Первый Пазырыкский курган, 1950, с. 9), «через посредство Г. И. Спасского почти все это собрание поступило в музей Москвы и Петербурга. Часть вещей, небольшая по количеству, но, пожалуй, лучшая по подбору художественно исполненных вещей, хранится теперь в Эрмитаже, остальные — в Историческом музее в Москве, в составе собраний М. П. Погодина».

А. А. БУНГЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ АЛТАЙСКИХ ГОР

Александр Андреевич Бунге — крупный флорист-систематик и путешественник — родился в Киеве 24 сентября¹ 1803 г. в дворянской семье. В 1821 г. он с отличием закончил курс гимназии в г. Дерпте и поступил на медицинский факультет Дерптского университета, который и закончил 24 ноября 1825 г. со степенью доктора медицины. Одним из его университетских учителей был К. Ф. Ледебур. Под влиянием Ледебура Бунге пристрастился к ботанике и стал его талантливейшим учеником.

В начале января 1826 г. Бунге по просьбе начальника Колывано-Воскресенских заводов П. К. Фролова и по рекомендации К. Ф. Ледебура получил назначение на должность врача Колывано-Воскресенских заводов². Одновременно с этим Ледебур пригласил его принять

участие в задуманной им экспедиции на Алтай, на что Бунге с радостью согласился.

Выехав 16 января 1826 г. из Дерпта, К. Ф. Ледебур, А. А. Бунге и К. А. Мейер 9 марта были уже в Барнауле. Пробы там некоторое время в ожидании начальника Колывано-Воскресенских заводов П. К. Фролова, а также занимаясь закупкой продуктов на дорогу, А. А. Бунге и К. А. Мейер лишь 18 марта выехали в Змеиногорск, откуда должны были отправиться по своим маршрутам. Согласно плану экспедиции, Бунге направился на восток, в горы, к д. Чечулихе — крайнему русскому поселению, граничащему с областью кочевников-алтайцев. Здесь он намерен был подняться на вершины окрестных гор, побывать на Чье и Телецком озере и Саянских горах. Однако для поездки в Саянские горы требовалось разрешение енисейского губернатора, открытое предписание с его подписью и рекомендательные письма. К. Ф. Ледебур обратился к енисейскому губернатору с соответствующей просьбой, но ответ настолько задержался, что Бунге был вынужден уехать на Чую, договорившись встретиться с Ледебуром в д. Уймоне.

¹ Даты везде даются по юлианскому календарю.

² Государственный архив Алтайского края (ГААК). Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 3256, л. 165.

В Змеиногорске Бунге задержался до 30 марта, так как нужно было сделать путевые запасы; в течение этого времени он осмотрел завод, рудник и посетил окрестности города.

Путь на Чечулиху пролегал по живописным предгорьям Алтая, через д. Саушку, мимо Колыванского озера. Как это озеро, так и село Колывань с ее знаменитой шлифовальной фабрикой произвели большое впечатление на Бунге. Проехав д. Чагыр, Усть-Тулатинский реду́т и д. Сентелек, он прибыл в д. Чечулиху.

Управляющий Колыванской шлифовальной фабрикой бергмейстер М. С. Лаулин предоставил Бунге четырех лошадей, а также стрелка и следопыта Василия Белоусова, уроженца д. Коргон. По-видимому, там же, в Колывани, Бунге узнал о том, что коргонские «камнемолцы», ломашние камень для нужд Колыванской фабрики, доведенные до отчаяния произволом чиновников, организовали отряд и под предводительством камнемолца Чкалова, громили казенные склады и нападали на проезжих купцов и чиновников, наводя ужас на местное население³. Был под подозрением и Белоусов из-за брата — «коргонского беглого». Но это не обесценило его в глазах Бунге, который с доверием и симпатией относился к простым людям. Вообще со стороны Бунге нужна была большая смелость, чтобы при таких обстоятельствах отважиться продолжать свой путь до Чечулихи, расположенной в непосредственной близости от Коргона.

В Чечулихе Бунге находился целый месяц, совершая экскурсии по окрестностям и собирая растения и насекомых. Он не упускал возможности наблюдать жизнь и быт русского населения деревни и кочевников-алтайцев.

12 апреля произошла встреча Бунге с коргонскими беглыми камнемолцами. Отряд, состоящий из 12 человек, въехал в Чечулиху, чтобы запастись продуктами. Встреча с глазу на глаз с двенадцатью дюжими молодцами, вооруженными огнестрельным оружием, могла бы лишить присутствия духа любого, но Бунге не теряет самообладания и чувства собственного достоинства, относясь при этом с должным уважением к своим собеседникам.

12 мая А. А. Бунге отправился вверх по Чагышу к устью р. Кан, где нашел множество новых, интересных видов растений, поэтому задержался там до 15 мая, здесь же он наблюдал «камлание» шамана и лечил больных алтайцев.

16 мая Бунге перевалил высокий, еще покрытый снегом Теректинский хребет, вышел к истокам Урсула и Большого Улугмёна, а 19 мая достиг берега Катунь. Переправившись через Катунь 20 мая, он миновал Сершальский и Айгулакский хребты и берегом Катунь спустился к р. Чуе. Продолжая свое путешествие вверх по этой реке, он 31 мая прибыл к юрте алтайского зайсана Монгола, попутно обследуя растительность Чуйской и Курайской степей, Айгулакского и Курайского хребтов. Теперь Бунге намерен был отправиться к Телецкому озеру, но узнав, что ехать туда еще рано, пошел обратно вверх по Чуе, переправившись через Катунь, перевалил Теректинский снежный хребет и 13 июня в сопровождении своих спутников и проводников-алтайцев спустился в Уймонскую долину, где 26 июня в д. Уймон состоялась его встреча с К. Ф. Ледебуром.

Условившись с руководителем экспедиции относительно дальнейшего маршрута и передав ему свои коллекции, Бунге, проводив его 1 июля до Абам, двинулся к Кану; там он дождался возращения вестового, с которым Ледебур препроводил ему запасы для дальнейшего путешествия и корреспонденцию. Ответив на письма и отправив свои письма в Риддерск, Бунге 9 июля предпринял тем же путем, доли-

нами рек Чагыша, Жибгана и Урсула, второе путешествие на Катунь и Чую, проехав Чуйскую степь, и 20 июля снова был в резиденции зайсана Монгола, где кочевали алтайцы-двоеданцы. Попутно Бунге заводил знакомства как с алтайским начальством — зайсанами и демичами, так и с простыми алтайцами, с которыми он нередко вступал в самые дружеские отношения.

23 июля Бунге отправился налегке к Телецкому озеру, оставив все свое лишнее дорожное снаряжение и коллекции на сохранение зайсану Монгоду. Он совершенно не беспокоился за судьбу оставленного багажа, так как был самого высокого мнения о честности и добросовестности алтайцев, в чем не раз убеждался на опыте. Ни один ученый исследователь не побывал еще до Бунге на берегах Башкауза и Телецкого озера, и ему первому принадлежит честь открытия для науки этой местности, поразившей его своей дикой, первозданной красотой. Он перевалил высокий хребет, отделяющий истоки Чуи от истоков Башкауза, и с этого перевала долго любовался чарующим величием Чулышманской долины, с теснящимися по обе стороны скалистыми вершинами и с низвергающимися из-под облаков водопадами. Пройдя 26 июля Чулышманский хребет, он спустился к Чулышману и поехал берегом этой реки. 27-го он достиг берега Телецкого озера...

Установившаяся холодная погода с дождями и снегом вынудили Бунге отказаться от намерения совершить экскурсию в Саянские горы; надо было спешить с возвращением. Поэтому 30 июля он выступил в обратный путь. 3 августа он был на Чуе, 12-го перевалил Теректинский хребет, 18-го прибыл в д. Чечулиху, а 29-го — в Змеиногорск. За время этой поездки путешественник собрал значительный этнографический материал. Довольно подробно описывает Бунге внешний вид зайсанов, их одежду, жилища и взаимоотношения с подчиненным им населением. Но Бунге не ограничивается описанием быта только богатых и знатных алтайцев. От его внимания не ускользает и быт бедняков — скотоводов и охотников, — их хозяйство, например мотыжное поливное земледелие и т. д. Детально описываются верования алтайцев и ритуал камлания. Ученый дает не протокольный отчет, а живые картины природы и образа.

В конце декабря 1826 г. К. Ледебур и К. Мейер выехали из Барнаула в Дерпт, А. Бунге остался на Алтае.

Как уже сказано выше, Бунге еще 27 января 1825 г. получил назначение на должность врача на Колывано-Воскресенские заводы. Возвратившись из поездки по Восточному Алтаю и сдав собранные им естественнонаучные коллекции и отчет о своей поездке начальнику экспедиции К. Ф. Ледебуру, он приступил к своим служебным обязанностям в качестве уездного врача Барнаульского округа, в какой должности и был утвержден 15 ноября. 17 декабря он был переведен в Барнаульский госпиталь, а 18 февраля 1828 г. Бунге определен заведующим Змеиногорским лазаретом⁴; на этой службе он находится по 15 мая 1830 г.

Но, работая врачом, Бунге не оставлял своих естественнонаучных занятий. Он занимался обработкой своего путевого дневника и собранных во время экспедиции материалов и принимал участие в работе над 4-томным трудом К. Ледебура «Flora Altaica» (1829—1832).

В июне 1829 г. Бунге предпринял путешествие к верховьям Катунь, описанное им в письме К. Ледебуру от 8 октября 1829 г. В этом письме он впервые в географической литературе упоминает о главной вершине Катунского хребта Белухе (4506 м), которая в то время была известна под названием «Катунские стол-

³ ГААК. Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 367, л. 346, 348, 351.

⁴ ГААК. Ф. 1, оп. 2, ед. хр. 3860, л. 214.

бы». Перевалив с Бухтарминской долины через хребет Листьягу близ Марального озера, он спустился к месту, где «два мощных горных потока сливаются, образуя реку». Здесь Бунге, вероятно, говорит о слиянии Катунь с Кипчаком. Желая выяснить причину замутнения Катунь, он продвинулся несколько выше, где убедился в неправоильности мнения, что Катунь вытекает из Белого озера, но Белуху увидеть не смог, так как она была закрыта отрогами стоящих впереди гор. Издали он видел небольшой ледник, но не догадался о его отношении к помутнению Катунь, которое, по его мнению, происходило от того, что река протекала в глыбах известнякового сланца, перетираемого в белый порошок. Таким образом, ему не удалось увидеть истока Катунь. Эта неудача, по словам проф. В. В. Сапожникова (1861—1924)⁵, объясняется слишком ранним временем лета (начало июня), когда верхнее течение Катунь еще не освободилось от снега, помешавшего Бунге проникнуть к леднику, дающему начало Катунь. А между тем стоило ему продвинуться всего на каких-нибудь подкилометра или даже просто перейти на левый берег Катунь, как он увидел бы обе вершины Белухи и Катунский ледник почти во всю его длину. Счастливей его был Ф. Г. Геблер, отправившийся к истокам Катунь шесть лет спустя, в июне 1835 года, и давший подробное описание Белухи и Катунского ледника, носящего теперь его имя⁶.

Дневник Бунге, опубликованный К. Ледебуром во 2-ом томе «Путешествия по Алтайским горам и Джунгарской Киргизской степи», а также и другие ботанические труды Бунге привлекли к нему внимание ученых кругов и в 1830 г. Александр Андреевич был приглашен Петербургской Академией наук принять участие в ученой экспедиции в Монголию и Китай.

Вместе с экспедицией Бунге проехал пустыню Гоби, собрал там гербарий, а 24 апреля 1832 г. вернулся в Барнаульский госпиталь. По результатам этой экспедиции он опубликовал «Описание новых видов китайских и монгольских растений», напечатанное в «Ученых записках Казанского университета» за 1835 г., и другие труды.

3 июля 1832 г. Александр Андреевич получил новую командировку Академии наук в Восточный Алтай, главным образом на берега Чуи. Во время этой поездки по Алтаю он обследовал горы по правому берегу Чуи, до ее верховьев, а также истоки Чулышмана и Башкауза. Он собрал 366 видов растений, из них 57 были новыми для флоры Алтая, а 27 вообще описывались впервые. Краткие сведения об этом путешествии Бунге сообщил в своем отчете Академии наук за 1832 г.⁷

Возвратившись из этого путешествия в Барнаульский госпиталь 8 декабря 1833 г., Бунге вскоре отправился в Петербург для сдачи отчета о своих путешествиях в Петербургскую Академию наук.

25 июля 1833 г. Бунге был назначен экстраординарным профессором ботаники Казанского университета. Оттуда в течение июня и первой половины июля он совершил поездку в южную часть Саратовской и Северо-Астраханской губернии для изучения флоры и фауны, обследовал Большой и Малый Богдо — прикаспийские возвышенности.

22 января 1836 г. Бунге был избран ординарным профессором Дерптского университета,

где читал курсы общей фармацевтической и сельскохозяйственной ботаники, а 10 августа ему был передан ботанический сад при университете.

В качестве директора ботанического сада он заботился о пополнении коллекций тропических растений, устройстве новых оранжерей, в саду появилось большое количество алтайских растений. Он радикально перестроил пришедшие в ветхость оранжереи и сделал несколько новых.

Среди учеников А. А. Бунге, воспитанных им в Дерптском университете, было немало талантливых ботаников, ставших впоследствии крупными учеными, например русский ботаник К. И. Максимович (1827—1891) — исследователь флоры Дальнего Востока и Японии, один из крупнейших представителей эволюционного учения в русской науке, а также известный русский геолог, палеонтолог, ботаник и путешественник Ф. Б. Шмидт (1832—1908) — автор многолетнего труда «Ревизия силурийских трилобитов Прибалтики»... (1881—1907).

В 1840 г. приват-доцент Дерптского университета Асмус и профессор Бунге получили предложение Академии наук совершить полугодовую научную экспедицию в Пекин, примкнув к русскому посольству, отправляемому в то время в Китай. Экспедиция эта, однако, не состоялась, так как министр народного просвещения Уваров не счел возможным отпустить ученых в эту командировку. Тогда Бунге принялся за осуществление давно задуманного им плана — составить флору Прибалтийского края или по крайней мере Лифляндии, Эстляндии и Курляндии (ныне Латвия и Эстония). С этой целью в 1840 г. он совершил поездку по всему этому краю. В 1851 г. он вторично путешествовал по Лифляндии, главным образом по ее юго-восточной части, а также на острова Леон и Езель. Результатом этой поездки был ряд трудов, в частности «Flora von Esthiv und Kurland. Bearbeitet von Eleischer, herausgegeben von A. Bunge» и «Flora exiecala Liv.-Esth. und Kurland. Celn. I—X».

В 1852 г. Бунге выслужил 25 лет и по закону мог уйти на пенсию, но его трижды оставляли на службе на пятилетний срок.

19 декабря 1857 г. Бунге был прикомандирован к экспедиции, снаряженной Русским географическим обществом под начальством Ханькова в Хорасан (Персия). В этой экспедиции был собран обширный ботанический материал, полностью не онародованный. Вернувшись из экспедиции 9 августа 1858 г., А. А. Бунге опубликовал в «Вестнике Императорского Русского географического общества» несколько весьма важных отчетов об этой экспедиции, в которых дал мастерскую ботанико-географическую характеристику посещенных им мест. В результате этой экспедиции был опубликован также труд «О губоцветных»⁸.

Для пополнения гербария Бунге в 1860 г. ездил за границу на 4 месяца; полугодовую поездку за границу он совершил также в 1866 г., для сравнения и описания астрагалов.

Наконец, прослужив 40 лет, Александр Андреевич 31 декабря 1867 г. ушел в отставку и занялся обработкой собранного им богатого материала.

Перу А. А. Бунге принадлежит много трудов, главным образом по систематике цветковых растений. Его монографии охватывали такие группы, как горечавки (*Gentiana*), тамариковые (*Tamaricaceae*), солянки (*Salsola*), астрагалы (*Astragalus*), остролодочники (*Oxytropis*), патринии (*Patrinia*), кузинии (*Cousinia*), мордовники (*Echinops*), гелиотропы (*Heliotropium*), ежовники (*Anabasis*) и многие другие трудные для систематики группы растений. Главный труд Бунге по флоре Средней Азии — это «Beiträge zur Kenntnis der Flor

⁵ Сапожников В. В. По Алтаю. М., 1949. С. 162—163.

⁶ Геблер Ф. Замечания о Катунских горах, составляющих высочайший хребет в русском Алтае // Горный журнал. 1836. Ч. II.

⁷ См.: Bunge A. Verzeichniss der im Jahre 1832 im östlichen Theile des Altai-Gebirges gesammelten Pflanzen. Ein Supplement zur Flora Altaica. Spb., 1836.

⁸ Bunge A. Labicetae persicae. 1873.

Russlands und des Steppen Zentral-Asiens» (СПб., 1854), представляющий собой обработку огромной коллекции ботаника и путешественника Александра Лемана, скончавшегося в 1842 г. на пути из Средней Азии, собранной им от Оренбурга до Самарканда и Бухары и включающей 1526 видов, в том числе 159 новых. Работа эта была выполнена Бунге согласно завещанию Лемана⁹.

Кроме того, Бунге дал обзор астрагалов и остролодочников Туркестана, выполненный им в связи с определением сборов русских естествоиспытателей и путешественников А. П. Федченко (1844—1873) и его супруги О. А. Федченко (1845—1931).

Бунге является одним из основателей географо-морфологического метода в систематике растений.

Но интересы А. А. Бунге не ограничивались естествознанием. Им написано несколько крупных работ по философии, главным образом по гносеологии, где он стоит на позициях гносеологического идеализма.

Как ученый-естествоиспытатель Бунге пользовался известностью далеко за пределами нашей Родины. Он был почетным членом Российской Академии наук, членом многих иностран-

ных научных обществ (в том числе Линнеевского и Королевского), лауреатом Бэрвской и Декандровской премий, присужденных ему за его классические труды по систематике цветковых растений, по флоре Средней Азии и проч.

Именем Бунге был назван род *Vipera* С. А. М. (из семейства норичниковых) и 36 видов¹⁰ цветковых растений.

Свой богатый гербарий Бунге предлагал приобрести Московскому обществу испытателей природы и ряду других научных учреждений, но, получив отказ, продал его в Париж Коссону.

24 октября 1875 г. Бунге праздновал свой 50-летний докторский юбилей.

Скончался А. А. Бунге 6 декабря 1890 г. в Дерпте¹¹. Прах его покоится в Тарту, на кладбище Маарья-Яани.

¹⁰ *Allium Bungei* Boiss. (лук Бунге), *Astragalus Bungeanus* Boiss. (астрагал Бунге), *Carex Bungeana* Deleam. (осока Бунге), *Iris Bungei* Max. (касатик Бунге), *Plantago Bungei* Stend. (подорожник Бунге), *Rosa Bungeana* Boiss. et Hook. (роза Бунге) *Saussurea Bungei* Bth. et Hook. (горькуша Бунге), *Viola Bungeana* Rupr. (фиалка Бунге) и др.

¹¹ О А. А. Бунге см.: Буш Н. Биографический словарь профессоров и преподавателей Юрьевского (б. Дерптского) университета за сто лет его существования (1802—1902) / Под ред. Г. В. Левицкого. Т. I. С. 350—354; Словарь русских ботаников / Под ред. Ю. Липшица. т. I (1947). С. 301—304; Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири. СПб., 1909.

9 I. Abth. Alexandri Lehmani reliquiae botanicae sive enumeratio plantarum ab Alexandro Lehman in itinere per regiones uralensicaspicae deserta Kõrghiserum, Transolanam et Sorganam annis 1839—1842 pelantatanam et Sorganam annis 1839—1842 petacta collectarum // Mémoires presentes à l'Acad. Imp. de sc. d. SPb., 1854. T. VI. P. 171—536.

Список печатных трудов А. А. Бунге*

Conspectus generis *Gentiana* imprimis specierum Rassicarum // Nouv. Mém. de la Soc. des natur. de Moscou. 1829. T. I(VII). P. 197—256.

Skizze der Vegetation der Umgebungen des Baicalsees // St.-Petersb. Zeit. 1830.

Reise im östlichen Theil des Altai-Gebirges // K. Ledebours Reise durch das Altai-Gebirge und die soongarische Kirgisen-Steppe. Th. II. Berlin. 1830. S. 1—70.

Reise von der Syrānowschen Grube zu den Quellen der Katunja // K. Ledebours Reise... Th. II. S. 518—522.

Описание новых родов и видов китайских и монгольских растений. Десяток первый // Учен. зап. Казанск. ун-та. 1835. С. 154—180 (Отд. оттиск.: Казань, 1835).

Verzeichniss der im Jahre 1832 im östlichen Theile des Altai-Gebirges gesammelten Pflanzen: Ein Supplement zur Flora Altaica // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de Sci. de St.-Petersb. par div. savants. 1835. T. II. P. 523—610.

(Отдельные оттиски: Spb., 1836).

Enumeratio plantarum quas in China boreali collegit. A. Bunge... anne 1831 // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de Sci. de St.-Petersb. par div. savants. 1833. T. II. P. 75—147.

Delectus seminum a collectione a. 1837. quae in horto botanico Dorpatensis pro mutua commutatione offeruntur; Ibid., a. 1838; Ibid., 1839; Ibid., a. 1840.

Ueber die Gattung *Tetradiclis* Stev. // Linnaea. 1840. Bd XIV. S. 161—178.

Ueber die Gattung *Siphonastegia* Benth. und *Uwarowia* Bunge // Bull. sci. publ. par l'Acad. Imp. de sci. de St.-Petersb. 1840. T. VII. P. 273—280.

Ueber eine neue Art der Gattung *Pedicularis* // Bull. sci. publ. par l'Acad. Imp. de sci. de St.-Petersb. 1841. T. VIII. P. 240—253.

Delectus seminum quae a. 1841 in horto botanico Universitatis Caesareae Derpatensis collecta, mutua commutatione offeruntur. Ibid., a. 1842.

Ueber zwei, bisher zur Familie der *Cruciferae* gezogene, zu anderen Familien gehörige Gattungen // Linnaea. 1842. Bd VI. S. 98—112.

Ueber *Pedicularis comosa* L. und die mit ihr verwanten Arten // Bull. de la classe physico-math. de l'Acad. Imp. des sci. de St.-Petersb. 1843. T. I. P. 369—385.

Ueber eine neue Gattung aus der Familie der *Zygophyllaceae* // Linnaea. 1843. Bd XVII. S. 1—9.

Delectus seminum e collectione a. 1843 quae hortus botanicus Dorpatensis pro mutua commutatione offert; Ibid., a. 1844; Ibid., a. 1845; Ibid. a. 1846; Ibid., a. 1847; Ibid., a. 1849; Ibid., a. 1850; Ibid., a. 1851; Ibid., a. 1852; Ibid., a. 1853.

Vorläufige Nachricht über die hinterlassenen Sammlungen von Alex. Lehmann (Aus einem Schreiben des Herrn Prof. Alex. von Bunge d. f. März, Mohl und Schlechtendal) // Botan. Zeit. 1843. Bd I. S. 254—256.

Novum Genus *Chenopodearum* // Linnaea. 1843. Bd XVII. S. 120.

Chartoloina, eine neue *Cruciferengattung*. Mahl und Schlechtendal // Botan. Zeit. 1844. Bd VII. S. 245—250.

Alexandri Lehmanni reliquiae botanicae sive enumeratio plantarum ab Alexandro Lehmann in itinere per regiones uralensicaspicas, deserta Kirghisorum, Transoxanem et Sogdianam annis 1839—1842 petacto collectarum // Arbeit. d. Naturt. ver. zu Rige. 1847. C. 1, N 2, P. 115—253.

Tentamen generis *Tataricum* species accuratius definiendi. Dorpat, 1852.

Beitrag zur Kenntniss der Flor Russlands und der Steppen Central-Asiens. I. Abt. Alexandri Lehmanni reliquiae botanicae sive Enumeratio plantarum ab Alexandro Lehmann in itinere per regiones uralensi-caspicas, deserta Kirghisorum, Transoxanem et Sogdianam annis 1839—1842 petacto collectarum // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de Sci. de St.-Petersb. par div. savants. T. VI. P. 177—536. (Отдельный оттиск).

* В список включены лишь печатные труды естествонаучного содержания.

Delectus seminum quae a. 1855 in horto botanico Universitatis Caesariae Dorpatensis collecta, mutua commutatione offeruntur; Ibid., a. 1856; Ibid., a. 1857; Ibid., a. 1859.

Icones plantarum novarum vel minus cognitarum quas in prima parte operis // Alexandri Lehmanni reliquae botanicae descriptae A. Bunge. 15 tabl.

Anabeastearum revisio // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de Sc. de St-Petersb. par div. savants. 1862. T. IV. N 11. P. 103.

Generis *Astragali*-species gerontogaeae. Pars prior. Claves diagnosticae // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de sci. de St-Petersb., par div. savants. 1868. T. XI. N 16.

Pars altera. Sperierum enumeratio Ib., 1869. T. XV. N 1.

Ueber die *Heliotropen* der mittelasiatischen Flora // Bull. de Soc. d. Nat. d. Moscou. 1869. Bd II. S. 279—332. (Отдельный оттиск: М., 1870).

Hypogimphie eine neue *Labiategattung* aus Taschkent // Bull. l'Acad. Imp. de sci. de St-Petersb. 1872. T. XVIII. P. 28—30.

Die Gattung *Acantholimon* Boiss. // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de Sci. de St-Petersb. 1872. T. VII. Ser. XVIII. N 2.

Species generis *Oxytropis* // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de sci. de St-Petersb. 1874. T. VII. Ser. XXII. N 1.

Leguminorum genus novum // Acta Horti Petropoli. 1876. Bd IV. N 2. P. 338—340.

Salsolacearum novarum in Tyrcestanian indigenarum descriptiones auctore A. Bunge // Acta Horti Petropoli. 1878. Bd V. N 2. P. 642—646.

Enumeratio salsolacearum omnium in Mongolia hucusque collectarum // Bull. prés. à l'Acad. Imp. de sci. de St-Petersb. 1879. Bd XXV. P. 349—371. См. также: Mélanges biol., 1879. T. X. Livr. 2. P. 274. P. 306.

Pflanzen-geographische Betrachtungen über die Familie der Chenopodiacum // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de sci. de St-Petersb. 1880. T. VII. I. Serie. T. XXVII. N 8.

Plantagineae in Regel. «Descr. plant. nov. fasc. VII» // Acta Horti Petropoli. 1880. Bd VI. P. 392—394.

Enumeratio Salsolacearum centrasiatricarum i. e. omnium in des ertis transvolgensibus, Caspicoaraliensibus, songaricis et turcestanicis hucusque a variis collectarum // Acta Horti Petropolitani. 1880. Bd VI. P. 403—459.

Supplementum ad *Astragaleas* Turkestanicae // Acta Horti Petropoli. 1880. Bd 2. P. 361—380.

Salsolaceae herbarii Petropolitani in Japonia et Mandshuria collectae // Acta Horti Petropolit. 1893. T. XIII. P. 13—22.

Письмо А. Бунге из Урги 19 сентября 1830 // Berghaus Annalen der Erd-und Völkerkunde. 1834. T. IX.

Eine Beurtheilung von Adolf Ermans Schrift «Reise um dit Erde durch Nord-Asien und die beide Oceane in den Jahren 1828, 29 und 30, ausgeführt von A. Erman». I Abth, Historischer Bericht. I Band. Reise von Berlin bis zum Eismeer im Jahre 1828 // Dorpater Jahrbuch. 1834. T. II.

Bruchstück aus dem Tagebuche des Prof. Dr. A. von Bunge auf dessen Reise nach China, in den Jahren 1830—1831 // Dorpater Jahrbuch. 1835. T. IV. S. 251—265, 341—356.

Analytische Uebersicht der Arten von *Echinosperrum* // Flora. 1841. T. I. S. 127—128.

Uebersicht und Diagnosen der mit *Jurinea* cyanoides Verwandten über bisher verwechselten Arten // Flora. 1841. T. XXIV. S. 153—159.

De genere *Braga* // Ann. Sc. Natur. 1842. T. II. Bot. XVII. S. 241—243.

Revisio specierum generis *Chamoerhodos* // Ann. Sci. Natur. 1843. T. II. Bot. XIX. P. 176—178.

Vorläufige Nachricht über die hinterlassenen Sammlungen von Alex. Lehmann (Aus einem Schreiben des Hrn. Prof. Alex. von Bunge // Botan. Zeit. 1843. Bd I. S. 254—256.

Ueber *Pedicularis comosa* und die mit ihr verwandten Arten // Bull. l'Acad. de Sci. St-Petersb. 1843. I. S. 369—384.

Note sur le *Pedicularis comosa* et les espèces voisines // Ann. d. Sc. Natur. 1845. Ser. III. S. 312—320.

Flora von Esth.-Liv.- und Kurland. Bearbeitet von Dr. Jon. Gottl. Fleischer. 2-e verm. Aufl. herausg. von A. Bunge. Mitau; Leipzig, 1853.

Recensio Salsoreanum nonnullarum imprimis a Car. Koch distinctarum Herbarii Regii Berolinensis // Linnaea. 1856. XXVIII.

Plantas Abichianas in itineribus per Caucasum regionesque transcaucasicas collectas enumerati. A. Bunge // Mém. l'Acad. Sc. de St-Petersb. 1859. VI Sér. Sc. math-phys. VII. S. 579—598.

Allgemeine Bemerkungen über die Flora von Chorasam // Ermans Archiv. 1860. XIX. S. 600—604.

Bunges Reiseerfolge in Persien // Bonplandia. 1860. VIII. S. 79.

Uebersichtliche Zusammenstellung der Arten der Gattung *Cousinia* Cass. // Mém. l'Acad. de Sc. St-Petersb. 1865. VII. Ser. IX, 2. S. 56.

Helyocarya eine *Borragineengattung*, nebst einigen Bemerkungen über *Borragineen* überhaupt. Moskau, 1871.

Weite und enge Verbreitungsbezirke einiger Pflanzen // Sitz. Ber. Dorpat. Naturforsch. Gesellsch. 1872. III, 3. S. 247—257.

Labiatae persic. // Mém. l'Acad. de Sc. St-Petersb. 1873. VII Sér. XXI, I. S. 1—84.

Ungernia, *Amarylloidearum* novum genus (Alexandro Fischer de Waldheim dicatum anno 1875 Jubilaeo Ejus Doctoratus) // Bull. Soc. Natur. Moscou, 1875. S. 271—274.

1 В первой половине XIX века южные алтайцы распались на девять дучин (зайсанатов), в том числе две двоedanческих. Во главе каждой дучины стоял паштык, иначе зайсан, которому подчинялись несколько демичей. Шуленги собирали подати. Большинство этих титулов — монгольского происхождения. Семьи зайсанов и демичи представляли собой старинные княжеские и дворянские фамилии, достоинство это считалось наследственным. Однако во время существования Джунгарского государства, т. е. до уничтожения его в 1758 г. Цинским Китаем, имелось, по данным, приводимым В. В. Радловым (Radloff W. Aus Sibirien. Bd. I. Leipzig, 1884, S. 250—253), только 5 зайсанов, которые впоследствии обозначались как «укрю» (родовитые). Из позднейших зайсанов было лишь четверо «укрю», которые находились у алтайцев в большом почете. Их родословное дерево было известно каждому алтайцу. Так, упоминаемый А. Бунге зайсан Митрий (или Митрей) принадлежал к

«укрю» Ыргыт, а Найманак и Чечюнош (или Кучугеи) — к «укрю» Тотош. Двоedanческий зайсан Монгул (или Монгол) относился к «укрю» Кыпчак.

Однако, по словам того же В. Радлова, «признание зайсана в этом знании зависит от русского правительства и народа. Если он признан непригодным, то может быть избран его ближайший родственник из демичи. При несовершенномлетии сына управление принимает мать или один из близких родственников, совместно с демичи. Почти то же можно сказать о достоинстве демичи и шуленги. (Radloff W. Briefe aus dem Altai. Esmann's Archiv für Kunde von Russland, Bd XXI, 1863, S. 188).

Своей внешностью зайсаны обычно ничем не отличались от рядовых алтайцев, хотя, как это свидетельствует и А. Бунге, зайсаны были люди богатые. Некоторые из них получали от царского правительства шитый золотом кафтан, который одевали только тогда, когда представлялись русским чиновникам. Двоedanче-

ские зайсаны, демичи и шуленги получали еще от Цинского правительства чиновничью шапку с ранговым отличием: зайсан — с голубой прозрачной пуговицей, демич — с голубой пуговицей. (См.: Radloff W. Aus Sibirien. Bd I. S. 252—253). Указом Екатерины II «инородческим» зайсанам были дарованы различные льготы: звание зайсана было приравнено к чину м.-йора, зайсаны освобождались от взноса ясака и избавлялись от телесного наказания.

Первой обязанностью зайсана был сбор ясака в пользу царского правительства преимущественно пушнинной, который был, в сущности, натуральным оброком царю-помещику. Зайсаны и их помощники являлись фактическими распорядителями кабинетской территории, находившейся во владении алтайцев, судьями своих подчиненных и т. п.

Управляли алтайские зайсаны не определенной территорией, а определенной группой родов, члены которой жили разбросанно по

всему Алтаю. Независимо от места пребывания алтаец, приписанный к определенному зайсану, подчинялся только своему зайсану, который в русских документах именовался «рядовой староста» (Потапов Л. П. Очерки по истории алтайцев. Изд. АН СССР. М.—Л., 1953, с. 183—187).

² Легенда о богатыре, который пробовал мост через Катунь, относится к Сарыктаю — герою многих алтайских и монгольских легенд. Много таких рассказов собрал Г. Н. Потанин во II и IV выпусках «Очерков Северо-Западной Монголии».

³ Телецкое озеро (Алтын-коль) — горное пресное озеро, расположенное на высоте 436 м, имеет крутые отвесные берега высотой до 2000 м. Оно очень живописно. Впервые было открыто омскими людьми под предводительством Петра Сабанского в 1633 г. и названо Теленгуль, затем — Телецким, от телесов — народности, кочевавшей в его окрестностях.

К. А. МЕЙЕР

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДЖУНГАРСКОЙ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ

Дневник путешествия по Киргизской степи к Нор-Зайсану и Алтын-Тюбе в 1826 г.

Карл Антонович (его называли также Карл Андреевич или Карл Иванович) Мейер — видный русский ботаник-систематик, родился в г. Витебске 20 марта 1795 г. Оставшись после смерти обоих родителей сиротой в 13-летнем возрасте и получив в наследство от отца, Антона Мейера, аптеку в Витебске, Карл Антонович работал в ней, ведя скромный, уединенный образ жизни и занимаясь химией и ботаникой — науками, к которым, он, благодаря влиянию отца, чувствовал склонность с детских лет. В августе 1813 г. Мейер поступил в Дерптский университет и, окончив его с хорошими результатами, получил звание фармацевта. Затем, продав аптеку, он всецело занялся изучением ботаники.

В 1818 г. Мейер сопровождал К. Ф. Ледебура во время его поездки на Крымский полуостров и, вернувшись оттуда помогал ему в его научных изысканиях. Вскоре Карл Антонович опубликовал данные о новых видах растений, являвшиеся первыми результатами его исследования, затем, в 1821 г., последовало описание новых *Gramineae* (злаков) с приложением 11 таблиц, опубликованное в докладах Российской Академии наук.

Он с радостью принял приглашение Ледебура сопровождать его в поездке по Алтаю в 1826 г.

Территория, которую исследовал К. А. Мейер, занимала восточную часть нынешней Казахстана, а именно: Восточно-Казахстанскую область, северную половину Семипалатинской области и северо-восточный угол Карагандинской области. На востоке этой территории располагаются богатые ископаемыми горы Рудного Алтая — его западные хребты: Удинский, Ивановский, Ульбинский; к югу от них находится Змеиногогорская котловина с оз. Зайсан, ограниченная на юге хребтами Саур и Тарбагатай. Большая часть Семипалатинской и Карагандинской областей занята солончаками и незначительными возвышенностями (300—700 м над уровнем моря). Преобладают в этой местности темно-каштановые и каштановые почвы с полынно-злаковой и типчаково-полевой растительностью, пойменными лугами, тополевыми, осиновыми и ивовыми рощами и с основными ленточными борами на побережье Иртыша.

Эту местность в начале XIX в. населяли в основном кочевники-казахи, которые в XIV—XVIII вв. были известны русским под именем «казаков», «казацкой орды». Позднее их ошибочно называли «киргиз-казаками», «киргиз-кайсаками» и просто «киргизами», перенося на них самоназвание соседнего народа — собственно киргизов¹.

После добровольного присоединения казахов к России, согласно «Уставу о сибирских киргизах» 22 июля 1822 г., разработанному М. М. Сперанским, ханская власть в Среднем жузе, по юго-восточной части которого и путешествовал в 1826 г. К. А. Мейер, упраздняясь, а территория жуза, разделенная на восемь административных внешних округов (Каркаралинский — 1824, Кушмурунский — 1824, Аягузский — 1831, Акмолинский — 1832, Аман-Карагайский — 1832, Баян-Аульский — 1833, Уч-Булакский — 1833, Кокпектинский — 1844), вошла наряду с внутренними (Омским, Петропавловским, Семипалатинским, Усть-Каменогорским) в состав образованной 22 июня 1822 г. Омской области.

Вошедшие в ее состав казахи Среднего жуза стали именоваться с этого времени, для отличия от других казахов, сибирскими киргизами.

Сами внешние округа делились на волости (по 10—12 аулов в волости), волости — на аулы (в каждом ауле по 50—70 кибиток (юрт)).

Аулы управляются старшинами по выбору юртоладельцев сроком на три года, волости — султанами с наследственной властью; управлявший округом старший султан (ага-султан) выбирался волостными управителями из своей среды на три года.

В каждом округе был учрежден Окружной приказ во главе со старшим султаном, при котором находился Окружной диван: два русских чиновника, назначаемых начальником Омской области, и двое из почетных казахов, избираемых биями и старшинами на два года.

¹ Чудовищников А. П. Очерки по истории казак-киргизского народа в связи с общими историческими судьбами других тюркских племен. Ч. 1. Древнее время и средние века. Оренбург, 1924. С. X.

Хотя организация волостей и округов и производилась по родовому признаку с сохранением власти в руках феодально-байской группы казахского общества, но все же она устанавливала территориальную определенность родов и хозяйств и тем самым способствовала искоренению родовых и феодальных междоусобиц, а выборность родоуправителей и султанов, при всей своей несовершенности, создавала некоторую гласность. И что особенно важно, по «Уставу» хозяйства, перешедшие к земледелию, получали некоторые преимущества, так как им отводились участки на правах наследственной недвижимой собственности, они снабжались сельскохозяйственными орудиями, собранный ими урожай освобождался от налогов. Уставом предусматривалось также открытие в каждом округе больницы и назначение лекарей, предоставление казахам права отдавать детей в русские школы, а окружным приказам вменялось в обязанность содействовать открытию школ при казахских поселениях. Все это вместе взятое не могло, конечно, не сыграть положительной роли в развитии казахского общества².

* * *

Исследование природы Джунгарской Киргизской степи, как и вообще всей территории, занятой кочевниками-казахами, началось сравнительно поздно. Причиной тому были господствовавшие здесь патриархально-феодальный строй с его натуральным хозяйством и сложившаяся в этом крае сложная внутренняя и внешняя политическая обстановка.

Первыми исследователями Киргизской степи были русские служилые люди, многочисленные экспедиции, разведки и изыскания которых значительно определили работу как наших отечественных, так и иностранных путешественников и исследователей. Изыскания казахов-землепроходцев дали ценный описательный и картографический материал, благодаря чему их можно считать предшественниками ученых-исследователей — К. А. Мейера, П. П. Семенова-Тянь-Шанского, Н. М. Пржевальского и др.³

Из первых путешественников, побывавших в Киргизской степи, следует упомянуть Ф. И. Байкова. В 1654 г. царь Алексей Михайлович направил в Китай русское посольство во главе с Ф. И. Байковым. Их путь пролегал от Ямышевского бора через Киргизскую степь, где Байков видел «лес небольшой, называемый саксаул, растет невысоко, а дерево тяжелое, а на огне не горит»⁴. Близ нынешнего Усть-Каменогорска Байков встретил ойратского князя Аблая-тайджи, которому передал государевы подарки. Взяв у него 50 лошадей, Байков направился в Долон-Караган («Жилище Ламы»), руины которого («Семь палат») дали впоследствии название г. Семипалатинску. Перезимовав на р. Карабуг, Байков в апреле 1655 г. направился к р. Беске, притоку Иртыша (ныне р. Аблайкитка). Там Аблай строил «город, а про то неведомо подлинно, каменный ли, или

деревянный... а стоит тот город промеж гор каменных»⁵. Речь идет о постройке ламаистского монастыря Аблайкита, руины которого видел К. А. Мейер⁶.

Другим путешественником XVII в., оставившим нам свое свидетельство о Киргизской степи, был Н. Г. Спафарий (1636—1708), совершивший в 1675—1678 гг. длительное путешествие с дипломатическим поручением в Китай. В его «Стейном списке» имеется специальная глава об Иртыше. Он пишет о верховьях этой реки («притоки Уренгай и Балаган»), впервые в географической литературе упоминает оз. Зайсан (которое он называет Кызыл-баш): «сквозь озеро течет река Иртыш, и не мешается с озером, и опять за него течет своим течением»⁷. Спафарий так описывает прииртышские леса и степи: «А лес по Иртышу есть разный и по займищу, а близ вершины его есть горы каменные, и лесные и безлесные. А после того степь великая и песчаная. А потом следует лес — тот, который идет по Оби реке, и по всему Сибирскому государству»⁸. Спафарий говорит также о Телецком озере, об истоках рек Бии и Катунь⁹.

В 1734 г. из Омска на Алтай вверх по Иртышу проследовала так называемая Вторая Камчатская экспедиция Российской Академии наук, которую возглавляли два крупнейших ученых того времени, российские академики — историк Г. Ф. Миллер (1705—1783) и ботаник И. Г. Гмелин (1709—1755). Гмелин в своем четырехтомном труде «Путешествие по Сибири в 1733—1743 годах»¹⁰ шаг за шагом описывает природу Прииртышья до Усть-Каменогорска, казачьи укрепления — Железнову, Ямышеву, Семипалатинск, Усть-Каменогорск, Аблайкит, дает исторические сведения об этих поселениях. Натуралистические описания Гмелина разносторонни: в его «Путешествии» содержатся и геологические, и минералогические, и даже метеорологические сведения, он дает топографическое описание посещенных им мест, описывает их флору и фауну. Более подробный обзор растительности Прииртышья и Киргизских степей мы найдем в его «Флоре Сибири» («Flora Sibirica», 4 Bd. 1747—1769). Г. Ф. Миллер, как историк, в

⁵ Банников А. Г. Первое русское путешествие в Монголию и Северный Китай. М., 1959. С. 32.

⁶ О посольстве Байкова см.: Miller Q. F. Von den ersten Reisen der Russen nach China // Samml. Russ. Geschichte. 1790. Th. IV. S. 1480—1490. Описание путешествия Байкова в «Древней Русской Библиофике» Н. Новикова (ч. IV. 2-е изд., 1788), и в «Сказаниях русского народа» Н. Сахарова. См. также: Лебедев Д. М. География в России XVII в. М., 1949. С. 120—125; Демидова Н. Ф., Мясников В. С. Первые русские дипломаты в Китай. М., 1966. С. 87—158; Вилков О. Н. Торговые пути из Сибири в Среднюю Азию и Китай и динамика торгового движения по ним в XVII в. // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1968. С. 3—36.

⁷ Арсеньев Ю. А. Старейший список посольства Спафария в Китай (1675—1678) // Вестник археологии и истории 1906. Вып. 17, отд. 2. С. 42.

⁸ Цит. по кн.: Лебедев Д. М. География России XVII в. М.; Л., 1949. С. 136.

⁹ О Спафарии см.: Лебедев Д. М. География России XVII в., с. 133—135. Михайлова И. Важнейшие труды Николая Спафария (1672—1677). Киев, 1897; Урсул Д. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Миллеру-Спафария. Кишинев, 1955; Мирзоев В. Г. Присоединение и освоение Сибири. М., 1960. С. 135—152.

¹⁰ Reise durch Sibirien von dem Jahre 1733 bis 1743. Bd I—IV. Göttingen, 1751—1754.

² История Казахской ССР. Т. 1. С. 303—305; Зиманов С. З. Политический строй Казахстана конца XVIII и первой половины XIX веков. Алма-Ата, 1960. С. 147—152, 157.

³ Об участии русских в исследовании Средней Азии см.: Мушкатов И. В. Туркестан. СПб., 1886. С. 1—311. Катанас Г. Е. Киргизские степи, Средняя Азия и Северный Китай в XVII—XVIII вв.: По показаниям, разведкам, доезжим запискам, отчетам и исследованиям // Записки Зап.-Сиб. Отд. рус. геогр. общ. Кн. 14, вып. 1; Аполлова Н. Г. Присоединение Казахстана к России в тридцатых годах XVIII века. Алма-Ата, 1948; и др.

⁴ Сахаров И. П. Сказания русского народа. Кн. 2, т. 8. СПб., 1840. С. 121.

своем неопубликованном дневнике («Путешествие некоторых членов Российской Академии наук по Сибири»)¹¹, естественно, дает меньше натуралистических сведений, но он существенно дополняет рассказ Гмелина, подробно описывая проезжие дороги и тракты и сообщая различные этнографические и исторические сведения. У этих авторов мы находим описание казахов, их внешности, одежды и жилищ, их быта.

Следует отметить путешествие по Казахской степи в 1769—1774 гг. Христофора Барданеса¹², родом грека, который прибыл из Швеции вместе с академиком И. Фальком и сопровождал последнего, помогая ему в сборе естественнонаучных коллекций. В 1771 г. Барданес вместе с отрядами русских казахов, преследовавшими беглых, проехал из Омска по Иртышу, через Семипалатинск и Киргизскую степь, мимо Чар-Гурбана и Калмы-Тологая до р. Кокбекты, впадающей в оз. Зайсан слева.

Первое путешествие такого рода он совершил в мае, второе в августе и сентябре под начальством подполковника П. И. Рычкова (1721—1772). У него И. Фальк получит сведения о Киргизской степи¹³.

Первым ученым-ботаником, побывавшим в Киргизской степи, был член Петербургской Академии наук Иван Сиверс. Он работал в качестве аптекаря в Барнауле или в Иркутске (данные расходятся). В феврале 1790 г. он выехал в составе экспедиции по Сибири для изучения местных видов ревеня, в надежде открыть место произрастания этого полезного растения, до тех пор вызволившегося из Китая.

9 июля 1792. Сиверс отправился на Алтай; 19 июля он побывал в Барнауле, затем в Бийске, а в конце того же месяца — в Усть-Каменогорске. Сделав оттуда в конце августа небольшую поездку в горы вверх по Иртышу и то Бухтарме до Быковой, он отправился в Семипалатинск, откуда 14 августа, через Локтевск и Змеиногорск, возвратился в Барнаул. Попутно он побывал в горах, где собирал семена открытого им ревеня низкого (*Rheum nigrum*). Съездив следующей зимой (1793) в Кяхту, он вновь вернулся на Алтай. Очередной его маршрут, в июне 1793 г. — Семипалатинск, затем — Усть-Каменогорск, западная часть Тарбагатайского хребта, горы Сары-Тау, оз. Марка-Куль и снова Усть-Каменогорск. В конце 1794 г. он был в Петербурге.

В 1796 г. посмертно изданы П. Палласом «Письма из Сибири» («Briefe aus Sibirien») И. Сиверса¹⁴, в том же году они вышли отдельным изданием в Петербурге, на немецком языке. В некоторых из этих писем Сиверс с интересными подробностями описывает быт казахов. Автор «Писем» с большой симпатией относится к кочевникам и даже идеализирует их быт, но вместе с тем в его письмах много ценного естественнонаучного, географического и этнографического материала.

В конце 1795 г. были предприняты две экспедиции рудокопов: Снегирева и Тутимцева. Первый отправился из Бухтарминска в Киргизские степи для отыскания золотого песка. Он проник долиной р. Курчум в Тарбагатай до р. Кара-Унгура и возвратился оттуда более восточным путем мимо оз. Зайсан¹⁵. Второй проехал от Бухтарминска западным берегом Ир-

тыша через степь, затем западным берегом Зайсана до Букана¹⁶.

Упомянем также о поездке по Киргизской степи И. П. Шангина, извлечение из путевого дневника которого было опубликовано Г. И. Спасским в его «Сибирском вестнике» за 1820 г. (ч. IX—XI)¹⁷.

И. П. Шангин — сын известного исследователя Алтая П. И. Шангина. По окончании Горного училища в Петербурге он работал на Барнаульском сереброплавильном заводе. Летом 1816 г. И. П. Шангин был прикомандирован к секретной экспедиции (направленной по правительственному указу в Киргизскую степь и возглавляющуюся командиром отдельного Сибирского корпуса генерал-лейтенантом Г. И. Глазенапом) для обследования найденных там в 1815 г. медных и серебряных руд. Путешествие было предпринято тремя отрядами из крепостей Петропавловской, Пресногорьковской и Пресновской. Шангин со своим отрядом выступил 30 апреля из Петропавловской крепости. Экспедиции, помимо отыскания руд, поручалось описание окрестностей в геологическом отношении, сбор окаменелостей, редких трав, а также насекомых. За лето она обследовала значительную часть Семипалатинской и Карагандинской областей. Было открыто более десятка богатых приисков медных и серебряных руд И. П. Шангин представил начальнику Колыванских заводов И. И. Эллеру проект учреждения пятилетней разработки опытных приисков, карту Киргизской степи, 25 чертежей приисков, рисунки виденных в горах сооружений, рудные штуфы и «Дневные записки». Уделял он большое внимание и ботаническим исследованиям.

Затем наступал некоторый перерыв в исследовании. Лишь в 1820 г. по велению Александра I в Бухару было отправлено посольство, во главе с Негри, в составе которого были натуралисты Х. Пандер и Эдуард Эверсман — известный исследователь Киргизской степи. Владея татарским и персидским языками, в одежде тибетского купца, Эверсман намеревался, дойдя до Бухары, проникнуть в Тибет. Но, будучи узнаваемым, он, чтобы избежать смерти, поспешил возвратиться в Оренбург. Три года спустя вышло в свет описание его путешествия¹⁸.

Но наиболее важное значение для изучения Восточного Казахстана в начале XIX в. имела поездка по Прииртышью и Киргизской степи К. Мейера.

* * *

Во время поездки по Киргизским степям Мейер проделал огромную работу по изучению их флоры и фауны. Им было определено и описано около 900 видов растений, в том числе много новых, около 170 видов насекомых и около 60 видов птиц и млекопитающих.

В Дертле Мейер до 1829 г. работал над обработкой своего путевого дневника, который и вошел в состав II тома книги Ледебера «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи».

В одной из глав этого дневника дается общая характеристика степей Восточного Казахстана и прилегающих гор (см. гл. 8). Это был первый обобщающий обзор флоры Восточного

¹¹ Рукопись хранится в Центральном государственном архиве древних актов (ЦГАДА).

¹² Барданес Хр. Поездка по Киргизской степи // Полн. собр. учен. путешествий. 1825. Т. VII. С. 1 и далее.

¹³ Falk I. Beiträge zur topographische Kenntniss des russischen Reiches. Th. I. Abth. I (1785). S. 29—36.

¹⁴ Neue Nordliche Beiträge. SPb., 1796. Bd VII.

¹⁵ Hermann Fr. Mineralogische Reisen in Sibirien. SPb., 1801. Th. III. S. 103—107.

¹⁶ Риттер К. Землеведение Азии. СПб., 1860. Т. III. С. 127.

¹⁷ См.: Шангин И. Извлечение из описаний экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. // Сибирский вестник. СПб., 1820. Ч. IX—XI.

¹⁸ Eversmann. Reise von Orenburg nach Buchara nebst einem Wörterzeichniss in der Afghanische Sprache begleitet von einem naturhistorischen Anhangen und einer Vorrede von H. Lichtenstein. Berlin, 1823.

Казахстана, не утративший своего значения и в наши дни. В 7-й главе этого же труда Мейер дает подробное этнографическое описание киргизов (казахов).

В этом дневнике мы находим и краткие исторические и статистические справки о горах и лесах, форпостах и редутах, данные о земледелии, скотоводстве, рыболовстве и охоте, а также сведения по географии, орографии Южного и Восточного Казахстана.

Мейер, как и Бунге, принимал активное участие в составлении и издании 4-томного труда К. Ледебера «Flora Altaica». В конце 1826 г. Ледебур и Мейер, возвращаясь с Алтайской экспедиции в Дерпт, встретились в Казани с Э. И. Эйхвальдом (1795—1846) — известным русским естествоиспытателем — минералогом, зоологом и палеонтологом, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, возвращавшимся из экспедиции по Каспийскому морю. Эйхвальд обратился к Ледебур и Мейеру с просьбой обработать собранный им на Кавказе обширный ботанический материал. Предложение это было, разумеется, принято. После обработки этих материалов, произведенной Ледебуром и Мейером, Мейер опубликовал их результаты в труде, вышедшем в свет в двух выпусках, который обратил на автора внимание ученого мира. Знание каспийско-кавказской флоры, которое он показал, классифицируя растения, собранные Эйхвальдом, и успех «Flora Altaica», в создании которой он принимал деятельное участие, послужило поводом тому, что Петербургская Академия наук в 1829 г. включила его в состав экспедиции, организованной для сопровождения военной дивизии на Эльбрус. Кавказ в то время был ботанически очень плохо изучен.

После того, как эта экспедиция успешно закончила свою работу, Академия наук снабдила Мейера средствами, необходимыми для продолжения его исследований, которые ранее ограничивались западными берегами Каспийского моря и некоторыми высокими пунктами, как Казбек, Шахдан, Тузундак и хр. Талыш, и ученый получил возможность распространить свои ботанические изыскания до границы Персии. Мейеру пришлось работать в краях, где в то время свирепствовала холера, по это не помешало ему добросовестно изучить флору Кавказа и западного побережья Каспийского моря. Итог этих исследований был подведен в труде «Verzeichnis der Pflanzen, welche während der 1829—1830 unternommen Reise im Kaukasus und in Provinzen am Westlichen Ufer des Kaspischen Meeres gefunden und gesammelt werden sind» («Описание растений, найденных и собранных в 1829—1830 г. во время путешествия по Кавказу и западному побережью Каспийского моря»), изданном в Петербурге в 1830 г. В этом труде Мейер описывает более 2000 видов растений, значительное количество которых было совсем новым.

В 1831 г., вскоре после опубликования упомянутой работы, Мейер был принят в число членов-корреспондентов Петербургской Академии наук и назначен помощником директора Императорского ботанического сада в Петербурге. Принимая участие в описании ботанических сборов, сделанных многими известными путешественниками на территории нашей страны, он тем самым оказывал большое влияние на развитие отечественной ботаники.

В сотрудничестве с Ф. Б. Фишером (1782—1854), известным русским ботаником, членом-корреспондентом Петербургской Академии наук, директором Петербургского ботанического сада, Мейер обработал коллекции, собранные в Восточной Казахской степи А. И. Шренком, произведение которого «Отчет о путешествии в Восточно-Джунгарские Киргизские степи, совершенном в 1840 году» был переведен им с русского языка на немецкий и опубликован в сборнике Бера и Гельмерсена «Beiträge zur Kenntnis des Russischen Reiches» (Bd VII. 1845,

N IV, S. 273—341). В соавторстве с Фишером Мейер опубликовал ряд статей и монографий по собранным Шренком ботаническим материалам в «Бюллетене физико-математической Петербургской имперской Академии наук» за 1842—1845 гг.

В 1841 г. в том же академическом журнале были опубликованы краткие обработки ботанических сборов Политова, начатые Г. Х. Бернгардом и законченные К. А. Мейером¹⁹. Юноша Политов был из экспедиции Геблера (в Барнауле) откомандирован для сборов растений на оз. Зайсан. Отправившись туда ранней весной 1838 г., он находился там до конца августа, посетил оба берега Иртыша, устья рек Курчума и Букана. Следуя берегом оз. Зайсан, он дошел до Верхнего Иртыша и затем направился на Тарбагатай, но подняться на этот хребет не удалось. Им была собрана интересная коллекция, с новыми и редкими видами (331 вид).

Кроме того, Мейер привел в порядок и описал коллекции, собранные экспедициями Г. С. Карелина (путешественник, 1801—1872), Н. С. Турчаникова (ботаник, 1796—1863), А. Ф. Миддендорфа (путешественник и естествоиспытатель, 1815—1894) и других ботаников-коллекционеров. Работа над коллекциями А. Ф. Миддендорфа была закончена Мейером уже незадолго до смерти.

В 1845 г. К. А. Мейер был избран в действительные члены Петербургской Академии наук, а в 1851 г. был назначен директором ботанического сада в Петербурге, который он обогатил редкостными дикивинными растениями. Культивировавшиеся здесь новые виды распределялись затем по загородным садам. Сад был снабжен бассейном, предназначенным для водяных растений, в котором росла гигантская виктория амазонская (*Victoria amazonica*), привлекавшая массу посетителей. На этой должности К. А. Мейер оставался до самой смерти, последовавшей в 1855 г.

К. А. Мейер опубликовал 50 трудов по ботанике. Его работы отличаются верностью описания и scrupulousной точностью исследования. Особенно совершенны последние его труды о семействах *Polygonaceae* (истодовые)²⁰ и *Thymelaeaceae* (ягодниковые), его замечательные монографии о трудно определяемом роде *Ephedra* (хвойник)²¹. Мейер работал обычно над такими родами растений, которых систематики избегали из-за трудности их определения. Особенно увлеклся он вопросами практического применения теоретической ботаники в сельском хозяйстве. Этому посвящены его работы о различных видах ржи, болезнях картофеля, жень-шене (подробное описание которого, кстати сказать, впервые сделано у нас Мейером) и др. Мейер создал ботанический сборник «Материалы к ближайшему познанию постигаемости растительности России», который возбуждал у читателей интерес к этой науке и содействовал обогащению русского словаря простонародными названиями растений²².

¹⁹ Verzeichnis der im Jahre 1838 am Saisang-Nor und am Irtsich gesammelten Pflanzen. Ein zweites Supplement zur Flora Altaica. — «Bull. phys-mathem. de l'Acad. Imp. s. Sc. de St. — Petersb.», 1841.

²⁰ Einige Bemerkungen über die natürliche Familie der Polygonaceae // Mem. de l'Acad. d. Sc. de St. — Petersb. 1845. VI. Ser. Sc. nat. IV. P. 135—154.

²¹ Versuch einer Monographie des Gattung Ephedra. Spb., 1846.

²² О К. А. Мейере см. некролог в «Докладах С.-Петербургской Академии наук» (Спб., 1856. С. 40—46); Липский В. И. Флора Средней Азии // Труды Тифлис. бот. сада. Спб., 1903. Вып. VII, кн. II. С. 115—116, 259; Он же. Флора Кавказа. С. 175; Литвинов Д. И. Библиография флоры Сибири; Обручев В. А. Очерки геологического исследования Сибири. Период 2. М.; Л., 1932. С. 324—503.

Труды К. А. Мейера были справедливо оценены его современниками и последующими поколениями ученых. Его имя увековечено в названиях 36 видов растений²³.

²³ К. А. Мейеру посвящены: *Alyssum Meyerianum* Rupr. (бурачок Мейера), *Arenaria Meyeri* Ezl. (песчанка Мейера), *Artemisia Meyeriana* Bess. (полынь Мейера), *Astragalus Meyeri* Boiss (астрagal Мейера), *Campanula Meyeriana* Bge (колокольчик Мейера), *Carex Meyeriana* Kth. (осока Мейера), *Cerastium Meyerianum* Rupr. (яснолька Мейера), *Erythraea Meyeri* Bge. (золототысячник Мейера), *Fumaria Meyeri* Rupr. (дымянка Мейера), *Gypsophila*

Meyeri Rupr. (качим Мейера), *Lepidium Meyeri* Rupr. (клоповник Мейера), *Mepeta Meyeri* Bth. (котовник Мейера), *Oxytropis Meyeri* Bge. (остролодочник Мейера), *Polygonum Meyeri* St. (горец Мейера), *Ranunculus Meyerianus* Rupr. (лютик Мейера), *Salix Meyeriana* Rost. (ива Мейера), *Scirpus Meyeri* Tn. (камыш Мейера), *Soranthus Meyeri* Ledeb. (кучкоцветник Мейера), *Statice Meyeri* Boiss. (кермек Мейера), *Stellaria Meyeriana* Rupr. (звездчатка Мейера), *Tamarix Meyeri* Boiss. (гребенщик Мейера), *Tanacetum Meyerianum* C. H. Ch. (пижма Мейера), *Vicia Meyeri* Boiss. (горошек Мейера) и др.

Список печатных трудов К. А. Мейера*

Novae Plantarum species, descriptae et iconibus illustratae // Nouv. Mém. de la Soc. des natur de Moscou. 1829, I (VII). P. 135—143.

Verzeichnis des Pflanzen welche während der Jahren 1829—1830 unternommen Reise im Kaukasus und in Provinzen am westlichen Ufer des Kaspischen Meeres gefunden und gesammelt worden sind. Spb., 1830.

Tagebuch auf einer Reise durch die Kirgisen-Steppe zur Noor-Saisan und Altyn-Tubé im Jahr 1826 //

K. Ledebours Reise durch das Altai-Gebirge und die soongorische Kirgisen-Steppe. Berlin, 1830. Th. II.

Cyperaceae novae descriptionibus et iconibus illustratae // Mém. prés. à l'Acad. Imp. de Sci. de St.-Petersb. par div savants. 1831. T. I. P. 193—230.

Фишер Ф., Мейер К. О ниворослях, которые были разводимы в Императорском С.-Петербургском ботаническом саду в 1836 г. // Журнал МВД. 1837. Кн. 23. Смес. С. 588—604; То же. Кн. 32. Смес. С. 59—81.

Borngard G. H. und Meyer C. A. Verzeichnis der im Jahre 1838 am Saisang-Nor und am Ir-tisch gesammelten Pflanzen: Ein zweites Supplement zur Flora Altaica. Angetanzen v. Dr. G. H. Borngard, geendigt von Dr. C. A. Meyer // Mém. prés. à l'Acad. de Sci. de St.-Petersb. 1845. Ser. VI. Sc. nat. IV. (Отдельный оттиск: S.-Petersb., 1841).

Über die Ginschen, Insbesondere über die Botanischer Charaktere desselben und der zunächst verwandten Arten der Gattung *Panax*. Ein Nachtrag zu dem Aufsatze des Herrn Apotheker Calau // Repert. f. Farm. u. pr. Chem., 1842. S. 516—528.

Fischer F. B. und Meyer C. A. Enumeratio plantarum novarum a A. Schrenk lectarum // Petropoli. Fasc. 1841. I; 1842, II.

Они же. Enumeratio altere plantarum a cl. Schrenk lectorum. Petropoli, 1842.

Они же. Novae plantarum species, nuperrime a Dr. Al. Schrenk in Songaria Lectas // Bull. Sci. publ. par l'Acad. Imp. de sci. de St.-Petersb. 1842. T. X. S. 253—255, 353—356.

Они же. Species plantarum novae a D. Al. Schrenk nuperrime in Songaria lectae // Bull. phys-mathem. de l'Acad. Imp. des sci. de St.-Petersb. 1843. T. I. S. 79—80.

Они же. *Chenopodiaceae* *Staticeae* novae vel nondum descriptae, quas i itinere ad fl. Tschu versus legit Alex. Schrenk // Bull. phys-mathem. de l'Acad. Imp. des Sci. de St.-Petersb. 1843. T. I. S. 360—362.

Ueber den Ginschen, verzüglich über die Botanischen Charaktere desselben und der

zunächst verwandten Arten der Gattung *Panax* // Bull. phys-math. de l'Acad. de Sci. de St.-Petersb. 1843. T. I. P. 337—341.

Revision der Arten der Gattung *Agrimonia* // Bull. sci de l'Acad. des sci. de St.-Petersb. 1842. T. X. P. 337—349.

Bemerkungen über die Gattungen der *Daphnaceae* ohne perignische Schuppen, nebst einer Charakteristik derselben // Bull. de la cl. phys-math. de l'Acad. Imp. des Sc. de St.-Petersb. 1843. T. I. P. 353—359.

Die Gattung *Monopelis*, Scharad., *Oligandra* Less. und *Nanophytum* Less., näher charakterist. // Bull. de cl. phys-math. de l'Acad. des Sc. de St.-Petersb. 1844. T. II. P. 124—134.

Fischer F. B. und Meyer C. A. Plantae novae, nondum descriptae, quas i itinere an fl. Tschu versus legit Al. Schrenk // Bull. phys-mathem. cl. l'Acad. 1844. T. II. P. 113—116.

Они же. Diagnoses plantarum novarum a. cl. Schrenk, itinere ad fl. Tschu versus lectarum // Bull... 1844. T. II. P. 193—199.

Они же. Diagnoses Compositarum novarum, a c. Al. Schrenk Anno 1843 in Songaria lectarum // Bull... 1845. T. III. P. 106—110.

Они же. Diagnoses plantarum novarum in Songaria anno 1843, a cl. Schrenk lectarum // Ib. 1845, T. III. P. 209—212.

Они же. Diagnoses plantarum novarum, a cl. Schrenk anne 1844 in Songario Cectarum. Manipalis altimus // Bull.. 1845. T. III. P. 301—309.

Das *Alyssum minutum* und die zunaechst verwandten Arten, monographisch bearbeitet und durch Abbildungen erläutert, nebst einer Uebersicht der Arten der Gattung *Psilonema* // Mém. de l'Acad. Imp. des Sc. 1845, III, Ser. Sc. nat. T. VI. P. 1—22.

Einige Bemerkungen über die natürliche Familie der *Polygonoceae*. Erstes Artikel: Versuch einer naturgetreuen Anordnung der Gattungen dieser Familie // Fém. de l'Acad. d. Sc. de St.-Petersb. 1845. T. VI. Ser. Sc. nat. IV. P. 135—154.

Versuch einer Monographie der Gattung *Ephedra*. St.-Petersb. 1846.

Ueber die Zimmtrosen insbesondere über die in Russland wild wachsenden Arten derselben: Ein Beitrag zu der Flora Russlan's. Spb., 1847.

Die *Cirsiis ruthenicis* nonnullis commentaty botanica // Mém. de l'Acad. des Sc. de St.-Petersb. 1849. T. VI. Ser. Sc. nat. P. 41—58.

Ueber einige *Cosnus*-Arten aus der Abtheilung *Thelycrania* // Mém. de l'Acad. de Sci. de St.-Petersb. 1849. T. VI. Sér. Sc. nat. V. P. 191—225.

Kleine Beiträge zur nähern Kenntniss der Flora Russlands. Spb., 1850.

Einige Bemerkungen über *Epilobium Dodonaci* und die verwandte Arten // Bull. phys-math. de l'Acad. de Sc. Ser. Sc. nat. St.-Petersb. 1855, T. XIII. P. 156—158.

* Список, далеко не исчерпывающий, в него включены преимущественно труды о флоре Сибири и Средней Азии.

Einige Bemerkungen über *Diervilla*, *Weigela*, *Colysphyrum*, und eine neue mit ihnen verwandte Gattung // Bull. phys.-math. de l'Acad. de Sc. de St.-Petersb. 1855. T. XIII. P. 216—220.

Instruction für die botanischen Beobachtungen // Baer K. E. Kurzer Bericht über wissenschaftliche Arbeiten und Reisen, welche zur näheren Kenntnis der Russischen Reiches in Bezug auf seine Topographie physische Beschaffenheit, seine

Naturproducte den Zustand seiner Bewohner u. s. w. in letzter Zeit ausgeführt, fortgesetzt oder eingeleitet sind.

Fischer F. B. и Meyer C. A. Inder (I—XI) seminum — quae Hortus Imperialis Petropolitanus pro mutue commutatione offert Accedunt Animadversiones obiticae nonnullae. Petrop., 1834—1846 (1855—1869).

¹ Кантонисты (от нем. Kantonist — новобранец) — солдатские или казацкие сыновья, приписывавшиеся со дня рождения к военному ведомству, проходившие специальное военное обучение и обязанные проходить длительную военную службу.

² Аблакит (или Аблай-Хит, т. е. «монастырь Аблая») — развалины бывшего ламаистского монастыря, построенного в 1655 г. князем алтайского племени Хемет Аблаем на реке Беске (ныне р. Аблакитка). Так как в Аблаките находилась урга, или улус, ордынского князя и все строения были окружены стеной, он назывался городом. Территория этого города, неприступная со стороны скал, была обнесена стенами около 2,5 м толщины и 3,5 м высоты. Собственно монастырь состоял из трех строений — мастерской, где изготовлялись идола, кумирни, украшенные этими многоголовыми и многорукими идолами, жилища ламы и кухни. Устройство Аблакита обстоятельно описано Палласом в его сочинении о Монголии. (Риттер. Землеведение Азии. Пер. П. Семенова, т. III, 1860, с. 127—140. — «Материалы по истории Императорской Академии наук», т. VI, с. 355—357).

Найденные в Аблаките рукописи были первыми, обратившими внимание ученого мира на восточно-азиатскую литературу. По словам П. Палласа (ibid., S. 52 u. f.) в 1720 г., при основании Усть-Каменогорской крепости, несколько солдат, пойдя на охоту, набрали на развалины этого монастыря, где нашли множество рукописных свитков, написанных на голубой и темно-серой бумаге золотыми и серебряными буквами. Генерал-губернатор Сибири доставил их Петру I, который переслал их в Парижскую Академию наук с просьбой к французским ученым выразить свое мнение об этой находке и дать перевод текста.

Мнения ученых академиков разделились. Одни признавали эти рукописи удмуртскими, другие тангутскими (тибетскими). Дать перевод этих рукописей или хотя бы прочитать их французские ученые оказались не в состоянии. В конце концов братья Фурман и аббат Бинион состряпали поддельный «перевод» рукописей, но подделку обнаружил Г. Ф. Миллер, доказавший, что ученые академики не поняли ни одной буквы текста. Расшифровали тангутские письмена впоследствии русские ученые И. И. Георги и К. Г. Лаксман.

В 1734 г. Г. Ф. Миллер и Г. Г. Гмелин направили из Усть-Каменогорска к развалинам Аблакита небольшой отряд во главе с урядником, который привез оттуда до 1500 листов тангутских и монгольских рукописей, и большое количество досок, разрисованных фресками. Рукописи были черные или голубые с золотыми письменами и рисунками и белые с черными и красными буквами. Казаки передали также Миллеру 6 деревянных таблиц с вырезанными на них буквами (Гмелин. Указ. соч., т. I, с. 237).

В 1771 г. акад. П. Паллас, возглавлявший экспедицию Петербургской Академии наук, откомандировал из Усть-Каменогорска в Аблакит студента Соколова, который нашел там лишь скудные остатки рукописей, валявшиеся на полу руины и превращавшиеся в прах при первом прикосновении. (Pallas. Reise. Th. II. P. 540—554).

³ Шангин Иван Петрович — путешественник и исследователь Сибири, сын известного исследователя Алтая Петра Ивановича Шангина. По окончании Горного училища в Петербурге работал на Барнаульском сереброплавильном заводе. Он неоднократно — в 1786 году вместе со своим отцом, и в 1793 г. с лекарем А. М. Залесовым — участвовал в экспедициях на Юго-Восточный Алтай и в поисках поделочных камней и руд, а в 1806 г. обследовал бассейны рек Абакана и Мрассы в поисках камней для Колыванского камнерезного завода. В 1814 г. И. Шангин открыл на Западном Алтае три рудных месторождения, названных его именем.

Летом 1816 г. И. П. Шангин был прикомандирован к экспедиции генерал-майора Г. И. Глазенапа по Киргизской степи, во время которой занимался изучением медных и серебряных руд и ботаническими и зоологическими исследованиями.

«Дневными записками» и прочими опубликованными материалами И. П. Шангина (см.: Шангин И. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргизскую степь в 1816 г. — «Сибирский вестник» Г. Спасского, 1820 г., ч. IX, Спб., 1820, с. 1—40) пользовались исследователи Киргизских степей — Левшин («Описание Киргиз-Кайсацких орд и степей», Спб., 1832 г.) и Красовский («Область Сибирских киргизов», 1868).

По окончании экспедиции, И. Шангин был назван чиновником для поручения при директоре Горного департамента в Петербурге.

⁴ «... лечение, которое, например, описывает Синерс...»

«В последний вечер моего пребывания здесь (т. е. в Балак-Чилеке. — Перев.) я имел удовольствие видеть в юрте Тогыса методы лечения, применяемые одним доктором-киргизом. Вряд ли есть кто из сыновей Эскулапа неприятельнее и дешевле, нежели этот господин доктор. Он сидел на красивом войлоке на самом почетном месте как раз напротив двери, прислонившись спиной к мебели хозяина. Посередине юрты горел яркий огонь. Сначала он и его помощники поиграли в «ховыс» или скрипку. Больных было трое. Под эту музыку знахарь пел на особый манер соло песню, причем часто кривил рот, хрипел, как издыхающий бык, ворчал, время от времени прикладывая ухо к ховысу и кричал в то время, как тот играл. Затем он напустил на себя такой важный официальный вид, подобного какому я не видел никогда в жизни. Однако, то удивительно, что природа дает подобным людям поистине соответствующие их профессии мистическую физиопонию. Мне не раз приходилось видеть подобных жуликов среди англичан, немцев, русских, французов, итальянцев, венгров, монголов, китайцев, цыган и др., однако все их жесты, их обороты речи, их способ выставлял напоказ свою «ученость» — все это так сходно, словно все они учились у одного и того же учителя. Но вернемся опять к моему музыканту-доктору... После того, как он с полчаса поиграл и пошел, гримасничая и поясняя, первый больной — молодой малый, выглядевший довольно здоровым, встал перед ним на колени. А тот, продолжая наигрывать, напустил на себя сердитый вид, бурчал себе под нос, кричал, плевал больному в физионо-

мию, поводил вокруг себя злым взглядом — не увидит ли где беса, поглядывая в сторону костра, поворачиваясь кругом на коленях, спиной к пациентам. Наконец, он вновь принял свое исходное положение, дал больному знак, чтобы тот нагнулся перед ним, и тогда ударил его, приговаривая бесовские заклинания, четыре раза кулаком между лопатками. После этого малый встал, отвесил доктору поклон и, таким образом, был исцелен... Отправив этого, энергичный доктор немного передохнул, потом снова началась та же игра, как об этом уже рассказано. Теперь подошла очередь молодой, симпатичной жены хозяина, которая жаловалась на головную боль и боль в костях. С ней поступили так же, как и с молодым человеком: она получила от докторского здорового кулака четыре здоровенные оплеухи; европейская дама от этого по крайней мере упала бы в обморок. Затем тот и другая встали и повернулись спиной к огню; шарлатан же в это время, взяв обеими руками и приподняв свою скрипку, произнес длинную молитву, заклиная дьявола. Хозяйка со сложенными руками благоговейно выслушала это, чем и закончилось ее лечение. Завершила дело сидевшая на пороге красивая, хорошо одетая молодая женщина, которая также жаловалась на боли в руках и ногах и которой по настойчивой просьбе ее мужа мой ученик пять дней тому назад уже сделал кровопускание, за что и получил про *sostro* козу. Этой киргизке повезло больше, чем предыдущим. Энергичному лекарю, который велел поведать ему историю ее болезни и благодаря чему узнал о кровопускании и *sostro*mu, сразу же взбрела в башку профессиональная зависть. Он тут же напористо выступил против кровопускания и напрасной жертвы козы.

«Кровопускание,— изрек он,— произвели совсем не вовремя, женщина нуждается в совершенно ином!».

Однако он этим и ограничился. Излив свою желчь, он снова взял в руки свою скрипку и начал привычную церемонию. Красавице пациентке пришлось теперь встать, но она не пошла, как другие, к доктору, а осталась стоять там, где стояла. Музицирующий эскулап некоторое время смотрел ей в лицо строгим взглядом (причем она страшно покраснела), потом он молча начал считать что-то на пальцах и смотрел на огонь, и велел женщине снова сесть. Немного поразмыслив, он опять начал ходить, женщине же велел снова встать, по-

вторил свои огневые, палочные, песенные и ворчливые церемонии, после чего сей мудрый муж уже точно знал, чем она страдает, хотя и находился, по крайней мере, на расстоянии 14 футов от нее. Супругу этой женщины, которым был один богатый хрыч, пришлось при этом понести убытки, так как врач утаил, понятно, причину болезни, чтобы заставить этого человека раскошелиться на богатые подарки. Я не знаю, как все это произошло, однако все на этот раз осталось так же, как было. В полночь вся компания разошлась. А на следующее утро между степным доктором и Тогысом произошла страшная ссора. Первый, который не имея передних зубов, в порыве бешенства представлял оригинальную фигуру, требовал платы за важное лечение, которому он подвергал два года тому назад ныне здравствующую супругу Тогыса. Тогда она целый год болела и была близка к смерти: пришлось пригласить этого целителя. Он пришел, чудак, пробыл два дня, и женщина стала здорова!!! Он требовал выдать ему разных вещей на сумму приблизительно 40 рублей. Тогыс соглашался только на половину, что и являлось причиной ссоры. Мой калмык покончил ее к обоюдному удовольствию...» (I. Siewers. Briefe aus Sibirien an seine Lehrer: der Könige großbritannischen Hapoteker Herr Brande, der Könige großbritannischen Botaniker Herr Erhart und der Bergkommissarius und Rathsapoteker Herr Westrumb. Spb., 1796, S. 211—215).

⁵ Автор утверждает, что путь от Семипалатинска к оз. Балхаш проходит мимо снежных гор и что киргизы называют это озеро Теплым морем, но он явно путает оз. Балхаш с оз. Иссык-Куль, расположенном южнее, что объясняется низким уровнем географических знаний того времени.

⁶ Семипалатинск до 1764 г. был в составе Сибирской губернии, в 1764—1782 — Тобольской. С учреждением в 1782 г. Колыванского наместничества Семипалатинск, возведенный в ранг уездного города, был в его составе до 1797 г., а затем снова был по упразднению в 1796 г. наместничества причислен к Тобольской губернии. В 1804 г. в ранге крепости вошел в Томскую губернию, в которой был до 1822 г. С 1822 г. окружной город Омской области в составе Томской губернии. Ныне г. Семипалатинск является центром Семипалатинской области Казахстана.

О. Вилков,
В. Завалишин

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие (О. Вилков, В. Завалишин)	3
<i>К. Ф. Ледебур</i>	
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО АЛТАЙСКИМ ГОРАМ И ПРЕДГОРЬЯМ АЛТАЯ.....	14
Введение	—
<i>Глава первая</i>	
Путешествие из Дерпта в Барнаул. Прибытие в Барнаул и пребывание там.....	20
<i>Глава вторая</i>	
Поездка из Барнаула в Змеиногорск. Экскурсии на Колыванскую шлифовальную фабрику и Ревенную сопку.....	26
<i>Глава третья</i>	
Поездка из Змеиногорска на Риддерский рудник. Пребывание там	35
<i>Глава четвертая</i>	
Поездка из Риддерска в Усть-Каменогорск, в село Красноярское и возвращение в Риддерск	47
<i>Глава пятая</i>	
Пребывание в Риддерске. Экскурсии по окрестностям	54
<i>Глава шестая</i>	
Первое путешествие в высокие горы: через Коксунские белки, к истоку Чарыша, к горным селениям Чечулихе, Абаю, Уймону и возвращение в Риддерск.....	61
<i>Глава седьмая</i>	
Экскурсии по окрестностям Риддерска. Вторая поездка в высокие горы — через Коксунские белки, в селения Чечулиху и Коргон и возвращение через Коргонское плато в Риддерск	95
<i>Глава восьмая</i>	
Поездка из Риддерска через Усть-Каменогорск вверх по Иртышу к Зыряновскому руднику, оттуда к деревне Фыкалке и возвращение через Зыряновск и Усть-Каменогорск в Риддерск.....	114
<i>Глава девятая</i>	
Возвращение из Риддерска в Змеиногорск. Экскурсия к Колыванскому озеру. Возвращение через Локтевский завод в Барнаул.....	133
<i>Глава десятая</i>	
Общие замечания о флоре Алтайских гор и прилегающих к ним степей.....	137
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Описание Барнаула. Заметки о Колывано-Воскресенском горнозаводском деле.....	144
<i>Глава двенадцатая</i>	
Возвращение из Барнаула в Дерпт	155
<i>Александр Бунге</i>	
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ АЛТАЙСКИХ ГОР. Дневник путешествия по восточной части Алтайских гор летом 1826 года.....	157
	413

Глава первая

Отъезд из Барнаула. Прибытие в Змеиногорск и пребывание там. Поездка к д. Чечулихе на р. Чарыш	157
--	-----

Глава вторая

Пребывание в Чечулихе	163
-----------------------------	-----

Глава третья

Первая поездка к Чуе, возвращение в Уймон	171
---	-----

Глава четвертая

Пребывание в Уймоне. Вторая поездка на Чую и к Телецкому озеру. Возвращение в Змеиногорск	197
---	-----

Карл Антонович Мейер

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДЖУНГАРСКОЙ КИРГИЗСКОЙ СТЕПИ. Дневник путешествия по Киргизской степи к Нор-Зайсану и Алтын-Тюбе в 1826 году	218
---	-----

Глава первая

Путешествие из Барнаула в Змеиногорск. Пребывание там. Путешествие из Змеиногорска через Усть-Каменогорск в Бухтарминск	—
---	---

Глава вторая

Поездка из Бухтарминска к Нор-Зайсану. Экскурсии по окрестностям. Возвращение в Бухтарминск	234
---	-----

Глава третья

Возвращение в Бухтарминск. Экскурсии по окрестностям	263
--	-----

Глава четвертая

Путешествие из Бухтарминска в Усть-Каменогорск. Осмотр руин Аблакита. Поездка в Семипалатинск и пребывание в нем	271
--	-----

Глава пятая

Поездка по Киргизской степи в Кар-Каралы	285
--	-----

Глава шестая

Путешествие в Алтын-Тюбе к месторождению диоптаза и возвращение в Кар-Каралы. Заметки о селении Кар-Каралы. Заметки о киргизах	307
--	-----

Глава седьмая

Возвращение в Семипалатинск. Статистические сведения о Семипалатинском округе. Возвращение в Барнаул	330
--	-----

Приложения	346
------------------	-----

Комментарии и примечания (О. Вилков, В. Завалишин)	390
--	-----

Научное издание

Ледебур Карл Фридрих
Бунге Александр Андреевич
Мейер Карл Антонович

**Путешествие
по Алтайским горам
и джунгарской
Киргизской степи**

Редактор *Ю. П. Бубенков*
Художник *Н. А. Пискун*
Технический редактор *Г. Я. Герасимчук*
Корректор *Г. И. Шведкина*

ИБ № 42658

Сдано в набор 12.08.91. Подписано к печати 20.01.93. Формат 70×108 1/16. Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Офсетная печать. Усл. печ. л. 36,4. Усл. кр.-отт. 36,4. Уч.-изд. л. 45. Тираж 800 экз. Заказ № 935. С031.

Ордена Трудового Красного Знамени ВО «Наука». Сибирская издательская фирма.
630099 Новосибирск, ул. Советская, 18.
Новосибирская типография № 4 ВО «Наука».
630077 Новосибирск, ул. Станиславского, 25.

**СИБИРСКАЯ ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ФИРМА
ВО «НАУКА»**

готовит к выпуску в 1993 г. книгу

М. И. Рижский. Книга Экклесиаста: Из истории библейского текста

Вошедшая в канон Библии Книга Экклесиаста — явление уникальное. Написанная в глубокой древности анонимным автором, она, как заметил сто лет тому назад Ренан, «так глубоко модерна». В самом деле, насколько современно звучит: «Время собирать камни...», «Возвращается ветер на круги своя...», «Суета сует и томление духа...». Это подлинно философское сочинение о смысле жизни, его автора тот же Ренан называет «древним Шопенгауэром», а современный философ патер Шаббль — «экзистенциалистом древности». М. И. Рижский представляет новый оригинальный перевод с древнееврейского библейского текста Книги Экклесиаста, дает подробный историко-филологический комментарий к нему, а также обсуждает проблемы авторства и датировки текста.

Книга адресована широкому кругу читателей.

Заказать книгу можно в магазинах «Академкнига» (630076 Новосибирск, Красный проспект, 51) и «Наука» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22).

